

**Материалы
по Археологии,
Истории
и Этнографии
Таврии**

Выпуск XXV

**Materials
in Archaeology,
History
and Ethnography
of Tauria**

Volume XXV

**Симферополь
Simferopol
2020**

УДК 94(477.75)082
ББК 63.3(2Рос.Кры)я43
М 34

**Научная подготовка журнала осуществляется
Научно-исследовательским центром истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского**

Рекомендовано к изданию Научно-техническим советом
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
(Протокол № 4 от 30.11.2020 г.)

Редакция:

Айбабин А. И., ответственный редактор
Власова С. И., ответственный секретарь

М 34 Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.
Вып. XXV. — Симферополь: Соло-Рич, 2020. — 788 с.

Издание профинансировано Благотворительным фондом «Деметра»

ISSN 2413-189X

© Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского, 2020
© Центр археологических исследований
БФ «Деметра», 2020
© Авторы, текст, 2020

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ ТАВРИИ

Научный журнал
Основан в 1990 году
Выходит один раз в год
Сайт журнала: <http://maiet.cfuv.ru>

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского».

Редакция: 295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, 4, НИЦ истории и археологии Крыма.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-61809 от 18.05.2015 г.).

Журнал включен в базы данных: Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index), European Reference Index for the Humanities (ERIH) и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (список научных журналов ВАК Минобрнауки РФ) по специальности 07.00.00 — исторические науки и археология.

Редакционная коллегия:

Айбабин А.И., главный редактор, д.и.н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Герцен А.Г., к.и.н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Дайм Ф., д.и.н., Центральный Римско-германский музей (Майнц, Германия)

Зинько В.Н., д.и.н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Иштванович Э., к.и.н., Музей им. Андраша Йожо (Ньиредьхаза, Венгрия)

Казанский М., д.и.н., Центр истории и цивилизации Византии Коллеж де Франс (Париж, Франция)

Кузнецов В.Д., д.и.н., Институт археологии РАН (Москва, Россия)

Кульчар В., к.и.н., Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Майко В.В., д.и.н., Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия)

Сидоренко В.А., к.и.н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Степаненко В.П., д.и.н., Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия)

Тункина И.В., д.и.н., Архив Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

Хайрединова Э.А., к.и.н., Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия)

Храпунов И.Н., д.и.н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Цукерман К., д.и.н., Центр истории и цивилизации Византии Коллеж де Франс, Практическая школа высших исследований в Париже (Париж, Франция)

MATERIALS IN ARCHAEOLOGY, HISTORY AND ETHNOGRAPHY OF TAURIA

Academic Periodical

Publishes from 1990

One volume a year

English version of Website: <http://maiet.cfuv.ru/en/>

Founder: V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Editorial Office: V. I. Vernadsky Crimean Federal University, History and Archaeology of the Crimea Research Centre, 4 Akademika Vernadskogo Ave, Simferopol, Republic of the Crimea, 295007.

The journal is included into Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index), European Reference Index for the Humanities (ERIH), Russian Science Citation Index.

Editorial Board:

Aibabin Aleksandr, DSc, Professor, Director of the History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

Daim Falko, Dr. hab., Director of the Romano-Germanic Central Museum (Mainz, Germany)

Gertsen Aleksandr, CSc, Dean of the Historic Faculty at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

Istvánovits Eszter, Dr, Academic Secretary of the Jóna András Múzeum (Nyíregyháza, Hungary)

Kazanski Michel, DSc., Directeur de Recherche, Centre national de la recherche scientifique (CNRS), UMR-8167 «Orient et Méditerranée» (Paris, France)

Khairedinova Elzara, CSc, Head of the Mediaeval Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia)

Khrapunov Igor, DSc, Professor at the Ancient and Mediaeval History Department at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

Kulcsár Valéria, Dr, Associate Professor at the University of Szeged (Szeged, Hungary)

Kuznetsov Vladimir, DSc, Head of the Classical Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Maiko Vadim, DSc, Director of the Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia)

Sidorenko Valery, CSc, Deputy Director of the History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

Stepanenko Valery, DSc, Professor at the Ancient and Mediaeval History Department at the Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia).

Tunkina Irina, DSc, leading researcher, Director of the Saint Petersburg Branch of the Russian Academy of Sciences Archive (Saint Petersburg, Russia).

Zin'ko Viktor, DSc, Leading Researcher of the History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia).

Zuckerman Constantin, Dr. hab., Professor of Byzantine history at the Ecole pratique des hautes études / Université Paris Sciences et Lettres (EPHE / PSL), Deputy Director of the Centre d'histoire et civilisation de Byzance, Collège de France (Paris, France)

АРХЕОЛОГИЯ

ОРУЖИЕ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ В КРЫМУ И В АЛЬФЁЛЬДЕ

Игорь Николаевич Храпунов¹, Эстер Иштванович², Валерия Кульчар³,
Анастасия Анзоровна Стоянова⁴

¹ Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия,
igorkhrapunov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3961-6297>

² Музей им. Андраша Йожы, Ньиредьхаза, Венгрия, istvanov@josamuseum.hu,
<https://orcid.org/0000-0002-8979-4622>

³ Университет Сегеда, Сегед, Венгрия, vkulcsar58@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0003-4351-9227>

⁴ Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия,
ancient2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8364-6135>

Аннотация. Продолжая серию статей, имеющих целью сравнительный анализ материальной культуры населения Крыма и Альфёльда, авторы обратились к предметам вооружения. Сходство в предметах вооружения, найденных в Крыму и в Альфёльде, проявляется в однотипности обнаруженных на обеих территориях мечей (с кольцевыми навершиями, без металлических наверший, с вырезами у пяты клинка). В Альфёльде можно обнаружить аналогии почти всем немногочисленным наконечникам копий, найденным в крымских погребениях. На территории Карпатского бассейна копьё несравненно чаще использовались в качестве погребального инвентаря, а их наконечники гораздо более разнообразны, чем в Крыму. Стрелы в Крыму в среднесарматское время опускались в могилы большими наборами, в позднесарматское время – отдельными экземплярами. В Карпатском бассейне стрелы в могилы клали очень редко. И в том, и в другом регионе в качестве оружия употреблялись специальные ножи, но морфологически крымские и альфёльдские экземпляры друг от друга отличаются. Щиты с металлическими умбонами населением Альфёльда использовались несравненно чаще, чем жителями крымских предгорий. Однотипные предметы вооружения не дают возможности судить о сепаратных связях населения обоих регионов. Они общесарматских типов и могли быть доставлены из восточноевропейских степей как в Крым, так и в Альфёльд, или изготовлены на месте по степным образцам.

Ключевые слова: Крым, Альфёльд, Венгрия, сарматы, оружие

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 19-59-23001 «Население горного Крыма и Венгерской низменности в римское время: миграции и контакты» и Венгерского бюро по исследованиям, развитию и инновации (NKFIH) в рамках проекта № 124944 «Онлайн публикация погребений римского времени и ранней эпохи переселения народов Барбарикума Карпатского бассейна».

THE WEAPONRY FROM THE SARMATIAN PERIOD IN THE CRIMEA AND ALFÖLD

Igor N. Khrapunov¹, Eszter Istvánovits², Valéria Kulcsár³, Anastasia A. Stoianova⁴

¹ V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia, igorkhrapunov@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3961-6297>

² Jósza András Museum, Nyíregyháza, Hungary, istvanov@josamuzeum.hu,
<https://orcid.org/0000-0002-8979-4622>

³ University of Szeged, Szeged, Hungary, vkulcsar58@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4351-9227>

⁴ Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia,
ancient2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8364-6135>

Abstract. Continuing the series of articles aimed at the making of comparative analysis of the material culture of the populations of the Crimea and Alföld, the authors have addressed the weaponry. The similarity of weapons uncovered in the Crimea and Alföld appears in the same type of swords discovered in both countries (with ring pommels, with no pommel, and with cuts at the beginning of the blade). In Alföld, there are parallels to almost all of the few spear-tips discovered in the Crimean graves. In the Carpathian basin, spears were used as grave goods much more often than in the Crimea, and their tips were much more varied. In the Crimea in the Middle Sarmatian period, they put into graves large sets of arrows, though in the Late Sarmatian period only isolated pieces. In the Carpathian basin, arrows appeared in graves in a very few cases only. In both regions, among the weapons there were specific knives, but the morphology of the Crimean and Alföldian specimens differ. The residents of Alföld used shields with bosses much wider than the population of the Crimean sub-mountainous area. Pieces of weaponry of the same type do not allow the conclusions of separate contacts between the populations of both countries. These artefacts belong to common Sarmatian types; they could be delivered from eastern European steppes both to the Crimea and Alföld, or locally made according to the samples taken from the steppe.

Key words: Crimea, Alföld, Hungary, Sarmatians, weaponry

Acknowledgments: The work was carried out within the framework of project No. 19-59-23001 supported by Russian Foundation for Basic Research and the framework of project No. 124944 supported by Hungarian Bureau for research, development and innovation.

Продолжая серию статей, имеющих целью сравнительный анализ материальной культуры населения Крыма и Альфёльда [33], мы решили обратиться к предметам вооружения. Понятно, что без оружия не мог обойтись ни один древний народ, в том числе и сарматы. Археологические исследования принесли значительное количество предметов вооружения в обоих регионах. Поэтому материал для сравнения имеется.

Крым

В Крыму предметы вооружения представлены мечами, наконечниками копий и стрел, боевыми ножами, топорами и металлическими деталями щитов.

Мечи

Мечи с кольцевым навершием (рис. 1,1). Мечи и кинжалы с кольцевым навершием и прямым перекрестием появились в регионе Поволжья – Приуралья в раннесарматское

время. В среднесарматский период они становятся господствующим типом оружия на всех территориях, заселенных сарматами. В позднесарматское время мечи с кольцевым навершием встречаются гораздо реже, но полностью не исчезают [27, с. 5–12; 25, с. 62, 63, 120–124]. Сводка этого типа оружия, которая теперь может быть дополнена новыми находками, учитывает 500 экземпляров из 300 мест [48]. В степной зоне Северного Причерноморья и примыкающей лесостепи А. В. Симоненко насчитал 74 экземпляра [24, с. 32]. Находки такого оружия не редкость и в Крыму. Только в Усть-Альминском могильнике найдено несколько десятков целых и фрагментированных экземпляров [23, с. 129–131; 29, с. 116; 31, с. 228, 234]. Как и в сарматских степях, мечи помещали в деревянные ножны, покрытые красной кожей, иногда к ножнам крепили металлические украшения, некоторые из ножен имели характерные для сарматских изделий лопасти.

Положение меча вплотную к правому бедру, отмеченное в некоторых крымских могилах, полностью соответствует сарматской традиции, зафиксированной археологическими [27, с. 13] и иконографическими [26, с. 486, 488, 498, 500, 514, 521] источниками. Мечи крепились к бедру с помощью ремней таким образом, чтобы конец меча располагался выше коленного сустава.

Мечи и кинжалы без металлического навершия (рис. 1,2). Единичные экземпляры кинжалов с металлическим перекрестием обнаружены в Усть-Альминском [23, с. 132], Заветнинском [4, с. 294] и Нейзацком [30, с. 535] могильниках. Наиболее ранние из них в Крыму датируются I в. н. э., наиболее поздние – III в. Они относятся к типу 1 сарматских мечей и кинжалов без металлического навершия по классификации А. М. Хазанова. Такие предметы вооружения в Поволжье и на более восточных территориях имеют очень давнюю историю. В позднесарматское время они были распространены наряду с мечами без металлического перекрестия, но встречаются гораздо реже [27, с. 17, 20, 21].

Мечи и кинжалы без металлического перекрестия, найденные практически во всех крымских могильниках римского времени, относятся к типам 2 и 3 по классификации А. М. Хазанова (рис. 1,3–5). Из-за плохой сохранности их не всегда возможно различить. Они представляют собой самый распространенный в позднесарматское время тип оружия [27, с. 17]. В Крыму первые единичные мечи без металлического навершия и перекрестия появились приблизительно на рубеже эр. Их количество значительно возрастает, начиная со II в. н. э. [23, с. 131, 132]. А. В. Симоненко справедливо обратил внимание на преобладание в крымских погребениях второй половины III – IV вв. мечей типа 3 по А. М. Хазанову, с клинком, переходящим в черенок под прямым углом. Он полагает, что мечи типа 3, найденные в Крыму, появились в результате симбиоза сарматских и германских¹ традиций [24, с. 58]. Такое построение представляется излишне усложненным. Мечи типа 3 хорошо известны на сарматских территориях [27, с. 17; 2, с. 171]. Все разновидности мечей из крымских могильников римского времени сарматские, следовательно, согласно принципу бритвы Оккама, длинные мечи без металлического навершия тоже сарматские

¹ Дословно: «...оружие из готских памятников пшеворской и вельбаркской культур», но это какое-то недоразумение: пшеворская культура не была оставлена готами, а в вельбаркских могилах нет оружия.

по происхождению. Все они обладают основными признаками сарматских мечей этого времени: широким (5–6 см) клинком, относительно коротким черенком, отсутствием навершия [2, с. 181].

Мечи лежали, как правило, вдоль погребённого, иногда справа, иногда слева. Их опускали в могилы, вероятно, не надетыми на погребённых – рукояти расположены обычно на уровне черепов. Иногда мечи находились в могиле вместе с портупей, как об этом позволяют догадываться лежавшие под ними пряжки. В других случаях пряжки отсутствовали.

Мечи с вырезами у пяты клинка (рис. 1,б). Мечи относятся по классификации А. М. Хазанова к типу 5 сарматских мечей и кинжалов [27, с. 17]. Мечи с вырезами сконцентрированы, в основном, в Крыму и на Северном Кавказе, в памятниках IV–V вв., а на Кавказе и в более поздних, вплоть до VII в. Единично встречаются в Нижнем Приднепровье, в Карпатском бассейне, во Франции и в других регионах. Почти во всех случаях, когда они найдены *in situ*, и в Крыму, и на Кавказе, мечи с вырезами лежали на плечах или головах погребённых. Высказаны различные мнения о назначении этого оружия. Для нас сейчас важно отметить, что мечи типа Хазанов 5 в Крыму являются самым распространенным типом вооружения для конца позднеримского времени и начала эпохи переселения народов [обзоры см.: 51; 30, с. 538–545; 19, с. 174, 179, рис. 2–4].

Наконечники копий

В крымских могильниках римского времени найдены листовидные (рис. 2,1), ланцетовидные (рис. 2,2), лавролистные (рис. 2,3) наконечники копий, а также без выделенного пера, четырехгранные или округлые в разрезе наконечники [28, с. 44, рис. 142,8; 30, с. 545–547; 3, с. 254–256; 22, с. 119–123; 1, с. 93, 116, табл. VI,4; 16, с. 129–135; 23, с. 132–134]. Таких находок сделано немного. Для примера, в могильнике Нейзац обнаружено 43 меча и 8 наконечников копий. Малое количество копий в погребениях соответствует выводу А. М. Хазанова о том, что сарматы редко использовали копья как погребальный инвентарь [27, с. 44, 45]. В отличие, кстати сказать, от своих соседей, германских племён и населения Абхазии, в чьих погребениях наконечники копий находят очень часто. В то же время, наблюдение А. В. Симоненко о том, что сарматы обычно клали в могилы сломанные копья [50, S. 208], подтверждение в крымских материалах не находит. Там, где наконечники были найдены *in situ*, они показывают, что копья, вероятно, были положены вдоль стены могилы так, что наконечник находился на уровне плеча или головы погребённого. Судя по размерам могил, копья были короткими, их длина не превышала 1,2–1,6 м. Положение копий скорее соответствует позднескифской традиции [50, S. 213].

Наконечники стрел

На протяжении всего римского времени в Крыму использовались стрелы с железными трехлопастными черешковыми наконечниками (рис. 2,4). Их форма немного варьирует за счет угла между нижними краями лопастей и черенком, выступов,

которые иногда имеются на концах лопастей и т. п.² Стрелы хранили в деревянных, окрашенных красной краской колчанах.

В колчаные наборы среднесарматского времени, обнаруженные в Крыму, довольно часто входило несколько десятков, иногда более сотни стрел [23, с. 137]. Колчаны с таким количеством стрел встречаются в степных сарматских погребениях очень редко [27, с. 37–40; 24, с. 98–101]. В позднесарматское время большие наборы стрел исчезают, остаются лишь единичные экземпляры. Так, в могильнике Нейзац наконечники стрел найдены в четырех погребальных сооружениях из 600, по одному-два экземпляра в могиле. Следует еще отметить, что наконечники стрел из погребений позднеримского времени имеют не треугольную, как в предшествующее время, а ромбовидную головку, что особенно характерно для гуннской эпохи (рис. 2,5). Они соответствуют типу IA классификации И. П. Засецкой гуннских наконечников стрел [10, с. 71; 11, с. 37]. Ромбовидные наконечники стрел встречаются иногда и в сарматских степных погребениях [7, с. 49]. Таким образом, становится очевидным, что стрелы с ромбовидными наконечниками распространились на юге Восточной Европы еще до появления там гуннов.

Боевые ножи

Этот вид оружия выделен по материалам могильника Нейзац (рис. 2,6). Все ножи, названные боевыми, однолезвийные, длиной 17–20 см. Судя по положению в могиле, их носили подвешенными к поясу, на большинстве из них сохранились остатки дерева, по всей вероятности, от ножен [30, с. 545].

Топоры

Боевые топоры в Крыму, как и в сарматских степях, находка редкая [45, с. 456–458; 3, с. 256, 257; 28, с. 51–52; 30, с. 548, 549; 22, с. 123; 16, с. 136–138]. Все они имеют прямой верхний край и серповидное лезвие. Они небольших размеров, менее 20 см в длину. Вполне вероятно, служили метательным оружием.

Распространена точка зрения, в соответствии с которой найденные в Крыму и вообще все северопричерноморские топоры германского происхождения [15, с. 121; 45, р. 458]. Однако по крымским материалам выделяется два типа топоров: с выделенным обухом (рис. 3,1) и без выделенного обуха (рис. 3,2). Первые из них, а это почти все крымские находки, не имеют аналогий в германских культурах, в том числе и в ближайшей к Крыму черняховской [47, р. 337; 20, с. 308], но близки находкам из Абхазии [5, с. 27]. Кроме того, первые такие топоры появились в Крыму задолго до прихода на полуостров германцев [6, с. 88, рис. 28,10]. Поэтому предпочтительной представляется гипотеза об их местном, причерноморском генезисе.

Топоры из могилы № 4 могильника Нейзац [30, с. 548, 549] и из могилы № 85 могильника Дружное [28, с. 51], не имеющие выделенного обуха, относятся к одному типу почти со всеми топорами черняховской культуры. По классификации Г. Ки-ферлинга они могут быть отнесены к западной серии группы 5. Топоры этой серии

² Довольно регулярно в могилах римского времени встречаются скифские бронзовые втульчатые наконечники стрел. Они использовались в качестве украшений, возможно, амулетов.

римского времени и начала эпохи переселения народов обнаружены на территории, помимо черняховской, вельбарской, пшеворской культур, на Эльбе, в юго-западной Германии, в Чехии [46, S. 343, Abb. 7]. Именно эти экземпляры свидетельствуют о северо-западных связях населения крымских предгорий IV в.

Металлические детали щитов

Умбоны и рукояти щитов представляют собой редчайшую находку на заселенных варварами территориях в Крыму. Все они, по единогласному мнению исследователей, оказались в Крыму в результате взаимодействий местного населения с германцами. Два умбона (рис. 3,3,4), а также железная рукоять щита (рис. 3,5) найдены в могильнике Нейзац [30, с. 549–551], два умбона (от одного из них сохранились фрагменты) и рукоять – в могильнике Чатыр-Даг [22, с. 123], умбон – на месте заброшенного позднескифского Южно-Донузлавского городища в северо-западном Крыму [49, S. 326], умбон – на месте грабительских раскопок в центральной части крымских предгорий [12]. Любопытно, что щиты, остатки которых найдены в могильнике Нейзац, попали в Крым задолго до того, как, судя по письменным источникам, на полуострове появились первые германцы. Один из нейзацких умбонов сделан из бронзы, что не характерно для варваров, возможно, он римского производства. Стоит также отметить, что крымские умбоны имеют аналогии не на территории черняховской, а на территории пшеворской и расположенных еще западнее культур.

В Крыму лишь немногих погребённых опускали в могилы вооруженными. Количество погребений с оружием заметно увеличилось в IV в. (главным образом за счет мечей типа Хазанов 5), но и тогда их было немного. Можно сказать, что оружие в могиле – это один из редких показателей высокого социального статуса погребенного.

Чаще всего из предметов вооружения в качестве погребального инвентаря использовались мечи. Возможно, и в реальной жизни мечи являлись наиболее распространённым оружием, но нельзя исключить, что их частое положение в могилы объясняется исключительно религиозными нормами или погребальной практикой.

Типы оружия и его состав почти полностью соответствуют находкам, сделанным при раскопках погребений среднесарматской и позднесарматской археологической культуры во всём её ареале. Исключение составляют топоры, которые кочевыми сарматами практически не использовались. Вероятно, их можно рассматривать как вклад в культуру населения предгорного Крыма позднеримского времени местных, причерноморских земледельческих племён. Единичные топоры, возможно, попадали в Крым из ареала германских племён или были сделаны на месте по германским образцам. Несомненно, в результате сармато-германских взаимодействий в могилах изредка оказывались металлические детали щитов. Относительно бронзового умбона из могильника Нейзац такой уверенности нет, возможно, он римского происхождения.

Римские предметы вооружения очень редко попадали к крымским варварам, причем их детали иногда использовались не по назначению, вероятно, в качестве амулетов [21; 17; 8].

Альфёльд

В Альфёльде предметы вооружения представлены мечами, наконечниками копий и стрел, боевыми ножами и металлическими деталями щитов.

Мечи

Первые сарматы, появившиеся на территории Альфёльда в I в. н. э., оружие в качестве погребального инвентаря не использовали. Наиболее ранние мечи, найденные на Венгерской низменности, имели кольцевые навершия. Обнаружено шесть мечей этого типа (рис. 4,1) [48, р. 96]. Они датируются в пределах рубежа I / II – IV вв. [48, р. 99]. Последняя дата аномальна для степного сарматского мира и для Крыма. Так долго мечи с кольцевым навершием более нигде не использовались.

Наибольшее количество обнаруженных в Альфёльде мечей, как правило, длинные, без металлического навершия (рис. 4,2). Среди них есть римские, есть и сарматские типов 2 и 3 по А. М. Хазанову [53, р. 378–382]. Некоторые из них, как степные сарматские, имеют стеклянные, каменные или металлические навершия (рис. 4,3). Длинные сарматские мечи появляются вместе со всадническим комплексом вещей в конце II в. н. э. из глубин сарматских территорий, в частности, судя по аналогиям, из Нижнего Подонья. Предполагается, что этот комплекс принесли с собой сарматы, участвовавшие в Маркоманских войнах [40; 44].

В Карпатском бассейне найдено восемь мечей с вырезами у пяты клинка типа Хазанов 5 (рис. 4,4). В имеющем датировку контексте обнаружены только два из них. Они относятся к концу IV – V вв. В могильнике Чонград / Csongrád меч лежал у левой бедренной кости, в остальных случаях мечи найдены вне погребений или обстоятельства находки не ясны. Положение меча типа Хазанов 5 у бедра является редчайшим исключением из правила [32, с. 140], в соответствии с которым, как уже говорилось, в их основном ареале мечи с вырезами у пяты клинка клали на головы или плечи погребенных. Высказано предположение о том, что в Карпатский бассейн обсуждаемые мечи принесли аланы Алатея и Сафрака. В Румынии, Венгрии и Франции мечи этого типа во многих случаях найдены в жертвенных контекстах [13].

Наконечники копий

Сарматы, жившие в Альфёльде, в качестве погребального инвентаря широко использовали копья. Их наконечники формально, в принятых терминах можно описать как листовидные, ланцетовидные и лавролистные, понимая, что имеется много вариантов этих форм (рис. 4,5–13) [39]. Использование копий как погребального инвентаря, как уже говорилось, в целом, не характерно для сарматов ни в степном их ареале, ни в Крыму. Формирование новой традиции, возможно, следует рассматривать в контексте взаимодействия сарматов в западной части их ареала с германцами, для которых положение копий в могилы, как раз, очень характерно. Причем речь должна идти о заимствовании именно погребальной традиции, т. к. применение сарматами копий в военных действиях, благодаря наличию письменных и изобразительных источников, сомнений не вызывает.

Наконечники стрел

Характерные для среднесарматской и позднесарматской культур железные трехлопастные черешковые наконечники стрел сарматы, жившие в Альфельде, в качестве погребального инвентаря использовали редко. Их находят в могильниках Чонграда (Кендерфельдек / Kenderföldek и ул. Вербёци / Werbőczy u.), датирующихся IV–V вв. (рис. 5,1). Встречаются экземпляры с треугольными и ромбовидными головками (рис. 5,2) [39, Fig. 2,5–13]. В могильнике Эндрёд-Суйокерест / Endrőd-Szujókereszt обнаружен втульчатый железный наконечник (рис. 5,3). Стрелу с таким наконечником можно было использовать только с помощью так называемого гуннского лука, имевшего значительные размеры и усиленного костяными накладками. Погребение в Эндрёд датируется II в. н. э. В это время гуннские луки попадали в Европу в мизерных количествах, один из них достался сарматскому воину, жившему на территории нынешней Венгрии [43, p. 143].

Сарматы часто находили бронзовые втульчатые наконечники стрел скифского типа (рис. 5,4). Как правило, их превращали в амулеты, опуская в детские и женские погребения, в качестве исключения они попадают и в мужских погребениях [14], иногда, возможно, их использовали по прямому назначению [43, p. 145]. Примеры вторичного использования скифских наконечников стрел в иных культурах, в том числе и в Крыму, многочисленны [9, с. 149; 28, с. 46; 23, с. 136].

Изучение изображений сарматов, в частности на колонне Траяна, позволяет предположить, что они пришли в Карпатский бассейн, используя небольшие луки скифского типа и стрелы с маленькими металлическими наконечниками [43, p. 148].

Боевые ножи

В могилах №№ 29, 30, 54, 56, 58 могильника Мещёсеме, Кишмари-фенек / Mezőszemere, Kismari-fenek сохранились однолезвийные ножи в деревянных ножнах [54, S. 263–266, Abb. 5,16; 6,5; 9,9; 11,8]. Вероятно, их А. Вадаи определила латинским термином *pugio* (кинжал) [54, S. 255, Abb. 2]. Однако отнесение этих находок к предметам вооружения дискуссионно, так как длина предметов, на которые ссылается А. Вадаи, варьирует в пределах 10–19 см [36, p. 10, 11, 30, 33, 34], что не выделяет их из круга обычных ножей.

В некоторых могилах второй половины IV – середины V вв. находят по два ножа. Один из них длинный (19–30 см) и широкий [55, p. 45, 47–48]. В пользу «боевого» характера этих предметов говорит то, что обычно их находят в воинских погребениях [55, p. 54].

Металлические детали щитов

Во многих погребениях сарматского времени в Венгрии найдены железные умбоны щитов (рис. 5, 5–8). Они делятся на две хронологические группы: конца II – начала III вв. и конца IV – начала V вв. Умбоны найдены и в погребениях с кремациями, и в погребениях с ингумациями, в тех, которые связывают с германцами, и в тех, что приписывают сарматам [37]. Очевидно, что беспрецедентное для сарматских территорий количество щитов с металлическими деталями объясняется близ-

ким соседством с германцами. Использовались, конечно, и собственно сарматские щиты, но они не имели металлических деталей (умбона, рукоятки и пр.) [37, р. 70].

Оружие сарматского времени, обнаруженное на территории Альфёльда, можно разделить на три группы: сарматское, римское и германское [38, р. 405]. Даже в тех могилах, которые определяются как сарматские, иногда заметно германское влияние. Вероятно, это обстоятельство во многом определило своеобразие комплекса вооружения альфёльдских сарматов. Конечно, наличие германских предметов вооружения в могиле не обязательно маркирует погребения этнических германцев. Напомним, что в Крыму оружие пшеворского типа появилось задолго до проникновения на полуостров германцев, о котором можно судить по письменным источникам.

Сходство в предметах вооружения, найденных в Крыму и в Альфёльде, проявляется в однотипности обнаруженных на обеих территориях мечей (с кольцевыми навершиями, без металлических наверший, с вырезами у пяты клинка). В Альфёльде нет очень редких и в Крыму мечей без металлических наверший, но с металлическими перекрестиями. В Восточной Венгрии можно обнаружить аналогии почти всем немногочисленным наконечникам копий, найденным в крымских погребениях, исключая только наконечники, не имеющие выделенного пера. На территории Карпатского бассейна копьё несравненно чаще использовались в качестве погребального инвентаря, а их наконечники гораздо более разнообразны, чем в Крыму. Стрелы в Крыму в среднесарматское время опускались в могилы большими наборами, в позднесарматское время – отдельными экземплярами. В Карпатском бассейне стрелы в могилы клали очень редко, но наконечники «гуннского» типа однотипны крымским, как и, в целом, сарматским. И в том, и в другом регионе в качестве оружия употреблялись специальные ножи, но морфологически крымские и альфёльдские экземпляры друг от друга отличаются. Боевые ножи применялись иногда в позднесарматское время степными сарматами, но они иных типов, как правило, биметаллические [18]. Щиты с металлическими умбонами населением Альфёльда использовались несравненно чаще, чем жителями крымских предгорий. Тем не менее, стоит отметить морфологическое тождество отдельных, германских по происхождению, экземпляров, обнаруженных в двух удаленных друг от друга регионах [42, р. 150]. Удивляет отсутствие на территории Карпатского бассейна находок боевых топоров, типичного для германцев оружия, отдельные экземпляры которого есть даже в Крыму.

Однотипные предметы вооружения не дают возможности судить о сепаратных связях населения обоих регионов. Они общесарматских типов и могли быть доставлены из восточноевропейских степей как в Крым, так и в Альфёльд, или изготовлены на месте по степным образцам.

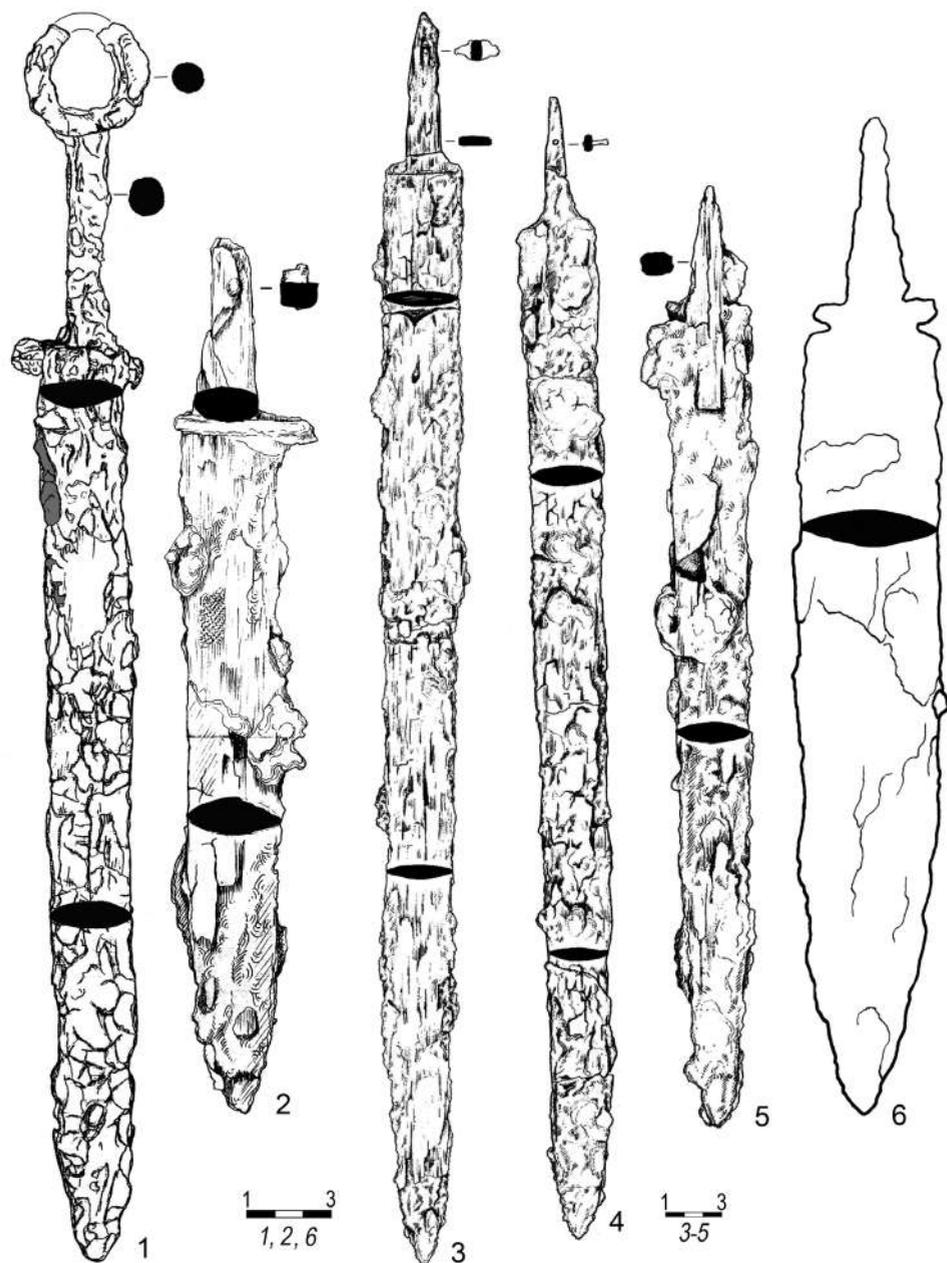

Рис. 1. Мечи. 1 – могильник Опушки, могила № 226; 2 – могильник Нейзац, могила № 306; 3–5 – могильник Нейзац, могила № 275; 6 – могильник Нейзац, могила № 9

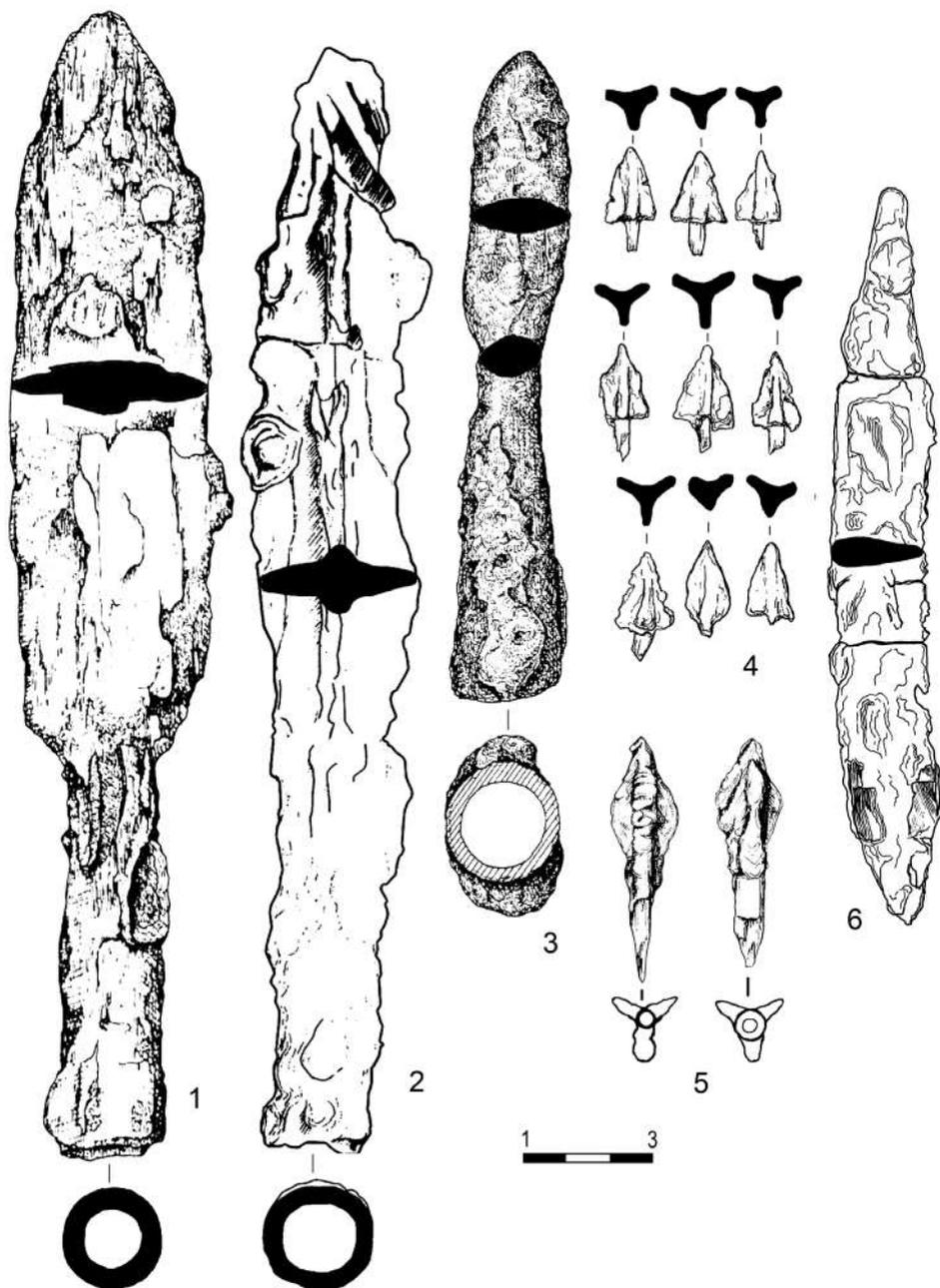

Рис. 2. 1–3 – наконечники копий; 4, 5 – наконечники стрел; 6 – боевой нож.

1 – могильник Нейзац, могила № 60; 2 – могильник Нейзац, могила № 146; 3 – могильник Дружное, могила № 59; 4 – могильник Опушки, могила № 226; 5 – могильник Нейзац, могила № 285; 6 – могильник Нейзац, могила № 146

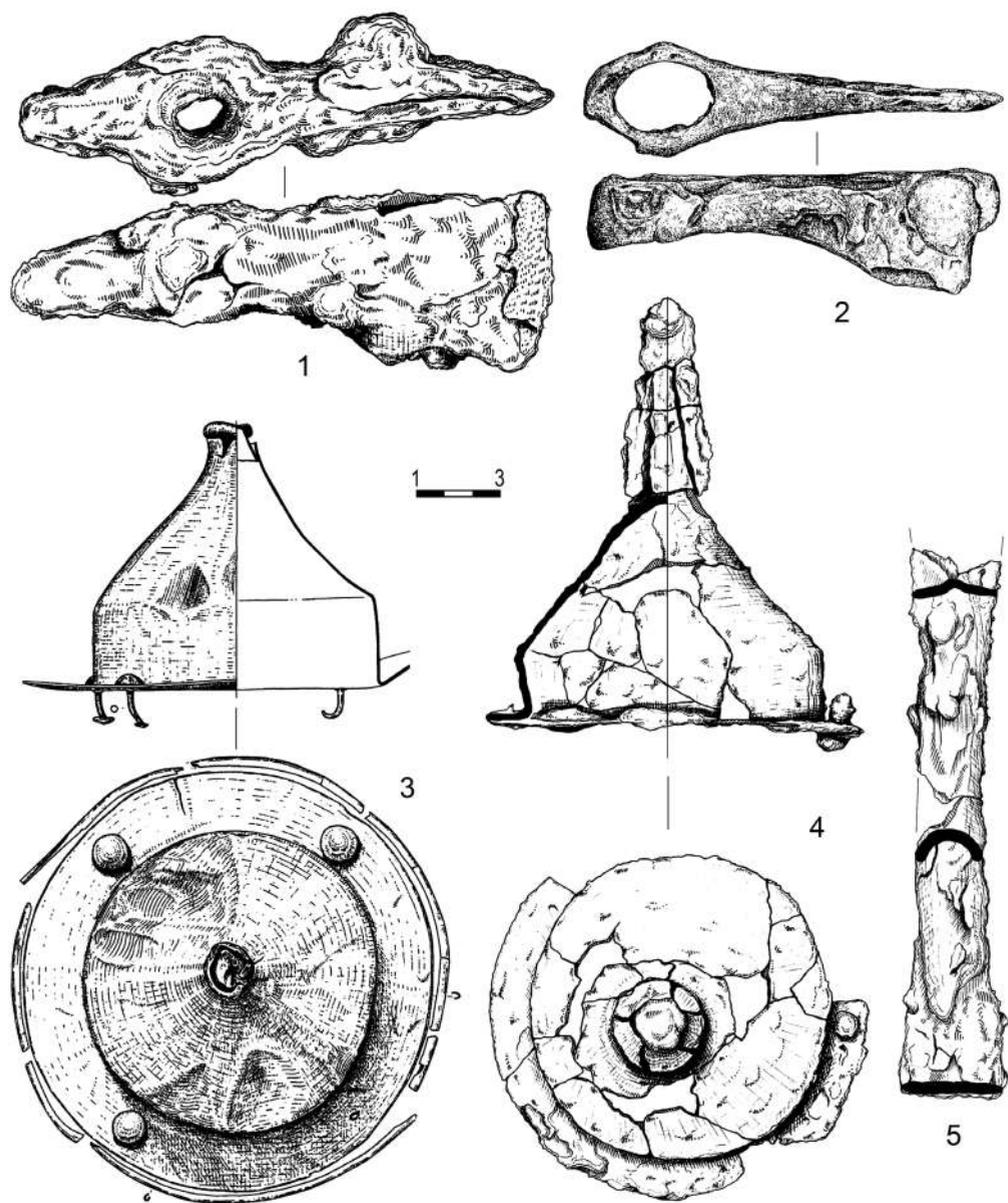

Рис. 3. 1, 2 – топоры; 3, 4 – умбоны щитов; 5 – рукоять щита.

1 – могильник Нейзац, могила № 275; 2 – могильник Дружное, могила № 85; 3 – могильник Нейзац, могила № 152; 4, 5 – могильник Нейзац, могила № 306

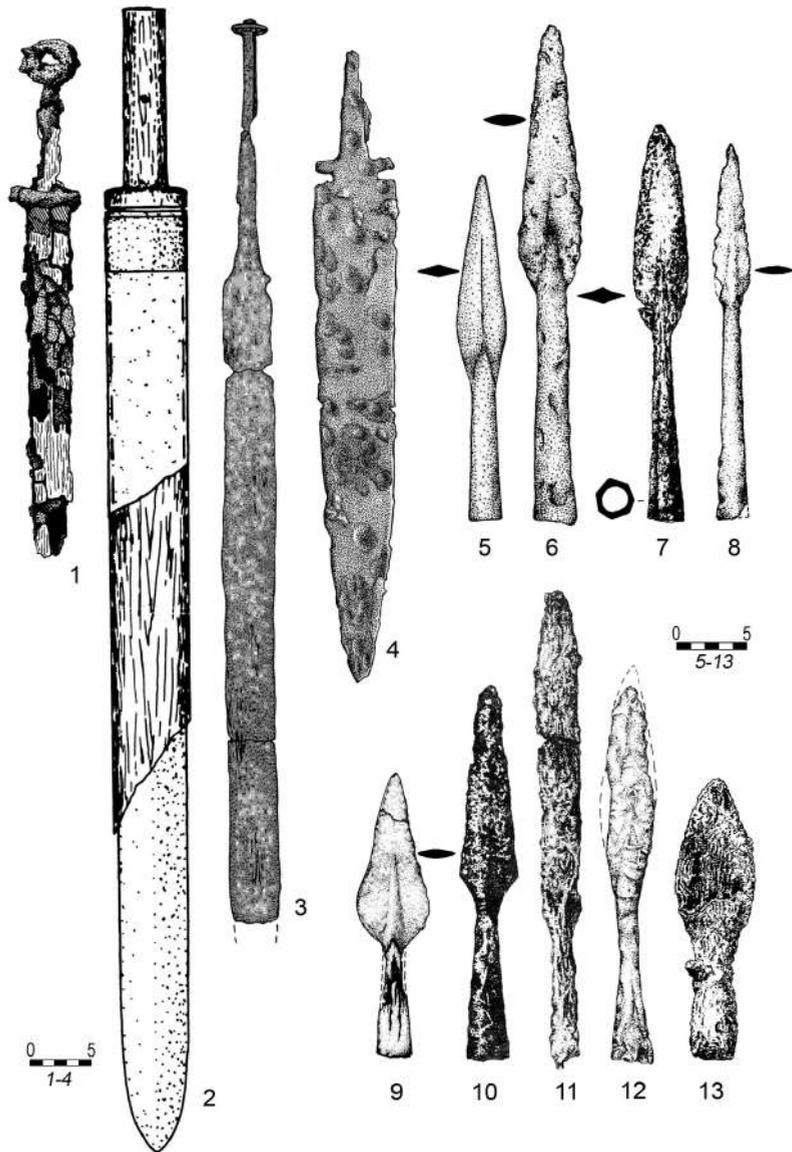

Рис. 4. Типы мечей и копий сармат Алфёльда: 1 – Уйсилваш-Гойаяраш / Újszilvás-Gólyajárás [по: 52, fig. 2]; 2 – Хевиздёрк / Hévizgyörk [по: 35, fig. 16,9B]; 3 – Тёрёксентмиклош-Шурьян / Törökszentmiklós-Surján [по: 53, Abb. 7,6]; 4 – Кишкунфеледхеза-Кёваго-эр / Kiskunfélegyháza-Kővágó-ér [по: 34, fig. 2,3]; 5 – Кунсентмартон / Kunszentmárton; 6 – Чонград-Бержени у. / Csongrád-Berzsenyi u., погр. 4; 7 – Чонград-Кендерфёльдек / Csongrád-Kenderfőldek, погр. 137; 8 – Мишкольц-Сирма, Фашкерт / Miskolc-Szirma, Fáskert; 9 – Тисавалк-Кендерфёльдек / Tiszavalk-Kenderfőldek, погр. 17; 10 – Чонград-Кендерфёльдек, погр. 13; 11 – Чонград-Кендерфёльдек, подземный материал; 12 – Чонград-Бержени у., погр. 3; 13 – Хортобадь-Порошхат / Hortobágy-Poroshát, погр. VI/26

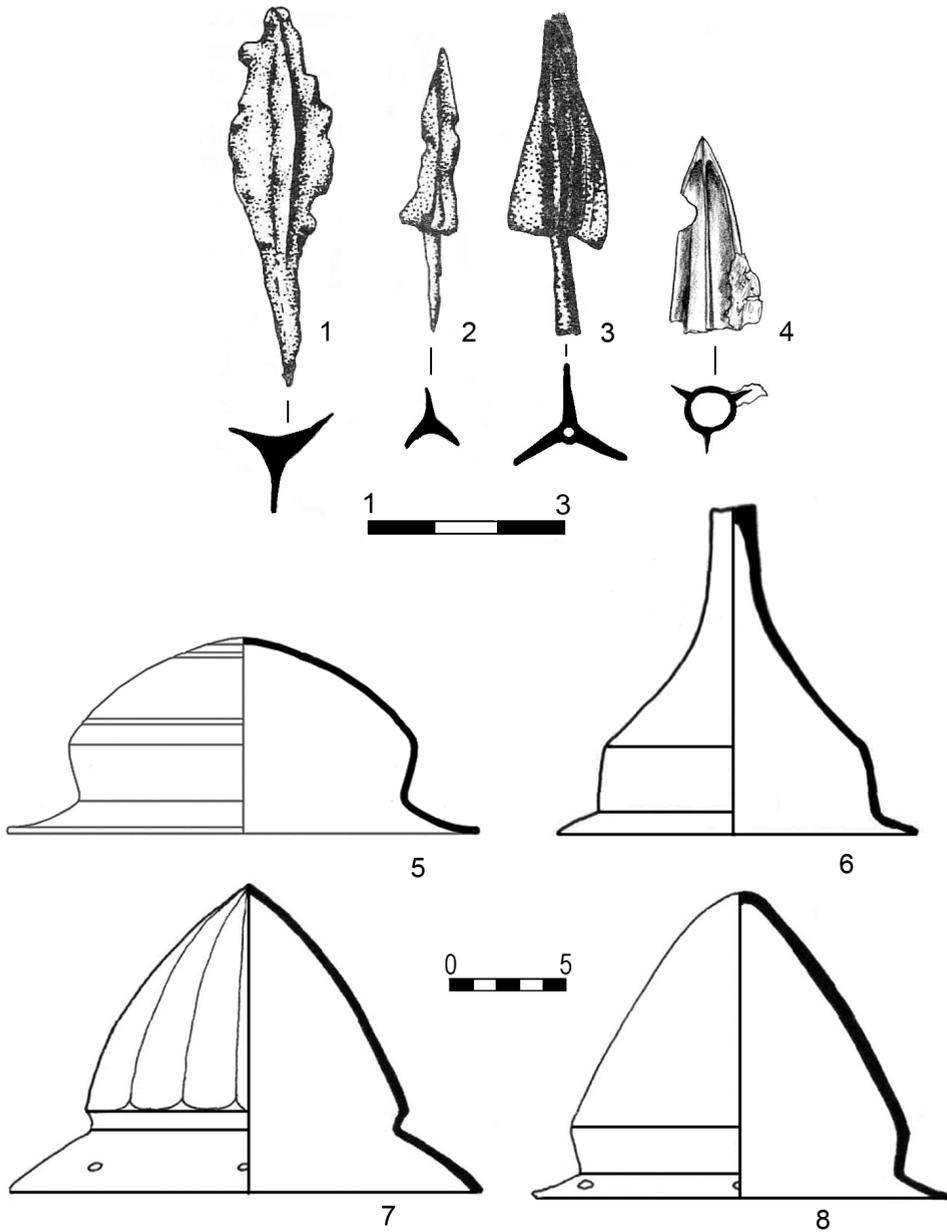

Рис. 5. Наконечники стрел и умбоны щитов сармат Алфёльда: 1 – Чонград-Кендерфёльдк / Csongrád-Kenderföldék, погр. 4; 2 – Мадараш-Халмок / Madaras-Halmok, погр. 144; 3 – Эндрёд-Суйокерест / Endrőd-Szujókereszt, погр. 133; 4 – Ньиредьхаза, Дьебраш-дюлѐ / Nyíregyháza, Gyebrás-dűlő, погр. 280; 5 – Гестерд / Geszteréd (рисунок Э. Иштванович); 6 – Хортобадь-Порошхат / Hortobágy-Poroshát, погр. II/10; 7 – Тисадоб-Сигет / Tiszadob-Sziget, погр. 34; 8 – Чонград-Бержени у. / Csongrád-Berzsényi u., погр. 4

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабенчиков В.П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. Т. XIII. С. 90–122.
2. Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону / Ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону, 2000. С. 169–193.
3. Вознесенская Г.А., Левада М.Е. Кузнечные изделия из могильника Чатырдаг: попытка типологического анализа и технология производства // Сто лет черняховской культуры / Ред. М.Е. Левада. Киев, 1999. С. 252–276.
4. Волошинов А.А., Масыкин В.В. Погребения с оружием из некрополя римского времени у с. Заветное в юго-западном Крыму (раскопки 2005–2006 гг.) // Древняя Таврика / Ред. Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007. С. 291–302.
5. Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VII веков / Ред. А.К. Амброз, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 121–165.
6. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. 206 с.
7. Гущина И.И., Мошкова М.Г. Курганы у с. Харьковка в Заволжье (раскопки Б.Н. Гракова и П.С. Рыкова в 1925, 1926 гг.) // Проблемы скифо-сарматской археологии / Ред. А.И. Мелюкова. М.: Изд-во Ин-та археологии АН СССР, 1990. С. 26–47.
8. Дорошко В.В., Свиридов А.Н., Языков С.В. Римский кинжал в ножнах из раскопок поселения Фронтное IV (предварительная информация) // XXI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте. Симферополь, Керчь, 2020. С. 327–333.
9. Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Подвязные фибулы в варварских погребениях Северного Причерноморья позднеллинистического периода // РА. 2003. № 2. С. 135–154.
10. Засецкая И.П. Классификация наконечников стрел гуннской эпохи (конец IV – V вв. н. э.) // История и культура сарматов / Ред. А.С. Скрипкин. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1983. С. 70–83.
11. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). СПб., 1994. 222 с.
12. Захаров В.А., Лобанов В.И., Шаров О.В. Германское погребение в восточном Крыму. Реставрация и предварительная атрибуция находок // Боспорские исследования. 2018. Вып. XXXVII. С. 225–245.
13. Иштванович Э., Кульчар В. Мечи / кинжалы с боковыми вырезами в Карпатском бассейне // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 143–151.
14. Иштванович Э., Кульчар В. Мужественные женщины или женственные мужчины? Находки оружия в сарматских женских погребениях Алфёльда // Archaeology and Ancient History of Ukraine, 2020 (в печати).
15. Каргапольцев С.Ю., Бажан И.А. Умбоны щитов и боевые топоры римского времени (к вопросу о хронологии и исторической интерпретации) // Петербургский археологический вестник. 1992. Вып. 2. С. 113–126.
16. Контны Б., Савеля Д.Ю. Вооружение из могильника в Килен-Балке // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 129–160.
17. Костромичев Д.А., Масыкин В.В. Бутероль ножен меча типа «Помпеи» из юго-западного Крыма // Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху / Ред. Е.В. Смынгына. Киев, 2013. С. 184–207.
18. Кривошеев М.В., Скрипкин А.С. Боевые ножи из комплексов позднесарматского времени // Stratum plus. 2019. № 4. С. 147–154.

19. Левада М.Е. О влиянии аланских военных традиций на восточногерманские народы // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). I / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь, Бахчисарай, 2013. С. 171–187.
20. Магомедов Б.В., Левада М.Е. Оружие черняховской культуры // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 304–323.
21. Масыкин В.В. Деталь римского шлема из Усть-Альминского некрополя // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гушиной. М., 2012. С. 167–171. (Труды ГИМ. Вып. 191).
22. Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В. Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб.: Нестор–История, 2006. 208 с.
23. Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
24. Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.: Нестор–История, 2010. 328 с.
25. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1990. 298 с.
26. Трейстер М.Ю. Оружие сарматского типа на Боспоре в I–II вв. н. э. // Древности Боспора. 2010. Вып. 14. С. 484–561.
27. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 169 с.
28. Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skladowskiej, 2002. 313 с.
29. Храпунов И.Н. Погребение воина 2 в. н. э. из могильника Опушки // Древняя Таврика / Ред. Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007. С. 115–124.
30. Храпунов И.Н. Оружие из могильника Нейзац // Terra Barbarica / Red. A. Urbaniak et al. Lodz, Warszawa, 2010. С. 535–555.
31. Храпунов И.Н. Погребения II в. н. э. из могильника Нейзац // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. Вып. 1(47). С. 216–240.
32. Храпунов И.Н. Склеп с вещами в догуннском полихромном стиле из могильника Опушки // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). III / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь, 2018. С. 137–169.
33. Храпунов И.Н., Иштванович Э., Кульчар В., Стоянова А.А. Конская сбруя сарматского времени в Крыму и в Альфельде // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 12–34.
34. Balogh Cs., Székely Gy. 5. századi alán tör Kiskunfélégyháza–Kővágó-érről // Cumania. 2018. 28. P. 59–72.
35. Dinnyés I. A hévízgyörki szarmata sírok // Studia Comitatus. 1991. 22. P. 145–183.
36. Domboróczki L., Vaday A. Mezőszemere, Kismari-fenék. Spätkaiser-frühvölkerwanderungs zeitliches Gräberfeldsdetail // Agraria. Az egri Dobó István Vármúzeum Évkönyve. 2001. XXXVII. S. 5–206.
37. Istvánovits E., Kulcsár V. Pajzsos temetkezések a Dunától keletre eső Kárpát-medencei Barbaricumban // A nyíregyházi Jósa András Múzeum Évkönyve. 1992(1987–1989). XXX–XXXII. P. 47–96.
38. Istvánovits E., Kulcsár V. Roman and Germanic elements in the armament of the barrow-graves of the 2nd–3rd centuries A.D. in the Great Hungarian Plain // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim. Lublin, Marburg, 1994. P. 405–416.
39. Istvánovits E., Kulcsár V. Szálfegyverek és íjak a Dunától keletre fekvő kárpát-medencei szarmata Barbaricumban // Altum Castrum. 1995. IV. P. 9–32.
40. Istvánovits E., Kulcsár V. Some traces of Sarmatian–Germanic contacts in the Great Hungarian Plain // Kontakt – Kooperation – Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim. Neumünster: Wachholtz Verlag, 2003. P. 227–238.
41. Istvánovits E., Kulcsár V. Sarmatian swords with ring-shaped pommels in the Carpathian Basin // Journal of Roman Military Equipment Studies. 2008. Vol. 16. P. 95–105.

42. Istvánovits E., Kulcsár V. Sarmatians or Germans: Influence or Ethnic Presence? Old Problem – New Hypotheses // *Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea* / Eds. I. Khrapunov, F.-A. Stylegar. Kristiansand, Simferopol: Dolya Publishing House, 2013. P. 146–153.
43. Istvánovits E., Kulcsár V. Sarmatian Archery in the Carpathian Basin – Revisited // *Honoratissimum assensus genus est armis laudare. Studia dedykowane Profesorowi Piotrowi Kaczanowskiemu z okazji siedmdziesiątej rocznicy urodzin* / Red. R. Madyda-Legutko, J. Rodzińska-Nowak. Kraków: Towarzystwo Wydawnicze „Historia Iagiellonica”, 2014. P. 143–149.
44. Istvánovits E., Kulcsár V., Carnap-Bornheim C. The Barbarian Warrior Burial from Tiszalök-Rázompuszta in the 3rd Century History of the Upper Tisza Region // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. 2006. 36. P. 91–110.
45. Kazanski M. Les éperons, les umbo, les manipules deboucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion // *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten* / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim. Lublin, Marburg, 1994. S. 429–484.
46. Kieferling G. Bemerkungen zu Äxten der römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum // *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten* / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim. Lublin, Marburg, 1994. S. 335–356.
47. Kokowski A. L'art militaire des Goths à l'époque romaine tardive (d'après les données archéologiques) // *L'armée romaine et les barbares du IIIe à VIIe siècle* / Eds. F. Vallet, M. Kazanski. Condé-sur-Noireau, 1993. S. 335–354. (Mémoires de l'Association française d'archéologie mérovingienne. 5).
48. Sadowski S. Miecz z grobu 8 cmientarzyska Zvenihorod – “Hoeva Hora” na Ukraine. Przyczynek do badań nad rozprzestrzenieniem się mieczy z pierścieniowatym zakończeniem rękojeści // *Sarmaci i germanie* / Red. A. Kokowski. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2004. S. 265–288.
49. Ščukin M. A propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains à l'époque romaine (d'après l'armement et spécialement les umbo de boucliers et les lances) // *L'armée romaine et les barbares du IIIe à VIIe siècle* / Eds. F. Vallet, M. Kazanski. Condé-sur-Noireau, 1993. S. 323–333. (Mémoires de l'Association française d'archéologie mérovingienne. 5).
50. Simonenko A. Bewaffnung und Kriegswesen der Sarmaten und späten Skythen im nördlichen Schwerzmeerg Gebiet // *Eurasia Antiqua*. 2001. Bd. 7. S. 187–327.
51. Soupault V. A propos de l'origine et de la diffusion des poignards et épées à encoches (IVe–VIIe s.) // *МАИЭТ*. 1996. Вып. V. С. 60–76.
52. Tari E. Korai szarmata sír Újszilváson // *A kökortól a középkorig. Tanulmányok Trogmayer Ottó tiszteletére*. Szeged: Szerk. Lőrinczy Gábor, 1994. P. 259–264.
53. Vaday A. Sarmatisches Gräberfeld in Törökszentmiklos-Surján-Ujtelep // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1985. 37. P. 345–390.
54. Vaday A. Militia intermis, militia armata. Bemerkungen zur Frage des Limes Sarmatiae // *Slovenská Archeológia*. 2001. XLIX. P. 249–276.
55. Vörös G. Fegyveres sírok az Alföldön a IV. század második fele és az V. század közepe között // *A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve*. 1988 (1989). 1. P. 41–58.

REFERENCES

1. Babenchikov V.P. Chornorichens'kii mogil'nik. *Arkheologichni pam'iatki* URSR, Kiev, 1963, T. XIII, pp. 90–122.
2. Bezuglov S.I. Pozdnesarmatskie mechi (po materialam Podon'ia). Guguev Iu.K. (ed.), *Sarmaty i ikh sosedi na Donu*, Rostov-na-Donu, 2000, pp. 169–193.
3. Voznesenskaia G.A., Levada M.E. Kuznechnye izdeliia iz mogil'nika Chatyrdag: popytka tipologicheskogo analiza i tekhnologiiia proizvodstva. Levada M.E. (Ed.), *Sto let cherniakhovskoi kul'tury*, Kiev, 1999, pp. 252–276.

4. Voloshinov A.A., Masiakin V.V. Pogrebeniia s oruzhiem iz nekropolia rimskogo vremeni u s. Zavetnoe v iugo-zapadnom Krymu (raskopki 2005–2006 gg.). Zaitsev Iu.P., Mordvintseva V.I. (Eds.), *Drevniaia Tavrika*, Simferopol, Universum Publ., 2007, pp. 291–302.
5. Voronov Iu.N., Shenkao N.K. Vooruzhenie voinov Abkhazii IV–VII vv. Ambroz A.K., Erdeli I.F. (Eds.), *Drevnosti epokhi Velikogo pereseleniia narodov V–VII vekov*, Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 121–165.
6. Vysotskaia T.N. *Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol'*. Kiev, Kievskaiia Akademiia Evrobiznesa Publ., 1994, 206 p.
7. Gushchina I.I., Moshkova M.G. Kurgany u s. Khar'kovka v Zavolzhe (raskopki B.N. Grakova i P.S. Rykova v 1925, 1926 gg.). Meliukova A.I. (Ed.), *Problemy skifo-sarmatskoi arkheologii*, Moscow, Institut arkheologii AN SSSR Publ., 1990, pp. 26–47.
8. Doroshko V.V., Sviridov A.N., Iazikov S. . Rimskii kinzhal v nozhnakh iz raskopok poseleniia Frontovoe IV (predvaritel'naia informatsiia). *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "XXI Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Ob"ekty iskusstva v arkheologicheskoi kontekste"*, Simferopol, Kerch, 2020, pp. 327–333.
9. Zaitsev Iu.P., Mordvintseva V.I. Podviaznye fibuly v varvarkikh pogrebeniiax Severnogo Prichernomor'ia pozdneellinisticheskogo perioda. *Rossiiskaia arkheologiia*, 2003, No. 2, pp. 135–154.
10. Zasetskaia I.P. Klassifikatsiia nakonechnikov strel gunnskoi epokhi (konets IV – V vv. n. e.). Skripkin A.S. (Ed.), *Istoriia i kul'tura sarmatov*, Saratov, Saratovskiy universitet Publ., 1983, pp. 70–83.
11. Zasetskaia I.P. *Kul'tura kochevnikov iuzhnorusskikh stepei v gunnskuu epokhu (konets IV – V vv.)*. St-Petersburg, 1994, 222 p.
12. Zakharov V.A., Lobanov V.I., Sharov O.V. Germanskoe pogrebenie v vostochnom Krymu. Restavratsiia i predvaritel'naia atributsiia nakhodok. *Bosporskie issledovaniia*, 2018, Vol. XXXVII, pp. 225–245.
13. Ishtvanovich E., Kul'char V. Mechi / kinzhaly s bokovymi vyrezami v Karpat'skom basseine. *Gunny, goty i sarmaty mezhdru Volgoi i Dunaem*, St-Petersburg, Fakultet filologii i iskusstv SpbGU Publ., 2009, pp. 143–151.
14. Ishtvanovich E., Kul'char V. Muzhestvennye zhenshchiny ili zhenstvennye muzhchiny? Nakhodka oruzhiia v sarmatskikh zhenskikh pogrebeniiax Alfel'da. *Archaeology and Ancient History of Ukraine*, 2020 (in print).
15. Kargapol'tsev S.Iu., Bazhan I.A. Umbony shchitov i boevye topory rimskogo vremeni (k voprosu o khronologii i istoricheskoi interpretatsii). *Peterburgskii arkheologicheskii vestnik*, 1992, Vol. 2, pp. 113–126.
16. Kontny B., Savelia D.Iu. Vooruzhenie iz mogil'nika v Kilen-Balke. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2006, Vol. XII, pp. 129–160.
17. Kostromichev D.A., Masiakin V.V. Buterol' nozhen mecha tipa «Pompei» iz iugo-zapadnogo Kryma. Smyntyna E.V. (Ed.), *Varvarkii mir severopontiiskikh zemel' v sarmatskuu epokhu*, Kiev, 2013, pp. 184–207.
18. Krivosheev M.V., Skripkin A.S. Boevye nozhi iz kompleksov pozdnesarmatskogo vremeni. *Stratum plus*, 2019, No. 4, pp. 147–154.
19. Levada M.E. O vliianii alanskikh voennykh traditsii na vostochnogermanskii narody. Khrapunov I.N. (Ed.), *Krym v sarmatskuu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.)*. Vol. I, Simferopol, Bakhchisarai, 2013, pp. 171–187.
20. Magomedov B.V., Levada M.E. Oruzhie cherniakhovskoi kul'tury. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 1996, Vol. V, pp. 304–323.
21. Masiakin V.V. Detal' rimskogo shlema iz Ust'-Al'minskogo nekropolia. *Evraziia v skifo-sarmatskoe vremia. Pamiati Iriny Ivanovny Gushchinoi*, Moscow, 2012, pp. 167–171.
22. Myts V.L., Lysenko A.V., Shchukin M.B., Sharov O.V. *Chatyr-Dag – nekropol' rimskoi epokhi v Krymu*. St-Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2006, 208 p.
23. Puzdrovskii A.E. *Krymskaia Skifiia II v. do n. e. – III v. n. e. Pogrebal'nye pamiatniki*. Simferopol, Biznes-Info Publ., 2007, 480 p.

24. Simonenko A.V. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ia*. St-Petersburg, Nestor–Istoriia Publ., 2010, 328 p.
25. Skripkin A.S. *Aziatskaia Sarmatiia*. Saratov, Saratovskii universitet Publ., 1990, 298 p.
26. Treister M.Iu. Oruzhie sarmatskogo tipa na Bospore v I–II vv. n. e. *Drevnosti Bospora*, Moscow, 2010, Vol. 14, pp. 484–561.
27. Khazanov A.M. *Ocherki voennogo dela sarmatov*. Moscow, Nauka Publ., 1971, 169 p.
28. Khrapunov I.N. *Mogil'nik Druznoe (III–IV vv. nashei ery)*. Lublin, Universitet Marii Curie-Skladowskiej Publ., 2002, 313 p.
29. Khrapunov I.N. Pogrebenie voina 2 v. n. e. iz mogil'nika Opushki. Zaitsev Iu.P., Mordvintseva V.I. (Eds.), *Drevniaia Tavrika*, Simferopol, Universum Publ., 2007, pp. 115–124.
30. Khrapunov I.N. Oruzhie iz mogil'nika Neizats. Urbaniak A. et al. (Eds.), *Terra Barbarica*, Lodz, Warszawa, 2010, pp. 535–555.
31. Khrapunov I.N. Pogrebeniia II v. n. e. iz mogil'nika Neizats. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2015, Vol. 1(47), pp. 216–240.
32. Khrapunov I.N. Sklep s veshchami v dogunnskom polikhromnom stile iz mogil'nika Opushki. Khrapunov I.N. (Ed.), *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.)*. Vol. III, Simferopol, 2018, pp. 137–169.
33. Khrapunov I.N., Ishtvanovich E., Kul'char V., Stoianova A.A. Konskaia sbruaia sarmatskogo vremeni v Krymu i v Al'fel'de. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2019, Vol. XXIV, pp. 12–34.
34. Balogh Cs., Székely Gy. Fifth Century Alan Dagger from Kiskunfélegyháza – Kővágó-ér. *Cumania*, 2018, 28, pp. 59–72.
35. Dinnyés I. Sarmatian graves from Hévízgyörk. *Studia Comitatus*, 1991, 22, pp. 145–183.
36. Domboróczki L., Vaday A. Mezőszemere, Kismari-fenék. Spätkaiser-frühvölkerwanderungs zeitliches Gräberfeldsdetail. *Agria. Az egri Dobó István Vármúzeum Évkönyve*, 2001, XXXVII, pp. 5–206.
37. Istvánovits E., Kulcsár V. Schild-Bestattungen im östlich der Donagelegenen Barbaricum des Karpatenbeckens. *A nyíregyházi Jósa András Múzeum Évkönyve*, 1992, XXX–XXXII, pp. 47–96.
38. Istvánovits E., Kulcsár V. Roman and Germanic elements in the armament of the barrow-graves of the 2nd–3rd centuries A.D. in the Great Hungarian Plain. Carnap-Bornheim C. (Hrsg.), *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten*, Lublin, Marburg, 1994, pp. 405–416.
39. Istvánovits E., Kulcsár V. Stichwaffen und Bögen östlich der Donau gelegenen sarmatisches Barbaricum des Karpatenbeckens. *Altum Castrum*, 1995, IV, pp. 9–32.
40. Istvánovits E., Kulcsár V. Some traces of Sarmatian–Germanic contacts in the Great Hungarian Plain. Carnap-Bornheim C. (Hrsg.), *Kontakt – Kooperation – Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus*, Neumünster, Wachholtz Verlag, 2003, pp. 227–238.
41. Istvánovits E., Kulcsár V. Sarmatian swords with ring-shaped pommels in the Carpathian Basin. *Journal of Roman Military Equipment Studies*, 2008, Vol. 16, pp. 95–105.
42. Istvánovits E., Kulcsár V. Sarmatians or Germans: Influence or Ethnic Presence? Old Problem – New Hypotheses. Khrapunov I., Stylegar F.-A. (Eds.), *Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea*, Kristiansand, Simferopol, Dolya Publ., 2013, pp. 146–153.
43. Istvánovits E., Kulcsár V. Sarmatian Archery in the Carpathian Basin – Revisited. Madyda-Legutko R., Rodzińska-Nowak J. (Eds.), *Honoratissimum assensus genus est armis laudare. Studia dedykowane Profesorowi Piotrowi Kaczanowskiemu z okazji siedmdziesiątej rocznicy urodzin*, Kraków, Towarzystwo Wydawnicze „Historia Iagiellonica”, 2014, pp. 143–149.
44. Istvánovits E., Kulcsár V., Carnap-Bornheim C. The Barbarian Warrior Burial from Tiszalök-Rázompuszta in the 3rd Century History of the Upper Tisza Region. *Archäologisches Korrespondenzblatt*, 2006, 36, pp. 91–110.
45. Kazanski M. Les éperons, les umbo, les manipules deboucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion. Carnap-Bornheim C. (Hrsg.), *Beiträge zu römischer und*

- barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten*, Lublin, Marburg, 1994, pp. 429–484.
46. Kieferling G. Bemerkungen zu Äxten der römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Carnap-Bornheim C. (Hrsg.), *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten*, Lublin, Marburg, 1994, pp. 335–356.
 47. Kokowski A. L'art militaire des Goths à l'époque romaine tardive (d'après les données archéologiques). Vallet F., Kazanski M. (Eds.), *L'armée romaine et les barbares du IIIe à VIIe siècle*, Condé-sur-Noireau, 1993, pp. 335–354.
 48. Sadowski S. Miecz z grobu 8 cmientarzyska Zvenihorod – “Hoeva Hora” na Ukraine. Przyczynek do badań nad rozprzestrzenieniem się mieczy z pierścieniowatym zakończeniem rękojeści. Kokowski A. (Ed.), *Sarmaci i germanie*, Lublin, Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej Publ., 2004, pp. 265–288.
 49. Šćukin M. A propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains à l'époque romaine (d'après l'armement et spécialement les umbo de boucliers et les lances). Vallet F., Kazanski M. (Eds.), *L'armée romaine et les barbares du IIIe à VIIe siècle*, Condé-sur-Noireau, 1993, pp. 323–333.
 50. Simonenko A. Bewaffnung und Kriegswesen der Sarmaten und späten Skythen im nördlichen Schwermzeergbiet. *Eurasia Antiqua*, 2001, Bd. 7, pp. 187–327.
 51. Soupault V. A propos de l'origine et de la diffusion des poignards et épées à encoches (IVe–VIIe s.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 1996, Vol. V, pp. 60–76.
 52. Tari E. Early Sarmatian grave from Újszilvás. *A kőkortól a középkorig. Tanulmányok Trogmayer Ottó tiszteletére*, Szeged, 1994, pp. 259–264.
 53. Vaday A. Sarmatisches Gräberfeld in Törökszentmiklos-Surján-Ujtelep. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1985, 37, pp. 345–390.
 54. Vaday A. Militia intermis, militia armata. Bemerkungen zur Frage des Limes Sarmatiae. *Slovenská Archeológia*, 2001, XLIX, pp. 249–276.
 55. Vörös G. Begräbnisstätten mit Waffen auf der ungarischen Tiefebene von der zweiten Hälfte des 4. bis zur Mitte des 5. Jahrhunderts. *A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve*, 1988 (1989), No. 1, pp. 41–58.

Информация об авторах

Храпунов И. Н. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: A-7582-2019.

Иштванович Э. – кандидат исторических наук, археолог-музеевед Музея им. Андраша Ёожа, Researcher ID: ABA-5458-2020.

Кульчар В. – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии Университета Сегеда, Researcher ID: ABA-5451-2020.

Стоянова А. А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: ABA-4684-2020.

Information about the authors

Khrapunov I. N. – Doctor of Science (History), Professor at the Ancient and Mediaeval History Department at the Taurida Academy of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: A-7582-2019.

Istvánovits E. – PhD, Archaeologist-Museologist at the Jóna András Museum, Researcher ID: ABA-5458-2020.

Kulcsár V. – PhD, Associate Professor at the Department of Archaeology of the University of Szeged, Researcher ID: ABA-5451-2020.

Stoyanova A. – Candidate of Science (History), Senior Researcher at the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: ABA-4684-2020.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТНОГО СОСТАВА МЕТАЛЛИЧЕСКИХ УКРАШЕНИЙ ИЗ МОГИЛЬНИКА СОВХОЗ-10

Анна Витальевна Антипенко¹, Анастасия Юрьевна Лобода²

¹ Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия, an.antipenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8699-3132>

² НИЦ «Курчатовский институт», Москва, Россия, lobodaau@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4926-1140>

Аннотация. В статье рассматривается элементный анализ изделий из сплавов на медной основе, найденных в погребениях могильника Совхоз-10 («Севастопольский»). Целью исследования было определение основных категорий металла, применявшихся при изготовлении украшений и аксессуаров костюма. Изучение состава сплавов осуществлялось внутри типологических групп предметов, отдельно был выполнен анализ результатов с учетом места находки. По итогам проведенного исследования был сделан вывод о том, что для производства украшений чрезвычайно редко использовались чистые латуни, в основном применялись многокомпонентные цинковые сплавы. В литых изделиях конца II–III в. н. э. в качестве основного легирующего компонента использовался свинец.

Ключевые слова: могильник Совхоз-10, элементный анализ сплава, бусы, браслеты, подвески, колокольчики

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 18-39-00064 в части «исследования состава исторического металлического изделия» и тематического плана НИЦ «Курчатовский институт» в части «развитие методологии изучения объектов культурного наследия с применением естественно-научных методов». Авторы выражают благодарность главному хранителю и сотрудникам фондов музея-заповедника «Херсонес Таврический» за предоставленную возможность проведения исследования элементного состава коллекции могильника Совхоз-10.

THE STUDY OF THE ELEMENTAL COMPOSITION OF METAL JEWELRY FROM SOVKHOZ-10 CEMETERY

Anna V. Antipenko¹, Anastasia Yu. Loboda²

¹ V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia, an.antipenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8699-3132>

² National Research Centre “Kurchatov Institute”, Moscow, Russia, lobodaau@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4926-1140>

Abstract. This article addresses the elemental analysis of the artefacts of copper-based alloys uncovered from the graves of the cemetery of Sovkhoz-10 (Sovkhoz Sevastopol'skii). The research was aimed at the identification of the main categories of metals used in the making of the ornaments and costume details. The composition of alloys was determined by typological groups of artefacts;

the analysis of the research results was made separately, taking the find-spots into the account. The conclusion is that pure brasses were very rarely used in the production of the ornaments; in most cases, there appeared multicomponent zinc alloys. Cast artefacts dated from the late second and third century AD contained lead as the main alloying component.

Keywords: Sovkhoz-10 cemetery, metal alloy elemental analysis, beads, bracelets, pendants, small bells

Acknowledgments: The work was carried out within the framework of project No. 18-39-00064 supported by Russian Foundation for Basic Research in the part of “research of the composition of a historical metal product” and the syllabus of the NRC “Kurchatov Institute” in the part “development of the methodology for studying cultural heritage objects using natural scientific methods”. The authors are grateful to the chief curator and employees of the State Museum-Preserve “Tauric Chersonese” for the opportunity to study the elemental composition of the collection of the Sovkhoz-10 burial ground.

Могильник Совхоз-10 или «Севастопольский» расположен на правом берегу реки Черной на юго-восточной окраине поселка Сахарная Головка (сейчас поселок входит в территорию города федерального значения Севастополь). Раскопки могильника проводились с 1954 по 1966 гг. под руководством С. Ф. Стржелецкого, в 1967 г. археологическими исследованиями занимался Ю. А. Бабинов. Обобщающая монография была подготовлена коллективом автором спустя 35 лет после завершения работ на памятнике [13].

Могильник Совхоз-10 функционировал с конца I до начала V вв. н. э. По характеру погребального обряда некрополь принадлежит к числу биритуальных. Погребения на территории некрополя совершались в грунтовых и подбойных могилах, а также в могилах с заплечиками. В IV в. н. э. появляются склепы Т-образной конструкции, которые являются наиболее поздними погребальными сооружениями на некрополе. Кроме того, на территории могильника открыты каменные ящики с оссуариями и урнами, и урны, погребенные в поле. Умерших сжигали на стороне, следов погребального костра не зафиксировано. Каменные ящики с оссуариями датируются второй половиной III – IV в. н. э. Погребения в урнах относятся преимущественно к III в. н. э. [13, с. 27–40].

В погребениях могильника Совхоз-10 обнаружены разнообразные подвесные украшения и бусы, выполненные из металла. Они происходят, главным образом, из детских погребений, совершенных по обряду ингумации. Инвентарь, обнаруженный в урнах, очень скуден. В отношении металлических антропоморфных и зооморфных фигурок с петлей для подвешивания существует несколько точек зрения. В общих чертах, мнение исследователей можно свести к двум основным версиям. Согласно одной, подчеркивается декоративное назначение металлических фигурок и, соответственно, их использование в качестве украшений. В таком случае их называют подвесками [1, с. 24–25; 12, с. 122, 132–134]. Вторая версия опирается на предположение о их связи с ритуально-магическими практиками, и в названии этой категории вещевого инвентаря добавляется обозначение в качестве амулетов или апотропеев [6, с. 101; 16, с. 225; 2, с. 123–128].

Наиболее широко применяемая классификация металлических подвесных украшений разработана Е. М. Алексеевой. Исследователем отмечается, что увеличение числа мелкой пластики из цветного металла в погребениях могильников Юго-Западного Крыма, вероятнее всего, связано с возникновением в I в. н. э. в регионе собственного бронзолитейного производства, которое просуществовало до IV в. н. э. Основной ассортимент продукции составляли мелкие литые украшения, прототипами для которых могли служить более ранние импортные подвески из египетского фаянса, в частности, это касается подвесок-герм и подвесок-амфор [1, с. 21–26].

Анализу подвесок из металла посвящена работа А. А. Труфанова. Им были привлечены данные, полученные в ходе раскопок, проведенных после выхода в свет работы Е. М. Алексеевой, и пересмотрены датировки выделенных ею типов [16, с. 225–270]. А. А. Труфанов считает, что заимствованной можно считать лишь форму подвесок-герм, для амулетов в виде человечков, птиц, шишечек и амфор предполагается местное происхождение [16, с. 266]. Предположение о местном, крымском, производстве антропоморфных подвесок подтверждается территорией распространения этих изделий. Их чаще всего обнаруживают в погребениях женщин и детей на некрополях греческих городов [6, с. 101–102] и варварских могильников Крыма I–III вв. н. э. [2, с. 128; 14, с. 98; 12, с. 134]. Только отдельные немногочисленные находки таких изделий происходят из памятников за пределами Крыма [7, табл. 20,19; 3, табл. 33,316]. А. А. Стояновой были проанализированы подвески, найденные при раскопках могильника Нейзац. Работа посвящена введению в научный оборот материала, полученного в ходе планомерного исследования некрополя, с уточнением датировок могил, в которых эти вещи были обнаружены [12, с. 130–143].

Самыми массивными изделиями являются литые ажурные подвески, орнаментированные шишечками. Считается, что они изготовлены литьем по восковой модели с последующей доработкой поверхности. Л. А. Рыжовой было выделено 4 типа таких изделий на основании морфологических особенностей [8, с. 283]. А. А. Труфановым эта схема была принята в упрощенном виде и несколько скорректирована хронологически [16, с. 249–260]. Исследователи солидарны в том, что данные изделия бытуют с конца I по первую половину IV, но большая часть находок датируется II–III вв. н. э. [8, с. 284–285; 16, с. 251–252]. Морфологически и, вероятно, происхождением со сферическими подвесками связаны, так называемые, кольца и браслеты с шишечками. Различаются они преимущественно диаметром и количеством выступов на поверхности изделия. Отмечается, что отнесение их к браслетам и кольцам весьма условно, поскольку случаи обнаружения их на кистях рук или пальцах погребенных единичны. Территория распространения колец с шишечками и подвесок приблизительно одинакова. Находки этих изделий сконцентрированы в крымских могильниках римского времени, что свидетельствует о местном производстве этих вещей [5, с. 61, 70–71].

Металлические подвески-топорики проанализированы в работе А. А. Стояновой. Выделено три типа изделий. Для нас представляют интерес тип 1 (подвески в виде двулезвийного топора-секиры) и тип 2 (подвески в виде двулезвийного топора-кирки), которые были распространены с конца I в. до н. э. по первую половину II в. н. э. в памятниках Юго-Западного Крыма. Предполагается, что подвески изготавливались в Херсонесе, поскольку наибольшее число обнаруженных топориков происходят именно оттуда. Прототипами им могли служить орудия труда, применявшиеся в быту античных городов [10, с. 47–49].

Подвески-буллы получили широкое распространение по всему римскому миру в I – начале V в. и продолжили свое существование в эпоху раннего средневековья, в том числе у гото-аланского населения Юго-Западного Крыма [19, с. 114]. В первые века нашей эры подвески-буллы фиксируются в погребениях некрополя Херсонеса [6, рис. 74,12–15].

В исследуемый материал входили следующие типы подвесок:

1) Подвески-птички (3 экз., табл. 1,1–3). Подвеска в виде птицы со сложенными крыльями без лап из подбоя А могилы 3 [13, табл. 1,27] относится к варианту Б типа 21¹ [1, с. 25]. К варианту А типа 21 принадлежат подвески из подбоя Б могилы 42 [13, табл. 6,51] и из могилы 116 [13, табл. 16,82].

2) Подвески-амфорки (5 экз., табл. 1,4–8). Подвеска из подбоя Б могилы 42 в виде амфоры с двумя ручками, отделенными от тулова отверстиями [13, табл. 6,54], принадлежит к варианту И типа 23. Две подвески из могилы 114 [13, табл. 16,39] относятся к варианту М типа 23. К варианту К относится амулет из могилы 69 [13, табл. 10,40], к варианту 3 – из могилы 24 [13, табл. 5,12].

3) Подвески-шишечки (6 экз., табл. 1,9–14). Изделия этой формы выделены Е. М. Алексеевой в тип 22. Пять орнаментированы бороздками по тулову [13, табл. 7,2; 8,8; 16,90; 9,21] и одна гладкая [13, табл. 52,21].

4) Подвеска-герма (1 экз., табл. 1,15). Фаллическая фигурка в шлеме на профилированной подставке [13, табл. 9,35] принадлежит к варианту Б типа 18.

5) Подвески-человечки (13 экз., табл. 1,16–28). 10 подвесок [13, табл. 6,42; 9,76,77; 12,24,26; 13,23; 23,14; 24, м. 184²] относятся к варианту А типа 19. Подвеска в виде четкой геометризированной фигурки человечка из могилы 86 [13, табл. 13,6] сходна с вариантом Б типа 19. Еще две схематичные фигурки, происходящие из могилы 91 [13, табл. 13,34] и урны 43 [13, табл. 40,3] можно причислить к варианту В.

6) Подвески-топорики (3 экз., табл. 1,19–31). Находка из могилы 177 [13, табл. 23,21а] принадлежит к варианту А типа 28, из могилы 115 [13, табл. 16,57] – к варианту Б. Подвеска в виде топорика с обухом с отверстием в центре изделия из могилы 172 [13, табл. 22,30а] не может быть отнесена ни к одному из вариантов.

¹ Здесь и далее типы подвесок даны по Е. М. Алексеевой, исключение составляют только не входящие в ее классификацию формы изделий.

² В случае, когда в таблице отсутствует номер вещи, указывается номер таблицы и номер могилы.

7) Подвеска-лунница (1 экз., табл. 1,32). Лунница из круглой проволоки с заостренными окончаниями, обнаруженная в урне 254 [13, табл. 49], относится к варианту Б типа 27.

8) Подвески-сферы (3 экз., табл. 1,33–35). Ажурные подвески в виде двух пересекающихся колец с выступами, в верхней части петля для привешивания [13, табл. 4,68; 16,86; 52,29] отнесены А. А. Труфановым к типу 2 «а» [16, с. 249], Л. А. Рыжовой выделены в тип 2 [8, с. 283].

9) Подвески-буллы (2 экз., табл. 1,36–37). Подвеска из могилы 155 изготовлена из согнутой пополам пластины с вырезанной петлей, имеет форму овала со срезанными краями. Каждая створка со сферической выпуклостью и бортиком по краю [13, табл. 20]. Подвеска из урны 356 выполнена тем же способом, но имеет круглую форму. Бортик одной из створок снабжен выступами-зубцами, которые загибались за вторую створку [13, табл. 52,20].

10) Плоская подвеска (1 экз., табл. 1,38), найденная в могиле 16, имеет форму овала с выступом в верхней части, который загнут в петлю. По корпусу расположены шесть сквозных отверстий [13, табл. 3,68]. Подвеска овальной формы с загнутой назад петлей найдена в погребении 3 могилы 301 могильника Нейзац. Изделия подобной формы в единичных экземплярах встречаются на позднескифских могильниках Крыма [12, с. 140, рис. 5,10].

Основным аксессуаром женского и детского костюма варварского населения Крыма римского времени служили бусы, менее многочисленны находки бус в мужских погребениях. В погребениях бусы сосредоточены в районе шейных позвонков и грудной клетки, на тазовых костях, у запястий рук и щиколоток ног. В мужских погребениях крупные пронизи выполняли роль застежек или украшений деталей оружия [9, с. 302]. Бусы, расположенные на груди погребенных, могли использоваться либо для обшивки ворота и краев плечевой одежды, либо в качестве ожерелий. Как правило, в районе грудной клетки наборы бус не столь многочисленны, как в ногах [11, с. 122; 17, с. 55–56]. Традиция расшивать одежду бисером, носить длинные ожерелья и браслеты из бус распространяется в I в. н. э. и исчезает в середине III в. н. э. [9, с. 304]. Несмотря на то, что довольно часто погребения сопровождалось наборами бус в несколько тысяч экземпляров, находки металлических бус очень немногочисленны, обычно по несколько бусин в погребении [9, с. 299, табл. 1; 17, с. 54]. В материалах могильника Совхоз-10 анализировались следующие типы металлических бус (по классификации Е. М. Алексеевой): тип 1 (2 экз., табл. 1,39–40) [13, табл. 5,71; 18,3]; тип 2 (3 экз., табл. 1,41–43) [13, табл. 4,71; 6,16]; тип 3 (1 экз., табл. 1,44) [13, табл. 9,12]; тип 5 (1 экз., табл. 1,45); тип 7 (1 экз., табл. 1,46) [13, табл. 5,14]; тип 9 (1 экз., табл. 1,47) [13, табл. 10,33]; тип 12 (5 экз., табл. 1,48–52) [13, табл. 1,40; 4,70; 5,5; 16,52; 16,54]; тип 14 (2 экз., табл. 1,53–54) [13, табл. 5,70; 16,44].

Колокольчики являются одним из самых распространенных амулетов-оберегов в погребениях древних народов Северного Причерноморья и продолжают встречаться вплоть до средневековья, преимущественно в погребениях женщин и детей

[18, с. 113; 2, с. 128; 4, с. 110–111], возможно, что их могли использовать и в качестве игрушек [13, с. 180]. Колокольчики часто находят на груди погребенных, вероятно, в качестве составляющих ожерелья, встречаются находки на поясе и возле рук [14, с. 98]. Колокольчики напрямую не связаны с украшениями, однако, по мнению А. А. Стояновой, их можно отнести к категории подвесок на основании общих черт – наличия канала отверстия для подвешивания в верхней части изделия и декоративной функции этих предметов, сочетающейся с определенной смысловой нагрузкой [12, с. 122, 140].

В исследованном материале присутствовали колокольчики следующих форм:

1) Колокольчик усеченно-конической формы с отверстием для продевания язычка и петли (1 экз., табл. 1,55) [13, табл. 17,43] можно причислить к варианту 34а по А. А. Стояновой [12, с. 141].

2) Колокольчики полусферические с отверстием для продевания язычка и петли (6 экз., табл. 1,56–61) [13, табл. 7,23,26; 13,21; 14,53; 18,6,7] относятся к варианту 34б по А. А. Стояновой [12, с. 141].

3) Колокольчик полусферический с горизонтально отогнутыми краями (1 экз., табл. 1,62) [13, табл. 5,99] принадлежит к варианту 34в по А. А. Стояновой [12, с. 141] или варианту 6 [13, с. 180].

4) Колокольчик усеченно-пирамидальной формы с выступами по краям и массивной литой петлей со скругленными краями (1 экз., табл. 1,63) [13, табл. 1,65] – относится к варианту 34г по А. А. Стояновой [12, с. 141–142].

5) Колокольчики полусферические с массивной литой петлей (2 экз., табл. 1,64–65) [13, табл. 1,72; 16,31] по классификации А. А. Стояновой принадлежат к варианту 34е [12, с. 142–143].

6) Колокольчик с расширяющимся книзу туловом (1 экз., табл. 1,66), найденный в могиле 55 IV в. н. э., состоит из трех частей – корпуса, верхней пластины и петли с язычком [13, табл. 8,43]. Его не представляется возможным отнести к какому-либо типу.

Браслеты являются одной из самых распространенных категорий украшений, по частоте встречаемости в погребениях они уступают только бусам. Чаще всего их обнаруживают в женских и детских погребениях, хотя отдельные находки есть и в мужских захоронениях. Браслеты преимущественно находят на правой руке погребенных, но нередки случаи обнаружения на левой руке, на обеих руках, по несколько экземпляров разных типов в одном погребении, случаев обнаружения на ногах погребенных на некрополе не встречено [13, с. 153].

Выделение групп и типов браслетов предпринимались для отдельно взятых могильников [2, с. 108–112; 13, с. 153–157; 14, с. 94–95; 6, с. 94–99; 4, с. 87–89]. Браслеты с зооморфными окончаниями из позднескифских памятников Крыма рассмотрены А. А. Труфановым [15, с. 71–77]. В последнее время предпринимаются попытки создать единую типологию для этой категории вещевого инвентаря с привлечением максимального количества доступного для анализа материала [20, с. 71–89].

Тем не менее, согласованной классификации браслетов для крымских памятников римского времени не существует. В силу этого, описания браслетов, происходящих из раскопок могильника Совхоз-10, приведены с указанием наиболее характерных черт, позволяющих их объединить в группы. Кроме того, указаны типы, выделенные Т. Н. Высотской совместно с Е. М. Кочетковой для могильника Совхоз-10 [13, с. 153–157]. Элементный состав был определен для следующих типов украшений:

1) Браслеты из круглой, овальной или граненной проволоки, концы которых оформлены в виде шишечек (2 экз., табл. 1,67–68) [13, табл. 9,102; 15,69] типа II [13, с. 154].

2) Браслеты из круглой, овальной или граненной проволоки с завязанными концами (10 экз., табл. 1,69–78) [13, табл. 4,18; 6,33; 7,21; 12,84; 14,60; 15, мог. 110а; 15,78; 17,42,43; 24,16] типа VI [13, с. 155].

3) Браслеты из проволоки и дрота, круглого, овального или граненного в сечении, со сходящимися утолщенными концами (14 экз., табл. 1,79–92) [13, табл. 4,47; 7,1; 8,21; 11,4,25,43; 16,65; 19, мог. 145; 57,4,13]. В эту группу входят браслеты, по описаниям подходящие к типу V [13, с. 153–154], а также браслеты, выделенные в материалах Совхоза-10 в тип X [13, с. 157]. Единственным отличием между двумя указанными типами является форма сечения проволоки, для типа X отмечается прямоугольное сечение. Нужно сказать, что во всех остальных случаях основным критерием выделения в тип служила форма окончания браслетов и поэтому не очевидно, на каком основании выделен тип X, поскольку в остальные группы входили браслеты, как круглые в сечении, так и граненные.

4) Браслеты из проволоки и дрота, круглого и прямоугольного в сечении, с заходящими друг за друга концами (3 экз., табл. 1,93–95) [13, табл. 2,2,59; 19, мог. 145] типа VIII [13, с. 156].

5) Браслет из круглой проволоки с широкими расклепанными концами, украшенными орнаментом (1 экз., табл. 1,96) [13, табл. 6,43] типа XII [13, с. 157].

6) Браслет, состоящий из дрота, вокруг которого навиты две проволоки разной толщины, на завершения надеты шарики (1 экз., табл. 1,97) [13, табл. 9,51] типа IX варианта 3 [13, с. 157].

7) Браслет проволочный, один конец оформлен в виде петли, второй в виде крючка (1 экз., табл. 1,98) [13, табл. 9,41] типа XIII [13, с. 157].

8) Браслеты из широкой пластины с орнаментом из зигзагообразных линий, ромбов и кругов (1 экз., табл. 1,99) [13, табл. 12,30] типа XI [13, с. 157].

9) Браслеты пластинчатые и проволочные с окончаниями в виде змеиных голов (9 экз., табл. 1,100–108) [13, табл. 1,36; 6,52; 9,48; 13,20,81; 14,69; 15,71; 22,31] типа VII [13, с. 156].

К анализу привлекались отдельные экземпляры перстней и колец. К сожалению, сохранность многих проволочных изделий не позволяет применить к ним основной исследовательский метод рентгено-флуоресцентной спектроскопии, поскольку тонкая проволока наиболее подвержена коррозионным процессам. Перстни и кольца возможно разделить на три группы:

1) Широкие пластинчатые перстни со сходящимися концами, на которых напаяна жуковина (3 экз., табл. 1,109–111). Перстень из урны 5 ящика 14 имеет пластинчатое основание и круглую жуковину со вставкой из стекла. Перстни из урны 15 ящика VII (I) и могилы 164 идентичны и изготовлены из пластины с овальным расширением, на котором, вероятно, была зафиксирована жуковина со вставкой, украшены тремя линиями, отходящими от шинки в обе стороны.

2) Литые перстни (5 экз., табл. 1,112–116) с овальными или круглыми вставками стекла или полудрагоценных камней [13, табл. 8,7; 17,39; 20,43], в двух случаях имеют выпуклую литую жуковину с монограммой и изображением [13, табл. 49,26; 5,13].

3) проволочные кольца (2 экз., табл. 1,117–118). Кольцо из могилы 2 имеет сходящиеся концы [13, табл. 1,15], а окончания изделия из могилы 53 выполнены в виде головы и хвоста змеи [13, табл. 7,80].

Изучение элементного состава выполнялось на энергодисперсионном рентгено-флуоресцентном спектрометре M1 Mistral (Bruker) в фондах государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Исследование проводилось для предметов, поверхность которых в ходе реставрационных работ была очищена от коррозии и поверхностных загрязнений. Определение элементного состава осуществлялось в нескольких точках (от 3 до 9) на поверхности образца. Изучаемая область при каждом измерении составляла 1,5*1,5 мм. Для проведения сравнительного анализа выбирались осредненные данные для отдельного изучаемого предмета. Данные элементного состава вещей приведены в таблице 1.

На наш взгляд, представляется возможным объединить в одну аналитическую группу металлические бусы, подвески различных вариантов, в том числе подвески в виде сферы, и колокольчики. В некоторых случаях (подвески-птички, подвески-амфорки, подвески-топорики) зафиксирована разница в элементном составе сплавов вариантов изделий. Подвески-птички (табл. 1,1–3) изготовлены из медного сплава (Cu 61,11–82,49%). Изделие, относящееся к варианту Б типа 21 по Е. М. Алексеевой (табл. 1,1) имеет в составе сплава примеси олова (Sn 8,65%) и свинца (Pb 11,28%), цинк не достигает 1%. Металл двух подвесок, относящихся к варианту А типа 21 (табл. 1,2,3), легирован оловом (Sn 6,59–7,26%), свинцом (Pb 7,48–26,83%) и цинком (Zn 3,22–3,82%).

Все изученные подвески-амфорки выполнены из медных сплавов (Cu 58,63–86,85%). В металле изделия варианта II типа 23 (табл. 1,4) преобладает примесь свинца (Pb 11,31%), присутствует олово (Sn 6,89%), цинк немного превышает 1%. Две подвески, отнесенные к варианту М типа 23 (табл. 1,5,6), имеют еще более высокое содержание свинца в сплаве (Pb 25,95–30,02%), количество олова вариативно (Sn 3,5–6,49%), цинк достигает 5% (Zn 4,47–5,17%). Изделие, принадлежащее к варианту К (табл. 1,7) имеет подобную концентрацию олова и цинка в металле, однако практически не содержит свинца (Sn 7,2%, Zn 4,33%, Pb 1,09%). Состав сплава подвески варианта З (табл. 1,8) имеет почти равное количество олова и цинка и незначительно преобладающее содержание свинца (Sn 6,01%, Zn 6,73%, Pb 9,03%).

В составах металла подвесок-шишечек (табл. 1,9–14) содержание всех легирующих примесей очень вариативно (Cu 56,26–93,59%, Sn 1,90–7,94%, Pb 1,34–37,93%, Zn 0,36–7,67%). Подвеска-герма (табл. 1,15) выполнена из медного сплава, основной примесью которого является олово, свинец и цинк присутствуют в незначительных количествах (Cu 90,50%, Sn 5,86%, Pb 1,81%, Zn 1,32%). Подвески-человечки (табл. 1,16–28) изготовлены из сплавов с высокой вариативностью всех легирующих компонентов (Cu 50,39–91,77%, Sn 1,39–7,61%, Pb 3,59–44,78%, Zn 0,0–25,39%). В составах подвесок-топориков (табл. 1,29–31) значительно колеблется только содержание цинка (Cu 80,58–98,72%, Sn 0,09–0,94%, Pb 0,23–0,40%, Zn 0,0–18,3%). Подвеска-лунница (табл. 1,32) выполнена из латуни с содержанием цинка 10,31% (Cu 89,47%, Sn 0,04%, Pb 0,11%).

Подвески-сферы (табл. 1,33–35) изготовлены из медных сплавов со значительным количеством примесей, содержание свинца и цинка высоко вариативно (Cu 46,13–69,84%, Sn 4,63–6,41%, Pb 9,88–43,79%, Zn 2,81–13,87%). Подвеска-булла (табл. 1,37) выполнена из меди, общее количество примесей не достигает 1% (Cu 99,06%, Sn 0,06%, Pb 0,24%, Zn 0,14%, Sb 0,33%). Металл плоской подвески (табл. 1,38) представляет собой медный сплав со значительной примесью олова (Cu 90,81%, Sn 5,54%), добавлением свинца и цинка (Pb 1,0%, Zn 1,77%).

Металл бусин (табл. 1,39–55) разнообразен по элементному составу. Большая часть изделий представляет собой медный сплав с незначительным содержанием олова и свинца (Cu 83,49–99,26%, Sn 0,04–5,88%, Pb 0,15–3,89%), количество цинка колеблется от 0,16 до 9,46%. Несколько экземпляров (табл. 1,39,42,43,50,54) отличаются высоким содержанием свинца (Pb 25,78–50,45%), значительными колебаниями олова и цинка (Cu 38,20–62,45%, Sn 3,76–11,27%, Zn 0,19–12,59%). Присутствуют также две бусины (табл. 1,48,49) с пограничными для данных групп составами (Cu 77,36–86,38%, Sn 4,78–5,62%, Pb 8,06–12,15%, Zn 0,32–4,23%). Выделяется изделие (табл. 1,41), в составе металла которого зафиксировано 7,16% серебра (Cu 88,4%, Sn 0,96%, Pb 3,03%).

Колокольчики (табл. 1,56–68) по своему элементному составу разделяются на две группы. Первая состоит из четырех экземпляров (табл. 1,63–66) и выделяется высоким содержанием олова и свинца (Cu 53,42–75,97%, Sn 12,15–20,44%, Pb 6,42–24,30%), заметным присутствием цинка (Zn 1,69–7,98%). Следует отметить, что в группу входят массивные изделия с большой толщиной стенок, правда, различающиеся формой. Сплавы колокольчиков второй группы, в которую попали миниатюрные экземпляры усеченно-конической и полусферической формы (табл. 1,55–62), характеризуются малым количеством свинца (Pb 0,36–1,8%) и колебаниями содержания олова и цинка (Cu 85,67–93,91%, Sn 0,18–8,99%, Zn 0,0–3,73%, в единичных случаях достигает 7,21 и 13,34% – табл. 1,58 и 1,61 соответственно).

Браслеты (табл. 1,67–108), в основном, представляют собой довольно однородный тип сплавов, варьирующийся от практически чистой меди (Cu 83,48–99,54%) до медных сплавов, слабо легируемых оловом и свинцом (Sn 0,0–6,12%, Pb 0,0–

4,90%), цинк детектируется в следовых количествах (до 0,08%). Выделяются два браслета. Изделие (табл. 1,102) содержит 14,89% олова и 2,69% свинца (Cu 80,15%). В составе браслета (табл. 1,80) зафиксировано 4,82% олова, 39,20% свинца и 5,10% серебра (Cu 46,56%).

Металл трех перстней (табл. 1,111,113,115) представляет собой латунь (Cu 81,65–84,80%, Zn 14,13–18,35%), олово и свинец ни в одном случае не превышают 0,31 и 0,49% соответственно. Еще три изделия данной группы (табл. 1,110,116,118) выполнены из медно-цинковых сплавов с примесью олова и свинца (Cu 80,81–92,17%, Sn 0,0–3,59%, Pb 1,08–9,37%, Zn 6,59–7,27%). Перстень (табл. 1,112) выполнен из меди, общее количество примесей в сплаве не достигает 1,2% (Cu 98,82%, Sn 0,05%, Pb 0,23%, Zn 0,51%).

Помимо изделий из медных сплавов, был выявлен ряд предметов, изготовленных из медно-серебряных сплавов, а также перстни из высокопробного серебра. Изделия из медно-серебряных сплавов представлены, в первую очередь, браслетами (табл. 1,75,78–80,83,86,88,89,91,92). Это массивные литые браслеты со сходящимися утолщенными окончаниями и с перевязанными концами. Их составы достаточно однородны (Cu 36,78–60,4%, Ag 32,35–56,74%), содержат примеси олова и свинца (Sn 0,81–5,33%, Pb 0,20–0,97%).

В группу изделий из медно-серебряных сплавов входят также одна подвеска-булла (табл. 1,36), состав металла которой аналогичен сплавам браслетов (Cu 36,12%, Ag 55,46%, Sn 6,80%, Pb 1,01%), однако содержит 0,49% цинка, и один перстень (табл. 1,109), также выделяющийся присутствием в сплаве цинка (Cu 55,28%, Ag 36,53%, Sn 5,96%, Pb 0,95%, Zn 1,19%).

Три перстня из высокопробного серебра различны по своим составам. Изделия (табл. 1,114,117) изготовлены из серебра с примесями олова и брома (Ag 92,62 и 76,73%, Sn 6,41 и 5,10%, Br 0,97 и 17,86% соответственно).

Анализируя состав металла изделий по типам, можно отметить некоторые тенденции в составах некоторых групп. Так, для браслетов и части бусин характерно относительно малое количество примесей и полное отсутствие цинка. Перстни изготовлены из медно-цинковых сплавов, а состав металла медно-серебряных браслетов довольно однообразен. Однако составы сплавов подвесок, бусин и колокольчиков очень разнородны.

Помимо изучения составов металла внутри типологических групп предметов был выполнен анализ результатов с группировкой по месту находки (рис. 2). Сравнение составов изделий, найденных в одном захоронении, показало, в большинстве случаев, их значительное сходство. Некоторые узко датированные комплексы были сопоставлены с учетом их хронологии (рис. 2,а). В результате, были зафиксированы интересные тенденции в составах сплавов изделий могильника Совхоз-10. Чистая латунь для создания мелких украшений практически не использовалась, преимущественно применялись многокомпонентные сплавы с цинком. Олово в качестве основного легирующего компонента в сплаве фиксируется в единичных случаях. Повыше-

ние концентраций (до 20,44%) этого элемента можно считать намеренным в составе литых колокольчиков (табл. 1,64), в других изделиях высокое содержание олова, скорее всего, является случайным и связано со вторичной переработкой металла, например, в составах металла браслетов – до 14,89% (табл. 1,102). Использование свинца в качестве основного легирующего компонента хорошо прослеживается в изделиях из комплексов, датируемых концом II–III в. н. э. Особенно значительны примеси свинца в составах металла подвесок (до 44,78%) и бусин (до 50,45%) – как правило, самых распространенных литых изделий «местного» производства. Относительно однородный уровень других примесей в сплавах (олово, цинк) и значительные колебания свинца позволяют предположить, что именно свинец или сплавы с высоким содержанием свинца использовались для разбавления медно-цинковых составов при вторичной переплавке металла в литейном производстве региона этого периода.

Таблица 1. Данные элементного состава украшений из могильника Совхоз-10

№ n/n	Комп- лексе	Дата	Инв. №	Элементный состав (мас %)							
				Cu	Sn	Pb	Ag	Zn	Fe	Sb	Про- чие
Подвески-птички											
1	м. 3а	к. III	37/443	79,32	8,65	11,28	0,08	0,59	0,08		
2	м. 42б	к. III- н. IV	91/562	82,49	6,59	7,48	0,15	3,22	0,08		
3	м. 116	II-III	443/572	61,11	7,26	26,83	0,16	3,82	0,82		
Подвески-амфорки											
4	м. 42б	к. III- н. IV	90/562	80,46	6,89	11,31	0,09	1,16	0,09		
5	м. 114	II-III	407.1/572	65,2	3,5	25,95	0,18	5,17			
6	м. 114	II-III	407.2/572	58,63	6,49	30,02	0,15	4,47			
7	м. 69	II-III	799/572	86,85	7,2	1,09	0,11	4,33	0,42		
8	м. 24	н. III	230/443	76,94	6,01	9,03	0,14	6,73	0,89		
Подвески-шишечки											
9	м. 44	–	107/562	75,67	7,94	15,52	0,12	0,75			
10	м. 54	II-III	11 /572	77,98	1,9	13,58	0,09	5,95	0,31		
11	м. 116	II-III	442/572	78,9	5,02	7,75	0,48	7,67	0,18		
12	м. 62	II	785.1/572	93,44	4,64	1,34	0,12	0,36	0,12		
13	м. 62	II	785.2/572	93,59	4,12	1,53	0,09	0,51	0,15		
14	урна 356	III	204/576	56,26	4,14	37,93	0,08	1,37		0,22	
Подвеска-герма											
15	м. 62	II	786/572	90,5	5,86	1,81	0,08	1,32	0,41		
Подвески-человечки											
16	урна 43	III	22/561	68,59	3,58	26,54	0,19	0,08	1,02		
17	м. 42а	н. IV	80/562	88,5	7,19	4,22			0,09		
18	м. 65б	II-III	95/572	72,26	5,66	6,28	0,08	15,72			
19	м. 65б	II-III	100/572	63,67	3,4	7,36	0,18	25,39			

20	м. 79	II-III	191.1/572	65,51	6,09	23,39	0,11	4,53	0,11	0,26	
21	м. 79	II-III	191.2/572	56,97	4,24	28,79	0,1	9,66		0,25	
22	м. 86	I-II	239/572	58,57	2,16	35,41		3,86			
23	м. 90	к. I	256.1/572	52,59	4,98	36,75	0,1	4,63	0,53	0,41	
24	м. 90	к. I	256. 2/572	50,81	7,61	32,41	0,11	8,04	0,13	0,88	
25	м. 91	II	263/572	50,39	2,01	44,78		2,81			
26	м. 176	к. II	722/572	88,98	4,85	5,79	0,17	0,2			
27	м. 176	к. II	723/572	91,77	4,3	3,59	0,13	0,21			
28	м. 184	н. III	772/ 572	81,97	1,39	16,18	0,18	0,15	0,13		
Подвески-гопорики											
29	м. 115	н. III	430/572	98,72	0,94	0,23	0,11				
30	м. 172	II	705/572	80,58	0,09	0,4	0,08	18,3	0,55		
31	м. 177	III-IV	730/572	89,02	0,09	0,37	0,06	10,22	0,25		
Подвеска-лунница											
32	урна 254	III	160/576	89,47	0,04	0,11	0,06	10,31			
Подвески-сферы											
33	м. 23	II-III	221/443	69,84	5,91	9,88	0,12	13,87	0,16	0,23	
34	м. 116	II-III	440/572	46,13	6,41	43,79	0,12	3,55			
35	урна 356	III	203/576	64,73	4,63	27,51	0,09	2,81		0,23	
Подвески-буллы											
36	м. 155	к. III	640/572	36,12	6,8	1,01	55,46	0,49	0,12		
37	урна 356	III	208/576	99,06	0,06	0,24	0,17	0,14		0,33	
Плоская подвеска с перфорацией											
38	м. 16	III	170/443	90,81	5,54	1,00	0,27	1,77	0,61		
Округлые и шаровидные бусы (тип 1)											
39	м. 39а	н. IV	30/562	58,66	3,76	33,45	0,08	3,68	0,12	0,24	
40	м. 127	к. III	511/572	90,95	2,46	0,62	0,09	4,99	0,9		
Бочковидные продольно вытянутые бусы (тип 2)											
41	м. 23	II-III	220.2/443	88,4	0,96	3,03	7,16		0,29	0,16	
42	м. 40	III	58/562	62,45	11,27	25,78	0,1	0,19	0,2		
43	м. 97	–	297.1/572	55,96	7,65	35,88	0,13	0,37			
Бочковидная бусина, скрученная из прута (тип 3)											
44	м. 62	II	792/572	98,42	0,43	0,26		0,9			
Пронизь в виде цилиндра (тип 5)											
45	м. 97	–	297.2/572	99,26	0,04	0,15	0,13	0,16			
Бусина усеченно-биконической формы с выраженным ребром (тип 7)											
46	м. 24	н. III	234/443	83,49	2,14	3,89	0,07	9,46	0,95		
Пронизь с подпрямоугольным поперечным сечением (тип 9)											
47	м. 69	II-III	803/572	90,38	5,88	0,52	0,06	2,64	0,52		
Бочковидно-ребристые продольно вытянутые бусы (тип 12)											
48	м. 3а	к. III	48/443	86,38	4,78	8,06		0,32	0,27	0,19	
49	м. 23	II-III	220.1/443	88,4	0,96	3,03	7,16		0,29	0,16	
50	м. 24	н. III	235/443	38,2	7,71	50,45	0,13	3,33	0,18		
51	м. 115	к. III	431.1/572	95,43	3,07	1,12	0,18		0,2		
52	м. 115	к. III	431.2/572	96,77	2,21	0,89	0,12				

Бусы усеченно-биконической формы с насечками (тип 14)											
53	м. 39а	н. IV	29/562	94,83	0,09	0,66	0,05	3,73		0,64	
54	м. 114	II-III	410/572	47,19	6,65	31,86		12,59	1,71		
Колокольчик усеченно-конической формы											
55	м. 121	I-II	470.1/572	93,91	4,63	0,47		0,51	0,39	0,09	
Колокольчики полусферические с отверстием для продевания язычка и петли											
56	м. 47/3	III-IV	112/562	92,04	5,7	1,8	0,15	0,12	0,19		
57	м. 47/5	III-IV	114/562	92,16	5,08	1,21	0,09	1,19	0,27		
58	м. 90	к. I	258/572	85,67	5,99	1		7,21	0,13		
59	м. 100	I-II	304/572	89,82	8,99	0,61		0,26	0,31		
60	м. 127	к. III	506.1/572	90,15	4,63	1,1	0,12	3,73	0,27		
61	м. 127	к. III	506.2/572	86	0,18	0,36	0,05	13,34	0,07		
62	м. 39а	н. IV	37/562	91,67	7,38	0,43	0,08		0,32		
Колокольчик литой усеченно-пирамидальной формы с выступами по краям											
63	м. 36	III	57/443	53,42	14,83	24,3	0,06	6,02	1,29		0,09 (Ni)
Колокольчик полусферический с массивной литой петлей											
64	м. 36	III	58/443	54,81	20,44	15,7	0,08	7,98	0,99		
65	м. 114	II-III	405/572	66,69	12,15	17,31	0,09	3,04	0,46	0,26	
Колокольчик с туловом расширяющимся книзу, состоящий из трех частей											
66	м. 55	IV	32/572	98,75	0,13	0,89	0,07	0,16			
Браслеты с окончаниями в виде шишечек											
67	м. 66	II	102/572	85,49	0,05		0,07	14,05	0,2	0,14	
68	м. 112	II-III	373/572	89,88	0,24	0,08		9,67	0,13		
Браслеты с завязанными концами											
69	м. 181	II-III	763/572	98,68	0,05	0,7		0,38		0,12	0,07 (Ni)
70	м. 121	I-II	470.2/572	99,1	0,06	0,23	0,06	0,25	0,18	0,12	
71	м. 121	I-II	470.н./572	96,46				3,37	0,17		
72	м. 84	I-II	225/572	98,84	0,05		0,17	0,49	0,45		
73	м. 100	I-II	305/572	97,51	1,86	0,28	0,11	0,24			
74	м. 110а	II-III	351/572	94,48	2,72	0,36	0,08	2,2	0,17		
75	м. 113а	к. II	383/572	46,26	3,58	0,48	49,15	0,53			
76	м. 47	III-IV	117/562	99,54		0,15			0,32		
77	м. 42а	н. IV	82/562	96,31	1,26	0,95	0,12	0,88	0,49		
78	м. 18	к. III	186/443	48,5	3,81	0,37	45,28	2,03			
Браслеты со сходящимися утолщенными концами											
79	я. 1(7) урна 8	–	36/360	57,07	1,02	0,87	34,03	6,94			
80	я. 1(7) урна 8	–	37/360	46,56	4,82	39,2	5,1	4,17	0,13		
81	я. 1(7) урна 9	–	47/360	91,03	3,83	2,31	0,25	2,39	0,19		
82	м. 21	н. III	202/443	98,2	0,24	0,91		0,36	0,28		
83	я. II	–	99/444	45,75	4,28	0,89	45,76	3,02	0,29		
84	м. 20	III	5/562	94,07	3,86	1,35	0,17		0,55		

85	м. 44	–	106/562	84,11	3,04	2,71	0,09	9,86	0,19		
86	м. 55	IV	22/572	36,78	5,33	0,2	56,19	0,97			
87	м. 74	III	146/572	94,19	0,06	0,28		5,12	0,36		
88	м. 75	II	156/572	59,78	3,07	0,24	32,35	4,56			
89	м. 76а	IV	169/572	60,4	3,26	0,33	35,03	0,98			
90	м. 115	III	425/572	99,34		0,09	0,11	0,47			
91	м. 145	III	591/572	36,92	4,87	0,9	56,74	0,57			
92	м. 145	III	592/572	38,53	4,89	0,97	55,05	0,56			
Браслеты с заходящими друг за друга концами											
93	м. 5а	II-III	74.б/н/443	97,69	0,38	0,21	0,04	1,37	0,3		
94	м. 8а	к. III	100/443	96,37	1,45	0,33		1,1	0,76		
95	м. 145	III	593/572	89,93	4,69	1,1		3,65	0,49	0,14	
Браслет проволочный с широкими расклепанными концами											
96	м. 43	III	99/562	92,36		0,19	0,13	7,28	0,04		
Браслет из дрота, вокруг которого навита проволока											
97	м. 64	II	75/572	83,48	0,22	2,5	0,09	13,58	0,13		
Браслет проволочный, один конец оформлен в виде петли второй в виде крючка											
98	м. 63	I-II	66/572	97,86	0,14	0,24		1,76			
Браслет из широкой пластины с орнаментом											
99	м. 80	II	195/572	91,14		0,17	0,06	8,52	0,11		
Браслеты с окончаниями в виде змеиных голов											
100	м. 172	II	703/572	86,95		0,25	0,08	12,57	0,14		
101	м. 426	III-IV	89/562	91,49	0,18	0,58	0,04	7,25	0,45		
102	м. 64	II	74/572	80,15	14,89	2,69	0,18	1,95	0,14		
103	м. 102	I-II	314/572	78,63		0,36		20,81	0,21		
104	м. 112	II-III	374/572	93,12	6,12	0,49		0,15	0,12		
105	м. 3а	к. III	33/443	97,28	0,09	1,57	0,31	0,23	0,19		
106	м. 3а	к. III	34/443	91,01	0,03	1,58	0,09	7,12	0,12		
107	м. 90	к. I	258/572	89,05	1,07	0,41		9,09	0,38		
108	м. 97	–	294/572	90,01	4,66	3,03		1,79	0,52		
Пластинчатые перстни с напаянной жуковиной											
109	я. 14 урна 5	–	17/360	55,28	5,96	0,95	36,53	1,19	0,09		
110	я. VII(I) урна 15	–	88/360	80,81	3,59	4,82	0,15	9,02	1,2		
111	м.164	II-III	671/572	81,65				18,35			
Литые перстни со вставками стекла или полудрагоценных камней											
112	м. 54	II-III	10/572	98,82	0,05	0,23	0,13	0,51	0,25		
113	м. 121	I-II	471/572	83,49	0,18	0,35		15,07	0,91		
114	м. 155	к. III	637/572		6,41		92,62				
115	урна 241	–	148/576	84,8	0,31	0,49		14,13	0,21	0,06	
116	м. 24	н. III	236/443	83,36		9,37		7,27			
Проволочные кольца											
117	м. 2	II-III	16/443	5,1		76,73		0,31			17,86 (Br)
118	м. 53	III-IV	5/572	92,17	0,05	1,08	0,11	6,59			

Рис. 1. Типы подвесок из могильника Совхоз-10: 1 – подвеска-птичка КО 91/562; 2 – подвеска-амфора КО 90/562; 3 – подвеска-шишечка КО 107/562; 4-6 – подвески-человечки КО 80/562, 191.1 и 2/572; 7-8 – подвески-топорики КО 430/572, 730/572; 9 – подвеска-сфера КО 440/572; 10 – подвеска-булла КО 208/576; 11 – подвеска с перфорацией КО 170/443

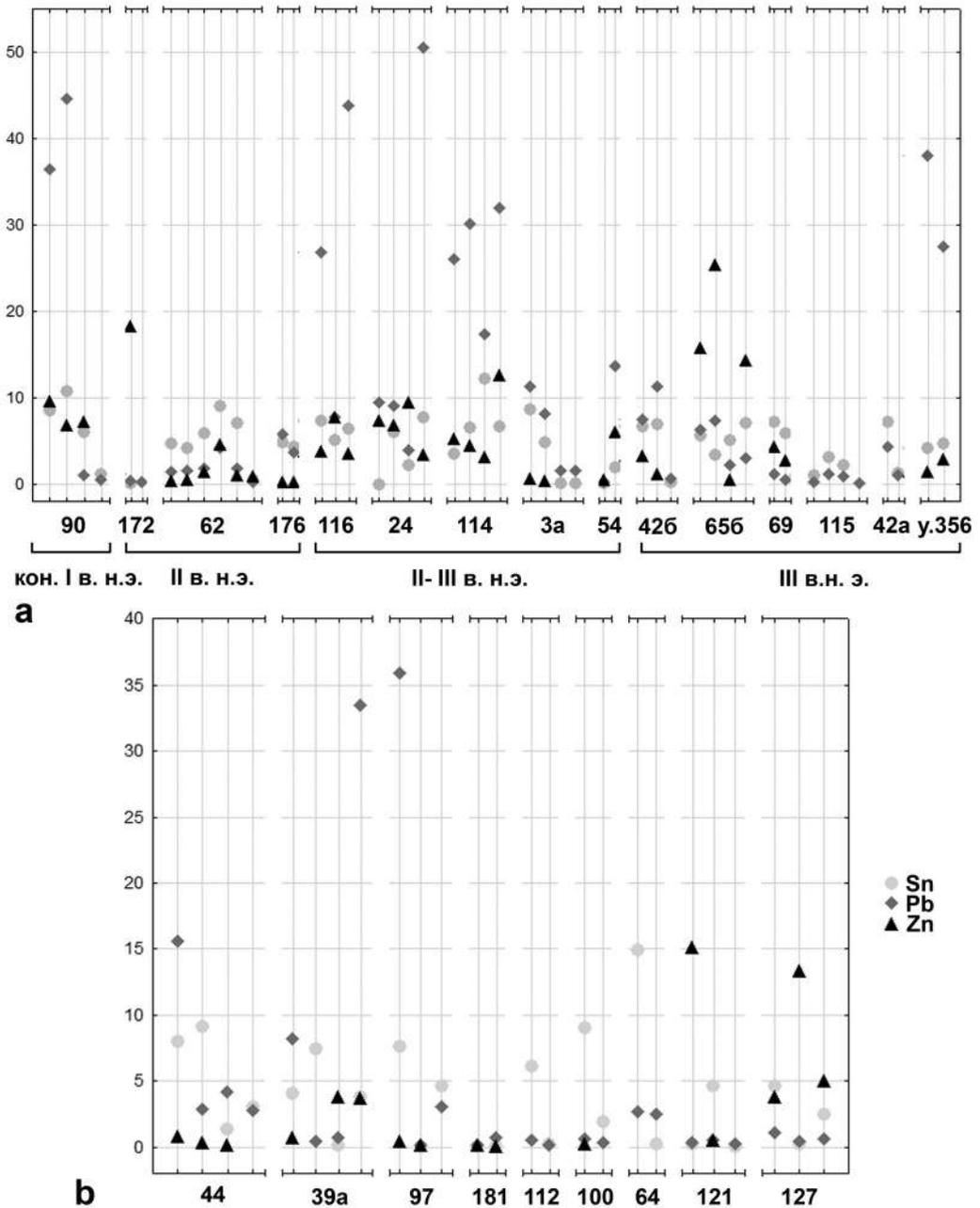

Рис. 2. Анализ элементного состава металла изделий с группировкой по месту находки: а – расположенные в хронологическом порядке узко датированные комплексы; б – комплексы без узкой датировки

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабенчиков В.П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. Т. XIII. С. 90–122.
1. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. Ч. 3. М.: Наука, 1982. 104 с.
2. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев: Киевская академия евробизнеса, 1994. 206 с.
3. Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фан, 1994. 172 с.
4. Гущина И.И., Журавлев Д.В. Некрополь римского времени Бульбек IV в Юго-Западном Крыму. Ч. 1. М.: Исторический музей, 2016. 272 с.
5. Журавлев Д.В. «Браслеты» и кольца с выступами из позднескифских и сарматских памятников Северного Причерноморья // ПИФК. 2014. № 1. С. 59–85.
6. Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э. Киев: Наукова думка, 1982. 142 с.
7. Ларенок В.А. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 1999–2000 гг. Часть I. Ростов-на-Дону: ООО «Донской Издательский Дом», 2013. 448 с.
8. Рыжова Л.А. Бронзовые ажурные подвески из раскопок в юго-западном Крыму // Херсонесский сборник. 2005. Вып. XIV. С. 283–290.
9. Стоянова А.А. Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2001 гг. // Боспорские исследования. 2004. Вып. V. С. 263–319.
10. Стоянова А.А. Металеві підвіски у формі сокирок із Криму // Археологія. Киев, 2005. № 2. С. 47–54.
11. Стоянова А.А. Аксессуары женского костюма II – первой половины III в. н.э. из могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Доля, 2011. С. 115–151.
12. Стоянова А.А. Подвески из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Т. II. 20 лет исследований могильника Нейзац / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 122–165.
13. Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия нашей эры (по материалам некрополя «Совхоз 10») // Stratum plus. 2003–2004. № 4. С. 27–277.
14. Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя скифского). Киев: Наукова думка, 1983. 172 с.
15. Труфанов А.А. К вопросу о хронологии браслетов с зооморфными окончаниями (по материалам крымских могильников позднескифского времени) // Труды ГИМ. 2001. Вып. 118. С. 71–77.
16. Труфанов А.А. Металлические амулеты-подвески Северного Причерноморья первых веков н.э. // Stratum plus. 2011. № 4. С. 225–271.
17. Хайрединова Э.А. Бусы могильника Дружное // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. 1995 г. Харьков, 1995. С. 54–59.
18. Хайрединова Э.А. Нагрудные украшения в костюме крымских готов // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Империя и полис. Материалы научной конференции. Севастополь, 2017. С. 111–115.
19. Хайрединова Э.А. Раннесредневековые подвески-буллы из могильника у с. Лучистое // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 109–134.
20. Polit B. Considerations on bracelets with „globular” and „pineal-shaped” endings from the Sarmatian period Crimea // Materiały i sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego. 2018. T. XXXIX. С. 71–89.

REFERENCES

1. Alekseeva E.M. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya*. Part 3. Moscow, Nauka Publ., 1982, 104 p.
2. Vysotskaya T.N. *Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol'*. Kiev, Kievskaya akademiya evrobiznesa Publ., 1994, 206 p.
3. Gushchina I.I., Zaseckaya I.P. *«Zolotoe kladbishche» Rimskoj epohi v Prikuban'e*. St-Petersburg, Farn Publ., 1994, 172 p.

4. Gushchina I.I., Zhuravlev D.V. *Nekropol' rimskogo vremeni Bul'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu*. Part I. Moscow, Istoricheskij muzej Publ., 2016, 272 p.
5. Zhuravlev D.V. «Braslety» i kol'ca s vystupami iz pozdneskifskih i sarmatskih pamyatnikov Severnogo Prichernomor'ya. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2014, No. 1, pp. 59–85.
6. Zubar' V.M. *Nekropol' Hersoneses Tavricheskogo I–IV vv. n.e.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1982, 142 p.
7. Larenok V.A. *Meotskie drevnosti. Katalog pogrebal'nyh kompleksov Kobyakova gorodishcha iz raskopok 1999–2000 gg.* Part I. Rostov-na-Donu, Donskoj Izdatel'skij Dom Publ., 2013, 448 p.
8. Ryzhova L.A. Bronzovye azhurnye podveski iz raskopok v yugo-zapadnogo Krymu. *Hersonesskij sbornik*, 2005, Vol. XIV, pp. 283–290.
9. Stoyanova A.A. Busy i podveski iz mogil'nika Nejzac (po materialam raskopok 1996–2001 gg. *Bosporskie issledovaniya*, 2004, Vol. V, pp. 263–319.
10. Stoyanova A.A. Metalevi pidviski u formi sokirok iz Krimu. *Arheologiya*, 2005, No. 2, pp. 47–54.
11. Stoyanova A.A. Aksessuary zhenskogo kostyuma II – pervoj poloviny III v. n.e. iz mogil'nika Nejzac. Khrapunov I.N. (Ed.), *Issledovaniya mogil'nika Nejzac*, Simferopol, Dolya Publ., 2011, pp. 115–151.
12. Stoyanova A.A. Podveski iz mogil'nika Nejzac. Khrapunov I.N. (Ed.), *Krym v sarmatskuyu epohu (II v. do n.e. – IV v. n.e.). T. II. 20 let issledovaniy mogil'nika Nejzac*, Simferopol, Nasledie tysyacheletij Publ., 2016, pp. 122–165.
13. Strzheleckij S.F., Vysotskaya T.N., Ryzhova L.A., Zhestkova G.I. Naselenie okrugy Hersoneses v pervoj polovine I tysyacheletiya nashej ery (po materialam nekropolya “Sovhoz 10”). *Stratum plus*, 2003–2004, No. 4, pp. 27–277.
14. Symonovich E.A. *Naselenie stolicy pozdneskifskogo carstva (po materialam Vostochnogo mogil'nika Neapolya skifskogo)*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1983, 172 p.
15. Trufanov A.A. K voprosu o hronologii brasetov s zoomorfnyimi okonchaniyami (po materialam krymskih mogil'nikov pozdneskifskogo vremeni). *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja*, Moscow, 2001, Vol. 118, pp. 71–77.
16. Trufanov A.A. Metallicheskie amulety-podveski Severnogo Prichernomor'ya pervyh vekov n.e. *Stratum plus*, 2011, No. 4, pp. 225–271.
17. Khairedinova E.A. Busy mogil'nika Druzhnoe. *Drevnosti. Har'kovskij istoriko-arheologicheskij ezhegodnik. 1995 g.*, Har'kov, 1995, pp. 54–59.
18. Khairedinova E.A. Nagrudnye ukrasheniya v kostyume krymskih gotov. *Materialy nauchnoj konferencii “XEPΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Imperiya i polis”*, Sevastopol, 2017, pp. 111–115.
19. Khairedinova E.A. Rannesrednevekove podveski-bully iz mogil'nika u s. Luchistoe. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2019, Vol. XXIV, pp. 109–134.
20. Polit B. Considerations on bracelets with „globular” and „pineal-shaped” endings from the Sarmatian period Crimea. *Materialy i spravozdania Rzeszowskiego Ośrodku Archeologicznego*, 2018, T. XXXIX, pp. 71–89.

Информация об авторах

Антипенко А. В. – младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: U-2937-2019.

Лобода А. Ю. – ведущий специалист лаборатории естественнонаучных методов в гуманитарных науках НИЦ «Курчатовский институт», Researcher ID: U-4725-2017.

Information about the authors

Antipenko A. V. – Junior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: U-2937-2019.

Loboda A. Yu. – Leading Specialist of the Laboratory of Natural Science Methods in the Humanities of the National Research Center Kurchatov Institute, Researcher ID: U-4725-2017.

ФАНАГОРИЯ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ: ПЕРВЫЕ РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ, ВЕРИФИКАЦИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ

Антон Александрович Строков

*Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия, anton-strokov@yandex.ru,
https://orcid.org/0000-0002-8806-6834*

Аннотация. Данная работа посвящена радиоуглеродному датированию (AMS) органических материалов из раскопок некрополя Фанагории в 1936 г. В качестве образцов были отобраны древесина гроба и морские водоросли из погребения 21. Был проведен предварительный анализ древесины, который показал, что гроб был сделан из можжевельника и самшита. Анализ хроноиндикаторов погребения полностью вписывается в калиброванный возраст древесины гроба (342–420 гг. н. э.), в то время как дата морских водорослей значительно древнее, что может быть объяснено влиянием морского резервуарного эффекта.

Ключевые слова: Фанагория, хронология, эпоха Великого переселения народов, радиоуглеродное датирование, морской резервуарный эффект

Благодарности: Выражаю глубокую признательность Н. И. Шишлиной за помощь в подготовке статьи, Г. А. Ломтадзе и Е. Ю. Новиковой за возможность работы с коллекцией из раскопок Фанагории 1936 г., а также В. Иванишевичу за помощь в определении индикации римской монеты.

PHANAGORIA IN THE GREAT MIGRATION PERIOD: THE FIRST RADIOCARBON DATES, THEIR VERIFICATION AND DISCUSSION

Anton A. Strokov

*Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, anton-strokov@yandex.ru,
https://orcid.org/0000-0002-8806-6834*

Abstract. This article addresses the radiocarbon chronology (AMS) of organic materials excavated at the cemetery of Phanagoria in 1936. The samples were taken from the wood of a coffin and seaweed from grave 21. The preliminary analysis of the wood uncovered that that the coffin was made of juniper and boxwood. The analysis of chronological indicators of this grave completely meets the calibrated age of the wood used for the coffin (342–420 AD), while the seaweed date is much older, possibly in result of the marine reservoir effect.

Keywords: Phanagoria, chronology, Great Migration period, radiocarbon dating, marine reservoir effect

Acknowledgments: The author is grateful to N. I. Shishlina for help during the preparation of this paper, G. A. Lomtadze and E. Yu. Novikova – for an opportunity to work with the collection from excavations in Phanagoria in 1936, and to V. Ivanišević for identifying the impression of Roman coin.

Введение

В российской археологии радиоуглеродное датирование очень редко применяется при изучении древностей исторических эпох, обеспеченных находками монет и историческими источниками, имеющими свою историческую хронологию. Считается, что для таких периодов относительная и абсолютная хронология разработаны достаточно подробно и позволяют обойтись без данных радиоуглеродного датирования. Тем не менее, во многих случаях применение естественнонаучных методов датирования могло бы значительно помочь исследователям – отнюдь не всегда в захоронениях встречаются узко датированные типы предметов, а зачастую многие погребения вообще безинвентарные и датируются лишь по косвенным данным (хронологическим и типологическим элементам погребального обряда, например, по ориентировке; планиграфии могильника и т. д.), что не всегда является объективным подходом. К тому же, многие хронологические схемы базируются на гипотетической привязанности к какому-либо историческому событию. На сомнительность данного методического подхода в археологических исследованиях указывал еще М. Б. Щукин [33, с. 324].

Зачастую многие исследователи проявляют недоверие к радиоуглеродной хронологии, не вникая в детали и испытывая затруднения при интерпретации полученных данных [16, с. 557]. Тем не менее, работы последних лет в сфере раннесредневековой археологии показали перспективность применения радиоуглеродных исследований [41, с. 113; 43, р. 127–133].

Такие подходы применимы и к памятникам Боспорского царства, и к памятникам эпохи Великого переселения народов. Использование радиоуглеродного датирования при изучении таких комплексов мне не известно, хотя, возможно, полученные результаты остались неопубликованными. Например, при исследовании крымских памятников проводилось радиоуглеродное датирование образцов из захоронений раннего железного века [10, с. 195; 11, с. 49–51].

Задачей данной работы является проведение AMS-датирования образцов органики из захоронения эпохи Великого переселения народов, происходящие из раскопок некрополя Фанагории и сохранившиеся в фондах Исторического музея; верификация результатов; проведение сравнительного анализа полученных радиоуглеродных данных с археологическими хроноиндикаторами, происходящими из того же контекста (захоронения).

Археологический контекст

Античный город Фанагория располагается на территории Таманского полуострова, на окраине современного поселка Сенной Темрюкского района Краснодарского края (рис. 1, 1). До присоединения Крыма к России это был самый большой античный памятник России. Территория городища занимает площадь более 50 га, а некрополя – несколько сотен гектар. Археологические исследования Фанагории начались еще в самом конце XVIII в., однако планомерные научные работы проводились здесь в 1936 г. совместной экспедицией ГИМ и ГМИИ им. А. С. Пушкина

под руководством А. П. Смирнова [6, с. 32–36; 13, с. 114–117]. Работы на некрополе в первые годы раскопок проводил отряд под руководством В. Д. Блаватского на участке, получившем название некрополь С к западу от городища, ближе к поселку Приморский (рис. 1,2). В ходе работ 1936 г. были исследованы несколько захоронений позднеантичной эпохи, в том числе интересующий нас склеп № 21 (коллекция ГИМ 78410, опись Б-1а).

Погребение 21 представляло собой большой грунтовый двухкамерный склеп, ориентированный по линии ССВ-ЮЮЗ (рис. 2). Он был сооружен аналогично подобным конструкциям римских и позднеантичных некрополей Таманского полуострова. Склеп¹ состоял из узкого прямоугольного дромоса (входная шахта) длиной 2,1 м, шириной 0,75 м и глубиной 3,7 м, с обеих узких сторон которого примыкали две камеры неправильной прямоугольной формы. Длина северной камеры достигает 1,65 м, ширина – 1,95 м. Южная камера имела длину 2,24 м, ширину – до 1,47 м. Камеры соединялись с дромосом небольшими входными коридорами, длина которых составляла около 1,4 м, а ширина – 0,6 м. Как правило, вход в коридор, соединяющий дромос и камеру, закрывался закладом – крупным камнем (как, к примеру, в исследованном по соседству в 1937 г. склепе № 50 того же типа [28, рис. 1,1]) либо сырцовым кирпичом. В данном случае заклад отсутствовал, так как склеп был практически полностью ограблен и, видимо, грабители выбросили закладные камни. Дно дромоса и входного коридора было выстлано толстым слоем камки – морских водорослей, обильно произрастающих в Таманском заливе, которые до сих пор используются местным населением в хозяйственных нуждах (рис. 5,5). Применение камки в погребальном обряде Фанагории известно как минимум с IV в. до н. э. [19, с. 120].

Как уже было сказано выше, склеп был практически полностью ограблен. Находки, в основном, сохранились в заполнении. В дромосе были найдены фаланга пальца человека, обломок железного ножа, маленькая бронзовая пряжка с хоботовым язычком, фрагмент двупластинчатой серебряной фибулы, золотая рубчатая пронизка и золотая индикация монеты Валента. В северной камере, кроме древесного и костного тлена на дне (рис. 3,1), были обнаружены железный нож и бронзовая пряжка с прямоугольным щитком, а также несколько костей: левая локтевая кость, фрагмент свода черепа и левая ладьевидная кость стопы. Все они принадлежали ребенку (судя по длине локтевой кости – индивиду 4–7 лет)². В южной камере расчищен деревянный гроб (рис. 3,2; 4), фрагменты которого сохранились в фондах Исторического музея (рис. 5,1–3). Некоторые элементы гроба имеют следы инкрустации (рис. 5,4). Около него обнаружены круглая бронзовая пластина от замка шкатулки, обломок железного ножа и серебряное зеркало с центральной петлей. Также в южной камере найдены фрагменты железных удил и небольшая бронзовая пряжка с остатками щитка (его петлями).

¹ Описание погребального сооружения дано по статье В. Д. Блаватского 1941 г.

² Определение м.н.с. лаборатории контекстуальной антропологии ИА РАН Н. Г. Свиркиной.

Данный склеп является типичным погребальным сооружением позднеантичной эпохи. Двухкамерные гробницы появляются в некрополях Таманского полуострова в IV в. [14, рис. 62,1–2; 7, с. 158] и существуют до середины V в. Судя по всему, в данных погребальных сооружениях хоронили представителей социальной верхушки местного этнически неоднородного городского населения. Характерной особенностью всех склепов (в том числе более ранней римской эпохи) является практически повсеместное их ограбление. Также стоит учесть, что захоронения в склепах совершались не одновременно, а в течение какого-то времени. Таким образом, в рассматриваемом случае речь не может идти о закрытом комплексе, однако последующий хронологический анализ находок и результатов AMS-датирования позволяет утверждать, что захоронения в склепе 21 совершались в достаточно короткий промежуток времени.

Анализ древесины

В фондах ГИМ сохранились органические остатки из склепа 21 фанагорийского некрополя, подходящие для радиоуглеродного датирования. Прежде всего, это древесина гроба из южной камеры захоронения. Для последующей верификации и исключения возможного «эффекта старого дерева» 7 образцов древесины были переданы для определения породы в Лабораторию естественнонаучных методов ИА РАН³. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1. Результаты определения пород дерева

№№	№ по описи	Порода
1.	20	Можжевельник (<i>Juniperus</i>)
2.	22	Можжевельник (<i>Juniperus</i>)
3.	25	Можжевельник (<i>Juniperus</i>)
4.	102	Можжевельник (<i>Juniperus</i>)
5.	116	Самшит (<i>Buxus</i>)
6.	118	Можжевельник (<i>Juniperus</i>)
7.	119	Можжевельник (<i>Juniperus</i>)

Древесина поступила на анализ в сухом виде и имела хорошую сохранность, так что не потребовалось применять никаких мер для ее дополнительной фиксации. С каждого образца было получено три среза в поперечном, радиальном и тангенциальном направлениях. Далее, по подготовленным срезам осуществлялся анализ строения древесины по ее анатомическим признакам при помощи бинокулярного микроскопа Motic. Здесь различают ядро, заболонь, годовые слои, сосуды и их величину (у лиственных пород), сердцевинные лучи, смоляные ходы (у некоторых хвойных), а также ряд других анатомических признаков, являющихся относительно постоянными.

В результате исследования было установлено, что гроб был сделан из можжевельника (*Juniperus*). Исключение составил лишь один образец, декорированный

³ Определение м.н.с. Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН Л. Н. Соловьевой.

резным орнаментом, он был изготовлен из самшита (*Buxus*). Можжевельник – это ядровая порода, обладает умеренно тяжелой, умеренно усыхающей, посредственно твердой и прочной древесиной. К климату нетребователен, часто растет на сухих и бедных почвах. Самшит является заболонной породой, его древесина очень тяжелая, прочная и твердая. Наилучшего развития достигает на хорошо увлажненных и защищенных местах. Растет очень медленно.

Микроскопические признаки можжевельника (*Juniperus*). Годичные слои четко различаются, смоляных ходов нет. Переход от ранней древесины к поздней постепенный. Трахеиды округлого или квадратного сечения, толстостенные. Сердцевинные лучи однорядные. Древесная паренхима диффузная (рис. 6,1). Поровость трахеид, как правило, однорядная, но на стенках ранних трахеид встречается двухрядная поровость. Часто бывает заметна спиральная штриховатость. Лучи гомогенные. На радиальных клетках паренхимных клеток на просвет пересекающих луч трахеид расположены 1-4 купрессоидных пор (рис. 6,2). Сердцевинные лучи однорядные, высотой до 20 клеток. Средние клетки овальные, а краевые – округлые (рис. 6,3).

Микроскопические признаки самшита (*Buxus*). Древесина рассеянно-сосудистая. Сосуды расположены одиночно или небольшими группами по 2-3 штуки и равномерно рассеяны по годичному слою. Граница годичного слоя выражена узкой полоской трахеид сдавленных в радиальном направлении. Сердцевинные лучи узкие, одно- или двухрядные. Ширина лучей уже диаметра сосудов, либо равна ему. При пересечении с границей годичного слоя лучи не расширяются (рис. 6,4). Членики сосудов короткие. Перфорации лестничные, в 6-20 перекладин высотой. Межсосудистая поровость очередная, иногда супротивная, поры мелкие, свободные. Спиральных утолщений нет. Сердцевинные лучи гетерогенные. Крайние клетки лучей палисадные, в два раза выше внутренних клеток луча (рис. 6,5). Сердцевинные лучи веретеновидные, однорядные, двухрядные, трехрядные, 15-20 клеток высотой. Внутренние клетки округлые, а крайние вытянутые. У однорядных лучей клетки крупные, одинакового размера (рис. 6,6).

Таким образом, судя по приведенным данным, основные доски гроба были изготовлены из древовидного кустарника можжевельника, а некоторые декоративные элементы – из самшита. Можжевельник имеет широкий ареал распространения, его применение в качестве сырья на Боспоре Киммерийском известно с античной эпохи, как и самшита [26, с. 30–31]. Однако самшит в Северном Причерноморье и близлежащих регионах произрастает лишь в нескольких местах. На северном склоне Северо-Западного Кавказа он встречается в долинах рек Курджипс и Цеце, Гуамском ущелье и урочище Мезмай, и на черноморском побережье – в районе Сочи и в Абхазии [25, с. 14]. Этот факт может свидетельствовать о том, что в склепе 21 были захоронены люди из семьи высокого социального статуса, которые могли позволить себе импортное сырье. Также интересно, что наличие самшитового декора может говорить нам о наличии торговых связей в эпоху Великого переселения народов

между Фанагорией и территорией на юго-восточном берегу Черного моря, населенного в то время представителями цебельдинской культуры.

Хроноиндикаторы анализируемого погребения

В составе найденного инвентаря обычно присутствуют предметы, имеющие относительно точную временную привязку. Такие предметы можно назвать хроноиндикаторами. Основными хроноиндикаторами в склепе 21 являются следующие объекты: индикация римской монеты, пряжки, зеркало, фрагмент фибулы и золотая рубчатая пронизь. Сводная таблица датировок дана на рис. 9.

1. Золотая индикация с аверса монеты Валента (364–378 гг.) обнаружена в дромосе (рис. 7,1). Легенда: DN VALEN(S – P F AVG). Бюст императора, в плаще, вправо, на голове венок. В. Д. Блаватский и В. В. Кропоткин предполагали, что в качестве матрицы использовалась монета либо Валентиниана I (364–375 гг.), либо Валента [6, с. 37; 18, кат. 15а]. М. Г. Абрамзон, отмечая, что монет Валентиниана I в Фанагории неизвестно, предположил, что для изготовления данной индикации могли использовать монету либо Валентиниана II (375–392 гг.), либо Валента [1, с. 191]. Судя по размеру букв и расположению легенды, места для полной легенды монет Валентиниана DN VALENTINI-ANVS P F AVG (20 знаков) явно недостаточно, поэтому в качестве матрицы для изготовления данной индикации вполне уверенно можно считать монету Валента. Данная индикация, судя по всему, использовалась в погребальном венке, которые были повсеместно распространены на территории Боспора как минимум с римского времени. Таким образом, эта индикация вписывается в интервал AMS-датировки древесины гроба 2 σ (95,4%) 342–420 гг.

2. Золотая рубчатая пронизка, выполненная из свернутой в два оборота золотой фольги и припаянной третьей трубочки из такой же фольги (рис. 7,2). Подобные находки традиционно считаются маркером передвижения алан с территории Восточной Европы на запад в гуннскую эпоху [38, р. 250–253]. На территории Северного Причерноморья (Танаис, Крым, Боспор) они известны в контексте древностей конца IV – первой половины V вв. [3, рис. 13,3; 15, рис. 2,4; 21, рис. 2,2–4; 22, рис. 43,2; 36, abb. 8,1–5], различаются они лишь количеством спаянных вместе трубочек (от 2 до 4). Схожий набор был встречен и в погребении 3/1990 некрополя Танаиса – рубчатая пронизь, зеркало типа Березовка – Анке-2 и двухпластинчатая фибула [5, табл. 40,482,484,487–488]. Идентичные строенные пронизы были обнаружены в погребении 2 склепа 154 Керченского некрополя [12, кат. 220], который датируется первой половиной V в. Примечательно, что в этом же захоронении был найден погребальный венок с индикацией Валентиниана I [12, кат. 221], а в соседнем погребении – зеркало типа Березовка – Анке-2 [12, кат. 238], как и в склепе 21 фанагорийского некрополя. Практически такие же рубчатые пронизы были обнаружены в соседнем склепе № 50 при работах 1937 г. [29, кат. 13; 28, рис. 2,15]. Двойная пронизь была обнаружена в позднеантичном склепе № 1 западного некрополя в 1991 г. [30, кат. 110]. Следовательно, дата данных пронизок вписывается в интервал 2 σ (95,4%) AMS-датировки древесины 342–420 гг.

3. Крупная бронзовая поясная пряжка, найденная в северной камере склепа (рис. 7,3). Она имеет округлую рамку, равномерную по толщине, массивный язычок с прямоугольной площадкой и уступом у основания, треугольный в сечении, выходящий за рамку и охватывающий ее, и пластинчатый щиток для крепления ремня. Две небольших бронзовых пряжки (скорее всего, относившиеся к обувным или портупейным ремням) схожего типа были обнаружены в дромосе (рис. 7,4) и южной камере (рис. 7,5). Обе они имеют круглую рамку равномерной толщины, округлую в сечении. Язычки массивные, выходят за рамку и охватывают ее. Язычок пряжки, обнаруженной в южной камере, в сечении треугольный, имеет прямоугольную площадку в месте крепления к рамке, а также насечки у основания и на кончике. Присутствуют у нее и остатки пластинчатого щитка, форму которого в связи с практически его полным разрушением восстановить нельзя. Пряжки рассматриваемого типа имеют широчайшее распространение на территории Евразии в эпоху Великого переселения народов. На территории Северного Причерноморья данные пряжки по многочисленным аналогиям в некрополях Крыма, Керчи и Танаиса датируются концом IV – первой половиной V вв. [2, рис. 22,16; 5, табл. 13,197; 24,345–346; 8, с. 25–27, табл. 27,1,6; 29,1,9; 12, табл. 3; 17, рис. 2,2–4; 27, рис. 5,13–15]. Пряжки из Фанагории имеют язычок, выступающий и охватывающий рамку, однако не так сильно, как это характерно для пряжек горизонта Унтерзибенбрунн / фаза D2, поэтому можно говорить о более ранней хронологической позиции рассматриваемых экземпляров – конец IV – первая четверть V вв. Эта пряжка также хорошо вписывается в интервал 2σ (95,4%) AMS-датировки древесины 342–420 гг.

4. Пружина серебряной фибулы (рис. 7,6). Несмотря на то, что от фибулы осталась незначительная часть, можно с большой долей уверенности говорить, что перед нами остатки двухпластинчатой фибулы, судя по размерам пружины – небольшого размера, возможно, первой подгруппы по А. К. Амброзу [4, с. 77–82]. Более точно определить типологическую позицию данной находки невозможно, однако фибулы такого типа появляются на Боспоре во второй половине IV – первой половине V вв. Таким образом, дата этих фибул соотносится с интервалом 2σ (95,4%) AMS-датировки по дереву гроба 342–420 гг.

5. Серебряное зеркало с центральной петлей, украшенное орнаментом в виде концентрических кругов и радиальных ребер (рис. 7,7). А. М. Хазанов отнес все зеркало с центральной петлей к типу X [31, с. 67–69]. В дальнейшем эти находки были разделены на несколько отдельных типов, рассматриваемый экземпляр относится к типу Березовка – Анке-2 [34, с. 24–25; 44, с. 22]. Они распространены в гуннское время на огромной территории от Ферганской долины в Узбекистане [9, рис. 22,4] до Центральной Европы [37, tabl. VI,1,3]. В значительном количестве зеркала этого типа найдены на Кавказе [20, с. 84–85], несколько экземпляров известно в некрополе Танаиса гуннского времени [5, табл. 26,354; 40,482]. Известны они и в некрополе Пантикапея-Боспора эпохи Великого переселения народов [12, кат. 238; 32, с. 49] и датируются здесь концом IV – первой половиной V вв. Зеркало также вписывается в интервал 2σ (95,4%) AMS-датировки древесины гроба 342–420 гг.

Таким образом, все хроноиндикаторы могут быть датированы концом IV – первой половиной V вв., что соответствует фазам D1 и D2 центральноевропейской хронологии Я. Тейрала и Ф. Бирбрауэра, которая активно используется в отечественно науке [35, abb. 1; 42, abb. 30]. Следует учитывать, что склеп был практически полностью ограблен и большинство находок было сделано вне каких-либо погребений, в заполнении камер и дромоса, поскольку они были потревожены и разбросаны древними грабителями. Тем не менее, все находки из данного захоронения четко указывают на его принадлежность к гуннской эпохе. В этой связи также нет основания считать, что склеп использовался долгое время несколькими поколениями (100 и более лет). Судя по всему, эта гробница служила усыпальницей одной семьи в течение 1–2 поколений (то есть не более 50 лет). На это указывает также открытый в 1937 г. В. Д. Блаватским склеп № 50 того же типа, в котором, хотя он и был ограблен, сохранился более представительный погребальный инвентарь, который позволил исследователю разделить его на отдельные захоронения. Все они четко датировались фазой D2, или первой половиной V в. [28, с. 214]. Исследуемый склеп 21 находился рядом, имел схожий инвентарь (предметы вооружения, шкатулки, зеркала, пряжки), относится к той же эпохе, поэтому также может рассматриваться как семейная гробница, использовавшаяся в довольно короткий промежуток времени.

Результаты AMS-датирования

Для проведения AMS-датирования были отобраны два образца – фрагмент можжевелевой (*Juniperus*) доски гроба из южной камеры, а также камка (многолетние морские водоросли – взморник или зостера, лат. *Zostera*), покрывавшая пол входного дромоса склепа. Таким образом, были отобраны наземный (древесина) и водный (водоросли) образцы из синхронного закрытого комплекса. Результаты представлены в таблице 2 и на рис. 8.

Таблица 2. Результаты радиоуглеродного датирования образцов из погребения 21 Западного некрополя Фанагории, проведенного в ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН и центра изотопных исследований Университета Джорджии (США)

№	IGAN AMS	Sample	Material	^{14}C , BP (1 σ)	cal BC, AD ⁴	
1	6523	Фрагмент гроба	Древесина (можжевельник)	1660±20	68.3 (1 sigma)	cal AD 357-363 381-415 0.090 0.910
RADIOCARBON CALIBRATION PROGRAM: CALIB REV7.1.0. Copyright 1986-2016 M. Stuiver and P. J. Reimer. Калибровка по 139f.					95.4 (2 sigma)	cal AD 342-420 1.000
2	6777	Камка	Морские водоросли (взморник)	1820±20	68.3 (1 sigma)	cal AD 140-157 166-196 208-234 0.222 0.400 0.378
					95.4 (2 sigma)	cal AD 132-241 1.000
					Median Probability: 187	

Радиоуглеродный возраст деревянных фрагментов гроба (2 σ 95,4% 342–420 гг., рис. 8) полностью соответствует интервалам, полученным на основании анализа хроноиндикаторов, найденных в составе погребального инвентаря. Археологически склеп № 21 относится к концу IV – первой половине V вв. Необходимо учитывать, что мы получили дату древесины, из которой изготовлен гроб, а не возраст человека, погребенного в нем, однако совокупность факторов, в первую очередь то, что гроб был сделан из древесины можжевельника – древовидного кустарника, позволяет исключить эффект «старого дерева» и предположить, что возраст древесины может соотноситься с временем захоронения.

Радиоуглеродный возраст, полученный по камке (132–241 гг.), на 200 лет древнее, чем возраст древесины. Вряд ли стоит предполагать, что древние строители погребального сооружения собирали и складировали морские водоросли в течение столь долгого времени, учитывая, что они в большом изобилии произрастают в Таманском заливе. Полученный возраст морских водорослей удревнен в связи с резервуарным эффектом. Морской резервуарный эффект был установлен ранее по морским раковинам из Черного моря (вариабельность составила 415 ± 90 радиоуглеродных лет) [40, p. 272].

Обсуждение результатов и заключение

Полученные данные AMS-датирования фрагмента древесины гроба позволяют сузить хронологические рамки склепа 21 некрополя Фанагории и датировать его временем после 370-х гг. н. э. вплоть до второй четверти V в., то есть фазой D1 либо переходным этапом от D1 к D2. Этот интервал соотносится с историческими интервалами бытования определенных типов предметов погребального обряда – хроноиндикаторами.

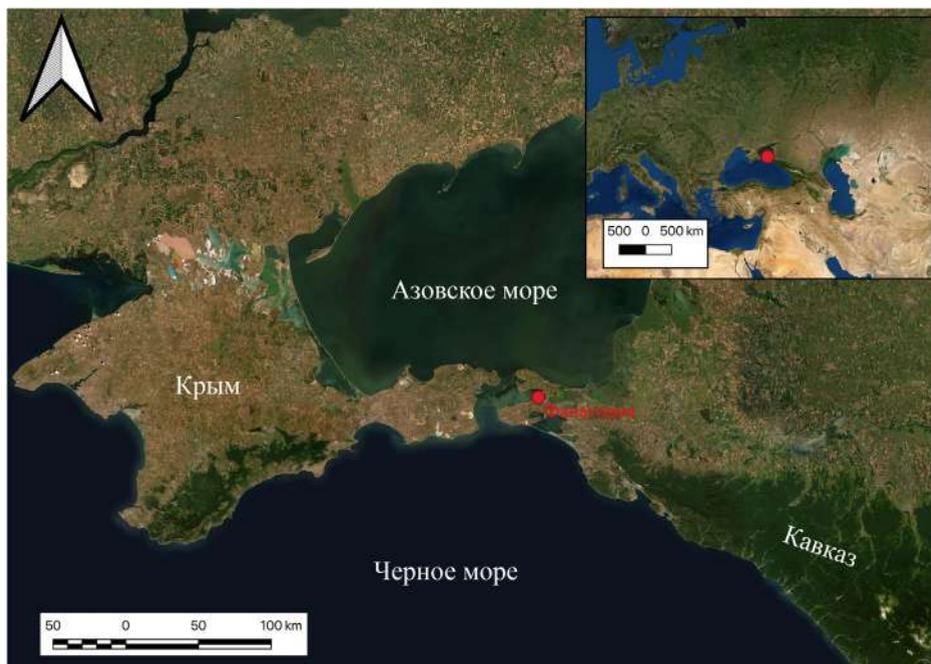
Как уже было сказано выше, пряжки из склепа 21 могут быть отнесены к более ранним экземплярам данного типа, относящимся к фазе D1 (370–410 гг.). Важно, что как минимум одна из пряжек была найдена непосредственно рядом с гробом, расчищенном в южной камере, по фрагменту которого была получена AMS дата. Это позволяет косвенно отнести ее к инвентарю погребенного в этом гробу. Важнейшую роль играет в данном случае находка индикации монеты Валента, которая четко вписывается в интервал AMS-датировки древесины 342–420 гг. и дает нам *terminus post quem*. Следует, конечно, учесть, что склеп использовался для коллективного захоронения, однако все остальные хроноиндикаторы также указывают на датировку данного захоронения эпохой гуннского вторжения. Также возможным подтверждением этой точки зрения является находившийся рядом склеп 50, исследованный годом позже в 1937 г., который явно был позднее, чем склеп 21, судя по находкам пряжек с длинными хоботковыми язычками и фибулы ранней фазы могильника Дюрсо, датированной серединой V в. [28, с. 213].

Следует учитывать удревненный, «мнимый» возраст морских водорослей – камки, использовавшейся в качестве подстилки на полу камеры. Удревненный воз-

раст является результатом резервуарного эффекта [24, с. 19–24]. Этот факт следует учитывать при анализе последующих результатов радиоуглеродного датирования. Поскольку такие водоросли обитают на мелководье морских бухт и заливов, а также в устьях проточных рек, они часто являются кормом для морских животных, рыб и водоплавающих птиц. Употребление в рационе питания таких компонентов может приводить к удревнению радиоуглеродного возраста костей анализируемых животных, рыб и птиц. Это следует учитывать при верификации ^{14}C возраста датируемых образцов.

Таким образом, полученный радиоуглеродный возраст фрагмента деревянного гроба из склепа 21 некрополя Фанагории позволил верифицировать традиционные археологические и абсолютные временные интервалы хроноиндикаторов, вошедших в погребальный инвентарь захоронения, которое относится к так называемой «раннегунской» эпохе Великого переселения народов, и сузить на несколько десятков лет (375–425 гг.) интервал, обозначающий время совершения захоронения. Результаты сопоставительного анализа радиоуглеродных данных и исторических интервалов, основанных на анализе «бытования» вещей – хроноиндикаторов (рис. 9), подтвердили справедливость применения хронологической схемы, разработанной Я. Тейралом и Ф. Бирбрауэром для Центральной Европы к таким захоронениям, и ее синхронизации с восточноевропейскими древностями той же эпохи. Это был период непосредственно после вторжения гуннов в Восточную Европу, крушения готского «королевства Германариха» и битвы под Адрианополем 378 г.

Удревненный возраст морских водорослей – взморника, или *камки*, является результатом влияния морского резервуарного эффекта [40, р. 272] и должен учитываться при верификации радиоуглеродного возраста консументов, в состав рациона питания которых она могла входить.

1

2

Рис. 1. Локализация памятника. 1 – месторасположение городища и некрополя Фанагории; 2 – реконструкция местоположения раскопа некрополь С [по: 23, рис. 1]

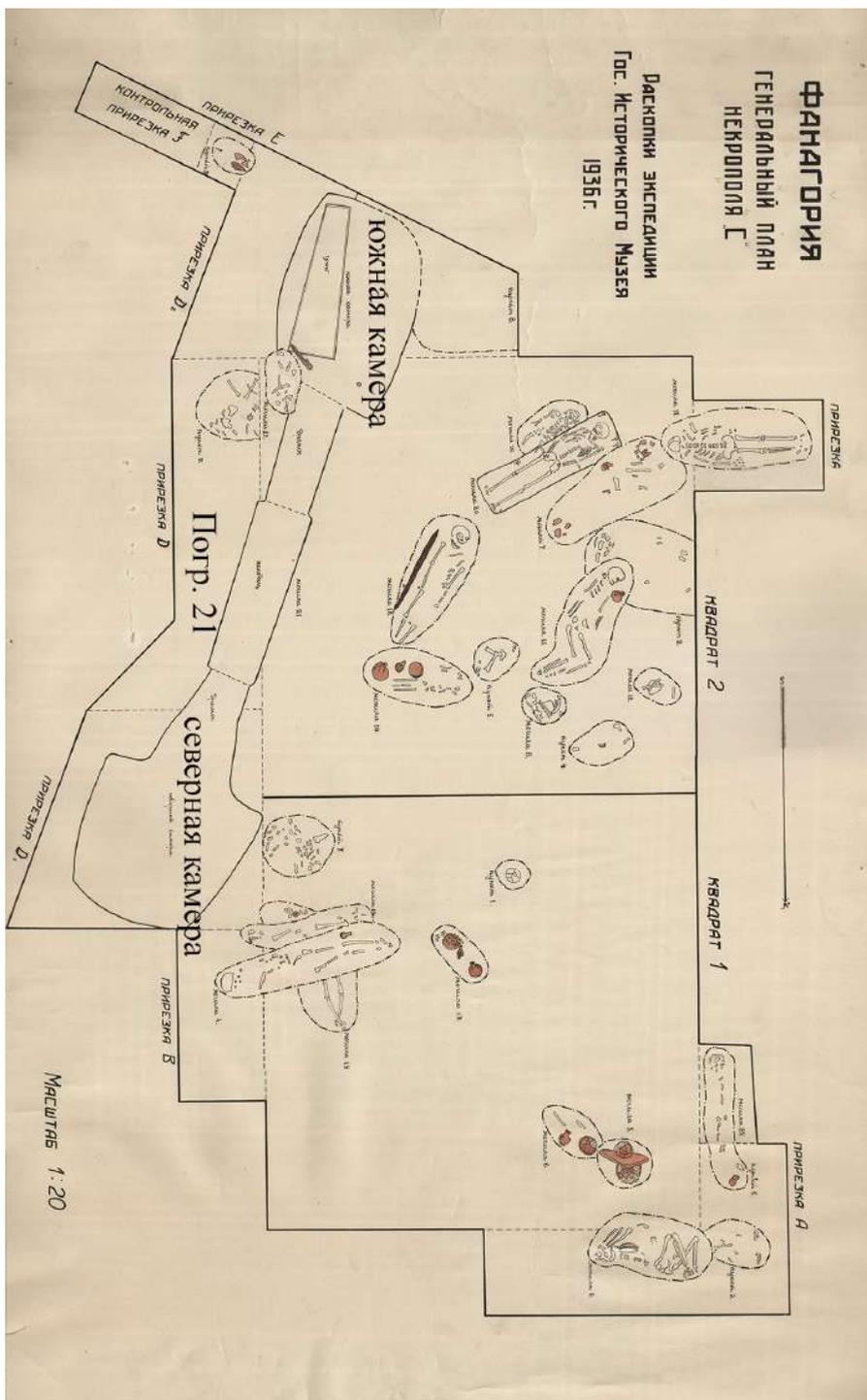

Рис. 2. Раскоп некрополя С 1936 г. с отмеченным на нем склепом 21 (план из фондов Научно-ведомственного архива ГИМ)

1

2

Рис. 3. Общий вид камер склепа 21 (фото из Научно-ведомственного архива ГИМ).
1 – северная; 2 – южная

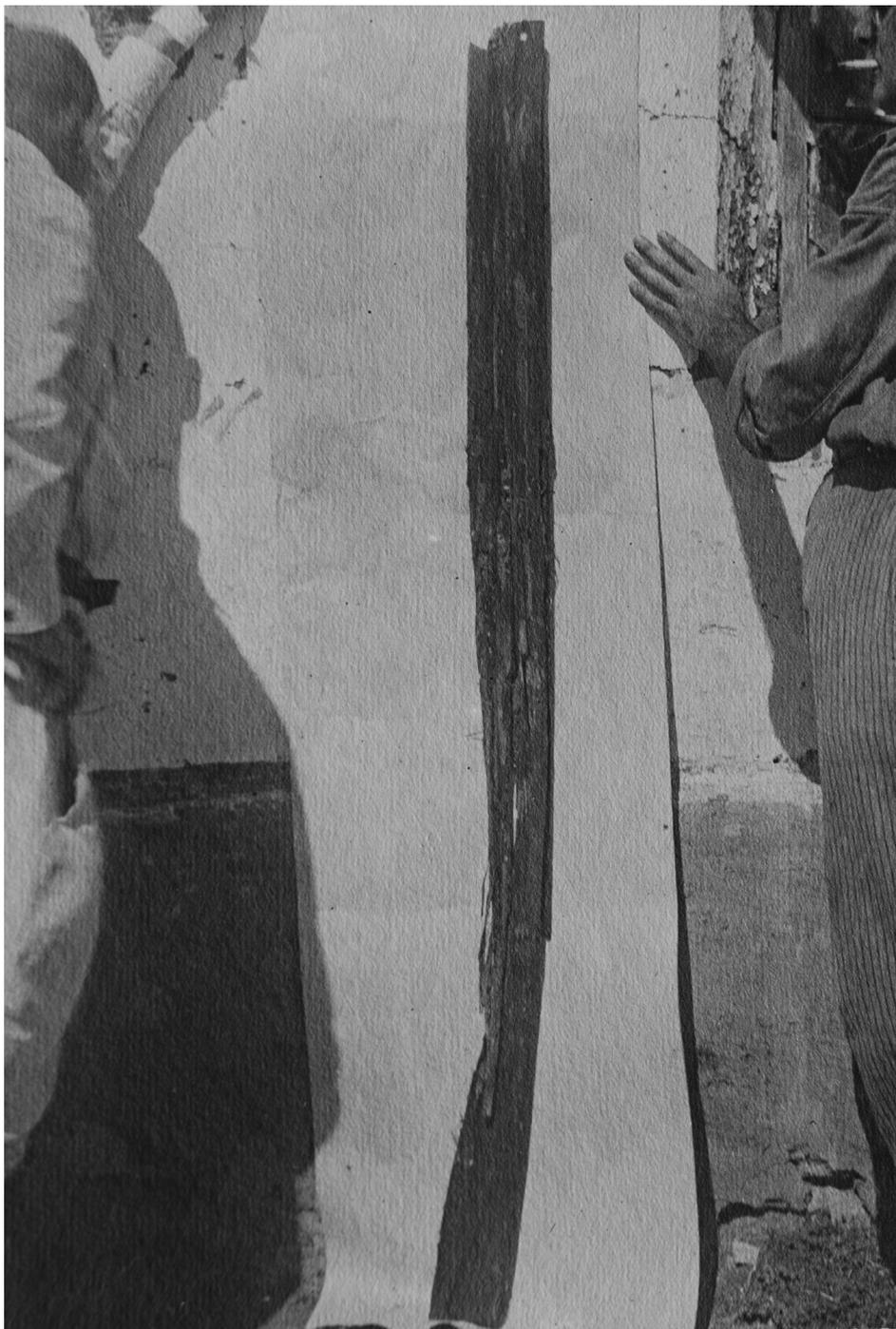

Рис. 4. Извлеченная доска гроба из южной камеры склепа (фото из Научно-ведомственного архива ГИМ)

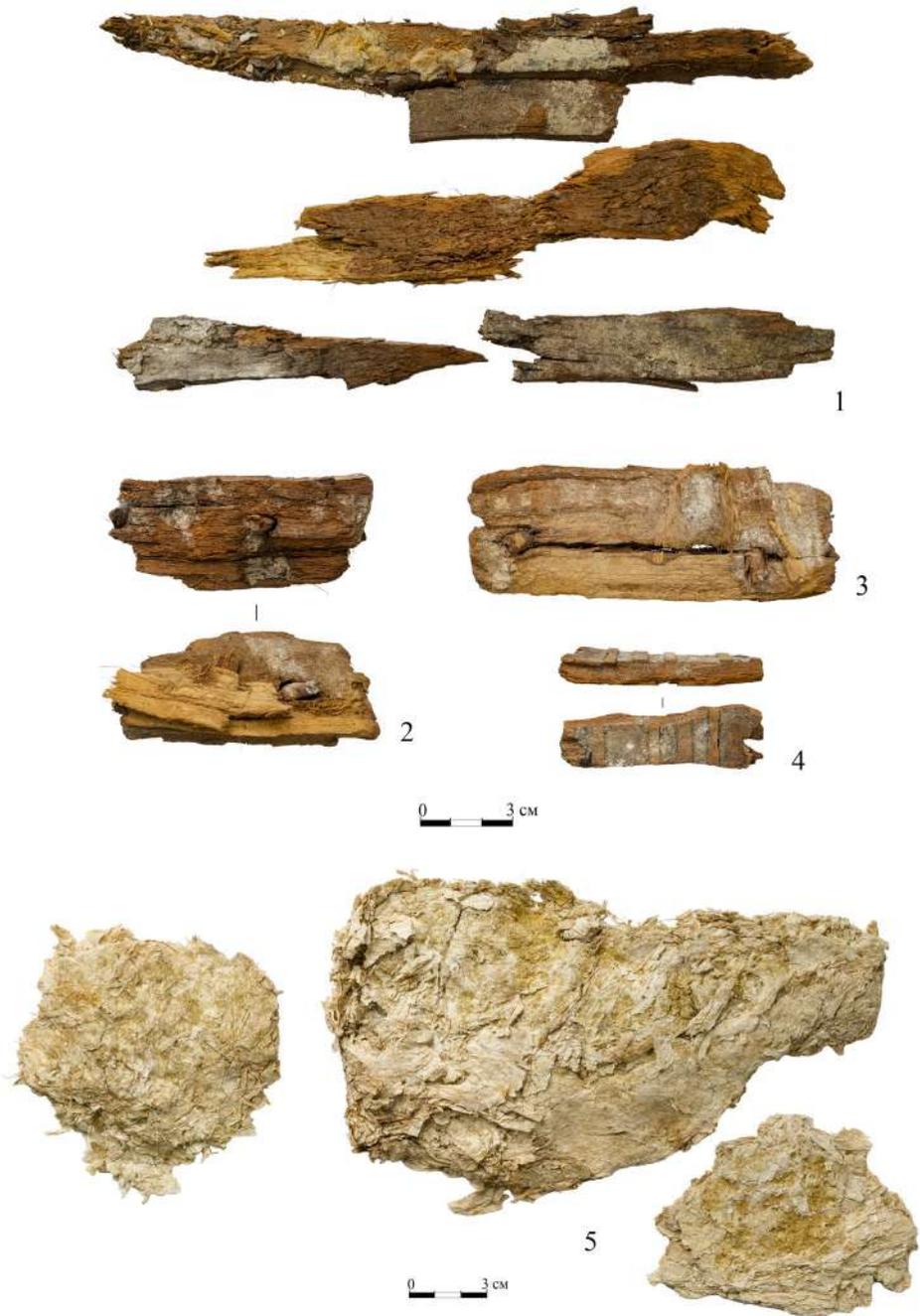

Рис. 5. Органические остатки из склепа 21 в фондах ГИМ.
1-3 – фрагменты можжевеловых досок гроба; 4 – фрагмент самшитового декора гроба;
5 – камка (морские водоросли) из дромоса склепа

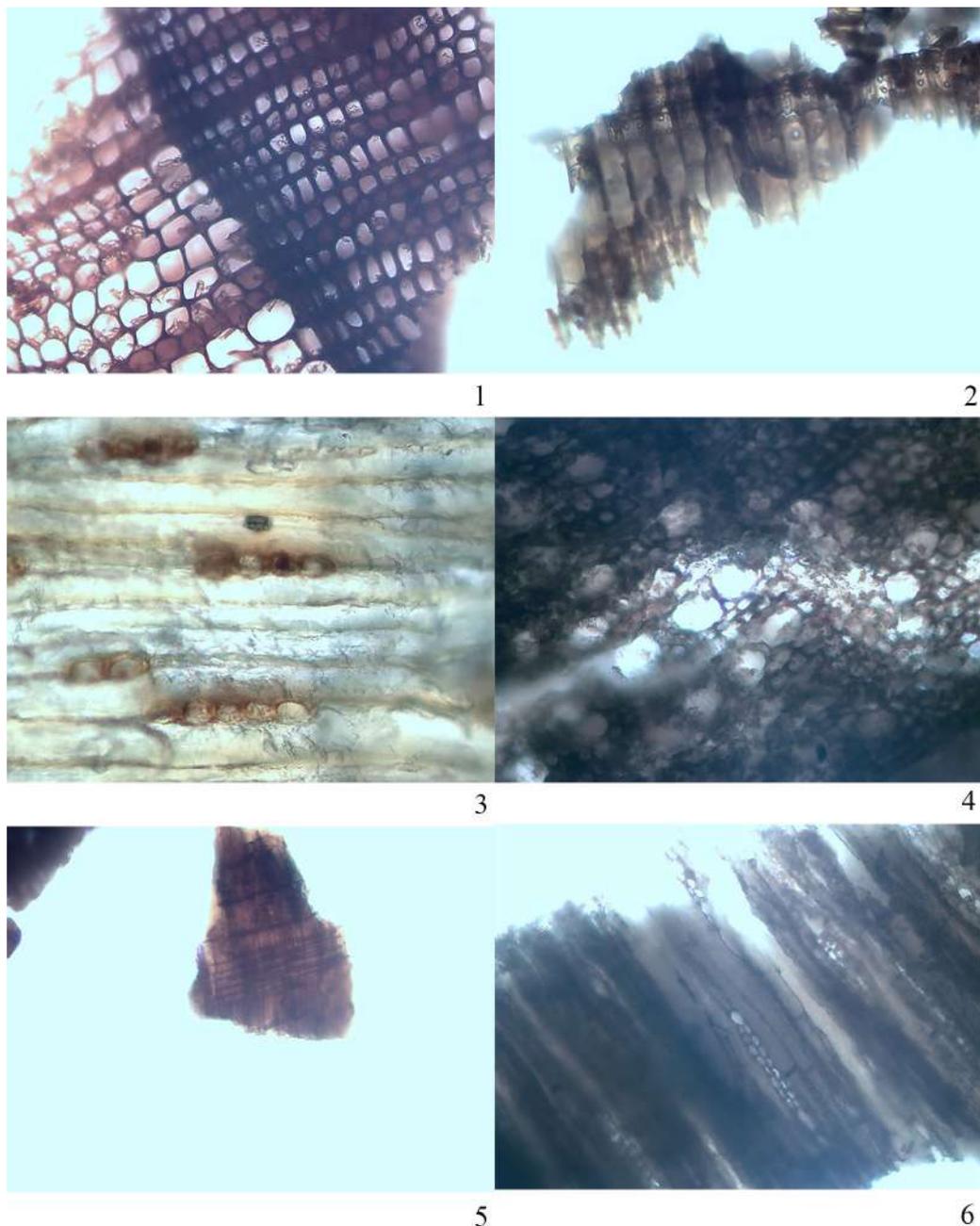

Рис. 6. Фанагория, некрополь С, склеп 21. Микрофотографии древесины, ув. 40х.
1 – можжевельник, поперечный срез; 2 – можжевельник, радиальный срез; 3 – можжевельник, тангенциальный срез; 4 – самшит, поперечный срез; 5 – самшит, радиальный срез; 6 – самшит, тангенциальный срез

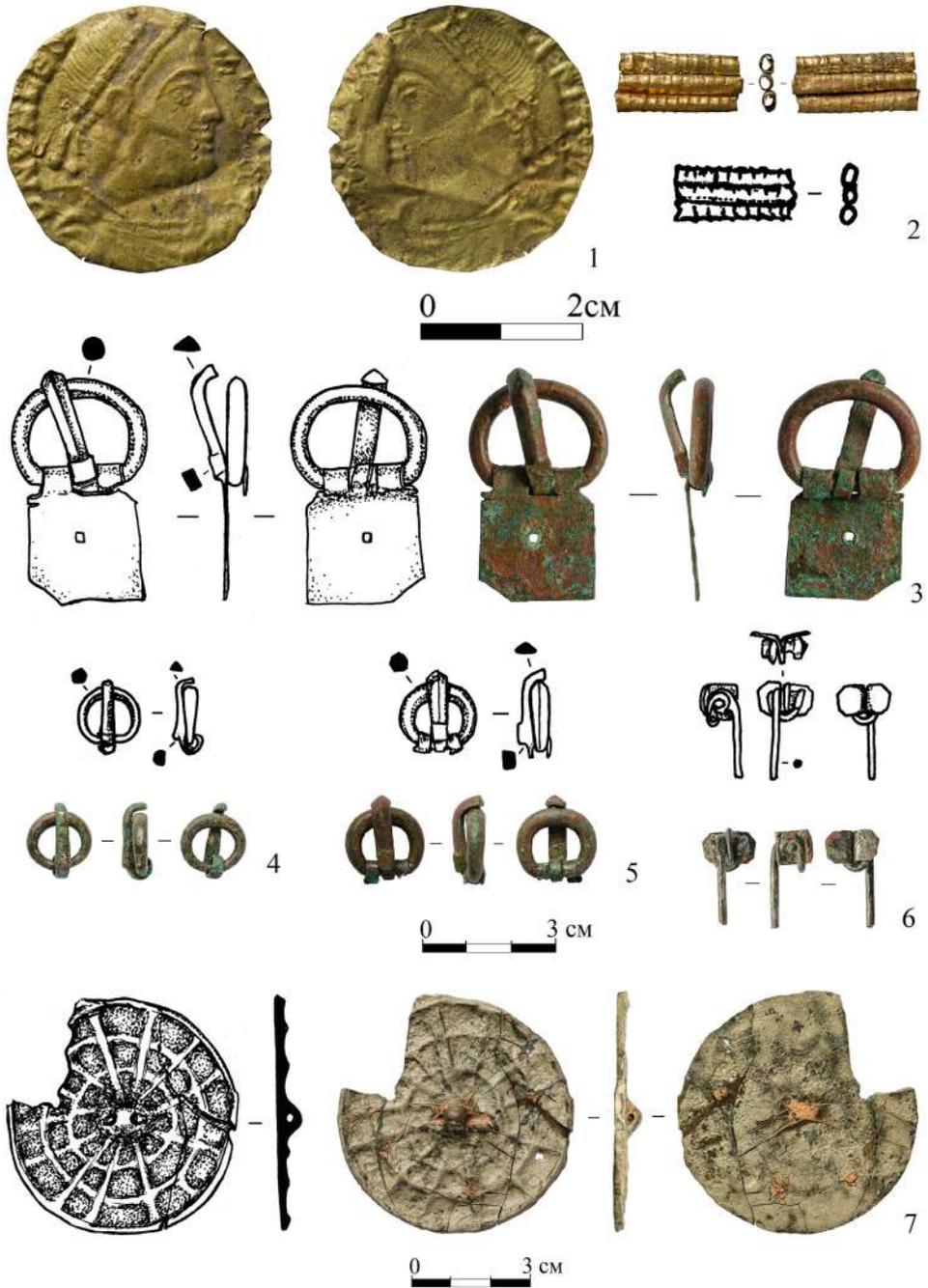

Рис. 7. Основные хроноиндикаторы склепа 21 некрополя Фанагории.

1-2 – золото; 3-5 – бронза; 6-7 – серебро

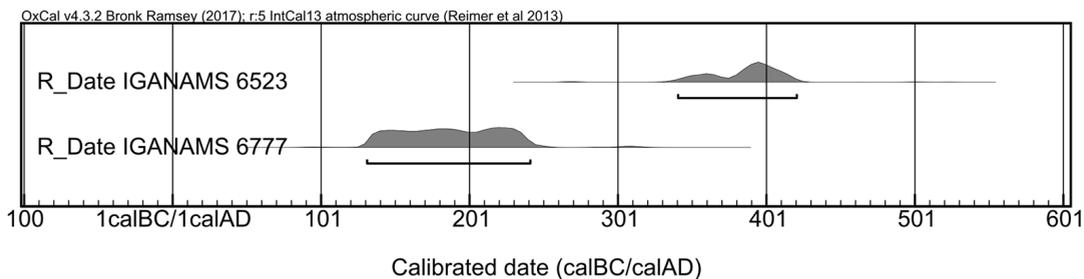

Рис. 8. Калиброванные радиоуглеродные даты

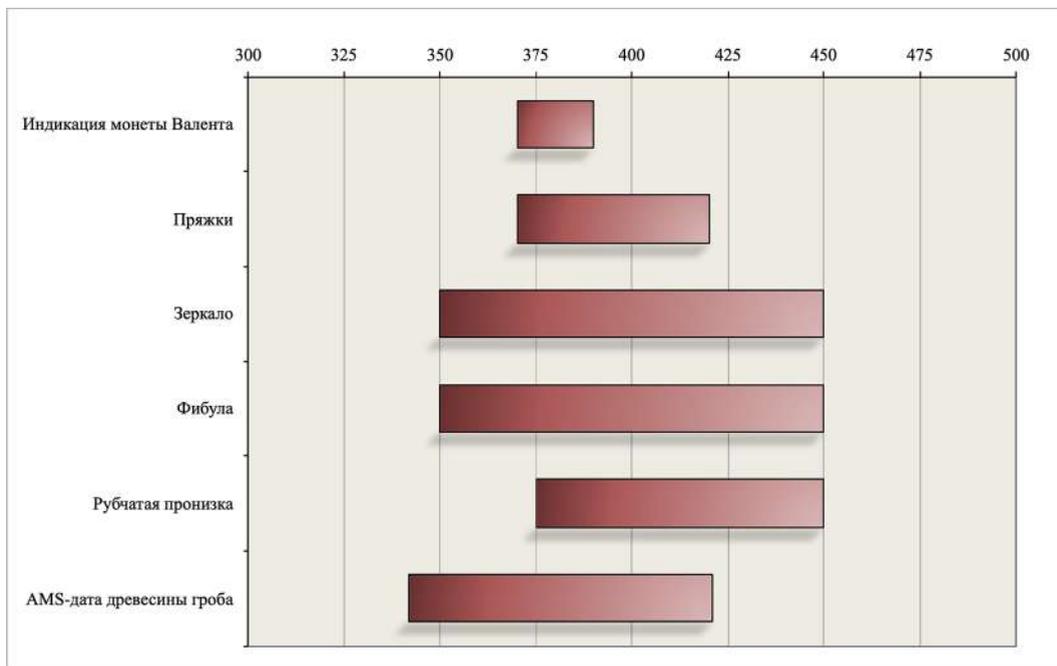

Рис. 9. Сводная диаграмма хронологии склепа 21

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамзон М.Г. Золотые индикации с античных монет из Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 2. Золото Фанагории / Под ред. М.Ю. Трейстера. М.: ИА РАН, 2015. С. 182–193.
2. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 3–86.
3. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 274–311.
4. Амброс А.К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э. – IV в. н. э. М.: Наука, 1966. 116 с. (САИ. Вып. Д1–30)
5. Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. Некрополь Танаиса (раскопки 1981–1995 гг.). М.: Палеограф, 2001. 274 с.
6. Блаватский В.Д. Отчет о раскопках Фанагории в 1936–1937 гг. // Труды ГИМ. Работы археологических экспедиций / Под ред. проф. Д.Н. Эдинга. 1941. Вып. XVI. С. 5–62.
7. Ворошилова О.М. Двухкамерный склеп 170 из Фанагории // ПИФК. 2019. № 4(66). С. 145–162.
8. Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М.: ИА РАН, 1997. 144 с.
9. Горбунова Н.Г. Раскопки курганов в Ферганской области // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 3. Л.: Наука, 1975. С. 29–33.
10. Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология / Ред. Г.И. Зайцева, Н.А. Боковенко, А.Ю. Алексеев, К.В. Чугунов, Е.М. Скотт. СПб.: Теза, 2005. 290 с.
11. Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., Хелльстрем К. Радиоуглеродное датирование женского элитного погребения Ногайчинского кургана (Крым) в культурно-историческом контексте // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Вып. I. Симферополь, Бахчисарай: Доля, 2013. С. 44–59.
12. Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н.э. // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 22–105.
13. Застрожнова (Панкратова) Е.Г. Фанагорийская археологическая экспедиция Государственного исторического музея. 1936–1937, 1939 гг. // Государственный исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников / Отв. ред. Д.В. Журавлев, Н.И. Шишлина. М., 2014. С. 112–125 (Труды ГИМ. Вып. 201).
14. Зеест И.Б. Земляные склепы некрополя Тузлы // КСИИМК. 1953. Вып. 51. С. 156–158.
15. Каменецкий И.С., Кропоткин В.В. Погребение гуннского времени близ Танаиса // СА. 1962. № 3. С. 235–240.
16. Комар А.В. Куда «запаздывают» монеты? (К вопросу о роли монет в датировке раннесредневековых памятников Восточной Европы VI–VIII вв.) // Петербургский апокриф. Послание от Марка / Ред. О.В. Шаров. СПб., Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2011. С. 555–566.
17. Кондрашов А.В., Пьянков А.В. О верхней хронологической границе Тузлинского некрополя // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2002. Вып. 2. С. 97–104.
18. Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 120 с. (САИ. Вып. Г4–4)
19. Кузнецов В.Д. Фанагорийский склеп с уступчатым перекрытием // ПИФК. 2004. № 14. С. 94–123.
20. Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI вв. н. э. М.: ИА РАН, 2009. 502 с.
21. Мастыкова А.В., Земцов Г.Л. Богатое погребение на поселении Мухино 2 на Верхнем Дону и имущественная градация привилегированных могил гуннского времени в Барбарикуме (горизонт Унтрезибенбрунн) // КСИА. 2016. Вып. 244. С. 131–145.
22. Медведев А.П. Позднеантичный некрополь Фанагории 4–5 вв. (раскопки 2005 г.) // Фанагория. Результаты археологических исследований. Материалы по археологии и истории Фанагории. Т. 1, вып. 1. М.: ИА РАН, 2013. С. 330–402.

23. Паромов Я.М. Археолого-топографический план Фанагории // Боспорский сборник. М., 1993. Вып. 2. С. 111–148.
24. ван дер Плихт Й., Шишлина Н.И., Зазовская Э.П. Радиоуглеродное датирование: хронология археологических культур и резервуарный эффект. М.: Палеограф, 2016. 112 с. (Труды ГИМ. Вып. 203).
25. Самшит колхидский: ретроспектива и современное состояние популяций / Под. ред. Б.С. Туниева. М.: Буки Веди, 2016. 205 с. (Труды Сочинского национального парка. Вып. 7).
26. Сокольский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья // МИА. 1971. № 178. 312 с.
27. Строков А.А. Ременные гарнитуры гуннской эпохи Азиатского Боспора // Боспорские исследования. 2009. Вып. XXI. С. 303–319.
28. Строков А.А. Склеп эпохи Великого Переселения народов из раскопок В.Д. Блаватского в Фанагории // КСИА. 2018. Вып. 251. С. 204–217.
29. Трейстер М.Ю. Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Каталог // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 2. Золото Фанагории / Под. ред. М.Ю. Трейстера. М.: ИА РАН, 2015. С. 340–390.
30. Трейстер М.Ю. Институт археологии РАН. Каталог // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 2. Золото Фанагории / Под. ред. М.Ю. Трейстера. М.: ИА РАН, 2015. С. 391–534.
31. Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 4. С. 58–71.
32. Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в Керчи в 1904 г. // ИАК. 1907. Вып. 25. С. 1–66.
33. Щукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 576 с.
34. Anke B. Studien zur reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts. Weissbach: Beier & Beran, 1998. 378 S.
35. Bierbrauer F. Historische Überlieferungen und archäologischer Befund. Ostgermanische Einwanderer unter Odoaker und Theoderich nach Italien. Aussagemöglichkeiten und Grenzen der Archäologie // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter. Krakow: Wydawnictwi i drukarnia Secesia, 1992. S. 263–277.
36. Gercen A., Maczyńska M., Černýš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemmann J., Schneider K., Jakubczyk I. Das frümittelalterliche Gräberfeld Almalyk-Dere am Fuss des Mangup-Plateaus // Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, Kulturaustausch und Transformation am Nordrand des Byzantinischen Reiches. Mainz: Verlag des RGZM, 2013. S. 125–145.
37. Istvánovits E., Kulcsár V. Tükrök a császárkori és a kora népvándorlás kori barbár népeknél a Kárpát-medencében // A Herman Ottó Múzeum Évkönyve. 1993. № XXX-XXXI/2. P. 9–58.
38. Maczyńska M. La question de l'origine des pendeloques en forme de lunules à décor au repoussé de l'époque des grandes migrations // La Méditerranée et le monde mérovingien: témoignes archéologiques / Dir. X. Delestre, P. Périn, M. Kazanski. Aix-en-Provence: Association Provence Archéologie, 2005. P. 247–255.
39. Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Buck C.E., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hafliðason H., Hajdas I., Hatté C., Heaton T.J., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Turney C.S.M., van der Plicht J. IntCal13 and MARINE13 radiocarbon age calibration curves 0–50000 years calBP // Radiocarbon. 2013. Vol. 55(4). P. 1869–1887.
40. Siani G., Paterne M., Arnold M., Bard E., Métivier B., Tisnerat N., Bassinot F. Radiocarbon reservoir ages in the Mediterranean Sea and Black Sea // Radiocarbon. 2000. Vol. 42(2). P. 271–280.
41. Stadler P. Quantitative Studien zur Archäologie der Awaren I. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2005. 427 S.
42. Tejral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonaauraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mitteltren Donaauraum / Hrsg. J. Tejral, H. Friesinger, M. Kazanski. Brno, 1997. S. 321–392. (Spisy Archeologického Ústavu Akademie věd České republiky 8).

43. Warren R., Higham Th. Radiocarbon dating at Klin-Yar // Belinskij A.B., Härke H. Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery. Bonn: Habelt-Verlag, 2017. P. 127–133.
44. Werner J., Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1956. 138 S.

REFERENCES

1. Abramzon M.G. Zolotyie indikatsii s antichnykh monet iz Fanagorii. Treister M.Ju. (Ed.), *Fanagoriii. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovanii. T. 2. Zoloto Fanagorii*. Moscow, Institut arkheologii RAS Publ., 2015, pp. 182–193.
2. Aibabin A.I. Khronologiiia mogil'nikov Kryma pozdnerimskogo vremeni. *Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii*, Simferopol, 1990, Vol. I. pp. 3–86.
3. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Rannie komplekсы mogil'nika u sela Luchistoe v Krymu. *Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii*, Simferopol, 1990, Vol. VI. pp. 274–311.
4. Ambroz A.K. *Fibuly iuga Evropeiskoi chasti SSSR II v. do n. e. – IV v. n. e.* Moscow, Nauka Publ., 1966, 116 p.
5. Arsen'eva T.M., Bezuglov S.I., Tolochko I.V. *Nekropol' Tanaisa (raskopki 1981–1995 gg.)*. Moscow, Paleograf Publ., 2001, 274 p.
6. Blavatskii V.D. Otchet o raskopkakh Fanagorii v 1936–1937 gg. Eding D.N. (Ed.), *Trudy GIM. Raboty arkheologicheskikh ekspeditsii*. Moscow, 1941, vol. XVI, pp. 5–62.
7. Voroshilova O.M. Dvukhkamernyi sklep 170 iz Fanagorii. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2019, No. 4(66), pp. 145–162.
8. Gei O.A., Bazhan I.A. *Khronologiiia epokhi «gotskikh pokhodov» (na territorii Vostochnoi Evropy i Kavkaza)*. Moscow, Institut arkheologii RAS Publ., 1997, 144 p.
9. Gorbunova N.G. Raskopki kurganov v Ferganskoj oblasti. *Uspekhi sredneaziatskoj arkheologii*, Leningrad, Nauka Publ., 1975, Vol. 3, pp. 29–33.
10. Zaitseva G.I., Bokovenko N.A., Alekseev A.Iu., Chugunov K.V., Scott E.M. (Eds.). *EvrAziia v skifskuii epokhu. Radiouglerodnaia i arkheologicheskaia khronologiiia*. St-Petersburg, Teza Publ., 2005, 290 p.
11. Zaitsev Iu.P., Mordvintseva V.I., Hellström K. Radiouglerodnoe datirovanie zhenskogo elitnogo pogrebeniia Nogaichinskogo kurgana (Krym) v kul'turno-istoricheskom kontekste. *Krym v sarmatskuii epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)*, vol. I, Simferopol, Bakhchisarai, Dolia Publ., 2013, pp. 44–59.
12. Zasetskaia I.P. Materialy Bosporskogo nekropolia vtoroi poloviny IV – pervoi poloviny V vv. n.e. *Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii*, Simferopol, 1993, vol. III, pp. 22–105.
13. Zastrozhnova (Pankratova) E.G. Fanagoriiskaia arkheologicheskaia ekspeditsiia Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia. 1936–1937, 1939 gg. Zhuravlev D.V., Shishlina N.I. (Eds.), *Gosudarstvennyi istoricheskii muzei i otechestvennaia arkheologiiia. K 100-letiiu otdela arkheologicheskikh pamiatnikov*, Moscow, 2014, pp. 112–125.
14. Zeest I.B. Zemlianye sklepy nekropolia Tuzly. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury*, 1953, vol. 51, pp. 156–158.
15. Kamenetskii I.S., Kropotkin V.V. Pogrebenie gunnskogo vremeni bliz Tanaisa. *Sovetskaia arkheologiiia*, 1962, No. 3, pp. 235–240.
16. Komar A.V. Kuda «zapazdyvaiut» monety? (K voprosu o roli monet v datirovke rannesrednevekovykh pamiatnikov Vostochnoi Evropy VI–VIII vv.). Sharov O.V. (Ed.), *Peterburgskii apokrif. Poslanie ot Marka*, St-Petersburg, Kishinev, Vysshiaia Antropologicheskaia Shkola Publ., 2011, pp. 555–566.
17. Kondrashov A.V., P'iankov A.V. O verkhnei khronologicheskoi granitse Tuzlinskogo nekropolia. *Materialy i issledovaniia po arheologii Kubani*, Krasnodar, 2002, vol. 2, pp. 97–104.
18. Kropotkin V.V. *Klady rimskikh monet na territorii SSSR*. Moscow, Akademiia nauk SSSR Publ., 1961, 120 p.
19. Kuznetsov V.D. Fanagoriiskii sklep s ustupchatym perekrytiem. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2004, No. 14, pp. 94–123.

20. Mastykova A.V. *Zhenskii kostium Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ia v kontse IV – seredine VI vv. n. e.* Moscow, Institut arkheologii RAS Publ., 2009, 502 p.
21. Mastykova A.V., Zemtsov G.L. Bogatoe pogrebenie na poselenii Mukhino 2 na Verkhnem Donu i imushchestvennaia gradatsiia privilegirovannykh mogil gunnskogo vremeni v Barbarikume (gorizont Untresiebenbrunn). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, 2016, vol. 244, pp. 131–145.
22. Medvedev A.P. Pozdneantichnyi nekropol' Fanagorii 4–5 vv. (raskopki 2005 g.). Kuznetsov V.D. (Ed.), *Fanagoriia. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovani. Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii*, T. 1, vol. 1, Moscow, Institut arkheologii RAS Publ., 2013, pp. 330–402.
23. Paromov Ia.M. Arkheologo-topograficheskii plan Fanagorii. *Bosporskii sbornik*, Moscow, 1993, vol. 2, pp. 111–148.
24. van der Plicht I., Shishlina N.I., Zazovskaia E.P. *Radiouglerodnoe datirovanie: khronologiiia arkheologicheskikh kul'tur i rezervuarnyi effekt*. Moscow, Paleograf Publ., 2016, 112 p.
25. Tuniev B.S. (Ed.). *Samshit kolkhidskii: retrospektiva i sovremennoe sostoianie populiatsii*. Moscow, Buki Vedi Publ., 2016, 205 p.
26. Sokol'skii N.I. Derevoobrabatyvaiushchee remeslo v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ia. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, Akademiia nauk SSSR Publ., 1971, No. 178, 312 p.
27. Strokov A.A. Remennye garnitury gunnskoï epokhi Aziatskogo Bospora. *Bosporskie issledovaniia*, Kerch, 2009, vol. XXI, pp. 303–319.
28. Strokov A.A. Sklep epokhi Velikogo Pereseleniia narodov iz raskopok V.D. Blavatskogo v Fanagorii. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, 2018, vol. 251, pp. 204–217.
29. Treister M.Iu. Gosudarstvennyi muzei izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina. Katalog. Treister M.Iu. (Ed.), *Fanagoriia. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovani. T. 2. Zoloto Fanagorii*. Moscow, Institut arkheologii RAS Publ., 2015, pp. 340–390.
30. Treister M.Iu. Institut arkheologii RAN. Katalog. Treister M.Iu. (Ed.), *Fanagoriia. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovani. T. 2. Zoloto Fanagorii*. Moscow, Institut arkheologii RAS Publ., 2015, pp. 391–534.
31. Khazanov A.M. Genezis sarmatskikh bronzovykh zerkal. *Sovetskaia arkheologiia*, 1963, No. 4, pp. 58–71.
32. Shkorpil V.V. Otchet o raskopkakh v Kerchi v 1904 g. *Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii*, 1907, vol. 25, pp. 1–66.
33. Shchukin M.B. *Gotskii put' (goty, Rim i cherniakhovskaia kul'tura)*. St-Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2005, 576 p.
34. Anke B. *Studien zur reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts*. Weissbach, Beier & Beran, 1998, 378 p.
35. Bierbrauer F. Historische Überlieferungen und archäologischer Befund. Ostgermanische Einwanderer unter Odoaker und Theoderich nach Italien. Aussagemöglichkeiten und Grenzen der Archäologie. *Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter*, Krakow, Wydawnictwi i drukarnia Secesia, 1992, pp. 263–277.
36. Gercen A., Maczyńska M., Černýš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemmann J., Schneider K., Jakubczyk I. Das frümittelalterliche Gräberfeld Almalyk-Dere am Fuss des Mangup-Plateus. *Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, Kulturaustausch und Transformation am Nordrand des Byzantinischen Reiches*, Mainz, Verlag des RGZM, 2013, pp. 125–145.
37. Istvánovits E., Kulcsár V. Tükrök a császárkori és a kora népvándorlás kori barbár népeknél a Kárpát-medencében. *A Herman Ottó Múzeum Évkönyve*, 1993, No. XXX-XXXI/2, pp. 9–58.
38. Maczyńska M. La question de l'origine des pendeloques en forme de lunules à décor au repoussé de l'époque des grandes migrations. Delestre X., Périn P., Kazanski M. (Eds.), *La Méditerranée et le monde mérovingien: témoignes ar-chéologiques*, Aix-en-Provence, Association Provence Archéologie, 2005, pp. 247–255.

39. Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Buck C.E., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Haflidason H., Hajdas I., Hatté C., Heaton T.J., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Turney C.S.M., van der Plicht J. IntCal13 and MARINE13 radiocarbon age calibration curves 0-50000 years calBP. *Radiocarbon*, 2013. vol. 55 (4), pp. 1869–1887.
40. Siani G., Paterne M., Arnold M., Bard E., Métivier B., Tisnerat N., Bassinot F. Radiocarbon reservoir ages in the Mediterranean Sea and Black Sea. *Radiocarbon*, 2000, vol. 42 (2), pp. 271–280.
41. Stadler P. *Quantitative Studien zur Archäologie der Awaren I*. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2005, 427 p.
42. Tejral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum. Tejral J., Friesinger H., Kazanski M. (Eds.), *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum*. Brno, Archäologisches Institut der Akademie der Wissenschaften der Tschechischen Republik, 1997, pp. 321–392.
43. Warren R., Higham Th. Radiocarbon dating at Klin-Yar. Belinskij A.B., Härke H. *Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery*. Bonn, Habelt Verlag, 2017, pp. 127–133.
44. Werner J., *Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches*. München, Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1956, 138 p.

Информация об авторе

Строков А. А. – младший научный сотрудник Лаборатории контекстуальной антропологии Института археологии РАН, Researcher ID: AAH-8067-2019.

Information about the author

Strokov A. A. – Junior Researcher at the Laboratory of contextual anthropology of the Institute of Archaeology of RAS, Researcher ID: AAH-8067-2019.

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА МОГИЛЬНИКА РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ФРОНТОВОЕ 3 (ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ)

Евгений Владимирович Суханов

*Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия, sukhanov_ev@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0072-1428>*

Аннотация. Статья посвящена введению в научный оборот комплекса лепной посуды, найденной в ходе исследований могильника Фронтное 3, который датируется концом I – началом V вв. В статье рассматриваются формы лепных сосудов, их хронология и планиграфия. Изложены первые данные технологического изучения лепной керамики. Большинство рассмотренных сосудов происходят из могил поздней зоны, датируемой второй половиной III – началом V вв. Круг аналогий рассмотренным типам лепных сосудов связан с синхронными и более ранними крымскими памятниками – преимущественно могильниками Юго-Западного Крыма.

Ключевые слова: римское время, лепная керамика, Фронтное 3

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 20-18-00396 «Варвары и Рим в Юго-Западном Крыму: взаимодействие культур». Автор выражает благодарность А. Н. Свиридову и С. В. Языкову за предоставленную возможность работать с материалом и опубликовать его и И. О. Гавритухину за многочисленные и ценные консультации, оказанные по ходу исследования.

HANDMADE POTTERY IN THE ROMAN PERIOD CEMETERY OF FRONTOVOE 3 (A PRELIMINARY PUBLICATION)

Evgeny V. Sukhanov

*Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, sukhanov_ev@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0072-1428>*

Abstract. This paper introduces into the scholarship the complex of handmade pottery discovered by the investigations of the Roman period cemetery of Frontovoe 3 dated from the late first to early fifth century. The paper addresses the forms of handmade vessels, their chronology, and spatial structure (planigraphy). The primary results of the technological analysis of handmade pottery in question have been stated. Most vessels under analysis originate from the graves from the latest zone dating from the second half of the third to early fifth century. The circle of analogies to the types of handmade vessels in question is related with synchronous and earlier Crimean sites, mostly the cemeteries located in the south-western Crimea.

Keywords: Roman period, handmade pottery, Frontovoe 3

Acknowledgments: The work was carried out within the framework of project No. 20-18-00396 supported by Russian Science Foundation. The author is grateful to A. N. Sviridov and S. V. Yazikov for the opportunity to work with the material and publish it, and to I. O. Gavritukhin for the numerous and valuable consultations provided during the research.

В 2018 году Севастопольским отрядом Крымской новостроечной экспедиции ИА РАН был полностью исследован новый могильник римского времени в Юго-Западном Крыму – Фронтное 3 (авторы раскопок А. Н. Свиридов и С. В. Языков). Изучено 332 погребения, в т.ч. 328 римского времени, из них 305 подбойных могил, 12 грунтовых склепов, а также несколько погребений в ямах и амфорах. Если не считать 4 захоронения бронзового века, могильник датируется концом I – началом V вв.

В настоящее время коллективом исследователей, принявших участие в изучении этого памятника, проводится работа по анализу полученных материалов и постепенному их введению в научный оборот [15; 16; 17; 27]. Эта статья ставит перед собой задачу познакомиться с комплексом лепной керамики, найденной в ходе исследований могильника.

Всего обнаружено 109 лепных сосудов, что составляет около 19% от общего количества керамики могильника. Предлагаемая здесь типология лепной посуды является предварительной. Мы сознательно делаем ее не очень дробной, поскольку основной решаемой здесь задачей является систематизация полученного материала.

Прежде чем перейти к описанию материала, нужно сделать одно вводное замечание. В погребениях Фронтного 3 встречен разнообразный вещевой инвентарь, в том числе датирующий. По этому инвентарю в целом понятна внутренняя хронология могильника – она достаточно подробно изложена в предварительной публикации памятника [16]. Однако полноценно использовать металлический, стеклянный и костяной инвентарь для датирования разных типов лепной посуды пока что невозможно, поскольку большинство вещей ко времени подготовки данной статьи находятся на реставрации. Поэтому для определения дат разных типов лепной посуды в этой статье будут использоваться краснолаковые сосуды и амфоры с учетом поправок по хронологическим границам разных периодов кладбища, установленным по некерамическому инвентарю. Чтобы избежать многочисленных повторений наименований датирующей керамики, самые распространённые типы таких сосудов представлены в таблице 1.

Прежде чем перейти к описанию комплекса лепной посуды из Фронтного 3, скажем несколько слов о принципах предлагаемой здесь систематики. Для разделения лепной керамики на функциональные категории мы ориентировались на схему В. П. Власова, сделанную на основании материалов могильника Дружное [10]. Для более детальной группировки форм на «типы» в пределах таких категорий, как кувшины, кружки и горшки, использовались, в основном, два критерия: 1) общая пропорциональность формы, т.е. соотношение высоты и максимального диаметра; 2) выраженность верхней части сосуда (горла или шеи). Некоторые типы кувшинов дополнительно разделены на «варианты», выделенные на основании геометрии тулова сосуда, однако такое разделение очень условно на фоне более существенных различий в пропорциях кувшина в целом и отдельных его частей.

Описанный выше принцип нарушен при группировке мисок. Это связано с тем, что по общей пропорциональности почти все миски оказались сложно дифференцируемы. Поэтому деление на типы выполнено, в основном, по геометрии контура формы и наличию / отсутствию ручек.

Таблица 1. Наиболее распространенные датированные керамические сосуды из погребений с лепной посудой

Индикаторы раннего периода		
<i>Наименование</i>	<i>Дата</i>	<i>Литература</i>
Кружка Журавлев форма 1	I–III вв., наиболее широко распространены во II веке	19, с. 92
Кувшин Журавлев форма 18	II – начало III в.	19, с. 82
Тарелка Журавлев форма 6	II – начало III в.	19, с. 49–50
Тарелка Журавлев форма 4	II – середина III в.	19, с. 47
Кувшин Журавлев форма 37	конец II – середина III в.	19, с. 89
Кувшин Журавлев форма 39	конец II – середина III в.	19, с. 90
Кувшин Ушаков и др. тип 10	III в.	31, с. 71
Индикаторы позднего периода		
<i>Наименование</i>	<i>Дата</i>	<i>Литература</i>
Кувшины Нессель тип IV.2	III–IV вв.	32, с. 60; 25, с. 118
Кувшины Нессель тип IV.4	III–IV вв., либо IV в.	32, с. 60; 25, с. 119
Миска Ушаков и др. тип 6	III – середина / третья четверть IV в.	32, с. 70
Миска Ушаков и др. тип 4	вторая четверть III – начало V в., либо вторая половина III – IV в.	25, с. 114; 31, с. 67
Амфоры варианта Внуков C IVF	конец III – начало V в.	13, с. 43
«Понтийская краснолаковая», блюда Домжальский форма 1	середина IV (возможно раньше) – середина V (возможно позже) в.	35, р. 426
«Понтийская краснолаковая», блюда Домжальский форма 2	середина – конец IV в.	35, р. 426

Миски (29 сосудов)

Тип 1 (рис. 1, 1–16). Миски с туловом усеченно-конической формы. К этому типу относятся 16 сосудов из погребений 3, 23, 47, 52, 89, 94, 135, 141, 156, 158, 159 (2 шт.), 174, 178 (2 шт.), 180. Миски данного типа найдены на Фронтное 3 в могилах разного времени. В погребении 3 такая миска находилась вместе с индикатором II – первой половины III в. – краснолаковой тарелкой Журавлев форма 4. В погребении 94 вместе с миской найден краснолаковый кувшин Ушаков и др. тип 10, относящийся к III в. В погребениях 89, 158, 178 такие миски находились в комплексе с хронологическими индикаторами IV в. Таким образом, этот тип мисок имеет довольно широкую датировку. Этому не противоречат и аналогии из других памятников. Лепные миски усеченно-конической формы являются весьма характерными для крымских древностей I в. до н. э. – IV в. н. э. [32, с. 67, 69, 71, рис. 70,1–4; 74,10; 77,5; 204,7; 18, табл. 22,10; 26,18,19; 52,11–18]. Такие миски бытовали в Юго-Западном Крыму и позднее, вплоть до V–VI вв. [см., напр.: 3, рис. 69,1; 72,5; 9, рис. 92,12,14].

Тип 2 (рис. 1,17–24). «Округлобокие» миски с туловом полусферической формы. 8 сосудов из погребений 41, 51, 86, 96, 99, 171 (2 шт.), 173. Высота таких мисок составляет, как правило, 7–9 см, однако максимальный диаметр более разнообразен – от 13 до 24 см. В погребениях Фронтового 3 такие миски, в отличие от предыдущего типа, встречены только с хроноиндикаторами второй половины III – IV вв. Однако в целом, лепные миски такой формы в Крыму имеют гораздо более длинный период бытования – аналогии известны в материалах III в. до н. э. – V в. н. э. [18, табл. 11,7,13,15; 16,16; 22,1; 27,15; 30, табл. XXX,5–7; 36, Taf. 194,3; 195, 4,5].

Тип 3 (рис. 1,25–29). 5 сосудов из погребений 62, 67, 94, 138, 255. Миски усеченно-конической формы, снабженные одной или двумя короткими ручками. По форме соответствуют мискам типа 1. Даты краснолаковых сосудов, найденных на Фронтовом 3 в комплексах с мисками типа 3, показывают, что они характерны, в основном, для погребений II–III вв. В погребениях 67 и 255 такие миски зафиксированы вместе с краснолаковыми кувшинами Журавлев форма 37 и форма 39, датирующимися концом II – первой половиной III вв., в погребении 94 – с кувшином Ушаков и др. тип 10, который относится к III в. Самый поздний хроноиндикатор с такой миской зафиксирован в погребении 62 – кувшин Нессель тип IV.2 III–IV вв. В других крымских памятниках такие миски встречаются в комплексах, датирующихся, в основном, I–III вв., например, поселения Южно-Донузлавское и Усть-Альма, Чернореченский могильник [5, табл. X,2; 18, табл. 22,3,4; 25,15; 52,7].

Кувшины (28 сосудов)

Тип 1 (рис. 2,1–10). К этому типу мы отнесли кувшины высоких пропорций (соотношение высоты / максимального диаметра, как правило, находится в диапазоне 1,3–1,5) с высоким узким воронковидным горлом. Важная деталь, заложенная как одно из оснований для выделения этого типа – горло составляет около половины от общей высоты кувшина. По форме тулова можно выделить три варианта:

Вариант 1. Кувшины с туловом биконической формы (рис. 2,1–5). 5 сосудов из погребений 89, 136, 137, 171, 174. Высота кувшинов 18–23 см, максимальный диаметр 12–16 см. Отличается один сосуд высотой около 14 см (рис. 2,3).

Вариант 2. Кувшины с туловом эллипсоидной формы (рис. 2,6–9). 4 сосуда из погребений 51, 154 (2 шт.), 159. Высота кувшинов 17–18 см, максимальный диаметр 12–14 см.

Вариант 3. Кувшин с туловом шаровидной формы (рис. 2,10) из погребения 52. Высота 25 см, максимальный диаметр 16 см.

В захоронениях Фронтового 3 такие кувшины найдены с краснолаковыми сосудами второй половины III – IV вв. Судя по аналогиям, кувшины этого типа бытовали достаточно долгий период времени. Они известны в ряде крымских могильников, относящихся как к первым векам н. э. [33, рис. 14,10; 18, табл. 51,8,13], так и более позднему времени. Такие кувшины найдены, например, в ранних комплексах могильника Алмалык-Дере, возникшего не ранее середины – конца IV в. [36, Taf. 201,5; 281,3; 282,1; 328]. Больше всего близких по форме аналогий найдено на мо-

гильнике Дружное, который относится к III – IV вв. [32, рис. 129,4; 133,19; 138,4; 139,1,2; 162,2–5,7; 178,2; 180,5,7; 195,2]. Кувшины подобной формы известны в первые века н. э. и за пределами Крыма, например, в синхронных и более ранних материалах Волго-Донского региона [28, рис. 15,8–10; 29, рис. 3,1–6; 7, рис. 33,7].

Тип 2 (рис. 2,11,12). 2 кувшина из погребений 137 и 146. Кувшины высоких пропорций с вертикально вытянутым овалоидным туловом и коротким воронковидным горлом. К этому типу относятся два сосуда разных размеров: высота 9 и 15 см, максимальный диаметр 7 и 11 см соответственно. В погребении 137 кувшин этого типа найден вместе с краснолаковой керамикой середины – конца IV в. В синхронных материалах региона морфологически близкие аналогии этим кувшинам присутствуют в могильниках Дружное и Совхоз-10 [30, табл. XXXI,7; 32, рис. 160,2; 185,4].

Тип 3 (рис. 2,13–23; 3,30). Кувшины низких пропорций (соотношение высоты / максимального диаметра, как правило, находится в диапазоне 1–1,2) с коротким воронковидным горлом. По форме тулова можно выделить три варианта:

Вариант 1 (рис. 2,13–21). 9 сосудов из погребений 28, 41, 45, 50, 51, 85, 89, 136, 177. Кувшины с туловом шаровидной формы, место наибольшего расширения приходится примерно на среднюю его часть (по высоте). Размеры сосудов этого варианта весьма устойчивы: высота, как правило, составляет 18–20 см, максимальный диаметр 16–17 см.

Вариант 2 (рис. 2,22). Кувшин с туловом биконической формы. Высота 13 см, максимальный диаметр 12 см. Найден в погребении 155 вместе с датирующими сосудами второй половины III – IV вв. Самые ранние аналогии таким кувшинам с территории Крыма относятся к рубежу эр [17, табл. 21,5], однако более широко они известны в комплексах III – начала V вв. Дружное, Совхоз-10, Алмалык-Дере, Тиритака, Танаис [4, табл. XVIII,2; 23, рис. 39,3; 30, табл. XXXI,6; 32, рис. 112,2; 146,8; 180,4; 202,3; 37, Taf. 127,1].

Вариант 3 (рис. 2,23; 3,30). 2 кувшина из погребений 99 и 138. Кувшины с «низким» туловом эллипсоидной формы. К данному типу относятся два кувшина высотой 14–16 см, максимальным диаметром 12–15 см. В погребении 99 вместе с таким кувшином были обнаружены датирующие сосуды второй половины III – IV вв. Весьма близкая по форме аналогия происходит из Дружного [10, рис. 10,14].

Тип 4 (рис. 3,31). Представлен одним сосудом из погребения 30. Это кувшин высоких пропорций с коротким расширяющимся горлом. Максимальный диаметр сосуда приходится примерно на середину его высоты. Высота сосуда 16 см, максимальный диаметр 12 см. Датирующих типов краснолаковых сосудов в погребении, откуда происходит этот кувшин, не обнаружено. Аналогии найдены на городище Альма-Кермен (II–III вв.) [18, табл. 5,8–10], могильнике Дружное (III–IV вв.) [32, рис. 99,5; 131,3]. Похожая форма кувшинов известна в Скалистом в более позднее время [9, рис. 74,3]. Отметим также, что сосуды подобной формы находят аналогии за пределами Крыма, среди круговых кувшинов из могильников среднесарматской культуры [6, табл. 16, тип 2]. Для этого типа кувшинов, опираясь на материалы Дружно-

го [11], В. П. Власов приводит северокавказские аналогии [1, рис. 9,25; 2, рис. 67,2], однако они, на наш взгляд, весьма отдаленные, а у некоторых совсем другая ручка по форме и месту крепления.

Тип 5 (рис. 3,34). К этому типу также относится один сосуд, найденный в погребении 224. Высота кувшина 9 см, максимальный диаметр около 6 см. Учитывая миниатюрный размер сосуда, его отнесении к категории кувшинов весьма условно. Сосуд имеет вертикально вытянутое тулово грушевидной формы, которое слабо сужается кверху, а затем плавно переходит в короткое широкое горло, имеющее подтреугольную в поперечном сечении форму. В погребении вместе с этим сосудом была найдена краснолаковая тарелка Журавлев форма 6, относящаяся к II – началу III вв. Достаточно близкая аналогия этому сосуду найдена в одном из погребений среднесарматской культуры у с. Бережновка [28, рис. 13,8].

Тип 6 (рис. 3,32–33). 2 сосуда из погребений 92 и 101. Кувшины низких пропорций с приземистым туловом грушевидной формы и коротким слабовыраженным горлом. Размеры кувшинов, отнесенных к этому типу, отличаются. У кувшина из погребения 92 высота 20 см, максимальный диаметр 17 см, у кувшина из погребения 101 и высота и максимальный диаметр около 13 см. Датирующих керамическим сосудам в погребениях вместе кувшинами не найдено. Аналогий таким сосудам немного, в Крыму это могильник Дружное [10, рис. 8,8,11]. Похожие сосуды найдены в некоторых погребениях III–IV вв. с территории Северного Кавказа [1, рис. 49,1,2,18; 52,16].

Кружки (29 сосудов)

Кружки из могильника Фронтное 3 очень разнообразны по форме. Дробная типология не имеет большого смысла, т.к. количество типов в таком случае будет весьма высоким, а число сосудов, относящихся к каждому из них, сравнительно небольшим. Мы считаем возможным разделить найденные кружки на три основных типа, отличающихся по форме тулова и пропорциям.

Тип 1 (рис. 3,1–23). Кружки с туловом шаровидной или округло-биконической формы. К типу относятся 23 кружки из погребений 48, 51, 86, 89, 104, 135, 136 (3 шт.), 137, 138, 154 (5 шт.), 157, 158, 159, 171, 172, 178, 177. У большинства кружек высота и максимальный диаметр составляют обычно от 8 до 13 см. Более крупными размерами выделяются только 2 кружки (рис. 3,22,23). На Фронтное 3 кружки типа 1 встречены в комплексах совместно с краснолаковыми сосудами и амфорами (С IVF) второй половины III – IV вв. В Крыму наиболее ранние аналогии этому типу кружек известны на городище Альма-Кермен [18, табл. 27,4]. Много таких сосудов происходит из комплексов III – IV вв. Херсонеса и Дружного, а также ранних могил Алмалык-Дере [22, с. 82, рис. 54,2; 32, рис. 78,9; 105,1,3; 139,4,5,7; 212,2,3; 21, рис. 2,13; 36, Taf. 196,1–3]. Кружки такой формы бытовали в Крыму и позднее [9, рис. 74,9].

Тип 2 (рис. 3,25–29). Кружки с «низким» туловом эллипсоидной формы, максимально расширенным в средней части сосуда, и короткой отогнутой наружу шейкой. 5 сосудов из погребений 23, 47, 52, 104, 171. Кружки этого типа высотой 8–11 см и максимальным диаметром 10–15 см. В могилах с этим типом кружек найдены

датирующие краснолаковые сосуды IV в. Наиболее близкие по форме сосуда аналогии происходят из Дружного и культурного слоя могильника Нейзац [12, рис. 32,4,5; 32, рис. 70,7; 176,3]. Сосуды этого типа находят параллели в памятниках средне-сарматской культуры, среди круговых сероглиняных кружек [6, табл. 19, типы 30, 31]. Более отдаленные аналогии есть в материалах Северного Кавказа, но у таких кружек иная форма ручек – они приподняты над верхним краем сосуда [2, рис. 14,9; 48,5; 14, рис. 112,3; 113,1; 129,2–6].

Тип 3 (рис. 3,24). Представлен одной кружкой, найденной в погребении 177. Сосуд с туловом эллипсоидной формы, максимально расширенным в верхней части, короткой отогнутой наружу шейкой. Дно немного вогнуто внутрь сосуда. Высота около 8 см, максимальный диаметр около 12 см. Кружка найдена в одном погребении с блюдом Дожальский форма 1, датирующимся второй половиной IV – серединой V вв. Несколько таких же кружек найдено в Дружном [32, рис. 146,3; 171,8].

Горшки (23 сосуда)

Тип 1 (рис. 4,1–12). 12 сосудов из погребений 23, 41, 52, 86, 89 (2 шт.), 136, 154 (3 шт.), 159, 171. Горшки с шаровидным туловом, у которых место наибольшего расширения находится примерно на середине высоты сосуда. Высота горшков этого типа составляет обычно от 10 до 18 см, максимальный диаметр от 9 до 20 см. Три сосуда отличаются более крупными размерами (рис. 4,4,5,11).

Такая форма горшков является весьма распространенной в материалах разных эпох и регионов. Однако в захоронениях Фронтного 3 такие горшки были найдены, в основном, вместе с хронологическими индикаторами второй половины III – IV вв. Горшки такой формы встречаются на памятниках позднескифской культуры Крыма начиная с III–II вв. до н. э. [18, табл. 10,21; 17,4,7,8], присутствуют в материалах первых веков н. э., встречаются в комплексах IV в. (Суворово, Дружное, Совхоз-10, Нейзац) [12, рис. 30,13; 18, табл. 12,4; 14,9; 20, рис. 126,10; 21, рис. 6,7; 22, рис. 53,4; 24, с. 129, рис. 7,15; 30, табл. XXX,26; 32, рис. 113,2; 138,1,2; 195,3]. Аналогии известны в могильнике Алмалык-Дере, возникшем не ранее середины – конца IV в. [см., напр.: 36, Taf. 190,3].

Тип 2 (рис. 4,13–18). 6 сосудов из погребений 51, 89, 136, 155, 158, 178. Горшки с туловом шаровидной формы, максимально расширенным в нижней части сосуда, и высоким венчиком. Высота и максимальный диаметр большинства горшков этого типа находятся в диапазоне 8–13 см. Один сосуд имеет более крупные размеры – высота 16,5 см, максимальный диаметр 17 см. В захоронениях Фронтного 3 такие горшки встречены с краснолаковыми сосудами и амфорами второй половины III – IV вв. На других памятниках Крыма подобные горшки известны начиная с III–II вв. до н. э. в материалах позднескифской культуры Крыма [18, табл. 10,11], зафиксированы в Херсонесе в первые века н. э. [22, рис. 53,1,2]. К IV в. относятся аналогии из Дружного, Алмалык-Дере, культурного слоя могильника Нейзац [32, рис. 195,3; 36, Taf. 44,1; 173,3; 12, рис. 30,11].

Тип 3 (рис. 4,21–22). 2 сосуда из погребений 118 и 218. Горшки с туловом оваллоидной формы, максимально расширенным в верхней части сосуда, и коротким

венчиком. Высота 17–22 см, максимальный диаметр 17,5–21 см. Параллели таким горшкам очень обширны, как по хронологии, так и по географии.

Тип 4 (рис. 4,19). Сосуд из погребения 154. Горшок низких пропорций с туловом эллипсоидной формы, максимально расширенным в средней части сосуда, и коротким венчиком. Высота сосуда 8 см, максимальный диаметр около 6 см. В погребении вместе с этим горшком был обнаружен краснолаковый кувшин Журавлев форма 18, датирующийся II – началом III вв. Близкая по форме и, по-видимому, синхронная аналогия рассматриваемому сосуду найдена в позднескифском могильнике Левадки, который прекращает существование в середине III в. [34, рис. 18,6]. Похожий сосуд найден склепе IV в. могильника Суворово [21, рис. 9,11].

Тип 5 (рис. 4,20). Сосуд из погребения 136. Горшок закрытой формы с эллипсоидным туловом. Верхний край, в отличие от горшков всех других типов, практически не отогнут наружу. Как нам кажется, по форме и пропорциям сосуд представляет собой нечто среднее между горшком и миской. Высота 9 см, максимальный диаметр 10 см. В погребении этот сосуд был обнаружен вместе с датирующим керамическим материалом IV в.

Тип 6 (рис. 4,23). Сосуд из погребения 32. Горшок с туловом овалоидной формы, максимально расширенным в средней части сосуда, короткой шейкой, с петлевидной ручкой. Высота 15 см, максимальный диаметр 12,5 см. Датирующий керамический материал в погребении отсутствовал. Что касается датированных аналогий из других крымских памятников, то наиболее ранняя известна в Усть-Альме, в комплексе последней трети I – первой трети II вв. [26, с. 89, рис. 169,1]. К II в. относится комплекс из могильника Левадки, где найден похожий сосуд [34, с. 162, рис. 7,1]. Серия «высоких» горшков с ручкой, весьма похожих на рассматриваемый, происходит из комплексов II–III вв. городища Алма-Кермен [18, табл. 27,5–10]. Относительно более поздние аналогии, относящиеся к IV в., происходят из могильников Дружное и Суворово [21, рис. 6,9; 32, рис. 112,8; 190,3].

Тип 7 (рис. 4,24). Сосуд из погребения 136. Двуручный горшок с туловом округло-биконической формы, максимальной расширенным в верхней части сосуда, и короткой отогнутой наружу шейкой. Высота 12 см, максимальный диаметр около 21 см. Сосуд отнесен к категории горшков условно. Подобные формы имеют аналогии в черняховско-германском круге культур и обычно называются исследователями «вазами»¹. В погребении сосуд был обнаружен вместе с датирующим керамическим материалом IV в. К этому же времени относятся наиболее близкие по формам аналогии из Дружного и культурного слоя могильника Нейзац [12, рис. 2,11; 32, рис. 191,1; 192,2]. Более ранние аналогии таким горшкам известны в Илурате и Тиритате [23, с. 58–59, 86, табл. XI,2; XXV,3].

Лепная посуда и планиграфия могильника

По соотношению разных категорий сосудов комплекс лепной керамики Фронтального 3 выглядит следующим образом: 29 мисок, 28 кувшинов, 29 кружек и 23

¹ Благодарю И. О. Гавритухину за любезное указание на эту информацию.

горшка. Как нам кажется, напрашивается сравнение структуры комплекса лепной посуды Фронтного 3 с материалами близкого в культурном плане и частично синхронного² могильника Дружное. На этом памятнике зафиксирована весьма похожая картина распространенности разных категорий лепных сосудов [32, с. 76]. Это отличает могильники Фронтное 3 и Дружное, например, от позднекифских могильников Крыма, где среди лепной посуды кувшины и кружки встречаются гораздо реже, чем горшки и миски. На Фронтном 3, напротив, доля кувшинов и кружек довольно высока. Однако, если сравнивать комплексы лепной посуды могильников Фронтное 3 и Дружное более детально, то между ними проявляются некоторые различия. На Фронтном 3 мы видим гораздо меньшее разнообразие форм сосудов в рамках каждой из функциональной категории. Некоторые категории лепной посуды, довольно типичные для крымских памятников первых веков н. э., на рассмотренном могильнике вовсе отсутствуют, например, ковши, черпаки, кубки.

Проведенный анализ позволяет высказать некоторые суждения относительно хронологии разных типов лепной посуды из Фронтного 3. Напомним, что общая датировка могильника Фронтное 3 укладывается в рамки конца I – первых десятилетий V вв. На могильнике выделяются два четких хронологических периода. Могилы этих периодов формируют два планиграфических участка: ранний, существующий примерно до середины III в. (период 1), и поздний, относящийся ко второй половине III – началу V вв. (период 2) [15; 16, с. 93]. Ряд могил, в том числе с выразительным составом монетных находок, находится на стыке этих периодов, т.е. датируются около середины – третьей четверти III в.

Перечень типов лепных сосудов, встреченных в погребениях раннего хронологического периода и, соответственно, ранней планиграфической зоны, весьма ограничен. Связь с ранним периодом показывают следующие категории лепной посуды:

1) Миски типа 3 – усеченно-конической формы, с одной или двумя ручками. Из 5 таких сосудов, 2 найдены в погребениях, расположенных в ранней зоне могильника, 2 – в переходной, 1 – в поздней (рис. 5);

2) Горшки типа 3. Всего к этому типу отнесено 2 сосуда из 2 погребений, обе могилы расположены в ранней зоне (рис. 8);

3) Кувшин типа 5, единичный экземпляр (рис. 6).

Несколько типов лепной керамики встречены в ранней, переходной и поздней зонах. Во-первых, это миски типа 1, представленные в зоне периода 1 три раза, в переходной зоне два раза, в неясной один раз, в поздней (от ранних до самых поздних комплексов) 16 раз (рис. 5). Во-вторых, это кувшины типа 2 (рис. 6), хотя здесь нужно отметить, что их всего 2 экземпляра. Один представлен в погребении, которое может относиться и к финалу 1-го, и к началу 2-го периода; второй – в не ранней, но и не поздней зоне периода 2. К переходной зоне относятся погребения с кувшинами типов 4 и 6, а также единственное погребение с горшком типа 6 (рис. 6; 8).

² Могильник Дружное синхронен переходному периоду и периоду 2 Фронтного 3.

Все остальные типы лепной посуды встречены только в могилах периода 2. Суммарно в поздней зоне обнаружено около 86% лепных сосудов Фронтového 3.

Если обобщить представленные данные, то картина эволюции типов лепной керамики Фронтového 3 будет выглядеть следующим образом. К ранней зоне могильника относится 6 погребений с лепной керамикой – кувшином типа 5 и горшками типа 3, не встреченными в поздней зоне, мисками типов 1 и 3, бытовавшими и в периоде 2. В самом конце периода 1 или в переходный период появляются кувшины типа 4, который представлен одним экземпляром и типа 6, который представлен двумя экземплярами; типа 2, известного и позднее; типа 3, бытовавшего вплоть до финала могильника. Здесь же, в переходный период появляется горшок типа 6, представленный одним экземпляром. Все остальные типы лепной посуды – как массовые, так и единичные, явно тяготеют к поздней зоне Фронтového 3 (рис. 5–8). В специальной таблице представлена общая схема хронологической эволюции комплекса лепной посуды этого могильника (рис. 9).

Завершая сюжет, хотелось бы обратить внимание на планиграфическое соотношение двух массовых типов лепных кувшинов – типа 1 и типа 3 (рис. 6). Несмотря на то, что оба указанных типа сосудов тяготеют к поздней зоне, видны некоторые различия между ареалами наибольшей плотности этих типов. Так, большинство могил с кувшинами типа 3 занимают северо-западную часть поздней зоны, один такой сосуд примыкает к границе ранней зоны, и один встречен в могиле позднейшего участка. Ареал кувшинов типа 1 смещен на юго-восток и соответствует расположению только поздних и позднейших могил, оставленных на Фронтovém 3.

Таким образом, анализ хронологии и планиграфии показывает, что большинство сосудов (около 86%) найдены в могилах поздней зоны. Пока что сложно предложить исчерпывающее объяснение тому, что на позднем этапе функционирования могильника Фронтového 3 происходит массовое распространение лепной керамики в составе погребального инвентаря. Вряд ли это можно объяснить исключительно влиянием населения, переселившегося в Юго-Западный Крым в III–IV вв., которое хоронило своих покойных в грунтовых склепах. Во-первых, материалы Фронтového 3 показывают, что число таких переселенцев (или людей, испытавших влияние этих инноваций) конкретно в рамках общины, хоронившей на этом некрополе, было небольшим. На полностью изученном могильнике открыто только 12 грунтовых склепов, тогда как погребений в подбойных могилах здесь насчитывается более 300. Даже если рассматривать исключительно самые поздние погребения, датируемые IV в., то среди них также преобладают подбойные могилы. Во-вторых, материалы более ранних (I–III вв.) поселений Юго-Западного Крыма, связываемые с позднескифской культурой Крыма, показывают, что местное население использовало в быту лепную керамику. Это значит, что традиции изготовления лепной посуды в этой среде существовали еще до появления здесь населения, хоронившего покойных в грунтовых склепах, однако практика помещать такие сосуды в могилы, по-видимому, не была распространена. Об этом свидетельствуют и результаты по-

иска аналогий разным типам лепной посуды из Фронтного 3, многие из которых находят параллели в более ранних материалах Крыма.

Можно предполагать, что распространение во второй половине III – IV вв. практики ставить в погребения лепные сосуды у населения, оставившего могильник Фронтное 3, каким-то образом связано с нарушением экономических связей и уменьшением объемов импорта краснолаковой посуды. Хронологически это соответствует времени так называемых Скифских (Готских) войн середины III в. В пользу этого предположения свидетельствует, пока что один, но достаточно важный факт. В погребениях IV в. на Фронтном 3 мы видим очень резкое сокращение разнообразия краснолаковой посуды. Ее перечень ограничен двумя типами кувшинов, тремя типами мисок и двумя типами блюд [15, с. 98; 16]. На фоне наборов краснолаковых сосудов, встреченных в погребениях II – первой половины III вв., этот список выглядит очень скудным. В могилах раннего периода на Фронтном 3 представлено большинство типов краснолаковой посуды, известных по памятникам Юго-Западного Крыма [17].

Завершая общую характеристику комплекса лепной посуды Фронтного 3, несколько слов нужно сказать о технологических традициях ее изготовления. Именно это направление исследований, с учетом сравнительного анализа с материалами синхронных и более ранних памятников, видится сейчас наиболее перспективным в плане получения новой информации об этнокультурных особенностях населения, оставившего Фронтное 3. Сейчас мы располагаем результатами анализа образцов от 40 сосудов³, происходящих из погребений второй половины III – IV вв. По этому материалу зафиксированы два массовых рецепта формовочных масс сосудов. 70% изученных сосудов были сделаны из формовочной массы, в которую были добавлены дробленая раковина и жидкая органика. Все остальные сосуды (кроме одного⁴) были сделаны из формовочной массы, в которую помимо дробленой раковины и жидкой органики был добавлен шамот. Важно, что почти все изученные на данный момент сосуды, сделанные из формовочной массы с двумя минеральными добавками – шамота и дробленой раковины, происходят из грунтовых склепов. На основании обширных этнографических данных по гончарству Восточной Европы доказано, что факты усложнения составов формовочных масс свидетельствуют об усложнении культурного состава населения, делавшего глиняную посуду [7]. Именно поэтому можно высказать предположение, что появление на Фронтном 3 традиции добавления шамота связано именно с появлением здесь населения, хоронившего в грунтовых склепах. Этот вопрос может быть решен окончательно после технологического изучения образцов керамики из ранней части могильника.

³ Анализ проведен Е. В. Сухановым в лаборатории истории керамики ИА РАН. Статья сдана в печать в КСИА.

⁴ Только в одном сосуде зафиксирован третий вид формовочной массы, где глина использована без искусственных добавок.

В завершение хотелось бы отметить, что нераскрытыми в этой статье остались вопросы о боспорских и германских (или других черняховских) культурных истоках некоторых лепных сосудов из Фронтowego 3. Такие вопросы возникают в связи с некоторыми редкими формами, найденными на этом могильнике: например, двуручный сосуд из погребения 136 (рис. 4,24), кувшины с биконическим туловом, а также горшки, имеющие многочисленные аналогии в материалах разных регионов. Их предстоит раскрыть в будущих исследованиях, причем решающее значение здесь будут иметь данные сравнительного анализа технологии изготовления лепной посуды.

Таковы некоторые итоги анализа лепной посуды, найденной в ходе раскопок могильника Фронтowego 3. Представленные в этой статье материалы пополняют источниковую базу по истории и археологии Крыма в римскую эпоху, а также показывают необходимость дальнейшего сравнительного анализа лепной посуды из других синхронных памятников Северного Причерноморья.

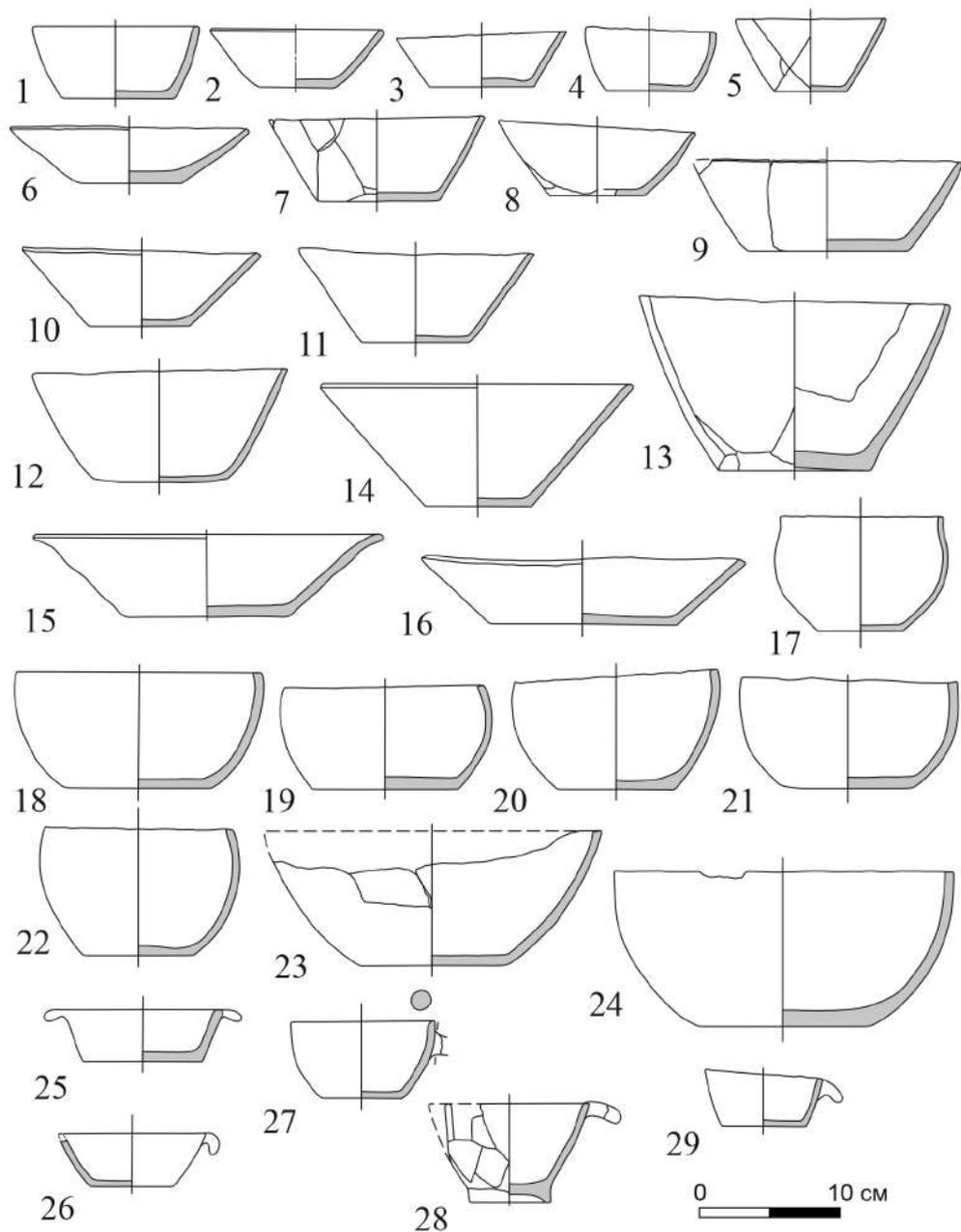

Рис. 1. Миски: 1–16 – тип 1, 17–24 – тип 2, 25–29 – тип 3.

1 – п. 3, 2 – п. 23, 3, 27 – п. 94, 4 – п. 156, 5 – п. 135, 6 – п. 158, 7, 11 – п. 159, 8, 9 – п. 178, 10 – п. 141, 12 – п. 174, 13 – п. 180, 14 – п. 52, 15 – п. 47, 16 – п. 89, 17 – п. 41, 18 – п. 86, 19 – п. 96, 20, 24 – п. 171, 21 – п. 173, 22 – п. 99, 23 – п. 51, 25 – п. 62, 26 – п. 67, 28 – п. 255, 29 – п. 138.

Авторы рисунков А. В. Сивожелезова, А. Н. Алейникова

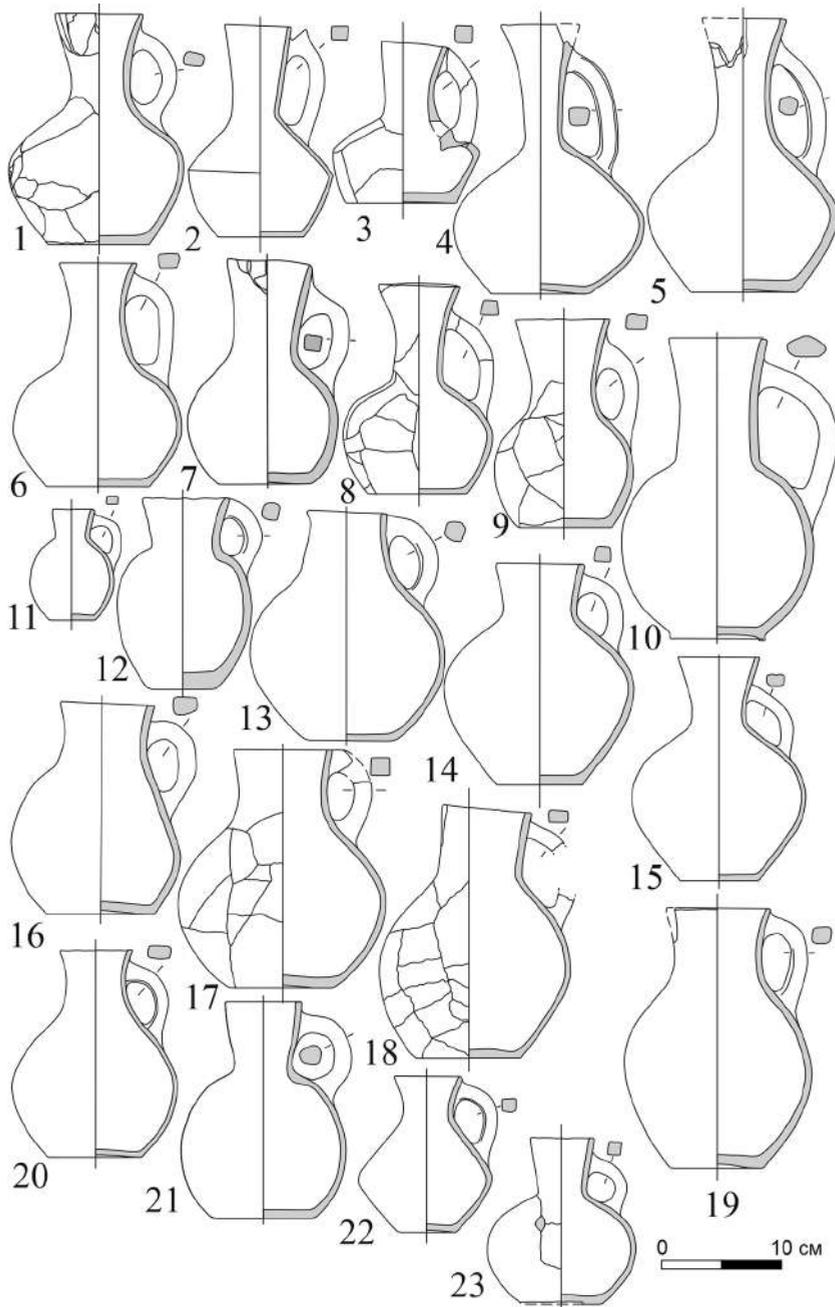

Рис. 2. Кувшины: 1–10 – тип 1, 11–12 – тип 2, 13–24 – тип 3, 25 – тип 4, 26–27 – тип 6, 28 – тип 5.
1, 18 – п. 89, 2, 11 – п. 137, 3, 19 – п. 136, 4 – п. 171, 5 – п. 174, 6, 15 – п. 51, 7, 9 – п. 154, 8 – п. 159, 10 – п.
52, 12 – п. 146, 13 – п. 45, 14 – п. 50, 16 – п. 85, 17 – п. 41, 20 – п. 177, 21 – п. 28, 22 – п. 155, 23 – п. 138.

Авторы рисунков А. В. Сивожелезова, А. Н. Алейникова

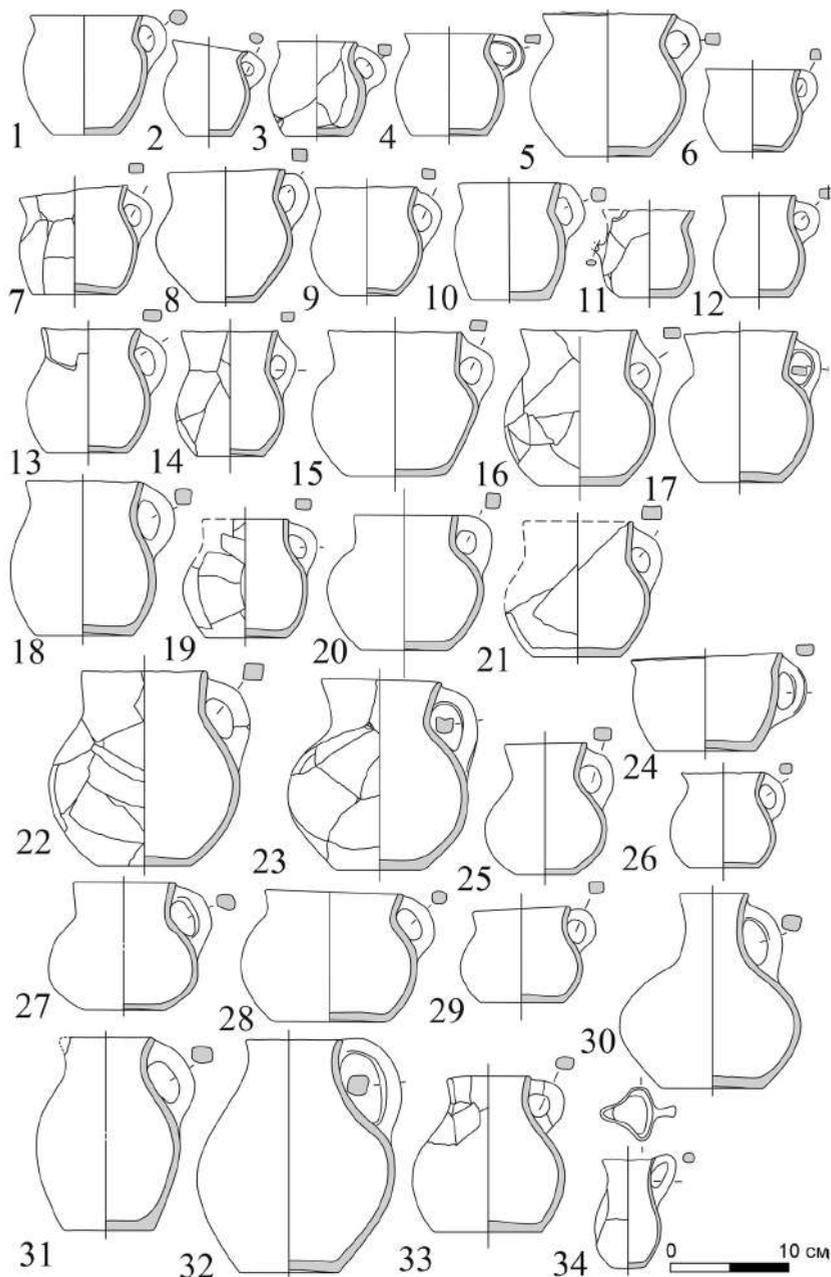

Рис. 3. Кружки: 1–23 – тип 1, 25–29 – тип 2, 24 – тип 3.

1 – п. 48, 2 – п. 138, 3, 14–17 – п. 154, 4, 23 – п. 136, 5 – п. 159, 6 – п. 137, 7 – п. 158, 8, 25 – п. 104, 9, 26 – п. 171, 10 – п. 135, 11 – п. 178, 12 – п. 51, 13, 22, 24 – п. 177, 18 – п. 157, 19 – п. 89, 20 – п. 86, 21 – п. 172, 27 – п. 23, 28 – п. 47, 29 – п. 52, 30 – п. 99, 31 – п. 30, 32 – п. 92, 33 – п. 101, 34 – п. 224.

Авторы рисунков А. В. Сивожелезова, А. Н. Алейникова

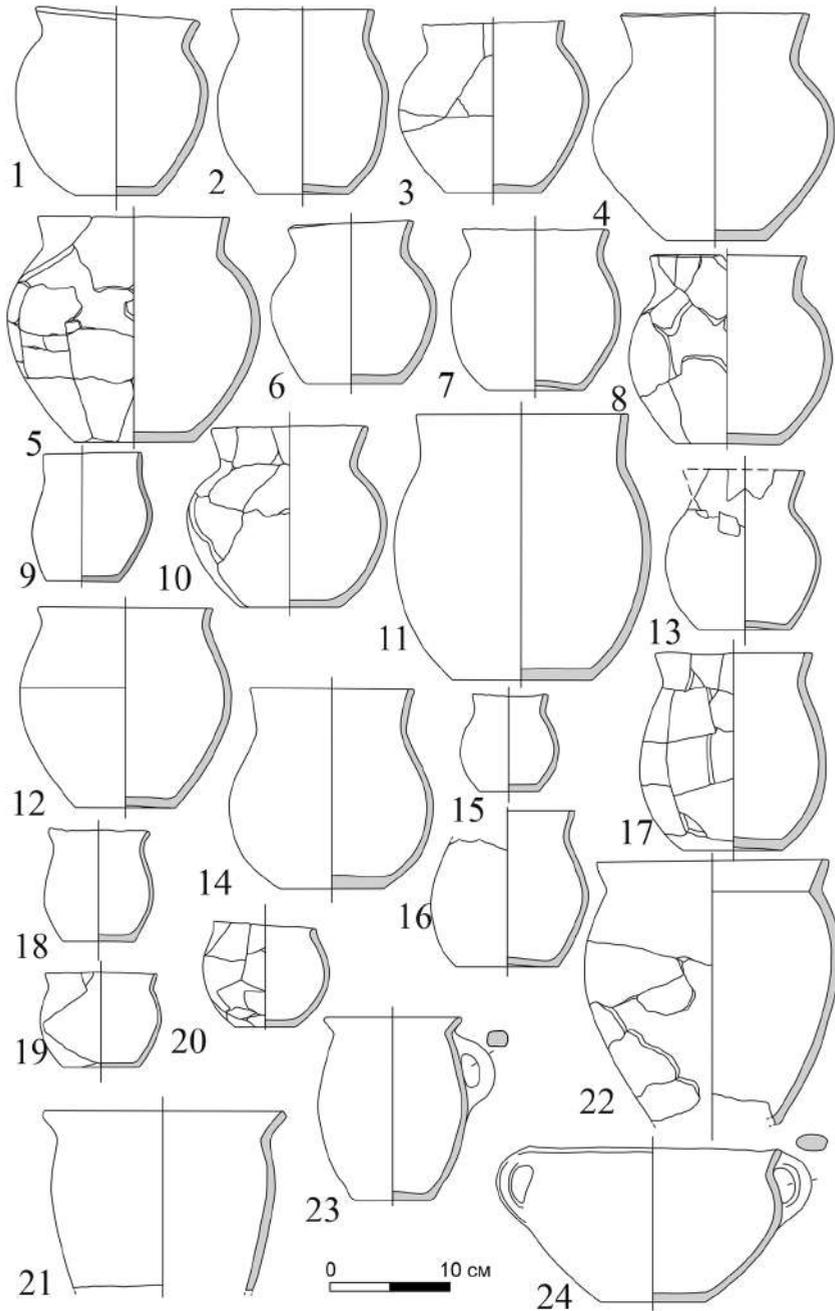

Рис. 4. Горшки: 1–12 – тип 1, 13–18 – тип 2, 19 – тип 4, 20 – тип 5, 21–22 – тип 3, 23 – тип 6, 24 – тип 7.
1 – п. 23, 2 – п. 41, 3, 4, 15 – п. 89, 5, 17, 20, 24 – п. 136, 6–8, 19 – п. 154, 9 – п. 159, 10 – п. 171, 11 – п. 86,
12 – п. 52, 13 – п. 178, 14 – п. 51, 16 – п. 158, 18 – п. 155, 21 – п. 218, 22 – п. 118, 23 – п. 32.

Авторы рисунков А. В. Сивожелезова, А. Н. Алейникова

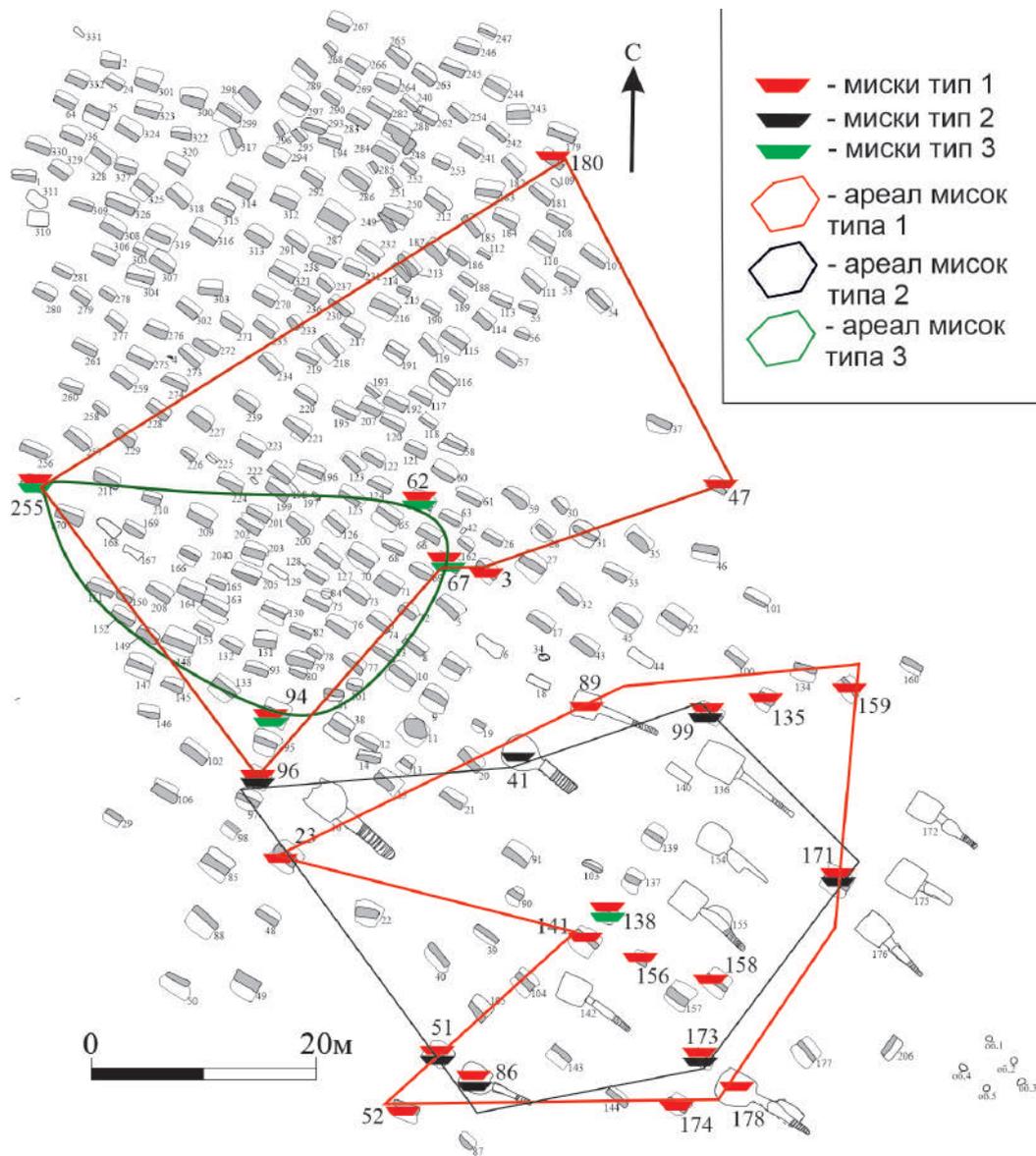

Рис. 5. Планиграфия мисок

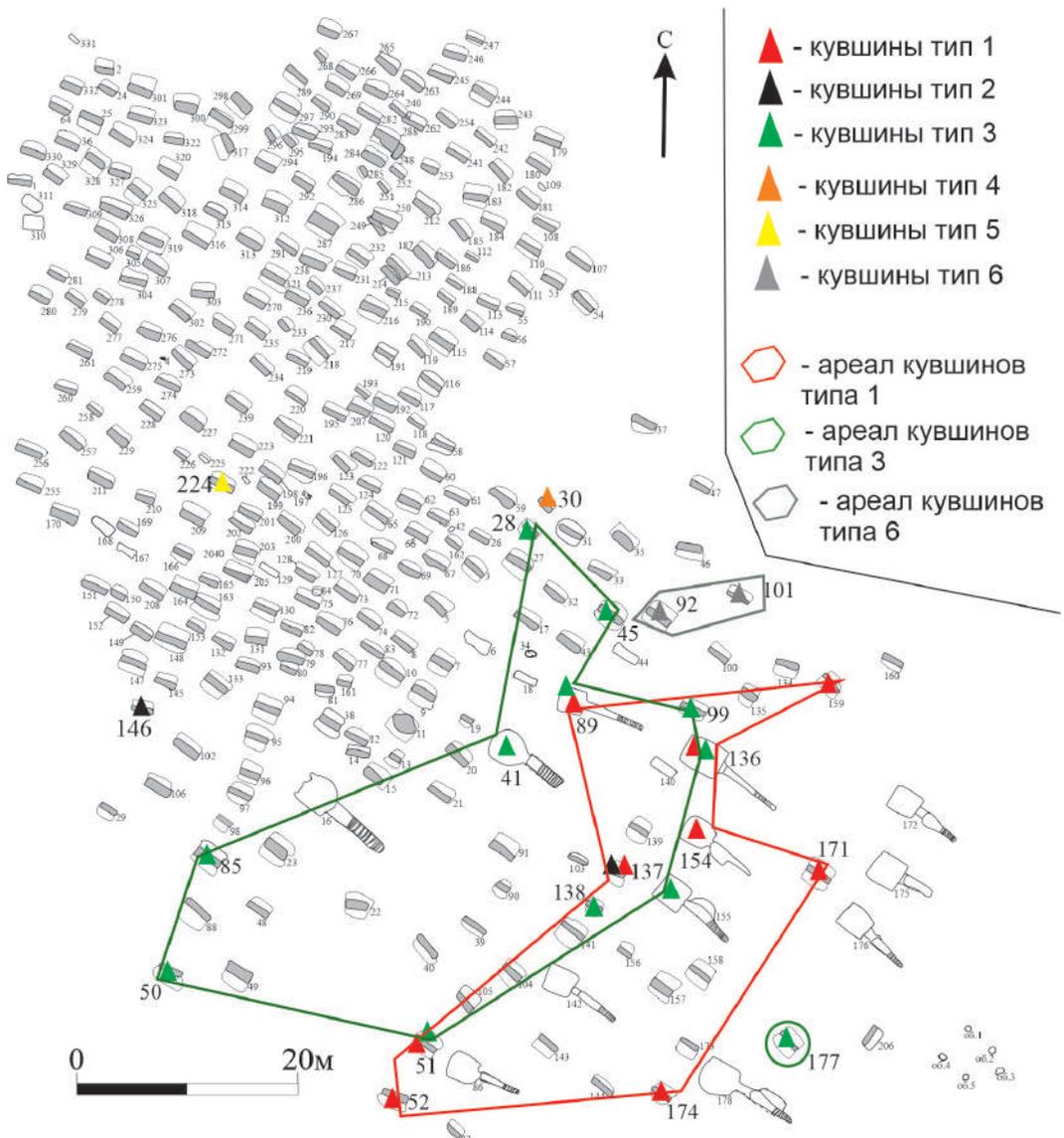

Рис. 6. Планиграфия кувшинов

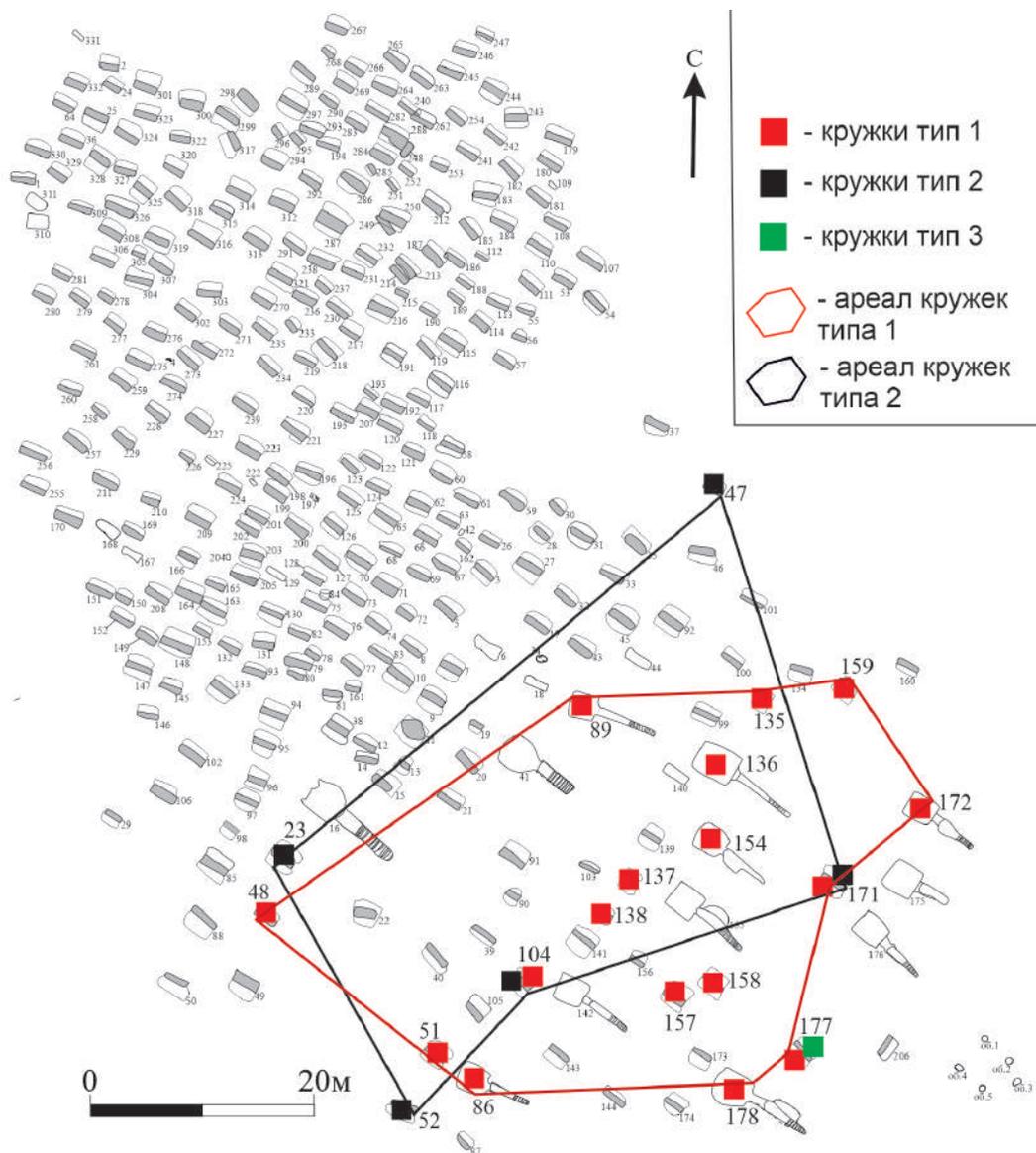

Рис. 7. Планиграфия кружек

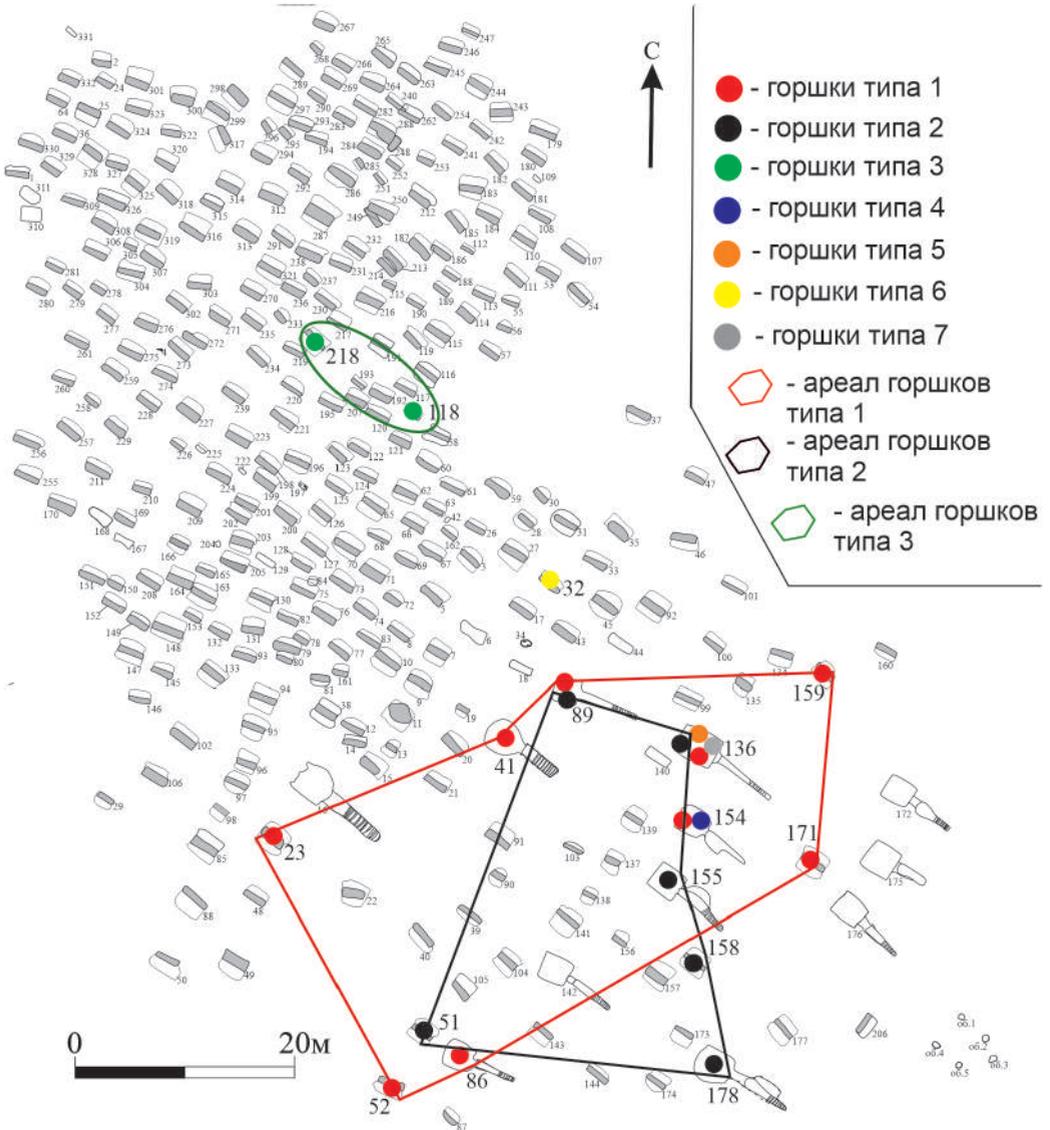

Рис. 8. Планиграфия горшков

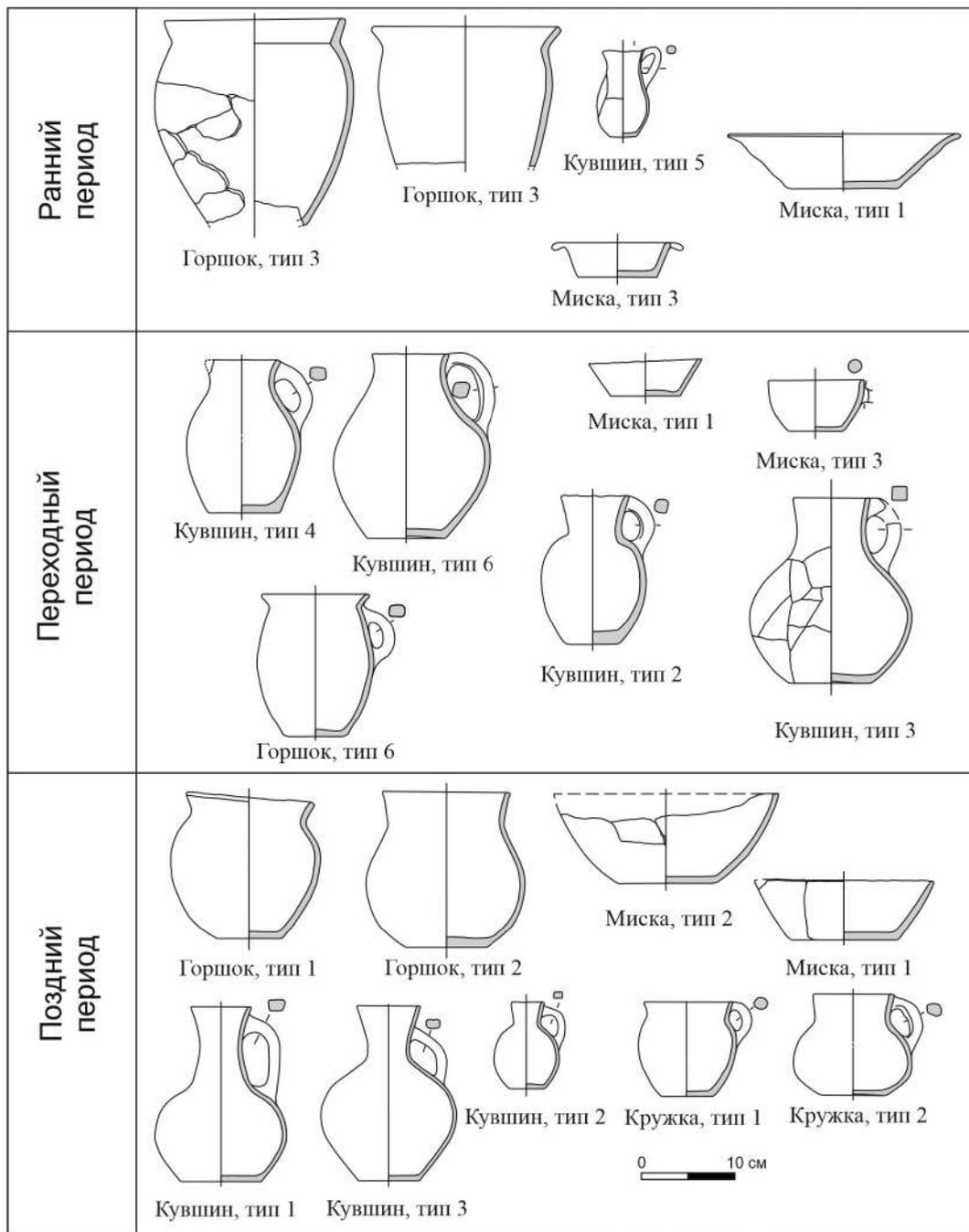

Рис. 9. Изменения облика лепной посуды по хронологическим периодам

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М.: Наука, 2003. 240 с.
2. Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа. III–V вв. н.э. М., 1997. 165 с.
3. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 366 с.
4. Айбабин А.И. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 г. // МАИЭТ. 1994. Вып. IV. С. 89–131.
5. Арсеньева Т.М. Некрополь Танаиса. М.: Наука, 1977. 152 с.
6. Бабенчиков В.П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. Т. XIII. С. 90–122.
7. Берлизов Н.Е. Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. – V в. н.э. Краснодар: Парабеллум, 2001. 320 с.
8. Братченко С.Н., Косяненко В.М. Нижнедонской гончарный центр первых веков нашей эры (по материалам гончарных мастерских Кобякова и Подазовского городищ) // Донские древности. Азов, 1994. Вып. 2. С. 80–101.
9. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка, 1993. 204 с.
10. Власов В.П. Лепная керамика из некрополя III–IV вв. н.э. Дружное в Крыму // Сто лет черняховской культуре / Ред. М. И. Гладких, М. Е. Левада. Киев, 1999. С. 322–371.
11. Власов В.П. Северокавказские параллели в лепной керамике Крыма римского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 98–124.
12. Власов В.П., Смокотина А.В., Храпунов И.Н. Культурный слой на могильнике Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь: Доля, 2011. С. 179–249.
13. Внуков С.Ю. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // РА. 2016. № 2. С. 36–47.
14. Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: ТАУС, 2009. 468 с.
15. Гавритухин И.О., Мاستыкова А.Н., Свиридов А.Н., Суханов Е.В., Язиков С.В. Финал могильника Фронтвое 3 (к изучению миграций в Юго-Западном Крыму на закате античности) // Stratum plus. 2020. № 4 (в печати).
16. Гавритухин И.О., Свиридов А.Н., Язиков С.В. Могильник римского времени Фронтвое 3 в Юго-Западном Крыму // РА. 2020. № 2. С. 91–110.
17. Гавритухин И.О., Свиридов А.Н., Язиков С.В. Первые результаты изучения могильника римского времени «Фронтвое 3» // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы конференции / Ред. А.Д. Васильев. Т. 1. М.: Пробел-2000, 2019. С. 65–69.
18. Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. М.: Наука, 1991. 141 с.
19. Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма первых веков н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь, 2010. 318 с.
20. Зайцев Ю.П. Неаполь Скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). Симферополь: Универсум, 2003. 212 с.
21. Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Исследования могильника у с. Суворово в 2001 г. // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 57–78.
22. Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э. Киев: Наукова думка, 1982. 143 с.
23. Кастанаян Е.Г. Лепная керамика боспорских городов. Л.: Наука, 1981. 177 с.
24. Лысенко А.В., Юрочкин В.Ю. Некрополь Пантикапея-Боспора (по материалам исследований 2000–2002 гг.) // О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. Сборник научных трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кешпена). Киев: Стилос, 2004. С. 94–168.
25. Нессель В.А. Краснолаковая керамика из могильника Килен-балка // ХСб. 2003. Вып. XII. С. 107–123.
26. Пуздровский А.Е., Труфанов А.А. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008–2014 гг. Симферополь, 2016. 306 с.
27. Свиридов А.Н., Язиков С.В. Погребальные обряды могильника римского времени Фронтвое 3 в Юго-Западном Крыму // КСИА. 2019. Вып. 255. С. 185–201.

28. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Саратовский университет, 1990. 298 с.
29. Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: Саратовский университет, 1984. 150 с.
30. Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // *Stratum plus*. 2003–2004. № 4. С. 27–277.
31. Ушаков С.В., Дорошко В.В., Дорошко О.П. Херсонесская сигиллята: основные типы и хронология (по материалам раскопок городища Херсонеса и могильника «Совхоз-10») // *История и археология Крыма*. 2017. № 6. С. 54–93.
32. Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III–IV вв. н.э.). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002. 313 с.
33. Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке. Симферополь, Керчь: Керченская городская типография, 2004. 239 с.
34. Храпунов И.Н., Стоянова А.А., Мульд С.А. Позднескифский могильник у с. Левадки // *Бахчисарайский историко-археологический сборник*. 2001. Вып. 2. С. 105–168.
35. Arsen'eva T.M., Domzalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais. // *Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens*. 2002. Bd. 8. S. 415–491.
36. Mączyńska M., Gercen A., Ivanova O., Černyš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemmann J., Schneider K., Jakubczyk I. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-dere am Fusse des Mangup auf der Südwestkrim. Mainz: Verlag Des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2016. 180 S.

REFERENCES

1. Abramova M.P. *Central'noe Predkavkaz'e v sarmatskoe vremja (III v. do n.e. – IV v. n.e.)*. Moscow, Nauka Publ., 2003, 240 p.
2. Abramova M.P. *Rannie alany Severnogo Kavkaza*. III–V vv. n.e. Moscow, 1997, 165 p.
3. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Krymskie goty strany Dori (seredina III – VII v.)*. Simferopol, Antikva Publ., 2017, 366 p.
4. Aibabin A.I. *Raskopki mogil'nika bliz sela Druzhnoe v 1984 g. Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1994, Vol. IV, pp. 89–131.
5. Arsen'eva T.M. *Nekropol' Tanaisa*. Moscow, Nauka Publ., 1977, 152 p.
6. Babenchikov V.P. Chornorichenskij mogil'nik. *Arheologichni pam'jatki URSR*. Kiev, 1963, T. XIII, pp. 90–122.
7. Berlizov N.E. *Ritmy Sarmatii. Savromato-sarmatskie plemena luzhnoi Rossii v VII v. do n.e. – V v. n.e.* Krasnodar, Parabellum Publ., 2001, 320 p.
8. Bratchenko S.N., Kosianenko V.M. Nizhnedonskoi goncharnyi tseentr pervykh vekov nashei ery (po materialam goncharnykh masterskikh Kobiakova i Podazovskogo gorodishch). *Donskie drevnosti*, Azov, 1994, Vol. 2, pp. 80–101.
9. Veimarn E.V., Aibabin A.I. *Skalistskii mogil'nik*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1993, 204 p.
10. Vlasov V.P. Lepnaia keramika iz nekropolia III–IV vv. n.e. Druzhnoe v Krymu. Gladkikh M.I., Levada M.E. (Eds.), *Sto let cherniakhovskoi kul'ture*, Kiev, 1999, pp. 322–371.
11. Vlasov V.P. Severokavkazskie paralleli v lepnoj keramike Kryma rimskogo i rannesrednevekovogo vremeni. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2003, Vol. X, pp. 98–124.
12. Vlasov V.P., Smokotina A.V., Khrapunov I.N. Kul'turnyi sloi na mogil'nike Neizats. *Issledovaniia mogil'nika Neizats*, Simferopol, Dolia Publ., 2011, pp. 179–249.
13. Vnukov S.Iu. Eshche raz o tipologii, evoliutsii i khronologii svetloglinianykh (pozdnegerakleiskikh) uzkogorlykh amfor. *Rossiiskaia arkheologiya*, 2016. No. 2, pp. 36–47.
14. Gabuev T.A., Malashev V.Iu. *Pamiatniki rannikh alan tsentral'nykh raionov Severnogo Kavkaza*. Moscow, TAUS Publ., 2009, 468 p.
15. Gavritukhin I.O., Mastykova A.N., Sviridov A.N., Sukhanov E.V., Iazikov S.V. Final mogil'nika Frontovoe 3 (k izucheniiu migratsii v Iugo-Zapadnom Krymu na zakate antichnosti). *Stratum plus*, 2020, No. 4, in print.

16. Gavritukhin I.O., Sviridov A.N., Iazikov S.V. Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3 v Iugo-Zapadnom Krymu. *Rossiiskaia arkheologiya*, 2020. No. 2, pp. 91–110.
17. Gavritukhin I.O., Sviridov A.N., Iazikov S.V. Pervye rezultaty izuchenija mogil'nika rimskogo vremeni "Frontovoe 3". Vasil'ev A.D. (Ed.), *Materialy konferentsii "Istoricheskoe, kul'turnoe, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka"*, Moscow, Probel-2000 Publ., 2019, pp. 65–69.
18. Dashevskaia O.D. *Pozdnie skify v Krymu*. Moscow, Nauka Publ., 1991, 141 p.
19. Zhuravlev D.V. *Krasnolakovaia keramika Iugo-Zapadnogo Kryma pervykh vekov n.e. (po materialam pozdneskifskikh nekropolei Bel'bekskoi doliny)*. Simferopol, 2010, 318 p.
20. Zaitsev Iu.P. *Neapol' Skifskii (II v. do n.e. – III v. n.e.)*. Simferopol, Universum Publ., 2003, 212 p.
21. Zaitsev Iu.P., Mordvintseva V.I. Issledovaniia mogil'nika u s. Suvorovo v 2001 g. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2003, Vol. X, pp. 57–78.
22. Zubar' V.M. *Nekropol' Khersonesa Tavricheskogo I–IV vv. n.e.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1982, 143 p.
23. Kastanaian E.G. *Lepnaia keramika bosporskikh gorodov*. Leningrad, Nauka Publ., 1981, 177 p.
24. Lysenko A.V., Iurochkin V.Iu. *Nekropol' Pantikapeia-Bospora (po materialam issledovaniu 2000–2002 gg.). O drevnostiakh iuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh. Sbornik nauchnykh trudov (po materialam konferentsii v chest' 210-letia so dnia rozhdeniia Petra Ivanovicha Keppena)*. Kiev, Stilos Publ., 2004, pp. 94–168.
25. Nessel' V.A. Krasnolakovaia keramika iz mogil'nika Kilen-balka. *Khersonesskii sbornik*, 2003, Vol. XII, pp. 107–123.
26. Puzdrovskii A.E., Trufanov A.A. *Polevye issledovaniia Ust'-Al'minskogo nekropolia v 2008–2014 gg.* Simferopol, 2016, 306 p.
27. Sviridov A.N., Iazikov S.V. Pogrebal'nye obriady mogil'nika rimskogo vremeni Frontovoe 3 v Iugo-Zapadnom Krymu. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, 2019, Vol. 255, pp. 185–201.
28. Skripkin A.S. *Aziatskaia Sarmatiia. Problemy khronologii i ee istoricheskii aspekt*. Saratov, Saratov University Publ., 1990, 298 p.
29. Skripkin A.S. *Nizhnee Povolzh'e v pervye veka nashei ery*. Saratov, Saratov University Publ., 1984, 150 p.
30. Strzheletskii S.F., Vysotskaia T.N., Ryzhova L.A., Zhestkova G.I. Naselenie okrugov Khersonesa v pervoi polovine I tysiacheletia noi noi ery (po materialam nekropolia "Sovkhoz 10"). *Stratum plus*, 2003–2004, No. 4, pp. 27–277.
31. Ushakov S.V., Doroshko V.V., Doroshko O.P. Khersonesskaia sigilliata: osnovnye tipy i khronologiya (po materialam raskopok gorodishcha Khersonesa i mogil'nika "Sovkhoz 10"). *Istoriia i arkheologiya Kryma*, 2017, No. 6, pp. 54–93.
32. Khrapunov I.N. *Mogil'nik Druzhnoe (III–IV vv. n.e.)*. Lublin, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej Publ., 2002, 313 p.
33. Khrapunov I.N. *Etnicheskaia istoriia Kryma v rannem zheleznom veke*. Simferopol, Kerch, Kerchenskaia gorodskaia tipografiia Publ., 2004, 239 p.
34. Khrapunov I.N., Stoianova A.A., Mul'd S.A. Pozdneskifskii mogil'nik u s. Levadki. *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik*, Simferopol, 2001, Vol. 2, pp. 105–168.
35. Arsen'eva T.M., Domzalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais. *Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens*, 2002, Bd. 8, pp. 415–491.
36. Mączyńska M., Gercen A., Ivanova O., Černýš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemmann J., Schneider K., Jakubczyk I. *Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-dere am Fusse des Mangup auf der Südwestkrim*. Mainz, Verlag Des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Publ., 2016, 180 p.

Информация об авторе

Суханов Е. В. – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела теории и методики Института археологии РАН, Researcher ID: C-3959-2019.

Information about the author

Sukhanov E. V. – Candidate of Science (History), Researcher at the Department of theory and methods at the Institute of Archaeology of RAS, Researcher ID: C-3959-2019.

ДРЕВНОСТИ СТЕПНЫХ КОЧЕВНИКОВ ПОСТГУННСКОГО ВРЕМЕНИ (СЕРЕДИНА V – СЕРЕДИНА VI В.) В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Михаил Михайлович Казанский

*Национальный центр научных исследований (CNRS), Париж, Франция,
michel.kazanski53@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0306-0936>*

Аннотация. Рассмотрены памятники степных кочевников – погребения и поминальные комплексы постгуннского времени (середина V – середина VI в.). Их характер соответствует первой, самой примитивной форме кочевания, когда номады объединяются в многочисленные группы и постоянно передвигаются по степи. Для этой формы кочевания характерны и основные черты их цивилизации – высокая милитаризация, отсутствие устойчивых «этнографических» черт материальной культуры, большая этническая смешанность степных коллективов, где доминировал военно-политический фактор, а не этнокультурный. Появление «княжеских» погребений свидетельствует о кристаллизации военной аристократии. Начинают формироваться и региональные черты материальной культуры. В то же время в материальной культуре наблюдается средиземноморское и центрально-азиатское влияние, что отражает основные направления культурных и военно-политических контактов кочевников постгуннского времени.

Ключевые слова: степь, постгуннское время, погребения, поминальные комплексы, гунны, болгары

THE ANTIQUITIES OF THE STEPPE NOMADS OF THE POST- HUNNIC PERIOD (MID-FIFTH TO MID-SIXTH CENTURY) IN EASTERN EUROPE

Michel M. Kazanski

*National Centre for Scientific Research (CNRS), Paris, France,
michel.kazanski53@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0306-0936>*

Abstract. This article analyses the sites of the steppe nomads, such as burials and commemorative monuments, from the Post-Hunnic period (mid-fifth to mid-sixth century). Their nature corresponds to the first and the most primitive form of nomadism, when the nomads united into numerous groups constantly moved along the steppe. The given form of nomadism corresponds to the main civilization features of the people in question, such as high militarization, the absence of stable “ethnographic” features of the material culture, and a great ethnic heterogeneity of steppe collectives, with predominant military-political and not ethnocultural factor. The appearance of “princely” graves indicates the formation of military aristocracy. Simultaneously, the regional features of material culture started shaping. Moreover, the material culture reveals Mediterranean and Central Asian influences reflecting the main directions of cultural and military-political contacts of the Post-Hunnic nomads.

Keywords: steppe, Post-Hunnic period, burials, commemorative assemblages, Huns, Bulgars

Древности постгуннского времени в восточноевропейских степях, соотносимые в первую очередь с гуннами, болгарами и уграми, в качестве особой группы были определены в ходе дискуссии между А. К. Амброзом и И. П. Засецкой о хронологии степных памятников эпохи Великого переселения народов [4; 26, с. 111–131]. Вскоре за ними закрепилось название «шиповского» горизонта, они стали сюжетом специальных исследований [2; 100; 85; 56; 31], отдельные работы посвящены хронологии этих памятников [56; 47], их социальной интерпретации [2; 52; 44], географии центров власти и расселения отдельных племен [125; 42; 43; 45]. В данной работе мне хотелось бы подвести итог результатам исследований постгуннских памятников. Поскольку данная работа претендует на обобщающий характер, здесь придется повторить в переработанном виде некоторые сюжеты моих более ранних работ.

Принципы выделения и хронология памятников

Количество ныне известных памятников не велико (см. Приложение, далее по тексту ссылки на номера), при этом их концентрация наблюдается близ устьев Южного Буга и Днестра, в Крыму, на Нижнем Дону и в Заволжье (рис. 1)¹. Памятники «шиповского» или постгуннского горизонта (430/470–530/570 гг.) с точки зрения хронологии находятся между гуннским периодом (360/370–470/480 гг.) и горизонтом «геральдических» поясов (горизонты Суханово и Сивашовка по А. В. Комару) (550–670/700 гг.).

Степные древности постгуннского времени выделяются по устойчивому набору вещей. Отчасти они имеют аналоги на обширной территории, в западноевропейской и балкано-дунайской зоне, где разработана аргументированная датировка древностей V–VI вв., а также в хорошо изученных регионах Крыма, Северного Кавказа и Абхазии. В этот набор входят как «мужские», так и «женские» вещи, их хронология уже была предметом обсуждения – византийские мечи с инкрустированной гардой, сегментовидные низкие и треугольные вытянутые металлические накладки на седла, накладки конской сбруи, в т. ч. «византийские» с декором в стиле перегородчатой инкрустации, типа Апахида-Чулук и «восточные», типа Шамси-Боровое, псалии с В-образными петлями, пряжки и ременные наконечники стиля клуазонне средиземноморской традиции, пряжки «шиповского» типа, ранневизантийские пекторальные цепи с медальонами и подвесками, некоторые виды перстней и сережек-височных подвесок, зеркала с длинной ручкой-штырем, аппликации с тисненым декором в виде личин или с «дерюжным» орнаментом [см. подробнее: 47].

¹ Целый ряд находок, обнаруженных на «пограничных» территориях и часто относимых к числу «кочевнических», таковыми, скорее всего, не является. Это могилы воинских предводителей в Бабичах в Среднем Поднепровье, в ареале раннеславянской (антской) пеньковской культуры [см.: 46, с. 92, 93, там же библиография] и погребение с мечем из Тамани, вероятно принадлежавшее представителю позднебоспорской знати [45, там же библиография]. А. В. Комаром к «кочевническим» находкам постгуннского времени (группа Лихачевка, см. ниже) второй половины V – первой половины VI в. отнесены погребения в Сахарной Головке в Крыму и в Животинном на Верхнем Дону [56]. Однако эти два захоронения обнаружены в некрополях бесспорно оседлого населения и не содержат вещей, характерных только для степняков.

Время наибольшего бытования хронологических индикаторов степных древностей «шиповского» или постгуннского горизонта определяется в рамках середины V – середины VI в. Впрочем, некоторые вещи – сегментовидные седельные накладки, «гвоздики» с сердоликовыми инкрустациями от конского убора, «калачевидные» серьги, височные подвески с инкрустацией, перстни с трехчастным щитком – имеют более широкую дату и частично охватывают и горизонт геральдических поясов. Выделяются предметы, характерные для ранней стадии постгуннского горизонта. Это «византийские» сбруйные накладки, мечи с инкрустированной гардой, ременная гарнитура средиземноморской традиции. С другой стороны, такие вещи как оружие с Р-образной портупейной скобой и ранние элементы геральдической гарнитуры маркируют конец постгуннского периода и датируются юстиниановской эпохой, т. е. временем около второй трети VI в.² Поэтому ряд находок я отношу к ранней стадии постгуннского периода, ориентировочно к середине – второй половине V или самому началу VI в. (№ 1.1, 1.2, 1.4, 2.2, 3.1)³, другие же к ее финалу: первой половине – второй трети VI в. (№ 3.4, 4.1, 4.2, 4.4) [47, с. 110].

Помимо учтенных здесь памятников, имеются и погребения, дата которых может охватывать как шиповский горизонт, так и горизонт геральдических поясов Суханово. Это, прежде всего, находки на Южном Буге, Новая Одесса-I, курган 7, погр. 4 и Новая Одесса-IV, курган 1, погр. 3 [57, с. 94–95], а также захоронение Лебеди VIII, курган 2, погр. 6 в Восточном Приазовье [90, с. 29–30]. Здесь были найдены пряжки, форма которых хорошо известна повсюду в Европе в V – начале VI в., но которые могли существовать и позднее. С другой стороны, некоторые комплексы, отнесенные к горизонту геральдических поясов, такие как Царева, курган 66, погр. 2 на Нижней Волге (№ 5.4) [57, с. 97–99], на мой взгляд, датируются более ранним време-

² Согласно А. В. Комару, в степи к постгуннскому времени второй половины V – первой половины VI в. относятся две территориальные группы степных древностей: Шипово в Поволжье и группа Лихачевка в северопричерноморских степях. Последняя представлена такими памятниками как Животинное, Сахарная Головка, Лихачевка, Константиноград, Старая Сарата, Ново-Подкраж [56]. По мнению А. В. Комара, находки группы Лихачевка отражают появление новой волны кочевников. Ее характеризуют впускные ямные ингумации с ориентировкой на север и северо-восток, присутствие сосуда в головах покойных. От гуннских памятников предшествующего времени перечисленные памятники отличает отсутствие костей коня и сбруи и наличие бытовых предметов – горшков, ножей, пряслиц [56, с. 192]. Но погребения в Сахарной Головке и Животинном, как уже говорилось, не принадлежат кочевникам, остальные перечисленные А. В. Комаром памятники имеют более широкую дату, включающую и гуннское время [см. подробнее: 31, с. 109–110]. Поэтому выделение группы Лихачевка вряд ли можно признать удачным. Так же дискуссионным является и отнесение к постгуннскому времени крымских могил в Изобильном и Марфовке [2, с. 208], поскольку найденные там вещи, в том числе пряжки, по которым их, собственно, и датировали постгуннским временем, вполне соответствуют гуннской эпохе. Так, прямоугольные пряжки, вроде найденной в Изобильном, известны в контексте гуннского времени на Кубани [64, рис. 2,7] или в Бржизе (Břıza) [151, Abb. 247,1–4], а пряжки с полой овальной рамкой, как в Марфовке [см. дискуссию: 32], известны уже в гуннское время, например, в гуннском поминальнике Сегед-Надьсекшош (Szeged-Nagyszéksős) [151, Abb. 238,9].

³ Здесь и далее номера в круглых скобках указаны по Приложению.

нем, поскольку здесь встречена пряжка с костяной рамкой, что типично именно для постгуннского времени (см. ниже)⁴.

Погребения

Все достоверные погребения постгуннского времени в степи являются ингумациями. Наиболее распространены захоронения под земляными или каменно-земляными курганами: Лисьи могилы (№ 1.3), Чикаренко (№ 2.2), Ясырев-1, курган 2, погр. 1 (№ 3.2) (рис. 12, *1*), Малаи, курган 1, погр. 12 (№ 4.2), Тугулук-3, курган 4, погр. 5 (№ 4.3), Хасав-Юрт (№ 4.5), Владимирское курган 4, погр. 2 (№ 5.3), Царева, курган 66, погр. 2 (№ 5.4), Шипово, курганы 2 и 3 (№ 6.1), Каменный Амбар-5, курган 6 (№ 6.2). При этом, в ряде случаев использовалась курганная насыпь более раннего времени.

В предшествующую гуннскую эпоху, в последней трети IV – первой половине V в. труположения под курганами также известны, причем преимущественно в степях к востоку от Днепра. Это погребения Изобильное, Совхоз Калинина, Богачевка, Воздвиженская, Ленинск, Переполовенка, Покровск, Бережновка, Верхне-Погромное, Мертвые Соли, возможно Новоиванковка и Павловка-Сулин. На более западных территориях гуннских курганов пока нет, если не считать таковыми аланские погребения гуннского времени в Бессарабии, на могильнике Кубей [124, р. 90; 50, с. 119].

Для шиповского горизонта известны и бескурганые ингумации, причем, в основном, в понтийском регионе: Дмитриевка-Вольная Вода (№ 1.6), Айвазовское (№ 2.4), Новопокровка (№ 2.3), Морской Чулек, погр. 1 и 2 (№ 3.1). Вне понтийского региона можно назвать находки в районе Ставрополя – Татарке (№ 4.4) и на Нижней Волге – Покровск-Восход (№ 5.2). В более раннее гуннское время грунтовые погребения хорошо представлены по всей степи [124, р. 97–98; 50, с. 115–116].

Ингумации совершены в простых грунтовых ямах, как это было широко распространено у кочевников и ранее, при этом погребенный помещался в деревянный гроб: Шипово, курганы 2 и 3 (№ 6.1), Царева, курган 66, погр. 2 (№ 5.4) (рис. 21, *14*). В ряде случаев в яме зафиксирована ступень: Ясырев-1, курган 2, погр. 1 (№ 3.2), Новопокровка (№ 2.3) (рис. 8, *1*), Каменный Амбар-5, курган 6 (с каменным закладом) (№ 6.2) (рис. 24, *23*). Имеются и погребения в ямах с подбоями: Малаи, курган 1, погр. 12 (№ 4.2) (рис. 16, *1*), Нейзац, погр. 114 (№ 2.1) (рис. 6, *1*), Тугулук-3, курган 4, погр. 5 (с каменным закладом) (№ 4.3) (рис. 19, *1*). Погребения с подбоем известны и ранее, в гуннское время. Назовем в качестве примера находки в Сексард (Szekszárd) в западной Венгрии, в Переполовенке и в Покровске, курган 36 в Поволжье [124, р. 98; 50, с. 116].

Костяки в погребениях обычно находились в вытянутом положении, на спине, реже на боку (Каменный Амбар-5, курган 6) (рис. 24, *23*). В ориентировке погребенных наблюдаются три вектора: 1 – северо-восточный и северо-северо-восточный:

⁴ Более широкую дату для вещей из этого погребения не исключает и А. В. Комар [57, с. 103–104].

Новопокровка (рис. 8,1), Шипово, курганы 2 и 3, Царева, курган 66, погр. 2 (рис. 21,14), Каменный Амбар-5, курган 6 (рис. 24,23), Айвазовское, Тугулук-3, курган 4, погр. 5 (рис. 19,1); 2 – северо-западный и западно-северо-западный: Нейзац, погр. 114 (рис. 6,1), Малаи, курган 1, погр. 12 (рис. 16,1), Владимирское, курган 4, погр. 2; 3 – западный: Ясырев-1, курган 2, погр. 1. Расположение погребенных в могилах головой на север, с отклонениями, типично и для погребений предшествующего гуннского времени: Антоновка, Ленинск, Беляус, Верхне-Погромное, Переполовенка, Покровск, курган 36 [124, р. 98; 50, с. 116].

Погребенных часто сопровождали кости животных. Так, останки коня отмечены в Дмитриевке-Вольная Вода (№ 1.6), Лисьих Могилах (№ 1.3), Нейзаце, погр. 114 (№ 2.1), Малаях, курган 1, погр. 12 (№ 4.2) (рис. 16,1), Ясыреве-1, курган 2, погр. 1 (№ 3.2). В Татарке найдены конские зубы (№ 4.4), а в Цареве, курган 66, погр. 2 – кости конечностей и череп лошади, что указывает на захоронение здесь шкуры (чучела) животного (№ 5.4) (рис. 21,14). Помещение шкуры коня в могилу связывают с тюркскими погребальными традициями [72, с. 63–67]. Показательно, что кости конечностей и череп барана также найдены в Ясыреве-1, курган 2, погр. 1 (№ 3.2) и в Шипово, курган 3 (№ 6.1), а череп и кости конечностей молодого верблюда – в Каменном Амбаре, курган 5, погр. 6 (№ 6.2). Наконец, в Шипово, курган 2 (№ 6.1) были обнаружены кости ягненка.

Особое внимание привлекает захоронение тринадцати жертвенных лошадей в Малаях (№ 4.2). Такие коллективные захоронения коней в Европе того времени встречаются редко. Можно назвать знаменитое погребение франкского короля Хильдерика в Турнэ (Tournai), одно из погребений в «княжеском» кургане в Журани (Žuráň) в Южной Моравии и один из склепов могильника Сиреневая Бухта в Восточном Крыму [53, с. 38–39; 132, р. 293–295].

Наличие в погребениях костей лошади повсеместно распространено и у кочевников предшествующего гуннского времени. Скелеты лошади отмечены в Солончанке на Южном Урале и в Зеленокумске в Предкавказье. В ряде погребений гуннского времени был засвидетельствован обычай помещения шкуры лошади, когда сохраняются лишь череп и кости конечностей животного. Это находки в Беляусе, погр. 1, Покровске, курган Е25 и Верхне-Погромном. Наконец, кости черепа и зубы лошади были зафиксированы в погребениях Алешки (находка 1902 г.), Старая Игрень, Павловка-Сулин, Совхоз Калинина, Воздвиженская (Здвиженское), а также в Страже (Stráže) в Словакии. Данные находки, возможно, свидетельствуют о более широком распространении обычая помещения шкуры лошади в могилу. Этот обычай также известен и у кочевников гуннского времени в Казахстане, назовем такие памятники как Канаттас или Кара-Агач. Наконец, лошадиные кости присутствуют в гуннских погребениях Будапешт-Зугло (Budapest-Zúgló), Алешки-Саги, Пролетарка, Мелитополь, Богачевка, Кызыл-Адыр, для которых мы не располагаем подробной информацией о характере костных лошадиных остатков. В Поволжье и в Приазовье кочевнические погребения гуннского времени содержат кости овцы/

kozy или быка (Переполовенка, Ленинск, Верхне-Погромное, Мелитополь). К западу от Днепра эта погребальная традиция не прослежена [124, р. 99; 50, с. 116, там же библиография].

Погребальный инвентарь постгуннских степных захоронений содержит вещи личного убора, оружие, конское снаряжение, сосуды. Среди вещей личного убора легко выделяются «женские» – диадемы, бусы, ожерелья, гривны, серьги и височные подвески, перстни, находившиеся, как правило, на теле погребенной. Также, видимо, к «женским» следует отнести туалетные предметы, такие как металлические зеркала и пинцеты. «Мужские» погребения сопровождаются элементами ременной гарнитуры, поясной и обувной. Они также находились непосредственно на костяках. Оружие – мечи, луки со стрелами, копья, панцири и кольчуги – также, надо полагать, типично для мужских погребений. Оружие располагалось, там, где это удалось проследить, около погребенного. Конский убор, встреченный как в мужских, так и в женских могилах, представлен аппликациями ременной гарнитуры и удилами, реже металлическими деталями седел. Эти предметы помещались около погребенных. Наконец, в нескольких погребениях (№ 2.2, 2.4, 3.2, 4.3) встречены керамические сосуды, поставленные в головах погребенного, в одном случае стеклянный сосуд (№ 2.2) и в одном случае – металлические котлы (№ 4.2).

Поминальные комплексы

К числу поминальных комплексов принято относить объекты, где прослеживаются следы каких-то ритуальных действий, но не встречены человеческие кости [3; 109, р. 129–135]. Как правило, это кострища под курганными насыпями – Покровск, курганы 17 и 18, где обнаружены кости животных (баран, лошадь) и побывавшие в огне предметы (№ 5.1), подчас с каменными закладами, как в Новогригорьевке, комплекс 7 (№ 1.5). Известны поминальные объекты и без кострищ, как например Ливенцовский-7, курган 35, где выявлена каменная площадка с вещами, костями животных, редкие и мелкие обломки сожженных костей (№ 3.4) (рис. 13). Наконец, следует учесть и находку во Владимирском, курган 4, погр. 2, где в ингумации найдены обожженные вещи, но нет следов костра (№ 5.3). Вероятно, поблизости от погребения находилось место сожжения, где совершались какие-то ритуальные действия.

Поминальные комплексы восходят к гуннскому времени. Назовем такие памятники как Новогригорьевка VIII, IX, Солончанка I, Сегед-Надьсекшош (Szeged-Nagyszéksós), Левице (Levice), Паннонхалма (Pannonhalma), Макартет. В Нижнем Поволжье и на Урале это большие кострища на древней дневной поверхности или под курганной насыпью, содержащие фрагменты поврежденных огнем вещей, кости животных, в частности лошади и овцы/kozy, частично обожженные, а также фрагменты керамики [124, р. 99–100; 50, с. 116, 118]⁵.

⁵ Для гуннского времени известны надежно документированные погребения по обряду кремации, с пережженными человеческими костями (напр. Зеельман-Ровное, Новофилиповка). Трупосожжения появляются в восточноевропейской степи только с приходом гуннов. Несколько более ранние погребения по обряду кремации известны в урало-казахстанских степях [50, с. 118, там же библиография].

Антропологические данные

К сожалению, информация об антропологии населения постгуннского времени отрывочна. Черепа со следами искусственной деформации были найдены в Нейзаце, погр. 114 (№ 2.1), в Шипово, курганы 2 и 3 (№ 6.1), возможно, в Морском Чулеке, погр. 2 (№ 3.1), Покровске-Восход (№ 5.2), Каменном Амбаре-5, курган 6 (№ 6.2), Малаях, курган 1, погр. 12 (№ 4.2). При этом явные следы монголоидности замечены на черепе из Нейзаца, погр. 114 и из Каменного Амбара-5, курган 6.

В гуннское время у степняков также повсеместно зафиксирован обычай искусственной деформации черепа: Дрславице (Drsalvice), Дульчанка (Dulceanca), Герасень (Gherăseni), Дьёндьёшапати (Gyöngösapáti), Сексард (Szekszárd), Беляус, Мелитополь. Также для гуннского времени в кочевнических могилах засвидетельствовано присутствие индивидуумов с монголоидными антропологическими чертами: Дрславице, Герасень, Вена-Зиммеринг (Wien-Simmering), Дьёндьёшапати, Сексард, Будапешт-Зугло (Budapest-Zúgló), Беляус, Верхне-Погромное [124, p. 99; 50, с. 118].

Материальная культура

Как уже говорилось, степные погребения содержат предметы личного убора, конского снаряжения, вооружения и повседневной жизни. Такой же набор предметов найден и в поминальных комплексах. Разумеется, выбор предметов, попавших в эти комплексы, не случаен и поэтому лишь частично отражает материальную культуру кочевников постгуннского времени.

Конское снаряжение

Металлические накладки на седла. Они подразделяются на два типа. Это прежде всего пластины вытянуто-сегментовидной формы, типа 4а,б, по классификации И. П. Засецкой или типа 4 по И. Р. Ахмедову [28, с. 145; 8, с. 23–25] (рис. 24,22). Они известны как в степи, в Ольвии (№ 1.2) и Шипово, курган 3 (№ 6.1), так и у оседлых соседей на окраинах кочевого мира. Назовем такие находки как Бабичи в Среднем Поднепровье [46, рис. 9,1], Дюрсо [21, рис. 4,1,3,4] и Мокрая Балка [7, рис. 137,7] на Северном Кавказе, Уфа-улица Тукаева на Южном Урале [4, рис. 34,8,9]. Восточнее, на Мангышлаке, седло с такими накладками было найдено в ограде 15 Алтынказгана [6, рис. 11,6,7]. Эти накладки типичны для второй половины V – первой половины VI в., в чем убеждают, прежде всего, находки на уже упоминавшемся могильнике Дюрсо [37, с. 54–55]. Похожие по форме седельные накладки, с отделкой края декором в стиле перегородчатой инкрустации, известны и на Западе, где особое значение имеет находка в «вождеском» погребении 1782 франкского могильника Крефельд-Геллеп (Krefeld-Gellep) на Рейне [113, Kat. V.4.8, Abb. 192–196]. Эта могила принадлежит к фазе II раннемеровингских древностей, то есть ко второй трети VI в., и датируется по аналогиям с «княжеским» захоронением мальчика в Кёльне [113, Kat. VI.2.2, Abb. 346–349]. Дата кёльнского погребения определяется, в свою очередь, по дендрохронологии в пределах от 527 по 547 гг. [142, p. 250]⁶.

⁶ Конечно, кое-где подобные накладки существовали и позже, как показывает, например, находка в

Металлические накладки вытянуто-треугольной формы, типа Засецкая тип 16 – Ахмедов 5 [28, с. 143; 8, с. 25–26] были найдены в памятниках постгуннского времени в Ялпуге и во Владимирском, курган 4, погр. 2 (рис. 2,14; 23,12). Эта форма пока известна только в Восточной Европе и в Центральной Азии: в Галайты в Чечне, в Керчи [8, рис. 3], в Среднем Поволжье в могильнике Коминтерн, погр. 46, возможно, погр. 42 [36, рис. 30,8; 36,4]?, на Южном Урале в Слончанке I [62, рис. 25,13,14], и далее на восток, в Казахстане в Боровом [157, Taf. 51,12]. Одна из находок, Солончанка I на Южном Урале, принадлежит гуннскому времени, поскольку здесь найдены хронологически показательные пряжки [62, рис. 23,1–3], находки во Владимирском и в Ялпуге – постгуннские. Датировку этих накладок постгуннским временем подтверждают и находки в закрытых комплексах на периферии степи, в поволжском могильнике Коминтерн II и в Галайты в Чечне [см. подробно: 127; 47, с. 107]. В письменных источниках, кажется, удастся найти упоминание седел с металлическими накладками. Так, аварские послы, прибывшие к Юстиниану, получили от него, в числе подарков, седла. Скорее всего, речь идет о богато украшенных изделиях, которые называются в одном ряду с золотыми поясами [Иоанн Эфесский, Церковная история, кн. 6, гл. 24; цит. по: 76, с. 558].

Помимо металлических накладок, некоторые костяные узкие длинные пластины, вроде найденной в Малаях (рис. 18,1), по мнению ряда исследователей также представляют собой обкладки седел [64, с. 432], как и узкие металлические желобки, найденные в Покровске (рис. 22,20).

Накладки конской сбруи с декором в стиле перегородчатой инкрустации.

Они найдены в Морском Чулеке (рис. 11,1–10,20,21) и в Ялпуге (рис. 2,15). Это круглые и пятиугольные накладки с декором в стиле перегородчатой инкрустации, явно средиземноморского, скорее всего, византийского происхождения [31, с. 60–75; 148]. Композиция, аналогичная узору на умбоновидной части круглых блях конских наборов из Морского Чулека и Ялпуга, украшает золотую бляшку из находки (курган 14?) 1886 г. близ с. Былым/Кудинетово на территории совр. Кабардино-Балкарии [92, с. 143, рис. 173; 4, рис. 39,5], возможно также принадлежавшую конскому убору. Встречены инкрустированные круглые бляхи и в кладе, найденном грабителями на территории совр. Глуховского района Сумской области, т. е. в зоне раннеславянской культуры Колочин [46, рис. 13,7]. Круглые бляхи очень хорошо датируются, прежде всего по дунайским аналогиям, таким как конский убор из погребения 2 гепидского предводителя в Апахиде (Aпахida) (Трансильвания) второй половины V в. [47, с. 107–108]. Тождество стилистических, конструктивных и технологических особенностей наборов конской упряжи из Апахиды и Морского Чулека позволяет рассматривать их как продукцию одного центра производства. Б. Аррениус выделяет группу предметов со вставками, укрепленными на цементе, в том числе вещи из Апахиды, погр.

одном из курганов Чир-Юрта (Северный Дагестан) с монетой 582–602 гг. [4, рис. 41,10].

⁷ Интересно отметить, что погребения содержали по степному обычаю кости ног и череп (т. е. шкуру) лошади (см. выше).

2 и могилы Хильдерика, которые она относит к продукции ювелирных мастерских Константинополя [103, р. 100–113]. Отметим, что, возможно, существовали и другие средиземноморские мастерские, в которых изготавливались вещи с перегородчатой инкрустацией на «цементе», например, в Равенне или при везиготском дворе [129, р. 160]. Вероятно, что эти фалары входили в состав дипломатических подарков, полученных посольством оногур, сарагур и урогов в Константинополе в 463 г. [подробнее: 5, с. 62]. Показательно, что в том же погр. 2 обнаружены массивные золотые браслеты с расширенными концами с весовыми надписями, явно происходящие из императорских мастерских (см. ниже)⁸.

«Восточная» конская гарнитура. Бляхи такой гарнитуры со вставками сердолика и стекла и зернью представлены в Морском Чулеке, погр. 2 (рис. 11,11–19) и в Нейзаце (рис. 6,8–33). В Морском Чулеке это овальные бляхи на серебряной пластинчатой основе, с напаянными на нее золотыми деталями – гнездом из узкой полоски, ободками из зерни и припаянной лентой. В одной из бляшек сохранилась сердоликовая вставка. К тому же убору принадлежат семь бронзовых гвоздиков со шляпками, состоящими из серебряной пластины, покрытой сверху золотым листом с выпуклой вставкой сердолика или альмандинами в гнезде из напаянной золотой полоски. В погребении в Нейзаце найдены серебряные позолоченные бляхи двух типов – крупные овальные со стеклянными вставками и мелкие почковидные с пустыми гнездами для вставок. Они напоминают декоративные бляхи из «вождеских» находок степных кочевников Центральной Азии постгуннского времени в Шамси в Киргизии, Боровое в Восточном Казахстане, Аржан-Бугузун на Юго-Восточном Алтае. Упомянем и почкообразные накладки на ремень, обнаруженные в погр. 4 аланского могильника Мокрая Балка в Пятигорье (раскопки В. Б. Ковалевской), относящиеся к шиповскому горизонту. В составе конского снаряжения почковидные инкрустированные бляхи найдены в Цебельде, под стенами крепости, вне контекста. Необходимо вспомнить и происходящую якобы из Керчи золотую почковидную пластину с гранатовой вставкой, с резным спиралевидным декором на камне. Спиралевидный декор типичен для украшений постгуннского времени в Центральной и Восточной Европе [98, с. 204, там же библиография].

Двучастные удила с кольчатыми окончаниями. Они встречены в ряде погребений и поминальных комплексов: Нейзац (рис. 6,5), Покровск, курган 17 (рис. 22,8), Новогригорьевка (рис. 3,7), Царева (рис. 21,26), Шипово, курган 3 (рис. 24,14), Малаи (рис. 18,20), Владимирское (рис. 23,9). В эпоху Великого переселения народов этот тип удила очень распространен и встречается повсеместно. Насколько

⁸ Впрочем, для дисковидных блях конского убора не исключены и сасанидские параллели. Так, округлые бляхи видны на ременных гарнитурах шахских коней на сасанидских блюдах [93, кат. № 3, 9, фото 8, 9, 19; 140, fig. 82, kat. 52, 61], в том числе на оголовьях [93, кат. № 17, фото 35; 140, fig. 94, kat. 50, 53, 54, 56]. Правда, пока сасанидские изделия с декором в стиле перегородчатой инкрустации известны недостаточно, а для конской сбруи на сегодняшний день предположительно идентифицированы только накладные диски без инкрустаций, с орнитоморфным штампованным декором [140, kat. 46, 47].

можно судить по имеющейся фотографии, в Ялпуге найдены кольчатые серебряные наконечники железных удил (рис. 2,10). Такие удила хорошо представлены уже в гуннское время, в частности у кочевников [26, с. 41].

Обоймы ремней конской узды. Такие обоймы вытянуто-миндалевидной формы из погр. 114 на могильнике Нейзац (рис. 6,6,7) имеют ряд параллелей в германских древностях раннемеровингского времени (середина V – первая половина VI в.). Назовем лангобардские удила из Вескенъ (Veszkeny) в Венгрии, уже упоминавшееся погр. 2 в Апахиде, находку в Даллерупе (Dallerup) в Дании, аламандские удила в Альдингене (Aldingen), погр. 1969 г. и Плейдельсхайме (Pleidelsheim), а также тюрингские удила из погр. 9 в могильнике Деерсхайм (Deersheim) [98, с. 204–205, там же библиография].

Имеются и обоймы в виде пластин вытянуто-прямоугольной формы, в Ялпуге (рис. 2,3). Они восходят к образцам гуннского времени, хорошо представленным как у оседлого населения, например, в Керчи [многочисленные примеры: 25] или у восточных германцев Барбарикума, как в Унтерзибенбрунн (Untersiebenbrunn) или Качине [151, Abb. 124,1; 126,7,8], так и в степи [26, с. 41, табл. 1,11; 10,5,6; 11,10 и т. д.].

В-образные петли псалий. Они встречены в погребении 114 в Нейзаце (рис. 6,6,7). Подобные петли хорошо известны на удилах V–VI вв. Можно назвать такие памятники как Былым-Кудинетово на Северном Кавказе, Апахида, Деерсхайм, а также Кустул (Qustul) в Нубии, Сарды (Sardis) в Малой Азии, только что упомянутые Альдинген, погр. 1969 г., Плейдельсхайм и, наконец, Либенау (Liebenau) в Северной Германии [98, с. 205–206]. Не исключено, что В-образные петли имитируют роскошные зооморфные прототипы, вроде найденных в Ялпуге, в виде кошачьих хищников (рис. 2,3).

Костяные подпружные пряжки. У кочевников постгуннского времени эти пряжки известны по находке в Айвазовском (рис. 8,14). У кочевников они известны с гуннского времени (например, в Беляусе), встречаются они и у оседлых варваров, например, у славян, волжских финнов, а также в византийской крепости Ильичевка, на Тамани [41, с. 69, там же библиография].

Металлические подпружные пряжки с двойной рамкой. Они представлены в Ялпуге (рис. 2,5). Эти пряжки также распространены у степных кочевников уже в гуннское время, а также у оседлых варваров от Среднего Дуная до Северного Кавказа [см. подробнее: 41, с. 69].

Ременные накладки с имитацией полихромии. Вытянутые прямоугольные с тисненым орнаментом, имитирующим вставки камней и ободки из зерни, могли принадлежать как конскому снаряжению, так и костюму. Они встречены в Ливенцовском поминальном комплексе (рис. 14,1–21), в Шипово, курган 3 (рис. 24,18), в погребении Покровск-Восход (рис. 21,12). Эти накладки, несомненно, восходят к многочисленным прототипам гуннского времени [о них см.: 26, с. 42–44]. Надо упомянуть и накладные пластины из уже упоминавшегося франкского вождеского по-

гребеня Крефельд-Геллеп 1782 [142, fig. 15,2–10], по мнению Б. Аррениус имеющие византийское происхождение⁹.

Металлические сбруйные накладки с «дерюжным» декором. Этот орнамент, по мнению А. К. Амброза, является одним из главных индикаторов шиповского горизонта [многочисленные примеры: 4]. У таких предметов практически вся поверхность закрыта тисненым декором, действительно напоминающим дерюгу. Эти накладки представлены в Покровске, курган 17 (рис. 22,7), Новогригорьевке, комплекс 7 (рис. 3,9,10), Владимирском, курган 4 (рис. 23,7,8), Шипово, курган 3 (рис. 24,5), то есть, за исключением Новогригорьевки, исключительно к востоку от Волги и, возможно, представляют собой этнографическую особенность группы кочевников, проживавших на той территории. Появляется он и у живших с ними по соседству оседлых варваров, например, в Приуралье в Бирском могильнике [4, рис. 22,17; 34,15,25]. Еще восточнее дерюжный декор встречен на Мангышлаке, в Алтынказгане, вместе с пряжками предгеральдического времени, скорее всего, раннего VI в. (см. ниже) [6, рис. 13,13]¹⁰.

Аппликации с антропоморфными изображениями. Эти пластины из металлического листа, где тиснением изображены человеческие личины, являются хронологически показательными для степных постгуннских древностей. Они, как и пластины с дерюжным орнаментом, встречены, в первую очередь, в степных находках Заволжья: Покровск, курганы 17 и 18 (рис. 22,5,16), Покровск-Восход (рис. 21,9), Владимирское, курган 4 (рис. 23,11) и опять в приднепровском комплексе Новогригорьевка-7 (рис. 3,3,4). Отмечены они и в Алтынказгане [6, рис. 13,10], а также на Северном Кавказе в Верхней Рутхе [4, рис. 30,1]. По мнению К. фон Карнап-Борнхайм, эти личины представляют собой западное заимствование [156], что подтверждается находками подобных изображений на позднеримских и германских памятниках. Их сходство действительно бросается в глаза, остается однако непонятным, почему эти изображения у кочевников концентрируются прежде всего в Заволжье, т. е. в регионе, очень удаленном от границ римско-германского мира.

Тройники-соединители ремней в виде кольца с тремя округлыми обоймами. Они представлены в Ялпуге (рис. 2,16). В качестве параллелей можно назвать похожие тройники в аланских «княжеских» погребениях гуннского времени Брут-1 в Северной Осетии [17, рис. 8,1; 27,1–3].

Вооружение

Луки с костяными (роговыми) накладками. Это довольно многочисленная категория находок: Покровск, курганы 17 и 18 (рис. 22,4,12–14), Царева, курган 66, погр. 2 (рис. 21,19,22), Малаи, курган 1, погр. 12 (рис. 17,11,12,14–16). Их окончания имеют

⁹ Эта гипотеза была ею высказана и обоснована в докладе на Саксонском симпозиуме в г. Кан в Нормандии в 1986 г. К сожалению, доклад остался неопубликованным.

¹⁰ Возможно, реминисценции «дерюжного» стиля проявляются и на некоторых формочках для изготовления бляшек, обнаруженных в мастерской ювелира пражской культуры в Бернашевке на Днестре (поздний VI в.) [16, рис. 38, 39].

расширенные концы, что соответствует лукам «гунно-болгарского» типа [см.: 64, с. 432, там же библиография]. Хорошо известно, что до конца VI в. во всадническом снаряжении в Европе не было стремя, что затрудняло рукопашные схватки и придавало особую важность дистанционному бою с помощью стрелкового оружия. Поэтому тугой лук с костяными (роговыми) накладками становится основным оружием кочевников в начале средневековья [126, р. 194–196]. Степная конница предпочитала дистанционный стрелковый бой на расстоянии, необходимом для прицельной стрельбы из лука. При этом гунны, по сообщениям древних авторов, предпочитали атаковать противника первыми. Они вступали в бой в построении *cuneatim*, что, по мнению В. П. Никонорова, означает атаку в рассеянном формировании, с «лучшими», наиболее знатными воинами впереди [см. подробнее: 73]¹¹.

Погребения эпохи переселения народов с костяными накладками на лук известны как у степных народов, так и у «оседлых» варваров [102, Karte 5, Fundliste 4]. Скорее всего, у оседлых варваров обычай помещения луков в захоронение появился под влиянием степных традиций. Что же касается луков у кочевников, то в погребальных обрядах они наверняка выполняли роль социального маркера [118; 136]¹².

Стрелы. Они встречены в целом ряде погребений и поминальных комплексов: Ливенцовский (№ 3.4), Новогригорьевка (№ 1.5), Покровск, курган 17 (№ 5.1), Шипово, курганы 2 и 3 (№ 6.1), Царева (№ 5.4), Владимирское (№ 5.3). Для стрельбы кочевники чаще всего использовали стрелы с довольно крупным трехлопастным наконечником, обычно ромбической формы (рис. 3,2; 14,59–65; 21,25; 22,2,3; 23,1–6; 24,13). Они наносили противнику и, что немаловажно, его коням, большие открытые раны с обильным кровотечением. Трехлопастные, степные по происхождению, стрелы очень быстро распространяются в Европе и, начиная с V в., известны у самых различных народов на огромной территории от Галлии до лесной зоны современной России [124, р. 102].

В типах стрел проявляется восточное влияние. Как показала И. П. Засецкая [26, с. 39], центрально-азиатскими по происхождению являются «ярусные» трехлопастные стрелы, вроде найденных в Ливенцовском поминальном комплексе (курган 35 Ливенцовского могильника VII) на Нижнем Дону (рис. 14,61).

¹¹ Такой бой представляет Велизарий в «мастер-классе» для своего штаба, на примере столкновения гунно-анто-славянского корпуса Мартина и Валериана с готами у стен Рима: «...почти все римляне и их союзники гунны являются хорошими стрелками из луков верхом, а из готов с этим делом никто не знаком, но их всадники привыкли пользоваться только дротиками и мечами; их же стрелки сражаются пешими и вступают в бой, прикрытые рядами тяжелооруженных воинов. Поэтому их всадники, если идет не рукопашный бой, не имея чем защищаться против врагов, пользующихся луками, легко ими поражаемые [стрелами], гибнут, а пехотинцы никогда не могут произвести нападения на всадников. Вследствие этого, утверждал Велизарий, варвары в этих столкновениях побеждаются римлянами» [80, I.27.25–29].

¹² Император Маркиан в ночь смерти Аттилы видел сон, в котором фигурировал сломанный лук этого великого гуннского вождя [34, с. 255], что явно указывает на символическую роль лука у гуннов.

Другие типы стрел представлены единичными находками: трехгранная черешковая стрела из Ливенцовского (рис. 14,62), черешковая стрела с широким ромбическим пером из Покровска, курган 18 (рис. 22,15).

Мечи. Они представляют собой длинные спаты, около 90–100 см, хорошо известные в степи уже в предшествующее время [26, с. 23–33]. Это находки в Ново-григорьевке (рис. 3,1), Чикаренко (рис. 5,14), Покровске-Восход (рис. 21,1,2), Ялпуге (гарда) (рис. 2,4), Малаях (рис. 17,1–5), Дмитриевке (рис. 3,11). Судя по находкам из Покровск-Восход и Шипово, мечи имели черенок рукояти в виде штыря, с резким переходом от рукояти к лезвию. Меч из Покровска-Восход имеет очень узкое острие, предназначенное для нанесения колющих ударов, острия мечей в Дмитриевке, Шипово, Чикаренко более скругленные.

Четыре меча имеют инкрустированные гарды: Покровск-Восход, Ялпуг, Дмитриевка, Малаи. Эти мечи, скорее всего, византийского производства. По декоративным особенностям на гардах принадлежат разным группам. Меч из Дмитриевки принадлежит типу 3, находка в Покровске-Восход – типу 5, из Ялпуга и Малаев – скорее типу 1, хотя и несколько отличаются от него. Мечи с инкрустированной гардой суммарно датируются V – первой половиной VI в., их большая часть была найдена в понто-кавказском регионе [подробнее см.: 38].

Мечи из Дмитриевки и Малаев имеют характерную для эпохи переселения народов бусину-подвеску (рис. 3,11; 17,5) [о них см.: 157, S. 26-37; 102, S. 99–114]. Их часто считают «магическими», хотя предложены и более прозаические интерпретации – это могут быть подвески темляка [см. напр.: 117, р. 43–45] или элементы фиксации портупейных ремней [11, с. 177–178]. Меч из Покровска-Восход имеет нефритовую портупейную скобу китайского происхождения или, что вероятнее, их дериват, подражающий китайским образцам [94, с. 173–175] и, по-видимому, ранее принадлежавший какому-то мечу II–III вв. [26, с. 32].

Вытянутая инкрустированная пластина подтреугольной в сечении формы с зооморфным изображением на конце из Ялпуга (рис. 2,8), тоже может быть интерпретирована как портупейная скоба меча, хотя я и не могу назвать надежных аналогий. Отмечу лишь, что зооморфные изображения известны на концах портупейных скоб, например, у меча из «вождеского» погребения в Альтлуссхейме (Altlussheim) [157, Taf. 2,2; 3,3].

P-образные портупейные скобы были обнаружены на мече в погребении в Малаях (рис. 17,3), а также в поминальном комплексе Ливенцовский VII, курган 35 (рис. 14,48). Подобные скобы хорошо известны в широкой зоне в период распространения «геральдических» поясов, т. е. во второй половине VI – VII вв. P-образные скобы ножен меча имеют, скорее всего, азиатское происхождение, поскольку самые ранние находки этого оружия связаны с Востоком. Это кинжалы в Боровом в Казахстане, в Керим-ло, погр. 14 в Южной Кореи, а также находки в Китае в погребениях знати [159; 27; 133; 134; 104]. Японские исследователи датировали могилу 14 Керим-ло временем не ранее середины VI в. [104, р. 74]. И. П. Засецкая высказала

предположение, что кинжал из Борового, возможно, несколько древнее корейского и отнесла оба предмета к первой половине VI в. [159, р. 439; 27, с. 106–107]. Также первой половиной VI в. н. э. датирует кинжалы типа Боровое–Керим-ло А. Кох [134, S. 419]. Ранняя датировка находки в Боровом может быть аргументирована параллелями в декоре кинжала и некоторых инкрустированных вещей из погребения в Шамси в Киргизии [55]. Это погребение подчас относят даже к более раннему времени – конец IV – первая половина V в. К несколько более позднему времени – 569/570 и 578 гг. – относятся Р-образные скобы из датированных погребений китайской знати [133, S. 592, Abb. 8]. Скорее всего, в степных древностях наиболее ранние мечи с Р-образной скобой маркируют конец шиповского горизонта, тем более, что в Ливенцовском и Малаях найдены и ранние элементы гарнитуры геральдического стиля.

Ножны меча из Малаев имели металлическую цилиндрическую бутероль, вроде тех, что появляются в гуннское время [64, с. 433].

Как полагает И. П. Засецкая, в погр. 17 у г. Покровска был найден однолезвийный меч, т. е. палаш [26, с. 33], однако по сохранившейся части (два обломка общей длиной около 20 см) (рис. 22,1) сложно судить о характере этого оружия, она может принадлежать как палашу, так и боевому ножу (скрамасаксу).

«Боевые» ножи. Речь идет об оружии с однолезвийным (в отличие от двулезвийных кинжалов) коротким клинком, зафиксированном один раз, в кургане 3 у ст. Шипово (рис. 24,9). Он имеет длину 26 см и помещался в деревянных ножнах, украшенных серебряными пластинами, обтянутыми золотой фольгой, с чешуйчатым орнаментом. Его параллели встречены на Северном Кавказе в погребениях постгуннского времени [подробнее см.: 26, с. 34–35]. Кроме того, в Ливенцовке была найдена железная U-образная бутероль ножен (рис. 14,45), принадлежавших клинковому оружию небольших размеров – ножу или кинжалу [12, с. 36].

Копья. В степных погребениях постгуннского времени копья встречены два раза, в погребении Покровск-Восход (рис. 21,3) и в Ливенцовском поминальном комплексе (рис. 14,66). Они оба имеют втянутое перо ромбической формы с наибольшим расширением у основания и широкую втулку, в Ливенцове она имеет граниение. Малое количество копий подтверждает мнение И. П. Засецкой о том, что этот вид оружия не был широко распространен среди кочевников эпохи Великого переселения народов [26, с. 35].

Пластинчатые панцири. Они были обнаружены в Ливенцовском поминальном комплексе (рис. 14,22–34) и в погребении в Малаях (рис. 17,6–10). Панцири представлены набором удлиненных прямоугольных пластин, иногда с волнистым краем, с перфорациями для крепления. В Малаях удалось проследить и конструкцию панциря, состоящего из отдельных набранных длинных полос, прикрывающих нижнюю часть спины и живот, а также коротких полос, защищавших верхнюю часть спины и плечи [64, с. 436]. Находки таких панцирей в постгуннское время единичны в восточноевропейском Барбарикуме, они чаще встречаются в несколько более позднее время [12, с. 33]. Такие панцири хорошо известны в средиземноморском

бассейне, на Балканском полуострове и в Западной Европе, вплоть до иберийского полуострова [141, S. 125–133; 158, S. 12–13; 110; 107, p. 211–212; 154]. Известны они и на Боспоре Киммерийском (т. н. гробница Кулаковского 1891 г.) [61].

Кроме того, надо упомянуть остатки *кольчуги*, найденные в погребении Покровск-Восход (№ 5.2). Они не сохранились, поэтому судить о характере кольчуги сложно.

Украшения и элементы костюма

Округлые, овальные, В-образные и прямоугольные пряжки без щитка. Такие пряжки встречены в ряде погребений: Ялпуг (рис. 2,12,13), Нейзац, погр. 114 (рис. 6,2-4, 7,11), Каменный Амбар-5, погр. 6 (рис. 24,24), Царева, курган 66, погр. 2 (рис. 21,16), Ливенцовский (рис. 14,44), Татарка (рис. 19,13). Иногда сохранился язычок, сужающийся к окончанию и загнутый вниз. В целом, такие пряжки типичны для эпохи переселения народов и встречаются на очень широкой территории.

Малые пряжки с овальной рамкой и прямоугольным щитком. Они были найдены в погребениях Покровск-Восход (рис. 21,7,8) и Шипово, курган 2 (рис. 23,17). Они восходят к малым пряжкам гуннского времени, с прямоугольным щитком и хоботовидным, т. е. загнутым вниз, язычком [см. многочисленные примеры: 26; 151].

Пряжки с костяной рамкой. Одна пряжка с овальной костяной пряжкой, овальным щитком неправильной формы и плоским язычком была обнаружена в Цареве, курган 66, погр. 2 (рис. 21,15). Костяные и роговые кольца от пряжек хорошо известны в центральноевропейских древностях позднего V и раннего VI в. Д. Кваст перечисляет находки в таких могильниках, как Альтенердинг (Altenerding), Сентеш-Кёкеньзуг (Szentés-Kökényzug), Апахида, Сингидунум (Singidunum) – Роспи Чуприя, Сирмиум (Sirmium) и др. [147, S. 435, Fundliste 1]. На Северном Кавказе в интересующее нас время костяная пряжка представлена в одном из погребений Пашковского могильника на Нижней Кубани [70, с. 15].

Цельнолитые пряжки с прямоугольной рамкой. Одна такая пряжка была найдена в разрушенном погребении Татарка-балка Каряжка (рис. 19,12). Она имеет прямоугольную рамку и вытянутый щиток, завершающийся двумя волютами. Эта пряжка более всего напоминает так называемые средиземноморские пряжки, распространенные в меровингском ареале к северу от Альп [115]. Их оптимальная дата – 520/530 – 600/610 гг. [137, No. 161].

Пряжки и ременные наконечники с декором в стиле перегородчатой инкрустации. Эти гарнитуры и их элементы были обнаружены в курганном погребении Чикаренко (рис. 5,7–11), а также в Ялпуге (рис. 2,1,6,7), в Ольвии (рис. 4,11), в Хасав-Юрте (рис. 20,8), Покровске-Восход (рис. 21,11). Крымские находки, как уже неоднократно отмечалось, имеют параллели в западном «княжеском» уборе 450–480-х гг., например, в знаменитом погребении франкского короля Хильдерика [100, p. 209; 31, с. 110; ср.: 143, Abb. 121] или же в погребении варварского предводителя в Блучине (Blučina) в Южной Моравии [139, No. 33,11]. Скорее всего, речь идет о продукции византийских мастерских [о них см. выше: 103].

Пряжки и наконечники ремня из Ялпуга принадлежат той же традиции. Одна из них, с кабошоном на щитке (рис. 2,6), может быть отнесена к числу средиземноморских [122, р. 157–158, fig. 14,10; 18,1], прямые параллели для второй (рис. 2,1) мне неизвестны, однако форма вставок и наличие резных камней [ср.: 103, fig. 40,145] свидетельствуют о ее средиземноморском происхождении. Инкрустированный наконечник из Ялпуга (рис. 2,7) несколько напоминает наконечник обувной гарнитуры из Блучины [139, No. 33,11].

Пряжка из Ольвии с овальными рамкой и щитком (рис. 4,11) типична для мужских «вождеских» могил, таких как уже упоминавшиеся погребения в Турнэ и в Апахиде. Изредка пряжки с овальными щитком и рамкой встречаются и в богатых женских захоронениях [см. напр.: 106, pl. XIV]. Пряжки, подобные найденной в Ольвии, имеют византийское или шире – средиземноморское происхождение [см. подробнее: 103; 131; 99]. Наконец, в кургане Хасав-Юрта (рис. 20,8) также фигурирует инкрустированный щиток пряжки средиземноморской / ранневизантийской традиции [122, р. 153, fig. 24,1].

Пряжки «шиповского» типа. Они цельнолитые, с прямоугольным щитком и овальной пряжкой. Их также можно считать характерными для постгуннского периода. Такие пряжки встречены в Шипово, погр. 2 и 3 (рис. 23,22; 24,4), Каменном Амбаре-5 (рис. 24,25) и в Тугулуке-3 (рис. 19,4). Эти пряжки широко распространены в степной зоне, от Аральского моря до Кавказа [напр.: 4, рис. 34,3–6,11,12; 66, с. 60–61; 51, с. 99].

В-образные пряжки с подвижным щитком. Такие пряжки обнаружены в Морском Чулеке, погр. 1 (рис. 9,7) и в Ливенцовке (рис. 14,49,58). Они имеют овальную рамку, полуою в Ливенцовском, вытянуто-овальный щиток, с заострением на окончании и загнутый вниз язычок. Скорее всего, они являются непосредственными прототипами для более поздних В-образных пряжек геральдического стиля [12, с. 35–36].

Ременные гарнитуры геральдического стиля. Они представлены в Малаях (рис. 18,4–19) и в Ливенцовке (рис. 14,43,52–57). Это наконечники ремней, накладки и малые пряжки. В Ливенцовке они гладкие, а в Малаях имеют прорезной декор. Так называемые геральдические наборы в восточноевропейских степях хорошо известны и составляют основной определяющий элемент горизонта Суханово-Сивашевка (см. выше), датированного серединой VI – VII в. По формальным признакам надо было бы оба набора отнести к ранней фазе горизонта геральдических поясов [12, с. 36–37; 64, с. 436], что подтверждает и находка в обоих случаях Р-образных портупейных скоб. Однако выразительный набор вещей шиповского горизонта в Ливенцовке и в Малаях заставляет поместить эти памятники в рубежную эпоху между постгуннским и геральдическим горизонтами, т. е. в эпоху Юстиниана, когда многочастные пояса широко распространяются как в Византии, так и у варваров [подробнее см.: 123, р. 41].

Диадема (рис. 23,14). Она была обнаружена в Шипово, курган 2. Диадема бронзовая, трехчастная, покрыта золотым листком со вставками из синего стекла [26, с.

54–56]. Она принадлежит группе Ковриг 2а, немногочисленной (4 экз.), но распространенной в гуннское время на широкой территории, от Северного Причерноморья до Южного Урала [135, S. 125–126]. Центральный декоративный элемент шиповской диадемы – композиция с двумя птичьими головами – имеет параллели в Керчи, где подобная диадема была найдена в одном из погребений на горе Митридат [подробнее: 49, там же библиография]

Пекторальные цепи с медальонами-подвесками. Эти цепи представлены в Морском Чулеке, погр. 2 (рис. 10,3), Михаэльсфельде (рис. 15,1–3) и в кладе в Ольвии (рис. 4,1). К золотой плетеной цепи с замком подвешены центральный медальон овальной формы и подвески (Михаэльсфельд). Дата этих пекторальных украшений устанавливается по некоторым конструктивным элементам. Так, цепи из Морского Чулека и Ольвии имеют в своем составе муфты с декором в стиле перегородчатой инкрустации, типичные для второй половины V в. [31, с. 37]. Цепь из Михаэльсфельда датируется по вмонтированному в нее солиду Юстина и Юстиниана 526–527 гг. Вне всякого сомнения, речь идет об имитации престижного ранневизантийского костюма, для которого типичны кольца с круглыми или овальными бляхами [ср. напр.: 153, S. 90–93, Abb. 11; 116, S. 44]. Византийские ювелирные традиции проявляются, в частности, в способе плетения цепей, в характере их замков, а также в крестообразном штампованном декоре на реверсе медальонов-подвесок [см. детально: 31, с. 28–33; 30, с. 126–128, 133–137, 141–142]. Возможно, к числу пекторальных относятся и плетеные золотые цепи без подвесок из погр. 1 в Морском Чулеке (рис. 9,4) и из разрушенной могилы Покровск-Восход (рис. 21,13), но доказать это невозможно.

Волютовидные подвески от ожерелья. Они были найдены в кургане 3 в Шипово (рис. 24,17). В качестве параллелей можно назвать вещи, происходящие с Тамани и, якобы, из Майкопа [111, № 44, 51, 52]. В одном из ожерелий Майкопа такие волютообразные подвески соседствуют с подвесками в виде мухи, последние же известны по итальянскому кладу в Реджио-Эмилия (Reggio-Emilia) [108, Taf. 32,3,4]. Дата вещей из этого клада сейчас определяется в рамках последней трети V – середины VI в. [105].

Золотые подвески в форме сердечка. Такие украшения, представляющие собой коробочки с зернью и декором в стиле перегородчатой инкрустации, найдены в погр. 2 Морского Чулека (рис. 10,1,2). Хотя по технике изготовления эти подвески очень напоминают византийские украшения, все же наиболее близкими по форме и декору являются серьги-подвески из женских погребений джатыасарской культуры в Восточном Приаралье, на могильнике Алтын-Асар [63, с. 42–43, 74–75, рис. 163,24,25,27; 170]. Погребение в кургане 389 могильника Алтын-Асар 4, где найдены подобные подвески, датируется достаточно широко, в пределах IV–VI вв. на основании керамики, типичной для этапа Джатыасар II [63, с. 14, 43].

Гривны с окончаниями в виде головы дракона. Её фрагмент представлен в Татарке (рис. 19,15). К. М. Скалон и И. П. Засецкая показали, что найденный здесь наконечник гривны в виде головы дракона имеет наиболее близкие параллели в

погребении Кара-Агач из Центрального Казахстана [88; 26, с. 66–67], что, скорее всего, указывает на центрально-азиатское происхождение этой категории украшений. Обычно эту находку относят к гуннскому времени, однако найденная там же пряжка скорее датируется 520/530–600/610 гг. (см. выше). Если вещи из Татарки составляют единый комплекс, в чем нет уверенности, то тогда у нас есть основания отнести гривну с наконечником в виде головы дракона к постгуннскому времени.

Витые гривны. Скрученная из трех проволок бронзовая обтянутая золотым листом гривна была обнаружена в погр. 2 в Шипово (рис. 23,21). Этот тип гривен хорошо известен в эпоху переселения народов, как в «княжеских» находках, так и в рядовых погребениях [26, с. 77; 9, с. 169; 66, с. 76; 70, с. 19; 97, с. 122–126]. К сожалению, шиповская гривна сохранилась не полностью, один её конец имеет завершение в виде конуса, второй конец обломан. Поэтому сложно говорить о форме замка, а именно последняя деталь могла бы указать на наиболее близкие аналоги.

Круглые бляхи с инкрустацией в виде изолированных кабошонов. Они встречаются в Новопокровке (рис. 8,8) и Татарке (рис. 19,6). Подобные бляхи известны и у варваров Северного Кавказа и Крыма, скорее всего, они имитировали круглые пекторальные броши средиземноморского происхождения. Впрочем, когда речь идет о находках, где контекст неизвестен, как например в Татарке, вполне возможно, что подобные бляхи могли быть аппликациями, например, на конской сбруе [66, с. 35–36].

Золотые браслеты с расширенными концами. Такие браслеты найдены в Морском Чулеке, погр. 2 (рис. 10,9,10) и в Ольвии (рис. 4,9,10). Браслеты из Морского Чулека представляют собой массивные изделия, тогда как экземпляры из Ольвии сделаны из более тонкого стержня. В Европе эти браслеты появляются в I в. н. э. в результате какого-то импульса из Азии [130, p. 23, fig. 9,1–3]. В V – первой половине VI в. такие «королевские» браслеты хорошо представлены в мужских погребениях варварской аристократии, в частности в уже упоминавшихся могилах франкского короля Хильдерика в Турнэ и гепидского нобиля в Апахиде, а также герульского (?) вождя в Блучине в Южной Моравии [15]. Встречаются они и в женских привилегированных могилах, например, в погребении гуннского времени в Регёй (Regöly) на территории римской Панонии, в могиле франкской принцессы первой половины VI в. в соборе Св. Северина в Кёльне, или в гепидском погребении второй половины – конца V в. в Берегово в Закарпатье [31, с. 48–60]. Отметим, что в вышеперечисленных мужских «княжеских» погребениях золотые браслеты с расширенными концами всегда являются одиночными, в то время как в Ольвии и Морском Чулеке браслеты парные. Происхождение чулекских браслетов легко определяется благодаря латинским весовым надписям – они произведены в Константинополе и были подарены варварским вождям. Важно также подчеркнуть, что такие браслеты известны и на территории Византии [130, p. 23, fig. 9,4]¹³.

¹³ Насколько мне известно, присутствие весовой надписи на браслетах этого типа отмечалось только один раз. Речь идет об обломке браслета из датского клада Болтинггард Сков (Bolttingård Skov), най-

Браслеты из круглого в сечении стрежня без декора. Они найдены в Шипово, курган 3 (рис. 24,10), Нейзац, погр. 114 (рис. 7,7,8), Ясырев, курган 2, погр. 1 (рис. 12,5,6). Такие браслеты имеют очень широкие временные и территориальные рамки.

Браслеты из круглого в сечении стрежня с уплощенными концами. Один такой браслет был обнаружен в погр. 114 могильника Нейзац (рис. 7,9). В позднеримское время подобные браслеты найдены в предгорном Крыму (могильник Курское). В целом, в эпоху переселения народов такие браслеты распространяются довольно широко, они известны, в частности, на Северном Кавказе, в Абхазии, в Египте, Малой Азии [98, с. 204]. Иногда такие браслеты имеют уплощенные окончания в виде змеиных головок, как в Шипово, курган 3 (рис. 24,11). Браслеты с подобным декором широко распространены в Европе в римское время и в эпоху переселения народов, в частности у оседлых восточноевропейских варваров, у кочевников же они встречаются редко [69, с. 205–206].

Плоские ленточные браслеты. Эти браслеты найдены в погр. 1 в Морском Чулеке (рис. 9,8,9). Они из золота и украшены вставками камней в прямоугольных гнездах. Аналогии данным браслетам мне не известны.

Колты калачевидной формы, украшенные декором в стиле перегородчатой инкрустации и зерню. Эти подвески, видимо, также продукт ранневизантийских мастерских, найдены в погребениях в Михаэльсфельде (рис. 15,4), в Новопокровке (рис. 8,10,11), а также в виде отдельной находки в окрестностях Таганрога (рис. 5,3). Для датировок этих украшений показательны находки в Михаэльсфельде с монетой 526–527 гг. На близкую дату указывают и некоторые элементы орнамента подвесок, в частности – кружок с вихревой линией и петлеобразная «лента», отмеченные на кинжале из Керим-ло в Южной Корее (см. выше) [47, с. 109]. В Новопокровке, где встречены подобные колты, нет ни одной вещи, узкая дата которой относилась бы ко времени после середины VI в. Также к постгуннскому времени относятся типологически близкие колты из Керчи и Муравки (бывш. Симбирская губерния) [24, с. 96, № 130–131], но они связаны с иной, не кочевнической средой. Похожие серьги, типологически представляющие собой развитие данного типа, существуют и позднее. Так, погребение из Уфы [31, рис. 2,6], с поздней деградированной подвеской, сопровождалось ременной гарнитурой геральдического стиля, и поэтому оно должно быть отнесено к более позднему горизонту степных древностей. Также к более позднему времени, если судить по типологии, относятся и серьги из клада Кайбелы (бывшая Самарская губерния), возможно, принадлежавшего населению именьковской культуры [92, с. 144, рис. 174; 14, рис. 3,6]. В целом, интересующие нас колты существовали довольно долго – с V по VI–VII вв., и при этом они прошли значительную эволюцию [см. подробнее: 31, с. 12–28, там же библиография].

Калачевидные серьги с зерненым декором и без него. Они обнаружены в погребениях Морской Чулек, погр. 1 (рис. 9,1,2), Нейзац, погр. 114 (рис. 7,4), Лисьи мо-

денного на острове Фюн и содержавшего золотые монеты 335–336 гг. [120, fig. 7,13].

гилы (рис. 5,2), а также в ст. Верхне-Курмоярской на Дону (случайная находка) (рис. 5,1). За пределами Северного Причерноморья они крайне редки. Поздние дериваты этих серег найдены в раннеаварском могильнике Фелдьё (Felgyő), в погр. 6, которое венгерские коллеги датируют приблизительно 625–650 гг. Калачевидные серьги никогда не встречаются в памятниках гуннской эпохи. Поэтому можно предположить, что они появляются только в постгунское время и получают дальнейшее развитие в ювелирных изделиях VI–VII вв. [31, с. 12–14; 47, с. 109–110, там же библиография].

Малые калачевидные серьги без декора. Они встречены в Татарке (рис. 19,14), Покровске-Восход (рис. 21,6), Шипово, курган 2 (рис. 23,15,16). Эти серьги отличаются от предыдущих малыми размерами и техникой изготовления – они сделаны из округлого в сечении стерженька с заостренными концами. Такие серьги появляются в I в. в Южной Азии (Пакистан), а с III в. распространяются как на Ближнем Востоке, так и в понто-кавказском регионе. В эпоху переселения народов серьги этого типа распространены повсеместно, от Центральной Азии до Пиренейского полуострова [144, р. 105–111; 151, S. 220–224].

Полиэдрические серьги. Такие серьги, из проволочного кольца с полиэдрическим окончанием, известны в Нейзаце, погр. 114 (рис. 7,2), а также в Ольвийском кладе (рис. 4,5,6). Эти украшения появляются в конце IV – начале V в. в широкой зоне от Северного Кавказа до Среднего Дуная и получают широкое распространение от Приаралья до Португалии в V–VII вв., в первую очередь, у оседлого населения [см. напр.: 66, с. 72–74, там же библиография]. В целом, такие серьги для степняков не типичны, однако они есть в погребениях в Беляусе в Северо-Западном Крыму, скорее всего, принадлежавших кочевникам [20, с. 91, табл. 174,2,3].

Золотые серьги с луновидными и листовидными подвесками. Они происходят из Ольвийского клада (рис. 4,2,3). Эти серьги напоминают украшения из уже упоминавшегося клада Реджио-Эмилия и из Варны [108, Taf. 32,3; 33,7; 86,4]. Пара таких же серег найдена в склепе 40 могильника Джурга-Оба в Восточном Крыму [23, рис. 5,1,2]. На реверсе ольвийских сережек имеется штампованный декор, как и на медальоне из ольвийского кольца, что, возможно, указывает на их производство в одной и той же мастерской.

Шарообразные серьги с цепочками-подвесками. Судя по схематическому рисунку А. А. Спицына, такие серьги были найдены при костях вместе с монетой Льва I в Малых Копанях (рис. 5,6). Похожие подвески найдены в Унтерзибенбрунне и в могильнике Брут-1, курган 7 [151, Abb. 170], а также из «княжеской» могилы 86 некрополя Заюково-2 в Кабардино-Балкарии [35, рис. 2].

Серьги с пирамидальной зерновой подвеской. Как и предыдущие, они известны только по наброску А. А. Спицына, тоже в Малых Копанях (рис. 5,5). Этот тип сережек средиземноморского происхождения хорошо известен по иконографическому материалу в средиземноморском бассейне уже в римское время [114, р. 152, No. 94, р. 236, No. 30; 112, р. 212–213, No. 209] и широко распространяется вплоть до раннего средневековья.

Серьги в виде проволочного кольца с зернью. Одна такая серьга с пирамидкой из четырех шариков зерни известна в погребении в Малаях (рис. 18,21). Они также имеют средиземноморское происхождение и существуют с античного времени. В Восточной Европе они известны у северокавказских алан, в могильнике Мокрая Балка [64, с. 437].

Золотые перстни с прямоугольными щитками, украшенными волютами и покрытыми перегородчатой инкрустацией. Такие перстни входят в состав Ольвийского клада (рис. 4,7,8). Они довольно хорошо известны на европейских памятниках постгуннского времени, например, в «княжеской» могиле Бакодпушта (Bakódpuszta) в междуречье Дуная и Тиссы, в кладе женских вещей в Клуж-Сомешень (Cluj-Someşeni) в Трансильвании, в гепидской могиле в Берегово, в аламанском погребении Лёррах (Lörrach) в Южной Германии, в погр. 4 могильника Фикарола (Ficarola) в Северной Италии, а также в Керчи, на Тамани и на Кубани [39, с. 41–42] и в тайнике в склепе 40 восточнокрымского могильника Джурга-Оба [23, рис. 5,3].

Золотые перстни с трехчастным щитком. Эти перстни встречены в Морском Чулеке, погр. 2 (рис. 10,4–6) и подробно изучены в публикации данного памятника. Такие перстни существовали долго, в Скандинавии найдены их римские прототипы III–IV вв. Помимо Морского Чулека такие перстни известны на Боспоре [напр.: 111, No. 76–78, Abb. 139–141], также в Суханово и Уфе, но две последние находки связаны уже с горизонтом геральдических поясов [31, с. 40–46; см. также: 47, с. 110].

Перстни с округлым инкрустированным щитком. В степных находках постгуннского времени они засвидетельствованы в Нейзаце (рис. 7,3,5) и Морском Чулеке, погр. 1 (рис. 9,3,5,6). Такие украшения, часто с камнем на круглом щитке, обрамленном зернью или ее имитацией, известны в ранневизантийских и северопонтийских позднеантичных памятниках, например, в Боспорском некрополе [31, с. 33, там же библиография].

Антропоморфные фаллические фигурки. Одна такая фигурка была найдена в детском погребении в Айвазовском (рис. 8,12). Эти фигурки неоднократно рассматривались [из последних работ: 74, там же список находок и библиография]. Они хорошо известны в Крыму и на Тамани, на Северном Кавказе, на Нижнем Дону, на Верхнем Дону, на Средней Волге [66, с. 82–83].

Бусы. Они найдены в нескольких погребениях: Новопокровка (рис. 8,4–6), Айвазовское (рис. 8,13), Татарка (рис. 19,9–11), Каменный-Амбар-5, погр. 6 (№ 6.2). В Новопокровке это янтарные мелкие бусы, в Татарке – крупные янтарные дисковидные, типичные для V–VII вв. [см. напр.: 69, с. 210; 70, с. 29, там же библиография], в Каменном Амбаре – мелкие стеклянные, эллипсоидной формы, в Айвазовском – реберчатая бусина из голубоватого глухого стекла (фаянса?) [о них см.: 70, с. 41].

Предметы повседневного обихода, туалетные принадлежности

Ножи. В комплексах кочевников постгуннского времени они встречены в Ливенцовском поминальном комплексе (рис. 14,46), в Новопокровке (рис. 8,7), Малаях

(рис. 18,3), Нейзаце (рис. 7,12), Тугулуке (рис. 19,2). Полностью сохранились ножи из Ливенцовки и из Малаев, их черенки располагаются по оси лезвия, само лезвие имеет слегка выгнутые спинку и режущий край. Нож из Новопокровки имеет волутообразное навершие рукояти, что не является хронологическим признаком VII–VIII вв., как это иногда утверждается, поскольку миниатюрная подвеска в виде такого ножа имеется на ожерелье из клада I гуннского времени в Шимлеул Силванией / Силадышомйо (Şimleul Silvaniei / Szilágysomlyó) [см. подробнее: 47, с. 109].

Бронзовые зеркала с центральной петлей и концентрическими рельефными линиями. Они принадлежат типу Карповка-Анке 4 [157, S. 22–23; 102, S. 26–27]. Такие зеркала встречены в Михаэльсфельде (рис. 15,5) и в Новопокровке (рис. 8,9). Они также хорошо известны у оседлого населения V–VII вв. Северного Кавказа, Крыма, Тамани и Нижнего Дона. Реже они попадают на Верхний Дон, в Абхазию и единично в Западную Европу [31, с. 18–24; 66, с. 83–84; 67].

Бронзовые зеркала с длинной ручкой-штырем. В восточноевропейских степях представлены находками в кургане 3 могильника Шипово (рис. 24,6) и в погр. 2 кургана 1 могильника Ясырев I (рис. 12,4). Эти зеркала имеют среднеазиатское происхождение. Их многочисленные параллели особенно хорошо представлены в материалах культуры Джеты-Асар, с конца III–IV по VII–IX вв., принадлежавшей оседлому населению Восточного Приаралья. Здесь ряд погребальных находок свидетельствует о бытовании интересующих нас зеркал в эпоху, соответствующую гуннскому и постгуннскому времени. Пока не выделяется достоверных находок джетыасарских зеркал с ручкой в закрытых комплексах, которые можно надежно датировать более поздним временем, чем постгуннская эпоха, что и определяет верхнюю хронологическую дату бытования таких зеркал второй третью VI в. [подробнее: 68].

Пинцеты. Пинцет из согнутой пластины с расширенными концами был найден в погребении Новопокровка (рис. 8,2). Подобные пинцеты для эпохи переселения народов известны в Керчи, в северокавказском регионе (Пашковский могильник № 1, Клинь-Яр-3, Дюрсо, Гудермес), на Нижнем Дону (Терны), на Верхнем Дону (Мухино). В целом, такого рода пинцеты широко распространены в Европе в V–VII вв. [66, с. 89; 69, с. 206–207; 70, с. 21].

Посуда

Лепные горшки. Они представлены в ряде погребений: Айвазовское (рис. 8,15), Ясырев (рис. 12,7), Тугулук (рис. 19,5), Чикаренко (рис. 5,17). Все эти сосуды более или менее однотипны. Они круглобокие, имеют плоское дно, наибольшее расширение в средней, реже в верхней части тулова, плавно изогнутый довольно высокий венчик. Поверхность неорнаментированная, грубо заглаженная, в керамической массе присутствуют добавки шамота и дресвы. Подобные горшки встречались и в степных находках более раннего, гуннского, времени [напр.: 26, табл. 29,21].

Кувшины. Этот тип сосудов найден в погребениях Ясырев (рис. 12,8) и Чикаренко (рис. 5,16). Они круговые, красногончарные, ангобированные, одноручные,

с широкой ручкой и округлым туловом, расширенным в средней части и с довольно высоким узким горлом. Кувшин из Чикаренко имеет декор в виде горизонтальных линий в верхней части тулова. Кувшины у степных кочевников известны и для предшествующего гуннского периода [26, табл. 29,17].

Амфоры. Одна амфора происходит из погребения Чикаренко (рис. 5,15). Найдены нижняя часть, фрагменты венчика и ручки из коричнево-красной глины, с примесью слюды в тесте. Подобные амфоры в Крыму отнесены ко времени от начала VI в. и позднее [2, с. 207, 209]. Подобная амфора происходит, в частности, из склепа 64 могильника Черная речка, где она была найдена вместе с пряжкой с растительным декором, остrogотской группы Бирбрауер А2, датируемой последней третью V – началом VI в. [108, S. 130; 48, с. 17], что в целом не противоречит хронологии гарнитуры стиля клуазонне из Чикаренко.

Деревянные кружки. Одна высокая кружка происходит из кургана 3 в Шипово (рис. 24,21). Она цилиндрическая с одной ручкой и была прикреплена с помощью бронзового колечка к ремню [26, с. 189–190].

Стеклянные кувшины. В погребении Чикаренко найден кувшин из светло-зеленого стекла с округлым туловом, на поддоне, с довольно узким высоким горлом и рельефным орнаментом в виде горизонтальных линий (рис. 5,18). Он имеет аналогии в погр. 165.1904 г. в Керчи [2, с. 207], хотя и отличается по характеру декора [ср.: 29, табл. X,2]. Данный склеп содержал несколько погребений первой половины и середины V в. [25, с. 81–87].

Металлические котлы. Два котла обнаружены в Малаях. Один из них литой, гуннского типа (рис. 16,3), на ножке, с прямоугольными ручками, группы 2, варианта 2 по типологии И. П. Засецкой, наиболее близкой формой является котел из Осоки, бывшей Симбирской губернии [64, с. 431]. Второй котел кованый, с вертикальными рифлёными стенками и округлым дном (рис. 16,2), имеет параллели в степных древностях гуннского времени, а также в погребениях готов-тетракситов в Дюрсо и алан в Лермонтовской Скале-2 [64, с. 452]. Кроме Малаев, фрагменты бронзового листа от какого-то сосуда были найдены в Ливенцовке (рис. 14,35–42). Присутствие металлических котлов засвидетельствовано в степных погребениях и поминальных комплексах и в более раннее, гуннское, время [см. напр.: 26, табл. 7,10; 13,19; 22,17; 38–39; 48,1,2].

Внешние влияния на материальную культуру кочевников постгуннского времени

В степных «княжеских» комплексах постгуннского времени отчетливо прослеживается, прежде всего, средиземноморское / византийское влияние на культуру степных элит. Так, византийским по происхождению является женский аристократический убор, включающий пекторальные цепи с медальонами, височные подвески и серьги, браслеты, перстни, лучше всего представленный в Морском Чулеке, Михаэльсфельде, Ольвийском кладе и отдельными элементами в более скромных находках в Новопокровке и Нейзаце [30; 52]. Этот тип убора хорошо зафиксирован

в восточной половине Римской империи, например, на фаюмских портретах или в скульптуре Пальмиры. Ту же моду отражают многочисленные позднеримские-ранневизантийские украшения [в частности, упомянутые в: 30], а также всем известные мозаики, такие как знаменитое изображение императрицы Теодоры и её свиты в соборе Сан-Витале в Равенне. Престижные украшения из могил гунно-болгарской знати, как и их германские аналоги в Центральной Европе (например, Клуж-Сомешень), несомненно являются репликой той же константинопольской моды. В «воинской» культуре постгуннских степняков средиземноморские элементы ярко проявляются в распространении мечей с инкрустированной гардой (Покровск-Восход, Дмитриевка, Ялпуг, Малаи) и ременной гарнитуры стиля перегородчатой инкрустации (Чикаренко, Ялпуг, Хасав-Юрт, Ольвия).

Присутствие престижных и дорогих предметов византийского происхождения объясняется, скорее всего, политическими и военными связями степной постгуннской аристократии с Восточной Римской империей. Контакты Константинополя с болгарами, гуннами Грода, хунугурами, кутригурами и утигурами, а также с более отдаленными северокавказскими савирами хорошо известны. Вполне возможно, что дорогие византийские вещи попали к степнякам в виде дипломатических подарков, получаемых от византийского императора. При этом подарки получали и знатные женщины, такие как вдова гуннского вождя Бледы, брата Атиллы [Приск, фр. 8], или владельница савир Боарикс [Иоанн Малала, XVIII]. В случае с Боарикс известно, что она получила от Юстиниана соответствующее ее рангу одеяние, видимо, сопровождавшееся инсигниями власти. Последнее предположение подтверждается известными свидетельствами о дарении таких инсигний царям вассальных народов [напр.: Агафий, III.15]. Гунны, как известно, находились на военной службе Империи, в частности, в армии Юстиниана, где они наверняка усвоили престижную «офицерскую» моду, которая и проявилась в погребальном инвентаре степных вождей. В VI в. в степях Восточной Европы появляются и христианские миссионеры, такие как Кардост (см. ниже), крестившие гуннских вождей, что немало способствовало распространению у степняков ранневизантийского культурного и политического влияния.

С другой стороны, в древностях постгуннского времени, как уже отмечалось, имеются и явные следы воздействия центрально-азиатской престижной культуры, что может быть связано, в первую очередь, с восточным происхождением ряда кочевых народов, таких как оногуры, сарагуры, уроги (угры), савиры. Напомню про уже рассмотренные находки гарнитур конской сбруи в Морском Чулеке и Нейзаце, имеющих параллели в богатых погребениях и поминальных комплексах на территории Казахстана, Киргизии и Южной Сибири (см. выше), «ярусных» трехлопастных стрел, Р-образных портупейных скоб, а также металлических зеркал с ручкой-штырем, гривен с окончаниями в виде головы дракона и подвесок в виде сердечка (см. выше).

Социальная градация кочевнических погребений постгуннского времени, центры власти

Уровень 1. Богатство инвентаря ряда рассмотренных комплексов, таких как Ялпуг (№ 1.1), Чикаренко (№ 2.2), Ольвийский клад (№ 1.2), Морской Чулек (№ 3.1), Михаэльсфельд (№ 4.1), Хасав-Юрт (№ 4.5), с обилием золотых и импортных вещей, свидетельствует о высоком социальном ранге их владельцев. Привлекает внимание и погребение в Малаях, где ингумация сопровождалась захоронением тринадцати принесенных в жертву лошадей (№ 4.2). Эти находки следует отнести к «княжеской» категории, или **уровню 1а** степных комплексов постгуннского времени.

Уровень 1б представлен мужскими погребениями с менее богатым инвентарем, но включающим престижное оружие, такое как «парадные» мечи с инкрустированными гардами. К их числу относятся погребения Покровск-Восход (№ 5.2), Дмитриевка (№ 1.6). Среди женских погребений к этой группе относятся захоронения с отдельными золотыми вещами – Татарка (№ 4.4), Новопокровка (№ 1.5), Лисьи Могилы (№ 1.3), Тугулулук-3 (№ 4.3), Шипово, курган 3 (№ 6.1).

Число «богатых» погребений в постгуннских степях кажется непропорционально высоким по сравнению с более скромными погребениями последующих уровней – ни один нормальный социум не мог состоять в основном из богатых и значимых людей. Однако эта диспропорция объясняется очень просто, чем находка богаче, тем в ней больше хронологически определяемых вещей, позволяющих отнести памятник к той или иной эпохе.

Уровень 2. Сюда можно отнести все остальные погребения с предметами вооружения, конского снаряжения, а также с украшениями и предметами личного убора из недорогих цветных металлов, но зачастую покрытых золотой фольгой – «дешевая роскошь», по выражению С. А. Плетневой [77, с. 22]. Это Нейзац, погр. 114 (№ 2.1), Ясырев I, курган 2, погр. 1 (№ 3.2), Владимирское, курган 4, погр. 2 (№ 5.3), Царева, курган 66, погр. 2 (№ 5.4), Шипово, курган 2 (№ 6.1), Каменный Амбар-5, курган 6 (№ 6.2). Эти погребения можно охарактеризовать как принадлежащие «среднему классу» кочевых сообществ постгуннского времени.

Уровень 3. Сюда попадают захоронения с наиболее бедным инвентарем. Ввиду скудости инвентаря хронологическая идентификация этих комплексов крайне затруднена, поэтому их число очень невелико, что, разумеется, ни в малейшей степени не отражает реальную социальную ситуацию. В качестве примера таких захоронений можно назвать детскую ингумацию из Айвазовского (№ 2.4).

Центры власти. Можно предположить, что находки уровня 1а достаточно точно указывают на локализацию центров власти у степных кочевников послеаттиловской эпохи. Это регион дельты Дуная (Ялпуг), возможно, район Днепро-Бугской дельты (Ольвия), устье Дона (Морской Чулек), Северо-Восточный Крым (Чикаренко), Нижняя Кубань (Михаэльсфельд), Восточное Приазовье (Малаи), бассейн Терка (Хасав-Юрт) (рис. 1,1,2,8,11,16,17,20).

Также показательны находки золотых монет середины V – середины VI в. в северопонтийском Барбарикуме (рис. 1). В бассейне Нижнего Дона это находки из Луганска (монета Юстиниана [59, № 232]), Белояровки (монеты Юстиниана [59, № 253]), Лимаривки (монета Юстина и сасанидский сосуд, возможно, из погребения [59, № 231]). Необходимо отметить также находки на Нижнем Днепре, в Херсонской области, откуда происходит солид Феодосия II (408–450 гг.) [91, с. 85, № 190], в Малых Копанях, где найдена золотая монета Льва I (457–474 гг.) [91, с. 86, № 193], а также в Алешкинских Хуторах, откуда происходит солид Юстиниана [91, с. 91, № 45] и близ устья Нижнего Дуная, в Табаках, где нашли солид Зенона (474–491 гг.) [91, с. 86, № 194]. Скорее всего, эти монетные находки также связаны со степными центрами власти.

Вопросы идентификации памятников, карта расселения кочевников в степях Восточной Европы в постгуннское время

Как мы могли убедиться, археологические находки, непосредственно связанные со степными кочевниками постгуннского времени, очень немногочисленны (рис. 1). Они определяют географические рамки территории степняков, но сами по себе информации о принадлежности конкретных памятников тому или иному народу не несут. География расселения кочевых народов в постгуннское время в Северном Причерноморье определяется в общих чертах благодаря, прежде всего, в первую очередь, данным письменных источников. При этом надо иметь в виду, что ситуация в степи за сто лет, которые нас интересуют, менялась неоднократно, как вследствие прихода сюда новых групп кочевников, так и в результате внутренних процессов зарождения и появления новых степных объединений.

Сыновья Аттилы (450–470-е гг.). Многополярность (рис. 25,1). По Иордану, после разгрома гуннов при Недао в 454/455 гг. сыновья Аттилы со своими ордами закрепляются в Северо-Западном Причерноморье [Иордан, 263]. Эрнак, младший сын Аттилы, занимает «удаленную часть Малой Скифии», в то время как его братья Эмнетзур и Ультзиндур¹⁴ поселяются в «прибрежной Дакии», т. е. на Нижнем Дунае [Иордан, 266]. Около 456 г. сыновья Аттилы атаковали остроготов в Паннонии, однако были отогнаны на Днепр [Иордан, 269]. Несколько позднее, в 466 г., Динтцик (Денгезих), сын Аттилы снова нападает на готов и опять терпит поражение. Под его началом тогда находятся ултзиндуры, биттугуры, бардоры и ангискиры [Иордан, 272, 273]. Надо полагать, что это и есть народы,

¹⁴ По свидетельству Приска, в начале 430-х гг. гуннский предводитель Руа вступает в войну с народами Дуная: амилзурами, итимарами, тоносурами и войсками [Приск, фр. 1]. Если верить Иордану, в момент появления гуннов в понтийских степях около 375 г. эти народы жили не на Дунае, а где-то на берегах Меотиды, то ли на Нижнем Дону, то ли в Восточном Крыму. Иордан их перечисляет в том же порядке, что и Приск – алпидзуры, алцилдзуры, итимары, тункарсы, боиски [Иордан, 126]. Очень возможно, что Иордан позаимствовал этот список народов у Приска. Можно предполагать, вслед за А. В. Гадло [19, с. 14], что амилдзуры/альпидзуры/алцилдзуры, итимары, тоносуры/тункарсы и воиски/боиски пришли из степей Приазовья под давлением гуннов около 375 г., и в Подунавье они входили в состав орды Ульдиса, известной здесь около 400 г. [Sozomène, Histoire ecclesiastique, IX.5; Zosime, Histoire nouvelle, V.21,22; см. также: 31, с. 101–107; 40, с. 76–77].

оттесненные вместе с сыновьями Атиллы на Днепр в 456 г. К востоку от них, в «припонтийской Скифии», т. е. не далее бассейна Дона, обитали гунны-акациры, подчиненные в 440-е гг. сыну Атиллы Эллаку [Приск, фр. 8].

Ангискиры несомненно являются германским народом [о них см.: 39]¹⁵, в то время как биттугуры и бардоры обычно считаются гуннскими племенами. Бардоры сопоставляются с гуннским племенем витторы/витгоры [5, с. 62], последних упоминает Агафий Миринейский в своем описании заключительной фазы Готской войны Юстиниана в Италии [Агафий, II.13]. Агафий также перечисляет известные ему гуннские народы: котригуры, утигуры, ультизуры и вуругундуры, последние могут соответствовать ранее упомянутым витгорам, а также бардорам или биттугурам Иордана. Ультизуры и вуругундуры слыли могущественными во времена императора Льва (457–474 гг.), потом они исчезли [Агафий, V.11]. Как видим, названия гуннских народов Иордана частично перекликаются с данными Агафия. Это бардоры – витгоры/витгоры – вуругундуры, видимо, оказавшиеся на Днепре вместе с сыновьями Атиллы, и ултзиндуры – ультизуры где-то на Нижнем Дунае или на Днепре. Что же до котригуров/кутригуров и утигуров, о которых речь пойдет далее, то они соответствуют уже реалиям времени Агафия, «История» которого охватывает период с 552 по 558 гг. (см. ниже).

Что касается восточной половины северопонтийских степей, то здесь гунны-акациры около 463 г. были разбиты коалицией сарагур, оногур/хунугур и урогов (угров?) [Приск, фр. 30; см.: 5, с. 76]¹⁶ и, если принять во внимание сведения Иордана, оказываются соседями эстиев [Иордан, 37], т. е., скорее всего, были оттеснены куда-то на север. Сарагуры оседают на Северо-Восточном Кавказе, где они действуют против персов [Приск, фр. 37]. До них эту территорию занимали гунны-хайландурки, известные по армянским хроникам [подробнее о них см.: 5, с. 57–61]. Угры, по более поздним источникам, локализируются где-то на Волге [Феофилакт Симокатта, VII.7.1.13; см.: 5, с. 62–64].

Хунугуры/оногуры самим Иорданом не локализованы, известно лишь, что они занимаются меховой торговлей [Иордан, 36, 37]. Зато у Равеннского Анонима (конец VII – начало VIII в.), использовавшего описание Скифии Иордана, как он его называет *Iordanus, sapientissimus cosmographus*, а также других позднеантичных авторов, страна Оногория находится у Понтийского моря и «по соседству с верхней точкой Меотийского болота»¹⁷ (перевод А. В. Подосинова) – *Item iuxta Mare Pontico*

¹⁵ В то же время, как следует из дальнейшего повествования Иордана, какая-то часть их родственников скиров оставалась на Среднем Дунае [Иордан, 275].

¹⁶ По мнению М. И. Артамонова, сын Атиллы Эртак, не участвовал в военных операциях и политических демаршах Денгезиха/Динтцика (см. выше), поскольку был занят местными войнами [Приск, фр. 36], т. е., согласно М. И. Артамонову, отражал нашествия сарагур и их союзников [5, с. 62]. Но, как уже было сказано, Эртак со своей ордой обосновался где-то на границах Малой Скифии, т. е. на западной окраине гуннской степи, а от сарагур, скорее всего, пришлось отбиваться другому сыну Атиллы, владельцу акацир – Эллаку.

¹⁷ Меотидское болото (озеро) отдельным морем в древности не считалось.

ponitur patria que dicitur Onogoria, quam subtilius Livianus phylosophus vicinam paludis Meotide sumitatis esse decernit ... [Равеннский Аноним, IV.2, цит. по: 78, с. 162]. По общему мнению, верхней точкой Меотиды у античных географов считался северный берег Азовского моря или устье Дона [см. реконструкции: 78, рис. 1; 3; 7; 13; 14; 16–18], куда еще Т. Моммзен и поместил Оногорию Равеннского Анонима [78, рис. 16]. Итак, логичнее всего разместить оногур в Северном Приазовье, близ устья Дона, представлявшего собой удобную дорогу на север, что и объяснило бы их участие в меховой торговле, как это уже и сделано, вслед за Т. Моммзеном [101, р. 205; 119, р. 71–72; 31, с. 104–107; 125, р. 225–226; 42, с. 96–98; 43]. Вероятно, в VII в. их территория смещается к востоку от Азовского моря, где, вроде бы, их знает «Армянская География» под именем «Огхондор-Блкар-пришельцы» [5, с. 167–169; 19, с. 58, 69]. Локализация хунгур/оногур ранее VII в. на Северном Кавказе или между Доном и Кубанью, также предлагаемая исследователями [напр.: 5, с. 157; 13, с. 21; 85, с. 8; 86, с. 288], вряд ли может быть принята, поскольку она противоречит сообщению Равеннского Анонима, а также исключает участие хунгур в торговле мехом, который мог поступать только с севера, из лесной зоны.

Болгары и савиры. Стабилизация (460/480–530-540-е гг.) (рис. 25,2). Осевшие на Северном Кавказе сарагуры недолго сохраняли там доминирование. Вслед за ними здесь появляются савиры, выгнавшие сарагур, оногур и урогов с востока и прорвавшиеся на Северный Кавказ не позднее 515 г. [Прокопий, Война с персами, II.29.15]. Около 527 г. савирами правила Боарикс (Воа), вдова князя Болаха/Влаха. Она находилась в союзе с Византией и активно действовала на стороне Империи [Феофан, 527/528 г., цит. по: 96, с. 50]. Как уже говорилось, получение ею подарков от Юстиниана засвидетельствовано источниками [Иоанн Малала, XVIII]. При этом, однако, как мы увидим далее из сообщения Захарии Ритора, сарагуры также остаются где-то в северокавказских степях, хотя и на второстепенных ролях.

Около 480/481 гг. в Северо-Западном Причерноморье появляется новый народ – болгары¹⁸. Впрочем, по легенде, рассказанной Павлом Диаконом, болгары уже в начале V в. атакуют лангобардов, проживавших тогда к северу от Среднего Дуная [Paul Diacon, I.16]. Появление здесь болгар в это время могло бы свидетельствовать об их включении у гуннской союз. Однако речь идет именно о легенде, другие авторы фиксируют болгар лишь с 480/481 г., когда они появляются в качестве весомой военной силы на дунайской границе Восточной Римской империи. Император Зенон приглашает их против готов [Johannis Antiocheni, fr. 211,4; см.: 5, с. 80]. Итак, вполне вероятно, что болгары – это новый народ, появившийся, или, по крайней мере, проявивший себя в Северном Причерноморье только после падения империи Аттилы. Болгар упоминает в своем географическом описании Скифии Иордан, отражающем, на мой взгляд, ситуацию 480–520 гг. [подробнее: 40, с. 76–78]. Иордан помещает их над Понтийским морем, скорее всего, в Северо-Западном Причерноморье, сравни-

¹⁸ Однако греческие авторы VI в. вообще не знают болгар, а называют северопонтийское население гуннами [5, с. 81–82].

тельно недалеко от нижнедунайских границ Империи, поскольку болгары выступают как враги ромеев [Иордан, 36, 37].

Судя по информации Иордана [Иордан, 37], крымские степи тогда занимали гунны-альциагиры. Не исключено, что это тот же народ, что и ултиндзуры Денгезиха, отступившие после 456 г. из Подунавья (см. выше). Вместе с тем, стоит обратить внимание и на указание Иордана о том, что крымские альциагиры, вместе с савирами, пришедшими к 515 г. с востока, составляют две ветви гуннов. Таким образом, речь может идти не о старожилах понтийских степей, а о какой-то новой, продвинувшейся с востока группе кочевников, родственной савирам и пришедшей сюда уже после смерти Аттилы и краха его «империи».

В связи с кочевниками Крыма надо вспомнить и историю гуннского вождя Грода, проживавшего где-то поблизости от Боспора Киммерийского и крестившегося в 528 г. Неофит начал довольно грубыми методами искоренять языческую религию, что вызвало возмущение его подданных. Грод был убит своим братом Муагерием, при этом восставшие гунны напали на Боспор и разорили, в частности, таманские центры Кепы и Фанагорию [Прокопий, Война с готами, IV.5.28]. Последнее обстоятельство указывает, что гуннский удар был нанесен не с запада, из Крыма, а с востока, из кубанско-приазовских степей. К сожалению, о кочевом населении Восточного Приазовья и Кубани у нас нет никаких известий ранее 547/548 гг., если не считать известия Захарии Ритора о миссии епископа Кардоста в 522 г. у гуннов¹⁹.

Кутригуры и утигуры. Перестройка в степи (540–550-е гг.) (рис. 25,3). Показательно, что между 539 и 558/559 гг. степные кочевники Северного Причерноморья не предпринимают никаких самостоятельных военных акций на западных рубежах Византии. Как раз на этот период, особенно на 545–551 гг. приходится серия мощных вторжений склавинов в балкано-дунайские провинции Империи. В 558/559 гг. после долгого перерыва происходит нападение гуннов на балкано-дунайские провинции Византии (см. ниже). Не исключено, что в 540-е гг. в понтийских степях происходит серьезная военно-политическая перестройка, что, с одной стороны, надолго отвлекло степных кочевников от внешних военных акций, а с другой – развязало руки склавином.

Этнонимы кутригуров и утигуров появляются в источниках только с конца 540-х – начала 550-х гг. Пожалуй, впервые эти названия зафиксированы Прокопием в рассказе о посольстве готов-тетракситов, имевшем место в 547/548 гг. [Прокопий,

¹⁹ Считается, что Кардост обращал в христианство савир, то есть в Северо-Восточном Предкавказье [76, с. 308–310]. В то же время, Кардосту из ромейских городов, «расположенных поблизости», императором был отправлен караван из 30 мулов с гуманитарной помощью [Захария Ритор, Хроника, кн. 12, гл. 7, цит. по: 76, с. 596]. Единственными ромейскими городами в северокавказском регионе тогда были Кепы и Фанагория, откуда, вероятно, и был послан караван [5, с. 93], но которые ни при каких обстоятельствах не могут быть «расположенными поблизости» от кочевников Северо-Восточного Кавказа. Видимо, как предполагал М. И. Артамонов, Кардост проповедовал не у савир, а где-то на Тамани или на Кубани [5, с. 94], что в конечном итоге и обернулось крещением Грода и связанными с ним событиями.

Война с готами, IV.4.9, 19.14]. Из сообщения Прокопия утигуры локализируются в степях восточного Приазовья. Здесь, по Прокопию, располагается страна Эвлисия, где живут многие племена гуннов [Там же, IV.4.7,8]. Утигуры, как уточняет Прокопий, проживали к востоку от Боспора Киммерийского и Танаиса (Дон или Северский Донец) [Там же, IV.4.7–9; 5.15–21]²⁰. Их северными соседями являются славянские племена антов [Там же, IV.4.8]. К западу от Дона проживают и кутригуры, родственники утигур [Там же, IV.18.22]. При этом утигуры контролировали и северный участок Черноморского побережья Кавказа, поскольку готы-тетракситы, проживавшие в районе современной Цемесской бухты, в качестве подчиненных союзников привлекались утигурами для войны против кутригур [Там же, IV.18.22].

Согласно этногенетической легенде, оба народа сформировались на месте, в Северном Причерноморье, еще в V в. [Прокопий, Война с готами, IV.5], но, видимо, особой роли не играли, или даже входили в состав других кочевых объединений, таких как болгары или хунгуры/оногуры. В том, что кутригуры и утигуры абсорбировали население причерноморских степей предыдущего периода, демонстрирует история Синния, гуннского офицера армии Велизария. В 530-е гг., когда кутригур не знает ни один источник, Синний командует гуннским («массагетским») полком у ромеев [Прокопий, Война с вандалами, I.11.12], затем сведения о нем на какое-то время исчезают. Однако в 551/552 гг. он снова появляется в Империи во главе группы кутригурских беженцев (2000 бойцов с женами и детьми) из Северного Причерноморья, спасающихся от утигур, вторгнувшихся на земли северопричерноморских кутригур. Синний принят у ромеев с распростертыми объятиями своими боевыми товарищами [Прокопий, Война с готами, IV.19.6-7]. Итак, один и тот же человек сначала в 530-е годы считался гунном-«массагетом», а затем в 551 г. – кутригуром.

В целом, народы предшествующего периода никуда не делись из понто-каспийских степей Причерноморья в результате кутригурско-утигурской перестройки. У Захарии Ритора под 555 г. среди степных народов, живущих в палатках, наряду с «куртаргар» упоминаются, в частности, «авнагур агар, сабир, бургар, сиругур», в которых легко узнаются уже знакомые нам оногуры, уроги-угры, савиры, болгары и сарагуры [Захария Ритор, Хроника, кн. 12, гл. 7, цит. по: 76, с. 595].

Болгары в 559 г. совершают нападение на Фракию [Victor Tonnannensis episcopi chronica, 560]. У других авторов это нападение приписано гуннам и склавинам [Иоанн Малала, 490.6–12, цит. по: 87, с. 268; Феофан, 559 г., цит. по: 96, с. 52] или кутригурам под предводительством Завергана [Агафий, 5.12]. В 590-е гг. болгары действуют на Нижнем Дунае в составе войск аварского кагана [Феофилакт Симокатта, VII.4.1]. Скорее всего, к 550 г. болгары вошли в состав кутригур, то есть здесь сменилась политическая ситуация, но не основная масса населения. Этим, видимо, и объясняется тот факт, что древние авторы, начиная с VII в., болгар и кутригур практически не различают, хотя знают оба этнонима.

²⁰ Переход утигуров через Танаис в 551/552 гг. знаменовал начало войны между утигурами и кутригурами [Прокопий, Война с готами, IV. 18.22].

* * *

Итак, число известных на сегодняшний день памятников кочевников постгуннского времени крайне невелико. Эти курганы и поминальные комплексы рассеяны на огромном пространстве, что отражает, как показала С. А. Плетнева, первую, самую примитивную, форму кочевания, когда номады, прежде всего в силу военной ситуации, сбиваются в многочисленные группы и практически постоянно передвигаются по степи. Этой форме кочевания соответствуют и основные черты их цивилизации – рассеянность памятников, высокая милитаризация, отсутствие устойчивых «этнографических» черт материальной культуры, большая этногенетическая смешанность степных коллективов, где доминировал военно-политический фактор, а не этнокультурный [77, с. 13–35]²¹.

Единственное, что в древностях гунно-болгар не соответствует характеристике, данной С. А. Плетневой памятникам первой стадии кочевания, это наличие богатых, явно привилегированных комплексов, таких как Ялпуг, Морской Чулек, Михаэльсфельд [ср.: 77, с. 22]. Следует, видимо, уточнить и тезис об отсутствии ярких этнографических черт в культуре кочевников, находившихся на этой стадии кочевания. При всей биологической, культурной, этнической и лингвистической гетерогенности таких коллективов, в силу совместного проживания в них рано или поздно должны проявляться общие элементы цивилизации, причем не только в таких аспектах, как военное дело, животноводство или престижная «аристократическая» культура. Так, заволжская группа степных памятников отличается наличием аппликаций с антропоморфными изображениями и «дерюжным» декором, которые в степях к западу от Волги встречены только один раз, в Новогригорьевке. В то же время, причерноморские находки отличаются большим количеством вещей средиземноморского / ранневизантийского происхождения, которые в Заволжье попадают гораздо реже (например, Покровск-Восход). Скорее всего, это связано с вхождением гунно-болгар Причерноморья и Северного Кавказа в сферу политического влияния Византии. Понто-каспийские степи отличает и более заметное присутствие вещей центрально-азиатского происхождения (конская сбруя, предметы убора), редких или вовсе отсутствующих в Заволжье. Возможно, «азиатская мода» в южнорусских степях отражает неоднократные миграции кочевников с востока.

Приложение. Степные находки постгуннского времени

1. Северное Причерноморье и Приазовье

1. Ялпуг (Измаильский район, Одесская область) (рис. 1, 1; 2).

Случайная находка (или грабительские раскопки) 2006 г. на правом берегу озера Ялпуг. Вещи, кажется, были обнаружены в воде. Они были помещены в бронзовый сосуд (диаметр 35 см, высота 10 см), с двумя ручками, украшенными лебедиными головами. Большая часть вещей бесследно пропала, сохранились лишь

²¹ Показательно, что именно в начале постгуннской эпохи исчезает Танаис, просуществовавший всё гуннское время – видимо, теперь кочевникам такие стационарные поселения-зимники стали не нужны.

фотографии. Всего обнаружено не менее 49 вещей, их значительная часть изготовлена из золота, с декором из гранатов и бирюзы, в стиле *cloisonné*. Это фрагменты орнамента клинкового оружия, детали ременной гарнитуры, седельные накладки, аппликации в виде фигурок львов, возможно, от луки седла, фрагменты удила и др. [75; 22; 138; 127].

2. «Ольвия» (с. Парутино, Очаковский район, Николаевская область) (рис. 1,2; 4).

С территории этого античного города в устье Южного Буга происходит несколько престижных вещей постгуннского времени, в частности металлическая обкладка седла типа 4а по И. П. Засецкой, а также пряжка в стиле *cloisonné*, с овальными рамкой и щитком. Так называемый Ольвийский клад представляет собой покупку, точное происхождение предметов неизвестно²². Принадлежность данного убора гунно-болгарам гипотетична и опирается, в основном, на его географическое происхождение, указанное продавцом. Вещи входили в состав престижного женского убора, возможно, происходящего из погребения: кольцо с овальным медальоном, два золотых браслета с расширенными концами, два золотых перстня с прямоугольными щитками, пара сережек с полиэдрическими бусинами [54, с. 104–105, рис. 47; 149, Cat. 166; 155].

3. Лисьи Могилы (Новочерноморский район, Херсонская область) (рис. 1,3; 5,2).

Погребение с конем, впущенное в курган более раннего времени, содержавшее золотую серьгу с зернью и предметы бронзового поясного набора [84, с. 77–78].

4. Малые Копани (Малопристанский район, Херсонская область) (рис. 1,4; 5,4-6).

Найдены при костях солид Льва I (457–474 гг.) и, насколько можно судить по схематическим наброскам А. А. Спицына, серьга с пирамидальной подвеской, шаровидная подвеска с прикрепленными цепочками, округлый предмет с инкрустацией и зернью (Архив ИИМК РАН, ф. 5, д. 330, л. 61) [31, с. 120].

5. Новогригорьевка, погр. VII (Гуляйпольский район, Запорожская область) (рис. 1,5; 3,1-10).

На берегу р. Конка в 1884 г. Д. Я. Самоквасовым было исследовано несколько погребений (поминальных комплексов?). В комплексе VII, под каменной закладкой (ее окружность составляла 120 аршин, т. е. 85,2 м), в ее западной половине, были обнаружены кусочки угля, какие-то жженые кости, красноглиняный фрагментированный сосуд, согнутый железный меч, трехлопастные наконечники стрел, железные удила, бронзовые, обтянутые золотым листком бляшки с человеческими личинами, штампованные бронзовые пластины-накладки и лунница, также обтянутые золотым листом. Определение данного комплекса как погребения является предположительным, поскольку анализа костей не было. О каких-то ритуальных действиях,

²² Вещи входили в состав коллекции П. А. Маврокордато (Одесса). Коллекция была сформирована в основном из вещей, происходящих из Северо-Западного Причерноморья, в первую очередь, из Ольвии. Впрочем, здесь следует проявлять осторожность, поскольку торговцы древностями часто указывали как место происхождения вещей известные античные памятники, в частности, «Ольвия» или «Керчь», чтобы поднять цену.

связанных с воинской культурой, говорит находка здесь ритуально испорченного (согнутого) меча [26, с. 165, табл. 6,1–10; 31, с. 113, табл. 6,1–10].

6. Дмитриевка-Вольная Вода (Бердянский район, Запорожская область) (рис. 1,6; 3,11).

Погребение-ингумация, содержавшее человеческие останки и кости коня, было найдена случайно, при добыче песка, на глубине 2,5 м. Погребение содержало длинный (почти 1 м) меч с бронзовой гардой, украшенной перегородчатой инкрустацией (гранаты на золотом листе) и янтарную полусферическую бусину, возможно, навершие или подвеска меча²³ [ОАК за 1904 год, с. 123; 31, с. 110, рис. 34].

2. Крым

1. Нейзац, погр. 114 (Белогорский район, Республика Крым) (рис. 1,7; 6; 7).

Памятник расположен в долине реки Зуя. В подбое на земляной подсыпке обнаружена ингумация. Костяк находился в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Погребена женщина приблизительно 20-летнего возраста. Ее череп искусственно деформирован, отмечено уплощение на уровне теменных и лобной костей. Череп имеет явные признаки монголоидности (антропологические определения принадлежат В. Ю. Радочину). В головах обнаружено керамическое пряслице, на черепе – две серьги. Одна серьга серебряная позолоченная калачевидная, другая – бронзовая с 14-гранником на конце. На месте шеи найдено ожерелье, состоящее из шести круглых серебряных подвесок, одной серебряной листовидной подвески, все со стеклянными вставками, и серебряных спиралевидных трубочек-пронизок. На левую руку надеты два бронзовых браслета, на правую – один. На пальце левой руки обнаружен бронзовый перстень с круглым щитком, украшенным сердоликовой вставкой, на пальце правой руки – еще один бронзовый перстень с круглым щитком со стеклянной вставкой. На тазовых костях находилась железная пряжка. У щиколоток лежала бронзовая пряжка с округлой рамкой, слева от щиколоток – железный нож. Обращает на себя внимание положение пряжки, она найдена у плотно сведенных щиколоток погребенной. Во входной яме захоронена лошадь, головой на север, у черепа и между ребрами найдено по железной пряжке. Около челюстей лошади лежали двучастные кольчатые удила с поводьями и закрепленные на них обоймы ремней. У черепа лошади обнаружены серебряные позолоченные бляхи со стеклянными вставками, крупные овальные и мелкие почковидные. Завершался этот ряд железной пряжкой. У передних ног лошади в стене входной ямы было сделано отверстие диаметром 0,3 м, которое пробило стену могилы № 102. В это отверстие был помещен жеребенок [98, с. 201–207].

2. Чикаренко (Октябрьский район, Республика Крым) (рис. 1,8; 5,7–18).

В 1952 г. во время работ был разрушен курган. Здесь были обнаружены человеческие останки, сопровождавшиеся богатым инвентарем: элементы ременной (пор-

²³ По информации И. П. Засецкой, сначала меч находился в Эрмитаже, затем в 1930-е гг., вместе с другими вещами, был передан на Украину для формирования коллекций украинских музеев. Его дальнейшая судьба неизвестна.

тупейной, обувной и поясной?) гарнитуры из золота, а также фрагменты меча или кинжала, керамическая (гончарный кувшин, амфора, лепной горшок) и стеклянная посуда, фрагменты топора [10; 2, с. 207; 100, р. 207–209; 146, S. 335–336; 31, с. 110].

3. Новопокровка, погребение 19 (Кировский район, Республика Крым) (рис. 1,9; 8,1–11).

Ингумация в грунтовой яме с уступом. Костяк располагался в вытянутом положении на спине, головой на север. В погребении обнаружены золотые колты у черепа, бляха с алмадинами на груди, янтарные бусы в области шеи, в области таза – бронзовое зеркало, бронзовый пинцет, нож, шило [18].

4. Айвазовское (Феодосийский район, Республика Крым) (рис. 1,10; 8,12–15).

Детская ингумация, головой на северо-восток. В районе таза находилась антропоморфная фигурка, в головах – лепной сосуд, в заполнении – костяная пряжка, бусина из голубого глухого стекла [60].

3. Дон

1. Морской Чулек (Неклиновский район, Ростовская область) (рис. 1,11; 9–11).

В 1868 г. во время строительных работ на речке Морской Чулек, недалеко от дельты Дона были обнаружены два женских привилегированных захоронения по обряду ингумации, видимо, принадлежавшие одному и тому же могильнику.

Погребение 1 (рис. 9) содержало две золотые калачевидные серьги, два пластинчатых золотых браслета, золотую цепь, три золотых перстня, один из которых, с изображающей дельфина инталией, несомненно, средиземноморского происхождения. В той же могиле были найдены серебряная щитковая пряжка и каменный кружок с перфорацией в центре (эти два предмета не сохранились).

Погребение 2 (рис. 10–11) содержало золотую цепь с медальоном, также средиземноморского происхождения, две золотые сердцевидные подвески, два золотых браслета с расширенными концами, один из них с латинской весовой надписью, четыре перстня. Все эти вещи были обнаружены на скелете погребенной. В ногах находились элементы конского убора, в частности, умбоновидные золотые накладки и золотые пятиугольные бляхи, те и другие с декором в стиле перегородчатой инкрустации, семь бронзовых гвоздиков с золотой головкой, украшенной сердоликом, два медальона из золота и серебра, также с сердоликами. Возможно, из этого погребения происходит череп со следами искусственной деформации [31].

2. Ясырев I, курган 2, погр. 1 (Цимлянский район, Ростовская область) (рис. 1,12; 12).

Это подкурганная ингумация в яме, ориентированная головой на запад. В ногах находились кости конечностей и череп барана, а в головах – керамические сосуды, лепной горшок и гончарный кувшин. В состав инвентаря входили также браслеты на руках и зеркало с довольно длинной ручкой. В курганной насыпи было совершено захоронение частей лошади (нога), связанное с данной ингумацией. Судя по инвентарю погребение женское [71, с. 29].

3. Верхне-Курмоярская (Котельниковский район, Волгоградская область) (рис. 1,14; 5,1).

Набор разновременных предметов (включая арабские и татарские монеты), включавший пару золотых калачевидных серег, отдан местными жителями [ОАК за 1905 год, с. 101; 31, с. 12].

4. Ливенцовский VII, курган 35 (западная окраина г. Ростов-на-Дону) (рис. 1,11; 13; 14).

Обнаружена каменная площадка с вещами, костями животных, редкие и мелкие обломки сожженных костей. Под каменной площадкой была выявлена небольшая яма, также содержащая вещи. Среди найденных вещей выделяются предметы вооружения: наконечники стрел, копьё, Р-образная портупейная скоба, пластины панциря, бутероль ножен клинкового оружия, элементы ременной гарнитуры и, вероятно, конской узды: пряжки, накладки, наконечники ремней, фрагменты изрубленных металлических сосудов [12].

5. Район Таганрога (Ростовская область) (рис. 1,15; 5,3).

Золотой колт, близкий найденным в Морском Чулеке. Покупка [92, с. 144].

4. Северный Кавказ

1. Михаэльсфельд / Джигинская (г. Анапа, Краснодарский край) (рис. 1,16; 15).

Разрушенное погребение по обряду ингумации было найдено случайно в 1892 г., на следующий год здесь проводил работы Т. Думберг. Могила содержала богатый инвентарь: золотое кольцо с подвесками и вмонтированным в замок солидом Юстина и Юстиниана, две золотые подвески²⁴, декорированная шляпка от гвоздика, калачевидные серьги или височные подвески, металлическое зеркало и железный нож с костяной рукоятью [ОАК за 1892 год, с. 93; ОАК за 1893 год, с. 8–9; 30].

2. Малаи, курган 1, погр. 12 (Калининский район Краснодарский край) (рис. 1,17; 16–18).

В кургане № 1, в погребении 12 находился, по определениям антропологов, скелет мужчины 35–40 лет, со следами искусственной деформации на черепе (длинноголовый европеоидный тип), ориентированный головой на запад-северо-запад, сопровождавшийся остатками двух коней. Курган был окружен ровиком, где находились останки тринадцати коней и ритуально испорченные металлические котлы. Инвентарь могилы: лук с костяными накладками, меч с гардой в стиле *cloisonné* и Р-образной портупейной скобой, ременная гарнитура раннегеральдического стиля, ламеллярный доспех, золотая серьга, конские удила, серогончарный сосуд [64, с. 420–443]²⁵.

²⁴ И. П. Засецкая интерпретирует их как серьги или височные кольца [30, с. 130–132, рис. 7]. Мне кажется, что, скорее всего, это подвески от кольца. В самом деле, две сохранившиеся на кольце подвески имеют похожую морфологию и такой же декор. Разница видна лишь на реверсе: обратная сторона подвесок кольце украшена крестообразными штампованными мотивами, их нет на отдельно найденных подвесках.

²⁵ По недосмотру редакции, в публикации памятника на стр. 439 была указана неверная дата.

3. Тузулук-3, курган 4, погр. 5 (Грачевский район, Ставропольский край) (рис. 1,18; 19,1–5).

Ингумация в подбойной яме с каменным закладом, скелет находился в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. В головах обнаружен горшок, в ногах золотая пряжка, а районе таза – железная пряжка и железный нож [65].

4. Татарка, балка Каряжка (близ г. Ставрополь) (рис. 1,19; 19,6–15).

В 1924 г. были обнаружены человеческие кости, янтарные бусы, пряжки, калачевидная серьга, бляха полихромного стиля и обломки других предметов с таким же декором, мелкие обрывки золотого листа. Предметы найдены разными лицами, их принадлежность к единому закрытому комплексу возможна, но недоказуема [88, с. 40; 26, с. 173, табл. 31,3–12; 32,2].

5. Хасав-Юрт (г. Хасав-Юрт, Республика Дагестан) (рис. 1,20; 20).

Золотые вещи найдены кладоискателями в 1888 г. под каменной насыпью кургана. В грунте под камнями обнаружено отверстие, в нем находились золотые вещи. Там же были стеклянный сосуд с тремя ручками (разбит), серебряный «поднос» и серебряная кружка с крышкой (проданы). Остальные вещи куплены помощником начальника Грозненского округа полковником Матвеем Андреевичем Цугулиевым, от него вещи поступили в Эрмитаж (Архив ИИМК РАН, ф. 1, д. 22 за 1888 г., лл. 31–34а; Фото И. Ф. Чистякова, сделано по заказу А. А. Спицына в 1900–1908 гг., негатив в фотоархиве ИИМК, Дело Археологической комиссии, Р-VII, № 113) [ОАК за 1882–1888 года, с. СССXXXII; 128, fig. 25].

5. Поволжье

1. Покровск (г. Энгельс, Саратовская область) (рис. 1,21; 22).

Курган 17 (рис. 22,1–9). В центре кургана обнаружены остатки костра, жженые кости барана, обломки сбруйных украшений из бронзовых пластин, пластины с антропоморфными изображениями, девять трехлопастных стрел, обломки костяных накладок на лук, обломки железного меча, удила. Все предметы со следами пребывания в огне.

Курган 18 (рис. 22,10–21). В центре кургана обнаружены кости ног, лопатки и ребра лошади, лежавшие в анатомическом порядке. На уровне древнего горизонта выявлены остатки кострища, в нем остатки пластинчатых сбруйных украшений, пластины с антропоморфными изображениями, бронзовая треугольная подвеска, желобчатая обкладка края седла, обломки костяных обкладок лука, железный наколочник стрелы [26, с. 183–184, табл. 31].

2. Покровск-Восход (г. Энгельс, Саратовская область) (рис. 1,22; 21,1–13).

Разрушенная бескурганная ингумация в яме. В ней кости черепа, меч с нефритовой портупейной скобой и устьем ножен в стиле *cloisonné*, копьё, кольчуга, бляшка с антропоморфными изображениями, уздечные пластины, массивная бронзовая пряжка, покрытая золотым листом с инкрустированным щитком, бронзовый

литой браслет, золотая калачевидная серьга, малые пряжки, обломок лепного сосуда [26, с. 185, табл. 32; 31, с. 111–113].

3. Владимирское, курган 4, погр. 2 (Хворостинский район, Самарская область) (рис. 1,23; 23,1–13).

Ингумация в кургане более раннего времени. Костяк ребенка лежал на спине, головой на запад-северо-запад. Вещи погребального инвентаря обнаружены несколько выше скелета: стрелы, удила, накладные бронзовые пластины, обтянутые золотой фольгой, с антропоморфными изображениями и «дерюжным» орнаментом, металлические накладки седла (золотые листы). Все предметы носили следы воздействия огня, однако остатки кострища не зафиксированы [89; 26, с. 186–187, табл. 35; 31, с. 113].

4. Царева, курган 66, погр. 2 (Ленинский район, Волгоградская область) (рис. 1,24; 21,14–29).

Ингумация в кургане более раннего времени, в деревянном гробу, помещенном в грунтовую яму. Скелет располагался в вытянутом положении на спине, головой на северо-северо-запад. В ногах находились череп и кости конечностей лошади. В погребении найдены костяные накладки на лук, стрела, удила, две пряжки, в т. ч. одна обувная с костяной рамкой, удила, фрагменты железных пластин [57, с. 97–99].

6. Южный Урал

1. Шиново (Таскалинский район, Западно-Казахстанская область) (рис. 1,25; 23,14–22; 24,1–22).

Курган 2 (рис. 23,14–22). Ингумация в прямоугольной яме под курганом. Погребенный находился в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. В погребении обнаружены бронзовая, покрытая золотым листом трехчастная диадема на голове, бронзовая, плакированная золотом витая гривна на шее, золотая калачевидная серьга у черепа, бронзовая калачевидная серьга с остатками кожаного ремня у правого бедра, железная пряжка на поясе, бронзовая позолоченная обувная пряжка на ногах, остатки деревянной коробочки и нож у западной стенки могилы, ближе к ногам – фрагмент бронзового зеркала со штырем, глиняное плоское пряслице и кости ягненка. Череп погребенной сильно деформирован.

Курган 3 (рис. 24,1–22). Ингумация в прямоугольной яме под курганной насыпью, в деревянном гробу, закрытом берестой, ориентированная на северо-восток. На дне погребения прослежен мелкий уголь. Череп погребенного сильно деформирован, антропологическое изучение не проводилось. В углу погребения обнаружены череп и кости ног овцы. Деревянное седло с бронзовыми позолоченными обкладками и конская сбруя находились на гробе. На покойнике был надет шелковый кафтан малинового цвета с бронзовыми аппликациями по вороту и по краям рукавов, поясок с аппликациями и пряжкой; металлическое ожерелье (золото, бронза) находилось на груди, на руках – браслеты, у пояса справа помещался нож в ножнах с металлической обкладкой, под левым коленом – наконечник трехлопастной стре-

лы; деревянная кружка была поставлена в северный угол могильной ямы, нагайка находилась у плеча; у бедра стояла берестяная коробка, в ней помещалось разбитое на две части бронзовое зеркало с длинной ручкой-штырем. Найдены также миниатюрный бронзовый топорик, фрагменты различных деревянных и бронзовых предметов. Обычно погребение определяется как мужское, видимо из-за присутствия в инвентаре седла, небольшого кинжала и стрелы. Однако личный убор погребенного – два браслета и ожерелье, а также зеркало – скорее женский [26, с. 188–191, табл. 40–42].

2. Каменный Амбар-5, курган 6 (Карталинский район, Челябинская область) (рис. 1,26; 24,23–25).

Ингумация под курганом с каменно-земляной насыпью, в яме со ступенькой в южной половине и с подбоем. Погребенный, мужчина 60 лет со слабо деформированным черепом и монголоидными чертами, располагался на правом боку, головой на север. У затылка находился сильно коррозированный железный предмет (нож?), остатки сильно окислившихся железных предметов на тазовой кости и на лопатке, стеклянные бусы на шее, обувная щитковая пряжка у колена левой ноги, другая пряжка без щитка у пояса. На ступеньке находились кости конечностей и череп молодого верблюда [58, с. 155–157].

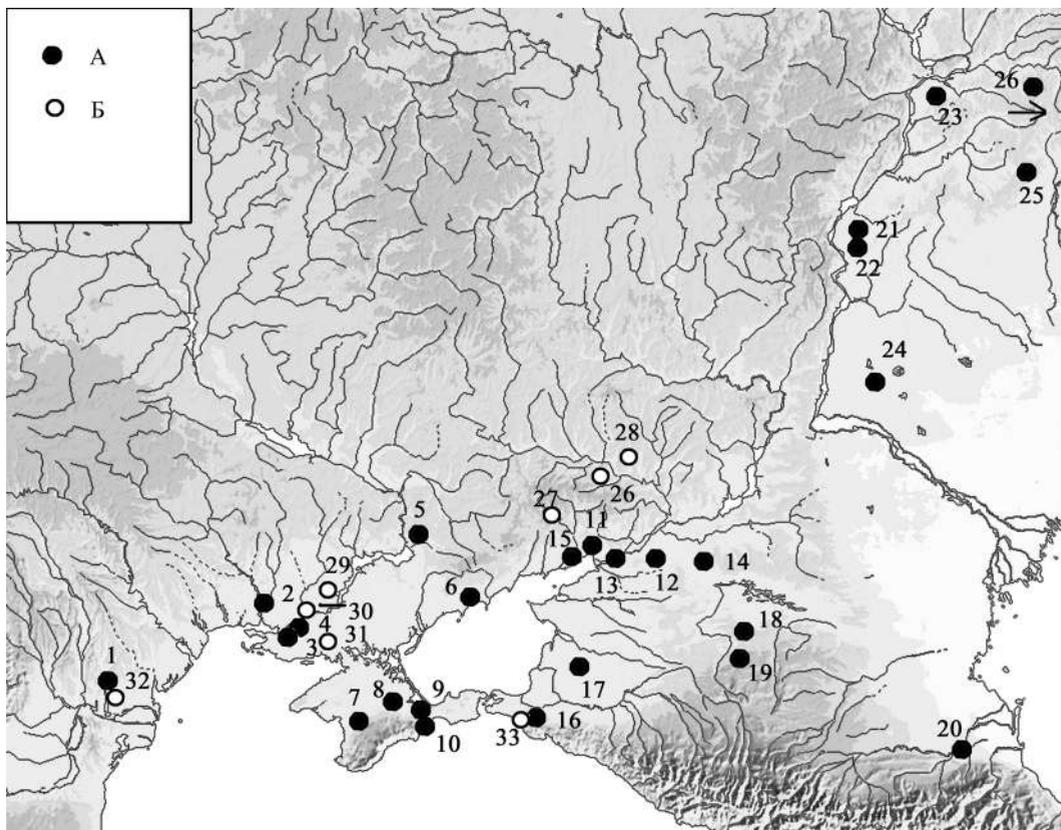

Рис. 1. Карта степных памятников постгуннского времени.

А: погребения и поминальные комплексы: 1 – Ялпуг (№ 1.1); 2 – Ольвия (№ 1.2); 3 – Лисьи Могилы (№ 1.3); 4 – Малые Копани (№ 1.4); 5 – Новогригорьевка (№ 1.5); 6 – Дмитриевка-Вольная Вода (№ 1.6); 7 – Нейзац (№ 2.1); 8 – Чикаренко (№ 2.2); 9 – Новопокровка (№ 2.3); 10 – Айвазовское (№ 2.4); 11 – Морской Чулек (№ 3.1); 12 – Ясырев I (№ 3.2); 13 – Левенцовка (№ 3.4); 14 – Верхне-Курмоярская (№ 3.3); 15 – Таганрог (№ 3.5); 16 – Михаэльсфельд-Джигинская (№ 4.1); 17 – Малаи (№ 4.2); 18 – Тугулул (№ 4.3); 19 – Татарка-Балка Каряжка (№ 4.4); 20 – Хасав-Юрт (№ 4.5); 21 – Покровск (№ 5.1); 22 – Покровск-Восход (№ 5.2); 23 – Владимирское (№ 5.3); 24 – Царева (№ 5.4); 25 – Шипово (№ 6.1); 26 – Каменный Амбар-5 (№ 6.2).

Б: золотые монеты: 26 – Луганск; 27 – Белояровка; 28 – Лимаривка; 29 – Херсонская область; 30 – Малые Копани; 31 – Алешкинские Хутора; 32 – Табаки; 33 – Михаэльсфельд

Рис. 2. Ялпуг (№ 1.1). Часть найденных вещей [по: 127, fig. 1]

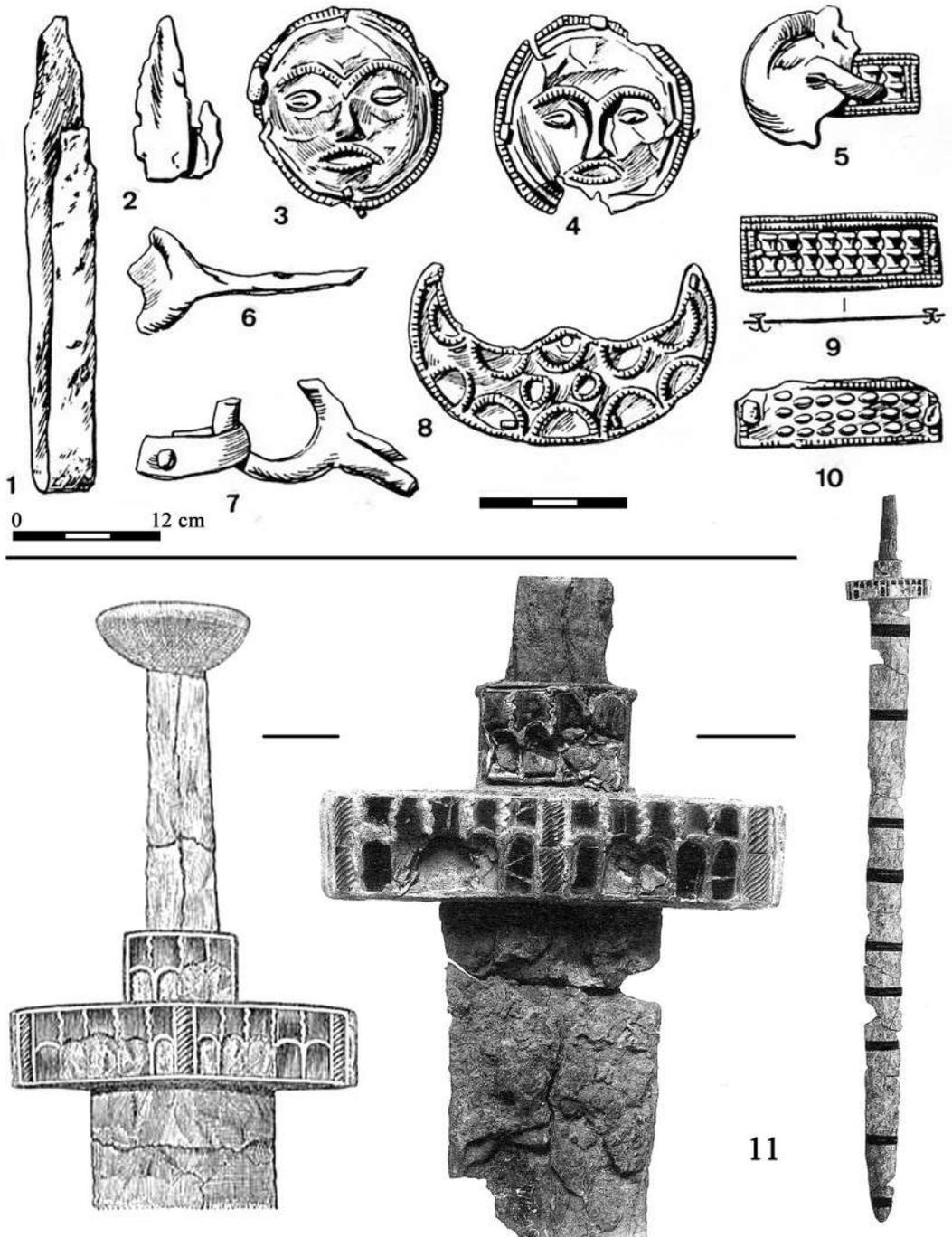

Рис. 3. Новогригорьевка, комплекс VII (№ 1.5) (1–10), Дмитриевка-Вольная Вода (№ 1.6) (11).
1–10 – [по: 26, табл. 6,1–10], 11 – [по: ОАК за 1904 год, рис. 215; 31, рис. 34]

Рис. 4. «Ольвия» (№ 1.2).
1–10 – [по: 149, pl. LXXIX–LXXXII], 11 – [по: 155, Abb. 1]

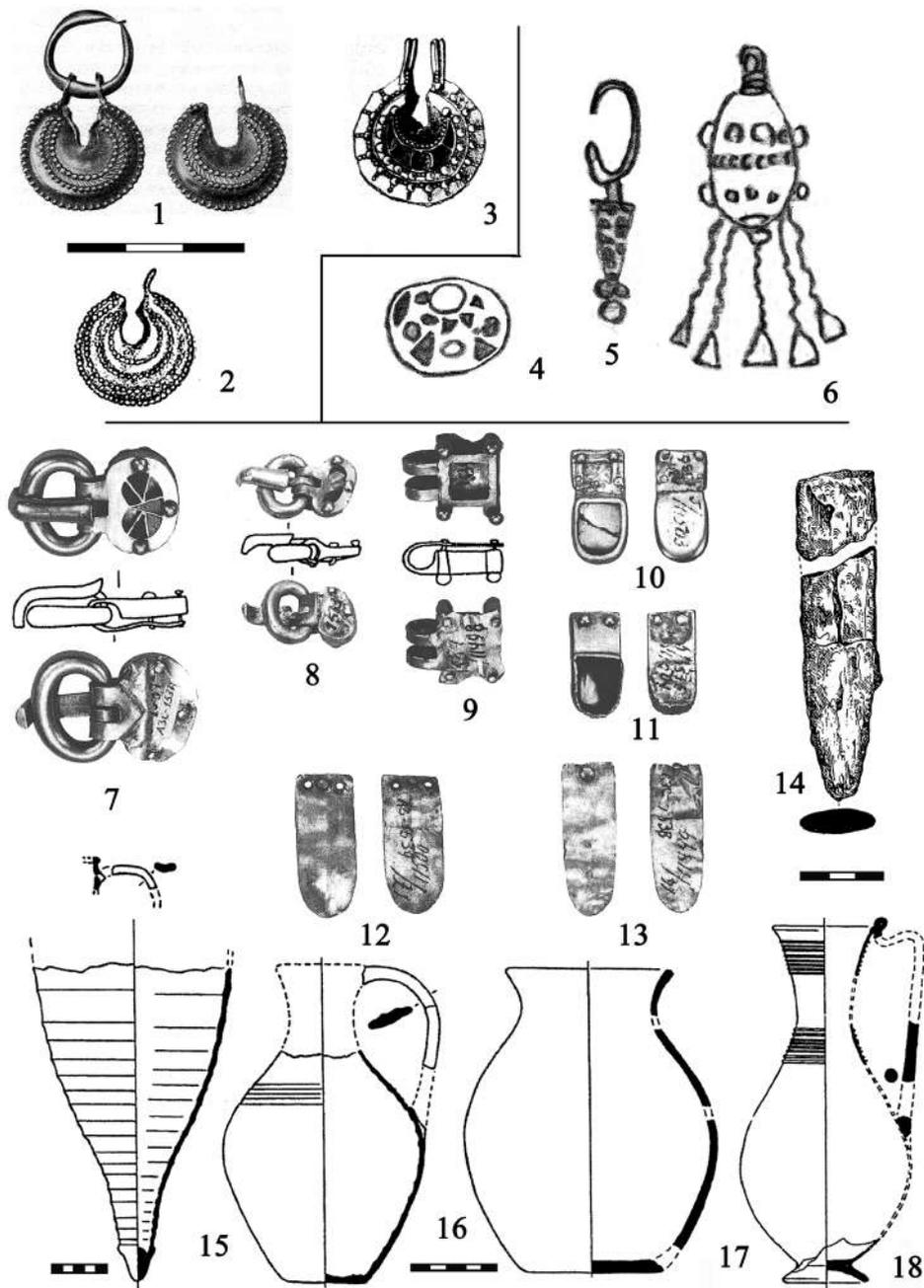

Рис. 5. Верхне-Курмоярская (№ 3.3) (1), Лисьи Могилы (№ 1.3) (2), Таганрог (№ 3.5) (3), Малые Копани (№ 1.4) (4–6), (Чикаренко) (№ 2.2) (7–18).

1 – [по: 31, рис. 1], 2 – [по: 84, рис. 6 на с. 77], 3 – личный архив Г. Ф. Корзухиной; 4–6 – по: Архив ИИМК РАН, ф. 5, д. 330, л. 61; 7–18 – [по: 100, fig. 5; 146, Abb. 7]

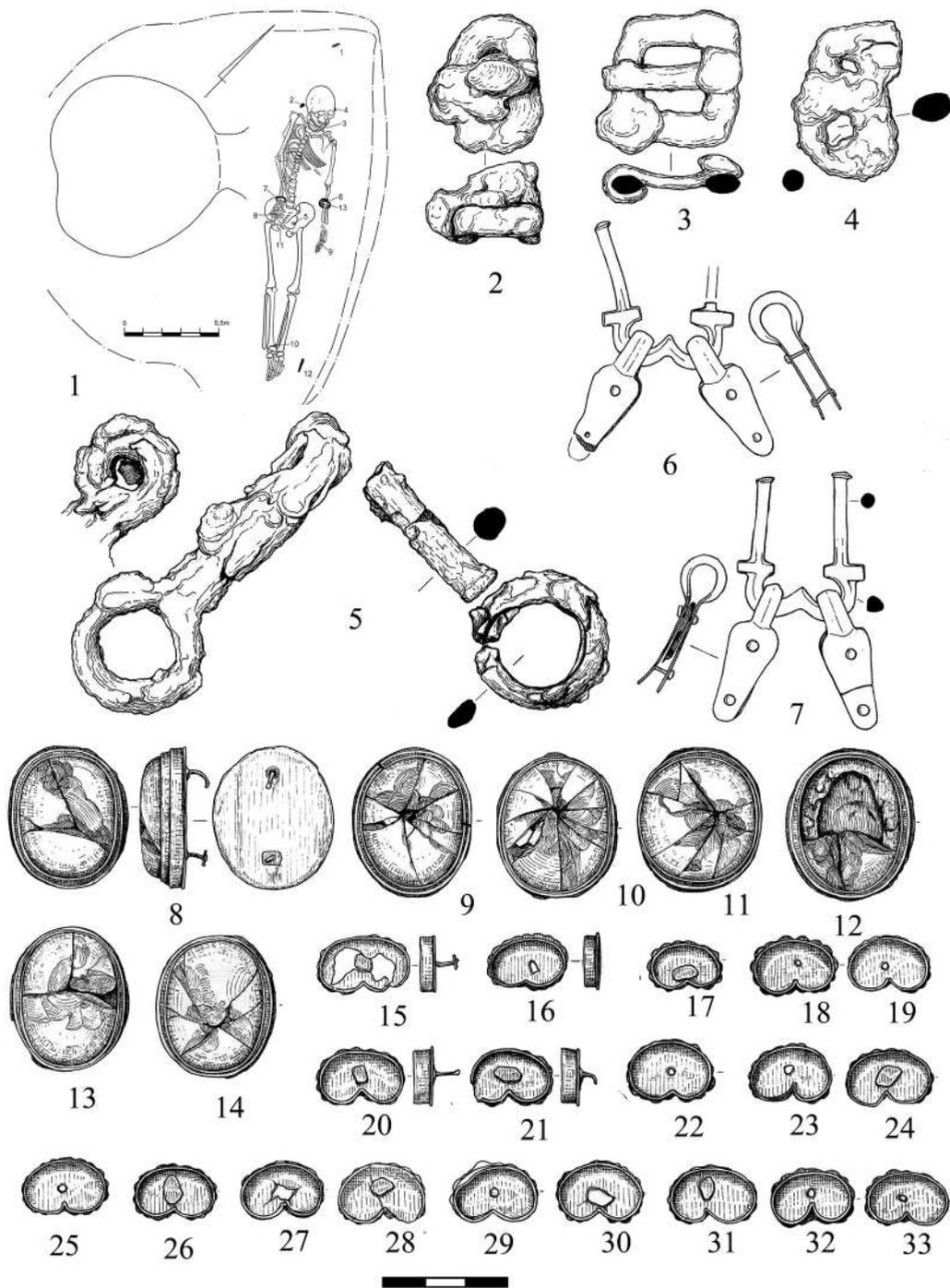

Рис. 6. Нейзац, погр. 114 (№ 2.1) [по: 98, рис. 10, 11]

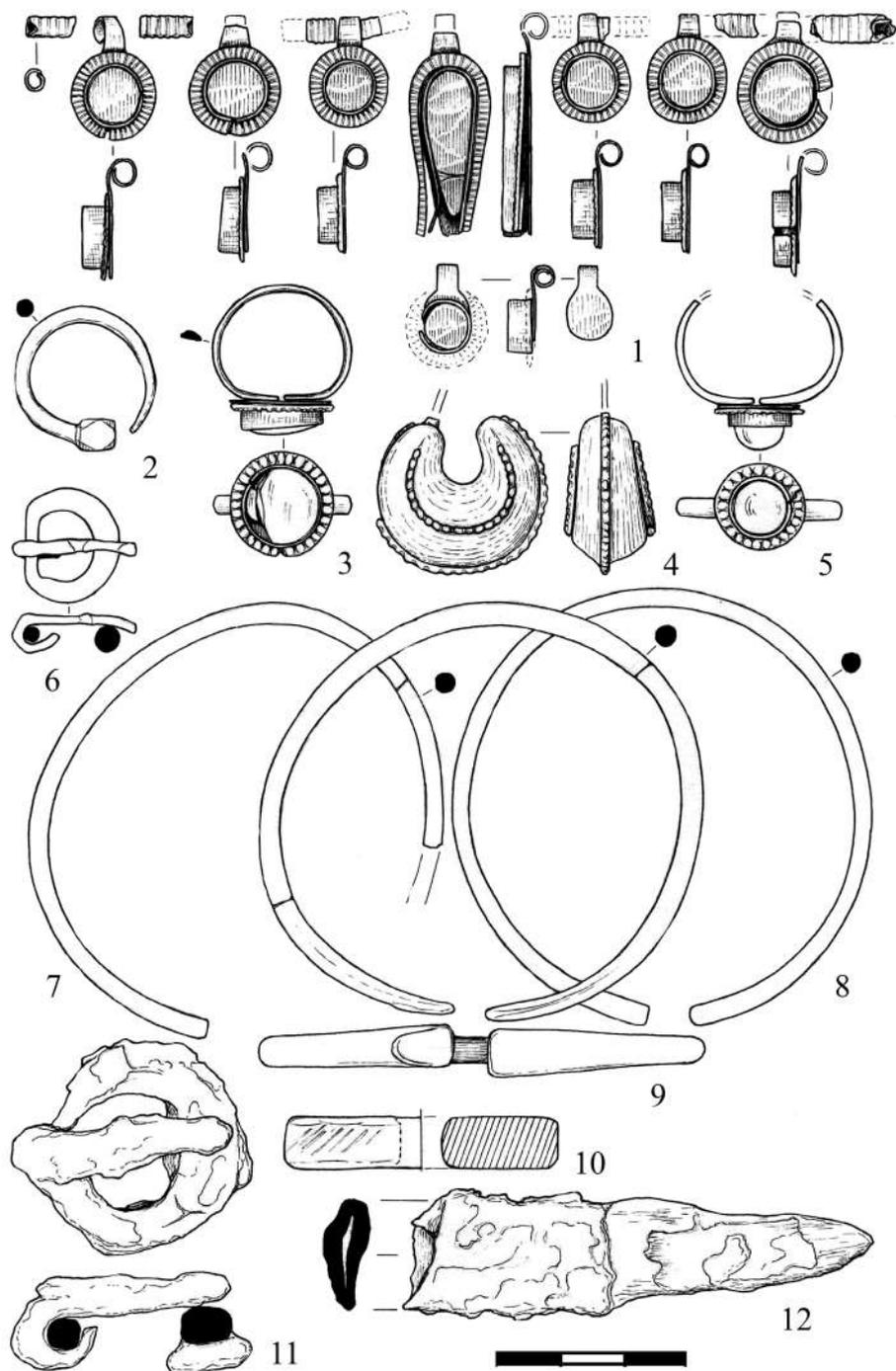

Рис. 7. Нейзац, погр. 114 (№ 2.1) [по: 98, рис. 9]

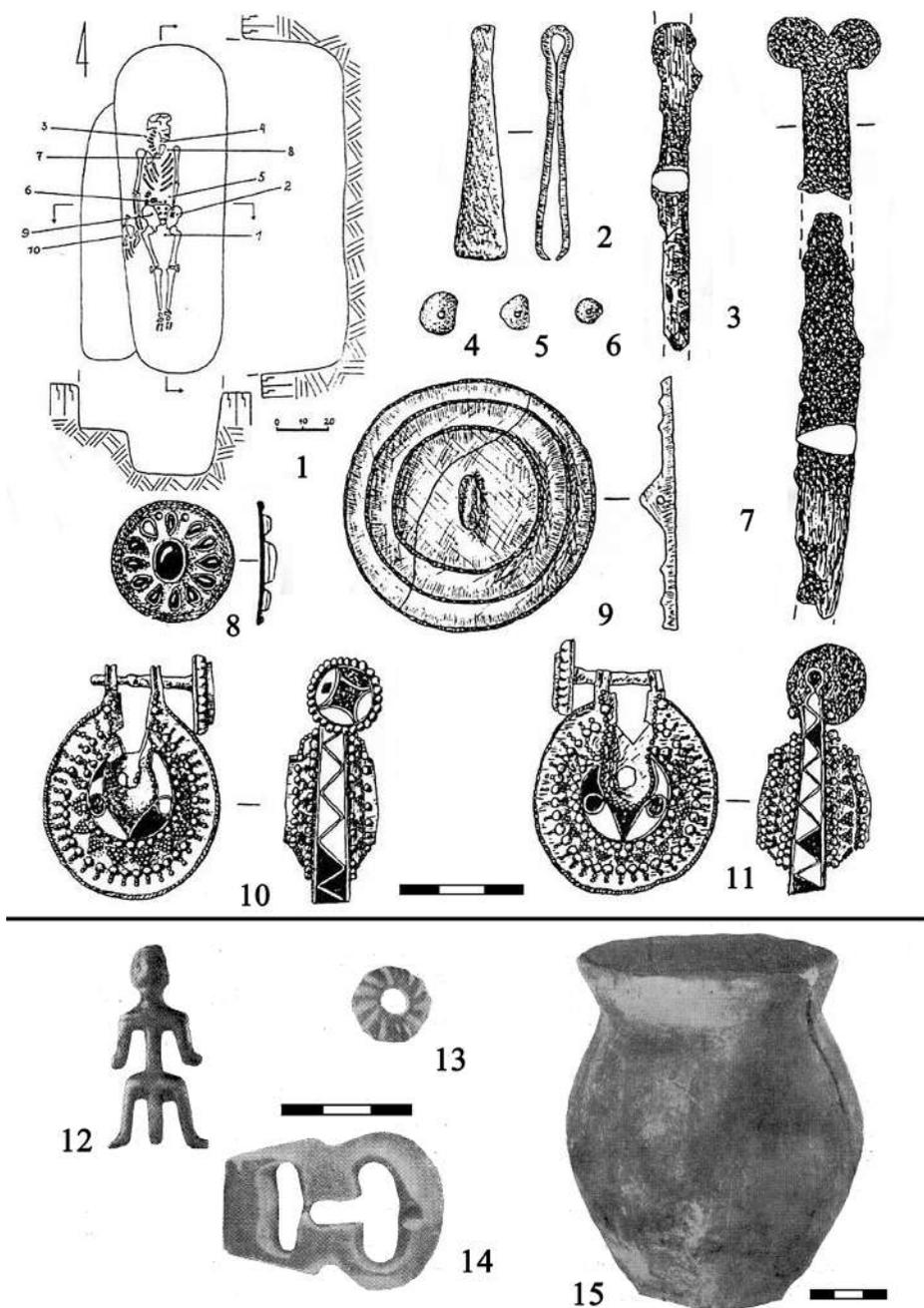

Рис. 8. Новопокровка (№ 2.3) (1–11), Айвазовское (№ 2.4) (12–15).
 1–11 – [по: 18, рис. 2], 12–15 – [по: 60, рис. 1]

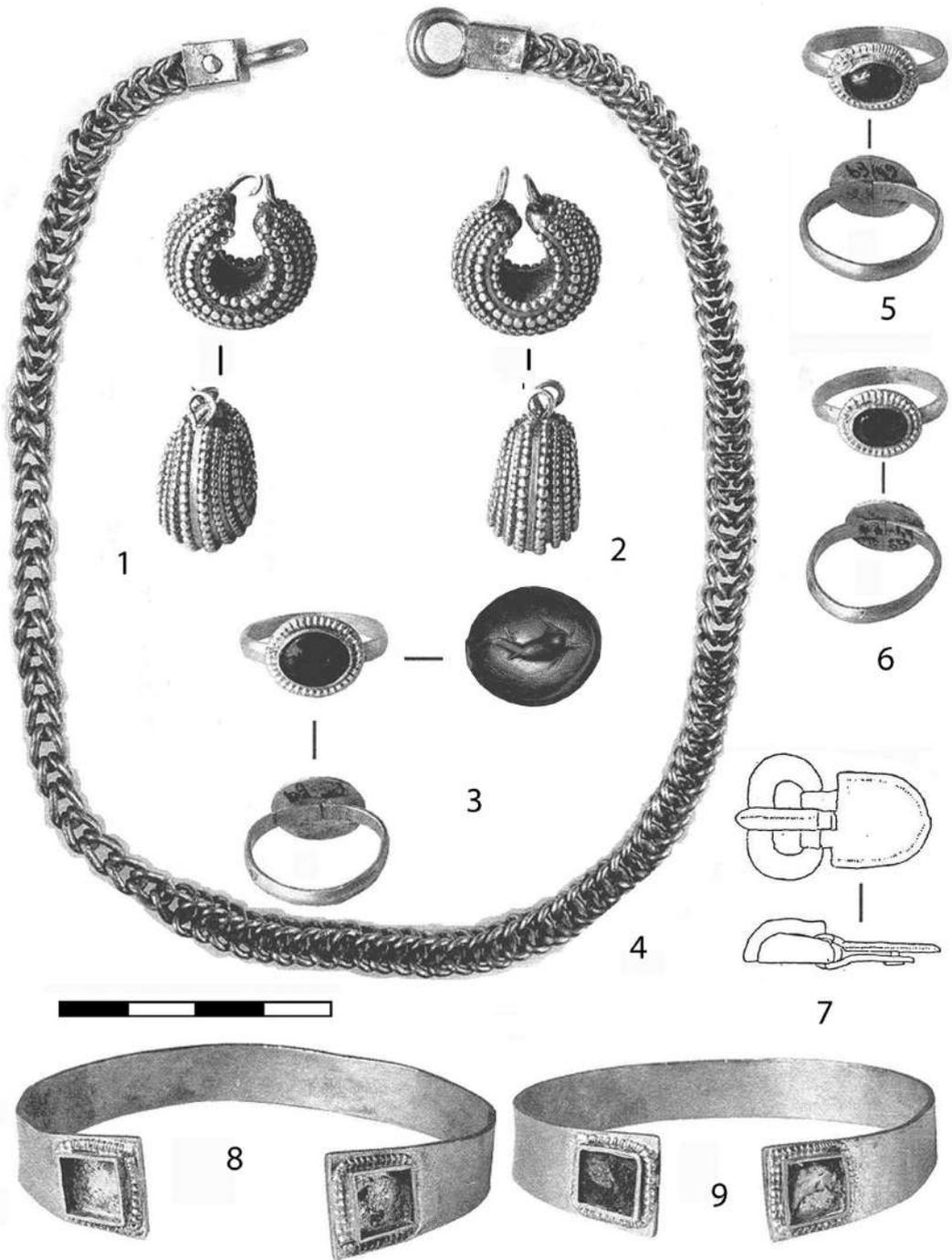

Рис. 9. Морской Чулек, погр. 1 (№ 2.1) [по: 31, табл. I, рис. 10,1]

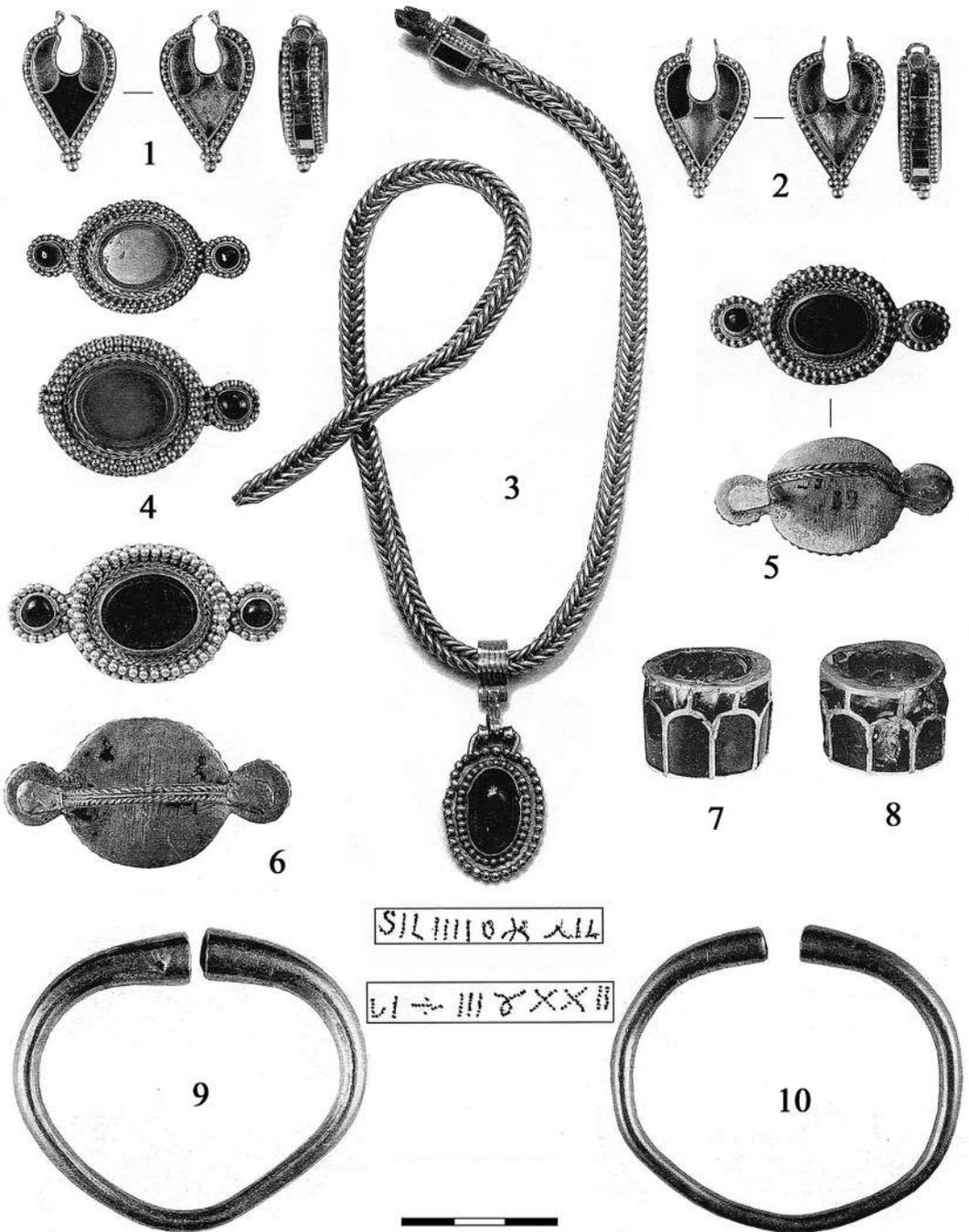

Рис. 10. Морской Чулек, погр. 2 (№ 2.1) [по: 31, табл. II, III]

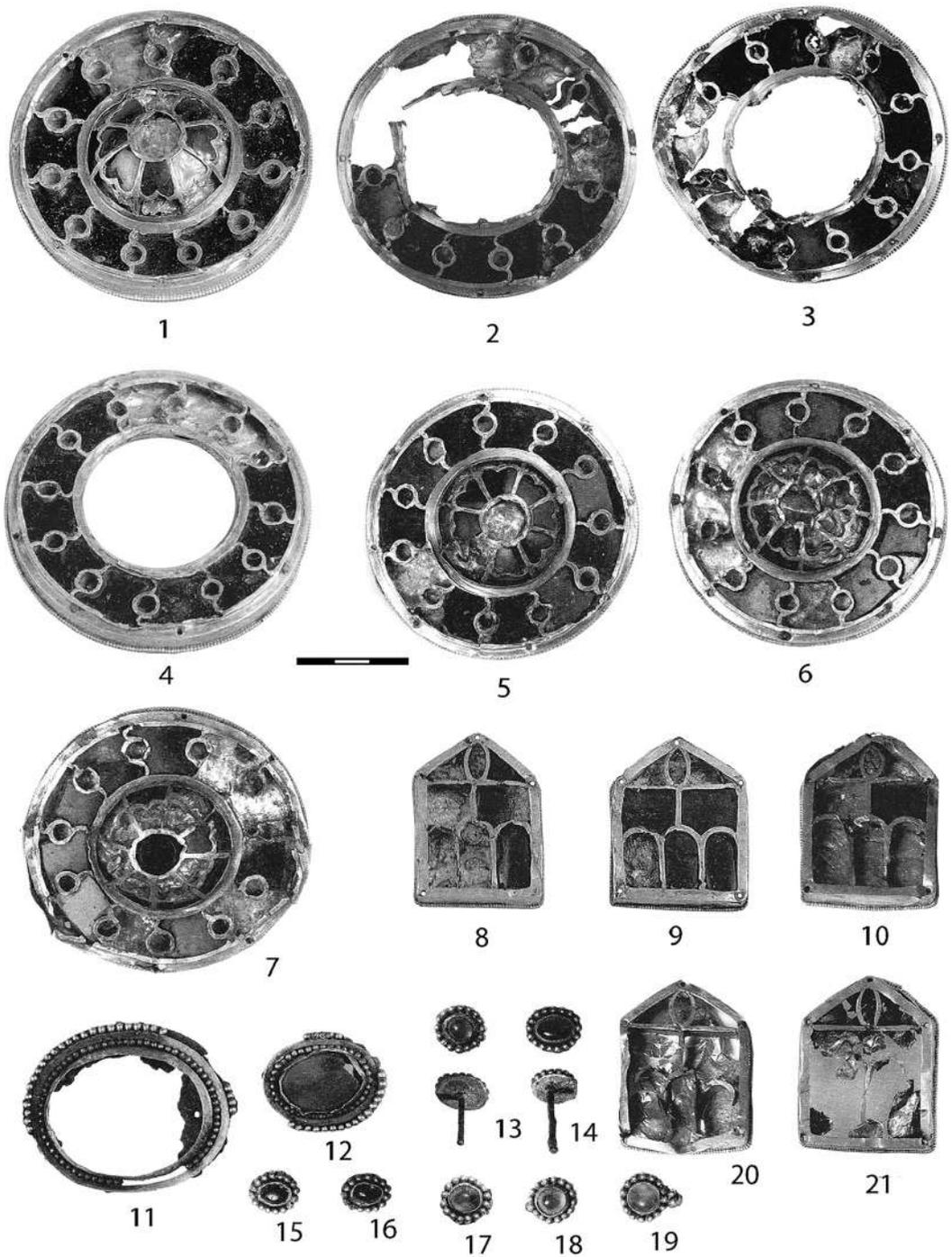

Рис. 11. Морской Чулек, погр. 2 (№ 2.1) [по: 31, табл. IV-VIII]

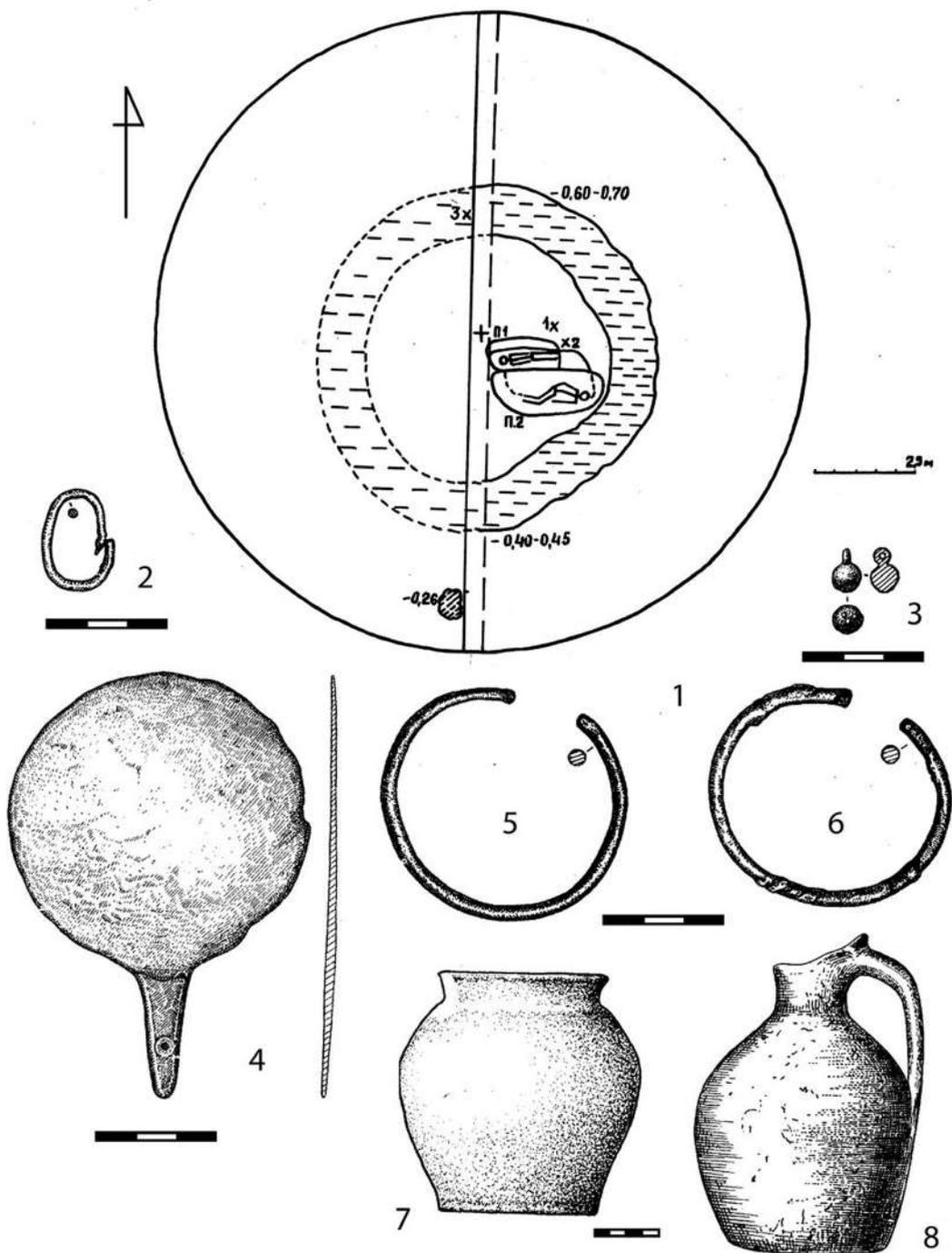

Рис. 12. Ясырев I, курган 2, погр. 1 (№ 2.2) [по: 71, табл. II,6,7,9-11; V; VI,1,2]

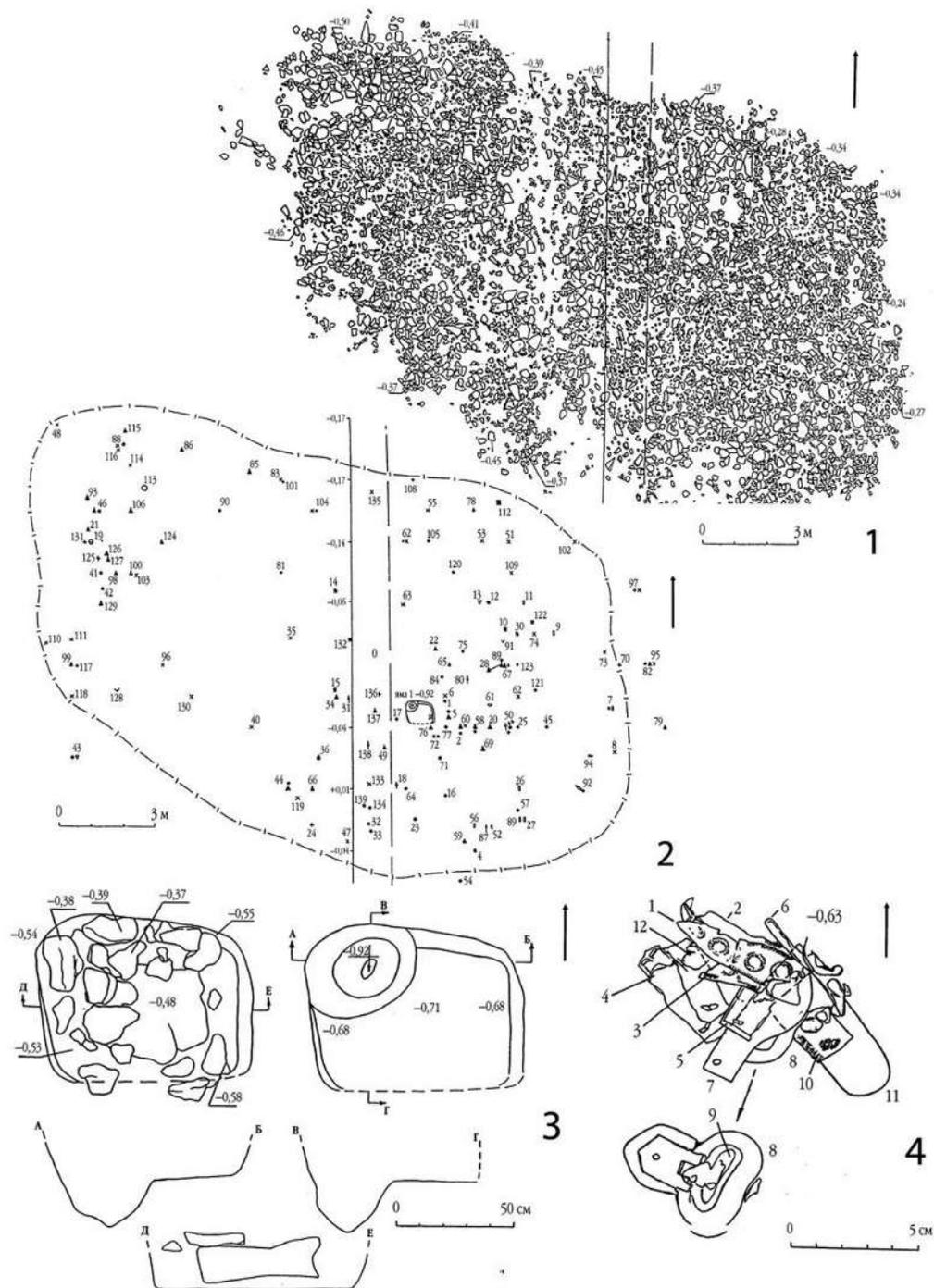

Рис. 13. Ливенцовский VII, курган 35 (№ 2.4) [по: 12, рис. 1–3]

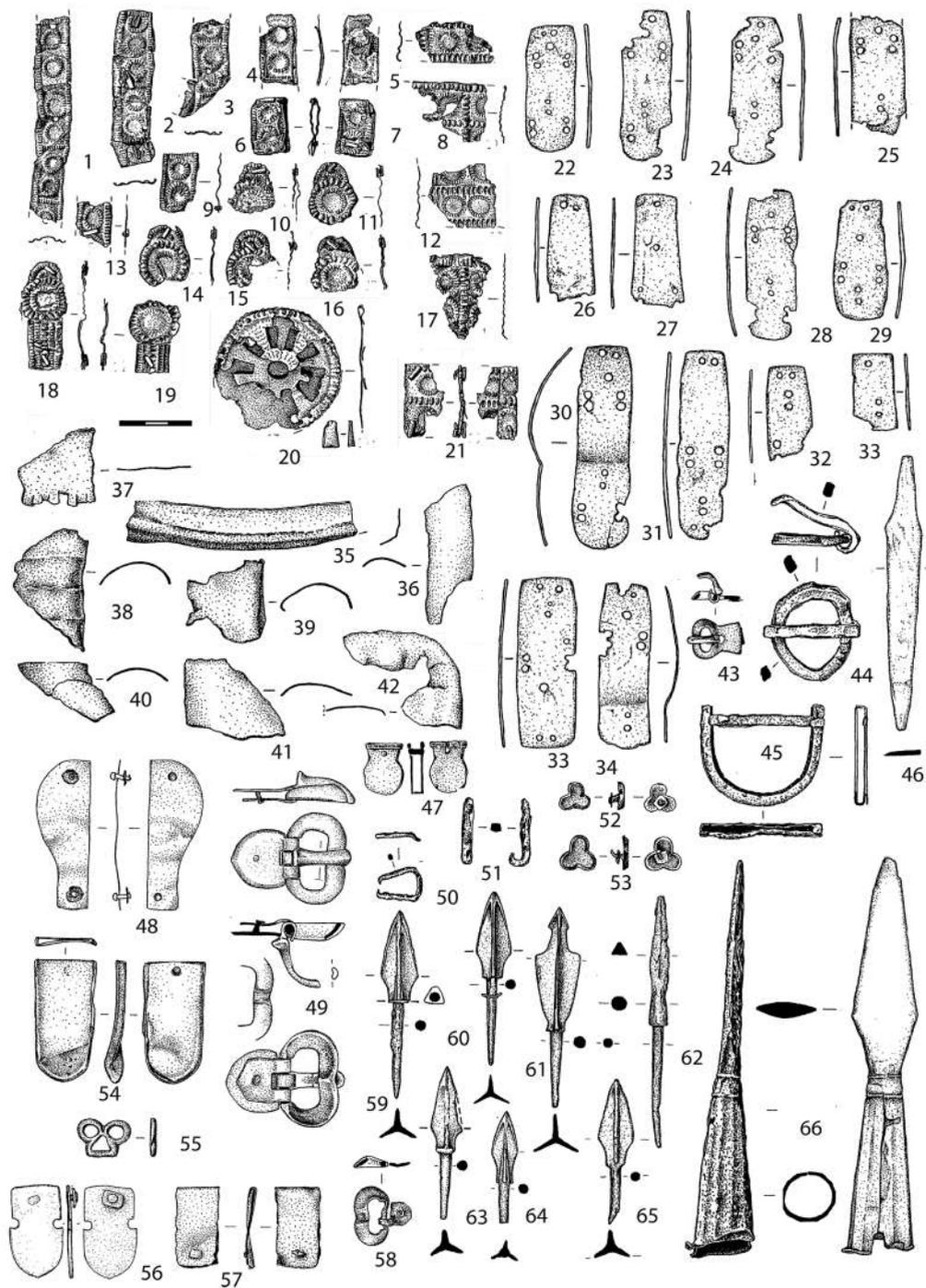

Рис. 14. Ливенцовский VII, курган 35 (№ 2.4) [по: 12, рис. 4–9]

Рис. 15. Михаэльсфельд – Джигинская (№ 4.1) [по: 30, илл. 3–7]

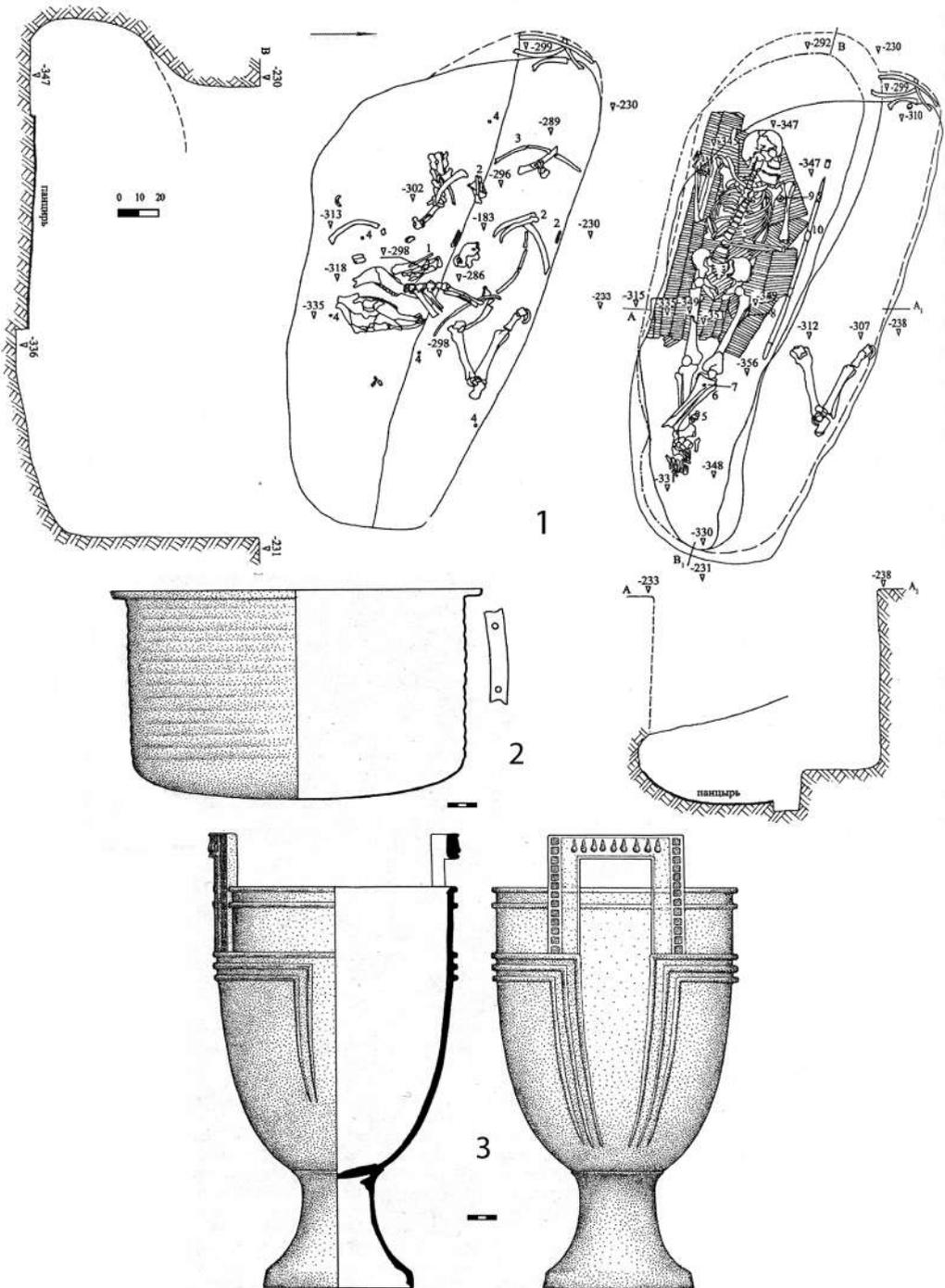

Рис. 16. Малаи, курган 1, погр. 12 (№ 4.2) [по: 64, рис. 4, 5]

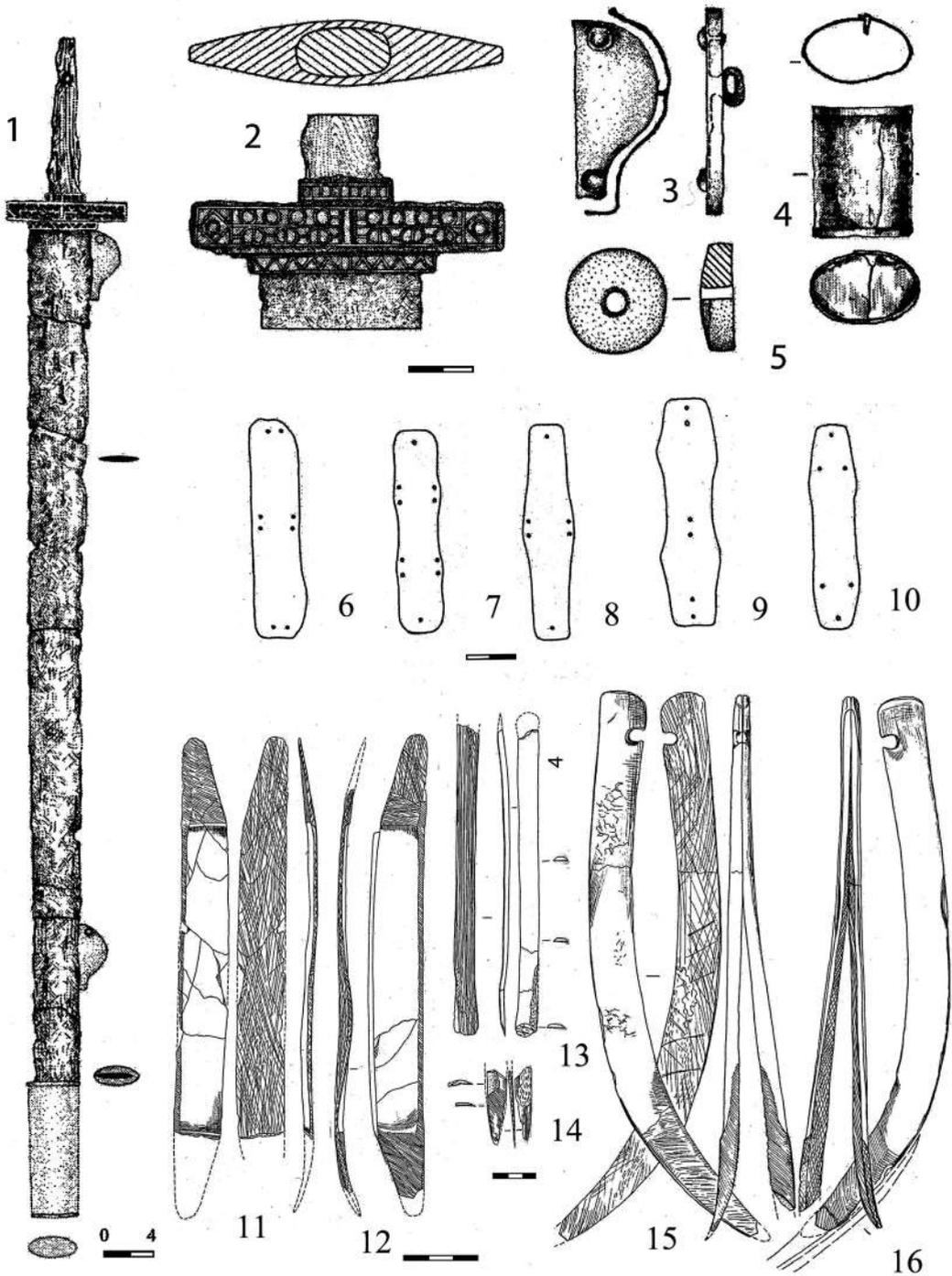

Рис. 17. Малаи, курган 1, погр. 12 (№ 4.2) [по: 64, рис. 6, 7, 10, 11]

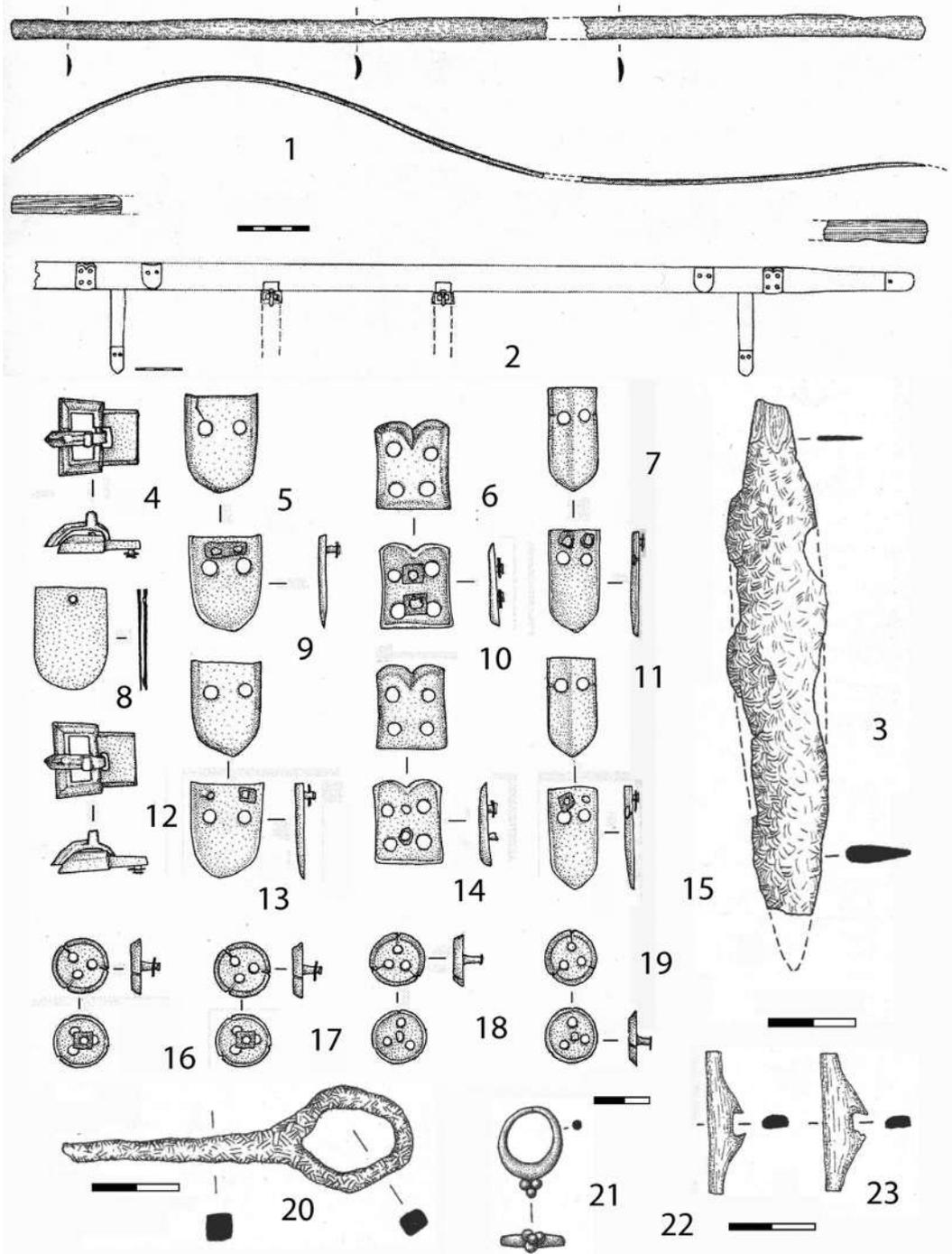

Рис. 18. Малаи, курган 1, погр. 12. (№ 4.2) [по: 64, рис. 8, 9, 12]

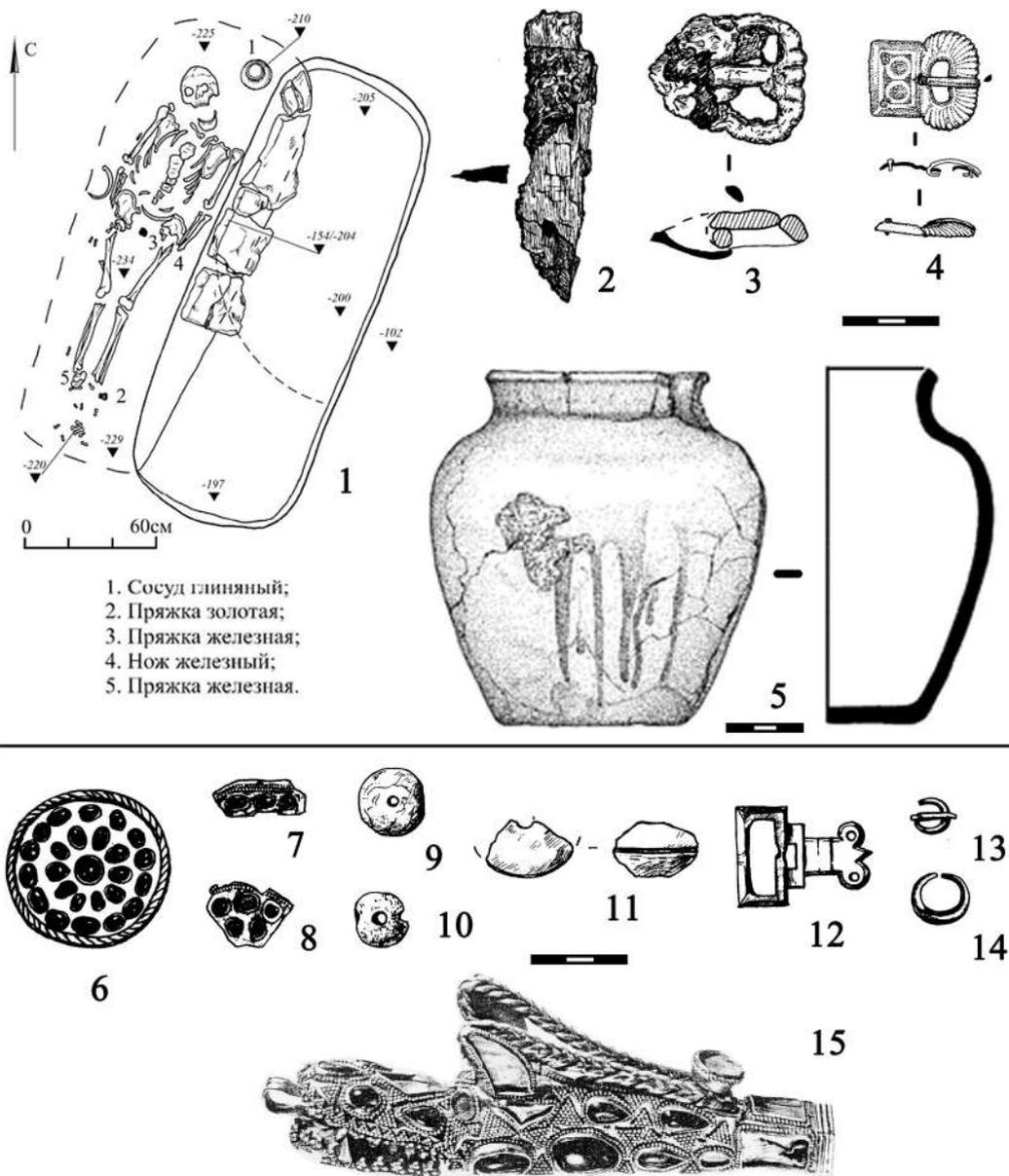

Рис. 19. Тугурук-3, курган 4, погр. 5 (№ 4.3) (1–5), Татарка, балка Каряжка (№ 4.4) (6–15).
 1–5 – [по: 65, рис. 1], 6–14 – [по: 26, табл. 17,3–12; 18,2]

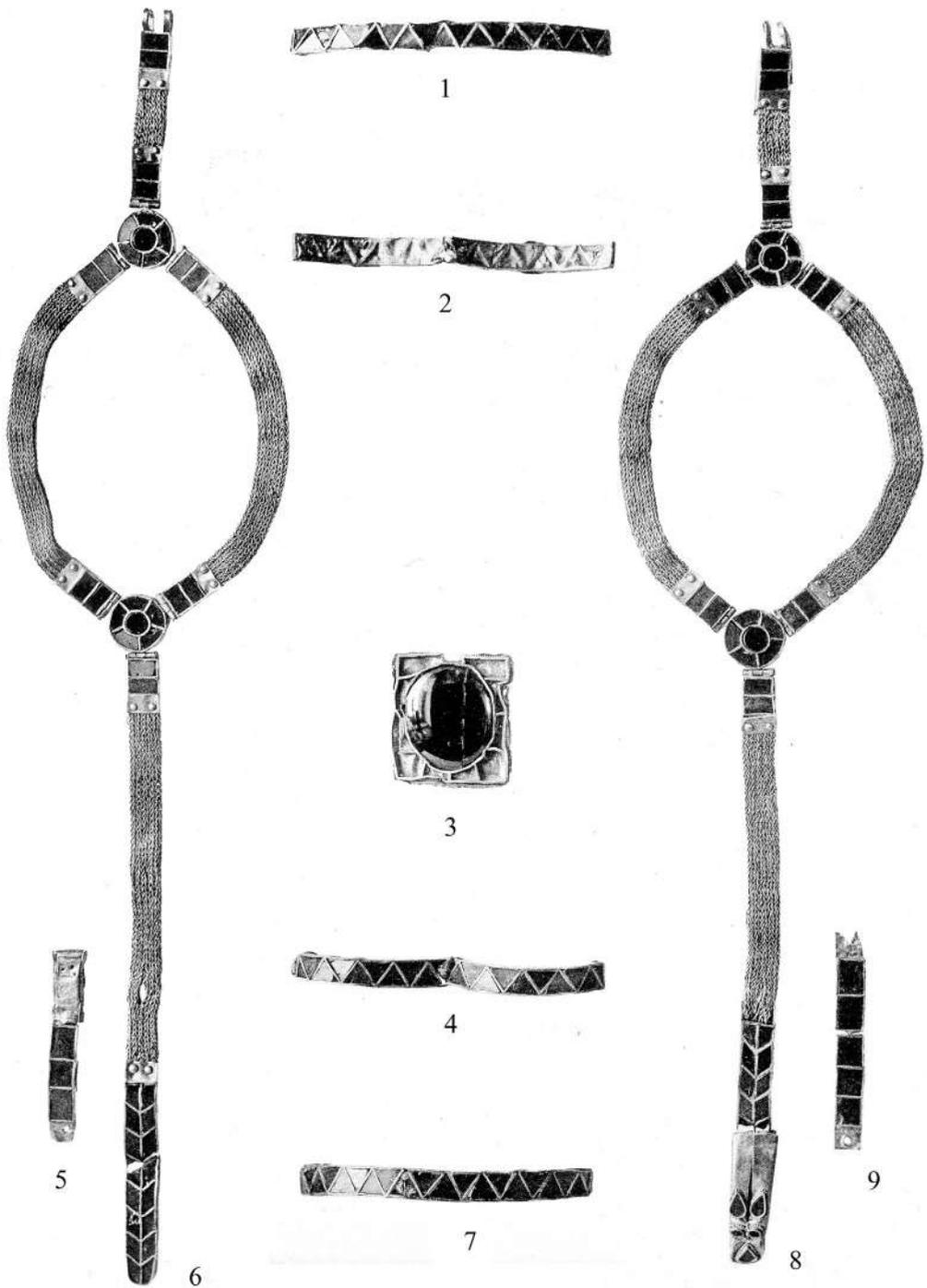

Рис. 20. Хасав-Юрт (№ 4.5) [по: 128, fig. 25]

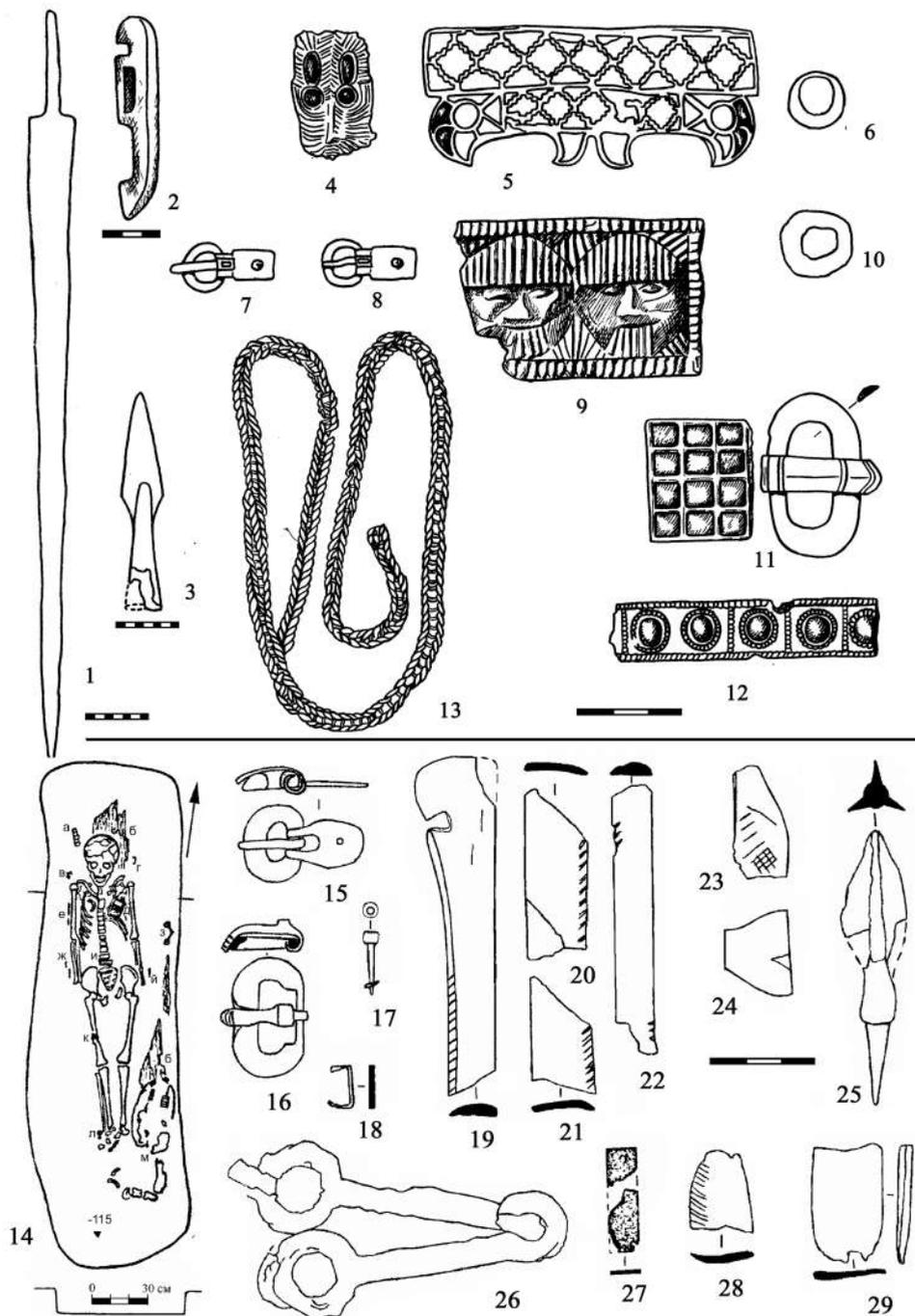

Рис. 21. Покровск-Восход (№ 5.2) (1–13), Царева, курган 66, погр. 2 (№ 5.4) (14–29).
1–13 – [по: 26, табл. 32], 14–29 – [по: 57, рис. 8]

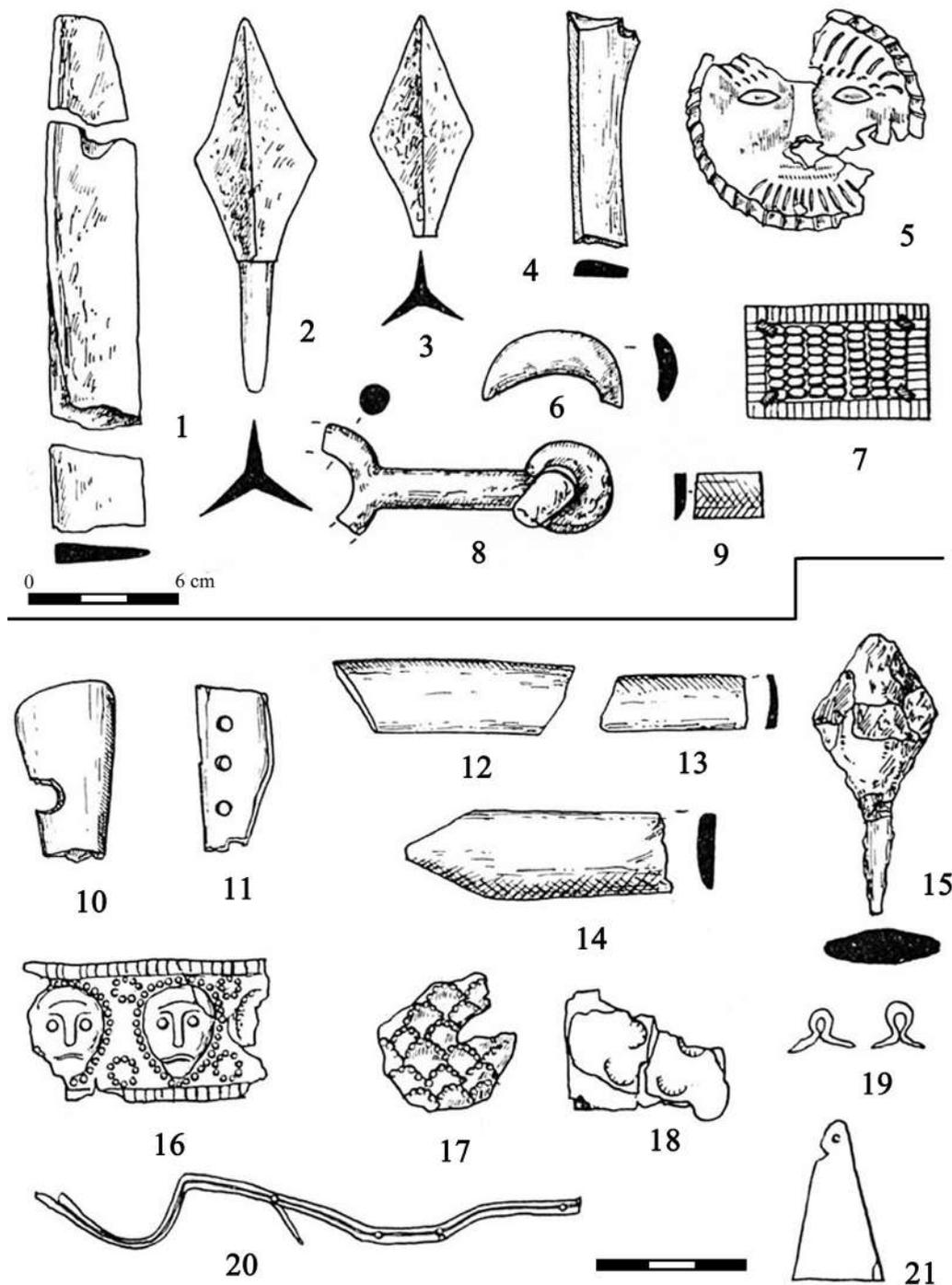

Рис. 22. Покровск, курган 17 (1–9), курган 18 (10–21) (№ 5.1) [по: 26, табл. 31]

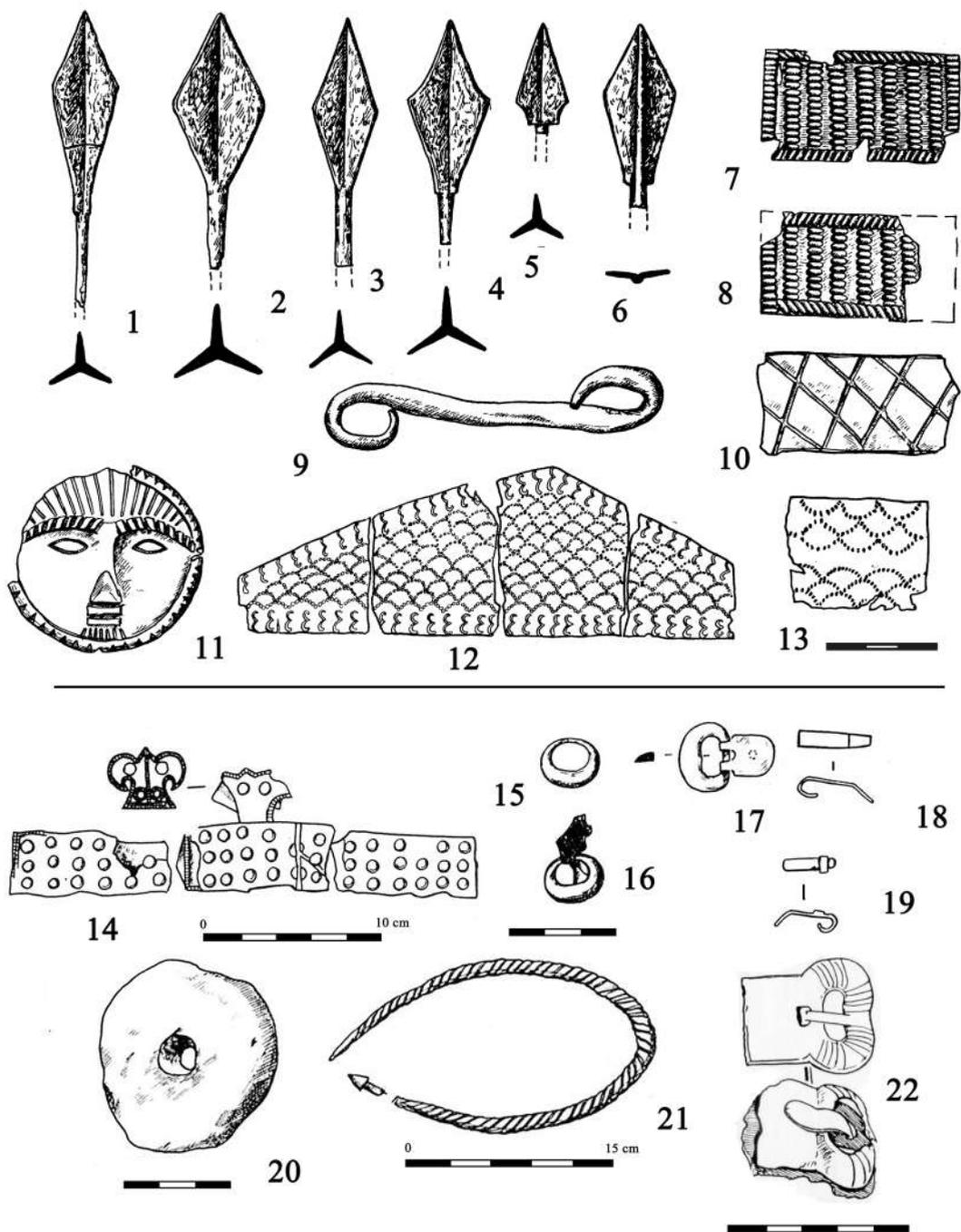

Рис. 23. Владимирское, курган 4, погр. 2 (№ 5.3) (1-13), Шипово, курган 2 (№ 6.1) (14-22).
1-21 - [по: 26, табл. 35, 42], 22 - [по: 4, рис. 32,1]

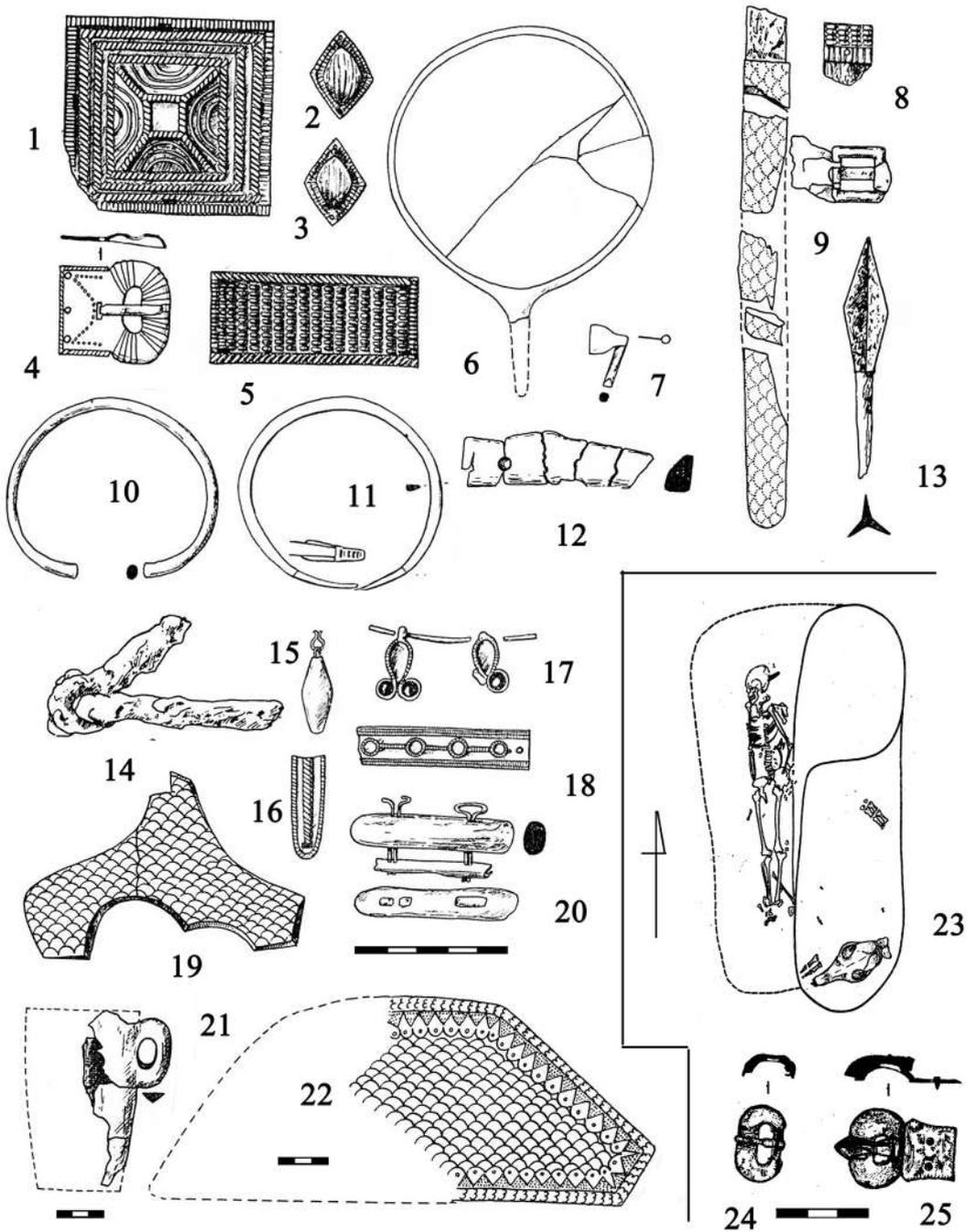

Рис. 24. Шипово, курган 3 (№ 6.1) (1–22); Каменный Амбар-5, погр. 6 (№ 6.2) (22–25).
 1–22 – [по: 26, табл. 40, 41], 22–25 – [по: 58, рис. 2,2,3; 3,2]

Рис. 25. Географическая локализация степных кочевников постгуннского времени по данным письменных источников.

1 – 450-460-е гг.; 2 – 460/480-е – 540-е гг.; 3 – около 550 г. В рамке – список кочевых народов по Захарии Ритору, локализация которых не всегда возможна

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафий. О царствовании Юстиниана / Пер. и комм. М.В. Левченко. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 222 с.
2. Айбабин А.И. Погребения кочевнической знати в Крыму конца IV – VI вв. // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 206–210.
3. Амброз А.К. О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре – вопрос интерпретации // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков / Ред. А.К. Амброз, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 204–222.
4. Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.: Наука, 1989. 134 с.
5. Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 524 с.
6. Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Ритуальные сооружения гуннского времени на Мангышлаке // *Stratum plus*. 2018. № 4. С. 347–470.
7. Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. Мокрая Балка. Вып. 1. Дневник раскопок. М.: Научный мир, 2001. 252 с.
8. Ахмедов И.Р. Металлические детали декора жестких седел Восточной Европы гуннского и постгуннского времени. К изучению вопросов происхождения и классификации // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гушиной / Ред. Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов. М.: ГИМ, 2012. С. 19–48.
9. Ахмедов И.Р., Казанский М.М. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье / Ред. В.М. Горюнова, О.А. Щеглова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. С. 168–202.
10. Баранов И.А. Погребение V в. н.э. в Северо-Восточном Крыму // СА. 1973. № 3. С. 243–245.
11. Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (По материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону / Ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 169–193.
12. Безуглов С.И., Ильюков Л.С. Памятник позднегуннской эпохи в устье Дона // Средневековые древности Дона / Ред. Ю.К. Гугуев. М.; Иерусалим: Мосты культуры, 2007. С. 25–48. (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II).
13. Божилев И., Димитров Х. *Protobulgarica* (Заметки по истории протоболгар до середины IX в.) // *Byzantino-Bulgarica*. 1995. Т. 9. С. 7–61.
14. Буров Г.М. Именьковская культура в Ульяновском Поволжье // Древности Среднего Поволжья / Ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев, 1985. С. 11–130.
15. Вернер И. Золотой браслет короля франков Хильдерика и германские браслеты позднеримского времени (с приложением работы Людвиг Паули) // *Stratum plus*. 2013. № 4. С. 315–350.
16. Винокур И.С. *Слов'янські ювеліри Подністров'я*. Кам'янець-Подільський: Oium, 1997. 200 с.
17. Габуев Т.А. Аланские княжеские курганы V в. н.э. у села Брут в Северной Осетии. Владикавказ, 2014. 184 с.
18. Гаврилов А.В. Погребение кочевника на античном поселении в Восточном Крыму // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 111–113.
19. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. 216 с.
20. Дашевская О.Д. Некрополь Беляуса. Симферополь: Предприятие Феникс, 2014. 284 с.
21. Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. 1979. № 4. С. 212–229.
22. Дзиговский А.Н., Савельев О.К. Гунны // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья / Ред. И.В. Бруяко. Одесса, 2013. С. 696–703.
23. Ермолин А.Л. Кроваво-золотой стиль «клуазоне» в ювелирных изделиях Боспора (по материалам некрополя Джурга-Оба) // Боспорский феномен / Ред. В.Ю. Зуев. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 70–77.
24. Залеская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства IV–VII веков. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. 272 с.

25. Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 23–105.
26. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). СПб.: Эллипс ЛТД, 1994. 222 с.
27. Засецкая И.П. О датировке погребального комплекса у озера Борового в Казахстане // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня / Ред. К.И. Ташбаева, Д.Ф. Винник. Бишкек: Илим, 1995. С. 95–110.
28. Засецкая И.П. Классификация обкладок ленчиков седла V – первой половины VI вв. // Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 142–146.
29. Засецкая И.П. Стеклянная посуда некрополя Боспора второй половины IV – рубежа VI – VII вв. н.э. (из собрания Государственного Эрмитажа) // Боспорские исследования. 2008. Вып. XX. С. 5–208.
30. Засецкая И.П. Михаэльсфельд – эталонный памятник раннего средневековья (к вопросу о датировке и этнокультурной принадлежности) // АСГЭ. 2010. Вып. 38. С. 123–159.
31. Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 212 с.
32. Застрожнова Е.Г., Шаров О.В. «Марфовский клад» 1925 года: публикация архивных материалов // *Stratum plus*. 2017. № 4. С. 395–410.
33. Иоанн Малала. Хронография // Прокопий. Война с персами. Война с вандалами. Тайная История / Пер. и комм. А.А. Чекаловой. СПб.: Алетей, 2001. С. 465–503.
34. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / Латинский текст, вступ. ст., пер., комм. Е.Ч. Скржинской. СПб.: Алетей, 2001. 508 с.
35. Кадиева А.А., Демиденко С.В. Золотые украшения с полихромной инкрустацией из княжеского погребения второй половины V – VI в. в могильнике Заюково-3 (Кабардино-Балкарская Республика) // КСИА. 2019. Вып. 256. С. 47–57.
36. Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии) / Ред. Д.А. Сташенков. Самара, 1998. С. 97–150.
37. Казанский М.М. Хронология начальной фазы некрополя Дюрсо // Историко-археологический альманах. 2001. Вып. 7. С. 41–58.
38. Казанский М.М. Ранневизантийские мечи с инкрустированной гардой // Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 122–141.
39. Казанский М.М. Древности постгуннского времени на юге Восточной Европы и ангискиры // *Scripta Antiqua*. 2011. Вып. 1. С. 27–49.
40. Казанский М.М. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2014. С. 45–137.
41. Казанский М.М. Вооружение и конское снаряжение славян V–VII вв. // *Stratum plus*. 2015. № 5. С. 43–95.
42. Казанский М.М. Оногуры в пост-гуннское время на Дону // Дивногорский сборник. 2016. Вып. 6. С. 96–111.
43. Казанский М.М. Приазовские хунгуры, меховая торговля и водные пути // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения. Симферополь, Керчь, 2017. С. 218–229.
44. Казанский М.М. Погребения и «поминальники» воинских предводителей постгуннского времени в понтийских степях // *Relationes rerum – Régészeti tanulmányok Nagy Margit tiszteletér* / Ed. A. Korom. Budapest, 2018. С. 393–408.

45. Казанский М.М. Центры власти у гунно-болгар Причерноморья в постгуннское время // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 100–119.
46. Казанский М.М. Престижные находки и центры власти постгуннского времени в Поднепровье // *Stratum plus*. 2018. № 4. С. 83–118.
47. Казанский М.М. Хронологические индикаторы степных древностей постгуннского времени в Восточной Европе // *Нижеволжский археологический вестник*. 2019. Т. 18. № 2. С. 105–124.
48. Казанский М.М. О появлении остроготов и гепидов в Крыму и на Тамани в VI веке // *Миры Византии. ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ*. Том 2 / Ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Институт археологии Крыма РАН, 2019. С. 15–34.
49. Казанский М.М. Гуннская диадема с горы Митридат и ее культурно-исторический контекст // XXI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте. Симферополь, Керчь, 2020. С. 152–159.
50. Казанский М.М., Мاستыкова А.В. «Царские» гунны и акациры // *Гунны, готы, сарматы между Волгой и Дунаем* / Ред. А.Г. Фурасев. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 114–126.
51. Казанский М.М., Мастыкова А.В. Хронологические индикаторы древностей постгуннского времени на Северном Кавказе // *Верхнедонской археологический сборник*. 2010. Вып. 5. С. 93–104.
52. Казанский М.М., Мастыкова А.В. Женские могилы знати постгуннского времени в понтийских степях и константинопольская мода // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа / Ред. Т.А. Павленко, Р.Б. Схатум, В.В. Улитин. Краснодар: Традиция, 2014. С. 97–108.
53. Казанский М.М., Перен П. Могила Хильдерика (481/482 г.): состояние исследований // *КСИА*. 2005. Вып. 218. С. 24–42.
54. Капошина С.И. Золотые серьги из Ольвии // *КСИА*. 1950. Вып. 33. С. 103–109.
55. Кожемяко П.Н., Кожомбердиев И. Катакомбное погребение в ущелье Шамси // *Археология Центральной Азии: архивные материалы*. Том II / Ред. С.В. Болелов, В.Б. Кольченко. Самарканд: Международный Институт Центральноазиатских исследований, 2015. С. 130–157.
56. Комар А.В. Курганы и утигуры в Северном Причерноморье // *Сугдейский сборник*. Киев, Судак: Академперіодика, 2004. С. 169–200.
57. Комар А.В. Памятники типа Суханово: к вопросу о культуре болгар Северного Причерноморья 2-й половины VI – начала VII в. // *Сугдейский сборник*. 2008. Вып. III. С. 87–117.
58. Костюков В.П. Раннесредневековые курганы могильника Каменный Амбар-5 // *Курганы кочевников Южного Урала* / Ред. Б.Б. Агеев. Уфа: Гилем, 1995. С. 151–160.
59. Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 64 с. (САИ, Вып. Е 4-4).
60. Кругликова И.Т. Погребение IV–V вв. н.э. у дер. Айвазовское // *СА*. 1957. № 2. С. 253–257.
61. Кубарев Г.В., Журавлев Д.В. Доспех из катакомбного погребения с Госпитальной улицы города Керчи (из раскопок 1891 года профессора Ю.А. Кулаковского) // *Вестник Новосибирского государственного университета*. 2012. Т. 11, Вып. 5. С. 135–146.
62. Курган с «усами» Солончанка I / Ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 1999. 152 с.
63. Левина Л.М. Низовья Сырдарьи в древности. Выпуск IV. Джетыясарская культура. Часть 3–4. Могильники Алтынасар 4. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994. 312 с.
64. Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Погребения из курганов степного Прикубанья // *Петербургский Апокриф. Послание от Марка* / Ред. О.В. Шаров. СПб.; Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2011. С. 417–442.
65. Ляхов С.В., Мячин С.В. Кочевническое погребение «постгуннского» времени в с. Тулулук Ставропольского края // *Археология Восточноевропейской степи*. 2010. Вып. 8. С. 225–230.
66. Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М.: ИА РАН, 2009. 502 с.
67. Мастыкова А.В. Зеркала типа Карповка: к вопросу о формировании салтово-маяцкой культуры Верхнего Дона // *Дивногорский сборник*. 2016. Вып. 6. С. 241–254.

68. Мастыкова А.В. Центрально-азиатские зеркала у кочевников постгуннского времени в Восточной Европе // *Relationes rerum – Régészeti tanulmányok Nagy Margit tiszteletér* / Ed. A. Korom. Budapest, 2018. С. 409–418.
69. Мастыкова А.В., Земцов Г.Л. «Княжеское» женское погребение на поселении Мухино-2 гуннского времени на Верхнем Дону // *КСИА*. 2014. Вып. 234. С. 200–222.
70. Мастыкова А.В., Казанский М.М., Сапрыкина И.А. Пашковский могильник № 1. Том 2. Исследование материалов Пашковского могильника № 1. М., СПб.: Нестор-История, 2016. 372 с.
71. Мошкова М.Г., Федорова-Давыдова Э.А. Работы Цимлянской экспедиции 1970 года // *Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. I* / Ред. М.Г. Мошкова, Д.Б. Шелов. М.: Наука, 1974. С. 21–127.
72. Нестеров С.П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 143 с.
73. Никоноров В.П. Военное дело европейских гуннов в свете греко-латинской письменной традиции // *Записки Восточного отделения Российского археологического общества*. 2002. Вып. I (XXVI). С. 223–323.
74. Обломский А.М. Антропоморфные амулеты из верховьев р. Воронеж. К вопросу о южных связях населения региона в VI–VII вв. // *Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Том I* / Ред. А.Д. Васильев. М.: Пробел-2000, 2019. С. 212–217.
75. Паламарчук С.В., Фокеев М.М. Вещевой комплекс Ялпугского клада // *Древнее Причерноморье*. 2011. Т. IX. С. 366–382.
76. Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 832 с.
77. Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982. 190 с.
78. Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М.: Индрик, 2002. 488 с.
79. Приск Панийский. Готская история // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Том I. Греческие писатели. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1890. С. 810–847.
80. Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. С.П. Кондратьева. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 516 с.
81. Прокопий Кесарийский. Война с персами // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., вступ. ст. и комм. А.А. Чекаловой. СПб.: Алетейя, 2001. С. 7–144.
82. Прокопий Кесарийский. Война с вандалами // Прокопий Кесарийский, Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., вступ. ст. и комм. А.А. Чекаловой. СПб.: Алетейя, 2001. С. 147–258.
83. Равеннский Аноним. Космография // Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М.: Индрик, 2002. С. 161–286.
84. Ратнер И.Д., Костюк Л.И. Древности Херсонщины. Симферополь: Таврия, 1989. 110 с.
85. Рашев Р. Прабългарите през V–VII век. В. Търново: Фабер, 2000. 192 с.
86. Ромашов С.А. Историческая география Хазарского каганата (V–XIII вв.) // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 2001. Т. 11. P. 219–338.
87. Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I. (I–VI вв.) / Сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. 472 с.
88. Скалон К.М. Изображение дракона в искусстве IV–V веков // *СГЭ*. 1962. Вып. 27. С. 40–43.
89. Скарбовенко В.А. Погребение раннесредневекового времени в Куйбышевском Заволжье // *Древняя история Поволжья* / Ред. С.Г. Басин. Куйбышев, 1979. С. 164–174.
90. Скарбовенко В.А., Лифанов Н.А. Погребально-поминальные комплексы раннесредневековых кочевников из Восточного Приазовья (по материалам раскопок могильников Лебеди IV и Лебеди VIII в 1980 г.) // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма*. 2012. Вып. IV. С. 22–46.
91. Столярик Е.С. Очерки монетного обращения Северо-Западного Причерноморья в позднеримское и византийское время. Киев: Наукова думка, 1992. 128 с.

92. Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Выпуск третий. Древности времен переселения народов. СПб., 1890. 158 с.
93. Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. М.: Искусство, 1987. 156 с.
94. Трейстер М.Ю. Китайские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы во второй половине I тыс. до н.э. – первых веках нашей эры // *Stratum plus*. 2018. № 4. С. 153–200.
95. Феофилакт Симокатта. История / Пер. С.П. Кондратьева. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 224 с.
96. Феофан Исповедник. Хронография // Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1980. С. 17–144.
97. Фурасьев А.Г., Шаблавина Е.А. Концешти: княжеское погребение эпохи Великого переселения народов. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2019. 244 с.
98. Храпунов И.Н., Казанский М.М. Погребения эпохи переселения народов в могильнике Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). II. Двадцать лет исследований могильника Нейзац / Ред. Н.И. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 194–229.
99. Adams D. The Development of Early Garnet Inlaid Ornaments // Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.–7. Jahrhundert / Hrsg. C. Bálint. Budapest, Napoli, Roma: Archäologisches Insitut der UAW, 2000. P. 13–70.
100. Ajbabin A. Les tombes des chefs nomades en Crimée de la fin du IVe au VIe siècle // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle / Dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: Asociation française d'archéologie mérovingienne, 1995. P. 207–216.
101. Altheim F. Attila et les Huns. Paris: Payot, 1952. 230 p.
102. Anke B. Studien zur reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts. Wessbach: Beier & Beran, 1998. Teil I. 222 S.; Teil II. 156 S., 139 Taf.
103. Arrhenius B. Merovingian Garnet Jewellery. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1985. 230 p.
104. Anazawa W., Manome J. The Inlaid Gold Dagger from Kerim-loo and its Western Connections // Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.–7. Jahrhundert / Hrsg. C. Balint. Budapest, Napoli, Roma: Archäologisches Institut der UAW, 2000. P. 71–87.
105. Baldini L.I., Pinar G.J. Osservazioni sul tesoro di Reggio Emilia // L'Italia e il Mediterraneo occidentale tra il V secolo e la metà del VI / Eds. C. Ebanista, M. Rotil. Cimitile: Tavolario edizioni, 2010. P. 113–128.
106. Bărbulescu M. Mormântul princiar germanic de la Turda. Cluj-Napoca: Tribuna, 2008. 388 p.
107. Bavant B., Ivanišević V. Catalogue des objets des fouilles anciennes // Bavant B., Ivanišević V. Caričin Grad IV. Catalogue des fouilles anciennes et autres études. Rome, Belgrade: Ecole française de Rome; Institut archéologique de Belgrade, 2019. P. 1–298. (Collection de l'Ecole française de Rome, 75/4).
108. Bierbrauer V. Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto: Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo, 1975. 380 S.
109. Bóna I. Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe IVe–Ve siècles. Paris: Errance, 2002. 240 p.
110. Bugarski I. A Contribution to the Study of Lamellar Armours // *Starinar*. 2005. T. LV. P. 161–179.
111. Damm I.G. Goldschmiedarbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem Nördlichen Schwarzenmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2 // *Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte*. 1988. Bd. 21. S. 65–210.
112. Dentzer-Feydy J., Teixidor J. Les antiquités de Palmyre au Musée du Louvre. Paris: Réunion des Musées Nationaux, 1993. 256 p.
113. Die Franken. Wegbereiter Europas / Hrsg. A. Wiczorek, P. Perin, K. von Welck, W. Menghin. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1996. 1143 S.
114. Doxiadis E. The Mysterious Fayum Portraits. Faces from Ancient Egypt. London: Thames & Hudson, 1995. 248 p.
115. Fingerlin G. Eine Schnalle mediterraner Form aus dem Reihengräberfeld Güttingen, Ldkrs. Konstanz // *Badische Fundberichte*. 1967. Bd. 23. S. 159–184.

116. Garam E. Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 2001. 250 S. (Monumenta Avarorum Archaeologica. Vol. 5).
117. Hagberg U.E. The Archaeology of Skedemosse II. The votive Deposits in the Skedemosse Fen and their Relation to the Iron-Age Settlement of Öland, Sweden. Sotckholm: Almqvist & Wiksell, 1967. 152 p.
118. Harmatta J. The Golden Bow of the Huns // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungariae*. 1951. T. 1. P. 107–151.
119. Haussig H.W. Histoire de la civilisation byzantine. Paris: Librairie Jules Tallandier, 1971. 462 p.
120. Henriksen M.B., Horsnæs H.W. Guldsnitten fra Boltinggård Skov på Midtyn // *Fynske Minder*. 2004. S. 123–151.
121. Iohannis Antiocheni. Frangmenta // *Fragmenta Historicorum Graecorum IV* / Ed. C. Müller. Paris, 1851. P. 534–622.
122. Kazanski M. Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve–VIe siècles // *Archéologie Médiévale*. 1994. Vol. XXIV. P. 137–198.
123. Kazanski M. Qal’at Sem’an. IV: Rapport final. 3: Les objets métalliques. Beyrouth: Institut français du Proche -Orient, 2003. 152 p. (Bibliothèque archéologique et historique).
124. Kazanski M. Archéologie des peuples barbares. Bucarest, Brăila: Editura Academiei Române, 2009. 489 p. (Florilegium magistrorum historiae archaeologiaeque Antiquitatis et Medii Aevi V).
125. Kazanski M. Les Hunnugours et le commerce de fourrure au VIe siècle // *Zwischen Fjorden und Steppe. Festschrift für Johan Caller zum 65. Geburtstag* / Hrsg. C. Theune, F. Biermann, R. Struwe, G.H. Jeute. Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf GmbH, 2010. S. 225–238. (Internationale Archäologie, Studia Honoraria; 31).
126. Kazanski M. Les armes et les techniques de combat des guerriers steppiques du début du Moyen-âge. Des Huns aux Avars // *Le cheval dans les sociétés antiques et médiévales* / Dir. S. Lazaris. Turnhout: Brepols, 2012. P. 193–199, 287–296.
127. Kazanski M. Deux appliques de selle post-hunnique provenant de Jalpug (Delta du Danube): parallèles et datation // *Studia Romana et Mediaevalia Europænsia. Miscellanea in honorem annos LXXXV peragentis Professoris emeriti Dan Gh. Teodor oblata* / Eds. D. Aparaschivei, G. Bilavski. Bucureşti: Editura Academiei Române; Brăila: Editura Istros a Muzeului Brăilei „Carol I”, 2018. P. 169–187.
128. Kazanski M., Mastykova A. Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux 5e–6e siècles. A propos de la formation de la civilisation aristocratique barbare // *Eurasia Antiqua*. 1999. Bd. 5. P. 523–573.
129. Kazanski M., Mastykova A., Périn P. Byzance et les royaumes barbares d’Occident au début de l’époque mérovingienne // *Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum* / Hrsg. J. Tejral. Brno: Archeologický Ústav Akademie Věd České Republiky Brno, 2002. P. 159–194.
130. Kazanski M., Périn P. Le mobilier funéraire de la tombe de Childéric Ier. Etat de la question et perspectives // *Revue Archéologique de Picardie*. 1988. Vol. 3–4. P. 13–38.
131. Kazanski M., Périn P. La tombe de Childéric et la question de l’origine des parures du style cloisonné // *Antiquités Nationales*. 1996. Vol. 28. P. 203–209.
132. Kazanski M., Périn P. La tombe de Childéric: un tumulus oriental? // *Travaux et Mémoires*. 2005. Vol. 15. P. 287–298.
133. Koch A. Überlegungen zum Transfer von Schwertrug- und Kappfesweise im frühen Mittelalter am Beispiel chinesischer Schwerter mit P-förmigen Tragriemenhaltern aus dem 6.–8. Jahrhundert n. Chr. // *Jahrbucher des Römisch-Germanischen Zentralmuseums*. 1998. Bd. 45. S. 571–598.
134. Koch A. Zum Prunkdolch von Kyerim-no, Kyôngju (Südkorea) // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. 1999. Bd. 29. S. 407–423.
135. Kovrig I. Das Diadem von Csorna // *Folia Archaeologica*. 1985. T. XXXVI. S. 107–145.
136. Laszlo G. The Significance of the Hun Golden Bow // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1951. T. 1. P. 91–104.
137. Legoux R., Périn P., Vallet F. Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine. Saint-Germain-en-Laye: Association française d’archéologie mérovingienne, 2016. 72 p.

138. Levada M., Saveliev O. Découverte “princièrre” de l’époque des Grandes Migrations près du lac de Jalpug (delta du Danube). Note préliminaire // *Přehled výzkumů*. 2017. Vol. 58-1. P. 85–89.
139. L’Or des princes barbares: Du Caucase à la Gaule Ve siècle après J.-C. Musée des Antiquités nationales, château de Saint-Germain-en-Laye 26 septembre 2000 – 8 janvier 2001. Paris: Éditions de la Réunion des musées nationaux, 2000. 223 p.
140. Splendeur des Sassanides. L’empire perse entre Rome et la Chine (224–642) / Coord. B. Overlaed. Bruxelles: Musées royaux d’Art et d’Histoire, 1993. 310 p.
141. Paulsen P. Alamnische Adelsgräber von Niederstotzingen (Kreis Heidenheim). Stuttgart: Verlag Müller & Gräff, 1967. 246 S.
142. Périn P. Les tombes des “chefs” du début de l’époque mérovingienne // *La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle* / Dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: Association française d’archéologie mérovingienne, 1995. P. 247–300.
143. Périn P., Kazanski M. Das Grab Childerichs Männerkleidung und Bawaffung im Wandel der Zeit // *Die Franken. Wegbereiter Europas* / Hrsg. A. Wiczorek, P. Perin, K. von Welck, W. Menghin. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1996. S. 173–182, 707–711.
144. Pilet C., Buchet L., Kazanski M. Derniers vestiges culturels des “peuples barbares”. La mode “danubienne” // Pilet C. et al. *La nécropole de Saint-Martin-de-Fontenay (Calvados)*. Paris: CNRS Editions, 1994. P. 96–111.
145. Paul Diacre. Histoire des Lombards / Ed. F. Bougard. Tournhout: Brepols, 1994. 208 p.
146. Prichodnjuk O.M., Chardaev V.M. Hunnenzeitlicher Schmuck aus der Schatzkammer des Höhlenklosters “Pečerskaja Lavra” in Kiev (Ukraine) // *Eurasia Antiqua*. 2004. Bd. 10. S. 333–358.
147. Quast D. Byzantinisch-gepidische Kointakte nach 454 im Spiegel der Kleinfunde // *International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st–5th centuries A.D.* / Eds. E. Istvánovits, V. Kulcsár. *Aszód-Nyíregyháza: Jósza András Museum*, 2001. S. 431–452.
148. Quast D. Zwischen Steppe, Barbaricum und Byzance: Bemerkungen zu prunkvollem Reitzubehör des 5. Jahrhunderts n. Chr. // *Acta Praehistorica et Archaeologica*. 2007. Bd. 39. S. 35–64.
149. Ross M.C. Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Volume Two. Washington: Dumbarton Oaks Center or Byzantine Studies, 1965. 144 p.
150. Sozomène. Histoire ecclésiastique. Livres VIII–IX / Ed. A.-J. Festigièrre, B. Grillet, G. Sabban. Paris: Cerf, 1996. 488 p. (Sources chrétiennes, 418).
151. Tejral J. Einheimische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archäologisches Institut Akademie Věd České Republiky Brno, 2011. 466 S.
152. Victor Tonnannensis episcopi chronca a. CCCCXL–DCXII // *Chronica minora II. Saec. IV.V.VI.VII* / Hrsg. T. Mommsen. Berlin: Weidmann, 1894. (MGH Scriptores. Auctores antiquissimi, 11).
153. Vierck H. *Imitatio imperii und interpretatio Germanica* vor der Wikingerzeit // *Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance)* / Dir. R. Zeitler. Uppsala: Almqvist & Wiksell International, 1981. S. 64–113. (Acta Universitatis Upsaliensis. Figura. Nova Series, 19).
154. Vizcaíno Sánchez J. Early Byzantine Lamellar Armour from Carthago Spartaria (Cartagena, Spain) // *Gladius*. 2008. T. XXVIII. P. 195–210.
155. von Carnap-Borheim C. Eine cloisonnierte Schnalle mit wabenförmigem Zellenwerk und Almandinrundeln aus Olbia // *Germania*. 1995. Bd. 73/1. S. 151–155.
156. von Carnap-Bornheim C. Germanische Rangabzeichen im reiternomadischen Milieu des 4. und 5. Jahrhunderts – oder ist eine “Gotisierung” der “Hunnen” archäologisch nachweisbar? // *Antaeus*. 1999. T. 24. S. 127–147, 645–650.
157. Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1956. A. Textteil. 138 S.; B. Tafelteil. 74 Taf.
158. Werner J. Adelsgräber von Niederstotzingen bei Ulm und von Bokchondong in Südkorea. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1988. 20 S.

159. Zaseckaja I.P. To the Dating of the Dagger from Borovoye-Lake find in Kazakhstan // *L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle / Dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 1993. P. 437–443.*
160. Zosime. *Histoire nouvelle. Livre V / éd. F. Paschoud. Paris: Les Belles Lettres, 1986. 422 p.*

REFERENCES

1. *Agafii. O tsarstvovanii Iustiniana. Moscow, Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1953, 222 p.*
2. Aibabin A.I. Pogrebeniia kochevnicheskoi znati v Krymu kontsa IV–VI vv. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1993, Vol. III, pp. 206–210.
3. Ambroz A.K. O Voznesenskom komplekse VIII v. na Dnepre – vopros interpretatsii. Ambroz A.K., Erdeli I.F. (Eds.), *Drevnosti epokhi Velikogo pereseleniia narodov V–VIII vekov*, Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 204–222.
4. Ambroz A.K. *Khronologiiia drevnostei Severnogo Kavkaza V–VII vv.* Moscow, Nauka Publ., 1989, 134 p.
5. Artamonov M.I. *Istoriia khazar.* Leningrad, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 1962, 524 p.
6. Astaf'ev A.E., Bogdanov E.S. Ritual'nye sooruzheniia gunnnskogo vremeni na Mangyshlake. *Stratum plus*, 2018, No. 4, pp. 347–470.
7. Afanas'ev G.E., Runich A.P. *Mokraia Balka. Vol. 1. Dnevnik raskopok.* Moscow, Nauchnyi mir Publ., 2001, 252 p.
8. Akhmedov I.R. Metallicheskie detali dekora zhestkikh sedel Vostochnoi Evropy gunnnskogo i postgunnskogo vremeni. K izucheniiu voprosov proiskhozhdeniia i klassifikatsii. Zhuravlev D.V., Firsov K.B. (Eds.), *Evraziia v skifo-sarmatskoe vremia. Pamiati Iriny Ivanovny Gushchinoi*, Moscow, Gosudarstvennyi istoricheskii muzei Publ., 2012, pp. 19–48.
9. Akhmedov I.R., Kazanskii M.M. Posle Attily. Kievskii klad i ego kul'turno-istoricheskii kontekst. Goriunova V.M., Shcheglova O.A. (Eds.), *Kul'turnye transformatsii i vzaimovliianiia v Dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni i v rannem srednevekov'e*, St-Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2004, pp. 168–202.
10. Baranov I.A. Pogrebenie V v. n.e. v Severo-Vostochnom Krymu. *Sovetskaia arkheologiiia*, 1973, No. 3, pp. 243–245.
11. Bezuglov S.I. Pozdnesarmatskie mechi (Po materialam Podon'ia). Guguev Iu.K. (Ed.), *Sarmaty i ikh sosedi na Donu*, Rostov-na-Donu, Terra Publ., 2000, pp. 169–193.
12. Bezuglov S.I., Il'iukov L.S. Pamiatnik pozdnegunnskoi epokhi v ust'e Dona. Guguev Iu.K. (Ed.), *Srednevekovye drevnosti Dona*, Moscow, Jerusalem, Mosty kul'tury Publ., 2007, pp. 25–48.
13. Bozhilov I., Dimitrov Kh. Protobulgarica (Zametki po istorii protobolgar do serediny IX v.). *Byzantino-Bulgarica*, 1995, T. 9, pp. 7–61.
14. Burov G.M. Imen'kovskaia kul'tura v Ul'ianovskom Povolzh'e. Matveeva G.I. (Ed.), *Drevnosti Srednego Povolzh'ia*, Kuibyshev, 1985, pp. 11–130.
15. Verner I. Zolotoi braslet korolia frankov Khil'derika i germanskije braslety pozdnerimskogo vremeni (s prilozheniem raboty Liudviga Pauli). *Stratum plus*, 2013, No. 4, pp. 315–350.
16. Vinokur I.C. *Slov'ians'ki iuveliri Podnistrov'ia.* Kam'ianets-Podil'skii, Oium Publ., 1997, 200 p.
17. Gabuev T.A. *Alanskije kniazheskie kurgany V v. n.e. u sela Brut v Severnoi Osetii.* Vladikavkaz, 2014, 184 p.
18. Gavrilov A.V. Pogrebenie kochevnika na antichnom poselenii v Vostochnom Krymu. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1996, Vol. V, pp. 111–113.
19. Gadlo A.V. *Etnicheskaia istoriia Severnogo Kavkaza IV–X vv.* Leningrad, Leningradskii universitet Publ., 1979, 216 p.
20. Dashevskaja O.D. *Nekropol' Beliausa.* Simferopol, Predpriiatie Feniks Publ., 2014, 284 p.
21. Dmitriev A.V. Pogrebeniia vsadnikov i boevykh konei v mogil'nike epokhi pereseleniia narodov na r. Dirso bliz Novorossiiska. *Sovetskaia arkheologiiia*, 1979, No. 4, pp. 212–229.
22. Dzigovskii A.N., Savel'ev O.K. Gunny. Briuiako I.V. (Ed.), *Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia*, Odessa, 2013, pp. 696–703.

23. Ermolin A.L. Krovavo-zolotoi stil' «kluazone» v iuvelirnykh izdeliakh Bospora (po materialam nekropolia Dzhurga-Oba). Zuev V.Iu. (Ed.), *Bosporskii fenomen*, St-Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2009, pp. 70–77.
24. Zaleskaia V.N. *Pamiatniki vizantiiskogo prikladnogo iskusstva IV–VII vekov*. St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2006, 272 p.
25. Zaseskaia I.P. Materialy Bosporskogo nekropolia vtoroi poloviny IV – pervoi poloviny V vv. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1993, Vol. III, pp. 23–105.
26. Zaseskaia I.P. *Kul'tura kochevnikov iuzhnorusskikh stepei v gunnskuiu epokhu (konets IV – V vv.)*. St-Petersburg, Ellips LTD Publ., 1994, 222 p.
27. Zaseskaia I.P. O datirovke pogrebal'nogo kompleksa u ozera Borovogo v Kazakhstane. Tashbaeva K.I., Vinnik D.F. (Eds.), *Iz istorii i arkheologii drevnego Tian'-Shania*, Bishkek, Ilim Publ., 1995, pp. 95–110.
28. Zaseskaia I.P. Klassifikatsiia obkladok lenchikov sedla V – pervoi poloviny VI vv. Zaseskaia I.P., Kazanskii M.M., Akhmedov I.R., Minasian R.S. *Morskoii Chulek. Pogrebeniia znati iz Priazov'ia i ikh mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ia v postgunnskuiu epokhu*. St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2007, pp. 142–146.
29. Zaseskaia I.P. Stekliannaia posuda nekropolia Bospora vtoroi poloviny IV – rubezha VI – VII vv. n.e. (iz sobraniia Gosudarstvennogo Ermitazha). *Bosporskie issledovaniia*, 2008, Vol. XX, pp. 5–208.
30. Zaseskaia I.P. Mikhael'sfel'd – etalonnii pamiatnik rannego srednevekov'ia (k voprosu o datirovke i etnokul'turnoi prinadlezhnosti). *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 2010, Vol. 38, pp. 123–159.
31. Zaseskaia I.P., Kazanskii M.M., Akhmedov I.R., Minasian R.S. *Morskoii Chulek. Pogrebeniia znati iz Priazov'ia i ikh mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ia v postgunnskuiu epokhu*. St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2007, 212 p.
32. Zastrozhnova E.G., Sharov O.V. «Marfovskii klad» 1925 goda: publikatsiia arkhivnykh materialov. *Stratum plus*, 2017, No. 4, pp. 395–410.
33. Ioann Malala. Khronografiia. Prokopii. *Voina s persami. Voina s vandalami. Tainaia Istoriia*, St-Petersburg, Aleteiia Publ., 2001, pp. 465–503.
34. *Iordan. O proiskhozhdenii i deianiiakh getov. Getica*. St-Petersburg, Aleteiia Publ., 2001, 508 p.
35. Kadieva A.A., Demidenko S.V. Zolotyie ukrasheniia s polikhromnoi inkrustatsiei iz kniazheskogo pogrebeniia vtoroi poloviny V – VI v. v mogil'nike Zaiukovo-3 (Kabardino-Balkarskaia Respublika). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii RAS*, 2019, Vol. 256, pp. 47–57.
36. Kazakov E.P. Kominternovskii II mogil'nik v sisteme drevnostei epokhi tiurkskikh kaganatov. Stashenkov D.A. (Ed.), *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletii n.e. (voprosy khronologii)*, Samara, 1998, pp. 97–150.
37. Kazanskii M.M. Khronologiia nachal'noi fazy nekropolia Diurso. *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh*, 2001, Vol. 7, pp. 41–58.
38. Kazanskii M.M. Rannevizantiiskie mechi s inkrustirovannoi gardoi. Zaseskaia I.P., Kazanskii M.M., Akhmedov I.R., Minasian R.S. *Morskoii Chulek. Pogrebeniia znati iz Priazov'ia i ikh mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ia v postgunnskuiu epokhu*, St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2007, pp. 122–141.
39. Kazanskii M.M. Drevnosti postgunnskogo vremeni na iuge Vostochnoi Evropy i angiskiry. *Scripta Antiqua*, 2011, Vol. 1, pp. 27–49.
40. Kazanskii M.M. Arkheologicheskaia situatsiia v Srednem Podneprov'e v VII v. Oblomskii A.M. (Ed.), *Problemy vzaimodeistviia naseleniia Vostochnoi Evropy v epokhu Velikogo pereseleniia narodov*, Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 2014, pp. 45–137.
41. Kazanskii M.M. Vooruzhenie i konskoe snariazhenie slavian V–VII vv. *Stratum plus*, 2015, No. 5, pp. 43–95.
42. Kazanskii M.M. Onogury v post-gunnskoe vremia na Donu. *Divnogorskii sbornik*, 2016, Vol. 6, pp. 96–111.

43. Kazanskii M.M. Priazovskie khunugury, mekhovaia trgovlia i vodnye puti. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "XVIII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Torgovlia: puti – tovary – otnosheniia"*, Simferopol, Kerch, 2017, pp. 218–229.
44. Kazanskii M.M. Pogrebeniia i «pominal'niki» voinskikh predvoditelei postgunnnskogo vremeni v pontiiskikh stepiakh. Korom A. (Ed.), *Relationes rerum – Régészeti tanulmányok Nagy Margit tiszteletér*, Budapest, 2018, pp. 393–408.
45. Kazanskii M.M. Tsentry vlasti u gunno-bolgar Prichernomor'ia v postgunnnskoe vremia. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2018, Vol. XXIII, pp. 100–119.
46. Kazanskii M.M. Prestizhnye nakhodki i tsentry vlasti postgunnnskogo vremeni v Podneprov'e. *Stratum plus*, 2018, No. 4, pp. 83–118.
47. Kazanskii M.M. Khronologicheskie indikatory stepnykh drevnostei postgunnnskogo vremeni v Vostochnoi Evrope. *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik*, 2019, T. 18, No. 2, pp. 105–124.
48. Kazanskii M.M. O poiavlenii ostrogotov i gepidov v Krymu i na Tamani v VI veke. Alekseenko N.A. (Ed.), *Miry Vizantii. ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ*, Simferopol, 2019, pp. 15–34.
49. Kazanskii M.M. Gunnskaia diadema s gory Mitridat i ee kul'turno-istoricheskii kontekst. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "XXI Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Ob'ekty iskusstva v arkheologicheskoi kontekste"*, Simferopol, Kerch, 2020, pp. 152–159.
50. Kazanskii M.M., Mastykova A.V. «Tsarskie» gunny i akatsiry. Furas'ev A.G. (Ed.), *Gunny, goty, sarmaty mezhu Volgoi i Dunaem*, St-Petersburg, Fakultet filologii i iskusstv SPbGU Publ., 2009, pp. 114–126.
51. Kazanskii M.M., Mastykova A.V. Khronologicheskie indikatory drevnostei postgunnnskogo vremeni na Severnom Kavkaze. *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik*, 2010, Vol. 5, pp. 93–104.
52. Kazanskii M.M., Mastykova A.V. Zhenskie mogily znati postgunnnskogo vremeni v pontiiskikh stepiakh i konstantinopol'skaia moda. *Materialy nauchnoi konferentsii "IV «Anfimovskie chteniia» po arkheologii Zapadnogo Kavkaza"*, Krasnodar, Traditsiia Publ., 2014, pp. 97–108.
53. Kazanskii M.M., Peren P. Mogila Khil'derika (481/482 g.): sostoianie issledovaniia. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii RAS*, 2005, Vol. 218, pp. 24–42.
54. Kaposhina S.I. Zolotyie ser'gi iz Ol'vii. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii AN SSSR*, 1950, Vol. 33, pp. 103–109.
55. Kozhemiako P.N., Kozhombardiev I. Katakombnoe pogrebenie v ushel'e Shamsi. Bolelov S.V., Kol'chenko V.B. (Eds.), *Arkheologiya Tsentral'noi Azii: arkhivnye materialy*, T. II, Samarkand, Mezhdunarodnyi Institut Tsentral'noaziatskikh issledovaniia publ., 2015, pp. 130–157.
56. Komar A.V. Kutrigury i utigury v Severnom Prichernomor'e. *Sugdeiskii sbornik*, Kiev, Sudak, Akademperiodika Publ., 2004, pp. 169–200.
57. Komar A.V. Pamiatniki tipa Sukhanovo: k voprosu o kul'ture bolgar Severnogo Prichernomor'ia vtoroi poloviny VI – nachala VII v. *Sugdeiskii sbornik*, 2008, Vol. III, pp. 87–117.
58. Kostiuikov V.P. Rannesrednekovye kurgany mogil'nika Kamennyi Ambar-5. Ageev B.B. (Ed.), *Kurgany kochevnikov Iuzhnogo Urala*, Ufa, Gilem Publ., 1995, pp. 151–160.
59. Kropotkin V.V. *Klady vizantiiskikh monet na territorii SSSR*. Moscow, Akademiia nauk SSSR Publ., 1962, 64 p.
60. Kruglikova I.T. Pogrebenie IV–V vv. n.e. u der. Aivazovskoe. *Sovetskaia arkheologiya*, 1957, No. 2, pp. 253–257.
61. Kubarev G.V., Zhuravlev D.V. Dospekh iz katakombnogo pogrebeniia s Gospital'noi ulitsy goroda Kerchi (iz raskopok 1891 goda professora Iu.A. Kulakovskogo). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, T. 11, Vol. 5, pp. 135–146.
62. Tairov A.D. (Ed.), *Kurgan s «usami» Solonchanka I*. Cheliabinsk, Cheliabinskii universitet Publ., 1999, 152 p.
63. Levina L.M. *Nizov'ia Syrdar'i v drevnosti. Vypusk IV. Dzhetiyarskaia kul'tura. Chast' 3–4. Mogil'niki Altynasar 4*. Moscow, Institut etnologii i antropologii RAS Publ., 1994, 312 p.

64. Limberis N.Iu., Marchenko I.I. Pogrebeniia iz kurganov stepnogo Priukuban'ia. Sharov O.V. (Ed.), *Peterburgskii Apokrif. Poslanie ot Marka*, St-Petersburg, Kishinev, Vysshiaia antropologicheskaiia shkola Publ., 2011, pp. 417–442.
65. Liakhov S.V., Miachin S.V. Kochevnicheskoe pogrebenie «postgunnskogo» vremeni v s. Tuguluk Stavropol'skogo kraia. *Arkheologiiia Vostochnoevropetskoi stepi*, 2010, Vol. 8, pp. 225–230.
66. Mastykova A.V. *Zhenskii kostium Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ia v kontse IV – seredine VI v. n.e.* Moscow, Institut arkheologii RAS Publ., 2009, 502 p.
67. Mastykova A.V. Zerkala tipa Karpovka: k voprosu o formirovanii saltovo-maiatskoi kul'tury Verkhnego Dona. *Divnogorskii sbornik*, 2016, Vol. 6, pp. 241–254.
68. Mastykova A.V. Tsentral'no-aziatskie zerkala u kochevnikov postgunnskogo vremeni v Vostochnoi Evrope. Korom A. (Ed.), *Relationes rerum – Régészeti tanulmányok Nagy Margit tiszteletér*, Budapest, 2018, pp. 409–418.
69. Mastykova A.V., Zemtsov G.L. «Kniazheskoe» zhenskoe pogrebenie na poselenii Mukhino-2 gunnskogo vremeni na Verkhnem Donu. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii RAS*, 2014, Vol. 234, pp. 200–222.
70. Mastykova A.V., Kazanskii M.M., Saprykina I.A. *Pashkovskii mogil'nik № 1. Tom 2. Issledovanie materialov Pashkovskogo mogil'nika № 1*. Moscow, St-Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2016, 372 p.
71. Moshkova M.G., Fedorova-Davydova E.A. Raboty Tsimlianskoi ekspeditsii 1970 goda. Moshkova M.G., Shelov D.B. (Eds.), *Arkheologicheskie pamiatniki Nizhnego Podon'ia*. T. I, Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 21–127.
72. Nesterov S.P. *Kon' v kul'takh tiurkoiazыchnykh plemen Tsentral'noi Azii v epokhu srednevekov'ia*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990, 143 p.
73. Nikonorov V.P. Voennoe delo evropeiskikh gunnov v svete greko-latinskoi pis'mennoi traditsii. *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Rossiiskogo arkheologicheskogo obshchestva*, 2002, Vol. I (XXVI), pp. 223–323.
74. Oblomskii A.M. Antropomorfnye amulety iz verkhov'ev r. Voronezh. K voprosu o iuzhnykh svyaziakh naseleniia regiona v VI–VII vv. Vasil'ev A.D. (Ed.), *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka*. T. 1, Moscow, Probel-2000 Publ., 2019, pp. 212–217.
75. Palamarchuk S.V., Fokeev M.M. Veshchevoi kompleks Ialpuskogo klada. *Drevnee Prichernomor'e*, 2011, T. IX, pp. 366–382.
76. Pigulevskaia N.V. *Siriiskaia srednevekovaia istoriografiia. Issledovaniia i perevody*. St-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2011, 832 p.
77. Pletneva S.A. *Kochevniki Srednevekov'ia. Poiski istoricheskikh zakonomernostei*. Moscow, Nauka Publ., 1982, 190 p.
78. Podosinov A.V. *Vostochnaia Evropa v rimskoi kartograficheskoi traditsii*. Moscow, Indrik Publ., 2002, 488 p.
79. Prisk Paniiskii. Gotskaia istoriia. Latyshev V.V. *Izvestiia drevnykh pisatelei o Skifii i Kavkaze. Tom I. Grecheskie pisateli*. St-Petersburg, 1890, pp. 810–847.
80. *Prokopii iz Kesarii. Voina s gotami*. Moscow, Akademiia nauk SSSR Publ., 1950, 516 p.
81. Prokopii Kesariiskii. Voina s persami. *Prokopii Kesariiskii. Voina s persami. Voina s vandalami. Tainaia istoriia*. St-Petersburg, Aleteiia Publ., 2001, pp. 7–144.
82. Prokopii Kesariiskii. Voina s vandalami. *Prokopii Kesariiskii, Voina s persami. Voina s vandalami. Tainaia istoriia*. St-Petersburg, Aleteiia Publ., 2001, pp. 147–258.
83. Ravenskii Anonim. Kosmografiia. Podosinov A.V. *Vostochnaia Evropa v rimskoi kartograficheskoi traditsii*. Moscow, Indrik Publ., 2002, pp. 161–286.
84. Ratner I.D., Kostiuk L.I. *Drevnosti Khersonshchiny*. Simferopol, Tavriia Publ., 1989, 110 p.
85. Rashev R. *Prab'lgarite prez V–VII vek*. Veliko Tarnovo, Faber Publ., 2000, 192 p.
86. Romashov S.A. Istoricheskaia geografiia Khazarskogo kaganata (V–XIII vv.). *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, 2001, T. 11, pp. 219–338.

87. *Svod drevneishikh pis'mennykh izvestii o slavianakh. Tom I. (I–VI vv.)*. Moscow, Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAS Publ., 1994, 472 p.
88. Skalon K.M. Izobrazhenie drakona v iskusstve IV–V vekov. *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha*, St-Petersburg, 1962, Vol. 27, pp. 40–43.
89. Skarbovenko V.A. Pogrebenie rannesrednekovogo vremeni v Kuibyshevskom Zavolzh'e. Basin S.G. (Ed.), *Drevniia istoriia Povolzh'ia*, Kuibyshev, 1979, pp. 164–174.
90. Skarbovenko V.A., Lifanov N.A. Pogrebal'no-pominal'nye komplekсы rannesrednekovykh kochevnikov iz Vostochnogo Priazov'ia (po materialam raskopok mogil'nikov Lebedi IV i Lebedi VIII v 1980 g.). *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednekovogo Kryma*, 2012, Vol. IV, pp. 22–46.
91. Stoliarik E.S. *Ocherki monetnogo obrashcheniia Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia v pozdnerimskoe i vizantiiskoe vremia*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1992, 128 p.
92. Tolstoi I., Kondakov N. *Russkie drevnosti v pamiatnikakh iskusstva. Vypusk tretii. Drevnosti vremen pereseleniia narodov*. St-Petersburg, 1890, 158 p.
93. Trever K.V., Lukonin V.G. *Sasanidskoe srebro. Sobranie Gosudarstvennogo Ermitazha*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1987, 156 p.
94. Treister M.Iu. Kitaiskie «importy» v pogrebeniakh kochevnikov Vostochnoi Evropy vo vtoroi polovine I tys. do n.e. – pervykh vekakh nashei ery. *Stratum plus*, 2018, No. 4, pp. 153–200.
95. *Feofilakt Simokatta. Istoriia*. Moscow, Akademiia nauk SSSR Publ., 1957, 224 s.
96. Feofan Ispovednik. *Khronografiia*. Chichurov I.S. *Vizantiiskie istoricheskie sochineniia: «Khronografiia» Feofana, «Breviarii» Nikifora. Teksty, perevod, kommentarii*. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 17–144.
97. Furas'ev A.G., Shablavina E.A. *Kontseshti: kniazheskoe pogrebenie epokhi Velikogo pereseleniia narodov*. St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2019, 244 p.
98. Khrapunov I.N., Kazanskii M.M. Pogrebeniia epokhi pereseleniia narodov v mogil'nike Neizats. Khrapunov N.I. (Ed.), *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.). II. Dvadtsat' let issledovaniia mogil'nika Neizats*, Simferopol, Nasledie tysiacheletii Publ., 2016, pp. 194–229.
99. Adams D. The Development of Early Garnet Inlaid Ornaments. Bálint C. (Hrsg.), *Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.–7. Jahrhundert*, Budapest, Napoli, Roma, Archäologisches Institut der UAW Publ., 2000, pp. 13–70.
100. Ajbabin A. Les tombes des chefs nomades en Crimée de la fin du IVE au VIe siècle. Vallet F., Kazanski M. (Eds.), *La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle*, Saint-Germain-en-Laye, Asociation française d'archéologie mérovingienne Publ., 1995, pp. 207–216.
101. Altheim F. *Attila et les Huns*. Paris, Payot Publ., 1952, 230 p.
102. Anke B. *Studien zur reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts*. Wessbach, Beier & Beran Publ., 1998, Teil I, 222 p.; Teil II, 156 p.
103. Arrhenius B. *Merovingian Garnet Jewellery*. Stockholm, Almqvist & Wiksell Publ., 1985, 230 p.
104. Anazawa W., Manome J. The Inlaid Gold Dagger from Kerim-loo and its Western Connections. Bálint C. (Hrsg.), *Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.–7. Jahrhundert*, Budapest, Napoli, Roma, Archäologisches Institut der UAW Publ., 2000, pp. 71–87.
105. Baldini L.I., Pinar G.J. Osservazioni sul tesoro di Reggio Emilia. Ebanista C., Rotil M. (Eds.), *L'Italia e il Mediterraneo occidentale tra il V secolo e la metà del VI*, Cimitile, Tavolario edizioni Publ., 2010, pp. 113–128.
106. Bărbulescu M. *Mormântul princiar germanic de la Turda*. Cluj-Napoca, Tribuna Publ., 2008, 388 p.
107. Bavant B., Ivanišević V. Catalogue des objets des fouilles anciennes. Bavant B., Ivanišević V. *Caričin Grad IV. Catalogue des fouilles anciennes et autres études*. Rome, Belgrade, Ecole française de Rome Publ., Institut archéologique de Belgrade Publ., 2019, pp. 1–298.
108. Bierbrauer V. *Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien*. Spoleto, Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo Publ., 1975, 380 p.
109. Bóna I. *Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe IVE–Ve siècles*. Paris, Errance Publ., 2002, 240 p.
110. Bugarski I. A Contribution to the Study of Lamellar Armours. *Starinar*, 2005, T. LV, pp. 161–179.

111. Damm I.G. Goldschmiedarbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem Nördlichen Schwarzenmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2. *Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte*, 1988, Bd. 21, pp. 65–210.
112. Dentzer-Feydy J., Teixidor J. *Les antiquités de Palmyre au Musée du Louvre*. Paris, Réunion des Musées Nationaux Publ., 1993, 256 p.
113. Wiczorek A., Perin P., von Welck K., Menghin W. (Hrsg.), *Die Franken. Wegbereiter Europas*, Mainz, Verlag Philipp von Zabern, 1996, 1143 p.
114. Doxiadis E. *The Mysterious Fayum Portraits. Faces from Ancient Egypt*. London, Thames & Hudson Publ., 1995, 248 p.
115. Fingerlin G. Eine Schnalle mediterraner Form aus de Reihengräberfeld Güttingen, Ldkrs. Konstanz. *Badische Fundberichte*, 1967, Bd. 23, pp. 159–184.
116. Garam E. *Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts*. Budapest, Magyar Nemzeti Múzeum Publ., 2001, 250 p.
117. Hagberg U.E. *The Archaeology of Skedemosse II. The votive Deposits in the Skedemosse Fen and their Relation to the Iron-Age Settlement of Öland, Sweden*. Sotckholm, Almqvist & Wiksell Publ., 1967, 152 p.
118. Harmatta J. The Golden Bow of the Huns. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungariae*, 1951, T. 1, pp. 107–151.
119. Haussig H.W. *Histoire de la civilisation byzantine*. Paris, Librairie Jules Tallandier Publ., 1971, 462 p.
120. Henriksen M.B., Horsnæs H.W. Guldsnitten fra Boltinggård Skov på Midtfyn. *Fynske Minder*, 2004, pp. 123–151.
121. Johannis Antiocheni. *Frangmenta*. Müller C. (Ed.), *Fragmenta Historicorum Graecorum IV*, Paris, 1851, pp. 534–622.
122. Kazanski M. Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve–VIe siècles. *Archéologie Médiévale*, 1994, Vol. XXIV, pp. 137–198.
123. Kazanski M. *Qal'at Sem'an. IV: Rapport final. 3: Les objets métalliques*. Beyrou, Institut français du Proche-Orient Publ., 2003, 152 p.
124. Kazanski M. *Archéologie des peuples barbares*. Bucarest, Brăila, Editura Academiei Române Publ., 2009, 489 p.
125. Kazanski M. Les Hunnugours et le commerce de fourrure au VIe siècle. Theune C., Biermann F., Struwe R., Jeute G.H. (Hrsg.), *Zwischen Fjorden und Steppe. Festschrift für Johan Caller zum 65. Geburtstag*, Rahden/Westf., Verlag Marie Leidorf GmbH, 2010, pp. 225–238.
126. Kazanski M. Les armes et les techniques de combat des guerriers steppiques du début du Moyen-âge. Des Huns aux Avars. Lazaris S. (Ed.), *Le cheval dans les sociétés antiques et médiévales*, Turnhout, Brepols Publ., 2012, pp. 193–199, 287–296.
127. Kazanski M. Deux appliques de selle post-hunnique provenant de Jalpug (Delta du Danube): parallèles et datation. Aparaschivei D., Bilavski G. (Eds.), *Studia Romana et Mediaevalia Europænsia. Miscellanea in honorem annos LXXXV peragentis Professoris emeriti Dan Gh. Teodor oblata*, București, Brăila, Editura Academiei Române Publ., Editura Istros a Muzeului Brăilei „Carol I” Publ., 2018, pp. 169–187.
128. Kazanski M., Mastykova A. Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux 5e–6e siècles. A propos de la formation de la civilisation aristocratique barbare. *Eurasia Antiqua*, 1999, Bd. 5, pp. 523–573.
129. Kazanski M., Mastykova A., Périn P. Byzance et les royaumes barbares d'Occident au début de l'époque mérovingienne. Tejral J. (Hrsg.), *Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonaauraum*, Brno, Archeologický Ústav Akademie Věd České Republiky Brno Publ., 2002, pp. 159–194.
130. Kazanski M., Périn P. Le mobilier funéraire de la tombe de Childéric Ier. Etat de la question et perspectives. *Revue Archéologique de Picardie*, 1988, Vol. 3–4, pp. 13–38.
131. Kazanski M., Périn P. La tombe de Childéric et la question de l'origine des parures du style cloisonné. *Antiquités Nationales*, 1996, Vol. 28, pp. 203–209.
132. Kazanski M., Périn P. La tombe de Childéric: un tumulus oriental? *Travaux et Mémoires*, 2005, Vol. 15, pp. 287–298.

133. Koch A. Überlegungen zum Transfer von Schwertrug- und Kappfesweise im frühen Mittelalter am Beispiel chinesischer Schwerter mit P-förmigen Tragriemenhaltern aus dem 6.–8. Jahrhundert n. Chr. *Jahrbucher des Römisch-Germanischen Zentralmuseums*, 1998, Bd. 45, pp. 571–598.
134. Koch A. Zum Prunkdolch von Kyerim-no, Kyôngju (Südkorea). *Archäologisches Korrespondenzblatt*, 1999, Bd. 29, pp. 407–423.
135. Kovrig I. Das Diadem von Csorna. *Folia Archaeologica*, 1985, T. XXXVI, pp. 107–145.
136. Laszlo G. The Significance of the Hun Golden Bow. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1951, T. 1, pp. 91–104.
137. Legoux R., Périn P., Vallet F. *Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine*. Saint-Germain-en-Laye, Association française d'archéologie mérovingienne Publ., 2016, 72 p.
138. Levada M., Saveliev O. Découverte “princièrè” de l'époque des Grandes Migrations près du lac de Jalpug (delta du Danube). Note préliminaire. *Přehled výzkumů*, 2017, Vol. 58-1, pp. 85–89.
139. *L'Or des princes barbares: Du Caucase à la Gaule Ve siècle après J.-C. Musée des Antiquités nationales, château de Saint-Germain-en-Laye 26 septembre 2000 – 8 janvier 2001*. Paris, Éditions de la Réunion des musées nationaux Publ., 2000, 223 p.
140. Overlaed B. (Ed.), *Splendeur des Sassanides. L'empire perse entre Rome et la Chine (224–642)*. Bruxelles, Musées royaux d'Art et d'Histoire Publ., 1993, 310 p.
141. Paulsen P. *Alamnnische Adelsgräber von Niederstotzingen (Kreis Heidenheim)*. Stuttgart, Verlag Müller & Gräff, 1967, 246 p.
142. Périn P. Les tombes des “chefs” du début de l'époque mérovingienne. Vallet F., Kazanski M. (Eds.), *La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle*, Saint-Germain-en-Laye, Association française d'archéologie mérovingienne Publ., 1995, pp. 247–300.
143. Périn P., Kazanski M. Das Grab Childerichs Männerkleidung und Bewaffnung im Wandel der Zeit. Wiczorek A., Perin P., von Welck K., Menghin W. (Hrsg.), *Die Franken. Wegbereiter Europas*, Mainz, Verlag Philipp von Zabern, 1996, pp. 173–182, 707–711.
144. Pilet C., Buchet L., Kazanski M. Derniers vestiges culturels des “peuples barbares”. La mode “danubienne”. Pilet C. et al. *La nécropole de Saint-Martin-de-Fontenay (Calvados)*. Paris, CNRS Editions, 1994, pp. 96–111.
145. *Paul Diaconus. Histoire des Lombards*. Tournhout, Brepols Publ., 1994, 208 p.
146. Prichodnjuk O.M., Chardaev V.M. Hunnenzeitlicher Schmuck aus der Schatzkammer des Höhlenklosters “Pečerskaja Lavra” in Kiev (Ukraine). *Eurasia Antiqua*, 2004, Bd. 10, pp. 333–358.
147. Quast D. Byzantinisch-gepidische Kointakte nach 454 im Spiegel der Kleinfunde. Istvánovits E., Kulcsár V. (Eds.), *International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st–5th centuries A.D.* Aszód-Nyíregyháza, Jósza András Museum Publ., 2001, pp. 431–452.
148. Quast D. Zwischen Steppe, Barbaricum und Byzance: Bemerkungen zu prunkvollem Reitzubehör des 5. Jahrhunderts n. Chr. *Acta Praehistorica et Archaeologica*, 2007, Bd. 39, pp. 35–64.
149. Ross M.C. *Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection*. Volume Two. Washington, Dumbarton Oaks Center or Byzantine Studies Publ., 1965, 144 p.
150. *Sozomène. Histoire ecclésiastique. Livres VIII–IX*. Paris, Cerf Publ., 1996, 488 p.
151. Tejral J. *Einhemische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung*. Brno, Archäologisches Institut Akademie Věd České Republiky Brno Publ., 2011, 466 p.
152. Victor Tonnannensis episcopi chronca a. CCCXXI–DCXII. Mommsen T. (Hrsg.), *Chronica minora II. Saec. IV.V.VI.VI*, Berlin, Weidmann Publ., 1894.
153. Vierck H. *Imitatio imperii und interpretatio Germanica vor der Wikingerzeit*. Zeitler R. (Ed.), *Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance)*, Uppsala, Almqvist & Wiksell International Publ., 1981, pp. 64–113.
154. Vizcaíno Sánchez J. Early Byzantine Lamellar Armour from Carthago Spartaria (Cartagena, Spain). *Gladius*, 2008, T. XXVIII, pp. 195–210.
155. von Carnap-Borheim C. Eine cloisonnierte Schnalle mit wabenförmigem Zellenwerk und Almandinrundeln aus Olbia. *Germania*, 1995, Bd. 73/1, pp. 151–155.

156. von Carnap-Bornheim C. Germanische Rangabzeichen im reiternomadischen Milieu des 4. und 5. Jahrhunderts – oder ist eine “Gotisierung” der “Hunnen” archäologisch nachweisbar? *Antaeus*, 1999, T. 24, pp. 127–147, 645–650.
157. Werner J. *Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches*. München, Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1956. A. Textteil, 138 p.; B. Tafelteil, 74 Taf.
158. Werner J. *Adelsgräber von Niederstotzingen bei Ulm und von Bokchondong in Südkorea*. München, Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1988, 20 p.
159. Zaseckaja I.P. To the Dating of the Dagger from Borovoye-Lake find in Kazakhstan. Vallet F., Kazanski M. (Eds.), *L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle*, Saint-Germain-en-Laye, Association française d'archéologie mérovingienne Publ., 1993, pp. 437–443.
160. *Zosime. Histoire nouvelle. Livre V*. Paris, Les Belles Lettres Publ., 1986, 422 p.

Информация об авторе

Казанский М. М. – доктор хабилитет (docteur habilité), ведущий научный сотрудник, Национальный центр научных исследований (CNRS), исследовательская лаборатория 8167 «Восток и Средиземноморье» (UMR 8167 «Orient et Méditerranée»), Коллеж де Франс, Researcher ID: N-9288-2015.

Information about the author

Kazanski M. – Doctor Habilitat of Archaeology, Leading Researcher at the National Centre for Scientific Research (CNRS; UMR-8167 “Orient et Méditerranée”), Researcher ID: N-9288-2015.

ОСНОВЫ ПЛАНИРОВОЧНОЙ СТРУКТУРЫ БОСПОРСКОГО ГОРОДА ТИРИТАКА В РАННЕВИЗАНТИЙСКОЕ ВРЕМЯ

Виктор Николаевич Зинько¹, Алексей Викторович Зинько²

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия,

¹ *zinko@bfdemetra.org, <https://orcid.org/0000-0001-6208-7293>*

² *a.zinko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6017-4449>*

Аннотация. В статье анализируются результаты археологических исследований, позволившие утверждать, что в основе планировки боспорского города Тиритаки во второй половине III – VI в. была городская усадьба, состоящая из жилого дома и расположенных во дворе хозяйственных комплексов. Размеры тиритакских усадеб были сравнительно невелики – от 150 до 300 м². Усадьбы блокировались в кварталы и занимали всю городскую территорию общей площадью до 10 га, ограниченную крепостными стенами, капитально перестроенными еще в I в. В центральной и западной частях город имел террасную планировку. Исследовано две такие террасы (раскопы V–VI, XV и XXVI), по каждой из которых проходили продольные улицы различной ширины. Следует предполагать, по крайней мере, наличие еще одной продольной улицы в восточной части города, проходившей вдоль западного фасада христианской базилики, относящейся к постройкам III горизонта. Наличие поперечных улиц (переулков) в центральной части выявить пока не удалось, однако они отмечены у северной крепостной стены на раскопах XXII и XXVIII. В целом боспорский город Тиритака в ранневизантийское время сохранил, по крайней мере для IV и III хронологических горизонтов, сложившуюся в предшествующие эпохи городскую планировку с элементами регулярной ортогональной квартальной структуры, которая после набега 576 г. пришла в упадок, и лишь на некоторых участках городища были восстановлены отдельные усадьбы, просуществовавшие до третьей четверти VII века.

Ключевые слова: боспорский город Тиритака, ранневизантийское время, строительные комплексы, планировка

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках госзадания № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

THE PRINCIPLES OF THE PLANNING STRUCTURE OF THE BOSPORAN CITY OF TYRITAKE IN THE EARLY BYZANTINE PERIOD

Viktor N. Zin'ko¹, Alexey V. Zin'ko²

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia,

¹ *zinko@bfdemetra.org, <https://orcid.org/0000-0001-6208-7293>*

² *a.zinko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6017-4449>*

Abstract. This paper analyses the results of archaeological investigations which allow us to state that the planning structure of the Bosporan city of Tyrityake from the second half of the third to sixth

century was based on an urban house comprising a living structure and economic complexes in the courtyard. The Tyritake houses were relatively small measuring 150 to 300 m². The houses grouped to form quarters and occupied the whole urban area totally covering up to 10 hectares, which was encircled with fortification walls, majorly reconstructed in the first century. In the central and western areas, the city had terrace planning structure. We have investigated two terraces of the kind (excavation trenches V–VI, XV, and XXVI), each with longitudinal streets of different width. It should be supposed that there was at least one more longitudinal street in the eastern city area, which went along the western façade of the Christian basilica, the structure from building horizon III. Although no transverse street (lane) has been discovered so far in the central area, they have been documented at the northern defensive wall, at excavation trenches XXII and XXVIII. Generally, in the Byzantine period, the Bosporan city of Tyritake kept, at least at chronological horizons IV and III, the planning structure that developed in the previous period, featuring the elements of regular orthogonal quarter system; following the raid of 576, this system declined, and a few isolated houses were restored at some areas to exist there as long as the third quarter of the seventh century.

Keywords: Bosporan city of Tyritake, Early Byzantine period, building assemblages, planning structure

Acknowledgments: The work was carried out within the framework of the state assignment No. FZEG-2020-0029 supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Город Тиритака расположен в южной части европейского побережья Боспора Киммерийского (современный Керченский пролив) на северном берегу древнего морского залива, в 11 км к югу от столицы Боспорского царства. Городская территория имеет форму неправильного прямоугольника и находится на довольно высокой, обрывистой со стороны моря, прибрежной террасе, которая плавно понижается к югу и юго-западу (рис. 1). С южной и западной, степной стороны территория города прикрывалась речкой, впадавшей в морской залив, а с севера была отрезана от остальной прибрежной террасы глубокими оврагами. Общая площадь окруженной крепостными стенами городской территории составляла около 10 га (где-то 500x200 м), и застраивалась она в несколько этапов. На основании археологических исследований, которые проведены на 29 участках общей площадью более 12 тыс. м², можно реконструировать основы планировочной структуры этого древнего города.

Ранневизантийские постройки занимали всю городскую территорию, ограниченную ветхими крепостными стенами, капитально перестроенными еще в I в. н. э. На основании раскопок, проведенных в 30-50-х гг. XX в. возле крепостных стен Тиритаки, были исследованы различные постройки римского и ранневизантийского времени [2; 3; 13; 14]. По мнению В. Ф. Гайдукевича, Тиритака в это время представляет собою «совершенно оригинальный тип боспорского города, значительная часть территории которого была занята производственно-хозяйственными постройками» [1, с. 173]. С севера на юг проходила лишь одна основная уличная магистраль, по обеим сторонам которой располагались жилые дома, принадлежащие тиритакским рыбопромышленникам и виноделам. Вся остальная площадь города была занята, главным образом, производственными постройками [1, с. 378]. Этот вывод

В. Ф. Гайдукевич сделал на основании исследований, проведенных на участках V–VI и XV, где были открыты расположенные на двух террасах городские усадьбы, расположенные по обе стороны широкой улицы. Эта городская магистраль, вымощенная «черепками и мелким щебнем», проходила с юга на север и была шириной 4,8–5,3 м [2, с. 34–35].

В последние десятилетия слои второй половины III – третьей четверти VII в. впервые были исследованы и в центральной части (раскоп XXVI) верхнего города (рис. 2). Результаты позволили сделать вывод о более сложной планировке Тиритаки, чем предполагал в свое время В. Ф. Гайдукевич. Как было нами установлено в результате археологических исследований, в I в. н. э. одновременно с укреплением старых крепостных стен город подвергся капитальной перестройке, однако при этом сохраняются основные градостроительные оси, установленные еще в последней трети VI в. до н. э. Поэтому большинство комплексов, открытых в ранневизантийских горизонтах, и стратиграфически связанные с ними строительные и хозяйственные постройки, отражающие период существования Тиритаки в пределах второй половины III – третьей четверти VII в., были возведены еще в первые века н. э.

Прослежены комплексы IV горизонта (вторая половина III – первая половина V в.) практически по всей площади центрального раскопа XXVI, но они имеют различную степень сохранности. Уверенно удалось реконструировать только общие принципы застройки в этот период, в то время как планировка и функциональное назначение для части комплексов может быть восстановлена с той или иной степенью вероятности. В зависимости от расположения их можно условно разделить на две группы. В первую группу объединены комплексы центральной и восточной частей раскопа, располагавшиеся в пределах верхней террасы. Во вторую – комплексы западной части раскопа, находившиеся, соответственно, в пределах нижней террасы, ограниченной на исследованном участке с востока подпорной стеной. Разделяются они и по хронологическому принципу, поскольку только небольшая часть выявленных в пределах раскопа XXVI комплексов IV горизонта была возведена во второй половине III в. Остальные в это время, в лучшем случае, были только перестроены, а функционировали, соответственно, с первых веков н. э.

Раскопанные на участке XXVI постройки различного назначения располагались на двух разноуровневых террасах, ориентированных по линии СВ–ЮЗ (рис. 3). Верхнюю террасу с северо-запада ограничивала стена шириной 0,8–1,0 м, а с юго-востока примыкает улица шириной до 2 м (рис. 4), вымощенная обломками амфорной тары I–III вв. Эта I-я продольная (керамическая) улица функционировала довольно долго. На это указывает два уровня керамической мостовой, а также материалы из развала, перекрывшего улицу, датированные не ранее третьей четверти VI в.

Судя по всему, градостроительной доминантой в центральной части верхнего города являлось большое отдельно стоящее здание (СК-I) площадью около 72 м², расположенное на верхней террасе. Это была культовая постройка [4; 11], которая первоначально представляла собой однокамерное прямоугольное здание, вытяну-

тое в направлении СВ–ЮЗ (рис. 5). Размеры постройки, по внешнему обводу, в направлении СВ–ЮЗ составляют не менее 14,6 м, а в направлении СЗ–ЮВ – 7,0 м. Внутренние размеры в направлении СВ–ЮЗ составляют 12,5 м, а в направлении СЗ–ЮВ – 5,7 м. Кладки стен, шириной от 0,6 до 1,0 м, местами сохранились на высоту 3–5 рядов камней, в юго-западной торцовой стене находился дверной проем шириной 1,5 м. Возведенное в I–II вв. н. э., на рубеже III–IV вв. святилище перестраивается, и его внутренний объем делится на два помещения. В глубине дальнего от входа помещения II, вдоль задней стены святилища сохранились фрагменты двух алтарей в виде прямоугольных каменных загоронок из поставленных на ребро плоских известняковых камней.

Это святилище было заброшено не позднее середины V в. Северо-восточная часть здания (помещение II с алтарями) разбирается, а юго-восточное помещение I перестраивается и функционирует еще до середины VI в. К сожалению, неоднократные перестройки и нивелировки полов уничтожили большую часть его сакральной атрибутики, поэтому определить с кругом божеств, которых в нем почитали, не удалось. Тем не менее, выброшенные из святилища отдельные предметы, прежде всего мелкие votivные подношения, все же уцелели. К их числу, вероятно, относятся семь фрагментов терракотовых статуэток и один обломок терракотовой маски, компактно обнаруженные к востоку от святилища во дворе в слое, перекрывшем постройки V горизонта. К востоку от святилища располагался обширный двор площадью не менее 150 м².

В целом, продолжавший функционировать во второй половине III – середине V в. сакральный комплекс занимал площадь около 300 м², состоял из большой одноэтажной постройки – здания святилища и Г-образного мощеного двора, на котором находились отдельные подсобные постройки (помещение для приготовления пищи, латрина), а также хозяйственные ямы и вкопанный пифос. Вдоль восточной продольной стены святилища располагалась крытая галерея шириной до двух метров. Вход на территорию комплекса, вероятно, вел непосредственно с улицы и располагался к юго-западу от здания святилища. Судя по найденным во дворе семи фрагментам терракот, первоначально в святилище могли поклоняться синкретическим хтоническим божествам. На последнем этапе функционирования святилища это также могли быть божества хтонического пантеона, выполнявших охранные функции, а также «дионисийские» персонажи. При этом сохранялась долговременная преемственность всех этих традиций, несмотря на различные потрясения и перемены. Все это, конечно же, было обусловлено общеисторической и этно-демографической ситуацией на Боспоре. Особо следует отметить, что тиритакское святилище забрасывается во второй половине V в., когда в припортовой части города возводится трехнефная христианская базилика, внутреннее пространство которой было лишь немногим более, чем недавно оставленное языческое святилище в верхнем городе [12, с. 384].

Завершая обзор объектов, исследованных в восточной части раскопа XXVI и относящихся к IV строительному горизонту, можно констатировать, что располо-

женные на данной территории жилые и хозяйственные постройки двух или трех городских усадеб во второй половине III в. пришли в упадок. Винодельня СК-V/ЦВ-I и рыбозасолочная цистерна ЦР-I перестали функционировать. Лишь отдельные помещения этих усадеб сохранились фрагментарно, но из-за плохой сохранности реконструировать планировку и размеры всей застройки этого участка не удалось.

Среди строительных комплексов IV строительного горизонта, расположенных в западной части раскопа XXVI, достаточно хорошо сохранилась большая городская усадьба – жилищно-хозяйственный комплекс I (ЖХК-I), площадь которого составляла не менее 225 м², состоящий из нескольких помещений, двух комплексов цистерн и хозяйственного двора (рис. 6). Расположена она в пределах нижней террасы, ограниченной с северо-востока вымостками XXXIV и XXXV, а с юго-востока подпорными стенками. Южную границу комплекса надежно проследить не удалось. Большая часть выявленных в его пределах построек и хозяйственных сооружений была возведена не позднее II в. и функционировала до середины III в. Некоторые же после реконструкции продолжали использоваться до второй половины V в. Организация внутреннего пространства ЖХК-I на уровне IV горизонта представляется следующим образом. В восточной части усадьбы располагались три рыбозасолочных цистерны (ЦР-III-3), пристроенные с запада к подпорной стене террасы. Но в рассматриваемый нами ранневизантийский период использовалась уже только одна – юго-западная цистерна. С запада усадьбу ограничивали две, соединенные стеной, постройки – СК-XI и СК-XII, между которыми был установлен пифос 4. С востока к СК-XI примыкали четыре смежных неглубоких цистерны (ЦВ-II). Пространство между СК-XII и ЦР-II занимал открытый двор.

Этот наиболее крупный и хорошо сохранившийся в пределах раскопа XXVI жилищно-хозяйственный комплекс функционировал, как и многие другие городские усадьбы, на протяжении длительного периода. Его нижняя хронологическая граница приходится на первые века, а верхняя не выходит за пределы второй половины V в. В середине III в. он подвергся сильному разрушению, но позднее усадьба ЖХК-I была восстановлена, при этом перепланирована и реорганизована. Соответственно, если на первом этапе здесь в основном занимались засолкой рыбы и изготовлением гарума, то на втором – объем ее переработки был значительно сокращен [6]. Из трех рыбозасолочных цистерн объемом 75 м³ функционировала уже только одна – объемом 20 м³, и в дальнейшем хозяйство было переориентировано на кожевенное производство [5].

К западу от усадьбы ЖХК-I находилась еще одна городская усадьба, от которой была исследована незначительная часть. Это, в первую очередь, хозяйственный двор, получивший наименование «двор с пифосами» (рис. 7). С юго-востока к нему примыкал СК-XI, с юго-запада – помещение II СК-XII. Поскольку хозяйственный двор с пифосами исследован частично, а попавшие в пределы раскопа помещения сохранились фрагментарно, реконструировать планировку и размеры всей этой «западной» городской усадьбы не представляется возможным. Какая-то постройка находилась к югу от усадьбы ЖХК-I, где в квадратах 1–2 исследованы неболь-

шие фрагменты стен, а также каменная вымостка XXX. К северу от верхнего двора усадьбы ЖКХ-I находилась другая городская усадьба – «северная», от которой были исследованы фрагменты постройки и две хозяйственные ямы, расположенные на хозяйственном дворе. С северо-востока к хозяйственному двору примыкала постройка СК-XX. К сожалению, на уровне IV горизонта она сохранилась очень плохо и попала в пределы раскопа только своей южной частью, поэтому реконструировать ее планировку и размеры не удалось. Уцелевшие фрагменты стен позволяют лишь предположить, что на данном этапе она могла состоять из трех помещений.

В целом, к западу от I-й продольной (керамической) улицы, мощеной фрагментами битой керамики и пересекающей исследованный участок верхнего города с северо-востока на юго-запад, располагался квартал из нескольких городских усадеб, из которых лишь одна – ЖКХ-I может быть реконструирована для IV строительного горизонта с той или иной степенью достоверности. Все эти усадьбы должны были иметь вход со стороны I-й продольной (керамической) улицы. В открытую к западу от усадьбы ЖКХ-I «западную» усадьбу уже нельзя было попасть с этой, расположенной с востока, улицы. Поэтому следует надеяться, что с западной стороны «западной» усадьбы в будущем может быть исследована еще одна продольная улица. Возможно, это будет продолжение широкой улицы, исследованной В. Ф. Гайдукевичем в юго-западной части города.

Центральную часть раскопанного участка XXVI во второй половине III – середине V в. занимал, как уже отмечалось выше, сакральный комплекс площадью около 300 м². Восточнее святилища располагалась территория, на которой к середине III в. находились несколько городских усадеб. Но во второй половине III в. они пришли в упадок. Лишь отдельные помещения этих усадеб сохранились фрагментарно, из-за плохой сохранности реконструировать планировку и размеры всей застройки этого участка не удалось. Хотя, судя по наличию большого количества хозяйственных ям и очагов, датируемых второй половиной III – первой половиной V в., эта городская территория ранневизантийской Тиритаки довольно активно использовалась.

Постройки и хозяйственные комплексы, относящиеся к III горизонту и датируемые в пределах второй половины V – третьей четверти VI в., прослежены практически по всей площади раскопа (рис. 8). Сохранность этих комплексов позволяет реконструировать общие принципы застройки центрального участка Тиритаки, но при этом планировка и функциональное назначение большинства построек из-за значительных утрат восстанавливается лишь с большей или меньшей степенью достоверности. В этот период сохраняется все та же террасная планировка в центральной части города. Террасы разделяла подпорная стена, вдоль которой проходила I-я продольная (керамическая) улица, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Улица перестала функционировать не ранее третьей четверти VI в., на это указывают датировки материалов из развала, перекрывшего улицу.

С востока к I-й продольной (керамической) улице примыкал сакральный участок со святилищем, которое во второй половине V в. было перестроено и на его

месте разместился строительный комплекс, выделенный нами в СК-I III горизонта. Он представлял собой большую квадратную постройку (ранее это было помещение I языческого святилища), в пределах которой были сооружено еще одно помещение, очаги и хозяйственные ямы (рис. 8). С северо-запада здание СК-I примыкало к городской улице. Уцелевший участок северо-западной стены СК-I (кладка 1) прослежен на длину до 6,48 м. В северо-восточной оконечности кладки 1 прослежен дверной проем, соединявший СК-I с улицей. С юга он был ограничен массивной и хорошо обработанной плитой размерами 0,8x0,2x0,5 м, установленной на продольное ребро поперек стены. Впоследствии дверной проем был заложен мощными и хорошо обработанными прямоугольными плитами.

С юго-востока здание СК-I было ограничено каменной вымосткой IV, а с юго-запада – каменной вымосткой II. В северо-восточной части СК-I располагалось помещение, образованное кладками 4–6, внутри которого находились печь-каменка, ларь-закром и хозяйственная яма 12. Остальное внутреннее пространство СК-I (на уровне III горизонта), к югу от помещения с печью-каменкой, представляло собой большую постройку, которая, вероятно, использовалась в каких-то хозяйственных целях. Здесь было исследовано несколько хозяйственных ям, очажные пятна, локальные развалы обожженного камня и сырца, а также связанные с ними округлые в плане золистые пятна. На основании находок, обнаруженных при зачистке СК-I, а также археологического материала, извлеченного из заполнения хозяйственных ям, время функционирования здания можно обозначить в пределах конца V – третьей четверти VI в.

С юго-запада и юго-востока постройки СК-I окружал мощный каменными плитами (вымостки III и IV, обустроенные водостоками) большой двор. На некоторых участках двора вымостка была разобрана, а наиболее обширная выборка связана с устройством котлована, датируемого не ранее последней четверти VI в. В юго-западной части вымостки выявлен водосток, протяженностью 6,4 м и глубиной до 0,25 м, ориентированный в направлении ЮЗ–СВ. Общая площадь вымощенного каменными плитами двора, по внешнему периметру которого был уложен каменный водосток, была более 200 м². Какой-либо внешней ограды этой вымощенной камнем территории выявить не удалось. Этот двор, или скорее небольшая городская площадь, окружал с трех сторон двухкамерную постройку СК-I общей площадью не менее 40–45 м², внутри которой находилось небольшое жилое помещение с печкой-каменкой. Судя по нестандартной планировке, эта «центральная» усадьба III горизонта, вероятно, могла выполнять какие-то общественные функции в городской жизни ранневизантийской Тиритаки.

Все исследованные в восточной части раскопа XXVI археологические комплексы III горизонта представляют собой жилищно-хозяйственные постройки с хозяйственными дворами, как минимум от двух городских усадеб. Одна из них располагалась в северо-восточной части, а другая – в юго-западной. Однако планировка этих усадеб и их размеры на основании исследованных строительных остатков может быть реконструирована лишь частично. Так, постройка СК-VIII представля-

ет собой прямоугольную в плане двухкамерную постройку, вытянутую в направлении СВ–ЮЗ. Поскольку ее юго-западная часть оказалась за пределами раскопа, а стены исследованной северо-восточной части сохранились частично, внешние и внутренние размеры постройки реконструируются не полностью. Внутренние размеры северо-восточного помещения 1 составляли 4,6х2,4 м, а для юго-западного помещения 2 размеры удалось определить только в направлении СЗ–ЮВ – 2,4 м, а в направлении СВ–ЮЗ они превышали 3,3 м. В помещении 2 СК-VIII были исследованы печь и каменный ларь-закром. В северной части помещения 1 была обнаружена частично разрушенная хозяйственная яма 87. Из заполнения происходит девять фрагментированных амфор и немногочисленные фрагменты столовой и лепной керамики. Судя по находкам, хозяйственную яму, которая представляет собой небольшой винный склад, можно датировать второй четвертью VI в. Общий объем хранимого вина составлял около 147,5 л. Такое небольшое количество вряд ли предназначалось для продажи, а хранилось для личного употребления одной семьей. Помимо хозяйственной ямы 87, других хозяйственно-бытовых сооружений в помещении 1 обнаружено не было. Таким образом, есть все основания полагать, что северо-восточное помещение 1 СК-VIII предназначалось для хозяйственных нужд и, вероятно, являлось кладовой для хранения съестных продуктов и вина, в то время как юго-западное помещение 2 было жилым [10].

С северо-востока к СК-VIII примыкал частично мощеный камнем двор, в пределах которого, на участке квадратов 17–20, 30, 36, были выявлены хозяйственные ямы, закопанные пифос и амфора, загородка и очаги. В западной части двора были обнаружены небольшая каменная загородка и пифос 3, вкопанный на три четверти своей высоты. На горле пифоса, еще до обжига, было нанесено однострочное граффити – христианский крест и слово греческими буквами «ΦΙΛΕ». Находки из СК-VIII, а также стратиграфическая ситуация на прилегающем к нему участке городища, позволяют датировать его разрушение третьей четвертью VI в. Возведен же этот комплекс был не ранее второй половины V в. [7].

В отличие от археологических комплексов III горизонта, выявленных в центральной и восточной частях раскопа, комплексы этого горизонта в западной части сохранились гораздо хуже. При этом практически все они располагались в пределах квадратов 1–4, где были обнаружены обрывок отдельной кладки 36, нижняя часть пифоса 5, фрагменты каменных вымосток X, XI, XVII, фрагмент цемяночной площадки и два очага. Учитывая их взаимное расположение, можно предположить, что все они входили в состав одной городской усадьбы и, возможно, располагались в пределах ее хозяйственного двора. Вероятно, вход в эту «юго-западную» усадьбу второй половины V – третьей четверти VI в. располагался с юго-восточной стороны и вел непосредственно на I-ю продольную (керамическую) улицу. В юго-западной части этой усадьбы на площади 80–100 м² располагался вымощенный камнем хозяйственный двор. В северной части двора находилась небольшая винодельня, а в южной – небольшая сырцово-каменная постройка с двумя очагами 22 и 23. К

северо-западу от хозяйственного двора, вероятно, располагались какие-то жилые постройки, от которых сохранился большой развал камней, связанный с выборкой камня в позднейшие эпохи. Предположительно, площадь этой «юго-западной» усадьбы западной части раскопа составляла около 250 м².

Археологические комплексы III горизонта были прослежены и в северо-западной части раскопа (рис. 8). Здесь раскопана южная часть еще одной постройки – СК-XX, примыкавшей с северо-запада к вымостке II (рис. 8). Его нижняя хронологическая граница приходится, вероятно, на первые века н. э., а верхняя не выходит за пределы третьей четверти VI в. В процессе функционирования СК-XX, как минимум, дважды подвергся перепланировке. Поскольку СК-XX попал в пределы раскопа только южной своей частью и сохранился очень плохо, его размеры и планировку реконструировать не удалось. На данный момент можно лишь предполагать, что на заключительном этапе функционирования (СК-XX III горизонта) он представлял собой двухкамерную постройку, ориентированную по длинной оси в направлении СЗ–ЮВ. Помещение I, вероятно, служило для приготовления пищи, а помещение II являлось кладовой. Учитывая достаточно большую ширину каменного цоколя стен СК-XX, следует предположить, что постройка была двухэтажной, на втором этаже могли находиться одна или две жилых комнаты. К западу и югу от этого двухэтажного дома располагался хозяйственный двор, на котором была обнаружена хозяйственная яма 25, а также остатки какой-то постройки или ограды двора. Таким образом, эта «северная» городская усадьба занимала весь северо-западный угол исследованного центрального участка Тиритаки и, вероятно, имела выход на I-ю продольную улицу или на перекресток этой улицы с поперечным переулком.

В целом, завершая обзор археологических комплексов III горизонта, следует отметить, что сравнительно хорошо они сохранились в северной, центральной и восточной частях раскопа, где были исследованы несколько жилых и хозяйственных построек и связанных с ними хозяйственных дворов. На этом же уровне была прослежена одна из городских улиц – I-я продольная (керамическая) улица. К западу от этой улицы находились три городские усадьбы, а к востоку от нее какое-то двухкамерное здание, окруженное П-образной площадью, мощеной каменными плитами и с водостоками. К востоку от этой каменной площади находились две городские усадьбы с хозяйственными дворами и жилищно-хозяйственными постройками. К сожалению, в полном объеме застройку этого периода реконструировать не удалось. Напомним, что в качестве нижней хронологической границы для этого периода определена вторая половина V в., когда одновременно перестали функционировать и были заброшены комплексы IV горизонта, а в качестве верхней границы – третья четверть VI в. При этом более надежно археологическим материалом коррелируется только верхняя дата, которая, к тому же, согласуется с данными письменных источников, в которых содержатся сведения о вторжении в 576 г. на Боспор племен тюркютов и утигуров. Таким образом, вполне возможно, что именно эти события послужили толчком к тому, что жизнь в боспорском городе Тиритака прервалась в очередной раз.

Строительные комплексы II горизонта – финальный этап существования городища Тиритака в ранневизантийское время. Датируются они в пределах последней четверти VI – третьей четверти VII в. и прослежены, преимущественно, в северной (северо-западной) и восточной частях раскопа XXVI, наименее пострадавших при строительстве на территории городища Тиритака в 30-е гг. XX в. В северо-западной части раскопа XXVI комплексы II горизонта были исследованы к северо-западу от I-й продольной (керамической) улицы. Здесь было выявлено несколько плохо сохранившихся комплексов – развал амфор, остатки каменного цоколя ограды усадьбы, цемяночная площадка с желобом, каменная загородка с очагом 37 и хозяйственная яма. Учитывая их плохую сохранность, установить какую-либо структурную взаимосвязь между ними не удалось. В северо-западном углу квадрата 37 был расчищен развал ранневизантийских амфор, в основном светлоглиняных амфор типа «Carotte», датирующихся VI–VII вв. В квадратах 32 и 37–38 были расчищены фрагменты двух кладок, расположенных по отношению друг к другу под прямым углом. Нельзя исключать, что это остатки одной постройки, а именно ее северо-западной и юго-западной стены. К сожалению, других остатков этого сооружения, в том числе и пола, обнаружить не удалось. В северо-восточном углу квадрата 33 был зачищен фрагмент цемяночной площадки, уходящей в северный борт раскопа. Плохая сохранность не позволяет окончательно определить ее функциональное назначение, но, скорее всего, она представляла собой давяльную площадку винодельни. Рядом с цемяночной площадкой обнаружены каменная загородка и очаг 37, а к востоку от загородки прослежена хозяйственная яма.

Археологические комплексы II горизонта были обнаружены лишь на некоторых участках центрального раскопа XXVI. Они сохранились очень фрагментарно, поэтому реконструировать застройку на этом участке, впрочем, как и открытые комплексы, также не удалось. Все выявленные в северо-западной части раскопа XXVI комплексы II горизонта, вероятно, можно объединить в одну «северо-западную» усадьбу. Она примыкала с северо-запада к I-й продольной (керамической) улице и здесь же, вероятно, находился вход в усадьбу. В северо-восточной части этой «северо-западной» усадьбы находилась какая-то сырцово-каменная постройка (план ее не восстанавливается), к которой с юго-запада и северо-запада примыкал хозяйственный двор. Во дворе исследованы остатки давяльной площадки винодельни, хозяйственные ямы и очаг. Частично сохранились и небольшие два фрагмента ограды усадьбы. Площадь «северо-западной» усадьбы II горизонта могла составлять не менее 200–250 м².

От застройки II горизонта в западной части раскопа уцелела только каменная вымостка I, сохранившаяся в виде четырех небольших участков. В целом, все сохранившиеся участки вымостки I ориентированы в направлении ССВ–ЮЮЗ и прослежены на протяжении 8,0 м. К сожалению, отсутствие каких-либо других расположенных поблизости и одновременных вымостке строительных комплексов не позволяет определить ее место в городской застройке к северо-западу от I-й продольной (керамиче-

ской) улицы. Можно лишь предположить, что эта каменная вымостка могла располагаться во дворе какой-то городской усадьбы. Таким образом, к северо-западу от I-й продольной (керамической) улицы могли располагаться как минимум две городские усадьбы, относящиеся к последнему этапу жизни ранневизантийской Тиритаки.

В северной части центрального участка раскопа XXVI к археологическим комплексам II горизонта относится фрагментарно сохранившийся строительный комплекс, в состав которого входили помещение СК-XI с хозяйственной ямой II и хозяйственный двор с каменной вымосткой VI, на котором исследованы хозяйственные ямы с пифосом и амфорой. СК-XI реконструируется как прямоугольная в плане постройка с внешними размерами не менее 4,4x3,6 м. Пол помещения прослежен в виде тонкой прослойки нивелированного плотного суглинка с включением золистых частиц. В юго-восточном углу помещения СК-XI была устроена хозяйственная яма II, глубиной 1,65 м. В этой яме помимо фрагментов керамики находился и уникальный комплекс находок, обнаруженный в виде бесформенной и слипшейся массы, покрытой окислами железа и меди. В процессе очистки их удалось разделить на отдельные предметы – фрагменты железных ножей, наконечник железной стрелы, бронзовый браслет, два бронзовых рыболовных крючка, два кремня и разнообразные детали поясного набора. Судя по составу находок, обнаруженная в заполнении ямы монолитная масса представляла собой остатки перегнивших, коррозированных и окислившихся изделий из железа, меди и кожи, вероятнее всего, свернутых ремней, украшенных поясной гарнитурой и подвешенными на них ножами. На основании этих находок засыпь хозяйственной ямы II можно отнести ко второй половине VII в. Комплекс находок из нее определяет и время прекращения функционирования СК-XI.

С юго-востока к СК-XI примыкал хозяйственный двор, частично вымощенный известняковыми плитами (вымостка VI). На его территории были устроены хранилища для зерна или рыбы, в качестве которых использовались пифос и крупная амфора, установленные в ямы. Таким образом, «северная» усадьба II горизонта занимала северную часть двора более ранней «центральной» усадьбы III горизонта и состояла из сырцово-каменной постройки, а также двора, на котором находились хозяйственные ямы и какие-то еще небольшие постройки. Вход в «северную» усадьбу, вероятно, располагался с северо-запада и вел прямо с I-й продольной (керамической) улицы. Площадь «северной» усадьбы II горизонта могла составлять около 150–200 м².

В центральной части раскопа каких-либо сооружений выявлено не было, кроме котлована аморфной в плане формы, ориентированного по длинной оси в направлении СВ–ЮЗ. К сожалению, установить, с какой целью был вырыт котлован, не удалось, поскольку в нем не было обнаружено каких-либо устройств, которые бы указывали на его жилое или хозяйственное назначение. Можно предположить, что на завершающем этапе жизни ранневизантийской Тиритаки эта часть территории города не использовалась.

В восточной части центрального раскопа XXVI к комплексам II горизонта относятся: вымостка XX, две каменные загородки и очаг 36, располагавшиеся, судя по всему,

внутри двора одного из жилищно-хозяйственных комплексов. К сожалению, остатков построек, связанных с этим хозяйственным двором, обнаружено не было, а немногие, к тому же плохо сохранившиеся в его пределах, комплексы не позволяют установить размеры и структуру двора. Впрочем, такая же ситуация характерна для комплексов II горизонта и на других участках раскопа, поэтому реконструировать городскую застройку для этого периода не удалось. В заключение необходимо отметить, что уровень дневной поверхности, соответствующий периоду функционирования построек II горизонта, был зафиксирован гораздо выше уровня дневной поверхности вокруг построек III горизонта, которые были разрушены не позднее третьей четверти VI в. Более того, застройка на этом участке городища была восстановлена не сразу, а какое-то время спустя. Поэтому вокруг разрушенных построек III горизонта уже успел сформироваться новый слой, под которым оказались скрытыми не только их полы, но и часть стен на высоту до нескольких рядов кладки. В отдельных случаях постройки III горизонта оказались скрытыми этим слоем разрушения целиком. В целом же, с учетом всего комплекса находок, заключительный этап функционирования городища можно датировать между последней четвертью VI – третьей четвертью VII в.

В результате археологических исследований нами установлено, что в основе планировки Тиритаки во второй половине III – VI в., как и в предшествующие эпохи, была городская усадьба, состоящая из жилого дома и расположенных во дворе хозяйственных комплексов. Размеры тиритакских усадеб были сравнительно невелики – от 150 до 300 м². Все это свидетельствует о том, что здесь проживало достаточно однородное городское население, сравнительно невысокого достатка. Жилищно-хозяйственные постройки блокировались в кварталы и занимали всю городскую территорию общей площадью до 10 га (рис. 9), ограниченную крепостными стенами, капитально перестроенными еще в I в. н. э. В центральной и западной частях город имел террасную планировку. Исследовано две такие террасы (раскопы V–VI, XV и XXVI), по каждой из которых проходили продольные улицы различной ширины (рис. 9). Следует предполагать наличие, по крайней мере, еще одной продольной улицы в восточной части города, проходившей вдоль западного фасада христианской базилики, относящейся к постройкам III горизонта (рис. 9). Наличие поперечных улиц (переулков) в центральной части выявить пока не удалось, однако они отмечены у северной крепостной стены на раскопе XXII [8, с. 304, рис. 2] и на раскопе XXVIII [9, с. 51]. В целом, боспорский город Тиритака в ранневизантийское время сохранил, по крайней мере для IV и III хронологических горизонтов, сложившуюся в предшествующие эпохи городскую планировку с элементами регулярной ортогональной квартальной структуры, которая после набега 576 г. пришла в упадок и лишь на отдельных участках городища были восстановлены отдельные усадьбы, просуществовавшие до третьей четверти VII в.

Рис. 1. Городище Тиритака с окрестностями. Фото 2019 г.

Рис. 2. Раскоп XXVI в центральной части Тиритаки. Вид сверху

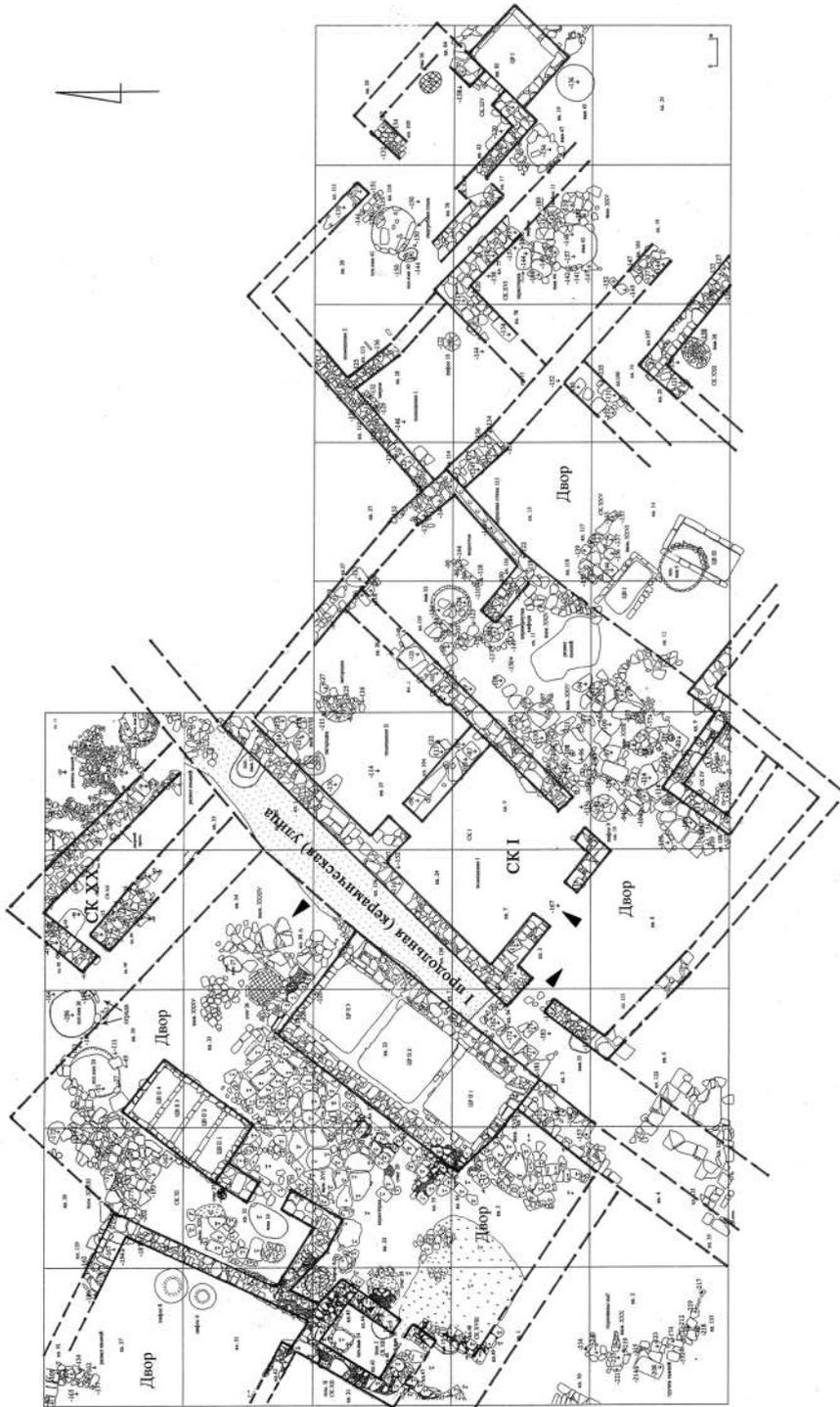

Рис. 3. Реконструкция планов сооружений IV строительного горизонта

Рис. 4. I-я продольная (керамическая) улица в центральной части раскопа. Вид с северо-востока

Рис. 5. Здание святилища (СК-I) в центральной части раскопа XXVI. Вид с юго-востока

Рис. 6. Городская усадьба (ЖХК-1). Вид с севера

Рис. 7. Хозяйственный двор с пифосами. Вид с северо-запада

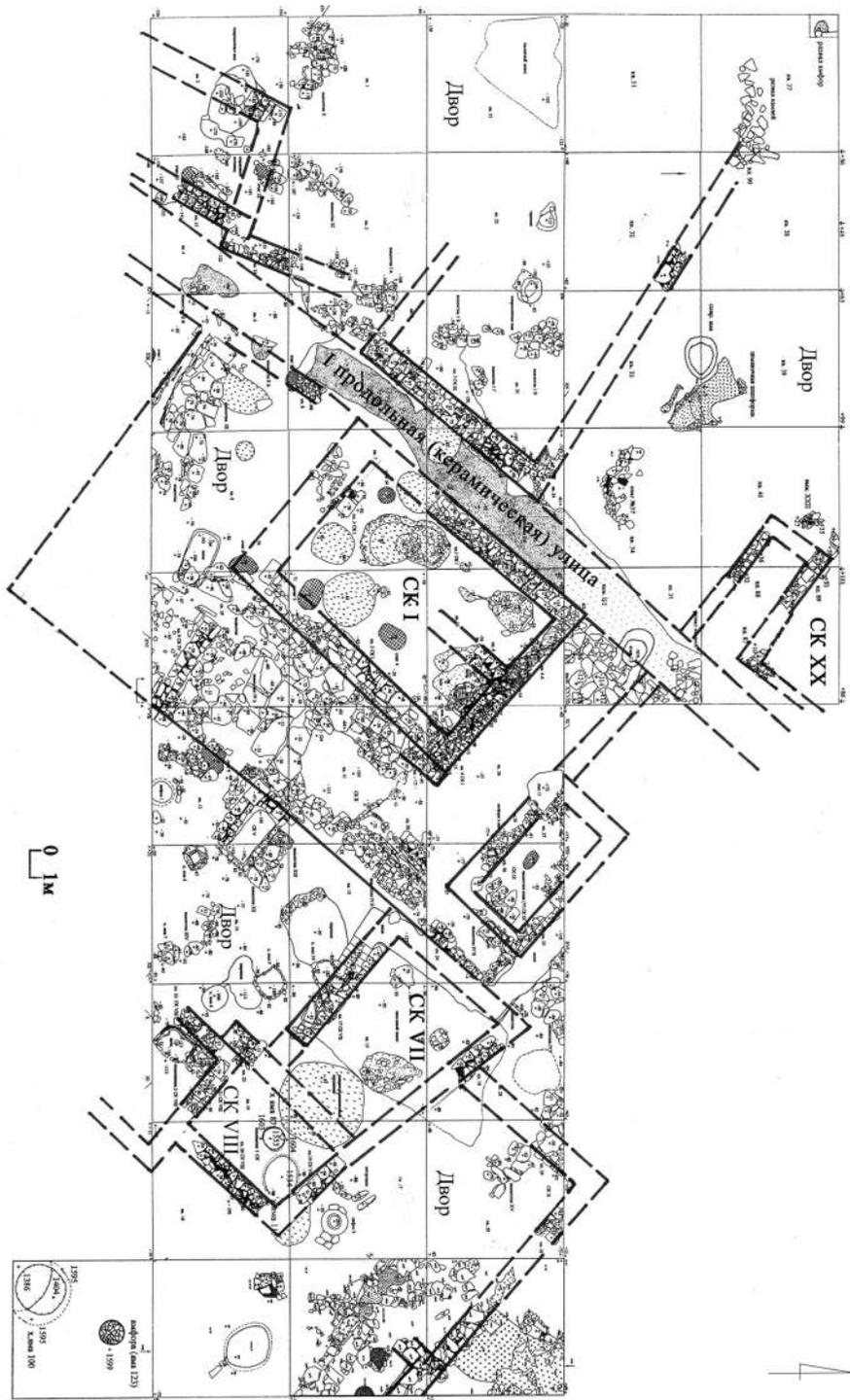

Рис. 8. Реконструкция планов сооружений III строительного горизонта

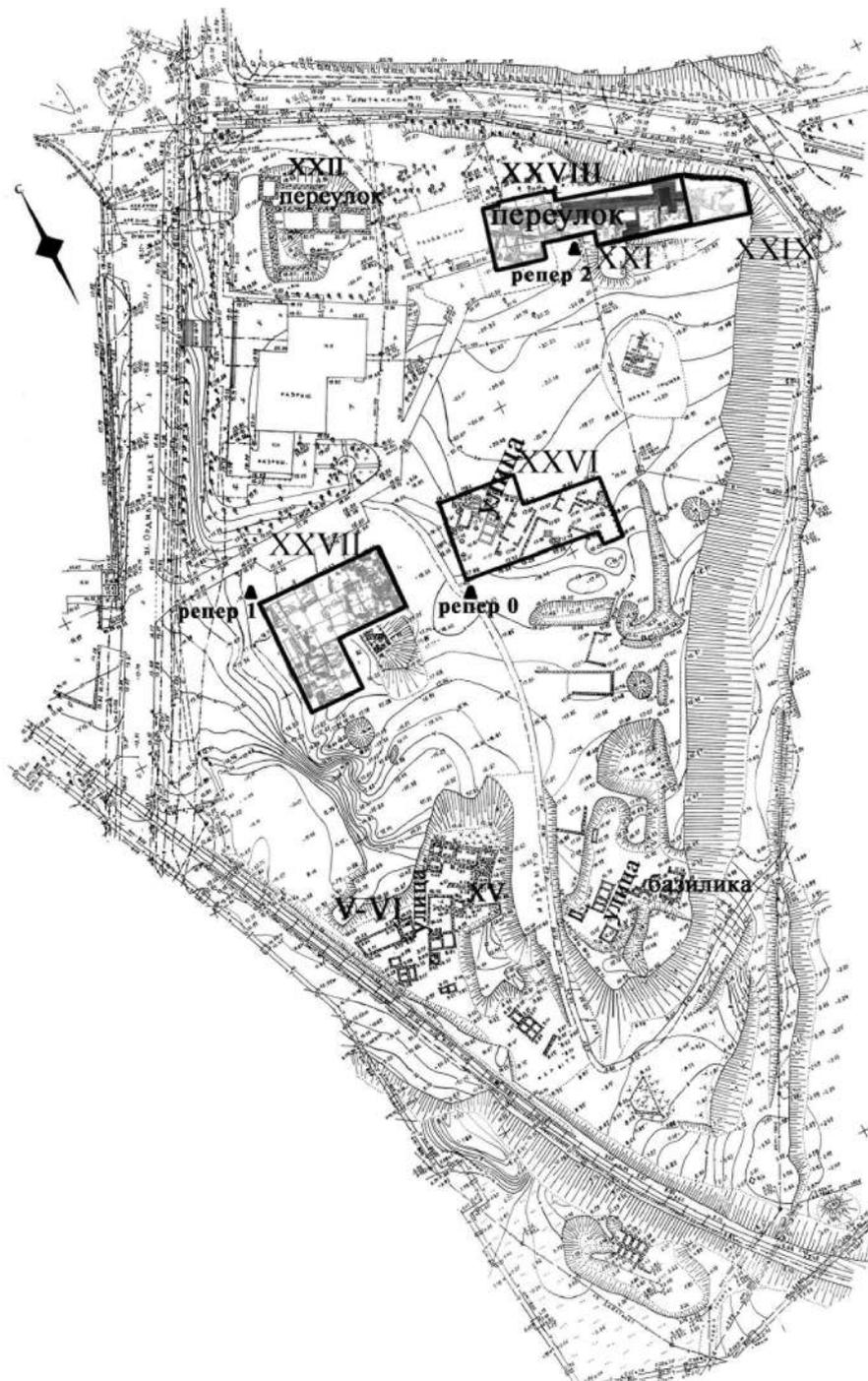

Рис. 9. План Тиритакки с обозначением исследованных участков (раскопов)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 624 с.
2. Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки 1935–1940 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 15–134.
3. Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946–1952 гг. // МИА. 1958. № 85. С. 149–218.
4. Зинько А.В. Боспорский город Тиритака в ранневизантийскую эпоху. По материалам раскопок 2002–2005 гг. // ТГЭ. 2008. Т. XLII. Византия в контексте мировой культуры. С. 329–338.
5. Зинько А.В. О кожевенном деле в боспорском городе Тиритака // XI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Керчь, 2010. С. 145–150.
6. Зинько А.В. К вопросу о рыболовном промысле в ранневизантийской Тиритаке // ТГЭ. 2015. Т. LXXIV. Византия в контексте мировой культуры. С. 369–376.
7. Зинько В.Н., Зинько А.В. Тиритака в V–VI вв. н.э. // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 91–102.
8. Зинько В.Н., Зинько А.В. Из истории исследований Тиритаки: раскопки Д.С. Кирилина в 1974 г. // Боспорские исследования. 2018. Вып. XXXVII. С. 302–331.
9. Зинько В.Н., Зинько А.В. Исследование боспорского города Тиритака в 2017 г. // История и археология Крыма. Симферополь, 2018. Вып. VIII. С. 50–52.
10. Зинько В.Н., Зинько А.В. Амфорный склад из раскопок ранневизантийской Тиритаки // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 173–185.
11. Зинько В.Н., Зинько Е.А. Сакральные постройки ранневизантийской Тиритаки // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 120–134
12. Зинько Е.А., Зинько В.Н. Процесс христианизации населения боспорского города Тиритака // ТГЭ. 2015. Т. LXXIV. Византия в контексте мировой культуры. С. 377–388.
13. Книпович Т.Н., Славин Л.М. Раскопки юго-западной части Тиритаки // МИА. 1941. № 4. С. 37–60.
14. Марти В.Ю. Рыбозасолочные ванны Тиритаки // МИА. 1941. № 4. С. 93–95.

REFERENCES

1. Gaidukevich V.F. *Bosporskoe tsarstvo*. Moscow, Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1949, 624 p.
2. Gaidukevich V.F. Raskopki Tiritaki 1935–1940 gg. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1952. No. 25, pp. 15–134.
3. Gaidukevich V.F. Raskopki Tiritaki i Mirmekiia v 1946–1952 gg. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1958, No. 85, pp. 149–218.
4. Zin'ko A.V. Bosporskii gorod Tiritaka v rannevizantiiskuiu epokhu. Po materialam raskopok 2002–2005 gg. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha, St-Petersburg*, 2008, T. XLII, pp. 329–338.
5. Zin'ko A.V. O kozhevennom dele v bosporskom gorode Tiritaka. *XI Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Remesla i promysly*. Kerch, 2010, pp. 145–150.
6. Zin'ko A.V. K voprosu o rybolovnom promysle v rannevizantiiskoi Tiritake. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha, St-Petersburg*, 2015, T. LXXIV, pp. 369–376.
7. Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. Tiritaka v V–VI vv. n.e. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2008, Vol. XIV, pp. S. 91–102.
8. Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. Iz istorii issledovaniia Tiritaki: raskopki D.S. Kirilina v 1974 g. *Bosporskie issledovaniia*, Kerch, 2018, Vol. XXXVII, pp. 302–331.
9. Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. Issledovanie bosporskogo goroda Tiritaka v 2017 g. *Istoriia i arkheologiia Kryma*, Simferopol, 2018, Vol. VIII, pp. 50–52.
10. Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. Amfornyi sklad iz raskopok rannevizantiiskoi Tiritaki. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2019, Vol. XXIV, pp. 173–185.
11. Zin'ko V.N., Zin'ko E.A. Sakral'nye postroiки rannevizantiiskoi Tiritaki. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2018, Vol. XXIII, pp. 120–134

12. Zin'ko E.A., Zin'ko V.N. Protsess khristianizatsii naseleniia bosporskogo goroda Tiritaka. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, St-Petersburg, 2015, T. LXXIV, pp. 377–388.
13. Knipovich T.N., Slavin L.M. Raskopki iugo-zapadnoi chasti Tiritaki. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1941, No. 4, pp. 37–60.
14. Marti V.Iu. Rybozasolochnye vannы Tiritaki. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1941, No. 4, pp. 93–95.

Информация об авторах

Зинько В. Н. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: ААН-7506-2019.

Зинько А. В. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: ААН-7554-2019.

Information about the authors

Zin'ko V. N. – Doctor of Science (History), Leading Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: ААН-7554-2019.

Zin'ko A. V. – Candidate of Science (History), Senior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: ААН-7506-2019.

ПОЗДНЕРИМСКАЯ И РАННЕВИЗАНТИЙСКАЯ КРАСНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА ТИРИТАКИ

Кшиштоф Домжальский¹, Анна Викторовна Смокотина²

¹ *Институт археологии и этнологии Польской академии наук, Варшава, Польша, domzalkc@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4754-9389>*

² *Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия, asmokotina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1298-6092>*

Аннотация. Археологические исследования на участке раскопа XXVI в центральной части Тиритаки (2002–2009 гг.) позволили выявить 409 фрагментов профильных фрагментов краснолаковых сосудов IV – середины VI вв., которые привозились на Боспор из северо-восточной части Малой Азии, бассейна Эгейского моря и даже, в редких случаях, из Северной Африки. «Понтийская краснолаковая» (PRS) керамика доминировала в IV–V вв., но во второй четверти VI в. была резко вытеснена эгейским импортом «Поздней Римской С / Фокейской краснолаковой» (LRC/PhRS) керамики. Другие эгейские и средиземноморские краснолаковые сосуды (LRLC и ARS) поступали в регион лишь эпизодически. Регулярный импорт краснолаковой посуды в Тиритаку продолжался примерно до середины VI в.

Ключевые слова: Крым, Боспор, Тиритака, краснолаковая керамика

Благодарности: Работа А. В. Смокотиной выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках госзадания № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

LATE ROMAN AND EARLY BYZANTINE RED SLIP WARE FROM TYRITAKE

Krzysztof Domzalski¹, Anna V. Smokotina²

¹ *Institute of Archaeology and Ethnology Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland, domzalkc@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4754-9389>*

² *V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia, asmokotina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1298-6092>*

Abstract. The eight excavation seasons (2002–2009) at sector XXVI in the central area of ancient Tyritake uncovered 409 profile fragments of red slip pottery from the fourth to mid-sixth century, which were imported to Bosphoros from the north-eastern area of the Asia Minor, the Aegean basin, and, in rare cases, from North Africa. Although the Pontic Red Slip ware (PRS) predominated in the fourth and fifth centuries, in the second quarter of the sixth century it was suddenly supplanted by the Aegean imports of the Late Roman C / Phocian Red Slip ware (LRC/PhRS). Other Aegean and Mediterranean red slip vessels (LRLC and ARS groups) arrived to the region but occasionally. Regular importation of the red slip pottery to Tyritake continued to ca. mid-sixth century.

Keywords: Crimea, Bosphoros, Tyritake, red slip ware

Acknowledgments: The work of A. V. Smokotina was carried out within the framework of the state assignment No. FZEG-2020-0029 supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Археологические исследования на участке раскопа XXVI в центральной части Тиритаки проводились в течение восьми полевых сезонов (2002–2009 гг.) экспедицией В. Н. Зинько, они позволили выявить значительное количество фрагментов краснолаковой керамики, которую местные жители использовали в позднеантичное время и в начале ранневизантийского периода¹. Всего было зафиксировано 409 профильных фрагментов², в основном мелкого и среднего размера, и только несколько более крупных обломков или почти целых сосудов (рис. 1–13). Все они привозились на Боспор главным образом из северо-восточной части Малой Азии, бассейна Эгейского моря и даже, в редких случаях, из Северной Африки. Целью данной работы является обобщение ключевых сведений о происхождении, хронологии и типологии обнаруженных материалов в соответствии с современным состоянием знаний обо всех выявленных группах краснолаковой керамики. Она призвана дополнить опубликованную ранее предварительную и отрывочную информацию о позднеримских и ранневизантийских находках краснолаковой посуды, обнаруженных в различных частях Тиритаки во время крупномасштабных раскопок в 1930–1950-х гг. [5, с. 51, рис. 73; 2, с. 123, рис. 153–154, 160, 161; 4, с. 315–320, рис. 11,3,5,6; 12,1–2; 13,1–2; 14,1,3,5] и в результате намного менее масштабных исследований, проводившихся в 1982–1985 гг. [10, рис. 3,1–6; 7,1–3; 8,1–13; 7, рис. 4,14а,в,15а,б,17ж,з; 5,18б,19б,е,20; 8, рис. 8,1,3,5,7–9; 9, с. 252, рис. 16,16–20]. Данная работа содержит также сведения о количественном соотношении найденных на исследуемом участке Тиритаки групп и форм краснолаковых сосудов на фоне изменений в международной торговле такой посудой во всем причерноморском регионе (табл. 1; диаграммы 1–4).

Найденные недавно в центральной части поселения фрагменты керамики накапливались в культурном слое в результате строительства, жизнедеятельности и промышленной активности в течение более двух веков, с первой половины IV в. и до середины VI в. [13, табл. 1]. Для общего анализа импорта краснолаковой посуды в Тиритаку в широком контексте морской торговли необходимо сравнить найденную здесь керамику с опубликованными в настоящее время находками из других археологических памятников на берегу Боспора Киммерийского и в бассейне Черного моря в целом. Соответственно, одной из основных задач стало сравнение объемов и структуры импорта, направлений торговых связей Тиритаки и других поселений боспорского региона. При этом учитывались все выявленные и поддающиеся дати-

¹ Настоящая статья представляет собой русский дополненный вариант публикации о краснолаковой керамике Тиритаки на английском языке [22]. При издании английской версии данной работы были допущены некоторые несогласованные с авторами исправления. Так, приложенная к статье таблица № 1 в действительности является таблицей № 2. Все ссылки на таблицу № 1 в тексте следует относить к таблице № 1, опубликованной в итоге в рамках статьи А. В. Смокотиной, посвященной амфорам Тиритаки, в том же томе [13, табл. 1].

² В английской версии нашей работы мы не успели добавить один фрагмент дна краснолакового кувшина «Понтийской краснолаковой посуды» (рис. 7,8). Он был найден в 2002 г. в слоях перекопов [13, табл. 1,103].

Таблица 1. Формы группы «Поздний римский С / Фокейская краснолаковая керамика» из раскопа XXVI Тиритаки

Формы LRC/PhRS по J.W. Hayes	Фрагменты	Проценты (%)
1A	4	2,4
1D	2	1,2
1D/2A	1	0,6
2A	1	0,6
2C	1	0,6
3A	1	0,6
3B	2	1,2
3C	4	2,4
3C/D	1	0,6
3D	7	4,1
3E	16	9,5
3E/F	1	0,6
3F	77	45,5
3F/G	6	3,5
3G	4	2,4
3 small	3	1,8
8	2	1,2
Со штампами / With stamp	7	4,1
Неопределенные / Unidentified	29	17,1
Всего / Total	169	100

ровке профильные фрагменты, полученные из закрытых и открытых комплексов (включая «примесь снизу»).

Вся выявленная краснолаковая керамика поступала в Тиритаку из четырех производственных центров и была выделена на основании макроскопических характеристик глиняного теста и лакового покрытия. Кроме того, изучались профильные фрагменты, которые позволили нам определить форму сосудов. Все найденные в Тиритаке группы краснолаковой керамики были обнаружены также на других археологических памятниках в причерноморском регионе, включая территорию Боспорского царства. Некоторые из них, такие как группы «Поздней Римской С / Фокейской краснолаковой» (LRC/PhRS), «Африканской краснолаковой» (ARS) и «Позднеримской светлоглиняной» керамики (LRL-C), производились в бассейне Эгейского и Средиземного морей и сравнительно хорошо известны. Основные формы такой посуды были изучены и описаны Дж. Хейсом, который создал их морфолого-хронологическую классификацию и описал

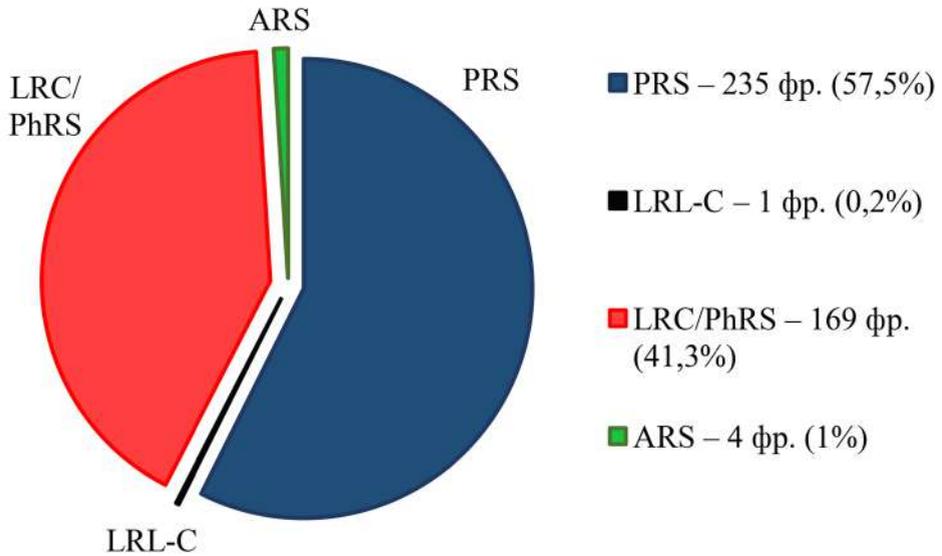

Диаграмма 1. Количественное соотношение групп краснолаковой керамики второй половины IV – первой половины VI вв. из раскопа XXVI Тиритаки

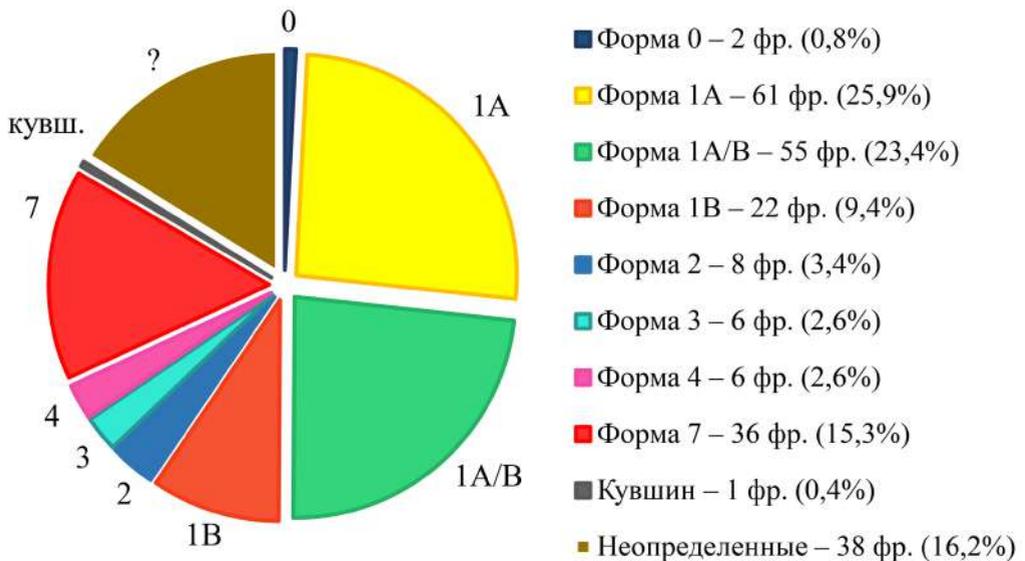

Диаграмма 2. Количественное соотношение форм группы «Понтийская краснолаковая керамика» из раскопа XXVI Тиритаки

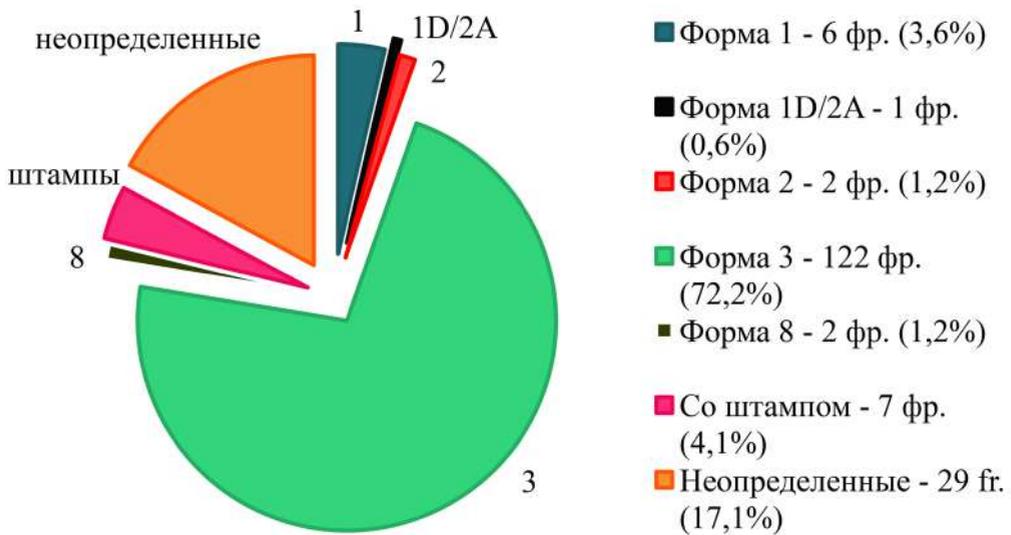

Диаграмма 3. Количественное соотношение форм группы «Поздний римский C / Фокейская краснолаковая керамика» из раскопа XXVI Тиритак

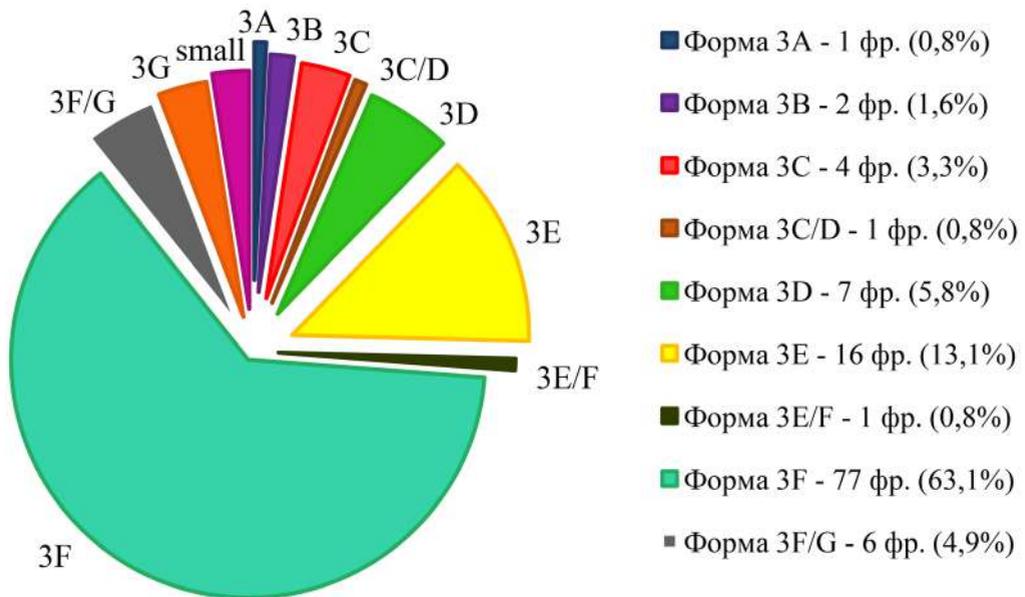

Диаграмма 4. Количественное соотношение вариантов формы 3 группы «Поздний римский C / Фокейская краснолаковая керамика» из раскопа XXVI Тиритак

межрегиональное распространение [25, p. 13–299, 323–370, 408–410; 26, p. 484–523, 525–527]. В последние десятилетия его исследования были продолжены другими учеными, работающими в Средиземноморье [30; 32; 16, p. 155–209; 31; 23]. Кроме того, не так давно была выделена широко распространенная вдоль побережья Черного моря керамика пока еще точно неизвестного центра группы «Понтийская краснолаковая» (PRS). Ее предварительная классификация будет использована ниже при обсуждении соответствующих находок [17, p. 163–166, fig. 1–3; 14, p. 422–428, fig. 5–13, 20–24; 21].

Краснолаковая керамика была типичным и постоянным элементом материальной культуры в Тиритаке с позднеэллинистического времени до начала ранневизантийского периода. Готские нашествия, начавшиеся в середине III в. н. э. и затронувшие Дунайские лимесы, большую часть черноморского побережья, включая Боспорское царство, а также бассейн Эгейского моря, на несколько десятилетий полностью нарушили регулярную международную торговлю. Было прекращено производство или, по крайней мере, широкое распространение краснолаковой керамики из пока еще неизвестных понтийских мастерских (так называемой «Понтийской сигиллаты») [27, p. 92–96, pl. 22–23; 35, p. 152–155; 3, с. 40–69], а также из Пергама и Питаны (современный Чандарлы) – группы «Восточной сигилаты С / Чандарлы» [25, p. 316–322; 27, p. 71–78, pl. 16–18].

Совершенно новые краснолаковые сосуды появились на участке раскопа XXVI в Тиритаке в первой половине IV в. В основном они происходят из более поздних напластований, покрывавших всю исследованную территорию площадью около 1 га. Состояние сохранности таких сосудов обычно намного хуже, чем у находок раннеримского периода. Некоторые из них были обнаружены в многочисленных хозяйственных ямах, расположенных в разных частях раскопа: в ямах-хранилищах, которые использовались вторично для сбора мусора, и в специально изготовленных, гораздо более мелких мусорных ямах. В заполнении ям, так же как в слоях разрушения, очень часто содержится смешанный керамический материал, включая многочисленную примесь фрагментов посуды более раннего времени. Только меньшая часть рассматриваемых фрагментов краснолаковой керамики была найдена при изучении некоторых довольно плохо сохранившихся строительных остатков жилых домов позднеримского и ранневизантийского периодов [13, табл. 1].

В позднеримский период, охватывающий IV и V вв., в причерноморской торговле абсолютно доминировала региональная группа «Понтийской краснолаковой посуды» (PRS), которая продолжала традиции производства раннеримской «Понтийской сигиллаты» (PS). Это наблюдение касается главным образом близкой структуры глиняного теста и лакового покрытия двух групп, потому что набор форм сосудов PRS был совершенно другим. Появившиеся спустя несколько десятилетий после прекращения производства «Понтийской сигиллаты» формы позднеримских понтийских сосудов были вдохновлены высококачественной краснолаковой керамикой средиземноморских мастерских, особенно «Африканской краснолаковой посудой» (ARS). В то же время характерной чертой керамики PRS является полное отсутствие декоративного штампованного орнамента, который был широко распро-

странен среди других групп средиземноморской краснолаковой посуды в позднеантичный период вплоть до середины VI в. Вместо этого некоторые из сосудов PRS были украшены при помощи инструмента в виде гребня (рис. 7,7). За исключением некоторых редких эгейских изделий такой вид орнамента полностью отсутствовал у краснолаковой керамики из средиземноморских центров.

«Понтийские краснолаковые» (PRS) сосуды, скорее всего, производились в северо-восточной части Малой Азии и транспортировались морем вдоль черноморского побережья. Распространение этой керамики имеет большое региональное значение, но не выходит за пределы понтийского бассейна. Такие сосуды были найдены на археологических памятниках в дельте Дуная [15], в северной и восточной части Причерноморья, включая боспорский регион [1, с. 150–155; 12, с. 312, 316–320; 34, р. 643–644] и южную Колхиду [19, р. 75–77]. Недавно проведенные комплексные археологические исследования в Помпеиополисе в Пафлагонии показали, что в IV–V вв. эта керамика являлась там основным видом краснолаковой посуды, но в дальнейшем была заменена местными лощеными сосудами [20, р. 75–77]. В соответствии с современным уровнем знаний о распространении краснолаковой керамики в северной части Малой Азии, Помпеиополис был самым западным пунктом доставки сосудов PRS. До настоящего времени они не были найдены в Адрианополе [29] и Константинополе [28], в отличие от мест, расположенных к востоку от Помпеиополиса, таких как Комана Понтика (неопубликованные материалы, кратко изученные К. Домжальским в 2017 г.), где изделия PRS обычно присутствуют. Начиная с конца V в. производители PRS столкнулись с сильной конкуренцией из-за активного увеличения поставок в Причерноморье фокейских краснолаковых сосудов LRC/PhRS (см. ниже), которые полностью заменили «Понтийскую краснолаковую» посуду около второй четверти VI в., когда ее широкое распространение было прекращено по неизвестным причинам.

«Понтийская краснолаковая» керамика преобладает в комплексах Тиритаки поздне римского и ранневизантийского времени (диаграмма 1). Сохранившиеся наилучшим образом фрагменты PRS представлены на рисунках (рис. 1–7) и описаны в каталоге (кат. № RS 1–33). Присутствие соответствующих форм PRS в выявленных контекстах, а также общее количественное соотношение различных форм отражены в таблице [13, табл. 1] и диаграмме (диаграмма 2). Сосуды PRS, в основном большие блюда и несколько форм небольших мисок, доставлялись в Тиритаку скорее регулярно в течение почти двух столетий, с первой половины IV в. до начала / середины VI в. [14, р. 422–428, fig. 5–13; 20–24; 21]. В IV в. в Тиритаку поступали миски формы 0 (рис. 1,1–2; кат. № RS 1), блюда формы 1А (рис. 1,3–7; 2,1–3; кат. № RS 2–6) и блюда формы 2 (рис. 4,7–8; 5,1–2; кат. № RS 18–20). В начале V в. их заменили блюда формы 1А/В (рис. 2,4–6; 3; 4,1; кат. № RS 7–15) и формы 3 (рис. 5,3–6; кат. № RS 21–22). После середины V в. эта «вторая генерация» форм PRS, в свою очередь, была вытеснена блюдами формы 1В (рис. 4,2–6; кат. № 16–17) и формы 7 (рис. 6; 7,1–6; кат. № 26–33). Датировка редких маленьких мисок формы 4 (рис. 5,7–9; кат. № 23–25) может быть установлена менее точно, в данном

случае, возможно, в рамках конца IV – конца V вв. Отметим также довольно редкую находку фрагмента дна кувшина этой группы (рис. 7,8).

Керамика группы «Поздней Римской С / Фокейской краснолаковой» (LRC/PhRS) встречается в Тиритаке лишь немного реже PRS (диаграмма 1). Она производилась главным образом в Фокее, а также в гораздо меньших масштабах в некоторых других мастерских севернее по направлению к Пергаму [25, р. 323–370; 26, р. 525–527]. Фрагменты посуды LRC/PhRS могут быть легко распознаны по характерной структуре глиняного теста и лакового покрытия, определенному набору форм сосудов и часто используемому орнаменту в виде прокатанных рядов насечек и штампов, которые хорошо известны благодаря широкому межрегиональному распространению такой керамики. Фокейские мастерские увеличили объем производства примерно с середины V в. Это также было связано с оккупацией Северной Африки вандалами, что привело к нарушению регулярных поставок на восток из этой основной области изготовления краснолаковой керамики в Средиземноморье. Наибольшие объемы поставок LRC/PhRS предназначались потребителям в бассейне Эгейского моря, но одними из основных направлений экспорта были также важные экономические, а также политические и военные центры, расположенные в прибрежных районах Черного моря. Посуда LRC/PhRS доминировала в торговле краснолаковой керамикой на черноморских рынках с конца V в. Это было вызвано чрезвычайно большим масштабом производства этих строго стандартизированных и довольно тонкостенных сосудов, в сочетании с их активным распространением, происходившим не только благодаря торговле, но и в связи с централизованными поставками такой посуды для армии в стратегических пунктах империи. Пик популярности и наиболее широкое распространение LRC/PhRS приходится на первую фазу правления Юстиниана I, примерно до середины VI в. Позже такие сосуды доставлялись в основном потребителям лимесов на нижнем Дунае и в Херсонес. До середины VII в., когда их производство окончательно прекратилось, сосуды LRC/PhRS значительно менее регулярно и в меньшем масштабе продолжали поступать также на другие причерноморские поселения, при этом в боспорском регионе они зафиксированы пока только в Пантикапее (г. Боспоре) [12, с. 321, рис. 8,5,6].

Находки наиболее ранних сосудов группы «Поздней Римской С / Фокейской краснолаковой» первой половины V в. в Тиритаке очень редки. Они представлены фрагментами мисок формы 1 (рис. 8,1–6; кат. № RS 34–37), формы 2 (рис. 8,8,9) и формы 3А–В (рис. 9,1–3; кат. № RS 38, 39) (табл. 1; диаграммы 3–4). Более поздние варианты сосудов второй половины V – начала VI вв. также встречаются не часто. В Тиритаке найдены обломки мисок формы 3С (рис. 9,4; кат. № RS 40), формы 3D (рис. 9,6–8; кат. № RS 42–44) и формы 3Е (рис. 10,1–3; кат. № RS 45–47), а также довольно редкие и на других памятниках миски формы 8 (рис. 12,4).

В первой половине и особенно во второй четверти VI в. объемы поставок сосудов LRC/PhRS в Тиритаку резко выросли, об этом свидетельствуют многочисленные находки мисок формы 3F (рис. 10,5–8; 11,1–4; кат. № RS 49–53), формы 3F/G (рис. 11,5,6;

кат. № RS 54–55) и формы 3G (рис. 11,7) (табл. 1; диаграмма 4). Этот всплеск массового импорта продолжался, однако, очень недолго и полностью прекратился примерно в середине VI в. До настоящего времени в Тиритаке, как и в других небольших поселениях по обеим сторонам Боспора Киммерийского, за исключением столицы Пантикапея (г. Боспора), не было обнаружено никаких находок более поздних сосудов LRC/PhRS (мисок формы 10), датированных концом VI в. и первой половиной VII в. [24, р. 66–69, fig. 5–6; 12, с. 320–321, рис. 8,3–6; 34, р. 644, fig. 7,1–4].

Большинство фрагментов LRC/PhRS со штампованным орнаментом (рис. 12,6–10; кат. № RS 58–62) характеризуются расположенными в центре одиночными штампами, что также является отличительной особенностью последней фазы импорта [25, р. 346–349, группа III]. Только один фрагмент с радиально расположенным штампованным орнаментом (рис. 12,5; кат. № RS 57) может принадлежать более раннему сосуду (формы 2 или раннего варианта формы 3?).

Последние две группы краснолаковой керамики, «Африканская краснолаковая» (ARS) и «Позднеримская светлоглиняная» (LRLC), встречались в Тиритаке в гораздо меньшем количестве, чем описанные выше, что типично также и для других памятников в причерноморском регионе. Мастерские африканской краснолаковой посуды, безусловно, были основными поставщиками высококачественной краснолаковой керамики в Средиземноморье, определяя моду на соответствующие формы сосудов и стили их декора [25, р. 13–299; 26, р. 484–523; 30; 32; 16, р. 155–209; 31]. Эти сосуды изредка доставлялись в причерноморский регион уже со II в. н. э., но более регулярные поставки начинаются в IV в. и продолжаются до времени около середины VII в., с наиболее интенсивными фазами импорта в IV – начале V вв. и начиная с юстиниановского периода до начала VII в. [6, с. 79; 11, с. 329–351; 33, р. 71, 78; 12, с. 316, 321].

Объемы поставок ARS в Причерноморье всегда были очень ограниченными из-за большого расстояния между расположенным на территории современного Туниса производственным регионом и потребителями в бассейне Черного моря. В Тиритаке было выявлено всего четыре фрагмента профильных частей сосудов ARS (рис. 13,1–4; кат. № RS 63–64) (диаграмма 1). Среди них выделяется редкая находка почти целой краснолаковой миски формы 99A со штампованным орнаментом в центре первой половины VI в. (рис. 13,1; кат. № RS 63), найденная в комплексе второй четверти VI в. [13, табл. 1,33] и разбившаяся, вероятно, незадолго до прекращения жизнедеятельности на поселении. Два других небольших фрагмента венчиков также относятся к сосудам формы 99 (рис. 13,2–3; кат. № RS 64), в то время как обломок дна с остатками штампованного орнамента принадлежит намного более раннему блюду ARS конца IV – начала V в. (рис. 13,4). Такие сосуды часто украшались радиально расположенными штампованными композициями из пальмовых листьев и геометрических мотивов, окруженных концентрическими врезными линиями.

Целостную картину импорта краснолаковой посуды в Тиритаку завершает единственная находка фрагмента сосуда группы «Позднеримская светлоглиняная» (LRLC) (рис. 13,5; диаграмма 1), производившейся примерно с середины V в. до середины VII

в. в северо-восточной части бассейна Эгейского моря (судя по характеру распространения), возможно, в районе Пергама [25, р. 408–410; 18; 23]. Изготавливавшиеся на ранней стадии до начала или середины VI в. сосуды отличаются превосходным качеством и большой площадью покрытия орнаментом (прокатанным рулеткой и штампованным), типичными также для другой синхронной средиземноморской и эгейской краснолаковой керамики. В дальнейшем сосуды LRLC по большей части перестают быть орнаментированными, но некоторые из них украшаются впечатляющими резными фигурными композициями, копирующими серебряные изделия (техника шамплеве). В основном посуда LRLC распространялась вдоль побережья Эгейского моря, при небольших объемах экспорта в более отдаленные регионы Причерноморья и Восточного Средиземноморья. Найденный в Тиритаке небольшой фрагмент такого сосуда (рис. 13,5) представляет раннюю фазу производства и может быть датирован серединой / концом V – началом VI вв.

Анализ краснолаковой керамики Тиритаки позднеримского и ранневизантийского времени подтверждает общую ситуацию, известную на других боспорских поселениях. В IV – первой половине VI вв. в город регулярно доставлялась импортная краснолаковая посуда. Первоначально абсолютно преобладали поставки «Понтийских краснолаковых» (PRS) сосудов. Они доминировали в IV–V вв., но во второй четверти VI в. были резко вытеснены эгейским импортом «Поздней Римской С / Фокейской краснолаковой» (LRC/PhRS) керамики. Другие эгейские и средиземноморские краснолаковые сосуды (LRLC и ARS) поступали в регион лишь эпизодически. Регулярный импорт краснолаковой посуды продолжался примерно до середины VI в. Вероятно, его прекращение было вызвано также драматическими политическими и военными событиями на Боспоре, которые привели к завершению жизнедеятельности на поселениях по обеим сторонам Боспора Киммерийского. Находки краснолаковой керамики конца VI в. и первой половины VII в. известны исключительно в столице Пантикапее, в то время именуемой Боспором, которая пережила этот беспокойный период как единственный населенный центр в регионе с регулярными заморскими торговыми контактами.

КАТАЛОГ

Группа «Понтийская краснолаковая керамика» (рис. 1–7)

Форма 0 (рис. 1,1,2).

Глубокие миски с вертикальным бортиком и заостренным краем, усечено-коническим туловом и слегка вогнутым дном на кольцевом поддоне небольшого диаметра; без орнамента.

RS 1³ (рис. 1,1). Блюда венчика с частью тулова фрагмент (5,2x2,3), D. 17,0. Глиняное тело красное (2.5 YR 5/6). Красный лак (10 R 4/6-4/8) по всей поверхности.

Время и место находки: 2004. Кв. 32–35. Суглинистый серо-желтый рыхлый слой (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,3].

Форма 1 (рис. 1–3; 4,1–6).

³ Рисунки в каталоге выполнены авторами, фотографии – М. А. Никитиной. Все размеры приведены в сантиметрах. При описании сосудов и контекстов находок использованы следующие аббревиатуры: RS 1 – краснолаковая керамика (Red Slip), D. – внешний диаметр венчика, H. – высота сосуда, d. – диаметр дна, кв. – квадрат, СК – строительный комплекс.

Большие блюда с прямым венчиком с заостренным или округлым краем, усечено-коническим или слегка выпуклым туловом, с плоским дном на кольцевом поддоне большого диаметра; обычно без орнамента.

Форма 1А (рис. 1,3–7; 2,1–3).

Самый ранний вариант формы 1 отличается довольно толстыми и массивными стенками тулова и дна, хорошо выделенным кольцевым поддоном и венчиком с заостренным краем.

RS 2 (рис. 1,5). Блюда археологически целого профиля фрагмент (7,0x11,1), D. 25,5, H. 5,0, d. 19,6. Глиняное тесто светло-красное (2.5 YR 6/6). Плохой сохранности красный лак (2.5 YR 4/8) на внутренней и внешней стороне, кроме нижней поверхности дна.

Время и место находки: 2005. Кв. 39–41. Суглинистый желтый слой (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,16].

RS 3 (рис. 1,6). Блюда археологически целого профиля фрагмент (12,4x7,7), D. 29,0, H. 5,6, d. 22,0. Глиняное тесто красновато-желтое (5 YR 6/6). Лак красный (2.5 YR 4/6) на внутренней и желтовато-красный (5 YR 4/6) на внешней стороне, с пятнами и потеками на нижней поверхности дна.

Время и место находки: 2004. СК-ХI, заполнение (каменно-суглинистый завал) (первая половина VI в.) [13, табл. 1,37].

RS 4 (рис. 1,7). Блюда археологически целого профиля фрагмент (22,3x14,2, восстановлено из 3-х фрагментов), D. 27,0, H. 5,0–5,1, d. 20,5. Глиняное тесто светло-красное (10 R 5/4). Плохой сохранности с пятнами от пальцев красный лак (2.5 YR 4/6–4/8) на внутренней и внешней стороне тулова, нижняя поверхность дна без покрытия, с редкими пятнами и отпечатками пальцев.

Время и место находки: 2006. Хозяйственная яма № 41 (вторая половина IV в.) [13, табл. 1,97].

RS 5 (рис. 2,2). Блюда венчика с туловом фрагмент (12,3x6,0, восстановлен из 2-х фрагментов), D. 28,0. Глиняное тесто красновато-желтое (5 YR 6/6–6/8). Желтовато-красный лак (5 YR 5/8) по всей сохранившейся поверхности с пятнами и отпечатками пальцев на внешней стороне. Полоса красного лака (10 R 4/8) на внешней стороне венчика. Потертости и сбой лака на поверхности. Граффити «КО» вертикально на внешней стороне тулова.

Время и место находки: 2004. СК-ХI, заполнение. Каменный суглинистый слой с примесью углей. КП 160278, КМГ 3605, к.о. 168 (первая половина VI в.) [13, табл. 1,38].

RS 6 (рис. 2,3). Блюда венчика фрагмент (7,3x3,8), D. 32,0. Глиняное тесто светло-красное (2.5 YR 6/6). Красный лак (10 R 5/8) по всей поверхности.

Время и место находки: 2006. Суглинистый слой в центральной части раскопа (примесь сверху в слое с материалами II–III вв.) [13, табл. 1,101].

Форма 1А/В (рис. 2,4–6; 3; 4,1).

Вариант формы 1А/В приходит на смену варианту 1А. Он характеризуется менее толстыми и массивными стенками тулова и дна, более низким кольцевым поддоном и округлым венчиком.

RS 7 (рис. 2,4). Блюда венчика с частью тулова фрагмент (5,4x4,4), D. 28,0. Глиняное тесто светло-красное (2.5 YR 6/6). Красный лак (2.5 YR 5/6) по всей сохранившейся поверхности.

Время и место находки: 2005. Слой перекопов [13, табл. 1,103].

RS 8 (рис. 2,5). Блюда археологически целого профиля фрагмент (19,3x14,7), D. 28,4, H. 5,4, d. 18,2. Глиняное тесто желтовато-красное (5 YR 5/6). Красный лак на внутренней (10 R 4/6) и с пятнами на внешней (2.5 YR 4/6–4/8) стороне тулова, с потеками на нижней поверхности дна. Восстановлен из 2-х фрагментов. На внешней стороне частично темная поверхность, со следами пребывания около огня?

Время и место находки: 2007. Хозяйственная яма № 87 (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,86].

RS 9 (рис. 2,6). Блюда археологически целого профиля фрагмент (4,9x7,7), D. 30,0, H. 5,1, d. 20,0. Глиняное тесто светло-красное (2.5 YR 6/6). Красный лак (2.5 YR 4/8-5/8) по всей поверхности, пятнистый на внешней стороне, со светлой полосой на внешней поверхности венчика.

Время и место находки: 2005. Кв. 37–41. Суглинистый серо-желтый рыхлый слой (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,4].

RS 10 (рис. 3,1). Блюда венчика с частью тулова фрагмент (5,9x4,9), D. 30,0. Глиняное тесто красновато-желтое (5 YR 6/6). Красный лак (2.5 YR 5/6) по всей поверхности со светлой полосой, ограниченной темной каймой на внешней стороне венчика.

Время и место находки: 2006. Кв. 18, 20, 36. Суглинок желтого цвета (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,12].

RS 11 (рис. 3,2). Блюда венчика с частью тулова фрагмент (5,2x5,5), D. 26,0. Глиняное тесто светло-красное (10 R 6/6). Красный лак (10 R 4/8) по всей поверхности с широкой светлой полосой с темными границами на внешней стороне венчика.

Время и место находки: 2005. Кв. 37–41. Суглинистый серо-желтый рыхлый слой (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,4].

RS 12 (рис. 3,3). Блюда венчика с частью тулова фрагмент (9,8x6,4), D. 26,0. Глиняное тесто светло-красного цвета (2.5 Y 6/6). Красный лак (10 R 4/6) по всей поверхности, у края венчика приобретает более светлый оттенок (2.5 YR 5/6). PRS 1A/B.

Время и место находки: 2005, хозяйственная яма 20 (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,67].

RS 13 (рис. 3,5). Блюда венчика с частью тулова фрагмент (5,3x5,7), D. 23,0. Глиняное тесто красное (2.5 YR 5/6). Красный лак (10 R 4/6) по всей поверхности.

Время и место находки: 2006. Слой перекопов [13, табл. 1,103].

RS 14 (рис. 3,6). Блюда венчика с туловом фрагмент (9,8x7,1), D. 27,0. Глиняное тесто светло-красное (2.5 YR 6/6) со светлой красновато-коричневой сердцевинной (5 YR 6/4). Красный лак (10 R 4/8-5/8) по всей сохранившейся поверхности с пятнами на внешней стороне.

Время и место находки: 2006. Кв. 37, 38. Суглинистый слой темно-желтого оттенка (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,98].

RS 15 (рис. 4,1). Блюда венчика с частью тулова фрагмент (3,6x5,7), D. 28,0. Глиняное тесто светло-красное (2.5 YR 6/8). Красный лак (10 R 4/6-4/8) по всей поверхности за исключением полосы на внешней стороне венчика.

Время и место находки: 2006. Хозяйственная яма № 74 (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,85].

Форма 1B (рис. 4,2-6).

Самый поздний вариант формы 1B сменяет вариант 1A/B. Для него характерны тонкие стенки тулова и дна, низкий кольцевой поддон и венчик с валикообразным внутренним краем.

RS 16 (рис. 4,5). Блюда венчика с туловом фрагмент (5,2x6,9), D. ? Глиняное тесто светло-красное (2.5 YR 6/6). Пятнистый красный лак (2.5 YR 4/6) по всей сохранившейся поверхности.

Время и место находки: 2005. Кв. 37–41. Суглинистый серо-желтый рыхлый слой (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,4].

RS 17 (рис. 4,6). Блюда венчика с частью тулова фрагмент (3,9x3,5), D. 27,0. Глиняное тесто светло-красное (2.5 YR 6/8). Красный лак (10 R 4/8) по всей поверхности, с более темными полосами на внешней стороне венчика.

Время и место находки: 2006. Кв. 18, 20, 36. Суглинок желтого цвета (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,12].

Форма 2 (рис. 4,7–8; 5,1–2).

Большие блюда с горизонтально отогнутым венчиком и усечено-коническим или слегка выпуклым туловом, на широком кольцевом поддоне большого диаметра; без орнамента.

RS 18 (рис. 4,7). Блюда археологически целого профиля фрагмент (8,5x5,8), D. 27,0, Н. 4,5, d. 19,2. Глиняное тесто светло-красное (2.5 YR 6/6). Плохой сохранности красный лак (2.5 YR 4/8) по всей сохранившейся поверхности. Многочисленные сколы поверхности.

Время и место находки: 2005. Хозяйственная яма № 23 (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,68].

RS 19 (рис. 4,8). Блюда венчика с туловом фрагмент (12,2x4,8), D. 26,2. Глиняное тесто красное (2.5 YR 5/6). Плохой сохранности красный лак (2.5 YR 4/8) по всей поверхности, с пятнами на внешней стороне.

Время и место находки: 2005. Кв. 39–41. Суглинистый желтый слой (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,16].

RS 20 (рис. 5,2). Блюда венчика фрагмент (6,6x2,8), D. 28,0. Глиняное тесто светло-красное (2.5 YR 6/6). Пятнистый красный лак (2.5 YR 5/8) по всей поверхности.

Время и место находки: 2004. Кв. 32–35. Суглинистый серо-желтый рыхлый слой (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,3].

Форма 3 (рис. 5,3–6).

Большие блюда с широким горизонтально отогнутым венчиком, выпуклым округлым туловом, на широком кольцевом поддоне большого диаметра; часто украшены поясами врезного гребенчатого волнистого орнамента на венчике и в центральной части дна.

RS 21 (рис. 5,3). Блюда венчика с частью тулова фрагмент (8,0x3,7), D. 32,0. Глиняное тесто светлое красновато-коричневое (2.5 YR 6/4). Светло-красный лак (2.5 YR 6/6) по всей поверхности с темными пятнами по внешнему краю венчика.

Время и место находки: 2006. Кв. 18, 20, 36. Суглинок желтого цвета (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,12].

RS 22 (рис. 5,4). Блюда венчика с частью тулова фрагмент (10,1x4,8), D. 32,0. Глиняное тесто светлое красновато-коричневое (2.5 YR 6/4). Красный лак (2.5 YR 5/8) по всей сохранившейся поверхности с пятнами по венчику.

Время и место находки: 2006. Сырцовый завал перекрывающий СК-XXIII и хозяйственный двор к ЮЗ (первая половина/третья четверть V в., основной материал комплекса относится к V–III вв. до н.э.) [13, табл. 1,100].

Форма 4 (рис. 5,7–9).

Миски с вертикальным округлым венчиком, слегка выпуклым или полусферическим туловом, на кольцевом поддоне; без орнамента.

RS 23 (рис. 5,7). Миски археологически целого профиля фрагмент (4,4x5,5), D. 13,0, Н. 4,0, d. 6,1. Глиняное тесто красновато-желтое (5 YR 6/6). Красный лак (10 R 4/8–5/8) на внутренней и с пятнами на внешней стороне, исключая нижнюю поверхность дна.

Время и место находки: 2006. Кв. 18, 20, 36. Суглинок желтого цвета (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,12].

RS 24 (рис. 5,8). Миски венчика с туловом фрагмент (6,4x4,7), D. 12,0. Глиняное тесто светло-красное (10 R 6/6). Красный лак (10 R 4/8) на внутренней и в верхней части с потеками на внешней стороне.

Время и место находки: 2006. Кв. 18, 20, 36. Суглинок желтого цвета (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,12].

RS 25 (рис. 5,9). Миски венчика с частью тулова фрагмент (5,1x3,6), D. 12,8. Глиняное тесто светло-красное (2.5 YR 6/8). Плохой сохранности красный лак (10 R 4/8) по всей поверхности.

Время и место находки: 2006. СК-XXII, суглинистый слой (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,47].

Форма 7 (рис. 6; 7,1–6).

Большие блюда с венчиком с выступающим внешним краем и двумя желобками на верхней стороне, с усечено-коническим или слегка выпуклым туловом, на широком кольцевом под-

доне большого диаметра; иногда украшены поясом врезного гребенчатого орнамента на венчике и в центре дна.

RS 26 (рис. 6,1). Блюда венчика с частью тулова фрагмент (3,9x3,3), D. 25,0. Глиняное тесто красное (2.5 YR 5/6). Красный лак (2.5 YR 4/6) на внешней стороне и желтовато-красный лак (5 YR 4/6) на внутренней поверхности, с широкой светлой полосой, ограниченной тонкими темной каймой на внешней стороне венчика.

Время и место находки: 2005. Кв. 37–41. Суглинистый серо-желтый рыхлый слой (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,4].

RS 27 (рис. 6,3). Блюда археологически целого профиля фрагмент (21,1x9,0), D. 25,4, H. 4,1-5,2, d. 16,2. Глиняное тесто красное (10 R 5/6). Красный лак (10 R 4/4-4/6) на внутренней и внешней стороне тулова, с пятнами на венчике и внешней поверхности. Заизвестковано.

Время и место находки: 2006, хозяйственная яма 48 в СК XX (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,78].

RS 28 (рис. 6,4). Блюда археологически целого профиля фрагмент (6,6x7,1), D. 28,0, H. 4,5, d. 18,5. Глиняное тесто светлое красновато-коричневое (2.5 YR 6/4). Красный лак (10 R 4/6-4/8) по всей сохранившейся поверхности, с темной полосой по внешнему краю венчика, с пятнами на внешней стороне.

Время и место находки: 2006. Кв. 18, 20, 36. Суглинок желтого цвета (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,12].

RS 29 (рис. 6,5). Блюда венчика с частью тулова фрагмент (12,9x7,2), D. 31,0. Глиняное тесто светло-красное (2.5 YR 6/6). Красный лак (2.5 YR 4/8) на внутренней и в верхней части на внешней стороне с потеками.

Время и место находки: 2005. Кв. 37–41. Суглинистый серо-желтый рыхлый слой (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,4].

RS 30 (рис. 6,6). Блюда археологически целого профиля фрагмент (13,0x9,3), D. 32,0, H. 5,8, d. 23,0. Глиняное тесто светло-красное (2.5 YR 6/6). Красный лак (2.5 YR 5/8) по всей поверхности, включая нижнюю поверхность дна.

Время и место находки: 2005, хозяйственная яма 20 (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,67].

RS 31 (рис. 7,2). Блюда археологически целого профиля фрагмент (32,2x12,2, восстановлено из 8-ми фрагментов), D. 32,2, H. 4,8–5,2, d. 23,3–23,5. Четыре отверстия в стенках тулова и дна. Глиняное тесто красновато-желтое (5 YR 7/6). Красный лак (10 R 4/8-5/8) неравномерно покрывает внутреннюю и внешнюю поверхности, с пятнами на нижней стороне дна, большей частью оставленного в цвете глины.

Время и место находки: 2004. Кв. 13-20, 28-30. Суглинистый желтый слой на уровне СК XIV (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,11], КП 160218, КМАК 16798, к.о. 98.

RS 32 (рис. 7,3). Блюда венчика с частью тулова фрагмент (8,4x6,0), D. 26,0. Глиняное тесто светло-красное (2.5 YR 6/8). Красный лак (2.5 YR 4/8) по всей поверхности, плохой сохранности на внутренней стороне и по венчику, более темного оттенка на верхней и внешней стороне венчика.

Время и место находки: 2005. Кв. 37–41. Суглинистый серо-желтый рыхлый слой (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,4].

RS 33 (рис. 7,4). Блюда археологически целого профиля фрагмент (6,1x7,4), D. ?, H. 4,5. Глиняное тесто светло-красное (2.5 YR 6/8). Красный лак (2.5 YR 4/8) по всей поверхности, с темной полосой на верхней и внешней стороне венчика. На внутренней стороне лак плохой сохранности.

Время и место находки: 2005. Кв. 37–41. Суглинистый серо-желтый рыхлый слой (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,4].

Сосуды с врезным гребенчатым орнаментом⁴ (рис. 7,7).

Кувшин (рис. 7,8).

Группа «Поздний римский С / Фокейская краснолаковая керамика» (рис. 8–12)

Форма 1 (рис. 8,1–6)

Миски с вертикальным венчиком, на скошенном книзу кольцевом поддоне разной высоты; без орнамента.

Форма 1А (рис. 8,1–4)

Миски варианта 1А отличаются наличием четкого ребра на внешней стороне под венчиком, а также средней высоты кольцевым поддоном, скошенным книзу на внешней стороне.

RS 34 (рис. 8,1). Миски археологически целого профиля фрагмент (12,8x12,2), D. 24,2, H. 6,3–6,7, d. 12,6. Глиняное тесто красное (10 R 5/6) с включениями золотистой слюды. Плохой сохранности красный лак (2.5 YR 4/8) по всей поверхности. Частично со следами пребывания в огне после облома.

Время и место находки: 2006, хозяйственная яма 48 (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,78].

RS 35 (рис. 8,4). Миски dna на кольцевом поддоне фрагмент (9,6x6,5), d. 16,0. Глиняное тесто красное (2.5 YR 5/6) с включениями серебристой слюды. Красный лак (2.5 YR 4/8) по всей поверхности.

Время и место находки: 2004. Кв. 32–35. Суглинистый серо-желтый рыхлый слой (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,3].

Форма 1В (рис. 8,5).

Миски этого варианта характеризуются более мягким изгибом между венчиком и туловом, а также низким кольцевым поддоном, скошенным книзу на внешней стороне.

RS 36 (рис. 8,5). Миски венчика с частью тулова фрагмент (12,5x4,5), D. 25,5. Глиняное тесто красное (2.5 YR 5/8). Красный лак (10 R 4/6) по всей поверхности, плохой сохранности на внешней стороне.

Время и место находки: 2006. Слой перекопов [13, табл. 1,103].

Форма 1D (рис. 8,6).

Миски маленького варианта с прямым округлым венчиком, слегка выпуклым туловом, на низком кольцевом поддоне, скошенном книзу на внешней стороне.

RS 37 (рис. 8,6). Миски венчика с частью тулова фрагмент (4,7x2,9), D. 16,0. Глиняное тесто красное (2.5 YR 5/8). Красный лак (2.5 YR 4/8-5/8) по всей поверхности, с более темной полосой на внешней стороне венчика.

Время и место находки: 2006. СК-XXII, суглинистый слой (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,47].

Форма 1D/2A (рис. 8,7).

Миска с простым округлым венчиком, усечено-коническим или слегка выпуклым туловом, на низком кольцевом поддоне; дно орнаментировано медальоном из радиально расположенных штампов.

Форма 2 (рис. 8,8–9).

Миски с широким горизонтально отогнутым венчиком, неглубоким выпуклым туловом, на низком кольцевом поддоне; иногда дно украшено медальоном из радиально расположенных штампов.

Форма 2А (рис. 8,8).

Вариант больших мисок с широким венчиком; орнаментированы (см. выше).

Форма 2С (рис. 8,9).

⁴ См. формы 3 и 7 выше.

Вариант больших мисок с широким венчиком, ступенчатым на верхней стороне; орнаментированы (см. выше).

Форма 3 (рис. 9–11; 12, 1–3).

Миски с вертикальным клювовидным венчиком, выпуклым туловом, на низком кольцевом поддоне; часто украшены штампованным орнаментом на дне, иногда вместе с поясами в несколько рядов прокатанных насечек и врезными линиями, а также с поясами из одного-трех рядов насечек на внешней стороне венчика.

Форма 3А (рис. 9, 1).

Самый ранний вариант с невысоким клювовидным венчиком; иногда орнаментированы.

RS 38 (рис. 9, 1). Миски венчика с частью тулова фрагмент (5, 1х3, 8), D. 28, 0. Глиняное тесто красное (2.5 YR 5/6). Красный лак (2.5 YR 5/8) по всей поверхности, с желтовато-красной полосой (5 YR 5/6) на внешней стороне венчика. Частично закопчен, со следами пребывания у огня в разбитом виде.

Время и место находки: 2005. Слой перекопов [13, табл. 1, 103].

Форма 3В (рис. 9, 2, 3).

Ранний вариант с высоким и массивным вертикальным венчиком с западиной на внешней и верхней стороне; иногда орнаментирован.

RS 39 (рис. 9, 2). Миски венчика с одним рядом насечек на внешней стороне венчика с частью тулова фрагмент (13, 0х6, 1), D. 25, 0. Глиняное тесто красное (2.5 YR 5/6). Красный лак (2.5 YR 5/8) по всей поверхности с более темной полосой (10 R 4/6) на внешней стороне венчика. Пояс из, отверстие в стенке тулова. Внешняя поверхность слоистая.

Время и место находки: 2005, хозяйственная яма 20 (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1, 67].

Форма 3С (рис. 9, 4).

Развитый вариант с высоким вертикальным венчиком, слегка вогнутым на внешней стороне, с округлым или заостренным краем; иногда орнаментированы.

RS 40 (рис. 9, 4). Миски венчика с тремя рядами насечек на внешней стороне и частью тулова фрагмент (6, 4х3, 1), D. 23, 0. Глиняное тесто красное (10 R 5/6). Красный лак (10 R 4/6) по всей сохранившейся поверхности с темной полосой на внешней стороне венчика.

Время и место находки: 2004. Кв. 32–35. Суглинистый серо-желтый рыхлый слой (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1, 3].

Форма 3С/D⁵ (рис. 9, 5).

RS 41 (рис. 9, 5). Миски с венчиком с тремя рядами насечек на внешней стороне и частью тулова фрагмент (9, 0х5, 7), D. 25, 0. Округлое отверстие на венчике. Глиняное тесто красное (10 R 5/8). Красный лак (10 R 4/8) по всей сохранившейся поверхности.

Время и место находки: 2006. Слой перекопов [13, табл. 1, 103].

Форма 3D (рис. 9, 6–8).

Развитый вариант с нижней частью венчика в виде выступающего валика; часто орнаментирован.

RS 42 (рис. 9, 6). Миски венчика и частью тулова фрагмент (6, 9х3, 1), D. 27, 0. Глиняное тесто красное (2.5 YR 4/6). Красный лак (10 R 4/6) по всей поверхности.

Время и место находки: 2004. Кв. 32–35. Суглинистый серо-желтый рыхлый слой (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1, 3].

RS 43 (рис. 9, 7). Миски венчика с тремя рядами насечек на внешней стороне и частью тулова фрагмент (6, 0х3, 7), D. 25, 0. Округлое отверстие на венчике. Глиняное тесто красное (10 R 5/6). Красный лак (10 R 5/8) по всей поверхности.

Время и место находки: 2004. Кв. 32–35. Суглинистый серо-желтый рыхлый слой (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1, 3].

⁵ См. соответствующие базовые варианты выше и ниже.

RS 44 (рис. 9,8). Миски венчика с двумя рядами насечек на внешней стороне и частью тулова фрагмент (8,6x4,2), D. 23,0. Глиняное тесто красное (10 R 5/8). Красный лак (10 R 4/8) по всей поверхности.

Время и место находки: 2006. Кв. 18, 20, 36. Суглинок желтого цвета (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,12].

Форма 3E (рис. 10,1–3).

Развитый вариант с высоким вертикальным венчиком, слегка вогнутым на внешней стороне, с небольшим ребром-смещением при переходе к тулову; часто орнаментированы.

RS 45 (рис. 10,1). Миски венчика и части тулова фрагмент (6,8x2,6), D. 25,0. Глиняное тесто красное (2.5 YR 5/8). Красный лак (10 R 5/8) по всей поверхности.

Время и место находки: 2006, хозяйственная яма 74 (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,85].

RS 46 (рис. 10,2). Миски венчика с двумя рядами насечек на внешней стороне и частью тулова фрагмент (7,9x3,0), D. 26,0. Глиняное тесто красное (2.5 YR 5/8). Красный лак (2.5 YR 4/8) по всей поверхности, с более темной полосой (10 R 4/6) на внешней стороне венчика.

Время и место находки: 2004. Кв. 32–35. Суглинистый серо-желтый рыхлый слой (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,3].

RS 47 (рис. 10,3). Миски венчика с тремя рядами насечек на внешней стороне и частью тулова фрагмент (8,4x4,8), D. 27,0. Глиняное тесто красное (2.5 YR 5/8). Красный лак (10 R 4/6–4/8) по всей поверхности.

Время и место находки: 2006. Кв. 1–4. Суглинистый слой темно-желтого оттенка (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,6].

Форма 3E/F⁶ (рис. 10,4).

RS 48 (рис. 10,4). Миски венчика с частью тулова фрагмент (6,8x2,5), D. 28,0. Глиняное тесто красное (2.5 YR 4/6). Красный лак (2.5 YR 4/8) по всей поверхности с более темной полосой на внешней стороне венчика.

Время и место находки: 2004. Кв. 32–35. Суглинистый серо-желтый рыхлый слой (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,3].

Форма 3F (рис. 10,5–8; 11,1–4).

Поздний вариант с более коротким венчиком с массивным нижним краем и вогнутой внешней стороной, с широкой нижней поверхностью и ребром-смещением при переходе к тулову; часто декорированы.

RS 49 (рис. 10,5). Миски венчика с тремя рядами насечек на внешней стороне и частью тулова фрагмент (4,7x5,0), D. 25,0. Глиняное тесто светло-красное (2.5 YR 6/8). Красный лак (2.5 YR 5/8) по всей поверхности.

Время и место находки: 2005. Хозяйственная яма № 31 (СЗ часть двора СК-1) (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,75].

RS 50 (рис. 10,6). Миски венчика с частью тулова фрагмент (10,3x4,1, склеен из 3-х фрагментов), D. 26,0. Глиняное тесто красное (10 R 5/6–5/8). Красный лак (10 R 4/6) по всей поверхности.

Время и место находки: 2005, хозяйственная яма 20 (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,67].

RS 51 (рис. 11,2). Миски венчика с двумя рядами насечек на внешней стороне и частью тулова фрагмент (9,1x3,3), D. 23,8. Глиняное тесто красное (2.5 YR 5/8). Красный лак (2.5 YR 5/8) по всей сохранившейся поверхности.

Время и место находки: 2006. Слой перекопов [13, табл. 1,103].

RS 52 (рис. 11,3). Миски венчика с частью тулова фрагмент (7,1x4,2), D. 21,0. Глиняное тесто красное (10 R 5/6). Красный лак (10 R 4/6) по всей поверхности. Частично заизвесткована.

Время и место находки: 2005. Слой перекопов [13, табл. 1,103].

⁶ См. соответствующие базовые варианты выше и ниже.

RS 53 (рис. 11,4). Миски венчика с частью тулова фрагмент (9,0x4,5), D. 24,0. Глиняное тесто красное (2.5 YR 5/8). Красный лак (2.5 YR 5/8) по всей сохранившейся поверхности.

Время и место находки: 2006. Слой перекопов [13, табл. 1,103].

Форма 3F/G⁷ (рис. 11,5,6).

RS 54 (рис. 11,5). Миски венчика и части тулова фрагмент (5,6x3,8), D. 28,0. Глиняное тесто красное (10 R 5/6). Красный лак (10 R 4/8) по всей поверхности.

Время и место находки: 2004. Кв. 32–35. Суглинистый серо-желтый рыхлый слой (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,3].

RS 55 (рис. 11,6). Миски венчика с частью тулова фрагмент (9,3x3,0), D. 22,0. Глиняное тесто красное (10 R 5/8). Красный лак (10 R 4/8) по всей поверхности. Частично заизвесткована.

Время и место находки: 2006. Кв. 40–41. СК-XX, помещение I. Суглинистый слой (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,43].

Форма 3G (рис. 11,7).

Поздний вариант со слегка выпуклой внешней поверхностью и, соответственно, вогнутой внутренней стороной; редко орнаментировались.

Форма 3 – маленькие формы (рис. 12,1–3).

RS 56 (рис. 12,2). Миски венчика с частью тулова фрагмент (7,2x2,7), D. 14,2. Глиняное тесто красное (10 R 5/8). Красный лак (10 R 4/8) по всей сохранившейся поверхности.

Время и место находки: 2006. Кв. 37, 38. Суглинистый слой темно-желтого оттенка (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,98].

Форма 8 (рис. 12,4).

Миски с широким венчиком с выступающим внутренним и внешним краем, со слегка вогнутой ступенчатой внешней поверхностью, усечено-коническим туловом с ребром в нижней части, на кольцевом поддоне.

Сосуды со штампами (рис. 12,5–10).

RS 57 (рис. 12,5). Сосуда открытого типа дна на низком кольцевом поддоне и частью тулова фрагмент (6,8x8,4), d. 11,0. Глиняное тесто красное (2.5 YR 5/8). Красный лак (2.5 YR 4/8) по всей поверхности. В центре дна штамп в виде композиции с радиально расположенными пальмовыми листьями внутри врезной концентрической линии (группа I, мотив 1).

Время и место находки: 2006. Слой перекопов [13, табл. 1,103].

RS 58 (рис. 12,6). Сосуда открытого типа дна на кольцевом поддоне центральной части фрагмент (4,7x2,2). Глиняное тесто светло-красное (10 R 6/8). Красный лак (10 R 5/8) по всей сохранившейся поверхности. В центре дна обломок штампа в виде бегущего оленя головой вперед (группа III, мотив 41).

Время и место находки: 2003. Слой перекопов [13, табл. 1,103]. КП 157685, КМАК 16327, к.о. 7.

RS 59 (рис. 12,7). Сосуда открытого типа дна на кольцевом поддоне центральной части фрагмент (2,7x3,3). Глиняное тесто красное (10 R 5/6). Красный лак (10 R 4/8) по всей сохранившейся поверхности. В центре дна штамп в виде монограмматического креста с двумя окружностями-подвесками в междукрестии и Rho справа (группа III, мотив 67).

Время и место находки: 2005. Хозяйственная яма № 31 (СЗ часть двора СК-I) (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,75]. КП 162964, КМАК 17280, к.о. 30.

RS 60 (рис. 12,8). Сосуда открытого типа дна на кольцевом поддоне центральной части фрагмент (5,1x4,6). Глиняное тесто красное (10 R 5/6). Красный лак (10 R 4/8) по всей сохранившейся поверхности. В центре дна штамп в виде креста, выполненного двойной линией (группа III, мотив 71).

⁷ См. соответствующие базовые варианты выше и ниже.

Время и место находки: 2004. Кв. 19–20. Суглинистый желтый слой (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,13]. КП 160239, КМАК 16803, к.о. 120.

RS 61 (рис. 12,9). Сосуда открытого типа дна на кольцевом поддоне фрагмент (4,7x4,1). Глиняное тесто светло-красное (10 R 6/6). Красный лак (2.5 YR 5/8) на внутренней стороне, с пятнами на нижней стороне дна. В центре дна штамп в виде креста двойной линией контура (группа III, мотив 73).

Время и место находки: 2004. Кв. 21, 31. Суглинистый желтый слой (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,13]. КП 160247, КМАК 16804, к.о. 130.

RS 62 (рис. 12,10). Сосуда открытого типа дна на кольцевом поддоне центральной части фрагмент (4,2x4,3). Глиняное тесто красное (10 R 5/8). Красный лак (2.5 YR 4/8) по всей поверхности. В центре дна штамп (группа III, мотив 41–43?).

Время и место находки: 2004. Кв. 32–35. Суглинистый серо-желтый рыхлый слой (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,3].

Группа «Африканская краснолаковая керамика» (рис. 13,1–4)

Форма 99 (рис. 13,1–3)

Миски с клювовидным венчиком, выпуклым туловом, ребром-смещением на внутренней стороне в придонной части, на расширяющемся книзу кольцевом поддоне.

Форма 99А (рис. 13,1)

Ранний вариант характеризуется большим диаметром венчика и диаметром дна составляющим более половины диаметра венчика, а также сравнительно высоким кольцевым поддоном.

RS 63 (рис. 13,1). Миски археологически целой фрагмент (около 80% сосуда сохранилось, склеен из 4-х фрагментов), D. 18,6, H. 5,9–6,1, d. 9,7. Глиняное тесто красное (10 R 5/8). Красный лак (10 R 5/8) на внутренней и только в верхней части с потеками на внешней стороне. Мелкие сколы лака на поверхности. Штамп в центре дна в виде украшенного греческого креста внутри врезной окружности (стиль E (i)/(ii), вариант мотива 316).

Время и место находки: 2003. Кв. 14. СК-VII, на полу (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,33]. КП 157723, КМАК 16334, к.о. 54.

Форма 99А или 99В (рис. 13,2–3).

RS 64 (рис. 13,2). Миски венчика с частью тулова фрагмент (4,6x4,2), D. 20,0. Глиняное тесто красное (2.5 YR 5/8). Красный лак (2.5 YR 5/8) на внутренней и в верхней части на внешней стороне.

Время и место находки: 2006. Хозяйственная яма № 57 (вторая четверть VI в.) [13, табл. 1,99].

Форма 59-76 (?) со штампом (рис. 13,4).

Большие блюда с разной формой венчика, округлым туловом и плоским дном; со радиальным штампованным орнаментом в центральной части дна.

Группа «Позднеримская светлоглиняная керамика» (рис. 13,5)

Миска с венчиком с выступающим внешним краем, желобками на верхней и внешней стороне.

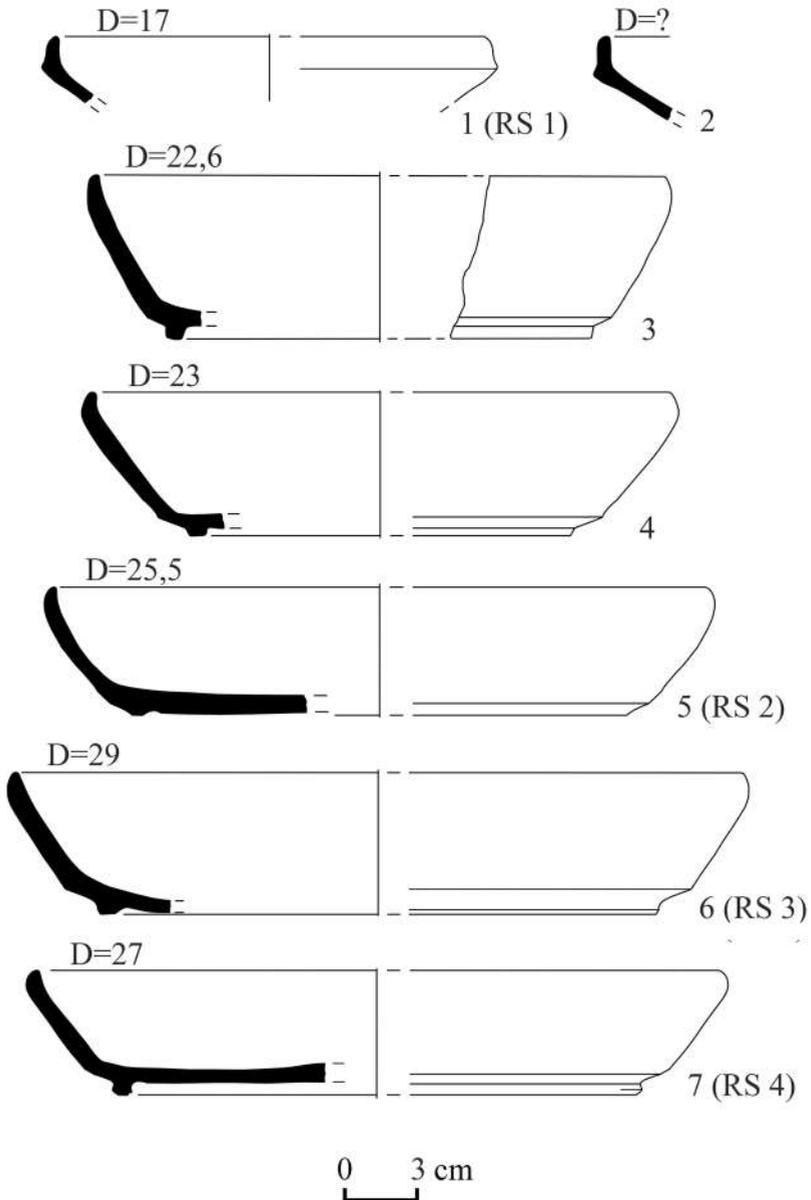

Рис. 1. Группа «Понтийская краснолаковая керамика»: формы 0 (1–2) и 1А (3–7)

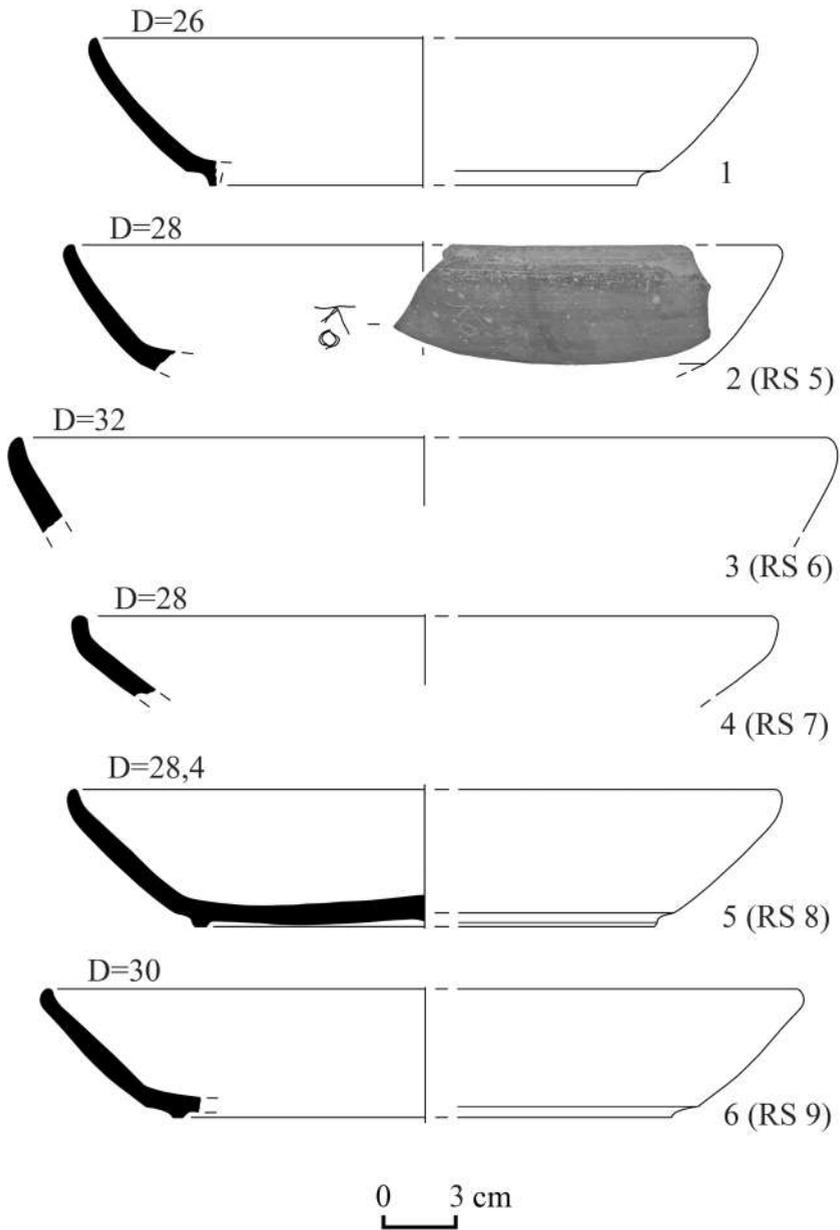

Рис. 2. Группа «Понтийская краснолаковая керамика»: формы 1А (1–3) и 1А/В (4–6)

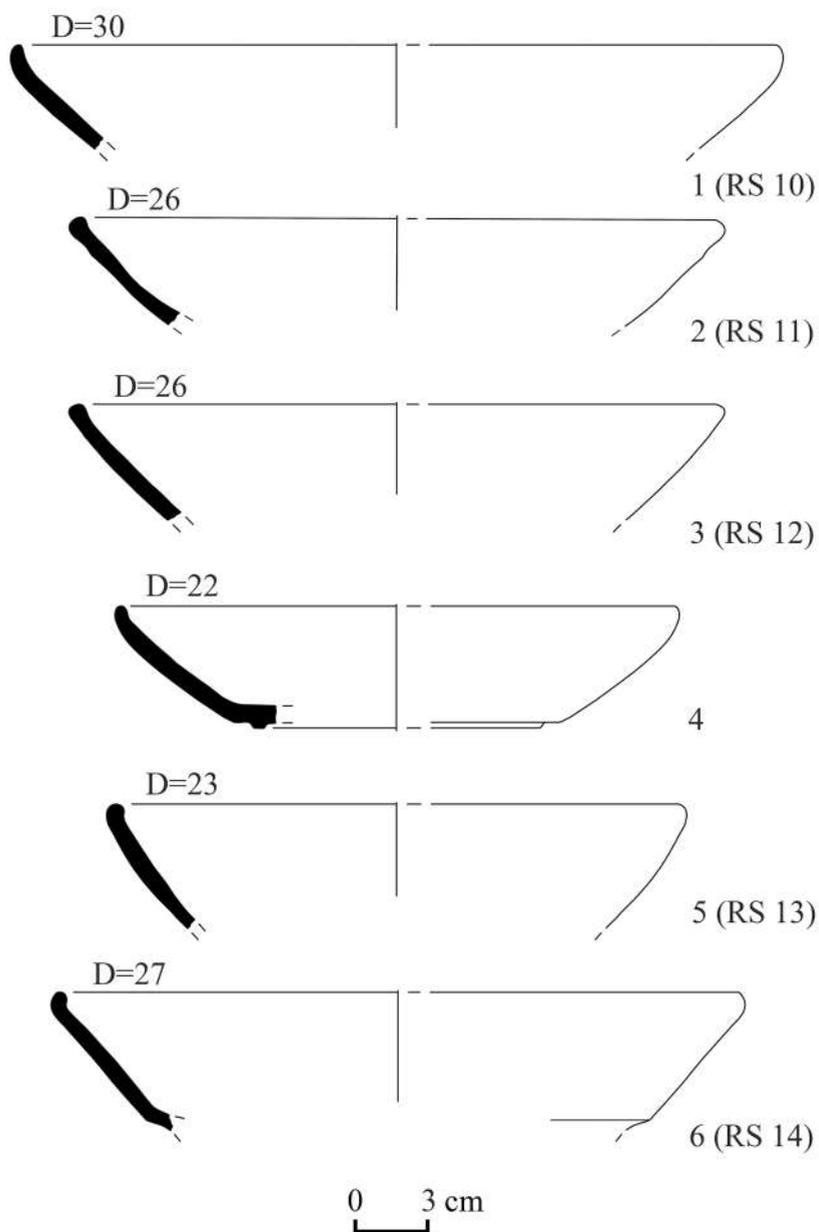

Рис. 3. Группа «Понтийская краснолаковая керамика»: форма 1А/В

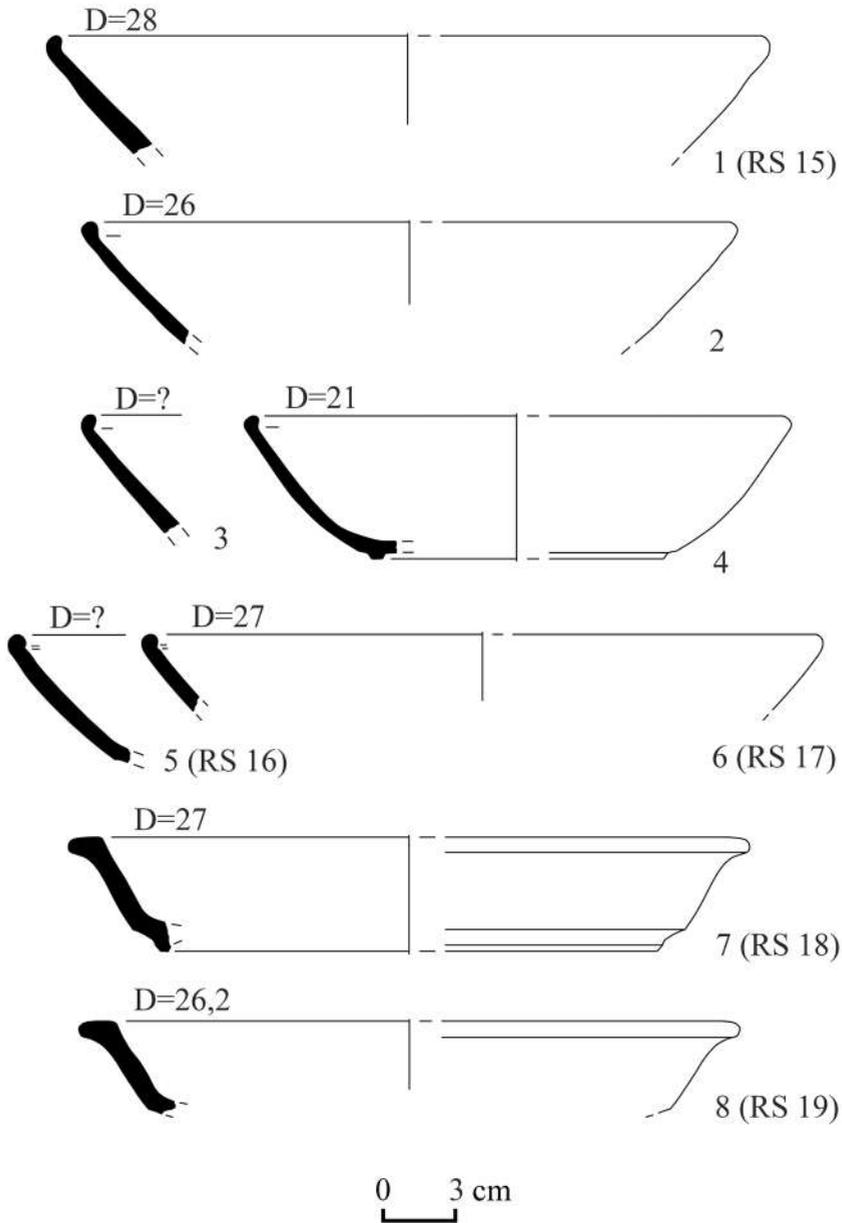

Рис. 4. Группа «Понтийская краснолаковая керамика»: формы 1А/В (1), 1В (2–6) и 2 (7–8)

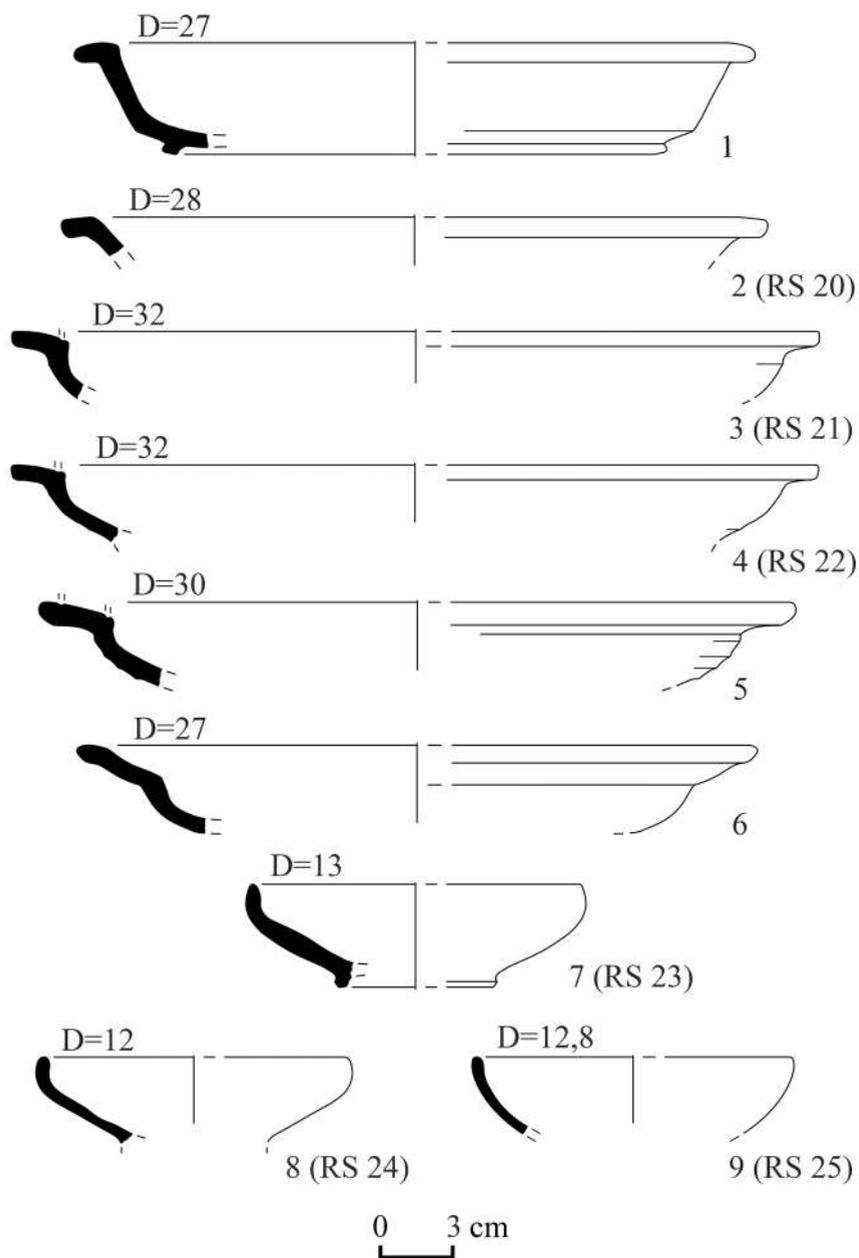

Рис. 5. Группа «Понтийская краснолаковая керамика»: формы 2 (1–2), 3 (3–6) и 4 (7–9)

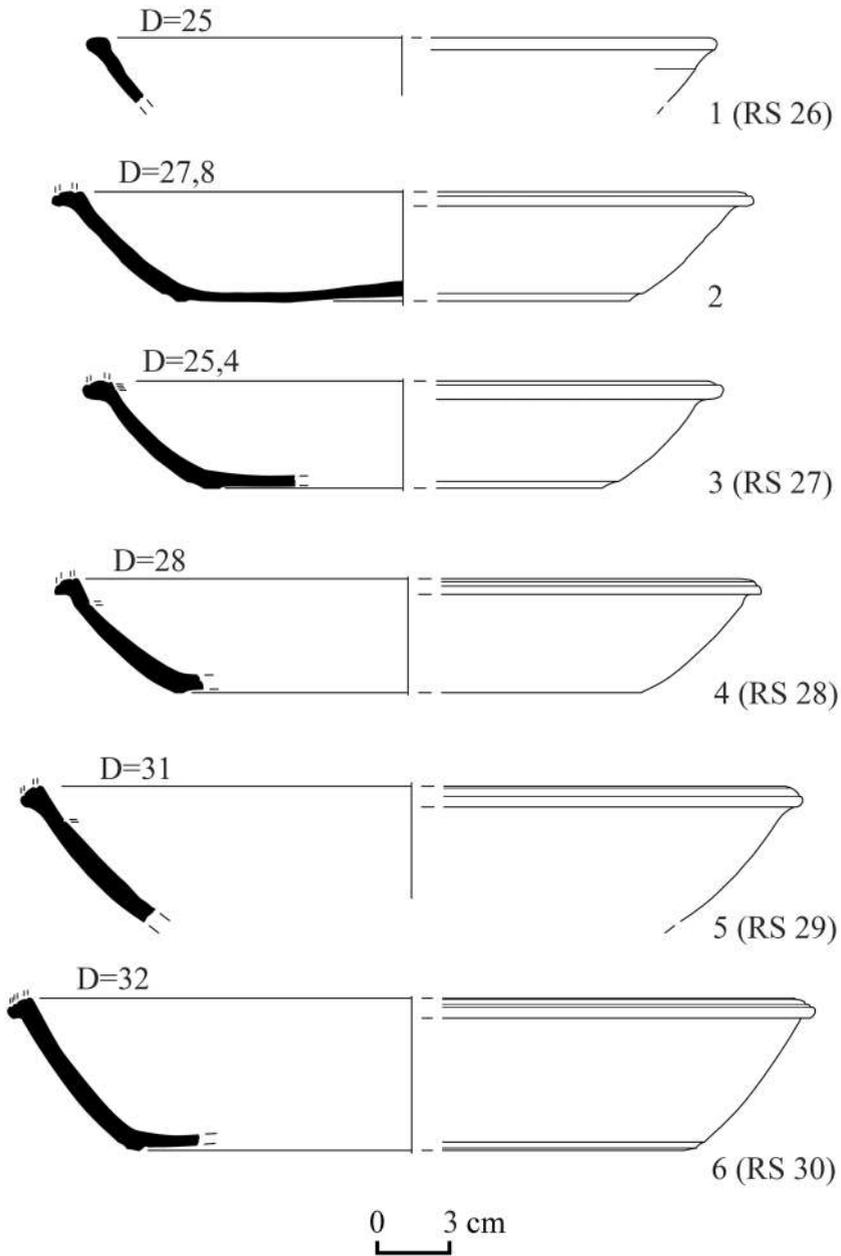

Рис. 6. Группа «Понтийская краснолаковая керамика»: форма 7

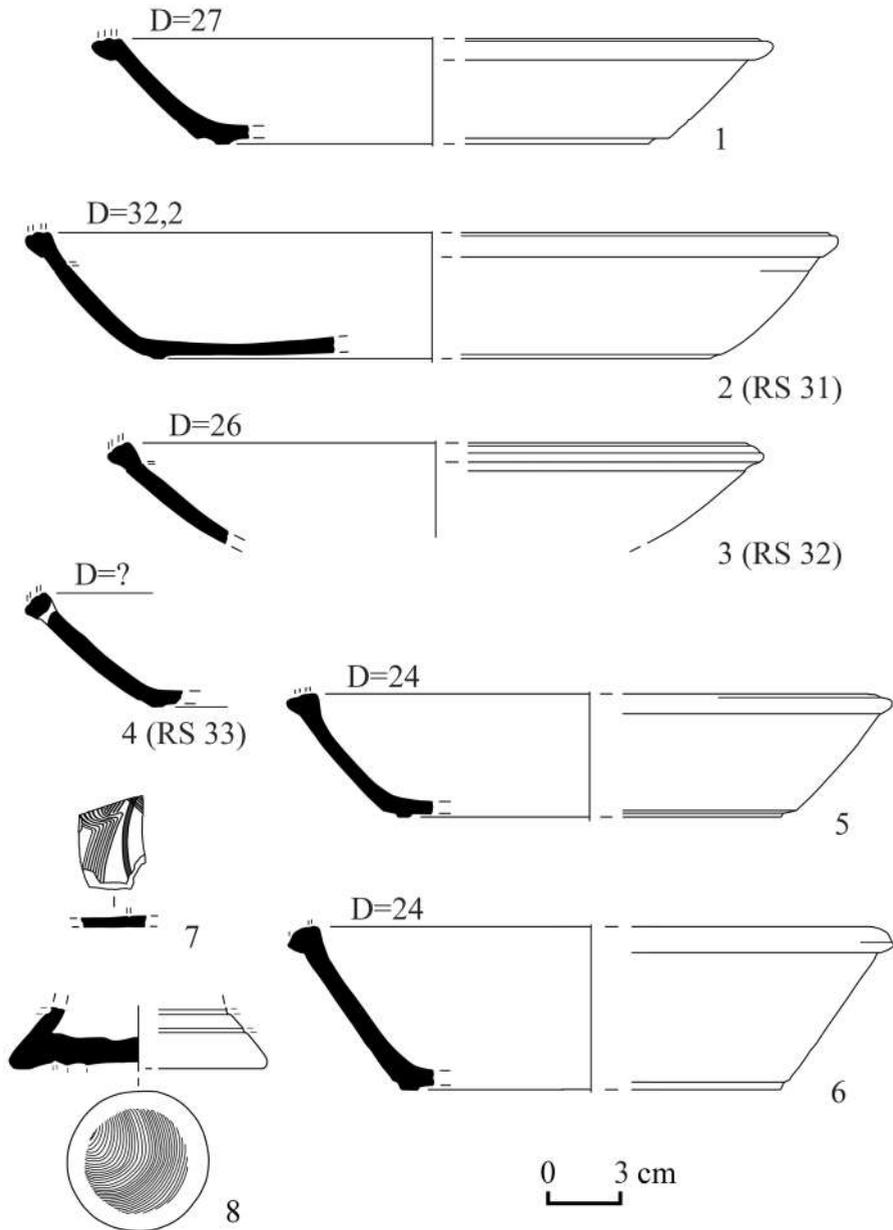

Рис. 7. Группа «Понтийская краснолаковая керамика»: форма 7 (1–6) и блюдо с врезным орнаментом (7)

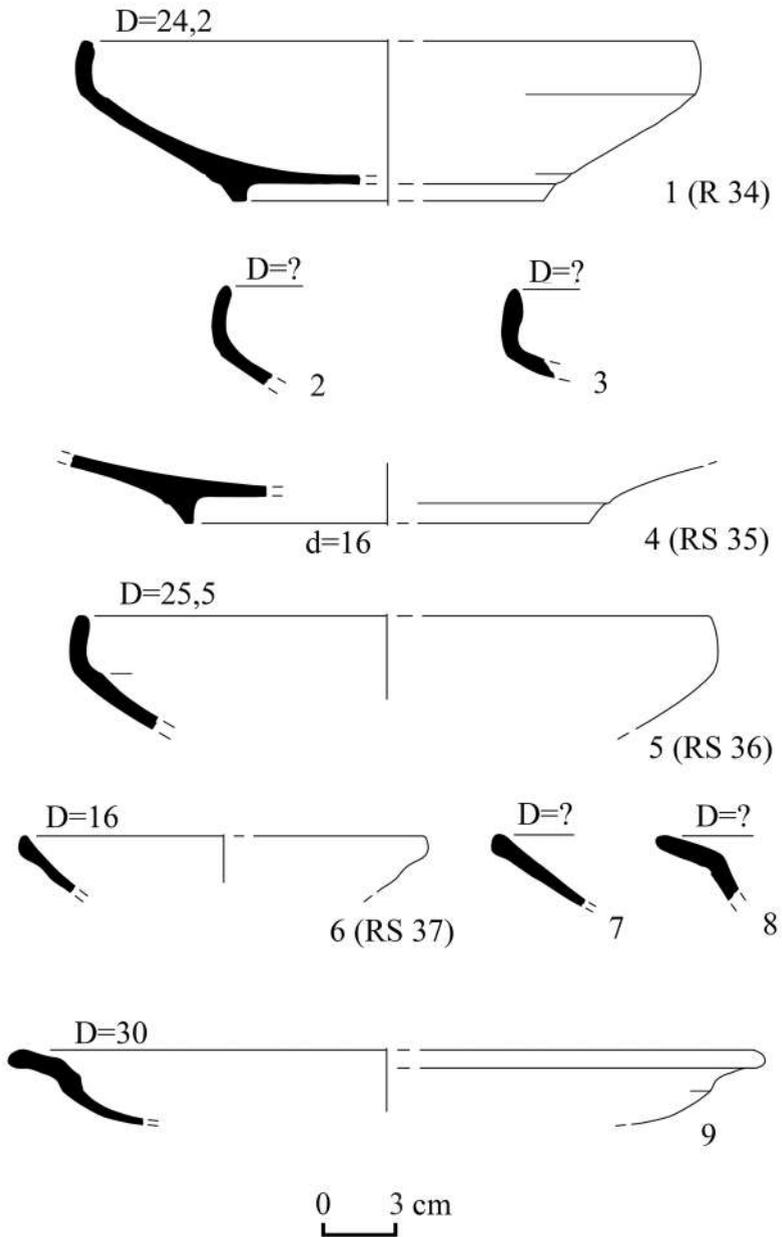

Рис. 8. Группа «Поздний римский С / Фокейская краснолаковая керамика»: формы 1А (1–4), 1В (5), 1D (6), 1D/2А (7), 2А (8), 2С (9)

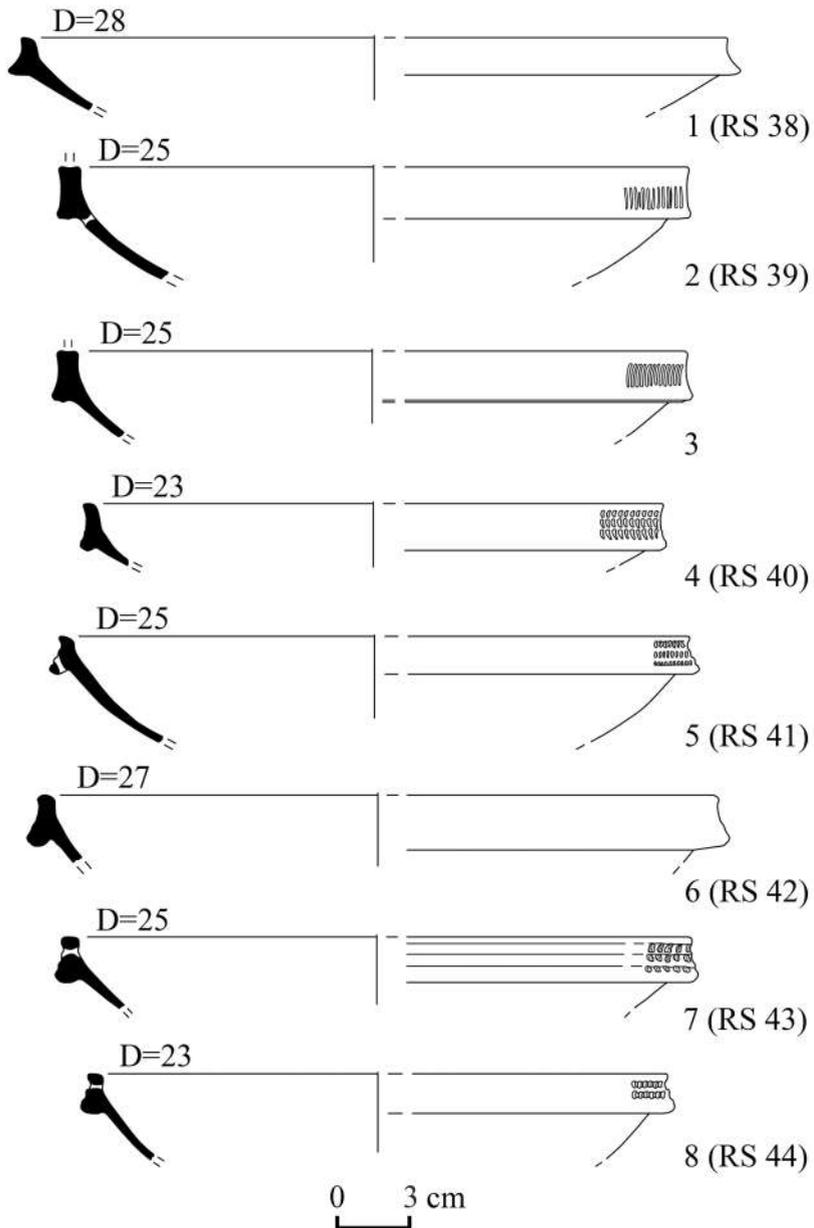

Рис. 9. Группа «Поздний римский С / Фокейская краснолаковая керамика»: формы 3А (1), 3В (2–3), 3С (4), 3С/Д (5), 3Д (6–8)

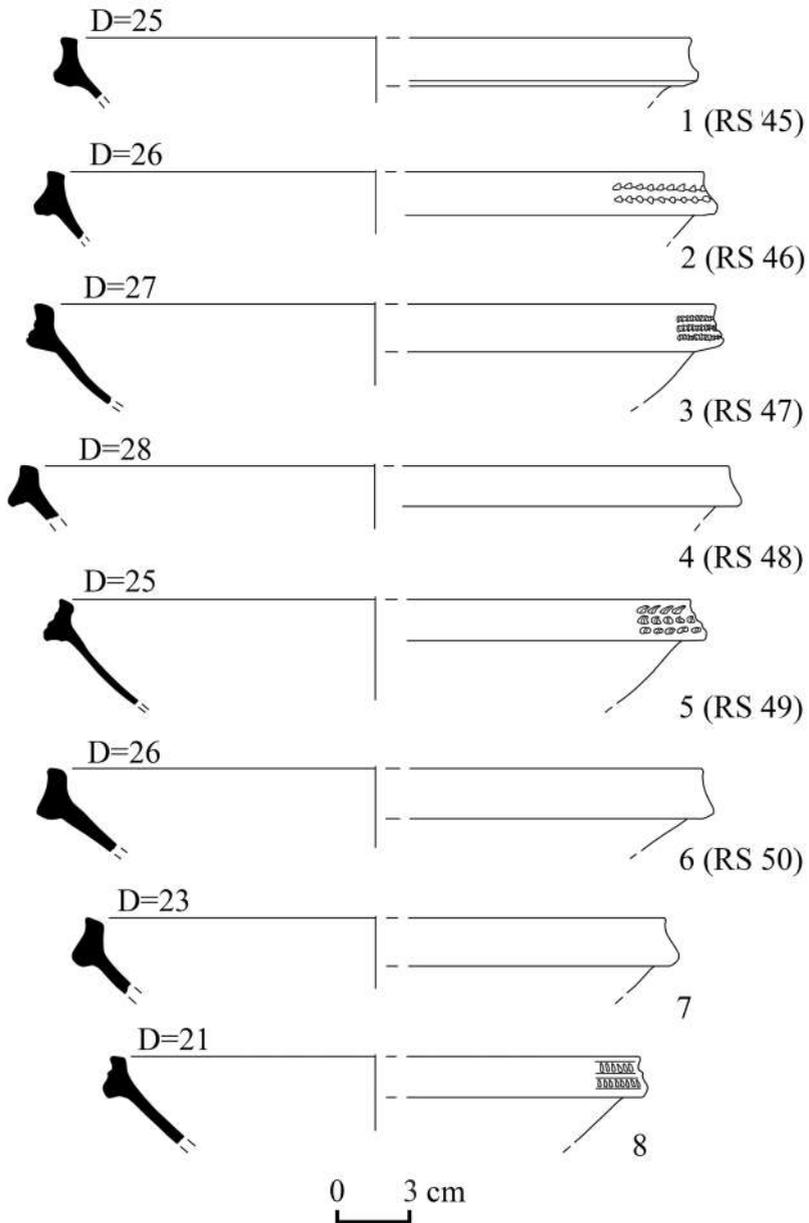

Рис. 10. Группа «Поздний римский С / Фокейская краснолаковая керамика»: формы 3Е (1–3), 3Е/Ф (4), 3Ф (5–8)

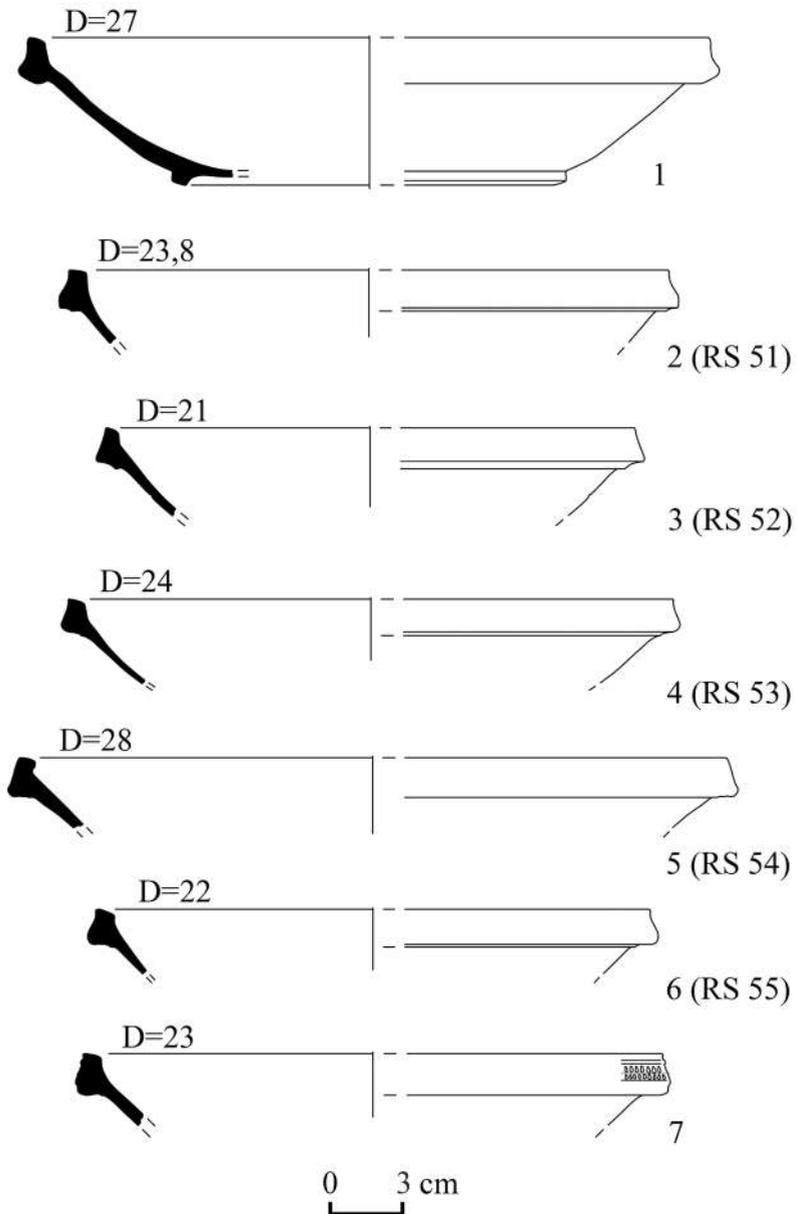

Рис. 11. Группа «Поздний римский С / Фокейская краснолаковая керамика»: формы 3F (1–4), 3F/G (5–6), 3G (7)

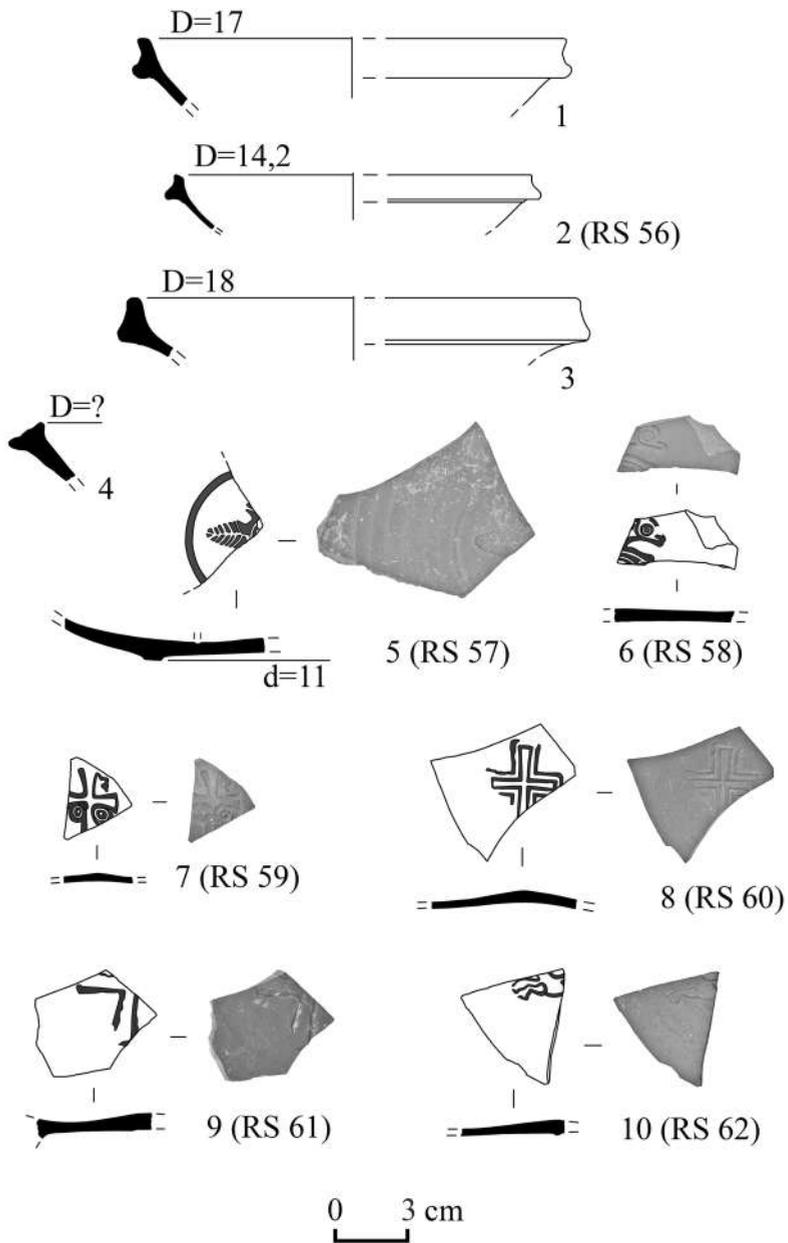

Рис. 12. Группа «Поздний римский С / Фокейская краснолаковая керамика»: формы 3 small (1–3) и 8 (4), сосуды со штампами (5–10)

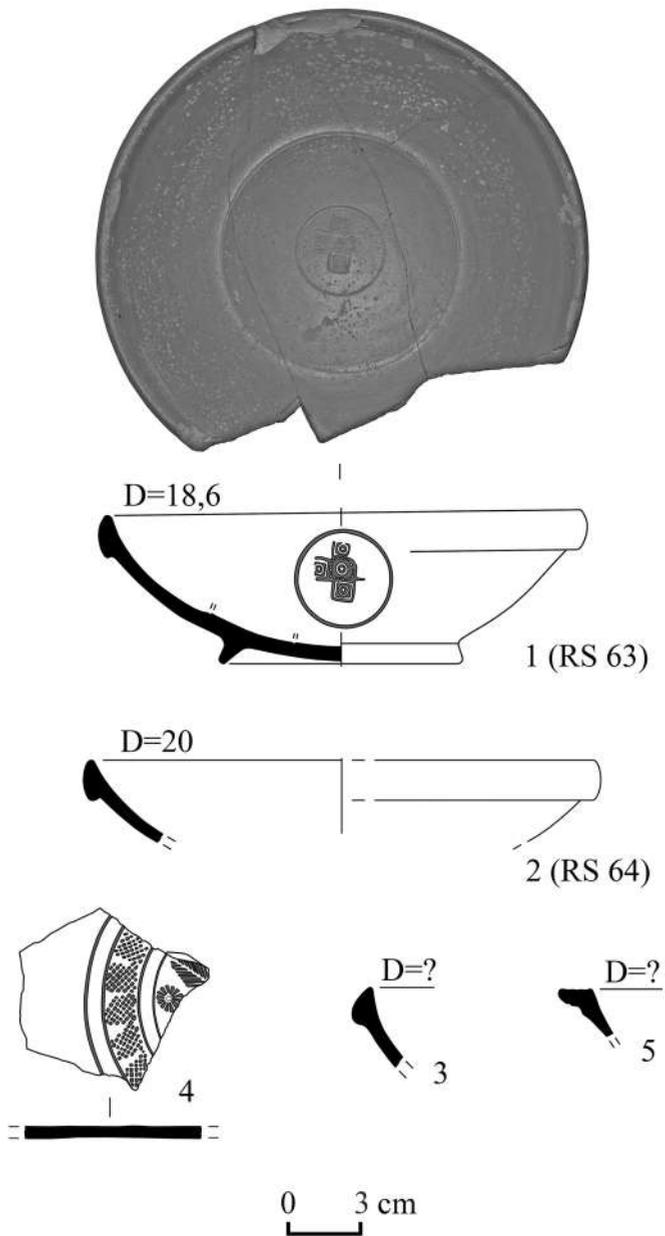

Рис. 13. Группа «Африканская краснолаковая керамика» (1–4): формы 99А со штампом (1) и 99А? (2–3), форма 59–76 со штампом (4). Группа «Позднеримская светлоглиняная керамика» (5)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атавин А.Г. Краснолаковая керамика IV–VI вв. н.э. из Фанагории // Боспорский сборник. М., 1993. Вып. 2. С. 149–171.
2. Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки 1935–1940 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 15–134.
3. Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика юго-западного Крыма I–III вв. н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь, 2010. 320 с. (МАИЭТ. Suppl. 9).
4. Книпович Т.Н. Краснолаковая керамика первых веков н.э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935–1940 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 289–326.
5. Книпович Т.Н., Славин Л.М. Раскопки юго-западной части Тиритаки // МИА. 1941. № 4. С. 37–60.
6. Крапивина В.В., Домжалский К. Позднеантичная Ольвия в свете находок краснолаковой керамики // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. Материалы юбилейного международного круглого стола, посвященного 10-летию конференции «Боспорский феномен» / ред. М.Ю. Вахтина, В.Ю. Зуев. СПб.: Нестор–История, 2008. С. 73–81.
7. Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. № 4. С. 41–60.
8. Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // МАИЭТ. 1994. Вып. IV. С. 406–433.
9. Сазанов А.В. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV–V вв. // ПИФК. Москва-Магнитогорск, 1999. Вып. VII. С. 224–293.
10. Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф. К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора // СА. 1989. № 1. С. 84–102.
11. Смокотина А.В. Керамика группы «Африканская краснолаковая» из раскопок в Керчи // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 328–362.
12. Смокотина А.В. Импорт краснолаковой керамики в г. Боспор в конце IV – первой половине VII вв. // Древности Боспора. М., 2015. Т. 19. С. 312–339.
13. Смокотина А.В. Амфоры позднеримского и ранневизантийского времени // Зинько В.Н., Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том III. Археологические комплексы второй половины III – VII вв. Симферополь, Керчь, 2020. С. 509–618.
14. Arsen'eva T.M., Domžalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais // *Eurasia Antiqua*. 2002. Bd. 8. P. 415–491.
15. Băjnearu C. Fine wares from the excavations of the Late Roman fort at Ulmetum (province of Scythia): Chronology of the late 4th and 5th century main contexts // *RCRF Acta*. 2018. 45. P. 501–510.
16. Bonifay M. *Études sur la céramique romaine tardive d'Afrique*. Oxford: Archaeopress, 2004. 525 p. (BAR IS 1301).
17. Domžalski K. Notes on Late Roman red slip wares in the Bosporean Kingdom // *RCRF Acta*. 2000. 36. P. 161–168.
18. Domžalski K. Late Roman Light-Coloured ware: A rare group of fine pottery and its northern distribution (Bosporean region and the neighbouring Pontic littorals) // III Боспорские чтения. Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья / Ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь, 2002. С. 284–291.
19. Domžalski K. La céramique sigillée romaine tardive en Abkhazie // Kazanski M., Mastykova A. Tsibilium. La nécropole apside de Tsibilium. L'étude du site. Oxford: Archaeopress, 2007. Vol. 2. P. 75–77, 162–164. (BAR IS 1721-II).
20. Domžalski K. Roman to Early Byzantine fine pottery from Pompeiopolis in Paphlagonia. From the long distance trade to the local market // *Archeologia*. Warsaw, 2018. 67. P. 73–87.
21. Domžalski K. Pontic Red Slip Ware: Typology, Chronology and Distribution of a Major Group of Late Roman Fine Pottery in the Black Sea Region // *Bibliotheca Antiqua*. Warsaw, 2020. Vol. 25. (in print).
22. Domžalski K., Smokotina A.V. Late Roman and Early Byzantine fine pottery from Tyritake // Зинько В.Н., Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том III. Археологические комплексы второй половины III – VII вв. Симферополь, Керчь, 2020. С. 619–645.

23. Ergürer H.E. Late Roman Light Coloured Ware from Parion // Late Hellenistic to Mediaeval Fine Wares if the Aegean Coast of Anatolia. Their Production, Imitation and Use / Eds. H. Meyza, K. Domžalski. Warsaw, 2014. P. 175–191.
24. Fedoseev N.F., Domžalski K., Opařt A., Kulikov A.V. Post-Justinian pottery deposit from Pantikapaion-Bosporos: Rescue excavations at 12, Teatral'naja St. in Kerch, 2006 // Archeologia. Warsaw, 2010. 61. P. 63–94.
25. Hayes J.W. Late Roman Pottery. London: The British School at Rome, 1972. 477 p.
26. Hayes J.W. A Supplement to Late Roman Pottery. London: The British School at Rome, 1980. P. 479–551.
27. Hayes J.W. Sigillate orientali // Atlante delle forme ceramiche II: Ceramica fine romana nel Bacino mediterraneo (tardo ellenismo e primo impero). Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1985. P. 1–96.
28. Hayes J. W. The Pottery. Excavations at Saraçhane in Istanbul. Princeton: Princeton University Press, 1992. Vol. 2. 455 p.
29. Laflı E., Kan Şahin G. Hadrianopolis III. Ceramic Finds from Southwestern Paphlagonia. Oxford: Archaeopress, 2016. 457 p. (BAR IS 2786).
30. Mackensen M. Die spätantiken Sigillata- und Lampentöpfereien von El Mahrine (Nordtunesien). Studien zur nordafrikanischen Feinkeramik des 4. bis 7. München: G.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1993. 680 S.
31. Mackensen M. Technology and organisation of ARS ware production-centres in Tunisia // Studies on Roman Pottery of the Provinces of Africa Proconsularis and Byzacena (Tunisia). Hommage à Michel Bonifay / Ed. J.H. Humphrey. Portsmouth, 2009. P. 17–44. (JRA. Suppl. 76).
32. Mackensen M., Schneider G. Production centres of African red slip ware (3rd–7th c.) in northern and central Tunisia: archaeological provenance and reference groups based on chemical analysis // JRA. 2002. Vol. 15. P. 121–158.
33. Smokotina A.V. The North African red slip ware and amphorae imported into Early Byzantine Bosphorus // RCRF Acta. 2014. 43. P. 71–80.
34. Smokotina A. The import of Late Roman red slip ware into Bosphorus (Kerch) // RCRF Acta. 2018. 45. P. 643–652.
35. Zhuravlev D. Terra sigillata and red slip pottery from the late Skythian necropoleis of the south-western Crimea (1st–3rd centuries AD) // RCRF Acta. 2000. 36. P. 151–160.

REFERENCES

1. Atavin A.G. Krasnolakovaia keramika IV–VI vv. n.e. iz Fanagorii. *Bosporskii sbornik*, Moscow, 1993, Vol. 2, pp. 149–171.
2. Gaidukevich V.F. Raskopki Tiritaki 1935–1940 gg. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1952, No. 25, pp. 15–134.
3. Zhuravlev D.V. *Krasnolakovaia keramika iugo-zapadnogo Kryma I–III vv. n.e. (po materialam pozdneskifskikh nekropolei Bel'bekskoi doliny)*. Simferopol, 2010, 320 p.
4. Knipovich T.N. Krasnolakovaia keramika pervykh vekov n.e. iz raskopok Bosporskoj ekspeditsii 1935–1940 gg. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1952, No. 25. pp. 289–326.
5. Knipovich T.N., Slavin L.M. Raskopki iugo-zapadnoi chasti Tiritaki. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1941, No. 4, pp. 37–60.
6. Krapivina V.V., Domzhal'ski K. Pozdneantichnaia Ol'viia v svete nakhodok krasnolakovoı keramiki. *Materialy iubileinogo mezhdunarodnogo kruglogo stola, posviashchennogo 10-letiiu konferentsii «Bosporskii fenomen» "Bospor i Severnoe Prichernomor'e v antichnuii epokhu"*, St-Petersburg, 2008, pp. 73–81.
7. Sazanov A.V. O khronologii Bospora rannevizantiiskogo vremeni. *Sovetskaia arkheologiya*, 1989, No. 4, pp. 41–60.
8. Sazanov A.V. Krasnolakovaia keramika Severnogo Prichernomor'ia rannevizantiiskogo vremeni. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1994, Vol. IV, pp. 406–433.

9. Sazanov A.V. Keramicheskie komplekсы Severnogo Prichernomor'ia vtoroi poloviny IV–V vv. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 1999, Vol. VII, pp. 224–293.
10. Sazanov A.V., Ivashchenko Iu.F. K voprosu o datirovках pozdneantichnykh sloev gorodov Bospora. *Sovetskaia arkheologiia*, 1989, No. 1, pp. 84–102.
11. Smokotina A.V. Keramika gruppy «Afrikanskaia krasnolakovaia» iz raspokov v Kerchi. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2011, Vol. XVII, pp. 328–362.
12. Smokotina A.V. Import krasnolakovoi keramiki v g. Bospor v kontse IV – pervoi polovine VII vv. *Drevnosti Bospora*, Moscow, 2015, T. 19, pp. 312–339.
13. Smokotina A.V. Amfory pozdnerimskogo i rannevizantiiskogo vremeni. Zin'ko V.N., Zin'ko A.V., Ponomarev L.Iu. *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom III. Arkheologicheskie komplekсы vtoroi poloviny III – VII vv.* Simferopol, Kerch, 2020, pp. 509–618.
14. Arsen'eva T.M., Domžalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais. *Eurasia Antiqua*, 2002, Bd. 8, pp. 415–491.
15. Băjnearu C. Fine wares from the excavations of the Late Roman fort at Ulmetum (province of Scythia): Chronology of the late 4th and 5th century main contexts. *Rei Cretariae Romanae Fautorum Acta*, 2018, 45, pp. 501–510.
16. Bonifay M. *Études sur la céramique romaine tardive d'Afrique*. Oxford, Archaeopress BAR IS 1301, 2004, 525 p.
17. Domžalski K. Notes on Late Roman red slip wares in the Bosporan Kingdom. *Rei Cretariae Romanae Fautorum Acta*, 2000, 36, pp. 161–168.
18. Domžalski K. Late Roman Light-Coloured ware: A rare group of fine pottery and its northern distribution (Bosporan region and the neighbouring Pontic littorals). *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "III Bosporskie chteniia. Bospor Kimeriyskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia"*. Kerch, 2002, pp. 284–291.
19. Domžalski K. La céramique sigillée romaine tardive en Abkhazie. Kazanski M., Mastykova A. *Tsibilium. La nécropole apside de Tsibilium. L'étude du site*. Oxford, Archaeopress BAR IS 1721-II, 2007, Vol. 2, pp. 75–77, 162–164.
20. Domžalski K. Roman to Early Byzantine fine pottery from Pompeiopolis in Paphlagonia. From the long distance trade to the local market. *Archeologia (Warsaw)*, 2018, 67, pp. 73–87.
21. Domžalski K. Pontic Red Slip Ware: Typology, Chronology and Distribution of a Major Group of Late Roman Fine Pottery in the Black Sea Region. *Bibliotheca Antiqua*, Warsaw, 2020, vol. 25 (in print).
22. Domžalski K., Smokotina A.V. Late Roman and Early Byzantine fine pottery from Tyritake. Zin'ko V.N., Zin'ko A.V., Ponomarev L.Iu. *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom III. Arkheologicheskie komplekсы vtoroi poloviny III – VII vv.* Simferopol, Kerch, 2020, pp. 619–645.
23. Ergürer H.E. Late Roman Light Coloured Ware from Parion. Meyza H., Domžalski K. (Eds.), *Late Hellenistic to Mediaeval Fine Wares if the Aegean Coast of Anatolia. Their Production, Imitation and Use*, Warsaw, 2014, pp. 175–191.
24. Fedoseev N.F., Domžalski K., Opaït A., Kulikov A.V. Post-Justinian pottery deposit from Pantikapaion-Bosporos: Rescue excavations at 12, Teatral'naja St. in Kerch, 2006. *Archeologia (Warsaw)*, 2010, 61, pp. 63–94.
25. Hayes J.W. *Late Roman Pottery*. London, The British School at Rome, 1972, 477 p.
26. Hayes J.W. *A Supplement to Late Roman Pottery*. London, The British School at Rome, 1980, P. 479–551.
27. Hayes J.W. Sigillate orientali. *Atlante delle forme ceramiche II: Ceramica fine romana nel Bacino mediterraneo (tardo ellenismo e primo impero)*. Roma, Istituto della Enciclopedia italiana, 1985, pp. 1–96.
28. Hayes J. W. *The Pottery. Excavations at Saraçhane in Istanbul*. Princeton, Princeton University Press, 1992, vol. 2, 455 p.
29. Laflı E., Kan Şahin G. *Hadrianopolis III. Ceramic Finds from Southwestern Paphlagonia*. Oxford, Archaeopress BAR IS 2786, 2016, 457 p.
30. Mackensen M. *Die spätantiken Sigillata- und Lampentöpfereien von El Mahrine (Nordtunesien). Studien zur nordafrikanischen Feinkeramik des 4. bis 7. München*, G.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1993, 680 S.

31. Mackensen M. Technology and organisation of ARS ware production-centres in Tunisia. Humphrey J.H. (Ed.), *Studies on Roman Pottery of the Provinces of Africa Proconsularis and Byzacena (Tunisia). Hommage à Michel Bonifay*, Portsmouth, 2009, p. 17–44.
32. Mackensen M., Schneider G. Production centres of African red slip ware (3rd–7th c.) in northern and central Tunisia: archaeological provenance and reference groups based on chemical analysis. *Journal of Roman Archaeology*, 2002, Vol. 15, pp. 121–158.
33. Smokotina A.V. The North African red slip ware and amphorae imported into Early Byzantine Bosphorus. *Rei Cretariae Romanae Fautorum Acta*, 2014, 43, pp. 71–80.
34. Smokotina A. The import of Late Roman red slip ware into Bosphorus (Kerch). *Rei Cretariae Romanae Fautorum Acta*, 2018, 45, pp. 643–652.
35. Zhuravlev D. Terra sigillata and red slip pottery from the late Skythian necropoleis of the south-western Crimea (1st–3rd centuries AD). *Rei Cretariae Romanae Fautorum Acta*, 2000, 36, pp. 151–160.

Информация об авторах

Домжальский К. – Институт археологии и этнологии Польской академии наук.

Смокотина А. В. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Researcher ID: O-4285-2014.

Information about the authors

Domżański K. – Institute of Archaeology and Ethnology Polish Academy of Sciences.

Smokotina A. V. – Candidate of Science (History), Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: O-4285-2014.

АНАЛИЗ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ИЗ МОГИЛЬНИКА У С. ЛУЧИСТОЕ (по результатам раскопок 2015, 2018 гг.)

Владимир Юрьевич Радочин

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия,
radochin_v@mail.ru*

Аннотация. Могильник у с. Лучистое, находящийся в горном Крыму у подножия горы Демурджи, возник на рубеже IV–V вв. в результате переселения аланских племен со склонов Третьей гряды вглубь Крымских гор и продолжал функционировать до третьей четверти XVIII в. Планомерные охранные раскопки, ведущиеся на памятнике с 1982 года, позволили вскрыть большую площадь могильника с разновременными захоронениями гото-аланской общины. Настоящая работа вводит в научный оборот антропологические материалы 42 погребенных индивидуумов из 15 погребальных сооружений (10 могил, 5 склепов), полученных по результатам полевых сезонов 2015 и 2018 годов на северо-западном участке могильника. К сожалению, степень сохранности костного материала была плохой. В ходе работы был установлен количественный и половозрастной состав погребенных, проведен анализ палеопатологических состояний. Наиболее частыми, для обоих полов, были заболевания, связанные с зубочелюстным аппаратом. Патологические изменения опорно-двигательного аппарата фиксировались на костях позвоночника и крупных суставах длинных костей рук и ног. Патологии позвонков характеризовались изменениями, связанными с остеофитозом, остеохондрозом и межпозвоночными грыжами. Проявления, характерные для остеоартроза, локализовались в плечевых и тазобедренных суставах. На новом материале также отмечались изменения костной ткани, связанные с воспалительными процессами и перенапряжением костного аппарата. В одном случае на костях черепа с преднамеренной искусственной деформацией из мужского погребения отмечен синдром лобного гиперостоза, известный как синдром Морганьи-Стюарта-Мореля. Черепа со следами преднамеренной искусственной деформации подтверждают полученные ранее данные о некоторых устойчивых традициях, бытовавших у отдельных групп раннесредневекового населения Юго-Западного Крыма.

Ключевые слова: Крым, Лучистое, антропология, палеопатология, деформированные черепа, патологии, маркеры стресса, дискретно-варьирующие признаки

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках госзадания № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму». Автор выражает благодарность А. И. Айбабину и Э. А. Хайрединовой за тщательно собранный и переданный для изучения материал.

THE ANALYSIS OF THE ANTHROPOLOGICAL MATERIAL FROM THE CEMETERY NEAR THE VILLAGE OF LUCHISTOE (According to the Results of 2015, 2018 Excavations)

Vladimir Yu. Radochin

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia, radochin_v@mail.ru

© Радочин В. Ю., 2020

Abstract. The cemetery near the village of Luchistoye is situated in the mountainous Crimea at the foothill of Demerdgy mountain; it appeared ca. 400 AD when the Alanic tribes migrated from the slopes of the Third Range deep into the Crimean Mountains. The cemetery functioned to the third quarter of the eighteenth century. Systematic rescue excavations from 1982 on uncovered a large part of the cemetery with the burials of the Goths-Alanic community dating back to different periods. The present work introduces into the scholarship the palaeoanthropological material of 42 buried persons from 15 burial constructions (10 graves and 5 burial vaults); the data was obtained as the results of 2015 and 2018 field seasons, in the north-western cemetery area. Unfortunately, the preservation state of bone material is really bad. In the course of research work, quantitative and sex-age composition of the buried was determined; palaeopathological features were analyzed. The diseases connected with tooth-maxillary apparatus were most common for both sexes. The pathological changes in musculoskeletal apparatus were recorded on the bones of vertebral column and large joints of long bones of arms and legs. The pathologies in vertebra were characterized by changes connected with osteophytosis, osteochondrosis, and intervertebral hernias. The characteristics of osteoarthritis were localized in brachial and hip joints. The changes in osseous tissue caused by inflammatory processes and overstrain of osseous apparatus were also registered on the new material. There is a case on the cranial bones from a male's burial featuring a deliberate artificial deformation, a syndrome of hyperostosis frontalis interna (the Morgagni-Stewart-Morel syndrome). The obtained skulls with traces of deliberate artificial deformation confirm the data about stable traditions that existed in some groups of the early medieval population of the South-Western Crimea

Keywords: Crimea, Luchistoe, palaeoanthropology, palaeopathology, deformed skulls, pathologies, stress markers, discretely-varying features

Acknowledgments: The work was carried out within the framework of the state assignment No. FZEG-2020-0029 supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. The author is grateful to A. I. Aibabin and E. A. Khairedinova for carefully collected and submitted for study material.

Могильник у с. Лучистое, находящийся в горном Крыму у подножия горы Демерджи, возник на рубеже IV–V вв. в результате переселения аланских племен со склонов Третьей гряды вглубь Крымских гор и продолжал функционировать до третьей четверти XVIII в. [1, с. 82; 2, с. 135]. Планомерные охранные раскопки, ведущиеся на памятнике с 1982 года, позволили вскрыть большую площадь могильника с одновременными захоронениями гото-аланской общины. Настоящая работа вводит в научный оборот антропологические материалы из 15 погребальных сооружений (10 могил, 5 склепов). Исследования проводились на северо-западном участке могильника с захоронениями, относящимися к двум хронологическим периодам – VI–VII вв. и VIII–IX вв. [2, с. 147–148].

Сложная геологическая ситуация местности, на которой находится некрополь, сказалась не только на целостности погребальных сооружений, но и на сохранности костного материала. Помимо механических повреждений при оползневых процессах, имели место и биохимические факторы, в результате которых некоторые погребения удалось проследить только по контуру костного тлена. В этой связи провести весь комплекс антропологических исследований не представлялось возможным. Тем не менее, правильно зафиксированный и тщательно собранный материал по-

зволил получить данные о количественном составе погребенных, в ряде случаев их половозрастной структуре и патологических состояниях.

Исследование полученного материала проводилось по классическим, принятым в отечественной науке методикам, в сочетании с зарубежными программами [3; 4; 18; 19; 20; 22; 23]. Некоторые измерения краниологического и остеологического материала представлены в таблицах №№ 2–9. В ряде случаев, для определения пола и возраста погребенных использованы методики и программы, разработанные для судебной медицины [11; 17]. При исследовании костных останков на предмет палеопатологических состояний, использована комплексная методика, разработанная А. П. Бужиловой [6; 7]. При описании зубного аппарата использована международная двухцифровая система «Виола», принятая FDI в 1971 г. Патологические изменения на костях исследованных скелетов представлены в таблице № 1.

Могила 295. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Положение обеих рук было вытянутым по продольной оси. Костяк частично разрушен оползневыми процессами.

Череп разрушен, фрагменты стенок умеренно массивные. Отмечена искусственная лобно-затылочная деформация черепа. Верхний глазничный край округлый. Лобные бугры не выражены. Нижний край грушевидного отверстия симметричный, инфантильной формы. Передняя носовая ось 2 балла. Орбиты высокие. Надорбитальная область выражена средне. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Затылочное отверстие овальной формы. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Полная облитерация черепных швов. Альвеолярная часть параболическая. Состояние зубной системы соотносится с 45–50 годами. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы. Подбородочный край, жевательная бугристость и подбородочная ось выражены умеренно.

Кости посткраниального скелета массивные. Суставная впадина лопатки и лопаточная вырезка 2 варианта. Очень хорошо выражен конусовидный бугорок и изгиб тела ключицы. Плечевые кости массивные, с хорошо развитой дельтовидной бугристостью и хорошо выраженным гребнем большого и малого бугорков. Межкостный край локтевых и лучевых костей выражен умеренно. Основание крестца завышенное. Длинные кости ног массивные. Хорошо выражены пилястр, *linea aspera* и ягодичная бугристость на бедренных костях. Линия камбаловидной мышцы на большеберцовых костях в виде гребня. Хорошо выражены бугристость большеберцовой кости и дистальный гребень. Погребение мужское.

Эпигенетические варианты и патологии. Метопический шов. Шов на сосцевидном отростке (*suturæ squamosa mastoidea*). Зубы 16, 26 разрушены. Зубной камень серого цвета, преимущественно на лингвальной поверхности. Эмалевая гипоплазия. Нарушение прикуса (прогнатический). Остеохондроз шейных позвонков. Остеофитоз поясничных позвонков (L3–L5) и основания крестца.

Могила 296. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Положение обеих рук было вытянутое по продольной оси погребения. Костяк частично разрушен оползневыми процессами.

Череп разрушен, фрагменты стенок черепа массивные. Верхний глазничный край округлый. Лобные бугры выражены средне. Развитие сосцевидных отростков 1,5 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Альвеолярная часть параболическая. Состояние зубной системы соотносится с 40–45 годами. Облитерация черепных швов соотносится с 30–35 годами. Нижняя челюсть массивная, округлой формы. Подбородочный край и жевательная бугристость выражены слабо.

Кости посткраниального скелета массивные. Позвонки без патологических изменений. Лопаточная вырезка 3 варианта. Рельеф плечевых костей выражен умеренно. Очень хорошо выражен межкостный край локтевых и лучевых костей. Блок локтевых костей выражен хорошо. Основание крестца заниженное. Рельеф длинных костей ног, *linea aspera* и ягодичная бугристость выражены хорошо. Линия камбаловидной мышцы большеберцовых костей каплевидная. Погребение женское.

Эпигенетические варианты и патологии. Метопический шов. Холодовый стресс. Зубы 15, 16, 25, 26 поражены кариесом. Зубы 42, 48 утрачены при жизни. Зубной камень серого цвета. Межмышечковые отверстия на плечевых костях. Правая локтевая кость значительно массивнее левой.

Могила 297. Погребение совершено, предположительно, в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Сохранность материала неудовлетворительная. Череп грацильный, разрушен. Верхний глазничный край острый. Альвеолярная часть параболическая. Развитие зубной системы соотносится с 3 годами. Кости посткраниального скелета грацильные, рельеф выражен слабо. Развитие костей посткраниального скелета соотносится с возрастом 3 года.

Могила 298. Получено два массивных фрагмента парных локтевых и один массивной фрагмент правой лучевой костей взрослого индивидуума. Очень хорошо выражен межкостный край локтевых и лучевой костей. Блок локтевой кости выражен умеренно. Бугристость лучевой кости выражена слабо.

Могила 299. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Правая рука погребенного была согнута в локтевом суставе и кости правой кисти перекрывали правую подвздошную кость. Костяк частично разрушен оползневыми процессами.

Череп грацильный, разрушен. На костях черепа отмечены следы преднамеренной циркулярной искусственной деформации. Деформированы лобная, теменные и затылочная кости. Верхний глазничный край округлый. Надпереносье 1 балл. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Альвеолярная часть параболическая. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Форма затылочного отверстия округлая. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Хорошо выражена подбородочная ость. Облитерация черепных швов соотносится с 35–40 годами. Состояние зубной системы соотносится с 45–50 годами.

Кости посткраниального скелета грацильные. Суставная впадина лопатки и форма лопаточной ости 2 варианта. Изгиб ключицы выражен слабо. Хорошо выражен конусовидный бугорок ключиц. Длинные кости рук грацильные. Костный рельеф плечевых костей выражен слабо. Межкостный край локтевых и лучевых костей выражен умеренно. Бугристость лучевых костей выражена средне. Бедренные кости грацильные, костный рельеф выражен слабо. Большеберцовые кости сильно уплощены. Линия камбаловидной мышцы «невидимая». Позвонки без патологических изменений. Погребение женское.

Эпигенетические варианты и патологии. Метопический шов. Зубы 38, 47, 48 утрачены при жизни. Зубной камень серого цвета.

Склеп 300. Погребение 1 совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Череп массивный, разрушен. Получены фрагменты свода черепа. Облитерация черепных швов соотносится с 40 годами. Надорбитальная область выражена слабо. Надпереносье 1 балл. Лобные бугры выражены средне. Кости посткраниального скелета очень массивные. Получены фрагменты длинных костей ног. Хорошо выражены пиястр и *linea aspera* бедренных костей.

Патологии. Эмалевая гипоплазия. Ямочки грануляций.

Погребение 2 совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Череп прослежен по контуру костного тлена и массивному фрагменту лобной кости. Лоб средневысокий. Надорбитальная область выражена умеренно. Верхний глазничный край округлый. Состояние зубной системы соотносится с 20–30 годами. Из костей посткраниального скелета получены только фрагменты длинных костей ног. Бедренные кости массивные. Очень хорошо выражены пиястр, *linea aspera* и ягодичная бугристость. Получены массивные фрагменты большеберцовых костей с хорошо выраженным дистальным гребнем. Возраст погребенного соотносится с 30–35 годами.

Патологии. Энтесопатия надколенников.

Погребение 3 совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Получены грацильные фрагменты детского черепа и зубы. Развитие зубной системы соотносится с 5–6 годами.

Погребение 4 совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Получены фрагменты грацильных стенок черепа и параболической альвеолярной части. Состояние зубной системы соотносится с 25–30 годами. Из костей посткраниального скелета получены фрагменты грацильных плечевых, правых локтевой и лучевой костей и фрагменты длинных костей ног. Костный рельеф длинных костей рук и ног выражен слабо. Линия камбаловидной мышцы большеберцовых костей «невидимая».

Склеп 301 был ограблен в древности, погребения не сохранили анатомического положения, сохранность костного материала плохая. Весь полученный костный материал был разрушен. После реставрационных мероприятий и соотнесения краниологического и остеологического материала по макро- и микрорельефу, стало возможно

установить парность длинных костей, в некоторых случаях определена комплектность длинных костей рук и ног. Используя методики подсчета разрушенных краниологических и остеологических останков и коррелируя полученные результаты между собой, удалось определить количество захороненных в склепе. К сожалению, поврежденный верхний слой компакты сильно ограничил возможности исследования.

Получено пять фрагментов лобных костей от пяти индивидуумов. Два фрагмента массивные, на одном из них очень хорошо выражена надорбитальная область, на втором фрагменте очень хорошо выражены лобные бугры. Три фрагмента лобных костей от трех взрослых индивидуумов грацильные. На всех грацильных фрагментах верхний глазничный край округлой формы. На двух фрагментах отмечен холодный стресс. Еще на одном фрагменте отмечен метопический шов и *cribra orbitalia*. Получено пять фрагментов височных костей взрослых индивидуумов (2 правых, 3 левых, парных нет). На одном фрагменте левой височной кости отмечена поротизация в области слухового прохода. На одном массивном фрагменте теменной кости отмечена остеома 17x14 мм.

Получено 3 фрагмента верхних челюстей: 1) Фрагмент детской параболической альвеолярной части. Развитие зубной системы соотносится с 4 годами; 2) Альвеолярная часть параболическая. Состояние зубной системы соотносится с 25–30 годами; 3) Альвеолярная часть параллельная. Зубы 16, 27 утрачены при жизни. Состояние зубной системы соотносится с 25–30 годами.

Получены фрагменты разрушенных нижних челюстей семи взрослых индивидуумов: 1) Грацильный фрагмент правой части тела нижней челюсти. Отмечен кариес зубов 44, 45. Состояние зубной системы соотносится с 25–30 годами; 2) Массивный фрагмент левой части тела нижней челюсти. Зуб 36 утрачен при жизни. Состояние зубной системы соотносится с 30 годами; 3) Грацильный фрагмент правой ветви нижней челюсти. Жевательная бугристость выражена слабо; 4) Грацильные фрагменты подбородочного края и правой ветви нижней челюсти. Жевательная бугристость и подбородочная ость выражены слабо; 5) Массивный фрагмент левой части тела нижней челюсти. Зубы 36–38 утрачены при жизни; 6) Массивная нижняя челюсть, округлой формы. Хорошо выражен подбородочный край и подбородочная ость. Жевательная бугристость выражена средне. Состояние зубной системы соотносится с 25 годами. Отмечена эмалевая гипоплазия; 7) Массивная нижняя челюсть треугольной формы. Хорошо выражены подбородочный край, подбородочная ость и жевательная бугристость. Состояние зубной системы соотносится с 35 годами. Зубной камень серого цвета. Отмечены последствия воспалительного процесса в области зуба 36.

Получено 10 фрагментов лопаточных костей плохой сохранности (6 правых, 3 левых взрослых индивидуумов, 1 правая детская, парных нет). На одном из фрагментов отмечен остеоартроз суставной впадины лопатки.

Получено 7 парных плечевых костей, а также 3 правых и 6 левых костей взрослых индивидуумов. Пять парных плечевых костей были массивные или умерено

массивные. На всех полученных парных плечевых костях хорошо выражены дельтовидные бугристости, латеральные края и межбугорковая борозда. На двух грацильных парах отмечено истончение костной ткани. Три правые кости взрослых индивидуумов – массивные. Костный рельеф выражен хорошо. Две из полученных левых плечевых костей были умеренно массивные, три грацильные и одна детская. Костный рельеф левых плечевых костей выражен слабо.

Получено 6 фрагментов лучевых костей разной массивности и плохой степени сохранности. Один фрагмент правой кости – детский.

Получена пара массивных локтевых костей взрослого индивида, а также 5 правых и 5 левых не парных костей взрослых индивидуумов разной степени массивности. На всех полученных фрагментах хорошо выражен межкостный край и костный рельеф блока кости, на двух костях хорошо выражена бугристость локтевых костей. На двух правых костях незначительно выражена энтесопатия локтевого отростка.

Получено 5 правых и 5 левых бедренных костей взрослых индивидуумов. Три правых и три левых кости были очень массивными, с хорошо выраженными пилястрами и *linea aspera*. На двух правых массивных костях хорошо выражены межвертельная линия и ягодичная бугристость. На грацильных костях костный рельеф был выражен слабо, костная ткань была истончена. Одна левая бедренная кость была детская.

Получено 3 частично разрушенных большеберцовых кости взрослых индивидуумов (2 правых грацильных и 1 левая массивная, парных нет). На грацильных костях линия камбаловидной мышцы «невидимая», на массивной – в виде гребня. Костная ткань левой кости истончена.

На двух грудных позвонках (Т-IX, Т-XI) взрослых индивидуумов отмечены узлы Шморля, на одном поясничном позвонке (L-V) отмечен остеофитоз.

В склепе 301 было захоронено не менее 13 индивидуумов. Полученные детские кости, с высокой степенью вероятности, соотносятся с одним погребенным в возрасте 4–6 лет.

Могила 302. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Костяк сильно поврежден оползновыми процессами. Сохранность материала неудовлетворительная.

Череп грацильный, разрушен. Фрагменты стенок теменных костей неудовлетворительной степени сохранности. Кости лицевого отдела, затылочной части, а также альвеолярная часть и нижняя челюсти не получены.

Кости посткраниального скелета грацильные. Костный рельеф ключиц выражен слабо. Сохранившиеся позвонки поясничного отдела без патологических изменений. Костный рельеф фрагментов длинных костей рук выражен слабо (размеры утрачены). *Linea aspera* и ягодичная бугристость бедренной кости выражены слабо. Линия камбаловидной мышцы большеберцовой кости «невидимая». Бугристость большеберцовой кости выражена умеренно. Состояние суставных поверхностей крупных костей скелета соотносится с возрастом 30–35 лет. Погребение женское.

Могила 303. Погребение прослежено по фрагментам разрушенного черепа и костного тлена. Погребение было совершено, предположительно, головой на северо-запад. Полученные фрагменты разрушенного детского черепа соотносятся с возрастом 2–3 года.

Склеп 304 был разрушен грабительской ямой. При зачистке были получены шейные позвонки (C2–C5), фрагменты бедренных и берцовых костей взрослого индивидуума. Кости ног умеренно массивные. Большой и малый вертелы, *linea aspera* и ягодичная бугристость бедренных костей выражены слабо. Линия камбаловидной мышцы большеберцовых костей «невидимая». Очень хорошо выражен костный рельеф малоберцовых костей. Погребение, предположительно, женское. Возраст погребенного соотносится с 25–30 годами.

Склеп 305. Сохранность материала неудовлетворительная. Все костяки сильно повреждены оползневыми и биохимическими процессами.

Погребение 1 совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Череп массивный, разрушен. Верхний глазничный край округлый. Надбровье 2 балла. Лобные бугры не выражены. Облитерация черепных швов не отмечена. Альвеолярная часть параболическая. Фрагменты тела нижней челюсти массивные. Хорошо выражена подбородочная ость. Состояние зубной системы соотносится с 25 годами.

Кости посткраниального скелета умеренно массивные, плохой степени сохранности. Костный рельеф длинных костей рук выражен слабо. Линия камбаловидной мышцы большеберцовой кости в виде гребня. Погребение, предположительно, мужское.

Патологии. Отмечены ямочки грануляций.

Погребение 2 совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад и прослежено по контуру костного тлена, фрагментам черепа и нескольким фрагментам длинных костей скелета. Состояние зубной системы соотносится с 25–30 годами.

Патологии. Отмечен зубной камень серого цвета, преимущественно на лингвальной поверхности.

Погребение 3 совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Погребение частично разрушено. Получены фрагменты стенок черепа и длинных костей скелета. Развитие зубной системы и костей посткраниального скелета соотносится с 5–6 годами.

Патологии. Отмечен периостит на большеберцовых костях.

Погребение 4 совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Погребение частично разрушено. Получены грацильные фрагменты черепа и фрагменты длинных костей скелета. Развитие зубной системы и костей посткраниального скелета соотносится с 9–10 годами.

Погребение 5 совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Погребение частично разрушено.

Череп умеренно массивный, разрушен. Верхний глазничный край округлый. Надбровье 2,5 балла. Облитерация черепных швов не отмечена. Альвеолярная часть параболическая. Лобные бугры выражены слабо. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Состояние зубной системы соотносится с 25 годами. Нижняя челюсть массивная, округлой формы. Подбородочная ость выражена хорошо, подбородочный край и жевательная бугристость – умеренно.

Кости посткраниального скелета умеренно массивные. Получены фрагменты длинных костей рук и ног. Хорошо выражена дельтовидная бугристость правой плечевой кости. *Linea aspera*, ягодичная бугристость и межвертельная линия бедренных костей выражены умеренно. Линия камбаловидной мышцы большеберцовых костей в виде гребня. Бугристость большеберцовой кости и дистальный гребень выражены умеренно.

Эпигенетические варианты. Правая надглазничная вырезка открытая, левая – закрытая.

Склеп 305. Грабительская яма. Из заполнения грабительского шурфа был получен краниологический и остеологический материал, который после реставрационных мероприятий удалось соотнести с тремя погребенными индивидуумами.

Погребение условно 1. Череп умеренно массивный, разрушен. Получены лобная, теменные и затылочная кости. Облитерация черепных швов соотносится с возрастом 25–35 лет. Отмечена преднамеренная искусственная деформация костей черепа. Тип деформации кольцевая, лобно-затылочная. Надбровье 0,2 балла. Верхний глазничный край округлый. Наружный рельеф затылочной кости выражен умеренно.

Получены массивные локтевые и лучевые кости с хорошо выраженным межкостным краем на обеих парах. Очень хорошо выражены костный рельеф блока и бугристость локтевых костей. Бедренные кости массивные, пиластр и *linea aspera* выражены умеренно. Погребение мужское.

Патологии и эпигенетические варианты. Надглазничные вырезки закрытые. Ямочки грануляций. Синдромом Морганьи-Стюарта-Мореля.

Погребение условно 2. Череп грацильный, разрушен. Получены фрагменты лобной, теменных и затылочной костей. Лобные бугры выражены умеренно. Надпереносье 1,5 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо.

Из костей посткраниального скелета получены разрушенные локтевые, лучевые и бедренные кости плохой степени сохранности. Лучевые кости грацильные, хорошо выражен межкостный край. Бедренные кости умеренно массивные, рельеф выражен слабо. Возраст погребенного около 30 лет.

Эпигенетические варианты. Метопический шов.

Погребение условно 3. Получены только детские ключицы, соотносящиеся с возрастом около 7–8 лет.

Могила 306. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Положение обеих рук было вытянутое по продольной оси погребения. Костяк сильно поврежден оползновыми процессами.

Череп массивный, разрушен. Верхний глазничный край округлый. Надорбитальная область выражена хорошо. Лоб средневысокий. Орбиты высокие. Хорошо выражены лобные бугры. Альвеолярная часть параболическая. Нижний край грушевидного отверстия равномерно расширен, симметричный. Передняя носовая ость 2 балла. Развитие сосцевидных отростков 3,5 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен умеренно. Состояние зубной системы соотносится с 35–40 годами. Облитерация черепных швов соотносится с 25–30 годами. Нижняя челюсть массивная, округлой формы. Подбородочный край и подбородочная ость выражены средне. Жевательная бугристость выражена хорошо.

Кости посткраниального скелета грацильные. Позвонки без патологических изменений. Ключицы грацильные, костный рельеф выражен слабо. Плечевые кости грацильные, дельтовидная бугристость выражена умеренно. Большой и малый бугорки и межбугорковая борозда выражены хорошо. Локтевые и лучевые кости грацильные, межкостный край выражен слабо. Бедренные кости грацильные, ягодичная бугристость и *linea aspera* выражены слабо. Линия камбаловидной мышцы большеберцовых костей «невидимая». Бугристость большеберцовой кости выражена слабо. Погребение женское.

Патологии. В области зуба 23 абсцесс. Зубной камень серого цвета, преимущественно на лингвальной поверхности. Зубы 36, 37, 46, 47 поражены кариесом.

Могилы 307. Погребение было совершено головой на северо-запад. Получены фрагменты детского черепа и зубы. Возраст погребенного соотносится с 2–2,5 годами.

Склеп 308. Погребение 1 смещено к центру камеры, кости не сохранили анатомического порядка.

Череп массивный. Облитерация черепных швов не отмечена. Развитие надбровья и надпереносья 1 балл. Верхний глазничный край округлый. Орбиты умеренно высокие. Лобные бугры не выражены. Лоб средневысокий. Альвеолярная часть параболическая. Нижний край грушевидного отверстия симметричный, равномерно расширяющийся, инфантильной формы. Передняя носовая ость 3 балла. Развитие сосцевидных отростков 2,5 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Затылочное отверстие овальной формы. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы. Хорошо выражен подбородочный край, подбородочная ость и жевательная бугристость. Состояние зубной системы соотносится с 25 годами.

Кости посткраниального скелета умеренно массивные. Кости позвоночника в хорошем состоянии, без патологических изменений. Плечевые кости умеренно массивные с хорошо выраженным костным рельефом. Хорошо выражен наружный латеральный край и дельтовидная бугристость. Межкостный край, блок и бугристость локтевых костей выражены очень хорошо. Костный рельеф бедренных костей выражен средне. Ягодичная бугристость и *linea aspera* выражены умеренно. Хорошо выражены большой и малый вертелы. Линия камбаловидной мышцы большебер-

цовых костей «невидимая». Бугристость большеберцовой кости выражена слабо. Погребение мужское.

Патологии и эпигенетические варианты. Надглазничные отверстия открытые. Зуб 14 разрушен. Зуб 15 утрачен при жизни. Зубной камень серого цвета. Патологические изменения головки правой бедренной кости в результате остеоартроза.

Погребение 2 совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток. Обе руки погребенного были вытянуты по продольной оси погребения.

Череп грацильный, разрушен. Облитерация черепных швов не отмечена. Надорбитальная область выражена слабо. Лоб средневысокий. Верхний глазничный край округлый. Лобные бугры выражены слабо. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен умеренно. Затылочное отверстие овальной формы. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть треугольной формы с хорошо выраженным подбородочным краем. Жевательная бугристость выражена слабо. Состояние зубной системы соотносится с 20–25 годами.

Кости посткраниального скелета грацильные. Костный рельеф ключиц выражен слабо. Позвонки без патологических изменений. Форма лопаточной ости 2 варианта. Плечевые кости грацильные, костный рельеф выражен умеренно. Хорошо выражены межбугорковая борозда и латеральный край. Локтевые и лучевые кости грацильные, межкостный край выражен слабо. Хорошо выражена бугристость лучевой кости. Бедренные кости грацильные, с умеренно выраженным рельефом. *Linea aspera* и ягодичная бугристость выражены слабо. Линия камбаловидной мышцы большеберцовых костей «невидимая», дистальный гребень выражен слабо. Погребение женское.

Патологии. Зубной камень серого цвета.

Перемещенные кости. В северо-восточном углу камеры были зачищены кости двух погребенных, перемещенные грабителями.

Погребение условно 1. Получены фрагменты нижней челюсти, бедренной и лучевой костей. Развитие зубной системы и развитие костей посткраниального скелета соотносятся с возрастом 2–3 года.

Погребение условно 2. Получены длинные кости рук и ног взрослого индивида. Плечевые кости грацильные, дельтовидная бугристость выражена слабо, большой и малый бугорки выражены средне. Межкостный край локтевых и лучевых костей выражен слабо. Блок локтевой кости выражен умеренно. Рельеф бедренных костей выражен слабо. Линия камбаловидной мышцы большеберцовых костей «невидимая».

Патологии и эпигенетические варианты. Отмечено О-образное искривление бедренных костей.

Могила 309. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Правая рука погребенного была согнута в локтевом суставе. Кости предплечья перекрывают поясничные позвонки. Погребение сильно потревожено оползновыми процессами. Сохранность материала неудовлетворительная.

Фрагменты черепа грацильные. Верхний глазничный край острый. Развитие сосцевидных отростков 0,2 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен

слабо. Развитие зубной системы соотносится с 10–12 годами. Эпифизы длинных костей ног не срослись. Костный рельеф длинных костей рук выражен слабо. Возраст погребенного по костям посткраниального скелета 10–14 лет.

Патологии. *Stribra orbitalia*. Зубы 35, 36, 45, 46 поражены кариесом. Зубной камень серого цвета. Отмечен периостит на малоберцовых костях.

В ходе комплексных охранных раскопок был собран антропологический материал из грабительских шурфов. Из одного из них были получены кости посткраниального скелета ребенка (плечевые, бедренные, большеберцовые). Возраст погребного соотносится с 4–5 годами. Из второго шурфа был получен умеренно массивный, частично разрушенный череп взрослого индивидуума со следами преднамеренной искусственной деформации. Тип деформации определяется как кольцевая, лобно-затылочная. Облитерация черепных швов не отмечена. Верхний глазничный край округлый. Затылочная кость сильно отступает кзади. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо (поперечный диаметр – 137 мм, теменная хорда – 118 мм, теменная дуга – 140 мм).

В исследовании был использован антропологический материал 42 погребенных, полученный из 15 погребальных сооружений (10 могил, 5 склепов, а также костные останки из двух грабительских шурфов).

Половая принадлежность установлена у 10 взрослых индивидуумов, из них 4 мужского пола и 6 женского. Высокий процент погребенных с неустановленной половой принадлежностью обусловлен неудовлетворительной степенью сохранности материала, в основном, из склепов. Детские погребения составили чуть меньше трети от общего числа исследованных. Процентное соотношение взрослых и детских погребений на новом материале соотносится с полученными ранее данными [13, с. 129; 14, с. 162–163; 15, с. 210; 16, с. 235–237].

Все зафиксированные *in situ* погребенные были захоронены в вытянутом положении на спине. В большинстве случаев положение рук было вытянутым по продольной оси погребения. У нескольких погребенных кости кистей рук перекрывали подвздошные кости или тазобедренные суставы. На вновь полученном материале обряд, при котором тело погребенного было бы завернуто в тленный материал, не зафиксирован.

Небольшой процент погребений с определенной половой принадлежностью не дает возможности сделать полноценные выводы о возрастных особенностях представленной выборки. Мы можем только констатировать несколько более продолжительный период жизни женской части населения. Все погребенные с неустановленной половой принадлежностью входили в возрастную группу 25+. Средний возраст детской выборки составил около 6 лет, что коррелируется с данными предыдущих исследований [16, с. 235–237].

Сохранность костного материала, к сожалению, не позволила в полной мере зафиксировать генетически детерминированные признаки. Отметим лишь, что нами фиксировалось наличие метопического шва, варианты развития надглазничных от-

верстий, межмышечковые отверстия на плечевых костях и наличие шва на сосцевидном отростке (*suturae squamosa mastoidea*).

На полученном материале отмечены четыре случая преднамеренной искусственной деформации черепа. Два черепа, мужской и женский, были получены из грунтовых могил и два, мужской и с неопределенной половой принадлежностью, из склепов. Все четыре черепа были изменены по одному типу кольцевой лобно-затылочной деформации, о чем свидетельствуют четко фиксируемые следы бандажных повязок.

Проведенный анализ позволил выявить ряд патологических изменений на полученном костном материале. Наиболее частыми были патологии, связанные с зубочелюстным аппаратом, они отмечались практически поровну у мужчин, женщин и костяков с неопределенной половой принадлежностью. Чаще фиксировались отложение зубного камня, преимущественно серого цвета, в основном, на лингвальной поверхности и прижизненная утрата зубов. Кариозное поражение отмечено только у погребенных женского пола. Один из случаев абсцесса на нижней челюсти также, очевидно, был связан с запущенным случаем кариозного поражения.

Изменения, характерные для остеоартроза, отмечены у двух индивидуумов. В одном случае был поражен плечевой сустав взрослого индивидуума с неопределенной половой принадлежностью. Второй случай изменения сустава под влиянием артроза отмечен на головке бедренной кости мужского костяка. Как правило, данным заболеванием страдают люди в возрасте старше 40–45 лет. В нашем случае, патология отмечена у погребенного в возрасте около 25 лет.

Остеологический маркер, указывающий на инфекционные процессы, был выявлен на одном фрагменте детского черепа и одном фрагменте черепа взрослого индивидуума с неустановленной половой принадлежностью. Поротический гиперостоз, и его частный случай *cribra orbitalia*, проявляется на верхней стенке орбиты в виде перфорации. Наиболее часто этот признак связывают с адаптивной реакцией организма на хронические инфекции и железodefицитные анемические состояния [9, с. 63, 210–211; 18, с. 350], однако его этиология на сегодняшний день окончательно не расшифрована [5, с. 21–28]. Существует мнение, что *cribra orbitalia* может быть вызвана локальными воспалительными процессами [21, с. 336–338].

На одном мужском черепе, полученным из склепа, выявлен синдромом Моргани-Стюарта-Мореля. Изменения, характерные для названного синдрома, проявляются на внутренней пластине лобной кости в виде узловатых костных разрастаний. Считается, что в основе данной патологии может лежать гормональная дисфункция. Некоторые ученые связывают данное заболевание с нарушениями, вызванными сахарным диабетом. Не исключается также генетическая составляющая данного заболевания [8, с. 36–38; 9, с. 186–188]. В нашем случае, данная патология отмечена на искусственно деформированном черепе. На сегодняшний день существует мнение, что искусственная деформация может влиять на развитие эндокринных нарушений [10, с. 190–193; 12, с. 182–183].

Такой маркер эпизодического стресса, как голодный стресс, проявляющийся в виде специфического изменения надкостницы на костях черепа, зафиксирован в

трех случаях. Нужно отметить, что частота данного маркера на новом материале, по сравнению с предыдущими исследованиями, представляется явно заниженной и обусловлена сохранностью костного материала.

Крайне плохая степень сохранности костей позвоночника позволила выявить лишь четырех индивидуумов с патологическими изменениями. Среди фиксируемых заболеваний нами отмечены: один случай остеохондроза шейных позвонков, два случая остеофитоза поясничных позвонков и два случая проявления узлов Шморля на грудных позвонках. Все погребенные с заболеваниями позвоночника входили в возрастную группу старше 30 лет.

У двух погребенных в склепе взрослых индивидуумов, предположительно женского пола, отмечены признаки остеопороза.

Единичность случаев других патологических проявлений, таких как энтезопатии, периостит, остеомы и др., исходя из предыдущих исследований, вероятнее всего, объясняется сохранностью костей исследуемой выборки.

Полученные новые результаты в совокупности с накопленными ранее данными позволят нам более точно реконструировать особенности повседневной жизни гото-аланского населения Юго-Западного Крыма.

Таблица 1. Патологические изменения

Патологии	Мужчины	Женщины	Дети	Неопределенные
Разрушение зубов	2			
Зубной камень	2	4	1	3
Эмалевая гипоплазия				3
Кариес		2		1
Прижизненная утрата зубов	1	2		3
Абсцесс		1		
Нарушение прикуса	1			
Ямочки грануляций	1			1
Cribra orbitalia			1	1
Остеохондроз позвонков	1			
Остеофитоз позвонков	1			1
Узлы Шморля				2
Холодовый стресс		1		2
Энтезопатия надколенников	1			
Энтезопатия локтевого отростка				2
Остеома				1
Проявления отита				1
Периостит			2	
Синдром Морганьи-Стюарта-Мореля	1			
Артроз костей рук				1
Артроз костей ног	1			
О-образное искривление костей ног				1

Таблица 2. Индивидуальные краниологические измерения

	№ погребений								
	295	296	299	300-1	300-2	300-4	306	308-1	308-2
9 наименьшая ширина лба	88	-	-	-	-	-	-	-	-
10 наибольшая ширина лба	102	-	-	-	-	-	-	-	-
16 ширина затылочного отверстия	25	-	32	-	-	-	-	-	-
29 лобная хорда	106	-	-	-	110	-	-	-	-
30 теменная хорда	111	-	-	-	-	-	-	-	-
31 затылочная хорда	87	-	-	-	-	-	-	-	-
26 лобная дуга	122	-	-	-	132	-	-	-	-
27 теменная дуга	125	-	-	-	-	-	-	-	-
28 затылочная дуга	100	-	-	-	-	-	-	-	-
48 верхняя высота лица	69	-	-	-	-	-	-	-	-
46 средняя ширина лица	45	-	-	-	-	-	-	-	-
60 длина альв. дуги	56	-	-	-	-	54	-	52	-
61 ширина альв. дуги	62	-	-	-	-	56	-	66	-
62 длина неба	50	-	-	-	-	-	-	36	-
63 ширина неба	37	-	-	-	-	31	-	-	-
55 высота носа	49	-	-	-	-	-	-	-	-
54 ширина носа	25	-	-	-	-	-	-	-	-
51 ширина орбиты	41	-	-	-	-	-	-	-	-
52 высота орбиты	36	-	-	-	-	-	-	-	-
МС максиллофронтальная ширина (50)	23	-	-	26	-	-	-	32	-
глубина клыковой ямки	5	-	-	-	-	-	-	-	-
68 длина ниж. чел. от углов	72	80	82	-	-	-	-	-	-
70(а) высота ветви ниж. чел.	57	58	57	-	-	-	-	-	53
69(с) медиальная высота	30	-	-	-	-	-	32	-	-
65 мышечковая ширина	113	-	109	-	-	-	-	-	-
66 угловая ширина	93	-	92	-	-	-	-	-	-
67 передняя ширина нижней челюсти ml-ml	44	46	43	-	-	-	-	-	-
71 ширина ветви	28	32	27	-	-	-	32	-	27
69-1 высота тела P2-M1	29	35	-	-	-	-	-	29	-
69-2 высота тела M1-M2	28	-	-	-	-	-	-	27	-
69(3) толщина тела	13	13	12	-	-	-	-	13	-
79 угол ветви ниж. чел.	130	125	120	-	-	-	-	-	120
54:55 носовой	51,0	-	-	-	-	-	-	-	-
9:8 лобно-поперечный	86,2	-	-	-	-	-	-	-	-
9:10 лобный	86,2	-	-	-	-	-	-	-	-
52:51 орбитный	87,8	-	-	-	-	-	-	-	-

Таблица 3. Индивидуальные измерения ключиц

	№ погребений																		
	295		296		299		301-1		301-2		301-4		302		306		308-2		
	П.	Л.	П.	Л.	П.	Л.	П.	Л.	П.	П.	П.	П.	П.	Л.	П.	Л.	П.	Л.	
1	136	136	137	-	-	127	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	135	135	
6	31	30	35	-	-	27	31	34	34	40	28	35	31	30	30	32	-	31	31
6:1	22,7	22,0	25,5	-	-	24,4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	22,9	22,9

Таблица 4. Индивидуальные измерения плечевых костей

	№ погребений																			
	295		296		299		300-1		300-2		300-4		306		308-1		308-2		308-усл.2	
	П.	Л.	П.	Л.	П.	Л.	П.	Л.	П.	П.	П.	П.	П.	Л.	П.	Л.	П.	Л.	П.	Л.
1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
5	20	21	19	20	16	16	-	21	24	25	-	21	20	20	-	-	-	-	21	21
6	15	16	16	15	15	14	-	17	18	20	-	16	17	17	-	-	-	-	17	17
7	47	45	50	51	46	45	55	55	66	62	60	53	-	-	-	60	55	55	-	-
4	-	-	-	-	-	-	-	56	-	67	-	-	-	-	-	58	-	-	-	-
10	36	37	-	-	-	33	-	-	-	-	47	47	-	-	-	-	-	-	42	43
7:1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6:5	75	76,1	84,2	75	93,7	87,5	-	80,9	75	80	-	76,1	85	85	-	-	-	-	80,9	80,9

Таблица 5. Индивидуальные измерения локтевых костей

	№ погребений																			
	295		296		298		299		300-4		306		308-1		308-2		308-усл.2			
	П.	Л.	П.	Л.	П.	Л.	П.	Л.	П.	П.	П.	П.	П.	Л.	П.	Л.	П.	Л.		
1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
3	-	-	-	30	36	-	25	-	-	-	-	30	-	-	-	-	-	-	-	32
11	16	9	10	11	-	14	8	10	9	-	13	13	-	-	13	-	-	-	-	11
12	18	13	11	14	-	20	12	13	9	-	16	14	-	-	18	-	-	-	-	15
13	-	27	13	17	-	23	14	16	12	-	17	17	-	20	19	-	-	-	-	15
14	-	-	15	16	-	26	16	18	15	-	-	-	-	25	25	-	-	-	-	21
3:2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
11:12	88,8	69,2	50,9	78,5	-	70	66,6	76,9	100	-	81,2	92,8	-	-	72,2	-	-	-	-	73,3
13:14	-	-	86,6	106,2	-	88,4	87,5	88,8	80	-	-	-	-	80	76	-	-	-	-	71,4

Таблица 6. Индивидуальные измерения лучевых костей

	№ погребений																			
	295		296		298		299		300-1		306		305-1		308-2		308-усл.2			
	П.	Л.	П.	Л.	П.	Л.	П.	Л.	П.	П.	П.	П.	П.	Л.	П.	Л.	П.	Л.		
1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
3	30	-	30	-	-	-	30	30	35	-	36	34	42	-	35	-	-	-	34	-
4	11	-	12	-	14	-	-	-	17	-	14	14	-	-	15	-	-	-	11	-
5	8	-	10	-	11	-	-	-	12	-	11	11	-	-	10	-	-	-	13	-
5:4	72,7	-	83,3	-	78,5	-	-	-	70,5	-	78,5	78,5	-	-	66,6	-	-	-	118,1	-
3:2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Таблица 7. Индивидуальные измерения бедренных костей

	№ погребений											
	295		296		299		300-1		300-2		302	
	П.	Л.	П.	Л.	П.	Л.	П.	Л.	П.	Л.	П.	Л.
1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
21	71	-	-	-	-	-	72	-	-	-	67	67
6	24	24	27	28	21	20	25	26	24	25	-	-
7	24	23	24	25	23	23	29	30	25	34	-	-
8	72	72	80	82	69	66	82	86	73	87	-	-
9	29	27	33	32	26	23	28	35	-	34	30	-
10	21	20	22	22	19	21	30	30	-	28	21	-
13	-	-	28	-	-	-	-	-	33	-	81	-
15	27	-	100	-	-	-	-	101	-	-	30	-
18	41	-	43	-	38	36	47	45	42	43	40	39
29	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	141	-
8:2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6:7	100	104,3	112,5	112	91,3	86,9	86,2	86,6	96	73,5	-	-
10:9	72,4	74,0	66,6	68,	73,0	91,3	107,1	85,7	-	82,3	70	-
	305-усл. 1		306		308-1		308-2		308-усл. 2			
	П.	Л.	П.	Л.	П.	Л.	П.	Л.	П.	Л.		
1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
21	-	-	-	-	-	-	77	-	-	-		
6	29	-	25	23	26	-	26	26	-	25		
7	27	-	27	27	26	-	25	25	-	23		
8	87	-	80	77	77	-	77	77	-	70		
9	33	-	-	30	29	-	31	30	-	30		
10	24	-	-	22	25	-	23	25	-	23		
13	-	-	-	-	90	-	91	91	-	-		
15	-	-	-	-	32	-	31	31	-	-		
18	-	-	43	43	44	-	43	43	-	-		
29	-	-	-	-	135	-	117	117	-	-		
8:2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
6:7	107,4	-	92,5	85,1	100	-	104	104	-	108,6		
10:9	104,3	-	-	73,3	86,2	-	74,1	83,3	-	76,6		

Таблица 8. Индивидуальные измерения большеберцовых костей

	№ погребений											
	299		302		305-1		Гр. 305-1		308-1		308-усл. 2	
	П.	Л.	П.	Л.	П.	Л.	П.	Л.	П.	Л.	П.	Л.
1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1a	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
3	-	-	61	-	-	-	-	-	-	-	-	-
9(a)	17	17	20	-	33	-	-	27	23	23	19	19
10(b)	55	53	56	-	-	-	-	80	27	27	60	60
10(b):1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Таблица 9. Индивидуальные измерения малоберцовых костей

	№ погребений			
	295		299	
	П.	Л.	П.	Л.
1	-	-	-	-
2	14	13	13	13
3	11	10	8	8
4(a)	27	27	-	-
3:2	78,5	76,9	61,5	61,5

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
2. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Исследования могильника у с. Лучистое в 2015 году // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 208–221.
3. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
4. Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 249 с.
5. Бочкарева И.В., Калмина О.А., Иконников Д.С., Исаев И.Н., Андреев К.В., Панюшкина Л.И. *Сгiبرا orbitalia* как показатель железодефицитного состояния // Материалы IV Межрегиональной научной конференции «Актуальные проблемы медицинской науки и образования» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dep_anatom.pnzgu.ru/files/dep_anatom.pnzgu.ru/conference/aktualnye_problemy_meditsinskoy_nauki_i_obrazovaniya_2013.pdf
6. Бужилова А.П. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). М.: ИА РАН, 1995. 189 с.
7. Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований / Ред. А.П. Бужилова, М.В. Козловская, М.Б. Медникова. М.: Новый сад, 1998. С. 87–147.
8. Бужилова А.П., Козловская М.В. Были ли скифы тучными? (антропологический анализ кремнированных останков из скифского погребения) // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология, археология / Ред. В.И. Гуляев, В.С. Ольховский. М.: ИА РАН, 2000. С. 36–39.
9. Бужилова А.П. *Noto sapiens*: История болезни. М.: Языки славянской культуры, 2005. 320 с.

10. Бужилова А.П., Соколова М.А. Палеопатологический анализ серий с искусственно деформированными черепами (по материалам сарматского периода // ОПУС: Междисциплинарные исследования в археологии. Т. 5. М.: ИА РАН, 2006. С. 188–197.
11. Пашкова В.И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М.: Медгиз, 1963. 154 с.
12. Перерва Е.В. К вопросу о некоторых патологических особенностях поздних сарматов с искусственной деформацией черепа // ОПУС: Междисциплинарные исследования в археологии. Т. 5. М.: ИА РАН, 2006. С. 177–187.
13. Радочин В.Ю. Новые антропологические материалы из могильника у с. Лучистое // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 119–134.
14. Радочин В.Ю. Антропологические материалы из погребений V–IX вв. могильника у с. Лучистое // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 161–171.
15. Радочин В.Ю. Антропологические материалы из могильника у с. Лучистое (раскопки 2003–2007 гг.) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 184–235.
16. Радочин В.Ю. Некоторые особенности жизни средневекового населения Крыма (по материалам могильника у с. Лучистое и некрополя городища Эски-Кермен) // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 233–254.
17. Свадковский Б.С. Учебное пособие по судебно-медицинской стоматологии. М.: Медицина, 1974. 175 с.
18. Aufderheide A. C., Rodriguez-Martin C. Human paleopathology. Cambridge University Press, 1998. 478 p.
19. Hauser G., De Stefano G.F. Epigenetic Variants of the Human Skull. Stuttgart: Schweizerbart Verlag, 1989. 301 p.
20. Ubelaker D.H. Human skeletal remains. Excavation, analysis, interpretation. Washington, DC: Taraxacum, 1988. 172 p.
21. Wapler U., Crubezy E., Schultz M. Is Cribra Orbitalia Synonymous with Anemia? Analysis and Interpretation of Cranial Pathology in Sudan // American Journal of Physical Anthropology. 2004. Vol. 123. P. 333–339.
22. White T.D., Folkens P.A. The human bone manual. Academic Press, 2005. 488 p.
23. Standards for data collection from human skeletal remains // Arkansas archeological survey research series. Indianapolis, 1994. № 44.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma*. Simferopol, Dar Publ., 1999, 352 p.
2. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Issledovaniia mogil'nika u s. Luchistoe v 2015 godu. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2016, Vol. XXI, pp. 208–221.
3. Alekseev V.P., Debets G.F. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniy*. Moscow, Nauka Publ., 1964, 128 p.
4. Alekseev V.P. *Osteometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniy*. Moscow, Nauka Publ., 1966, 249 p.
5. Bochkareva I.V., Kalmina O.A., Ikonnikov D.S., Isaev I.N., Andreev K.V., Paniushkina L.I. Cribra orbitalia kak pokazatel' zhelezodefitsitnogo sostoianiia. *Materialy IV Mezhtsebnogo nauchnoi konferentsii «Aktual'nye problemy meditsinskoj nauki i obrazovaniia»*. URL: https://dep_anatom.pnzgu.ru/files/dep_anatom.pnzgu.ru/conference/aktualnye_problemy_meditsinskoj_nauki_i_obrazovaniya_2013.pdf
6. Buzhilova A.P. *Drevnee naselenie (paleopatologicheskie aspekty issledovaniia)*. Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 1995, 189 p.
7. Buzhilova A.P. Paleopatologiya v bioarkheologicheskikh rekonstruktsiakh. Buzhilova A.P., Kozlovskaya M.V., Mednikova M.B. (Eds.), *Istoricheskaya ekologiya cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniy*, Moscow, Novyi sad Publ., 1998, pp. 87–147.
8. Buzhilova A.P., Kozlovskaya M.V. Byli li skify tuchnymi? (antropologicheskii analiz kremirovannykh ostankov iz skifskogo pogrebeniia). Guliaev V.I., Ol'khovskii V.S. (Eds.), *Skify i sarmaty v VII–III vv. do n.e. Paleokologiya, antropologiya, arkheologiya*, Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 2000, pp. 36–39.
9. Buzhilova A.P. Homo sapiens: *Istoriia bolezni*. Moscow,azyki slavianskoi kul'tury Publ., 2005, 320 p.

10. Buzhilova A.P., Sokolova M.A. Paleopatologicheskii analiz serii s iskusstvenno deformirovannymi cherepami (po materialam sarmatskogo perioda). *OPUS: Mezhdistsiplinarye issledovaniia v arkheologii*, T. 5, Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 2006, pp. 188–197.
11. Pashkova V.I. *Ocherki sudebno-meditsinskoj osteologii*. Moscow, Medgiz Publ., 1963, 154 p.
12. Pererva E.V. K voprosu o nekotorykh patologicheskikh osobennostiakh pozdnykh sarmatov s iskusstvennoi deformatsiei cherepa. *OPUS: Mezhdistsiplinarye issledovaniia v arkheologii*, T. 5, Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 2006, pp. 177–187.
13. Radochin V.Yu. Novye antropologicheskie materialy iz mogil'nika u s. Luchistoe. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2002, Vol. IX, pp. 119–134.
14. Radochin V.Yu. Antropologicheskie materialy iz pogrebenii V–IX vv. mogil'nika u s. Luchistoe. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2003, Vol. X, pp. 161–171.
15. Radochin V.Yu. Antropologicheskie materialy iz mogil'nika u s. Luchistoe (raskopki 2003–2007 gg.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2008, Vol. XIV, pp. 184–235.
16. Radochin V.Yu. Nekotorye osobennosti zhizni srednevekovogo naseleniia Kryma (po materialam mogil'nika u s. Luchistoe i nekropolia gorodishcha Eski-Kermen). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2018, Vol. XXIII. pp. 233–254.
17. Svadkovskii B.S. *Uchebnoe posobie po sudebno-meditsinskoj stomatologii*. Moscow, Meditsina Publ., 1974, 175 p.
18. Aufderheide A. C., Rodriguez-Martin C. *Human paleopathology*. Cambridge University Press, 1998, 478 p.
19. Hauser G., De Stefano G.F. *Epigenetic Variants of the Human Skull*. Stuttgart, Schweizerbart Verlag, 1989, 301 p.
20. Ubelaker D.H. *Human skeletal remains*. Excavation, analysis, interpretation. Washington, DC, Taraxacum Publ., 1988, 172 p.
21. Wapler U., Crubezy E., Schultz M. Is Cribra Orbitalia Synonymous with Anemia? Analysis and Interpretation of Cranial Pathology in Sudan. *American Journal of Physical Anthropology*, 2004, Vol. 123, pp. 333–339.
22. White T.D., Folkens P.A. *The human bone manual*. Academic Press, 2005, 488 p.
23. Standards for data collection from human skeletal remains. *Arkansas archeological survey research series*, Indianapolis, 1994, No. 44.

Информация об авторе

Радочин В. Ю. – старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: AАН-7490-2019.

Information about the author

Radochin V. Yu. – Senior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: AАН-7490-2019.

СТЕКЛЯННЫЕ БРАСЛЕТЫ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОГРЕБЕНИЙ В ГОРЗУВИТАХ (ЮЖНЫЙ БЕРЕГ КРЫМА)

Лариса Алексеевна Голофаст¹, Анна Владимировна Мастыкова²

Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия,

¹ *larisa_golofast@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1743-5057>*

² *amastykova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7521-5071>*

Аннотация. В 2017–2018 годах были проведены археологические работы на территории МДЦ «Артек» по изучению средневекового комплекса (храм, могильник, поселение) Горзувиты (пгт. Гурзуф, Южный берег Крыма). В статье публикуются браслеты, найденные в храмовой гробнице (2 экземпляра) и в плитовой могиле 14 на некрополе (4 экземпляра). Рассматривается широкий круг вопросов, касающихся способов ношения и изготовления стекланных браслетов, времени их появления и распространения в ранне- и средневизантийский период, а также вопрос о времени их наибольшей популярности.

Ключевые слова: Южный берег Крыма, Северное Причерноморье, погребальные комплексы, стекланные браслеты

THE GLASS BANGLES FROM THE MEDIAEVAL BURIALS IN GORZUBITAI (THE SOUTHERN COAST OF THE CRIMEA)

Larisa A. Golofast¹, Anna V. Mastykova²

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,

¹ *larisa_golofast@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1743-5057>*

² *amastykova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7521-5071>*

Abstract. In the course of 2017–2018 archaeological excavations conducted on the territory of Artek International Children’s Centre (present-day Gurzuf settlement on the southern coast of the Crimea), the mediaeval complex of Gorzubiai (a church, a cemetery, and a settlement) was investigated. This paper publishes the glass bangles revealed in the church tomb (two specimens) and in slabbed grave 14 at the cemetery (four specimens). We have also analysed a wide range of aspects addressing the ways of wearing of glass bangles and methods of their manufacturing, the date when they appeared and distributed within the Early and Middle Byzantine periods, and the time when they were especially popular.

Keywords: southern coast of the Crimea, northern Black Sea area, burial assemblages, glass bangles

В статье рассматриваются стекланные браслеты, найденные в погребальных комплексах памятника Горзувиты, расположенного на территории Международного детского центра «Артек» (пгт. Гурзуф, Ялтинский округ). Памятник (храм, могильник, поселение) исследовался в 2017 и 2018 годах Институтом археологии РАН [подробнее о памятнике: 31–34; 12].

Археологический контекст обнаружения браслетов в храмовой гробнице

В коллективной гробнице, открытой в 2017 г. в средневековом храме в Горзувитах (рис. 1), были обнаружены два идентичных браслета из зеленоватого, полупрозрачного стекла с мелкими и более крупными вытянутыми вдоль дрота эллиптическими пузырьками. Изготовлены оба браслета из округлого в сечении дрота с уплощенной внутренней поверхностью; концы дрота соединены встык, в районе соединения дроты уплощены. На противоположной стороне браслетов – небольшая округлая вмятина от понтии (0,8x0,4 см). На поверхности обоих – тонкая пленка иризации.

Первый браслет (К.О. 101.12; рис. 2,1) выполнен из неравномерно вытянутого округлого в сечении дрота с гладкой поверхностью и едва заметной белесой пленкой продуктов выветривания на поверхности. Диаметр дрота – 0,3/0,41–0,45/0,51 см; диаметр браслета – 5,0 см.

Поверхность второго браслета (К.О. 101.13; рис. 2,2) гладкая, слегка потерта. Диаметр дрота – 0,4–0,5 см; диаметр браслета – 5,1–5,2 см.

Судя по совпадающим характеристикам, браслеты составляли комплект.

В гробнице было похоронено не менее 20 человек – мужчины, женщины, дети, все они погребались поочередно [31; 32]. Анатомический порядок и позиция *in situ* была прослежена только у верхнего захоронения, у других – позиция фиксировалась частично, или они были потревожены и сдвинуты в сторону при помещении в гробницу новых умерших (рис. 3). Расчистка гробницы производилась послойно и стеклянные браслеты были обнаружены на третьем уровне, они лежали рядом вдоль южной стены, но не *in situ* на костях (рис. 4). На третьем уровне помимо нескольких мужских захоронений, выявлены костяки двух женщин в возрасте 35–44 и 40–49 лет, а также двух детей в возрасте около 3 и около 5 лет¹. Определить, кому принадлежали браслеты, не представляется возможным.

Археологический контекст обнаружения браслетов на могильнике

В ходе раскопок 2018 года на грунтовом могильнике Горзувиты [о могильнике см.: 34], расположенного западнее храма, в плитовой могиле 14 (рис. 5) было обнаружено четыре браслета из синего (кобальтового), чистого, прозрачного стекла с единичными мельчайшими слегка вытянутыми вдоль дрота эллиптическими пузырьками (рис. 6,1,2,4,5). Все браслеты выполнены из круглого в сечении дрота, концы которого соединены встык; в районе соединения – легкая деформация (небольшие вмятины), на противоположной стороне – небольшая округлая вмятина от понтии. Поверхность всех браслетов гладкая, блестящая, без следов выветривания (огневая полировка)².

¹ Здесь и далее половозрастное определение выполнено Марией Всеволодовной Добровольской (ИА РАН, Москва).

² Ю. Л. Шапова объясняет химическую устойчивость подобных браслетов значительным содержанием в стекле окиси калия и связывает их производство со столичными, константинопольскими, мастерскими [47, с. 110; 48, с. 181]. Кроме того, такие браслеты подвергались огневой полировке: готовое изделие помещали на короткое время в печь, в которой под воздействием высоких температур поверхность стекла оплавлялась. В результате закрывались поверхностные дефекты, что защищало стекло от небла-

Первый браслет (К.О. 123; рис. 6,1) – след от понтии размером 0,4x0,25 см, поверхность браслета слегка потерта. Диаметр дрота – 0,32 см; диаметр браслета – 4,7 см.

Второй браслет (К.О. 124; рис. 6,2) – в районе стыка концов дрота вмятины на внутренней и внешней сторонах; на противоположной стороне – след от понтии размером 0,6x0,3 см. Диаметр дрота – 0,3 см; диаметр браслета – 5,0 см.

Третий браслет (К.О. 125; рис. 6,4) – в районе стыка концов дрота имеет две небольшие вмятины, на противоположной стороне – след от понтии размером 0,5x0,3 см. Диаметр дрота – 0,3 см; диаметр браслета – 5,2 см.

Четвертый браслет (К.О. 126; рис. 6,5) – в районе стыка дрот слегка утолщен по одну сторону стыка и с овальной вмятиной на другой; на противоположной стороне – след от понтии размером 0,5x0,3 см. Поверхность браслета слегка потерта, имеются царапины. Диаметр дрота – 0,35 см; диаметр браслета – 5,0 см.

У большинства могил на некрополе Горзувиты, который располагался на отвесном склоне, погребальные конструкции были разрушены из-за различных эрозионных, гравитационных, сейсмических процессов. По этой же причине у могилы 14 массивные перекрывающие плиты провалились внутрь могильного пространства, а погребальная конструкция нарушена и практически не сохранилась (рис. 5). По данным антропологической экспертизы, проведенной М. В. Добровольской, здесь было захоронено как минимум семь взрослых человек. Костяки лежали послонно, и если у верхних (первый уровень фиксации) сохранность костного материала была в хорошем состоянии, то в нижних слоях – фрагментарная и плохой сохранности. При этом кости были сдвинуты и перемешаны (рис. 7). Тем не менее, удалось определить, что в первом слое лежали останки мужчины возраста 30–39 лет и еще одного индивида возраста 25–30 лет (пол не установлен). Во втором – возможно женщины старше 30 лет и взрослого индивида, пол и возраст которого определить сложно. И, наконец, в третьем слое (самый нижний) зафиксированы останки, принадлежавшие трем взрослым индивидам: мужчина (?) старше 35 лет, индивид возрастом 25–30 лет (пол не определяется), третий взрослый индивид (пол и возраст не определяется).

Браслеты были обнаружены практически на дне могилы (третий, последний уровень фиксации) возле юго-восточной стены, сложенными в «стопку» (рис. 7–9) в следующей последовательности – сверху два стекланных, затем бронзовый браслет, и опять два стекланных. Бронзовый браслет (К.О. 122; рис. 6,3) из округло-овального в сечении стержня с сомкнутыми заостренными и слегка уплощенными концами и по форме, и по размеру (диаметр 5,6x4,8 см) соответствует стекланным браслетам. Надо полагать, что это был единый комплект украшений, носившийся одновременно. Соотнести эти украшения с кем-либо из погребенных, так же как и в храмовой гробнице, не представляется возможным. Не исключено, что их собрали и аккуратно сложили во время одного из более поздних подзахоронений.

Отметим, что сочетание стекланных браслетов с бронзовыми и серебряными встречается довольно часто, например, в средневековой Болгарии [15, с. 99³]. В неблагоприятного воздействия внешней среды, а поверхность приобретала гладкость и блеск.

³ Пользуясь случаем, приносим искреннюю благодарность Николаю Хрисимову (Великотырновский

стве примера из крымских находок можно привести сочетание бронзового и стеклянного браслетов в двух погребениях (82 и 262) некрополя Судак II [24, с. 120–121]. Совместное ношение стеклянных и бронзовых браслетов зафиксировано также в одном из погребений могильника Саркела – Белой Вежи на Нижнем Дону [4, с. 106–107].

Способы ношения браслетов

Судя по схожим характеристикам браслетов как из храмовой гробницы, так и могилы 14 (приблизительно одинаковый диаметр браслетов и толщина дрота, из которого они изготовлены, идентичное качество и цвет стекла, а также одинаковая технология изготовления – соединение концов дрота встык, огневая полировка браслетов из могилы 14), они, скорее всего, составляли комплекты, принадлежавшие одному погребенному (рис. 2,1,2; 6,1,2,4,5). Вероятно, носить браслеты в подобных комплектах было общепринятой практикой. В качестве примера можно привести находку в одной из могил боспорского некрополя двух абсолютно одинаковых неорнаментированных браслетов из круглого в сечении дрота синего стекла, надетых на правую руку погребенной [40, с. 289]. Еще один комплект из четырех схожих плосковыпуклых в сечении браслетов из синего стекла найден *in situ* (на правой руке погребенного) в склепе, открытом на участке главных ворот Судакской крепости [6, с. 103, 105, рис. 3,2].

Количество браслетов на руках одного погребенного может быть самым разным – от 1 до 8–10: в могиле 4 на некрополе Судак-II на правой руке южного детского костяка обнаружено четыре, а на левой – три стеклянных браслета [24, с. 30]; в могиле 136 того же некрополя на правой руке самого позднего костяка зафиксировано четыре, а на левой – шесть стеклянных браслетов [24, с. 57, 118].

По наблюдениям Л. Дончевой-Петковой, в погребениях они чаще располагались на правой и значительно реже на левой руке [15, с. 99]. Однако, по нашим наблюдениям, браслеты, скорее всего, носили как на правой, так и левой руке или на обеих руках сразу. К этому же выводу пришли Г. Мэнуку-Адамештеану и И. Полл при изучении материалов из раскопок некрополя Исакча (Isaccea, Румыния) [65, р. 389]. К сожалению, погребальная практика средневекового времени, когда в одной могиле хоронили иногда на протяжении нескольких столетий, отодвигая предшествующие погребения в сторону, не дает возможности верифицировать это наблюдение на крымском материале. Из опубликованных данных можно привести погребение на территории могильника Судак-II с хорошо сохранившимся костяком с тремя стеклянными браслетами на левой руке [22, с. 216]. По информации Э.А. Хайрединовой, на плато Эски-Кермен, в открытом в 2019 г. квартальном однонефном храме, в высеченной в скальном полу притвора могиле 9 с многослойными захоронениями стеклянные браслеты обнаружены *in situ* в двух детских погребениях. В одном из них выявлено пять браслетов (два браслета зафиксированы на левой руке, три – на правой), в другом – три браслета (два – на левой, один – на правой)⁴.

университет имени святых Кирилла и Мефодия, Болгария) за помощь с поиском публикаций.

⁴ Сердечно благодарим Эльзару Айдеровну Хайрединову за предоставленную нам информацию по

Известно, что стекланные браслеты носили дети и женщины на запястье, верхней части руки и над локтем. По мнению М. Маноловой-Войковой, браслеты с внутренним диаметром более 5 см носили взрослые женщины и, возможно, дети над локтем, а браслеты с внутренним диаметром не более 5 см – дети [30, с. 225].

Как конкретно использовались горзувитские браслеты, имеющие очень маленький диаметр, трудно сказать. В храмовой гробнице, как уже говорилось, на том же уровне, где были обнаружены браслеты, были зафиксированы останки двух женщин и двух детей. Учитывая маленький размер браслетов, можно предположить, что браслеты принадлежали кому-то из детей. Но в могиле 14 некрополя Горзувиты детских захоронений не было, а лишь только взрослых людей, среди которых была женщина.

М. Д. Полубояринова приводит этнографические данные о продающихся на современных индийских рынках стекланных браслетах, которые кажутся слишком маленькими, чтобы их можно было надеть на руку, но продавец каким-то особым приемом может сдавить руку женщины и просунуть ее в узкое отверстие, и освободиться от браслета можно только разбив его [39, с. 181].

Возможно и другое их использование. Так, в одной из могил на Тель абу Сарбут (Tell abu Sarbut, Иордания) пять небольших браслетов были найдены рядом с позвоночником и, скорее всего, были пришиты к платку или вплетены в волосы [74, р. 238]. Существует предположение, что совсем маленькие кольца могли служить ручками подвесных лампад [61, р. 79].

Способы изготовления браслетов

Все выявленные в Горзувитах браслеты относятся к простейшим по технике изготовления, которая заключалась в вытягивании из расплавленной стекломассы дрота, разрезавшегося затем на куски. При этом мастер, по-видимому, использовал шаблоны, с помощью которых отмерял длину дрота, необходимую для изготовления браслетов определенного диаметра, а разрезали стержень, скорее всего, с помощью воды, которую наносили через нужные промежутки на горячую заготовку, тем самым провоцируя появление трещины, по которой отламывался очередной кусок [78, р. 182]. Затем к середине полученного стержня прикрепляли понтию, с помощью которой стержень вновь разогревали в печи и сворачивали в кольцо⁵. Возможно, у стеклодела был набор цилиндров разного диаметра, вокруг которых эти стержни сгибали. Соединяли концы дрота с помощью пинцета, следы которого практически всегда видны возле места спайки. Заготовки для изготовления браслетов (стержни)

неопубликованным материалам.

⁵ Помимо описанной техники изготовления браслетов, существовала еще одна, которая заключалась в насаживании небольшого количества горячего стекла на металлический конусообразный стержень, от которого стекло быстрым движением отделяли и начинали вращать на нем при частом разогревании, пока не получали браслет нужного диаметра. Изготовленные таким образом браслеты отличались D-образным или уплощенным сечением и следами инструмента на внутренней поверхности [11, с. 152]. Обе техники использовали на всем протяжении бытования браслетов (до XX в. включительно), но по свидетельству монаха Теофила [75, р. 59], бесшовные браслеты ценились значительно выше.

и сами браслеты могли производить в разных мастерских: стержни производились в первичной стеклоделательной мастерской, а затем перевозились поближе к рынку сбыта, где их разогревали и формовали браслеты [67, p. 120, fig. 13N].

Именно такие простые в изготовлении браслеты, как правило, доминируют в коллекциях этого вида украшений, находимых на различных памятниках византийского мира. Так, самые большие группы они наряду с плосковыпуклыми составляют в Тмутаракани [47, с. 105]; среди браслетов из раскопок Владетельской базилики Великого Преслава они составляют почти половину [30, с. 226]; в Дядово (Болгария) – 61,6% [55, p. 285].

Браслеты из синего стекла производили на протяжении всего периода бытования этого вида украшений, но, по наблюдениям болгарских исследователей, они более характерны для XI в., позже их вытесняют браслеты из «черного» стекла. Причем, подавляющее большинство синих браслетов сделаны из круглого в сечении дрота, а на некоторых болгарских памятниках такие браслеты являются единственным встречающимся типом [46, с. 184; 55, p. 293; 15, с. 102]. Подавляющее большинство браслетов из могил XI в. некрополя Исакча также были круглыми в сечении и сделаны из синего стекла. Позже картина меняется и браслеты из стекла разных цветов представлены приблизительно одинаковым количеством экземпляров [65, p. 389, 390, 392]. Концом X – XI вв. датирует круглые в сечении браслеты из синего стекла В. В. Кропоткин [18, с. 38].

Датировка и распространение браслетов

Палеоантропологические материалы из гробницы храма в Горзувитах были подвергнуты радиоуглеродному анализу⁶, для этого костные образцы отбирались соответственно уровням расчистки гробницы. Радиоуглеродное датирование по образцу из скелета ребенка показало, что возраст третьего слоя⁷, где были обнаружены стеклянные браслеты, соответствует примерно концу XII века [подробнее об этом см.: 13–14].

Таким образом, датировка горзувитских браслетов, по крайней мере, браслетов из храмовой гробницы⁸, приходится на время их наибольшей популярности. Считается, что широкое распространение стеклянные браслеты приобрели благодаря появлению к середине XI в. моды на широкие раструбообразные рукава. Новый фасон одежды был не очень удобен для женщин, занятых ручным трудом, и они вынуждены были завязывать слишком широкие рукава узлом на спине, тем самым открывая запястья и предплечья, которые становились привлекательными для ношения украшений. Возможно, браслеты носили только женщины низших слоев населения, что, как будто, подтверждают миниатюры и фрески XI–XII вв., на которых можно

⁶ Радиоуглеродное датирование проведено в ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН под руководством Э. П. Зазовской и в Центре изотопных исследований Университета Джорджии (США).

⁷ Стоит учитывать, что выделенные слои, конечно, условны – усопшие погребались поочередно, грунтовые прослойки между останками отсутствовали и таким образом кости были перемешаны и сдвинуты при повторных захоронениях.

⁸ Палеоантропологические материалы из могилы 14 некрополя Горзувиты в настоящее время исследуются в Лаборатории радиоуглеродного датирования и микроскопии (руководитель Э. П. Зазовская) Института географии РАН и в Центре изотопных исследований Университета Джорджии (США).

встретить изображения служанок с браслетами на запястье и над локтем. Однако женщины высшего класса никогда не изображались с обнаженными руками, поэтому следует с осторожностью относиться к социальной интерпретации погребений со стекланными браслетами [66, р. 152–153]. В связи с этим, следует отметить две могилы (4 и 136), открытые на некрополе Судак-II, которые, судя по погребальному инвентарю, относятся к числу наиболее богатых погребений некрополя, но в которых было обнаружено и наибольшее количество стекланных браслетов: соответственно 7 и 10 [24, с. 30, 57, 118]. С другой стороны, огромное количество стекланных браслетов, находимое в культурных слоях различных памятников византийского мира, скорее, говорит об их дешевизне.

В палеологовский период (1261–1453 гг.) раструбообразные рукава были распространены значительно меньше и были характерны, главным образом, для парадной одежды представительниц высшего общества. Возможно, изменение формы рукавов вызвало археологически зафиксированное падение популярности браслетов в поздне-византийский период: в это время служанок изображали уже без узла на спине и без браслетов, хотя, по-прежнему, с обнаженными руками [66, р. 152–153, fig. 2, 3].

Все же следует отметить, что археологически время начала распространения моды на ношение стекланных браслетов пока не зафиксировано, и разные исследователи датируют его по-разному: IX в. [62, р. 115], после IX в. [66; 52]; X в. [55; 65]; IX–X вв. [68, р. 143], концом X в. [57; 76, р. 98–99, pl. 18]. На территории Болгарии начало распространения стекланных браслетов относят к концу Первого болгарского царства (681–1018 гг.) и началу византийского владычества в Болгарии (1018–1185 гг.) [59, р. 151; 15, с. 102]. На Нижнем Дунае массовое появление браслетов относят к концу X в. и связывают с реставрацией византийского владычества на Нижнем Дунае при Иоанне Цимисхии [58; цит. по: 49, с. 120–121].

Такие же разногласия наблюдаются и по поводу начала роста популярности браслетов в Северном Причерноморье. З. А. Львова, Ю. Л. Щапова и М. А. Тиханова относят его к IX или середине IX в. [21, с. 323; 47, с. 103, 104, 112; 49, с. 115; 45, с. 374–375]. А. Г. Герцен и С. В. Карлов – ко второй половине IX в. [8, с. 23], Ю. М. Могаричев – к концу IX в. [35, с. 63], Т. И. Макарова – ко второй половине IX – началу X вв. [29, с. 346–347], А. И. Айбабин и Э. А. Хайрединова – к рубежу IX–X вв. [1, с. 47; 3, с. 426], В. В. Кропоткин, В. В. Майко – к середине X в. [18, с. 36; 23, с. 504–505; 25, с. 141]. По мнению Л. Ю. Пономарева, наибольшее распространение стекланные браслеты получают в X–XI вв. и к XII–XIII вв. постепенно выходят из употребления [40, с. 289]. Такой широкий разброс во мнениях объясняется довольно широкой датировкой самых ранних слоев и комплексов, в которых найдено более или менее значительное количество браслетов: IX–X вв. [2, с. 47; 42, с. 221–222], X–XII вв. [17, с. 67], вторая половина IX – XI вв. [26, с. 73–74; 28, с. 363], вторая половина IX – начало XII вв. [27, с. 127], X–XII вв. [6, с. 106], X–XIII вв. [7].

Особое внимание следует обратить на мнение В. В. Майко, который пришел к выводу о начале распространения стекланных браслетов в Крыму около середины

X в. на основе тщательного анализа работ, содержащих информацию об этой группе украшений не только в Северном Причерноморье, но и в других регионах византийского мира [25, с. 138–145]. И все же отсутствие комплексов, которые можно было бы уверенно отнести к первой половине X в., не позволяет безоговорочно согласиться с его мнением⁹. К середине X в. относил начало распространения браслетов и В. В. Кропоткин, который обратил внимание на отсутствие стеклянных браслетов в верхних слоях фанагорийского городища. Редкие находки в них кувшинов с плоскими ручками и отсутствие амфор с воротничковым горлом позволили ему сделать вывод о том, что «в середине X в. Фанагория уже прекратила свое существование как поселение городского типа» [18, с. 37–38], и на этом основании отнес начало распространения стеклянных браслетов в Причерноморье ко времени около середины X в. [18, с. 36]. Корректировка дат появления и пика бытования кувшинов с плоскими ручками, которые в настоящее время относят соответственно к середине / второй половине или даже концу IX – X / первой половине XI в. с пиком бытования в X – первой половине XI в. [50, с. 32, 75; 38, с. 175; 36, с. 54, 57], позволяет отнести время гибели города ко второй половине или, скорее, концу IX / началу X в. [20, с. 421]. Однако несколько браслетов из синего и «черного» стекла в Фанагории все же были найдены в верхних слоях Берегового стратиграфического раскопа (слой 3, связанный со строительными остатками I-го строительного периода) в сочетании с фрагментами амфор с воротничковым горлом [16, л. 9, 10, рис. 57; 67,3; 75,3; 77,7; 95,3], появление которых в настоящее время относят к середине X в., а пик бытования – к последней трети X – XI вв. [43, с. 68]. Таким образом, стеклянные браслеты из раскопок Фанагории можно отнести, как минимум, ко времени бытования амфор с воротничковым горлом, т.е. к середине X – XI вв. Таким образом, в Фанагории также отсутствуют или пока не выявлены слои первой половины X в.¹⁰

Следует отметить, что подавляющее большинство исследователей, говорят не о массовом распространении браслетов, а об их «появлении», что, на наш взгляд, не совсем верно. Как известно, стеклянные браслеты появляются еще во втором тысячелетии до н. э., хотя в Восточном Средиземноморье они остаются чрезвычайно редки вплоть до середины III в. н. э. [72, р. 60]¹¹, когда большую популярность приобретают браслеты из гагата и обсидиана, и стеклянные браслеты, которые поначалу делали преимущественно из «черного»¹² стекла, призваны были их имитировать [72, р. 51–52]. Сначала браслеты были монохромны и не орнаментированы,

⁹ Возможно, уточнить интересующую всех дату позволят стеклянные браслеты из раскопок Херсонеса, коллекция которых готовится к публикации.

¹⁰ Один браслет все же был найден в Фанагории в слое, связанном со строительными остатками, покинутыми жителями в конце IX – начале X вв. (второй строительный период) [16, л. 16, 17]. Однако, эта находка, к сожалению, не может быть использована для хронологических построений, т.к. в результате многочисленных перекопов нового времени в слой попадала даже «турецко-татарская» керамика.

¹¹ В Европе они были очень популярны в первые века до н.э.: их находят на многих поселениях, расположенных на территории, простирающейся от Восточной Европы до Британских островов.

¹² На самом деле стекло только кажется черным из-за интенсивности красителя.

но в IV–V вв. их начинают украшать штампованными изображениями, горизонтальными и косыми желобками [72, р. 60]. Находки таких браслетов известны в Иерусалиме в комплексе VI – начала VII в., в погребении V в. в Кфар Каме (Kfar Kama / Kafar Kama в Галилее, Израиль); а в VI – начале VII в. украшенные подобным образом браслеты из пурпурного стекла составляют доминирующую группу в Резафе (Resafa, римский *Sergiopolis*, Центральная Сирия) [72, р. 57].

В IV в. появляются монохромные крученые браслеты, которые бытуют на протяжении всего византийского периода. Большое количество таких браслетов происходит из слоев IV–VIII вв. в Тиане (Туана, Каппадокия) [78, р. 186]. С VIII в. получают распространение крученые браслеты, перевитые цветными нитями [78, р. 187].

Производство стекланных браслетов, скорее всего, было налажено приблизительно в середине III в. в нескольких центрах. Предполагается наличие мастерских в Палестине и Анатолии. Однако если для Палестины более характерно «черное» непрозрачное стекло, то для Анатолии – прозрачное, различных оттенков зеленого и синего [78, р. 185–186].

С течением времени стекланные браслеты становятся все более популярны и распространяются по всему Средиземноморью и прилегающим территориям, хотя о моде на них в полном смысле этого слова говорить не приходится [78, р. 193]. Так, в Александрии Тродской на протяжении римского и византийского периодов были распространены неорнаментированные монохромные круглые и плосковыпуклые в сечении браслеты, в основном со швом из черно-оливкового, желто-зеленого или красно-коричневого стекла; в ранневизантийский период там получают распространение недекорированные браслеты из светло-голубого или кобальтового стекла, а также монохромные браслеты из стекла черно-оливкового цвета, украшенные штампами, продольными и поперечными желобками и привезенные, скорее всего, из Леванта [69, S. 74, Abb. 55–59]. В Пергаме неорнаментированные браслеты, главным образом, из черно-оливкового, а также коричневого, зеленого и желтого стекла бытовали с римского до поздневизантийского времени, а голубые или кобальтовые, вероятно, вошли в моду только в V–VII вв., то есть в ранневизантийский период [70, S. 96]. При раскопках церковного комплекса в Тиане (см. выше) в слоях IV–V вв. было найдено значительное количество монохромных неорнаментированных и крученых браслетов, а также некоторое количество браслетов с горизонтальными и косыми желобками на внешней поверхности [78, р. 186, 193].

Серия браслетов римского и византийского времени, простых круглых в сечении и крученых, перевитых нитями цветного стекла, происходит из раскопок в Коринфе [57, р. 262–264, nos. 2138–2141, 2143–2145]. Временем после III в. датируются найденные в Фессалониках круглые и полукруглые в сечении и уплощенные браслеты, в том числе орнаментированные косыми поперечными желобками. Они выполнены из кажущегося «черным» стекла в обеих, шовной и бесшовной, техниках [51, р. 331]. Большое скопление браслетов III–IV вв. из синего, зеленого и «красного» прозрачного стекла найдено при раскопках в Миссии (Mysia, Эолида) [77, р. 113]. В Константинополе большое количество простых круглых и D-образных в сечении, а также крученых

браслетов, датируемых V–VIII вв., было найдено в ходе раскопок в районах Сиркеджи (Sirkeci) и Йеникапы (Yenikapı, квартал в совр. Стамбуле) [56, p. 19, fig. 16–17; 53, p. 19, fig. 69]; два браслета из синего стекла, уплощенный и крученный, были найдены в комплексе 38 начала X в. в районе Сарачаны (Sarachane, в совр. Стамбуле) [64, p. 404]. Два браслета римского (черный плосковыпуклый в сечении с поперечными желобками на внешней поверхности и крученный из оливково-зеленого стекла) и два ранневизантийского (из оливково-зеленого и синего стекла) времени были найдены Сардах (Sardis / Sardes) [76, p. 33–34, 91, pl. 10,33]. Несколько браслетов черного стекла происходят из Караниса (Karanis, Египет), в том числе с поперечными желобками на внешней поверхности [63, p. 282–283, pl. XXI,846,850,851]. В Карфагене плосковыпуклый в сечении браслет с поперечными желобками на внешней поверхности, выполненный из «черного» стекла, выявлен в комплексе IV в. [60, S. 502, Abb. 15,566]. На Нижнем Дунае отдельные находки браслетов относят к IV–VI вв. [58; цит. по: 49, с. 120]. В Одессе (совр. Варна, Болгария) и Мангалии (Mangalia, Румыния) браслеты найдены в слое IV–V вв. Б. Борисов, описывая браслеты из Дядово (Болгария), замечает, что в раннесредневековое время (VI – начало XI в.) доминировали браслеты из синего стекла, которые в XI в. и позже были вытеснены браслетами из «черного» стекла [55, p. 293]. В румынской Добрудже браслеты найдены в погребениях II–IV вв. [49, с. 130].

Естественно, что в это время стеклянные браслеты в каком-то количестве поступали и в Причерноморье. Так, браслеты палестинского производства III–IV вв. известны по раскопкам в Херсонесе [9, с. 183–185].

Два браслета из синего стекла с округлым налетом, закрывающим место стыка концов дрота, были найдены в Новомихайловском могильнике VI–VII вв. (в районе Туапсе) [44, с. 189, рис. 9]. Браслеты, бесспорно, относятся к типу 4в по М. Спейер, датирующемуся VI – началом VII в. и известному по раскопкам в Палестине (Иерусалим, Кфар Кама в Галилее) и центральных районах Сирии [72, p. 57]. Находки стеклянных браслетов в слоях VIII–X вв. отмечены в Дербенте [19, с. 75].

Считается, что производство стеклянных браслетов было налажено в Натбеурской и Орбетской мастерских, расположенных в Иорском ущелье (Грузия). Орбетскую относят к VIII–IX вв. [41, с. 104, прим. 57; 71, p. 379] или VII–VIII вв. (54, p. 69). Что же касается Натбеурской мастерской, то мнения исследователей о ее датировке настолько разнятся (VIII–IX вв. [41, с. 104, прим. 57; 71, p. 379] и XIII–XIV вв. [54, p. 69]), что непонятно, идет ли речь о разных мастерских или все же об одной и той же¹³.

К выводу о наличии в Закавказье в IX–X вв. производства стеклянных браслетов, причем преимущественно или исключительно из «черного» стекла, пришла и З. А. Львова, которая при изучении коллекций Армении, Грузии и Азербайджана выявила преобладание в регионе «черных» браслетов и наличие в составе коллекций прямых, не согнутых палочек из черного стекла [21, с. 311–312]. Возможно, именно из Закавказья стеклянные браслеты поступают в Саркел – Белую Вежу, где, как отмечает

¹³ К сожалению, авторы публикаций закавказских браслетов не приводят данных, благодаря которым они пришли к изложенным в их работах выводам.

З. А. Львова, стекланные браслеты из черного стекла содержатся, главным образом, в слоях IX–X вв., соответствующих хазарскому Саркелу [21, с. 308, 310–311]. Находки фрагментов круглых в сечении браслетов черного стекла в слоях хазарского времени отмечают О. А. Артамонова и С. А. Плетнева [5, с. 554, 560]. Хотя, как отмечает С. А. Плетнева, в «хазарский» слой попадали вещи из вышележащих слоев, и наоборот [37, с. 268], но доминирование черных браслетов в хазарских слоях и «серовато-голубых», часто с росписью, византийского происхождения – в беловежских, довольно показательно¹⁴. Черные стекланные браслеты выявлены в слое, сформировавшемся сразу после разгрома Саркела Святославом Игоревичем в 965 году, т. е. в последней четверти X – начале XI в., когда Саркел представлял собой поселение сельского типа [5, с. 580–581]. Однако, в слоях Белой Вежи второй половины XI – начала XII вв. и в слоях поселения, оставшемся на месте города после его разгрома в 1117 году до середины XII в., большинство браслетов выполнено из синего стекла и имеют византийское происхождение [5, с. 583, 585, 587, 589, 590, 593, 595, 603, 605, 607, 608, 612, 620].

Настоящий взлет популярности стекланных браслетов приходится на XI–XIII вв., а на Ближнем Востоке – на мамлюкское время [73, р. 46].

Заключение

В статье, посвященной стекланным браслетам, нельзя обойти молчанием вопрос об их производстве в Крыму. Исследователями неоднократно высказывалось предположение, что ведущим центром по их производству в регионе был Херсонес. Свой вывод они обосновывали большим количеством найденных в городе браслетов, а также его статусом крупного производственно-экономического центра Причерноморья [18, с. 36; 47, с. 118; 48, с. 176]. Однако, при полном отсутствии следов стекольного производства, сам по себе факт наличия большого количества браслетов, характеризующихся одинаковыми признаками, а тем более статус города не могут служить доказательством наличия их местного производства [10, с. 353]. То же можно сказать и по поводу высказанного Ю. Л. Щаповой предположения о производстве стекланных браслетов в Тмутаракани и Корчеве [47, с. 117–119; 25, с. 144], хотя автором отмечалось, что доказательств наличия в Тмутаракани собственного производства стекланных браслетов «почти нет, а те, которые были приведены (в работе 1963 года), недостаточны» [49, с. 115]. Нет оснований говорить и о производстве браслетов в Сугдее [25, с. 141].

¹⁴ Следует отметить мнение Ю. Л. Щаповой, которая считает, что «версия о закавказском происхождении части браслетов Саркела, в основе которой лежит представление об их сходстве с темными браслетами, часто встречающимися в Закавказье, лишена, к сожалению, оснований. Закавказские исследованные браслеты, во всяком случае те, которые найдены на территории современного Азербайджана, не являются бесспорной местной продукцией». Кроме того, «в Армении, Двине, Азербайджане, на Оренкале, на Северном Кавказе, в могильнике Мартан-Чу, встречаются браслеты, аналогичные по цвету и форме саркельским (закавказским) и собственно закавказским... Состав и технология этих браслетов одинаковы с составом и технологией браслетов Тамани и Крыма». «Есть основания полагать, что черные браслеты разных форм с декором и без него, так же как и синие, происходят из византийских мастерских, где работали мастера разного уровня и квалификации, где работа мастеров и сбыт их продукции были по-разному организованы и ориентированы» [49, с. 113].

Рис. 1. Горзувиты. 2017 г. Общий вид храма с восточной стороны

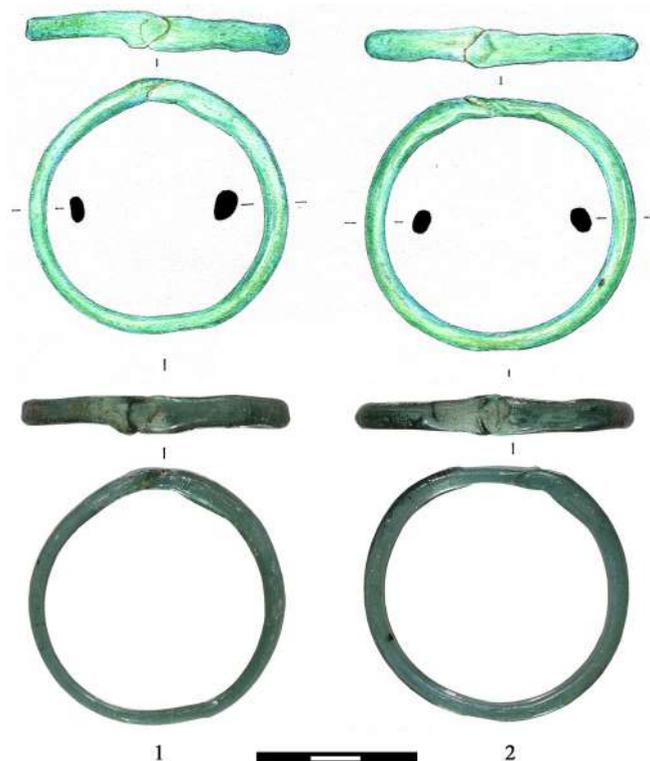

Рис. 2. Горзувиты. 2017 г. Стекланные браслеты из храмовой гробницы. Рисунок С. Л. Богаченко

Рис. 3. Горзувиты. 2017 г. Храмовая гробница, третий уровень, вид с севера. Стрелкой указано местоположение стекланных браслетов *in situ* в гробнице

Рис. 4. Горзувиты. 2017 г. Стекланные браслеты *in situ* у южной стены гробницы. Стрелкой указано местоположение стекланных браслетов в гробнице

Рис. 5. Горзувиты. 2018 г. Плитовая могила 14

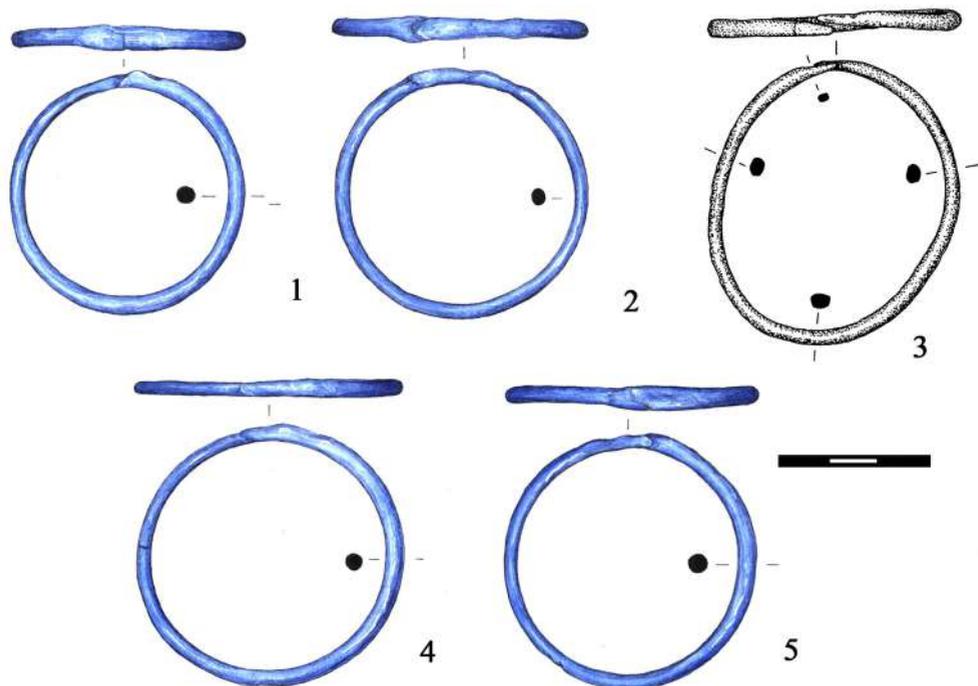

Рис. 6. Горзувиты. 2018 г. Стекланные (1, 2, 4, 5) и бронзовый (3) браслеты из могилы 14.
Рисунок С. Л. Богаченко

Рис. 7. Горзувиты. 2018 г. Могила 14, третий уровень. Стрелкой указано местоположение стекланных браслетов *in situ* в могиле

Рис. 8. Горзувиты. 2018 г. Могила 14, третий уровень. Момент выявления браслетов *in situ*

Рис. 9. Горзувиты. 2018 г. Стекланные браслеты *in situ* у юго-восточной стены могилы 14

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 43–51.
2. Айбабин А.И. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 121–132.
3. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 422–457.
4. Артамонова О.А. Могильник Саркела – Белой Вежи // МИА. 1963. № 109. Труды Волго-Донской экспедиции. Т. 3. С. 9–216.
5. Артамонова О.А., Плетнева С.А. Стратиграфические исследования Саркела – Белой Вежи (по материалам работ в цитадели) // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 539–624.
6. Баранов И.А. Застройка византийского посада на участке главных ворот Судакской крепости // Византийская Таврика. Киев: Наукова думка, 1991. С. 101–121.
7. Безкоровайная Ю.Г. Стекланные браслеты X–XIII вв. из Керчи // 175 лет Керченскому музею древностей: материалы международной конференции (27–29 июля 2001 г.). Керчь, 2001. С. 136–138.
8. Герцен А.Г., Карлов С.В. Дозорный и культовый комплекс под оконечностью мыса Тешкли-Бурун (Мангуп) // Готы и Рим. Киев: Стилос, 2006. С. 221–253.
9. Голофаст Л.А. Стекланные браслеты 3-4 вв. из раскопок Херсонеса // ХСб. 1996. Вып. VII. С. 183–185.
10. Голофаст Л.А. Ремесла и промыслы Херсона в XIII в. (по находкам из слоя пожара) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 345–384.
11. Голофаст Л.А. Стекло из раскопок на участке музейно-паркового комплекса Российской Федерации в Иерихоне // РА. 2019. № 4. С. 144–157.
12. Голофаст Л.А., Мастыкова А.В. О поливной чаше в контексте погребального обряда средневековой храмовой гробницы в Горзувитах // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 359–395.
13. Добровольская М.В., Мастыкова А.В. О датировке византийского храма в Горзувитах с помощью методов естественных наук // ХΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XII международный византийский семинар (Севастополь – Балаклава, 25–29 мая 2020 г.) / Ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Колорит, 2020. С. 85–90.
14. Добровольская М.В., Мастыкова А.В. Изотопные исследования останков людей из гробницы храма на Горзувитах: хронология, особенности питания, мобильность // КСИА. 2020. № 260. С. 428–440.
15. Дончева-Петкова Л. Одрци. Некрополи от XI век. Т. 2. София: Проф. Марин Дринов, 2005. 469 с.
16. Завойкин А.А., Атавин А.Г. О раскопках Фанагории в 1989 году // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 14333.
17. Зеест И.Б., Якобсон А.Л. Раскопки в Керчи в 1963 г. // КСИА. 1965. № 104. С. 62–69.
18. Кропоткин В.В. О производстве стекла и стекланных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси // КСИИМК. 1957. № 68. С. 35–43.
19. Кудрявцев А.А. Стеклоделательное производство Дербента XI – середины XIII вв. // Промыслы и ремесла древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1988. С. 64–84.
20. Кузнецов В.Д., Голофаст Л.А. Дома хазарского времени в Фанагории // ПИФК. 2010. № 1(27). С. 393–429.
21. Львова З.А. Стекланные браслеты и бусы из Саркела – Белой Вежи // МИА. 1959. № 75. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I. С. 307–332.
22. Майко В.В. Сугдея во второй половине X – начале XI вв. // Сугдейский сборник. Киев, Судак: Академперіодика, 2004. С. 201–244.
23. Майко В.В. Городской некрополь Судак-II на посаде средневековой Сугдеи // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 495–530.
24. Майко В.В. Средневековые некрополи Судакской долины. Киев: Академперіодика, 2007. 273 с.
25. Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. Киев: Видавець Олег Філюк, 2014. 465 с.
26. Макарова Т.И. Средневековый Корчев (по раскопкам 1963 года в Керчи) // КСИА. 1965. № 104. С. 70–76.
27. Макарова Т.И. Боспор-Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика / Ред. П.П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1991. С. 121–146.

28. Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 344–393.
29. Макарова Т.И. Комплекс украшений из разрушенного женского погребения около церкви Иоанна Предтечи в Крыму // МАИЭТ. 2005. Вып. XI. С. 346–354.
30. Манолова-Войкова М. Стяклени гривни от владетелската църква на Велики Преслав // Преслав. Велико Търново, 2013. Т. 7. С. 225–239.
31. Мастыкова А.В. О византийском храме в Горзувитах: раскопки 2017 г. // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь, Керчь, 2018. С. 292–298.
32. Мастыкова А.В. Средневековый комплекс (поселение, базилика, могильник) в Гурзуфе (Республика Крым, Ялтинский округ) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований / Отв. ред. А.В. Энгватова. М.: ИА РАН, 2018. Т. 25. С. 186–191.
33. Мастыкова А.В. Археологические раскопки 2017–2018 гг. средневекового храма и могильника в Горзувитах // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. / Ред. С.Ю. Внуков, О.В. Шаров. М.: ИА РАН, 2019. Т. II. С. 378–395.
34. Мастыкова А.В. Итоги исследования могильника Горзувиты в 2018 г. // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь, Керчь, 2019. С. 370–376.
35. Могаричев Ю.М. Пещерные церкви в районе подъемной дороги Эски-Кермена // Проблемы истории и археологии Крыма / Ред. Ю.М. Могаричев. Симферополь: Таврия, 1994. С. 57–67.
36. Науменко В.Е. Амфоры. Кувшины с широкими плоскими ручками // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том 1. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь, Керчь, 2009. С. 35–57.
37. Плетнева С.А. Керамика Саркела – Белой Вежи // МИА. 1959. № 75. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. С. 212–272.
38. Плетнева С.А. Города Таманского полуострова в конце VIII–XI вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М.: Наука, 2003. С. 171–183.
39. Полубояринова М.Д. Стекланные браслеты древнего Новгорода // МИА. 1963. № 117. С. 164–181.
40. Пономарев Л.Ю. К топографии средневекового Боспора (христианский некрополь по ул. 51-й Армии) // V Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы / Ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь, 2004. С. 286–292.
41. Рамишвили Р. Сиони. Археологические памятники Иорского ущелья I. Тбилиси, 1970. С. 30–51 (на груз. яз.).
42. Романчук А.И., Рудаков В.Е. Керамический комплекс IX–X веков Баклинского городища // СА. 1975. № 2. С. 217–222.
43. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсонеса. Екатеринбург: Уральский госуниверситет, 1995. 70 с.
44. Спицын А. Могильник VI–VII вв. в Черноморской области // ИАК. СПб., 1907. Вып. 25. С. 188–192.
45. Тиханова М.А. Базилика // МИА. 1953. № 34. С. 334–389.
46. Чангова Й. За стъклените гривни в средновековна България // Изследвания в памет на Карел Шкорпил. София: Издателство на Българската академия на науките, 1961. С. 179–188.
47. Щапова Ю.Л. Стекланные изделия средневековой Тмутаракани // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 102–133.
48. Щапова Ю.Л. Очерки истории древнего стеклоделия. М.: Изд-во Московского ун-та, 1983. 200 с.
49. Щапова Ю.Л. Византийское стекло. Очерки истории. М.: Изд-во ЛКИ, 2004. 245 с.
50. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. 162 с.
51. Antonaras A. The Use of Glass in Byzantine Jewellery – the Evidence from Northern Greece (4th–16th Centuries) // Annales du 16e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre (London 2003). Nottingham, 2003. P. 331–334.

52. Antonaras A. Middle and Late Byzantine Jewellery from Thessaloniki and its Region // *Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts* / Eds. B. Böhlendorf-Arslan, A. Ricci. Istanbul, 2012. P. 117–126. (BYZAS 15).
53. Atic Ş. Late Roman / Early Byzantine Rescue Excavations at Yenikapi in Istanbul // *Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean* / Ed. E. Laffi. Izmir, 2009. P. 1–19.
54. Bezborodov M.A., Abdurazakov A.A. Newly Excavated Glassworks in the USSR, 3rd–14th Centuries A.D. // *JGS*. 1964. No. 6. P. 64–69.
55. Borisov B.D. Djadovo: Bulgarian, Dutch, Japanese Expedition. Vol. I. Medieval Settlement and Necropolis (11th–12th Century). Tokyo: Tokai University Press, 1989. 393 p.
56. Canav Özgümüş Ü. Late Roman / Early Byzantine Glass from the Marmaray Rescue Excavations at Sirkeci, Istanbul // *Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean* / Ed. E. Laffi. Izmir, 2009. P. 17–24.
57. Davidson G.R. Corinth XII. The Minor Objects. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens, 1952. 366 p.
58. Diaconu P. Parures du XI siècle découvertes a Pacuiul lui-Soare // *Dacia. Nouvelle serie*. 1965. T. IX. P. 307–323.
59. Djingov G. Bracelets en verre à décor peint de la Bulgarie médiévale // *Annales du 7 Congrès de l'AIHV*. Liege, 1978. P. 149–157.
60. Fünfschilling S. Gläser aus den Grabungen des Deutschen Archäologischen Instituts in Karthago. Die Grabungen «Quartier Magon» und rue Ibn Chabâat sowie kleinere Sondagen // *Karthago* / Ed. F. Rakob. Mainz, 1999. Bd. III. S. 435–529.
61. Gill M.A.V. Amorium Reports. Finds I: The Glass (1987–1997). Oxford, 2002. 279 p. (BAR Intern. Series, 1070).
62. Han V. The Origin and Style of Medieval Glass Found in the Central Balkans // *JGS*. 1975. XVII. P. 114–141.
63. Harden D.B. Roman Glass from Karanis Found by the University of Michigan Archaeological Expedition in Egypt, 1924–29. Ann Arbor, U.S.A.: University of Michigan Press, 1936. 352 p.
64. Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery. Princeton, 1992. 455 p.
65. Mănuclu-Adameşteanu G., Poll I. Bracelets en verre découverts dans les nécropoles de Isaccea – Vicina, département de Tulcea (Xe–XIIIe siècles) // *Annales du 18e congrès de l'Association International pour l'histoire du verre* / Eds. D. Ignatiadou, A. Antonaras. Thessaloniki, 2009. P. 389–394.
66. Parani M.G. Representations of Glass Objects as a Source on Byzantine Glass: How Useful Are They? // *DOP*. 2005. No. 59. P. 147–171.
67. Redford S. Excavations at Gritille (1982–1984). The Medieval Period. A Preliminary Report // *Anatolian Studies*. 1986. XXXVI. P. 107–136.
68. Ristovska N. Middle Byzantine painted glass // *Byzantine Trade, 4th–12th Centuries: The Archaeology of Local, Regional, and International Exchange*. Papers of the Thirty-eighth Spring Symposium of Byzantine Studies, St. John's College, University of Oxford, March 2004 / Ed. M. Mango. Farnham, Surrey: Ashgate, 2009. P. 199–220.
69. Schwarzer H. Spätantike und byzantinische Glasfunde aus Alexandria Troas // *Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean* / Ed. E. Laffi. Izmir, 2009. P. 67–84.
70. Schwarzer H. Spätantike, byzantinische und islamische Glasfunde aus Pergamon // *Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean* / Ed. E. Laffi. Izmir 2009. P. 85–109.
71. Shavlakadze Q., Sakhvadze A. Early Medieval Glass Production in the Central Transcaucasus // *Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean* / Ed. E. Laffi. Izmir, 2009. P. 379.
72. Spaer M. The Pre-Islamic Glass Bracelets of Palestine // *JGS*. 1988. No. 30. P. 51–61.
73. Spaer M. The Islamic Glass Bracelets of Palestine. Preliminary Findings // *JGS*. 1992. No. 34. P. 44–62.
74. Steiner M.L. An Analysis of the Islamic Glass Bracelets Found at Tell abu Sarbut // *Sacred and Sweet. Studies on the Material Culture of Tell Deit 'Alla and Tell Abu Sarbut* / Eds. M.L. Sterner, E.J. van der Steen. Leuven, Paris, Dudley, MA, 2008. P. 231–239.

75. Theophilus. De Diversis Artibus / Translated from the Latin with Introduction and Notes by C. R. Dodwell. London, Edinburgh, Paris, Melbourne, Toronto, New York, 1961.
76. Von Saldern A. Ancient and Byzantine Glass from Sardis. London, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1980. 118 p.
77. Yaraş A., Yaraş C. Glass Bracelets from Güre-Ilica (Mysia) // Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean / Ed. E. Laffi. Izmir, 2009. P. 113.
78. Zanon M. Tyana/Kemerhisar (Niğde): Glass Bracelets of the Byzantine and Islamic Period // Anatolia Antiqua. 2013. XXI. P. 181–197.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Osnovnye etapy istorii gorodishcha Eski-Kermen. *Materialy po istorii, arkheologii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1991, Vol. II, pp. 43–51.
2. Aibabin A.I. Mogil'nik VIII – nachala X vv. v Krymu. *Materialy po istorii, arkheologii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1993, Vol. III, pp. 121–132.
3. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Pozdnesrednevekovaia chasovnia na plato Eski-Kermen. *Materialy po istorii, arkheologii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2011, Vol. XVII, pp. 422–457.
4. Artamonova O.A. Mogil'nik Sarkela – Beloi Vezhi. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1963, No. 109, pp. 9–216.
5. Artamonova O.A., Pletneva S.A. Stratigraficheskie issledovaniia Sarkela – Beloi Vezhi (po materialam rabot v tsitadeli). *Materialy po istorii, arkheologii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1998, Vol. VI, pp. 539–624.
6. Baranov I.A. Zastroika vizantiiskogo posada na uchastke glavnykh vorot Sudakskoi kreposti. *Vizantiiskaia Tavrika*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1991, pp. 101–121.
7. Bezkorovainaia Iu.G. Stekliannye braslety X–XIII vv. iz Kerchi. *Materialy mezhdunarodnoi konferentsii "175 let Kerchenskomu muzeiu drevnostei" (27–29 iulia 2001 g.)*, Kerch, 2001, pp. 136–138.
8. Gertsen A.G., Karlov S.V. Dozornyi i kul'tovyi kompleks pod okonechnost'iu mysa Teshkli-Burun (Mangup). *Goty i Rim*, Kiev, Stilos Publ., 2006, pp. 221–253.
9. Golofast L.A. Stekliannye braslety 3-4 vv. iz raskopok Khersonesa. *Khersonesskii sbornik*, Sevastopol, 1996, Vol. VII, pp. 183–185.
10. Golofast L.A. Remesla i promysly Khersona v XIII v. (po nakhodkam iz sloia pozhara). *Materialy po istorii, arkheologii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2008, Vol. XIV, pp. 345–384.
11. Golofast L.A. Steklo iz raskopok na uchastke muzeino-parkovogo kompleksa Rossiiskoi Federatsii v Ierikhone. *Rossiiskaia arkheologiia*, 2019, No. 4, pp. 144–157.
12. Golofast L.A., Mastykova A.V. O polivnoi chashe v kontekste pogrebal'nogo obriada srednevekovi khramovi grobnitsy v Gorzuvitakh. *Materialy po istorii, arkheologii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2018, Vol. XXIII, pp. 359–395.
13. Dobrovol'skaia M.V., Mastykova A.V. O datirovke vizantiiskogo khrama v Gorzuvitakh s pomoshch'iu metodov estestvennykh nauk. *Materialy XII mezhdunarodnogo vizantiiskogo seminara "ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis" (Sevastopol' – Balaklava, 25–29 maia 2020 g.)*, Simferopol, Kolorit Publ., 2020, pp. 85–90.
14. Dobrovol'skaia M.V., Mastykova A.V. Izotopnye issledovaniia ostankov liudei iz grobnitsy khrama na Gorzuvitakh: khronologiia, osobennosti pitaniia, mobil'nost'. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii RAN*, 2020, No. 260 pp. 428–440.
15. Doncheva-Petkova L. *Od'rtsi. Nekropoli ot XI vek*. T. 2. Sofia, Prof. Marin Drinov Publ., 2005, 469 p.
16. Zavoikin A.A., Atavin A.G. O raskopkakh Fanagorii v 1989 godu. *Arkhiv Instituta arkheologii RAN*, F. P-1, D. 14333.
17. Zeest I.B., Iakobson A.L. Raskopki v Kerchi v 1963 g. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii AN SSSR*, 1965, No. 104, pp. 62–69.
18. Kropotkin V.V. O proizvodstve stekla i stekliannykh izdelii v srednevekovykh gorodakh Severnogo Prichernomor'ia i na Rusi. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury AN SSSR*, 1957, No. 68, pp. 35–43.

19. Kudriavtsev A.A. Steklodelatel'noe proizvodstvo Derbenta XI – serediny XIII vv. *Promysly i remesla drevnego i srednevekovogo Dagestana*, Makhachkala, 1988, pp. 64–84.
20. Kuznetsov V.D., Golofast L.A. Doma khazarskogo vremeni v Fanagorii. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2010, No. 1(27), pp. 393–429.
21. L'vova Z.A. Stekliannye braslety i busy iz Sarkela – Beloi Vezhi. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1959, No. 75, pp. 307–332.
22. Maiko V.V. Sugdeia vo vtoroi polovine Kh – nachale XI vv. *Sugdeiskii sbornik*, Kiev, Sudak, Akadempriodika Publ., 2004, pp. 201–244.
23. Maiko V.V. Gorodskoi nekropol' Sudak-II na posade srednevekovoi Sugdei. *Materialy po istorii, arkheologii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2006, Vol. XII, pp. 495–530.
24. Maiko V.V. *Srednevekovye nekropoli Sudakskoi doliny*. Kiev, Akadempriodika Publ., 2007, 273 p.
25. Maiko V.V. *Vostochnyi Krym vo vtoroi polovine X–XII vv.* Kiev, Vidavets' Oleg Filiuk Publ., 2014, 465 p.
26. Makarova T.I. Srednevekovyi Korchev (po raskopkam 1963 goda v Kerchi). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii AN SSSR*, 1965, No. 104, pp. 70–76.
27. Makarova T.I. Bospor-Korchev po arkheologicheskim dannym. Tolochko P.P. (Ed.), *Vizantiiskaia Tavrika*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1991, pp. 121–146.
28. Makarova T.I. Arkheologicheskie raskopki v Kerchi okolo tserkvi Ioanna Predtechi. *Materialy po istorii, arkheologii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1998, Vol. VI, pp. 344–393.
29. Makarova T.I. Kompleks ukrashenii iz razrushennogo zhenskogo pogrebeniia okolo tserkvi Ioanna Predtechi v Krymu. *Materialy po istorii, arkheologii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2005, Vol. XI, pp. 346–354.
30. Manolova-Voikova M. St'kleni grivni ot vladetelskata ts'rkva na Veliki Preslav. *Preslav*, Veliko T'rnovo, 2013, T. 7, pp. 225–239.
31. Mastykova A.V. O vizantiiskom khrame v Gorzuvitakh: raskopki 2017 g. Zin'ko V.N., Zin'ko E.A. (Eds.), *XIX Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Traditsii i innovatsii*, Simferopol, Kerch, 2018, pp. 292–298.
32. Mastykova A.V. Srednevekovyi kompleks (poselenie, bazilika, mogil'nik) v Gurzufe (Respublika Krym, Ialtinskii okrug). Engovatova A.V. (Ed.), *Goroda, selishcha, mogil'niki. Raskopki 2017. Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy*, Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 2018, T. 25, pp. 186–191.
33. Mastykova A.V. Arkheologicheskie raskopki 2017–2018 gg. srednevekovogo khrama i mogil'nika v Gorzuvitakh. Vnukov S.Iu., Sharov O.V. (eds.), *Krym – Tavrida. Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu v 2017–2018 gg.*, Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 2019, T. II, pp. 378–395.
34. Mastykova A.V. Itogi issledovaniia mogil'nika Gorzuvity v 2018 g. Zin'ko V.N., Zin'ko E.A. (Eds.), *XX Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Osnovnye itogi i perspektivy issledovaniy*, Simferopol, Kerch, 2019, pp. 370–376.
35. Mogarichev Iu.M. Peshchernye tserkvi v raione pod'emnoi dorogi Eski-Kermena. Mogarichev Iu.M. (Ed.), *Problemy istorii i arkheologii Kryma*, Simferopol, Tavriia Publ., 1994, pp. 57–67.
36. Naumenko V.E. Amfory. Kuvshiny s shirokimi ploskimi ruchkami. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Iu. *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom I. Arkheologicheskie komplekсы VIII–X vv.* Simferopol, Kerch, 2009, pp. 35–57.
37. Pletneva S.A. Keramika Sarkela – Beloi Vezhi. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1959, No. 75, pp. 212–272.
38. Pletneva S.A. Goroda Tamanskogo poluostrova v kontse VIII–XII vv. *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia*, Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 171–183.
39. Poluboiarina M.D. Stekliannye braslety drevnego Novgoroda. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1963, No. 117, pp. 164–181.
40. Ponomarev L.Iu. K topografii srednevekovogo Bospora (khristianskii nekropol' po ul. 51-i Armii). Zin'ko V.N. (Ed.), *V Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Etnicheskie protsessy*, Kerch, 2004, pp. 286–292.
41. Ramishvili R. Sioni. *Arkheologicheskie pamiatniki Iorskogo ushel'ia I*, Tbilisi, 1970, pp. 30–51.

42. Romanchuk A.I., Rudakov V.E. Keramicheskii kompleks IX–X vekov Baklinskogo gorodishcha. *Sovetskaiia arkheologiia*, 1975, No. 2, pp. 217–222.
43. Romanchuk A.I., Sazanov A.V., Sedikova L.V. *Amfory iz kompleksov vizantiiskogo Khersonesa*. Ekaterinburg, Ural'skii gosuniversitet Publ., 1995, 70 p.
44. Spitsyn A. Mogil'nik VI–VII vv. v Chernomorskoii oblasti. *Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii*, St-Petersburg, 1907, Vol. 25, pp. 188–192.
45. Tikhanova M.A. Bazilika. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1953, No. 34, pp. 334–389.
46. Changova I. Za st'klenite grivni v srednevekovna B'Igariia. *Izsledvaniia v pamet na Karel Shkorpil*, Sofia, B'Igarskata akademiia na naukite Publ., 1961, pp. 179–188.
47. Shchapova Iu.L. Stekliannye izdeliia srednevekovoi Tmutarakani. *Keramika i steklo drevnei Tmutarakani*, Moscow, Akademiia nauk SSSR Publ., 1963, pp. 102–133.
48. Shchapova Iu.L. *Ocherki istorii drevnego steklodeliia*. Moscow, Moskovskii universitet Publ., 1983, 200 p.
49. Shchapova Iu.L. *Vizantiiskoe steklo. Ocherki istorii*. Moscow, 2004, 245 p.
50. Iakobson A.L. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoi Tavriki*. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 162 p.
51. Antonaras A. The Use of Glass in Byzantine Jewellery – the Evidence from Northern Greece (4th–16th Centuries). *Annales du 16e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre (London 2003)*, Nottingham, 2003, pp. 331–334.
52. Antonaras A. Middle and Late Byzantine Jewellery from Thessaloniki and its Region. Böhlendorf-Arslan B., Ricci A. (Eds.), *Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts*, Istanbul, 2012, pp. 117–126.
53. Atic Ş. Late Roman / Early Byzantine Rescue Excavations at Yenikapi in Istanbul. Lafi E. (Ed.), *Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean*, Izmir, 2009, pp. 1–19.
54. Bezborodov M.A., Abdurazakov A.A. Newly Excavated Glassworks in the USSR, 3rd–14th Centuries A.D. *Journal of Glass Studies*, 1964, No. 6, pp. 64–69.
55. Borisov B.D. *Djadovo: Bulgarian, Dutch, Japanese Expedition. Vol. I. Medieval Settlement and Necropolis (11th–12th Century)*. Tokyo, Tokai University Press, 1989, 393 p.
56. Canav Özgümüş Ü. Late Roman / Early Byzantine Glass from the Marmaray Rescue Excavations at Sirkeci, Istanbul. Lafi E. (Ed.), *Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean*, Izmir, 2009, pp. 17–24.
57. Davidson G.R. *Corinth XII. The Minor Objects*. Princeton, The American School of Classical Studies at Athens, 1952, 366 p.
58. Diaconu P. Parures du XI siècle découvertes à Pacuiul lui-Soare. *Dacia. Nouvelle série*, 1965, T. IX, pp. 307–323.
59. Djingov G. Bracelets en verre à décor peint de la Bulgarie médiévale. *Annales du 7 Congrès de l'AIHV*, Liege, 1978, pp. 149–157.
60. Fünfschilling S. Gläser aus den Grabungen des Deutschen Archäologischen Instituts in Karthago. Die Grabungen «Quartier Magon» und rue Ibn Chabâat sowie kleinere Sondagen. Rakob F. (Ed.), *Karthago*, Mainz, 1999, Bd. III, pp. 435–529.
61. Gill M.A.V. *Amorium Reports. Finds I: The Glass (1987–1997)*. Oxford, 2002, 279 p. (BAR Intern. Series, 1070).
62. Han V. The Origin and Style of Medieval Glass Found in the Central Balkans. *Journal of Glass Studies*, 1975, XVII, pp. 114–141.
63. Harden D.B. *Roman Glass from Karanis Found by the University of Michigan Archaeological Expedition in Egypt, 1924–29*. Ann Arbor, U.S.A., University of Michigan Press, 1936, 352 p.
64. Hayes J.W. *Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery*. Princeton, 1992, 455 p.
65. Mănuclu-Adameşteanu G., Poll I. Bracelets en verre découverts dans les nécropoles de Isaccea – Vicina, département de Tulcea (Xe–XIIIe siècles). Ignatiadou D., Antonaras A. (Eds.), *Annales du 18e congrès de l'Association Internationale pour l'histoire du verre*, Thessaloniki, 2009, pp. 389–394.
66. Parani M.G. Representations of Glass Objects as a Source on Byzantine Glass: How Useful Are They? *Dumbarton Oaks Papers*, 2005, No. 59, pp. 147–171.

67. Redford S. Excavations at Gritille (1982–1984). The Medieval Period. A Preliminary Report. *Anatolian Studies*, 1986, XXXVI, pp. 107–136.
68. Ristovska N. Middle Byzantine painted glass. Mango M. (Ed.), *Byzantine Trade, 4th–12th Centuries: The Archaeology of Local, Regional, and International Exchange. Papers of the Thirty-eighth Spring Symposium of Byzantine Studies, St. John's College, University of Oxford, March 2004*, Farnham, Surrey, 2009, pp. 199–220.
69. Schwarzer H. Spätantike und byzantinische Glasfunde aus Alexandria Troas. Lafi E. (Ed.), *Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean*, Izmir, 2009, pp. 67–84.
70. Schwarzer H. Spätantike, byzantinische und islamische Glasfunde aus Pergamon. Lafi E. (Ed.), *Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean*, Izmir, 2009, pp. 85–109.
71. Shavlakadze Q., Sakhvadze A. Early Medieval Glass Production in the Central Transcaucasus. Lafi E. (Ed.), *Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean*, Izmir, 2009, pp. 379.
72. Spaer M. The Pre-Islamic Glass Bracelets of Palestine. *Journal of Glass Studies*, 1988, No. 30, pp. 51–61.
73. Spaer M. The Islamic Glass Bracelets of Palestine. Preliminary Findings. *Journal of Glass Studies*, 1992, No. 34, pp. 44–62.
74. Steiner M.L. An Analysis of the Islamic Glass Bracelets Found at Tell abu Sarbut. Sterner M.L., van der Steen E.J. (Eds.), *Sacred and Sweet. Studies on the Material Culture of Tell Deit 'Alla and Tell Abu Sarbut*, Leuven, Paris, Dudley, MA, 2008, pp. 231–239.
75. Theophilus. *De Diversis Artibus*. Translated from the Latin with Introduction and Notes by C. R. Dodwell. London, Edinburgh, Paris, Melbourne, Toronto, New York, 1961.
76. Von Saldern A. *Ancient and Byzantine Glass from Sardis*. London, Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1980, 118 p.
77. Yaraş A., Yaraş C. Glass Bracelets from Güre-Ilica (Mysia). Lafi E. (Ed.), *Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean*, Izmir, 2009, pp. 113.
78. Zanon M. Tyana/Kemerhisar (Niğde): Glass Bracelets of the Byzantine and Islamic Period. *Anatolia Antiqua*, 2013, XXI, pp. 181–197.

Информация об авторах

Голофаст Л. А. – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела классической археологии Института археологии РАН, Researcher ID: J-7642-2018.

Мастыкова А. В. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН, Researcher ID: S-8730-2016.

Information about the authors

Golofast L. A. – Candidate of Science (History), Researcher at the Institute of Archaeology of RAS, Researcher ID: J-7642-2018.

Mastykova A. V. – Doctor of Science (History), Leading Researcher at the Institute of Archaeology of RAS, Researcher ID: S-8730-2016.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ МАНГУПА: ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Антон Анатольевич Душенко

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского; Институт археологии Крыма
Российской академии наук, Симферополь, Россия, tnu.dushenko@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7287-0086>*

Аннотация. Статья посвящена обзору исторических источников о хозяйственной деятельности населения Мангупского городища. Источники разделены на две группы: письменные и археологические. Сведения письменных источников отрывочны и позволяют только констатировать занятие жителями Мангупа отдельными видами хозяйственной деятельности: земледелием, садоводством, огородничеством, виноградарством, животноводством, бортничеством, дублением кож. Группа археологических источников более информативна. Данные раскопок позволяют локализовать на территории городища отдельные хозяйственные сооружения и производственные кластеры: ручные мельницы, зернохранилище, виноградодавильни, загоны для скота, каменоломни, печь для обжига извести, кузнечные горны.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, Мангуп, средневековый город, сельское хозяйство, ремесло, источники

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время».

THE ECONOMIC ACTIVITIES OF THE POPULATION OF MANGUP: A REVIEW OF SOURCES

Anton A. Duchenko

V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Institute of Archaeology of the Crimea of Russian Academy of Science, Simferopol, Russia, tnu.dushenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7287-0086>

Abstract. This article presents a review of historical sources on the economic activities of the population of the ancient town of Mangup. The sources are divided into two groups: written and archaeological. Written sources are fragmentary and, therefore, allow the one just to state that the residents of Mangup practiced specific economic activities, such as farming, gardening, horticulture, viticulture, cattle-breeding, beekeeping, and tanning. The group of archaeological sources is more informative. The excavations supply the data to locate specific economic buildings and industrial clusters in the ancient town area, such as hand mills, grain storages, wine presses, cattle pens, a lime-baking kiln, and blacksmith's furnaces.

Keywords: south-western Crimea, Mangup, mediaeval town, agriculture, crafts, sources

Acknowledgments: The work was carried out within the framework of project No. 20-18-00076 supported by Russian Science Foundation.

Мангупское городище – крупнейший памятник из группы «пещерных городов» Юго-Западного Крыма. В течение своей без малого полуторатысячелетней истории Мангуп эволюционировал от небольшого неукрепленного поселения раннесредневекового времени до одного из крупнейших городских центров региона, столицы государственного образования, известного как княжество Феодоро [11, с. 94–112].

Интерес к истории Мангупа возник еще в XVI в., а его археологические исследования ведутся с середины XIX в.¹ Следует отметить, что внимание исследователей памятника концентрировалось главным образом на политической и военной истории города, его фортификационных, административных, культовых и погребальных комплексах. В значительно меньшей степени в литературе освещена экономическая история Мангупа, ремесла и промыслы его жителей. Объектами специального изучения становились две отрасли хозяйственной деятельности населения Мангупа: виноделие [26] и косторезное дело [31]. Кроме того, на южной периферии Мангупского городища, на г. Илька и в урочище Суаткан были частично изучены средневековые центры производства кровельной черепицы [37].

Данная работа представляет собой краткий обзор источников, содержащих информацию о хозяйственной деятельности населения Мангупского городища. Исходя из их происхождения, источники разделены на две группы: письменные и археологические.

Самые ранние *письменные данные* о производственной деятельности населения Мангупа относятся к раннесредневековому периоду истории поселения. Прокопий в своем сочинении отмечает плодородность области Дори, а ее жители являются «искусными земледельцами» [41. III. VII. 14–15]. Очевидно, эта характеристика применима и к Мангупу как центру страны крымских готв.

Свидетельство о занятии жителями Мангупа садоводством содержится в мотодии «Рассказ о городе Феодоро...» иеромонаха Матфея. Описывая былое величие разрушенного города, автор, посетивший его в конце XIV в., упоминает «сады орошаемые» [12, с. 581]. По мнению А. Г. Герцена, в сообщении идет речь о садах, располагавшихся в балках Гамам-дере и Табана-дере, где и в настоящее время функционируют источники воды. Причем наличие в Табана-дере следов размежевки сельскохозяйственных участков и террас подтверждено археологически [12, с. 568].

Ценные сведения о занятиях жителей Мангупа в первой половине XVI в. содержатся в османском дефтере (налоговой переписи) 1529 г. В перечне из 10 налогов, взимаемых с населения города, 8 связаны с хозяйственной деятельностью и сферой услуг (табл. 1) [52, р. 144].

Суммы выплачиваемых налогов наглядно демонстрируют, что основу экономики города в XVI в. составляло выращивание и переработка сельскохозяйственной продукции, в первую очередь, зерновых культур. Наряду с земледелием среди занятий населения фиксируются производство ферментированных напитков (вероятно, бузы), бортничество, садоводство, огородничество, виноделие и животноводство.

В «Описании Черного моря и Татарию» Эмиддио Дортелли д'Асколи, возглавлявшего доминиканскую миссию в Каффе в 1624–1634 гг., впервые упоминается выделка кож представителями иудейской общины Мангупа [29, с. 121]. Подтверждение этой ин-

¹ Подробно об истории изучения Мангупа см.: [17; 18; 19; 25].

Таблица 1

№	Налог	Сумма (акче)
1	Десятина на зерно	1200
2	Налог на ферментированные напитки	1100
3	Налог на лен, ульи, сено, фрукты	950
4	Торговые сборы и налог на огороды	270
5	Налог на вино	150
6	Налог на бани	120
7	Налог на овец	25
8	Налог на виноградники, принадлежащие мусульманам	7

формации содержится в сочинении турецкого путешественника Эвлия Челеби, отмечающего высокую известность местных телячьих кож. Кроме того, Челеби локализует кожевенные лавки за северными воротами города в балке Табана-дере, а также упоминает расположенные здесь две мясные лавки и питейное заведение [50, с. 76, 79]. Возможно, материальным свидетельством деятельности кожевников и мясников иудейского квартала является раскопанный в 2005–2006 гг. участок городской свалки второй половины XVII – начала XVIII вв., примыкавшей к тыльной стороне куртины Второй линии обороны города. 4-й слой на этом участке содержал более 12000 фрагментов костей животных, главным образом особей крупного и мелкого рогатого скота [32, с. 315, табл. 2].

Более точно место деятельности кожевников указано на «Плане старинной крепости называемой Мангуп», составленном в 1784 г. князем Дашковым. В верховьях балки Табана-дере литерой N отмечено «Место где жида сафьян выделывают» [42; 4, с. 193, рис. 1; 25, с. 19–20, илл. 4].

Информация об обработке кожи содержится в сочинениях путешественников, посетивших Мангуп после 1792 или 1793 г., когда город покинули последние жители [33, с. 113–119]. С. Паллас упоминает кожевников из Чуфут-Кале, в летний период занимающихся дублением кож в вырубленных в известняке чанах² в Табана-дере и применяющих для этого кору сумаха дубильного (*Rhus coriária*) [38, с. 64]. В. Х. Кондараки в 1868 г. видел возле упомянутых чанов следы производственного процесса – кучки пепла и комки шерсти [35, с. 421].

Очевидно, кожевенное дело оставалось традиционным занятием жителей иудейской общины Мангупа на протяжении как минимум 200 лет. Этому способствовали благоприятные природные условия – наличие воды, доступность дубильных веществ. Традиция не прервалась с переездом общины на Чуфут-Кале и отразилась в топониме Табана-дере (табана – «кожевенная мастерская») [17, с. 219].

Как видно из приведенного обзора, круг письменных источников по проблематике исследования весьма ограничен. Большинство свидетельств относится к позднему периоду истории Мангупа – XVI–XVIII вв. При этом содержащиеся в них сведения позволяют констатировать занятие жителями города тем или иным видом

² Остатки этих сооружений и в настоящее время видны рядом с родником в верховьях балки Табана-дере.

хозяйственной деятельности без указаний на локализацию или особенности производственного процесса. Исключением является кожевненное дело, уверенно локализуемое в верховьях балки Табана-дере.

Группу *археологических источников* составляют материальные свидетельства хозяйственной деятельности населения Мангупа – остатки производственных комплексов, инструменты, заготовки и отходы производства³. Ряд находок указывает на занятие жителями города земледелием. Слой пожара 1475 г., заполнявший внутреннее пространство помещения N дворцового комплекса Мангупского городища, содержал большое количество обгоревших зерен проса, пшеницы, ячменя, ржи и бобовых культур⁴, что позволяет интерпретировать постройку как зернохранилище [27, с. 80, рис. 2,2]. Переработка зерновых осуществлялась на территории города, о чем свидетельствуют остатки вырубленных в скале оснований ручных мельниц. Одно из таких сооружений было открыто возле здания 1 участка застройки у церкви св. Константина (рис. 1). Комплекс относится ко второму строительному ярусу, датирующемуся первой третью – 60-ми гг. XV в. [23, с. 391, 403, рис. 12]. Пять аналогичных конструкций располагались рядом с постройками «феодоритского» строительного яруса квартала внутри цитадели [10, с. 8; 13, с. 11, рис. 53, 61; 14, с. 12, рис. 7, 32; 15, с. 20, рис. 10, 44]. К орудиям труда земледельца относится фрагмент железного лемеха плуга, найденный на территории этого же квартала, в хозяйственной яме, засыпанной в первой четверти XV в. при перепланировке участка, связанной со строительством октогонального храма [13, с. 9, рис. 157].

Материальными свидетельствами производства вина на территории поселения являются вырубленные в скале виноградодавильни (рис. 2). К настоящему времени известны 13 стационарных винодельческих комплексов⁵ двух типов, отражающих различные стадии переработки сырья. Их хронологию определяют в пределах второй половины IX – первой половины XI вв. Рассчитанные исследователями производственные мощности мангупских виноградодавилен без сомнения указывают на товарный характер отрасли [26, с. 82–83]. Картину развития виноделия дополняет находка ножа для обрезки винограда [6, с. 78–79, рис. 1,5; 2,5].

О достаточно высоком уровне развитии животноводства у населения Мангупа на всем протяжении его истории свидетельствуют, в первую очередь, многочисленные находки костей домашних животных (мелкого и крупного рогатого скота, свиньи) со следами кухонной обработки в культурных напластованиях, отражающих все без исключения этапы жизни поселения⁶. Обеспеченность жителей города про-

³ Благодаря руководителю Мангупской археологической экспедиции А. Г. Герцена за возможность самостоятельной публикации материалов раскопок и его заместителя В. Е. Науменко за ценные консультации при подготовке настоящей статьи.

⁴ Определение Г. А. Пашкевич.

⁵ В специальном исследовании, посвященном этой группе памятников, учтены 12 виноградодавилен [26, с. 79–86]. Еще один комплекс был открыт в 2019 г. в ходе раскопок т.н. «церкви 1968 г.» на юго-восточном обрыве Мангупского плато.

⁶ Изучением остеологических материалов из раскопок Мангупского городища занимались старший

дуктами животноводства – мясом и молоком – подтверждается также результатами антропологических исследований [49, с. 227–228].

Комплекс животноводческих сооружений был открыт экспедицией Е. В. Веймарна под скальными навесами восточного обрыва мыса Елли-бурун. Он включал восемь загонов-кошар площадью от 50 до 220 кв. м. для мелкого рогатого скота, источник воды с поилкой и жилые помещения для пастухов (рис. 3) [5, с. 135, рис. 6]. Авторы публикации датировали комплекс временем до 1475 г., основываясь на высеченном в скале рядом с кошарами изображении креста. Такая аргументация датировки представляется неубедительной, учитывая присутствие христианской общины на Мангупе в XVI – первой половине XVII вв. [25, с. 15–18]. Очевидно, для определения хронологии комплекса требуется его полноценное археологическое исследование.

Использование крупного рогатого скота в качестве тягловой силы отмечено в фрагменте текста надписи XIV в., найденной в одной из башен Второй линии обороны в верховьях балки Табана-дере, сообщающей о захвате упряжек волов и убийстве погонщика некими всадниками [36, с. 15–19].

Свидетельством разведения жителями Мангупа лошадей является клад железных предметов, принадлежавших, вероятно, конюху. В его состав входили трое стремян (рис. 4, 1–3), два инструмента для таврения (рис. 5, 1–2) и два железных крюка, двусторонний и односторонний, использовавшихся, вероятно, для чистки копыт (рис. 5, 3–4) [8, с. 45, рис. 379–380]. Клад был найден недалеко от южного обрыва Мангупского плато вне археологического контекста, что затрудняет определение его хронологии. Стремена из клада, имеющие плоскую пластинчатую подножку, арочный контур дужки и выделенную перехватом петлю, относятся к типу Б-II по классификации Ф. Г. Федорова-Давыдова [45, с. 11, рис. 1]. Аналогии известны в комплексах VIII–XI вв. на широкой территории от Венгрии до Сибири [45, с. 14–15]. С. А. Плетнева датировала стремяна этого типа концом VIII – началом X вв. [39, с. 167, рис. 46,8]. А. Н. Кирпичников отнес аналогичные стремяна к типу VI, распространенному на территории Евразии в VII–IX вв. и вышедшему из употребления к XI в. [34, с. 49, рис. 29]. Е. А. Армарчук выделила стремяна с арочным контуром и выделенной петлей в тип I-A1 и датировала его бытование в причерноморском регионе VIII–IX вв. [2, с. 15–17, рис. 2,3–5].

Аналогий инструментам для таврения обнаружить не удалось. Клеймо, наносившееся посредством этих приспособлений, имеет форму трезубца со скругленными углами или буквы Е. Этот знак в различных вариациях широко распространен во времени и пространстве. Он встречается на монетах Боспорского царства [30, с. 138, табл. XIII, рис. 2,12–14], строительных материалах салтово-маяцких поселений [47, с. 31, табл. I,159–160; 46, с. 97, рис. 4,4–7], средневековой черепице [51, табл. 8,108–109; 20,48; 44, с. 431, № 36; 43, с. 185–186, рис. 4,43–46], золотоордынской керамике [40, с. 177–178, рис.

научный сотрудник Института археологии НАН Украины О. П. Журавлев и научный сотрудник Института зоологии им. И. И. Шмальгаузена НАН Украины Е. Ю. Яниш. К сожалению, результаты этих исследований к настоящему времени не опубликованы, за исключением материалов раскопа в верховьях балки Табана-дере [32].

1,9–12,15]. Кроме того, он известен как тарак-тамга – знак династии Гиреев [1, с. 43]. Учитывая хронологию стремьян из клада, ближайшими аналогиями клейму являются знаки на строительных блоках укрепления А.VIII Главной линии обороны Мангупа, датированные IX–X вв. [7, с. 117, 119, рис. 17,30–31], и граффити на каменном блоке из склепа VIII у подножья Баклы [3, с. 129–133, рис. 50]. Не вдаваясь в дискуссию о происхождении и семантике трезубца⁷, отметим, что в случае с мангупским кладом конюха, этот знак, видимо, определял право собственности владельца на тавренное им животное.

Отходы мясного животноводства служили практически неисчерпаемым источником сырья для еще одной отрасли производственной деятельности – косторезного дела. Находки заготовок и готовой продукции указывают на знакомство жителей Мангупа с обработкой кости и рога на всех этапах истории поселения. Производство носило, главным образом, характер подсобного промысла, обеспечивавшего собственные нужды изготовителя и его ближайшего окружения. Для «феодоритского» периода зафиксирована деятельность профессиональных косторезов, узко специализировавшихся на производстве отдельных видов изделий: дисковидных пуговиц с концентрическими окружностями, колец для стрельбы из лука, наперстков [31, с. 24–26].

Процесс эволюции от поселения к городу требовал высокого уровня развития строительного дела. Судя по имеющимся данным, Мангуп пережил два пика строительной активности. Первый из них приходится на вторую половину VI в., когда на плато была возведена Главная линия обороны и Большая базилика [11, с. 100–101]. Второй, датирующийся 60-ми гг. XIV в. – 20-ми гг. XV в., связан со строительством Второй линии обороны и цитадели, ремонтом Большой базилики, постройкой дворца 1425 г. и октагонального храма [11, с. 107–108]. Выразительным свидетельством второго пика стал ряд строительных надписей [36, с. 5–6, 9–11, 26–29, 33–35].

Сформированные из мягкого, удобного для обработки известняка обрывы Мангупского плато обеспечивали строителей основными необходимыми материалами. Следы ломки камня археологически зафиксированы под восточным обрывом мыса Тешкли-бурун [20, с. 376] и под его оконечностью [22, с. 223]. Очевидно, для строительства использовался также камень, добытый при вырубке многочисленных скальных сооружений. Кроме того, источником строительных материалов служили руины более ранних построек. Вторичное использование архитектурных деталей в кладках поздних этапов истории Мангупа является обычным явлением. Ярким примером тому служат наличники проема нижнего этажа донжона цитадели, изготовленные из надгробий.

Присутствие на Мангупе профессиональных каменщиков подтверждается находкой специального инструмента для финальной подтески строительных блоков – зубатки. Она была найдена в составе клада металлических предметов, в который также входили замок, топор, мотыга, зубило и факельница. Клад был спрятан в скальном углублении возле здания 4 квартала внутри цитадели Мангупа и сопровождался фрагментами керамики XIV–XV вв.⁸ [9, с. 39, рис. 153–158, 219–221].

⁷ Подробно о дискуссии см. [48, с. 53–62].

⁸ Полноценное введение в научный оборот клада железных инструментов из цитадели и упоминаемой ниже

Кроме строительного камня, местный известняк был источником основы связующего строительного раствора и штукатурки. Печь для обжига извести была открыта в 1994 г. в верховьях Лагерной балки. Комплекс датируется первой половиной XV в. и, видимо, использовался в ходе строительства проходящей здесь куртины Второй линии обороны и башни № 8 [8, с. 21–23, рис. 208–210, 215–216].

Еще один вид строительных материалов – кровельная черепица – обжигалась в печах упомянутых выше производственных центров на г. Илька и в урочище Суаткан. Хронология этих центров определена в пределах VI–XV вв. Столь длительное функционирование определяется двумя основными факторами: наличием необходимой ресурсной базы (глина, вода, лес) и стабильным спросом на готовую продукцию [37, с. 244–247].

Отдельные находки указывают на производство на территории Мангупа другой группы керамических изделий – глазурированной посуды. В слое конца XVI – начала XVIII вв. участка застройки у церкви св. Константина были найдены два фрагмента поливных сосудов второй половины XIV–XV вв., спекшихся в процессе обжига [21, с. 245, рис. 44,1,2]. Находка сипаи (подставки для обжига) происходит из дернового слоя южной части дворца 1425 г. [16, рис. 162,17].

Материальные свидетельства обработки металлов зафиксированы на территории квартала внутри цитадели Мангупа. Здесь в 1981 и 1994 гг. были открыты остатки двух кузнечных горнов, связанных, видимо, с «феодоритским» ярусом застройки участка [8, с. 13, рис. 4]. Вероятно, с одним из этих горнов связан отмеченный выше клад железных инструментов. Кроме того, на этом участке городища были найдены каменные формы для отливки свинцовых пуль, относящиеся к периоду XVI–XVIII вв. [28, с. 393, рис. 13].

В сравнении с письменными данными, группа вещественных источников представляется более информативной. Анализ археологических материалов позволяют локализовать на территории Мангупского городища отдельные хозяйственные сооружения (ручные мельницы, каменоломни, печь для обжига извести, горны) и своеобразные производственные кластеры (виноградодавильни) (рис. 6). Находки кладов инструментов каменщика и конюха указывают на присутствие в городе людей, профессионально занятых в этих отраслях. Большинство археологических свидетельств производственной деятельности населения Мангупа относятся к «феодоритскому» периоду его истории (XIV–XV вв.), что объясняется двумя факторами. Во-первых, культурный слой и строительные остатки этого времени лучше всего представлены в стратиграфии городища [24, с. 94–95]. Во-вторых, приобретение городом столичного статуса в этот период, очевидно, сопровождалось экономическим и демографическим ростом, повышавшим спрос на продукцию сельского хозяйства и ремесла.

Приведенный в данной работе обзор письменных и археологических свидетельств хозяйственной деятельности населения Мангупа демонстрирует перспективность их дальнейшего изучения для реконструкции экономической истории и повседневной жизни города.

печи для обжига извести в Лагерной Балке невозможно без анализа стратиграфической ситуации и строительных остатков на обоих участках городища, что выходит за рамки настоящего исследования. Поэтому ограничиваемся упоминанием обоих комплексов и их предварительной датировкой, принятой в научных отчетах.

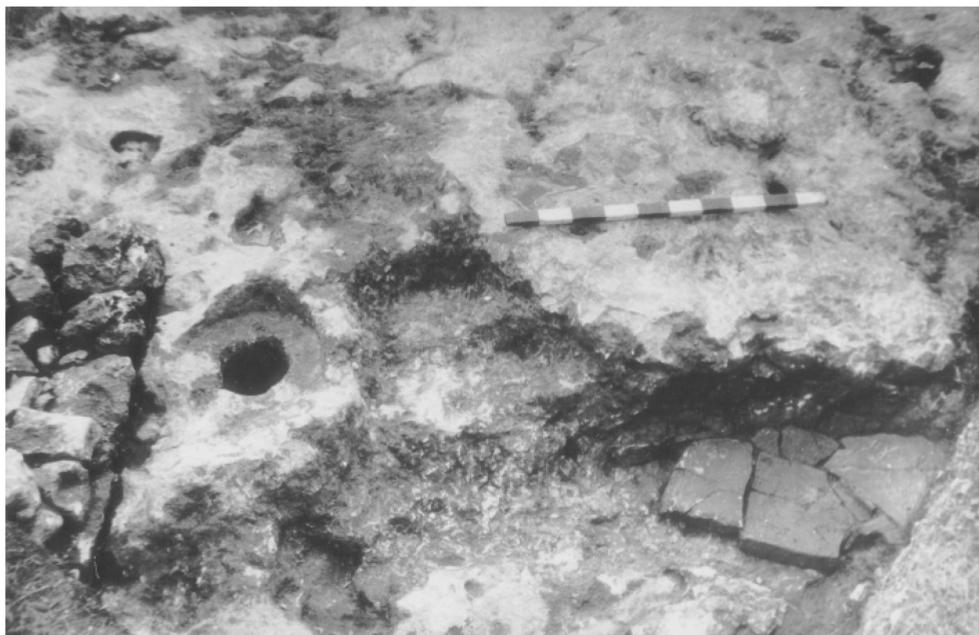

Рис. 1. Участок застройки у церкви св. Константина. Здание 1. Остатки ручной мельницы [по: 23, рис. 12]

Рис. 2. Скальная виноградодавильня (фото В. Е. Науменко)

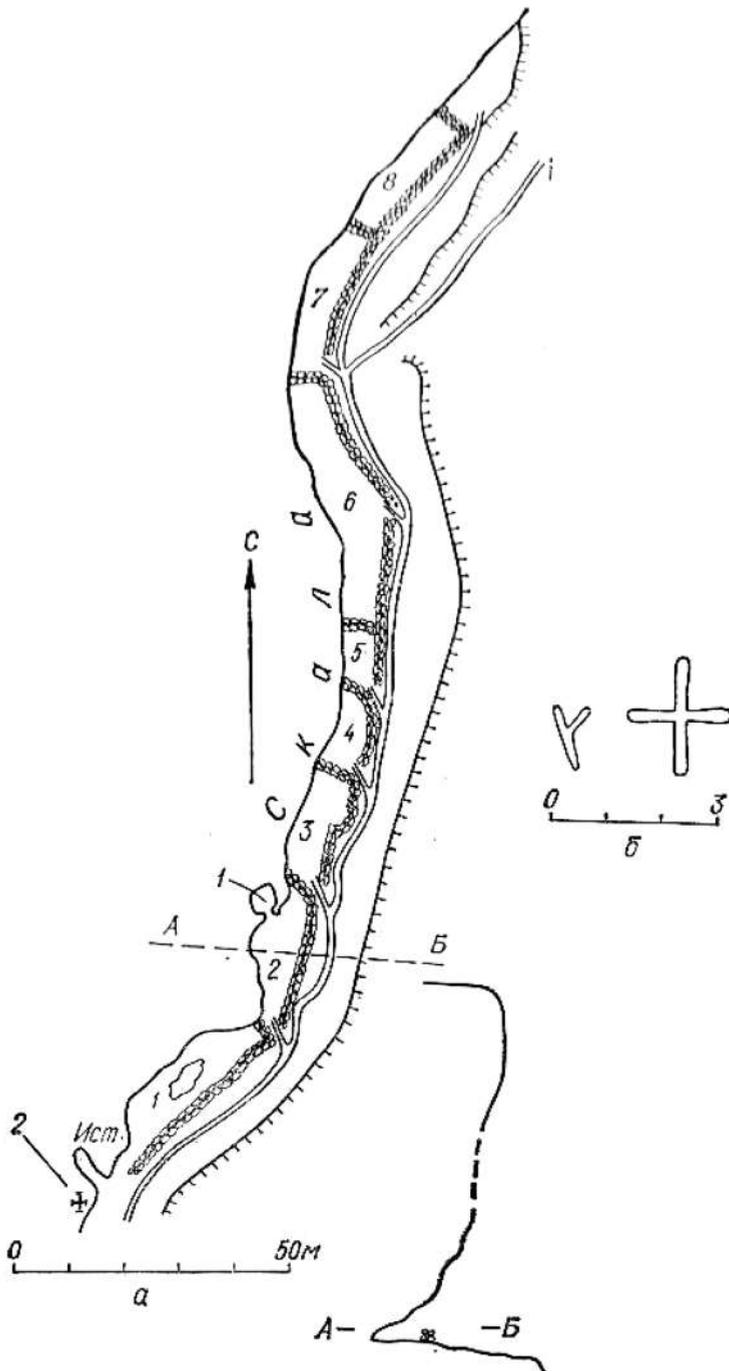

Рис. 3. Кошары под обрывом мыса Елли-бурун [по: 5, рис. 6]

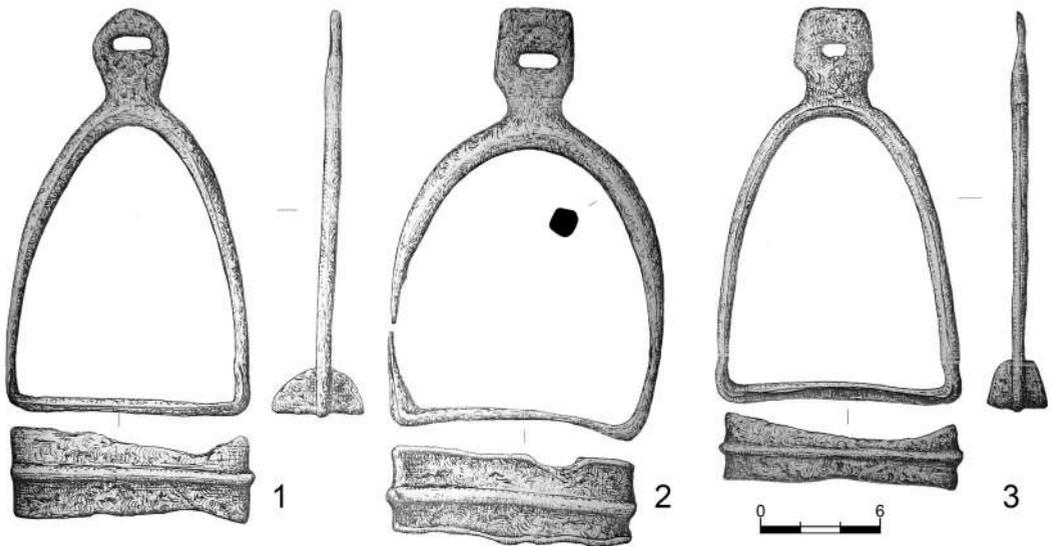

Рис. 4. Клад конюха. 1-3 – Стремена

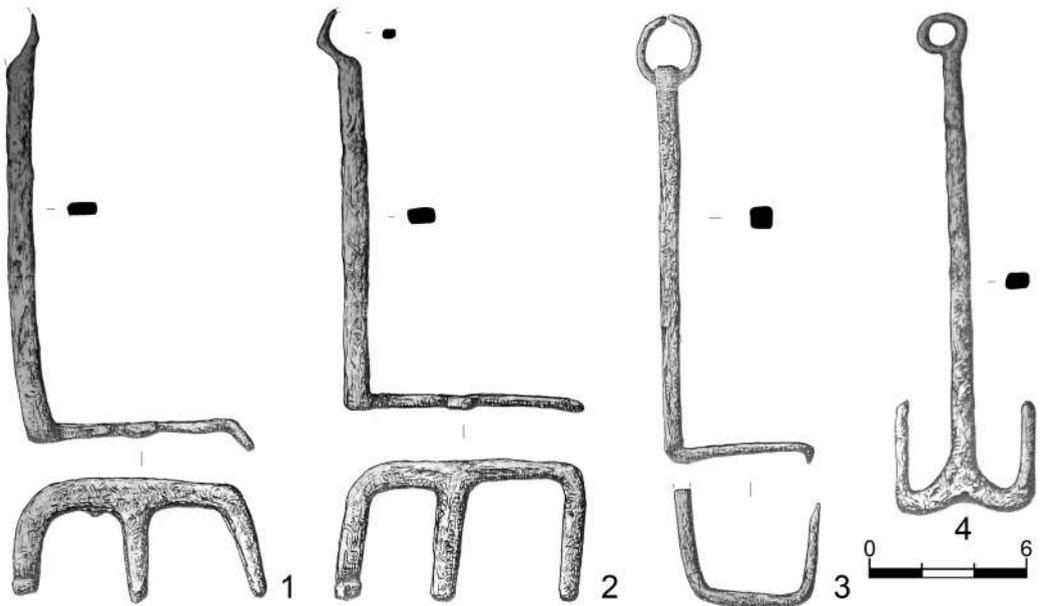

Рис. 5. Клад конюха. 1-2 – Инструменты для таврения. 3-4 – Крюки для чистки копыт

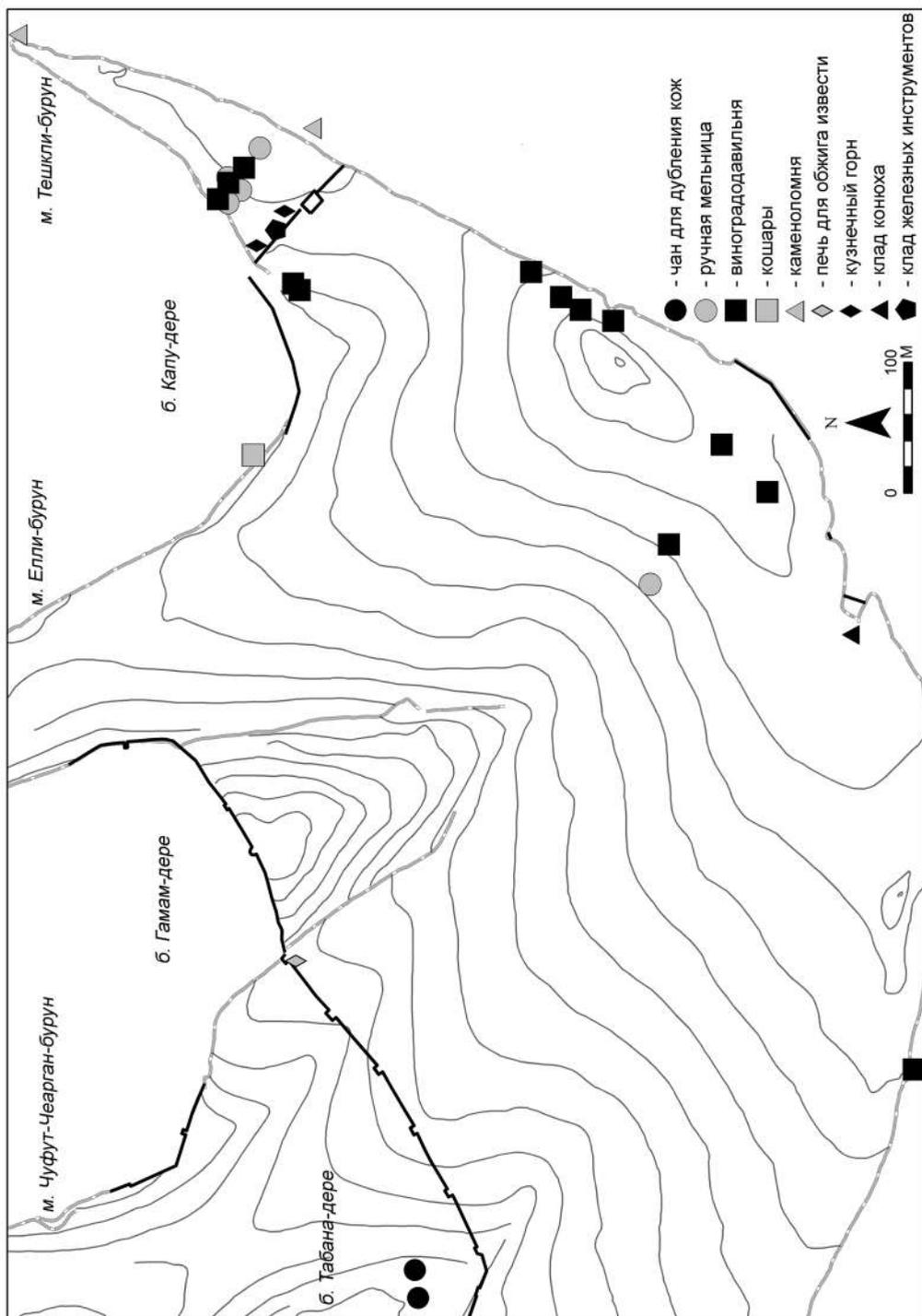

Рис. 6. Карта расположения хозяйственных сооружений на территории Мангульского городища

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчокраклы О.Н. Татарские тамги в Крыму // Известия Крымского педагогического института им. М.В. Фрунзе. Симферополь, 1927. Кн. 1. С. 32–47.
2. Армарчук Е.А. Конское снаряжение из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. М.: ИА РАН, 2006. 227 с.
3. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев: Наукова думка, 1990. 168 с.
4. Бочаров С.Г. Картографические источники по топографии турецкого города Мангуп // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2008. Вып. 3. С. 191–211.
5. Веймарн Е.В., Лобода И.И., Пиоро И.С., Чореф М.Я. Археологические исследования столицы княжества Феодоро // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев, 1974. С. 123–139.
6. Ганцев В.К. Виноградные ножи в средневековом Крыму: опыт классификации // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XII Международный Византийский семинар. Материалы научной конференции. Симферополь, 2020. С. 77–84.
7. Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 87–166, 242–271.
8. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 1994 г. Симферополь, 1995 // Научный архив Археологического музея Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.
9. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 1995 г. Симферополь, 1996 // Научный архив Археологического музея Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.
10. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 1999 г. Симферополь, 2000 // Научный архив Археологического музея Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.
11. Герцен А.Г. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 94–112.
12. Герцен А.Г. Описание Мангупа-Феодоро в поэме иеромонаха Матфея // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 562–589.
13. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2002 г. Симферополь, 2003 // Научный архив Археологического музея Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.
14. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2003 г. Симферополь, 2004 // Научный архив Археологического музея Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.
15. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2004 г. Симферополь, 2005 // Научный архив Археологического музея Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.
16. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2006 г. Симферополь, 2007 // Научный архив Археологического музея Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.
17. Герцен А.Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI – начало XX в.) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2008. Вып. 3. С. 212–256.
18. Герцен А.Г. Археологические исследования Мангупа в 1967–1977 гг. // Херсонесский колокол: сборник научных статей, посвященных 70-летию со дня рождения и 50-летия научной деятельности В. Н. Даниленко. Симферополь, 2008. С. 305–326.
19. Герцен А.Г. К 50-летию возобновления археологического изучения Мангупа: начальный этап // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 12–45.
20. Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 371–494.

21. Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки (XVI–XVIII вв.) // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 233–298.
22. Герцен А.Г., Карлов С.В. Дозорный и культовый комплекс под оконечностью мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // Готы и Рим. Киев, 2006. С. 221–253.
23. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): II горизонт застройки (XV в.) // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 389–431.
24. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Стратиграфия Мангупского городища: антропогенный и природно-географический контекст // XVI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015. С. 88–100.
25. Герцен А.Г., Науменко В.Е. История изучения и топография храмовых комплексов и некрополей Мангупского городища // Герцен А.Г., Науменко В.Е., Шведчикова Т.Ю. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.). М., СПб.: Нестор-История, 2017. С. 10–55.
26. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Ганцев В.К. Скальные виноградодавильни Мангупа // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XI Международный Византийский семинар. Материалы научной конференции. Симферополь, 2019. С. 79–86.
27. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Душенко А.А., Ганцев В.К., Иожица Д.В., Набоков А.И. Раскопки Мангупского городища: дворец, «церковь 1967 г.», могильник Южный II // История и археология Крыма. 2019. Вып. XI. С. 79–90.
28. Герцен А. Г., Руев В. Л. Свинцовые пули из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 385–416.
29. Дортелли д'Асколи Э. Описание Черного моря и Татарии / Перевод Н.Н. Пименова // ЗООИД. 1902. Т. XXIV. С. 89–180.
30. Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. Киев: Наукова думка, 1975. 224 с.
31. Душенко А.А. Косторезное дело Мангупа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Симферополь, 2016. 29 с.
32. Журавлев О.П., Душенко А.А. Остеологические материалы из раскопок в верховьях балки Табана-дере (Мангуп) // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 299–317.
33. Кизилов М.Б. К истории караимской общины Мангупа // Вестник Еврейского университета. 2002. № 7 (25). С. 113–122.
34. Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л., 1973. 138 с. (САИ. Вып. Е1–36).
35. Кондарак В.Х. Мангуп-Кале // ЗООИД. 1872. Т. VIII. С. 419–426.
36. Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. 1933. Вып. 71. С. 5–47.
37. Науменко В.Е., Душенко А.А. Новые данные о хозяйственно-культурном использовании южной периферии Мангупского городища: средневековые гончарные центры (по материалам исследований 2010–2013 гг.) // XVI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015. С. 243–250.
38. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М.: Наука, 1999. 246 с.
39. Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. 1967. № 142. 209 с.
40. Полубояринова М.Д. Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. С. 165–212.
41. Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках / Перевод С.П. Кондратьева. М.: Арктос – Вика-пресс, 1996. 135 с.
42. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16. Д. 22137.
43. Романчук А. И. Черепицы со знаками из раскопок Мангупа // СА. 1977. № 2. С. 181–190.
44. Тиханова М.А. Черепицы с метками из раскопок 1938 г. // МИА. 1953. № 34. С. 430–434.
45. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью Золотоордынских ханов. М.: Изд-во Московского ун-та, 1966. 275 с.

46. Флеров В.С., Флерова В.Е. Знаки на кирпичах Семикаракорской крепости // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). С. 92–115.
47. Флерова В.Е. Граффити Хазарии. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 176 с.
48. Флерова В.Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. М.: Гешарим, 2001. 154 с.
49. Шведчикова Т.Ю., Свирикина Н.Г. Изотопные исследования антропологических материалов из раскопок храмовых комплексов и некрополей Мангупского городища (могильники Алмалык и Адым-Чокрак, «церковь 2015 г.», церковь Св. Георгия и церковь Св. Константина) // Герцен А.Г., Науменко В.Е., Шведчикова Т.Ю. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.). М., СПб.: Нестор-История, 2017. С. 207–229.
50. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / Вступ. ст., пер. с османского языка, ком. Е.В. Бахревского. Симферополь: Доля, 2008. 272 с.
51. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // МИА. 1950. № 17. 260 с.
52. Fisher A. The Ottoman Crimea in the Sixteenth Century // Harvard Ukrainian Studies. 1981. Vol. V. № 2. P. 135–170.

REFERENCES

1. Akchokrakly O.N. Tatarskie tamgi v Krymu. *Izvestiia Krymskogo pedagogicheskogo instituta im. M.V. Frunze*, Simferopol, 1927, Vol. 1, pp. 32–47.
2. Armarchuk E.A. *Konskoe snariazhenie iz mogil'nikov Severo-Vostochnogo Prichernomor'ia X–XIII vekov*. Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 2006. 227 p.
3. Baranov I.A. *Tavrika v epokhu rannego srednevekov'ia*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1990. 168 p.
4. Bocharov S.G. Kartograficheskie istochniki po topografii turetskogo goroda Mangup. *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik*, Simferopol, 2008, Vol. 3, pp. 191–211.
5. Veimarn E.V., Loboda I. I., Pioro I. S., Choref M. Ia. Arkheologicheskie issledovaniia stolitsy kniazhestva Feodoro. *Feodal'naia Tavrika. Materialy po istorii i arkheologii Kryma*, Kiev, 1974, pp. 123–139.
6. Gantsev V.K. Vinogradnye nozhi v srednevekovom Krymu: opyt klassifikatsii. *Materialy XII Mezhdunarodnogo Vizantiiskogo seminaru "XEPΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis"*, Simferopol, 2020, pp. 77–84.
7. Gertsen A. G. Krepostnoi ansambl' Mangupa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1990, Vol. I, pp. 87–166, 242–271.
8. Gertsen A.G. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh Mangupskogo gorodishcha v 1994 g. Simferopol, 1995. *Nauchnyi arkhiv Arkheologicheskogo muzeia Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo*.
9. Gertsen A.G. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh Mangupskogo gorodishcha v 1995 g. Simferopol, 1996. *Nauchnyi arkhiv Arkheologicheskogo muzeia Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo*.
10. Gertsen A.G. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh Mangupskogo gorodishcha v 1999 g. Simferopol, 2000. *Nauchnyi arkhiv Arkheologicheskogo muzeia Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo*.
11. Gertsen A.G. Doros-Feodoro (Mangup): ot rannevizantiiskoi kreposti k feodal'nomu gorodu. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Ekaterinburg, 2003, Vol. 34, pp. 94–112.
12. Gertsen A.G. Opisanie Mangupa-Feodoro v poeme ieromonakha Matfeia. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2003, Vol. X, pp. 562–589.
13. Gertsen A.G. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh Mangupskogo gorodishcha v 2002 g. Simferopol, 2003. *Nauchnyi arkhiv Arkheologicheskogo muzeia Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo*.
14. Gertsen A.G. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh Mangupskogo gorodishcha v 2003 g. Simferopol, 2004. *Nauchnyi arkhiv Arkheologicheskogo muzeia Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo*.

15. Gertsen A.G. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiax Mangupskogo gorodishcha v 2004 g. Simferopol, 2005. *Nauchnyi arkhiv Arkheologicheskogo muzeia Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo*.
16. Gertsen A.G. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiax Mangupskogo gorodishcha v 2006 g. Simferopol, 2007. *Nauchnyi arkhiv Arkheologicheskogo muzeia Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo*.
17. Gertsen A.G. Mangup glazami issledovatelei i puteshestvennikov (XVI – nachalo XX v.). *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik*, Simferopol, 2008, Vol. 3, pp. 212–256.
18. Gertsen A.G. Arkheologicheskie issledovaniia Mangupa v 1967–1977 gg. *Khersonesskii kolokol: sbornik nauchnykh statei, posviashchennykh 70-letiiu so dnia rozhdeniia i 50-letii nauchnoi deiatel'nosti V. N. Danilenko*, Simferopol, 2008, pp. 305–326.
19. Gertsen A.G. K 50-letiiu vozobnovleniia arkheologicheskogo izucheniia Mangupa: nachal'nyi etap. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2017, Vol. XXII, pp. 12–45.
20. Gertsen A.G., Zemliakova A.Iu., Naumenko V.E., Smokotina A.V. Stratigraficheskie issledovaniia na iugovostochnom sklone mysa Teshkli-burun (Mangup). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2006, Vol. XII, pp. 371–494.
21. Gertsen A.G., Ivanova O.S., Naumenko V.E., Smokotina A.V. Arkheologicheskie issledovaniia v raione tserkvi Sv. Konstantina (Mangup): I gorizont zastroiki (XVI–XVIII vv.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2007, Vol. XIII, pp. 233–298.
22. Gertsen A.G., Karlov S.V. Dozorni i kul'tovyi kompleks pod okonechnost'iu mysa Teshkli-burun (Mangup). *Goty i Rim*, Kiev, 2006, pp. 221–253.
23. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Arkheologicheskie issledovaniia v raione tserkvi Sv. Konstantina (Mangup): II gorizont zastroiki (XV v.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2009, Vol. XV, pp. 389–431.
24. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Stratigrafii Mangupskogo gorodishcha: antropogennyi i prirodno-geograficheskii kontekst. *Materialy nauchnoi konferentsii "XVI Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Geograficheskaia sreda i sotsium"*, Kerch, 2015, pp. 88–100.
25. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Istoriia izucheniia i topografiia khramovykh kompleksov i nekropolei Mangupskogo gorodishcha. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Shvedchikova T.Iu. *Naselenie Dorosa-Feodoro po rezul'tatam kompleksnogo arkheologo-antropologicheskogo analiza nekropolei Mangupskogo gorodishcha (IV–XVII vv.)*, Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2017, pp. 10–55.
26. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Gantsev V.K. Skal'nye vinogradodavil'ni Mangupa. *Materialy XI Mezhdunarodnogo Vizantiiskogo seminaru "ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis"*, Simferopol, 2019, pp. 79–86.
27. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Dushenko A.A., Gantsev V.K., Iozhitsa D.V., Nabokov A.I. Raskopki Mangupskogo gorodishcha: dvorets, «tserkov' 1967 g.», mogil'nik Iuzhnyi II. *Istoriia i arkheologiia Kryma*, Simferopol, 2019, Vol. XI, pp. 79–90.
28. Gertsen A.G., Ruev V.L. Svintsovye puli iz raskopok Mangupa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2008, Vol. XIV, pp. 385–416.
29. Dortelli d'Askoli E. Opisaniie Chernogo moria i Tatarii. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, 1902, Vol. XXIV, pp. 89–180.
30. Drachuk V.S. *Sistemy znakov Severnogo Prichernomor'ia. Tamgoobraznye znaki severopontiiskoi periferii antichnogo mira perykh vekov nashei ery*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1975, 224 p.
31. Dushenko A.A. *Kostoreznoe delo Mangupa. Abstract of kandidat. diss.* Simferopol, 2016, 29 p.
32. Zhuravlev O.P., Dushenko A.A. Osteologicheskie materialy iz raskopok v verkhov'iakh balki Tabana-dere (Mangup). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2007, Vol. XIII, pp. 299–317.
33. Kizilov M.B. K istorii karaimskoi obshchiny Mangupa. *Vestnik Evreiskogo universiteta*, Moscow, 2002, № 7 (25), pp. 113–122.
34. Kirpichnikov A.N. *Snariazhenie vsadnika i verkhovogo konia na Rusi IX–XIII vv.* Leningrad, 1973, 138 p.

35. Kondaraki V.Kh. Mangup-Kale. *Zapiski Odesskogo ubshchestva istorii i drevnostei*, 1872, Vol. VIII, pp. 419–426.
36. Malitskii N.V. Zametki po epigrafike Mangupa. *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii material'noi kul'tury*, 1933, Vol. 71, pp. 5–47.
37. Naumenko V.E., Dushenko A.A. Novye dannye o khoziaistvenno-kul'turnom ispol'zovanii iuzhnoi periferii Mangupskogo gorodishcha: srednekovye goncharye tsenry (po materialam issledovaniia 2010–2013 gg.). *Materialy nauchnoi konferentsii "XVI Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednekov'ia. Geograficheskaiia sreda i sotsium"*, Kerch, 2015, pp. 243–250.
38. Pallas P.S. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnyim namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh*. Moscow, Nauka Publ., 1999, 246 p.
39. Pletneva S.A. Ot kochevii k gorodam. Saltovo-maiatskaia kul'tura. *Materialy po istorii i arkheologii SSSR*, 1967, № 142, 209 p.
40. Poluboiarinova M.D. Znaki na zolotoordynskoi keramike. *Srednekovye drevnosti evraziiskikh stepei*, Moscow, 1980, pp. 165–212.
41. Kondrat'ev S.P. (transl.). Prokopii Kesariiskii. *Voina s gotami. O postroikakh*. Moscow, Arktos – Vika-Press, 1996, 135 p.
42. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv*. F. 846. Op. 16. D. 22137.
43. Romanchuk A. I. Cherepitsy so znakami iz raskopok Mangupa. *Sovetskaia arkheologiiia*, 1977, No. 2, pp. 181–190.
44. Tikhanova M.A. Cherepitsy s metkami iz raskopok 1938 g. *Materialy po istorii i arkheologii SSSR*, 1953, No. 34, pp. 430–434.
45. Fedorov-Davydov G.A. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu Zolotoordynskikh khanov*. Moscow, Moscow University Publ., 1966, 275 p.
46. Flerov V.S., Flerova V.E. Znaki na kirpichakh Semikarakorskoi kreposti. *Povolzhskaia arkheologiiia*, 2015, No. 4 (14), pp. 92–115.
47. Flerova V.E. *Graffiti Khazarii*. Moscow, Editorial URSS Publ., 1997, 176 p.
48. Flerova V.E. *Obrazy i siuzhety mifologii Khazarii*. Moscow, Gesharim Publ., 2001, 154 p.
49. Shvedchikova T.Iu., Svirkina N.G. Izotopnye issledovaniia antropologicheskikh materialov iz raskopok khramovykh kompleksov i nekropolei Mangupskogo gorodishcha (mogil'niki Almalyk i Adym-Chokrak, «tserkov' 2015 g.», tserkov' Sv. Georgiia i tserkov' Sv. Konstantina). Gertsen A.G., Naumenko V.E., Shvedchikova T.Iu. *Naselenie Dorosa-Feodoro po rezul'tatam kompleksnogo arkheologo-antropologicheskogo analiza nekropolei Mangupskogo gorodishcha (IV–XVII vv.)*. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2017, pp. 207–229.
50. Evliia Chelebi. *Kniga puteshestviia. Krym i sopredel'nye oblasti (izvlecheniia iz sochineniia turetskogo puteshestvennika XVII veka)*. Simferopol, Dolia Publ., 2008, 272 p.
51. Iakobson A.L. *Srednekovyi Khersones (XII–XIV vv.)*. *Materialy po istorii i arkheologii SSSR*, 1950, No. 17, 260 p.
52. Fisher A., 1981. The Ottoman Crimea in the Sixteenth Century. *Harvard Ukrainian Studies*, Vol. V, No. 2, pp. 135–170.

Информация об авторе

Душенко А. А. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: N-6345-2019.

Information about the author

Dushenko A. A. – Candidate of Science (History), Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: N-6345-2019.

ОПЫТ ПЕТРОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЧЕРЕПИЦЫ ГОРНОГО КРЫМА

Ирина Анатольевна Завадская¹, Марианна Алексеевна Кулькова²,
Татьяна Николаевна Смекалова³

¹ Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского; Институт археологии Крыма
Российской академии наук, Симферополь, Россия, zavadska_irina@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3915-136X>

² Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия, kulkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9946-8751>

³ Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия,
tmsmek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5378-5372>

Аннотация. В статье представлены результаты впервые проведенного петрографического анализа керамической черепицы из раскопок средневекового города на плато Эски-Кермен и центра по производству черепицы Илька-2 в окрестностях Мангунского городища. Визуальное сходство керамид групп Ia и Ib по эски-керменской классификации, происходящих из Эски-Кермена, и черепиц из Ильки-2 позволило сделать предположение об их общем происхождении и производстве в этом центре. Для проверки данного предположения, а также для изучения рецептуры формовочных масс и технологических характеристик строительной керамики из этих центров были проведены микроморфометрические исследования 8 фрагментов черепицы, а именно: 5 фрагментов керамид группы Ia: 2 – из раскопок эски-керменского квартала и 3 из Ильки-2, а также по одному фрагменту от керамид групп Ib из обоих центров. Результаты петрографического анализа демонстрируют очень близкие характеристики всех образцов керамид группы Ia. По одному образцу из Эски-Кермена и Ильки-2 (образцы 2 и б) абсолютно идентичны по всем параметрам. Некоторые отличия в составе кластического материала и отошителей в других образцах не являются критичными. Образцы керамид группы Ib (образец 3 из Эски-Кермена и образец 8 из Ильки-2) по своему составу оказались совершенно идентичными, что свидетельствует об их общем происхождении, вероятно, связанном с одним из Илькинских производственных центров. Обнаружено также некоторое сходство в составе кластического материала и отошителя образцов групп Ia и Ib. Это позволяет предположить, что черепица данных групп производилась в одном регионе и, возможно, в одном или соседних производственных центрах, функционировавших на склонах горы Илька, возможно в разное время. Исследован также фрагмент керамиды (образец 4), которая не включена в эски-керменскую классификацию строительной керамики, принадлежит к числу редких по форме черепиц и отнесена к категории «другие». Данный образец существенно отличается от черепиц групп Ia и Ib не только по форме, но и по составу керамического теста. Формирование научной базы данных о средневековой строительной керамике Горного Крыма необходимо для проведения сравнительного анализа материалов разных памятников, для идентификации продукции отдельных центров и мастерских, а также для выявления маршрутов торговых поставок этой продукции в разные населенные пункты средневекового Крыма.

Ключевые слова: Горный Крым, Эски-Кермен, Илька-2, средневековая керамическая черепица, петрографический анализ

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта РФФИ-офи-м № 17-29-04201 «Комплексные естественнонаучные

исследования античного керамического материала из торговых центров Причерноморья» в части проведения петрографического анализа и Российского научного фонда в рамках проекта № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в средние века и новое время» в части отбора археологического материала для анализа, обобщения результатов и научных выводов.

AN ESSAY IN PETROGRAPHIC ANALYSIS OF THE MEDIAEVAL ROOF TILES FROM THE MOUNTAINOUS CRIMEA

Irina A. Zavadskaya¹, Marianna A. Kulkova², Tatiana N. Smekalova³

¹ V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Institute of Archaeology of the Crimea of Russian Academy of Science, Simferopol, Russia, zavadskaya_irina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3915-136X>

² Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia, kulkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9946-8751>

³ V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia, tnsmek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5378-5372>

Abstract. This paper supplies the results of the first petrographic analysis of ceramic roof tiles excavated at the mediaeval town on the plateau of Eski-Kermen and at the roof tile production centre II'ka-2 located in vicinity of the ancient town of Mangup. From the visual similarity of box tiles of groups Ia and I6 according to the Eski-Kermen classification excavated at Eski-Kermen and the roof tiles from II'ka-2, there are reasons to suppose their common origin and production in the centre in question. To check this hypothesis and to research the recipe of ceramic pastes and technological characteristics of building ware from the centres under study, we have made micromorphometric researches of eight roof tile fragments, particularly five box tile fragments of group Ia (two artefacts excavated in a residential quarter of Eski-Kermen and three from II'ka-2) and one ridge tile I6 fragment from either centre. The results of the petrographic analysis demonstrate very similar characteristics of all the samples of box-tiles of group Ia. There are one sample from Eski-Kermen and one from II'ka-2 (samples 2 and 6) totally identical by every parameter. Some difference in the composition of clastic material and tempers of other samples are not critical. The composition of box tiles of group I6 (sample 3 from Eski-Kermen and sample 8 from II'ka-2) appeared to be totally identical, so they are of the same origin, probably manufactured in one of production centres at II'ka-2. We have also discovered a degree of similarity in the composition of clastic material and temper of samples of groups Ia and I6. Therefore, there are reasons to suppose that roof tiles of these groups were produced in the same region and, possibly, in the same or neighbouring production centres, which functioned on the slopes of II'ka mountain, perhaps in different times. We have investigated a box tile fragment (sample 4) which does not meet the Eski-Kermen classification of building ware: it features a rare form and therefore is attributed to the "others" group. This sample greatly differs from the roof tiles of groups Ia and I6 both in its form and the composition of the clay body. The formation of the database of the mediaeval building ware from the mountainous Crimea is necessary for the comparative analysis of the materials excavated at different sites, for the identification of the products of specific centres and workshops, and for the uncovering of the routes of commercial supplies of these products to different settlements in the mediaeval Crimea.

Keywords: mountainous Crimea, Eski-Kermen, II'ka-2, mediaeval ceramic roof-tiles, petrographic analysis

Acknowledgments: The work was carried out within the framework of project No. 17-29-04201 supported by Russian Foundation for Basic Research and of project No. 20-18-00076 supported by Russian Science Foundation.

С каждым годом естественно-научные методы все чаще применяются в изучении разных категорий археологических находок, в том числе изделий из керамики. Определить композиционный состав керамического теста и основные технологические приемы, которые были использованы для получения готовых изделий, возможно с помощью петрографического анализа. Полученные данные чрезвычайно важны для изучения производственных традиций керамических мастерских, выявления сходства и различия между изделиями разных производителей, а также отождествления продукции одной мастерской среди материалов, происходящих из разных памятников.

Такого рода исследования особенно актуальны для изучения средневековой черепицы Юго-Западного Крыма, одной из наиболее массовых групп археологических находок для многих крымских городищ, для которой до сих пор не разработана общая типология. Самостоятельные классификации на основании визуально распознаваемых признаков разработаны лишь для некоторых памятников, таких как Херсонес, Мангуп и Эски-Кермен. Однако из-за субъективности в описании основных характеристик, их корреляция затруднена. Проверить многие выводы и предположения, сделанные на основании визуального изучения строительной керамики отдельных памятников, а также объективно сравнить керамические образцы из разных мест дают возможность естественно-научные методы, в частности петрографический анализ.

Большие перспективы в изучении средневековой строительной керамики Горного Крыма появились в связи с открытием и точной локализацией с помощью магнитной съемки нескольких производственных центров по изготовлению черепицы в Адым-Чокракской долине, к югу от Мангупского городища в 2010–2013 гг. [8, с. 52–54; 9, с. 302–307; 7, с. 46–48; 10, с. 150–160; 11, с. 496–499; 12]. Полностью были исследованы две двухъярусные черепицеобжигательные печи на территории центров Илька-1 и Илька-2 [8, с. 305]. В слое разрушения и в конструкции печи № 3 центра Илька-2 обнаружены фрагменты черепиц и черепичный брак. Среди материалов были обломки черепиц, визуально аналогичных керамидам групп Ia и Ib по эски-керменской классификации. Результаты исследований этой печи в полном объеме пока не опубликованы¹.

Черепицы группы Ia составляют самую многочисленную часть из всего комплекса строительной керамики, полученной при раскопках жилого квартала 1 средневекового города на плато Эски-Кермен, которые проводились с 2003 по 2018 гг. под руководством А. И. Айбабина и Э. А. Хайрединовой [1, с. 240–277; 2, с. 277–304; 3, с. 422–457]. В целом группу I (подгруппы Ia и Ib) составляют черепицы (керамиды и калиптеры) с плотным, прочным, однородным черепком от светло- до ярко-красного цвета. В тесте можно распознать песок, частицы известняка и железистых минералов. В группе Ib видимых включений очень мало, в то время как в группе Ia их значительно больше и их концентрация может существенно варьировать в разных

¹ Выражаем глубокую признательность руководителю раскопок В. Е. Науменко за возможность ознакомиться с отчетами и коллекцией черепицы из Ильки-2, за очень ценные устные сведения о данном памятнике, а также за образцы черепиц, предоставленные для исследований, и разрешение публикации их результатов.

экземплярах. Основное отличие всей группы I от другого черепичного материала – отсутствие визуально идентифицируемого шамота, который был одним из наиболее популярных отошителей, используемых при производстве черепицы и некоторых типов керамической посуды в средневековом Крыму. Керамиды группы Ia близки и по морфологическим признакам. Они имеют похожие по форме подпрямоугольные или трапециевидные верхние и трапециевидные боковые бортики, а также четко выраженные нижние уступы. У них есть и вариативные признаки, такие, как рисунок водосливных валиков, разные рельефные метки, есть также формы без каких-либо рельефных изображений. Разнообразие в деталях свидетельствует о большом количестве матриц, использованных в производстве черепиц. Сходство технологических и основных морфологических признаков керамид группы Ia позволило сделать вывод о том, что они были произведены в одном производственном центре с соблюдением определенных норм и традиций [4, с. 295–299, 304; 5, с. 158–184]. Керамиды группы Ib значительно более разнообразны по форме профильных частей, что не позволило говорить об их производстве в одной мастерской. Однако, судя по черепку, состав керамического теста черепиц группы Ib был очень близкий, если не идентичный. Объем керамид этой группы в общей массе строительной керамики данного типа в эски-керменском квартале 1 сравнительно невелик – примерно 8,3%, в то время как керамиды группы Ia в среднем составили 33,4%. На основании детального изучения гончарной и строительной керамики, происходящей из заполнений нескольких скальных вырубков в квартале 1, удалось установить, что черепица группы Ib использовалась для перекрытия крыш в данном квартале уже в XI–XII вв. или немного раньше (с X–XI вв.), а черепица группы Ia появилась здесь не ранее конца XII в. или в XIII в. [6, с. 308–331].

Обнаружение на территории производственного центра Илька-2, в частности в печи № 3, черепиц, визуально очень похожих на керамиды групп Ia и Ib из Эски-Кермена, позволило сделать предположение об их общем происхождении и возможном производстве в этом центре [5, с. 160–161, 184].

Для проверки сделанных ранее выводов и предположений, а также для получения новой информации о рецептуре формовочных масс и технологических характеристиках строительной керамики из Эски-Кермена и Ильки-2 были проведены микроморфометрические исследования восьми фрагментов черепицы. Пришлифованные образцы изучались с использованием бинокля МБС-1 при увеличении в 16, 24 и 140 раз. Петрографическое исследование выполнялось в шлифах под поляризационным микроскопом Leica (65,7 раз).

В числе исследованных были 5 фрагментов **керамид группы Ia**, в том числе два – из раскопок квартала 1 Эски-Кермена (*образцы 1 и 2*) и три – из материалов центра Илька-2 (*образцы 5, 6 и 7*). Оба фрагмента из Эски-Кермена происходят из слоя разрушения на территории двора между усадьбами III и IV квартала 1. **Образец 1** принадлежал боковому бортику керамиды с дуговидными водосливными валиками и двумя парами полукругов из валиков, симметрично примыкающих к боковым бортикам (раскопки 2013 г., № п.о. 11.52) (рис. 1,1). Фрагменты от аналогичных одноматричных

керамид, включая две археологически целые формы, обнаружены главным образом в слое разрушения усадьбы IV [5, с. 172–173, № 42, 43, рис. 4,42,43] (рис. 1,2). **Образец 2** принадлежал боковому бортику керамиды с высокорельефными водосливными валиками и расположенной между ними меткой в виде двойного фигурного угла (раскопки 2013 г., № п.о. 19.49) (рис. 1,3). Данная метка целиком или частично сохранилась на более чем 120 фрагментах, в том числе на 7 археологически целых формах (рис. 1,4). Керамиды с этой меткой составляют одну из самых массовых серий одноматричных черепиц, обнаруженных при раскопках эски-керменского квартала 1 [5, с. 181–184, № 71–81, рис. 7,71–80]. Два из трех фрагментов из производственного центра Илька-2 происходят из слоя разрушения печи № 3 (раскопки 2010 г., № п.о. 10): **образец 5** – от верхнего бортика керамиды и **образец 6** – от правого нижнего угла керамиды. **Образец 7** взят от фрагмента правого верхнего угла керамиды, обнаруженного на территории центра Илька-2 (раскопки 2010 г., № п.о. 40).

Большинство (4 из 5) фрагментов группы Ia (*образцы 1, 2, 6 и 7*) принадлежали керамидам, изготовленным из карбонат-сметитовых глин, и только один фрагмент из Ильки-2 (*образец 5*) состоял из карбонат-гидрослюдистых глин (табл. 1) (рис. 3). Кластический (обломочный) материал составлял 47-50%, размер зерен – 0,04-0,07 мм. В состав кластического материала входили рудные минералы, карбонаты, халцедон (кремнь), глинистые пеллиты и гематит. Большая часть карбонатов разложилась в результате обжига. Встречаются также полуразложившиеся включения карбоната размером 0,08-0,28 мм (15%). Глинистые пеллиты и гематит представлены в виде отдельных, округлых включений (0,2-0,4 мм). В состав кластического материала илькинских *образца 5* входили также кварц и полевой шпат, а в *образце 7* присутствовал гнейс (табл. 1). В качестве отощителя в трех образцах 2, 5 и 6 использован мелкозернистый песок с размером зерен 0,3-0,5 мм (25 %), в илькинском *образце 8* – биогенные карбонаты, в эски-керменском образце 1 отощитель не обнаружен.

Таким образом, результаты петрографического анализа демонстрируют очень близкие характеристики всех образцов керамид из раскопок Эски-Кермена и центра Илька-2, которые могут быть отнесены к группе Ia. *Образцы 2 и 6* абсолютно идентичны по всем параметрам. Некоторые отличия в составе кластического материала и отощителей в других образцах не являются критичными. Они легко объяснимы, если учитывать недостаточно равномерную промешанность глиняного теста черепиц и сравнительно небольшой размер исследуемых образцов. Но, безусловно, для уточнения этих параметров необходимы дополнительные исследования.

В результате петрографических исследований образцов керамид группы Ia получены также важные сведения о производственном процессе изготовления черепицы, в частности об условиях ее обжига. Отформованные изделия обжигались в печи в окислительной среде при температуре 750–850°C. Судя по образцам, обжиг был кратковременный и равномерный. После обжига внешнюю и внутреннюю поверхности покрыли карбонатной белой пастой. Пористость всех образцов, связанная с разложением карбонатов, составила 8%.

Для петрографического исследования были также взяты два визуально похожих фрагмента **керамид группы Ib** из Эски-Кермена и Ильки-2. Эски-керменский **образец 3** происходит от обломка центрального поля керамиды с частью метки в виде высокорельефного изогнутого валика (рис. 2, 1). Он обнаружен в слое разрушения помещения 3 усадьбы 4 (раскопки 2017 г., № п.о. 37.20). **Образец 8** принадлежал фрагменту бокового бортика керамиды, найденному в печи № 3 в производственном центре Илька-2 (раскопки 2010 г., № п.о. 12).

По композиционному составу оба образца группы Ib оказались совершенно одинаковыми. Они изготовлены из смектитовых ожелезненных глин, содержащих халцедон (кремень), кварц и амфибол с размером зерен 0,04-0,07 мм (табл. 1) (рис. 4). Встречаются отдельные, округлые включения глинистых пеллитов и гематита (0,3-0,4 мм). Кластический материал составляет 35%. В качестве отощителя использован мелкозернистый песок с зернами гнейса, песчаника, кварца, полевого шпата и амфибола (размер 0,3-0,5 мм). Пористость черепка – 2%. Температура обжига – 800-950°C. Керамиды обжигались в печи в окислительной среде, обжиг равномерный, долговременный, в результате чего появляется стекловатая фаза и муллит.

Идентичность *образцов 3 и 8* свидетельствует об их общем происхождении, вероятно, связанном с одним из Илькинских производственных центров. Следует отметить также некоторое сходство в составе кластического материала и отощителя образцов групп Ia и Ib (табл. 1). Среди кластических включений общими являются халцедон или кремнь, кварц, глинистые пеллиты и гематит. Состав мелкозернистого песка, добавленного в качестве отощителя, в двух образцах группы Ia (2 и 6) и в обоих образцах группы Ib (3 и 8) практически тот же. Однако в *образцах 3 и 8* обнаружен также амфибол и совершенно отсутствовали рудные минералы и карбонаты, что отличает их от образцов группы Ia. Важным обстоятельством, общим для всех образцов групп Ia и Ib, является то, что петрографические исследования ни в одном из них не выявили присутствие шамота. Шамот также не обнаружен в образцах керамид групп Ia (ЭК1) и Ib (ЭК2), которые были изучены с применением комплекса физико-химических методов наряду с образцами других групп черепиц из раскопок Эски-Кермена [13, с. 317, табл. 2]. Эти исследования также определили очень близкие характеристики по имеющимся примесям в образцах ЭК1 и ЭК2 [13, с. 321–323].

Таким образом, результаты петрографических и физико-химических исследований позволяют предположить, что черепица групп Ia и Ib производилась в одном регионе и, возможно, в одном или близких (соседних) производственных центрах, находившихся на склонах горы Илька. Поскольку черепица группы Ib использовались на эски-керменском плато уже в X(XI)–XII вв., а черепица группы Ia появилась там не ранее конца XII–XIII в., вероятно, центры по их производству функционировали в разное время.

Помимо описанных образцов проведен петрографический анализ еще одного фрагмента керамиды (**образец 4**), которая не включена в эски-керменскую классификацию строительной керамики, поскольку принадлежит к числу редких по форме черепиц и отнесена к категории «другие». Фрагмент происходит из слоя разруше-

ния помещения 1 усадьбы 5 (раскопки 2017 г., № п.о. 3.2) и представляет собой левый нижний угол керамиды с низким приземистым трапециевидным боковым бортиком с удлиненным односторонним (наружным) уступом в нижней части, с высокорельефным дуговидным водосливным валиком на центральном поле (рис.2,2). У керамиды светло-красно-оранжевый комковатый пористый черепок с небольшим количеством видимых очень мелких светлых частиц. Петрографический анализ показал, что она изготовлена из гидрослюдистых, ожелезненных глин, богатых микроорганизмами. Кластический материал, доля которого 30%, состоял из кварца и мусковита с размером зерен 0,014-0,02 мм (табл. 1) (рис. 5). Встречаются биокласты (0,5 мм), включения ожелезненных микроорганизмов, поры от выгоревших микроорганизмов (0,3-0,4 мм) и от выгоревшей органики. Отощитель в образце не обнаружен. Обжиг проходил в печи, в окислительной среде при температуре 800-1000°C. Обжиг равномерный, долговременный, в результате чего появляется стекловатая фаза, волластонит. После обжига образовалась микривовая структура. Пористость составляет 10%. Таким образом, данный образец существенно отличается от черепиц групп Ia и Ib не только по форме, но и по составу, а, следовательно, по рецептуре керамического теста.

Большое разнообразие найденной на Эски-Кермене строительной керамики по элементному составу глиняной основы и включений выявили и уже упомянутые комплексные физико-химические исследования, которые подтвердили правомерность эски-керменской классификации [13, с. 314–324]. Технологическая и морфологическая неоднородность кровельных материалов Эски-Кермена и других средневековых городов Горного и всего Юго-Западного Крыма свидетельствует о том, что они были продукцией разных производственных центров, которые работали с соблюдением определенных технологических норм и традиций в отличающихся геологических условиях. Одним из наиболее продуктивных производственных регионов с несколькими, вероятно, разновременными центрами было предместье Мангупского городища на склонах горы Илька. В квартале 1 Эски-Кермена продукция Ильки, вероятно, составляла не менее 40% от всей массы строительной керамики, обнаруженной при его раскопках. Впервые проведенный петрографический анализ нескольких образцов илькинской черепицы предоставил важную информацию о композиционном составе ее глиняной основы и добавленных включений, а также о других технологических особенностях ее производства. Дальнейшие естественно-научные исследования этой и других групп строительной керамики средневекового Крыма позволят уточнить и расширить уже имеющиеся сведения, а также объяснить выявленные вариации в составе глиняного теста отдельных образцов. Формирование научной базы данных о средневековой строительной керамике Горного Крыма необходимо для проведения сравнительного анализа материалов разных памятников, для идентификации продукции отдельных центров и мастерских, а также для выявления маршрутов торговых поставок этой продукции в разные населенные пункты средневекового Крыма.

Таблица 1. Композиционный состав формовочных масс образцов черепиц из раскопок Эски-Кермена и Ильки-2

Образцы		группа Ia					группа Ib		другая
		Эски-Кермен		Илька-2			Эски-Кермен	Илька-2	Эски-Кермен
		1	2	5	6	7	3	8	4
глины	карбонат-сметитовые	+	+		+	+			
	карбонатгидрослюдистые			+					
	сметитовые, ожелезненные						+	+	
	гидрослюдистые, ожелезненные								+
класический материал	рудные минералы	+	+	+	+	+			
	карбонаты	+	+	+	+	+			
	халцедон (кремень)	+	+		+	+	+	+	
	кварц			+			+	+	+
	полевой шпат			+					
	гнейс					+			
	амфибол						+	+	
	мусковит								+
	глинистые пеллиты и гематит	+	+	+	+	+	+	+	
биокласты, микро-организмы, органика								+	
отошитель мелкозерн.	гнейс		+		+		+	+	
	песчаник		+		+		+	+	
	кварц		+	+	+		+	+	
	полевой шпат		+	+	+		+	+	
	карбонаты			+					
	амфибол						+	+	
	биогенные карбонаты					+			

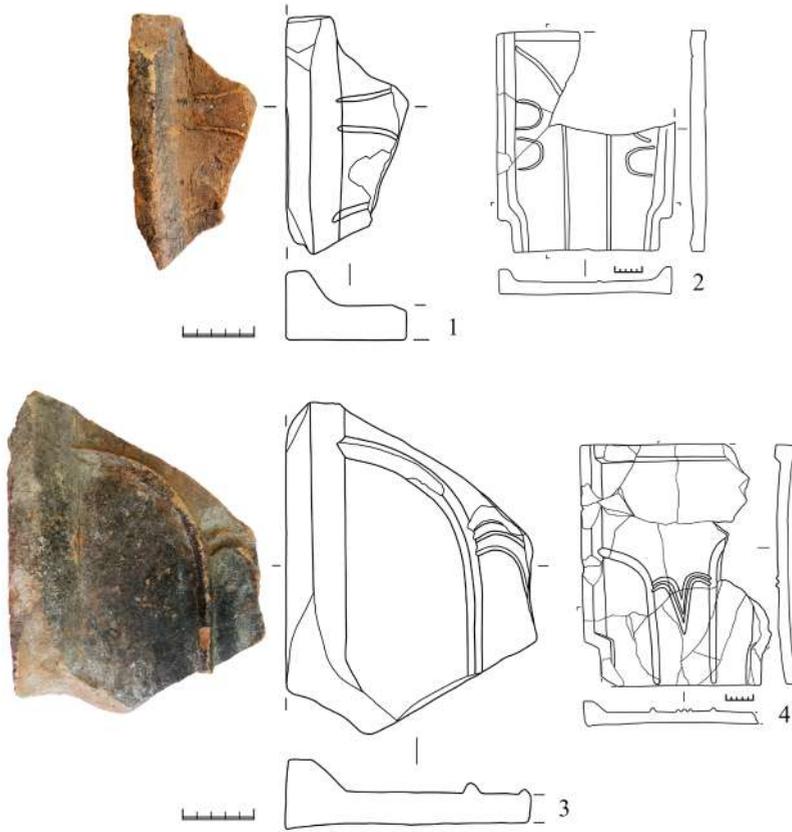

Рис. 1. Керамиды группы Ia из раскопок Эски-Кермена: 1 – образец 1, п.о. 11.52 (2013); 2 – археологически целая форма, п.о. 32.89 (2015); 3 – образец 2, п.о. 19.49 (2013); 4 – археологически целая форма, п.о. 54.62 (2008)

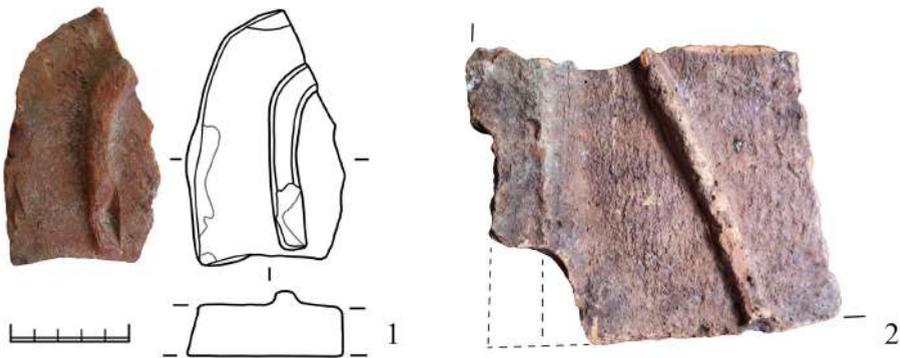

Рис. 2. Керамиды из раскопок Эски-Кермена: 1 – образец 3, п.о. 37.20 (2017); 2 – образец 4, п.о. 3.2 (2017)

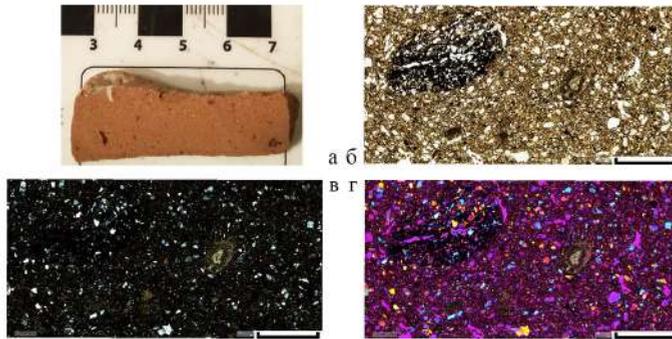

Рис. 3. Образец 2 керамиды группы Ia в петрографическом шлифе, масштаб 1 мм: а) фото шлифа, б) в параллельных николях свете, в) в скрещенных николях, г) в скрещенных николях с кварцевой пластинкой

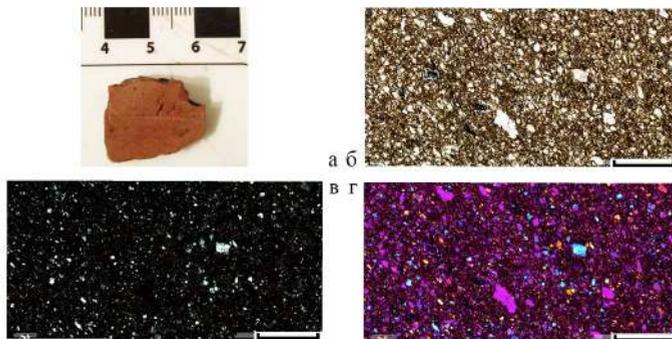

Рис. 4. Образец 3 керамиды группы Ib в петрографическом шлифе, масштаб 1 мм: а) фото шлифа, б) в параллельных николях свете, в) в скрещенных николях, г) в скрещенных николях с кварцевой пластинкой

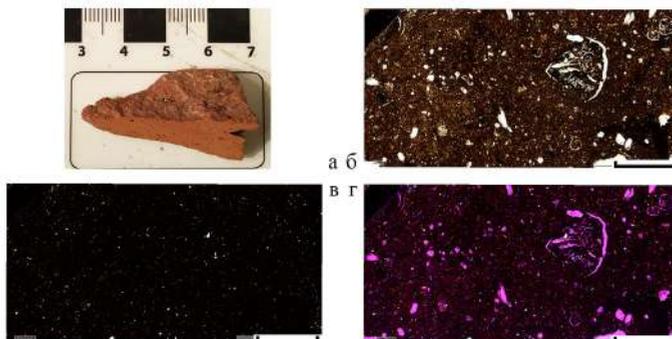

Рис. 5. Образец 4 керамиды из категории «другие» в петрографическом шлифе, масштаб 1 мм: а) фото шлифа, б) в параллельных николях свете, в) в скрещенных николях, г) в скрещенных николях с кварцевой пластинкой

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 240–277.
2. Айбабин А.И. Раскопки усадьбы 2 в квартале I на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 277–304.
3. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 422–457.
4. Завадская И.А. Серии черепиц с ремесленными знаками из Эски-Кермена (по материалам раскопок 2003–2005 гг.) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 291–315.
5. Завадская И.А. Черепица группы Ia на Эски-Кермене: к вопросу о месте производства // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 158–184.
6. Завадская И.А., Голофаст Л.А. Керамические комплексы хозяйственных вырубков в квартале 1 на городище Эски-Кермен (раскопки 2006 и 2007 гг.) // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 305–358.
7. Моисеев Д.А. Новые средневековые гончарные центры на южной периферии Мангупского городища (округа г. Илька): предварительные результаты // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна: тезисы докладов и сообщений. Бахчисарай, 2012. С. 46–48.
8. Науменко В.Е., Моисеев Д.А., Смекалова Т.Н., Чудин А.В. Новые средневековые гончарные центры в округе Мангупского городища (предварительные результаты комплексных археологических и геофизических исследований) // Международная научная конференция «Охрана культурного наследия: проблемы и перспективы»: Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2012. С. 52–54.
9. Науменко В.Е. Археологические исследования средневековых памятников Адым-Чокракской долины Крымских предгорий // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. III. С. 302–307.
10. Смекалова Т.Н. Керамические обжигательные печи и трансфер технологий в раннесредневековой Таврике по данным естественнонаучных исследований // Stratum Plus. 2017. № 5. С. 143–162.
11. Смекалова Т.Н., Яцишина Е.Б. Магнитометрические исследования керамических обжигательных печей раннесредневековой Таврики. Новые результаты // Кристаллография. 2018. № 3. С. 491–501.
12. Смекалова Т.Н., Науменко В.Е., Кулькова М.А., Завадская И.А., Беван Б.В. Естественнонаучные методы в изучении раннесредневекового керамического центра Илька 2 в Горном Крыму и его продукции // КСИА. 2020. № 258. С. 326–339.
13. Терещенко Е.Ю., Завадская И.А., Антипин А.М., Кварталов В.Б., Мандрыкина А.В., Лобода А.Ю., Хмеленин Д.Н., Васильев А.Л., Яцишина Е.Б., Алексеева О.А. Естественно-научные исследования керамики из Эски-Кермена // Кристаллография. Т. 65. № 2. 2020. С. 314–324.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Gorod na plato Eski-Kermen v XIII v. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2014, Vol. XIX, pp. 240–277.
2. Aibabin A.I. Raskopki usad'by 2 v kvartale I na plato Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2018, Vol. XXIII, pp. 277–304.
3. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Pozdnesrednevekovaia chasovnia na plato Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2011, Vol. XVII, pp. 422–457.
4. Zavadskaia I.A. Serii cherepits s remeslennymi znakami iz Eski-Kermenta (po materialam raskopok 2003–2005 gg.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2008, Vol. XIV, pp. 291–315.
5. Zavadskaia I.A. Cherepitsa gruppy Ia na Eski-Kermene: k voprosu o meste proizvodstva. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2017, Vol. XXII, pp. 158–184.
6. Zavadskaia I.A., Golofast L.A. Keramicheskie komplekсы khoziaistvennykh vyrubok v kvartale 1 na gorodishche Eski-Kermen (raskopki 2006 i 2007 gg.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2018, Vol. XXIII, pp. 305–358.

7. Moiseev D.A. Novye srednevekoveye goncharnye tsenry na iuzhnoi periferii Mangupskogo gorodishcha (okruga g. Il'ka): predvaritel'nye rezul'taty. *Tezisy dokladov i soobshchenii konferentsii "I Bakhchisaraiskie nauchnye chteniia pamiati E.V. Veimarna"*, Bakhchisarai, 2012, pp. 46–48.
8. Naumenko V.E., Moiseev D.A., Smekalova T.N., Chudin A.V. Novye srednevekoveye goncharnye tsenry v okruge Mangupskogo gorodishcha (predvaritel'nye rezul'taty kompleksnykh arkheologicheskikh i geofizicheskikh issledovani). *Tezisy dokladov i soobshchenii mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Okhrana kul'turnogo nasledii: problemy i perspektivy"*, Sevastopol, 2012, pp. 52–54.
9. Naumenko V.E. Arkheologicheskie issledovaniia srednevekovykh pamiatnikov Adym-Chokraskoi doliny Krymskikh predgorii. *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani*, Kazan, 2014, T. III, pp. 302–307.
10. Smekalova T.N. Keramicheskie obzhigatel'nye pechi i transfer tekhnologii v rannesrednevekovoii Tavrike po dannym estestvennonauchnykh issledovani. *Stratum Plus*, 2017, No. 5, pp. 143–162.
11. Smekalova T.N., Iatsishina E.B. Magnitometricheskie issledovaniia keramicheskikh obzhigatel'nykh pechei rannesrednevekovoii Tavriki. Novye rezul'taty. *Kristallografiia*, 2018, No. 3, pp. 491–501.
12. Smekalova T.N., Naumenko V.E., Kulkova M.A., Zavadskaya I.A., Bevan B.V. Estestvennonauchnye metody v izuchenii rannesrednevekovogo keramicheskogo tsentra Il'ka 2 v Gornom Krymu i ego produktsii. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii RAN*, 2020, No. 258, pp. 326–339.
13. Tereshchenko E.Iu., Zavadskaya I.A., Antipin A.M., Kvartalov V.B., Mandrykina A.V., Loboda A.Iu., Khmelenin D.N., Vasil'ev A.L., Iatsishina E.B., Alekseeva O.A. Estestvenno-nauchnye issledovaniia keramiki iz Eski-Kermena. *Kristallografiia*, 2020, T. 65, No. 2, pp. 314–324.

Информация об авторах

Завадская И. А. – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; старший научный сотрудник отдела реализации грантов Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: Y-8383-2018.

Кулькова М. А. – кандидат геолого-минералогических наук, доцент кафедры геологии и геоэкологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Researcher ID: M-2974-2013.

Смекалова Т. Н. – доктор исторических наук, заведующая отделом естественнонаучных методов в археологии Крыма Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского; ведущий специалист лаборатории естественнонаучных методов в гуманитарных науках НИЦ «Курчатовский институт», Researcher ID: R-3665-2016.

Information about the authors

Zavadskaya I. A. – Candidate of Science (History), Leading Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Senior Researcher of the Grants Implementation Department of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: Y-8383-2018.

Kulkova M. A. – Candidate of Sciences (Geology and Mineralogy), Associate Professor, Department of Geology and Geoecology, Herzen State Pedagogical University of Russia, Researcher ID: M-2974-2013.

Smekalova T. N. – Doctor of Science (History), Head of the Department of natural science methods in archaeology of Crimea at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Leading Specialist of the Laboratory of Natural Science Methods in the Humanities of the National Research Center Kurchatov Institute, Researcher ID: R-3665-2016.

ДЕРЕВЯННЫЕ ГРЕБНИ ИЗ ЭСКИ-КЕРМЕНА

Эльзара Айдеровна Хайрединова

*Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия,
khairedinovaz@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1362-757X>*

Аннотация. На территории городища Эски-Кермен найдено несколько деревянных гребней: пять в усыпальницах на подъемной дороге вместе с инвентарем X–XIII вв.; один – в гробнице 6/2019, расположенной в притворе однонефного храма в квартале 2, в женском погребении XIII в. Все гребни цельные, двусторонние, прямоугольной формы. Гребень из гробницы 6/2019 сделан из самшита. В Крыму аналогичные предметы выявлены на памятниках X–XIII вв. на дне Судакской бухты, в Судаке, Симеизе и Заречном. Деревянные гребни были важным элементом бытовой культуры средневекового населения Юго-Западного Крыма. В повседневной жизни гребень служил для ухода за волосами, с его помощью следили за гигиеной головы. Одна сторона гребня использовалась для расчесывания волос, а вторая сторона с мелкими зубьями – в гигиенических целях, для вычесывания вшей и гнид. Гребень – один из немногочисленных бытовых изделий, помещавшийся вместе с умершим в могилу, что еще раз подчеркивает значимость этого предмета для средневекового человека.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, Эски-Кермен, деревянные гребни, самшит

WOODEN COMBS FROM ESKI-KERMEN

Khairedinova Elzara A.

*Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia,
khairedinovaz@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1362-757X>*

Аннотация. The excavations at the territory of the ancient town atop Eski-Kermen uncovered a few wooden combs: five pieces in the tombs at the road going upwards to the town, accompanied with the grave goods from the tenth to thirteenth century; one piece in tomb 6/2019, which was located in the narthex of an aisleless church in quarter 2, in a woman's grave from the thirteenth century. All the combs were solid, double-sided, rectangular. The comb from grave 6/2019 was made of boxwood. In the Crimea, there are parallel artefacts uncovered at the sites from the tenth to thirteenth century: on the sea bottom in the bay of Sudak, in Sudak, Simeiz, and Zarechnoe. Wooden combs were an important element of the daily life culture of the mediaeval population of the south-western Crimea. In everyday life, comb was a tool for hair care, allowing the one to make hygiene of one's head. The comb's one side was for combing hair, and another, with fine dents, for hygienic combing out lice and nits. Comb was among the few-in-number daily life artefacts to be placed in the grave along with the dead person, which underlined this artefact's significance for a mediaeval person.

Ключевые слова: south-western Crimea, Eski-Kermen, wooden combs, boxwood

С территории городища Эски-Кермен происходит несколько деревянных гребней. Пять гребней найдено в 1929 г. на верхнем марше подъемной дороги – в усыпальницах 73 (фрагментированный, разломанный на две части экземпляра, рис. 1,1) и 74 (2 фрагмента), а также перед городскими воротами – в усыпальнице 71 (2 фрагментированных экземпляра, рис. 1,5,6) [27, с. 37, 40; 2, с. 47, 242, рис. 7,1,2,10]. Один гребень обнаружен в 2019 г. в квартале 2 на главной улице – в гробнице 6/2019, расположенной в притворе однонефного храма (рис. 2; 3).

Все гребни цельные, двусторонние, прямоугольной формы. Изделия различаются размерами. Найденные в усыпальницах на подъемной дороге и перед городскими воротами гребни имели ширину 6,1–6,3 см, а их высота, судя по наиболее хорошо сохранившемуся экземпляру, не превышала 7,3 см (рис. 1,6). На одной стороне этих гребней выпилено 10 или 12 крупных зубцов, на расстоянии 0,2–0,3 см друг от друга (рис. 1,5,6). На противоположной стороне сделано примерно в 4 раза больше (44 и 48) тонких зубцов, плотно прилегающих друг к другу. Длина зубцов – 2,2 и 3,0 см. Центральная часть гребней шириной 1,3–1,5 см – гладкая, с прорезанными у основания зубцов тонкими поперечными параллельными линиями.

Заметно отличается размерами гребень из гробницы 6/2019 (рис. 2,1). Его длина – 10,7 см, высота – 10,5 см, толщина в центральной части – 0,6 см, по краям – 0,2 см. На одной стороне гребня пропилено 26 редких, на другой – 58 частых зубьев длиной 2,2 и 2,7 см. Гребень сделан с широкими центральной частью (ширина 4,5 см) и боковыми сторонами (расстояние от края и до зубцов составляет 1,7–2,0 см). По определению специалистов из НИЦ «Курчатовский институт» гребень из гробницы 6/2019 изготовлен из самшита (см. статью В. М. Пожидаева и др. в данном выпуске).

Датировка гребней

Для датировки публикуемых предметов показательны сопутствующие находки, а также стратиграфическая ситуация на городище. В усыпальницах на подъемной дороге и около городских ворот вместе с гребнями найдены бронзовые проволочные серьги с сомкнутыми концами (рис. 1,2), литые и полые сферические пуговицы с проволочной петелькой для пришивания (рис. 1,4), бронзовый проволочный браслет (рис. 1,3) и фрагменты круглых в сечении браслетов из темно-синего стекла [27, с. 37]. Серьги и височные кольца из гладкой бронзовой проволоки с сомкнутыми концами аналогичны найденным в древнерусских захоронениях с монетами X–XI вв. [26, табл. 2,12; 3,23,24; 12,10,23; 13,5–7], в погребениях из часовни X–XIII вв. в квартале 1 на плато Эски-Кермен [5, рис. 9,8,9; 20,7,10,11] и на могильнике у с. Лучистое, в склепе 6 вместе с бронзовой монетой Мануила I Комнина (1143–1180 гг.) [4, табл. 13,1–6]. Сферические пуговицы из серебра или бронзы бытовали в Крыму в X–XV вв. [7, с. 254–255]. Они часто встречаются в погребениях XII–XIII вв. из Херсона [11, с. 190, 216, рис. 20,15,17,19], Юго-Западного Крыма [4, табл. 12,8–10; 24, рис. 9,4; 34, с. 219, 221, рис. 6.2,204,254], Сугдеи [19, с. 150–151, рис. 167,12] и Боспора [20, с. 372, 374, рис. 17,6,8–10; 18,3,15]. Браслеты из темно-си-

него стекла особой популярностью пользовались в Крыму в XI–XIII вв. (подробно о времени бытования браслетов см. статью Л. А. Голофаст и А. В. Мастыковой в настоящем выпуске). Отметим, что сферические пуговицы, проволочные серьги и стеклянные браслеты являются типичным инвентарем для погребальных сооружений с многократными последовательными захоронениями и для костниц, находившихся внутри или около храмов на плато Эски-Кермен [28, с. 20; 23, с. 44, фото 5; 5, рис. 9,8,9; 20,7,10,11]. Массовое строительство этих храмов на городище начинается в X в. Меняется погребальный обряд: в конце IX в. прекращаются захоронения в типичных для раннего Средневековья подбойных могилах и склепах, располагавшихся на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен. Горожане стали хоронить своих умерших в храмах и пристенных могилах, практикуя последующее перезахоронение истлевших тел в костницах. В прихрамовых усыпальницах 71, 73 и 74, где на небольшом пространстве фиксируется до нескольких десятков плотно уложенных друг на друга или смещенных при последующих захоронениях скелетов, невозможно определить, к какому из погребений относился немногочисленный инвентарь. По информации Н. И. Репникова, в усыпальницах гребни найдены среди смешанных с землей костей средней сохранности, лежавших «пластом до 0,25 м мощности» [27, с. 37, 40]. Учитывая хронологию сопутствующего инвентаря, а также время возникновения прихрамовых погребальных сооружений и прекращение их использования в связи с гибелью большей части городища после набега Ногая в 1299 г., деревянные гребни из усыпальниц 71, 73 и 74 следует датировать X–XIII вв.

Место находки деревянного гребня в гробнице 6/2019 зафиксировано *in situ* (рис. 2,4; 3,1). В гробнице выявлено 14 слоев с костными остатками не менее 28 погребенных, разделенных небольшими, толщиной до 0,1 м прослойками темно-коричневого глинистого грунта. В нижней части гробницы, на глубине 1,15 м от верхнего края зачищены относящиеся к слою XIII костяки женщины 45–50 лет¹ (23) и ребенка (22), похороненных вытянуто на спине, головой на северо-запад (рис. 3,1, XIII). Женщину захоронили с согнутыми в локтях руками, уложенными на животе. Тело ребенка уложили вплотную к юго-западному борту гробницы, на правую руку женщины. Детское погребение – безынвентарное. В погребении женщины на грудных позвонках лежал деревянный двусторонний гребень (рис. 2,4; 3,6), а в области шеи и около левой плечевой кости – пять полых бронзовых сферических пуговиц со следами позолоты (диаметр 0,5 см; высота 1,0 см; рис. 3,3). Под костяком 23 на дне гробницы выявлены относящиеся к слою XIV костные остатки мужчины 30–40 лет (24), похороненного на спине, головой на северо-запад, с согнутыми в локтях руками, уложенными на нижнюю часть живота, с согнутыми в коленях ногами (рис. 3,1, XIV). На левой стороне грудной клетки скелета найдены три полые сферические пуговицы, аналогичные обнаруженным в погребении 23 (рис. 3,4). Четыре такие же пуговицы собраны в грунте, разделявшем костяки 23 и 24 (рис. 3,5).

¹ Пол и возраст погребенных определен В. Ю. Радочиным, старшим научным сотрудником НИЦ истории и археологии Крыма КФУ им. В. И. Вернадского.

Поверх женского погребения с гребнем зачищен костяк мужчины 50–60 лет (21), похороненного вдоль юго-западного борта гробницы вытянуто на спине, головой на северо-запад (рис. 3,1, XIII). Около левого плечевого сустава костяка стоял красноглиняный плоскодонный одноручный кувшин с невысоким, расширяющимся кверху горлом, с плоско-срезанным верхним краем, оваловидным туловом, максимально расширяющимся в верхней части (высота 17,5 см; диаметр венчика 4,5 см; дна – 12,5 см; рис. 3,2). Плечи тулова украшены пятью горизонтальными прочерченными линиями. Овальная в сечении ручка прикреплена к верхнему краю венчика и в месте максимального расширения тулова. Аналогичные кувшины найдены в Северном районе Херсонеса, в слое разрушения конца XIII в. [39, с. 109–110, рис. 67,7–9; 40, с. 116–177, рис. 72,4,5; 11, с. 197, 240, рис. 6,3]. Из темно-коричневого грунта, заполнявшего нижнюю часть гробницы, извлекли фрагмент стенки плоскодонной амфоры херсонесского производства класса 52² второй половины XIII–XIV вв. [29, с. 83–84] и обломок донной части византийской амфоры типа IV по Н. Гюнзенин [50, р. 102–108] или класса 45 по херсонесской классификации 1995 г. [29, с. 73–74]. Находки последних в Северном Причерноморье доминируют в слоях XIII–XIV вв. [11, с. 194]. Учитывая датировку керамических находок, погребение 23 с деревянным гребнем следует отнести к XIII в.

Распространение деревянных гребней

В Крыму самые ранние цельные двусторонние прямоугольные гребни зафиксированы в погребальных сооружениях позднеримского времени из Керчи и Херсонеса [33, с. 145, 146, табл. XVIII,8,10,12–15; XIX,4,5,7,8,10,12]. В комплексах ранне-средневекового времени подобные изделия пока не найдены, зато часто встречаются на памятниках X–XIII вв. Помимо городища на плато Эски-Кермен, они выявлены на дне Судакской бухты, в Судаке, Симеизе, Заречном, Балаклаве, а также в степном Крыму – в печенежском погребении Матвеевка X в. [3, с. 135, табл. 49,3].

В Судаке деревянный гребень обнаружен в склепе 4 на участке куртины XIV, в верхнем слое с погребениями X–XII вв. [18, с. 119, рис. 5,2]. Тринадцать деревянных гребней собрано на дне Судакской бухты у пос. Новый Свет, где, по предположению исследователей, находятся остатки двух кораблей X–XI вв. и второй половины XIII в. [14, с. 9, рис. 2; 19, с. 130, 415, рис. 147,2,3].

В Симеизе среди вещей, собранных в 1955 г. в разрушенном средневековом склепе с многочисленными перевернувшими погребениями, находились фрагменты не менее пяти деревянных гребней [36, с. 128, 142, рис. 2, кат. 72–76]. Склеп использовался на протяжении нескольких столетий. Самые ранние находки – бронзовые византийские пряжки VII в. типов «Сиракузы» и «Болонья», самые поздние – стеклянные браслеты из черного на вид, темно-зеленого стекла и из синего стекла с росписью желтой краской XI–XIII вв.; бронзовый незамкнутый браслет из переви-

²Керамические находки определены И. Б. Тесленко, старшим научным сотрудником отдела средневековой археологии Института археологии Крыма РАН.

тых проволочек, подобный найденному в Лучистом, в верхнем слое XII в. склепа б [4, рис. 34,15, табл. 14,2] и типологически родственный изготовлявшимся в Древней Руси в XI–XIV вв. [32, с. 74–75, табл. 57,19,20]; круглая, крестовключенная подвеска, аналогичная выявленным в Коринфе в слоях XII–XIII вв. [43, р. 259, Pl. 111,2091–2092], в Херсоне [22, с. 530, кат. 207] и на Эски-Кермене в слое разрушения конца XIII в. [6, с. 10, ил. 2,5]. Скорее всего, в Симеизском склепе деревянные гребни принадлежали поздним погребениям XI–XIII вв.

Перечисленные гребни из Судака, Судакской бухты и Симеиза по форме и размерам близки эски-керменским изделиям из усыпальниц на подъемной дороге (рис. 1,1,5,6). Объединяет эти гребни и оформление центральной части – наличие врезных параллельных линий, нанесенных поперечно у основания зубцов. Гребни, по форме и размерам подобные найденному в гробнице 6/2019 (рис. 2,1), обнаружены в Зареченском могильнике и в крепости Чембало. В Заречном гребень зачищен в плитовой могиле 10, на грудных позвонках костяка подростка вместе с сохранившимися фрагментарно бронзовыми серьгами, кольца которых сделаны со сплюснутым окончанием и небольшим круглым отверстием [21, с. 157, рис. 3; 9,5,6]. Аналогичные серьги найдены на плато Эски-Кермен в квартале 1, в слое пожара конца XIII в. и в Волжской Булгарии в слоях второй половины XIII в. [30, с. 144, 397, ил. 218, кат. 141–142]. В Чембало деревянный гребень выявлен в башне 2, в светло-коричневом рыхлом грунте, насыщенном мелким бутом, вместе с серебряным джучидским дирхемом, чеканенным во время правления хана Узбека (1313–1342 гг.) и медной генуэзско-татарской монетой второй половины XV в. [1, с. 23–24, 53, к.о. 14, рис. 121,14; 129].

Следует отметить, что цельные двусторонние деревянные гребни прямоугольной формы являются универсальными изделиями, бытовавшими с древнейших времен вплоть до Нового времени на широкой территории и у разных народов [41, р. 405–406]. На протяжении многих столетий у этих предметов сохранялись стандартные размеры и форма. Особой популярностью деревянные гребни пользовались в Византии. В Стамбуле в ходе раскопок порта Феодосия (Йеникапы) найдены деревянные прямоугольные гребни V–VI вв. хорошей сохранности [49, р. 141, Кат. 1,2]. Однотипные гребни выявлены среди обломков византийского корабля, затонувшего в XI в. около юго-западного побережья Малой Азии, в бухте Серче Лимани [42, р. 275–276, 279, fig. 16–2; 16–3,G4]. В Византии в IX–XI вв. двусторонние гребни прямоугольной формы делали не только из дерева, но и из слоновой кости. При этом существовали как простые, не декорированные гребни, так и богато украшенные изделия с размещенными по центру сложными резными композициями из фигур павлинов или львов [43, р. 179–180, 182, Cat. 1301–1303, Pl. 80,1301–1303].

Многочисленные двусторонние прямоугольные деревянные гребни, датированные VI–IX вв., различающиеся пропорциями и декором, происходят из Египта [47, S. 67–69, Kat. 52–56; 46, р. 464–465, Cat. 632]. В XIII–XIV вв. в Египте были распространены гребни, подобные публикуемым крымским изделиям по форме и

размерам, но отличающиеся богатым декором центральной части и вырезанными здесь же арабскими надписями [41, р. 399–403, №. 1–6, fig. 1–4, Pl. XXI; XXII].

Находки самшитовых двухсторонних гребней известны на средневековых памятниках алано-адыгского населения Центрального Предкавказья [48, Abb. 114–115]. Считается, что сами изделия или заготовки для них поступали из Абхазии, где произрастает колхидский самшит [35, с. 12–13; 25, с. 77–78, рис. 32,15–17; 36,4]. По мнению А. А. Иерусалимской, деревянные гребни из Мощевой Балки, как и ряд других, найденных на Северном Кавказе, имитировали по пропорциям, форме и декору византийские гребни из слоновой кости [15, с. 312–313, 362–363, ил. 194; 225].

Судя по находкам на древнерусских памятниках, двухсторонние гребни из цельной деревянной пластины прямоугольной формы были популярной продукцией городского ремесла, постоянно существовавшего на Руси в X–XV вв. [8, с. 94, рис. 1; 31, с. 23; 16, с. 136, 142–143]. Древнерусские ремесленники вырезали гребни из самшита, который поступал с Кавказа волжским путем [31, с. 20–21].

В X–XVI вв. в Западной Европе крупным центром по изготовлению деревянных двухсторонних гребней была Франция, где произрастали самшитовые леса, обеспечивавшие сырьем гребенщиков [51, р. 42–43, fig. 1]. Согласно письменным источникам, в XIV в. французские гребни из самшита десятками тысяч вывозились в Англию и Фландрию [51, р. 42]. В XI–XIV вв. во Франции бытовали двухсторонние гладкие гребни, аналогичные найденным в Крыму [51, р. 46–47, 49, fig. 4–5; 11; 54, р. 17].

Изготовление деревянных гребней

Большинство сохранившихся древних гребней сделано из самшита. Высокие качества древесины, твердость, гладкая поверхность и легкость полировки способствовали тому, что самшит стал наилучшим доступным материалом для изготовления этих бытовых предметов [8, с. 96; 33, с. 27, 30].

О свойствах самшита было известно с древнейших времен. Феофраст (371–286 гг. до н.э.), греческий ученый, называемый отцом ботаники, приравнивал самшит к черному дереву, древесина которого является самой ценной породой: «...самшит и черное дерево, даже высохши, тяжеловесны...»; «Самшит и черное дерево тяжеловесны вследствие своей плотности» [37, с. 24, I.5.4–5]; «Самым плотным и тяжелым будут ... самшит и черное дерево; они даже тонут в воде. У самшита тяжелы и плотны все части» [37, с. 173, V.3.2]. Самшит ценился еще и за то, что его древесина не была подвержена «гниению по природе своей» [37, с. 175, V.4.2] и не боялась короеда, избегавшего «...пахучего, горького и твердого дерева, которое он не может пробуровать» [37, с. 177, V.4.5]. По сообщению Феофраста, из самшита вырезали статуи, а также делали плотничьи и столярные инструменты, в частности – молотки [37, с. 184, V.3.7; V.7.8].

Самшит был распространен во всем Средиземноморье и на черноморском побережье Кавказа. В Византии самшит культивировали, о чем свидетельствуют советы по его выращиванию, записанные в «Геопониках», своеобразной сельскохозяй-

ственной энциклопедии X в.: «Самшит сажают отводками, обрубками и ветками в питомнике после ноябрьских ид. Он любит сырые места, будучи вечнозеленым» [9, Книга XI, гл. 9, с. 247]. Известно, что генуэзцы в XIII и XV вв. вывозили из Западного Кавказа самшит: его меняли у местных жителей на соль и везли в Константинополь [13, с. 91; 8, с. 97]. В ареал произрастания самшита входил и Крым. Ибн Са'ид ал-Магриби (1214–1286 гг.) в географическом сочинении «Книга распространения земли в длину и ширину» сообщает, что на берегу Черного моря «...находятся заросли самшита, который оттуда вывозится в другие страны мира. Удивительно, что самшит невелик по размерам, а его заросли охватывают области на востоке и западе [озера]...; самшит быстро растет и пускает отростки» [17, с. 31]. О том, что речь идет именно о Крымском полуострове, можно понять из следующего пассажа, в котором географ указывает: «К востоку от этих зарослей находится город Матраха» (Тмутаракань) [17, с. 31, 66, прим. 32]. В настоящее время самшит произрастает на Южном Берегу Крыма, но его трудно отличить от интродуцированного, поскольку дерево активно культивировалось с XIX в. [12, с. 292–294]. О распространении самшита в Крыму в Средние века могут свидетельствовать сохранившиеся старые деревья. Так, в районе поселка Малый Маяк, на территории санатория «Утес» растет самшит 1,85 м в обхвате, высотой 7 м, возраст которого, как считают специалисты, насчитывает около 1000 лет [38, с. 119, № 156]. Дерево является памятником природы регионального значения («Особо охраняемые природные территории России», № 3-044).

П. Милль, изучив средневековые самшитовые гребни, найденные на территории Франции, восстановил процесс их изготовления [51, р. 54–55; 52, р. 26–27]. Для производства гребней самшит тщательно отбирался. Ствол дерева должен был иметь диаметр не менее 9–10 см и как можно меньше сучков. Еще Феофраст отмечал, что не всякое дерево годится для обработки: так, самшит с Олимпа совершенно бесполезен, потому что он низкоросл и узловат [37, с. 183, V.7.7]. Перед обработкой дерево высушивалось. Влажность материала должна была составлять не менее 30%, поскольку пересушенный самшит становился слишком твердым и не поддавался обработке. Ствол распиливался на короткие куски цилиндрической формы, каждый из которых затем продольно делился на несколько деревянных пластин – заготовок для гребня соответствующей толщины (рис. 4,1). Заготовку выравнивали и подрезали по форме будущего гребня. На обеих сторонах подготовленной деревянной пластины двумя параллельными линиями наносилась разметка. Следы такой разметки видны на эски-керменских гребнях (рис. 1,1,5,6). Гребни изготовлялись на верстаке, который должен был иметь зажимное приспособление (рис. 4,2,3) [33, с. 147–148]. На укрепленной заготовке делались пропилы: с одной стороны – редкие, с другой – частые. Для этой работы использовались пилы разной толщины. В завершение работы гребень полировался. Процесс изготовления гребней можно представить по рисункам 1562 и 1575 гг. из Нюрнбергских Домашних книг Конрада Менделя «Двенадцать братьев», на которых изображены гребенщики за работой (рис. 4,2,3).

Публикуемые гребни представляют собой простые изделия массового ремесленного производства. Как нами было показано выше, деревянные двусторонние гребни прямоугольной формы существовали повсеместно. Производить такие предметы могли и в Херсоне, который в XII–XIII вв. был одним из крупнейших ремесленных центров в Юго-Западном Крыму. На территории города найдены инструменты, позволяющие говорить о развитии деревообрабатывающих ремесел, а также выявлены остатки косторезной мастерской [10, с. 355–357]. Деревянные гребни могли изготавливать и косторезы. Полированный самшит по виду сходен со слоновой костью. Образцами для изготовления гребней из самшита могли стать изделия из слоновой кости, импортные экземпляры которых известны в Херсоне [22, с. 291, 586–587, кат. 329, 330].

Особенности использования деревянных гребней

Гребень – индивидуальный предмет быта, служивший для расчесывания волос. На одном из средневековых деревянных гребней, хранящихся в Музее исламского искусства в Каире, прорезана надпись: «*Я – гребень для расчесывания, я служу только для красоты*» [41, р. 407, fig. 8]. Однако двусторонние гребни служили не только для красоты. На византийском гребне V–VI вв., найденном в Стамбуле в ходе раскопок порта Феодосия (Йеникапы), вырезано пожелание: «*Здоровье Ираклию*» [49, р. 141, Kat. 2]. Одна сторона гребня использовалась для расчесывания волос, а вторая сторона с мелкими зубьями – в гигиенических целях, для вычесывания вшей и гнид. На многих деревянных гребнях II–VIII вв., происходящих из археологических раскопок памятников в пустынях Негев и Иудейской, обнаружены головные вши и их яйца [53, р. 218–219, fig. 13,2–4]. Константин Африканский, врач XI в. из Карфагена, в сочинении «Указания путешественнику» отмечал, что против вшей эффективны «*частые омовения головы, расчесывание и лечебное очищение*» [45, р. 221]. По свидетельству современников, в середине XVI в. в Париже гребни можно было купить не только в галантерейных магазинах, но и на улице. Продававшие их лоточники зазывали покупателей рекламными лозунгами: «*Самшитовые гребни – смерть вшам, здоровье голове!*» [52, р. 27].

На плато Эски-Кермен только в одном случае удалось зафиксировать положение деревянного гребня в погребении *in situ*. В гробнице 6/2019 гребень лежал на грудных позвонках женщины 45–50 лет (рис. 2,4; 3,1,XIII,6). Отметим, что в одновременном погребении подростка из плитовой могилы 10 в Заречном деревянный гребень также зачищен на грудных позвонках [21, с. 157, рис. 3]. В 2020 г. в центральной части городища на плато Эски-Кермен, перед главной базиликой, в одной из плитовых могил первой половины XIV в., в захоронении подростка найден костяной гребень, который также лежал на груди погребенного. Видимо в XIII–XIV вв. в Юго-Западном Крыму существовал обычай сопровождать захоронения женщин и подростков гребнем, использовавшимся ими при жизни.

В Средние века гребни часто носили в кожаных футлярах, специально сшитых по размеру изделия. Такие футляры сохранились целиком или во фрагментах в по-

гребенях VIII–IX вв. из Мощевой Балки [15, с. 312, ил. 194]. Существовали кожаные футляры с двумя отделениями для гребня и зеркала, которые принадлежали, в основном, женщинам и девочкам [15, с. 46–47, ил. 19,б]. Судя по сохранившимся остаткам текстильных изделий в Мощевой Балке, женщины подвешивали футляры с гребнем к поясу или к одной из петель платья на груди, а мужчины носили гребни в специальных сумочках на поясе [15, с. 47, 312].

Деревянные гребни были важным элементом бытовой культуры средневекового населения Юго-Западного Крыма. В повседневной жизни гребень служил для ухода за волосами, с его помощью следили за гигиеной головы. Гребень – один из немногочисленных бытовых изделий, помещавшийся вместе с умершим в могилу, что еще раз подчеркивает значимость этого предмета для средневекового человека.

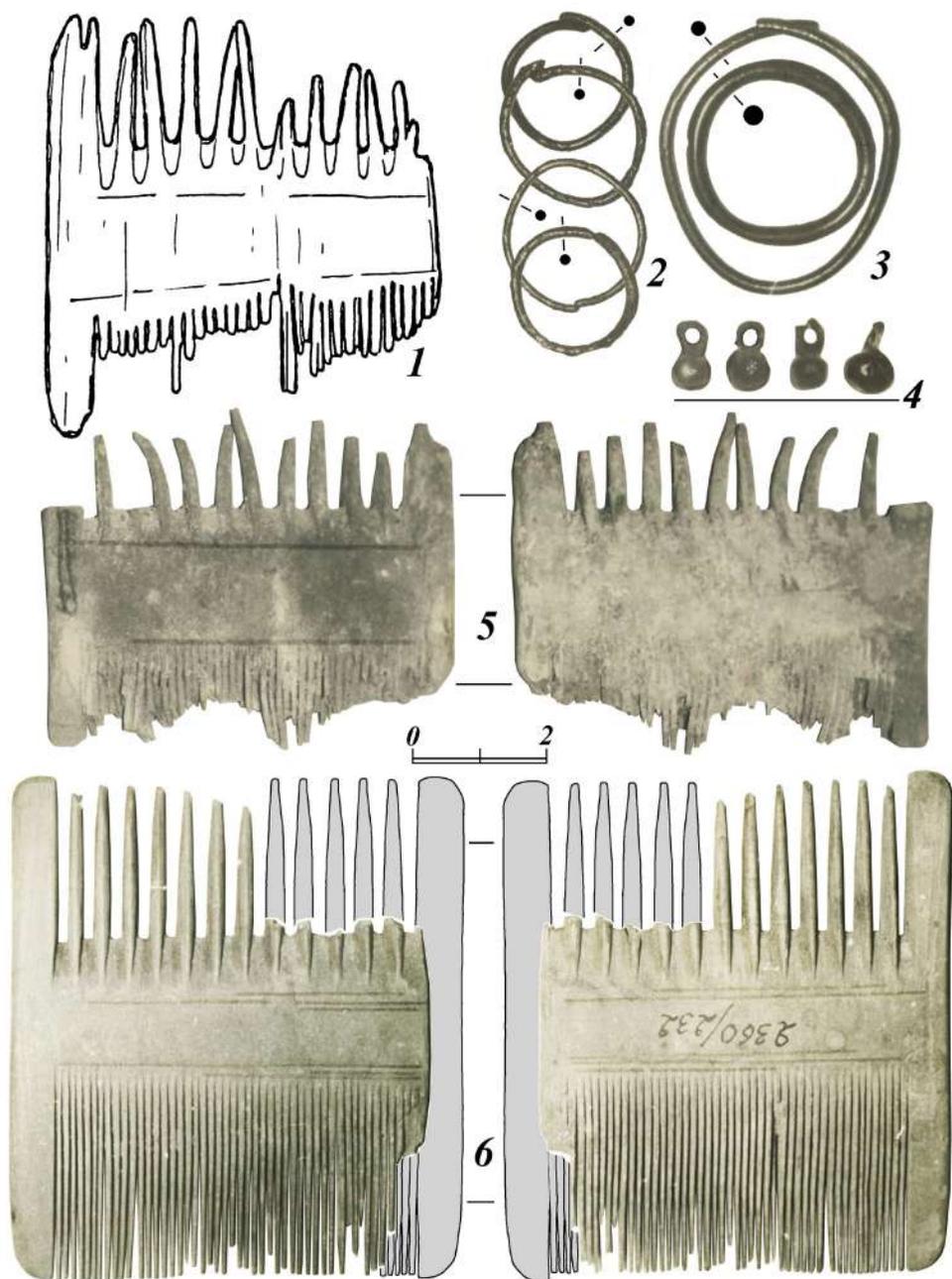

Рис. 1. Городище на плато Эски-Кермен. Инвентарь из усыпальниц X–XIII вв. на подъемной дороге и перед главными воротами. 1 – деревянный гребень, усыпальница 73; 2–6 – усыпальница 71 (2 – бронзовые серьги, 3 – бронзовое кольцо и браслет; 4 – бронзовые литые пуговицы; 5, 6 – деревянные гребни)

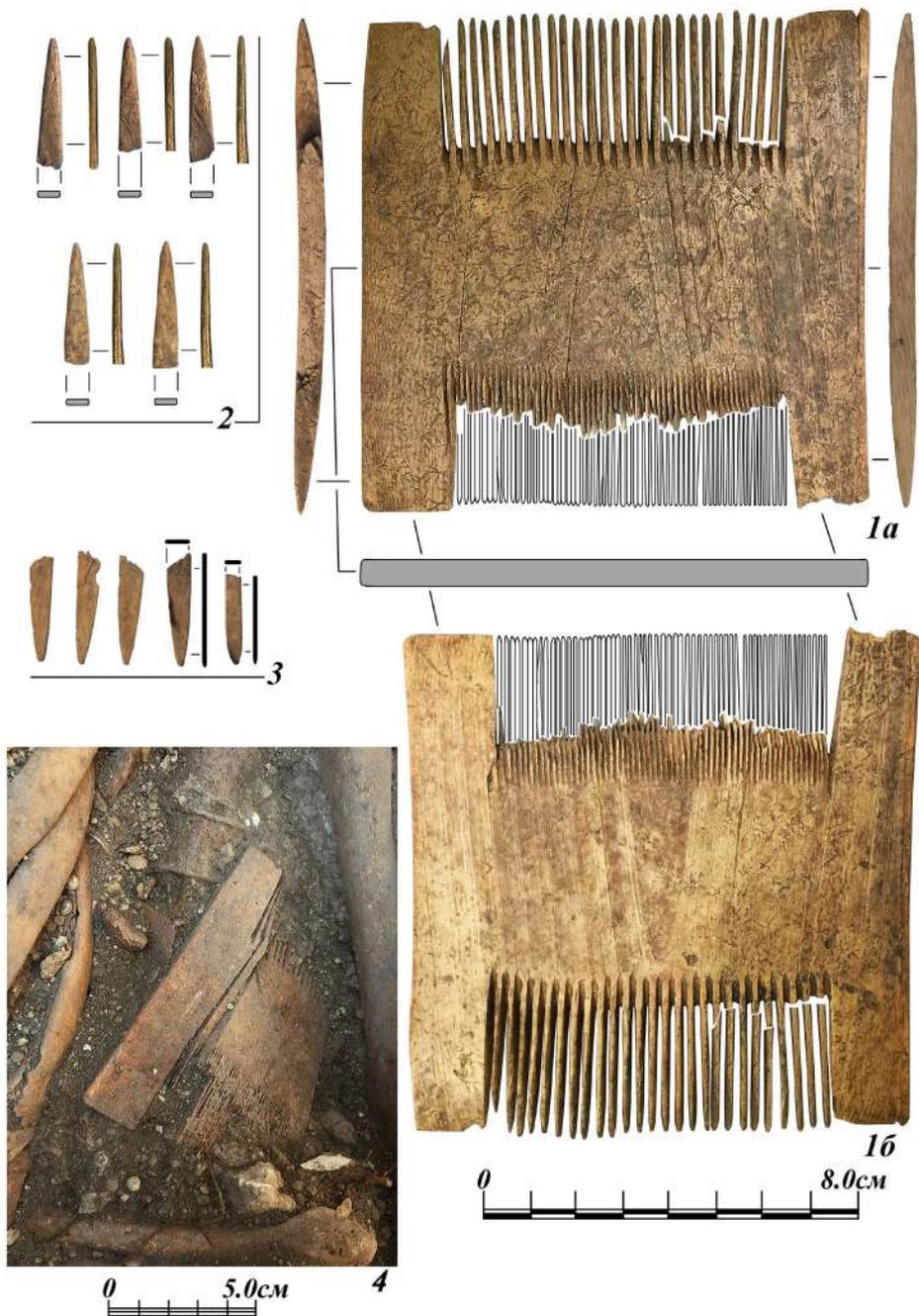

Рис. 2. Горodiще на плато Эски-Кермен. Самшитовый гребень из гробницы 6/2019 (притвор однонефного храма, квартал 2). 1 – виды гребня с трех сторон; 2 – крупные зубцы гребня; 3 – мелкие зубцы гребня; 4 – расположение гребня в погребении *in situ*

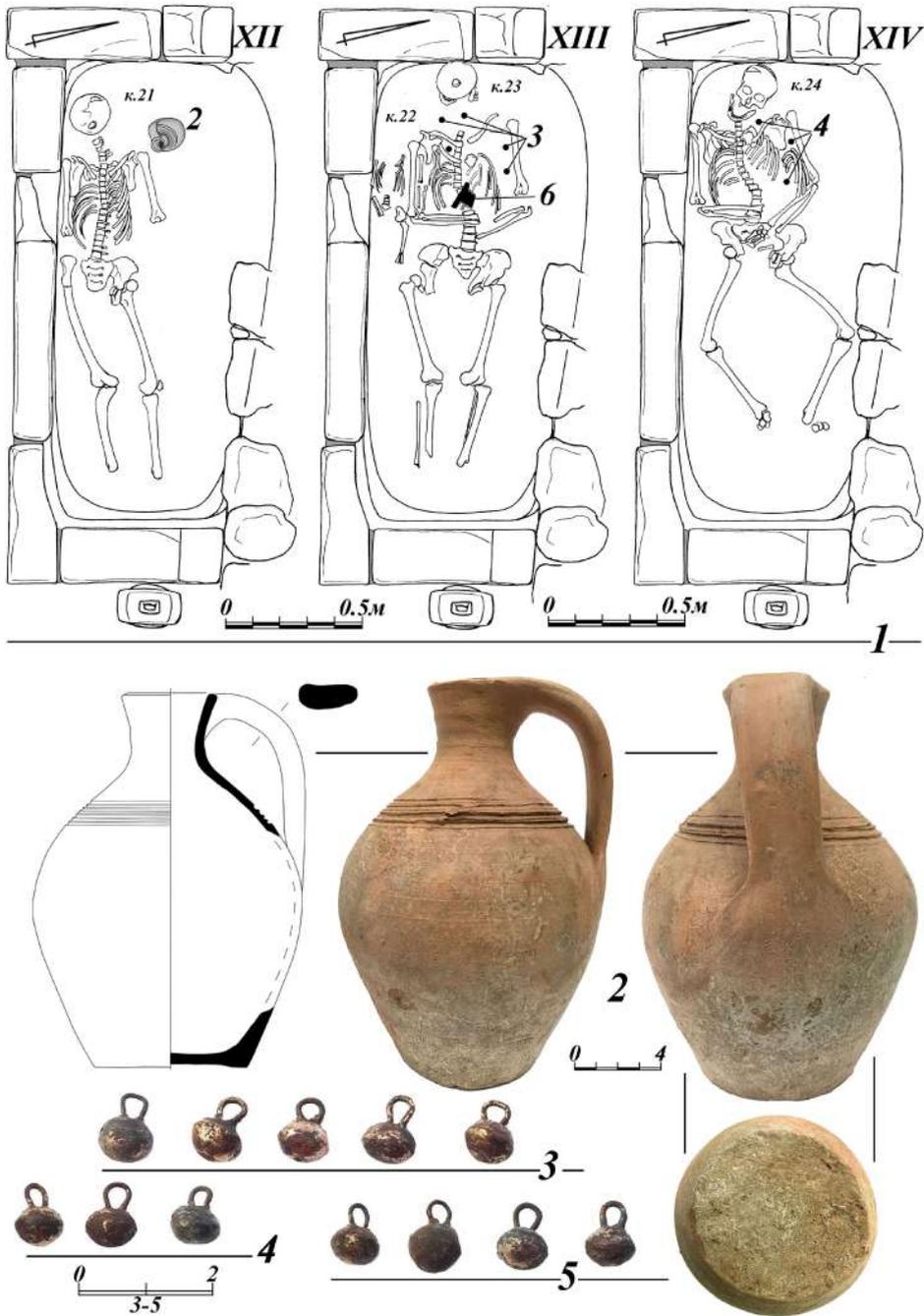

Рис. 3. Городище на плато Эски-Кермен. Гробница 6/2019. 1 – планы погребений 21–24 из нижней части гробницы; 2–6 – инвентарь из погребений (2 – гончарный кувшин; 3–5 – бронзовые пуговицы со следами позолоты; 6 – деревянный гребень)

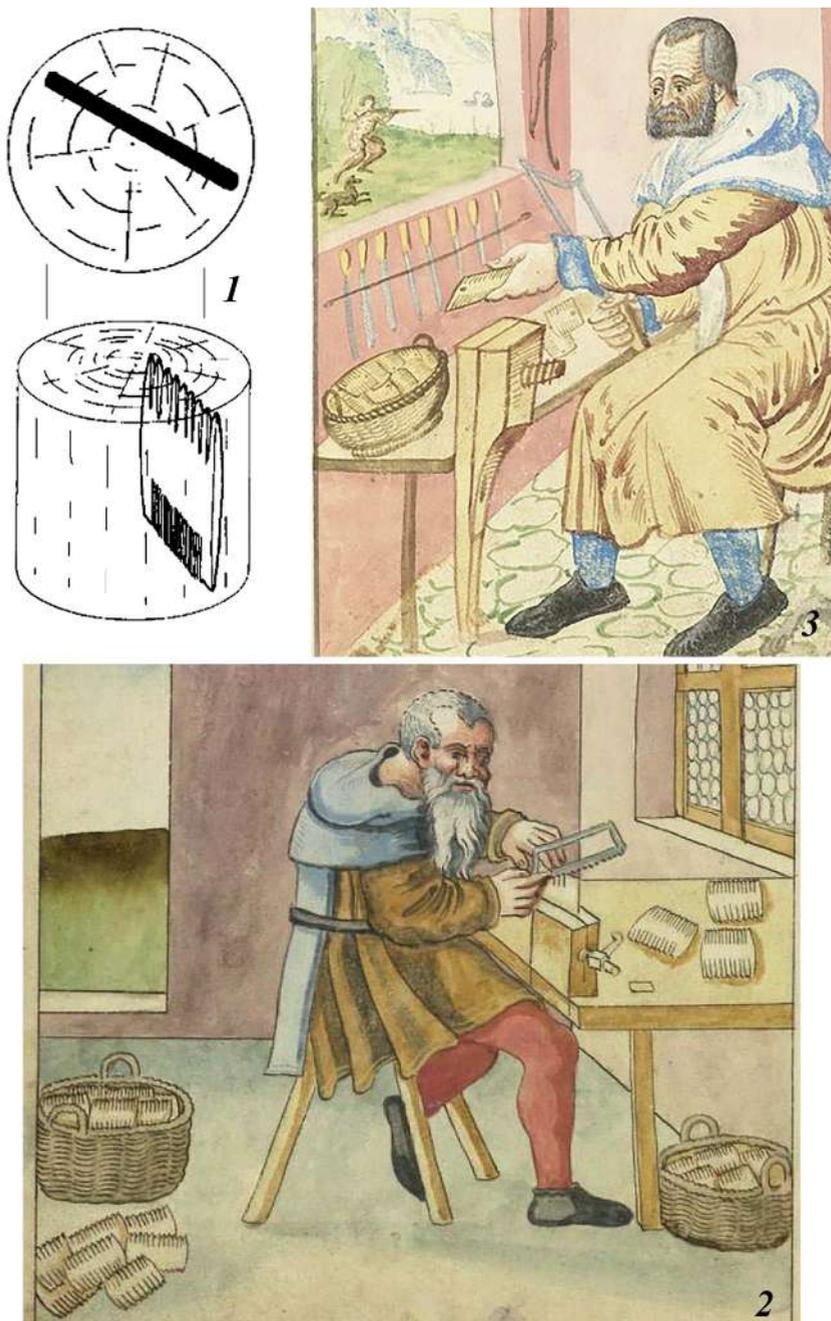

Рис. 4. Изготовление средневековых гребней. 1 – заготовки для изготовления гребней [по: 51, р. 54, fig. 18]; 2, 3 – процесс изготовления гребней по рисункам 1562 и 1575 гг. из Нюрнбергских Домашних книг Конрада Менделя «Двенадцать братьев» [по: 44, Amb. 317b20 Folio 15 verso, 34 recto]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2004 году. СПб., Симферополь: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. 191 с.
2. Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 43–51.
3. Айбабин А.И. Степь и Юго-Западный Крым // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII вв. / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 74–81.
4. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. 1 (Раскопки 1977, 1982–1984 гг.). Симферополь, Керчь: АДФУ-Украина, 2008. 336 с.
5. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. Вып. XVII. 2011. С. 422–457.
6. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Предметы христианского культа из раскопок 2003–2008 годов на городище Эски-Кермен // ТГЭ. 2013. Т. LXIX: Византия в контексте мировой культуры. С. 7–21.
7. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Плитовые могилы XIV в. на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. Вып. XXIV. 2019. С. 250–276.
8. Вихров В.Е., Колчин Б.А. Из истории торговли Древнего Новгорода // СА. 1955. XXIV. С. 93–97.
9. Гепоники. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X века. О растениях: трактат Альберта Великого. Рязань: Александрия, 2006. 560 с.
10. Голофаст Л.А. Ремесла и промыслы Херсона в XIII в. (по находкам из слоя пожара) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 345–384.
11. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Раскопки квартала X в северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 182–260.
12. Деревья и кустарники СССР: в 6-ти т. / Ред. С.Я. Соколов. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. IV. 975 с.
13. Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // Исторические записки. М., 1938. Т. 3. С. 72–129.
14. Зеленко С.М., Морозова Я. Деревянные гребни с кораблекрушения в бухте Нового Света (Крым) // Вопросы подводной археологии. М., 2011. № 2. С. 5–20.
15. Иерусалимская А.А. Мошевая Балка: необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. 384 с.
16. Кондратьева О.А. Гребни IX–XIX вв. в быту, обрядах, фольклоре, ремесле и художественном творчестве Древней Руси – России. СПб.: Российский этнографический музей, 2011. 243 с.
17. Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. М.: Восточная литература РАН, 2009. 222 с.
18. Майко В.В. Судакские склепы. Поздний горизонт погребений // Судакский сборник. Киев, Судак, 2010. Вып. IV. С. 113–128.
19. Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. Киев: Видавель Олег Філюк, 2014. 466 с.
20. Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 344–393.
21. Махнева О.А. О плитовых могильниках средневекового Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма / Ред.-сост. О.И. Домбровский. Киев: Наукова думка, 1968. С. 155–168.
22. Наследие Византийского Херсона / Ред. В. Залесская, Т. Яшаева, А. Рабинович. Севастополь: Телескоп, Остин: Институт классической археологии Техасского университета, 2011. 708 с.
23. Паршина Е.А. Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму / Ред. С.Н. Бибииков. Киев: Наукова думка, 1988. С. 36–59.
24. Петровский В.А., Труфанов А.А. Средневековый христианский комплекс к западу от Баклы по материалам раскопок 1993–1994 гг. // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма / Ред.-сост. Ю.М. Могаричев, И.Н. Храпунов. Симферополь: Таврия, 1995. С. 136–142.
25. Прокопенко Ю.А., Чаплыгина С.Ф. Центральное Предкавказье в пространстве влияния Великого шелкового пути и других транскавказских торговых магистралей в V – начале XIII в. Ставрополь: Печатный Двор, 2017. 272 с.

26. Равдина Т.В. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. М.: Наука, 1988. 152 с.
27. Репников Н.И. Подъемная дорога Эски-Кермена (извлечения из дневника зачисток 1928, 1929, 1831 и 1933 гг.) // ИГАИМК. 1935. Вып. 117. С. 18–42.
28. Репников Н.И. Отчет о работах на Эски-Кермене в 1936 г. // Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1, 1936. Д. 268. Л. 1–23.
29. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Часть 2. Екатеринбург: Уральский университет, 1995. 110 с.
30. Руденко К.А. Булгарское серебро. Казань: Заман, 2015. 528 с.
31. Рыбина Е.А., Розенфельдт Р.Л. Гребни, расчески // Археология. Древняя Русь. Быт и культура / Ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М.: Наука, 1977. С. 19–22.
32. Седова М.В. Украшения из меди и сплавов // Археология. Древняя Русь. Быт и культура / Ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М.: Наука, 1977. С. 63–79.
33. Сокольский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1971. 288 с. (МИА. № 178).
34. Тесленко И.Б. Изделия из металла, стекла и камня // Древности Семидворья I. Средневековый двухапсидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым): исследования и материалы. Киев, 2015. С. 219–224. (Археологический альманах. № 32).
35. Туаллагов А.А. Гребни из древних и средневековых погребений кочевников Северного Кавказа и Северного Причерноморья // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева. 2007. № 1(40). С. 5–16.
36. Турова Н.П. Полевые и историко-архивные материалы «Симеизского склепа 1955 г.» в фондах Ялтинского историко-литературного музея // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 118–146.
37. Феофраст. Исследования о растениях / Пер. с древнегреч. и примеч. М.Е. Сергеевко. Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 591 с.
38. Шнайдер С.Л., Борейко В.Е., Стеценко Н.Ф. 500 выдающихся деревьев Украины. Киев: Государственная служба заповедного дела Минприроды Украины, 2011. 204 с.
39. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 258 с. (МИА. № 17).
40. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. 164 с.
41. Abd Ar-Raziq A. Les peignes égyptiens dans l'art de l'Islam // Syria. 1972. T. 49, fasc. 3–4. P. 399–412.
42. Bass G.F., Matthews Sh., Steffy J.R., van Doorninck Jr.F. Serçe Limani: An Eleventh-Century Shipwreck. Vol. I: The Ship and its Anchorage, Crew and Passengers. Texas: University Press, 2004. 592 p.
43. Davidson G.R. Corinth XII. The Minor Objects. Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1952. 366 p.
44. Die Hausbücher der Nürnberger Zwölfbrüderstiftungen. Mendel II [Электронный ресурс]. URL: <https://hausbuecher.nuernberg.de/index.php?do=page&mo=2>
45. Draelants I. Poux, puces et punaises chez les naturalistes du XIIIe siècle: de simples vermes ou des parasites nuisibles? // Poux, puces, punaises, la vermine de l'homme. Découverte, descriptions et traitements: Antiquité, Moyen Âge, Époque Moderne / Eds. F. Collard, E. Samama. Paris: l'Harmattan, 2015. P. 195–226.
46. Everyday Life in Byzantium / Ed. D. Papanikola-Bakirtzi. Athens, 2002. 600 p.
47. Horak U. Holzkämme mit Kreuzen // Christliches mit Feder und Faden. Nilus. Studien zur Kultur Ägyptens und des Vorderen Orients. Bd. 3. Wien, 1999. S. 65–69.
48. Ierusalimskaja A.A. Die Gräber der Moščevaja Balka. Frühmittelalterliche Funde an der Nordkaukasischen Seidenstrasse. München, 1996. 338 S.
49. Gökçay M.M. Yenikapı Kazisi Ahşap Buluntuları // Byzas. 2012. 15. P. 137–146.
50. Günsenin N. La typologie des amphores Günsenin une mise au point nouvelle // Anatolia Antiqua. 2018. XXVI. P. 89–124.
51. Mille P. Les peignes de toilette en bois à double endenture du Xe au XVIIe siècle en Europe occidentale: un marqueur chronologique exceptionnel // Archéologie Médiévale. 2008. T. 38. P. 41–60.

52. Mille P., Couderc A., Fouillet N., Moine B., Yvernault F. Les bois et les objets composites (bois-métal) de la fouille du parking Anatole France à Tours (Indre-et-Loire) // *Revue archéologique du Centre de la France*. 2014. T. 53. P. 1–67.
53. Mumcuoglu K.Y. Human lice: *Pediculus* and *Pthirus* // *Paleomicrobiology: Past Human Infections* / Eds. D. Raoult, M. Drancourt. Berlin, Heidelberg: Springer Verlag, 2008. P. 215–222.
54. Schilde Ph. Troyes explore son passé médiévale // *L'aube nouvelle*. 2011. No. 75. P. 16–19.

REFERENCES

1. Adaksina S.B., Kirilko V.P., Myts V.L. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiax srednevekovoi kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2004 godu*. St-Petersburg, Simferopol, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2005, 191 p.
2. Aibabin A.I. Osnovnye etapy istorii gorodishcha Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1991, Vol. II, pp. 43–51.
3. Aibabin A.I. Step' i Iugo-Zapadnyi Krym. Makarova T.I., Pletneva S.A. (Eds.), *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia: IV–XIII vv.*, Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 74–81.
4. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. 1 (Raskopki 1977, 1982–1984 gg.)*. Simferopol, Kerch, ADEF-Ukraina Publ., 2008, 336 p.
5. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Pozdnesrednevekoviaia chasovnia na plato Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, Vol. XVII, 2011, pp. 422–457.
6. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Predmety khristianskogo kul'ta iz raskopok 2003–2008 godov na gorodishche Eski-Kermen. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, St-Petersburg, 2013, T. LXIX, pp. 7–21.
7. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Plitovye mogily XIV v. na plato Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, Vol. XXIV, 2019, pp. 250–276.
8. Vikhrov V.E., Kolchin B.A. Iz istorii trgovli Drevnego Novgoroda. *Sovetskaia arkheologiya*, 1955, XXIV, pp. 93–97.
9. *Geoniki. Vizantiiskaia sel'skokhoziaistvennaia entsiklopediia X veka. O rasteniiakh: traktat Al'berta Velikogo*. Riazan, Aleksandriia Publ., 2006, 560 p.
10. Golofast L.A. Remesla i promysly Khersona v XIII v. (po nakhodkam iz sloia pozhara). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2008, Vol. XIV, pp. 345–384.
11. Golofast L.A., Ryzhov S.G. Raskopki kvartala X v severnom raione Khersonesa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2003, Vol. X, pp. 182–260.
12. Sokolov S.Ia. (Ed.), *Derev'ia i kustarniki SSSR*. Moscow, Leningrad, Akademiia nauk SSSR, 1958, T. IV, 975 p.
13. Zevakin E.S., Penchko N.A. Ocherki po istorii genuezskikh kolonii na Zapadnom Kavkaze v XIII i XV vv. *Istoricheskie zapiski*, Moscow, 1938, T. 3, pp. 72–129.
14. Zelenko S.M., Morozova Ia. Dereviannye grebni s korablekrusheniia v bukhte Novogo Sveta (Krym). *Voprosy podvodnoi arkheologii*, Moscow, 2011, No. 2, pp. 5–20.
15. Ierusalimskaia A.A. *Moshchevaia Balka: neobychnyi arkheologicheskii pamiatnik na Severokavkazskom shelkovom puti*. St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2012, 384 p.
16. Kondrat'eva O.A. *Grebni IX–XIX vv. v bytu, obriadakh, fol'klоре, remesle i khudozhestvennom tvorchestve Drevnei Rusi – Rossii*. St-Petersburg, Rossiiskii etnograficheskii muzei Publ., 2011, 243 p.
17. Konovalova I.G. *Vostochnaia Evropa v sochineniiax arabskikh geografov XIII–XIV vv.* Moscow, Vostochnaia literatura RAN Publ., 2009, 222 p.
18. Maiko V.V. Sudakskie sklepy. Pozdnyi gorizont pogrebenii. *Sudakskii sbornik*, Kiev, Sudak, 2010, Vol. IV, pp. 113–128.
19. Maiko V.V. *Vostochnyi Krym vo vtoroi polovine X–XII vv.* Kiev, Vidavets' Oleg Filiuk Publ., 2014, 466 p.
20. Makarova T.I. Arkheologicheskie raskopki v Kerchi okolo tserkvi Ioanna Predtechi. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1998, Vol. VI, pp. 344–393.
21. Makheva O.A. O plitovykh mogil'nikakh srednevekovogo Kryma. Dombrovskii O.I. (Ed.), *Arkheologicheskie issledovaniia srednevekovogo Kryma*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1968, pp. 155–168.

22. Zalesskaia V., Iashaeva T., Rabinovits A. (Eds.), *Nasledie Vizantiiskogo Khersona*. Sevastopol, Ostin, Teleskop Publ., Institut klassicheskoi arkheologii Tekhasskogo universiteta Publ., 2011, 708 p.
23. Parshina E.A. Eski-Kermenskaia bazilika. Bibikov S.N. (Ed.), *Arkhiturno-arkheologicheskie issledovaniia v Krymu*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1988, pp. 36–59.
24. Petrovskii V.A., Trufanov A.A. Srednevekovi khristsianskii kompleks k zapadu ot Bakly po materialam raskopok 1993–1994 gg. Mogarichev Iu.M., Khrapunov I.N. (Eds.), *Problemy arkheologii drevnego i srednevekovogo Kryma*, Simferopol, Tavriia Publ., 1995, pp. 136–142.
25. Prokopenko Iu.A., Chaplygina S.F. *Tsentral'noe Predkavkaz'e v prostranstve vliianiia Velikogo shelkovogo puti i drugikh transkavkazskikh torgovykh magistralei v V – nachale XIII v.* Stavropol, Pechatnyi Dvor Publ., 2017, 272 p.
26. Ravdina T.V. *Pogrebeniia X–XI vv. s monetami na territorii Drevnei Rusi*. Moscow, Nauka Publ., 1988, 152 p.
27. Repnikov N.I. Pod"emnaia doroga Eski-Kermena (izvlecheniia iz dnevnika zachistok 1928, 1929, 1831 i 1933 gg.). *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury*, 1935, Vol. 117, pp. 18–42.
28. Repnikov N.I. Otchet o rabotakh na Eski-Kermene v 1936 g. *Rukopisnyi arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury RAN*, F. 2, Op. 1, 1936, D. 268, L. 1–23.
29. Romanchuk A.I., Sazanov A.V., Sedikova L.V. *Amfory iz kompleksov vizantijskogo Hersona. Chast' 2*. Ekaterinburg, Ural'skij universitet Publ., 1995, 110 p.
30. Rudenko K.A. *Bulgarskoe srebro*. Kazan, Zaman Publ., 2015, 528 p.
31. Rybina E.A., Rozenfel'dt R.L. Grebni, rascheski. Kolchin B.A., Makarova T.I. (Eds.), *Arkheologiia. Drevniia Rus'. Byt i kul'tura*, Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 19–22.
32. Sedova M.V. Ukrasheniia iz medi i splavov. Kolchin B.A., Makarova T.I. (Eds.), *Arkheologiia. Drevniia Rus'. Byt i kul'tura*, Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 63–79.
33. Sokol'skij N.I. *Derevoobratyvjajushhee remeslo v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ja*. Moscow, Nauka Publ., 1971, 288 p.
34. Teslenko I.B. Izdeliia iz metalla, stekla i kamnia. *Drevnosti Semidvor'ia I. Srednevekovi dvukhapsidnyi khran v urochishche Edi-Evler (Alushta, Krym): issledovaniia i materialy*, Kiev, 2015, pp. 219–224.
35. Tuallagov A.A. Grebni iz drevnikh i srednevekovykh pogrebenii kochevnikov Severnogo Kavkaza i Severnogo Prichernomor'ia. *Izvestiia Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovanii im. V.I. Abaeva*, 2007, No. 1(40), pp. 5–16.
36. Turova N.P. Polevye i istoriko-arkhivnye materialy «Simeizskogo sklepa 1955 g.» v fondakh Ialtinskogo istoriko-literaturnogo muzeia. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2014, Vol. XIX, pp. 118–146.
37. Feofrast. *Issledovaniia o rasteniakh*. Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1951, 591 p.
38. Shnaider S.L., Boreiko V.E., Stetsenko N.F. *500 vydaiushchikhsia derev'ev Ukrainy*. Kiev, Gosudarstvennaia sluzhba zapovednogo dela Minprirody Ukrainy Publ., 2011, 204 p.
39. Iakobson A.L. *Srednevekovi Khersones (XII–XIV vv.)*. Moscow, Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1950, 258p.
40. Iakobson A.L. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovi Tavriki*. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 164 p.
41. Abd Ar-Raziq A. Les peignes égyptiens dans l'art de l'Islam. *Syria*, 1972, T. 49, fasc. 3–4, pp. 399–412.
42. Bass G.F., Matthews Sh., Steffy J.R., van Doorninck Jr.F. *Serçe Limani: An Eleventh-Century Shipwreck. Vol. I: The Ship and its Anchorage, Crew and Passengers*. Texas, University Press, 2004, 592 p.
43. Davidson G.R. *Corinth XII. The Minor Objects*. Princeton, American School of Classical Studies at Athens, 1952, 366 p.
44. *Die Hausbücher der Nürnberger Zwölfbrüderstiftungen. Mendel II*. URL: <https://hausbuecher.nuernberg.de/index.php?do=page&mo=2>
45. Draelants I. Poux, puces et punaises chez les naturalistes du XIIIe siècle: de simples vermes ou des parasites nuisibles? Collard F., Samama E. (Eds.), *Poux, puces, punaises, la vermine de l'homme*.

- Découverte, descriptions et traitements: Antiquité, Moyen Âge, Époque Moderne*, Paris, l'Harmattan Publ., 2015, pp. 195–226.
46. Papanikola-Bakirtzi D. (Ed.), *Everyday Life in Byzantium*. Athens, 2002, 600 p.
47. Horak U. Holzkämme mit Kreuzen. *Christliches mit Feder und Faden. Nilus. Studien zur Kultur Ägyptens und des Vorderen Orients*, Bd. 3, Wien, 1999, pp. 65–69.
48. Ierusalimskaja A.A. *Die Gräber der Moščevaja Balka. Frühmittelalterliche Funde an der Nordkaukasischen Seidenstrasse*. München, 1996, 338 p.
49. Gökçay M.M. Yenikapi Kazisi Ahşap Buluntulari. *Byzas*, 2012, No. 15, pp. 137–146.
50. Günsenin N. La typologie des amphores Günsenin une mise au point nouvelle. *Anatolia Antiqua*, 2018, XXVI, pp. 89–124.
51. Mille P. Les peignes de toilette en bois à double endenture du Xe au XVIIe siècle en Europe occidentale: un marqueur chronologique exceptionnel. *Archéologie Médiévale*, 2008, T. 38, pp. 41–60.
52. Mille P., Couderc A., Fouillet N., Moine B., Yvernault F. Les bois et les objets composites (bois-métal) de la fouille du parking Anatole France à Tours (Indre-et-Loire). *Revue archéologique du Centre de la France*, 2014, T. 53, pp. 1–67.
53. Mumcuoglu K.Y. Human lice: Pediculus and Pthirus. Raoult D., Drancourt M. (Eds.), *Paleomicrobiology: Past Human Infections*, Berlin, Heidelberg, Springer Verlag, 2008, pp. 215–222.
54. Schilde Ph. Troyes explore son passé médiévale. *L'aube nouvelle*, 2011, No. 75, pp. 16–19.

Информация об авторе

Хайрединова Э. А. – кандидат исторических наук, заведующая Отделом средневековой археологии Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: Y-5905-2019.

Information about the author

Khairedinova E. A. – Candidate of Science (History), Head of the Mediaeval Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: Y-5905-2019.

ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВЕСИНЫ ГРЕБНЯ ДЛЯ ВОЛОС ИЗ РАСКОПОК ГОРОДИЩА НА ПЛАТО ЭСКИ-КЕРМЕН

**Виктор Михайлович Пожидаев¹, Анастасия Юрьевна Лобода²,
Андрей Владимирович Камаев³, Екатерина Борисовна Яцишина⁴**

Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», Москва, Россия

¹ *pojidaev2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5916-4374>*

² *lobodaau@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4926-1140>*

³ *avkamaev54@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1839-6093>*

⁴ *yatsishina_eb@nrcki.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7652-7253>*

Аннотация. В работе представлены результаты определения породы и возраста древесины, из которой был изготовлен гребень для волос, обнаруженный в плитовой могиле на городище на плато Эски-Кермен в 2019 г. Предположительно, гребень был изготовлен из древесины самшита. Для сравнительного исследования записывались ИК-спектры древесины гребня и образца современного самшита. Для более достоверной идентификации образцы древесины гребня и современного самшита анализировали методом газовой хроматографии – масс-спектрометрии. Проведенные исследования показали, что гребень был изготовлен из самшита и датирован второй половиной XIII – серединой XIV в.

Ключевые слова: гребень, древесина, ИК-спектроскопия, газовая хроматография, масс-спектрометрия

A STUDY OF THE WOOD OF A HAIR COMB EXCAVATED AT THE ANCIENT TOWN ATOP ESKI-KERMEN PLATEAU

**Victor M. Pojidaev¹, Anastasia Yu. Loboda², Andrey V. Kamaev³,
Ekaterina B. Yatsishina⁴**

² National Research Center “Kurchatov Institute”, Moscow, Russia

¹ *pojidaev2006@yandex.ru*

² *lobodaau@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4926-1140>*

³ *avkamaev54@yandex.ru*

⁴ *yatsishina_eb@nrcki.ru*

Abstract. This paper presents the results of the determination of the species and age of the wood used to make a hair comb discovered in a slabbed grave in the ancient town atop Eski-Kermen plateau in 2019. Presumably, the comb under study was made of boxwood. IR-spectres of the wood of the comb and a sample of modern boxwood have been recorded as the background for comparative research. The samples of wood of the comb and modern boxwood have been analysed with gas chromatography – mass spectrometry method to get more reliable identification. The research undertaken has shown that the comb in question was made of boxwood, dating from the second half thirteenth to mid-fourteenth century.

Keywords: comb, wood, IR-spectroscopy, gas chromatography, mass spectrometry

В 2019 г. в ходе археологических раскопок средневекового городища на плато Эски-Кермен под руководством А. И. Айбабина и Э. А. Хайрединовой, в гробнице 6/2019, расположенной в притворе однонефного храма из квартала 2, обнаружен частично фрагментированный двусторонний деревянный гребень (подробное описание находки, археологического контекста и аналогий см. в статье Э. А. Хайрединовой в данном выпуске).

Фрагмент гребня был исследован в лаборатории НИЦ «Курчатовский институт» с целью определения породы древесины изделия, а также установления возраста материала гребня методом ИК-спектроскопии по методике, разработанной в этой лаборатории.

Исследования новгородских деревянных гребней высокой степени сохранности, проводившиеся в 1950-х гг. В. Е. Вихровым и Б. А. Колчиным, показали, что подавляющая часть изделий была выполнена из самшита, так называемого железного дерева [1]. По этой причине в качестве сопоставительного материала для исследования был отобран образец древесины современного самшита вечнозеленого (*Buxus sempervirens*).

На первом этапе проводили сравнительное исследование древесины методом ИК-спектроскопии однократного нарушенного полного внутреннего отражения. ИК-спектры записывали на ИК-Фурье спектрофотометре Nicolet iS5 (Thermo Fisher Scientific, США) с приставкой нарушенного полного внутреннего отражения iD5 ATR (кристалл – алмаз). Спектральный диапазон 4000–550 см⁻¹, спектральное разрешение 4 см⁻¹, число сканов 32. Регистрацию и обработку спектров проводили с использованием штатного программного обеспечения прибора (Omnis 8.2).

Спектры образцов древесины гребня и современного самшита приведены на рисунке 1.

Основные полосы поглощения, исследованных образцов древесины, а также их отнесение колебаниям соответствующих функциональных групп и связей, выполненное на основе данных [2, с. 85; 3, с. 45; 4, с. 86; 5, с. 10; 7, с. 87; 8, с. 772; 9, р. 61; 10, р. 578], представлены в таблице 1.

Анализируя экспериментальные данные по спектральному исследованию образцов древесины гребня и современного самшита (рис. 2), можно отметить, что исследованные образцы имеют хорошее совпадение по положению и интенсивности основных полос поглощения. Это позволяет предположить, что гребень изготовлен из древесины самшита.

Для более достоверной идентификации образцы древесины анализировали методом газовой хроматографии – масс-спектрометрии (ГХ-МС). Для этого, исследуемые образцы древесины (около 100 мг) экстрагировали на ультразвуковой бане (20 мин, 60°C) 3 мл смеси растворителей (хлороформ-метанол, 2:1). Полученную взвесь центрифугировали в течение 15 мин при 4000 об/мин, надосадочную жидкость переносили в испарительную чашку и удаляли растворитель при комнатной температуре до сухого остатка. Сухой остаток дериватизовали метанолом в присутствии ацетилхлорида по методике, описанной нами ранее [6, с. 589].

Дериватизованные образцы анализировали на газовом хроматографе HP 6890 с масс-спектрометрическим детектором MSD 5975 фирмы Agilent Technologies. Усло-

вия хроматографирования: колонка капиллярная HP-5ms длиной 30 м и внутренним диаметром 0.25 мм, толщина пленки неподвижной фазы 0.25 мкм. Температурная программа колонки: начальная температура 80°C, выдержка 4 мин; программирование температуры от 80 до 280°C со скоростью 4 град/мин. Выдержка при конечной температуре 10 мин. Газ-носитель – гелий, 1 мл/мин, деление потока 1:10. Температура инжектора 280°C, интерфейса детектора 280°C. Объем пробы 1 мкл. Детектирование проводили в режиме сканирования по полному ионному току.

Хроматограммы экстрактов образцов древесины гребня и современного самшита приведены на рисунке 2.

Идентификацию соединений осуществляли по масс-спектрам банка данных NIST 14 2014/EPA/NIH. Результаты идентификации основных соединений в экстрактах образцов древесины представлены в таблице 2.

По результатам хромато-масс-спектрометрического исследования можно отметить, что на хроматограмме экстракта древесины гребня обнаруживается ряд основных соединений, которые присутствуют на хроматограмме экстракта современного самшита. Это подтверждает вывод о том, что представленный археологический гребень для волос изготовлен из древесины самшита.

Определение возраста древесины гребня было проведено методом ИК-спектроскопии. Анализ спектров проводился по методике, разработанной в НИЦ «Курчатовский институт».

Составными частями древесины являются целлюлоза и лигнин – природные полимеры, имеющие в своей структуре мономерные звенья с различными функциональными группами. При длительных захоронениях целлюлоза и лигнин древесины подвержены деградации. Это сопровождается изменением интенсивности полос поглощения в ИК-спектрах. Функциональные группы, содержащие С-С и С-Н связи (стабильные) практически не подвержены деградации со временем, поэтому интенсивность их полос поглощения не изменяется. Функциональные группы, имеющие в своей структуре ненасыщенные связи С=О, С=C (лабильные), со временем разрушаются и интенсивность полос поглощения их со временем уменьшается. Отношение интенсивностей стабильной и лабильной полос поглощения является функцией времени и может использоваться для датировки древней древесины.

В качестве лабильной полосы поглощения была выбрана полоса 1730-1750 см⁻¹ (С=О – валентные колебания в кетонах и альдегидах, карбоксильных и сложноэфирных группах). В качестве стабильных полос поглощения были выбраны полосы: 2920-2940 см⁻¹ (С-Н – валентные колебания в метиленовых группах) и 1590-1605 см⁻¹ (С-С-валентные колебания ароматического кольца). Для датировки древесины строили две диаграммы: в координатах: ось абсцисс – тангенс угла между максимумами полос поглощения 1700/1600 и 1700/2900 см⁻¹, ось ординат – возраст древесины. Таким образом, определяли временной промежуток от настоящего времени до момента сруба древесного ствола.

На диаграмме, построенной с использованием тангенса угла между максимумами полос поглощения 1700 и 1600 см⁻¹, возраст археологической находки составил

670 лет; на диаграмме с использованием тангенса угла между максимумами полос поглощения 1700 и 2900 см^{-1} возраст артефакта составил 680 лет. Чтобы определить возраст археологической находки в «обиходном» смысле, значение возраста древесины, полученное по диаграммам в координатах тангенс угла между максимумами поглощения полос, вычитали из сегодняшней даты: $2020-670=1350$ и $2020-680=1340$ годы. Таким образом, было определено, что древесина самшитового гребня, с учетом доверительного интервала метода определения, имеет датировку 1345 ± 100 лет (вторая половина XIII – первая половина XIV века).

Таблица 1. Основные полосы поглощения в ИК-спектрах образцов самшита и древесины гребня, найденного в городище на плато Эски-Кермен и колебания соответствующих функциональных групп и связей

Волновые числа, см^{-1}		Отнесение полос поглощения
Гребень	Самшит	
3347	3340	Валентные колебания гидроксильных групп фенолов (связанных межмолекулярными водородными связями)
2935	2897	Валентные колебания С-Н связей в метильных и метиленовых группах
1731	1733	Валентные колебания С=О связей в несопряженных кетонах, карбонильных соединениях и в сложноэфирных группах
1631	1643	Валентные колебания С=О связи пара-замещенных фенолов G-колец лигнинов с одной -ОСН ₃ группой
1594	1593	Валентные колебания С=О связи пара-замещенных фенолов S-колец лигнинов с двумя -ОСН ₃ группами
1507	1505	Скелетные колебания С-С связей ароматического сиригильного кольца
1459	1458	Деформационные антисимметричные колебания С-Н связей в метильных группах и деформационные ножничные колебания в метиленовых группах
1420	1421	Скелетные колебания ароматических С-С-связей в сочетании с плоскостными деформационными колебаниями С-Н связей
1374	1369	Деформационные симметричные колебания С-Н связей в СН ₃ группах, кроме колебаний в ОСН ₃ группах; деформационные колебания фенольного ОН
1329	1326	Скелетные колебания С-С связей S-кольца плюс колебания конденсированного G-кольца (колебания G-кольца, замещенного в положении 5)
1264	1264	Скелетные колебания G-кольца плюс деформационные колебания С=О связи
1228	1233	Скелетные колебания С-С связей S-колец лигнинов и валентные колебания С-О в фенолах сиригильных структурных единиц
1035	1031	Деформационные плоскостные колебания связей С-Н в ароматическом кольце
898	897	Деформационные внеплоскостные колебания связей С-Н в S и G ароматическом кольце

Таблица 2. Идентификация основных соединений в экстрактах древесины гребня и самшита методом ГХ-МС

№ п/п	Время удержи- вания, мин	Соединение	Относительное содержание, %	
			Гребень	Самшит
1	23,9	Тетрадекановая кислота, метиловый эфир	5,8	1,1
2	26,1	Пентадекановая кислота, метиловый эфир	3,8	3,6
3	27,7	Гексадеценная (9) кислота, метиловый эфир	7,1	3,1
4	28,3	Гексадекановая кислота, метиловый эфир	25,7	12,1
5	31,6	Октадекадиеновая (9,12) кислота, метиловый эфир	4,6	14,9
6	31,7	Октадеценная (9) кислота, метиловый эфир	9,5	12,2
7	32,2	Октадекановая кислота, метиловый эфир	9,6	3,4
8	34,6	Гексадекандиовая кислота, диметиловый эфир	2,3	7,0
9	35,8	Эйкозановая кислота, метиловый эфир	2,6	1,6
10	37,5	Генэйкозановая кислота, метиловый эфир	1,4	2,5
11	39,2	Докозановая кислота, метиловый эфир	5,6	10,6
12	41,2	Неидентифицированное	2,3	3,5
13	42,3	Тетракозановая кислота, метиловый эфир	7,5	3,3
14	43,4	Неидентифицированное	6,4	5,8
15	44,2	Гексакозановая кислота, метиловый эфир	2,3	4,3
16	47,7	Неидентифицированное	2,1	2,5
17	52,7	Докозандиовая кислота, диметиловый эфир	3,1	7,1

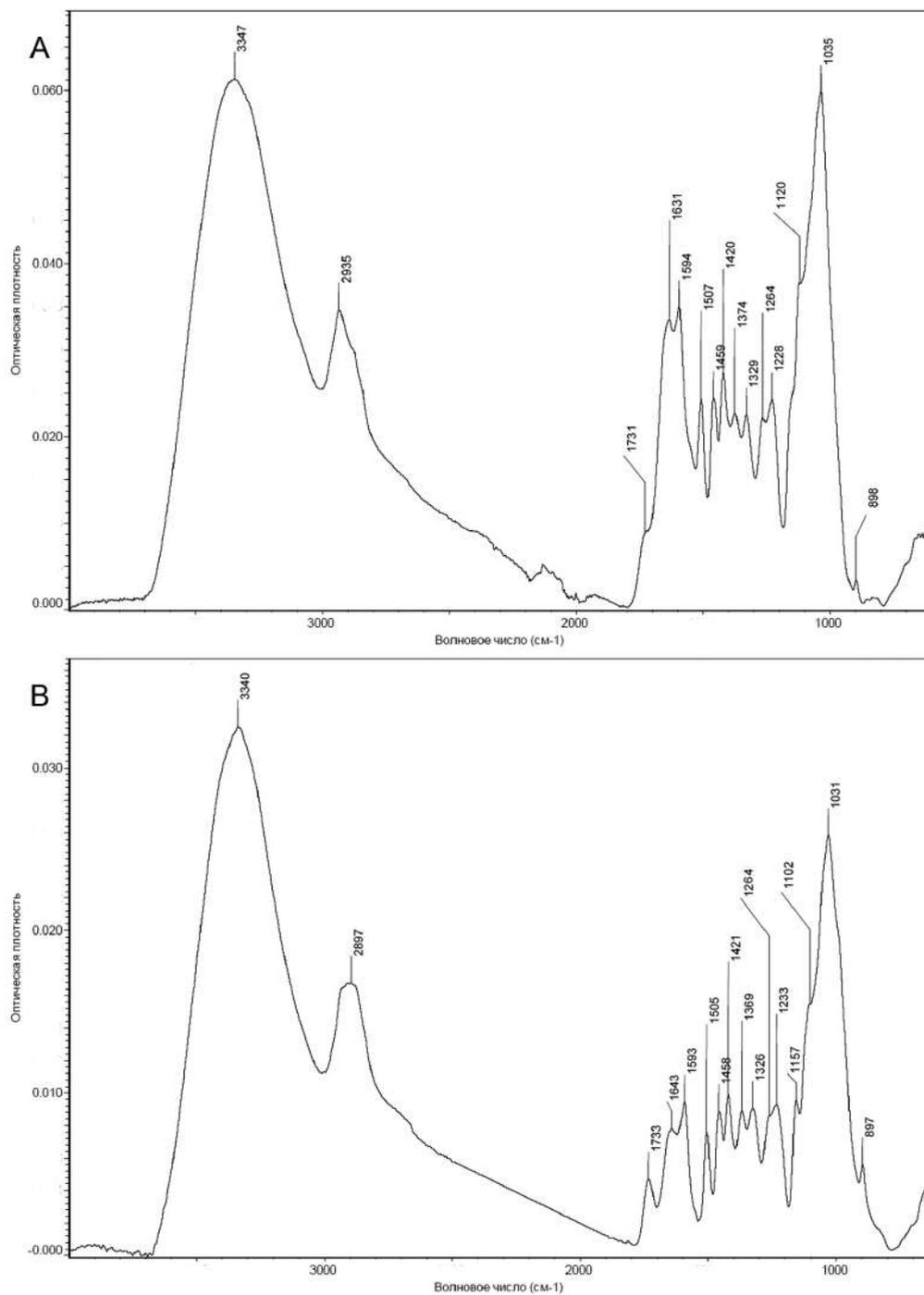

Рис. 1. ИК-спектры древесины гребня для волос (А) и древесины современного самшита (В)

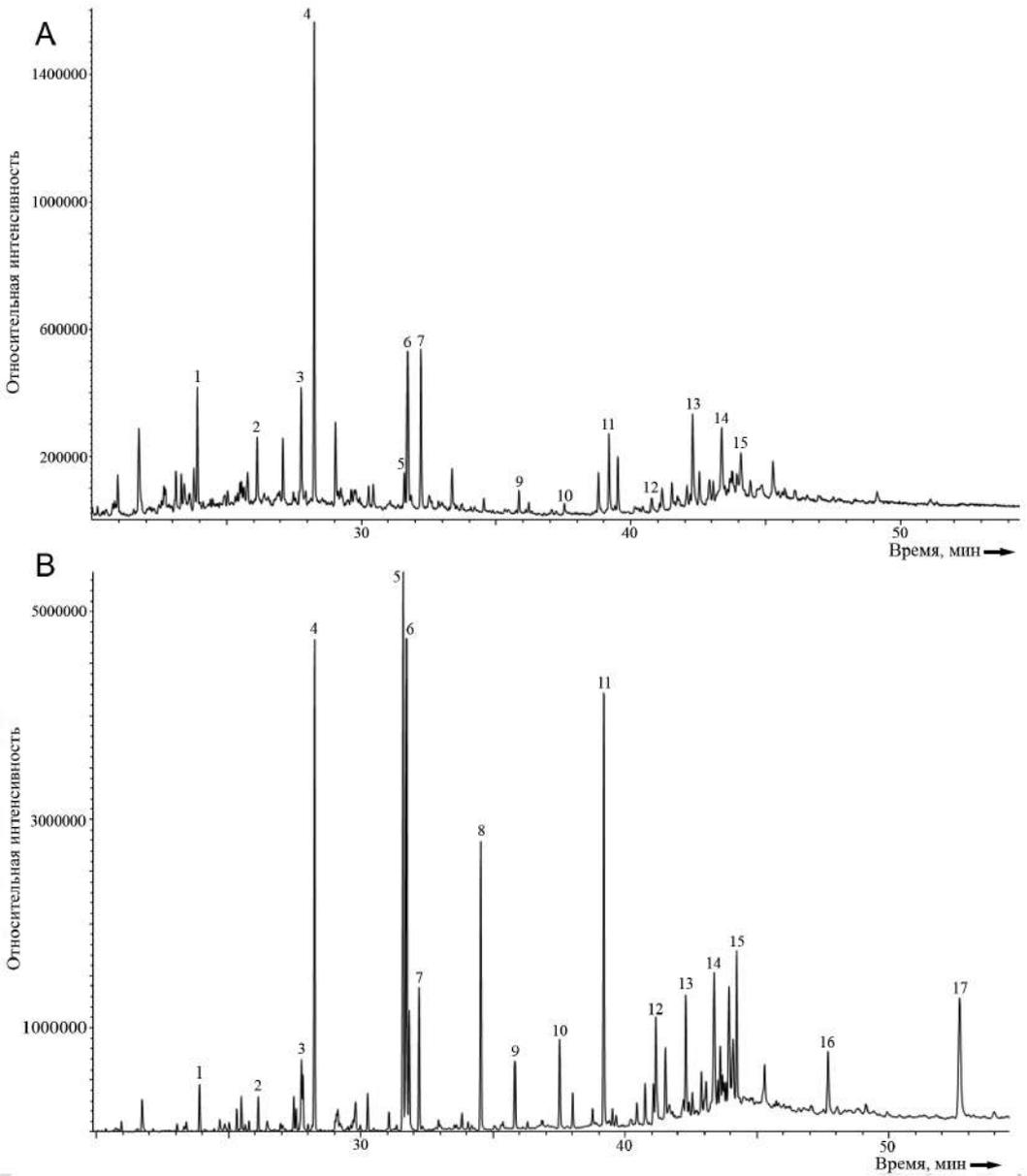

Рис. 2. Хроматограммы экстрактов древесины гробня (А) и современного самшита (В). Отнесение пиков приведено в Таблице 2

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вихров В.Е., Колчин Б.А. Из истории торговли древнего Новгорода // СА. 1956. XXIV. С. 93–98.
2. Карклин В.Б., Охерина Е.Э. ИК-спектроскопия древесины и ее основных компонентов // Химия древесины. 1975. № 4. С. 49.
3. Карклин В.Б., Трейманис А.П., Громов В.С. ИК-спектроскопия древесины и ее основных компонентов // Химия древесины. 1975. № 2. С. 45.
4. Карклин В.Б., Эйдус Я.А., Крейцберг З.Н. ИК-спектроскопия древесины и ее основных компонентов // Химия древесины. 1977. № 4. С. 86.
5. Карклин В.Б., Якобсон М.К., Столдере И.А. ИК-спектроскопия древесины и её основных компонентов // Химия древесины. 1975. № 3. С. 100.
6. Пожидаев В.М., Сергеева Я.Э., Камаев А.В. Хромато-масс-спектрометрическое исследование археологического артефакта // Журнал аналитической химии. 2017. Т. 72. № 6. С. 589.
7. Хвиюзов С.С., Боголицын К.Г., Гусакова М.А., Зубов И.Н. Оценка содержания лигнина в древесине методом ИК Фурье-спектроскопии // Фундаментальные исследования. 2015. № 9. Часть 1. С. 87.
8. Chen H., Ferrari C., Angiuli M., Yao J., Raspi C., Bramanti E. Qualitative and quantitative analysis of wood samples by Fourier transform infrared spectroscopy and multivariate analysis // Carbohydrate Polymers. 2010. Vol. 82. No. 3. P. 772.
9. Derkacheva O., Sukhov D. Investigation of lignins by FTIR spectroscopy // Macromolecular Symposia. 2008. Vol. 265. No. 1. P. 61.
10. Methods in Lignin Chemistry / Eds. S.Y. Lin, C.W. Dence. Berlin, Heidelberg: Springer Verlag, 1992. 578 p.

REFERENCES

1. Vihrov V.E., Kolchin B.A. Iz istorii trgovli drevnego Novgoroda. *Sovetskaja arheologija*, 1956, XXIV, pp. 93–98.
2. Karklin' V.B., Oherina E.Je. IK-spektroskopija drevesiny i ee osnovnyh komponentov. *Himija drevesiny*, 1975, No. 4, p. 49.
3. Karklin' V.B., Trejmanis A.P., Gromov B.C. IK-spektroskopija drevesiny i ee osnovnyh komponentov. *Himija drevesiny*, 1975, No. 2, p. 45.
4. Karklin' V.B., Jejduс Ja.A., Krejсberg Z.N. IK-spektroskopija drevesiny i ee osnovnyh komponentov. *Himija drevesiny*, 1977, No. 4, p. 86.
5. Karklin' V.B., Jakobson M.K., Stoldere I.A. IK-spektroskopija drevesiny i ejo osnovnyh komponentov. *Himija drevesiny*, 1975, No. 3, p. 100.
6. Pozhidaev V.M., Sergeeva Ja.Je., Kamaev A.V. Hromato-mass-spektrometricheskoe issledovanie arheologicheskogo artefakta. *Zhurnal analiticheskoy himii*, 2017, T. 72, No. 6, p. 589.
7. Hvijuzov S.S., Bogolicyn K.G., Gusakova M.A., Zubov I.N. Ocenka sodержanija lignina v drevesine metodom IK Fur'e-spektroskopii. *Fundamental'nye issledovanija*, 2015, No. 9, Part 1, p. 87.
8. Chen H., Ferrari C., Angiuli M., Yao J., Raspi C., Bramanti E. Qualitative and quantitative analysis of wood samples by Fourier transform infrared spectroscopy and multivariate analysis. *Carbohydrate Polymers*, 2010, Vol. 82, No. 3, p. 772.
9. Derkacheva O., Sukhov D. Investigation of lignins by FTIR spectroscopy. *Macromolecular Symposia*, 2008, Vol. 265, No. 1, p. 61.
10. Lin S.Y., Dence C.W. (Eds.), *Methods in Lignin Chemistry*. Berlin, Heidelberg, Springer Verlag, 1992, 578 p.

Информация об авторах

Пожидаев В. М. – кандидат химических наук, старший научный сотрудник, главный специалист отдела биотехнологий и биоэнергетики КК НБИКС-природоподобных технологий НИЦ «Курчатовский институт».

Лобода А. Ю. – ведущий специалист лаборатории естественнонаучных методов в гуманитарных науках НИЦ «Курчатовский институт», Researcher ID: U-4725-2017.

Камаев А. В. – научный сотрудник Ресурсного центра КК НБИКС-природоподобных технологий НИЦ «Курчатовский институт».

Яцишина Е. Б. – кандидат философских наук, заведующая лабораторией естественно-научных методов в гуманитарных науках НИЦ «Курчатовский институт», Researcher ID: AAX-1228-2020.

Information about the authors

Pojidaev V. M. – Candidate of Science (Chemistry), Senior Researcher, Chief Specialist of Department of Biotechnology and Bioenergy КК NBIKS-nature-like technologies of the National Research Center Kurchatov Institute.

Loboda A. Yu. – Leading Specialist of the Laboratory of Natural Science Methods in the Humanities of the National Research Center Kurchatov Institute, Researcher ID: U-4725-2017.

Kamaev A. V. – Researcher of Resource center КК NBIKS-nature-like technologies of the National Research Center Kurchatov Institute.

Yatsishina E. B. – Candidate of Science (Philosophy), Head of the Laboratory of Natural Science Methods in the Humanities of the National Research Center Kurchatov Institute, Researcher ID: AAX-1228-2020.

ОДНОКУПОЛЬНЫЕ МЕЧЕТИ В КРЫМСКОМ ХАНСТВЕ

Эмма Давидовна Зиливинская

*Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, Москва, Россия,
eziliv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3485-0359>*

Аннотация. Целью данной работы является обзор и анализ архитектурных особенностей одной из групп мечетей эпохи Крымского ханства, а именно – однокупольных мечетей. Рассматриваются как сохранившиеся здания, так и известные по рисункам, фотографиям и описаниям. Однокупольные постройки имели простую планировку и состояли из кубического объема, перекрытого куполом. В Крыму однокупольные мечети появляются еще в XIII–XIV вв. Этот тип зданий был принесен из Малой Азии, где они строятся в сельджукский и раннеосманский период в качестве квартальных мечетей. Для Османской империи характерно возведение многокупольных композиций, но однокупольные остаются востребованы. В Крымском ханстве подобную планировку могли иметь небольшие квартальные мечети и пятничные Джума мечети.

Ключевые слова: Крымское ханство, мечети, купольные постройки, Малая Азия, сельджуки, османы, Османская империя

Благодарности: Работа выполнена в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН. Автор приносит благодарность И. В. Зайцеву и А. Г. Герцену за помощь в сборе материала и консультации.

THE SINGLE-DOMED MOSQUES IN THE CRIMEAN KHANATE

Emma D. Zilivinskaya

*Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
eziliv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3485-0359>*

Abstract. This article presents a review and an analysis of architectonic features of a group of mosques from the age of the Crimean khanate, that is the single-domed mosques. The analysis addresses the preserved buildings along with those known from drawings, photographs, and descriptions. The single-domed structures had simple planning comprising a cubic space covered with a dome. The Crimean single-domed mosques appeared in the thirteenth and fourteenth century. This type of buildings was brought from the Asia Minor, where they appeared in the Seljuk and early Ottoman periods as quarter mosques. Although multi-domed buildings were typical in the Ottoman empire, single-domed mosques also appeared widely. In the Crimean Khanate, the similar planning was typical of small quarter mosques and Friday dzhuma mosques.

Keywords: Crimean Khanate, mosques, domed buildings, Asia Minor, Seljuks, Ottomans, Ottoman empire

Acknowledgments: The work was performed in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. The author is grateful to I. V. Zaitsev and A. G. Gertsen for their help in collecting material and for advice.

Мечети являются важнейшими постройками во всех городах мусульманского Востока, и Крымское ханство не являлось исключением из этого правила. Эвлия Челеби, который в 1666–1667 г. путешествовал по землям Крымского ханства и Кефинского эйялета, пишет о том, что «на Крымском острове находится всего двадцать одна тысяча соборных и квартальных мечетей» [22, с. 30]. Несомненно, эта цифра довольно фантастична, однако она свидетельствует о том, что мечетей в Крыму было очень много. Записки Эвлии Челеби являются основным источником для изучения различных сторон жизни в Крыму этого времени. В них путешественник упоминает мечети и прочие святые места, приводит все надписи (*тарихи*) на стенах построек, но архитектуру зданий характеризует весьма скудно. После присоединения Крыма к Российской империи, в конце XVIII – XIX вв. полуостров стал излюбленным местом посещения исследователей и просто любопытствующих путешественников из России и Европы. Сочинения П. С. Палласа, П. И. Сумарокова, А. Н. Демидова, Ф. де Миранда, Дюбуа де Монпере и др. содержат интересные сведения не только о нравах и обычаях обитателей Крыма, но и о его архитектурных памятниках. Дополняют их рисунки и чертежи художников и архитекторов К. Гайслера, М. М. Иванова, В. Гесте, О. Раффе, Р. Хабера, В. О. Руссена, К. Ф. Богаевского и др. [39].

Подлинно научное изучение мусульманских древностей Крыма началось в 20-х гг. XX в., когда была организована экспедиция по изучению культуры крымских татар под руководством И. Н. Бороздина и А. С. Башкирова. Ее участники, среди которых были У. А. Боданинский, О. Н.-А. Акчокраклы, Н. Л. Эрнст, Б. Н. Засыпкин, Е. В. Веймарн, за несколько лет работы обследовали десятки памятников, которые в настоящее время в значительной мере утрачены, и собрали огромный, поистине бесценный материал, большая часть которого лишь сейчас вводится в научный оборот [29; 30; 31; 32]. По результатам работ экспедиции Б. Н. Засыпкиным была написана обобщающая статья «Памятники архитектуры крымских татар», которая не утратила своего значения до наших дней [17]. В результате репрессий 1930-х гг. и обвинений в коллаборационизме крымских татар, закончившихся их депортацией в 1944 г., тема на долгие годы была закрыта. Только в конце XX – начале XXI в. стали появляться работы, в которых авторы пытались собрать воедино и охарактеризовать мусульманские памятники Крыма [6; 27]. Некоторые книги посвящены истории и культуре отдельных городов, например, Евпатории, Феодосии, Бахчисарая [18; 28; 34; 37]. Ряд исследователей активно и углубленно занимается изучением конкретных памятников или групп памятников. Среди них следует упомянуть С. Г. Бочарова, В. П. Кирилко, Э. Э. Османова, Э. И. Сейдалиева. На основе опубликованных в последние годы архивных материалов и корпуса научных статей, можно попытаться сделать обзор культовых архитектурных памятников периода Крымского ханства и проанализировать их архитектурные особенности.

К сожалению, до нашего времени дошли лишь единичные мечети эпохи Крымского ханства. Еще некоторое количество известно по фотографиям, рисункам и описаниям прошлых лет и веков. Тем не менее, несмотря на фрагментарность наших знаний,

можно попытаться проанализировать архитектурные особенности мечетей этого периода. Здания можно разделить на две большие группы. Это купольные мечети и мечети с плоским стропильным перекрытием. В свою очередь, купольные мечети делятся на многокупольные и однокупольные. Обзору последних посвящена данная работа.

Однокупольные мечети имели простую планировку и состояли из основного кубического объема, перекрытого куполом. Простейшим вариантом такой планировки является не сохранившаяся ныне мечеть в селении Карагёз Феодосийского района¹. Мечеть известна по рисункам Ф. Дюбуа де Монпере, В. О. Руссена, К. Ф. Богаевского и неизвестного художника, по фотографиям, хранящимся в архивах Феодосийского и Бахчисарайского музеев, а также в Отделе письменных источников ГИМ [37, с. 64; 34, с. 129, табл. 38, с. 134, рис. 1, с. 203–205; 29, с. 36–40, 31, рис. 468–470, 478, 503–507, 510–512]. Также в фондах БИКАМЗ имеется ее план, снятый, в 20-е гг. XX в. под руководством Б. Н. Засыпкина.

В 20-е гг. XX в. мечеть еще стояла, и Б. Н. Засыпкин дал ее краткое описание: «План в виде правильного квадрата перекрыт куполом на сферических парусах. Общий вид: кубическая форма, переходящая в восьмигранный барабан, который в настоящее время сверху перекрыт шатровой черепичной кровлей. К сев.-вост. углу примыкает минарет, в настоящее время внутри пустой, так как бывшая здесь деревянная лестница выгорела... Внутри мечеть декоративных отделок не сохранила. Михраб представляет из себя гладкую полукруглую нишу, увенчанную коническим полукуполом» [17, с. 146]. Исследователь указывал также на то, что эта мечеть не имеет сходства с мечетью в Судаке. Используя сохранившиеся изображения, можно дополнить описание Б. Н. Засыпкина.

Стены постройки сложены из необработанных камней, но важные конструктивные узлы, такие как углы стен и края дверных проемов, оформлены обработанными блоками. В основании здания лежит квадрат со стороной 12,5 м; его перекрывает купол диаметром 10,5 м (рис. 1,2). Снаружи кубический объем переходит в барабан путем срезания углов, при этом северная, южная, восточная и западная стороны барабана являются продолжением кладки стен нижнего яруса и находятся с ними в одной плоскости. На углах куба образуются уступы, перекрытые невысокими двускатными черепичными крышами. Барабан венчает уплощенный восьмигранный шатер, крытый черепицей.

В описании Б. Н. Засыпкина содержится ошибка: минарет пристроен не к северо-восточному, а к северо-западному углу, что явствует из плана (рис. 1,2). Зарисовка Ф. Дюбуа де Монпере 1832 г. (рис. 1,1) совершенно очевидно изображает северный фасад здания, и на ней минарет также стоит у северо-западного угла. По центру северной стены находится входной проем с полукруглым арочным завершением. Над ним видно прямоугольное углубление в стене, в которой вероятно находился *тарих*. С двух сторон находятся два оконных проема прямоугольной формы. Над ними – два окна полуциркульного очертания, которые выглядят заложенными, и круглое окно по центру.

¹ Карагёз или Карагоз – современное название Первомайское – село Кировского района Крыма.

На рисунке В. О. Руссена и фотографии из Феодосийского музея (рис. 1,3; 2,1) здание изображено с северо-восточной стороны, остальные изображения показывают его с юго-запада. Таким образом, мы можем видеть все четыре фасада постройки. Так как они сделаны в разное время, можно также проследить перестройки, которым подвергалось здание.

На рисунке В. О. Руссена 1843 г. (рис. 1,3) восточная стена почему-то гладкая с одним круглым окном в верхней части, хотя на рисунке Ф. Дюбуа де Монпере на ней видны окна и двери. Примерно по центру северной стены находится входной проем с завершением в виде полукруглой арки. Вход в минарет расположен с восточной стороны цоколя, и снаружи к нему примыкает небольшая пристройка. Ту же картину можно видеть на фотографии начала XX в. (рис. 2,1), но в это время уже не было пристройки к входу в минарет. На фотографии 1925 г. (рис. 2,2) в южной стене находятся два прямоугольных оконных проема, что соответствует изображению Ф. Дюбуа де Монпере, но не совпадает с рисунком В. О. Руссена. Также, если приглядеться, то прямо над ними в стене видны следы заложенных окон со стрельчатым арочным завершением.

Акварель К. Ф. Богаевского (рис. 1,4) и фотография 1927 г. (рис. 2,3) показывают, что аналогичная картина наблюдается на южном и западном фасадах здания: здесь видны по два прямоугольных проема с каждой стороны и над ними заложенные арочные окна. Об интерьере мечети в Карагёзе по единственной сохранившейся фотографии (рис. 2,4) сказать нечего, можно лишь отметить, что паруса, поддерживающие купол, начинались достаточно низко – на уровне около 1 м от пола. Если использовать в качестве масштаба человеческие фигуры, можно весьма приблизительно вычислить высоту здания. Она составляет около 11–12 м.

Минарет мечети в селе Карагёз имеет достаточно стандартную трехчастную форму. Квадратный в плане цоколь высокий, он доходит до верхнего уровня окон мечети. Цоколь переходит в ствол при помощи четырехгранной усеченной пирамиды, причем каждая грань ее расчленена на четыре ребра треугольной формы. В верхней части пирамиды сделан слегка выступающий карниз. Ствол минарета граненый, скорее всего, восьмигранный. В верхней части находится балкончик (*ше-рефе*), поддерживаемый сталактитовым поясом. Крыша коническая, как у большинства малоазийских минаретов.

Дата возведения мечети не известна. В публикации она датируется XV в. со знаком вопроса [29, с. 36]. Однако архитектоника ее свидетельствует, скорее, о том, что она построена в период расцвета Крымского ханства. Условно ее можно датировать XVI–XVIII вв.

Точно такую же структуру имели не сохранившиеся купольные мечети, известные по фотографиям (рис. 3,1–3). Это постройки в селениях Корулу-Кипчак², Кай-

² Корулу-Кипчак или Самсоново – исчезнувшее село в Сакском районе Республики Крым, находилось примерно в 3,5 километрах северо-восточнее современного села Вересаево.

мак³, Суин-Эли⁴ [29, с. 46–49; 31, рис. 499; 45]. Мечеть в Каймаке имела пристройку, но основное здание представляло собой куб, переходящий в восьмигранник путем срезания углов. На двух видах Феодосии, выполненных К. Ф. Кюгельхеном, видна мечеть Кишла-Джами такой же архитектоники (рис. 3,4–5) [9, с. 134]. С 1811 по 1871 гг. в этом здании располагался Феодосийский музей древностей [37, с. 97–98, 106, 127, 130, 135, 177, 180–181, 183–184]. Уже в виде музея она была зарисована Дюбуа де Монпере (рис. 3,5). Мечеть имела один вход с северной стороны. Окна располагались в два яруса: нижние были прямоугольной формы, верхние – арочные. На рисунках Кюгельхена у северо-восточного угла мечети изображен минарет с граненым стволом, шерефе и граненой башенкой с шатровой крышей, увенчанной аломом. По мнению С. Г. Бочарова, здание имело размеры 8,5х8,5 м, а прямоугольный цоколь минарета – 2,4х2,2 м [9, с. 129].

Другой вариант пространственного оформления однокупольной мечети – это когда диаметр барабана купола меньше размеров кубического основания, и барабан как бы поставлен на него сверху. Типичным примером такой архитектурной формы является постройка в селении Колечь-мечеть (Новопокровка) недалеко от Феодосии. Деревню Коледж или Колеч и мечеть в ней описал Эвлия Челеби: «Там двести татарских домов, соборная мечеть с высоким куполом и каменным минаретом, баня и строения, крытые свинцом» [40, с. 208]. В настоящее время мечеть не сохранилась и известна только по фотографиям 20-х гг. XX в., описанию Б. Н. Засыпкина и плану, составленному архитектором [17, с. 144–146].

Стены здания сложены из хорошо обработанных каменных блоков. Здание квадратное в плане со сторонами примерно 14,2х14,2 м (рис. 4,1). На нижний кубический объем поставлена высокая восьмигранная призма, которую венчает уплощенный восьмигранный шатровый купол (рис. 4,2–6). Купол был выстлан каменными плитами, в зените его находилось навершие (*алем*) из двух шаров, насаженных на стержень. Все четыре стены прорезаны двумя ярусами оконных проемов. Нижние окна прямоугольной формы расположены низко, почти на уровне земли. Снаружи они обрамлены узким выступающим бордюром, который образует над ними стрельчатую арку, глухие люнеты которой украшены резьбой. Второй ярус расположен высоко, почти под крышей и состоит из двух стрельчатых окон и круглого между ними. Вход в мечеть находился с северной стороны и был украшен резьбой (рис. 5,1). Сведения о нем сохранились в описании Б. Н. Засыпкина: «Дверной пролет перекрыт мусульманской перемычкой (плоской аркой – Э. 3), расположенной в нише, верх которой увенчивается ячеистым полукуполом с арабесками. Тимпан был заполнен растительным орнаментом и заключается в прямоугольную раму из растительного орнамента» [17, с. 145]. Следует добавить, что над дверным проемом

³ Каймак – исчезнувшее село в Черноморском районе Республики Крым, располагавшееся на востоке района, в балке Старый Донузлав, степной части Крыма, примерно в полутора километрах к юго-западу от современного села Хмелево.

⁴ Суин-Эли – современное название Борисовка, село в Ленинском районе Республики Крым.

и ячеистой конхой находилось прямоугольное углубление, в котором, вероятно, находился тарих. Это декоративное оформление напоминает вход в мечеть Узбека в Солхате (рис. 5,3).

Несколько позже с северной стороны к мечети была сделана пристройка. Она была прямоугольной в плане и закрывала нижнюю часть северной стены вплоть до окон верхнего яруса. Пристройка разделена на три части двумя поперечными арками. Средняя часть, в которой находился проход в основное здание мечети, перекрыта коробовым сводом. Боковые части имели купола. Вход в пристройку оформлен широкой аркой с полуциркульным завершением. В западной боковой секции был устроен дополнительный михраб, из восточной секции можно было попасть в минарет.

Основное помещение мечети перекрывалось куполом на парусах (рис. 4,6). В южной стене находилась ниша михраба, существенно углубленная в стену, для укрепления которой снаружи был сделан контрфорс (рис. 4,5). Сама ниша невысокая, со стрельчатым завершением. Снаружи ее обрамляла вторая ниша большего размера и с богатой резьбой (рис. 5,2). Ее подробно описал Б. Н. Засыпкин: «Большая венчается ячеистым полукуполом (треугольной формы – Э. 3.), но традиционные трехчетвертные колонки отсутствуют. Над тимпаном помещается в окаймлении прямоугольной рамки трехчастная геометрическая композиция из плетенки, в своих мотивах имеющей [сходство] с сельджукским арабесками, тимпан заполнен растительным орнаментом... С двух сторон от ниши тимпана имеются две вертикальные полосы-пилястры, геометрический орнамент которых составлен из сочетания пятиконечных звезд, восьмигранников и шестигранников... Полученный таким образом прямоугольник окаймляется широким бордюром из 4-х основных полос: три из них растительного характера, самый широкий из них имеет ту интересную геометрическую бесконечно повторяющуюся плетенку, которую мы видели над тимпаном» [17, с. 145]. Структура и декоративная резьба михраба также аналогична оформлению михраба в мечети Узбека (рис. 5,4).

Таким образом, судя по описаниям и имеющейся фотографии, декор михраба и входа мечети Колеч по стилю ближе к сельджукскому зодчеству, в то время как сама мечеть являет собой типичный образец османского купольного храма простейшей конструкции. То есть, либо она была построена достаточно рано, когда в Крыму было еще сильно сельджукское влияние, либо здесь мы имеем дело со сподиями, и резные детали были взяты из более ранней постройки.

Минарет мечети Колеч абсолютно типичен для османского зодчества. Высокий, квадратный в плане цоколь при помощи четырех скошенных граней переходит в восьмигранник, который отделен от основного ствола узким карнизом. Ствол минарета граненый, в верхней части его находится балкончик-шерефе, поддерживаемый тремя сталактитовыми поясами. Купол высокий, конический, увенчанный алемом из трех металлических шариков с полумесяцем на конце. Датируется мечеть условно XVII в.

Еще одна купольная мечеть находится в селе Пионерском (Монетном) близ Симферополя. Эта местность в долине реки Салгир в XV–XVIII вв. находилась во

владениях калги-султана, второго лица Крымского ханства после хана. Калги-султан управлял всей Салгирской долиной и по преданию здесь, помимо мечети, находился монетный двор, а также дворец, поэтому раньше селение называлось Эски-Сарай («старый дворец»). Однако, точных археологических данных, подтверждающих эту гипотезу пока не найдено.

Мечеть в Пионерском традиционно датируется XIV в., как указано, в частности, на охранной табличке, висящей на здании. В большинстве изданий приводится лишь краткое описание этого памятника и датировка его золотоордынским временем без всякого обоснования [17, с. 156; 5, рис. 37, 38; 4, с. 333; 27, с. 71 и др.]. Только А. Л. Якобсон относил постройку здания к XVII–XVIII вв. [41, с. 147]. В 1991 г. здесь были проведены исследования Горно-Крымской археологической экспедицией КФ ИА НАНУ. Результаты архитектурного обследования и раскопок опубликованы в основательной статье В. П. Кирилко [19].

Мечеть представляет собой квадратное в плане здание с небольшой пристройкой с восточной стороны (так называемые «большая» и «малая» мечети) (рис. 6,1,3). Стены здания сложены из бута песчаника на известковом растворе, конструктивные и декоративные элементы – из хорошо обработанного известняка, в кладке купола и парусов использовался известковый туф. Для оформления окантовок парусов и обрамления арок окон применялась плинфа, кладка стен была усилена деревянным каркасом. Толщина стен составляла около 1,3 м⁵. В основании основного здания лежит квадрат со стороной 12,7 м, внутренние размеры помещения 10,2x10,15 м, высота стен около 10 м. Главный вход в виде прямоугольного проема находится с северной стороны (рис. 7,1). Исследования показали, что дверь была двухстворчатой и открывалась вовнутрь [19, с. 268]. Вход обрамлен плоским, слегка заглубленным в плоскость стены П-образным наличником. Внутри рамы над дверью прослеживается гнездо от не сохранившегося тариха, над ней сделана широкая арка стрельчатой формы с плоским, заглубленным в стену тимпаном. Со стороны помещения над проемом также находится арка полуциркульной формы (рис. 7,3).

Для освещения во всех стенах пробиты оконные проемы, расположенные в трех уровнях – по два окна в первом и втором и одно окно в третьем (рис. 7,1–4). Окна первого уровня прямоугольные, с плоскими, заглубленными в стену люнетами над ними. Такое же оформление они имеют с внутренней стороны, в помещении (рис. 7,3–4). В обрамлении проемов нижних окон были найдены гнезда от стержней закрывавшей их железной решетки. Окна второго яруса имеют полуциркульное завершение, в третьем уровне имеется по одному круглому окну.

Внутри здания, напротив входа, в южной стене находится ниша михраба (рис. 7,4; 8,4). Она пятигранная в плане с треугольным завершением, заполненным резьбой в виде семи поясов выемчатых треугольников и ромбов, которые венчает ребристый полукупол. Резьба михрабной ниши отличается от типичного сталактитово-

⁵ Все размеры даны по В. П. Кирилко [19].

го декора сельджукских полукуполов, но, скорее всего, генетически связана с ним. Помещение перекрыто куполом на парусах, основания которых находятся в 3,95 м от уровня пола. Вдоль северной стены, над входом были сооружены деревянные хоры (*мафиль*), от которых в кладке стен сохранились концы балок настила. Высота мафиля от пола – 3,65 м, ширина – 2,7-2,85 м.

В наружной стене здания, возле его северо-восточного угла находился внешний михраб в виде трехгранной ниши (рис. 8,5). Завершение ее треугольное, состоит из трех уступов, нижний из которых трехгранный, а два верхних в разрезе представляют собой половину восьмиугольника. Венчает конструкцию ребристый полукуполок.

«Малая» мечеть была пристроена с восточной стороны к основному объему здания таким образом, что их южные фасады находятся в одной плоскости (рис. 6,1, 3). По мнению В. П. Кирилко, это могло произойти через очень небольшое время, возможно даже во время строительства [19, с. 280–281]. Внутренние размеры пристройки 3,8х3,75 м, высота стен примерно 5,5 м. Она также имела купольное перекрытие на парусах, основание которых находится в 3,5 м от пола (рис. 8,3). Высота помещения составляла около 7,7 м. Прямоугольный входной проем в северной стене слегка смещен к востоку относительно оси здания (рис. 8,2). Снаружи он оформлен аналогично входу в основное здание. В остальных стенах имеются окна, расположенные в два яруса. По форме и оформлению они такие же, как и в «большой» мечети. В южной стене, напротив входа сделана трехгранная в плане михрабная ниша с треугольным завершением, также заполненным резьбой, но не столь тонкой, как в основном здании (рис. 8,6).

Снаружи северо-западного угла «большой» мечети прослеживаются остатки основания цоколя минарета прямоугольной формы размерами 2,85х2,75 м и высотой 6,5 м. Минарет был возведен одновременно с мечетью, и кладка его цоколя имеет перевязку с кладкой стен мечети. Вход в минарет находился с восточной стороны. Он него сохранился высокий порог и южная сторона входного проема (рис. 8,1). Посредине поверхности подножия минарета была обнаружена обработанная зубаткой часть цилиндрического столба каменной винтовой лестницы.

По архитектуре мечеть в Пионерском, без сомнения, относится к эпохе Крымского ханства. Золотоордынские купольные мечети Крыма имеют несколько другую структуру: они значительно ниже, перекрыты куполами на треугольных трюмах и имеют встроенные минареты. Купольные мечети в виде высокого призматического здания с лишенными внешнего декора стенами, прорезанными окнами в несколько ярусов, и перекрытого куполом на парусах типичны именно для османской архитектуры, да и возникновение самого селения Эски-Сарай связано именно с этим временем.

К этому же выводу пришел и В. П. Кирилко, который совершенно обоснованно указывает на сходство архитектурных форм мечети в Пионерском и в селении Колечь [19, с. 293–294]. Временем возведения мечети в Пионерском исследователь считает XVIII в., так как, по его мнению, ни одна из мечетей Эски-Сарая, упомянутых Эвлия Челеби, не может быть купольной мечетью, сохранившейся до наших

дней. Однако следует отметить, что описания Э. Челеби столь общие и поверхностные, что из них вообще нельзя сделать никаких выводов об архитектурных формах зданий. Гораздо более убедительным является предположение о том, что путешественник непременно упомянул бы тарих, начертанный над дверью мечети [19, с. 252]. Также основанием для датировки, по мнению исследователя, служит находка на строительном горизонте фрагмента фаянсовой кофейной чашки, относящейся к кютахьнской поливной керамике конца XVI – XVIII вв. и фрагмента стекла «без видимых следов иризации» в фундаменте здания [19, с. 292]. По мнению автора, свидетельством того, что здание было построено именно в XVIII в., является и тот факт, что до предположительного разрушения купола от землетрясения в 1751 г. на полу основного здания не успел накопиться культурный слой и не видны следы ремонтов. В то же время он отмечает наличие двух строительных горизонтов в здании «малой» мечети [19, с. 289].

Тем не менее, узкая датировка в пределах первой половины XVIII в. представляется чересчур категоричной. Прежде всего, датировать археологический объект по одному, даже самому достоверному, артефакту нельзя. Фрагмент стекла вообще ни о чем не говорит, так как степень иризации зачастую зависит не от возраста стекла, а от его химического состава. Что касается отсутствия мусора внутри здания – это абсолютно естественно: в мечети заходят босиком, полы там обычно застелены коврами, полы регулярно выметаются, а ковры вытряхиваются. Гибель здания в результате землетрясения также весьма гипотетична. Поэтому с достаточной долей уверенности мечеть в Пионерском можно датировать последней третью XVII – XVIII вв.

Кроме уже упомянутой выше, еще несколько купольных мечетей известно в Феодосии. Эвлия Челеби пишет о том, что в Кафе было 60 мечетей, и 10 из них были соборными. Также он упоминает 40 минаретов каменной кладки [40, с. 181–184]. Сопоставив четыре генеральных плана Кафы XVIII в., С. Г. Бочаров определил местоположение 40 мечетей [9]. Анализ контура зданий показал, что большая часть из них была прямоугольной в плане формы, семь мечетей были квадратными в плане и четыре мечети имели галерею у северного фасада. Два храма имели по два минарета и пятнадцать – по одному минарету [9, с. 143].

В 1927 году Б. Н. Засыпкин говорит всего о трех мечетях в Феодосии: «Эти три мечети в Феодосии, являясь небольшими, все перекрыты куполом на сферических парусах. Одна из них в переулке напротив б. Стамболи находится в полном забвении и постепенно разрушается. Внутренний размер ее 8,80x8,80 м. В ней следует отметить, что все арки и паруса выложены из кирпича. Из кирпича же выложен михраб с ячеистым полукуполом... Мечеть, которая в настоящее время занята армяно-католической церковью также имеет в применении кирпич. Стены здесь имеют определенную византийскую систему чередования рядов кирпича с рядами камня. Внутри мечеть приспособлена в конце XVIII в. под костел и сильно искажена культурными сооружениями и масляной окраской стен. На северной, наружной, стене имеется михраб, дающий основание предполагать присутствие здесь галереи, так

как михрабы прямо на улицу в неприкрытое место, вообще говоря, не делались. С северо-запада сохранилась нижняя половина минарета, приспособленного сейчас под звонницу... Третья из существующих, купольная мечеть Феодосии находится недалеко от этой и приспособлена под немецкую кирку. Это небольшое купольное здание покрыто черепицей» [17, с. 144].

В настоящее время восстановлена и функционирует в качестве мечети Муфти-джами, расположенная в центре города. Ее, как вторую Джума мечеть, описывает Эвлия Челеби: «Затем – мечеть Муфтия. Это тоже крытая свинцом мечеть с выстроенным из камня минаретом» [40, с. 181]. Мечеть была построена в 1623–1639 гг. феодосийскими турками [6, с. 283]. После присоединения Крыма к Российской империи здание было передано армянам-католикам. Именно про эту мечеть пишет Б. Н. Засыпкин как про армяно-католическую церковь, и в качестве церкви она фигурирует на различных рисунках и фотографиях (рис. 9-10). В 1975 г. здание было отреставрировано, в настоящее время передано мусульманской общине.

По архитектонике Муфти-джами близка мечети Колеч. В основании здания квадрат со стороной около 15 м. Кубический массив сложен из бута, который пересекают четыре пояса кирпичной кладки (рис. 11,2,3). На нем расположен шестнадцатигранный барабан, перекрытый уплощенным куполом. Главный вход в мечеть в виде прямоугольного проема, перекрытого коробовой аркой, находится с северной стороны (рис. 11,1). Его обрамляет плоский, слегка выступающий портал прямоугольной формы со стрельчатой аркой. По центру восточной и западной стен также сделаны двери. По сторонам от дверей расположены большие прямоугольные окна, немного приподнятые над уровнем земли. Сверху они оформлены заглубленными в толщу стены нишами со стрельчатым завершением. Выше на каждой стене сделано по два окна стрельчатой формы. Третий ярус освещения образуют стрельчатые окна в гранях барабана купола.

Южная стена имеет прямоугольный выступ размерами 7,2х2,8 м (рис. 11,2), в котором находится михраб. Эта пристройка с односкатной крышей также имеет два яруса окон на боковых стенах и круглое окно в южной стене над михрабной нишей.

Интерьер мечети состоит из большого светлого зала, перекрытого высоким куполом на сферических парусах (рис. 11,4). Широкая арка с циркульным завершением в южной стене ведет в выступающую алтарную часть, также перекрытую небольшим полукуполом на парусах. В южной стене этого выступа находится пятигранная михрабная ниша с треугольным завершением, заполненным семью поясами сталактитов. Вдоль северной стены сделаны деревянные хоры – мафиль. На северной стене с внешней стороны также имеются два внешних михраба (*аназа*) в виде пятигранных в сечении ниш с пятирядной сталактитовой конхой. Это места для молитвы «последней общины», то есть для тех, кто опоздал на проповедь. Б. Н. Засыпкин совершенно справедливо считал, что перед этими михрабами должна быть галерея для молящихся [17, с. 144]. Как отмечает Е. И. Кононенко, «закрытый входной портал зальной мечети должен рассматриваться не только как архитектурно-планиро-

вочный элемент и средство оформления фасада, но как ячейка предназначенного для молитвы пространства, аналогичная *реваку* (открытому двору) арабских дворцовых мечетей, – это «место последней общины» (тур. *son cemaat yeri*), где опоздавшие на коллективную молитву могут разместиться, не создавая помех тем, кто оказался в молитвенном зале до начала намаза. Выделение и специальное оформление (часто отдельным михрабом) места для опоздавших внутри здания мечети... или вне ее зала (в портиках османских мечетей) можно считать османским вкладом в планировку мечети» [25, с. 268]. Та галерея, которая имеется сейчас в Муфти-джами – результат современной реставрации. Аутентичная галерея была утрачена уже к началу XIX в., но ее следы сохранились на поверхности фасада здания [22, с. 231]. Так как Муфти-Джами совершенно очевидно построена по турецким образцам, каждая ячейка портика должна быть перекрыта куполом. В современном варианте мы имеем плоское перекрытие.

С восточной стороны к мечети примыкает минарет, сложенный из тесаного известняка (рис. 11,2). Вход в него находится в северном углу здания. Высокий призматический цоколь минарета при помощи усеченной четырехгранной пирамиды переходит в двенадцатигранный ствол. На самой ранней зарисовке Ф. Дюбуа де Монпере в верхней части ствола виден переход к балкончику–шерефе (рис. 9,1). В дальнейшем, судя по изображениям, эта часть была утрачена. Современное завершение минарета является результатом реставрации.

Еще одна мечеть подобного плана находилась в селе Шейх-Кой (ныне Давыдово) в Симферопольском районе. В 1920-е гг., когда здание еще не было разрушено, Б. Н. Засыпкиным был снят ее план, а О. Н.-А. Акчокраклы скопировал и перевел надписи над северным и западным входами в здание (рис. 13,4). В надписях говорится о том, что мечеть была построена для хафизов 15-го дня благословенного месяца Шаабана 760 г. х. (1358 г.), во время правления великого эмира Кутлуг-Темур-бека, сына Тюлек-Тимур-Бека, сына некоего Хаджи [3, с. 253–254]. Исследователями также высказывается мнение, что здесь находился религиозно-суфийский центр, объединявший несколько населенных пунктов [1, с. 144; 2, с. 8, 12].

В настоящее время от постройки сохранилась часть южной стены и ниша михраба со сталактитовым декором в сельджукском стиле (рис. 14,1–5). На основании характера декора и имеющейся даты ряд исследователей относили мечеть в Шейх-Кой к золотоордынскому периоду [1, с. 144; 2, с. 8, 12; 36, с. 67; 44, р. 383–400]. Однако С. Г. Бочаров и В. П. Кирилко в серии работ, посвященных этому памятнику [10; 11; 20; 21; 23] выдвинули достаточно убедительную версию о том, что мечеть относится к эпохе Крымского ханства, а сталактитовый михраб и надпись являются спoliaми, перенесенными из какой-то более ранней постройки.

На основании плана и имеющихся фотографий можно в общих чертах охарактеризовать архитектуру здания (рис. 12; 13,1). Основная часть его состояла из куба со стороной 10,5 м, над которым возвышался восьмигранный барабан с полусферическим куполом на парусах. Главный вход находился по центру северной

стены, еще один был сделан в западной стене у северо-западного угла здания. В каждой стене было по два окна в нижней части, скорее всего, имелись окна и во втором ярусе. К северо-западному углу примыкал минарет. К основному объему здания, вероятно позднее, были сделаны пристройки. Пристройка с южной стороны состояла из трех рядов помещений. Средний ряд являлся коридором, который вел к основному входу, а с двух сторон от него располагалось по две небольшие (примерно 3x3 м) комнаты. К западной стене также были пристроены два помещения, между которыми находился коридор, ведущий к западному входу. Небольшое помещение пристроено и с восточной стороны. Возможно, некоторые из этих комнат использовались для проживания дервишей.

Наиболее хорошо изучен михраб мечети, сохранившийся до наших дней и чрезвычайно подробно описанный В. П. Кирилко [20; 21]. Михраб располагался по центру южной стены и снаружи был оформлен полукруглым выступом (рис. 13,1). Ниша михраба была семигранной в плане со скругленными стыками плоскостей и треугольной конхой, заполненной тремя рядами сталактитов, увенчанных полукругом стрельчатого абриса (рис. 13,2; 14,2,5). По краям ее находились трехчетвертные колонки, из которых первоначальный облик имеет восточная, а западная является новоделом. Восточная колонка цилиндрическая с двухъярусной капителью, украшенной резьбой в виде плетенки из растительных побегов (рис. 13,2,3; 14,3). В. П. Кирилко отмечает, что она имеет параллели в архитектурном декоре мечети Узбека (1314 г.) и медресе Инджибек хатун (1333 г.) в Солхате и в портале армянского монастыря Сурб Хач (1358 г.) [20, с. 142]. Снаружи ниша обрамлена профилированным наличником, орнаментированным с боков и сверху рельефом в виде «сельджукской цепи». Судя по черновому чертежу неизвестного автора из архива Музея архитектуры им. А. В. Щусева (рис. 13,2), по сторонам конхи находились круглые розетки или диски. Таким образом, оформление михраба, как и в мечети Колеч, действительно можно отнести к сельджукской декоративной традиции.

К постройкам с единым купольным пространством относится мечеть в Арабате, крепости, расположенной в северо-западной части Керченского полуострова на берегу Азовского моря у основания Арабатской косы. В настоящее время здание полностью разрушено [13, с. 144–172], но в архивах БИКАМЗ имеется ее план и фотографии 1920-х гг. (рис. 15). «Башню Арабат» описывает Эвлия Челеби, но мечети тогда в крепости не было [40, с. 198–199]. П. С. Паллас, оставивший описание поездки по Крыму в 1793–1794 гг., считает мечеть самым выдающимся зданием крепости: «В крепости видны только: каменная хорошо построенная мечеть с минаретом, плохой дом коменданта и несколько солдатских помещений, частью под землей, частью под валом» [33, с. 118]. Мечеть, скорее всего, была заложена при хане Арслане Гирее, правившем Крымом с 1748 по 1756 год и восстановившим крепости Ор-Капы и Арабат. Возможно, строительство было закончено позже, так как она посвящена хану Мустафе III (1717–1774 гг.). Об этом пишет В. Х. Кондараки, посетивший Арабат в 1883 году: «Из надписи, находящейся над дверьми оной [мечети] явствует, что она построена султа-

ном Мустафою III почему и его именем называется. Внутри мечети на стенах написаны имена владеющего тогда в Крыму хана Арслан Гирея и ближних его» [24, с. 61].

Постройка имеет в основании квадрат со стороной примерно 10,5 м. Высота призматического основания – около 6,5 м, общая высота – около 10,5-11 м. Второй ярус здания образует восьмигранный барабан, крыша не сохранилась, и на фотографии виден лишь внутренний сферический купол. Опирался он, судя по плану, на тропы. В стенах были сделаны стрельчатые окна, которые располагались в два яруса: по два окна в нижнем, и по одному – в верхнем. Михраб мечети небольшой, полукруглый в плане, полностью заглублен в южную стену. Минарет, вероятно, был пристроен к юго-западному углу. В XX в. в довоенные годы здание мечети использовалось под клуб, затем она была взорвана.

К подгруппе однокупольных мечетей можно отнести Малую дворцовую мечеть Бахчисарайского дворца. Она была построена в 1741 г. по приказу хана Селямета Герая на месте более древней, сгоревшей при пожаре 1736 г. Имя хана и дата окончания строительства высечены на мраморной доске над входом [35, с. 81]. Здание мечети прямоугольное в плане, вытянутое по оси запад-восток (рис. 16,1). Снаружи она представляет собой постройку призматической формы с небольшим восьмигранным барабаном купола (рис. 16,2). Раньше купол был покрыт свинцом, а в настоящее время – черепицей.

Фасад мечети скрыт стеной Бассейного и Фонтанного дворики. Из Фонтанного двора в нее ведет вход, украшенный резными розетками и сельджукскими орнаментами. Центральная часть его перекрыта куполом, опирающимся на подпружные арки (рис. 16,3). Переход к куполу осуществляется с помощью парусов. Боковые части помещения перекрыты коробовыми сводами (рис. 16,4). В южной стене находится полукруглая в плане михрабная ниша с треугольным сталактитовым завершением. Расположенные в семь ярусов сталактитовые пояса венчает ребристый полукупол. Окружает нишу плоская, выделенная краской, прямоугольная рама, украшенная виньетками (рис. 16,6).

Освещение зала осуществляется при помощи окон различной формы. В восточной стене прямоугольное окно, выходящее во двор, расположено достаточно низко, как бы в первом ярусе. Окно в западной стене тоже прямоугольное, но находится высоко, почти под крышей. Еще два окна с фигурным арочным завершением расположены в южной стене под коробовыми сводами. Все окна витражные, с растительными орнаментами. Над михрабом сделано круглое окно с витражом в виде шестиконечной звезды. Снаружи окна забраны решетками. Роспись стен была расчищена в начале XX в. при производстве реставрационных работ архитектором Некрасовым. Под слоем белой извести были вскрыты клеевые росписи, имитирующие облицовку стен под серый мрамор [12, с. 13]. В 1960–1964 гг. в результате реставрационных работ роспись была восстановлена [35, с. 81]. В настоящее время это узор из прямых широких линий светло-серых, черно-серых и зеленых тонов (рис. 16,5). На подпружных арках полосатая раскраска должна, вероятно, имитировать византийскую кладку из чередования полос камня и кирпича.

Малая мечеть Бахчисарайского дворца, при всей скромности размеров, по архитектуре является более сложным сооружением, нежели рассмотренные выше однокупольные мечети. Перекрытие, состоящее из купола и двух коробовых сводов, позволяет отнести ее к переходной форме от зданий с единым помещением, перекрытым куполом (*single unit mosque* по А. Курану) к сложным многокупольным мечетям.

Мечети с кубическим основанием, перекрытым большим куполом, начали строиться в Крыму в XIII–XIV вв. К золотоордынскому периоду относятся две купольные мечети: это Куршун-Джами в Солхате и мечеть в Судакской крепости (рис. 17,1–2) [8, с. 132–133; 17, с. 132–139; 7; 14; 38; 26, с. 116]. Оба здания имеют сходную планировку и состоят из двух помещений – квадратного молельного зала с михрабом, перекрытого куполом на пирамидальных парусах («турецких треугольниках»), и северного прямоугольного помещения с перекрытием в виде трех полукруглых в сечении сводов. В Судакской мечети к восточной стене примыкала аркада, состоящая из трех арок. Постройки имели минареты, встроенные в угол с северной стороны.

Как указывают исследователи, «композиция из квадратного зала, перекрытого куполом на тропях или даже «турецких треугольниках», и сводчатого портика в антах была типичной для сельджукских квартальных мечетей – месджитов» [25, с. 266]. А. Куран относит эти здания к группе *single unit mosque* [45]. О. Асланапа пишет, что в Конье до наших дней сохранилось несколько сельджукских однокупольных мечетей. Большинство из них имеют вестибюль, перекрытый сводами или плоской крышей, который может быть в виде открытого портика или закрытого помещения с дверями и окнами в фасадной стене. Эти вестибюли являются прототипами портиков подобных мечетей XIV в. В качестве примеров зданий с закрытым вестибюлем можно привести Бешаребек месджит (1213 г.), Эрдемшях месджит (1220 г.), Каратай месджит (1248 г.) и Таш месджит или Ходжи Феррух (1248 г.), Ходжа Хасан (XIII в.). В Сирчалы маджиде, относящейся к второй четверти XIII века, перед входом сделан портик с тремя арками. За пределами Коньи известны другие сельджукские мечети, например, Феррух-Шах (XIII в.) и Гюдюк минаре месджит (1226 г.) в Ахшехире, Аладже месджит (1279 г.) в Харпуте (рис. 17,3–6) [42, р. 119–120; 43, р. 482].

В дальнейшем эта традиция была продолжена в период бейликов и раннеосманский период, когда были построены Хаси Озбек в Изнике (1333–1334 гг.), Аладдин-бей-джами в Бурсе (1330-е гг.), Орхание-джами в Билеждике (XIV в.), Ибн Наджар-джами в Кастамону (1353 г.), Орхан Гази в Гебзе (середина XIV в.); Хюдавендигяр в Берамкале (вторая половина XIV в.); Хока Ядигар в Инёню (1379 г.); Мурад-паша-джами в Бурсе (1378 г.), Ешил-джами в Изнике (1378–1391 гг.), мечеть (текие) Якуба Челеби в Изнике (конец XIV в.), Йилдирым Байезид в Мудурну (конец XIV в.), Ильяс-бей-джами в Балате (1404 г.) и др. [45, р. 29–70; 43, р. 494; 25, с. 264–271, 290–296, 385–387, 447–450]. Здания простейшей планировки, такие как Феррух-Шах, Орхание-джами, Орхан Гази, Хока Ядигар, Ильяс-бей-джами состоят из одного купольного зала (рис. 18,1,3,5,6,12). Однако большинство однокупольных мечетей имеют портик, перекрытый сводами различной конструкции или небольшо-

ми куполами (рис. 18,2,4,7,8,9,11,13). По мнению Е. И. Кононенко, такая планировка лежит в основе всей последующей османской культовой архитектуры. «Развитие именно этой композиции станет основой формирования «большой османской мечети», олицетворяющей собой всю турецкую мусульманскую культовую архитектуру вплоть до XXI в.» [25, с. 267].

Особо следует отметить, что в сельджукский и раннеосманский периоды в купольных зданиях переход от четверика к куполу осуществлялся при помощи арочных или пирамидальных тромпов. Пирамидальные тромпы, характерные именно для турецкой архитектуры, получили название «турецких треугольников». С XV в., особенно после завоевания Константинополя, усилилось влияние византийской культуры, и самым частым конструктивным элементом при возведении куполов стал сферический парус. Именно этот строительный прием можно наблюдать в большинстве купольных мечетей Крымского ханства.

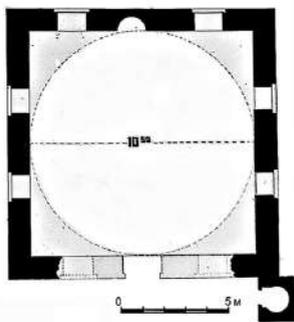
С возникновением более сложных многокупольных композиций однокупольные здания продолжают существовать в Османской империи в XV–XVIII вв., так как такая форма оказалась весьма востребованной при возведении небольших квартальных мечетей. В качестве примеров можно привести мечеть Хаси Сахабеддин Паша 1436 г. и Касим Паша 1478 г. в Эдирне, Фируз Ага в Стамбуле 1490 г. (рис. 18,11–13) и др. [45, с. 42–46]. Продолжение этой традиции прослеживается и на примере Крымского ханства, как части Османской империи, но здесь однокупольные мечети строились как в качестве квартальных, так и в качестве Джума мечетей в небольших городах и селениях. Большинство из них представляют собой здания кубического объема, увенчанного куполом на барабане. Некоторые были расширены за счет пристроек, из мечетей с портиком известна только Муфти-Джами в Феодосии, но наверняка таких мечетей было больше.

1

МЕЧЕТЬ В КАРА-ГӨЗ.

ФЕОДОСИЙСКИЙ РАЙОН.

2

3

4

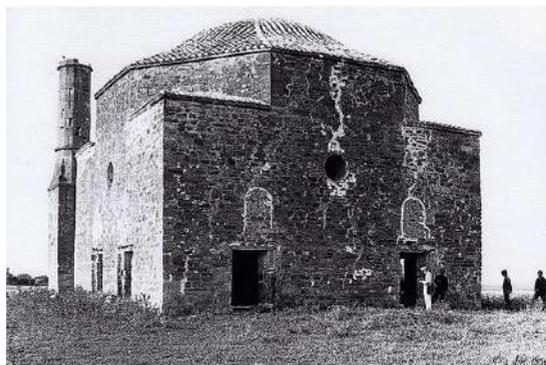
Рис. 1. Мечеть в селении Карагёз: 1 – зарисовка в путевом альбоме Ф. Дюбуа де Монпере, 1832 г. [по: 37, рис. 67]; 2 – план (из архива негативов БИКАМЗ, № 152); 3 – рисунок В. О. Руссена, 1843 г. [по: 34, табл. 38]; 4 – акварель К. Ф. Богаевского [по: 34, с. 204]. 5 – фото начала XX века из фондов Феодосийского музея древностей [по: 34]; 6 – вид с юго-востока; 7 – вид с северо-запада; 8 – интерьер (фотографии 1925, 1927 и 1929 г. из фондов БИКАМЗ) [по: 29]

1

2

3

4

Рис. 2. Мечеть в селении Карагёз: 1 – фото начала XX века из фондов Феодосийского музея древностей [по: 34, с. 205]; 2 – вид с юго-востока; 3 – вид с северо-запада; 4 – интерьер (фотографии 1925, 1927 и 1929 г. из фондов БИКАМЗ) [по: 29, с. 36-41]

1

2

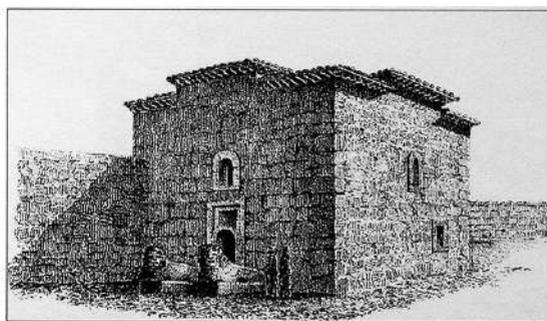
3

4

5

6

Рис. 3. Купольные мечети: 1 – в селе Корулу-Кипчак [по: 29, с. 49]; 2 – в селе Каймак [по: 31, рис. 499]; 3 – в селе Суин Эли [по: <https://www.crimeantatars.club>]; 4-5 – мечеть Кишла-Джами в Феодосии, рисунок К. Ф. Кюгельхена 1824 г. [по: 37, рис. 57, 58]; 6 – мечеть Кишла-Джами, в которой находилось первое здание Феодосийского музея (литография из книги Дюбуа де Монпере) [по: 16, лист XXVII]

МЕЧЕТЬ-КОЛЕЧЬ.

ФЕОДОСИЙСКИЙ РАЙОН.

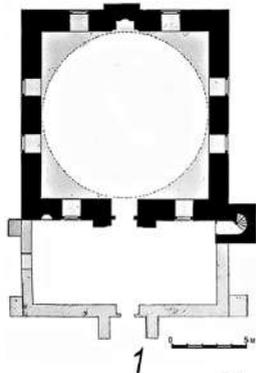
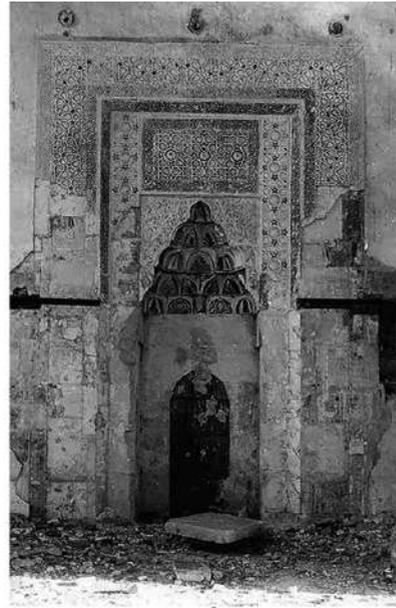

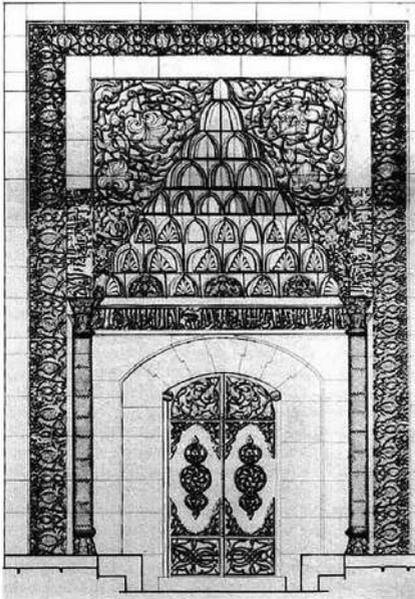
Рис. 4. Мечеть в деревне Колеч-Мечеть: 1 – план (из архива негативов БИКАМЗ, № 152); 2 – акварель К. Ф. Богаевского (из фондов Феодосийского музея древностей) [по: 34, с. 211]; 3 – вид с северо-востока, фото 1912 г. (из фондов Феодосийского музея древностей) [по: 34, с. 211]; 4 – вид с северо-запада, фото 1920-х гг. (из фондов Бахчисарайского музея) [по: 29, с. 35]; 5 – вид с юга (ГИМ ОПИ. Ф. 598. Д. 45. Л. 63); 6 – интерьер, южная стена (ГИМ ОПИ. Ф. 598. Д. 45. Л. 67) [по: 31–32, рис. 471, 476]

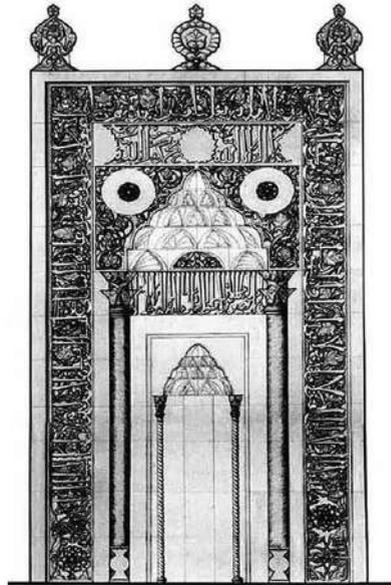
1

2

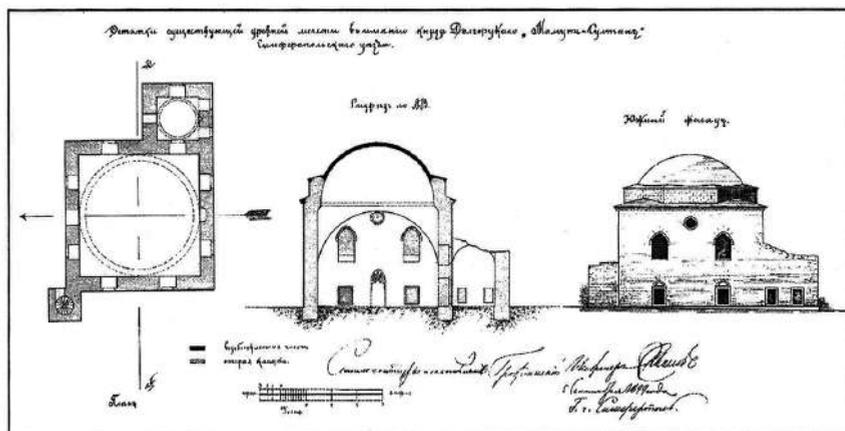

3

4

Рис. 5. Мечеть в деревне Колеч-Мечеть и мечеть «Узбека» в Солхате: 1 – портал мечети в Колеч-Мечеть (ГИМ ОПИ. Ф. 598. Д. 45. Л. 68); 2 – михраб мечети в Колеч-Мечеть (ГИМ ОПИ. Ф. 598. Д. 45. Л. 66) [по: 31, рис. 513, 517]; 3 – портал мечети Узбека в Солхате; 4 – михраб мечети Узбека в Солхате (2-3 – реконструкции М. Г. Крамаровского) [по: 26, с. 114-115]

1

2

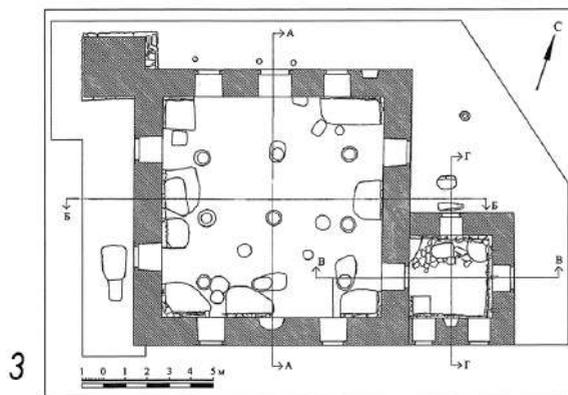

Рис. 6. Мечеть в Пионерском: 1 – чертеж губернского инженера С. П. Иванова 1899 г. «Остатки существующей древней мечети в имении князя Долгорукого «Мамут-Султан» Симферопольского уезда». Картографический фонд библиотеки «Таврика» им. А. Х. Стевена КРУ «Центральный музей Тавриды», инв. № 34803 [по: 19, рис. 2]; 2 – старая фотография (автор неизвестен) [по: <https://www.crimeantatars.club>]; 3 – план мечети [по: 19, рис. 3].

1

2

3

4

Рис. 7. Мечеть в Пионерском: 1 – вид с юго-востока; 2 – вид с северо-запада; 3 – интерьер, вид с юга; 4 – интерьер, вид с севера (фото автора)

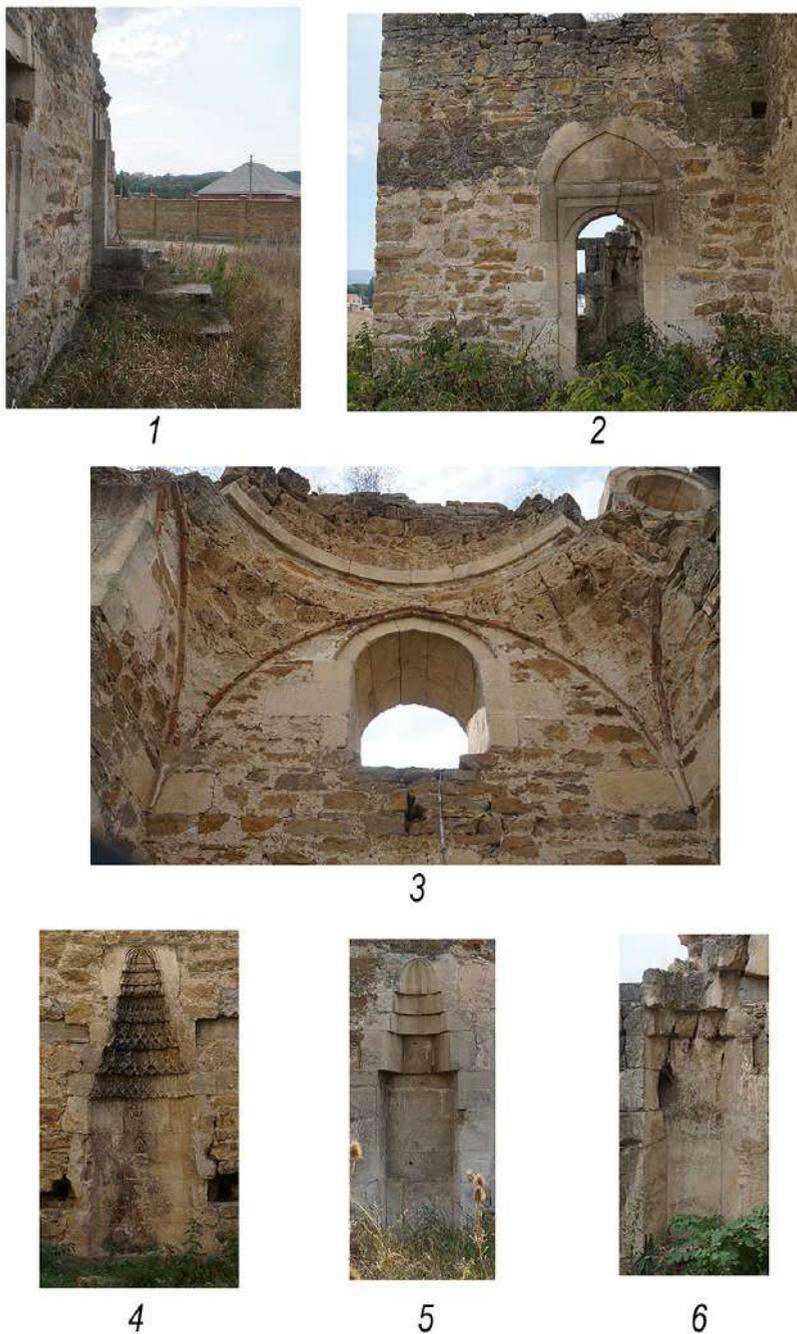
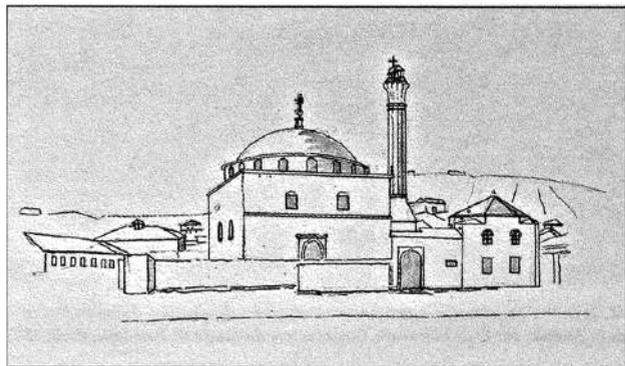
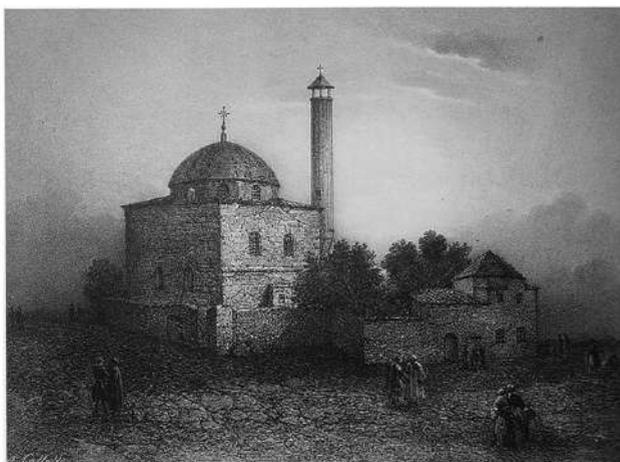

Рис. 8. Мечеть в Пионерском: 1 – остатки входа в минарет, вид с запада; 2 – вход в «малую» мечеть; 3 – купол «малой» мечети; 4 – михраб «большой» мечети; 5 – внешний михраб; 6 – михраб «малой» мечети (фото автора)

1

2

3

Рис. 9. Муфти-Джами в Феодосии: 1 – Дюбуа де Монпере, мечеть в Кафе или Феодосии, теперь католическая церковь. 1832 г. [по: 37, рис. 67]; 2 – В. О. Руссен, римско-католическая церковь, 1840-е гг. [по: 34, табл. 9]; 3 – изображение на старой открытке [по: <https://www.crimeantatars.club>]

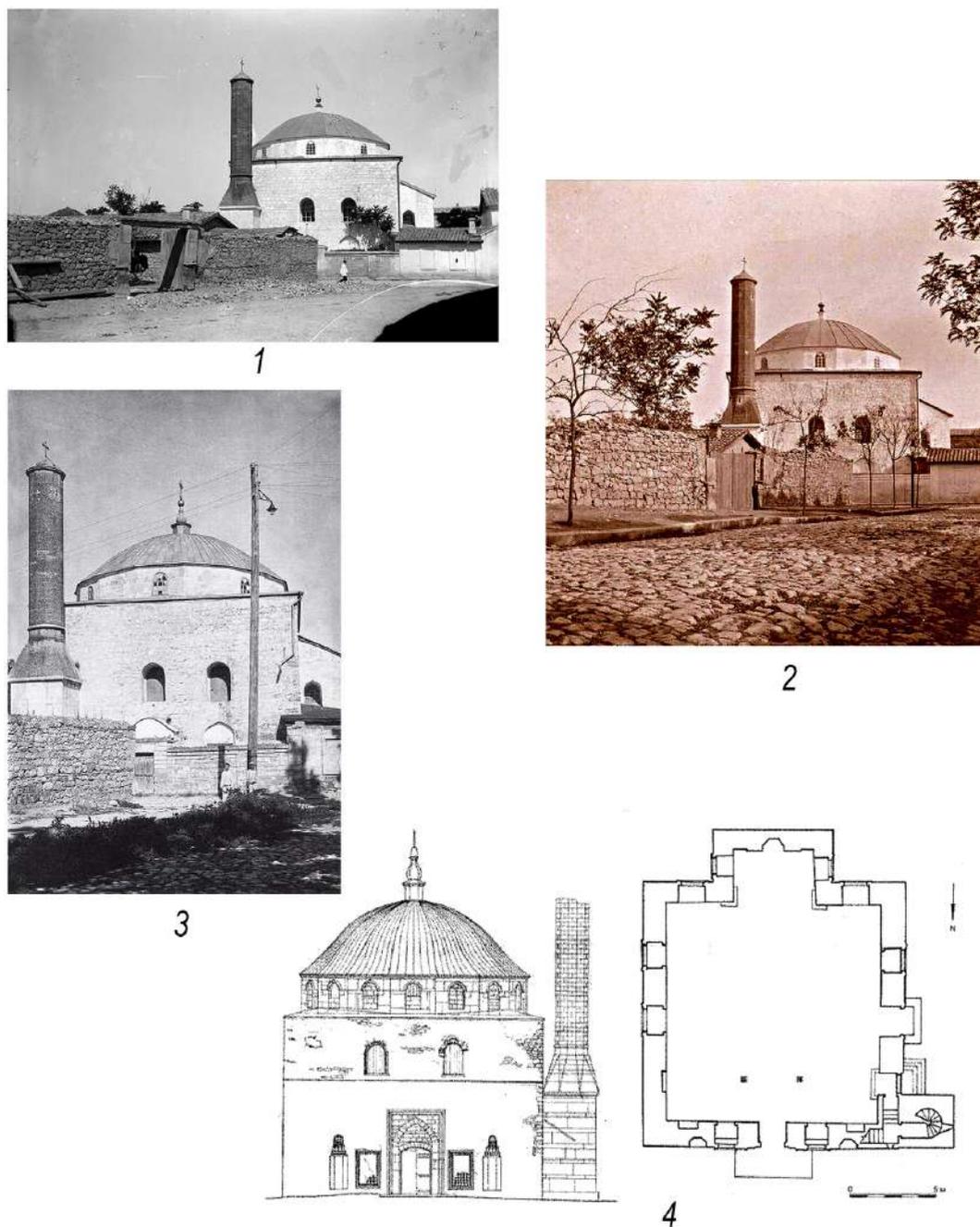

Рис. 10. Муфти-Джами в Феодосии: 1 – фото 1897 г.; 2 – фото 1905 г.; 3 – фото 1920-х гг. [по: <https://www.crimeantatars.club>; 29, с. 43]; 4 – северный фасад и план, обмер 1966 г. [по: 22, рис. 9]

1

3

2

4

Рис. 11. Муфти-Джами: 1 – вид с севера; 2 – вид с востока; 3 – михраб снаружи здания; 4 – интерьер (фото автора 2019 г.)

1

2

3

4

Рис. 12. Мечеть в Шейх-Кой: 1 – вид с севера; 2 – вид юго-запада; 3 – вид с запада; 4 – вид с северо-востока (ГНИМА, 1928)

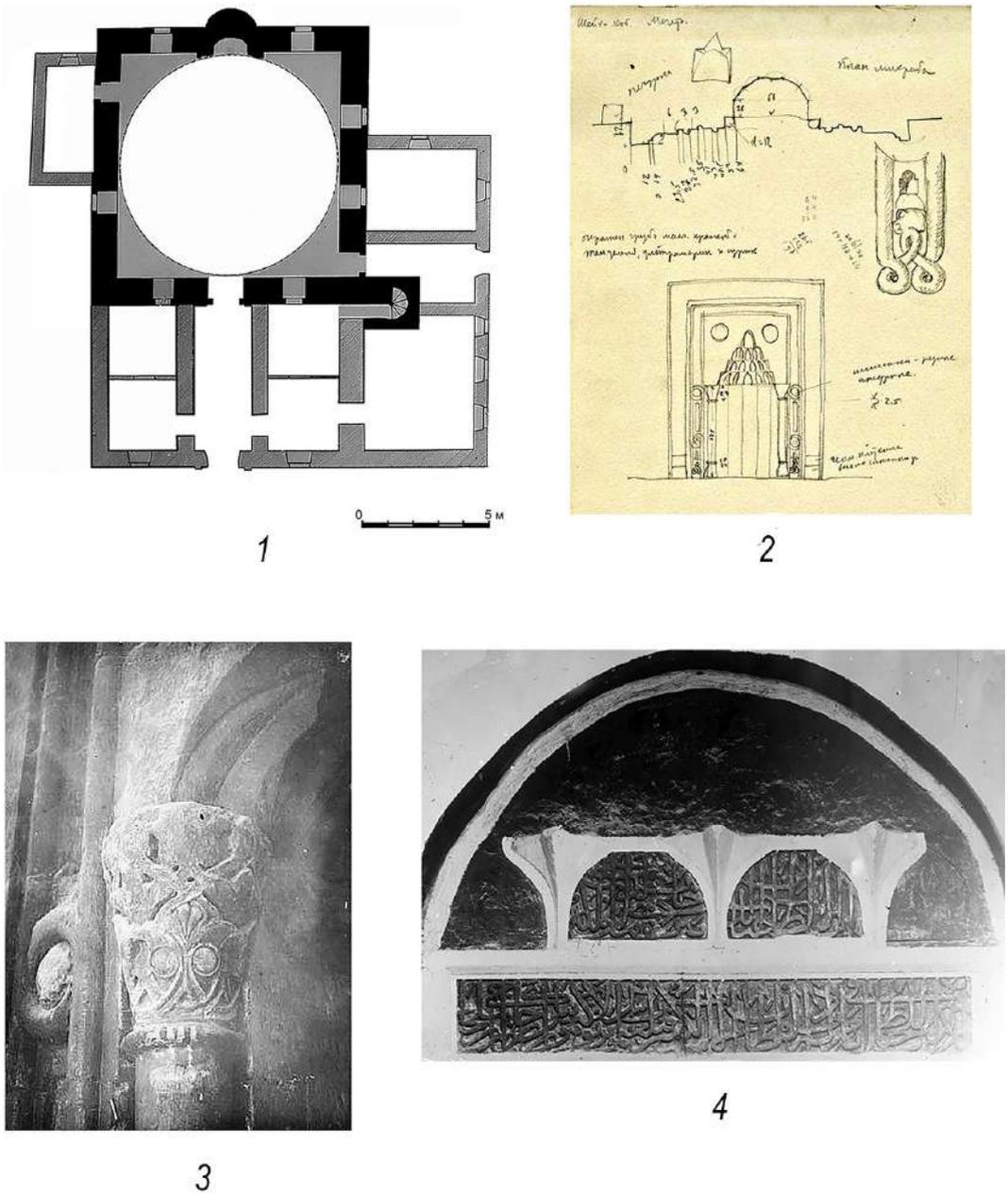

Рис. 13. Мечеть в Шейх-Кой: 1 – план (из архива негативов БИКАМЗ, № 1468); 2 – план, фасад и вид фрагмента михраба, кроки 1928 г. (ГНИМА, 1928, Арх. 1233/3; Ф. 31. Оп. 32. Д. 1. Л. 3) [по: 11, рис. 2]; 3 – восточная капитель михраба (ГНИМА, 1928, КПнвф 1143/3) [по: 21]; 4 – надпись над входом (из архива негативов БИКАМЗ, ф-165) [по: 32, рис. 758-759]

1

2

3

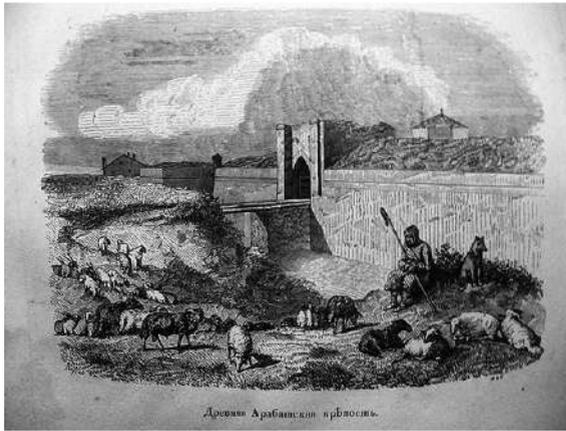

4

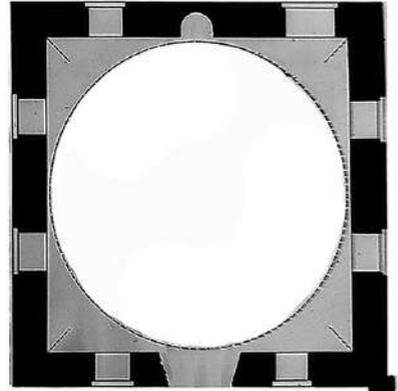

5

Рис. 14. Мечеть в Шейх-Кой: 1 – южная стена, современный вид; 2 – михраб, общий вид с севера; 3 – восточная капитель михраба; 4 – западная капитель михраба; 5 – михрабная ниша (фото А. Г. Герцена)

1

2 0 5 м

3

4

Рис. 15. Мечеть в Арабате: 1 – литография О. Раффе с изображением крепости, на дальнем плане видна мечеть [по: 15]; 2 – план (из архива негативов БИКАМЗ, № 1468); 3 – вид с юго-запада (ГНИМА. ОФ 6088-003); 4 – вид с запада, фото 1928 г. (Фонды БИКАМЗ. Ф-523) [по: 32, рис. 509, 579]

Рис. 16. Малая мечеть в Бахчисарайском дворце: 1 – фрагмент плана Бахчисарайского дворца В. Гесте 1798 г.; 2 – вид с юго-запада; 3 – купол; 4 – коробовый свод; 5 – интерьер; 6 – южная стена с михрабом (фото автора)

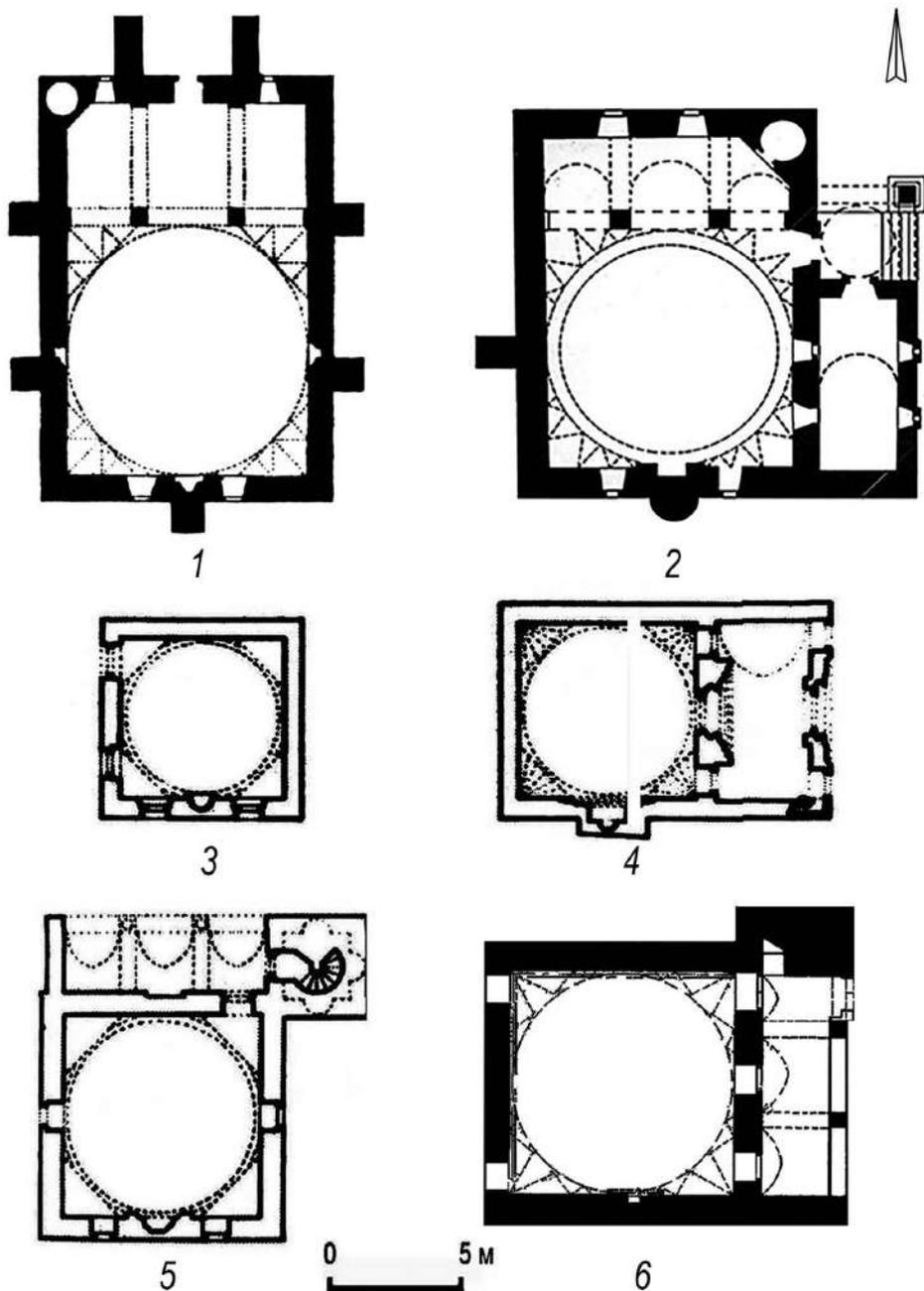

Рис. 17. Купольные мечети золотордынского периода в Крыму (1-2) и сельджукского в Анатолии (3-6): 1 – Куршун Джамии в Солхате; 2 – мечеть в Судакской крепости; 3 – Феррух-Шах в Акшехире; 4 – Таш медресит в Конье; 5 – Ходжа Хасан в Конье; 6 – Сирчалы медресит в Конье [по: 17, черт. 8; 7, рис. 1; 42, рис. 18, 19; 43, р. 494]

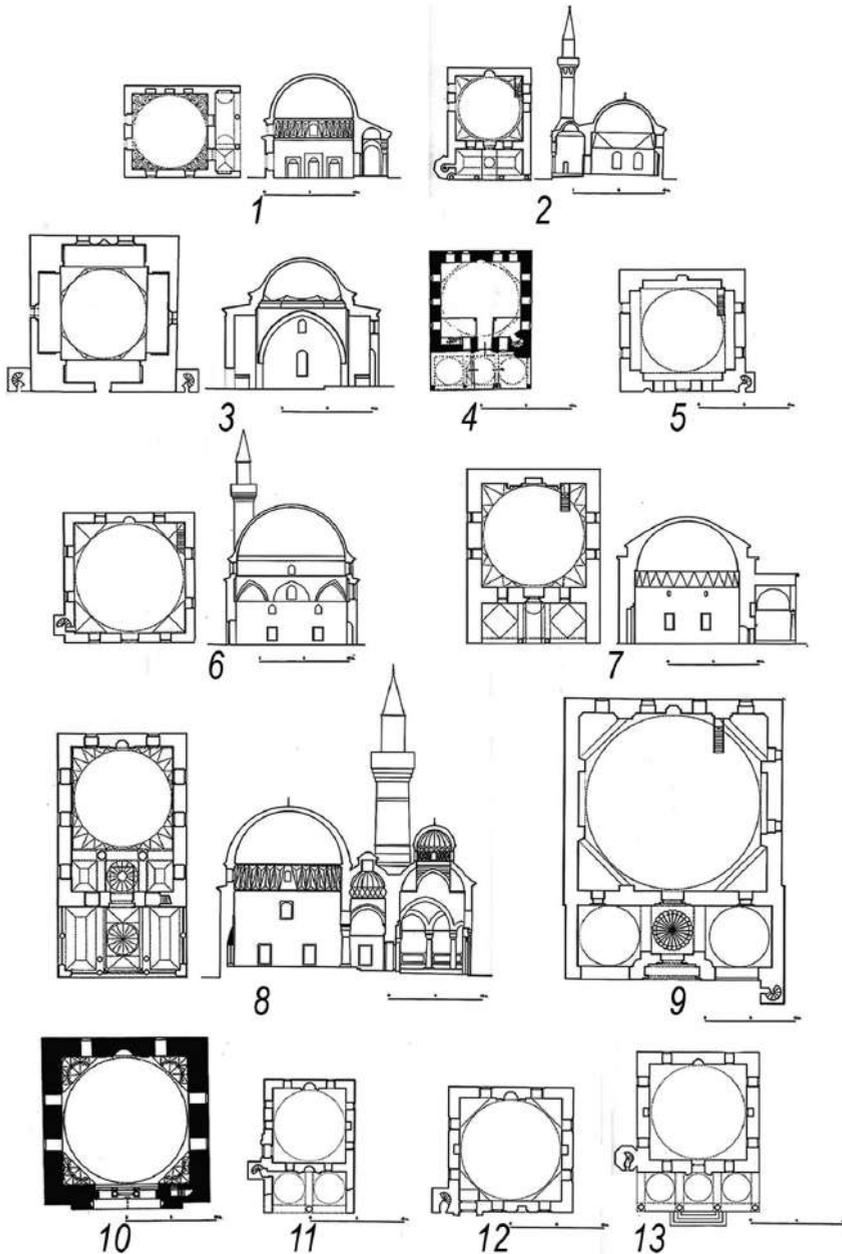

Рис. 18. Купольные мечети Турции раннеосманского (1–10) и османского периодов (11–13) периода: 1 – Хаси Озбек в Изнике; 2 – Алаеддин-бей-джами в Бурсе; 3 – Орхание-джами в Билеждике; 4 – Ибн Наджар-джами в Кастамону; 5 – Орхан Гази в Гебзе; 6 – Хюдавендигяр в Берамкале; 7 – Хока Ядигар в Инёну; 8 – Ильяс-бей-джами в Балате; 9 – Ешил-джами в Изнике; 10 – Йилдирим Байезид в Мудурну; 11 – Хаси Сахабеддин Паша в Эдирне; 12 – Касим Паша в Эдирне; 13 – Фируз Ага в Стамбуле [по: 25, с. 387, 447; 45, рис. 1-2, 6-7, 12-13, 20, 23, 28, 33, 54-55, 65-66, 69]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдульвапов Н. Суфизм и начальный этап активного распространения ислама в Крыму // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2006. № 79. С. 140–149.
2. Абдульваап Н. К истории науки, образования и литературы в Крыму в период Золотой Орды // Qasevet. 2014. № 42. С. 2–20.
3. Акчокраклы О. 1928 сенеси ичинде лъырымда фенний ве тарихий экспедициялар // Эрсерлер топламы. Симферополь, 2006. С. 252–256.
4. Артеменко А.А. Крымская область // Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР Т. 2 / Ред. Н. Л. Жариков, Ю. А. Нельговский и др. Киев: Будивельник, 1984. 336 с.
5. Асеев Ю.С., Лебедев Г. А. Архитектура Крыма. Киев: Госстройиздат УССР, 1961. 239 с.
6. Бабенко Г.А., Дюличев В.П. Шедевры мусульманской архитектуры Крыма. Симферополь: Симферопольская городская тип., 2008. 319 с.
7. Баранов И.А. Зальное купольное здание Судакской крепости // Сугдейский сборник. Вып. II. Киев, Судак, 2005. С. 632–654.
8. Башкиров А.С. Художественные памятники Солхата // Крым. 1927. № 1. С. 122–144.
9. Бочаров С.Г. Мечети города Каффа (Кефе) в 1340–1779 годах // Поволжская археология, 2016. № 2 (16). С. 120–137.
10. Бочаров С.Г., Кирилко В.П. Исторические и архитектурные метаморфозы Шейх-Коя // Stratum plus. 2016. № 6. С. 371–392.
11. Бочаров С.Г., Кирилко В.П. Мечеть в Шейх-Кой: интерпретационные возможности научных источников в исследовании памятника // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: история, политология. 2017. № 15 (264). С. 64–69.
12. Всеволодский-Гернгросс В.Н. Ханский дворец в Бахчисарае. СПб., 1912. 32 с.
13. Герцен А.Г., Колтухов С.Г. Археологические работы в Арабатской крепости // Северное и Западное Причерноморье в античную эпоху и средневековье. Симферополь: Таврия, 2009. С. 144–172.
14. Джанов А.В. «Храм с аркадой» в Судак // Сугдейский сборник. Вып. II. Киев, Судак, 2005. С. 654–670.
15. Демидов А.Н. Путешествие в Южную Россию и Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году, Анатолием Демидовым, членом Императорской Санкт-Петербургской Академии наук и искусств, Императорского С.-Петербургского университета, и академий Парижской, Мюнхенской и Стокгольмской: Изд., украш. рис. Раффе. М., 1853. 543 с.
16. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие в Крым [Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. В 6 томах. Париж, 1843. Т. 5, 6]. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 393 с.
17. Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2. С. 113–168.
18. Ибрагимова А.М. Бахчисарайский Ханский дворец XVI–XVIII вв. Киев: Видавель Олег Філюк, 2015. 360 с.
19. Кирилко В.П. Мечеть в Эски-Сарае (Пионерское) // Stratum plus. 2012. № 6. С. 261–301.
20. Кирилко В.П. Михраб мечети в Шейх-Кой // Поволжская археология. 2016. № 2(16). С. 138–150.
21. Кирилко В.П. Сполии в архитектуре Крымского ханства // Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ / Отв. ред. Х. М. Абдуллин, А. Г. Ситдииков. Казань: Институт археологии АН РТ, 2016. С. 160–170.
22. Кирилко В.П. Архитектура мечетей османского города Кефе (по материалам письменных и графических источников) // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2018. Вып. 10(1). С. 222–234.
23. Кирилко В.П., Бочаров С.Г. Малоизвестная средневековая мечеть в Центральном Крыму (Шейх-Кой) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4/2. С. 111–118.
24. Кондараки В.Х. В память столетия Крыма. Т. I. М., 1883. 145 с.
25. Кононенко Е.И. Анатолийская мечеть XI–XV вв. Очерки истории архитектуры. М.: Прогресс-Традиция, 2017. 479 с.

26. Крамаровский М.Г. Золотая Орда как цивилизация // Золотая Орда. История и культура. СПб.: Славия, 2005. 264 с.
27. Крикун Е.В. Памятники крымскотатарской архитектуры (XIII–XX вв.) Симферополь: Крымучпедгиз, 1998. 111 с.
28. Кутайсов В.А. Евпатория: Древний мир. Средние века. Новое время. Киев: Стилос, 2007. 282 с.
29. Мечети Крыма на старых фотографиях. Из фондов Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника / Ред. И.В. Зайцев, Ш.С. Сетуймеров, Р.Р. Эминов. М., 2016. 112 с.
30. Мирас-наследие. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Т. 1. Казань: Астер Плюс, 2016. 380 с.
31. Мирас-наследие. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Т. 2. Казань: Астер Плюс, 2016. 572 с.
32. Мирас-наследие. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Т. 3. Казань: Астер Плюс, 2016. 720 с.
33. Паллас Петр Симон. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 гг. М., 1999. 246 с. (Научное наследство. Т. 27).
34. Петрова Э.Б. Исторический и художественный альбом Тавриды Евгения де Вильнёва и Викентия Руссена. Феодосия, Симферополь: Н. Оріанда, 2015. 233 с.
35. Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Т. 1, г. Бахчисарай / Гл. ред. Р.С. Хакимов. Симферополь: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 168 с.
36. Сейдалиев Э.И. Мусульманские культовые памятники Крыма периода Золотой Орды. Современное состояние проблемы // Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия в Крыму / Ред. А. Исмаилов, Э. Муратова, С. Эминова. Симферополь, 2014. С. 65–71.
37. Тункина И.В. Открытие Феодосии: страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей, 1771–1871. Киев: Болеро, 2011. 240 с.
38. Фронжуло М.А. Раскопки «Храма с аркадой» Судакской крепости (1969–1975 гг.) // Сугдейский сборник. Вып. II. Киев, Судак, 2005. С. 621–632
39. Храпунов Н.И. Культурное наследие Крыма эпохи Золотой Орды и Крымского ханства в описаниях иностранцев рубежа XVIII–XIX вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 4. С. 271–291.
40. Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Симферополь: Доля, 2008. 270 с.
41. Якобсон А.Л. Средневековый Крым. М., Л.: Наука, 1964. 232 с.
42. Aslanapa O. Turkish Art and Architecture. N.Y.: Praeger Publisher, 1971. 421 p.
43. Hillenbrand R. Islamic Architecture. N.Y.: Columbia University Press, 1994. 646 p.
44. Kaňal-Ferrari N. An Overview on Mosque Architecture of the Golden Horde Period in Crimea // 15th International Congress of Turkish Art (ICTA). Proceedings. Ankara, 2018. P. 383–400.
45. Kuran A. The Mosque in Early Ottoman architecture. Chicago: University of Chicago Press, 1968. 233 p.

REFERENCES

1. Abdul'vapov N. Sufizm i nachal'nyi etap aktivnogo rasprostraneniia islama v Krymu. *Kul'tura narodov Prichernomor'ia*, Simferopol, 2006, No. 79, pp. 140–149.
2. Abdul'vaap N. K istorii nauki, obrazovaniia i literatury v Krymu v period Zolotoi Ordy. *Qasevet*, 2014, No. 42, pp. 2–20.
3. Akchokrakly O. 1928 senesi ichinde l'yrymda fennii ve tarikhiі ekspeđitsiialar. *Erserler toplamy*, Simferopol, 2006, pp. 252–256.

4. Artemenko A.A. Krymskaia oblast'. Zharikov N.L., Nel'govskii Iu.A. (Eds.), *Pamiatniki gradostroitel'stva i arkhitektury Ukrainskoi SSR*, T. 2, Kiev, Budivel'nik Publ., 1984, 336 p.
5. Aseev Iu.S., Lebedev G. A. *Arkhitektura Kryma*. Kiev, Gosstroizdat USSR Publ., 1961, 239 p.
6. Babenko G.A., Diulichhev V.P. *Shedevry musul'manskoi arkhitektury Kryma*. Simferopol, Simferopol'skaia gorodskaja tipografia Publ., 2008, 319 p.
7. Baranov I.A. Zal'noe kupol'noe zdanie Sudakskoi kreposti. *Sugdeiskii sbornik*, Vol. II, Kiev, Sudak, 2005, pp. 632–654.
8. Bashkirov A.S. Khudozhestvennye pamiatniki Solkhata. *Krym*. 1927. No. 1. pp. 122–144.
9. Bocharov S.G. Mecheti goroda Kaffa (Kefe) v 1340–1779 godakh. *Povolzhskaia arkheologiya*, 2016, No. 2 (16), pp. 120–137.
10. Bocharov S.G., Kirilko V.P. Istoricheskie i arkhitekturnye metamorfozy Sheikh- Koia. *Stratum plus*, 2016, No. 6, pp. 371–392.
11. Bocharov S.G., Kirilko V.P. Mechet' v Sheikh-Koi: interpretatsionnye vozmozhnosti nauchnykh istochnikov v issledovanii pamiatnika. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriia, politologiya*, 2017, No. 15 (264), pp. 64–69.
12. Vsevolodskii-Gerngross V.N. *Khanskii dvorets v Bakhchisarae*. Sankt-Peterburg, 1912, 32 p.
13. Gertsen A.G., Koltukhov S.G. Arkheologicheskie raboty v Arabatskoi kreposti. *Severnoe i Zapadnoe Prichernomor'e v antichnuu epokhu i srednevekove'e*, Simferopol, Tavriia Publ., 2009, pp. 144–172.
14. Dzhanov A.V. «Khram s arkadai» v Sudake. *Sugdeiskii sbornik*, Vol. II, Kiev, Sudak, 2005, pp. 654–670.
15. Demidov A. N. *Puteshestvie v Iuzhnuu Rossiiu i Krym, cherez Vengriiu, Valakhiuu i Moldaviuu, sovershennoe v 1837 godu, Anatoliiem Demidovym, chlenom Imperatorskoi Sanktpeterburgskoi Akademii nauk i iskusstv, Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta, i akademii Parizhskoi, Miunkhenskoi i Stokgol'mskoi*. Moscow, 1853, 543 p.
16. Diubua de Monpere F. *Puteshestvie v Krym [Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziiu, Armeniiu i v Krym. V 6 tomakh. Parizh, 1843. T. 5, 6]*. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2009, 393 p.
17. Zasyplin B.N. Pamiatniki arkhitektury krymskikh tatar. *Krym*, 1927, No. 2, pp. 113–168.
18. Ibragimova A.M. *Bakhchisaraiskii Khanskii dvorets XVI–XVIII vv.* Kiev, Vidavets Oleg Filiuk Publ., 2015, 360 p.
19. Kirilko V.P. Mechet' v Eski-Sarae (Pionerskoe). *Stratum plus*, 2012, No. 6, pp. 261–301.
20. Kirilko V.P. Mikhrab mecheti v Sheikh-Koi. *Povolzhskaia arkheologiya*, 2016, No. 2 (16), pp. 138–150.
21. Kirilko V.P. Spolii v arkhitekture Krymskogo khanstva. Abdullin Kh.M., Sitdikov A.G. (Eds.), *Materialy Kongressa islamskoi arkheologii Rossii i stran SNG*, Kazan, Institut arkheologii AN RT Publ., 2016, pp. 160–170.
22. Kirilko V.P. Arkhitektura mecheti osmanskogo goroda Kefe (po materialam pis'mennykh i graficheskikh istochnikov). *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury*, 2018, Vol. 10 (1), pp. 222–234.
23. Kirilko V.P., Bocharov S.G. Maloizvestnaia srednevekovaia mechet' v Tsentral'nom Krymu (Sheikh-Koi). *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2015, No. 4/2, pp. 111–118.
24. Kondaraki V.Kh. *V pamiat' stoletii Kryma*. T. I. Moscow, 1883, 145 p.
25. Kononenko E.I. *Anatoliiskaia mechet' XI–XV vv. Ocherki istorii arkhitektury*. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2017, 479 p.
26. Kramarovskii M.G. *Zolotaia Orda kak tsivilizatsiia. Zolotaia Orda. Istoriiia i kul'tura*. St-Petersburg, Slaviia Publ., 2005, 264 p.
27. Krikun E.V. *Pamiatniki krymskotatarskoi arkhitektury (XIII–XX vv.)*. Simferopol, Krymuchpedgiz Publ., 1998, 111 p.
28. Kutaisov V.A. *Evporiia: Drevnii mir. Srednie veka. Novee vremia*. Kiev, Stilos Publ., 2007, 282 p.
29. Zaitsev I.V., Setuimerov Sh.S., Eminov R.R. (Eds.), *Mecheti Kryma na starykh fotografiakh. Iz fondov Bakhchisaraiskogo istoriko-kul'turnogo i arkheologicheskogo muzeia-zapovednika*. Moscow, 2016, 112 p.
30. Bocharov C.G., Sitdikov A.G. (Eds.), *Miras-nasledie. Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoi kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 godakh. T. I*. Kazan, Aster Plus Publ., 2016, 380 p.

31. Bocharov C.G., Sitdikov A.G. (Eds.), *Miras-nasledie. Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoi kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 godakh. T. 2.* Kazan, Aster Plius Publ., 2016, 572 p.
32. Bocharov C.G., Sitdikov A.G. (Eds.), *Miras-nasledie. Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoi kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 godakh. T. 3.* Kazan, Aster Plius Publ., 2016, 720 p.
33. Pallas Petr Simon. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnyim namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 gg.* Moscow, 1999, 246 p.
34. Petrova E.B. *Istoricheskii i khudozhestvennyi al'bom Tavridy Evgeniia de Vil'neva i Vikentiiia Russena.* Feodosiia, Simferopol, N. Orianda Publ., 2015, 233 p.
35. Khakimov R.S. (Ed.), *Svod pamiatnikov istorii, arkhitektury i kul'tury krymskikh tatar. T. I, g. Bakhchisarai.* Simferopol, Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2016, 168 p.
36. Seidaliev E. *Musul'manskie kul'tovye pamiatniki Kryma perioda Zolotoi Ordy. Sovremennoe sostoianie problemy.* Ismailov A., Muratova E., Eminova S. (Eds.), *Aktual'nye problemy izucheniia i sokhraneniia islamskogo naslediia v Krymu,* Simferopol, 2014, pp. 65–71.
37. Tunkina I. V. *Otkrytie Feodosii: stranitsy arkheologicheskogo izucheniia Iugo-Vostochnogo Kryma i nachal'nye etapy istorii Feodosiiskogo muzeia drevnosti, 1771–1871.* Kiev, Bolero Publ., 2011, 240 p.
38. Fronzhulo M.A. *Raskopki «Khrama s arkadoi» Sudakskoi kreposti (1969–1975 gg.). Sugdeiskii sbornik, Vol. II,* Kiev, Sudak, 2005, pp. 621–632
39. Khrapunov N.I. *Kul'turnoe nasledie Kryma epokhi Zolotoi Ordy i Krymskogo khanstva v opisaniiaakh inostrantsev rubezha XVIII–XIX vv. Problemy istorii, filologii, kul'tury,* 2017, No. 4, pp. 271–291.
40. Chelebi E. *Kniga puteshestviia. Krym i sopredel'nye oblasti.* Simferopol, Dolia Publ., 2008, 270 p.
41. Iakobson A.L. *Srednevekovi Krym.* Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964, 232 p.
42. Aslanapa O. *Turkish Art and Architecture.* N.Y., Praeger Publisher, 1971, 421 p.
43. Hillenbrand R. *Islamic Architecture.* N.Y., Columbia University Press, 1994, 646 p.
44. Kaňal-Ferrari N. *An Overview on Mosque Architecture of the Golden Horde Period in Crimea. 15th International Congress of Turkish Art (ICTA). Proceedings,* Ankara, 2018, pp. 383–400.
45. Kuran A. *The Mosque in Early Ottoman architecture.* Chicago, University of Chicago Press, 1968, 233 p.

Информация об авторе

Зиливинская Э. Д. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, Researcher ID: G-4161-2018.

Information about the author

Zilivinskaya E. D. – Doctor of Science (History), Leading Researcher at the Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, Researcher ID: G-4161-2018.

ИМПОРТНАЯ ГЛАЗУРОВАННАЯ КЕРАМИКА ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДА ИЗ РАСКОПОК СОЛХАТСКОГО ГОРОДИЩА И ПАМЯТНИКОВ ЕГО БЛИЖАЙШЕЙ ОКРУГИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 1978-2019 ГГ.)

Джемиле Эльвировна Сейдалиева

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского; Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия, djemka65@gmail.com

Аннотация. Специальных работ посвященных импортной глазурованной посуде Солхатского городища и его ближайшей округи до настоящего времени не публиковалось. В нашем исследовании предпринимается попытка представить ассортимент изделий. Доля привозной глазурованной керамики на Солхатском городище составляет около 17%. Импортная керамика, обнаруженная в Солхате, представлена фрагментами глазурованных изделий из кашина, селадона, испанского люстра, особой группы красноглиняных изделий с голубой поливой и керамикой византийского круга.. Выделена керамика, привезенная из городов Поволжья, Маджара, Хорезма, Ирана, Испании и Китая. Наиболее многочисленную группу составляет кашинная керамика (46,4%), которая встречается на всех исследуемых объектах Солхата и округи. Красноглиняные изделия с непрозрачной голубой глазурью составляют около 33,4% от всех импортных изделий. Керамика византийского круга встречается только в культурном слое архитектурного комплекса караван-сарая и ремесленного поселения Бокаташ II (12%). Наиболее малочисленные группы привозной керамики – посуда других гончарных центров Крыма (3,7%), испанский люстр (2,4%) и китайский селадон (2,1%). Статья сопровождается сводной статистической таблицей импортной керамики, найденной на территории Солхатского городища и ближайшей округи, а также таблицами иллюстраций.

Ключевые слова: Золотая Орда, Крым, Солхат, импортная глазурованная керамика

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время».

THE IMPORTED GLAZED CERAMIC WARE FROM THE GOLDEN HORDE PERIOD EXCAVATED AT ANCIENT SOLKHAT AND THE SITES IN ITS VICINITY (ACCORDING TO THE MATERIALS OF 1978-2019 RESEARCHES)

Dzhemile E. Seidalieva

V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Institute of Archaeology of the Crimea of Russian Academy of Science, Simferopol, Russia, djemka65@gmail.com

Abstract. So far, there is no published research addressing the imported glazed ware excavated at the ancient town of Solkhat and its nearest environs. This research presents an attempt of determining the assortment of artefacts. The imported glazed pottery percentage discovered at the site of Solkhat is ca. 17%. The

imported ceramic pottery excavated at Solkhat comprises the fragments of glazed wares such as kashi, celadon, and Spanish lustre wares, and a specific group of red clay vessels with blue glazing, and Byzantine-influenced glazed pottery.. The paper has determined the pottery imported from the towns located in the Volga area, Madzhar, Khwarazm, Iran, Spain, and China. The kashi ware comprises the most numerous group (46.4%), which occurred at every site under research in Solkhat and its environs. The red clay ware featuring opaque light blue glaze comprise ca. 33.4% of all imports. The Byzantine circle pottery occurred only in the cultural layer of the caravanserai architectural assemblage and the industrial settlement of Bokatash II (12%). The lesser group of imported pottery comprises the products of another pottery centres in the Crimea (3.7%), Spanish lustre ware (2.4%), and Chinese celadon ware (2.1%). The paper is supplied with a statistic table showing the imported pottery excavated at Solkhat ancient town and in its near environs and the tables of illustrations.

Keywords: Golden Horde, Crimea, Solkhat, imported glazed pottery

Acknowledgments: The work was carried out within the framework of project No. 20-18-00076 supported by Russian Science Foundation.

В конце XIII – второй половине XIV в. в Крымском Улусе Золотой Орды существовало развитое местное гончарное производство, но в Солхат поступала и различная дорогостоящая импортная посуда. В историографии практически не встречаются публикации импортной керамики, найденной в Солхате. Особое значение для исследования глазурованной привозной посуды Солхатского городища имеют работы М. Г. Крамаровского¹. Автор детально описал и проанализировал чашу с изображением сцены пира молодых людей в гранатовом саду, найденную в т. н. мечети Бейбарса, в слое заполнения землянки, обнаруженной под полом мечети с джучидскими монетами XIV в. [14, с. 170–193; 17, с. 68–69]. В книге «Человек средневековой улицы» опубликованы фрагменты византийского импорта эпохи Палеологов [14, с. 298]. Особое внимание уделено теме вина и веселья в художественном оформлении византийской, сельджукской и крымской столовой посуды XII–XIV вв. [16; 14, с. 164–198, 239–252]. Исследователь приходит к выводу о связях керамического производства Солхата с декоративно-прикладным искусством Рума [16, с. 248–249; 17, с. 68–69].

В 2013 году на территории архитектурного комплекса медресе-мечети хана Узбека была исследована предпортальная площадь [26]. Обнаружены хозяйственные ямы и водовод 30-х гг. – конца XIV – начала XV вв. Глазурованная керамика из этих комплексов была опубликована в кратком тезисном сообщении [25].

Исследователи А. В. Гаврилов и В. В. Майко в книге «Средневековое городище Солхат-Крым (материалы к археологической карте города Старого Крыма)» публикуют импортные находки изделий из некоторых районов Солхата, в том числе и привозную глазурованную плитку из облицовки мавзолея на возвышенности Ногайлы-Оглу-Оба [3, с. 37].

В 2016 году выходит каталог выставки «Крым в золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи», посвященный зо-

¹ Выражаю благодарность доктору исторических наук, руководителю Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа М. Г. Крамаровскому за возможность опубликовать материал и кандидату исторических наук В. Е. Науменко за консультацию при подготовке настоящей публикации.

лотоордынскому периоду в Крыму [27]. Впервые публикуются несколько фрагментов кашинной керамики, испанской люстровой посуды и фрагменты селадоновых чаш, найденных на территории Солхата в последние годы [27, с. 90–105].

В статье «Рах Mongolica и чингисидская глобализация» М. Г. Крамаровский пишет, что в период Золотой Орды встречается импорт из Китая (селадон) и полуфаянсы с кобальтом, выполненные в технике люстра, с побережья юго-восточной Испании (Валенсия) [15, с. 21]. В иллюстративной части каталога опубликованы чаша с изображением птицы (Византийская Малая Азия?) [9, с. 457], сирийский кашинный кувшин с подглазурной росписью кобальтом [9, с. 458] и малоазийский (?) или крымский (?) альбарелло из кашина, покрытый бирюзовой глазурью [9, с. 459].

Доля импорта среди обнаруженной глазурованной керамики Солхатского городища и его округа составляет 17% (см. Приложение 2). Набор групп импортной керамики в целом является обычным для любого памятника в причерноморских областях Золотой Орды. Выделены группы сосудов, привезенных из городов Поволжья, Маджара, Хорезма, Ирана, Испании и Китая (см. Приложение 1).

1. Кашинная керамика

Коллекция кашинной глазурованной посуды наиболее многочисленна и включает в основном мелкие фрагменты сосудов открытого типа (чаши). Все изделия изготовлены из рыхлого серовато-белого или серовато-розового кашина способом тиснения в матрицах-кальпе, далее покрывались слоем белого ангоба и декорировались в технике подглазурной росписи, после покрывались бесцветной глазурью.

По способу орнаментации выделяются следующие группы кашинной столовой керамики:

I группа: Сосуды открытого типа (чаши?) с подглазурной росписью точками и растительными либо геометрическими мотивами черного или темно-синего цвета под монокромной бирюзовой глазурью (вид II по Ковалю [13, с. 90–93], отдел III по Лисовой [28, с. 25–26]) (рис. 1, 1–3, 5, 11). Изготовление такого вида керамики получило широкое распространение на Ближнем и Среднем Востоке. В конце XIII – XIV вв. составляет один из самых распространенных типов глазурованной посуды в Иране, Сирии, Средней Азии и Поволжье [12, с. 90].

II группа: Сосуды открытого типа (чаши?) с подглазурной росписью в виде растительных мотивов полихромными красками (черной, бирюзовой и синей) и линиями ангоба (вариант II по Ковалю [13, с. 93–100], отдел I по Лисовой [28, с. 25–26]) (рис. 1, 13–15; 2, 1–7, 9–13; 3, 1–22).

III группа: Сосуды открытого типа (чаши?) с подглазурной монокромной росписью синей (кобальтовой) краской под прозрачной бесцветной глазурью («Тимуридская керамика») (рис. 2, 8; 4, 1–4).

IV группа: Сосуды открытого типа (блюда?) без декорирования из сероватого кашина на низком кольцевом поддоне с монокромной бирюзовой краской изнутри

и снаружи – темно-синей (кобальтовой) под прозрачной бесцветной глазурью (рис. 1,6–10,12).

I группа: Сосуды открытого типа на кольцевом поддоне типа «ладжвардина» (?) (рис. 6,1).

Также обнаружены фрагменты небольших чашечек полусферической формы из серовато-белого кашина на кольцевом поддоне, изнутри покрыты бирюзовой (рис. 1,7) и сероватой (?) глазурью (рис. 4,5–6).

Обнаружены фрагменты альбарелло (?), сосудов закрытого и открытого типа из белого рыхлого кашина, изнутри покрытых монохромной бирюзовой глазурью (рис. 5,1–6).

Отметим единичную находку пуговицы из мягкого белого кашина дисковидной формы с двумя отверстиями, покрытую бирюзовой глазурью (рис. 6,17). Аналогии данной находке известны в Поволжье и на Руси [8, с. 180].

Отдельно необходимо выделить строительную привозную керамику, которая представлена декоративными глазурованными облицовочными плитками. Кашинные изразцы обнаружены во фрагментарном виде. Выделяется две группы:

I группа: Облицовочные изразцы из серовато-белого кашина с подглазурной росписью в виде растительных мотивов монохромной синей краской (рис. 6,2–9,14).

II группа: Облицовочные изразцы из белого рыхлого кашина, покрытые монохромной бирюзовой непрозрачной глазурью (рис. 6,10–11,13,15–16).

Единичным экземпляром представлен изразец с тисненым декорированием и монохромной голубой глазурью (рис. 6,12).

Все эти группы кашинной керамики датируются серединой – второй половиной XIV вв. и известны по результатам раскопок городских центров Улуса Джучи в Поволжье [5, с. 45]. Характеристика кашина, аналогичного находкам глазурованной посуды золотоордынского Поволжья, позволяет относить все обнаруженные фрагменты к продукции нижневолжских городов столичных золотоордынских центров. Кашинные изделия, найденные в закрытых комплексах Солхатского городища, по нумизматическому материалу датируются концом XIII – второй половиной XIV вв. [18, с. 7], самая ранняя медная монета, чеканенная в Крыму, датируется 1291/2 г. [19, с. 44].

2. Китайский селадон

Со второй половины XIII в. на территории Золотой Орды действовал международный торговый путь, соединявший Европу с городами Центральной Азии и Китая. Солхат был одним из центров международной торговли и караванных путей. Торговые пути Улуса Джучи доходили до Китая, Индии, Аравии, Египта, Италии, Скандинавии [7, с. 144]. Из Китая в Золотую Орду доставлялись селадоновые сосуды, среди которых исследователи выделяют две разновидности, отличающиеся цветом глазури. Первая группа сосудов, покрытая светло-зеленой глазурью, производилась в Китае; вторая, отличающаяся сероватым тоном покрытия, относится исследователями к корейскому производству [10, с. 139]. Через Хорезм и поволжские города Золотой

Орды высокосортный селадон ввозился на территорию Руси [11, с. 140]. Находки в древнерусских городах сосудов восточного производства из фарфора и селадона связаны, безусловно, с Золотой Ордой. Керамика из селадона распространялась в городах, через которые проходили торговые пути, также встречалась в центрах, которые находились в удаленных местах. Товар доставлялся в ограниченных количествах и продавался по высокой цене. Известны случаи, когда дорогие фарфоровые, в том числе селадонные, сосуды ремонтировались [30, с. 402]. Селадон, отличающийся серым цветом чрезвычайно плотной формовочной массы и покрытием со всех сторон зеленой поливой различных оттенков (от голубоватого до бурого, в основном нежно-зеленого цвета), высоко ценился в аристократическом средневековом мире.

Для классификации селадонных находок из раскопок Солхатского городища и округа за основу взята схема, представленная в работе М. Д. Полубояриновой [32, с. 155]. В настоящем исследовании выделены две категории по функциональному назначению – чаши и блюда. Далее материал делится на три группы по морфологии:

I группа: Чаши из твердой фарфоровидной массы белого цвета, с полусферическим туловом с ровным вертикальным венчиком, поверхность покрыта толстым слоем прозрачной глазури приглушенного светлого серо-зеленого цвета. На одном фрагменте снаружи в верхней части корпуса нанесен врезной орнамент в виде меандра (рис. 7,2–3,6–7).

II группа: Чаши из твердой фарфоровой массы белого цвета, с полусферическим туловом с широким отогнутым горизонтальным бортом, внешняя часть тулова сосуда украшена рельефной моделировкой в виде вертикальных каннелюр с замкнутым округлым верхним краем, снаружи и изнутри сосуд покрыт монохромной глазурью светло-зеленого (с болотным оттенком) цвета (рис. 7,1,5).

III группа: Блюдо из твердой фарфоровой массы белого цвета, на низком кольцевом поддоне, поверхность покрыта толстым слоем прозрачной глазури приглушенного светлого серо-зеленого цвета, снаружи по краю кольцевого поддона прослеживается кольцо коричневого цвета (рис. 7,4).

Несмотря на незначительное количество фрагментов селадонных сосудов, обнаруженных на средневековом городище Солхат, они надежно маркируют место и значение золотоордынской столицы Крыма на Великом шелковом пути. Благодаря этой крупнейшей трансконтинентальной торговой магистрали Крымский полуостров оказался местом сосредоточения носителей различных культурных традиций, что способствовало формированию на его территории специфической материальной культуры. Обнаруженные сосуды из селадона датируются второй половиной XIV в. [27, с. 133; 18, с. 9].

3. Испанский люстр

Западное направление керамического импорта отражают находки испанских мастеров. Испанские люстровые сосуды – это изделия из слабожелезненной (розовой, телесного оттенка) глины, расписанные золотистой краской поверх глазурного покрытия, часто в сочетании с кобальтовой внутриглазурной росписью [38, с. 92].

Изготовление испанского люстра происходило в нескольких районах Испании с XI по XVIII вв., но наиболее популярна продукция Гранады и Малаги XIV в. и Валенсии конца XIV – XVI вв. Начало производства люстровой керамики на Пиренейском полуострове относится к XII в. и связано с переселением мавританских мастеров [13, с. 103]. К концу XIV в. валенсийские люстры начинают доминировать на международных рынках, в конце XIV – первой половине XV в. они получают широкое распространение в Крыму.

На территории Солхатского городища находки испанского люстра малочисленны, преобладают столовые сосуды открытой формы (чаши, тарелки, блюда).

В Солхате встречается люстровая керамика *tina* «Pula» (рис. 8,1–4), близкие по стилю изделия встречаются в Феодосии [37, с. 80–83, табл. IX,87–89; 25, с. 150–151, кат. 131–132]. Свое название группа получила от города Пула на острове Сардиния [36, с. 473], керамика отличается стилем строго геометрического оформления. Это наиболее ранняя группа керамики, точно атрибутированная как продукция валенсийских мастерских [36, с. 473]. Изделия “Pula-type” могут быть датированы временем между 1330 и 1380 или 1420 гг. [41, р. 372–374; 40, р. 315–346].

Стиль «*disc-flowers*» также представлен одной находкой из раскопок средневековой христианской базилики (рис. 8,5). Основным элементом орнамента этой группы являются стилизованные цветы в окружении точек, которые могут быть нанесены как люстром, так и кобальтом. Данная группа распространена в Италии, на Сицилии, в Нидерландах, Египте [36, с. 475].

К первой половине XV в. относится фрагмент люстровой керамики с декором типа «*parallels and spirals*», обнаруженный на поселении Кринички II (рис. 8,6). Для этого декора характерны спирали и параллельные линии в различных вариациях. Исследователи предполагают, что данный декор характерен для изделий Патерны [43, р. 365–375; 42, р. 84, Pl. 10,205–209].

Также найден редкий плоскодонный одноручный кувшин, черепок светло-оранжевоглиняный, ручка крепилась в средней части тулова, глазурь белого цвета, опаковая, на внешней стороне роспись черной краской в виде прямых и слегка волнистых линий (рис. 8,7–8).

Обнаруженная испанская керамика с росписью люстром с Солхатского городища и округа производилась в мастерских округа Валенсия (непосредственно Патерна и Манисеса). Начало экспорта продукции приходится, видимо, на вторую половину – последнюю четверть XIV в., а пик импорта – на первую половину XV в. В. Ю. Коваль предполагает, что экспорт испано-мавританских сосудов заканчивается после захвата турками Константинополя [12, с. 175]. Обнаруженные на городище Солхат и в ближайшей округе сосуды испанского импорта по нумизматическим находкам датируются XIV – первой четвертью XV вв. [27, с. 150–151; 24, с. 91].

4. Керамика византийского круга

Византийская керамика, найденная при раскопках городища, немногочисленна, в целом выделено около 45 (в работе представлено 30 фрагментов) изделий византийского круга.

Больше всего распространена группа керамики сграффито с концентрическими кругами и спиралями в качестве базового элемента декора «*Sgraffito with Concentric Circles*» (SCC) – наиболее встречающаяся среди подражаний так называемой «Зевскиповой» керамике («*Zeuxippos Derivate*», «*Zeuxippos Influence Ware*», «*Zeuxippos Ware Family*» и др.) [37, с. 462].

На примере анализа находок алуштинской коллекции, проведенного И. Б. Тесленко [37, с. 459-498], в нашем исследовании выделяется 4 условных технологических группы.

I группа: Сосуды открытого типа (чаши, блюда) красно-оранжевоглиняные с примесью мелкой слюды и песка, полусферической формы на кольцевом поддоне с выделенным бортом, изнутри и снаружи по краю покрыты монохромной насыщенной коричневой глазурью; изнутри орнамент, выполненный в технике «сграффито» в виде концентрических кругов в центре поля и под бортом, также встречаются волнистые линии; снаружи по краю имеется подглазурная роспись белым ангобом в виде волнистой или зигзагообразной линии [2, с. 26] (рис. 9,1–10; 10,1–13) (группа 2 по Масловскому [2, с. 26]; группа I по Тесленко [37, с. 463-466]).

II группа: Сосуды открытого типа (чаши, блюда) (рис. 11,1–4) темно-красноглиняные с примесью песка и извести, полусферической формы на кольцевом поддоне с выделенным бортом, изнутри покрыты монохромной насыщенной коричневой глазурью; изнутри орнамент, выполненный в технике «сграффито» в виде концентрических кругов в центре поля (группа II по Тесленко [37, с. 466-467]).

Необходимо отметить, что на архитектурном комплексе караван-сарая найдены фрагменты-полуфабрикаты с хорошо промешанным тестом и относительно мелким дробленным шамотом и включением известняка, которые максимально подражали данной группе византийского импорта, но покрывались зеленой глазурью.

III группа: Изделия со сложным врезным орнаментом, выполненным в сочетании техник «сграффито» и «резерв», так называемые «*Elaborate Incised Ware*» (EIW) (группа IV по Тесленко). Сосуды открытого типа (небольшие чаши) (рис. 12, 4–5) оранжево-красноглиняные с примесью песка, полусферическое тулово на кольцевом поддоне, изнутри и снаружи покрыты светло-зеленой глазурью, орнамент в виде розетки, помещенной в восьмиконечную звезду. Также группа представлена единичным фрагментом кувшина (рис. 12,1–3) кирпично-красноглиняного, с небольшими включениями песка, тонкостенным, плоскодонным, изнутри и снаружи покрыт монохромной темно-желтой глазурью с орнаментом в технике «сграффито» и «шамплеве» в разнообразных мотивах («сельджукская цепь», «шахматная клетка», иногда со штриховкой, вертикальные или косые полосы, круглые спирали, криволинейные заштрихованные треугольники и др.) (группа 5 по Масловскому) [2, с.

32]. М. Г. Крамаровский связывает такие византийские кувшины с палеологовским временем и влиянием латинских образцов [23, с. 102–103].

Византийские сосуды составляют заметную долю керамического комплекса Солхатского городища и округа. Они поступали в Северное Причерноморье со второй половины XIII до середины XIV в. [2, с. 33–35]. Обнаруженные в закрытых археологических комплексах на городище Солхат и ближайшей округи находки датируются в тех же пределах [20, с. 9–14].

5. Красноглиняная керамика с бирюзовым покрытием

Красноглиняная керамика с плотным бирюзовым покрытием на данный момент, к сожалению, малоизвестна. Аналогии встречаются на территории Крымского полуострова, в частности, на Мангупском городище [31, с. 232], известны находки на памятниках Казанского ханства [33, с. 243–245; 34, с. 125–132]. А. Г. Ситдигов стратиграфически привязывает находки к слоям XIV–XVI вв. [33, с. 243]. С. Г. Бочаров предполагает, что данная категория сосудов изготавливалась в одном из столичных центров Золотой Орды – Селитренном городище [1, с. 34].

Сосуды насыщенно-красноглиняные без значительных видимых примесей, формовочная масса хорошо промешана, тесто плотное, снаружи и в большинстве случаев внутри покрыты монохромной плотной опаковой голубой глазурью. В Солхате встречаются кувшины, чаши и блюда.

I группа: Небольшие кувшинчики (?) насыщенно-красноглиняные с небольшими включениями известняка, грушевидной формы на кольцевом поддоне, снаружи покрыты монохромной плотной голубой глазурью (рис. 13,1–2).

II группа: Чаши насыщенно-красноглиняные без видимых включений, полусферической формы на кольцевом поддоне (диаметр от 4,5 до 6,8 см), венчик слегка отогнут, закруглен, снаружи и внутри покрыты монохромной глухой голубой глазурью (рис. 13,3–6).

III группа: Блюда насыщенно-красноглиняные без видимых включений, полусферической формы на низком кольцевом поддоне (диаметр 7 см), снаружи и внутри покрыты монохромной глухой голубой глазурью (рис. 13,7).

IV группа: Небольшие сосуды открытого типа насыщенно-красноглиняные без видимых включений, полусферической формы, плоскодонные (диаметр от 3,5 см), снаружи и внутри покрыты монохромной глухой голубой глазурью (рис. 13,8).

Вероятней всего, к числу привозной керамики необходимо отнести категорию строительных находок – плитки с покрытием плотной монохромной голубой глухой глазурью, в формовочной массе некоторых фрагментов видна примесь известняка (рис. 14,1–14).

Категория поливной красноглиняной керамики с глухой голубой глазурью требует дополнительных исследований и поиска аналогий. Импортные изделия данного вида встречаются в комплексах второй половины XIV – начала XV вв. [26, с. 188–190].

6. Красноглиняная керамика группы «Юго-западного Крыма»

К числу импортной керамики, обнаруженной на городище Солхат и ближайшей округе необходимо отнести глазурованную керамику юго-западного Крыма, которая представлена двумя группами «Monochrome (Brown or Green) Sgraffito Wares» и «Polichrome (Brown and Green) Sgraffito Wares» (рис. 15,1–12). Данные группы находок известны по раскопкам позднесредневековых поселений и городищ горной и южнобережной частей Таврики и за ее пределами и датируются 60-ми гг. XIV – XV (1475 г.) вв.

I группа «Monochrome (Brown or Green) Sgraffito Wares»: Сосуды открытого типа (чаши?) светло-красноглиняные, плотного теста с включениями шамота и известняка, изнутри покрыты монохромной светло-зеленой или коричневой глазурью с орнаментом, выполненным в технике «сграффито» (рис. 15,3,11).

II группа «Polichrome (Brown and Green) Sgraffito Wares»: Сосуды открытого типа (чаши, тарелки) красноглиняные, плотного теста с включениями шамота и известняка, у чаш полусферический корпус с вертикальным закругленным или заостренным венчиком, тарелки с широким условно горизонтальным бортом, контуры борта выделены одним или двумя реберчатыми выступами, изнутри и снаружи по краю покрыты полихромной (коричневой и зеленой) глазурью с орнаментом, выполненным в технике «сграффито» (рис. 15,1–2,4–10,12).

В научной литературе имеется устойчивое мнение о том, что данная группа керамики изготавливалась во многих городских центрах Северного Причерноморья, в Крыму, ориентировочно – в Алустане, Чембало, Фуне, и, вероятней всего, на Мангупе и др. [4, с. 386]. На Мангупе подобные находки встречаются во дворце и цитадели, являясь составляющей материального комплекса городища 20-70-х гг. XV в. [4, с. 387]. При изготовлении такой группы керамики местные ремесленники сохраняли основные морфологические и орнаментальные принципы поздневизантийской глазурованной посуды эпохи Палеологов с орнаментом, выполненным в технике «сграффито» [6, с. 396].

Необходимо отметить, что в Каффе были найдены ремесленные мастерские, где обнаружены полуфабрикат и фрагмент с монограммами, которые выполнены в подражание византийским сосудам [29, с. 289–290; 35, с. 29, рис. 6,4]. На Солхатском городище в архитектурном комплексе караван-сарая присутствуют три фрагмента, аналогичные чашам с Солдаи (рис. 16,1–2,4). Единичным экземпляром представлена монограмма в виде трилистника, вписанного в условный квадрат (рис. 16,3). По составу формовочной массы мы можем предполагать, что данная посуда изготавливалась в Солхате. В. В. Майко выделяет условный тип 11, куда относит монограмму с одинарным трилистником [29, с. 298].

Таким образом, мы выделили группы импортной посуды. Доля привозной керамики в Солхатском городище и округе составляет около 17% от общего количества находок глазурованной керамической продукции, которая была обработана (1956 фрагментов). Набор групп привозной посуды в целом является обычным для

любого памятника в причерноморских областях Золотой Орды. Импортная керамика, обнаруженная в Солхате, представлена фрагментами глазурованных изделий из кашина, селадона, испанского люстра, особой группы красноглиняных изделий с голубой поливой и керамикой византийского круга. Выделена керамика, привезенная из городов Поволжья, Маджара, Хорезма, Ирана, Испании и Китая. Наиболее многочисленную группу составляет кашинная керамика (46,4%), которая встречается на всех исследуемых объектах Солхата и округи. Красноглиняные изделия с непрозрачной голубой глазурью составляют около 33,4% от всех импортных изделий. Керамика византийского круга встречается только на архитектурном комплексе караван-сарая и ремесленном поселении Бокаташ II и в процентном соотношении составляет 12%. Наиболее малочисленные группы привозной керамики – посуда других гончарных центров Крыма (3,7%), испанский люстр (2,4%) и китайский селадон (2,1%). Предметы ремесла и искусства, привозимые из Египта, Ирана, Китая, Средней Азии, Кавказа, проникают в быт населения. Керамика, завезенная на полуостров из различных областей, послужила толчком для развития местной продукции, что выразилось в заимствовании декоративных элементов, орнаментов, техник изготовления. Благодаря находкам привозной керамики нам удалось проследить внешнеторговые связи золотоордынского города и степень оживленности отдельных направлений торговых маршрутов.

Приложение 1

Сводная статистическая таблица импортной керамики, найденной на территории солхатского городища и ближайшей округи

ОБЪЕКТ	КАШИННАЯ КЕРАМИКА						КАШИННЫЕ ИЗРАЗЦЫ			
	Группа I	Группа II	Группа III	Группа IV	Группа V	Чашечки из сер.-бел. кашина	Альбарелло из бел. рыхл. кашина с бирюзовой глазурью	Группа I	Группа II	С тисненым декорированием и голубой глазурью
Архитектурный комплекс мечети-медресе хана Узбека	2	10		1	1					
Мечеть т.н. «Бейбарса»		1								
Архитектурный комплекс Караван Сарай	1	5		1						
Сооружение возле мечети хана Узбека (мавзолей)		2								
Христианский храм, базилика	2	1				2				
Мавзолей на г. Малый Агармыш				2				8 (из 21)	6 (из 53)	1
Могильник 7							3			
Курган «Мамая»				2						
Кринички II	1			6			3			
Бокаташ II		1		1						
Средневековая баня в Георгиевской балке		12	5							
Плато I				1						
Садовое I	1	1								
Школьный сад		1		1						
Подъемный материал с городища		1								

ОБЪЕКТ	КИТАЙСКИЙ СЕЛАДОН		
	Группа I	Группа II	Группа III
Архитектурный комплекс мечети-медресе хана Узбека	1		1
Кринички II	1		
Бокаташ II		1	
Раскоп в северо-восточном секторе городища	2		1

ОБЪЕКТ	ИСПАНСКИЙ ЛЮСТР			
	Типа «Pula»	Типа «disc-flowers»	Типа «parallels and spirals»	Редкая оранжевоглиняная посуда
Архитектурный комплекс мечети-медресе хана Узбека	2			
Кринички II	2	1	1	
Плато I				2

ОБЪЕКТ	ВИЗАНТИЙСКИЙ ИМПОРТ			
	Группа I	Группа II	Группа III	Группа IV
Архитектурный комплекс Караван Сарай	12	1		
Бокаташ II	11	3	3	
Подъемный материал с городища				1

ОБЪЕКТ	КРАСНОГЛИНЯНАЯ КЕРАМИКА С БИРЮЗОВОЙ ГЛУХОЙ ГЛАЗУРЬЮ				ИЗРАЗЦЫ
	Группа I. Кувшинчики	Группа II. Чаша	Группа III. Блюда	Группа IV. Сосуды откры- того типа	
Архитектурный комплекс мечети-медресе хана Узбека			1		
Архитектурный комплекс Караван Сарай		2			
Христианский храм, базилика		2			
Мавзолей на г. Малый Агармыш	2				14 (из 89)
Кринички II				1	

ОБЪЕКТ	КРАСНОГЛИНЯНАЯ КЕРАМИКА ГРУППЫ «ЮЗК»
Архитектурный комплекс Караван Сарай	6
Кринички II	3
Бокаташ II	3

Приложение 2

Доля привозной керамики с солхатского городища

	Фр-ты	Импортная керамика:	Фр-ты		Фр-ты
Всего в работе использовано:	1956		332	Кашинная керамика	154 (7,8%)
				Красноглиняная керамика с голубой глазурью	111 (5,7%)
				Керамика византийского круга	40 (2,1%)
				Керамика группы «ЮЗК»	12 (0,6%)
				Испанская люстровая керамика	8 (0,4%)
				Китайский селадон	7 (0,4%)
Из Старокрымского литературно- художественного музея:	1184		135		
Из музея истории и археологии Крыма (г. Старый Крым):	740		165		
Из археол. отчетов:	32		32		
В процентном соотношении	100%		16,97%		

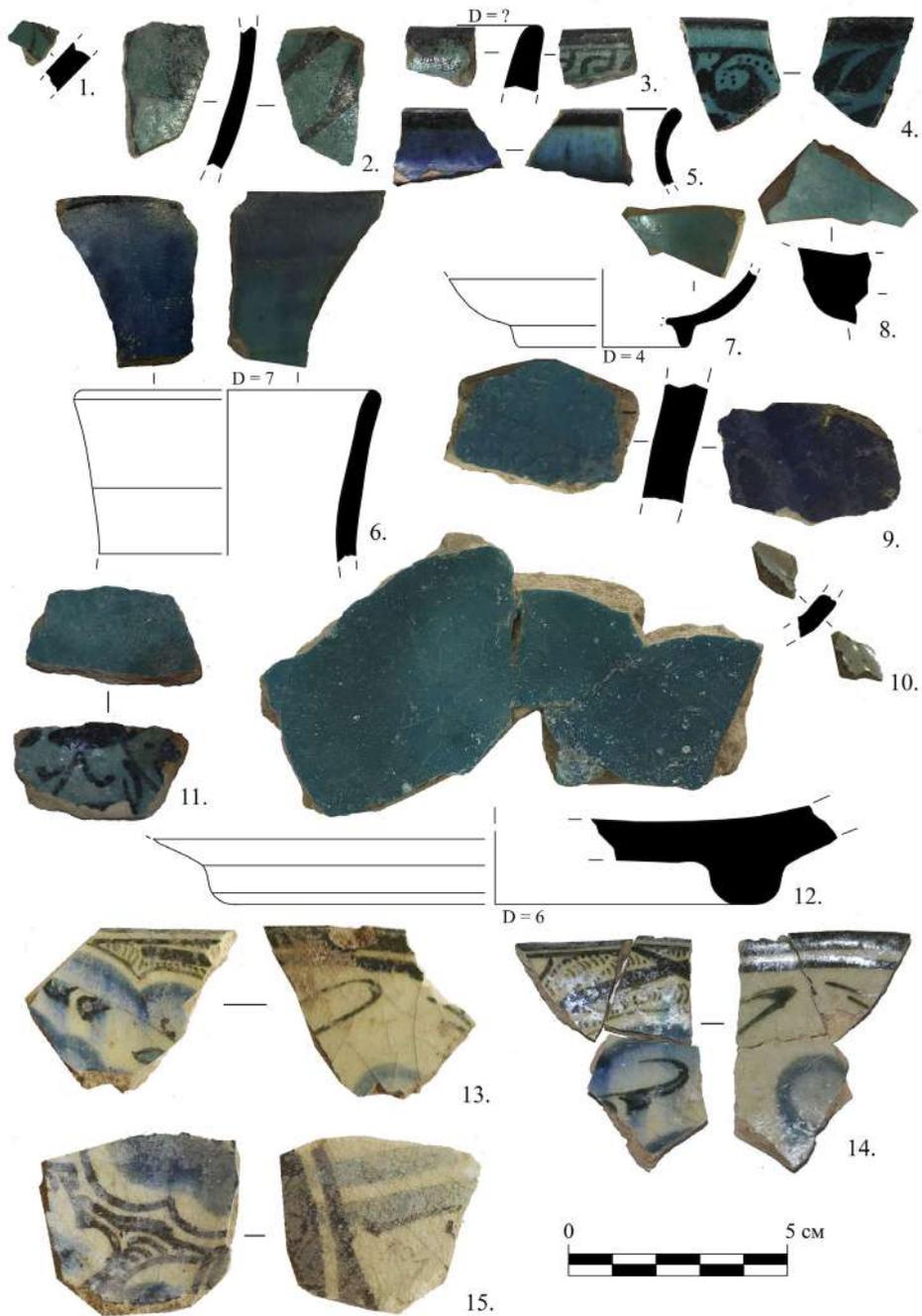

Рис. 1. Импортная кашинная керамика: группа I (1–3, 5, 11), группа II (13–15), группа IV (6–10, 12).
Фрагменты керамики с бирюзовой глазурью (7)

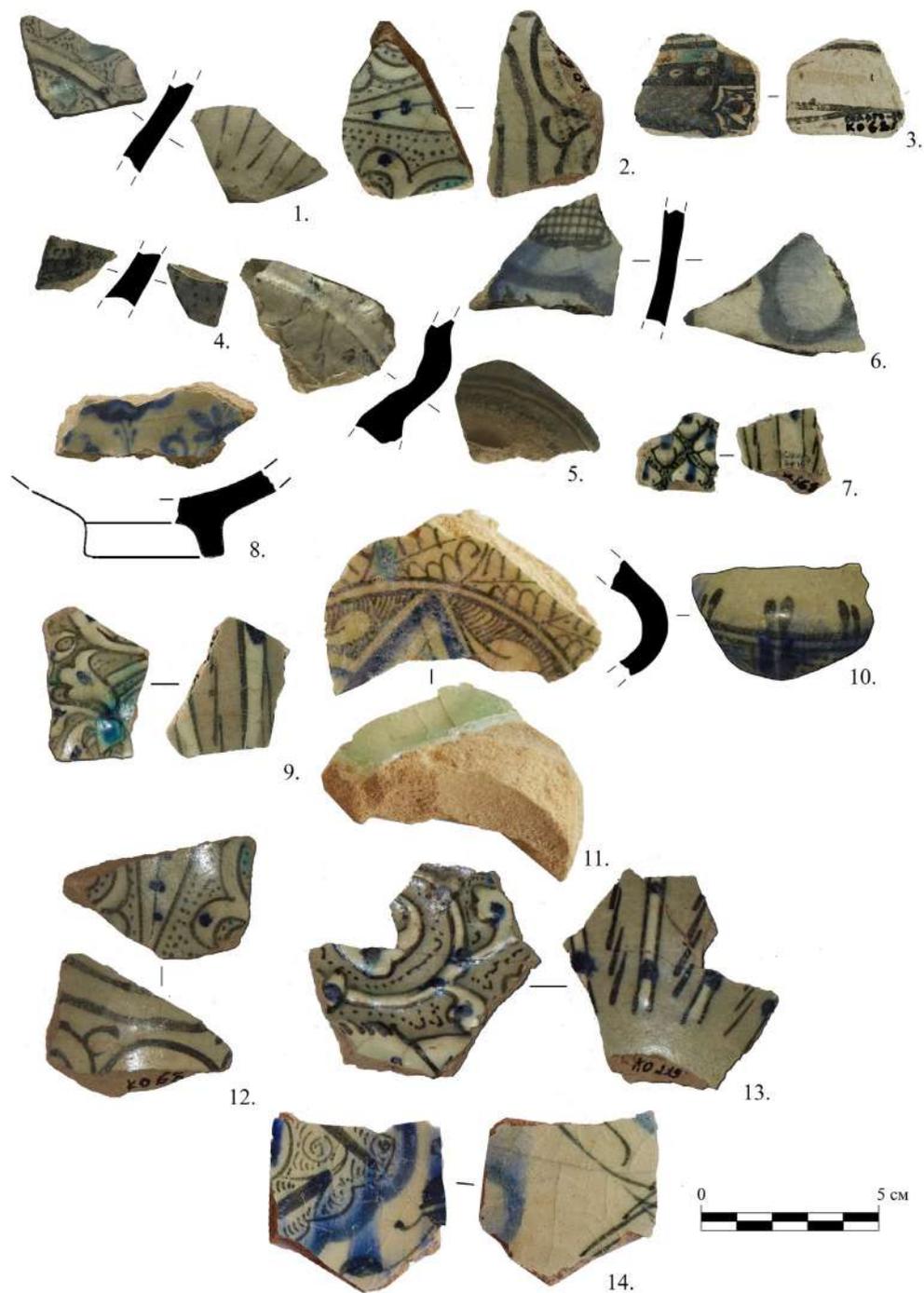

Рис. 2. Импортная кашинная керамика: группа II (1–7, 9–13) и группа III (8)

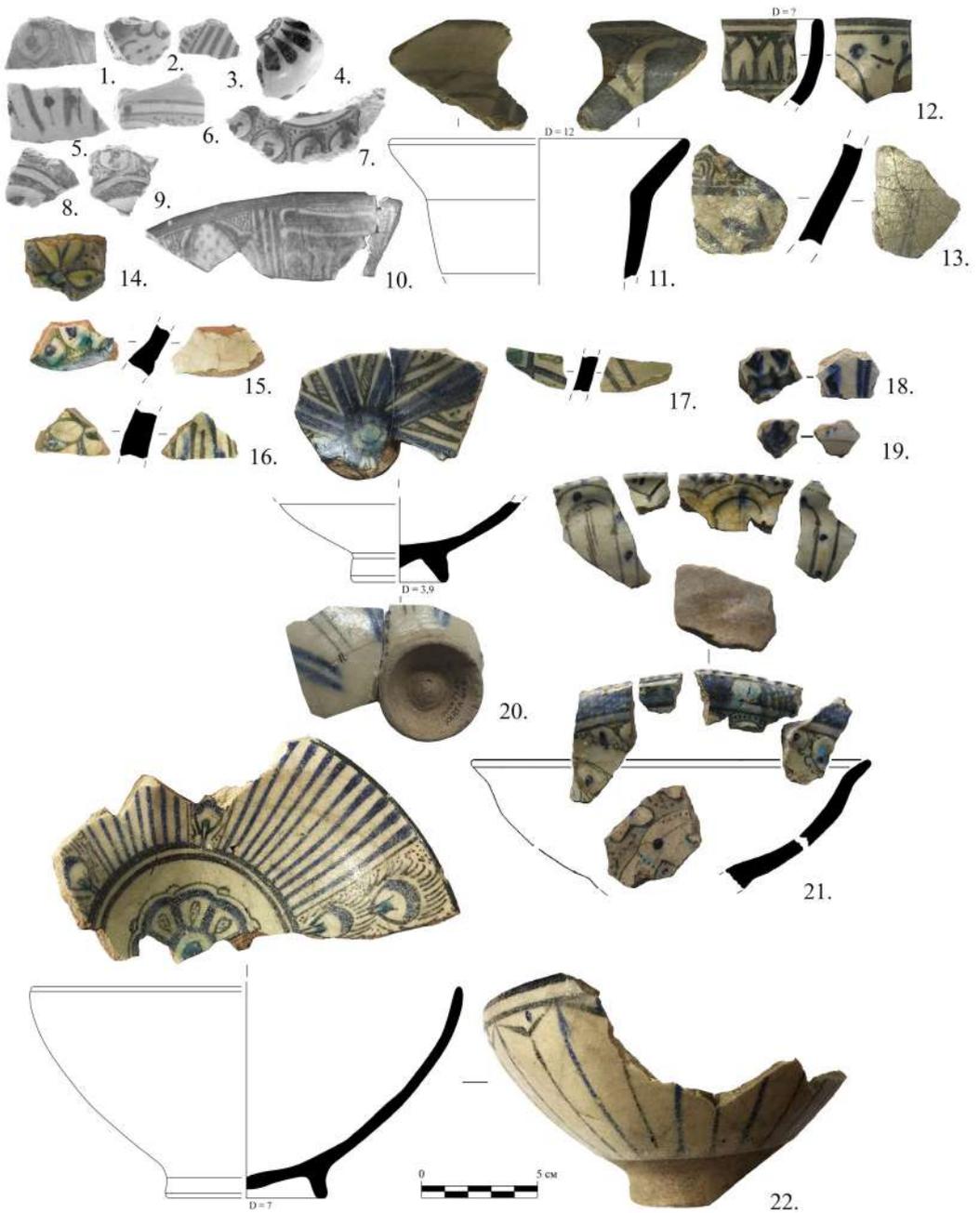

Рис. 3. Импортная кашинная керамика: группа II (1–22) [№№ 1–9 по: 18, табл. XVIII; № 10 по: 19, табл. XXVI]

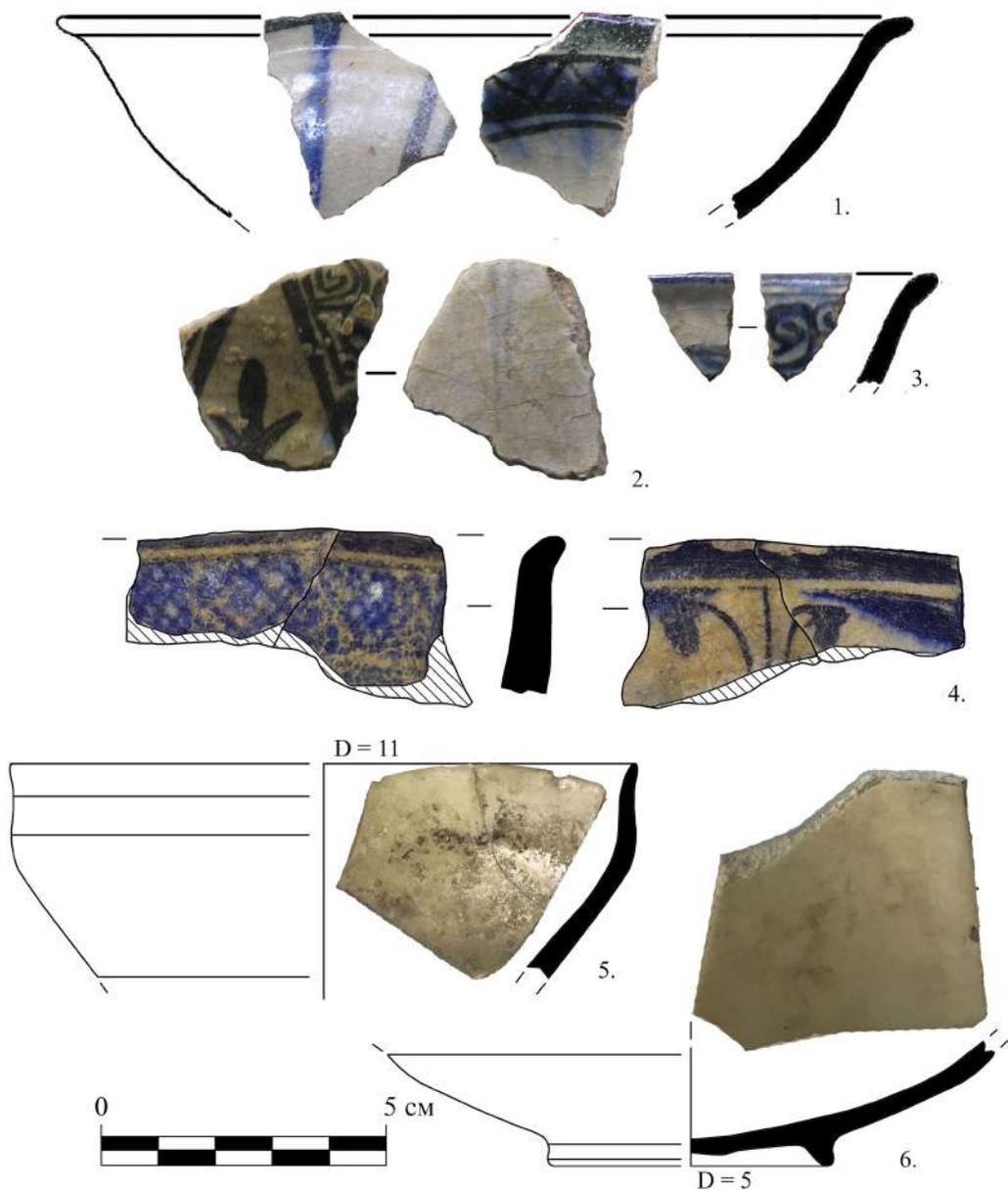

Рис. 4. Импортная кашинная керамика: группа III (1–4).
Фрагменты керамики с серовой глазурью (5–6)

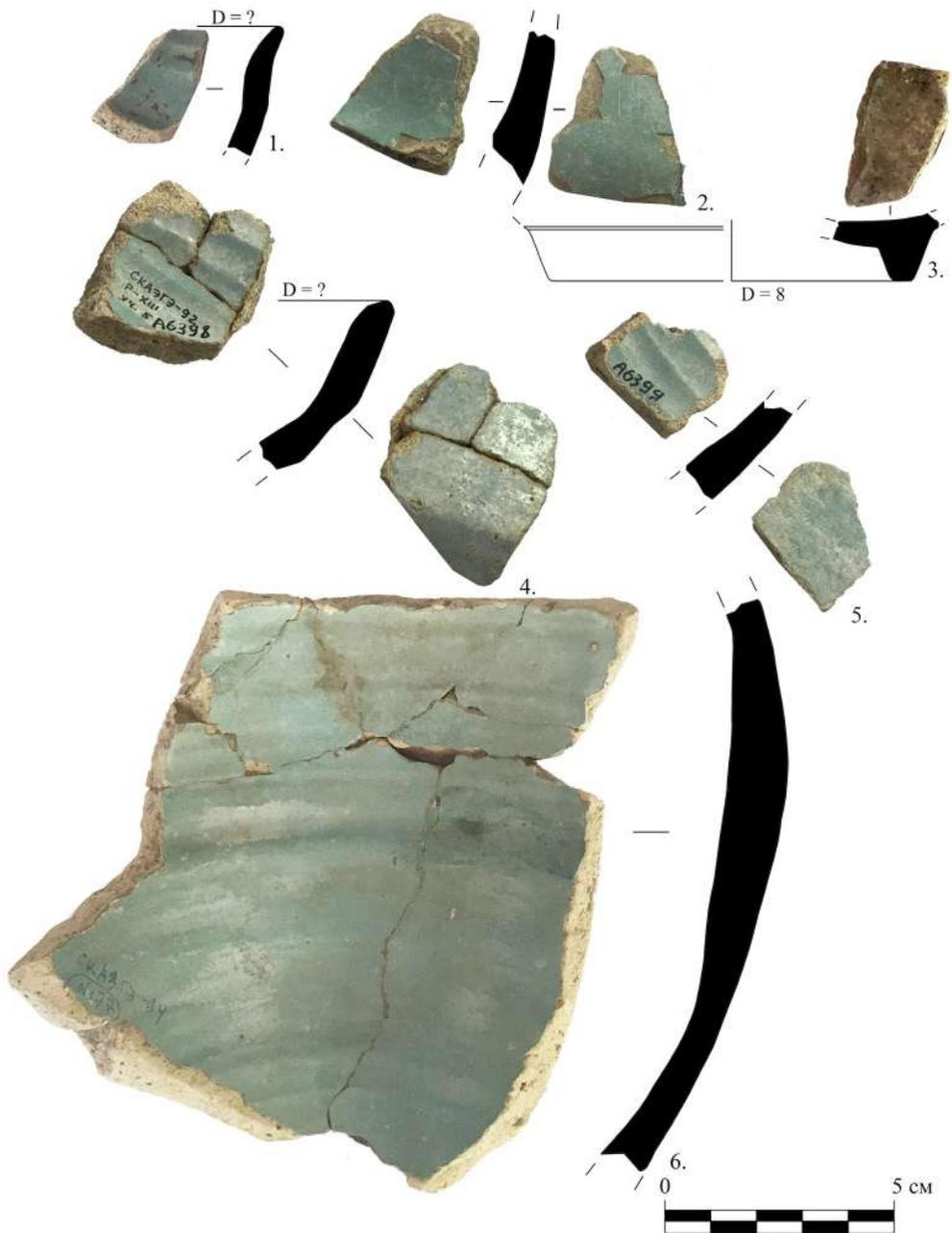

Рис. 5. Импортная кашинная керамика. Фрагменты альбарелло и сосудов с бирюзовой глазурью

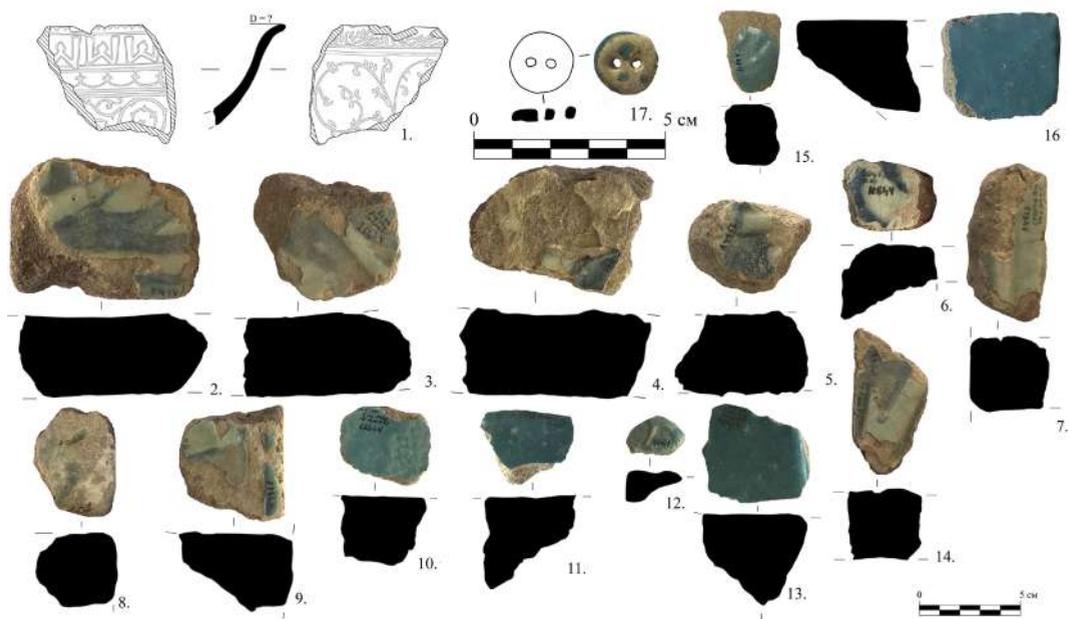

Рис. 6. Импортная кашинная керамика: группа V, тип «ларджвардина» (1). Облицовочные изразцы: группа I (2–9, 14), группа II (10–11, 13, 15–16). Изразец с тисненным орнаментом (12). Пуговица с голубой глазурью (17). [№ 1 по: 20, № 513]

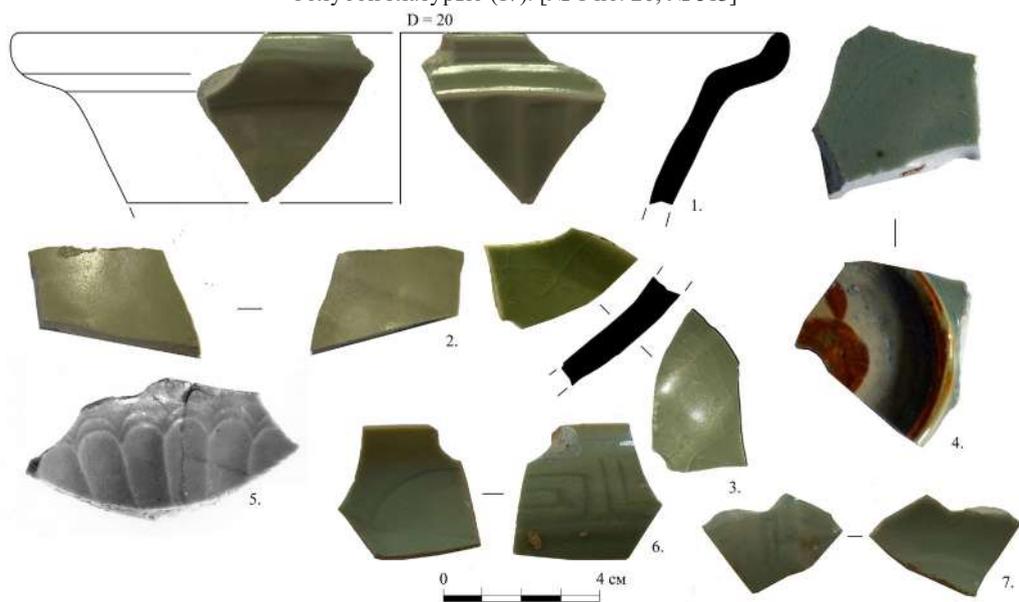

Рис. 7. Китайский селадон: группа I (2–3, 6–7), группа II (1), группа III (5), группа IV (4) [№ 5 по: 18, табл. XXI]

Рис. 8. Испанский люстр: типа «Pula» (1–3), стиль «disc-flowers» (4), «parallels and spirals» (5–6).
Плоскодонный кувшин (7–8)

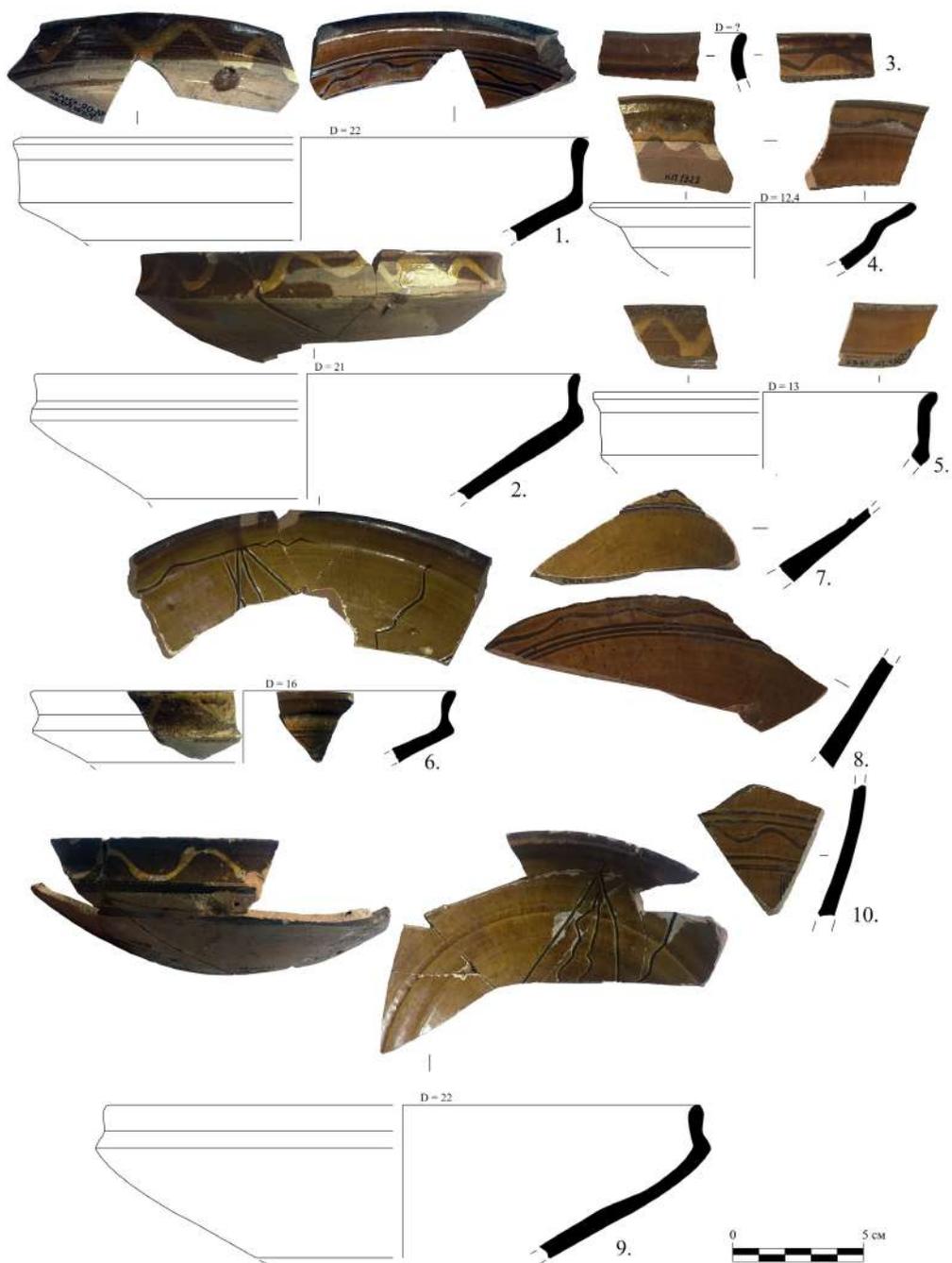

Рис. 9. Византийский импорт: группа I «Sgraffito with Concentric Circles»

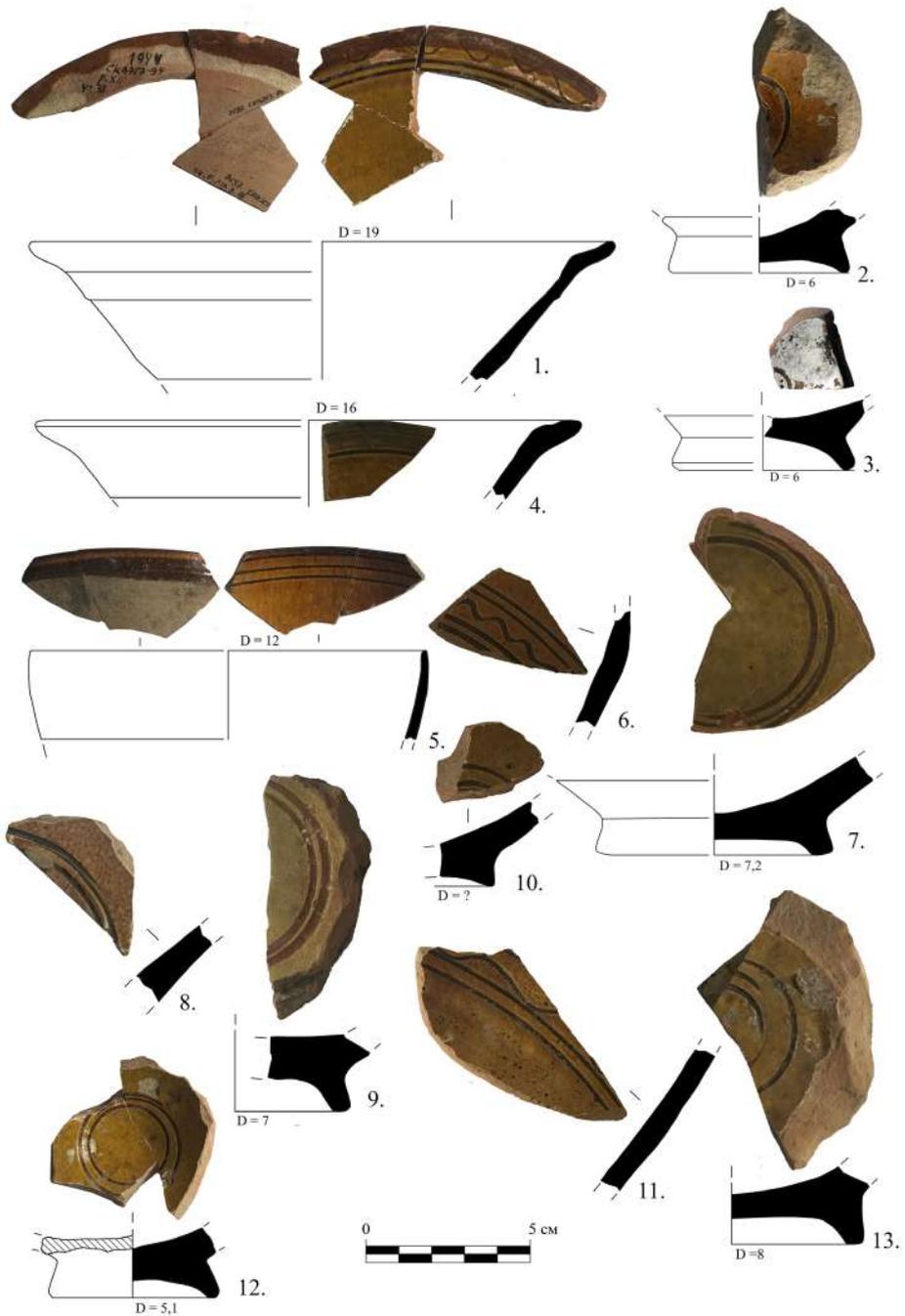

Рис. 10. Византийский импорт: группа I «Sgraffito with Concentric Circles»

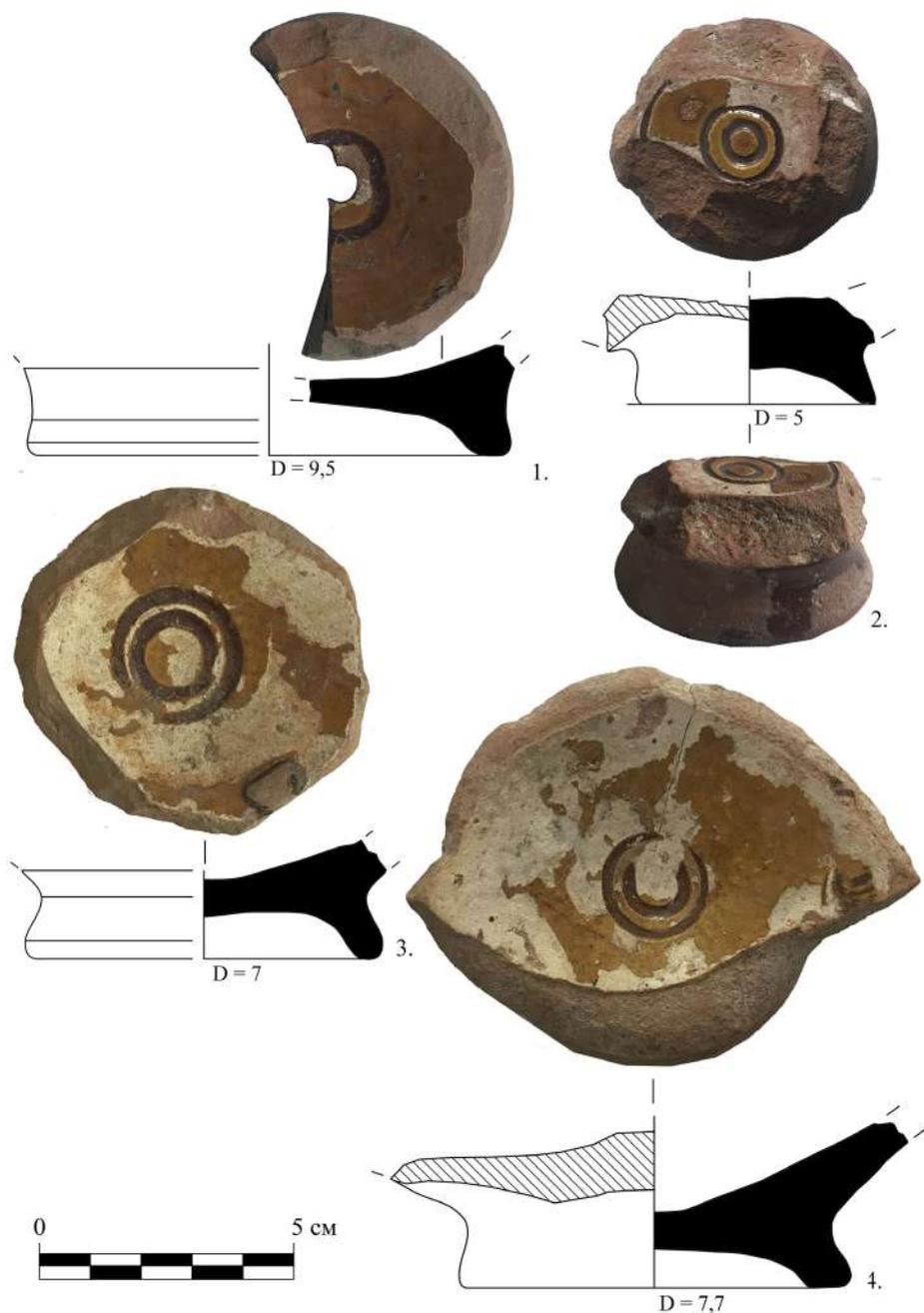

Рис. 11. Византийский импорт: группа II «Sgraffito with Concentric Circles»

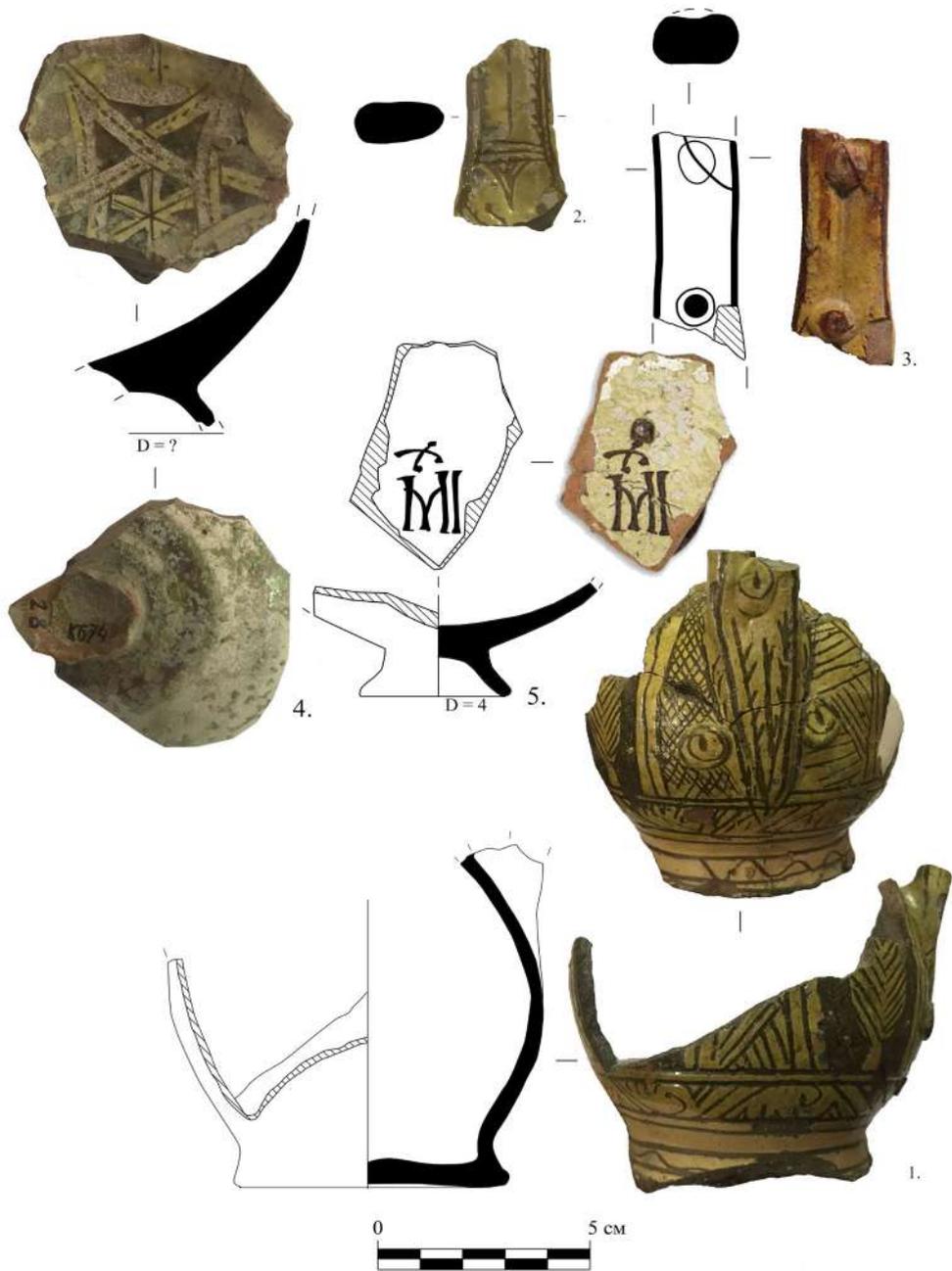

Рис. 12. Византийский импорт: группа III «Elaborate Incised Ware»

Рис. 13. Красноглиняная импортная керамика с бирюзовым покрытием: группа I (1–2), группа II (3–6), группа III (7), группа IV (8)

Рис. 14. Красноглиняные импортные строительные плитки с бирюзовым покрытием

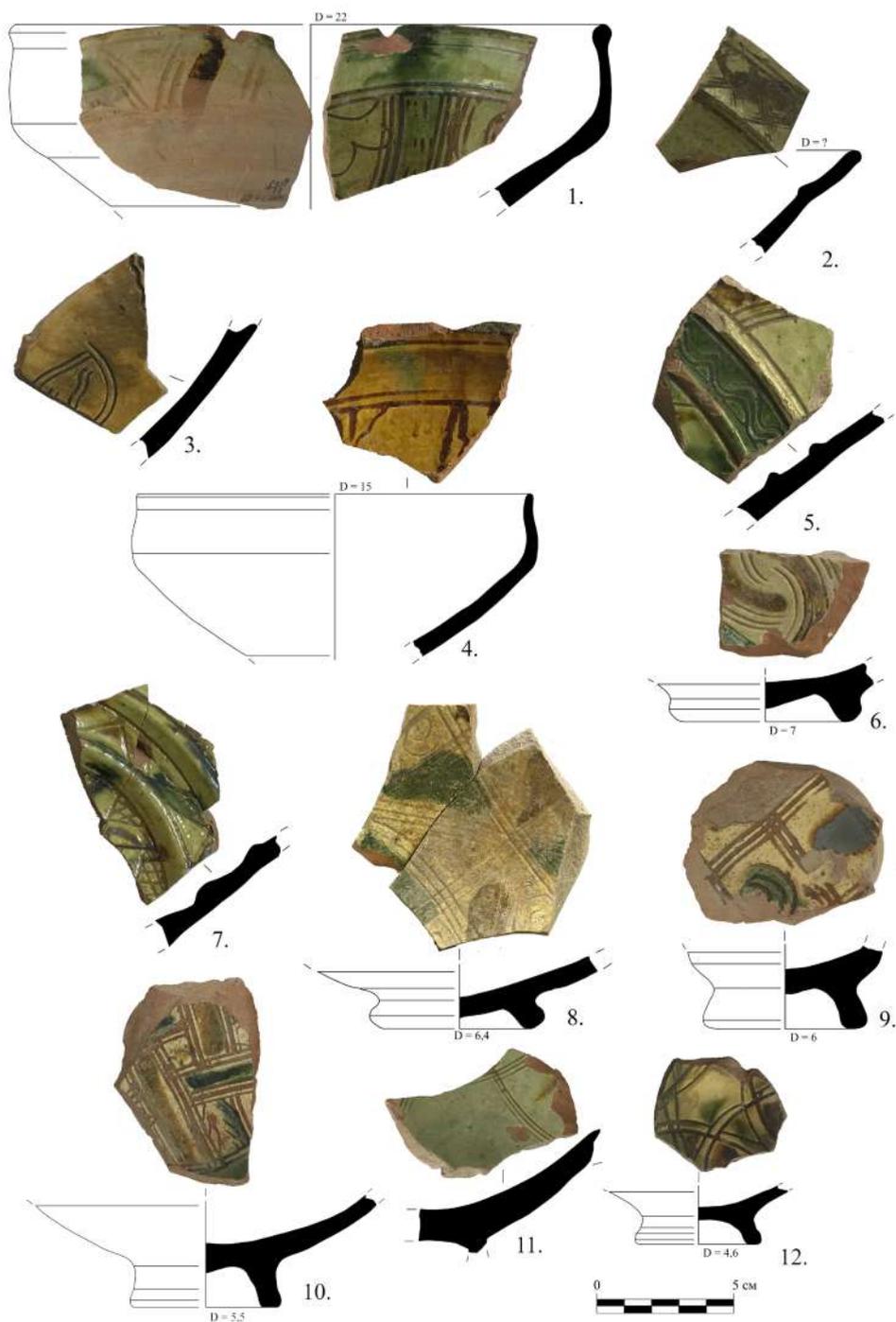

Рис. 15. Красноглиняная керамика группы «Юго-западного Крыма»

Рис. 16. Фрагменты чаш с изображением монограмм производства Солхата (3) и Каффы (?) (1–2, 4)
[№№ 2, 4 по: 22, с. 160]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочаров С.Г. Красноглиняная керамика с бирюзовой глазурью из археологических исследований Царевского городища // Поволжская археология. 2020. № 2 (32). С. 32–37.
2. Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Византийская поливная керамика в городах Северного Причерноморья Золотоордынского периода (вторая половина XIII – конец XIV вв.) // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 33–35.
3. Гаврилов А.В., Майко В.В. Средневековое городище Солхат-Крым (материалы к археологической карте города Старый Крым). Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. 212 с.
4. Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун (Мангуп) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 371–494.
5. Герцен А.Г., Науменко В.Е. «Между Золотой Ордой и Романией...» // Крым в Золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки. Симферополь: Тарпан, 2016. С. 36–49.
6. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): II горизонт застройки // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 389–431.
7. Город Болгар: культура, искусство, торговля / ред. П. Н. Старостин; Ин-т археологии РАН; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Татарстана. М.: Наука, 2008. 276 с.
8. Детинкина Н.И. Комплекс украшений Сухореченского поселения золотоордынского времени // ВУЗы в археолого-этнографических исследованиях Урало-Поволжья: опыт, проблемы, перспективы: Материалы XLII Урало-Поволжской студенческой археологической конференции. Кострома: Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. С. 237–243.
9. Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи: каталог выставки / Гос. Эрмитаж. М.: Фонд Марджани, 2019. 504 с.
10. Золотая Орда. История и культура: Каталог выставки. СПб.: Славия, 2005. 264 с.
11. Кдырнязов М.Ш. Культура Хорезма в эпоху Золотой Орды // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне. Тезисы докладов «III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова». М., 2006. С. 139–140.
12. Коваль В.Ю. Испанская лостровая керамика в Москве // РА. 1996. № 1. С. 169–175.
13. Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси IX–XVIII века. М.: Наука, 2010. 269 с.
14. Крамаровский М. Г. Человек средневековой улицы: Золотая Орда, Византия, Италия. СПб.: Евразия, 2012. 545 с.
15. Крамаровский М.Г. Рах Mongolica и чингисидская глобализация // Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи: каталог выставки / Гос. Эрмитаж. М.: Фонд Марджани, 2019. С. 15–56.
16. Крамаровский М.Г. Византийская и сельджукская керамика с орнаментом сграффито с темой вина и веселья конца XII – первой половины XIV в. (по материалам Крыма и Черноморского побережья Болгарии) // АДСВ. 2000. Вып. 31. С. 233–250.
17. Крамаровский М.Г. Крым и Рум в XIII–XIV столетиях (Анатолийская диаспора и городская культура Солхата) // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 1. С. 55–88.
18. Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1978 г. на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Старый Крым, Ленинград, 1979. 127 с. // Научный архив отдела Востока Государственного Эрмитажа.
19. Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1979 г. на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Старый Крым, Ленинград, 1980. 147 с. // Научный архив отдела Востока Государственного Эрмитажа.
20. Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1983 г. на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1983 г. Старый Крым, Ленинград, 1984 // Научный архив отдела Востока Государственного Эрмитажа. 122 с.

21. Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1991 г. на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Старый Крым, Санкт-Петербург, 1991–1992. 94 с. // Научный архив отдела Востока Государственного Эрмитажа.
22. Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1993 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Старый Крым, Ленинград, 1994. // Научный архив отдела Востока Государственного Эрмитажа. 160 с.
23. Крамаровский М.Г. Три группы поливной керамики XIII–XIV вв. из Северного Причерноморья // Византия и византийские традиции. СПб., 1996. С. 96–116.
24. Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Золотоордынское поселение Кринички II (Результаты полевых исследований). СПб.: Гос. Эрмитаж, 2002. 183 с.
25. Крамаровский М.Г., Науменко В.Е., Сейдалиев Э.И. Глазурованная керамика из двух закрытых археологических комплексов XIV в. в медресе Солхата (по материалам исследований 2013 г.) // Международный научный семинар «Поливная керамика Причерноморья Средиземноморья как источник по изучению византийской цивилизации» (Севастополь, 5–8 сентября 2014 г.). Севастополь, 2014. С. 64–69.
26. Крамаровский М.Г., Сейдалиев Э.И. Отчет о полевых исследованиях 2013 г. на городище средневекового Солхата (г. Старый Крым) объединенной археологической экспедицией Отдела Востока Гос. Эрмитажа и КРУ Бахчисарайского историко-культурного заповедника по изучению архитектурно-исторического комплекса «Мечеть и медресе Солхата». Старый Крым, Бахчисарай, Санкт-Петербург, 2013–2014. 362 с. // Научный архив отдела Востока Государственного Эрмитажа.
27. Крым в Золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки. Симферополь: Тарпан, 2016. 160 с.
28. Лисова Н.Ф. Орнамент глазурованной посуды золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Казань: Институт истории АН РТ, 2012. 184 с. (Серия «Археология евразийских степей». Вып. 15).
29. Майко В.В. Керамика с монограммами средневековой Солдаи. Типология, хронология и место производства // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 288–311.
30. Меньшикова М.Л. О том, что видел и слышал Ибн Баттута в Китае // «Подарок созерцающим». Странствия Ибн Батуты: каталог выставки. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. С. 399–409.
31. Науменко В.Е., Душенко А.А. Княжеский дворец Мангупского городища: помещение Н южного участка комплекса (по материалам коллекции Р. Х. Лепера Государственного Эрмитажа и современных археологических исследований) // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 187–238.
32. Полубояринова М.Д. Китайский селадон из Болгара // РА. 2003. № 2. С. 155–164.
33. Ситдииков А.Г. Поливная керамика Казанского Ханства // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2009. С. 243–245.
34. Ситдииков А.Г., Храменкова Р.Х. Типология поливной керамики Казанского ханства и анализ ее элементного состава // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. Казань, 2011. № 3 (25). С. 125–132.
35. Тесленко И.Б. Виробництво поливної посуду в Криму за часів Улуг Улусу // Археологія і давня історія України. Київ, 2018. Вып. 4 (29). С. 7–83.
36. Тесленко И.Б. Испанская керамика с росписью люстром в Крыму // Сугдейский сборник. Киев-Судак: Академперіодика, 2004. С. 467–494.
37. Тесленко И.Б. Поливная керамика византийского круга эпохи Палеологов из раскопок крепости в Алуште // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 459–498.
38. Тесленко И.Б., Сейдалиева Д.Э. Гончарное производство и керамический импорт Крыма конца XIII – начала XV в. // Крым в золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки. Симферополь: Тарпан, 2016. С. 85–106.
39. Штерн Э.Р. Феодосия и ее керамика // Музей Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1906. Вып. III. 103 с.

40. Berti G., Tongiorgi E. Ceramiche importate della Spagna nell'area pisana del XII al XV secolo // *Segundo Coloquio Internacional de Cerámica Medieval en el Mediterráneo Occidental* (Toledo, 1981). Madrid, 1986. P. 315–346.
41. Blake H. The Ceramic Hoard from Pula (prov. Cagliari) and the Pula Type of Spanish Lusterware // *Segundo Coloquio Internacional de Cerámica Medieval en el Mediterráneo Occidental* (Toledo, 1981). Madrid, 1986. P. 372–374.
42. Francois V. *Ceramiques medievales a Alexandrie*. Caire, 1999. 203 p.
43. González Martí M. *Cerámica del Levante español. Siglos medievales*. Vol. 1. Loza. Barcelona, Madrid, 1944.

REFERENCES

1. Bocharov S.G. Krasnoglinaia keramika s biriuzovoi glazur'iu iz arkeologicheskikh issledovaniï Tsarevskogo gorodishcha. *Povolzhskaiia arkeologiiia*, Kazan, 2020, vol. 2 (32), pp. 32–37.
2. Bocharov S.G., Maslovskii A.N. Vizantiiskaia polivnaia keramika v gorodakh Severnogo Prichernomor'ia Zolotoordynskogo perioda (vtoraia polovina XIII – konets XIV vv.). *Povolzhskaiia arkeologiiia*, Kazan, 2012, vol. 1, pp. 33–35.
3. Gavrilov A.V., Maïko V.V. *Srednevekovoe gorodishche Solkhat-Krym (materialy k arkeologicheskoi karte goroda Staryi Krym)*. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2014, 212 p.
4. Gertsen A.G., Zemliakova A.Iu., Naumenko V.E., Smokotina A.V. Stratigraficheskie issledovaniia na iugo-vostochnom sklone mysy Teshkli-Burun (Mangup). *Materialy po arkeologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2006, vol. XII, pp. 371–494.
5. Gertsen A.G., Naumenko V.E. «Mezhdû Zolotoi Ordoi i Romaniei...». *Krym v Zolotoordynskii period. Krymskii Iurt Zolotoi Ordy: nasledie ischeznuvshei imperii: katalog vystavki*, Simferopol, Tarpan Publ., 2016, pp. 36–49.
6. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Arkheologicheskie issledovaniia v raione tserkvi Sv. Konstantina (Mangup): II gorizont zaostroiki. *Materialy po arkeologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2009, vol. XV, pp. 389–431.
7. Starostin P. N. (Ed.), *Gorod Bolgar: kul'tura, iskusstvo, trgovlia*. Moscow, Nauka Publ., 2008, 276 p.
8. Detinkina N.I. Kompleks ukrasheniï Sukhorechenskogo poseleniia zolotoordynskogo vremeni. *Materialy XLII Uralo-Povolzhskoi studencheskoi arkeologicheskoi konferentsii "VUZy v arkeologo-etnograficheskikh issledovaniïakh Uralo-Povolzh'ia: opyt, problemy, perspektivy"*, Kostroma, 2010, pp. 237–243.
9. *Zolotaia Orda i Prichernomor'e. Uroki Chingisidskoi imperii: katalog vystavki*. Moscow, Fond Mardzhani Publ., 2019, 504 p.
10. *Zolotaia Orda. Istoriia i kul'tura: katalog vystavki*. St-Petersburg, Slaviia Publ., 2005, 264 p.
11. Kdynniiazov M.Sh. Kul'tura Khorezma v epokhu Zolotoi Ordy. *Gorod i step' v kontaktnoi Evro-Aziatskoe zone. Tezisy dokladov «III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchonnoi 75-letiiu so dnia rozhdeniia G. A. Fedorova-Davydova»*, Moscow, 2006, pp. 139–140.
12. Koval' V.Iu. Ispanskaia liustrovaia keramika v Moskve. *Rossiiskaia arkeologiiia*, 1996, No. 1, pp. 169–175.
13. Koval' V.Iu. *Keramika Vostoka na Rusi IX–XVIII veka*. Moscow, Nauka Publ., 2010, 269 p.
14. Kramarovskii M.G. *Chelovek srednevekovoi ulitsy: Zolotaia Orda, Vizantiia, Italiia*. St-Petersburg, Evraziia Publ., 2012, 545 p.
15. Kramarovskii M.G. Pax Mongolica i chingisidskaia globalizatsiia. *Zolotaia Orda i Prichernomor'e. Uroki Chingisidskoi imperii: katalog vystavki*, Moscow, Fond Mardzhani Publ., 2019, pp. 15–56.
16. Kramarovskii M.G. Vizantiiskaia i sel'dzhukskaia keramika s ornamentom sgraffito s temoi vina i vesel'ia kontsa XII – pervoi poloviny XIV v. (po materialam Kryma i Chernomorskogo poberezh'ia Bolgarii). *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Ekaterinburg, 2000, vol. 31, pp. 233–250.
17. Kramarovskii M.G. Krym i Rum v XIII–XIV stoletiiakh (Anatoliiskaia diaspora i gorodskaia kul'tura Solkhata). *Zolotoordynskoe obozrenie*, 2016, T. 4, vol. 1, pp. 55–88.

18. Kramarovskii M.G. Otchet o polevykh issledovaniiaxh 1978 g. na gorodishche srednevekovogo Solkhata (Krym, Staryi Krym) arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha. Staryi Krym, Leningrad, 1979. *Nauchnyi arkhiv otdela Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha*.
19. Kramarovskii M.G. Otchet o polevykh issledovaniiaxh 1979 g. na gorodishche srednevekovogo Solkhata (Krym, Staryi Krym) arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha. Staryi Krym, Leningrad, 1980. *Nauchnyi arkhiv otdela Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha*.
20. Kramarovskii M.G. Otchet o polevykh issledovaniiaxh na gorodishche srednevekovogo Solkhata (Krym, Staryi Krym) arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha v 1983 g. Staryi Krym, Leningrad, 1984. *Nauchnyi arkhiv otdela Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha*.
21. Kramarovskii M.G. Otchet o polevykh issledovaniiaxh 1991 g. na gorodishche srednevekovogo Solkhata (Krym, Staryi Krym) arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha. Staryi Krym, St-Peterburg, 1991–1992. *Nauchnyi arkhiv otdela Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha*.
22. Kramarovskii M.G. Otchet o polevykh issledovaniiaxh 1993 goda na gorodishche srednevekovogo Solkhata (Krym, Staryi Krym) arkheologicheskoi ekspeditsii Otdela Vostoka Ermitazha. Staryi Krym, St-Peterburg, 1994. *Nauchnyi arkhiv otdela Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha*.
23. Kramarovskii M.G. Tri grupy polivnoi keramiki XIII–XIV vv. iz Severnogo Prichernomor'ia. *Vizantiia i vizantiiskie traditsii*, St-Peterburg, 1996, pp. 96–116.
24. Kramarovskii M.G., Gukin V.D. *Zolotoordynskoe poselenie Krinichki II (Rezultaty polevykh issledovaniiaxh)*. St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2002, 183 p.
25. Kramarovskii M.G., Naumenko V.E., Seidaliev E.I. Glazurovannaia keramika iz dvukh zakrytykh arkheologicheskikh kompleksov XIV v. v medrese Solkhata (po materialam issledovaniia 2013 g.). *Mezhdunarodnyi nauchnyi seminar «Polivnaia keramika Prichernomor'ia Sredizemnomor'ia kak istochnik po izucheniiu vizantiiskoi tsivilizatsii» (Sevastopol, 5–8 sentiabria 2014 g.)*, Sevastopol, 2014, pp. 64–69.
26. Kramarovskii M.G., Seidaliev E.I. Otchet ob polevykh issledovaniiaxh 2013 g. na gorodishche srednevekovogo Solkhata (g. Staryi Krym) ob"edinennoi arkheologicheskoi ekspeditsiei Otdela Vostoka Gos. Ermitazha i KRU Bakhchisaraiskogo istoriko-kul'turnogo zapovednika po izucheniiu arkhitekturno-istoricheskogo kompleksa «Mechet' i medrese Solkhata». Staryi Krym, Bakhchisarai, St-Petersburg, 2013–2014. *Nauchnyi arkhiv otdela Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha*.
27. *Krym v Zolotoordynskii period. Krymskii Iurt Zolotoi Ord: nasledie ischeznuvshei imperii: katalog vystavki*. Simferopol, Tarpan Publ., 2016, 160 p.
28. Lisova N.F. *Ornament glazurovannoi posudy zolotoordynskikh gorodov Nizhnego Povolzh'ia*. Kazan, Institut istorii AN RT Publ., 2012, 184 p.
29. Maiko V.V. Keramika s monogrammami srednevekovoi Soldaii. Tipologiya, khronologiya i mesto proizvodstva. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2019, vol. XXIV, pp. 288–311.
30. Men'shikova M.L. O tom, chto videl i slyshal Ibn Battuta v Kitae. «Podarok sozertsaiushchim». *Stranstviia Ibn Batuty: katalog vystavki*. St-Petersburg, Ermitazh Publ., 2015, pp. 399–409.
31. Naumenko V.E., Dushenko A.A. Kniazheskii dvorets Mangupskogo gorodishcha: pomeschenie N iuzhnogo uchastka kompleksa (po materialam kollektsii R. Kh. Lepera Gosudarstvennogo Ermitazha i sovremennykh arkheologicheskikh issledovaniiaxh). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2017, vol. XXII, pp. 187–238.
32. Poluboiarinova M.D. Kitaiskii seladon iz Bolgara. *Rossiiskaia arkheologiya*, 2003, No. 2, pp. 155–164.
33. Sitdikov A.G. Polivnaia keramika Kazanskogo Khanstva. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*, 2009, pp. 243–245.
34. Sitdikov A.G., Khranchenkova R.Kh. Tipologiya polivnoi keramiki Kazanskogo khanstva i analiz ee elementnogo sostava R. Kh. Khranchenkova. *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*, Kazan, 2011, vol. 3 (25), pp. 125–132.
35. Teslenko I.B. Virobnitstvo poliv'ianogo posudu v Krimu za chasiv Ulug Ulusu. *Arkheologiya i davnia istoriia Ukraini*, Kiev, 2018, vol. 4 (29), pp. 7–83.

36. Teslenko I.B. Ispanskaia keramika s rospis'iu liustrom v Krymu. *Sugdeiskii sbornik*, Kiev, Sudak, Akadempriodika Publ., 2004, pp. 467–494.
37. Teslenko I.B. Polivnaia keramika vizantiiskogo kruga epokhi Paleologov iz raskopok kreposti v Alushte. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2018, vol. XXIII, pp. 459–498.
38. Teslenko I.B., Seidalieva D.E. Goncharnoe proizvodstvo i keramicheskii import Kryma kontsa XIII – nachala XV v. *Krym v zolotoordynskii period. Krymskii Iurt Zolotoi Ordy: nasledie ischeznuvshei imperii: katalog vystavki*, Simferopol, Tarpan Publ., 2016, pp. 85–106.
39. Shtern E.R. *Feodosiia i ee keramika. Muzei Imperatorskogo Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*. Odessa, 1906, vol. III, 103 p.
40. Berti G., Tongiorgi E. Ceramiche importate della Spagna nell'area pisana del XII al XV secolo. *Segundo Coloquio Internacional de Cerámica Medieval en el Mediterráneo Occidental (Toledo, 1981)*, Madrid, 1986, pp. 315–346.
41. Blake H. The Ceramic Hoard from Pula (prov. Cagliari) and the Pula Type of Spanish Lusterware. *Segundo Coloquio Internacional de Cerámica Medieval en el Mediterráneo Occidental (Toledo, 1981)*, Madrid, 1986, pp. 372–374.
42. Francois V. *Ceramiques medievales a Alexandrie*. Caire, 1999. 203 p.
43. González Martí M. *Cerámica del Levante español. Siglos medievales. Vol. 1. Loza*. Barcelona, Madrid, 1944.

Информация об авторе

Сейдалиева Д. Э. – младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им В. И. Вернадского, Researcher ID: ААН-7797-2019.

Information about the author

Seidalieva D. E. – Junior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: ААН-7797-2019.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ЗОЛОТООРДЫНСКОМ ПОСЕЛЕНИИ ТОБЕН-САРАЙ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КРЫМУ

Эмиль Исаевич Сейдалиев

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова; Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия; Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия, codexcummanicus@gmail.com

Аннотация. В 2016 г. неподалеку от современного села Добролюбовка в Белогорском районе Республики Крым было обнаружено поселение периода Улуса Джучи, названное по располагавшемуся тут в XVII – первой половине XX века селу Тобен-Сарай. Анализ стратиграфии и археологических материалов, в том числе данных нумизматики, позволили выделить во времени функционирования поселения два хронологических этапа. Первый связан с хозяйственными ямами 13 и 14 в квадрате 3 (и, вероятно, ямой 4), а второй – со временем функционирования сооружения, определяемого как полуземлянка, и ямой 7. По заполнению полуземлянки можно сделать предварительный вывод о одновременной остановке деятельности на поселении. Наличие среди находок керамики со следами горения и угля в слоях заполнения ям позволяет предположить, что поселение погибло из-за пожара. Культурный слой содержит большое количество археологического материала, предварительно датированного концом XIII – второй половиной XIV вв. Наличие среди находок фрагментов каменных жерновов может свидетельствовать о земледельческой культуре населения этого золотоордынского поселения.

Ключевые слова: Улус Джучи, Золотая Орда, Крым, поселение Тобен-Сарай

PRELIMINARY RESULTS OF THE ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS AT THE GOLDEN HORDE SETTLEMENT OF TOBEN-SARAI IN THE CENTRAL CRIMEA

Emil I. Seidaliev

Fevzi Jacobov Crimean Engineering and Pedagogical University; Institute of Archeology of the Crimea RAS, Simferopol, Russia; Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia, codexcummanicus@gmail.com

Abstract. In 2016, the researches in the vicinity of modern Dobroliubovka village in the Belogorsk district of the Republic of the Crimea discovered a settlement from the Juchi ulus period, which was called after the village of Toben-Sarai located on the spot from the seventeenth to first half of the twentieth century. From the analysis of the stratigraphy and archaeological materials, including numismatic finds, there are reasons to divide the existence of the ancient settlement into two periods. The first period was related to storage pits 13 and 14 in the excavation grid 3 (and plausibly with storage pit 4) and the second period with the time when a structure interpreted as a pit house and storage pit 7 functioned. According to the filling of the pit-house, the preliminary conclusion is that the activities on the settlement stopped

© Сейдалиев Э. И., 2020

simultaneously. The pottery bearing traces of fire and charcoal in the filling of the storage pits suggest that the settlement perished in fire. The cultural layer contained a great deal of archaeological materials which, according to the preliminary evaluation, dated from the late thirteenth to second half of the fourteenth century. Stone millstone fragments discovered among the finds probably testify to the farming culture of the population of this Golden Horde settlement.

Keywords: Juchi ulus, Golden Horde, Crimea, Toben-Sarai settlement

В ходе масштабных строительных работ на территории Крыма в 2014 г. в юго-восточной и центральной частях полуострова открыто поселение Тобен-Сарай, расположенное в 0,5 км к югу от с. Добролюбовка Белогорского района на правом берегу р. Булганак в естественной низине. Поселение назвали по располагавшемуся тут ранее населенному пункту, известному из ряда документов XIX в. и нескольких старых карт [1, с. 123]. В 2016 г. на территории поселения был разбит раскоп общей площадью 220 кв. м (рис. 1). Некоторые материалы из раскопок памятника уже были опубликованы [5; 6; 7; 8].

Территория поселения распаивалась в новейшее время. Мощность культурного слоя в разных частях раскопа составила от 0,3–0,5 до 2 м. Под слоем дерна зафиксирован темно-коричневый суглинок, перекрывший плотную материковую поверхность из светло-желтой глины. Слой содержит большое количество гончарной керамики, незначительное количество изделий и их фрагментов из металла, золотоордынские монеты, кости животных, изделия из камня. На всех участках раскопа обнаружены 14 хозяйственных ям и полуземлянка.

В квадрате 2 зачищены две хозяйственные ямы 4 и 5, заполненные темно-коричневым суглинком (рис. 1). В яме 4 обнаружены монета времени правления хана Токты (1291–1312 гг.) монетного двора Крым [6, с. 176], а также фрагменты гончарной красноглиняной керамики без покрытия и покрытой желто-коричневой глазурью, кости животных. В яме 5 из заполнения извлекли кости животных, фрагменты гончарной красноглиняной керамики без покрытия и покрытой желтой, зеленой, коричневой глазурью.

В квадратах 3 и 5 под дерновым слоем зачищены остатки полуземлянки прямоугольной формы, размерами 5x5 м, с кладками 1–3 из бутовых камней (рис. 1–4). Вероятно, сооружение было врезано в склон с восточной стороны, а с западной имело надземные стены. Заглубленными в материк кладками 1 и 2, видимо, ее укрепляли. Кладка 3 образует угол с кладкой 1 и является стеной полуземлянки с напольной стороны (рис. 4,а). Глубина сохранившейся части полуземлянки от 1,5 до 1,95 м. В заполнявшем полуземлянку темно-сером слое с углями и золой встречены фрагменты красноглиняной гончарной керамики без покрытия и покрытой глазурью разных цветов с подглазурной росписью белой краской и орнаментом в технике «сграффито». Под этим слоем прослежен каменный завал, образованный, вероятнее всего, разрушением подпорных и надземных частей стен сооружения.

У стены 1 прослежена яма 14 (рис. 1). В месте стыка кладок 1 и 3 зачищена хозяйственная яма 13, содержащая фрагменты красноглиняной гончарной керамики и кости животных (рис. 2, *b*). Ее могли выкопать до сооружения полуземлянки.

В юго-западном углу квадрата 5 у внешней стороны кладки 3 выявлен небольшой каменный завал, в сером суглинке, вероятно, от развалившейся верхней части кладки, под завалом обнаружены крупные плиты вымостки (?) (рис. 4, *a*). Не исключено, что здесь находился вход в полуземлянку. Над плитами в сером слое лежали фрагмент каменной ступки и два фрагмента округлых жерновов из ракушечника диаметром 43 и 39 см, толщиной 4 и 6 см (рис. 5, 18–20). Жернова известны на средневековых городищах оседлого населения. Возможно, эти находки относятся к III группе по типологии Р. С. Минасяна [3, с. 108]. Аналогичные жернова получили распространение в Азаке [2, с. 128].

В квадрате 4 под темно-коричневым суглинком на материковой поверхности зафиксированы хозяйственные ямы 1, 2 и 3 (рис. 1). Яма 3 (диаметр в верхней части 1,55 м, в нижней части – 1,25 м, глубина – 0,9 м) заполнена темно-коричневым грунтом. На глубине 0,3 м обнаружен завал из камней, перекрывавший скелет собаки лежащий *in situ* в анатомическом порядке на завале камней (рис. 3, *a*). Из ямы извлекли фрагменты керамических гончарных красноглиняных сосудов без покрытия и покрытых глазурью желтого, коричневого и зеленого цветов с орнаментом в технике «сграффито». Следует отметить фрагмент чаши с изображением птицы и геометрическим орнаментом, выполненные в технике «сграффито» (рис. 7, 1). Его с большой долей вероятности можно отнести к керамике группы юго-восточного Крыма [8, с. 99, 142; 7, с. 347, 360, рис. 5, 30].

Для определения хронологии функционирования поселения важна найденная в заполнении ямы 7 монета золотоордынского хана Абдаллаха (1367–1370 гг.) чекана монетного двора Азак. На аверсе надпись с именем хана, на реверсе в квадратном картуше с завитками на углах трехногая тамга с птичьей головой, повернутой влево [6, с. 176].

Керамический материал из раскопа представлен большим количеством фрагментов черепицы-татарки, плоского золотоордынского кирпича, кухонных и тарных сосудов, среди которых выделяются фрагменты, покрытые светлой и темной зеленой и коричневой глазурью с подглазурным орнаментом в технике «Slip-Painted Ware» второй половины XIV – начала XV в. (рис. 7, 2, 3, 6, 8–11, 12, 14–16), полихромные сосуды с орнаментом в технике «сграффито» и группы «Polychrome Sgraffito Ware». Преобладают фрагменты керамики группы юго-восточного Крыма, демонстрирующие связь поселения с золотоордынским Солхатом и другими ремесленными центрами этого региона (рис. 7, 1, 4, 7, 13, 17). Среди керамических находок выделяется также фрагмент кашинного сосуда (рис. 7, 5). Предположительно, его можно отнести к категории импортных для Крыма сосудов, производимых в средневожских центрах Улуса Джучи [8, с. 91] или мастерских Ирана и Малой Азии.

Раскопанное поселение относится к эпохе Золотой Орды. По нумизматическому материалу и стратиграфическим наблюдениям выявлены два этапа его функци-

онирования. Первый этап соотносится с хозяйственными ямами 13 и 14 в квадрате 3 (и, вероятно, ямой 4), а второй – со временем использования сооружения, определяемого как полуземлянка, и ямой 7. Датировка остальных хозяйственных ям достаточно широка и требует уточнений. Нумизматические материалы подтверждают наблюдения стратиграфии. Так, в яме 4 была обнаружена монета времени правления хана Токты (1291–1312 гг.), а в яме 7 монета времени хана Абдаллаха (1367–1370 гг.) [12, с. 176]. Кроме того, по слою заполнения полуземлянки можно сделать предварительный вывод о некоторой одномоментной остановке деятельности на поселении. Наличие среди находок материала со следами горения, а в слоях заполнения угля и зольных пятен, позволяет предположить, что поселение погибло вследствие пожара. Культурный слой содержит большое количество археологического материала, предварительно датированного концом XIII – второй половиной XIV в. Наличие среди находок фрагментов каменных жерновов может свидетельствовать о земледельческой культуре населения этого золотоордынского поселения.

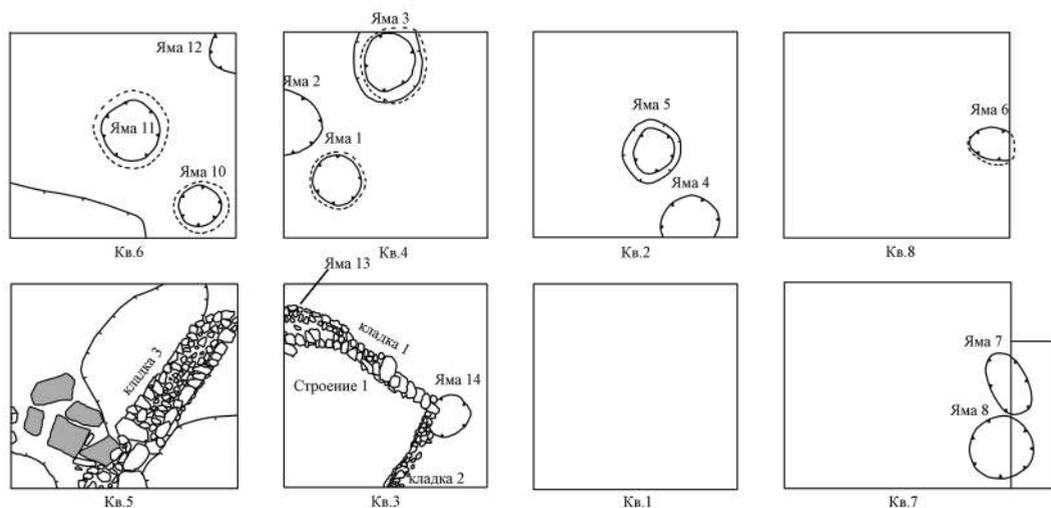

Рис. 1. Общий план участка исследований на поселении Тобен-Сарай

Рис. 2. Поселение Тобен-Сарай. Квадрат 3. Общий вид с юго-запада: а – после выемки заполнения помещения 1; б – финал

a

b

Рис. 3. Поселение Тобен-Сарай: а – Квадрат 4. Яма 3. Вид с севера. Скелет собаки в слое каменного завала. б – Квадрат 5. Общий вид с северо-запада. Финал

a

b

Рис. 4. Поселение Тобен-Сарай. Квадрат 5: а – юго-восточная фасировка кладки 3. Вид с юго-востока; б – северо-западная фасировка кладки 3. Вид с северо-запада

Рис. 5. Находки из раскопок поселения Тобен-Сарай. Фрагменты глазурованных сосудов. Квадрат 4: 1 – яма 3; штык 1: 2 – к.о. 5; 5 – к.о. 6. Квадрат 3: серый золистый слой: 3 – к.о. 9; 6 – к.о. 10; 4 – штык 3, желто-коричневый слой, п.о. 393; 7 – серый слой, к.о. 13. Квадрат 5: 8 – серый слой в юго-западной части квадрата, п.о. 372; 9 – темно-серый слой с углями в северо-западном углу, п.о. 296; 10 – светло-коричневый слой в юго-восточной части, п.о. 406; 11 – штык 3, красно-коричневый слой, к.о. 21. Квадрат 6, серый слой, штык 4: 12 – п.о. 420; 13 – к.о. 18; 14-15 – п.о. 420. 16 – Квадрат 7, яма 8, к.о. 12. 17 – Квадрат 8, штык 2, к.о. 8. Квадрат 5, серый слой в юго-западной части квадрата: 18-19 – фрагменты каменного жернова, к.о. 17; 20 – фрагмент каменного изделия неясного назначения, к.о. 16 (рисунки Д. Э. Сейдалиевой)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лашков Ф. Ф. Сборник документов по истории Крымско-татарского землевладения // ИТУАК. 1897. Т. 26. С. 24–154.
2. Минаев А.В. Переработка зерна в Азаке в XIV в. // Археология Евразийских степей. Казань, 2018. № 4. С. 127–140.
3. Минасян Р.С. Классификация ручного жернового постава (по материалам Восточной Европы I тысячелетия н. э.) // СА. 1978. № 3. С. 101–112.
4. Сейдалиев Э.И. Золотоордынское поселение Старый Фонтан в Центральном Крыму (предварительные итоги археологического исследования) // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 363–386
5. Сейдалиев Э.И. Сельские памятники округа золотоордынского Солхата: материалы к археологической карте юго-восточного Крыма // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XII Международный Византийский семинар (Севастополь–Балаклава, 25–29 мая 2020 г.). Материалы научной конференции / Ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Колорит, 2020. С. 219–226.
6. Сейдалиев Э.И., Якушечкин А.В., Аблаев Э.Д. Нумизматические материалы из раскопок золотоордынских поселений Старый Фонтан и Тобен-Сарай // ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка. VII международный нумизматический симпозиум (Судак, 21–23.09.2020 г.). Материалы научной конференции / Ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Колорит, 2020. С. 169–178.
7. Сейдалиева Д.Э. Изображения птиц на золотоордынской керамике Солхатского городища и округа // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 335–362.
8. Тесленко И.Б., Сейдалиева Д.Э. Гончарное производство и керамический импорт Крыма конца XIII – начала XV вв. // Крым в Золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки. Симферополь: Тарпан, 2016. С. 85–106.

REFERENCES

1. Lashkov F.F. Sbornik dokumentov po istorii Krymsko-tatarskogo zemlevladieniia. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi komissii*, Simferopol, 1897, T. 26, pp. 24–154.
2. Minaev A.V. Pererabotka zerna v Azake v XIV v. *Arkheologiya Evraziiskikh stepei*, Kazan, 2018, No. 4, pp. 127–140.
3. Minasian R.S. Klassifikatsiia ruchnogo zhernovogo postava (po materialam Vostochnoi Evropy I tysiacheletii n.e.). *Sovetskaia arkheologiya*, 1978, No. 3, pp. 101–112.
4. Seidaliev E.I. Zolotoordynskoe poselenie Staryi Fontan v Tsentral'nom Krymu (predvaritel'nye itogi arkheologicheskogo issledovaniia). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2019, Vol. XXIV, pp. 363–386.
5. Seidaliev E.I. Sel'skie pamiatniki okrugi zolotoordynskogo Solkhata: materialy k arkheologicheskoi karte iugo-vostochnogo Kryma. Alekseenko N.A. (Ed.), *Materialy nauchnoi konferentsii "ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis. XII Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar"*, Simferopol, Kolorit Publ., 2020, pp. 219–226.
6. Seidaliev E.I., Iakushechkin A.V., Ablaev E.D. Numizmaticheskie materialy iz raskopok zolotoordynskikh poselenii Staryi Fontan i Toben-Sarai. Alekseenko N.A. (Ed.), *Materialy nauchnoi konferentsii "PriPONTiiskii meniala: den'gi mestnogo rynka. VII Medlunarodnyi Numizmaticheskii Simpozium"*, Simferopol, Kolorit Publ., 2020, pp. 169–178.
7. Seidalieva D.E. Izobrazheniia ptits na zolotoordynskoi keramike Solkhatskogo gorodishcha i okrugi. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2019, Vol. XXIV, pp. 335–362.
8. Teslenko I.B., Seidalieva D.E. Goncharnoe proizvodstvo i keramicheskii import Kryma kontsa XIII – nachala XV vv. *Krym v Zolotoordynskii period. Krymskii Iurt Zolotoi Ordy: nasledie ischeznuvshei imperii: katalog vystavki*, Simferopol, Tarpan Publ., 2016, pp. 85–106.

Информация об авторе

Сейдалиев Э. И. – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории Крымского инженерно-педагогического университета им. Февзи Якубова; научный сотрудник Института археологии Крыма РАН; старший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, Researcher ID: AAA-3179-2019.

Information about the author

Seydaliev E. I. – Candidate of Science (History), Head of the chair of history, Fevzi Jacobov Crimean Engineering and Pedagogical University; Researcher of the Institute of Archeology of the Crimea RAS; Senior Researcher of the Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Researcher ID: AAA-3179-2019.

ИТАЛЬЯНСКАЯ МАЙОЛИКА ОСМАНСКОГО СУДАКА

Ирина Борисовна Тесленко¹, Вадим Владиславович Майко²

^{1,2} *Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия*

¹ *i_teslenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2356-1615>*

² *vadimmaiko1966@mail.ru*

Аннотация. История Судака османского времени отчасти отражена в письменных и картографических источниках, анализ которых позволил получить довольно детальную информацию по демографии и исторической топографии города. Однако археологические материалы этого периода все еще недостаточно хорошо изучены и лишь частично введены в научный оборот. Это обусловило необходимость остановиться на их обзоре в целом, а также выделить отдельные категории артефактов, которые представляют интерес для изучения экономических связей города. Особое внимание в этой связи привлекает итальянская майолика эпохи Возрождения. На территории городища и его посада, преимущественно в портовой части, обнаружены обломки не менее 16–17 кувшинов «строгого» и «полихромного» стилей конца XV – начала XVI вв. из мастерских северных и центральных районов Италии. Их находки могут свидетельствовать о попытках итальянцев в течение нескольких десятилетий после событий 1475 г. наладить отношения с новыми хозяевами Генуэзской Газарии и вновь проникнуть на утраченные рынки.

Ключевые слова: Крым, Судак, османский период, конец XV – XVI вв., итальянская майолика эпохи Возрождения

ITALIAN MAJOLICA WARE IN OTTOMAN SUDAK

Irina B. Teslenko¹, Vadim V. Mayko²

^{1,2} *Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia*

¹ *i_teslenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2356-1615>*

² *vadimmaiko1966@mail.ru*

Abstract. The history of Ottoman Sudak is partly reflected by written and cartographic sources, which analysis provides detailed information to reveal the demography and historical topography of this town. However, archaeological materials from the period in question remain poorly studied and but partially introduced into the scholarship. This is the reason behind the necessity of the overview of the said materials and the determination of specific categories of artefacts for the understanding of the town's economic ties. In this regard, especially interesting is the Italian Renaissance majolica ware. In the town and its suburban area, mostly in the port area, there appeared shards of at least 16–17 jugs of the “severe” and “polychrome” styles from the late fifteenth and early sixteenth century produced in the workshops in northern and central Italy. These finds indicate the Italians' attempts to establish relations with new masters of the Genoese Gazaria and to penetrate into the lost markets during a few decades after the 1475 events.

Keywords: Crimea, Sudak, Ottoman period, late fifteenth and sixteenth century, Italian Renaissance majolica ware

Введение

После успешной кампании великого визиря Гедик-Ахмет-Паши 1475 г. в Крым, территории, ранее подконтрольные генуэзцам и княжеству Феодоро, были включены в состав Османской империи. Крупнейший город региона Каффа, переименованный в Кефе, становится центром новой провинции – санджака, преобразованной около 1581 г. в эялет. К началу XVI в. провинция включала 5 судебно-административных округов – кадылыков (каза), 3 из которых – Кефе, Судак и Мангуп с приписанными к нему Балаклавой и Инкерманом – располагались в Южном Крыму (см. напр. [62]). То есть Судак стал центром одноименного административного региона второго порядка. В его состав, кроме земель бывшего генуэзского Солдайского консульства, частично вошли села Алуштинской округи капитанства Готия [43].

Касающиеся османского Судака свидетельства письменных и картографических источников проанализированы А. В. Джановым совместно с одним из авторов настоящей статьи. Это преимущественно данные переписей 1520, 1542, 1634, 1638, 1652 и 1662 гг., хроники армянского священника Хачатура Кафаеци, описания префекта доминиканской миссии Эмиддио де Ортелли де Асколи, заметки Эвлии Челеби, план Судака полковника российской армии Петра Фишера 1784 г. и др., которые позволили получить довольно детальную информацию по демографии и исторической топографии города [26].

Согласно документам, в начале османского периода, по крайней мере на 1520 год, количество жителей здесь оставалось все еще довольно значительным, составляя около полутора тысяч человек (400 дворов), среди которых преобладали греки-христиане [26, с. 18–19]. Видимо, события 1475 г. существенно не повлияли на демографическую ситуацию в регионе. Ошутимые перемены происходят лишь в первой половине – середине XVII в. С одной стороны, они были связаны с оттоком местного населения вглубь полуострова и в Каффу из-за участвовавших нападений казаков и притеснений со стороны османских чиновников, с другой стороны, видимо, с иммиграцией сюда малоазийских жителей (как армян, так и тюрок), бежавших от голода и военных невзгод из Анатолии и Закавказья [26, с. 21–26]. К последней четверти XVIII в. христиан в Судаке, по-видимому, практически не осталось. По крайней мере, в документах, отражающих переселение российскими властями греков и армян из Крыма в Приазовье в 1779 г. выходцы из Судака не значатся. На плане Петра Фишера, составленном к 1784 г., обозначено всего 3 (из минимум 15 на 1520 г.) заброшенные церкви¹. Мусульмане, проживающие в западной части крепости и в западном предместье (квартал Kal'a-i Bîgün), составляли на тот период приход 3 мечетей² [26, с. 26–27]. Однако после завоевания Крыма Россией часть из них также покидает Судак и выезжает в Анатолию [26, с. 40]. Таким образом, в течение трех с небольшим столетий после 1475 г. облик самого города и состав его обитателей претерпевал значительные изменения. Из процветающего, густонаселенного торгового центра генуэзского времени он постепенно превращался в ординарное селение

¹ Одна – в крепости, две – за пределами крепостных стен.

² Две из них располагались в крепости, одна – обслуживала мусульманский квартал за ее стенами.

северной османской провинции, а затем южной окраины Российской империи, население которого, как автохтонное, так и иммигрировавшее в османскую эпоху, в большинстве своем постепенно рассеивалось по ближним и дальним окрестностям.

Эти исторические процессы безусловно оказывали влияние на бытовую культуру и торговые связи местных жителей, что в свою очередь нашло отражение в материальных остатках османского периода, в том числе в керамических комплексах [38]. Однако к настоящему времени археологические источники османского времени из раскопок Судака все еще недостаточно хорошо изучены и лишь частично введены в научный оборот, что обуславливает необходимость остановиться на их кратком обзоре, прежде чем обратиться к анализу отдельных категорий артефактов.

Археологические объекты Судака османского времени

Археологические исследования на территории Судакской крепости и в ее окрестностях проводятся с небольшими перерывами начиная с 1920-х гг. [25, с. 13–22]. За это время культурные отложения османского времени были зафиксированы на разных участках городища и в его округе (рис. 1, II). С ними связан ряд жилых, хозяйственных и культовых сооружений.

Среди наиболее выразительных объектов отметим следующие.

1. Культурный слой на полу первого яруса башни Паскуале Джудичи (рис. 1, II-3; 2, А-2, В). Раскопки здесь проводились Судакской археологической экспедицией (далее САЭ) Отдела античной и средневековой археологии Крыма Института археологии АН УССР (далее ОАСА) под руководством И. А. Баранова в 1983–1984 гг. [9, с. 12–16]. Из слоя происходят красноглиняное блюдо с росписью кобальтом изникского производства группы «Милет» (Miletus Ware), днище испанской люстровой тарелки с изображением розетки в центре, выполненной широкой синей линией, фрагментированный кувшин группы итальянской майолики, 2 курительные трубки со штампованным орнаментом, наконечник кальяна из кости и др. [9, с. 12–16, рис. 29,1,6; 30,1–3,4–6]. То есть материал слоя довольно разновременный, датируется в диапазоне от второй половины / конца XV – до второй половины XVII–XVIII вв. Таким образом, очевидно, что в османский период внутреннее пространство башни использовалось в течении длительного времени, начиная с завоевания турками Судака. Возможно, на каком-то этапе здесь размещался караул.

2. Застройка на участке храма «Девы Марии» в северо-восточной части укрепления (рис. 1, II-6). Раскопки И. А. Баранова 1981–1985 гг. (САЭ ОАСА) и В. Г. Тура 2004–2005 гг. (САЭ Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины). К югу от храма выявлены остатки 2 хозяйственных и 3 жилых сооружений османского периода, возведенных на руинах более ранней большой постройки (размер 12,0x13,0 м). Опубликован лишь план этих построек, датированных автором раскопок в рамках конца XV – первой половины XVIII вв. [41, с. 352–361, рис. 1; 25, с. 330–332]. Вещевой материал османского времени в публикации детально не представлен³. В

³ На иллюстрации к статье приведены лишь три керамических курительных трубки, которые могут

отчетной документации соответствующие находки отражены на иллюстрациях [39, табл. 21, 28, 29, 31, 34, 36, 37, 90–94; 40, табл. 57, 58, 61, 66], однако они требуют более тщательного анализа, включающего уточнение их атрибуции и хронологии.

3. Застройка к западу от главных ворот крепости, вдоль куртины № XV (XV в.) (рис. 1, II-2). Исследования здесь проводились И. А. Барановым в 1981–1984 гг. (САЭ ОАСА). В процессе работ зафиксированы руины нескольких строений турецкого времени. Раскопано четыре смежные капитальные жилые постройки с небольшими каминами и мощеными камнем полами, примыкающие к куртине № XV с юга, а также остатки отдельных кладок иных сооружений, назначение которых не ясно. Еще два двухкамерных здания с камином исследованы в 10,5 м к юго-востоку от них [8, с. 241; 9, с. 9–12; 25, с. 320]. На основании находок курительных трубок и турецкого полуфаянса с росписью зеленой и красной красками в слоях, связанных с этими строениями, автор раскопок датировал весь комплекс временем не ранее второй половины XVII в. и предположил его использование «для размещения турецкого гарнизона» [9, с. 10–12]. На сегодня опубликована лишь краткая информация об этих объектах [25, с. 320, рис. 196; 197, 1–3]. Детальный анализ материалов османского времени не проводился.

4. Жилая застройка в восточной части цитадели крепости, примыкавшая к донжону Консульского замка (рис. 1, II-8). Исследована в течение 2002, 2004 и 2005 гг. А. М. Фарбеем, В. В. Майко и А. В. Джановым (САЭ Национального заповедника «София Киевская»). Всего раскопаны остатки 9 каменных строений со смежными стенами. Здания вытянуты в ряд вдоль обрыва скалы. Они были возведены в генуэзское время, а затем реконструированы в османский период. При этом частично перекладываются некоторые стены, разбираются печи-тандыры, но сохраняются камини, обустроенные в толще северных стен. В углах помещений сооружаются суфы – невысокие (до 0,30 м) глинобитные платформы, огражденные камнями [18, с. 391–401; 25, с. 286–287, рис. 152, 1]. Время использования домов после реконструкции позволяет уточнить находка на полу одного из них фрагментированного кувшина изникского производства, украшенного «чешуйчатой» росписью [28, рис. 40]. Подобные изделия датируются преимущественно второй половиной XVI в. [46, fig. 677, 731–733, 743–745]. Точная дата реконструкции строений не ясна, очевидно это произошло между последней четвертью XV и серединой XVI вв. Период запустения домов, вероятно, следует определять временем около середины XVII в., так как в их заполнении не обнаружены находки, которые с уверенностью можно было бы отнести ко второй половине – концу XVII в., в частности, курительные трубки. Эта дата косвенно подтверждается и свидетельствами Эвлии Челеби, который упоминает на цитадели «десять выложенных неверными из камня домов», двери которых заперты, «...Но там имеется одежда и вещи хозяев» [42, с. 153]. То есть, вероятно, к 1666–1667 гг. они уже не были постоянно обитаемыми. Детальный анализ находок из раскопок этих строений не предпринимался.

быть уверенно соотнесены с османским временем [41, рис. 3,8]. К этому периоду, вероятно, относятся также три железных ножа и бронзовая подвеска в виде розетки [41, рис. 3,7], однако четкая хронология их пока не ясна.

5. Комплекс, соотносимый с мечетью Хаджи-Бея (рис. 1, II-5). Располагается в центре внутри крепостного пространства. Частично исследован САЭ ОАСА под руководством И. А. Баранова в 1977, 1979, 1980 и 1992 гг. [25, с. 332–333; 26, с. 33–40, рис. 6–11]. Представляет собой прямоугольное в плане сооружение размером 30,0x39,0 м с прямоугольным выступом (порталом?) в центральной части северного фасада (размер около 15,0x18,0 м). Комплекс включал ряд помещений, остатки которых зафиксированы в его северной части и вдоль южной стены. Назначение их пока не определено. Сооружения османского периода перекрывали дома генуэзского времени, не повторяя их контуры и направление кладок [26, с. 39, рис. 8].

Находки из культурных слоев, связанных с архитектурным комплексом, невыразительные и разновременные. Среди них – фрагменты керамических тарных сосудов, красноглиняная поливная чашка на кольцевом поддоне, красноглиняный кувшин с линейно-волнистой росписью белым ангобом, кумган, фрагменты курительных трубок, что позволяет лишь констатировать существование комплекса во второй половине XVII – XVIII вв., но не уточняет дату его постройки [26, с. 38–40, рис. 11]. По мнению авторов раскопок, это одна из трех мечетей, упомянутых Эвлией Челеби и обозначенных на плане 1784 г., а именно – мечеть Хаджи-Бея [26, с. 38–40].

6. «Храм с аркадой» или «Падеша мечеть» – вторая из известных по письменным и картографическим источникам мечеть, здание которой сохранилось до наших дней [17]. Функционирование ее в османский период не вызывает сомнения. Раскопки внутри и снаружи здания проводились в 1926 г. А. А. Фоминым, в 1969, 1975–1976 гг. М. А. Фронджуло и в 1986 г. И. А. Барановым (САЭ ОАСА). Однако какие-либо выразительные находки конца XV – XVIII вв., за исключением архитектурных конструкций и отдельных архитектурных деталей, ни в научных отчетах, ни в публикациях не отмечены (детальнее см. [11; 17; 44]).

7. Городской посад. Письменные, картографические и изобразительные источники фиксируют наличие жилого квартала, существовавшего в османское время к западу от городских стен [26, с. 29–30, рис. 3–4]. Однако синхронные ему археологические материалы пока довольно скудные. При исследовании на территории посада в 1970-е годы отмечались лишь отдельные находки «поздней» керамики. В частности, в 1972 г. М. А. Фронджуло в этом районе (участок «посад II») (рис. 1, II-1; 2, А-1, Б) был обнаружен фрагмент итальянского майоликового кувшина [37, с. 73, рис. 2, 5, 6]. Раскопками 2003–2004 гг. (САЭ Национального заповедника «София Киевская», руководитель В. В. Майко) в юго-восточной части предместья на руинах бани золотоордынского времени исследованы остатки двух печей и связанный с ними культурный слой османского времени. На основании стратиграфических наблюдений и немногочисленного керамического материала теплотехнические сооружения датированы XVII–XVIII вв. [27, с. 4–15; 25, с. 188–189, рис. 96, 2]. Детальный анализ находок не предпринимался. Иные комплексы, связанные с этим жилым кварталом, пока не выявлены.

8. Портовая часть Судака. Здесь культурные остатки османского времени зафиксированы на 4 из 10 раскопок (III, VI, VII и VIII) (рис. 1, II-9, 10, 11; 2, А-3, 4, 5, Г, Д).

Раскоп III. Исследования проводились в 1965–1970 гг. М. А. Фронджуло (ОАСА ИА АН УССР) и в 1994 г. И. А. Барановым, В. В. Майко, А. В. Джановым. (САЭ Крымского филиала Института археологии НАН Украины) (рис. 1, II-10). О наличии здесь остатков строений османского времени кратко упомянуто в одной из публикаций [25, с. 231], однако какие-либо связанные с ними материалы ни в архивной документации, ни в музейных коллекциях отыскать не удалось.

Раскоп VIII. Исследования здесь начаты в 2010 г. Юго-Восточной археологической экспедицией Государственного Эрмитажа (далее ЮВАЭ ГЭ) под руководством В. Д. Гукина и продолжаются в настоящее время (рис. 1, II-9; 2, А-3). Площадь раскопа составила около 250 кв. м. В его пределах открыто несколько разновременных каменных домов, часть которых, по крайней мере сооружения №№ 1 и 2 с каминами, после реконструкции использовались и в раннеосманский период. В верхнем слое разрушения строений, а также в их заполнении встречались находки неполивной и глазурованной керамики, характерной для комплексов XVI в. (неполивные кувшины с клювовидным венчиком группы ЮВК и импортные сосуды группы ГРВ; глазурованные изделия группы «толстостенных чаш с бихромной расцветкой» и ЮВК) [22, рис. 39; 55; 95; 98–99; 117; 124–125; 34, рис. 16–19; 25; 30; 33–37; 74; 76–78; 19, рис. 16; 20; 24; 26; 29; 34; 44–46; 20, рис. 13; 19; 28; 40]. Здесь также обнаружены фрагмент дна итальянского майоликового кувшина [19, рис. 24, к.о. 399] и мелкие обломки турецкого бело-голубого полуфаянса [19, рис. 24, к.о. 406; 45, к.о. 402]. Детальный анализ находок не предпринимался, частично опубликованы лишь самые общие итоги работ [14; 15; 16].

Наиболее представительные материалы получены на раскопах VI и VII (рис. 1, II-10, II; 2, А-4, 5, Г, Д). Исследования здесь проводились соответственно в течение 2006–2010 гг. и в 2010, 2013 гг. под руководством В. В. Майко (САЭ Национального заповедника «София Киевская») [25, с. 234–236]. В процессе работ было изучено несколько комплексов османского времени, насыщенных синхронной керамикой.

Раскоп VI примыкает с северной стороны к так называемому Приморскому укреплению (раскоп III). Его площадь составляет около 170 кв. м, мощность культурных отложений – до 2,70 м. В процессе работ исследован архитектурно-археологический комплекс из нескольких жилищно-хозяйственных строений, в архитектурной истории которого выделено четыре строительных периода, датируемых серединой X – XVI вв. В раннеосманское время после некоторой реконструкции здесь продолжали использоваться как минимум три каменных постройки (А, Б и В), две из которых (А, Б) имели смежную стену и были оборудованы отопительными сооружениями в виде печей-тандыров с лежанками (рис. 2, Г). Период функционирования этих строений определяется находками на полу и в культурных слоях выше уровня пола монет Менгли-Гирея I (1467–1515), османского мангыра XVI в., а также керамики второй половины XV – XVI вв., среди которой особо следует выделить итальянский майоликовый кувшин конца XV – начала XVI вв. и турецкий полуфаянс («Iznik Ware») с бело-голубой и полихромной росписью, датирующиеся соответственно первой половиной и второй половиной XVI в. [31, с. 29–30; 32, с. 20; 23; 24,

с. 247; 57, с. 245]. Отсутствие монет второй половины XVI и XVII вв., а также керамических курительных трубок, позволяет определять верхнюю дату использования построек временем не позднее второй половины XVI – начала XVII вв. К настоящему времени детально опубликована лишь неполированная керамика этого комплекса [4].

Раскоп VII заложен в непосредственной близости к западному краю раскопа III. Его площадь составила 72 кв. м, мощность культурных отложений – от 0,50 до 2,40 м. В границах исследованной территории вскрыты остатки каменного дома, состоящего из двух помещений (А и Б), ориентированных в ряд по линии запад-восток с небольшим отклонением к югу (рис. 2, Д). Строение располагается на террасовидной площадке, с юга ограниченной довольно крутым склоном. Его южная стена не сохранилась, вероятно, обрушилась вследствие естественного разрушения кромки террасы. Здесь, в заполнении помещения А, выявлен и полностью исследован зольник (мусорная свалка), насыщенный материалами османского времени⁴. На основании многочисленных нумизматических находок⁵ хронология отложений определяется в рамках первой четверти / середины XVI – последней четверти XVI, возможно, начала XVII вв. Косвенно эту дату подтверждает также отсутствие в слое глиняных курительных трубок. Массовые керамические материалы и отдельные уникальные находки из зольника детально опубликованы, однако предметам итальянского и турецкого импорта не уделено должного внимания [34, с. 232–233; 24; 5; 36; 6].

Таким образом, в процессе многолетних археологических исследований на разных участках территории Судакской крепости и в ее округе выявлены разновременные объекты османского периода. Часть из них плохой сохранности либо недостаточно тщательно зафиксированы. Наиболее ранние и наилучшим образом сохранившиеся комплексы сконцентрированы в портовой части городища. К настоящему времени в научный оборот более или менее полно введена лишь массовая керамика именно из этих комплексов [4; 24; 6]. Представлены также отдельные находки из раскопок в районе барбакана [10, с. 90–92, рис. 12] и мечети Хаджи-Бея [26, с. 33–40]. Следовательно, полные публикации иных материалов османского времени остаются актуальными. К тому же, все еще мало внимания уделено редким керамическим импортам, отражающим характерные особенности торговых связей османского Судака. Среди них особое внимание привлекает итальянская майолика эпохи Возрождения («*Maiolica Rinascimentale*»)⁶, поступавшая в город уже после того, как его оставили генуэзцы.

⁴ В заполнении помещения Б аналогичные отложения не обнаружены.

⁵ В слое обнаружено 65 монет, 53 из которых зафиксированы на уровне пола помещения А, 12 – на различных уровнях в толще зольника. 28 монет определению не подлежит. Оставшиеся, за исключением двух золотоордынских пулов конца XIII – начала XIV вв. (примесь снизу), отчеканены на территории Крымского ханства: 14 – определяются как акче (?) Девлет-Гирея I (1550–1577), 1 – Мухаммед-Гирея I (1515–1523), 1 – Мухаммед-Гирея II (1577–1584), 1 – Мухаммед-Гирея I / Мухаммед-Гирея II (?), 3 – кого-то из сыновей Девлет-Гирея I (XVI в.), еще для 15 предположительно установлено только время чеканки – XVI в. Определение монет выполнено к.и.н., старшим научным сотрудником Института археологии НАН Украины Г. А. Козубовским.

⁶ Термин «итальянская майолика» используют для обозначения светлоглиняных изделий, покрытых

Итальянская майолика, характеристика находок

Среди крымских археологических материалов эта группа керамики была выделена в 2008 г. [37; 71]. В числе первых четырех опубликованных изделий представлен один фрагмент придонной части кувшина из Судака [37, с. 73–74, рис. 2,5,6; 71, fig. 2,е,ф]. Однако к настоящему времени количество известных находок итальянской майолики в Крыму значительно увеличилось [13]. В частности, в Судаке, благодаря изучению материалов раскопок последних десятилетий и коллекций, хранящихся в фондах музея-заповедника «Судакская крепость», выявлено еще не менее 23 фрагментов, в целом от 16–17 сосудов закрытой формы (рис. 3; 4).

Контекст находок следующий. Два фрагментированных кувшина происходят из раскопок башни Паскуале Джудичи (1970 и 1984 гг.), из слоя с материалом конца XV – XVIII вв. (рис. 3,3; 4,14). Один фрагмент дна найден в 1972 г. на «посаде II», условия обнаружения не ясны (рис. 3,6). Шесть фрагментов представляют собой подъемный материал с территории Судакской крепости, собранный М. А. Спендиаровой в период 1965–1975 гг. (рис. 4,1–6). Возможно, они были найдены на участке у барбакана, где в 1960-е годы проводились реставрационные работы. Однако никакой документации, проясняющей происхождение предметов, обнаружить не удалось. Остальные фрагменты происходят из раскопок 2006–2012 гг. в портовой части городища: 1 – из зольника на участке раскопа VII (рис. 3,1); 10 – из слоев, связанных с функционированием и разрушением строений конца XV – XVI вв. на раскопах VI (рис. 3,2,4,5; 4,7–12) и VIII (рис. 4,13).

Все обломки принадлежат кувшинам небольшого размера с округлым туловом, на специально профилированном, расширенном (преимущественно дисковидном) днище. Сосуды, вероятнее всего, одноручные, оснащены сливом в виде пальцевой деформации венчика. Черепок белый или светло-желтый, довольно плотный. Глина тонкодисперсная, в ее структуре видны включения незначительного количества мелкозернистого песка, мелких частиц рыхлого минерала белого цвета (известь?), мелких белых блесков. Сосуды изготовлены на гончарном круге, этап – РФК 7. Полива опаковая, белая, покрывает изделия внутри и снаружи, местами отслаивается от черепка. С внешней стороны она служит основой для росписи. В большинстве случаев акцент делался на украшении лицевой поверхности тулова – под сливом, со стороны, противоположной креплению ручки. Лишь у одного сосуда заметен декор в месте крепления ручки (рис. 4,9).

По цветовой гамме росписи сосуды подразделяются на следующие группы.

1. Наиболее многочисленны обломки изделий, на которых видны лишь остатки рисунка, выполненного синей (кобальт) краской (10 единиц) (рис. 3,2,3,6; 4,4–6,11–14).

2. На трех фрагментах сохранились элементы росписи синей и темно-коричневой или фиолетовой (марганец) красками (рис. 4,1–3).

непрозрачной белой глазурью и украшенных росписью цветными минеральными красками. Она изготавливалась в различных производственных центрах Италии эпохи Ренессанса (Фаэнца, Кафаджиоло, Сиена, Урбино, Пезаро, Губио, Кастель-Дурант, Дерута, Монтелупо и пр.). Примерно с XVI в. по отношению к продукции мастерских Фаэнцы используется название «фаянс» [21, с. 55–56, 67]. Более детально о технологии производства итальянской майолики см. напр. [72].

3. В украшении еще двух сосудов (от одного из них сохранилось 2 фрагмента) для росписи использованы краски синего, голубого и желтого (сурьма?) цветов (рис. 3,1; 4,7,8).

4. Два мелких обломка принадлежат сосуду с остатками флористического изображения, выполненного голубой, бирюзовой, зеленой и светло-оранжевой красками (рис. 4,9,10).

От двух кувшинов уцелели только фрагменты тыльной части горла и тулова с прилепами ручек, лишенные росписи (рис. 3,4,5), поэтому соотнести их с одной из перечисленных групп сложно, не исключено также, что они могут принадлежать каким-то из уже упомянутых сосудов.

Общим для изделий первых трех групп является использование в оформлении корпуса медальона с «лестничным» ободком («*medaglione a scaletta*»), заключающего в себе какую-то декоративную композицию. В 8 случаях медальон по внешнему контуру дополнен полупальметтами (рис. 3,3,6; 4,2,4,6,11,12,14), в двух – еще одной заштрихованной окружностью (рис. 3,1; 4,5). Подобный элемент декора и близкая цветовая гамма характерны для майолики так называемого «строгого» стиля («*Stile Severo*»), которая датируется последними десятилетиями XV – началом XVI вв. Производство ее связывают преимущественно с мастерскими севера и центра Италии (регионы Эмилья-Романья и Марке⁷) (см. напр. [52, p. 66; 53, p. 29–30; 54, p. 69]).

Элементы рисунков внутри медальонов на фрагментах из Судака сохранились весьма фрагментарно, поэтому достоверно восстановить детали композиции ни для одного из них не представляется возможным. К тому же, изображения в «лестничном» обрамлении могли быть довольно разнообразными и выполненными как в «строгом», так и в «полихромном» стиле. К наиболее распространенным относятся медальоны с флористическими мотивами, объединяемые в так называемую семью «Цветочной Готики» («*Gotico Floreale*») (рис. 5,1) [52, p. 98–102; 53, p. 29–30, fig. 18], а также сосуды с изображениями птиц (рис. 5,4) [53, p. 29, fig. 17; 54, p. 69, fig. 6.29] и геральдической символикой (рис. 5,2,3) [45, p. 64, fig. 141; 56, p. 222]; надписями, упоминающими Бога (например, AMADIO – «Люблю Бога», LAVSDIO – «Слава Богу» и т. п.) или указывающими на возможное содержимое сосуда (например, BONOVIDO и др.) (рис. 5,9) [69, fig. 43–44; 45, p. 62–63, fig. 128; 130–133]; с монограммами «IHS», выполненными в готическом стиле, в сочетании с крестом (рис. 5,6) [45, p. 62–63, fig. 129, 136; 47, fig. 8; 60, fig. 3]⁸. Реже встречаются образы зверей (кролик, кошачьи

⁷ «Лестничные» медальоны могли встречаться также в росписи сосудов из других регионов. В качестве примера можно привести кувшины с изображением кролика и портретом монаха, место производства которых предположительно определено в мастерских Монтелупо (регион Тоскана) [64, p. 150, n. 213; 58, p. 11, n. 13]. Для более обоснованных выводов о происхождении изделий необходимы археометрические исследования формовочной массы, которые позволяют определять источники глиняного сырья для майолики довольно точно (см. напр. [51; 47]).

⁸ Это сочетание литер имеет несколько вариантов толкований, все они связаны с именем Христа, идеей спасения и воскрешения (см., напр.: <http://www.symbolarium.ru/index.php/IHS>). Кувшины и сосуды открытой формы с аналогичной символикой были широко распространены и известны среди продук-

хищники) (рис. 5,5) [64, р. 150, н. 213] и более сложные в исполнении подгрудные портреты, преимущественно женские (*belle donne* – прекрасные дамы), реже – мужские (рис. 5,7,8) [67; 58, р. 11, н. 13] и др.

Четвертая группа майолики из Судака сопоставима с изделиями, украшенными в «полихромном» стиле (*maioliche policrome rinascimentale*) (рис. 4,9,10). Реконструировать рисунок в данном случае довольно сложно, что затрудняет точную датировку изделия. В целом, многоцветная роспись в итальянской майолике, в частности – продукции мастерских севера и центра, также получает распространение со второй половины / конца XV – XVI вв. [76, р. 8–9].

На крымских памятниках небольшие одноручные кувшины, украшенные преимущественно в «строгом» и в меньшей степени «полихромном» стиле, находят наиболее часто. Причем они встречаются как в относительно крупных городских центрах, таких как Балаклава и Судак, так и на небольших провинциальных поселениях прибрежной части османских владений – в Алуште, Партените, Малом Маяке (рис. 6,1–5) [2, с. 65, к.о. 10; 3, рис. 17,6,7; 37; 7, рис. 5,5; 13].

Кроме того, в Южном Крыму известны находки майоликовых изделий других групп и типов. В частности, из раскопок в Партените кроме кувшина с «лестничным» медальоном (рис. 6,3) происходит фрагмент борта блюда, украшенного орнаментом, основу которого составляет ряд из ромбических фигур в овалах (рис. 6,6). Роспись выполнена оранжевой и синей краской [7, рис. 5,6]. Ее мотивы и цветовая гамма находят прямые аналогии в продукции керамических мастерских Монтелупо (регион Тоскана) первой четверти XVI в. [48; 61, р. 124–126, н. 61; 59, р. 70–73, н. 14]. В целом, майолика с аналогичным декором составляла массовую продукцию Монтелупо и была распространена довольно широко по всему Средиземноморью и Атлантическому побережью Европы, проникая даже на Карибы и Американский континент⁹. Однако в Крыму это пока что единственный экземпляр, который введен в научный оборот.

Из находок на территории крепости в Балаклаве внимание привлекают два не менее уникальных для Крыма майоликовых изделия. Одно из них – это сегментоидальная чаша с низкими бортами и широким вогнутым дном, в центре которой изображено рукопожатие в символическом сиянии (рис. 6,8) [2, с. 44, 65, 87, рис. 114, к.о. 117; 13, с. 177–180]. Рисунок выполнен кобальтовой краской. Центральная композиция обрамлена несколькими концентрическими окружностями и растительным орнаментальным поясом. В эпоху Возрождения рукопожатие являлось аллегорией любви, верности, единения¹⁰. Часто изображение сопровождалось лучами

ции различных мастерских. Изображения подобных кувшинов в сочетании с цветком лилии известны на полотнах с христианским сюжетом фламандских живописцев конца XV – начала XVI вв. Здесь они, вероятно, символизируют Богоматерь, ее непорочность и святость [47, fig. 3; 60, р. 56–58, fig. 1].

⁹ Информация с сайта Музея керамики в Монтелупо (Италия, Тоскана): <https://www.museomontelupo.it/le-collezioni-del-museo-e-il-percorso>.

¹⁰ Встречаются изображения как двух мужских рук, стиснутых в рукопожатии, так и воссоединенные мужская и женская руки. В последнем случае сосуды, вероятно, предназначались в дар в честь помолвки или бракосочетания (детальнее об этом см. [13, с. 177–180]).

света, языками пламени, короной, символическими надписями («Аmore» или «F. E.» – *Fede Enterna* [Вечная Вера]). Сосуды с подобной символикой – “*coppe d’amore*” (чаши любви), “*piatti amatori*” (любовные блюда), а также альбарелло – изготавливали в керамических мастерских различных городов севера и центра Италии, в частности Фаэнцы, Губбио, Деруты (см. напр. [66, p. 51, fig. 84a; 68, p. 136–137; 58, p. 46, n. 50, 51; 70, p. 162, n. 2.27; 75, p. 256, n. 114]). По цветовой гамме и элементам росписи чаша из Чембало наиболее близка продукции Фаэнцы конца XV – начала XVI вв.¹¹

Второе изделие представлено обломками верхней части блюда с широким горизонтальным бортом, украшенным сложной полихромной (сине-зелено-желтой) росписью [1, с. 21, 119, рис. 69, к.о. 86; 13, с. 180–182] (рис. 6,7). Элементы рисунка на борте блюда – военный барабан и ленты с надписью (отчетливо видна лишь литера S¹²), характерны для стилистической группы сосудов с изображением трофеев («*trofei*») [63, fig. 93 (tav. 25)]. Подобные сюжеты более всего свойственны майолике герцогства Урбино (Кастельдуранте, Урбино или Пезаро), хотя известны и в росписи изделий из других мастерских [50]. Мотив, манера и цветовая гамма рисунка на фрагменте из Чембало позволяют соотнести его с продукцией Кастельдуранте середины – третьей четверти XVI в. [49, n. 14–16]¹³.

Оба изделия не ординарны. Они могли быть привезены в город по особому случаю (специальный заказ, дипломатический дар), либо оказались здесь вместе со своими владельцами.

Выводы

Представленные материалы позволяют предполагать, что в раннеосманский период итальянская майолика из различных производственных центров стабильно, хоть и в небольших количествах, поступала в Крым, в том числе и на рынок Судака. Подавляющее большинство ее составляли небольшие кувшины с декором в «лестничном» ободке. Эти утилитарные сосуды массового производства широко экспортировались за пределы Италии в конце XV – начале / первой половине XVI вв., в том числе и на территории, подконтрольные Османской империи (см. напр. [57, p. 265; 74, p. 170–173; 54, p. 69–73; 73, p. 367, fig. 14,c1–c3]).

В Судаке, судя по зафиксированной на сегодняшний день топографии находок, основные потребители такого товара проживали в портовом районе городища, что может свидетельствовать как об определенной торговой активности в этом районе в раннеосманский период, так и о некоторой финансовой состоятельности его жителей, позволяющей покупать итальянскую майолику, которая хоть и была сравнительно заурядной, но вряд ли очень дешевой. Следовательно, Судак наряду с Чембало представляли интерес у негоциантов как рынок для ее сбыта.

¹¹ Благодарю профессора Сауро Джелике (Sauro Geliche) за консультацию.

¹² Часто на сосудах с изображением трофеев встречается аббревиатура S.P.Q.R. или SPQR (*Senatus Populusque Romanus, Senatus Populus Quiritium Romanus*). На фрагменте из Балаклавы другие литеры не сохранились, поэтому достоверно реконструировать надпись сложно.

¹³ Больше деталей об этом фрагменте и примеры близких аналогий см. [13, с. 180–182].

Хронология большинства находок определяет наиболее активный период такой торговли примерно с конца XV и до третьей четверти / конца (?) XVI вв., что соответствует времени расцвета майоличного производства в самой Италии¹⁴. При этом ассортимент итальянской керамики в Крыму не ограничивается майоликой. Из Балаклавы, например, происходит фрагментированная красноглиняная чаша с желто-коричневой глазурью, украшенная растительным декором, прочерченным широким резцом по белому ангобу, близкая по технике и манере рисунка продукции Пизы XVI в. [1, с. 121, рис. 76, к.о. 92; 55, р. 13–25, fig. 1].

Представленные данные могут свидетельствовать о попытках итальянцев, возможно даже генуэзцев, в течение нескольких десятилетий после событий 1475 г. наладить отношения с новыми хозяевами их бывших владений и проникнуть на утраченные рынки¹⁵. Определенные усилия в этом направлении косвенно подтверждаются находкой «чаши любви» в Балаклаве, которая вполне могла быть дипломатическим даром, призванным закрепить какие-то договоренности. Судя по датировке предмета, они предпринимались в самом начале османского правления в Южном Крыму. Возможный благоприятный исход некоторых из подобных переговоров подтверждается упоминаниями в документах участия итальянцев в черноморской торговле. Так, в «Реестре задолженностей по оплате налоговых пошлин Кефе за период 1487–1490 гг.» значатся итальянские купцы и итальянский корабль некоего Лоренцо, задействованные в передвижении грузов керамики [12, с. 502–503].

Однако, судя по материалам из Судака и других памятников Крыма, к концу XVI в. объемы поставок сюда майолики ощутимо сокращаются. Во всяком случае, какими-либо сведениями о находках здесь изделий, произведенных позже последней четверти XVI в., мы пока не располагаем.

Вероятно, к концу XVI – началу XVII вв. коммерческий интерес итальянцев к этому региону значительно ослаб. Среди возможных причин, по-видимому, существенную роль сыграли сложности во взаимоотношениях с Портой, высокие торговые пошлины, а также сокращение численности и падение платежеспособности местного населения. По крайней мере, активная жизнедеятельность в портовой части Судака, где было обнаружено наибольшее количество итальянской майолики, судя по археологическим данным, угасает к началу XVII в.

¹⁴ В то же время на рынках Западной Европы майолика, как итальянская, так, позже, и западноевропейская, доминировала вплоть до начала массового производства фарфора в XVIII в. [21, с. 76; 47, р. 447–453].

¹⁵ Например, известно, что в 1550–1560-е годы гончары Кастельдуранте поставляли большое количество своей продукции, предназначенной для экспорта, генуэзским купцам, проживающим на Сицилии [65, р. 106–109]. То есть генуэзские негоданты продолжали участвовать в морской торговле, в частности, майоликой. Вполне логично, что они также пытались поддерживать коммерческие связи и со своими бывшими факториями в Северном Причерноморье.

Рис. 1. I. Памятники Крыма, на которых обнаружена итальянская майолика, упомянутые в статье. II. Объекты османского времени Судака, исследованные на территории городища и в его округе: 1 – участок посада II; 2 – застройка к западу от главных ворот; 3 – башня Паскуале Джудичи; 4 – Безымянная башня № 3; 5 – участок мечети Хаджи-Бей; 6 – застройка на участке храма Девы Марии; 7 – жилые сооружения на месте бани; 8 – застройка цитадели; 9 – раскоп VIII в портовой части; 10 – раскоп III и VI в портовой части; 11 – раскоп VII в портовой части

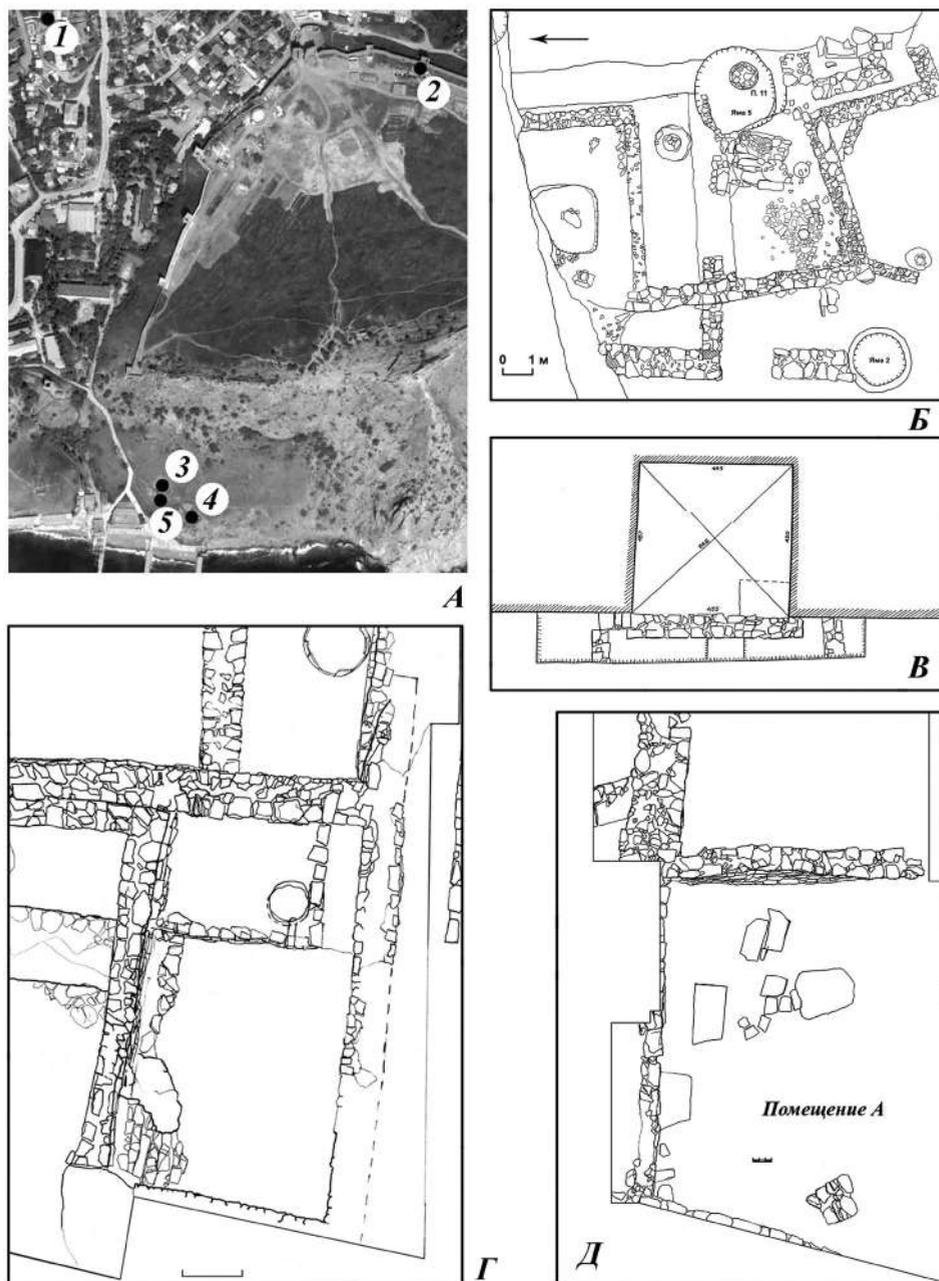

Рис. 2. Месторасположение и планы объектов с находками итальянской майолики в Судакe: А – месторасположение объектов: 1 – участок посада II; 2 – башня Паскуале Джудичи; 3 – раскоп VIII в портовой части; 4 – раскоп VI в портовой части; 5 – раскоп VII в портовой части; Б – фрагмент плана раскопа 1972 г. на участке посада II; В – план раскопа у башни Паскуале Джудичи; Г – фрагмент плана раскопа VI; Д – фрагмент плана раскопа VII

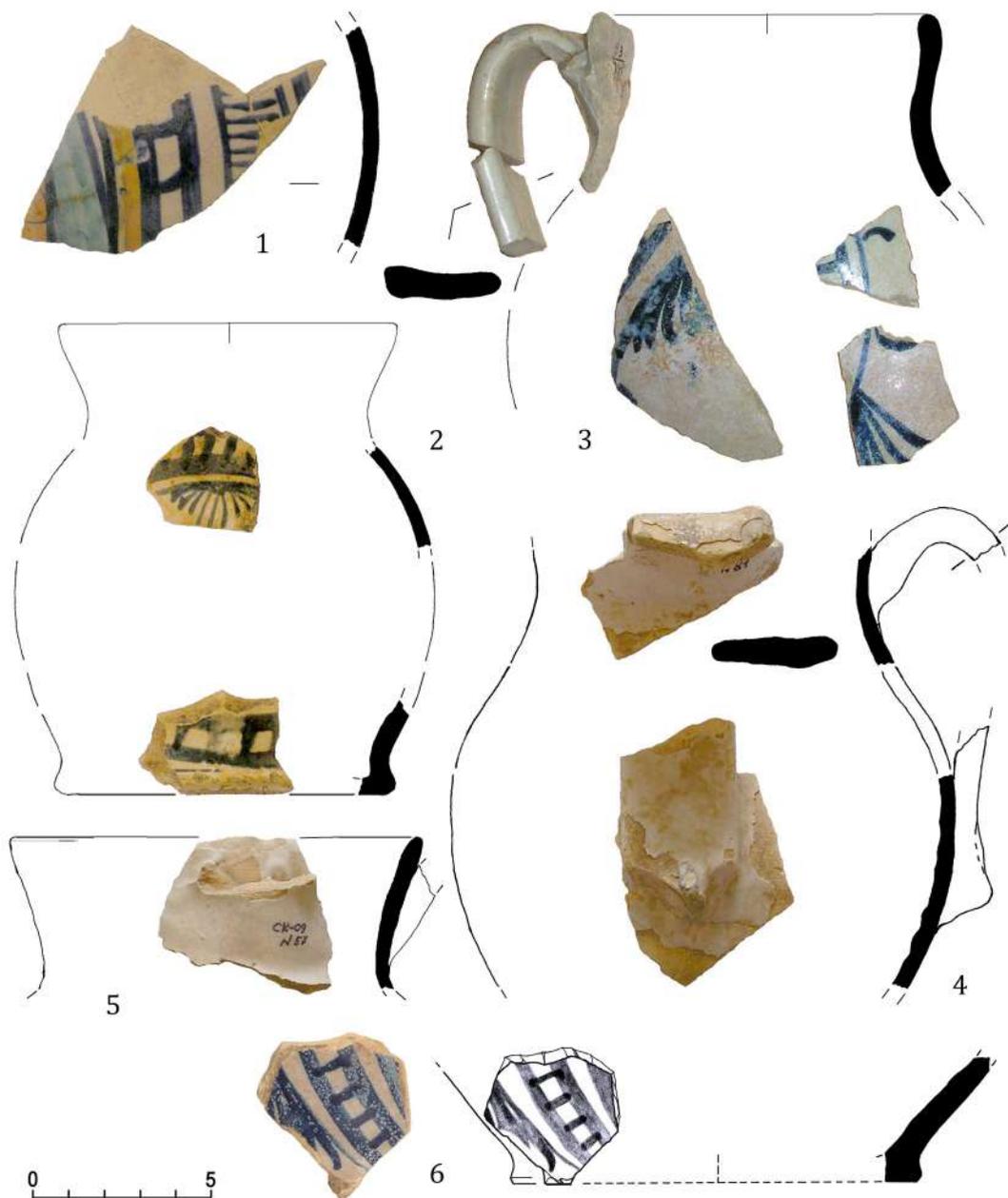

Рис. 3. Фрагменты кувшинов «строгого» стиля из Судака: 1, 2, 4, 5 – портовый район, раскопки 2009–2010 гг.; 3 – заполнения башни Паскуале Джудичи, раскопки 1984 г.; 6 – посад II, исследования 1972 г.

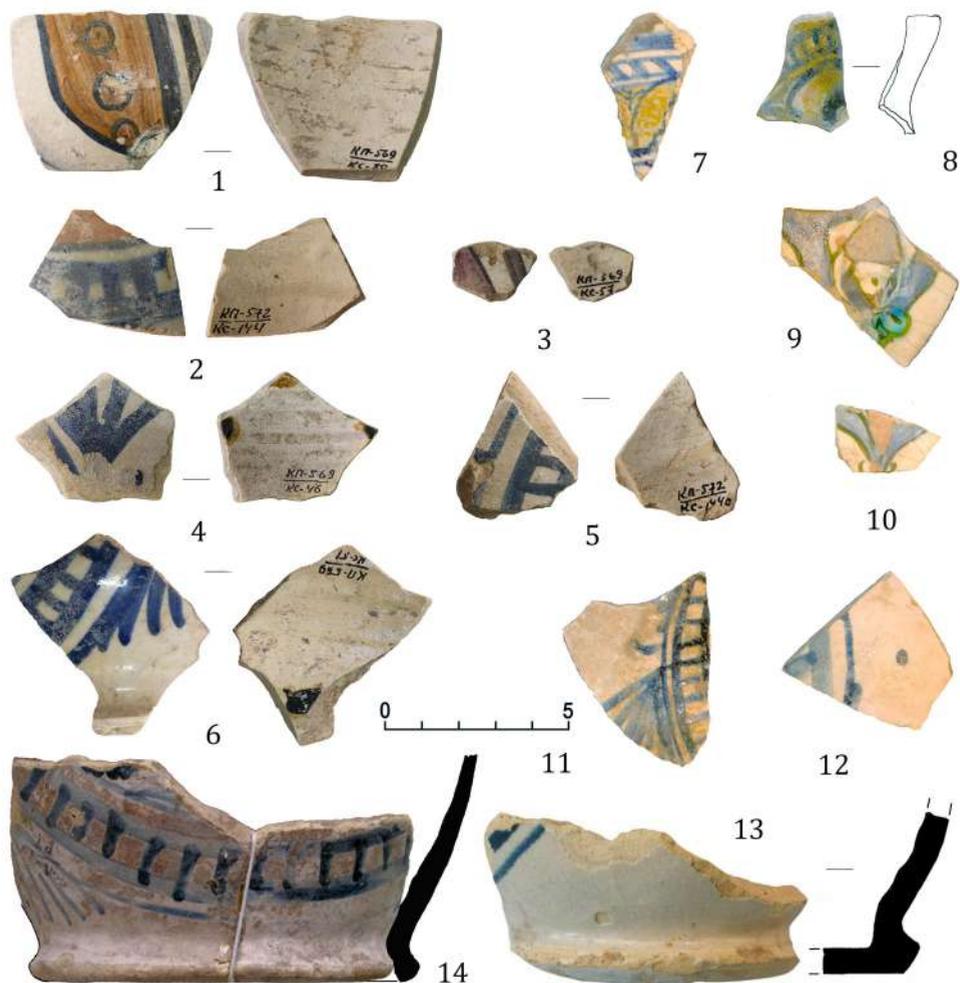

Рис. 4. Фрагменты кувшинов «строгого» (1–8, 11–14) и «полихромного» (9, 10) стилей из Судака: 7–13 – портовый район, раскопки 2008–2009 и 2012 гг.; 1–6 – сборы М. А. Спендиаровой 1965–1975 гг.; 14 – башня Бернабо ди Франки ди Пагано, раскопки 1970 г.

Рис. 5. Варианты декоративного заполнения «лестничных» медальонов на итальянских майоликовых кувшинах: 1 – фото сайта аукциона изобразительного искусства HAMPPEL в Мюнхене, <https://www.hampel-auctions.com/img/auktionen/A95/b/Hampel-95033004.jpg>; 2, 3 – фото из электронного каталога коллекции Метрополитен-музея (Нью-Йорк, США), <https://www.metmuseum.org/art/collection, Accession Number: 1975.1.1064 and 1975.1.1069>; 4 – [по: 54, p. 69, fig 6.29]; 5 – [по: 64, p. 150, n. 213]; 6 – фото с сайта <https://www.maiolicaitaliana.com/storia/faenza-secoli-xv-xvi>; 7 – фото сайта аукциона изобразительного искусства HAMPPEL в Мюнхене, <https://www.hampel-auctions.com/a/archive-catalogue-detail.html?la=ru&a=97&s=392&id=519557>; 8 – [по: 58, p. 11, n. 13]; 9 – [по: 69, fig. 43]

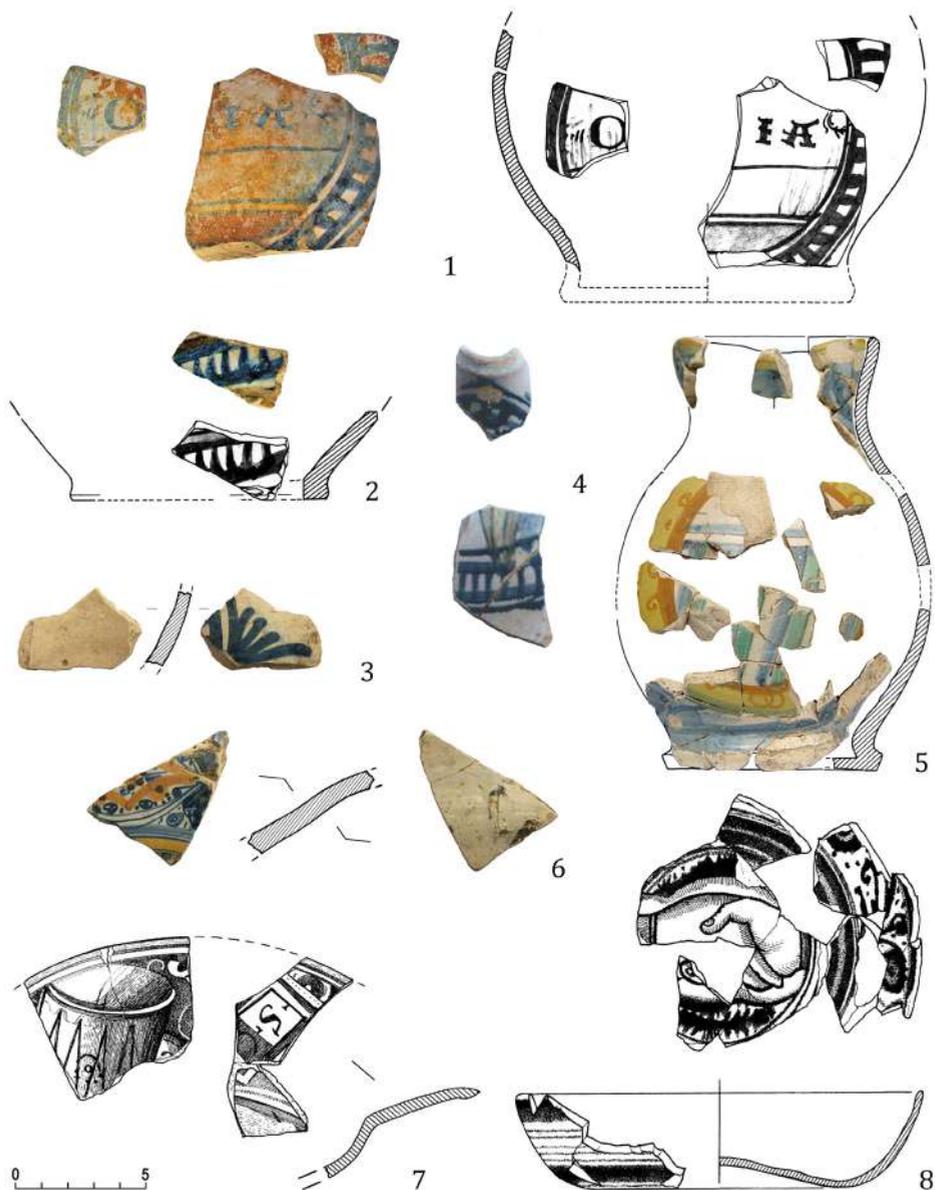

Рис. 6. Образцы итальянской майолики из раскопок в Крыму: 1, 2, 3 – фрагменты кувшинов «строгого» стиля (Центральная Италия, последние десятилетия XV – начало XVI вв.) из Алушты и Партенита [по: 37, рис. 2; 7, рис. 5,5]; 4, 5 – кувшины с полихромной росписью из Балаклавы и Малого Маяка [по: 3, рис. 17,6,7; 37, рис. 3]; 6 – фрагмент блюда с декором «ромбы и овалы» (Монтелупо, первая четверть XVI в.) из Партенита [по: 38, рис. 5,6]; 7 – фрагмент борта блюда с изображением трофеев XVI в.) из Партенита [по: 38, рис. 5,6]; 8 – чаша с изображением рукопожатия (Фаэнца, конец XV – начало XVI вв.) из Балаклавы [по: 2, рис. 114, к.о. 117]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адаксина С.Б., Мыц В.Л., Ушаков С.В. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2011 г. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2012. 210 с.
2. Адаксина С.Б., Мыц В.Л., Ушаков С.В. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2012–2013 гг. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2014. 272 с.
3. Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало в 2014 г. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2015. 204 с.
4. Алядинова Д.Ю. Неглазуванная керамика поднесредневекового Судака: по материалам раскопок 2008–2010 гг. // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный 1800-летию города Судака. Донецк, 2012. С. 247–257. (Археологический альманах. Вып. 28).
5. Алядинова Д.Ю., Красножон А.В. Чаша с арабской надписью из Судака // *Stratum plus*. 2012. № 6. С. 347–356.
6. Алядинова Д.Ю., Тесленко И.Б., Майко В.В. Керамика из раскопок зольника османского периода в портовой части Сугдеи (по материалам исследований 2010 г.) // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный юбилею Е.А. Паршиной. Киев, 2015. С. 482–511. (Археологический альманах. Вып. 33).
7. Алядинова Д.Ю., Тесленко И.Б. Турецкий напівфаянс та італійська майоліка із османського Партеніту // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. 2019. Вип. 28. С. 295–320.
8. Баранов И.А. Отчет об археологических раскопках в Судакской крепости в 1983 г. // Научный архив ИА НАНУ. Д. 1983/11.
9. Баранов И.А. Отчет об археологических раскопках в Судакской крепости и охранных раскопках склепа близ Баклинского городища в 1984 г. // Архив Института археологии Крыма РАН. Инв. Кн. 2, инв. № 214-215, папка № 471-472.
10. Баранов И.А. Главные ворота средневековой Солдаи // Архитектурно-археологические исследования в Крыму / Отв. ред. С.Н. Бибииков. Киев: Наукова думка, 1988. С. 81–97.
11. Баранов И.А. Зальное купольное здание Судакской крепости // Сугдейский сборник. Киев, Судак, 2005. Вып. II. С. 632–653.
12. Галенко А. Гончарное производство и торговля в османской провинции Кефе // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т. 1 / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: СтилоС, 2005. С. 493–506.
13. Гинькут Н.В. Итальянская поливная керамика генуэзского и османского времени с территории консульства и крепости Чембало // АДСВ. 2019. Т. 47. С. 170–194.
14. Гукин В.Д., Ахмадеева М.М., Майко В.В., Джанов А.В., Фарбей А.М. Исследования на раскопе VIII в Портовой части средневековой Сугдеи // Археологічні дослідження в Україні 2010 р. Київ, Полтава, 2011. С. 91–92.
15. Гукин В.Д., Майко В.В., Джанов А.В., Фарбей А.М., Захаров В.А. Исследования на раскопе VIII в Портовой части средневековой Сугдеи // Археологічні дослідження в Україні 2011 р. Київ, 2012. С. 38–39.
16. Гукин В.Д., Джанов А.В., Майко В.В., Никитин А.Б., Захаров В.А. Археологические исследования средневековой Сугдеи // Археологічні відкриття в Україні 2013 р. Київ, 2014. С. 35–36.
17. Джанов А.В. «Храм с аркадой» в Судак // Сугдейский сборник. Киев, Судак, 2005. Вып. II. С. 654–699.
18. Джанов А.В., Майко В.В., Фарбей А.М. Основные итоги исследований цитадели средневековой Сугдеи в 2002–2005 гг. // Софійські читання: Матеріали III міжнар. наук.-практ. конф. «Пам'ятки Національного заповідника “Софія Київська” та сучасні тенденції музейної науки» (Київ, 24–25 листопада 2005 р.). Київ, 2007. С. 391–401.
19. Джанов А.В., Гукин В.Д., Майко В.В., Никитин А.Б., Фарбей А.М. Отчет об археологических раскопках в портовой части средневековой Сугдеи в 2012 г. // Научный архив ИА НАНУ. Д. 2012/90.

20. Джанов А.В., Майко В.В., Гукин В.Д., Никитин А.Б., Байгузин Т.Ф., Захаров В.А. Отчет об археологических раскопках на городище и в портовой части средневековой Сугдеи в 2013 г. // Научный архив ИА НАНУ. Д. 2013/91.
21. Кубе А.Н. История фаянса. Берлин; Р.С.Ф.С.Р.: Государственное изд-во, 1923. 122 с.
22. Майко В.В., Гукин В.Д., Ахмадеева М.М., Джанов А.В., Фарбей А.М., Захаров В.А. Отчет об археологических раскопках в портовой части средневековой Сугдеи в 2010 году (Раскоп 8) // Научный архив ИА НАНУ. Д. 2010/88.
23. Майко В.В., Алядинова Д.Ю. Турецкая поливная керамика из материалов раскопа VI в Портовой части Сугдеи // XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011. С. 232–235.
24. Майко В.В., Алядинова Д.Ю. Сосуд с арабской надписью из Судака (по материалам раскопок 2010 г.) // IV Научные чтения памяти Усеина Боданинского: тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции (Бахчисарай, 17–19 октября 2012 г.). Бахчисарай, 2012. С. 25–26.
25. Майко В.В., Джанов А.В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. Симферополь: Ариал, 2015. 448 с.
26. Майко В.В., Джанов А.В. Судак в период османского господства и некоторые вопросы исторической топографии (мечеть (?) Хаджи-Бея) // Сугдейский сборник. 2016. Вып. VI. С. 14–43.
27. Майко В.В., Джанов А.В., Фарбей А.М. Отчет об археологических раскопках на посаде средневековой Судакской крепости в 2003 г. // Научный Архив ИА НАНУ. Д. 2003/79.
28. Майко В.В., Джанов А.В., Фарбей А.М. Отчет об археологических раскопках на территории цитадели Судакской крепости и на посаде средневековой Сугдеи в 2004 г. // Архив Национального заповедника «София Киевская». Д. 2004/69.
29. Майко В.В., Джанов А.В., Фарбей А.М. Археологические исследования на территории цитадели Судакской крепости и на посаде средневековой Сугдеи // Археологічні дослідження в Україні 2004–2005 рр. Київ, 2006. С. 25–29.
30. Майко В.В., Джанов А.В., Фарбей А.М. Отчет об охранных археологических раскопках в Портовой части и на посаде средневековой Сугдеи в 2008 г. // Архив Института археологии Крыма РАН. Инв. Кн. 6, инв. № 1311, папка № 1674.
31. Майко В.В., Джанов А.В., Фарбей А.М. Раскопки в портовой части средневековой Сугдеи в 2007 г. // Археологічні дослідження в Україні 2008 р. Київ, 2009. С. 198–201.
32. Майко В.В., Джанов А.В., Фарбей А.М. Отчет об археологических раскопках на территории цитадели в Портовой части и на посаде средневековой Сугдеи в 2009 г. // Архив Института археологии Крыма РАН. Инв. Кн. 6, инв. № 1315, папка № 1785.
33. Майко В.В., Джанов А.В., Фарбей А.М. Раскопки в портовой части средневековой Сугдеи в 2009 г. // Археологічні дослідження в Україні 2009 р. Київ, 2010. С. 278–281.
34. Майко В.В., Джанов А.В., Фарбей А.М. Раскопки в портовой части средневековой Сугдеи в 2010 г. // Археологічні дослідження в Україні 2010 р. Київ, 2011. С. 232–233.
35. Майко В.В., Гукин В.Д., Джанов А.В., Фарбей А.М., Захаров В.А. Отчет об археологических раскопках в портовой части средневековой Сугдеи в 2011 г. // Научный архив ИА НАНУ. Д. 2011/89.
36. Майко В.В., Тесленко И.Б., Алядинова Д.Ю. Поливная керамика из зольника османского периода в Портовой части Сугдеи (по материалам раскопок 2010 г. в Судаке, Крым) // Поливная керамика Причерноморья – Средиземноморья как источник по изучению Византийской цивилизации: Тез. докл. Севастополь, 2014. С. 78–84.
37. Тесленко И.Б. Итальянская майолика в Крыму периода турецкого владычества // РА. 2008. № 2. С. 116–122.
38. Тесленко И.Б., Алядинова Д.Ю. Влияние османского завоевания 1475 г. на культуру жителей Южного Крыма (по материалам керамических комплексов конца XV–XVI вв.) // Stratum Plus. 2019. № 6. С. 295–320.

39. Тур В.Г. Отчет об археологических раскопках в центральной части Судакской крепости в 2004 г. // Научный архив ИА НАНУ. Д. 2004/56.
40. Тур В.Г. Отчет об археологических раскопках в центральной части Судакской крепости в 2005 г. // Научный архив ИА НАНУ. Д. 2005/55.
41. Тур В.Г. Археологические исследования центрального квартала в Судакской крепости // Херсонесский колокол. Сборник научных статей, посвященный 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности Виталия Николаевича Даниленко. Симферополь, 2008. С. 352–361.
42. Эвлия Челеби. Книга путешествий. Крым и сопредельные области / Пер. и ком. Е.В. Бахревского. Симферополь, 2008. 272 с.
43. Чернов Э.А. Солдайское консульство и Судакский кадылык: преемственность границ и населенных пунктов // Причерноморье. История, политика, культура. Вып. XXII (VII). Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы XIV всероссийской научной конференции «Лазаревские чтения» / Ред. С.В. Ушаков, В.В. Хапаев. Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2017. С. 134–153.
44. Фронджоло М.А. Раскопки «Храма с аркадой» Судакской крепости (1969–1975 гг.) // Сугдейский сборник. Киев, Судак, 2005. Вып. II. С. 621–631.
45. Amouric H., Richez F., Vallauri L. Vingt mille pots sous les mers. Le commerce de la céramique en Provence et Languedoc du Xe au XIXe siècle. Catalog d'exposition, Musée d'Istres. Aix-en-Provence: Édisud, 1999. 197 p.
46. Atasoy N., Raby J. Iznik: La Poterie en Turquie Ottomane. Éditions Du Chêne, 1990. 384 p.
47. Blake H., Hughes M.J. The introduction of tin-glazed ceramics in North-Western Europe: new data from the British museum neutron activation analysis programme // VII Congrès International sur la Céramique Médiévale en Méditerranée. Actes / Ed. Ch. Bakirtzis. Athènes: Caisse des Recettes Archéologiques, 2003. P. 447–454.
48. Berti F. La maiolica di Montelupo secoli XIV–XVIII. Milano: Electa, 1986. 202 p.
49. Fiocco C., Gherardi G. La maiolica rinascimentale di Casteldurante. Collezione Saide e Mario Formica. Catalogo della mostra Urbana 1997. Ancona: Il Lavoro Editoriale, 1997. 93 p.
50. Fiocco C., Gherardi G. I centri di produzione delle maiolica: Casteldurante, Gubbio, Urbino // D. Rovere, P. Della Francesca, R. Tiziano, Catalogo di mostra / Ed. Paolo Daf Poggetto. Milano: Electa, 2004. P. 210–213.
51. Gaimster D.R.M. Maiolica in the North: The Archaeology of Tin-Glazed Earthenware in North-west Europe c. 1500–1600. London: British Museum Press, 1999. 188 p.
52. Gelichi S. La maiolica Italiana della prima metà del XV secolo. La produzione in Emilia Romagna e I problemi della cronologia // Archeologia Mediavale. Cultura materiale. Insedimenti. Territorio. 1988. XV. P. 65–104.
53. Gelichi S. La maiolica a Bologna nel XV secolo: nuovi dati archeologici // Atti XXIV convegno internazionale della ceramica “Della maiolica arcaica alla maiolica del primo Rinascimento”. Albisola, 1991. P. 19–47.
54. Stari Bar. The Archaeological Project 2004. Preliminary Report / Eds. S. Gelichi, M. Guštin. Firenze: All’Insegna del Giglio, 2005.
55. Giorgio M. Fornaci e scarti ceramici a Pisa tra Quattro e Cinquecento // Alberti A., Giorgio M. Vasai e vasellame a Pisa tra cinque e seicento la produzione di ceramic attraverso fonti scritte e archeologiche. Pisa, 2013. P. 13–25.
56. Gwynne P., Hodges R., Vroom J. Archaeology and Epic: Butrint and Ugolino Verino’s Carlias // Paper of the British School at Rome. 2014. 82. P. 199–235.
57. Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2: The pottery. Oxford: Princeton University Press, 1992. 455 p.
58. Importanti Maioliche Italiane dal Rinascimento al Barocco. Maioliche Rinascimentale / esperto Giovanni Asioli Martini. Milano, 12 Giugno 2017. URL: https://issuu.com/cambicasadaste/docs/381_0312 (дата обращения 30.04.2019).

59. Importanti Maioliche Rinascimentale. Catalogo a cura di G. Anversa. Pandolfini Casf d'Aste, 2016. URL: https://issuu.com/pandolfini/docs/186_0186 (дата обращения 30.04.2019).
60. Jékely Z. 'Maiolica Jugs in Late Medieval Painting' // *The Dowry of Beatrice – Italian Maiolica Art and the Court of King Matthais* / Eds. G. Balla, Z. Jékely. Budapest: Museum of Applied Art, 2008. P. 55–66.
61. Marini M. Passione e collezione. Maioliche e ceramiche toscane dal XIV al XVIII secolo. Firenze: EDIFIR, 2014. 258 p.
62. Öztürk Y. Osmanlı Hakimiyetinde Kefe (1475–1600). Ankara: T. C. Kültür Bakanlığı Milli Kütüphane Basımevi. 2000. 570 s.
63. I tre libri dell'arte del vasajo: nei quali si tratta non solo la pratica, ma brevemente tutti i segreti di essa cosa che persino al di d'oggi e stata sempre tenuta nascosta, del cav. Cipriano Piccolpassi Durantino. Roma: dallo Stabilimento tipografico, 1857.
64. Poole J.E. Italian Maiolica and Incised Slipware in the Fitzwilliam Museum, Cambridge. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1995. 593 p.
65. Ragona A. Maioliche Casteldurante del sec. XVI per un committente sicolo-genovese // *Faenza*. 1976. LXII, 5–6. P. 106–109.
66. Ravanelli Guidotti C. Museo Internazionale delle ceramiche in Faenza. La donazione Angiolo Fanfani. Ceramiche dal Medioevo al XX secolo. Faenza: Museo internazionale dellencericamiche di Faenza, 1990. 343 p.
67. Ravanelli Guidotti C. Delle Gentili Donne Di Faenza. Studio Del Ritratto Sulla Ceramica Faentina Del Rinascimento. Belriguatto, Ferrara, 2000. 389 p.
68. Importanti Maioliche Italiane Dal Rinascimento al Barocco Catalogo / Eds. C. Ravanelli Guidotti. Milano: Cambi Live, 2016. URL: https://issuu.com/cambicasadaste/docs/332_0267 (дата обращения 30.04.2019).
69. Richez F. La vaisselle conventuelle de l'épave du Brocciu // *Un goût d'Italie. Céramiques et céramistes Italiens en Provence. Du moyen âge au XXème siècle*. Aubagne: Argilla, 1993. P. 50–51.
70. Sannipoli Ettore A. La via della ceramica tra Umbria e Marche: maioliche rinascimentali da collezioni. Gubbio: L'arte grafica edizioni, 2010. 335 p.
71. Teslenko I. The Italian Majolica in the Crimea of the Turkish Supremacy Period (1475 – the Last Quarter of the 18th Century) // *Atti del IX Congresso Internazionale sulla Ceramica Medievale nel Mediterraneo, Venezia, 23–27 Novembre 2009* / Ed. Sauro Gelichi. Venezia, 2012. P. 212–214.
72. Tite M.S. The production technology of Italian maiolica: a reassessment // *Journal of Archaeological Science*. 2009. 36. P. 2065–2080.
73. Vionis A.K. A boom-bust cycle in Ottoman Greece and the ceramic legacy of two Boeotian villages // *Journal of Greek Archaeology*. 2016. Vol. 1. P. 353–384.
74. Vroom J. Byzantine to modern pottery in the Aegean. An introduction and field guide. Bijleveld: Parnassus press, 2005. 223 p.
75. Wilson T., collaborated with Domoney K., Gardner E. Italian Maiolica and Europe: Medieval, Renaissance, and later Italian Pottery in the Ashmolean Museum. Oxford: Ashmolean Museum, 2017. 567 p.
76. Wilson T., Syson L. Maiolica: Italian Renaissance Ceramics. In the Metropolitan Museum of Art. Highlights of the Collection. New York: Metropolitan Museum of Art, 2016. 380 p.

REFERENCES

1. Adaksina S.B., Myts V.L., Ushakov S.V. *Otchyot ob arheologicheskikh issledovaniyah srednevekovoj kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2011 g.* Sankt-Peterburg, Gosudarstvennyj Ermitazh Publ., 2012, 210 p.
2. Adaksina S.B., Myts V.L., Ushakov S.V. *Otchyot ob arheologicheskikh issledovaniyah srednevekovoj kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2012–2013 gg.* Sankt-Peterburg, Gosudarstvennyj Ermitazh Publ., 2014, 272 p.

3. Adaksina S.B., Myts V.L. *Otchyot ob arheologicheskikh issledovaniyah srednevekovoy kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2014 g.* Sankt-Peterburg, Gosudarstvennyj Ermitazh Publ., 2015, 204 p.
4. Alyadinova D.Yu. Neglazurovannaya keramika podnesrednevekovogo Sudaka: po materialam raskopok 2008–2010 gg. *Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika. Sbornik statej, posvyashchennyj 1800-letiyu goroda Sudaka*, Donetsk, 2012, pp. 247–257.
5. Alyadinova D.Yu., Krasnozhon A.V. Chasha s arabskoj nadpis'yu iz Sudaka. *Stratum plus*, 2012, vol. 6, pp. 347–356.
6. Alyadinova D.Yu., Teslenko I.B., Majko V.V. Keramika iz raskopok zol'nika osmanskogo perioda v portovoj chasti Sugdei (po materialam issledovanij 2010 g.). *Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika. Sbornik statej, posvyashchennyj yubileyu E.A. Parshinoj*, Kiev, 2015, pp. 482–511.
7. Alyadinova D.Yu., Teslenko I.B. Turec'kij napivfayans ta italijs'ka majolika iz osmans'kogo Partenitu. *Novi doslidzhennya pam'yatok kozac'koj dobi v Ukraini*. 2019, vol. 28, pp. 472–480.
8. Baranov I.A. Otchyot ob arheologicheskikh raskopkah v Sudakskoj kreposti v 1983 g. *Nauchnyj Arhiv Instituta arheologii Nacional'noj akademii nauk Ukrainy*. D. 1983/11.
9. Baranov I.A. Otchyot ob arheologicheskikh raskopkah v Sudakskoj kreposti i ohrannyh raskopkah sklepa bliz Baklinskogo gorodishcha v 1984 g. *Arhiv Instituta arheologii Kryma RAN*. Inv. Kn. 2, inv. No. 214–215, papka 471–472.
10. Baranov I.A. Glavnye vorota srednevekovoj Soldai. Bibikov S.N. (ed.), *Arhitekturno-arheologicheskie issledovaniya v Krymu*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1988, pp. 81–97.
11. Baranov I.A. Zal'noe kupol'noe zdanie Sudakskoj kreposti. *Sugdejskij sbornik*, Kiev, Sudak, 2005, vol. II, pp. 632–653.
12. Galenko A. Goncharnoe proizvodstvo i trgovlya v osmanskoj provincii Kefe. Bocharov S.G., Myts V.L. (eds.), *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII vv.*, Kiev, Stilos Publ., 2005, vol. 1, pp. 493–506.
13. Gin'kut N.V. Ital'yanskaya polivnaya keramika genuezskogo i osmanskogo vremeni s territorii konsul'stva i kreposti Chembalo. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 2019, pp. 170–194.
14. Gukin V.D., Ahmadeeva M.M., Majko V.V., Dzhanov A.V., Farbej A.M. Issledovaniya na raskope VIII v Portovoj chasti srednevekovoj Sugdei. *Arheologichni doslidzhennya v Ukraini 2010*, Kiev, Poltava, 2011, pp. 91–92.
15. Gukin V.D., Majko V.V., Dzhanov A.V., Farbej A.M., Zaharov V.A. Issledovaniya na raskope VIII v Portovoj chasti srednevekovoj Sugdei. *Arheologichni doslidzhennya v Ukraini 2011*, Kiev, 2012, pp. 38–39.
16. Gukin V.D., Dzhanov A.V., Majko V.V., Nikitin A.B., Zaharov V.A. Arheologicheskie issledovaniya srednevekovoj Sugdei. *Arheologichni doslidzhennya v Ukraini 2011*, Kiev, 2014, pp. 35–36.
17. Dzhanov A.V. «Hram s arkadoj» v Sudake. *Sugdejskij sbornik*, Kiev, Sudak, 2005, vol. II, pp. 654–699.
18. Dzhanov A.V., Majko V.V., Farbej A.M. Osnovnye itogi issledovanij citadeli srednevekovoj Sugdei v 2002–2005 gg. *Sofijs'ki chitannya: Materiali III mizhnar. nauk.-prakt. konf. "Pam'yatki Nacional'nogo zapovidnika "Sofiya Kiev's'ka" ta suchasni tendencii muzejnoi nauki" (Kiev, 24–25 listopada 2005 r.)*, Kiev, 2007, pp. 391–401.
19. Dzhanov A.V., Gukin V.D., Majko V.V., Nikitin A.B., Farbej A.M. Otchyot ob arheologicheskikh raskopkah v portovoj chasti srednevekovoj Sugdei v 2012 g. *Nauchnyj Arhiv Instituta arheologii Nacional'noj akademii nauk Ukrainy*, D. 2012/90.
20. Dzhanov A.V., Majko V.V., Gukin V.D., Nikitin A.B., Bajguzin T.F., Zaharov V.A. Otchyot ob arheologicheskikh raskopkah na gorodishche i v portovoj chasti srednevekovoj Sugdei v 2013 g. *Nauchnyj Arhiv Instituta arheologii Nacional'noj akademii nauk Ukrainy*, D. 2013/91.
21. Kube A.N. *Istoriya fayansa*. Berlin, R.S.F.S.R., Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1923, 122 p.
22. Majko V.V., Gukin V.D., Ahmadeeva M.M., Dzhanov A.V., Farbej A.M., Zaharov V.A. Otchet ob arheologicheskikh raskopkah v portovoj chasti srednevekovoj Sugdei v 2010 godu. *Nauchnyj Arhiv Instituta arheologii Nacional'noj akademii nauk Ukrainy*, D. 2010/88.

23. Majko V.V., Alyadinova D.Yu. Tureckaya polivnaya keramika iz materialov raskopa VI v Portovoj chasti Sugdei. Zin'ko V.N. (ed.), *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "XII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Vzaimovliyanie kul'tur"*, Kerch, 2011, pp. 232–235.
24. Majko V.V., Alyadinova D.Yu. Sosud s arabskoj nadpis'yu iz Sudaka (po materialam raskopok 2010 g.). Zajcev I.V. (ed.), *Tezisy dokladov i soobshchenij Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "IV Nauchnye chteniya pamyati Useina Bodaninskogo (Bahchisaraj, 17–19 oktyabrya 2012 g.)"*, Bahchisaraj, 2012, pp. 25–26.
25. Majko V.V., Dzhanov A.V. *Arheologicheskie pamyatniki Sudakskogo regiona Respubliki Krym*. Simferopol, Arial Publ., 2015, 448 p.
26. Majko V.V., Dzhanov A.V. Sudak v period osmanskogo gospodstva i nekotorye voprosy istoricheskoi topografii (mechet' (?) Hadzhi-Beya). *Sugdejskij sbornik*, 2016, vol. VI, pp. 14–43.
27. Majko V.V., Dzhanov A.V., Farbej A.M. Otchyot ob arheologicheskikh raskopkakh na posade srednevekovoj Sudakskoj kreposti v 2003 g. *Nauchnyj Arhiv Instituta arheologii Nacional'noj akademii nauk Ukrainy*, D. 2003/79.
28. Majko V.V., Dzhanov A.V., Farbej A.M. Otchyot ob arheologicheskikh raskopkakh na territorii citadeli Sudakskoj kreposti i na posade srednevekovoj Sugdei v 2004 g. *Arhiv Nacional'nogo zapovednika «Sofiya Kievskaya»*, D. 2004/69.
29. Majko V.V., Dzhanov A.V., Farbej A.M. Arheologicheskie issledovaniya na territorii citadeli Sudakskoj kreposti i na posade srednevekovoj Sugdei. *Arheologichni doslidzhennya v Ukraini 2004–2005 r.*, Kiev, 2006, pp. 25–29.
30. Majko V.V., Dzhanov A.V., Farbej A.M. Otchyot ob ohrannykh arheologicheskikh raskopkakh v Portovoj chasti i na posade srednevekovoj Sugdei v 2008 g. *Arhiv Instituta arheologii Kryma RAN*, inv. kn. 6, inv. No. 1311, papka 1674.
31. Majko V.V., Dzhanov A.V., Farbej A.M. Raskopki v portovoj chasti srednevekovoj Sugdei v 2007 g. *Arheologichni doslidzhennya v Ukraini 2008 r.*, Kiev, 2009, pp. 198–201.
32. Majko V.V., Dzhanov A.V., Farbej A.M. Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh na territorii citadeli v Portovoj chasti i na posade srednevekovoj Sugdei v 2009 g. *Arhiv Instituta arheologii Kryma RAN*, inv. kn. 6, inv. No. 1315, papka 1785.
33. Majko V.V., Dzhanov A.V., Farbej A.M. Raskopki v portovoj chasti srednevekovoj Sugdei v 2009 g. *Arheologichni doslidzhennya v Ukraini 2009 r.*, Kiev, 2010, pp. 278–281.
34. Majko V.V., Dzhanov A.V., Farbej A.M. Raskopki v portovoj chasti srednevekovoj Sugdei v 2010 g. *Arheologichni doslidzhennya v Ukraini 2010 r.*, Kiev, 2011, pp. 232–233.
35. Majko V.V., Gukin V.D., Dzhanov A.V., Farbej A.M., Zaharov V.A. Otchyot ob arheologicheskikh raskopkakh v portovoj chasti srednevekovoj Sugdei v 2011 g. *Nauchnyj Arhiv Instituta arheologii Nacional'noj akademii nauk Ukrainy*, D. 2011/89.
36. Majko V.V., Teslenko I.B., Alyadinova D.Yu. Polivnaya keramika iz zol'nika osmanskogo perioda v Portovoj chasti Sugdei (po materialam raskopok 2010 g. v Sudake, Krym). *Polivnaya keramika Prichernomor'ya – Sredizemnomor'ya kak istochnik po izucheniyu Vizantijskoj civilizacii*, Sevastopol, 2014, pp. 78–84.
37. Teslenko I.B. Ital'yanskaya majolika v Krymu perioda tureckogo vladychestva. *Rossiyskaya arheologiya*, 2008, No. 2, pp. 116–122.
38. Teslenko I.B., Alyadinova D.Yu. Vliyanie osmanskogo zavoevaniya 1475 g. na kul'turu zhitelej Yuzhnogo Kryma (po materialam keramicheskikh kompleksov konca XV–XVI vv.). *Stratum Plus*, 2019, vol. 6, pp. 295–320.
39. Tur V.G. Otchyot ob arheologicheskikh raskopkakh v central'noj chasti Sudakskoj kreposti v 2004 g. *Nauchnyj Arhiv Instituta arheologii Nacional'noj akademii nauk Ukrainy*, D. 2004/56.
40. Tur V.G. Otchyot ob arheologicheskikh raskopkakh v central'noj chasti Sudakskoj kreposti v 2005 g. *Nauchnyj Arhiv Instituta arheologii Nacional'noj akademii nauk Ukrainy*, D. 2005/55.

41. Tur V.G. Arheologicheskie issledovaniya central'nogo kvartala v Sudakskoj kreposti. *Hersonesskij kolokol. Sbornik nauchnykh statej, posvyashchyonnyj 70-letiyu so dnya rozhdeniya i 50-letiyu nauchnoj deyatel'nosti Vitaliya Nikolaevicha Danilenko*, Simferopol, 2008, pp. 352–361.
42. Evliya Chelebi. *Kniga puteshestvij. Krym i sopredel'nye oblasti*. Simferopol, 2008, 272 p.
43. Chernov E.A. Soldajskoe konsul'stvo i Sudakskij kadylyk: preemstvennost' granic i naselennykh punktov. Ushakov S.V., Hapaev V.V. (eds.), *Prichernomor'e. Istoriya, politika, kul'tura. Vyp. XXII (VII). Seriya A. Antichnost' i srednevekov'e. Izbrannye materialy XIV vsereossijskoj nauchnoj konferencii «Lazarevskie chteniya»*, Sevastopol, 2017, pp. 134–153.
44. Frondzhulo M.A. Raskopki “Hrama s arkadoj” Sudakskoj kreposti (1969–1975 gg.). *Sugdejskij sbornik*, Kiev, Sudak, 2005, vol. II, pp. 621–631.
45. Amouric H., Richez F., Vallauri L. *Vingt mille pots sous les mers. Le commerce de la céramique en Provence et Languedoc du Xe au XIXe siècle. Catalog d'exposition, Musée d'Istres*. Aix-en-Provence, Édisud, 1999, 197 p.
46. Atasoy N., Raby J. *Iznik: La Poterie en Turquie Ottomane*. Éditions Du Chêne, 1990, 384 p.
47. Blake H., Hughes M.J. The introduction of tin-glazed ceramics in North-Western Europe: new data from the British museum neutron activation analysis programme. Bakirtzis Ch. (ed.), *VII Congrès International sur la Céramique Médiévale en Méditerranée. Actes*, Athenès, 2003, pp. 447–454.
48. Berti F. *La maiolica di Montelupo secoli XIV–XVIII*. Milano, Electa Publ., 1986, 202 p.
49. Fiocco C., Gherardi G. *La maiolica rinascimentale di Casteldurante. Collezione Saide e Mario Formica. Catalogo della mostra Urbania 1997*. Ancona, Il Lavoro Editoriale, 1997, 93 p.
50. Fiocco C., Gherardi G. *I centri di produzione delle maiolica: Casteldurante, Gubbio, Urbino. D. Rovere, P. Della Francesca, R. Tiziano, Catalogo di mostra*, Milano, Electa Publ., 2004, pp. 210–213.
51. Gaimster D.R.M. *Maiolica in the North: The Archaeology of Tin-Glazed Earthenware in North-west Europe c. 1500–1600*. London, British Museum Press, 1999, 188 p.
52. Gelichi S. La maiolica Italiana della prima metà del XV secolo. La produzione in Emilia Romagna e I problemi della cronologia. *Archeologia Mediavale. Cultura materiale. Insediamenti. Territorio*, 1988, XV, pp. 65–104.
53. Gelichi S. La maiolika a Bologna nel XV secolo: nuovi dati archeologici. *Atti XXIV convegno internazionale della ceramica “Della maiolica arcaica alla maiolica del primo Rinascimento”*, Albisola, 1991, pp. 19–47.
54. Gelichi S., Guštin M. (eds.), *Stari Bar. The Archaeological Project 2004. Preliminary Report*. Firenze, All'Insegna del Giglio, 2005.
55. Giorgio M. Fornaci e scarti ceramici a Pisa tra Quattro e Cinquecento. Alberti A., Giorgio M. *Vasai e vasellame a Pisa tra cinque e seicento la produzione di ceramic attraverso fonti scritte e archeologiche*, Pisa, 2013, pp. 13–25.
56. Gwynne P., Hodges R., Vroom J. Archaeology and Epic: Butrint and Ugolino Verino's Carlias. *Paper of the British Shool at Rome*, 2014, 82, pp. 199–235. Doi:10.1017/S0068246214000099
57. Hayes J.W. *Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2. The pottery*. Oxford, Princeton University Press, 1992, 455 p.
58. *Importanti Maioliche Italiane dal Rinascimento al Barocco. Maioliche Rinascimentale*. Giovanni Ascoli Martini (esperto). Milano, 12 Giugno 2017. URL: https://issuu.com/cambicasadaste/docs/381_0312.
59. *Importanti Maioliche Rinascimentale. Catalogo a cura di G. Anversa*. Pandolfini Casf d'Aste, 2016. URL: https://issuu.com/pandolfini/docs/186_0186.
60. Jékely Z. Majiolica Jugs in Late Medieval Painting. Gabrielle Balla, Zsomnbor Jékely (eds.), *The Dowry of Beatrice – Italian Maiolica Art and the Court of King Matthais*. Budapest, Museum of Applied Art, 2008, pp. 55–66.
61. Marini M. *Passione e collezione. Maioliche e ceramiche toscane dal XIV al XVIII secolo*. Firenze, 2014, 258 p.
62. Öztürk Y. *Osmanlı Hakimiyetinde Kefe (1475–1600)*. Ankara, T. C. Kültür Bakanlığı Milli Kütüphane Basımevi, 2000, 570 p.

63. *I tre libri dell'arte del vasajo : nei quali si tratta non solo la pratica, ma brevemente tutti i segreti di essa cosa che persino al di d'oggi e stata sempre tenuta nascosta, del cav. Cipriano Piccolpassi Durantino.* Roma: dallo Stabilimento tipografico, 1857.
64. Poole J.E. *Italian Maiolica and Incised Slipware in the Fitzwilliam Museum, Cambridge.* Cambridge, New York, Cambridge University Press, 1995, 593 p.
65. Ragona A. Maioliche Casteldurante del sec. XVI per un committente siculo-genovese. *Faenza*, 1976, LXII (5–6), pp. 106–109.
66. Ravanelli Guidotti C. *Museo Internazionale delle ceramiche in Faenza. La donazione Angiolo Fanfani. Ceramiche dal Medioevo al XX secolo.* Faenza, Museo internazionale dell'encericamiche di Faenza, 1990, 343 p.
67. Ravanelli Guidotti C. *Delle Gentili Donne Di Faenza. Studio Del Ritratto Sulla Ceramica Faentina Del Rinascimento.* Belriguatdo, Ferrara, 2000, 389 p.
68. Ravanelli Guidotti C. (ed.), *Importanti Maioliche Italiane Dal Rinascimento al Barocco Catalogo.* Milano, Cambi Live, 2016. URL: https://issuu.com/cambicasadaste/docs/332_0267.
69. Richez F. La vaisselle conventuelle de l'épave du Brocciu. *Un goût d'Italie. Céramiques et céramistes Italiens en Provence. Du moyen âge au XXème siècle.* Aubagne, Argilla, 1993, pp. 50–51.
70. Sannipoli Ettore A. *La via della ceramica tra Umbria e Marche: maioliche rinascimentali da collezioni.* Gubbio, L'arte grafica edizion, 2010, 335 p.
71. Teslenko I. The Italian Majolica in the Crimea of the Turkish Supremacy Period (1475 – the Last Quarter of the 18th Century). Sauro Gelichi (ed.), *Atti del IX Congresso Internazionale sulla Ceramica Medievale nel Mediterraneo, Venezia, 23–27 Novembre 2009*, Venezia, 2012, pp. 212–214.
72. Tite M.S. The production technology of Italian maiolica: a reassessment. *Journal of Archaeological Science*, 2009, vol. 36, pp. 2065–2080. Doi:10.1016/j.jas.2009.07.006
73. Vionis A.K. A boom-bust cycle in Ottoman Greece and the ceramic legacy of two Boeotian villages. *Journal of Greek Archaeology*, 2016, vol. 1, pp. 353–384.
74. Vroom J. *Byzantine to modern pottery in the Aegean. An introduction and field guide.* Bijleveld, Parnassus press, 2005. 223 p.
75. Wilson T., collaborated with Domoney K., Gardner E. *Italian Maiolica and Europe: Medieval, Renaissance, and later Italian Pottery in the Ashmolean Museum.* Oxford, Ashmolean Museum Press, 2017, 567 p.
76. Wilson T., Syson L. *Maiolica: Italian Renaissance Ceramics. In the Metropolitan Museum of Art. Highlights of the Collection.* New York, Metropolitan Museum of Art, 2016, 380 p.

Информация об авторах

Тесленко И. Б. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: AAF-9347-2019.

Майко В. В. – доктор исторических наук, директор Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: A-8603-2019

Information about the authors

Teslenko I. B. – Candidate of Science (History), Senior Researcher at the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, e-mail: i_teslenko@mail.ru

Maiko V. V. – Doctor of Science (History), Director of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: A-8603-2019.

НУМИЗМАТИКА

СЕРЕБРЯНЫЕ МОНЕТНЫЕ ВЫПУСКИ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО 246–189 ГГ. ДО Н. Э.

Игорь Валентинович Шонов

Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия, aspyrg@gmail.com

Аннотация. Благодаря появившимся новым типам херсонесских серебряных монет с монограммами сирийских царей Антиоха Теоса, Селевка II Каллиника, Антиоха Гиеракса, Селевка III Сотера Керавна и Антиоха III Великого, правивших в Сирии с 246 по 187 гг. до н. э., в публикации поднят вопрос о вхождении Херсонеса в зону влияния Сирийского царства, что проливает свет на темные пятна истории Херсонеса во второй половине III – первой половине II вв. до н. э. В работе исследуются серебряные монеты двух типов, которые объединяются в одну серию.

Ключевые слова: Антиох, Херсонес, монета, монограмма, Селевк, Сирия

Благодарности: Автор выражает благодарность Константину Минкину за помощь в комплектации материалов для написания статьи.

SILVER COIN ISSUES OF TAURIC CHERSONESE IN 246–189 BC

Igor V. Shonov

Institute of Archaeology of Crimea, Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia, aspyrg@gmail.com

Abstract. This publication uses the newly discovered types of Chersonesan silver coins with the monograms of the kings Antiochus Theos, Seleucus II Callinicus, Antiochus Hierax, Seleucus III Soter Ceraunus, and Antiochus III the Great, who reigned in Syria from 246 to 187 BC, to address the question of Chersonese's possible entering the Syrian kingdom. It would shed light on the dark spots in the history of Chersonese from the second half of the third to the first half of the second century BC. Two types of silver coins united into a single series have been analysed.

Keywords: Antiochus, Chersonese, coin, monogram, Seleucus, Syria

Acknowledgments: The author are grateful to Konstantin Minkin for his help in completing the materials for writing the article.

В III в. до н. э. наряду с крупными государствами, определяющими судьбы тогдашнего «мира», были и множество мелких городов-государств греческого типа, которые приспособлялись к сложным условиям выживания. Одним из направлений такой политики являлось взаимодействие с правящими династиями (царями) таких государств как Сирия, Египет и Македония [5, с. 27–28]. Изучение нумизматического материала государств, как малых, так и крупных, позволяет лучше понять

их внешнюю политику в III в. до н. э. Херсонес Таврический не был исключением и на протяжении всего III в. до н. э. входил в зону экономического влияния таких государств как Сирия, Македония и Боспорское царство. Одним из главных, возможно, единственным на сегодняшний день доказательством этого являются его монеты, в которых выражается персонификация такой политики.

Статья посвящена двум типам херсонесских серебряных монет. Все представленные монеты находятся в частных коллекциях России и Украины.

Первый изучаемый тип серебряных монет имеет:

Л. С. Голова безбородого Геракла в львином скальпе вправо, внизу палица.

О. С. Дева, сидящая на троне со стрелой в руке, слева – ХЕР, справа – имя. Средний вес 3,50 г.

Впервые данный тип монеты опубликовал В. А. Анохин [1, табл. VII,94], монета хранится в коллекции Британского музея. На реверсе она имеет имя ΖΩΙΛΟΥ. Вес 4,57 г.

Вторая подобная монета весом 3,54 г, но уже с именем ΗΡΩΙΔ (табл. I,1; рис. 1,1), опубликована в 2006 году [8, с. 556–558, рис. 3]. По типу и стилю эти монеты отнесены к одной серии серебра. У всех монет этой серии поле лицевой стороны выпуклое. У оборотных сторон – вогнутое, гурт округлен с выступающими краями. На гурту зачастую следы обломанных литников монетной заготовки. Изображение аверсов – выпуклое, в рельефе, в хорошем художественном стиле. Обратная сторона стилизована, бывают экземпляры с художественным изображением реверса.

Младшим номиналом данной серии являются монеты:

Л. С. Голова безбородого Геракла в львином скальпе вправо, внизу палица.

О. С. Бодающий бык влево, сверху – ХЕР, снизу имя. Младший номинал представлен монетами с именами магистратов ΗΡΩΙΔ, ΖΩΙΛ, ΝΕΟΠΟΛΙΟΥС [1, табл. IX,127–129], также упоминается ΜΕΝΕ [3, с. 243, прим. 1]. Впервые младший номинал с именем ΜΕΝΕ был издан в 2006 году [8, с. 557, рис. 4]. В. А. Анохин в 2011 году добавляет еще одно новое имя для младшего номинала данной серии. Это ΜΗΤΡΟΔ [2, с. 116–117, № 752, 755]. В статье младший номинал представлен несколькими неопубликованными монетами (табл. II,1–7; рис. 2,1–7). Данный монетный тип можно отнести к гераклеяскому, что указывает на участие этого центра в тройственном союзе. Монеты младшего номинала пока невозможно разбить хронологически, т. к. они не несут на своих реверсах никаких монограмм. В перспективе классификация этих монет возможна при проведении поштемпельного анализа. Лишь одна монета с именем ΝΕΟΠΟΛΙΟΥС может причисляться к последней четвертой группе этих монет, когда в Сирии правил Антиох III Великий (табл. II,7; рис. 2,7) [2, с. 116–117, № 752]. Эта монета найдена в кладе более поздних монет типа «голова Девы вправо – Дева, лань влево» [2, с. 116–117, № 760–765], что и дает право причислить данный монетный тип к последнему выпуску данной серии.

Все опубликованные до сегодняшнего дня монеты близки по стилю. Лицевые и оборотные стороны старших и младших номиналов схожи по иконографии с более полновесными монетами из серебра предыдущих серий [1, табл. VII,95–105;

VIII,107–119]. Монеты старшего номинала обнаруживают сходство с младшим в том, что на них палица на аверсе передана рядом точек в овальном рельефе в виде имитации надчеканки, которая находится на полновесных монетах предыдущей серии, имея вид пучка молний, расположенного на том же месте под подбородком Геракла. Ранее считали, что изучаемая серия повторяет те же номиналы, понизившиеся в весе. В свою очередь, полновесные – с надчеканками «дельфин» и «молния» – возрастают в номинировании [8, с. 557–558]. Но данная серия монет держится особняком. Монеты полностью отсутствуют в крупныхкладах: Камышевском 1945 года, Стрелецком 1944 года [9, с. 107–112; 10, с. 113–125]. А также они отсутствуют в Стрелецком кладе 1968 года, ныне хранящемся в Херсонесском музее, несмотря на то, что в этом кладе наряду с ранними монетами конца IV – III вв. до н. э. присутствуют более поздние – типа «голова Артемиды вправо – Дева, бьющая лань влево», а также типа «голова Девы в башенной короне вправо – стоящая лань вправо», датированные 175–160 гг. до н. э. [12, с. 101–103, табл. I,5].

Следует отметить, что описанный выше экземпляр старшего номинала [8, с. 556–558, рис. 3], а также идентичная монета из Британского музея, описанная В. А. Анохиным [1, табл. VII,94], имеют одну и ту же монограмму на реверсе Λ , которая обнаруживается при детальном изучении этих монет и сравнении их с новыми известными монетами этого типа. В связи с этим можно сделать вывод, что монеты данного типа на своих реверсах обязательно имеют одну из четырех известных монограмм.

Рассматриваемый тип был ранее датирован 270–260 гг. до н. э. [2, с. 112–113, № 718]. Младший номинал этой серии датировался 220–210 гг. до н. э. [2, с. 116–117, № 752–755]. Разобщенность этих номиналов недопустима. Появление нового материала позволяет уточнить их датировку. В начале XXI века стали известны новые монеты этого типа с дополнительными монограммами, что привело к необходимости разбить эти монеты на четыре группы.

Первая группа с монограммой А

К первой группе можно отнести серебряные монеты с монограммой А на реверсе. Из известных двух монет, одна монета происходит из коллекции К. Минкина (табл. I,1; рис. 1,1), вторая – была опубликована Е. Я. Туровским [11, табл. 13, № 155] (табл. I,2; рис. 1,2). Данный тип серебряных монет редок и, по-видимому, чеканился непродолжительное время. Монограмма А на данных монетах может принадлежать одному из сирийских правителей III в. до н. э., носившего имя Антиох. Для Антиоха I, время правления которого приходилось на 293–261 гг. до н. э., использование подобной монограммы не отмечается, что, собственно, наряду с наблюдением об использовании Херсонесом монограмм, начертание которых легитимируется стилизованной чеканкой, позволяет исключить возможность принадлежности монограммы ему. А вот для сирийского царя Антиоха II Теоса (время правления 266–246 гг. до н. э.) монеты с монограммой А вполне подходят. Среди многообразия монограмм на монетах этого царя встречается и монограмма А. Это – серебряные драхмы типа

«голова царя в диадеме вправо – Дева, сидящая на центре мира, в левой руке – лук, в правой – стрела» [14, рл. 28, № 614]. Во время правления в Сирии Антиоха Теоса нарастал процесс освободительной борьбы в Бактрии и Парфии против Селевкидов. Наряду с этим, в Греции также увеличивалось освободительное движение против Македонии. Все это ослабевало эллинистический мир на Востоке и на Западе. В первой половине III в. до н. э. Антигониды и Селевкиды жили в дружбе, противостояв Египту, позднее распри между Македонией и Сирией ослабили их могущество. Нужен был союз между Антигоном и Антиохом, который и состоялся. Результатом этого союза стало брачное соглашение между Деметрием II, сыном Антигона Гоната и Сратоникой, сестрой Антиоха II Теоса. Этот брачный союз состоялся после 248 г. до н. э., т. е. в последние годы жизни Антиоха II. Значит можно предположить, что мирный договор между Антигоном и Антиохом был заключен не позднее 247 г. до н. э. [5, с. 120–121].

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что выпуск херсонесского серебра после длительного перерыва возобновился, приблизительно, в 248 г. до н. э. при Антиохе Теосе. Этот выпуск состоял из серии парных монет, старший номинал которых (табл. 1,1,2; рис. 1,1,2) нес на своем реверсе монограмму А, которая отражала имя селевкидского царя Антиоха Теоса. По-видимому, одним из пунктов мирного договора 248 г. до н. э. между Антигоном II Гонатом и Антиохом II Теосом было возвращение Херсонеса под протекторат Сирии. Это произошло два года спустя, после того как, приблизительно, в 251–250 гг. до н. э. был вытеснен из Черноморского региона Птолемей II. После заключения мира с Македонией, Антиох II Теос возобновляет борьбу с Египтом. После победы Антиоха II был заключен мир с Египтом, который был закреплен династическим браком между Антиохом II и дочерью Птолемея II Береникой.

В 246 г. до н. э. бывшая жена Антиоха II Лаодика отравила Антиоха II Теоса, убив его жену Беренику и ее малолетнего сына. В этом же году Лаодика возвела на престол своего старшего сына Селевка II Каллиника.

Вторая группа монет с монограммой КН

Ко второй группе относятся серебряные монеты с монограммой КН. Данная монограмма из двух букв соответствует именам двух правителей. Буква К соответствует Селевку II Каллинику, несмотря на то, что на сирийских монетах 246–226 гг. до н. э., т. е. времени правления этого царя, эта монограмма отсутствует [14, рл. 30–37]. Буква Н соответствует Антиоху III Гиераксу (Hierax). На сирийских монетах этого времени зачастую используется данная монограмма с дополнительными дифферентами [14, рл. 39, №№ 848.3; 851.2; 853.3]. Благодаря интригам Лаодики, царство Селевкидов распалось на две части, между двумя братьями Селевком II Каллиником и Антиохом Гиераксом [6, с. 38]. У Селевкидов, чтобы избежать борьбы за власть между претендентами после кончины правителя, существовал институт соправительства, о бытовании которого свидетельствуют последовательные записи

с датами в клинописных текстах и другие письменные источники [Memn., 12; Ср.: Paus., I, 16, 2; App. Syr., 62; Plut. Demet., 38], согласно которым Антиох Гиеракс при Селевке II (ок. 236 г. до н. э.) носил царский титул, как и другой сын или брат царя [Welles, 32; Plut. Demet., 38]. Таким образом, востоком правил Селевк II Каллиник (246–226 г. до н. э.), западом – Антиох Гиеракс (242–227 гг. до н. э.). Для сирийского народа оба монарха были равнозначными царями. На востоке и на западе оба брата упоминаются в официальной формуле надписей [4, с. 23–24].

Селевк Каллиник с переменным успехом воевал с Птолемеем [5, с. 125]. Антиох Гиеракс даже чеканил золотые статеры и серебряные тетрадрахмы лисимаховского типа в Византии, что указывает на могущество Сирии в Черноморском регионе [13, с. 247–250, табл. I,1–3]. Антиох Гиеракс также много воевал с Птолемеем, с пергамским царем Атталом и со своим братом Селевком II Каллиником. Но лишь когда братья объединились, они смогли противостоять Египту [5, с. 125–126]. Умерли оба брата почти в одно и то же время. Возвращаясь из египетского плена в 227 г. до н. э. был убит галлами Селевк II Каллиник. Чуть позже погибает в 226 г. до н. э. Антиох Гиеракс.

Третья группа монет с монограммой К

К власти приходит новый царь – Селевк III Керавн. К Селевку III Сотеру Керавну можно отнести серебряные тетрадрахмы, найденные в Турции в 1980 году [15, Taf. 2 Vs, Nr. 99–115; 13, с. 250]. Этот правитель, по-видимому, влиял на Черноморский регион, что подтверждает чеканка не только серебряных тетрадрахм, но и золотых статеров лисимаховского типа [13, с. 247–250, табл. I,4–10]. Также известна из турецкого клада серебряная тетрадрахма лисимаховского типа, чеканенная в Херсонесе [13, с. 250, табл. I,10]. Данная тетрадрахма относится к третьей группе херсонесских монет. К третьей группе следует отнести монеты изучаемого типа с монограммой на реверсе К, которая обозначает имя Селевка III Керавна (226–223 гг. до н. э.) (табл. I,9–10; рис. 1,9–10).

Этот сирийский царь правил недолго. Вступив в союз с галлами, Керавн возглавил поход против Пергама, но переходя через Тавр с большим войском погиб от руки галатов Апатурия и Никомора [Полибий, 4, 48].

Города при Селевкидах считались автономными. Царь посылал своих эмиссаров для контроля за городскими властями [Diod., XXXIII, 5, 1], а иногда и контролируя сокровища храмов [II Masch., 3, 8]. Вначале правления Селевкидов над причерноморскими городами даже Гераклея Понтийская могла пострадать за непослушание. Достаточно было донесения царского агента о нелояльности Гераклеи, чтобы навлечь на нее гнев Селевка I [Memn., 11]. Позднее политика селевкидских царей смягчилась. Например, Антиох III призвал города не принимать в расчет его указы, считая их ошибочными, если они идут в разрез с местными законами города [Plut. Moral., 183 f.]. У Селевкидов не было постоянных правителей в городах, входивших в зону их влияния [Michel, 457 = Syll³ 426]. Правительство этих городов выражало свою волю косвенным образом, но с согласия селевкидской власти, которая

опиралась на партию своих сторонников. При ослаблении царской власти города стремились стать независимыми [4, с. 136]. Эта же ситуация, по всей видимости, сложилась и в Херсонесе.

Вес драхмы при Антиохе Теосе равнялся 3,56–4,09 г, при Селевке II Каллинике – 3,66 г, при Антиохе Гиераксе – вес драхмы не изменился. При Селевке (Сотере) Керавне вес драхмы был в пределах 2,84–3,84 г, при Антиохе III Великом – 2,94–3,84 г [14, р. 251–253]. Новая система Селевкидов исключала монетную автаркию. С нормальным весом селевкидская драхма весом 4,3 г равнялась драхме Александра Великого, т. е. драхме аттического стандарта, распространенного по всей территории бывшей империи Александра Македонского, создавая единый монетный союз [4, с. 198–199]. Изучаемые монеты Херсонеса имеют более тяжелый вес (табл. I,1–14; рис. 1,1–14). Самые тяжелые экземпляры весят 5,27–5,42 г (табл. I,6,11; рис. 1,6,11). Эти монеты значительно перевешивают вес драхмы аттической системы у Селевкидов. По весьма убедительному мнению В. А. Анохина, который назвал эти монеты тригемидрахмами [2, с. 112–113, рис. 718], можно считать эти монеты девятиболами или полторадрахмами той же аттической системы, принятой еще при Александре Великом. Это подтверждает тот факт, что Херсонес Таврический входил в зону влияния Сирии.

Четвертая группа монет с монограммой Λ

К четвертой группе следует отнести монеты изучаемого типа с монограммой на реверсе Λ , которая обозначает имя Антиоха III Великого (222–187 гг. до н. э.) (табл. I,11–14; рис. 1,11–14). При этом царе династия вернула себе территориальное и экономическое могущество. Была возвращена Финикия, Парфия, Бактрия и часть Индии. Все земли к западу от Тавра и по берегам Геллеспонта входили в зону его влияния. Но в 190 г. до н. э. в битве при Магнезии Антиох III потерпел поражение от Рима. Могущество Селевкидов было потеряно навсегда. С этого времени территория Селевкидов ограничивалась Тавром. О своей независимости объявили армянское царство и Софена. В 188 г. до н. э. был подписан Апамейский мир, по которому Антиох терял все земли от запада до Таврских гор. Помимо этого, он должен был выплатить Риму контрибуцию в 15 000 талантов. После победы во второй Македонской войне Рим дает свободу всем греческим городам Азии и Европы. По-видимому, в 188 г. до н. э. Херсонес Таврический выходит из зоны влияния Сирии. Прекращается чеканка монет данного типа. Несмотря на ходатайство Гераклеи к Сципиону в пользу Антиоха III, ситуация этого правителя не улучшилась [7, с. 181–183]. Гераклея оставалась в союзе с Антиохом III и Римом. Союз с Римом ограждал Гераклею от новых нападений Пруссия I [Memn., XXVI, 4]. Этот мирный договор лишал Антиоха III права быть союзником Гераклеи, что устраивало вифинского царя Пруссия I, Пергам и Родос. Гераклею включили в Апамейский мирный договор [Liv., XXXVIII, 37], после чего притязания Гераклеи на Херсонес также заканчиваются. После всех этих событий союз Сирии, Гераклеи Понтийской и Херсонеса Таврического полностью распался.

Таблица I. Серебряные девятиболы Херсонеса

№	Монета	Вес	Л. С.	О. С.
1.	Девять оболов. Серебро.	5,02 г	Голова безбородого Геракла в львином скальпе вправо, внизу палица	Дева на троне влево, в правой руке, держащая стрелу. Слева монограмма А и надпись ХЕР. За спиной ΖΩΙΛΟΥ
2.	То же	5,00 г	То же	То же. За спиной имя ΜΕΝΕ
3.	То же	5,02 г	То же	То же. За спиной имя ΜΕΝΕΖ, правее монограмма Κ, под тронном монограмма Η
4.	То же	5,03 г	То же	То же. За спиной имя ΖΩΙΛΟΥ, правее монограмма Κ, под тронном монограмма Η
5.	То же	5,00 г	То же	То же. За спиной имя ΖΩΙΛΟΥ, под тронном монограмма Η
6.	То же	5,42 г	То же	То же. Монограмма Η в нижнем левом углу
7.	То же	–	То же	То же. За спиной имя ΗΡΩΙΔΑ. Монограмма Η в нижнем левом углу
8.	То же	5,00 г	То же	То же. За спиной имя ΜΕΝΕ. Монограмма Η в нижнем левом углу
9.	То же	4,80 г	То же	То же. За спиной имя ΜΕΝΕΣΤ. Монограмма Κ в нижнем левом углу
10.	То же	4,81 г	То же	То же
11.	То же	5,27 г	То же	То же. За спиной имя ΖΩΙΛΟΥ. Слева внизу монограмма Α
12.	То же	5,26 г	То же	То же
13.	То же	3,54 г	То же	То же. За спиной имя ΜΕΝΕΣΤ. Слева внизу монограмма Α
14.	То же	5,20 г	То же	То же. За спиной имя ΖΩΙΛΟΥ. Слева внизу монограмма Α

Таблица II. Серебряные драхмы Херсонеса

№	Монета	Вес	Л. С.	О. С.
1.	Гемидрахма. Серебро	1,69 г	Голова безбородого Геракла в львином скальпе вправо, внизу палица	Бодающий бык на черте влево. Под чертой имя ΖΩΙΛΟΥ
2.	То же	2,11 г	То же	То же
3.	То же	2,08 г	То же	То же
4.	То же	2,10 г	То же	То же. Под чертой имя ΗΡΩΙΔ
5.	То же	2,48 г	То же	То же. Под чертой имя ΜΕΝΕΣ
6.	То же	2,18 г	То же	То же. Под чертой имя ΜΕΝΕ
7.	То же	2,15 г	То же	То же. Под чертой имя ΝΕΟΠΟΛΙΟς

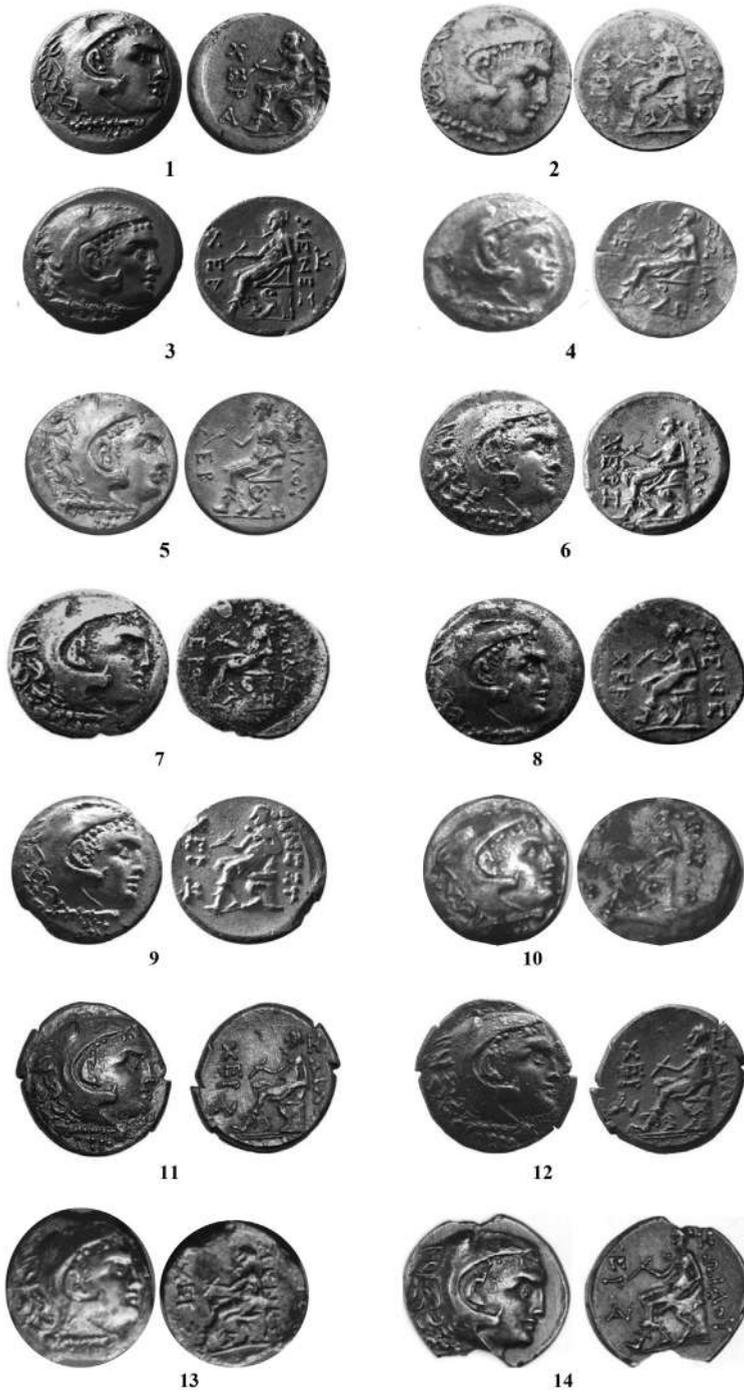

Рис. 1. Серебряные девятиболы Херсонеса

Рис. 2. Серебряные драхмы Херсонеса

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.). Киев: Наукова думка, 1977. 175 с.
2. Анохин В.А. Античные монеты Северного Причерноморья: Каталог. Киев: Стилоз, 2011. 328 с.
3. Бертье-Делагард А.Л. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса // ЗООИД. 1906. Т. 26. С. 215–275.
4. Бикерман Э. Государство Селевкидов / Пер. с франц. Л.М. Глускиной. М.: Наука, 1985. 264 с.
5. Жигунин В.Д. Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н. э. Казань: Изд-во Казанского университета, 1980. 192 с.
6. Левек П. Эллинистический мир / Пер. с франц. Е.П. Чиковой. М.: Наука, 1989. 252 с.
7. Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М.: Наука, 1986. 248 с.
8. Сидоренко В.А., Шонов И.В. Несколько неизданных монет античного Херсонеса // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 550–563.
9. Стржелецкий С.Ф. Камышевский клад античных монет // ХСб. Симферополь, 1948. Вып. IV. С. 107–112.
10. Тахтай А.К. Два клада херсонесских античных монет 1944 (предварительное сообщение) // ХСб. Симферополь, 1948. Вып. IV. С. 113–125.
11. Туровский Е.Я. Монеты Античного Херсонеса. Каталог-определитель. Севастополь, 2018. 103 с.
12. Шонов И.В. Серебряные монетные выпуски Херсонеса Таврического 178–164 гг. до н. э. // История и археология Крыма. Симферополь, 2019. Вып. X. С. 97–104.
13. Шонов И.В. Монеты сирийских царей в Причерноморье 242–223 гг. до н. э. // ПриПОНТИЙский меняла: деньги местного рынка. VII международный нумизматический симпозиум (Судак, 21–25.09.2020 г.). Симферополь, 2020. С. 245–250.
14. Houghton A., Lorber C. Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. Part I: Seleucus I through Antiochus III. Vol. 2. Hardbound, 2002. 788 p.
15. Münzen und Medaillen: Auktion am 8., 9., 10., 11. März 1971. Katalog 71. München: Gerhard Hirsch Numismatiker, 1971.

REFERENCES

1. Anokhin V.A. *Monetnoe delo Khersonesa (IV v. do n. e. – XII v. n. e.)*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1977, 175 p.
2. Anokhin V.A. *Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ia: Katalog*. Kiev, Stilos Publ., 2011, 328 p.
3. Bert'e-Delagard A.L. *Neskol'ko novykh ili maloizvestnykh monet Khersonesa. Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, 1906, T. 26, pp. 215–275.
4. Bikerman E. *Gosudarstvo Selevkidov*. Moscow, Nauka Publ., 1985, 264 p.
5. Zhigunin V.D. *Mezhdunarodnye otnosheniia ellinisticheskikh gosudarstv v 280-220 gg. do n. e.* Kazan, Kazanskii universitet Publ., 1980, 192 p.
6. Levek P. *Ellinisticheskii mir*. Moscow, Nauka Publ., 1989, 252 p.
7. Saprykin S.Iu. *Gerakleia Pontiiskaia i Khersones Tavricheskii*. Moscow, Nauka Publ., 1986, 248 p.
8. Sidorenko V.A., Shonov I.V. *Neskol'ko neizdannyykh monet antichnogo Khersonesa. Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2006, Vol. XII, pp. 550–563.
9. Strzheletskii S.F. *Kamyshhevskii klad antichnykh monet. Khersonesskii sbornik*, Simferopol, 1948, Vol. IV, pp. 107–112.
10. Takhtai A.K. *Dva klada khersonesskikh antichnykh monet 1944 (predvaritel'noe soobshchenie). Khersonesskii sbornik*, Simferopol, 1948, Vol. IV, pp. 113–125.
11. Turovskii E.Ia. *Monety Antichnogo Khersonesa. Katalog-opredelite!*. Sevastopol, 2018, 103 p.
12. Shonov I.V. *Serebrianye monetnye vypuski Khersonesa Tavricheskogo 178-164 gg. do n. e. Istorii i arkheologiya Kryma*, Simferopol, 2019, Vol. X, pp. 97–104.

13. Shonov. I.V. Monety siriiskikh tsarei v Prichernomor'e 242–223 gg. do n. e. *Materialy VII mezhdunarodnogo numizmaticheskogo simpoziuma "PriPONTiiskii meniala: den'gi mestnogo rynka"* (Sudak, 21–25.09.2020 g.), Simferopol, 2020, pp. 245–250.
14. Houghton A., Lorber C. *Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. Part I: Seleucus I through Antiochus III*. Vol. 2. Hardbound, 2002, 788 p.
15. *Münzen und Medaillen: Auktion am 8., 9., 10., 11. März 1971. Katalog 71*. München: Gerhard Hirsch Numismatiker, 1971.

Информация об авторе

Шонов И. В. – стажер-исследователь Института археологии Крыма РАН.

Information about the author

Shonov I. V. – Research trainee at the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS.

НАХОДКА СУБЭРАТНОГО ГДАНЬСКОГО ОРТА СИГИЗМУНДА III В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ

Николай Александрович Алексеевко¹, Анна Витальевна Антипенко²

¹ *Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия,
AlekseyenkoNikolaj@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1992-680X>*

² *Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского; Институт археологии Крыма
Российской академии наук, Симферополь, Россия, an.antipenko@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8699-3132>*

Аннотация. В статье рассматриваются находки монет Речи Посполитой на территории Юго-Западной Таврики. Особый интерес представляет находка в окрестностях с. Красный Мак (Бахчисарайский район) субэратного гданьского орта-фальсификата Сигизмунда III. Монеты польских эмитентов, обнаруженные в Крыму, свидетельствуют не только о проникновении на полуостров денег польского королевства с конца XV в. и их присутствия в регионе, по крайней мере, вплоть до первой половины XVII столетия, но и указывают на то, что последние, очевидно, так или иначе являлись средствами товарообмена на территории позднесредневековой Таврики.

Ключевые слова: средневековая Таврика, Речь Посполитая, Сигизмунд III Ваза, нумизматика, денежное обращение, монеты Гданьска, фальсификат

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время».

THE FIND OF A SUBERATE GDANSK ORT OF SIGISMUND III IN THE SOUTH-WESTERN CRIMEA

Nikolay A. Alekseienco¹, Anna V. Antipenko²

¹ *Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Science, Simferopol, Russia,
AlekseyenkoNikolaj@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1992-680X>*

² *V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia, an.antipenko@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8699-3132>*

Abstract. This article discusses the coins of Rzeczpospolita found in the south-western Taurica. Especially interesting is a counterfeit suberate Gdansk ort of Sigismund III discovered in vicinity of modern village of Krasnyi Mak (Bakhchisarai district). The coins issued in Poland and found in the Crimea supply an evidence that the money of the Polish kingdom penetrated to the Crimean peninsula from the late fifteenth century and circulated in the country at least as long as the first half of the seventeenth century. Moreover, they indicate that these coins were, in this or that, an instrument of commodity exchange in the late mediaeval Taurica.

Keywords: mediaeval Taurica, Rzeczpospolita, Sigismund III Vaza, numismatics, coin circulation, coins of Gdansk, counterfeit

Acknowledgments: The work was carried out within the framework of project No. 20-18-00076 supported by Russian Science Foundation.

Как уже не раз отмечалось, денежное обращение Таврики эпохи классического Средневековья в монетном отношении достаточно пёстро и разнообразно [см. библиографию: 4, с. 44–45, прим. 1; а также: 3, с. 11–15; 5, с. 169–174; 6, с. 51–53; 7, с. 97–106; 8, с. 23–28; 12, с. 21–22; 16, р. 13]. Свою нишу на рынках региона, очевидно, занимали и деньги как Королевства Польского, так и Речи Посполитой.

К сожалению, о находках польских денег на территории Крыма известно в большей степени лишь из устных сообщений и, как правило, они никак не задокументированы. До недавнего времени на территории юго-западной Таврики кроме рижского шелёнга Сигизмунда III Вазы (1587–1632) 1589 г. [2, с. 31–32], происходящего из крепости Чембало, была известна еще только одна находка – полторака выпуска 1624 г. [1, с. 374, № 4], по словам находчика, также найденный на склоне г. Кастрон в Балаклаве. В последнее время группу польских монет пополнили динары и полугроши Казимира II Ягеллончика (1447–1492), Яна Ольбрехта (1492–1501), Александра Ягеллончика (1495–1501) и Сигизмунда I Ягеллончика Старого (1506–1548), а также шелёнки Сигизмунда III Вазы (1587–1632) 1596 г. [4, с. 46–49, №№ 1–7, рис. 1,1–7].

Как видим, находки монет польских эмитентов показывают, что они попадают в Крым уже во второй половине XV в. и, очевидно, получают наибольшее распространение, по крайней мере, на юго-западе полуострова как раз в период правления Сигизмунда III Вазы в конце XVI – первой четверти XVII в.

Подтверждением этому тезису может служить и недавняя находка еще одного польского коронного полторака в окрестностях с. Терновка.

1. Речь Посполитая. Сигизмунд III Ваза (1587–1632).

AR. Полторака. Чекан коронного монетного двора в г. Быдгощ. 1620 г. [17, s. 218, nr. 2671, tabl. XXXVI, 2671] (рис. 1).

D – ок. 11 mm; W – 0,4 g; ↑↓ – 9 h.

Аверс. В центре подпятыпольный гербовый щит со срединным щитом, увенчанный короной в линейном ободке. В центральном поле герб династии Ваза, в остальных – гербы Польши и Литвы. По кругу латинская легенда: SIGIS 3 D G – REX P M D L – Sigis(mundus) III D(ei) G(raia) Rex P(oloniae), M(agnus) D(ux) Lithuaniae – Сигизмунд III, Божьей Милостью Король Польский, Великий Князь Литовский. Внизу по центру легенда разделена щитом с изображением цифры «3».

Реверс. В центральной части в линейном ободке

Рис. 1. Коронный полторака Сигизмунда III Вазы 1620 года из окрестностей с. Терновка (фото Н. А. Алексеевко)

Рис. 2. Позднесредневековая кустарная подделка гданьского орта Сигизмунда III Вазы 1624 года из окрестностей с. Красный Мак, изготовленная методом чеканки самодельными штемпелями на медной заготовке с нанесением олова при помощи ртутной амальгамы (фото Н. А. Алексеевко)

ке изображение державы, увенчанной крестом, с цифрой «24» в середине. Вверху, по сторонам креста, две последние цифры года выпуска: 2 – [0]. По кругу латинская легенда: •MONE•NO – REG•POLO• – Moneta no(va) Reg(ni) Polo(niae) – Новая монета Польского королевства. Внизу, по центру, легенда разделена гербом Сас коронного подскарбия Николая Даниловича (1616–1624).

Монета существенно потёрта, что безусловно предполагает её длительное участие в обращении. Как и абсолютное большинство польских монет, она также не несёт никаких следов вторичного использования, что позволяет нам полагать, что монеты Речи Посполитой в Таврике в какой-то мере всё-таки исполняли свою основную функцию и так или иначе попадали на крымские рынки в качестве средств платежа [4, с. 48].

Сегодня к уже известным шелёнгам и полторакам Сигизмунда III мы имеем возможность присоединить ещё одну не совсем обычную находку.

В начале 2020 г. в окрестностях с. Красный Мак (Бахчисарайский район) была обнаружена сложенная пополам западноевропейская средневековая монета, покрытая тёмно-серо-зелёной патиной. Достаточно хорошая сохранность и практически полное отсутствие на ней коррозии позволили сразу же определить, что это орт польского короля Сигизмунда III Вазы (1587–1632), который, впрочем, имеет свои весьма характерные особенности. Дальнейшее исследование находки и проведение реставрационных работ по раскрытию и выравниванию артефакта позволили дать его точную атрибуцию, датировку и определить его происхождение.

2. Речь Посполитая. Сигизмунд III Ваза (1587–1632).

AE/Sn. Кустарная подделка орта монетного двора Гданьска выпуска 1624 г. (рис. 2).
D – 29,5 mm; W – 3,8 г; ↑↓ – 10 h.

Аверс. Высокохудожественного исполнения портрет короля Сигизмунда III Вазы погрудно, вправо, в пышной короне; костюм украшает широкий воротник-раф; на груди фигурная цепь со знаком ордена Золотого Руна. По сторонам портрета цифры: 1 – 6. Вокруг портрета между двух ободков из зерни латинская легенда: SIGIS•III:D:G:REX•POL•M:D:L'R:PR – Sigis(mundus) III D(ei) G(raia) Rex Pol(oniae), M(agnus) D(ux) Lithuaniae, Russiae, Prussiae – Сигизмунд III, Божьей Милостью Король Польский, Великий Князь Литовский, Русский, Прусский.

Реверс. Герб г. Гданьска – два льва, держащие овальный щит с изображением короны и двух крестов под ней; над щитом две цифры года чеканки: •2•4• – (16)24 г., расположенные с некоторым смещением по вертикали. Вокруг герба между двух ободков из зерни латинская легенда, разделённая четырёхконечным крестом с трёхлиственными окончаниями на ветвях: †•MONETA:CIVIT:GEDAN[E]NSIS• Moneta Civit(at)is Gedanensis – Монета города Гданьска.

Согласно легендам и изображениям, представленным на монете, найденный в Крыму артефакт представляет хорошо известный тип ортов Сигизмунда III Вазы чеканки монетного двора г. Гданьска, 1624 года выпуска.

Действительно, рассматриваемый экземпляр типологически вполне соответствует известным по литературе образцам [17, s. 86, Па, d; 18, s. 286. Nr. 1488]. Однако при очевидном мастерстве резчика-гравёра на нём прослеживаются некоторые специфические особенности. Например, отличия в разделителях легенд и размещении цифр года чеканки, свидетельствующие о кустарном изготовлении монеты. Но главное, трещина по сгибу показала, что последняя изготовлена не из однородного металла, а имеет медную сердцевину. Соответственно и вес крымского орта оказался существенно ниже (всего 3,8 г) против стандартного для серебряных ортов 1623–1626 гг. выпуска в 6,62–7,287 г [19, s. 157, Nr. 796].

По наблюдениям А. С. Бойко-Гагарина и И. С. Шаталина, на территории Центрально-Восточной Европы среди монет крупного номинала орты, составлявшие основу крупного денежного счета, являлись одним из излюбленных типов монет для фальшивомонетчиков Средневековья. Однако их высокая номинальная стоимость требовала тщательно изготовленных фальшивок, которые не были бы сразу же разоблачены при расчётах, поскольку у обоих участников сделки к крупным номиналам всегда было более пристальное внимание, чем к мелким [10, с. 31]. Согласно предлагаемой авторами классификации фальшивок, рассматриваемый субэратный орт Сигизмунда III относится к категории кустарных частных подделок и принадлежит ко второй группе – изготовленных путём нанесения покрытия из драгоценного слоя (или его имитации) на ядро из не драгоценного металла [10, с. 34]. Известно несколько способов нанесения покрытия на заготовку: при помощи ртутной амальгамы (AR), лужением (Sn), химическим серебрением и, наконец, пайкой серебряных пластин (AR). Каждый из них имеет свои характерные особенности химического состава металла исследуемого объекта.

Определить способ изготовления рассматриваемого артефакта возможно при помощи метода рентгенофлуоресцентного анализа состава сплава металла. Анализ элементного состава монеты¹ в июле 2020 г. был проведён одним из авторов в лаборатории НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского при помощи спектрометра M1 MISTRAL (Bruker).

¹ Диаметр коллиматора 1,5 мм, время измерения в каждой точке 20 с.

Результаты элементного анализа отражены в таблице 1:

№ п/п	Cu	Sn	Pb	Ag	Hg	Fe
АВЕРС						
1	80,30	13,06	0,88	0,09	5,54	0,13
2	86,62	7,63	1,32	0,10	4,02	0,31
3	88,15	6,35	1,04	0,07	4,30	0,09
4	97,23	1,06	0,94	-	0,68	0,09
5	92,17	4,91	0,93	0,05	1,63	0,31
РЕВЕРС						
1	85,09	9,18	1,00	0,17	4,32	0,24
2	83,67	11,17	0,74	0,08	4,12	0,23
3	76,91	19,23	0,67	0,09	2,90	0,20
4	83,57	11,87	1,02	0,09	3,30	0,16
5	81,37	15,04	0,82	0,08	2,50	0,19

Изучение состава сплава осуществлялось с двух сторон на поверхности изучаемого объекта, как на ровных участках монеты, так и на заглубленных под воздействием чекана частях (рис. 3). Установлено, что ровные области поля монеты (рис. 3,А1; Б2–4) имеют повышенное содержание олова и ртути (табл. 1,А1; Р2–41), в отдельных случаях достигающее до 19% и 5,5% соответственно. Несколько меньшая концентрация этих элементов (табл. 1,А²) отмечается в заглубленных участках поля монеты (рис. 3,А2). Тем не менее, олово и ртуть присутствуют в значениях 7,6% и 4%. На поверхности монеты зафиксировано наличие свинца, превышающее порог легирования в 1% (табл. 1,А2; Р4), а также присутствие серебра и железа в следовых концентрациях.

Измерение элементного состава на месте перегиба, в котором обнажился металл срединной части монетного кружка, показывает, что этот участок отличается от поверхностного, как визуально (имеет красно-золотистый оттенок) (рис. 3,А4), так и концентрацией основных компонентов сплава (табл. 1,А4). Материал срединной части монеты представляет собой практически чистую медь (Cu–97,2%), с небольшими присадками олова и свинца, а также содержанием ртути, не достигающим до 1%. Интересно, что серебро в этом участке полностью отсутствует.

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что монетный кружок был выполнен из практически чистой меди. Не нём были отчеканены соответствующие изображения (портрет короля и герб). Затем монету путём амальгамирования покрыли оловом, на что указывает высокое содержание ртути и олова на поверхности. Наличие меди в поверхностном слое может являться следствием коррозионных процессов, изменивших состав. Процессами диффузии объясняется небольшое наличие ртути в срединной части кружка. Нанесение на поверхность изделия, выполненного из меди и сплавов на её основе, золота и серебра, растворенных в ртути – процесс, широко применявшийся в древности, в том числе и для создания

² А – аверс, Р – реверс.

монетных фальсификатов. Однако в данном конкретном случае для подделки орта Сигизмунда III применялась техника амальгамирования путём нанесения на поверхность монеты олова, которое должно было имитировать серебро. В трактате Теофила Пресвитера «О различных искусствах»³, написанном в раннесредневековое время, содержатся сведения о том, что обработанные определённым образом заготовки из олова употребляли в качестве дешёвого заменителя, как серебра, так и золота [15, кн. 1, гл. 25–26] и автору уже был известен способ смешивания ртути с оловом [15, кн. 1, гл. 37]. Таким образом, покрытие оловом поверхности вещей в технике амальгамирования было известно в Европе, как минимум, с X–XII вв., хотя и применялось не так часто, как золочение и серебрение.

Причиной использования именно технологии амальгамирования, а не лужения, могла стать необходимость сохранения на поверхности мельчайших деталей изображений и легенды, поскольку при погружении в расплавленное олово (или нанесении последнего при помощи паяльной лампы) было бы чрезвычайно сложно добиться сохранения чёткого контура изображений, представленных на монете. Менее вероятным представляется вариант, что нанесённое на изделие серебро было истерто в процессе обращения монеты, поскольку следов его сколько-нибудь значительных концентраций не зафиксировано даже на заглубленных участках поверхности, менее подверженным воздействию внешней среды. Ещё более маловероятным кажется, что поверх оловянного покрытия существовала некая дополнительная оболочка в следствии что рассматриваемое изделие следовало бы отнести к группе фальсификатов, изготовленных методом пайки серебряных пластин [10, с. 37; 9, с. 18, 19].

Сравнивая полученные данные с приведёнными А. С. Бойко-Гагариным и И. С. Шаталиным [10, с. 38], следует отметить, что крымский экземпляр по элементному составу стоит несколько особняком. В то же время, нет никакого сомнения, что позднесредневековая кустарная подделка гданьского орта 1624 года была изготовлена методом чеканки самодельными штемпелями на медной заготовке, на которую путём амальгамирования был нанесён тонкий слой олова, имитировавший серебро. По наблюдениям А. С. Бойко-Гагарина, способ амальгамирования подделок является одним из самых распространённых методов при изготовлении фальсификатов в XVII в. [9, с. 18].

Как было отмечено выше, монет Сигизмунда III в Крыму зафиксировано не так уж много и, как правило, это лишь мелкие номиналы (шелёнки и полтораки). Находки монет крупного достоинства исключительно редки. В библиографии в Крыму известна лишь единственная находка поддельного гданьского орта 1623 г., обнаруженного в районе г. Ялты в составе кладового комплекса вместе с бешлыками Селима I Гирея (1671–1678 гг.). Заметим, что авторы публикации, принимая во внимание наличие в монете отверстия, рассматривают её в данном контексте как украшение [10, с. 36, прим. 14].

³ Трактат был написан, вероятнее всего, в северо-западной Германии, в пределах Кёльнской архиепископии. Время создания трактата дискуссионно. Возможными датами создания называют период с 1111–1140 гг. [13, с. 193] и конец X – начало XI в. [11, с. 66].

Следует отметить, что совсем незначительная часть обнаруженных в Крыму монет Речи Посполитой, в том числе и Сигизмунда III, также имеет отверстия. Страсть татарских красавиц украшать свои монисто монетами хорошо известна. Как показывает нумизматический материал, в дело шли монеты самых разных времён и народов: европейские, русские, турецкие. В то же время, существует немалая доля иноземных монет без отверстий. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что какая-то часть из них, в том числе и польские деньги, в средневековой Таврике всё-таки в какой-то мере могли исполнять свою основную функцию пускай даже путём обмена на ходившую в тот или иной период ханскую.

Как нам представляется, в определённом смысле в подтверждение этого тезиса свидетельствует даже новая находка гданьского субэратного орта 1624 г. Несмотря на то, что это очевидная кустарная подделка, монета, безусловно, определённое время являлась предметом товарообмена (и не обязательно в Крыму!). Скорее всего в Таврику она попала вместе с одним из участников польско-татарских военных походов первой половины XVII в. Но когда на месте обнаружилось, что это фальсификат, она подверглась хорошо известной стандартной операции европейского средневековья, указывающей на её незаконное происхождение – была согнута вдвое и затем подлежала переплавке. Аналогичные случаи в нумизматической практике известны. К примеру, подобную операцию прошёл денарий 1531 г. императора Священной Римской империи Фердинанда I Габсбурга (1526–1564), обнаруженный среди монет королевского замка Нялаб в Закарпатье [14, с. 147, № 18].

Таким образом, упомянутые выше монеты польских эмитентов, в том числе и рассмотренные последние находки коронного плторака и гданьского субэратного орта-фальсификата Сигизмунда III, в очередной раз подтверждают факт проникновения на Крымский полуостров денег Польши уже с конца XV в. и их присутствия, по крайней мере, в юго-западном регионе, вплоть до первой половины XVII столетия.

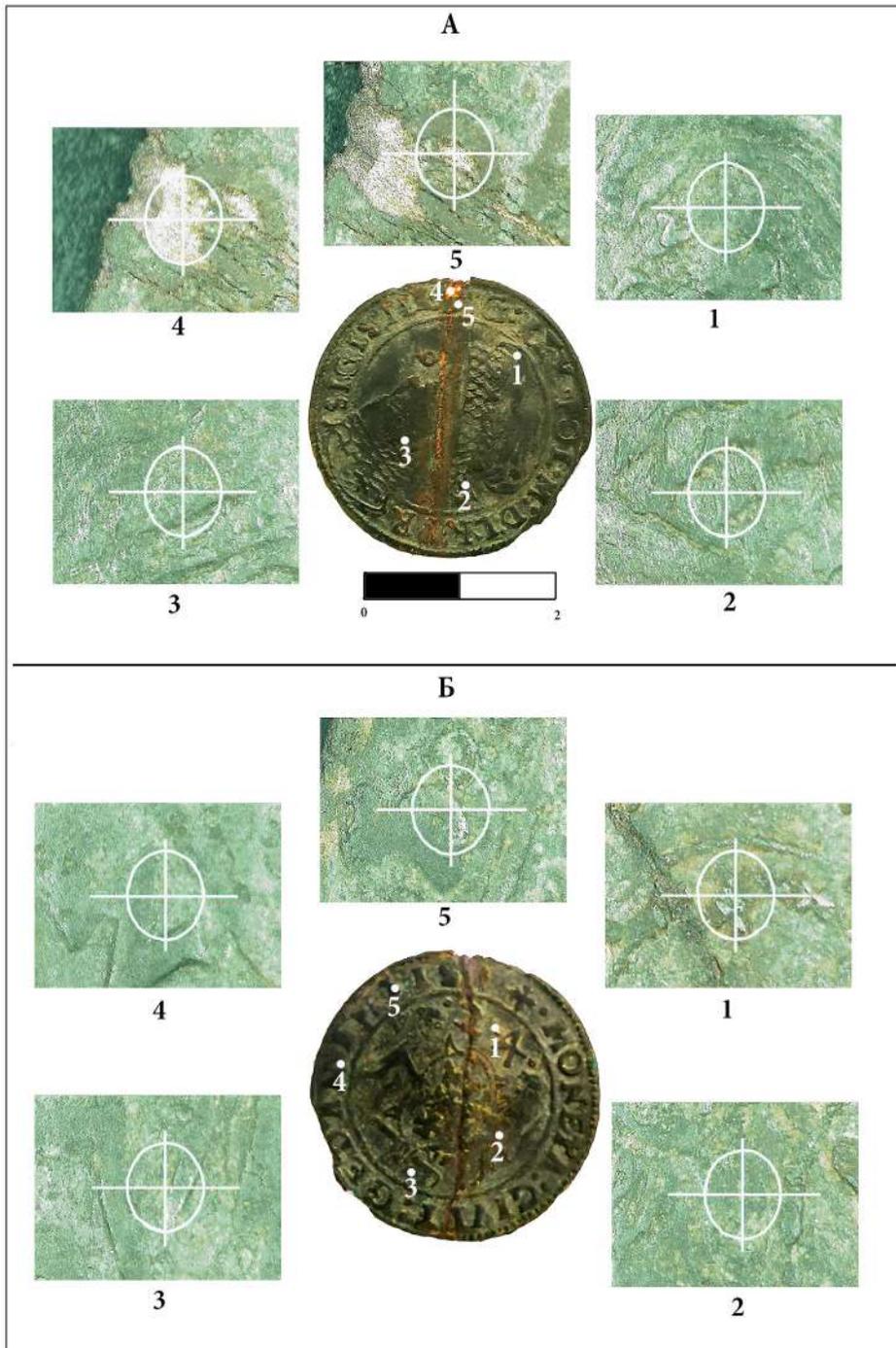

Рис. 3. Области определения элементного состава на поверхности орта-фальсификата Сигизмунда III Вазы

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеевко Н.А. Находки монет на территории генуэзской крепости Чембало // ХСб. 1999. Вып. X. С. 371–378.
2. Алексеевко Н.А. К вопросу о составе денежного рынка Балаклавы в османский период (1475–1783 гг.) (по данным раскопок крепости Чембало) // Нумизматические чтения Государственного Исторического Музея 2014 года. Материалы докладов и сообщений. М., 2014. С. 29–33.
3. Алексеевко Н.А. Загорские деньги на рынках средневековой Таврики // IV Международный нумизматический симпозиум «ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка». Материалы научной конференции. Севастополь, 2016. С. 11–15.
4. Алексеевко Н.А. Иностранная монета (XIV–XVII вв.) в денежном обращении юго-западной Таврики. Эмитенты Речи Посполитой // Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования. Сборник материалов Второй международной научной конференции. СПб., 2019. Вып. II. С. 44–50.
5. Алексеевко Н.А. Крым и Русь в нумизматических находках XV–XVI вв. // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2019 года. Материалы докладов и сообщений. М., 2019. С. 169–174.
6. Алексеевко Н.А. Иностранные деньги в средневековой Таврике: два новых интересных артефакта // XXXIII ежегодная международная научная конференция «Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании». Материалы конференции. М., 2020. С. 51–53.
7. Алексеевко Н.А., Дергачёва Л.В. Молдавская монета в средневековой Таврике (краткий обзор находок) // В поисках сущности. Сборник статей в честь 60-летия Н.Д. Руссева. Кишинёв, 2019. С. 97–106. (Библиотека STRATUM)
8. Алексеевко Н.А., Зверев С.В. Новые находки русских монет XVI – начала XVIII в. Юго-Западном и Центральном Крыму // VI Международный нумизматический симпозиум «ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка». Материалы научной конференции. Симферополь, 2020. С. 23–28.
9. Бойко-Гагарин А. Новые данные о фальсификации монет, изготовленных методом пайки пластины // Нумизматика і фалеристика. 2015. № 2. С. 18–19.
10. Бойко-Гагарин А.С., Шаталин И.С. Подделка ортов Сигизмунда III Вазы // Шаталин И.С. Орты Сигизмунда III Вазы. Киев, 2013. С. 31–39.
11. Виннер А.В. Теофил Пресвитер «О различных искусствах». Предисловие // Сообщения Центральной научно-исследовательской лаборатории по консервированию и реставрации музейных художественных ценностей (ВЦНИЛКР). 1963. Вып. 7. С. 66–70.
12. Зверев С.В. Находки русских монет XV–XVII вв. в Крыму // III Международный нумизматический симпозиум «ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка». Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2014. С. 21–22.
13. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. IV: Западноевропейские источники / Ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коновалова, А.В. Подосинов; сост. пер. и коммент. А.В. Назаренко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 512 с.
14. Прохненко І., Жиленко М. Монети Королівського замку Нялаб // Записки відділу нумізматик і торевтики Одеського археологічного музею. Одесса, 2017. Вып. III. С. 141–156.
15. Теофил Пресвитер «О различных искусствах» / Пер. А.А. Морозова, редакция и примеч. А.В. Виннера // Сообщения Центральной научно-исследовательской лаборатории по консервированию и реставрации музейных художественных ценностей. 1963. Вып. 7. С. 66–184.
16. Alekseienco N. Monetary Circulation in Genoese Chembalo (14th–15th cc.) and Ottoman Balaklava (1475–1783) // Al XII-lea Simpozion de Numismatică Programul și Rezumatele Comunicărilor. Chişinău, 2011. P. 13.
17. Dutkowski Ja., Suchanek A. Corpus Numorum Gedanensis. Gdansk, 2000.
18. Kopicke Ed. Monety Zygmunta III Wazy. Szczecin, 2007.
19. Szwagrzyk J.A. Pieniądz na ziemiach polskich X–XX w. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1973.

REFERENCES

1. Alekseienko N.A. Nahodki monet na territorii genuezskoj kreposti Chembalo. *Khersonesskij sbornik*, 1999, Vol. X, pp. 371–378.
2. Alekseienko N.A. K voprosu o sostave denezhnogo rynka Balaklavy v ottomanskij period (1475–1783 gg.) (po dannym raskopok kreposti Chembalo). *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeya 2014 goda*, Moscow, 2014, pp. 29–33.
3. Alekseienko N.A. Zamorskie den'gi na rynkah srednevekovoj Tavriki. *Materialy nauchnoj konferencii "IV Mezhdunarodnyj numizmaticheskij simpozium «PriPONTijskij menyala: den'gi mestnogo rynka»"*, Sevastopol, 2016, pp. 11–15.
4. Alekseienko N.A. Inozemnaya moneta (XIV–XVII vv.) v denezhnom obrashchenii yugo-zapadnoj Tavriki. Emitenty Rechi Pospolitoj. *Sbornik materialov Vtoroj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Den'gi v rossijskoj istorii. Voprosy proizvodstva, obrashcheniya, bytovaniya"*, St-Petersburg, 2019, Vol. II, pp. 44–50.
5. Alekseienko N.A. Krym i Rus' v numizmaticheskikh nahodkakh XV–XVI vv. *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya 2019 goda*, Moscow, 2019, pp. 169–174.
6. Alekseienko N.A. Inostrannye den'gi v srednevekovoj Tavrike: dva novyh interesnyh artefakta. *Materialy XXXIII ezhegodnoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny v sovremennom nauchnom znanii"*, Moscow, 2020, pp. 51–53.
7. Alekseienko N.A., Dergachyova L.V. Moldavskaya moneta v srednevekovoj Tavrike (kratkij obzor nahodok). *V poiskah sushchnosti. Sbornik statej v chest' 60-letiya N.D. Russeva*, Chisinau, 2019, pp. 97–106.
8. Alekseienko N.A., Zverev S.V. Novye nahodki russkikh monet XVI – nachala XVIII v. v Yugo-Zapadnom i Central'nom Krymu. *Materialy VI Mezhdunarodnogo numizmaticheskogo simpoziuma "PriPONTijskij menyala: den'gi mestnogo rynka"*, Simferopol, 2020, pp. 23–28.
9. Bojko-Gagarin A. Novye dannye o fal'sifikacii monet, izgotovlennyh metodom pajki plastin. *Numizmatika i faleristika*, 2015, No. 2, pp. 18–19.
10. Bojko-Gagarin A. S., Shatalin I. S. Poddelki ortov Sigizmunda III Vazy. Shatalin I.S. *Orty Sigizmunda III Vazy*, Kiev, 2013, pp. 31–39.
11. Vinner A.V. Teofil Presviter «O razlichnyh iskusstvah». Predislovie. *Soobshcheniya Central'noj nauchno-issledovatel'skoj laboratorii po konservirovaniyu i restavracii muzejnyh hudozhestvennyh cennostej*, 1963, Vol. 7, pp. 66 – 70.
12. Zverev S.V. Nahodki russkikh monet XV–XVII vv. v Krymu. *Tezisy dokladov i soobshchenij III Mezhdunarodnogo numizmaticheskogo simpoziuma "PriPONTijskij menyala: den'gi mestnogo rynka"*, Sevastopol, 2014, pp. 21–22.
13. Dzhakson T.N., Konovalova I.G. Podosinova A.V. (Eds.), *Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov: Hrestomatiya. T. IV: Zapadnoevropejskie istochniki*. Moscow, Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2010, 512 p.
14. Prohnenko I., Zhilenko M. Moneti Korolivs'kogo zamku Nyalab. *Zapiski viddilu numizmatiki i toreviki Odes'kogo arheologichnogo muzeyu*, Odessa, 2017, Vol. III, pp. 141–156.
15. Teofil Presviter «O razlichnyh iskusstvah». *Soobshcheniya Central'noj nauchno-issledovatel'skoj laboratorii po konservirovaniyu i restavracii muzejnyh hudozhestvennyh cennostej*, 1963, Vol. 7, pp. 66 – 184.
16. Alekseienko N. Monetary Circulation in Genoese Chembalo (14th–15th cc.) and Ottoman Balaklava (1475–1783). *Al XII-lea Simpozion de Numismatică Programul și Rezumatete Comunicărilor*, Chișinău, 2011, p. 13.
17. Dutkowski Ja., Suchanek A. *Corpus Numorum Gedanensis*. Gdansk, 2000.
18. Kopicki Ed. *Monety Zygmunta III Wazy*. Szczecin, 2007.
19. Szwagrzyk J. A. *Pieniądz na ziemiach polskich X–XX w.* Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1973.

Информация об авторах

Алексеевко Н. А. – dr. Etudes Médiévales (Paris IV-Sorbonne), кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: AAB-2881-2020.

Антипенко А. В. – младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского; младший научный сотрудник отдела реализации грантов Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: U-2937-2019.

Information about the authors

Alekseenko N. A. – dr. Etudes Médiévales (Paris IV-Sorbonne), Candidate of Science (History), Leading Researcher at the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: AAB-2881-2020.

Antipenko A. V. – Junior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Junior Researcher of the Grants Implementation Department of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: U-2937-2019.

ИСТОРИЯ

ОБЗОР МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ АНТИЧНОЙ МЕЖЕВОЙ СИСТЕМЫ ХОРЫ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Татьяна Николаевна Смекалова

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия,
tnsmek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5378-5372>*

Аннотация. В статье рассматривается история исследования ближней хоры Херсонеса Таврического на Гераклеяском полуострове с помощью междисциплинарных методов, начиная с XVIII в. до наших дней. Приводятся основные вехи изучения этого уникального археологического памятника, вошедшего в список охраняемого культурного наследия ЮНЕСКО. Подчеркивается значение первых археолого-топографических планов и архивных аэрофотографий 1941–1944 гг. как важнейших документальных источников по изучению античной межевой системы Херсонеса. Рассматривается роль эпиграфических и нумизматических источников в комплексном изучении истории создания и развития херсонесской хоры, а также других важных аспектов социально-экономической жизни античного полиса.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, полис и хора, античная межевая система, культурно-исторический ландшафт Гераклеяского полуострова, история исследования, историческая картография, архивные аэрофотоснимки

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 19-19-50130.

A REVIEW OF INTERDISCIPLINARY RESEARCHES OF THE ANCIENT LAND DIVISION SYSTEM AT THE CHORA OF TAURIC CHERSONESE

Tatiana N. Smekalova

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia, tnsmek@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-5378-5372>*

Abstract. This article discusses the researches of the close *chora* of Tauric Chersonese in the Heracleean peninsula by the interdisciplinary methods from the eighteenth century to these days. It has uncovered the milestones of researches at this unique archaeological site inscribed into the list of the UNESCO protected cultural heritage. The given article underlines the importance of the first archaeological and topographic plans and archival aerial photographs from 1941–1944 as the primarily important documentary sources for the researches in the ancient land division system of Chersonese. It analyses the role of epigraphic and numismatic sources for the research of the history of foundation and

development of the Chersonesan *chora* and other important aspects of social and economic life of this ancient *polis*.

Keywords: Tauric Chersonesos, *polis* and *chora*, ancient land division system, cultural-historical landscape of the Heracleean peninsula, history of researches, historical mapping, archival aerial photography

Acknowledgments: The work was carried out within the framework of project No. 19-19-50130 supported by Russian Foundation for Basic Research.

Еще менее века назад город Херсонес и его ближняя хора на Гераклейском полуострове являлись единственным примером хорошо сохранившегося древнегреческого культурного ландшафта в средиземноморско-причерноморском регионе. Уникальность данного античного памятника состояла в том, что здесь на территории около 9 тыс. га сохранились следы ортогонального размежевания на более чем 400 блоков участков. В настоящее время подавляющая часть античной сельской территории разрушена современной военно-хозяйственной застройкой, лесопосадками, садовыми участками. Уцелевшие островки херсонесской хоры в 2010-е гг. были включены в состав археологического заповедника. В связи с мировой научной значимостью, 23 июня 2013 года на 37-й сессии Комитета ЮНЕСКО серийный объект «Древний город Херсонес Таврический и его хора» включен в Список всемирного культурного наследия.

Начальная топографическая фиксация культурно-исторического ландшафта Гераклейского полуострова

В силу исторической ситуации, когда первыми исследователями Херсонеса стали военные картографы, а также из-за самой сути памятника – обширной межевой системы, занимающей весь Гераклейский полуостров, изучение хоры с самого начала приобрело междисциплинарный археолого-географический характер. Первые топографические съемки окрестностей нарождающегося города Севастополь были проведены еще в 1772 г., когда в Ахтиярской бухте зимовали два первых российских фрегата. Командованию русских судов было предложено «между делом разыскивать всякие древности и описывать древние здания» [34, с. 23]. Поэтому неудивительно, что уже на первом «Плане развалинам древнево Херсонеса Таврикийскаго» съемки 1772 г. премьер-майора С. Бурнашева, античное городище Херсонеса и его боевые стены даны с большими подробностями [10, с. 48, прим.; 116, с. 481, рис. 120]. На картах Ахтиярской гавани, составленных в конце следующего 1773 года «штурманом в ранге прапорщика Иваном Батуриным», помимо чисто топографических подробностей были и «археологические достопримечательности» [8, с. 200–201; 118, с. 54, прим. 3]. Однако на всех этих планах отражены, в основном, древние крепостные стены, видимые с моря, остатки же античной межевой системы были открыты только при обследовании на суше, последовавших с момента присоединения Крыма к России, когда по приказу генерал-губернатора Г. А. Потёмкина началось комплексное освоение и научное изучение новых земель.

Рис. 1. «План развалинам древнего Херсона ... Сочинения 1786 г. Чертил топограф 2-го класса Пепелев», 1786 г. С подписью К. И. Габлица (РГВИА, ф. 846 (ВУА), оп. 16, д. 22741, л. 1)

В связи с тем, что в конце XVIII в. остатки античной межевой системы еще не подверглись никаким разрушениям, непреходящее значение имеет первый подробный план херсонесской хоры, созданный в полуверстовом масштабе (в одном английском дюйме 250 верст или 1:21000) в 1786 г. (рис. 1) топографом 2 класса И. О. Пепелевым по поручению, и, вероятно, под личным наблюдением члена-корреспондента Петербургской Академии наук К. И. Габлица. Этот план явился, по сути, первой в мировой науке тематической историко-археологической картой, на которой были правильно отражены занимаемая территория и основные особенности херсонесской межевой системы: ортогональность, равенство прямоугольных участков, размещение усадеб на участках хоры. Карта была создана К. И. Габлицем во исполнение повеления Екатерины II сделать историческое описание Таврики. Поднесенная императрице карта хранится в Российском государственном военно-историческом архиве (ф. 846, оп. 16, д. 22741, л. 1), и лишь относительно недавно была опубликована в оригинальном виде [116, с. 346–347, рис. 136–137].

Для научных исследований использовались только снятые в начале XIX в. с этой карты клише. Наиболее известные копии были сделаны таврическим областным землемером Ананием Герасимовичем Струковым и хранились в музее Одесского общества истории и древностей. Они считались утраченными в годы Второй

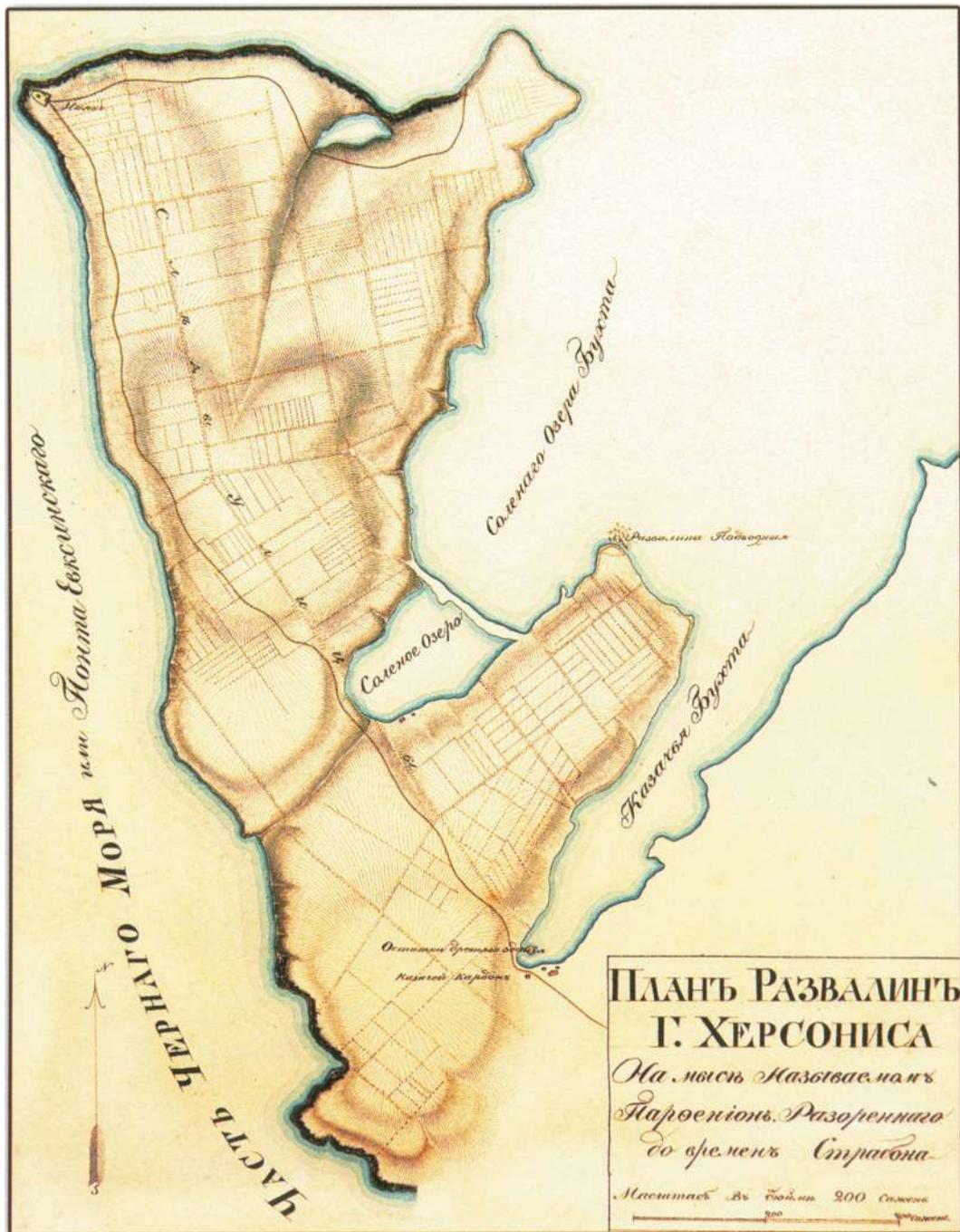

Рис. 2. Топографический план остатков античных межевых сооружений и плантажных стен древних виноградников Маячного полуострова, снятый подполковником Л. Серристором в 1825 г.

мировой войны, но были обнаружены И. В. Тункиной в Киеве, в Секторе картографии Национальной библиотеки им. В. И. Вернадского НАН Украины, и опубликованы в 2018 г. [117, с. 13; 118, с. 57, 61, рис. 2, 3]. Вероятно, в начале XX в. какой-то из этих планов вновь был повторен, и полученная копия хранится в Херсонесском музее-заповеднике. Эту версию опубликовал В. Д. Блаватский [14, с. 38], который тем самым ввел план 1786 г. в современный научный оборот [136, с. 16]. Именно этот план по сей день используется учеными по всему миру как классический пример регулярной пространственной организации античного полиса и его хоры.

Еще одна копия плана 1786 г. была в 1808 г. передана митрополиту Е. Болховитинову и в уменьшенном гравированном виде опубликована им вместе с комментариями К. И. Габлица в 1822 году [53, с. 159]. Наиболее важным для нас является замечание к этому плану о том, что «между улицами кварталы все единообразно содержат в длину 300, а в ширину 200 сажень» (под улицами подразумеваются дороги между блоками участков). Прозорливость К. И. Габлица проявилась в совершенно верном наблюдении об использовании на херсонесской хоре сажени, или, что то же самое, греческой оргии. Эта, так сказать, естественная единица измерения длины земельных участков равна расстоянию между кончиками пальцев вытянутых в стороны рук мужчины (2,1336 м)¹. Курьезность ситуации заключалась в том, что давнее замечание К. И. Габлица было забыто, и последующие исследования ученых нескольких поколений были посвящены изучению принципов херсонесского античного размежевания и поиску единиц измерения и построения площадей. Только недавно был сделан вывод о том, что в основе межевания лежит сто-оргиевый участок (гекаторюг), который измерялся оргиями, или, что то же самое, саженьями [103, с. 315–321]. Таким образом, мы вернулись к самой первой версии о главном модуле херсонесского межевания, высказанной исследователем хоры Херсонеса более двух веков назад!

Весьма схематичный план древних дорог и следов стен на Маячном полуострове оставили в 1794 г. ученый-энциклопедист, академик П. С. Паллас и английский путешественник Э. Д. Кларк. Глазомерный чертеж Маячного полуострова, сделанный ими и помещенный в картуше перед 22-й главой в книге Э. Д. Кларка [144], и сопутствующее краткое описание не обладают необходимой достоверностью, точностью и информативностью. Это особенно заметно в сравнении с «Планом развалин г. Херсона на мысе, называемом *Caput. Parthenium* 1825 года. Масштаб в английском дюйме 500 саж. Инструментально снимал квартирмейской части подполковник граф Серристор» [100, с. 265] (рис. 2). В 1825 г. Серристоры были сняты планы не только Маячного, но и всего Гераклеийского полуострова [100, с. 266], а также Херсонесского городища; они хранятся в Государственном архиве Одесской области (ф. 1, оп. 190–

¹ Об идентичности греческой оргии и древнерусской сажени говорит тот факт, что при переводе библейских текстов «оргия» переводилась на русский язык как «сажень» [131, с. 65]. Сама мера длины «сажень» пришла на Русь, вероятно, под влиянием Византии, и, не исключено, через Херсонес. Более глубокие общие корни модулей измерения земельных участков восходят к общему древнеегипетскому источнику [7, с. 274; 93; 131, с. 23–24].

Рис. 3. Александр Львович Бертъе-Делагард (1842–1920 гг.)

зарисовки усадеб и отдельных античных объектов на хоре, стремительно исчезающих из-за выборки камня для строительства города Севастополя. Как установил А. Н. Щеглов, Дюбуа де Монпере использовал карту из атласа Манганари в качестве топографической основы для нанесения археологических объектов [136]. Исследования Дюбуа де Монпере на херсонесской хоре были изданы в 5 и 6 томах его книги о путешествиях на Кавказ и в Крым, а также в виде роскошного атласа, который был выпущен в Невшателе, в Швейцарии при финансовой поддержке русского правительства и лично Николая I [145]. Экземпляр Атласа Дюбуа де Монпере имеется в свободном доступе в библиотеке Института истории материальной культуры РАН в г. Санкт-Петербурге, а его дневник с чертежами многих усадеб и крупных групп участков кадастра хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН [116, с. 101–102, 490–494]. Перевод с французского 5 и 6 томов труда Дюбуа де Монпере был опубликован с целым рядом оригинальных иллюстраций в 2010 г. [52].

По сравнению с планом Пепелева 1786 г., план Дюбуа де Монпере отличается большей детализацией археологических объектов, но меньшей точностью линейных и угловых измерений. Несмотря на это, чертежи, оставленные исследователем, чрезвычайно важны как достоверные и детальные свидетельства о частично или полностью погибших античных руинах. Так, исключительное значение имеют пла-

1825, д. 68, л. 26, 29, 30) и были опубликованы И. В. Тункиной [117, с. 14; 118, с. 62–64, рис. 4–6]. Значение плана Маячного полуострова 1825 г. состоит в первой инструментально точной передаче положения и направления основных древних межевых дорог и деления на прямоугольные блоки, на некоторых из которых подробно показано и внутреннее деление участков.

Детальностью и информативностью отличается также хорошо известный план античной межевой системы на Гераклеяском полуострове, составленный в 1833 г. швейцарским натуралистом Фредериком Дюбуа де Монпере [145, Planshe XX]. На этом плане отмечены основные линии дорог, разделяющих древние земельные участки, а также внутренняя структура некоторых блоков. Исследователь провел на Гераклеяском полуострове около двух месяцев, во время которых спешил сделать

ны многих античных усадеб, тогда еще прекрасной сохранности [145, Planshe XXI]. Пользуясь чистовыми чертежами из Атласа 1846 г., а также зарисовками в дневнике Дюбуа де Монпере 1833 г., Г. М. Николаенко удалось локализовать на местности эти усадьбы, подавляющее большинство которых в настоящее время разрушены, и без чертежей Дюбуа де Монпере были бы безвозвратно утеряны для науки [85, с. 88, 90, 93, 110, 116, 123, 124, 140, 144, 147].

Спустя столетие с момента создания первого плана херсонесской межевой системы, новый этап в исследовании ближней хоры Херсонеса Таврического наступил благодаря деятельности А. Л. Бертье-Делагарда (рис. 3). Этот ученый прекрасно понимал исключительную важность точной картографической фиксации видимых остатков межевых стен и усадеб для изучения социально-экономического уклада античного государства. А. Л. Бертье-Делагард сумел воспользоваться благоприятной ситуацией, и во время новейшей мензульной военно-топографической съемки в полуверстовом масштабе (1:21000), проводимой Военно-топографическим бюро в 1886 г. в окрестностях Севастополя, убедил военного топографа, титулярного советника Тяпина, нанести на эту карту остатки античной межевой системы. Благодаря помещению на инструментально точную топографическую основу, схема земельных наделов получила необходимую привязку к местности (рис. 4). К сожалению, археологические объекты удалось картировать только для западной части Гераклеяского полуострова, так как Тяпин был ответственным только за два соответствующих планшета, и, кроме того, полученная карта нуждалась в коррекции со стороны профессиональных археологов. Эту работу удалось провести для Маячного полуострова, который в конце XIX – начале XX вв. стал своего рода эпицентром археологических исследований на хоре Херсонеса, благодаря деятельности таких ученых, как М. И. Ростовцев, А. Л. Бертье-Делагард, К. К. Косцюшко-Валюжинич, Р. Х. Лепер, Н. М. Печёнкин.

Создание археологической карты наиболее раннего размежевания на Маячном полуострове

Маячный полуостров представляет собой северо-западную оконечность Гераклеяского полуострова, выдающуюся в открытое море и отделенную от последнего глубоко врезанной в берег Казачьей бухтой. Важность Маячного полуострова с исторической точки зрения заключается в том, что именно здесь, по единодушному мнению современных исследователей, в середине IV в. до н. э. было проведено наиболее раннее херсонесское размежевание земель. Поверхность Маячного полуострова представляет собой низменное плато площадью около 430 га (без перешейка), на крайней западной точке которого находится Херсонесский маяк. Только перешеек, шириной всего 760 м, образованный вершиной бухты и морем, приподнят над уровнем моря на 20–30 м (до 36 м) и господствует над всей прилегающей территорией Гераклеяского полуострова [137, с. 10]. На этом перешейке не позднее конца первой – начала второй четвертей IV в. до н. э. было возведено укрепление,

Рис. 4. «План Севастополя и его окрестностей», съемка военного топографа, титулярного советника Тяпина, 1886 г. (РГВИА, ф. 418, оп. 1, д. 748, л. 1, 2)

образованное двумя линиями крепостных стен с башнями [135, с. 157]. Расстояние от этих укреплений до Херсонеса 8,5 км по прямой на северо-восток.

Некоторые исследователи, опираясь на сообщение Страбона, вероятно, восходящее к периплу Артемидора Эфесского [94, с. 374], о Старом Херсонесе, лежащем в руинах (VII. 4. 2), предполагали, что тот находился на перешейке Маячного полуострова и лишь позднее был перенесен на место, где сейчас расположено Херсонесское городище. К такому мнению пришли академик П. С. Паллас, посетивший Маячный полуостров в 1793–1794 гг., П. И. Сумароков, побывавший на полуострове в 1803 г., Е. Е. Кёлер, приезжавший Севастополь в 1819 г. [87, с. 8].

Такой же точки зрения придерживался А. Л. Бертъе-Делагард, по поручению которого К. К. Косцюшко-Валюжинич летом 1890 г. провел раскопки на перешейке Маячного полуострова, доказавшие существование двух крепостных стен, перекрывавших путь на земледельческую часть полуострова. Ранняя межевая система, хорошо сохранившаяся на Маячном полуострове, являлась уникальным объектом для изучения аграрного устройства не только Херсонеса, но и всего древнегреческого мира. На это первым обратил внимание М. И. Ростовцев в связи с работами Н. М. Печёнкина (рис. 5) в 1910 г., и уже на следующий год посетил раскопки

на Маячном полуострове. Как отметил в своем дневнике за 24 августа 1911 г. Н. М. Печёнкин, М. И. Ростовцев охарактеризовал выявленную систему размежевания как «выдающийся памятник, изучение которого открывает новые горизонты, освещающие гражданскую светско-хозяйственную жизнь древних греков. Перед нами настоящая, неискаженная более поздними изменениями древнегреческая клерухия Херсонеса, существовавшая с 4 по 2 в. до Р. Х. Представляется важным выяснить размеры земельных наделов, не говоря о возможности уяснить жизненную обстановку греков. Открытые прошлыми раскопами улицы-дороги представляют защищенные дороги от участков клерухов, дома которых сами по себе представляли укрепленные пункты (пюргосы – башни)» [3, с. 174].

Воодушевленный высокой оценкой М. И. Ростовцева [95], Н. М. Печёнкин принялся за чрезвычайно важную работу по фиксации видимых следов античной межевой системы. В этом его поддержал А. Л. Бертъе-Делагард, которому удалось, несмотря на определенные сложности, в 1911 г. предоставить Н. М. Печёнкину выкопировку полуверстовой карты Пепелева² на Маячный полуостров в качестве топографического базиса для составления межевого плана. Опираясь на эту топооснову, Н. М. Печёнкин, совместно с архитектором С. С. Некрасовым, в 1911 г. начал корректировку плана античных участков и усадеб на Маячном полуострове, но не смог его полностью завершить. Несмотря на то, что план Н. М. Печёнкина (рис. 4) оказался незаконченным и несколько не-

Рис. 5. Николай Михайлович Печёнкин (1871–1918?) на Маячном полуострове. 1910 г. (НА ГИАМЗ ХТ, ф. 3, д. 3776)

² Дело в том, что какое-то время эта карта продавалась свободно, но затем получила гриф «секретно», о чем пишет сам А. Л. Бертъе-Делагард в своих письмах Н. М. Печёнкину [18, с. 25–27]. Тем не менее, А. Л. Бертъе-Делагарду удалось в декабре 1911 г. переправить из Ялты Н. М. Печёнкину фотографию в настоящую величину части этой карты на Маячный полуостров, с просьбой тщательно проверить все нанесенные на нее археологические объекты. В дальнейшем, при последующих отпечатках полуверстовой карты для нужд армии в масштабе 1 верста в 1 английском дюйме (1:42000), вся археологическая нагрузка была с нее снята, поэтому следы древнего кадастра остались только на архивных экземплярах карты, хранящихся в РГВИА (ф. 418, оп. 1, д. 748).

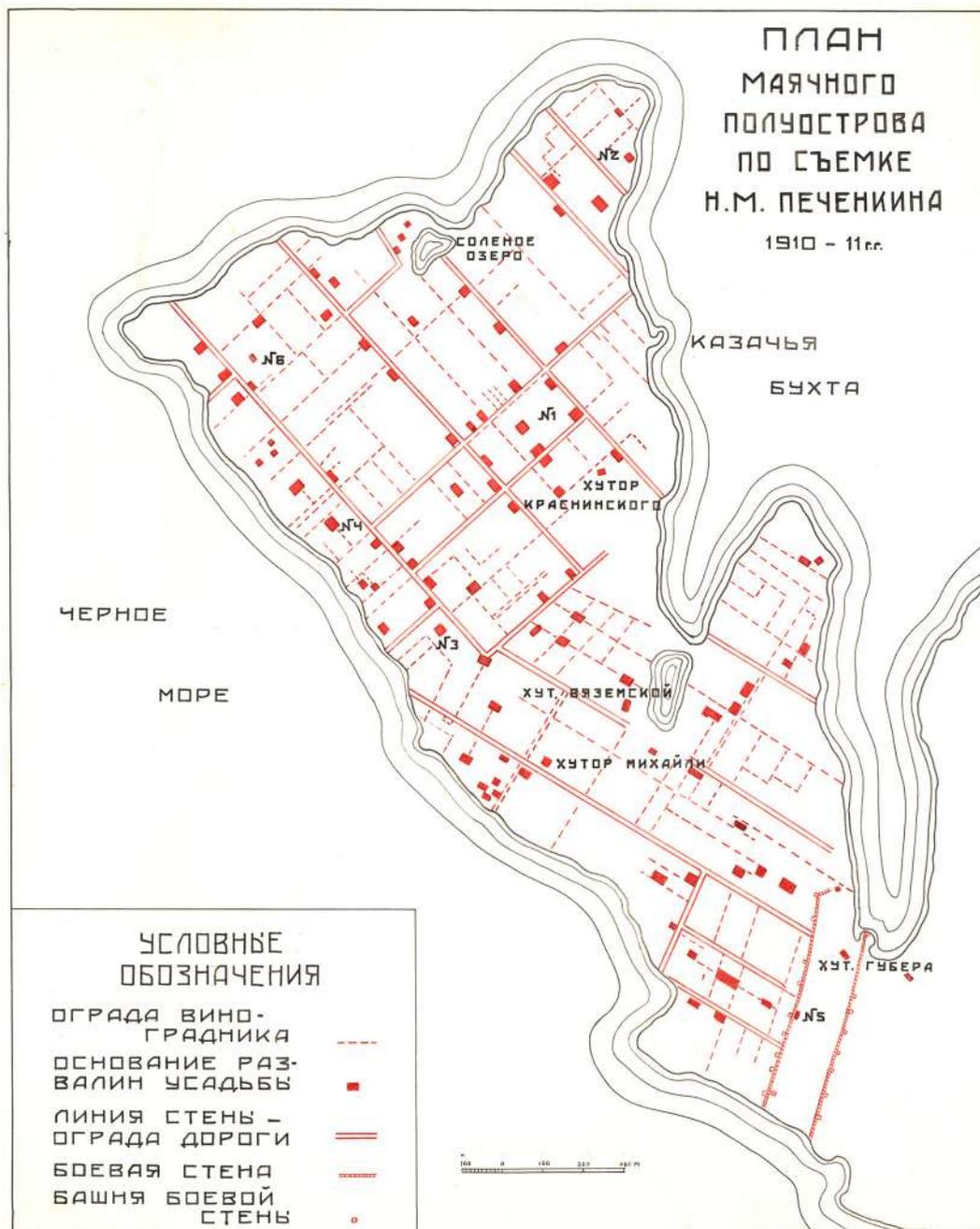

Рис. 6. План Маячного полуострова по съемке Н. М. Печёнкина 1910–1911 гг. (РО НА ИИМК РАН, Р. I, д. 802, л. 4)

точным [135, с. 16], он вошел во все последующие научные работы, посвященные начальному периоду размежевания херсонесской хоры (рис. 6) [6, с. 36, рис. 5; 14, с. 42, рис. 15; 15, с. 31, рис. 5; 21, с. 49, рис. 18; 114, рис. 2а; 137, с. 302; 87, с. 120; 59, с. 611].

В ходе этой работы Н. М. Печёнкину, впервые в античной археологии, удалось выявить древнегреческий стандартный земельный участок, равный примерно 4,5 га, на основе анализа чертежа трех равных по площади земельных наделов в западной части Маячного полуострова в районе раскапываемой усадьбы № 4.

Исследования Н. М. Печёнкина, предпринятые в 1910–1911 гг. на территории Маячного полуострова, позволили также полностью изучить раскопками 5 усадеб, одна из которых (№ 5) находилась на укрепленном стенами перешейке [92], и выяснить их соотношение с земельными участками.

Дальнейшим работам на Маячном полуострове помешали сначала отсутствие средств (Н. М. Печёнкин проводил все исследования за свой счет), затем Первая мировая война и переход территории в военное ведомство. Однако открытие 1890 г. К. К. Косцюшко-Валюжинича дало толчок для дискуссии о характере укрепления на перешейке Маячного полуострова, которая не умолкает и по сей день. Ученые считали городище на перешейке одним из херсонесских ΤΕΙΧΗ, упомянутых в херсонесской присяге (IOSPE I², 401) [133, с. 94 сл.]; городищем-убежищем [20; 57] или фортификационными сооружениями, загораживающими доступ на заселенный Маячный полуостров [40; 6].

Очень много для изучения античных древностей Маячного полуострова сделал А. Н. Щеглов, уделявший большое внимание архивным материалам Н. М. Печёнкина, Р. Х. Лепера и А. Л. Бертъе-Делагарда, хранящихся в Научных архивах ИИМК РАН и Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» [137, с. 12–16]. По оставленным предшественниками неопубликованным материалам раскопок, чертежам и картам А. Н. Щеглов детальнейшим образом разобрал вопросы, связанные с топографией и фортификацией укрепления на Маячном полуострове [136, с. 14–16]. Исследователь воссоздал общий план укреплений на перешейке, составил их детальный план и определил их назначение как сочетание военной крепости, обращенной в сторону Гераклеяского полуострова, земледельческой территории, жилого района со специально выделенным священным участком на юге и гаванью на севере [138, с. 22, 299, рис. 5]. По его подсчетам, площадь надела в Старом Херсонесе составляла 4,4 га, а общая площадь размежевания на всем Маячном полуострове достигала 360 га [134, с. 89, 101]. Усадьбы Маячного полуострова, по его мнению, были разрушены в конце II в. до н. э. [134, с. 133]. Предположение А. Н. Щеглова о том, что вся жилая площадь укрепления на перешейке была застроена, подтвердились в ходе охранных раскопок С. Г. Рыжова 1972 г., которые вскрыли на западном берегу Казачьей бухты мощный культурный слой, в том числе помещение с тремя пифосами, стоящими в ряд в углублениях, вырубленных в скале [87, с. 12].

Исследования 1980–1990-х гг., проведенные А. А. Зедгенидзе, показали, что две оборонительные стены (восточная и западная) были возведены в конце V – начале IV в. до н. э. и потеряли свое значение в конце IV – начале III в. до н. э. В обобщающих работах, посвященных изучению Маячного полуострова, укрепления на перешейке тракуются А. А. Зедгенидзе как военно-хозяйственное поселение, сооружение которого было чрезвычайно важным элементом в ходе освоения греками Гераклейского полуострова [58; 59, с. 609]. Задачей укрепления, по мнению исследовательницы, была защита наделов на Маячном полуострове, в связи с чем отпала необходимость возводить на участках усадьбы с башнями, как это имело место на остальной части Гераклейского полуострова. Укрепления на перешейке ограждали надельные участки Маячного полуострова и являлись важным пунктом для дальнейшего освоения херсонеситами всей площади Гераклейского полуострова. На основании анализа предшествующих работ, а также собственных археологических раскопок 1985–1987 гг., А. А. Зедгенидзе пришла к выводу, что больше всего этому укреплению подходит определение *φρούριον*, так как оно является постоянным, находится в определенном удалении от города, имеет акрополь, возведено в местности с враждебным населением [59, с. 634].

Работы 2008 г. С. Г. Демьянчука и В. А. Нессель были специально посвящены изучению крепостных стен «Страбонова Херсонеса» на юго-западной оконечности перешейка Маячного полуострова. Проведенное ими исследование фортификационных сооружений подтвердило мнение А. Н. Щеглова, что пространство между двумя стенами (восточной и западной), расстояние между которыми составляет 200–210 м, было разделено поперечными стенами на четыре приблизительно равных по площади участка (около 4,5 га каждый) [138, с. 18; 41, с. 65]. Самый северный из участков имел плотную застройку, т. е. можно считать, что укрепление на перешейке сочетало функции крепости и поселения. Время существования восточной куртины ограничено первой половиной IV – началом III в. до н. э. [138, с. 36–38; 41, с. 69].

Важной вехой в исследовании Маячного полуострова явилась недавно опубликованная монография Г. М. Николаенко, посвященная археологической характеристике памятников района. В ней помимо анализа материалов предыдущих исследований, публикуются результаты раскопок укрепленного поселения на перешейке, предпринятых в 1996–2010 гг. под руководством автора [87, с. 130–150]. По совокупным данным Г. М. Николаенко удалось воссоздать историю развития хоры Маячного полуострова, на перешейке которого во второй четверти IV в. до н. э. было построено укрепленное поселение, где стены, разделяющие его площадь на участки, являлись продолжением продольных дорог на хоре, а дома, примыкающие к оборонительным стенам, повторяли их пространственную направленность [87, с. 87].

В настоящее время непосредственные археологические исследования на Маячном полуострове проводятся только эпизодически, в связи с обследованием под современное военно-хозяйственное строительство. Так, в 2017 г. М. И. Тюриным были произведены охранные работы, результатом которых стало уточнение границ

усадеб блоков 69 и 72, постройка на учет усадьбы блока 68, выявление усадеб блоков 55, 69-западная, 69-восточная, 59-западная, комплекса античных объектов на блоках 59 и 62 [89]. Все эти объекты указаны на плане Н. М. Печёнкина, но в настоящий момент сильно разрушены, на местности не читаются.

Картографирование античного межевания и раскопки усадеб на Гераклеяском полуострове. Изучение времени создания и процесса развития межевой системы

Работу по корректировке плана археологических объектов на всей территории Гераклеяского полуострова, нанесенных Тяпиным на полуверстовую карту 1886 г., были продолжены Л. А. Моисеевым, заведующим раскопками Херсонеса (1882–1946 гг.), для чего он привлек также план Пепелева-Струкова 1786 г. и схему из атласа Фр. Дюбуа де Монпере. Л. А. Моисеев составил детальный план древних земельных участков между Стрелецкой бухтой и Маячным полуостровом, а также между балками Верхне-Юхариной и Бермана (НА ГИАМЗ ХТ, ф. Л. А. Моисеева 1927, д. 1576, л. 7–8, 28). На основе этих работ Л. А. Моисееву впервые удалось выявить и графически зафиксировать основной стандартный блок земельных участков на хоре Херсонеса, заключенный между продольными и поперечными дорогами, размерами 420x630 м, площадью около 26,5 га [114, с. 20].

Детальная топографическая фиксация античных земельных наделов продолжалась сотрудниками Херсонесского музея и в 1930-е гг. В 1931 г. в экспедиции К. Э. Гриневича архитектором П. С. Касаткиным был составлен план группы земельных участков на территории, прилегающей к Херсонесскому мысу [40, табл. 2; 136, с. 305, рис. 8]. В 1932 г. Н. М. Янышев составил схематическую карту Гераклеяского полуострова и «Краткое описание древних сооружений» с чертежами, сделанными от руки, и фотографиями усадеб и других археологических объектов (НА ГИАМЗ ХТ, д. 570, 402, 476). На карте обозначено местоположение и проставлены номера усадеб, нанесены следы древних дорог. Эти труды остаются пока неопубликованными, однако, благодаря тому, что в каталоге античных усадеб Н. М. Янышев приложил сделанную от руки картографическую привязку объектов к хуторам и дорогам, в настоящее время можно определить положение на карте и облик древних строений, многие из которых уже не существуют.

Говоря об исследованиях на хоре Херсонеса в 1920–1930-е годы, нельзя не остановиться на деятельности такого уникального культурно-исторического института, как Севастопольский музей краеведения. Он был основан при Общеобразовательном техникуме им. М. В. Ломоносова в 1923 г. преподавателями Павлом Петровичем и Владимиром Петровичем Бабенчиковыми и Юрием Петровичем Твердохлебовым [1, с. 25–26]. В задачи музея входило систематическое обследование и регистрация археологических памятников Гераклеяского полуострова. В период с 1923 по 1930 гг. П. П. Бабенчиков и В. П. Бабенчиков с молодыми работниками музея провели до 40 маршрутов по обследованию остатков древних усадеб, следов античного размежевания, пещерных храмов в Юхариной и Сарандинакиной балках, на Сапун-горе,

Рис. 7. Схема расположения античных усадеб на Гераклейском п-ве, обнаруженных и описанных сотрудниками Севастопольского музея краеведения в 1923–1930 гг. из «Гераклейского Сборника» 1936 г. Чертеж Т. Н. Смекаловой и Э. А. Терехина на основе полуверстовой карты 1896 г., на которую нанесена сетка античных наделов с их номерами. Номера пунктов даны по: [5, с. 124–141]

гребне над Каранью, в балке Бермана и других частях Гераклейского полуострова [1, с. 32–33]. В результате было зарегистрировано и описано свыше 85 античных усадеб, составлен археологический план Гераклейского полуострова с нанесением обнаруженных памятников [5, с. 124–141] (рис. 7). Эти материалы составили основу «Гераклейского сборника» 1936 г. – важного коллективного труда, являющегося первой попыткой научной систематизации и интерпретации материала изучения хоры Херсонеса, накопленного к середине 1930-х гг. В составлении сборника приняли участие виднейшие археологи Ленинграда и Севастополя – Н. И. Репников, Е. В. Веймарн, В. П. Бабенчиков, П. П. Бабенчиков, редактированием занимался В. Ф. Гайдукевич. Достаточно сказать, что более 70 лет практически ни одна работа по изучению херсонесской хоры не обходилась без цитирования этого сборника. Тем не менее, до недавнего времени он оставался не опубликованным и долгие годы хранился в Научном архиве Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, ф. 35, оп. 2, д. 452, папки 2-11; ф. 10, д. 14; ф. Р-1, д. 802; фото-

архив: О.1501). Только в 2019 г. удалось издать этот замечательный труд, причем он дал начало целой серии выпусков под тем же названием, посвященных опубликованию других источников и материалов по изучению хоры Херсонеса. В 2019–2020 гг. вышли первые четыре выпуска «Гераклейских сборников» [19; 3; 104; 105].

Важный вклад в изучение аграрной истории Херсонеса внес научный сотрудник Херсонесского музея В. П. Лисин (рис. 8), продолживший славные традиции Н. М. Печёнкина по комплексному изучению земельных наделов и усадеб на хоре. В 1937 г. В. П. Лисин провел раскопки усадьбы у Камышевой бухты и обмеры древних участков между бухтами Камышевой и Круглой. Ему удалось внести существенные поправки в план древних межевых сооружений, отмеченных на карте Тяпина 1886 г. [76]. По материалам этих исследований в 1940 г. В. П. Лисин подготовил диссертацию «Античные хозяйства в районе Камышевой бухты (I–IV в.)», которая до войны не была опубликована и защищена³. В 1942 г. В. П. Лисин погиб, сражаясь в партизанском отряде под Севастополем.

Диссертация В. П. Лисина является большим шагом вперед по пути раскрытия основных принципов херсонесского межевания и изучения социально-экономической истории античного полиса. В. П. Лисин впервые сделал попытку определения модуля, лежащего в основе межевой системы Херсонеса и расшифровки гапаксного термина гекаторюг, который дважды встречается в известной херсонесской надписи IOSPE I² 403. В своей диссертации исследователь писал, что «основной единицей планирования всей земельной площади был квадрат со сторонами 200 м и площадью в 40 000 м². Возможно, такой квадрат земли назывался в III в. до н. э. ἑκατόριος и являлся нормой земельного надела». Правда, В. П. Лисин, к сожалению, не использовал информацию, которая содержится в самом слове «гекаторюг» (сто-оргиевый участок). Поэтому, сделав попытку определения меры длины, лежащей в основе величины стандартной меры площади – гекаторюга, он неверно предполагал, что такой мерой был «шаг»,

³ Только в 2019 г. Херсонесский музей-заповедник издал диссертацию В. П. Лисина, инициировав новую серию «Херсонесский архив» [77].

Рис. 8. Василий Петрович Лисин (1913–1942 гг.)

равный 0,667 м, и получил неточную, хотя и близкую к реальности величину площади гектарюга – 4 га. В. П. Лисин также предложил методику расчетов нормы рабочей силы, урожайности зерновых культур и винограда. Им была высказана важная мысль о концентрации земельной собственности и товарном характере виноградарства в Херсонесе. Все эти вопросы впоследствии были развиты С. Ф. Стржелецким в его диссертации и широко известной монографии [114].

В послевоенные годы научный коллектив Херсонесского музея-заповедника предпринял огромные усилия, чтобы зафиксировать быстро исчезающие под современной застройкой драгоценные следы античной межевой системы. Существенно то, что в сферу внимания вошли не только основные, образующие, элементы системы, но и очень важные для характеристики хозяйствования детали внутреннего устройства участков. Силы исследователей были брошены, в первую очередь, на северные территории, которые подвергались самой срочной застройке. Разведками Гераклеяской экспедиции Херсонесского музея число выявленных усадеб увеличилось до 149 [114, с. 47].

В 1950-е гг. исследования на хоре проводились, в основном, под руководством С. Ф. Стржелецкого, который готовил материалы для своей диссертации, инициированной В. Д. Блаватским [61, с. 109]. Была произведена детальная натурная съемка внутреннего устройства более 80 земельных участков северной части Гераклеяского полуострова с помощью землемерной ленты, компаса и буссоли, в масштабе 1:1000. С. Ф. Стржелецким был составлен и опубликован общий план размежевания 35 наделов в районе Круглой и Камышевой бухт и детальные планы участков 10, 11, 20, 25, 26 [114, рис. 19–20, 22–26]. В 1960-е гг. он, совместно с А. Н. Щегловым, Г. М. Кутыкиной (Николаенко) и Е. Н. Жеребцовым, провел подобные работы в южной части Маячного полуострова и в разных частях Гераклеяского полуострова. В недавнее время чертежи блоков 49–73 на Маячном полуострове, выполненные тушью на кальке Г. М. Николаенко и Е. Н. Жеребцовым, были опубликованы в монографии Г. М. Николаенко [87, рис. 75а, 76а, 77–79, 80б, 82, 83, 84а, 85–86, 87а, 88–91, 92а, 93, 94, 98, 99, 100а, 101, 102, 103а, 105а].

Базируясь на материалах по внутреннему устройству участков, полученных С. Ф. Стржелецким, В. Д. Блаватский провел оценку количества земли, отводившейся под различные сельскохозяйственные культуры, и, используя данные Катона, подсчитал рабочую силу, которая была необходима для обработки участков [14, с. 60, 163].

С. Ф. Стржелецкий попытался определить общее число наделов на хоре Херсонеса, пользуясь двумя методами. Первый был основан на подсчете участков на реконструированном плане межевания всей территории Гераклеяского полуострова (без Маячного). Второй метод базировался на вычислениях числа наделов путем деления общей площади Гераклеяского полуострова (за вычетом площади Маячного) на площадь стандартного надела, равную, по мнению С. Ф. Стржелецкого, 25,6 га. В обоих случаях получилось около 380 наделов, которые, как считал ученый, были распределены между гражданами Херсонеса. С. Ф. Стржелецким были

детально рассмотрены стандартные блоки участков (которые он ошибочно называл «клерами»), как комплексные памятники, состоящие из разнообразных объектов, замкнутых в пределах ограды. Одним из существенных элементов комплекса являлась усадьба, планировочно и функционально тесно связанная с самим участком. По мнению С. Ф. Стржелецкого, каждый стандартный участок имел свою усадьбу, и все они возникли единовременно, на рубеже IV–III вв. до н. э. или в начале III в. до н. э. [114, с. 51–52]. Он также сделал вывод о том, что время размежевания Гераклеяского полуострова должно относиться к этому же периоду, косвенным свидетельством чему может служить датировка надписи на постаменте статуи Агасикла, который «размежевал виноградники на равнине» [114, с. 52]. Несмотря на научную ценность детальной фиксации в 1950-е гг. структуры отдельных блоков участков тогда еще прекрасной сохранности, в настоящее время многие из этих выводов исследователя подлежат пересмотру.

С. Ф. Стржелецкий последовал за В. Д. Блаватским и сделал неверные выводы о том, что в основе измерения площади лежит аттическая оргия (1,77 м), и что «гекаторюг равен сотне квадратных оргий», то есть $3,4225 \times 100 = 342,25$ кв. м. С. Ф. Стржелецкий ошибочно выделял на всем Гераклеяском полуострове два типа земельных владений площадью 25,6 и 4,5 га. Первый тип относится к крупным рабовладельческим хозяйствам, требующим привлечения рабочей силы, второй – к индивидуальным участкам, обрабатываемым трудом только самого землевладельца и членов его семьи. По его подсчетам, первых должно было быть около 370–380, а вторых – 80–90, а всего индивидуальных хозяйств в херсонесской общине – 450–470. Размер крупного участка приближается к наилучшей, по мнению Катона, норме для имения в сто югеров (25,18 га) (Cato, I, 7; II, 1) [114, с. 53].

Помимо этого, С. Ф. Стржелецким был специально рассмотрен вопрос о форме земельной собственности в Херсонесе, для чего он, вслед за В. Д. Блаватским, привлек известную херсонесскую надпись конца IV – начала III в. до н. э. IOSPE I² 403. С одной стороны, оба исследователя ошибочно считали ее актом о продаже земельных участков, но, с другой – С. Ф. Стржелецкий на основе этой надписи сделал верный вывод о концентрации земли в руках знати [114, с. 53]. Это теоретическое заключение соответствовало полевым наблюдениям автора в районе Круглой и Камышевой бухт. Так, в III и II вв. до н. э. здесь находилось 35 участков с усадьбами на каждом из них, а в первых веках здесь функционировали только 15 усадеб, хотя все участки продолжали обрабатываться.

К прогрессивным результатам аналитических работ С. Ф. Стржелецкого следует отнести выявление двух квадратных модулей межевания со сторонами 52,5 м и 210 м, хотя исследователь и не сделал дальнейших выводов относительно роли этих величин в структуре хоры. С. Ф. Стржелецкий детально рассмотрел два взаимосвязанных вопроса по организации территории каждого «клера»: особенности его размежевания и распределение площади между сельхозкультурами. На примере пяти участков он изучил зависимость внутреннего расположения культур от сто-

рон света, экспозиционных, рельефных и микропочвенных условий, сделал вывод о применении двупольной системы выращивания зерновых [114, с. 64–65]. По мнению ученого, виноград являлся основной культурой на всех рассмотренных наделах, поэтому С. Ф. Стржелецкий особенно детально и на фактическом материале раскопок изучил технику виноградарства в Херсонесе: организацию территории виноградника, устройство плантажа, посадку, выращивание и уход за лозой, обработку собранного винограда, производство вина [113; 114, с. 66–79]. Им был раскрыт товарный характер земледелия, специализирующегося на виноградарстве, на участках Гераклеяского полуострова [114, с. 153].

В архиве Херсонесского музея-заповедника хранится схема расположения земельных участков Гераклеяского полуострова, выполненная С. Ф. Стржелецким, на которой отмечены очертания 361 надела, но пронумерованных из них только 244 (НА ГИИМЗ ХТ, № 1863). Данный чертеж отражает первую попытку нумерации всех участков херсонесской хоры [114, с. 20]. Однако, впоследствии, эта числовая схема была заменена на другую, предложенную в 1981 г. И. Т. Кругликовой. При этом были устранены недостатки прежней нумерации, которая велась не повсеместно и без какой-либо ясной системы. В новой схеме, составленной И. Т. Кругликовой и Е. Н. Жеребцовым и согласованной с Г. М. Николаенко, внесшей ряд существенных исправлений, были учтены все 408 участков [71, рис. 1; 84, с. 71–72]. Часть старой нумерации от 1 до 39 блока намеренно была оставлена прежней, так как данные, полученные на этих участках, уже прочно вошли в научный оборот. Таким образом, с 1981 г. была принята новая нумерация блоков участков, используемая и в наши дни. Для согласования старой и новой схемы обозначения участков Г. М. Николаенко опубликовала в своей монографии специальную таблицу соответствия номеров блоков [85, с. 158–159].

В 1969–1983 гг. собрание детальных натуральных чертежей дополнили профессионально выполненные сотрудником Херсонесского музея Е. Н. Жеребцовым топопланы участков 49, 51, 53/53, 55/61 на юге Маячного полуострова, а также участков 11, 82, 87, 129, 135, 175, 192, 198, 380, 402 на Гераклеяском полуострове, построенные в ходе полевых обмеров на основе крупномасштабной карты и материалов архивной аэрофотосъемки [56, рис. 1–5; 57, рис. 2–5; 61, с. 288]. Е. Н. Жеребцов сделал неверный вывод о том, что земля на Маячном полуострове размежевана на более крупные, чем считали Н. М. Печёнкин, В. Д. Блаватский, С. Ф. Стржелецкий и А. Н. Щеглов, участки. Он также отвергал мнение Н. М. Печёнкина о том, что в IV в. до н. э. на Маячном полуострове располагалось около 100 усадеб и попытался показать, что в действительности это были постройки разного времени и назначения [55, с. 14–15; 57, с. 44]. Е. Н. Жеребцов на примере нескольких наделов на Гераклеяском полуострове сделал важные заключения относительно многообразия методов устройства плантажей, которое выявляется при детальном изучении структуры виноградников даже одного и того же участка. Е. Н. Жеребцов указал на эти особенности, отражающиеся во внешних признаках плантажа, который иногда представляет собой сеть мощных заборов и террас высотой 1,5–2 м, а в других случаях читается только по полосам разреженной

травы над плантажными стенами [55, с. 15, 16; 56, с. 24]. По мнению исследователя, при выборе метода сооружения плантажей принимались во внимание локальные геологические особенности местности, а руководство работами осуществлялось не самими владельцами участков, а агрономами-профессионалами [56, с. 24, 25].

Спустя 70 лет после выпуска полуверстовой карты 1886 г., следы древней межевой системы опять попадают на детальные топографические карты. В 1957 г. и 1972 г. в Главном управлении геодезии и картографии при Совете министров СССР выходят военные карты съемки масштабов 1:25000 и 1:10000, которые фиксируют в точных географических координатах имеющиеся на то время остатки древних наделов на Гераклеяском полуострове. С этих карт в настоящее время снят гриф секретности, и они стали доступными для изучения херсонесской хоры.

Помимо картографической фиксации остатков межевой системы продолжались и раскопки усадеб на хоре, что было необходимо как для понимания роли усадеб в хозяйственной жизни полиса и хоры, так и для определения времени создания межевой системы и динамики ее развития. В 1974–1983 г. экспедиция Института археологии АН СССР под руководством И. Т. Кругликовой полностью раскопала усадьбы, находящиеся на блоках 9, 10 и 86, расположенные на берегах Камышевой и Круглой бухт, а позднее – на блоке 49. И. Т. Кругликова изучила хронологию строительных остатков, выявила несколько периодов строительства и функционирования усадеб, сделала выводы о перестройках и провела анализ произошедших перемен в связи с событиями херсонесской истории, в том числе рассмотрела феномен возникновения пирамидальных поясов башен усадеб [71; 72]. Экспедиция МГУ под руководством В. И. Кузищина более десяти лет (1977–1987 гг.) вела раскопки крупного усадебного комплекса на блоке 227 (южная усадьба, т. н. вилла Басилидов). Были изучены пять перестроек зданий, изменение хозяйства от многоотраслевого с преобладанием виноградарства и плодоводства к скотоводству [73]. Другую (северную) усадьбу на этом блоке экспедиция раскапывала в 1988–1990 гг. В эти же годы исследовалась также и южная усадьба на блоке 193, раскопки которой были завершены в 2001–2004 гг. экспедицией Херсонесского музея-заповедника под руководством Г. М. Николаенко (начальник отряда А. А. Филиппенко).

В 1994 г. к работам Гераклеяской экспедиции на хоре присоединилась исследовательская группа специалистов под руководством директора Института классической археологии Техасского университета Дж. К. Картера (г. Остин, США). Главными достижениями американских исследователей явились полностью раскопанные усадьба на блоке 226 и многослойный комплекс на блоке 402 (высота Безымянная), а также проведенные реставрационно-консервационные работы на усадьбе блока 193, ранее раскопанной экспедициями МГУ и Херсонесского музея-заповедника [143].

В 1990-е годы на хоре также работала польско-украинская экспедиция, которая, в основном, изучала памятники римского времени [99; 98]. В эти же годы отряд под руководством Л. А. Ковалевской проводил активные исследования усадеб на блоках 341, 128, 129, 130, 338, 336, 343, керамических водопроводов в Верхне-

Юхариной и Сарандинакиной балках, виноградного плантажа на блоке 151 [67; 68]. Особое значение имело открытие крупной винодельни II–III вв. н. э. с тремя давяльными площадками на блоке 340, что, вместе с несколькими другими известными винодельнями этого же периода, продемонстрировало товарный характер производства вина в херсонесском государстве в римское время [69].

Обобщение полученных к 1990-м годам материалов по изучению хоры сделал С. Ю. Сапрыкин в специальных статьях и монографии на основании накопленных к этому времени результатов раскопок и обмеров участков. Он также предпринял попытку реконструкции процесса хозяйственного освоения Гераклеийского полуострова и рассмотрел комплекс вопросов землевладения и землепользования на хоре Херсонеса в античную эпоху [96; 97; 149].

Дистанционные исследования на хоре: архивные аэрофотографии и космические снимки

Несмотря на важные достижения археологической картографии в области фиксации остатков системы античного размежевания и раскопок усадеб, поистине новая эра в исследованиях хоры Херсонеса наступает только в 1960–80-е гг., когда исследователи получили доступ к материалам советской детальной аэрофотографии. Информационные возможности этого вида дистанционного исследования на порядок превышают по точности и достоверности данные натурных обмеров и съемок. Преимущества аэрофотографии для изучения античных межевых систем было признано мировой научной общественностью. Древнегреческая система прямоугольных полей была открыт Г. Шмидтом и Р. Шевалье в 1950-е гг. с помощью аэрофотосъемок в районе древнего города Метапонта в Южной Италии [150; 151]. Эти исследования были продолжены Д. Адамстеану [139; 140]. С 1974 г. культурно-исторический ландшафт Метапонта активно исследовался группой из Техасского университета под руководством Дж. К. Картера [141; 142]. Второй античный кадастр был открыт и исследовался, начиная с 1982 г., группой словенских ученых на острове Фарос в Хорватии. На основании изучения метрических данных участков по аэрофотоснимкам и сравнению их с греческими и римскими системами мер длины и площади Б. Шлапсаку и З. Станчичу удалось доказать, что первоначальное размежевание было проведено в древнегреческую, а не римскую эпоху [152]. Наиболее широко аэрофотосъемка применялась для изучения многочисленных римских межевых систем (центуриаций) повсюду в Средиземноморье [147; 148].

Пионерами в применении аэрофотографий для реконструкции херсонесской межевой системы были А. Н. Щеглов и К. В. Шишкин. Еще в 1964–1967 гг. ими были предприняты первые попытки дешифровки мелкомасштабной аэрофотосъемки 1956 г. ближней хоры [137, с. 18]. В 1979 г. К. В. Шишкин провел детальную дешифровку советской плановой аэрофотосъемки 1961 г. крупноформатной камерой в масштабе 1:14000 на Маячный полуостров, пользуясь отпечатками в масштабе 1:2880. Ему удалось нанести на план не только границы 26 древних участков, но и

Рис. 9. Галина Михайловна Николаенко и Сергей Георгиевич Демьянчук на усадьбе блока 86 в 2012 г.

их внутреннюю структуру. А. Н. Щеглов, на основе чертежей Н. М. Печёнкина, собственных полевых обмеров и дешифровки К. В. Шишкина аэрофотосъемки 1961 г., составил план главных (каркасных) и внутренних элементов планировки межевой системы Маячного полуострова, дав участкам самостоятельную нумерацию от 1 до 29. Эти чертежи были изданы им в специальной статье, посвященной основным структурным элементам античной межевой системы на Маячном полуострове [137, рис. 11, 15–18, 20]. На всей остальной территории Гераклеяского полуострова К. В. Шишкину также удалось построить точный план 207 участков на основе дешифровки аэрофотоснимков 1950–1960-х гг., который остался неопубликованным (НА ГИАМЗ ХТ, д. 2312).

Не умаляя достижений всех предыдущих исследований, все же необходимо признать, что наиболее значительный вклад в изучение и реконструкцию системы размежевания ближней хоры Херсонеса внесла Галина Михайловна Николаенко (рис. 9). В 1970–1990-е гг. Гераклеяской экспедицией Херсонесского музея-заповедника под ее руководством были развернуты широкомасштабные и целенаправленные работы по

разведке, раскопкам и обмерам многих земельных наделов на херсонесской ближней хоре. В сферу аналитической работы Г. М. Николаенко попали все аспекты изучения сельской территории Херсонеса: история исследования [82; 84], основные принципы и последовательность размежевания [79; 80; 83], структурные дороги [86], хора в римский период [81]. В эти же годы Г. М. Николаенко удалось провести тщательную и очень кропотливую работу по дешифровке части немецких трофейных снимков 1942 г. и советских аэрофотографий 1961 г., оказавшихся в ее распоряжении. Результатом совместного анализа этих материалов и проведенных ранее натурных наблюдений стали сделанные от руки детальные планы практически всех участков и реконструированная сетка античных земельных наделов территории Гераклеяского полуострова (рис. 10) [85, с. 70–71], в том числе и Маячного полуострова [87, с. 121, рис. 7]. Значение монографии Г. М. Николаенко 2001 года трудно переоценить: на долгие годы она послужила важнейшим обобщающе-справочным изданием для изучения системы размежевания и детальной структуры участков херсонесского кадастра. К сожалению, сами аэрофотоснимки в силу требований секретности не могли тогда быть опубликованными. Между тем, аэрофотографии являются ценнейшими документальными источниками по изучению хоры, независимой и объективной фиксации видимых остатков межевой системы, и их опубликование необходимо для изучения детального строения участков. Ввести детальные аэрофотоснимки Гераклеяского полуострова 1940-х гг. в научный оборот стало возможным в настоящее время [105; 106]. Г. М. Николаенко также проводила раскопки усадеб по всей хоре. Особенно следует отметить ее многолетние работы по изучению крупного комплекса в балке Бермана, раскопки усадьбы блока 193 в Юхариной балке [88], раскопки укрепления на перешейке Маячного полуострова [87].

В настоящее время на хоре Херсонеса активно работает, продолжая научные традиции херсонесской школы, целая плеяда молодых ученых-археологов, сотрудников музея-заповедника «Херсонес Таврический»: С. Г. Демьянчук, М. И. Тюрин, В. В. Панченко, В. В. Дорошко, К. С. Ушакова, Е. С. Лесная, А. Ю. Аржанов. Работы носят, в основном, спасательный характер и направлены на то, чтобы успеть изучить и внести в список охраняемых объектов культурного наследия все еще остающиеся, но быстро исчезающие островки херсонесской хоры. Так, в 2015–2017 гг. экспедицией под руководством М. И. Тюрина проведены спасательные работы на усадьбах участков 281 и 320 с круглой постройкой (зернохранилищем) на склонах Верхне-Юхариной балки [125; 126]. В 2017–2018 гг. А. Ю. Аржановым совместно с М. И. Тюриным были проведены археологические разведки и спасательные работы в южной части Гераклеяского полуострова, в районе балок Бермана и Нижне-Юхариной. По результатам этих работ в реестр выявленных объектов культурного наследия были включены как ранее известные (усадьбы блоков 177, 197, 310), так и ряд новых выявленных объектов (усадьбы блоков 195 и 360). В 2018–2019 гг. проведены спасательные работы на усадьбе блока 178 [128]. Важной вехой стало открытие керамической мастерской в Стрелецкой бухте [42]. Вместе с давнишними исследо-

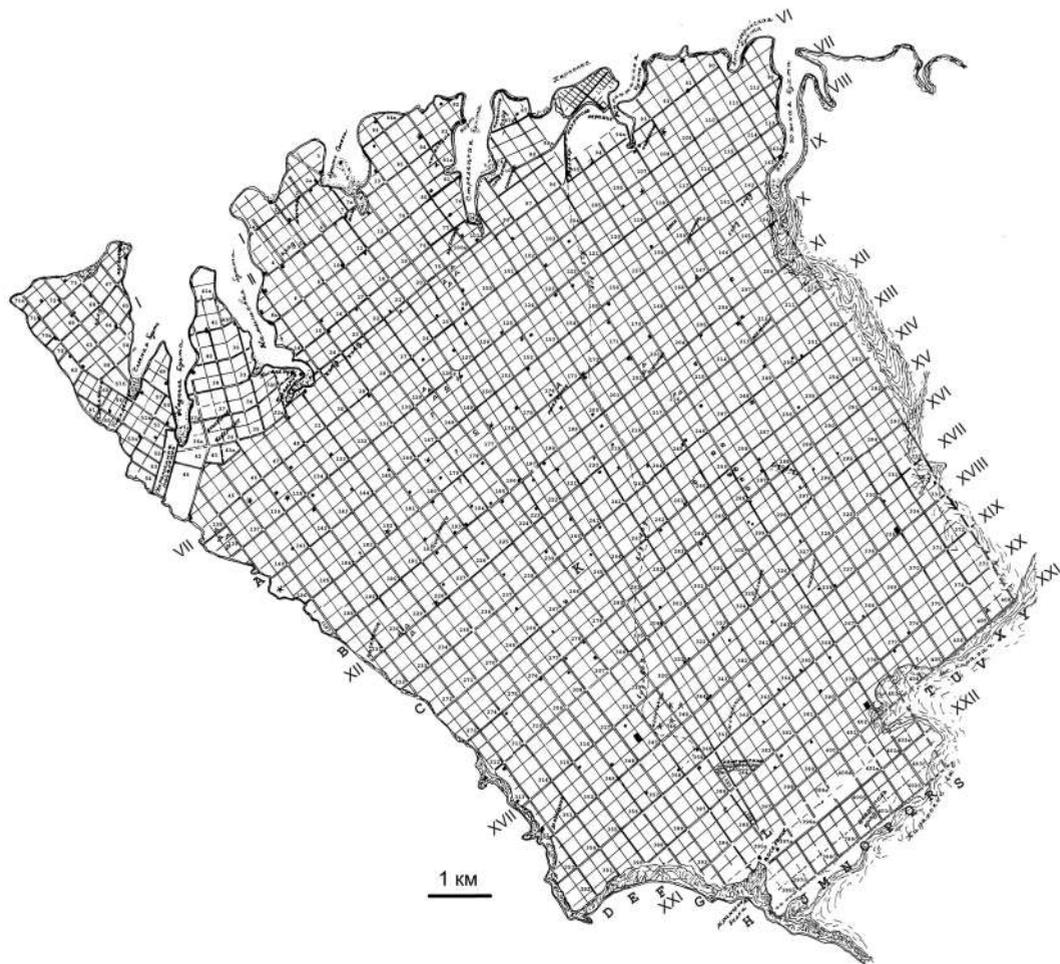

Рис. 10. Схема межевания земель Херсонеса Таврического на Гераклеюм полуострове [по: 85, с. 70–71]

ваниями В. В. Борисовой трех обжигательных печей в периболе [16; 74], новый индустриальный объект дает представление о масштабе и особенностях производства керамической тары в эпоху расцвета товарного виноделия в Херсонесе. В. В. Дорошко, О. П. Дорошко и М. В. Ступко проводили исследования памятников первых веков н. э.: на блоке 86, высота 283 Караньских высот, усадьбы на блоках 318, 328-Южная, 284, 334, поселение на участке 335, объекты в верховьях Карантинной балки [44; 47; 51]. Специально изучались вопросы, связанные с пограничной зоной Херсонесского государства на Гераклеюм полуострове в античную эпоху и римским военным присутствием в округе Херсонеса Таврического [48; 45; 46]. В связи с этим проводились исследования объектов на Сапун-горе [129], высотах Суздальская [43; 46; 48], Виноградная [46; 49]. В настоящее время полевые исследования неизменно

сочетаются с дешифровкой архивной аэрофотосъемки [50]. Важным событием стало открытие в т. н. «зоне разрыва» между дальней и ближней хорами Херсонеса, в нижнем течении р. Бельбек, античного укрепления Масляная гора (А. А. Филиппенко и М. И. Тюрин). В ходе раскопок 2013–2018 гг. полностью изучена восточная часть объекта, открыты слои разрушения крепости времени правления Митридата VI и напластования, связанные с временем расцвета Херсонесского полиса. Исследования данного памятника по-новому осветили проблему освоения херсонеситами подступов к Гераклеяскому полуострову [127].

Использование немецких трофейных аэрофотоснимков 1941–1944 гг. для реконструкции межевой системы Гераклеяского полуострова

Переломный момент в изучении античного межевания на Гераклеяском полуострове наступил с получением доступа к коллекции трофейных немецких аэрофотографий 1941–1944 гг. Luftwaffe, хранящихся в Национальном архиве США (National Archives and Records – NARA II) в пригороде г. Вашингтона – Колледж Парке. Эти аэрофотоснимки являются богатейшим документальным источником по изучению ближней хоры Херсонеса Таврического. Они сделаны передовой для того времени цейсовской аппаратурой в масштабах от 1:8500 до 1:15000. Аэрофотографии перекрывают всю интересующую территорию и являются наиболее достоверными и объективными документами по детальной структуре земельных наделов херсонеситов. Их особое значение заключается в том, что к началу Великой Отечественной войны многие территории Гераклеяского и Маячного полуостровов были еще не застроены, поэтому структура античного размежевания выступает на снимках неповрежденной, со всей детальностью. На основании мозаики геореферированных аэрофотоснимков 1941–44 гг. были реконструированы сетка античных земельных наделов в точных географических координатах и внутреннее межевание блоков участков для всего Гераклеяского полуострова, включая Маячный [103; 105; 106].

Кроме того, изучение детальной аэрофотосъемки 1940-х гг. позволило впервые соединить термин «гекаторюг», встречающийся в знаменитой херсонесской надписи IOSPE I² 403, с понятием «единичный гражданский надел» и доказать их тождественность, а также уточнить величину гекаторюга, равную квадрату со стороной в 209,4 м (100 оргий), или 16 арур. Также удалось установить, что основной единицей измерения и построения площадей на ближней и дальней хоре Херсонеса была арура, квадрат со стороной в 100 египетских локтей или 52,35 м. Впервые удалось убедиться в том, что процедура построения плантажных стен древних виноградников на хоре Херсонеса, включая Маячный полуостров, была строго стандартизирована. На одну аруру всегда приходилось не более 16 плантажных рядов. Если владельцу требовалось создать более редкий плантаж, то делался пропуск 1, 2, 3 или даже 4-х плантажных стен (рис. 11), но всегда расстояние

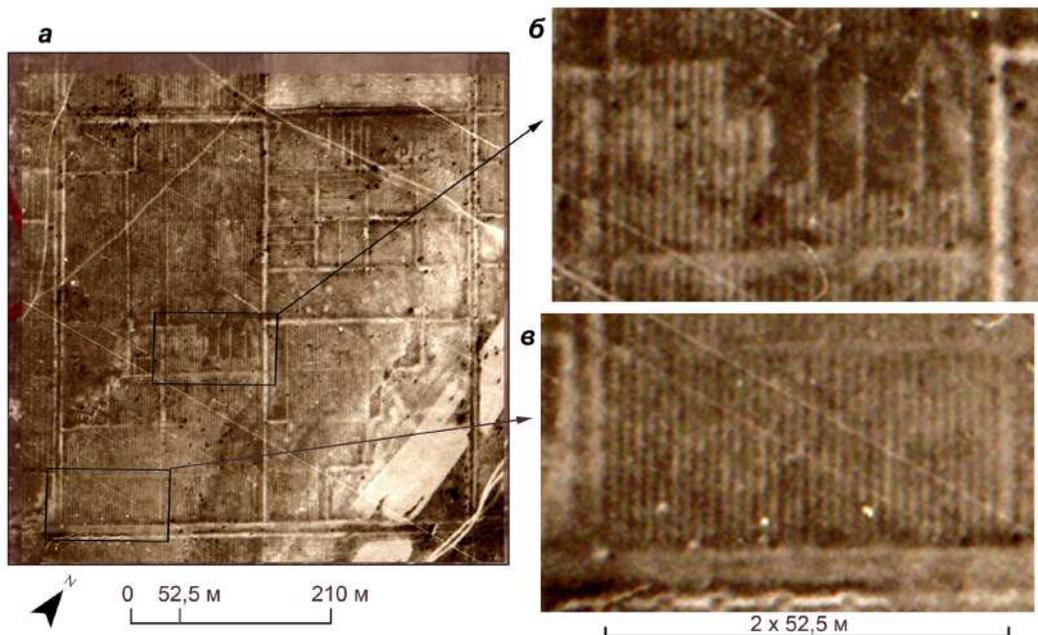

Рис. 11. Виноградные плантажи на блоке № 23. а – частый плантаж и редкий плантаж «через три стенки» и «через четыре стенки»; б – частый плантаж в двух нижних арурах. Аэрофотоснимок, сделанный 21 мая 1941 г. (Из собрания NARA, 1348/29)

между стенами было кратно одному плантажному ряду, или полосе земли, равной 1/16 аруры [104; 102].

Геофизические исследования на хоре Херсонеса

По инициативе А. Н. Щеглова на ближней и дальней хоре Херсонеса с 1970-х гг. начали использоваться геофизические исследования при участии специалистов из Ленинградского Горного института (В. В. Глазунов), Московского государственного университета (А. К. Станюкович, И. Н. Модин, В. А. Шевнин), Санкт-Петербургского государственного университета (Т. Н. Смекалова), применявших магнитометрию, электроразведку, сейсморазведку, под руководством которых были проведены работы на поиск и картирование погребенных объектов – плантажных стен, древних дорог, усадеб, древнего водопровода на отдельных участках Гераклейского полуострова, территории Херсонесского некрополя, гончарных печей и т. п. Работы продолжались в течение 70–80-х гг. до начала 90-х гг. XX века [2]. Почти все участники этих исследований впоследствии защитили кандидатские и докторские диссертации, посвященные геофизическим исследованиям археологических памятников, в том числе и на хоре Херсонеса [28; 29; 112; 101]. Недавно группа геофизиков, возглавляемая В. В. Глазуновым и И. Н. Модиним, возобновила исследования с помощью георадара на некрополе Херсонеса у Карантинной бухты [30].

Ряд успешных геофизических работ на ближней хоре были проведены М. Ю. Николаенко, С. В. Шакуро, В. В. Панченко. В 2002 г. магнитометрия и электропрофилирование проводились на усадьбе блока 194, расположенной на правой стороне Юхариной балки. Внешний контур объекта частично просматривался на дневной поверхности, но детальная внутренняя планировка и точные размеры усадьбы были выявлены только с помощью геофизических методов. В 2000–2001 гг. в ходе работы совместной экспедиции Национального заповедника «Херсонес Таврический» и Института археологии Техасского университета была картирована значительная территория, прилегающая к укрепленному поселению на высоте Безымянная, находившемуся практически на границе размежеванной территории. С помощью метода электропрофилирования потенциальной установкой были выявлены подпорные стены, дорога, проходившая у подножия высоты, планировка поселения – за укрепленным противотаранным поясом центральной усадьбы было выявлено несколько построек [90]. С помощью метода электроразведки в 2008 г. удалось выявить уникальное явление в структуре виноградных плантажей в центральной части Гераклеийского полуострова над верховьем Камышовой балки. Оказалось, что здесь расстояние между плантажными стенками 1,5–1,6 м, что вдвое меньше ширины стандартной плантажной полосы, применяемой на хоре. Возможно, исследованный участок служил питомником для виноградных саженцев, о чем свидетельствуют узкие траншеи или каналы, в которые укладывались чубуки, из которых через год-два получали саженцы, предназначенные к высаживанию на третий год.

В последнее десятилетие М. Ю. Николаенко и В. В. Панченко проводили геофизическое выявление и картографирование многих археологических памятников на ближней хоре Херсонеса. В полевом сезоне 2013 г. совместно с С. В. Шакуро был проведен поиск и трассирование остатков античной крепостной стены на Маячном полуострове методом электропрофилирования. В 2013–2014 гг. В. В. Панченко осуществлял геофизическую съемку на территории укрепленного поселения в балке Бермана. В 2015 г. В. В. Панченко и С. В. Шакуро выявили и оконтурили подземную полость по левому склону балки Бермана методом георадиолокации [91; 130].

В заключение необходимо кратко отметить важность применения не только междисциплинарного подхода в изучении археологических объектов на хоре Херсонеса, но и использование всего комплекса доступных источников: памятников лапидарной и керамической эпиграфики, нумизматических артефактов (отдельных находок монет и, в особенности, кладов).

Памятники лапидарной эпиграфики

Из всего огромного собрания херсонесских лапидарных эпиграфических памятников [75; 107; 108; 110] для изучения хоры Херсонеса особое значение имеют три надписи. Первая из них, псефизм, прославляющий Агасикла, сына Кситии III в. до н. э. (IOSPE I² 159), была найдена случайно еще в 1794 г. на городище Херсонеса. В 1890–1891 гг. на центральной площади города, около Владимирского собора, была

найдена знаменитая херсонесская присяга (по образному выражению Ю. Г. Виноградова, «жемчужина причерноморской эпиграфики»), коренным образом изменившая представления об истории всего дорийского полиса (IOSPE I² 401). Надпись была оперативно опубликована В. В. Латышевым уже в следующем после счастливой находки году [75, с. 9–11]. Небольшой дополнительный фрагмент присяги был обнаружен в 1899 г. Присягу многократно переиздавали и комментировали в отечественной и зарубежной литературе. По мнению большинства исследователей, она датируется началом III в. до н. э.

В 1890 г. К. К. Косцюшко-Валюжиничем на площади около строящегося Владимирского собора была найдена другая важная надпись, относящаяся самым непосредственным образом к истории херсонесской хоры, так называемая надпись о продаже или аренде земли (IOSPE I² 403) [75, с. 19–24]. Эта двусторонняя надпись с дополнениями представляет собой высеченный на обеих сторонах мраморной плиты текст, содержащий, в основном, перечень имен владельцев (иногда с патронимиками, иногда без них) и площадей участков [111, с. 88–89]. Список завершается перечислением государственных чиновников, ответственных за его составление [111, с. 88]. По поводу характера надписи среди исследователей нет единого мнения. Первоначально она рассматривалась как акт купли-продажи [75, с. 21, 22; 14, с. 29, 34, 35; 114, с. 53, 54; 96, с. 157; 111] или аренды [54] земельных участков. Многое в понимании надписи изменилось после того, как Э. И. Соломоник и Г. М. Николаенко высказали гениальную догадку, что числа в надписи выражают не стоимости, а площади участков в гектарюгах [111, с. 84–87]. Совместное изучение этой надписи и архивных аэрофотоснимков позволило вернуться к расшифровке численных значений площадей участков, приведенных в этих документах, и предложить их новое прочтение [102, с. 73–74]. При этом удалось доказать, что в надписи, наряду с гектарюгом и арурой использовалась также в шестнадцать раз меньшая, чем арура, единица, которая была условно названа плантажным рядом. Три этих модуля образуют метрологическую систему хоры Херсонеса (рис. 12) [102, с. 73]. Надпись IOSPE I² 403 с дополнениями закрепляла право наследной аренды и являлась кадастром прибрежной части Гераклеяского полуострова. В этом документе запечатлен результат перераспределения земли в III в. до н. э. в рамках уже существующей межевой си-

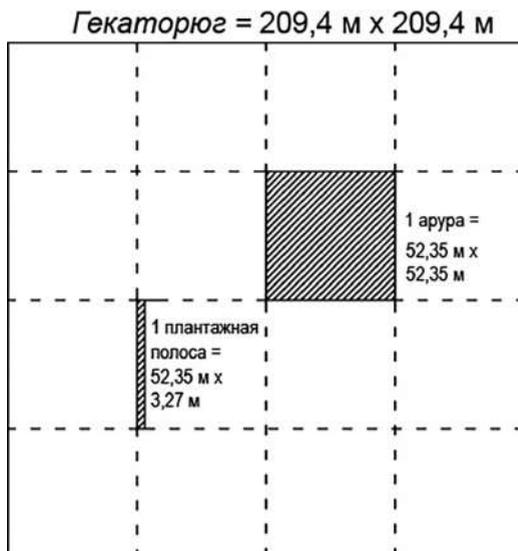

Рис. 12. Соотношение между тремя модулями (гекаторюгом, арурой и плантажным рядом), образующих метрологическую систему, применявшуюся на хоре Херсонеса Таврического

стемы. Надпись IOSPE I² 403 отражает важные перемены, произошедшие с хорой и херсонесским обществом на рубеже IV–III вв. до н. э. От первоначального деления на равные участки-клеры осталась лишь небольшая часть, большинство виноградников уже не соответствовало единичным гражданским наделам. В начале III в. до н. э. система организации херсонесских наделов изменилась вследствие перемен в полисном равенстве граждан, что отразилось в значительном расширении частного землевладения граждан в ущерб прежней коллективной земельной собственности.

Клейма на керамической таре и черепице, граффити на керамических сосудах

Для выяснения времени размежевания территории Гераклейского полуострова и динамики развития хоры важнейшее значение имеет анализ клейм на керамической таре и черепице, что позволяет точно определить время сооружения каждого из усадебных комплексов.

В. И. Кацу удалось проанализировать сотни керамических клейм IV–III вв. до н. э. из раскопок усадеб Гераклейского полуострова. Наиболее ранние черепичные и амфорные синопские клейма (середина IV в. до н. э.), а также клеймо на горле гераклейского пифоса были выявлены на неукрепленных усадьбах № 1 и № 3 Маячного полуострова, раскопанных Н. М. Печёнкиным в 1910–1911 гг. [62, с. 31–32]. Из этого последовал важный вывод о том, что первоначальной размежевке в середине IV в. до н. э. была подвергнута территория Маячного полуострова. Анализ раннего клейменого материала с усадеб блоков 25 и 26 у Камышевой и Стрелецких бухт, а также со всех исследованных усадеб Гераклейского полуострова, в целом, подтверждает вывод С. Ф. Стржелецкого о двух этапах освоения остальной территории хоры за пределами Маячного полуострова [114, с. 102–103]. Однако, анализ амфорных и черепичных штемпелей позволяет удревнить дату первого этапа освоения основной территории Гераклейского полуострова и отнести ее не к началу III в. до н. э., как предполагал С. Ф. Стржелецкий, а к началу последней четверти IV в. до н. э. [62, с. 35–36].

К концу этого столетия вся территория полуострова интенсивно использовалась для нужд товарного виноделия. В связи с этим во второй половине IV в. до н. э. здесь возникает собственное производство керамической тары, а к концу столетия появляется обычай клеймения херсонесских амфор [4]. Изучение археологического материала, полученного в ходе многолетних исследований памятников херсонесской хоры на Гераклейском полуострове и в Северо-Западном Крыму, позволило пересмотреть предыдущие хронологические определения херсонесских керамических клейм с именами магистратов [4; 78] и создать новую классификацию, отвечающую требованиям современной науки [63; 64; 65]. Проведенная О. В. Фатеевым синхронизация клейм Синопы, имеющих абсолютные даты, и Херсонеса показывает, что деятельность 31 херсонесского магистрата приходилась на 315–280 гг. до н. э. [132]. Это открывает возможность использования херсонесских амфорных клейм для установления абсолютной хронологии строительной и сельскохозяйственной активности на херсонесской хоре периода ее расцвета.

Корпус граффити с хоры Херсонеса создала в 1984 г. Э. И. Соломоник [109], и с тех пор этот свод неуклонно пополняется [87, с. 246–254]. Процарапанные на сосудах имена свидетельствуют о владельцах той или иной усадьбы, а проведенный совместный анализ этих имен, встречающихся на граффити, в лапидарных надписях, на керамических клеймах и на монетах, свидетельствует о вовлечении того или иного лица в государственную жизнь [111, с. 94–96]. Граффити-посвящения богам говорят о наиболее популярных на хоре культах [109, с. 10–16], среди которых особое место занимают почитания Геракла и Диониса. Имеющиеся цифровые метки, процарапанные на пифосах и амфорах, даны в акрофонической системе [109, с. 19].

Недавно удалось дать новое прочтение граффито, происходящего из раскопок Н. М. Печёнкина 1910–1911 гг. усадьбы на блоке 60 и опубликованного Э. И. Соломоник [109, с. 29, № 14]. Это цифровая надпись, процарапанная на поддоне плоской чернолаковой фрагментированной тарелки, датирующейся III в. до н. э. Новое прочтение этого граффито основано на предположении, что на нем приводится не денежная сумма, а величина крупного земельного участка, которым владел хозяин усадьбы. Этот вывод согласуется с теми большими площадями земельных наделов, которые упоминаются в надписи IOSPE I² 403, на стороне «В» и, предположительно, относятся к Маячному полуострову [104, с. 99, 100].

Нумизматические источники

Для изучения процесса развития во времени межевой системы и сети усадеб на ближней и дальней хоре Херсонеса нумизматические источники имеют не меньшую, а, во многих случаях, даже бóльшую значимость, чем памятники керамической эпиграфики. История разработки хронологической схемы монетного дела Херсонеса достаточно полно рассмотрена в монографии Е. Я. Туровского [121], поэтому здесь мы приводим только основные ее вехи.

Первый научный каталог монет Херсонеса, попавших в Эрмитаж после присоединения Крыма к России, издал К. Кёллер [146], а первую периодизацию монетного дела Херсонеса разработал Б. В. Кёне [66]. Монеты Херсонеса вошли в Общий каталог монет греческих государств Северного Причерноморья П. О. Бурачкова [17], однако качественно новый этап в изучении нумизматики Херсонеса начинается только в XX в., и он связан с трудами А. Л. Бертье-Делагарда. Ученый наметил относительную хронологию основных групп монет античного Херсонеса [9], внес поправки и дополнения в каталог П. О. Бурачкова [11], определил весовые системы всех выпусков херсонесского серебра и опубликовал новые монеты, дав интерпретацию их типов [13]. А. Н. Зограф дал первый полный очерк монетного дела античного Херсонеса [60], обобщив работы А. Л. Бертье-Делагарда и других предшественников, добавив собственное понимание характера ряда выпусков, их относительной и абсолютной хронологии. Накопившийся к середине XX в. большой нумизматический материал был опубликован в целом ряде работ [23; 27; 31; 32; 33; 70; 35; 37; 38; 39]. Особенно нужно выделить статьи по публикации и анализу

кладов, так как именно этот вид нумизматических источников позволяет уточнить хронологию выпусков, а также свидетельствует о переломных периодах в истории полиса [115; 22; 24; 25].

А. М. Гилевич, исходя из состава кладов, разделила их на несколько хронологических групп [26, с. 10–11]. Самый ранний из известных кладов был найден в 1895 г. в районе укрепления на перешейке Маячного полуострова. В его составе были монеты серии квадрига – воин и грифон – Дева [24, с. 167–170], датирующиеся началом второй половины IV в. до н. э. Этот клад, возможно, иллюстрирует беспокойное время первоначального освоения хоры.

Ко второй группе относятся три клада (1904 г., найденный К. К. Косцюшко-Валюжиничем на херсонесском некрополе в районе Карантинной бухты; 1954 г., обнаруженный в юго-восточной части Гераклеяского полуострова и Кучук-Мойнакский клад 1964 г.). Наиболее вероятная дата сокрытия кладов второй группы – рубеж IV–III вв. до н. э. Именно этим временем большинство исследователей определяет попытку государственного переворота, отраженную в тексте херсонесской присяги (IOSPE, P. 401). В кладах 2-й группы не содержатся серебряные монеты, что доказывает ограниченность обращения серебра на внутреннем рынке. Другая важная особенность монет 2-й группы кладов – полное отсутствие на них надчеканок, свидетельствующее о стабильном состоянии финансов полиса.

Третья группа кладов целиком происходит с ближней хоры Херсонеса на Гераклеяском полуострове (Стрелецкий клад 1944 г.; 1-й Камышовский клад 1944 г.; 2-й Камышовский клад 1968 г.). Состав кладов 3-й группы демонстрирует существенные изменения в монетном деле Херсонеса, произошедшие в первые десятилетия III в. до н. э. Херсонес в это время перешел на выпуск исключительно серебряной монеты, циркулировавшей как на внешнем, так и на внутреннем рынках, что говорит об экономическом процветании города. Потребность в медной монете была также полностью удовлетворена за счет предыдущих выпусков.

И, наконец, клады 4-й группы целиком состояли из серебряных монет типа: голова Девы в башенной короне – стоящая лань (1854 г., найденный на Историческом бульваре г. Севастополя; 1960-х гг., обнаруженный в том же районе). Клады были найдены на хоре достаточно далеко от Херсонеса, и были зарыты в 80-е гг. II в. до н. э., когда усадьбы Гераклеяского полуострова покидались обитателями перед лицом скифской угрозы.

Особое значение имеет монография В. А. Анохина 1977 г. «Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.) с каталогом, по полноте приближающимся к корпусу, которая до сих пор не потеряла своей актуальности, несмотря на некоторые недостатки, уже отмечавшиеся в научной литературе [36]. Важные наблюдения о характере монетного дела и хронологии монетных выпусков Херсонеса в эллинистическую эпоху привела А. М. Гилевич [27]. Необходимо отметить работы Е. Я. Туровского, который на основе опыта предшественников разработал оригинальную относительную и абсолютную хронологию херсонесских монет позднеклассиче-

ского – эллинистического времени, рассмотрел вопросы о кризисных тенденциях в херсонесской и боспорской чеканке. По нумизматическим данным Е. Я. Туровский построил хронологию сельских усадеб Херсонеса на Гераклеийском полуострове в VI–II вв. до н. э., он также выпустил наиболее современный каталог-определитель монет античного Херсонеса [119; 120; 122; 123; 124].

* * *

В настоящее время, на базе достигнутых успехов в изучении хоры в XVIII–XX вв. и новых открытий последних лет, коллективом авторов (Г. М. Николаенко, Т. Н. Смекалова, Э. А. Терехин, А. Е. Пасуманский) издан первый том крупноформатного (А3) «Атласа ближней хоры Херсонеса Таврического» (выпуск второго тома планируется в 2021 г.). В «Атласе» будут опубликованы главы о природе и истории изучения Гераклеийского полуострова, аналитические статьи по реконструкции античной межевой системы, а также каталог всех блоков участков (более 400), включающий архивные аэрофотографии, детальные карты, чертежи внутриблочного межевания, планы усадеб, результаты разведок и раскопок на ближней хоре Херсонеса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимченков В.В. «Академия в миниатюре»: Севастопольский музей краеведения (1923–1939). Киев, Симферополь: Антиква, 2012. (Библиография крымоведения. Вып. 17).
2. Антонова И.А., Глазунов В.В., Модин И.Н., Шевнин И.А. Геолого-геофизические исследования на некрополе Херсонеса // Новое в применении физико-математических методов в археологии. М.: Наука, 1979. С. 10–19.
3. Археологические труды Н. М. Печёнкина / Науч. ред. Ю.А. Виноградов, Т.Н. Смекалова. СПб.: Алетейя, 2020. 206 с. (Гераклейский сборник. Вып. IV).
4. Ахмеров Р. Б. Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса // ВДИ. 1949. № 4. С. 99–123.
5. Бабенчиков В.П., Бабенчиков П.П., Репников Н.И., Веймарн Е.Н. Материалы к археологической карте Гераклейского полуострова. Описание памятников // «Гераклейский сборник» 1936 г. / Ред. Ю.А. Виноградов, Т.Н. Смекалова. СПб.: Алетейя, 2019. С. 124–141. (Гераклейский сборник. Вып. I).
6. Белов Г.Д. Херсонес Таврический. Л., 1948.
7. Беляев Н.Т. О древних и нынешних русских мерах протяжения и веса // Сборник статей по археологии и византиноведению. Прага, 1927. Т. 1. С. 262–293.
8. Бертъе-Делагард А.Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. 1888. Т. XIV. С. 166–279.
9. Бертъе-Делагард А.Л. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса // ЗООИД. 1906. Т. XXVI. С. 215–276.
10. Бертъе-Делагард А.Л. О Херсонесе. Древнейший Херсонес по Страбону и раскопкам // ИАК. 1907. Вып. 21. С. 1–172, 179–207.
11. Бертъе-Делагард А.Л. Поправки Общего каталога монет П.О. Бурачкова. М., 1907. 36 с.
12. Бертъе-Делагард А.Л. Монетные новости древних городов Тавриды // ЗООИД. 1912. Т. XXX. С. 39–54.
13. Бертъе-Делагард А.Л. Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды // Нумизматический сборник. Т. II. М., 1912. С. 1–88.
14. Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953.
15. Блаватский В.Д. Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961.
16. Борисова В.В. Гончарные мастерские Херсонеса (по материалам раскопок 1955–1957 гг.) // СА. 1958. № 4. С. 144–153.
17. Бурачков П.О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря в пределах нынешней России. Ч. I. Одесса, 1884. 289 с.
18. Виноградов Ю.А. Из писем к Н. М. Печёнкину // Археологические труды Н. М. Печёнкина / Науч. ред. Ю.А. Виноградов, Т.Н. Смекалова. СПб.: Алетейя, 2020. С. 23–31. (Гераклейский сборник. Вып. IV).
19. «Гераклейский сборник» 1936 г. / Ред. Ю.А. Виноградов, Т.Н. Смекалова. СПб.: Алетейя, 2019. (Гераклейский сборник. Вып. I).
20. Гайдукевич В.Ф. Рец. на книгу: Белов Г.Д. Херсонес Таврический. Л., 1948 // ВДИ. 1949. № 3. С. 143.
21. Гайдукевич В.Ф. История античных городов Северного Причерноморья. (Краткий очерк) // Античные города Северного Причерноморья. Т. 1. М., Л., 1955. С. 23–147.
22. Гилевич А.М. Новый клад монет из окрестностей Херсонеса // СА. 1958. XXVIII. С. 136–139.
23. Гилевич А.М. Монеты из раскопок в Херсонесе в 1950 г. // ХСб. 1959. Вып. V. С. 191–205.
24. Гилевич А.М. Клад монет из округа Страбонова Херсонеса // СА. 1960. № 4. С. 167–170.
25. Гилевич А.М. Кучук-Мойнакский клад херсонесских монет IV–III вв. до н.э. // НЭ. 1970. Т. VIII. С. 3–16.
26. Гилевич А.М. Хронология и топография кладов херсонесских монет II–II вв. до н.э. и некоторые вопросы скифо-херсонесских взаимоотношений // Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. Л., 1973. С. 10–11.
27. Гилевич А.М. О выпусках серебряных монет в Херсонесе в конце II–III вв. до н.э. // Краткие тезисы докладов нумизматической конференции. СПб., 1992. С. 18–20.

28. Глазунов В.В. Геофизические методы исследования археологических памятников: Автореф. дис. ... канд. г.-м. наук. Л., 1984.
29. Глазунов В.В. Принципы моделирования и интерпретации потенциальных геофизических полей скрытых археологических объектов: Автореф. дис. ... докт. технич. наук. СПб., 1997.
30. Глазунов В.В., Модин И.Н., Топилина Т.В., Ялов Т.В., Паленов А.Ю., Панченко В.В., Костромичев Д.А., Ефимова Н.Н. Инновационные археолого-геофизические исследования Херсонесского некрополя у Карантинной бухты // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. Симферополь, Керчь, 2018. С. 115–122.
31. Голенко К.В. К датировке некоторых монет Херсонеса // НЭ. 1962. Т. III. С. 49–55.
32. Голенко К.В. Состав денежного обращения Херсонеса в I в. до н.э. // ВДИ. 1964. № 4. С. 45–52.
33. Голенко К.В. Монеты из раскопок Государственного Исторического музея в Херсонесе (1958–1969) // СА. 1972. № 4. С. 211–222.
34. Головачев В.Ф. История Севастополя как русского порта. СПб., 1872.
35. Грандмезон Н.Н. Свинцовые монеты Херсонеса // НЭ. 1978. Т. XII. С. 41–46.
36. Грандмезон Н.Н. Рец.: Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977 // ВДИ. 1983. № 2. С. 167–169.
37. Грандмезон Н.Н. Неопубликованные монеты античного Херсонеса // КСИА. 1983. Вып. 174. С. 108–110.
38. Грандмезон Н.Н. Неопубликованные разновидности монет античного Херсонеса // КСИА. 1985. Вып. 182. С. 60–62.
39. Грандмезон П.Н. Монеты Херсонеса с головой Афины // КСИА. 1987. Вып. 191. С. 38–40.
40. Гриневич К.Э. Исследование подводного города близ Херсонесского маяка в 1930–31 году. М., 1931.
41. Демьянчук С.Г., Нессель В.А. Новые данные о фортификационных сооружениях на перешейке Маячного полуострова // ХСб. 2011. Вып. XVI. С. 65–78.
42. Демьянчук С.Г., Ушакова К.С. Производственный комплекс эллинистического времени на западном берегу Стрелецкой бухты // ХСб. 2018. Вып. XIX. С. 39–66.
43. Дорошко В.В. Раскопки на высоте Суздальская в окрестностях Севастополя: первые итоги // II Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции (Бахчисарай, 3–7 сентября 2013 г.). Симферополь, 2013. С. 20–21.
44. Дорошко В.В. Исследования херсонесской усадьбы 328 Южная в 2015 г. // IV Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений (Бахчисарай, 8–9 сентября 2016 г.). Бахчисарай, 2016. С. 13–14.
45. Дорошко В.В. Юго-восточная окраина хоры Херсонеса Таврического на Гераклеяском полуострове в античную эпоху // Новые материалы и методы археологического исследования: От археологических данных к историческим реконструкциям. Материалы IV конференции молодых ученых. М.: ИА РАН, 2017. С. 67–69.
46. Дорошко В.В. Исследования двух объектов римского времени на перешейке Гераклеяского полуострова // История и археология Крыма. Симферополь, 2018. Вып. VIII. С. 43–44.
47. Дорошко В.В., Дорошко О.П. Исследования на высоте 283 Караньских высот к северо-западу от с. Флотское г. Севастополя в 2014–2015 гг. // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 147–152.
48. Дорошко В.В., Дорошко О.П. Ранний вещевого комплекса пункта римского военного базирования на высоте Суздальская // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. Керчь, 2018. С. 128–134.
49. Дорошко В.В., Дорошко О.П. Исследования на высоте Виноградной в 2017 г.: новый памятник римского времени на перешейке Гераклеяского полуострова // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. Керчь, 2019. С. 160–166.

50. Дорошко В.В., Смекалова Т.Н. Античные памятники восточной части Гераклейского полуострова на архивных аэрофотоснимках // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы научной конференции (Севастополь, 17–19 сентября 2019 г.). Севастополь, 2019. С. 82–88.
51. Дорошко В.В., Ступко М.В. Исследования в верховье Карантинной бухты в 2018 г.: в поисках объекта археологического наследия «Могильник 18» // История и археология Крыма. Симферополь, 2019. Вып. XI. С. 95–102.
52. Дюбуа де Монпере Фр. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. Т. 5, 6. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009.
53. Е. (Архиепископ Евгений (Болховитинов)). О следах древнегреческого города Херсона, донныне видимых в Крыму // Отечественные записки. 1822. Ч. IX. Кн. 22. С. 145–163.
54. Жебелёв С.А. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М., Л., 1953. 388 с.
55. Жеребцов Е.Н. Новые данные к аграрной истории Херсонеса IV–I вв. до н.э. // КСИА. 1976. Вып. 145. С. 14–18.
56. Жеребцов Е.Н. Некоторые результаты сравнительного изучения клеров Гераклейского полуострова // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 17–26.
57. Жеребцов Е.Н. Материалы к периодизации античных памятников Маячного полуострова // КСИА. 1985. Вып. 182. С. 38–45.
58. Зедгенидзе А.А. Вопросы освоения хоры Херсонеса Таврического и проблема «Древнего Херсонеса» Страбона // ВДИ. 2015. № 2. С. 40–55.
59. Зедгенидзе А.А. Херсонес Таврический: пространственная организация и назначение укрепления на перешейке Маячного полуострова проблема «Древнего Херсонеса» Страбона // ВДИ. 2019. № 3. С. 608–639.
60. Зограф А.Н. Античные монеты. М.: Наука, 1951. 264 с. (МИА. № 16).
61. Зубарь В.М. Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его округи. Симферополь, 2009. (МАИЭТ. Suppl. 6).
62. Кац В.И. О времени возникновения сельскохозяйственных усадеб на Гераклейском полуострове // Античный мир и археология. Саратов, 1972. Вып. 1. С. 28–37.
63. Кац В.И. Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм // ВДИ. 1985. № 1. С. 87–112.
64. Кац В.И. Динамика производства амфорной тары в эллинистическом Херсонесе // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1985. С. 107–111.
65. Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического (каталог-определитель). Саратов, 1994. 168 с.
66. Кёне Б.В. Исследования об истории и древностях города Херсонеса Таврического. СПб., 1848.
67. Ковалевская Л.А. Керамический комплекс конца II – первой половины III вв. н.э. из раскопок виллы 341 // ХСб. 1998. Вып. XIX. С. 89–99.
68. Ковалевская Л.А. Типы построек римского времени в округе Херсонеса // Swiatowit. 1999. Vol. I (A). С. 49–53.
69. Ковалевская Л.А. Винодельня римского времени на хоре Херсонеса Таврического // ХСб. 2013–2014. Вып. XVIII. С. 51–60.
70. Костромичева Т.И., Алексеенко Н.А. Клад херсонесских монет II–III вв. до н.э. // КСИА. 1983. № 174. С. 40–43.
71. Кругликова И.Т. Земельные наделы херсонеситов на Гераклейском полуострове // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 9–16.
72. Кругликова И.Т. Херсонесская усадьба на наделе 10 // КСИА. 1983. Вып. 174. С. 43–51.
73. Кузищин В.И., Иванчик А.И. «Усадьба Василидов» в окрестностях Херсонеса Таврического // ВДИ. 1998. № 1. С. 205–233.
74. Кузнецова Е.В. О гончарных мастерских Херсонеса Таврического, исследованных В. В. Борисовой // Записки ИИМК РАН. 2017. Вып. 16. С. 118–127.

75. Латышев В.В. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1891–1891 гг. СПб.: Императорская Археологическая комиссия, 1892. 64 с. (Материалы по археологии России. № 9. Древности южной России).
76. Лисин В.П. Обзор археологических раскопок Херсонеса в 1927 г. // ВДИ. 1939. № 2. С. 137–140.
77. Лисин В.П. Античные хозяйства в районе Камышевой бухты (I–IV в.): Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. Севастополь, 1940. Севастополь: Альбатрос, 2019.
78. Михлин Б.Ю. К изучению херсонесских клейм // ВДИ. 1979. № 2. С. 139–159.
79. Николаенко Г.М. Организация хоры Херсонеса Таврического на Гераклеяском п-ве // Причерноморье в эпоху эллинизма / Ред. О.А. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1985. С. 277–285.
80. Николаенко Г.М. Межевание полей херсонесской хоры // КСИА. 1985. Вып. 182. С. 11–15.
81. Николаенко Г.М. Хора Херсонеса в римский период // ХСб. 1998. Вып. IX. С. 83–88.
82. Николаенко Г.М. Фр. Дюбуа де Монпере о сельских усадьбах на Гераклеяском полуострове // ХСб. 1999. Вып. X. С. 107–120.
83. Николаенко Г.М. Херсонес Таврический и его хора // ВДИ. 1999. № 1. С. 97–120.
84. Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV–III вв. до н.э. Ч. 1. Севастополь, 1999.
85. Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV–III вв. до н.э. Ч. 2. Севастополь, 2001.
86. Николаенко Г.М. Дороги на городской хоре // ХСб. 2004. Вып. XIII. С. 187–195.
87. Николаенко Г.М. Древности Маячного полуострова. Археологическая характеристика памятников. Севастополь, 2018.
88. Николаенко Г.М., Бажанова Т.И. Херсонесская сельская усадьба древнего земельного участка № 193 (ст. № 132) на Гераклеяском Полуострове // ХСб. 2013–2014. Вып. XVIII. С. 51–60.
89. Николаенко Г.М., Тюрин М.И. Современное состояние усадеб на Маячном полуострове // Атлас ближней хоры Херсонеса Таврического / Ред. Г.М. Николаенко, Т.Н. Смекалова. СПб.: Алетей, 2020.
90. Николаенко М.Ю., Панченко В.В. Вертикальное электрическое зондирование на высоте Безьямянная // ХСб. 2006. Вып. XV. С. 153–158.
91. Панченко В.В., Шакуро С.В. Поиск пещер методом георадиолокации // 13th Conference and Exhibition Engineering Geophysics 2017 (13-я международная научно-практическая конференция EAGE «Инженерная геофизика 2017») [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.earthdoc.org/publication/publicationdetails/?publication=88092>.
92. Печёнкин Н.М. Археологические разведки в местности Страбоновского старого Херсонеса // ИАК. 1911. Вып. 42. С. 108–126.
93. Прозоровский Д.И. Древняя русская метрология: Лекции в Археологическом институте. СПб., 1888.
94. Ростовцев М.И. Страбон как источник для истории Боспора // Сборник статей в честь В.П. Бузескула. Харьков, 1914. С. 366–380.
95. Ростовцев М.И. К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской империи // Сборник статей в честь графини Прасковьи Сергеевны Уваровой. М., 1916. С. 5–16.
96. Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986.
97. Сапрыкин С.Ю. О внутренней колонизации Херсонеса Таврического // ВДИ. 1994. № 3. С. 126–143.
98. Сарновски Т. Римская черепица Южного Крыма // МАИЭТ. 2005. Вып. XI. С. 119–143.
99. Сарновски Т., Савеля О.Я. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Warszawa, 2000. 276 с.
100. Севастополь на картах / Автор проекта В.Н. Прокопенко. Симферополь: Салта, 2009. 304 с.
101. Смекалова Т.Н. Физические методы в полевой археологии: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1992.
102. Смекалова Т.Н. О величинах площади и единицах ее измерения на хоре Херсонеса Таврического // ВДИ. 2019. № 1. С. 58–76.

103. Смекалова Т.Н., Терехин Э.А., Пасуманский А.Е. Реконструкция античной системы межевания хоры Херсонеса Таврического с использованием методов дистанционного зондирования // ВДИ. 2018. № 2. С. 306–332.
104. Смекалова Т.Н., Терехин Э.А. Новые данные о военной организации граждан Херсонеса Таврического, отраженной в структуре его земельного кадастра // *Stratum Plus*. 2018. № 6. С. 89–105.
105. Смекалова Т.Н., Терехин Э.А. Архивные аэрофотоснимки 1941–44 гг. – документальный источник по изучению хоры Херсонеса Таврического. Часть 1. СПб.: Алетейя, 2019. (Гераклейский сборник. Вып. II).
106. Смекалова Т.Н., Терехин Э.А. Архивные аэрофотоснимки 1941–44 гг. – документальный источник по изучению хоры Херсонеса Таврического. Часть 2. СПб.: Алетейя, 2020. (Гераклейский сборник. Вып. III).
107. Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1964. 196 с.
108. Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса: Лапидарные надписи. Киев: Наукова думка, 1973. 284 с.
109. Соломоник Э.И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1984. 144 с.
110. Соломоник Э.И. Каменная летопись Херсонеса. Симферополь: Таврия, 1990. 112 с.
111. Соломоник Э.И., Николаенко Г.М. О земельных участках Херсонеса в начале III в. до н.э. (к IOSPE 12, 403) // ВДИ. 1990. № 2. С. 79–99.
112. Станюкович А.К. Скрытые объекты историко-культурного наследия. Принципы выявления и изучения методами археологической геофизики: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1994.
113. Стржелецкий С.Ф. Виноделие в Херсонесе Таврическом античной эпохи. К истории древнего земледелия в Крыму // ХСб. 1959. Вып. V. С. 121–159.
114. Стржелецкий С.Ф. Клеры Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму // ХСб. 1961. Вып. VI.
115. Тахтай А.К. Два клада херсонесских античных монет // ХСб. 1948. Вып. IV. С. 115–125.
116. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.
117. Тункина И.В. Археологические памятники Гераклейского полуострова Крыма в русских картографических документах XVIII–XIX веков // *Парадигмы истории и общественного развития* / Ред. Е.Б. Алтабаева, Е.М. Максимова. Севастополь: СевГУ, 2016. С. 11–16.
118. Тункина И.В. Херсонес Таврический и Гераклейский полуостров в рукописных материалах конца XVIII – начала XIX вв. // *Причерноморье в античное и раннесредневековое время*. Выпуск 2. Сборник научных трудов, посвященный 70-летию профессора В.П. Копылова. Ростов-на-Дону, 2018. С. 53–75.
119. Туровский Е.Я. О хронологии серебряных монет Херсонеса с магистратскими именами // *Петербургский археологический вестник*. 1993. Вып. 3. С. 44–51.
120. Туровский Е.Я. Хронология сельских усадеб Херсонеса на Гераклейском полуострове в VI–II вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1994.
121. Туровский Е.Я. Монеты независимого Херсонеса IV–II вв. до н.э. Симферополь, 1997.
122. Туровский Е.Я. О монетном искусстве античного Херсонеса // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2017. № 3. С. 438–449.
123. Туровский Е.Я. Монеты античного Херсонеса: каталог-определитель. Севастополь: ИП Бондаренко Н.Ю., 2018. 108 с.
124. Туровский Е.Я., Горбанов В.М. Монеты античного и средневекового Херсонеса. Каталог-определитель. Симферополь: ДИАПИ, 2013. 155 с.
125. Тюрин М.И. Раскопки античной усадьбы древнего земельного участка 320 на Гераклейском полуострове в 2016–2017 гг. // *История и археология Крыма*. Симферополь, 2018. Вып. VIII. С. 133–136.
126. Тюрин М.И. Круглая постройка эллинистического времени из раскопок усадьбы участка 320 на Гераклейском полуострове // ХСб. 2019а. Вып. XX. С. 248–273.

127. Тюрин М.И. Раскопки античного укрепления Масляная гора в 2018 г. // История и археология Крыма. Симферополь, 2019б. Вып. XI. С. 275–286.
128. Тюрин М.И., Лесная Е.С., Цыганов Н.Н. К хронологии памятников ближней хоры Херсонеса: материалы раскопок усадьбы участка 178 на Гераклеяском полуострове // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы научной конференции (Севастополь, 17–19 сентября 2019 г.) / Ред.-сост. Д.А. Костромичев. Севастополь, 2019. С. 289–297.
129. Филиппенко А.А., Дорошко В.В., Тюрин М.И. Исследования укрепленного комплекса античного времени на вершине Сапун-горы в 2014 г. // XVI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015. С. 348–351.
130. Шакуро С.В., Панченко В.В. Исследования методами электроразведки и магнитометрии на хоре Херсонеса Таврического и использование электропрофилирования с двухэлектродной потенциал-установкой // ХСб. 2018. Вып. XIX. С. 375–386.
131. Шевцов В.В. Историческая метрология России. Томск: ТМЛ-Пресс, 2007. 280 с.
132. Фатеев О.В. Хронология амфорных клейм Херсонеса конца IV – начала III вв. до н.э. (исследование комплексов и комплексные исследования) // Stratum Plus. 2014. № 3. С. 233–244.
133. Штерн Э.Р. О местоположении древнего Херсонеса // ЗООИД. 1907. Т. XXVIII (приложение), протокол. № 383. С. 89–131.
134. Щеглов А.Н. Некоторые проблемы греческой колонизации // Симпозиум по проблемам греческой колонизации и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1977. С. 80–103.
135. Щеглов А.Н. Процесс и характер территориальной экспансии Херсонеса в IV в. до н.э. // Античная гражданская община: проблемы социально-политического развития и идеологии. Л., 1986. С. 152–176.
136. Щеглов А.Н. Первые археологические карты Гераклеяского полуострова (к истории археологической топографии) // Проблемы истории отечественной археологии. СПб., 1993. С. 51–53.
137. Щеглов А.Н. Основные структурные элементы античной межевой системы на Маячном полуострове (Юго-Западный Крым) // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 10–38, 298–317.
138. Щеглов А.Н. «Старый» Херсонес Страбона. Укрепления на перешейке Маячного полуострова: топография и фортификация // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994. С. 8–42, 295–310.
139. Adamesteanu D. Metaponto: Appunti fotointerpretativi // Atti della Accademia nazionale dei Lincei. Notizie degli scavi di antichità. 1965. No. 19. P. 179–184.
140. Adamesteanu D. Problemes de la zone archeologique de Metaponte // Revue archeologique. 1967. No. 1. P. 3–38.
141. Carter J.C. La Chora di Metaponto. Risultati degli ultimi 25 anni di ricerca archeologica // Atti Taranto. 2001. No. 40. P. 771–779.
142. Carter J.C. Discovering the Greek countryside at Metaponto. Ann Arbor, 2006.
143. Carter J.C., Crawford M., Lehman P., Nikolaenko G., Trelogan J. The Chora of Chersonesos in Crimea, Ukraine // American Journal of Archaeology. 2000. Vol. 104. No. 4. P. 707–741.
144. Clarke E.D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Part the First. Russia and Turkey. London, 1810.
145. Dubois de Montpéroux Fr. Voyage autour du Caucase: chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide en Géorgie, en Arménie et en Crimée; avec un atlas géographique, pittoresque, archéologique, géologique, etc. 6 vol. Paris, 1840–1843, 1846.
146. Koehler H.K.E. Description des médailles de Chersonesus ville la Chersonese Taurique. St. Petersburg, 1850. (Serapis, II).
147. Radcliffe F. Roman centuriation // The Roman Archaeology Group Journal. 2008. Vol. 3, Issue 2. P. 4–6.

148. Romano D.G., Tolba O. Remote Sensing and GIS in the Study of Roman Centuriation in the Corinthia, Greece // *Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology 1995*. Leiden: University of Leiden, 1996. P. 457–463. (*Analecta Praehistorica Leidensia* 28).
149. Saprykin S.Ju. Ancient Farms and Land-Plots on the Khora of Khersonesos Taurike (Research in the Herakleian Peninsula 1974–1990). Amsterdam, 1994. (McGill University Monographs in Classical Archaeology and History. Vol. 16).
150. Schmiedt G., Chevallier R. Caulonia e Metaponto: Applicazioni della fotografia aerea in ricerche di topografia antica nella Magna Grecia. Firenze, 1959.
151. Schmiedt G., Chevallier R. Photographie aeriennne et urbanisme antique en Grande-Grece: Caulonia Metaponte // *Revue archeologique*. 1960. No. 1. P. 1–31.
152. Slapšak B., Stančić Z. The Greek field system at Pharos: a metric analysis // *Revue des Etudes Anciennes*. 1999. No. 101(1). P. 115–124.

REFERENCES

1. Akimchenkov V.V. «Akademiiia v miniature»: *Sevastopol'skii muzei kraevedeniia (1923–1939)*. Kiev, Simferopol, Antikva Publ., 2012.
2. Antonova I.A., Glazunov V.V., Modin I.N., Shevnin I.A. Geologo-geofizicheskie issledovaniia na nekropole Khersonesa. *Novoe v primenenii fiziko-matematicheskikh metodov v arkeologii*, Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 10–19.
3. Vinogradov Iu.A., Smekalova T.N. (Eds.), *Arkheologicheskie trudy N. M. Pechenkina*. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2020, 206 p.
4. Akhmerov R. B. Ob astinomnykh kleimakh ellinisticheskogo Khersonesa. *Vestnik drevnei istorii*, 1949, No. 4. pp. 99–123.
5. Babenchikov V.P., Babenchikov P.P., Repnikov N.I., Veimarn E.N. Materialy k arkheologicheskoi karte Gerakleiskogo poluostrova. Opisanie pamiatnikov. Vinogradov Iu.A., Smekalova T.N. (Eds.), «Gerakleiskii sbornik» 1936 g., St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2019, pp. 124–141.
6. Belov G.D. *Khersones Tavricheskii*. Leningrad, 1948.
7. Beliaev N.T. O drevnikh i nyneshnikh russkikh merakh protiazheniia i vesa. *Sbornik statei po arkeologii i vizantinovedeniiu*, T. 1, Praga, 1927, pp. 262–293.
8. Bert'e-Delagard A.L. Ostatki drevnikh sooruzhenii v okrestnostiakh Sevastopolia i peshchernye goroda Kryma. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, 1888, T. XIV, pp. 166–279.
9. Bert'e-Delagard A.L. Neskol'ko novykh ili maloizvestnykh monet Khersonesa. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, 1906, T. XXVI, pp. 215–276.
10. Bert'e-Delagard A.L. O Khersonese. Drevneishii Khersones po Strabonu i raskopkam. *Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii*, 1907, Vol. 21, pp. 1–172, 179–207.
11. Bert'e-Delagard A.L. *Popravki Obshchego kataloga monet P.O. Burachkova*. Moscow, 1907, 36 p.
12. Bert'e-Delagard A.L. Monetnye novosti drevnikh gorodov Tavridy. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, 1912, T. XXX, pp. 39–54.
13. Bert'e-Delagard A.L. Materialy dlia vesovykh issledovaniia monetnykh sistem drevnegrecheskikh gorodov i tsarei Sarmatii i Tavridy. *Numizmaticheskii sbornik*, T. II, Moscow, 1912, pp. 1–88.
14. Blavatskii V.D. *Zemledelie v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ia*. Moscow, Nauka Publ., 1953.
15. Blavatskii V.D. *Antichnaia arkheologiia Severnogo Prichernomor'ia*. Moscow, Nauka Publ., 1961.
16. Borisova V.V. Goncharnye masterskie Khersonesa (po materialam raskopok 1955–1957 gg.). *Sovetskaia arkheologiia*, 1958, No. 4, pp. 144–153.
17. Burachkov P.O. *Obshchii katalog monet, prinadlezhashchikh ellinskim koloniiam, sushchestvovavshim v drevnosti na severnom beregu Chernogo moria v predelakh nyneshnei Rossii. Part I*. Odessa, 1884, 289 p.
18. Vinogradov Iu.A. Iz pisem k N. M. Pechenkinu. Vinogradov Iu.A., Smekalova T.N. (Eds.), *Arkheologicheskie trudy N. M. Pechenkina*, St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2020, pp. 23–31.
19. Vinogradov Iu.A., Smekalova T.N. (Eds.), «Gerakleiskii sbornik» 1936 g. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2019.

20. Gaidukevich V.F. Review: Belov G.D. Khersones Tavricheskii. *Vestnik drevnei istorii*, 1949, No. 3, p. 143.
21. Gaidukevich V.F. Istoriia antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ia (Kratkii ocherk). *Antichnye goroda Severnogo Prichernomor'ia*, T. 1, Moscow, Leningrad, 1955, pp. 23–147.
22. Gilevich A.M. Novyi klad monet iz okrestnostei Khersonesa. *Sovetskaia arkheologiya*, 1958, XXVIII, pp. 136–139.
23. Gilevich A.M. Monety iz raskopok v Khersonese v 1950 g. *Khersonesskii sbornik*, Sevastopol, 1959, Vol. V, pp. 191–205.
24. Gilevich A.M. Klad monet iz okruzi Strabonova Khersonesa. *Sovetskaia arkheologiya*, 1960, No. 4, pp. 167–170.
25. Gilevich A.M. Kuchuk-Moinakskii klad khersonesskikh monet IV–III vv. do n.e. *Numizmatika i epigrafika*, 1970, T. VIII, pp. 3–16.
26. Gilevich A.M. Khronologiya i topografiia kladov khersonesskikh monet II–I vv. do n.e. i nekotorye voprosy skifo-khersonesskikh vzaimootnoshenii. *Antichnye goroda Severnogo Prichernomor'ia i varvarkii mir*, Leningrad, 1973, pp. 10–11.
27. Gilevich A.M. O vypuskakh serebrianykh monet v Khersonese v kontse II–III vv. do n.e. *Kratkie tezisy dokladov numizmaticheskoi konferentsii*, St. Petersburg, 1992, pp. 18–20.
28. Glazunov V.V. *Geofizicheskie metody issledovaniia arkheologicheskikh pamiatnikov*. Abstract of kandidat. diss. Leningrad, 1984.
29. Glazunov V.V. *Printsipy modelirovaniia i interpretatsii potentsial'nykh geofizicheskikh polei skrytykh arkheologicheskikh ob"ektov*. Abstract of doctor. diss. St. Petersburg, 1997.
30. Glazunov V.V., Modin I.N., Topilina T.V., Ialov T.V., Palenov A.Iu., Panchenko V.V., Kostromichev D.A., Efimova N.N. Innovatsionnye arkheologo-geofizicheskie issledovaniia Khersonesskogo nekropolia u Karantinnoi bukhty. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "XIX Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Traditsii i innovatsii"*. Simferopol, Kerch, 2018, pp. 115–122.
31. Golenko K.V. K datirovke nekotorykh monet Khersonesa. *Numizmatika i epigrafika*, 1962, T. III, pp. 49–55.
32. Golenko K.V. Sistem denezhnogo obrashcheniia Khersonesa v I v. do n.e. *Vestnik drevnei istorii*, 1964, No. 4, pp. 45–52.
33. Golenko K.V. Monety iz raskopok Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia v Khersonese (1958–1969). *Sovetskaia arkheologiya*, 1972, No. 4, pp. 211–222.
34. Golovachev V.F. *Istoriia Sevastopolia kak russkogo porta*. St. Petersburg, 1872.
35. Grandmezon N.N. Svintsovye monety Khersonesa. *Numizmatika i epigrafika*, 1978, T. XII, pp. 41–46.
36. Grandmezon N.N. Review: Anokhin V.A. Monetnoe delo Khersonesa. *Vestnik drevnei istorii*, 1983, No. 2, pp. 167–169.
37. Grandmezon N.N. Neopublikovannye monety antichnogo Khersonesa. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii AN SSSR*, 1983, Vol. 174, pp. 108–110.
38. Grandmezon N.N. Neopublikovannye raznovidnosti monet antichnogo Khersonesa. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii AN SSSR*, 1985, Vol. 182, pp. 60–62.
39. Grandmezon P.N. Monety Khersonesa s golovoii Afiny. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii AN SSSR*, 1987, Vol. 191, pp. 38–40.
40. Grinevich K.E. *Issledovanie podvodnogo goroda bliz Khersonesskogo maiaka v 1930–31 godu*. Moscow, 1931.
41. Dem'ianchuk S.G., Nessel' V.A. Novye dannye o fortifikatsionnykh sooruzheniiakh na peresheike Maiachnogo poluostrova. *Khersonesskii sbornik*, Sevastopol, 2011, Vol. XVI, pp. 65–78.
42. Dem'ianchuk S.G., Ushakova K.S. Proizvodstvennyi kompleks ellinisticheskogo vremeni na zapadnom beregu Streletskoi bukhty. *Khersonesskii sbornik*, Sevastopol, 2018, Vol. XIX, pp. 39–66.
43. Doroshko V.V. Raskopki na vysote Suzdal'skaia v okrestnostiakh Sevastopolia: pervye itogi. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "II Bakhchisaraiskie nauchnye chteniia pamiati E.V. Veimarna"*, Simferopol, 2013, pp. 20–21.
44. Doroshko V.V. Issledovaniia khersonesskoi usad'by 328 Iuzhnaia v 2015 g. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "IV Bakhchisaraiskie nauchnye chteniia pamiati E.V. Veimarna"*, Bakhchisarai, 2016, pp. 13–14.

45. Doroshko V.V. Iugo-vostochnaia okraina khory Khersonesa Tavricheskogo na Gerakleiskom poluostrove v antichnuiu epokhu. *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniia: Ot arkheologicheskikh dannykh k istoricheskim rekonstruktsiiam. Materialy IV konferentsii molodykh uchenykh*, Moscow, 2017, pp. 67–69.
46. Doroshko V.V. Issledovaniia dvukh ob"ektov rimskogo vremeni na peresheike Gerakleiskogo poluostrova. *Istoriia i arkheologiiia Kryma*, Simferopol, 2018, Vol. VIII, pp. 43–44.
47. Doroshko V.V., Doroshko O.P. Issledovaniia na vysote 283 Karan'skikh vysot k severo-zapadu ot s. Flotskoe g. Sevastopolia v 2014–2015 gg. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "XVII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Issledovateli i issledovaniia"*, Kerch, 2016, pp. 147–152.
48. Doroshko V.V., Doroshko O.P. Rannii veshchevoi kompleks punkta rimskogo voennogo bazirovaniia na vysote Suzdal'skaia. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "XIX Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Traditsii i innovatsii"*, Kerch, 2018, pp. 128–134.
49. Doroshko V.V., Doroshko O.P. Issledovaniia na vysote Vinogradnoi v 2017 g.: novyi pamiatnik rimskogo vremeni na peresheike Gerakleiskogo poluostrova. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "XX Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Osnovnye itogi i perspektivy issledovaniia"*, Kerch, 2019, pp. 160–166.
50. Doroshko V.V., Smekalova T.N. Antichnye pamiatniki vostochnoi chasti Gerakleiskogo poluostrova na arkhivnykh aerofotosnimkakh. *Materialy nauchnoi konferentsii "Antichnye relikvii Khersonesa: otkrytiia, nakhodki, teorii"*, Sevastopol, 2019, pp. 82–88.
51. Doroshko V.V., Stupko M.V. Issledovaniia v verkhov'e Karantinnoi bukhty v 2018 g.: v poiskakh ob"ekta arkheologicheskogo naslediiia «Mogil'nik 18». *Istoriia i arkheologiiia Kryma*, Simferopol, 2019, Vol. XI, pp. 95–102.
52. Diubua de Monpere Fr. *Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziiu, Armeniiu i v Krym*. T. 5, 6. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2009.
53. Arkhiepiskop Evgenii (Bolkhovitinov). O sledakh drevnegrecheskogo goroda Khersona, donyue vidimykh v Krymu. *Otechestvennye zapiski*, 1822, Part IX, Book 22, pp. 145–163.
54. Zhebelev S.A. *Severnoe Prichernomor'e. Issledovaniia i stat'i po istorii Severnogo Prichernomor'ia antichnoi epokhi*. Moscow, Leningrad, 1953, 388 p.
55. Zherebtsov E.N. Novye dannye k agrarnoi istorii Khersonesa IV–I vv. do n.e. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii AN SSSR*, 1976, Vol. 145, pp. 14–18.
56. Zherebtsov E.N. Nekotorye rezul'taty sravnitel'nogo izucheniia klerov Gerakleiskogo poluostrova. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii AN SSSR*, 1981, Vol. 168, pp. 17–26.
57. Zherebtsov E.N. Materialy k periodizatsii antichnykh pamiatnikov Maiachnogo poluostrova. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii AN SSSR*, 1985, Vol. 182, pp. 38–45.
58. Zedgenidze A.A. Voprosy osvoiniia khory Khersonesa Tavricheskogo i problema «Drevnego Khersonesa» Strabona. *Vestnik drevnei istorii*, 2015, No. 2, pp. 40–55.
59. Zedgenidze A.A. Khersones Tavricheskii: prostranstvennaia organizatsiia i naznachenie ukrepleniia na peresheike Maiachnogo poluostrova problema «Drevnego Khersonesa» Strabona. *Vestnik drevnei istorii*, 2019, No. 3, pp. 608–639.
60. Zograf A.N. *Antichnye monety*. Moscow, Nauka Publ., 1951, 264 p.
61. Zubar' V.M. *Letopis' arkheologicheskikh issledovaniia Khersonesa-Khersona i ego okrug*. Simferopol, 2009.
62. Kats V.I. O vremeni vozniknoveniia sel'skokhoziaistvennykh usadeb na Gerakleiskom poluostrove. *Antichnyi mir i arkheologiiia*, Saratov, 1972, Vol. 1, pp. 28–37.
63. Kats V.I. Tipologiiia i khronologicheskaiia klassifikatsiia khersonesskikh magistratskikh kleim. *Vestnik drevnei istorii*, 1985, No. 1, pp. 87–112.
64. Kats V.I. Dinamika proizvodstva amfornoi tary v ellinisticheskom Khersonese. *Antichnye polisy i mestnoe naselenie Prichernomor'ia*, Sevastopol, 1985, pp. 107–111.
65. Kats V.I. *Keramicheskie kleima Khersonesa Tavricheskogo (katalog-opredelitel)*. Saratov, 1994, 168 p.

66. Kene B.V. *Issledovaniia ob istorii i drevnostiakh goroda Khersonesa Tavricheskogo*. St. Petersburg, 1848.
67. Kovalevskaia L.A. Keramicheskii kompleks kontsa II – pervoi poloviny III vv. n.e. iz raskopok villy 341. *Khersonesskii sbornik*, Sevastopol, 1998, Vol. XIX, pp. 89–99.
68. Kovalevskaia L.A. Tipy postroek rimskogo vremeni v okruge Khersonesa. *Swiatowit*, 1999, Vol. I (A), pp. 49–53.
69. Kovalevskaia L.A. Vinodel'nia rimskogo vremeni na khore Khersonesa Tavricheskogo. *Khersonesskii sbornik*, Sevastopol, 2013–2014, Vol. XVIII, pp. 51–60.
70. Kostromicheva T.I., Alekseenko N.A. Klad khersonesskikh monet II–III vv. do n.e. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii AN SSSR*, 1983, No. 174, pp. 40–43.
71. Kruglikova I.T. Zemel'nye nadely khersonesitov na Gerakleiskom poluostrove. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii AN SSSR*, 1981, Vol. 168, pp. 9–16.
72. Kruglikova I.T. Khersonesskaia usad'ba na nadele 10. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii AN SSSR*, 1983, Vol. 174, pp. 43–51.
73. Kuzishchin V.I., Ivanchik A.I. «Usad'ba Basilidov» v okrestnostiakh Khersonesa Tavricheskogo. *Vestnik drevnei istorii*, 1998, No. 1, pp. 205–233.
74. Kuznetsova E.V. O goncharnykh masterskikh Khersonesa Tavricheskogo, issledovannykh V. V. Borisovoi. *Zapiski Instituta istorii material'noi kul'tury RAN*, 2017, Vol. 16, pp. 118–127.
75. Latyshev V.V. *Grecheskie i latinskie nadpisi, naidennye v iuzhnoi Rossii v 1891–1891 gg.* St. Petersburg, 1892. 64 s.
76. Lisin V.P. Obzor arkheologicheskikh raskopok Khersonesa v 1927 g. *Vestnik drevnei istorii*, 1939, No. 2, pp. 137–140.
77. Lisin V.P. *Antichnye khoziaistva v raione Kamyshvevoi bukhty (I–IV v.): Dissertatsiia na soiskanie stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Sevastopol', 1940.* Sevastopol, Al'batros Publ., 2019.
78. Mikhlin B.Iu. K izucheniiu khersonesskikh kleim. *Vestnik drevnei istorii*, 1979, No. 2, pp. 139–159.
79. Nikolaenko G.M. Organizatsiia khory Khersonesa Tavricheskogo na Gerakleiskom p-ve. Lordkipanidze O.A. (Ed.), *Prichernomor'e v epokhu ellinizma*, Tbilisi, 1985, pp. 277–285.
80. Nikolaenko G.M. Mezhevanie polei khersonesskoi khory. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii AN SSSR*, 1985, Vol. 182, pp. 11–15.
81. Nikolaenko G.M. Khora Khersonesa v rimskii period. *Khersonesskii sbornik*, Sevastopol, 1998, Vol. IX, pp. 83–88.
82. Nikolaenko G.M. Fr. Diubua de Monpere o sel'skikh usad'bakh na Gerakleiskom poluostrove. *Khersonesskii sbornik*, Sevastopol, 1999, Vol. X, pp. 107–120.
83. Nikolaenko G.M. Khersones Tavricheskii i ego khora. *Vestnik drevnei istorii*, 1999, No. 1, pp. 97–120.
84. Nikolaenko G.M. *Khora Khersonesa Tavricheskogo. Zemel'nyi kadastr IV–III vv. do n.e. Part 1.* Sevastopol, 1999.
85. Nikolaenko G.M. *Khora Khersonesa Tavricheskogo. Zemel'nyi kadastr IV–III vv. do n.e. Part 2.* Sevastopol, 2001.
86. Nikolaenko G.M. Dorogi na gorodskoi khore. *Khersonesskii sbornik*, Sevastopol, 2004, Vol. XIII, pp. 187–195.
87. Nikolaenko G.M. *Drevnosti Maiachnogo poluostrova. Arkheologicheskaiia kharakteristika pamiatnikov.* Sevastopol, 2018.
88. Nikolaenko G.M., Bazhanova T.I. Khersonesskaia sel'skaia usad'ba drevnego zemel'nogo uchastka № 193 (st. № 132) na Gerakleiskom Poluostrove. *Khersonesskii sbornik*, Sevastopol, 2013–2014, Vol. XVIII, pp. 51–60.
89. Nikolaenko G.M., Tiurin M.I. Sovremennoe sostoianie usadeb na Maiachnom poluostrove. Nikolaenko G.M., Smekalova T.N. (Eds.), *Atlas blizhnei khory Khersonesa Tavricheskogo*, St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2020.
90. Nikolaenko M.Iu., Panchenko V.V. Vertikal'noe elektricheskoe zondirovanie na vysote Bezymiannaia. *Khersonesskii sbornik*, Sevastopol, 2006, Vol. XV, pp. 153–158.

91. Panchenko V.V., Shakuro S.V. Poisk peshcher metodom georadiolokatsii. *13th Conference and Exhibition Engineering Geophysics*. URL: <http://www.earthdoc.org/publication/publicationdetails/?publication=88092>.
92. Pechenkin N.M. Arkheologicheskie razvedki v mestnosti Strabonovskogo starogo Khersonesa. *Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii*, 1911, Vol. 42, pp. 108–126.
93. Prozorovskii D.I. *Drevniia russkaia metrologiia: Lektsii v Arkheologicheskom institute*. St. Petersburg, 1888.
94. Rostovtsev M.I. Strabon kak istochnik dlia istorii Bospora. *Sbornik statei v chest' V.P. Buzeskula*, Khar'kov, 1914, pp. 366–380.
95. Rostovtsev M.I. K istorii Khersonesa v epokhu rannei Rimskoi imperii. *Sbornik statei v chest' grafini Praskov'i Sergeevny Uvarovoi*, Moscow, 1916, pp. 5–16.
96. Saprykin S.Iu. *Gerakleia Pontiiskaia i Khersones Tavricheskii*. Moscow, 1986.
97. Saprykin S.Iu. O vnutrennei kolonizatsii Khersonesa Tavricheskogo. *Vestnik drevnei istorii*, 1994, No. 3, pp. 126–143.
98. Sarnovski T. Rimskaiia cherepitsa Iuzhnogo Kryma. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2005, Vol. XI, pp. 119–143.
99. Sarnovski T., Savelia O.Ia. *Balaklava. Rimskaiia voennaia baza i sviatilishche Iupitera Dolikhena*. Warszawa, 2000, 276 p.
100. *Sevastopol' na kartakh*. Simferopol, Salta Publ., 2009, 304 p.
101. Smekalova T.N. *Fizicheskie metody v polevoi arkheologii*. Abstract of kandidat. diss. Moscow, 1992.
102. Smekalova T.N. O velichinakh ploshchadi i edinitsakh ee izmereniia na khore Khersonesa Tavricheskogo. *Vestnik drevnei istorii*, 2019, No. 1, pp. 58–76.
103. Smekalova T.N., Terekhin E.A., Pasumanskii A.E. Rekonstruktsiia antichnoi sistemy mezhevaniia khory Khersonesa Tavricheskogo s ispol'zovaniem metodov distantsionnogo zondirovaniia. *Vestnik drevnei istorii*, 2018, No. 2, pp. 306–332.
104. Smekalova T.N., Terekhin E.A. Novye dannye o voennoi organizatsii grazhdan Khersonesa Tavricheskogo, otrazhennoi v strukture ego zemel'nogo kadastra. *Stratum Plus*, 2018, No. 6, pp. 89–105.
105. Smekalova T.N., Terekhin E.A. *Arkhivnye aerofotosnimki 1941–44 gg. – dokumental'nyi istochnik po izucheniiu khory Khersonesa Tavricheskogo. Part 1*. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2019.
106. Smekalova T.N., Terekhin E.A. *Arkhivnye aerofotosnimki 1941–44 gg. – dokumental'nyi istochnik po izucheniiu khory Khersonesa Tavricheskogo. Part 2*. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2020.
107. Solomonik E.I. *Novye epigraficheskie pamiatniki Khersonesa*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1964, 196 p.
108. Solomonik E.I. *Novye epigraficheskie pamiatniki Khersonesa: Lapidarnye nadpisi*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1973, 284 p.
109. Solomonik E.I. *Graffiti s khory Khersonesa*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1984, 144 p.
110. Solomonik E.I. *Kamennaia letopis' Khersonesa*. Simferopol, Tavriia Publ., 1990, 112 p.
111. Solomonik E.I., Nikolaenko G.M. O zemel'nykh uchastkakh Khersonesa v nachale III v. do n.e. (k IOSPE 12, 403). *Vestnik drevnei istorii*, 1990, No. 2, pp. 79–99.
112. Staniukovich A.K. *Skrytye ob"ekty istoriko-kul'turnogo naslediia. Printsipy vyivleniia i izucheniia metodami arkheologicheskoi geofiziki*. Abstract of doct. diss. Moscow, 1994.
113. Strzheletskii S.F. Vinodelie v Khersonese Tavricheskom antichnoi epokhi. K istorii drevnego zemledeliia v Krymu. *Khersonesskii sbornik*, Sevastopol, 1959, Vol. V, pp. 121–159.
114. Strzheletskii S.F. Klery Khersonesa Tavricheskogo. K istorii drevnego zemledeliia v Krymu. *Khersonesskii sbornik*, Sevastopol, 1961, Vol. VI.
115. Takhtai A.K. Dva klada khersoneskikh antichnykh monet. *Khersonesskii sbornik*, Sevastopol, 1948, Vol. IV, pp. 115–125.
116. Tunkina I.V. *Russkaia nauka o klassicheskikh drevnostiakh Iuga Rossii (XVIII – sredina XIX v.)*. St. Petersburg, 2002.

117. Tunkina I.V. Arkheologicheskie pamiatniki Gerakleiskogo poluostrova Kryma v russkikh kartograficheskikh dokumentakh XVIII–XIX vekov. Altabaeva E.B., Maksimova E.M. (Eds.), *Paradigmy istorii i obshchestvennogo razvitiia*, Sevastopol, 2016, pp. 11–16.
118. Tunkina I.V. Khersones Tavricheskii i Gerakleiskii poluostrov v rukopisnykh materialakh kontsa XVIII – nachala XIX vv. *Prichernomor'e v antichnoe i rannesrednevekovoe vremia. Vol. 2. Sbornik nauchnykh trudov, posviashchennyi 70-tiletiu professora V.P. Kopylova*, Rostov-na-Donu, 2018, pp. 53–75.
119. Turovskii E.Ia. O khronologii serebrianykh monet Khersonesa s magistratskimi imenami. *Peterburgskii arkheologicheskii vestnik*, 1993, Vol. 3, pp. 44–51.
120. Turovskii E.Ia. *Khronologiia sel'skikh usadeb Khersonesa na Gerakleiskom poluostrove v VI–II vv. do n.e.* Abstract of kandidat. diss. St. Petersburg, 1994.
121. Turovskii E.Ia. *Monety nezavisimogo Khersonesa IV–II vv. do n.e.* Simferopol, 1997.
122. Turovskii E.Ia. O monetnom iskusstve antichnogo Khersonesa. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2017, No. 3, pp. 438–449.
123. Turovskii E.Ia. *Monety antichnogo Khersonesa: katalog-opredelitel'*. Sevastopol, 2018, 108 p.
124. Turovskii E.Ia., Gorbanov V.M. *Monety antichnogo i srednevekovogo Khersonesa. Katalog-opredelitel'*. Simferopol, 2013, 155 p.
125. Tiurin M.I. Raskopki antichnoi usad'by drevnego zemel'nogo uchastka 320 na Gerakleiskom poluostrove v 2016–2017 gg. *Istoriia i arkheologiia Kryma*, Simferopol, 2018, Vol. VIII, pp. 133–136.
126. Tiurin M.I. Kruglaia postroika ellinisticheskogo vremeni iz raskopok usad'by uchastka 320 na Gerakleiskom poluostrove. *Khersonesskii sbornik*, Sevastopol, 2019, Vol. XX, pp. 248–273.
127. Tiurin M.I. Raskopki antichnogo ukrepleniia Maslianaia gora v 2018 g. *Istoriia i arkheologiia Kryma*, Simferopol, 2019, Vol. XI, pp. 275–286.
128. Tiurin M.I., Lesnaia E.S., Tsyganov N.N. K khronologii pamiatnikov blizhnei khory Khersonesa: materialy raskopok usad'by uchastka 178 na Gerakleiskom poluostrove. *Materialy nauchnoi konferentsii "Antichnye relikvii Khersonesa: otkrytiia, nakhodki, teorii"*, Sevastopol, 2019, pp. 289–297.
129. Filippenko A.A., Doroshko V.V., Tiurin M.I. Issledovaniia ukreplennogo kompleksa antichnogo vremeni na vershine Sapun-gory v 2014 g. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "XVI Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Geograficheskaiia sreda i sotsium"*, Kerch, 2015, pp. 348–351.
130. Shakuro S.V., Panchenko V.V. Issledovaniia metodami elektrorazvedki i magnetometrii na khore Khersonesa Tavricheskogo i ispol'zovanie elektroprofilirovaniia s dvukhelektrodnoi potentsial-ustanovkoi. *Khersonesskii sbornik*, Sevastopol, 2018, Vol. XIX, pp. 375–386.
131. Shevtsov V.V. *Istoriicheskaiia metrologiia Rossii*. Tomsk, 2007, 280 p.
132. Fateev O.V. Khronologiia amfornykh kleim Khersonesa kontsa IV – nachala III vv. do n.e. (issledovanie kompleksov i kompleksnye issledovaniia). *Stratum Plus*, 2014, No. 3, pp. 233–244.
133. Shtern E.R. O mestopolozhenii drevnego Khersonesa. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, 1907, T. XXVIII, pp. 89–131.
134. Shcheglov A.N. Nekotorye problemy grecheskoi kolonizatsii. *Simpozium po problemam grecheskoi kolonizatsii i strukture ranneantichnykh gosudarstv Severnogo i Vostochnogo Prichernomor'ia*, Tbilisi, 1977, pp. 80–103.
135. Shcheglov A.N. Protsess i kharakter territorial'noi ekspansii Khersonesa v IV v. do n.e. *Antichnaia grazhdanskaia obshchina: problemy sotsial'no-politicheskogo razvitiia i ideologii*, Leningrad, 1986, pp. 152–176.
136. Shcheglov A.N. Pervye arkheologicheskie karty Gerakleiskogo poluostrova (k istorii arkheologicheskoi topografii). *Problemy istorii otechestvennoi arkheologii*, St. Petersburg, 1993, pp. 51–53.
137. Shcheglov A.N. Osnovnye strukturnye elementy antichnoi mezhevoi sistemy na Maiachnom poluostrove (Iugo-Zapadnyi Krym). *Istoriia i arkheologiia Iugo-Zapadnogo Kryma*, Simferopol, 1993, pp. 10–38, 298–317.
138. Shcheglov A.N. «Staryi» Khersones Strabona. Ukrepleniia na peresheike Maiachnogo poluostrova: topografiia i fortifikatsiia. *Problemy istorii i arkheologii Kryma*, Simferopol, 1994, pp. 8–42, 295–310.

139. Adamesteanu D. Metaponto: Appunti fotointerpretativi. *Atti della Accademia nazionale dei Lincei. Notizie degli scavi di antichità*, 1965, No. 19, pp. 179–184.
140. Adamesteanu D. Problemes de la zone archeologique de Metaponte. *Revue archeologique*, 1967, No. 1, pp. 3–38.
141. Carter J.C. La Chora di Metaponto. *Risultati degli ultimi 25 anni di ricerca archeologica. Atti Taranto*, 2001, No. 40, pp. 771–779.
142. Carter J.C. *Discovering the Greek countryside at Metaponto*. Ann Arbor, 2006.
143. Carter J.C., Crawford M., Lehman P., Nikolaenko G., Trelogan J. The Chora of Chersonesos in Crimea, Ukraine. *American Journal of Archaeology*, 2000, Vol. 104, No. 4, pp. 707–741.
144. Clarke E.D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Part the First. Russia and Turkey*. London, 1810.
145. Dubois de Montpéroux Fr. *Voyage autour du Caucase: chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide en Géorgie, en Arménie et en Crimée; avec un atlas géographique, pittoresque, archéologique, géologique, etc.* 6 vol. Paris, 1840–1843, 1846.
146. Koehler H.K.E. *Description des médailles de Chersonesus ville la Chersonese Taurique*. St. Petersburg, 1850.
147. Radcliffe F. Roman centuriation. *The Roman Archaeology Group Journal*, 2008, Vol. 3, Issue 2, pp. 4–6.
148. Romano D.G., Tolba O. Remote Sensing and GIS in the Study of Roman Centuriation in the Corinthia, Greece. *Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology 1995*, Leiden, 1996, pp. 457–463.
149. Saprykin S.Ju. *Ancient Farms and Land-Plots on the Khora of Chersonesos Taurike (Research in the Herakleian Peninsula 1974–1990)*. Amsterdam, 1994.
150. Schmiedt G., Chevallier R. *Caulonia e Metaponto: Applicazioni della fotografia aerea in ricerche di topografia antica nella Magna Grecia*. Firenze, 1959.
151. Schmiedt G., Chevallier R. Photographie aeriennne et urbanisme antique en Grande-Grece: Caulonia Metaponte. *Revue archeologique*, 1960, No. 1, pp. 1–31.
152. Slapšak B., Stančič Z. The Greek field system at Pharos: a metric analysis. *Revue des Etudes Anciennes*, 1999, No. 101(1), pp. 115–124.

Информация об авторе

Смекалова Т. Н. – доктор исторических наук, заведующая отделом естественнонаучных методов в археологии Крыма Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского; ведущий специалист лаборатории естественнонаучных методов в гуманитарных науках НИЦ «Курчатовский институт», Researcher ID: R-3665-2016.

Information about the author

Smekalova T. N. – Doctor of Science (History), Head of the Department of natural science methods in archaeology of Crimea at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Leading Specialist of the Laboratory of Natural Science Methods in the Humanities of the National Research Center Kurchatov Institute, Researcher ID: R-3665-2016.

О ДАТЕ ПОДЧИНЕНИЯ ГОТИИ ТАТАРО-МОНГОЛАМ

Александр Ильич Айбабин

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия,
aleksandraibabin@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4116-8198>*

Аннотация. Дату подчинения Готии или ее некоторых крепостей и регионов татаро-монголам, как правило, обосновывали по припискам на полях Сугдейского Синаксаря и по немногословным или косвенным свидетельствам письменных источников. В трудах по истории Крыма высказаны противоречивые суждения по данной проблеме. Во многих из приведенных в статье исследованиях декларирован распад Готии на готское и аланское княжества в первые десятилетия XIII в. Авторы синхронизировали хронологию подчинения Готии Золотой Орде с содержащимися в рассмотренных письменных источниках датами похода в Европу Бату (Саян)-хана либо приурочивали к годам правления хана Токты (Тохты) или ко времени разрушения городов Крыма войском эмира Ногая.

Сторонники отождествления соседнего с Херсоном аланского селения с удаленной от города крепостью Кырк-иер на плато Чуфут-Кале игнорируют географическую и исторические реальности. В письменных источниках отсутствуют данные о существовании в горах и на Южном берегу одноэтничных готского и аланского регионов. В Судак Рубруку рассказывали о говоривших на тевтонском и других языках жителях горного Крыма. Утверждение историков о фактическом разделе Готии в первой половине XIII в. на аланское и готское княжества опровергают и результаты археологических раскопок на ее территории.

Из достоверных источников известно только о набеге на Судак полководцев Бату Шибана, Бучека и Бури в 1238 г. или в 1239 г. Как мы видим, отсутствуют какие-либо заслуживающие доверия сведения о захвате татарами городов Горного Крыма в 1238 г., 1239 г. или 1242 г.

Имя первого управлявшего Готией золотоордынского хана неизвестно. Согласно приписке на полях сочинения Рукн-ад-Дина Бейбарса, регион мог принадлежать хану Токте (правил в 1291–1312 гг.). Он подарил весь Крым, в том числе и Готию, эмиру Ногаю. После убийства внука в Каффе Ногай в 1289 г. направил войска, разрушившие все крупные города Крыма: Сарукермен (Херсон), Кырк-иер, Керчь и др. В результате археологических раскопок в Херсонесе, городов на плато Эски-Кермен и Бакла выявлен слой разрушения, образовавшийся в результате нападения войск Ногая. Однако Ногай недолго владел городами Готии, через год он погиб в сражении с войсками Токты. Скорее всего, Токта вернул Готию под свое управление.

Ключевые слова: Готия, аланы, татары, Золотая Орда, Бату хан, эмир Ногай, Кырк-иер, Судак, улус Крым

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках госзадания № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

ON THE DATE WHEN THE MONGOL TATARS SUBJUGATED GOTHIA

Alexander I. Aibabin

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia, aleksandraibabin@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4116-8198>*

Abstract. As a rule, the date when the Mongol Tatars subdued Gothia or some of its forts and regions was substantiated by the marginal notes in the *Synaxarion of Sougdaia* and laconic or indirect accounts of written sources. Scholarly works on the history of the Crimea suggested contradictive interpretations of the said problem. Many of the researches cited in this paper supposed that Gothia divided into the Gothic and Alanic principalities in the first decades of the thirteenth century. Their authors synchronised the chronology of the conquest of Gothia by the Golden Horde with date of khan Batu (Sain) invasion to Europe according to the sources under analysis, or with the period when khan Tokta (Tokhta) reigned, or with the time when emir Nogay's army destroyed Crimean towns. The champions of the interpretation of the Alanic settlement located in the vicinity of Cherson as the castle of Kyrk-Er situated far from that city and alternatively attributed to Chufut-Kale plateau ignored geographic and historical realities. Written sources do not contain any data that monoethnic Gothic and Alanic regions existed somewhere in the mountains or in the southern coast. In Sudak, William of Rubruck was told of the residents of the mountainous Crimea who spoke Teutonic and other languages. Archaeological excavations in the territory of Gothia disprove the historians' idea that this country was split into Gothic and Alanic principalities in the first half of the thirteenth century. Reliable sources inform only about the raid against Sudak by Batu's commanders Shiban, Buchek, and Buri in 1238 or 1239 AD. One can see that there is no trustworthy account that the Tatars seized the towns in the mountainous Crimea in 1238, 1239, or 1242. The name of the first Golden Horde khan who ruled Gothia remains unknown. According to a marginal note on the manuscript of Rukn-ad-Din Baibars, the country possibly belonged to khan Tokhta (reigned in 1281–1312). He donated the whole Crimea, Gothia in particular, to emir Nogay. When his grandson was killed in Caffa, Nogay sent his army, in 1289, which destroyed the biggest towns in the Crimea: Sarukermen (Cherson), Kyrk-Er, Kerch, and others. Archaeological excavations in Chersonese and in towns atop the plateaus of Eski-Kermen and Bakla discovered a layer of destruction which developed in result of the attack of Nogay's army. However, Nogay's power over the towns of Gothia did not last for long: a year after, he was killed in a battle with Tokta's army. Most likely, Tokta restored his power over Gothia.

Keywords: Gothia, Alans, Tatars, Golden Horde, khan Batu, emir Nogay, Kyrk-Er, Sudak, Crimean ulus

Acknowledgments: The work was carried out within the framework of the state assignment No. FZEG-2020-0029 supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Готия или Климаты Готии локализованы на территории Юго-Западного Крыма между Херсоном и Алустоном [5, с. 74; 6, с. 12]. Дату подчинения Готии или ее некоторых крепостей и регионов татаро-монголам, как правило, обосновывали по припискам на полях Сугдейского Синаксаря, по немногословным, порою невнятным или косвенным свидетельствам Ибн аль-Асира (1160–1233), Рашид-ад-Дина (1247–1318),

Ибн-ал-Биби, Насир-ад-Дин аль-Хусайн ар-Ругади (умер после 1285), Рукн ад-Дина Бейбарса ал-Мансури (ок. 1247–1325 гг.), Аль-Муфаддала ибн Абу-ль-Фадаила (al-Mufaḍḍal b. Abi 'l-Faḍā'il, умер после 1358 г.), Бадр-ад-Дин аль-Айни (1361–1451), Абу-л-Фиды (1273–1331), Шихаб ад-Дина Абу-л-Аббаса Ахмада ибн Али ибн Ахмада аль-Калкашанди (1355–1418), Гийома де Рубрука (Guillaume de Rubrouck, 1220 – ок. 1293), Марко Поло (15 сентября 1254–1324), Марино Сануто Старший из Торчелло (Marinus Sanutus dictus Torselius, ок. 1260–1338), Никифора Григоры (Νικηφόρος Γρηγοράς, 1290/1 или 1293/4 – 1358/1361), Георгия Пахимера (Γεώργιος Παχυμέρης, 1242–1310), исторических сочинений XVI в. шейбанидского круга и Махмуда бен Эмир-Вали (умер в середине XVII в.).

В приписках на полях созданного в XIII веке Сугдейского Синаксаря зафиксированы нападения татар на Сугдею в XIII в.

Приписка от 27 января 6731 (1223) года – «τῆ αὐτῆ ἡμέρ(α) ἦλθ(ον) οἱ πρῶτοι οἱ τὰτ(α)ρ(οι), τοῦ ςψλα' ἔτους – в этот день впервые пришли татары» [68, σελ. 119, № 8].

Приписка от 26 декабря 6747 (1239) года – «[τῆ αὐτῆ ἡμέρ(α) ἦλθ(ον) οἱ τὰταροι οἱ δεύτ(ε)ρ(οι) τοῦ ςψμζ' ἔτους – в этот день пришли татары вторично» [68, σελ. 26,120, № 10].

Приписка от 27 апреля 6757 (1249) года – «Τῆ αὐτῆ ἡμέρ(α) ἐξῆκαθαρίσθη [ἀπὸ τῶν] τὰταρίων τὸ ἅπαν γέν(ος) ἀν(θρώπων) ἔξω [ἀπὸ] τὸ ἄστη καὶ ἠριθμίσεν σε(βασ)τ(ὸς) τῶν λαὸν (καὶ) ηυρεθ(η) χ<λι>αδας ἢ (καὶ) τριακόσια, ἐν ετ(ει) ςψνζ' τῆς τοῦ κόσμου γενησεως, (καὶ) ἐορτάζε(ται) πανυγυρικός – в этот день татары вырезали всех в пригороде, а севаст пересчитал народ и оказалось, что из горожан многие остались живы, и праздновали этот день многие, кто остались» [68, σελ. 26,120, № 12]. В. Г. Васильевский предлагал другое ее прочтение – «В этот день (апреля 27) все было очищено от татар вне города, и сосчитал севаст народ, и оказалось восемь тысяч триста в 6757 году от сотворения мира, и праздновал торжественно» [16, с. CLXXVI–CLXXVII].

Приписка от 28 мая 6786 (1278) года – «τῆ αὐτῆ ἡμέρ(α) ἐφονευθ(σαν) τικητάι σαλικ (καὶ) σουγκοур ... (καὶ) οἱ λοιπ(οἱ) παντ(ες) σουγδ(αῖοι) παρα τῶν τατ(ά)ρων ἰνδ(ικτιῶνος) ζ', τοῦ ςψπζ' ἔτ(ους) – в тот же день Тикитай, Салик, Сункур и все прочие жители Сугдеи были убиты татарами...» [68, σελ. 26,123; 7, с. 66].

Приписка от 20 декабря 1298 года – «τῆ αὐτῆ ἡμέρ(α) ἦλθ(εν) τοῦ νογᾶῖ τοῦ φουσάτω, τοῦ ςωζ' ετ(ους) – в тот же день пришел вооруженный отряд Ногая» [68, σελ. 42,127, № 104].

Арабский историк Ибн аль-Асир сообщал о победе татар в 1223 г. над северокавказскими аланами и кипчаками и захвате принадлежавшего кипчакам (команам) Судака: «Прибыли они к Судаку; это город кипчаков... Придя к Судаку, татары овладели им, а жители его разбрелись; некоторые из них со своими семействами и своим имуществом взобрались на горы» [47, с. 25, 26]. А. А. Васильев счел возможным дополнить текст Ибн аль-Асиры домыслом о бегстве части населения Судака в Готию на Мангуп [77, р. 162]. Скорее всего, у горожан не было необходимости осуществлять столь длительный переход. Ведь, по Ибн аль-Асиру, горожане «взобра-

лись на горы», то есть прятались в окружающих Судак горах и долинах, заселенных еще в предшествующий хазарский период.

Персидский энциклопедист Рашид ад-Дин в составленном в начале XIV века историческом труде «Сборник летописей» (Джами ат-таварих) повторил сведение Ибн аль-Асира о разгроме монголами (татарами) в 1223 г. северокавказских алан и кипчаков и нападении на Судак: «...они напали на город Судак, что на берегу моря ... и взяли тот город, а тамошнее население разбрелось» [41, с. 229]. Согласно Рашид-ад-Дину, на созванном Угедей-кааном «великом курилтае» царевичи Бату Менги-каан и Гуюк-каан решили отправиться в поход на запад в области кипчаков, ассов, в Судак и другие земли. В 1238 году полководцы «Шибан, Бучек и Бурек выступили в поход в страну Крым и у племени чинчакан (кипчаки?) захватили Тактару» [42, с. 38, 39]. Топонимом Тактара (Тоткара) называется хребет у шоссе близ Судака [46, с. 89; 28, с. 45]. Очевидно, татары захватили не только горный хребет, но и город Судак. В сочинении Рашид ад-Дина также сказано об освобождении ханом Берке в 1265 г. из Византии сельджукского Конийского султана Изз-ад-дина Кей-Кавуса и его провозглашении султаном города Крыма [42, с. 197]. В описании военного противостояния между ханом Токтой и эмиром Ногаем в 1298/9 г. Рашид ад-Дин упомянул о захвате Ногаем (Ногаем) многочисленных пленников в городе Крым и последующем их освобождении [42, с. 85].

Персидский хронист Конийского султаната Ибн-ал-Биби информировал о пожаловании ханом Берке в 1265 г. Солхада (Солхат) и Сутака (Судак) привезенному из Византии Изз-ад-дину Кей-Кавусу в ленное владение. После его смерти в 1280/1 г. Солхат перешел к старшему сыну Изз-ад-дина Кей-Кавуса Гияс-ад-дину Масуду [48, с. 26; 9, с. 467].

Египетский историк Рукн ад-Дин Бейбарс в труде «Зубдат ал-фикрафи та'рих ал-хиджра (Сливки размышления об истории хиджры)» в приписке на полях данного сочинения поведал о передаче ханом Токтой Крыма эмиру Ногаю [47, с. 111]. Рукн ад-Дин Бейбарс отобразил разгром в 1298/9 г. войсками Ногай городов Крыма в отместку за убийство в Каффе посланного собрать налоги внука Актаджи: «Известие об умерщвлении его дошло до Ногай, деда его, который отправил в Крым огромное войско. Оно ограбило его (город Каффу), сожгло его, убило множество крымцев, взяло в плен находившихся в нем купцов мусульманских, аланских и франкских, захватило имущество их, ограбило Сарукермен (Херсон), Кырк-иери, Керчь и др.» [47, с. 111, 112].

Египетский историк коптский христианин Аль-Муфаддаль в летописи «Прямой путь и единственная жемчужина в том, что случилось после летописи Ибна-мида», охватывающей 1259–1341 гг., в сюжете о путешествии в 1263 г. по Крыму посла султана Бейбарса к хану Берке назвал правителем степного Крыма темника Тук-Буга [47, с. 192] и изложил рассказ прибывших из Судака купцов о разрушении города войском Ногай 7 декабря 1298 – 5 января 1299 г. [47, с. 195].

Египетский историк Бадр-ад-Дин аль-Айни в хронике «Икд аль-джуман фи-т-тарих ахль аз-заман (Жемчужное ожерелье истории людей своего времени)»,

охватывающей период от сотворения мира до 850/1446 г. заимствовал у более ранних авторов описание первого набега войск Чингизхана в Крым и рассказал об освобождении Изз-ад-дина Кей-Кавуса в 1269 г. из византийского плена войском Менгу Тимура, который «устроил» Изз-ад-дина в Крыму [47, с. 475, 502, 511].

Сирийский историк и географ Абу-л-Фида в законченном в 1321 г. географическом труде «Таквим ал-булдан (Упорядочение стран)» описал расположенную на краю седьмого климата в стране ал-ас (стране асов) крепость Киркри: «Киркри непокорная и неприступная крепость, находящаяся на горе, куда никто не может подняться... Жители Киркри принадлежат к народности ас... Значение названия по-тюркски – сорок мужчин» [32, с. 121].

Египетский ученый Шихаб ад-Дин Абу-л-Аббас Ахмад ибн Али ибн Ахмад ал-Калкашанди (1355–1418) в энциклопедии «Субх аль-а'ша фи сина'ат аль-инша (Заря для подслеповатого в искусстве писания)», начатой в 1389 г. и завершенной в 1418 г., заимствовал у Абу-л-Фиды характеристику принадлежавшим Золотой Орде округу Крым и стране Ас: «Округ четвертый – Крым (ал-Кирым)... Он [простирается] на северо-западе от Кафы, а от Судака – на северо-востоке... Округ девятый – страна Ас. ...Его столица – Кырк-ер (Киркир)... Значение этого названия по-турецки – «сорок мужей». Его положение в конце седьмого климата... Это труднодоступная крепость на горе, на которую не может подняться... Он находится далеко от моря, на севере, от Сары-кермена примерно один день пути. Там огромная, очень высокая гора, называемая Чатырдаг (Джатиутаг). Она видна кораблям с Крымского моря» [23, с. 261–262, 290–291].

Монах-францисканец Гийом де Рубрук в 1253 г. высадился в Солдае и через Перекоп направился в Монголию. Через год после возвращения в 1255 г. в Европу он завершил сочинение о своем путешествии. Как отметил Гийом де Рубрук, в Солдае он не смог встретиться с капитанами (*capitaneos*) города, которые отправились с данью к Батю. Менее правдивы данные о Готии, Херсоне и северном равнинном регионе полуострова, которые Рубрук не посещал. Он повторил услышанные в городе слухи о разгроме команов татарами, равно как о команах, «взаимно пожировавших» друг друга. От купцов же Рубрук узнал, что «*Sunt autem alta promontoria super mare a Kersona usque ad orificium Tanais, et sunt quadraginta castella inter Kersonam et Soldaia, quorum quodlibet fere habebat proprium idioma: inter quos erant multi Goti quorum idioma est teutonicum... In illa planicie solebant esse Comani antequam venirent Tartari, et cogebant ciuitates praedictas et castra ut daren't eis tributum; et quando venerunt Tartari tanta multitudine Comanorum intravit provinciam illam, qui omnes fugerunt usque ad ripam maris – На море от Херсона до устья Танаиса есть высокие мысы, а между Херсоном и Солдаей – сорок замков, коих почти каждый имеет свое особое наречие; между ними много Готов, говорящих по-немецки... На равнине, до нашествия Татар, обычно жили Команы, которые брали дань с городов и укреплений; и когда пришли Татары такое множество Команов вошло в эту провинцию, и все бежали к берегу моря» [60, р. 23; 30, с. 46–49, прим. 58; 15, с. 135; 24, с. 90].*

Венецианец Марко Поло в книге о путешествии в Китай в список завоеваний правителя западных татар Саина (Батыя) включил «Россию, Команию, Аланию, Лаки, Менжарию, Зикию (Зихия), Гучию (Готия) и Хазарию», которые прежде принадлежали команам [65, р. 421–422; 36, с. 204]. Воспоминания Марко Поло записаны на старофранцузском и литературно обработаны средневековым романистом Рустикелло из Пизы. Поэтому достоверность изложенных в книге фактов сомнительна [61, р. 392].

Венецианский географ и путешественник Марино Сануто Старший из Торчелло в завершённом в 1321 г. труде «*Liber secretorum fidelium crucis* (Книга секретов для верных Кресту)», упомянул Готию и Сугдею среди стран, опустошенных татарами в 1242 году: «*Tartari vastant Rusiam, Gasariam, Sugdaniam, Gotiam, Ziquiam, Alaniam, Poloniam, caeteraque regna usque triginta* – татары опустошили Русь, Хазарию, Сугданию (Сугдею), Готию, Аланию, Полонию, прочие регионы, всего до тридцати» [71, р. 217, *Lib. III, pars XI, cap. XVI*; 74, S. 42; 77, р. 163].

В письме французскому королю Филиппу VI, которое Марино Сануто датировал 13 октября 1334 г., среди народов крымской Газарии, зависящих от татар, отмечены «готы и некоторые аланы – *Gothi et aliqui Alani*» [64, S. 105; 15, с. 137].

Византийский историк Никифор Григора повествовал о нашествии скифов (татар) во время царствования никейского императора Иоанна (III) Дуки (Ватаца) (1222–1254): «...по смерти их правителя Чингисхана, два его сына, Халай (*Χαλαοῦ*) и Телепуга (*Τελεπουγᾶ*), разделяют между собою власть над войсками. ...Итак, другой из сыновей Чингисхана, Телепуга, ...перейдя за истоки Танаиса, он ..устремился в земли европейских народов. ...жившие вблизи Меотоды и наполнявшие побережье Понта были зихи (*Ζικχοί*), авасги (*Ἀβασγοί*), готы (*Γοτθοί*), амаксовии (*Ἀμαξόβιοι*), тавроскифы (*Ταυροσκύθαί*) и борисфеняне (*Βορυσθενῆται*), и кроме того те, которые населяли Мизию при устье Истра; последние назывались гуннами (*Οὐννοί*) и команам (*Κόμανοί*)» [66, р. 35–36; 39, с. 30–31].

Византийский историк Георгий Пахимер в освещающем события с 1260 по 1308 гг. труде «*Исторические Записки (Συγγραφήκῆ ἱστορίας)*» [14, с. 407–408] в рассказе о завоевании войском Ногая Северного Причерноморья включил в перечень покоренных народов «алан, зикхов, готфов, руссов и многих других» [70, II, р. 445,5–18]. Принято считать, что в труде Пахимера идет речь о завоеванных Ногаем крымских аланах и готах.

В XVI в. в захваченном в начале столетия Мухаммедом Шейбани (1451–1510) Мавераннахре (регион в междуречье рек Амударья и Сырдарья с городами Самарканд, Бухара, Худжанд) были созданы исторические труды шейбанидского круга. Некоторые приписывают Шейбани-хану авторство хроники «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме (Избранные истории из Книги побед)» [49, с. 36]. В хронике изложено предание о походе войска сводного брата Бату-хана, сына Джучи Шибана в вилайеты Крым и Каффу: «Шибан-хан совершил добрые дела, он (Бату) дал под его начало сорок тысяч человек и отправил [в поход] на Крым и Кафу. ...Дойдя [до Крыма и Кафы], он покорил эти вилайеты. ...Тумены, данные Шибан-хану [Батыем,

таковы]: ... в Крыму – Кырк йер» [38, с. 231]. То есть Бату, якобы, передал Кырк йер в управление Шибан-хану.

Придворный шейбанидский историк Утемиш-хаджи включил то же предание в написанное в середине XVI в. в Хивинском ханстве историческое сочинение «Чингиз-наме» [10, с. 164–166; 37, с. 15]. Утемиш-хаджи дополнил предание о назначении Шейбана в вилайет Крым и Каффы рассказом о многолетней осаде и захвате в вилайете Крым крепости Кырк-Йер [52, с. 96]. Как отметил В. В. Бартольд, имя сына Джучи Шибана стали читать Шейбан уже в мусульманской письменной традиции [8, с. 545].

Потомок Шейбанидов историк хивинский хан Абу-л-Гази-хан Багадур (1603–1664) в созданном в 1659–1664 гг. труде «Шарджара-ий тюрки (Родословная тюрков)» [49, с. 37] писал о передаче Менгу-Тимуром (правил в 1266/7–1280) сыну младшего брата Бату Тукай-Тимура Уран-Тимуру улуса Крым и Каффы [58, Т. I, р. 181, 182].

Ученый из города Балх (Афганистан) Махмуд бен Эмир-Вали (умер в середине XVII в.) в трактате «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар (Море тайн относительно доблестей благородных)», составленном по поручению одного из Бухарских ханов из династии Аштарханидов в 1634–1640 гг. [49, с. 37–38], сообщал о выделении Бату ханом своему брату Тукай-Тимуру вилайета (округа) области асов и Мангышлака [45, с. 217–218]. Махмуд бен Эмир-Вали повторил информацию современника Абу-л-Гази о пожаловании ханом Менгу-Тимуром в самом начале своего правления сыну Тукай-Тимура Узан (Уран)-Тимуру вилайета Крым и Каффы [45, с. 219; 31, с. 246].

В трудах по истории Крыма высказаны противоречивые суждения о дате подчинения Готии Золотой Орде.

Происходивший из крымского рода Ширин Абд ал-Гаффар в написанном в 1747 году историческом труде «Умдет ат-теварих (Суть историй)» [29, с. 378–380; 26, с. 178–183] заимствовал из «Чингиз-наме» эпизод о направлении Саин (Бату)-ханом Шибан-хана в вилайет Крым. Однако в тексте Абд ал-Гаффара войско Шибана захватило не Кырк-йер, а находившийся в крутых и обрывистых горах город Мангуп [1, с. 44]. Этот рассказ, равно как и подобный миф из «Чингиз-наме», не заслуживает доверия. Топоним Мангуп впервые использован в надписи 1362 г. [19, с. 307].

Шведский ученый XVIII в. И. Э. Тунманн, не упоминая какие-либо источники, заявлял о возникновении в Крыму после разгрома в 1204 г. Византии независимых княжеств Феодоро (Инкерман) и Готского (Мангуп). В 1237 г. «монголы (татары)» покорили команов и обложили данью греков и готов [75; 51, с. 22].

П. И. Кеппен увидел в свидетельстве Гийома де Рубрука возможность предположить, что татары, так же как и покоренные ими половцы, брали дань с береговых (готских) крепостей, оставив их в зависимости от Византии [30, с. 81].

Австрийский историк востоковед Й. Гаммер-Пургшталь (1774–1856), следуя информации Абу-л-Гази, писал о выделении Бату-ханом Крыма в качестве улуса своему брату Тукай-Тимуру [62, S. 249]. М. Г. Сафаргалиев аргументировано возразил Й. Гаммер-Пургшталью и поместил улус Тукай-Тимура на Востоке Золотой Орды [43, с. 43].

По утверждению Ф. А. Хартахая, Бату-хан в 1237 г. изгнал команов из Тавриды и учредил в степи татарский юрт, в который не входила южная часть полуострова [53, с. 189].

В. Томашек доказывал захват в 1239 г. войсками Бату Судака и покорение племен и народов Таврии упоминаниями алан и готов в содержащихся в трудах Никифора Григоры и Марино Сануто списках народов, подчинявшихся в 1242 г. татарам [74, S. 42].

Ф. К. Брун домыслил текст Гийома де Рубрука [24, с. 89, 90] измышлением о подчинении татарами в 1239 г. не только Сугдеи, но и Херсона [15, с. 227, 228]. Автор, в соответствии со своей интерпретацией сочинения Рубрука и приписки на полях Сугдейского синаксаря, уверял, что «греческие владения в Крыму» (то есть Готия) наряду с городами Сугдеей и Херсоном начала платить дань завоевателям [60, р. 23; 15, с. 134, 135]. Ф. К. Брун отождествил латинское словосочетание «quadraginta castella – сорок замков» с известным по ярлыку 1497 г. хана Туклук Тимура топонимом города «Кирк-ер» (сорок мест) и считал ошибочным данное Абу-л-Фидой чтение топонима: «Киркри» (сорок мужей). Тем самым он положил начало не утихающей и в наши дни дискуссии востоковедов, историков и краеведов о переводе с латыни «quadraginta castella» и поисках истолкования этого словосочетания в написанных на восточных языках источниках. Ф. К. Брун, ссылаясь на сочинения Абу-л-Фиды [32, с. 121] и «Аланское послание епископа Феодора» [34, с. 17], именовал жителей Кырк-ера ассами или аланами. По его заявлению, «северная граница Готии» в середине XIII в. доходила до окрестностей города «Кирк-ер» на плато Чуфут-Кале. То есть, Ф. К. Брун допустил возможность выделения из Готии аланской крепости Кирк-ер. Он, несмотря на то, что Рубрук не бывал в Горном Крыму, придумал его встречу с аланами Кырк-ера [15, с. 136–137]. Францисканец с аланами общался, но не в Крыму, а через два месяца после отъезда из Солдайи, в степи за Перекопом [24, с. 104, 106].

По В. Д. Смирнову, в результате первых походов в Крым татары закрепились где-то «в глубине полуострова и совершали набеги на южнобережье» [44, с. 30–31]. Он, отметив плохое знание Абу-л-Гази истории Крыма, скептически отнесся к высказыванию хивинского историка о назначении Менгу-Тимуром Уран-Тимура властителем улуса Крым с центром в Солхате [44, с. 47–48]. Согласно В. Д. Смирнову, Бадр-ад-Дин аль-Айни [47, с. 511] и другие авторы приписывали освобождение Иззад-дина и его переселение в Крым не Берке, а его преемнику Менгу-Тимуру [44, с. 20, 21, 47–48]. Он счел «правдоподобной догадку» Ф. К. Бруна, считавшего «quadraginta castella» переводом на латынь «тогдашнего» топонима «Кырк-ер» [44, с. 113–114]. По трудам Рукн ад-Дина Бейбарса и Аль-Муфаддала В. Д. Смирнов отразил противостояние Токты-хана и эмира Ногая на полуострове в последнее десятилетие XIII в. В 1298–1299 гг. принадлежавший Токте Крым захватил Ногай и разрушил города Каффу, Судак, Кырк-Йер [44, с. 31–32, 98–102].

Ю. А. Кулаковский вопреки тексту приписки на полях Синаксаря [68, с. 26, 120] допускал, что в 1239 г. напавшие на Сугдею татары могли угрожать Херсону и захватили побережье от Каффы до Сугдеи. Он доверял словам епископа Феодора о живших в «соседнем с Херсоном селении» аланах – защитниках Херсона. Ю. А. Ку-

лаковский, цитируя сочинение Абу-л-Фиды, отождествлял с этим селением находившуюся на плато Чуфут-Кале близ Бахчисарая крепость асов Кырк-иер. Он отличал живших в крепости «не исконных, сравнительно новых» алан, от традиционно населявших горный Крым соплеменников [35, с. 100]. Так же как и В. Д. Смирнов, Ю. А. Кулаковский изложил сведения Рукн ад-Дина Бейбарса и Аль-Муфаддала о разграблении в 1298 г. городов Крыма [35, с. 104].

А. Л. Бертье-Делагард не сомневался в покорении татарами в XIII в. принадлежавшей трапезундским Комнинам Готии [12, с. 33]. По заключению автора, крепость на плато Чуфут-Кале называли Кырккор после взятия ее Ногаем в конце XIII в. [13, с. 105].

По предположению Н. И. Веселовского, приписка на полях сочинения Рукн ад-Дина Бейбарса [47, с. 111–112] демонстрирует принадлежность Крыма хану Токте в годы его правления в Золотой Орде (в 1291–1312 гг.), который подарил регион эмиру Ногаю за помощь при возведении на ханский престол в 1291 г. [18, с. 42–43].

А. А. Васильев не сомневался в достоверности свидетельств Марино Сануто Старшего и Никифора Григоры о вторжении татар в 1242 г. в Крым. Он был убежден в прочном закреплении татар в XIII в. на побережье восточного Крыма от Каффы до Сугдеи и назначении наместника в Солхат. Зависимость Готии от татар выражалась лишь в выплате дани [77, р. 163–164]. А. А. Васильев обратил внимание на точность данного в географическом труде Абу-л-Фиды [32, с. 121] описания находившегося на плато Чуфут-Кале города Керкер или Керкри (Кирк-иер). По заключению А. А. Васильева, не посещавший западную часть полуострова Рубрук принял тюркский топоним Кирк-иер («сорок мест») за сорок различных крепостей – «quadraginta castella». По предположению А. А. Васильева, возможно, более ранний топоним Кирк-йер (сорок мест) означал не одну крепость, а всю южную часть Крыма между Херсоном и Солдаей, а позднее (при Абу-л-Фиде) так именовали лишь город на плато Чуфут-Кале. А. А. Васильев в соответствии с собственной трактовкой комментария Абу-л-Фиды локализовал алан-ассов в районе Крымской Готии между Херсоном и Кирк-иером (Чуфут-Кале). Он полагал, что об этих же аланах шла речь и в «Аланском послании епископа Феодора» [35, с. 100; 77, р. 165–167].

Б. Шпулер в опубликованной в 1943 г. на немецком языке и переведенной в 2018 г. на русский монографии заявлял о господстве Бату не только в степи, но и «в Крыму с его греческими, а затем и западными поселениями» [72; 54, с. 25, 26]. Близкой точкой зрения придерживались и Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский [21, с. 57–58].

М. Г. Сафаргалиев судил о территории Золотой Орды в XIII в. по китайской карте Улуса Узбека 1331 г. и по географическим описаниям арабских авторов XIV–XV вв., включавших Крым в состав ее владений [43, с. 27, 28].

По заверению А. Л. Якобсона, первый набег татар в 1223 году «не докатился до района Херсона» и не повлиял «на положение юго-западного Крыма». По его мнению, приписки на полях Сугдейского Синаксаря и сочинение Марино Сануто Старшего дают представление об активности татар в XIII в., начавших взимать дань только с населения восточного Крыма [56, с. 31; 57, с. 80, 83]. А. Л. Якобсон, разви-

вая гипотезу Ф. К. Бруна о выделении из Готии аланской крепости Кирк-йер, сделал вывод о возникновении в XIII в. независимых от татар и Византии «феодальных княжеств»: в юго-западной нагорной Таврике – Феодоро с центром на Мангупе, а близ современного Бахчисарая – аланское княжество с центром в Кирк-йере (Чуфут-Кале). По словам А. Л. Якобсона, аланское княжество населяли «малые аланы», отображенные в «Послания аланского епископа Феодора» [56, с. 30–31; 57, с. 81]. По его заключению, в 1299 г. Кирк-йер разграбил и захватил Ногай [56, с. 32; 57, с. 83].

М. Нистазопулу, полемизируя с А. Л. Якобсоном, справедливо заметила, что в сочинениях Марино Сануто Старшего и Никифора Григоры дана общая характеристика всего татарского нашествия на Европу в 1238–1242 гг., а не конкретных военных действий в 1242 г. Единственным доказательством второго нападения на Сугдею и Таврику является приписка от 26 декабря 1239 г. [68, с. 26]. М. Нистазопулу, исходя из собственной интерпретации приписки от 27 апреля 1249 г., полагала, что «севаст пересчитал народ» для составления списка плательщиков дани. То есть текст приписки указывает на начало выплаты Сугдеей дани хану Бату в 1249 г. [68, с. 26–28]. Автор согласилась и с гипотезой А. А. Васильева о закреплении татар в восточном Крыму, и со взглядом А. Л. Якобсона о сохранении независимости городами Херсон, Мангуп, Эски-Кермен и Фуллы (Чуфут-Кале) [68, с. 28].

В. Л. Егоров, так же, как и А. Л. Якобсон, разделил территорию горного Крыма на обособленные феодальные княжества Феодоро и с центром в Кырк-ере. В. Л. Егоров увидел в наблюдениях Рубрука данные о взимании дани монголами с населения горного Крыма [25, с. 29, 53].

А. П. Григорьев не сомневался во включении всего Крыма в середине XIII в. в состав Золотой Орды [22, с. 134, 141]. По его утверждению, после монголо-татарского завоевания в середине XIII в. крымскую Аланию с центром в Кырк-ере вынудили подчиниться ордынской власти. Согласно А. П. Григорьеву, Рукн ад-Дин Бейбарс свидетельствовал о пожаловании ханом правителю крымской Алании звания темника и обретении этой территорией статуса ордынского тюмена [47, с. 92–93, 116–117; 22, с. 141]. Однако в труде Рукн ад-Дин Бейбарса на этих страницах идет речь не о назначении темника Кырк-ера, а о бегстве в 700 году (16 сентября 1300 – 5 сентября 1301 г.) сына Ногая Джеки в страну Асов, «в которой находился предводитель и 10000 войска его» и его участия в войне против Токты на Дунае. Вряд ли можно связывать эту информацию с Кырк-ером, где нельзя прокормить коней 10000 всадников.

С. Г. Кляшторный и Т. И. Султанов заявляли о захвате полководцами Бату в 1239 г. Крыма и изгнании с полуострова кипчаков [31, с. 239, 246]. Они полагали, что при хане Берке в 1263 г. степным Крымом управлял темник Так-Буга [47, с. 192]. Авторы, ссылаясь на содержащиеся в рукописи XVII века Махмуд бен Эмир-Вали данные, приписывали хану Менгу-Тимуру (1266/7–1280 гг.) пожалование сыну Туккай-Тимуру Уран-Тимуру вилайета Крым и Каффы [31, с. 246].

По мнению И. Г. Коноваловой, Абу-л-Фида отобразил завершившийся в 1298/99 г. период автономного существования крепости Кирк-иер под властью местных аланских князей [32, с. 155, 156].

М. Г. Крамаровский, не критично цитируя историка XVII в. Абу-л-Гази, назвал самым ранним общепризнанным правителем Крыма Уран-Тимура [33, с. 509].

В. В. Трепавлов отнес формирование Крымского улуса ко времени Западного похода Бату (1236–1242 гг.). Он, подчеркнув наличие гиперболизации и искажения событий в тексте источника XVI в. и ангажированность его автора, разглядел реальные факты в информации о назначении Саин-ханом (Бату) Шейбана в вилайеты Крым и Каффы [52, с. 96; 50, с. 30–31].

А. Г. Герцен и Ю. М. Могаричев, так же, как и А. Л. Якобсон, разделили Юго-Западный Крым на две соседние этнические области – Готию и Аланию с крепостью Кырк-Ер. Они, вслед за Ф. К. Бруном, А. А. Васильевым и другими авторами, декларировали начало выплаты аланами Кырк-Ера дани татарам после их вторжения на полуостров и подчинения половцев [20, с. 134–135]. По словам А. Г. Герцена и И. В. Зайцева, монголо-татары прочно осели в Крыму, вернувшись в 1242 г. из похода на Польшу и Венгрию [19, с. 294].

Как показано выше, многие из названных исследователей декларировали распад Готии на готское и аланское княжества в первые десятилетия XIII в. и синхронизировали хронологию их подчинения Золотой Орде с содержащимися в рассмотренных письменных источниках датами похода в Европу Бату (Саин)-хана, либо приурочивали к годам правления хана Токты (Тохты) или ко времени разрушения городов Крыма войском эмира Ногая.

Распад Готии на готское и аланское княжества

Впервые о возникновении на северной границе Готии до середины XIII в. аланской области с центром в крепости Кирк-иер на плато Чуфут-Кале высказался Ф. К. Брун [15, с. 136–137]. А. А. Васильев, Ю. А. Кулаковский и А. Л. Якобсон безосновательно отождествили упомянутое в составленном в 1225 г. [67, с. 272–273, 278, 279] «Аланском послании епископа Феодора» находящееся близ Херсона селение «малых алан» с упомянутой в завершенном в 1321 г. географическом труде Абу-л-Фиды аланской крепостью Кирк-иер на плато Чуфут-Кале [35, с. 100; 77, р. 166; 56, с. 30–31]. Если А. А. Васильев помещал «малых алан» где-то в Готии, то А. Л. Якобсон декларировал распад Готии в XIII в. на готское и аланское независимые полуфеодалные княжества.

Методически некорректно судить о Готии в первой половине XIII в. по содержащимся в более поздних источниках описаниям происходившего в XIV–XV вв.

В «Аланском послании» идет речь не о политической ситуации в регионе, а о трехлетних горестных приключениях высаженного с корабля в январе 1223 г. в Херсоне епископа северокавказской Алании Феодора. В жалобах на несправедливые притеснения епископ Херсона раскрывает подлинные причины своего изгнания из города и окрестных аланских селений. Высадившись в Херсоне, он не продол-

жил путь в собственную епархию в Алании, а пытался окормлять местных «малых алан» (τοῖς μικροῖς Ἀλανοῖς)» [77, col. 391–394,5] в городе и соседних селениях. Поэтому понятны мотивы враждебного отношения Херсонского епископа к прибывшему из Никеи епископу Алании, которого обвинили в нарушении епархиальных прав и церковных канонов. По рассказу Феодора, из Херсона он и его спутники бежали в селение близ Херсона, в котором «живут аланы (Ἀλανοί) столько же по своей воле, сколько и по желанию Херсонцев, словно некое ограждение и охрана (города) – οὐχ ἦττον θεληθέντες ἢ θελήσαντες, ὡς οἷόν τι περιτείχισμα ταύτη καὶ περιφρούρημα» [73, col. 391–394,5; 34, с. 17; 77, р. 167]. Исследователи текста «Аланского послания» подчеркивали его недостатки: запутанный язык, избыливающий цветистой риторикой, заимствованиями из Гомера и Библии, туманное, порою некорректное описание событий [34, с. 16, 18, 20–27; 27, с. 265]. Примером такой риторики является вставленная в жалобу на Херсонского епископа характеристика образа жизни алан Готии: «Воистину это была паства, разбросанная по горам, пустыням и пропастям, не имеющая ни загона, ни хижины – готовая добыча диким зверям» [73, col. 393; 27, с. 267]. Во всяком случае, в горах Готии не известны пустыни, да и археологи так и не выявили какие-либо следы кочевавших в регионе в первой половине XIII в. алан. В тексте «Послания» нет ни слова о независимом аланском княжестве.

Отображенные в «Аланском послании» злоключения епископа Феодора происходили в том же самом регионе и в тот же период (1223–1225 гг.), что и события, отраженные в «Синописе чудес св. Евгения» (1223–1227 гг.). Судя по тексту «Синописиса», Херсон и принадлежавшие ему Климаты Готии (Готия), по крайней мере, в первой половине XIII в. входили в состав Трапезундской империи. В тексте «Синописиса» содержатся доказательства совсем не номинального управления Трапезундом крымскими владениями. Император Андроник I Гид быстро и жестко отреагировал на захват сельджуками корабля из Херсона и их набег на город и Климаты (Готию), и для восстановления status quo ante bellum его армия и флот не только захватили Синоп, но отразили контрнаступление сельджуков и пленили «султана малика» [55, с. 127]. Трапезунд сохранил созданное в дофемный период администрирование Климатами Готии (Готфии), сохранив их подчинение Херсону. В «Синописисе» отчетливо отображено фискальное администрирование метрополии в крымских владениях. Напомню, на корабле имперский фискальный архонт димосия Алексей Пактиар перевозил в Трапезунд собранный в заморской провинции ежегодный (ἐπέτος) государственный налог (δημόσιος τέλος) [69, р. 74, 308, 316; 55, с. 127]. Трапезундского чиновника сопровождали херсонские архонты [6, с. 11–12].

Сторонники отождествления соседнего с Херсоном аланского селения с удаленной от города крепостью Кырк-иер на плато Чуфут-Кале игнорируют географическую и исторические реальности. В письменных источниках отсутствуют данные о существовании в горах и на Южном берегу одноэтничных готского и аланского регионов. В Судаке Рубрук рассказывали о говоривших на тевтонском и других языках жителях горного Крыма.

Упомянутые выше утверждения историков о фактическом разделе Готии на аланское и готское княжество опровергают и результаты археологических раскопок на ее территории. Скорее всего, к XIII в. в Готии уже сформировалась горнокрымская народность. Под влиянием христианства она впитала в себя аланский, готский, ромейский и болгарский компоненты. Новой народности принадлежала и единая материальная культура [2, с. 130]. Крепости, основанные в раннее средневековье византийцами на плато Внутренней гряды Крымских гор, в X–XIII вв. развились в города, сохранившие статус административных и религиозных центров отдельных климатов и игравшие большую роль в политической, экономической и религиозной жизни.

Поход Бату (Саин)-хана в Европу

Как отмечалось выше, В. Томашек, А. А. Васильев, А. Л. Якобсон и другие исследователи обосновывали вывод о подчинении Готии Бату в 1242 г. ссылками на труды Марино Сануто Старшего и Никифора Григоры.

Марино Сануто Старший в написанном почти через восемьдесят лет после завершения вторжения Бату в Европу труде весьма вольно изложил события, ограничив продолжительность нашествия 1242 г. Решение о походе Бату в Европу приняли в 1235 году на курултае. Весной 1236 г. возглавляемые Бату татарские войска начали поход и осенью 1237 г. захватили столицу Волжской Болгарии Болгар, в декабре сожгли Рязань, Коломну и Москву, в феврале 1238 г. – Суздаль и другие древнерусские города в верховье Волги [21, с. 57–58; 17, с. 55–59; 11, с. 497; 54, с. 22–23]. В 1239 г. войско Мункэ завоевало алан, черкесов и команов. В декабре 1239 г. татары второй раз захватили Сугдею, а в декабре 1240 г. – Киев [17, с. 59–60]. Войска Бату 11 апреля 1241 г. разгромили на реке Шайо в долине Мохи войско короля Венгрии, а 18 марта 1241 г. татары разбили поляков и вторглись в Верхнюю Силезию. В битве под Легницей 9 апреля 1241 г. татары победили армию князя Силезии Генриха II, погибшего в бою [63, р. 45–49; 17, с. 63–64; 76, р. 1–2; 54, с. 23–24]. Узнав о смерти 11 декабря 1241 г. в Каракоруме великого хана Угэдэя, Бату весной 1242 г. решил вернуться на Восток. Его войско из Болгарии через Валахию и Молдавию совершило поход в Поволжье. Татары сохранили под своим управлением только Русь [21, с. 58; 25, с. 15–16; 17, с. 65; 11, с. 497; 40, с. 213; 54, с. 24–25]. Скорее всего, составленный Марино Сануто список покоренных народов, так же как и представленный в письме французскому королю Филиппу VI от 13 октября 1334 г., отражает реалии первой трети XIV в.

Не заслуживают доверия и сведения Никифора Григоры. Перечень покоренных татарами народов содержит этносы, обитавшие на берегах Понта и Меотиды в разные эпохи. Татары, в соответствии с устаревшей в XIV в. античной литературной традицией, названы скифами. Довольно сложно установить дату этого нашествия. Халай – это, возможно, искаженное имя не сына, а внука Чингисхана Хулагу (1217–1265), завоевателя Персии и соседних стран [11, с. 148, 154; 54, с. 32–35, 499]. Телепуга, видимо, был потомком хана Бату, ханом Улуса Джучи Тула-Бугой (1287–1291)

[54, с. 49–51, 498], который не мог напасть на Крым в правление никейского императора Иоанна III Дуки Ватаца.

Некоторые вышеупомянутые историки XVII в. (Ширин Абд ал-Гаффар), XIX в. (Й. Гаммер-Пургшталь) и современные полагались на рассказы авторов шейбанидского круга о передаче Бату-ханом в управление сыну Джучи Шибану Кирк-иера. Авторы хроники «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» и Утемиш-Хаджи [10, с. 165] никогда не бывали в Крыму и создавали свои труды во многом по устным легендам, сохранившимся в памяти их информаторов. Предание о походе войска Шибана на вилайеты Крым и Каффу и о пожаловании Шибану крепости Кирк-иер отражает лишь отголоски реальных событий. Названные города основали не только спустя десятилетия после набега 1239 г., но и после кончины Батыея в 1255/6 г.: Солхат-Крым около 1263 г. [3, с. 287], а Каффу около 1276 г. [59, р. 117–118]. Не случайно об этих городах не знал Рубрук, в 1253 г. путешествовавший из Солдаи по равнинной части полуострова через Перекоп.

Из достоверных источников известно только о набеге на Судак полководцев Бату Шибана, Бучека и Бури в 1238 г. [42, с. 38, 39] или в 1239 г. [68, сел. 26,120, № 10]. Как мы видим, отсутствуют какие-либо заслуживающие доверия сведения о захвате татарами городов Горного Крыма в 1238, 1239 или 1242 г.

Правление хана Токты (Тохты)

Судя по информации авторов XVII в. Махмуда бен Эмир-Вали [31, с. 246] и Абу-л-Гази [58, Т. I, р. 181, 182], хану Менгу-Тимуру (1266/7–1280 гг.) принадлежал улус Крым с центром в Солхате. Он в начале своего правления передал улус Крым сыну Тукай-Тимура Уран-Тимуру. Правда, историк XV в. Бадр-ад-Дин аль-Айни писал о пожаловании Менгу-Тимуром улуса Крым освобожденному в 1269 г. из плена Изз-ад-дину Кей-Кавусу [47, с. 475, 502, 511]. Арабские географы Абу-л-Фида [32, с. 121] и ал-Калкашанди помещали округ Крым в степной части полуострова севернее Каффы и Судака [23, с. 261–262, 290–291].

Имя первого управлявшего Готией золотоордынского хана неизвестно. Согласно приписке на полях сочинения Рукн-ад-Дина Бейбарса [47, с. 111–112], регион мог принадлежать хану Токте (правил в 1291–1312 гг.). Он подарил весь Крым, в том числе и Готию, эмиру Ногаю, который назначил своего внука собирать налоги в Каффе и, видимо, в других крымских городах. После убийства внука в Каффе Ногай, желая не только отомстить за внука, но и предотвратить возможное неповиновение в будущем, в 1289 г. направил войска, разрушившие все крупные города Крыма: Сарукермен (Херсон), Кирк-иер, Керчь и др. [47, с. 111–112]. В результате археологических раскопок Херсона, городов на плато Эски-Кермен и Бакла выявлен слой разрушения, образовавшийся в результате нападения войск Ногай [4, с. 249–250]. Однако Ногай недолго владел городами Готии, через год он погиб в сражении с войсками Токты [47, с. 113, 114, 122, 123; 18, с. 49–50]. Скорее всего, Токта вернул города Готии под свое управление.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Книга 2 / Пер. с османского Ю.Н. Каримовой, И.М. Миргалеева. Казань: Изд-во Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, 2018. 199 с.
2. Айбабин А.И. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 121–134.
3. Айбабин А.И. Города и степи Крыма в XIII–XIV вв. По археологическим свидетельствам // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 277–306.
4. Айбабин А.И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 240–277.
5. Айбабин А.И. О дате образования Крымской Готии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 5. С. 71–78. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.5.6>.
6. Айбабин А.И. Топоним Климаты в средневековом Крыму // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 6. С. 6–17. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.1>
7. Байер Г.-В. Митрополии Херсона, Сугдеи, Готии и Зихии по данным просопографического лексикона времени Палеологов // АДСВ. 1995. Вып. 27: Византия и средневековый Крым. С. 65–76.
8. Бартольд В.В. Сочинения. Т. II, часть 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. 661 с.
9. Бартольд В.В. Сочинения. Т. III. Работы по исторической географии. М.: Наука, 1965. 711 с.
10. Бартольд В.В. Сочинения. Т. VIII. Работы по источниковедению. М.: Наука, 1973. 725 с.
11. Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Восточная литература, 2002. 754 с.
12. Бертье-Делагард А.Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК. Симферополь, 1918. № 55. С. 1–44.
13. Бертье-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. Симферополь, 1920. № 57. С. 1–135.
14. Бибииков М.В. Byzantinorossica. Свод византийских свидетельств о Руси. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. I. 734 с. (Studia Philologica).
15. Брун Ф.К. Черноморье. Часть 2. Одесса: тип. Г. Ульриха, 1880. 408 с.
16. Васильевский В.Г. Введение в житие св. Стефана Сурожского // Васильевский В.Г. Труды. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1915. Т. III. С. CXLII–CCLXXXVIII.
17. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь: Леан, М.: Аграф, 2000. 480 с.
18. Веселовский Н.И. Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время // Записки Российской Академии Наук. Петроград, 1922. Т. XIII. № 6. 58 с.
19. Герцен А.Г., Зайцев И.В. Первый период джучидского освоения Крыма (1223–1260 гг.) // История Крыма: в 2-х т. / Ред. А.В. Юрасов. М.: Кучково поле, 2017. Т. I. С. 294–295. (Крым в истории, культуре и экономике России).
20. Герцен А.Г., Могарычев Ю.М. Кырк-Ер – Чуфут-Кале. Крепость на краю седьмого климата. Симферополь: Антиква, 2016. 307 с.
21. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 478 с.
22. Григорьев А.П. Историческая география Золотой Орды: местоположение городов, их наименования // Тюркологический сборник – 2006. М., 2007. С. 117–168.
23. Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник – 2001. М., 2002. С. 261–280.
24. Дживованни дель Плано Карпини. История Монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / Пер. А.И. Малеева. М.: Гос. изд-во географической лит-ры, 1957. 291 с.
25. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.
26. Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков. М.: Восточная литература РАН, 2009. 301 с.
27. Иванов С.А. Византийское миссионерство: можно ли сделать из «варвара» христианина? М.: Языки славянской культуры, 2003. 376 с.
28. Карпов А.Ю. Батый. М.: Молодая гвардия, 2011. 348 с.

29. Келлнер-Хайнкеле Б. Кто был Абдулгаффар ал-Кирими Заметки о крымско-татарском историке XVIII века // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2002. С. 378–390.
30. Кеппен П.И. О древностях Южного Берега и гор Таврических. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1837. 409 с. (Крымский сборник).
31. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей (древность и средневековье). СПб.: Петербургское востоковедение, 2009. 424 с.
32. Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. М.: Восточная литература, 2009. 222 с.
33. Крамаровский М.Г. Джучиды и Крым: XIII–XV вв. // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 506–532.
34. Кулаковский Ю.А. Епископа Феодора «Аланское послание» // ЗООИД. 1898. Т. XXI. С. 11–27.
35. Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. Киев, 1914. 156 с.
36. Марко Поло. Путешествие / Пер. со старофранц. текста И.П. Минаева, вступ. ст. К.И. Кунина. Л.: Гослитиздат, 1940. 316 с.
37. Миргалеев И.В. «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи: перспективы изучения // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2011. № 4. С. 45–58.
38. Мустакимов И.А. Сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых Джучидов // Тюркологический сборник – 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М., 2011. С. 228–248.
39. Никифор Григора. История Ромеев. Том I / Пер. с греч. Р.В. Яшунского, вступ. ст. Л.А. Герд. СПб.: Свое издательство, 2013. 438 с.
40. Оллсен Т. Царевичи левой руки: введение в историю улуса Орды XIII – начала XIV в. // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2012. Вып. 5. С. 209–228.
41. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Том I. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
42. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Том II. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 248 с.
43. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное из-во, 1960. 276 с.
44. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. 774 с.
45. Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: Аст, 2006. 446 с.
46. Суперанская А.В., Исаева З.Г., Исхакова Х.Ф. Введение в топонимию Крыма. Часть I. М., 1995. 215 с.
47. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. 564 с.
48. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Извлечения из персидских сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
49. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Восточная литература РАН, 2002. 752 с.
50. Трепавлов В.В. Золотая Орда в XIV столетии. М.: Квадрига, 2010. 74 с.
51. Тунманн И. Крымское ханство / Пер. с нем. Н.Л. Эрнст, С.Л. Белявская; примеч., предисл. и прил. Н.Л. Эрнст. Симферополь, 1936. 116 с.
52. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсимиле, пер., транскрипция, примеч., исследования В.П. Юдина; комментарии и указатели М.Х. Абусеитовой. Алма-Ата: Гылым, 1992. 296 с.
53. Хартахай Ф.А. Историческая судьба крымских татар // Вестник Европы. 1866. Т. II. С. 182–236.
54. Шпулер Б. Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг. СПб.: Евразия, 2018. 559 с.
55. Шукуров Р.В. Великие Комнины и Восток (1204–1461). СПб.: Алетей, 2001. 446 с. (Византийская библиотека)
56. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 258 с. (МИА. № 17).
57. Якобсон А.Л. Средневековый Крым. М., Л.: Наука, 1964. 232 с.
58. Aboul-Ghâzi Béhâdour Khan. Histoire des Mogols et des Tatares / Publiée, traduite et annotée par le Baron J.J. Desmaisons. St.-Peterburg, 1871. Tom I. 393 p.
59. Balard M. La Romanie Génoise (XII – début du XV siècle). Roma, Genova, 1978. 494 p.
60. Guillaume de Rubruk, Jean du Plan Carpin. Relations des voyages. Paris, 1839. 275 p.

61. Hoffman D.L. Rusticiano da Pisa // *The New Arthurian Encyclopedia* / Ed. Norris J. Lacy. New York: Garland, 1991. P. 392.
62. Hammer-Purgstall J. Geschichte der Goldenen horde in Kiptschak // *Der Mongolen in Russland*. Pesth: C.A. Hartleben's Verlag, 1840. 683 S.
63. Howorth H.H. History of the Mongols. Vol. II. London, 1880. 626 p.
64. Kunstmann F. Studien über Marino Sanudo den Älteren mit einem Anhang seiner ungegedruckten Briefe. München, 1853. (Königliche Bayerische Akademie der Wissenschaften. Abhandlungen, Phil. Historische Classe, VII, Bd. III).
65. Marco Polo. Concerning the Kingdoms and Marvels of the East / Translated and edited, with notes by H. Yule. London, 1871. Vol. 2. 525 p.
66. Nicephori Gregorae. Byzantina historia. Vol. I. Bonnae, 1829.
67. Νυσταζοπούλου Μ. 'Ο «Αλανικός» τοῦ ἐπισκόπου Ἀλανίας Θεοδόρου καὶ ἡ εἰς τὸν πατριαρχικὸν θρόνον ἀνάρρησις Γερμάνου τοῦ Β'// Ἐπετηρὶς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν. Ἀθῆναι, 1964. τ. ΛΓ. σ. 270–279.
68. Νυσταζοπούλου Μ.Γ. Η εν Τῆ Ταυρικῆ Χερσονησο Πολις Σουγδαία. Ἀθηναι, 1965.
69. Oikonomides N. Fiscalite et exemption fiscale a Byzance (IXe–XIe s.). Athènes, 1996. 320 p.
70. Pachymeres G. Relations historiques / Ed. par A. Failler; Trad. par V. Laurent. Paris, 1984. 325 p.
71. Sanutus Marinus. Liber secretorum fidelium Crucis super Terrae sanctae recuperatione et conservatione, quo et Terrae sanctae historia ab origine et eiusdem vicinarumque provinciarum geographica descriptio continetur. Hannover, 1611. 361 p.
72. Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland 1223–1502. Leipzig: Harrassowitz Verlag, 1943. 556 S.
73. Θεοδору ἐπισκόπου Ἀλανίας. Ἀλανικός // *Patrologia Graeca*. 1865. T. 140. P. 387–414.
74. Tomaschek W. Die Goten in Taurien. Wien, 1881. 77 S. (Ethnologische Forschungen über Ost-Europa und Nordasien. 1).
75. Thunmann I. Der Krimische Staat // A. F. Busching grosse Erdbeschreibung. Vierter band das Asiatische Russland und die Krimische Tartarei. Troppau: Gedruckt bei J. G. Trassler und im verlage der kompagnie, 1784. 112 S.
76. Vásáry I. Golden Horde Khanate // *The Encyclopedia of Empire* / Ed. J.M. MacKenzie. New York, 2016. P. 1–10. <https://doi.org/10.1002/9781118455074.wbeoe233>.
77. Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Mass., 1936. 292 p. (Monographs of the Medieval Academy of America. No. 11).

REFERENCES

1. Abdulgaffar Kyrymi. *Umdet al-akhbar*. Book 2. Kazan, Institut istorii im. Sh. Mardzhani Publ., 2018, 199 p.
2. Aibabin A.I. Mogil'niki VIII – nachala Kh vv. v Krymu. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1993. Vol. III, pp. 121–134.
3. Aibabin A.I. Goroda i stepi Kryma v XIII–XIV vv. Po arkheologicheskim svidetel'stvam. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2003, Vol. X, pp. 277–306.
4. Aibabin A.I. Gorod na plato Eski-Kermen v XIII v. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2014, Vol. XIX, pp. 240–277.
5. Aibabin A.I. O date obrazovaniia Krymskoi Gotii. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istorii. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia*, 2018, T. 23, No. 5, pp. 71–78.
6. Aibabin A.I. Toponim Klimaty v srednevekovom Krymu. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istorii. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia*, 2019, T. 24, No. 6, pp. 6–17.
7. Baier G.-V. Mitropolii Khersona, Sugdei, Gotii i Zikhii po dannym prosopograficheskogo leksikona vremeni Paleologov. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 1995, Vol. 27, pp. 65–76.
8. Bartol'd V.V. *Sochineniia. T. II. Raboty po otdel'nyim problemam istorii Srednei Azii*. Moscow, Nauka Publ., 1964, 661 p.

9. Bartol'd V.V. *Sochineniia. T. III. Raboty po istoricheskoi geografii*. Moscow, Nauka Publ., 1965, 711 p.
10. Bartol'd V.V. *Sochineniia. T. VIII. Raboty po istochnikovedeniiu*. Moscow, Nauka Publ., 1973, 725 p.
11. Bartol'd V.V. *Raboty po istorii i filologii tiurkskikh i mongol'skikh narodov*. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2002, 754 p.
12. Bert'e-Delagard A.L. Kalamita i Feodoro. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Simferopol, 1918, No. 55, pp. 1–44.
13. Bert'e-Delagard A.L. Issledovanie nekotorykh nedoumennykh voprosov srednevekov'ia v Tavride. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Simferopol, 1920, No. 57, pp. 1–135.
14. Bibikov M.V. *Byzantinorossica. Svod vizantiiskikh svidetel'stv o Rusi*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004, T. I, 734 p.
15. Brun F.K. *Chernomor'e. Chast' 2*. Odessa, Tipographia G. Ul'rikha Publ., 1880, 408 p.
16. Vasil'evskii V.G. Vvedenie v zhitie sv. Stefana Surozhskogo. *Trudy V.G. Vasil'evskogo*, St-Petersburg, Akademiia nauk Publ., 1915, T. III, pp. CXLII–CCLXXXVIII.
17. Vernadskii G.V. *Mongoly i Rus'*. Tver, Moscow, Lean Publ., Agraf Publ., 2000, 480 p.
18. Veselovskii N.I. Khan iz temnikov Zolotoi Ordy Nogai i ego vremia. *Zapiski Rossiiskoi Akademii Nauk*, Petrograd, 1922, T. XIII, No. 6, 58 p.
19. Gertsen A.G., Zaitsev I.V. Pervyi period dzhuchidskogo osvoeniia Kryma (1223–1260 gg.). Iurasov A.V. (Ed.), *Istoriia Kryma*, Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2017, T. I, pp. 294–295.
20. Gertsen A.G., Mogarychev Iu.M. *Kyrk-Er – Chufut-Kale. Krepost' na kraiu sed'mogo klimata*. Simferopol, Antikva Publ., 2016, 307 p.
21. Grekov B.D., Iakubovskii A.Iu. *Zolotaia Orda i ee padenie*. Moscow, Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1950, 478 p.
22. Grigor'ev A.P. Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy: mestopolozhenie gorodov, ikh naimenovaniia. *Tiurkologicheskii sbornik – 2006*, Moscow, 2007, pp. 117–168.
23. Grigor'ev A.P., Frolova O.B. Geograficheskoe opisanie Zolotoi Ordy v entsiklopedii al-Kalkashandi. *Tiurkologicheskii sbornik – 2001*, Moscow, 2002, pp. 261–280.
24. Dzhiovanni del' Plano Karpini. *Istoriia Mongalov*. Gil'om de Rubruk. *Puteshestvie v Vostochnye strany*. Moscow, Izdatel'stvo geograficheskoi literatury Publ., 1957, 291 p.
25. Egorov V.L. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII–XIV vv.* Moscow, Nauka Publ., 1985, 245 p.
26. Zaitsev I.V. *Krymskaia istoriograficheskaia traditsiia XV–XIX vekov*. Moscow, Vostochnaia literatura RAN Publ., 2009, 301 p.
27. Ivanov S.A. *Vizantiiskoe missionerstvo: možno li sdelat' iz «varvara» khristianina?* Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2003, 376 p.
28. Karpov A.Iu. *Batyi*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2011, 348 p.
29. Kellner-Khainkele B. Kto byl Abdulgaffar al-Kirimi Zametki o krymsko-tatarskom istorike XVIII veka. *Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoi Ordy). Ot Kalki do Astrakhani. 1223–1556*, Kazan, 2002, pp. 378–390.
30. Keppen P.I. *O drevnostiakh Iuzhnogo Berega i gor Tavricheskikh*. St-Petersburg, Akademiia nauk Publ., 1837, 409 p.
31. Kliashturnyi S.G., Sultanov T.I. *Gosudarstva i narody evraziiskikh stepei (drevnost' i srednevekov'e)*. St-Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2009, 424 p.
32. Konovalova I.G. *Vostochnaia Evropa v sochineniiakh arabskikh geografov XIII–XIV vv.* Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2009, 222 p.
33. Kramarovskii M.G. Dzhuchidy i Krym: XIII–XV vv. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2003, Vol. X, pp. 506–532.
34. Kulakovskii Iu.A. Episkopa Feodora «Alanskoe poslanie». *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, Odessa, 1898, T. XXI, pp. 11–27.
35. Kulakovskii Iu.A. *Proshloe Tavriidy*. Kiev, 1914, 156 p.
36. Marko Polo. *Puteshestvie*. Leningrad, Goslitizdat Publ., 1940, 316 p.

37. Mirgaleev I.V. «Chingiz-name» Utemisha-khadzhi: perspektivy izuchenii. *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia*, Kazan, 2011, No. 4, pp. 45–58.
38. Mustakimov I.A. Svedeniia «Tavarikh-i guzida – Nusrat-name» o vladeniikh nekotorykh Dzhuchidov. *Tiurkologicheskii sbornik – 2009–2010*, Moscow, 2011, pp. 228–248.
39. Nikifor Grigora. *Istoriia Romeev*. Tom I. St-Petersburg, Svoe izdatel'stvo Publ., 2013, 438 p.
40. Ollsen T. Tsarevichi levoi ruki: vvedenie v istoriiu ulusa Ordy XIII – nachala XIV v. *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia*, Kazan, 2012, Vol. 5, pp. 209–228.
41. Rashid-ad-Din. *Sbornik letopisei*. Tom I. Moscow, Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1952.
42. Rashid-ad-Din. *Sbornik letopisei*. Tom II. Moscow, Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1960, 248 p.
43. Safargaliev M.G. *Raspad Zolotoi Ordy*. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1960, 276 p.
44. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi Porty do nachala XVIII veka*. St-Petersburg, 1887, 774 p.
45. Sultanov T.I. *Chingiz-khan i Chingizidy. Sud'ba i vlast'*. Moscow, Ast Publ., 2006, 446 p.
46. Superanskaia A.V., Isaeva Z.G., Iskhakova Kh.F. *Vvedenie v toponimiiu Kryma*. Part I. Moscow, 1995, 215 p.
47. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy. T. 1. Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh*. St-Petersburg, 1884, 564 p.
48. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy. T. 2. Izvlecheniia iz persidskikh sochinenii*. Moscow, Akademiia nauk SSSR Publ., 1941, 308 p.
49. Trepavlov V.V. *Istoriia Nogaiskoi Ordy*. Moscow, Vostochnaia literatura RAN Publ., 2002, 752 p.
50. Trepavlov V.V. *Zolotaia Orda v XIV stoletii*. Moscow, Kvadruga Publ., 2010, 74 p.
51. Tunmann I. *Krymskoe khanstvo*. Simferopol, 1936, 116 p.
52. Utemish-khadzhi. *Chingiz-name*. Alma-Ata, Gylym Publ., 1992, 296 p.
53. Khartakhai F.A. Istoricheskaia sud'ba krymskikh tatar. *Vestnik Evropy*, 1866, T. II, pp. 182–236.
54. Shpuler B. *Zolotaia Orda. Mongoly v Rossii. 1223–1502 gg*. St-Petersburg, Evraziia Publ., 2018, 559 p.
55. Shukurov R.V. *Velikie Komniny i Vostok (1204–1461)*. St-Petersburg, Aleteiia Publ., 2001, 446 p.
56. Iakobson A.L. *Srednevekovyi Khersones (XII–XIV vv.)*. Moscow, Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1950, 258 p.
57. Iakobson A.L. *Srednevekovyi Krym*. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964, 232 p.
58. Aboul-Ghâzi Bêhâdour Khan. *Histoire des Mogols et des Tatares*. St-Peterburg, 1871, Tom I, 393 p.
59. Balard M. *La Romanie Génoise (XII – début du XV siècle)*. Roma, Genova, 1978, 494 p.
60. Guillaume de Rubruk, Jean du Plan Carpin. *Relations des voyages*. Paris, 1839, 275 p.
61. Hoffman D.L. Rusticiano da Pisa. Norris J. Lacy (Ed.), *The New Arthurian Encyclopedia*, New York, Garland Publ., 1991, p. 392.
62. Hammer-Purgstall J. *Geschichte der Goldenen horde in Kiptschak. Der Mongolen in Russland*, Pesth, C.A. Hartleben's Verlag, 1840, 683 p.
63. Howarth H.H. *History of the Mongols*. Vol. II. London, 1880, 626 p.
64. Kunstmann F. *Studien über Marino Sanudo den Älteren mit einem Anhang seiner ungegedruckten Briefe*. München, 1853. (Königliche Bayerische Akademie der Wissenschaften. Abhandlungen, Phil. Historische Classe, VII, Bd. III).
65. Marco Polo. *Concerning the Kingdoms and Marvels of the East*. Vol. 2. London, 1871, 525 p.
66. Nicephori Gregorae. *Byzantina historia*. Vol. I. Bonnae, 1829.
67. Νυσταζοπούλου Μ. Ο «Αλανικός» τοῦ ἐπισκόπου Ἀλανίας Θεοδόρου καὶ ἡ εἰς τὸν πατριαρχικὸν θρόνον ἀνάρρησις Γερμάνου τοῦ Β'. *Ἐπετηρίς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν*, Ἀθῆναι, 1964, τ. ΛΓ, pp. 270–279.
68. Νυσταζοπούλου Μ.Γ. *Η εν Τῆ Ταυρικῆ Χερσονησῶ Πολις Σουγδαία*. Ἀθῆναι, 1965.
69. Oikonomides N. *Fiscalite et exemption fiscale a Byzance (IXe–XIe s.)*. Athènes, 1996, 320 p.
70. Pachymeres G. *Relations historiques*. Paris, 1984, 325 p.

71. Sanutus Marinus. *Liber secretorum fidelium Crucis super Terrae sanctae recuperatione et conservatione, quo et Terrae sanctae historia ab origine et eiusdem vicinarumque provinciarum geographica descriptio continetur*. Hannover, 1611, 361 p.
72. Spuler B. *Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland 1223–1502*. Leipzig, Harrassowitz Verlag, 1943, 556 p.
73. Θεοδωρου επισκοπου Αλανιας, Αλανικός, *Patrologia Graeca*, 1865, T. 140, pp. 387–414.
74. Tomaschek W. *Die Goten in Taurien*. Wien, 1881, 77 p. (Ethnologische Forschungen über Ost-Europa und Nordasien. 1).
75. Thunmann I. *Der Krimische Staat. A. F. Busching grosse Erdbeschreibung. Vierter band das Asiatische Russland und die Krimische Tartarei*. Troppau, Gedruckt bei J. G. Trassler und im verlage der kompagnie, 1784, 112 p.
76. Vásáry I. Golden Horde Khanate. John M. MacKenzie (Ed.), *The Encyclopedia of Empire*, New York, 2016, pp. 1–10.
77. Vasiliev A.A. *The Goths in the Crimea*. Cambridge, Mass., 1936, 292 p. (Monographs of the Medieval Academy of America. No. 11).

Информация об авторе

Айбабин А. И. – доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Researcher ID: Y-8384-2018.

Information about the author

Aibabin A. I. – Doctor of Science (History), Professor, Director of the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: Y-8384-2018.

ПРИНЯТИЕ РЕЛИГИИ ИСЛАМА ЗОЛОТОЙ ОРДОЙ И НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ БЕРКЕ И БЕЙБАРСОМ ПО ДОКУМЕНТАЛЬНЫМ СВЕДЕНИЯМ АБД АЗ-ЗАХИРА

Валерий Анатольевич Сидоренко

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия,
crimeastor@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7437-2750>*

Аннотация. Целью предпринимаемого в статье исследования является выяснение даты принятия ислама правителем Золотой Орды Берке и военной аристократией Улуса Джучи на основе документальных записей секретаря канцелярии мамлюкского султана эль-Малик аз-Захира Байбарса, его биографа Абд аз-Захира (1223–1293) и сведений египетских и сирийских летописцев, компиляции которых восполняют пробелы в Лондонской рукописи его труда «al-Rawḍ al-zāhir fī sīrat al-Malik al-Zāhir» (Сад видимого в биографии эль-Малик аз-Захира); определить ценностную ориентацию внешней политики Золотой Орды в ее отношениях с мусульманским миром; установить хронологию обмена посольствами между Берке и султаном, состоявшимися до лета 1264 г.

Материалами исследования являются сведения о переписке и посольствах правителя Золотой Орды Берке и мамлюкского султана эль-Малик аз-Захира Бейбарса (1260–1277), содержащиеся в Лондонской рукописи сочинения Абд аз-Захира и заимствованиях египетских летописцев.

Новизна исследования заключается в впервые предпринятой попытке дословного перевода отрывков из арабских сочинений, собранных и опубликованных с переводами В. Г. Тизенгаузеном, и критическом рассмотрении исторических сведений, содержащихся в полученном материале.

Результаты исследования: 1) определяются отсутствие в письмах Байбарса и Берке данных о приверженности Берке к исламу ранее 1263 г. и наличие содержащихся в них прямых свидетельств о намерениях правителя Золотой Орды принять ислам как государственную религию, принятие ислама Берке, членами его семьи и военной аристократией Золотой Орды в начале мая 1263 г.; 2) устанавливается, что инициатива заключения военного союза с эль-Малик аз-Захиром Бейбарсом, следствием которого стало принятие ислама Золотой Ордой, принадлежала Берке, который первым отправил в Египет свое посольство, прибывшее туда 21 мая 1262 года; 3) определяется хронология посольств и обменов письмами между правителем Золотой Орды и мамлюкским султаном до лета 1264 года; 4) по сообщениям Абд аз-Захира определяется дата возобновления четвертого посольства Байбарса (17 июля 1264 г.), задержанного византийским императором Михаилом VIII Палеологом, и уточняется дата Ширванской битвы войск Берке и Хулагу (27 сентября 1262 г.); 5) принятие ислама Берке и военной аристократией Золотой Орды не было конверсией религий; наряду с исламом существовала и поддерживалась вера в Тенгри с ее сакральной формулой «mōngke tāngri-yin küčün-dur», на чем зиждилась власть каана (хана) и яса Чингисхана.

Ключевые слова: Золотая Орда, мусульманство, Абд аз-Захир, Берке, эль-Малик аз-Захир Бейбарс, Хулагу, Ширванское сражение

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках госзадания № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

© Сидоренко В.А., 2020

THE GOLDEN HORDE'S CONVERSION TO ISLAM AND THE INITIAL STAGE OF THE DIPLOMATIC RELATION BETWEEN BERKE AND BAIBARS ACCORDING TO ABD AZ-ZAHIR'S DOCUMENTARY ACCOUNT

Valery A. Sidorenko

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia, crimeastor@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7437-2750>*

Abstract. The purpose of the research undertaken by this paper is the discovery of the date when the ruler of the Golden Horde Berke and the military aristocracy of the Jouchi *ulus* converted to Islam, against the background of the documentary account of the secretary of the chancellery of the Mamluk Sultan al-Malik az-Zahir Baibars and his biographer Abd az-Zahir (1223–1293) and the information of Egyptian and Syrian chroniclers, whose accounts fill the gaps in the London manuscript of his work *al-Rawḍ al-zāhir fī sīrat al-Malik al-Zāhir* (“The garden seen in the biography of al-Malik az-Zahir”); the determination of the Golden Horde’s foreign policy’s value orientation in its relations with the Muslim world; the establishment of the chronology of the embassy exchange between Berke and the sultan which happened before the summer 1264. The research materials comprise the information on the correspondence and embassies of the Golden Horde ruler Berke and the Mamluk Sultan al-Malik az-Zahir Baibars (1260–1277) contained in the London manuscript of the work by Abd az-Zahir and the Egyptian chroniclers’ borrowings. The novelty of the research is the first-time attempt of verbatim translation of the passages from Arabic works collected and published with translations by V. G. Tizengauzen and a critical examination of the historical accounts contained in the materials obtained. The results of the research undertaken: 1) it has been determined that Baibars and Berke’s letters did not contain information of Berke’s adherence to Islam prior to 1263; these documents supply direct accounts of the Golden Horde ruler’s intention to convert to Islam as the state religion, and Berke, his family, and the Golden Horde’s military elite’s conversion to Islam in early May 1263; 2) it has been revealed that the initiative of conclusion of a military alliance with al-Malik az-Zahir Baibars resulting in the Golden Horde’s conversion to Islam belonged to Berke, who was the first to send his embassy to Egypt, which arrived there on May 21, 1262; 3) the chronology of embassies and exchanges of letters between the Golden Horde ruler and the Mamluk Sultan before the summer of 1264 has been defined; 4) Abd az-Zahir’s accounts have been used as the background to uncover the data when Baibars’ fourth embassy restarted (July 17, 1264) after it was detained by the Byzantine emperor Michael VIII Palaiologos, and the date of the battle of Shirvan between the armies of Berke and Hulagu has been clarified (September 27, 1262); 5) Berke and the Golden Horde’s military elite’s acceptance of Islam was not a conversion to religion; along with Islam, there existed and was supported the belief in Tengri with its sacred formula “mōngke tāngri-yin kücün-dur” as the basis of *kaan’s* (khan’s) power and Jenghiz Khan’s *Yasa*.

Keywords: Golden Horde, Islam, Abd al-Zāhir, Berke, al-Malik al-Zāhir Baybars, Hulagu, Shirvan battle

Acknowledgments: The work was carried out within the framework of the state assignment No. FZEG-2020-0029 supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Труд *al-Rawḍ al-zāhir fī sīrat al-Malik al-Zāhir* (*Сад видимого в жизнеописании эль-Малик аз-Захира*), или, по библиографическому словарю Хаджи Хальфа, *Sīrat al-Malik al-Zāhir* [42, с. 46] был составлен секретарем бахритского¹ мамлюкского султана эль-Малик аз-Захира ад-Дуниа в-ад-Дин Бейбарса эль-Бундукдари (1260–1277 гг.) кади, Мухйи ад-Дина Абу ль-Фадл Абд-Аллаха сыном, Абд аз-Захиром (далее – Абд аз-Захир), жившим в 620–692 г. х. (1223–1293 гг.). Этот один из его трудов известен по двум неполным рукописям: Лондонской (British Museum, MS Add. 23331) и Стамбульской (Istanbul, MS Fātih 4367). Лондонская рукопись охватывает пять начальных лет правления Бейбарса. В 1884 г. В. Г. Тизенгаузенем были опубликованы выдержки из текстов арабских авторов, касающиеся истории Золотой Орды, и их переводы, а среди них – выборки из Лондонской рукописи Абд аз-Захира² [17, с. 47–55 (текст); 42, с. 55–64 (перевод)]. В 1941 г. И. Х. Измирли переиздал часть собранных В. Г. Тизенгаузенем выдержек из текстов авторов (11 из 26) с переводами на турецкий язык и поправками в чтении текстов, в том числе – и Абд аз-Захира [80, s. 110–136]. Текст Лондонской рукописи был издан с английским переводом С. Ф. Сэйдике в 1956 г. [77].

Стамбульская рукопись [64] содержит 195 листов, начинается с 663 г. х. и доводится до смерти султана Бейбарса и его похорон в 677 г. х. Часть рукописи Британского музея соответствует ff. 1–64, v Стамбульской. Таким образом, сведения, относящиеся к предшествующим 663 г. х. (24.10.1264–12.10.1265 гг.) событиям, содержит только Лондонская рукопись. Пропуски в текстах обоих фолиантов и грамматически неточные вставки переписчиков показывают, что мы располагаем далеко не первыми копиями авторского оригинала. В полной мере это относится к описанию событий, происшедших до 663 г. х., где помимо пропусков значительных частей и редакций наблюдается нарушение хронологической последовательности в перемещенных частях и не принадлежащие автору повторы, неуместно вклинивающиеся в текст. В. Д. Смирнов писал о «хронологической путанице», наблюдаемой в работах египетских хронистов, бывшей, по его мнению, «последствием недостаточности сведений о происходившем в Деште-Кыпчаке и в Крыме...» [41, с. 144]. Можно возразить его формальной отписке: «хронологическая путаница» не связана с недостатком сведений о Золотой Орде, а причиной ее являются ошибки, дополнения или восполнения утраченных частей текста переписчиками, часто уступавшими авторам в знании грамматики.

К счастью, с трудом Абд аз-Захира было знакомо большинство арабоязычных хронистов и летописцев, включавших в свои работы выписки из него, в том числе и фрагменты текста, отсутствующие в Лондонской и Стамбульской рукописях Абд

¹ В арабских сочинениях происхождение дефиниции «бахритские мамлюки» объясняется, в основном, связью прилагательного «бахритские» с названием крепости, построенной Саладином (Айуб ас-Салах ад-Дин, султан Египта и Сирии из династии Айюбидов, 1138–1193 гг.) в дельте Нила, но, по мнению Р. Нура, мамлюки назывались бахритскими, поскольку были доставлены из-за моря («Бахр» – ‘море’) работоторговлей. По мнению Амина аль-Холи, название «бахритские» почти соответствует названию «кипчакские» [3, с. 35, пр. 6], а кипчакское происхождение мамлюкских султанов упоминают египетские хронисты.

² Fol. 22 v.; 47 r., v.; 49 r.; 52 v.; 64 r.; 91 v.

аз-Захира. К последователям, пользовавшимся рукописью Абд аз-Захира для цитирования, компиляции или краткого пересказа эпизодов, следует отнести Шафи, сына Али (Наср ад-Дин Абу Али Шафи бнун Али, 1252–1329) [50; 79], ан-Нувайри (Шихаб ад-Дин Абуль Аббас Ахмед бнун Абд ал-Вахаба, 1279–1333) [42, с. 128–175; 56], эль-Муфаддаль (эль-Муфаддаль бнун Абу ль-Фадаиль, 1259–1341) [52, с. 176–199; 59, р. 343–550; 71; 75, р. 213–216], эль-Фората (Наср ад-Дин Мухаммед бнун Абдаррахим эль-Мисри, 1335–1405) [19, с. 351–357], эль-Айни (Бадр ад-Дин Махмуд ибнун Ахмад эль-Айни, 1361–1453) [51, с. 475–538; 54; 55], эль-Макризи (Таки ад-Дин Абу-ль-Аббас Ахмад ибнун Али, 1364–1442) [42, с. 417–442], ал-Йунини (Кутб ад-Дин Муса ибнун Мухаммад ал-Йунини, 1256–1326) [31, с. 50; 57], Рукн ад-Дина Бейбарса (Бейбарс Рукн ад-Дин эль-Мансури эль-Мысри, 1247–1325) [32; 33; 58; 74]. И это не полный перечень авторов, цитировавших Абд аз-Захира или использовавших его свидетельства в сокращенном изложении. Современниками, дополняющими его сведения, являются Абу Шамах (Абд ар-Рахман ибн Исмаил Абу Шамах, 1203–1267) [53], Василь (Джемаль ад-Дин Абу Абдаллах Мухаммед ибн Салем, 1206–1298) [18, с. 70–75; 66] и Шаддад (Мухаммад ибн Али Ибн Шаддад, 1217–1285) [10, с. 13–17; 65]. Выдержки из его труда встречаются в классическом исламском сочинении Катира (Abū l-Fidā' Ismā'īl ibn Umar ibn Kaṭīr, 1300–1373) «al-Bidāya wa-n-nihāya fī ta'rīḥ» – Истории от сотворения мира до его времени. Без использования сведений Абд аз-Захира о султани эль-Малик аз-Захире Бейбарсе не обошлись и биографы ас-Сафади, ал-Кутуби Мухаммад Шакир, эль-Макризи, эль-Аскалани, Тагриберди [13, с. 199]. Можно сказать, что сочинение Абд аз-Захира «*al-Rawḍ al-zāhir fī sīrat al-Malik al-Zāhir*» являлось главным источником для египетской хронологии третьей четверти XIII в. и включает далеко не исчерпанные возможности для современных исследований истории.

Неоценимое значение сочинению Абд аз-Захира придают документальность записей и датировки событий часто днями и месяцами годов. Его тексты, дополняемые цитированием отсутствующих в них фрагментов и компиляциями хронистов, являются основным источником в исследованиях дипломатических связей между правителями Золотой Орды и мамлюкскими султанами [6; 7; 16; 36; 43; 45; 60; 68], сведений о Золотой Орде второй половины XIII в. и многого другого. В меньшей степени они используются в выяснении вопроса времени принятия мусульманства Берке и военной аристократией Золотой Орды, запутанность которого приводит Ж.Сабитова к двусмысленному заключению: «Рассуждения о том, что Золотая Орда приняла при Берке мусульманство, не заслуживают доверия» [34, с. 169]. В работах некоторых авторов имеет место отрицание принятия Ордой мусульманства при Берке. В статье А. Н. Иванова «К вопросу о причинах принятия ислама золотоордынским ханом Берке» собственно «причины» обходятся стороной, а в выяснении времени этого события автор ограничивается замечанием, что «...подавляющее большинство авторов (ал-Захиби, ал-Омари, ал-Калкашанди, ал-Айни) отдают предпочтение версии о принятии ислама Берке еще до воцарения (единственное исключение – краткое сообщение Бейбарса об обращении золотоордынского хана в 662 г.

хиджры (1262–1263), безусловно, ошибочно)» [20, с. 104–105]. Текст сообщения Рукн ад-Дина Бейбарса, передающий содержание письма султана эль-Малик аз-Захира, далеко не «единственное исключение». Он является компиляцией из эль-Фората и его дословно повторяет эль-Айни, а эль-Форат передает сообщение Абд аз-Захира, который как секретарь канцелярии султана Бейбарса сам участвовал в составлении его письма. В «Извлечения из сочинений арабских» В. Г. Тизенгаузеном включен фрагмент из «Летописи» Рукн ад-Дина Бейбарса, датированный не 662, как пишет А. Н. Иванов, а 659 г. х., что расходится с датой 660 г. х. сообщения Абд аз-Захира, сокращенной передачей которого являются сверявшиеся В. Г. Тизенгаузеном тексты Рукн ад-Дина Бейбарса, эль-Фората и эль-Айни. Автор не обращает внимания на то, что легендарное принятие еще в детстве мусульманства Берке порождено отнюдь не его современниками. Арабоязычные авторы упоминают «первое» принятие ислама Берке с недоверием к нему, отсылая читателя к источникам легенд. Хальдун приводит выписки из летописи эль-Мувейеда, «властителя Хамата, одного из потомков Эльмузаффера, сына Шахиншаха, сына Эйюба» [42, с. 379], а эль-Айни ссылается на «Летопись» Бейбарса, повторяя историю рассылки шейхом Наджм ад-Дином эль-Кубром своих учеников: Саад ад-Дина эль-Хамави – в Хорасан, Кемаль ад-Дина Эшшерьяки (?) – в Туркестан, Низам ад-Дина ал-Дженди – в Кипчак, Сейф ад-Дина эль-Бахарзи – в Бухару, и посещения последнего Берке [42, с. 507–508]. Можно заметить, что эпизод встречи с учеником шейха не свидетельствует о принятии мусульманства Берке, а может говорить только о его расположенности к нему. О том, что Берке в это время не был мусульманином, свидетельствует и отказ Сейф ад-Дина эль-Бахарзи принять его, преодоленный только настойчивостью и смирением посетителя. Автор не касается опубликованных переводов сообщений о принятии ислама Берке, или тех работ, в которых в той или иной мере затрагивается развернувшаяся вокруг этого вопроса полемика [76; 82]. Несостоятельность мнения о том, что Берке уже был мусульманином, приняв ислам под влиянием суфийского шейха Бахарзи, и апокрифичность легенд, на которых зиждется такой взгляд, убедительно показаны В. Васари [81, р. 241].

Статью, посвященную труду Мунеджимбаши Ахмеда Деде «Джами ад-Дувель», И. М. Миргалеев начинает с точной и взвешенной оценки значения работы В. Г. Тизенгаузена для российской науки: «Издание переводов на русский язык извлечений из арабоязычных источников по истории Золотой Орды В. Г. Тизенгаузеном стало прорывным в исследовательской тематике. Именно благодаря труду В. Г. Тизенгаузена российская историческая школа смогла оформиться в одну из ведущих исследовательских школ, и по сей день остается таковой» [29, с. 31]. Р. С. Зайнуддинов также высоко оценивает труд В. Г. Тизенгаузена, неоднократно пользуясь не помещенными в кавычки словами И. М. Миргалеева [13, с. 198–199; 15, с. 71–72]. Несмотря на этот казус, следует признать, что труд В. Г. Тизенгаузена заслуживает самой высокой оценки и значим как для отечественной, так и для мировой науки. Его переводами «Извлечений из сочинений арабских» [42] пользовались и пользуются зарубежные исследователи [59; 71; 73; 77].

В своей работе В. Г. Тизенгаузен иногда ориентировался на переводы частей текстов, сделанные Э. М. Катрмером. При этом, им заимствовались и ошибки авторитетного предшественника. Можно заметить, что к недочетам переводчиков относятся пропуски слов и частиц, неточности в определении пород глагола. Р. С. Зайнуддинов отмечает невыявление В. Г. Тизенгаузеном «скрытого местоимения» [14, с. 98], что для приближенного перевода не существенно. В терминологии арабских грамматистов, скрытое местоимение – это «выраженное в форме глагола «скрытое» личное местоимение 3-го лица в связи с отсутствием в глаголе 3-го лица совершенного времени морфологического показателя субъекта действия и в отличие от «явных» местоимений 1-го и 2-го лица» [8, § 66, с. 147–148]. Переиздание переводов В. Г. Тизенгаузена «московскими» [48] и «казахстанскими» [22] исследователями побудили Р. С. Зайнуддинова отметить их нецелесообразность при отсутствии корректировки [14, с. 98]. Он же заостряет внимание на проблемах переводов «заимствований в арабской историко-географической литературе» [12], «персидских и тюркских терминов в арабских текстах» [14].

Не менее ответственна, чем перевод, историческая интерпретация источника. Под Ласкарисом Абд аз-Захира и египетских хронистов Д. Р. Зайнуддинов подразумевает императора Никейской империи [11, с. 22–23, пр. 7, 8], а в конце его статьи помещена карта «Никейская империя и ее соседи». Последний из никейских Ласкарисов Иоанн IV Дукас, коронованный в 1258 г., был низложен своим бывшим регентом, а с 1259 г. соправителем, Михаилом VIII Палеологом в 1260 г., а 15 августа 1261 г. Михаил Палеолог торжественно вошел в Константинополь, положив конец Латинской империи, и объявил о восстановлении Византийской, короновавшись в храме святой Софии 25 декабря 1261 г. Никейская – прекратила существование, составив часть Византийской. Для времени правления в Египте и Сирии эль-Малик аз-Захира Бейбарса (1260–1277 гг.), первое письмо которого правителю Золотой Оды Берке было отправлено в 1262 году, о Никейской империи и Ласкарисах говорить поздно.

На то обстоятельство, что Лашкарисом или Ласкарисом Абд аз-Захир называет императора Михаила VIII Палеолога (15.08.1261–1282), обращал внимание Э. М. Катрмер. В. Г. Тизенгаузен констатирует это без объяснений [42, с. 57, пр. 1]. О том, что Ласкарис арабских авторов – византийский император Михаил VIII Палеолог, становится очевидным из сообщения хронистов об освобождении посланным Берке войском находившегося у него в плену свергнутого сельджукского султана Изз ад-Дина Кейкавуса, отъезде Ласкариса из Константинополя при приближении войска Берке [42, с. 191] и др.

Е. Блоче высказывал свое мнение об образовании имен типа Лашкарис–Ласкарис: « $\text{Öj } \text{q} \text{Ü} \text{Å}$, $\text{Öj } \text{m} \text{Ü} \text{Å}$, $\text{Öj } \text{m} \text{''} \text{Å}$ » не al-Ashkaṛī, al-Askaṛī, al-'Askaṛī, но Лашкари, Ласкари, л'Аскари, что в точности соответствует транскрипции Ласкарис, подобно как в Алжире $\text{Ölj } \text{''} \text{Å}$ является Л'арби, а не al-'Arbi, как в Мосуле, $\text{Å} \text{Å} \text{ç} \text{Ü}$ Ламин = al-Amin является вульгарным начертанием $\text{Å} \text{Å} \text{ç} \text{Ü} \text{Å}$. Этот феномен является общим для

всех арабских сабиров»³. Таким образом, он видит в Ласкарисе имя Аскари, с чем трудно согласиться, тем более, что назвать личность с этим именем он не берется. Нет крайней необходимости искать или вымышлять объяснение этой особенности, проявившейся в сочинении Абд аз-Захира. Более значимо, что повторение ее хронистами указывает на заимствование их сведений у этого автора.

Эль-Форат называет византийского императора при ссылке на Дукмака – Ласкарисом, а при цитировании Шаддада – на греческий манер василевсом Кирмихаилом (императором господином Михаилом) [19, с. 357]. Хулаку или Хулагу (Ḥūlāqū), так называемый эль-Форатом, Рукн ад-Дином Бейбарсом и эль-Айни, именуется у Абд аз-Захира Хулавуном (Ḥūlāwūn) [17, с. 46]. Хулавуном зовется Хулагу в сочинении современника Абд аз-Захира – испано-арабского географа Саида ал-Магриби (1214–1286 гг.) [23, с. 28], что, возможно, отражает знакомство с сочинением Абд аз-Захира арабских географов. Очевидно, он пользовался кличками «Лашкарис», «Хулавун», которые не могли употребляться султанской канцелярией в официальной дипломатической переписке. В последней строго соблюдались установленные правила, излагавшиеся в инструкциях по составлению писем [45, с. 41–84; 67, р. 61–63]. Но это же подтверждает, что между египетским мамлюкским султаном и его врагом Хулавуном дипломатических отношений не существовало и переписки не велось.

Принятие Берке и военной элитой Золотой Орды ислама часто рассматривается как неудавшаяся попытка распространения этой религии во всей Орде [82]. Одна из точек зрения на принятие ислама Золотой Ордой заключается в отнесении этого события к правлению хана Узбека (1314–1341 гг.). В комментарии к изданию текстов и переводов сочинений арабских географов XIII–XIV вв. И. Г. Коновалова пишет: «Официальной религией государства Джучидов ислам был объявлен при Узбек-хане» [23, с. 48]. В ряде работ исследователей отмечается отсутствие твердых представлений о времени вступления Берке в ислам и умаление роли принятия правителем Золотой Орды и ее военной аристократией новой религии в обособлении Золотой Орды от Каракорума. Укоренившееся в научной литературе мнение о датировке этого знаменательного для Золотой Орды события ранее 1263 г. ошибочно, в то время как дата его, несомненно, важна для понимания идеологического обоснования внешней политики Золотой Орды времени Берке, определившей исторический путь этого государственного образования во взаимоотношениях с мусульманским миром, а в дальнейшем – исторически сложившейся религиозной ориентации обособившихся от Золотой Орды ханств. Исследователи различно относят эту дату к 1261–1262 гг. или ранее [78, р. 44–45; 16, с. 43; 76, р. 186; 81, р. 236; 67, р. 64; 44, с. 46; 45, с. 47, пр. 20, с. 48, 50, пр. 39]. Источником недоразумения являются переводы

³ «Ḥj qūā, Ḥj mūā, Ḥj m'ā» ne sont pas al-Ashkarī, al-Askarī, al-'Askarī, mais Lashkari, Laskari, L'askari, ce qui correspond exactement à la transcription de Lascaris, comme, en Algérie, Ḥj 'ā est L'arbi, et non al-'Arbi, comme, à Mossoul, Ḥj Lamin = al-Amin est la graphie vulgaire de Ḥj. Ce phénomène est commun à tous les sabirs arabes» [59, p. 456, n. 2; 71, p. 114, n. 2].

свидетельства Абд аз-Захира, из которых вытекает, что при написании письма султаном эль-Мелик аз-Захири Бейбарсом правителю Золотой Орды Берке в 660 г. х. (26.11.1261–14.11.1262) последний уже был мусульманином. М. Фаверо считает, что принятие Берке ислама приходится на 1261/62 г.: «Между ноябрем 1261 и октябрем 1262 (660 г.) султан Байбарс доверил свое первое письмо хану Берке аланским купцам. Султан поздравил хана с его недавним обращением в ислам и призвал его сражаться с Хюлегу во имя джихада» [43; 68, с. 96]. Она же дает свой перевод сообщения Абд аз-Захира о содержании письма Бейбарса с конъектурой, заостряющей внимание на приверженность Берке к исламу: «До нас дошла новость о твоём обращении в ислам. Следовательно [как мусульманин], ты должен вести джихад с неверующими, даже если они – твои родственники» [46, с. 104]. Но переводимые ею тексты говорят только о намерениях Берке принять ислам, свидетельствуя о том, что во время написания бейбарсова письма Берке еще не был мусульманином. Называемое ею «первым» письмо Бейбарса не было первым в дипломатических отношениях правителя Золотой Орды с султаном Египта и Сирии, и к нему вернемся в процессе рассмотрения в хронологическом порядке посольств, которыми обменивались правители до принятия Золотой Ордой мусульманства как государственной религии.

Путаница в числе и последовательности посольств дискредитирует сведения Абд аз-Захира как объективного и документального источника. Отражается это и на исследованиях историков. Б. Спулер, в разделе «Послы из-за рубежа» своей книги, останавливается на организации в 1263 г. одного посольства султана, упоминая отправку в качестве подарков Берке «слона и жирафа» [78, S. 354], хотя слона не находится среди перечисляемых Абд аз-Захиром животных [42, с. 60–61], а упоминается он ал-Муфаддалем в перечне тех же подарков, ошибочно приуроченных им к другому посольству. С. Закиров обобщает описание крымского маршрута послов с посольством султана, отбывшим из Египта в мухарраме 661 г. х. (15.11–14.12.1262 г.) [16, с.45–46]. Вероятно, на то же «усредненное» посольство ориентируется М. Г. Крамаровский, относя его нахождение в Крыму к ранней весне 1263 г. [28, с. 511]. По мнению других исследователей (Е. П. Мыськов), описания египетских хронистов касаются посольства Берке, отреагировавшего на первое письмо султана. «Первым» в том смысле, что оно положило начало дипломатическим отношениям Бейбарса и Берке, называют письмо султана из описания Абд аз-Захира и других авторов многие из исследователей, вычеркивая из списка посольств прибытие первых послов Берке, а как следствие этого – приписывают эль-Малик аз-Захиру Бейбарсу инициативу в заключении военного союза с Берке.

Первое посольство Берке к султану эль-Малик аз-Захиру Бейбарсу

Не вызывает сомнений достоверность сведений о посольстве Берке сообщения, оставленного Абд аз-Захиром, участником приема этого посольства как секретаря эль-Малик аз-Захира Бейбарса и составителя ответных писем султана. Однако значительные пропуски в его тексте, наблюдаемые в Лондонской рукописи (fol. 64,v), у

‘...его письмо (ÉIBN·), которое заодно (fí Ó¼§ Óh»А) эмира Джелал ад-Дина (Álf»А ¼ÛU j jÛÜA), и его письмо (ÉIBN· È), которое заодно (fí Ó¼§ Óh»А) шейха Нур ад-Дина (Álf»Аil Ì cÛr»А), содержали (Ì ÀZ çÈ) они оба (BAÈÁ) привет (Ûn»А) и похвалу (j ç r»АÈ)», и просилось (K¼ÈÈ)⁹ оказание помощи (eB· ÛA)¹⁰ против Хулавуна (ÆÈÛÇ Ó¼§), и извещения (ÁÛ§ÜAÈ) о том, что он против него (ÈÛ¼§ÛÇ B-) из-за нарушений (закона) (Ò°»B< Áç)¹¹ Синкиз-хана (Чингизхана) (ÆBai ç Am) и шарииата (Ò·Í j çÈ) его людей (È¼ÇA), и что (ÆAÈ) все его действия (È¼·· È·) по уничтожению народонаселения (ç Ì °Am ç ÛM Áç) начальником войска (çÍ j j l)¹², который враждебен (ÆAÈ fã»А)¹³ ему (ÈÁç)¹⁴ и т.д.’.

Берке сообщает о четырех своих братьях, участвующих в войне с Хулагу. Список сыновей Джучи по Рашид ад-Дину, заимствованный Махмудом б. Вали, состоит из Орды, Бату, Берке, Биркечара, Шибана, Тангута, Бувала, Чилаукуна, Шингура, Чимпая, Мухаммада, Удура, Тукай Тимура и Шингкума, правда, существуют и более пространные списки. Ко времени Берке уже не было среди них Орды, Бату, Шибана и Бувала. Хальдун, ссылаясь на эль-Мувейеда, властителя Хамата, сообщает, что во время царствования Берке посланный им на Запад брат Баджу (его нет в списке Рашид ад-Дина, но, возможно, он в нем выступает под другим именем) «пошел войною на царя алеманнов, из франков, но был разбит, возвратился и умер с горя» [42, с. 379]. Не пытаясь выяснить личности оставшихся живыми при Берке его братьев, мы все же можем заметить, что участие в военных действиях против Хулагу приняли не все они.

О посольстве пишет эль-Муфаддаль: «В этом (661-м) году 11-го реджеба (21 мая 1263 г.)¹⁵ прибыли морем в Александрию два посла от Берке: один по имени Джелаледдин, сын кадия Дауката, другой Иззеддин Эттуркмани. Содержание послания было (следующее): знай, что я друг правоверия, а что этот супостат, т.е. Хулавун, неверный; он уже злодейски избил мусульман и овладел их землями. Я рассудил, чтобы ты двинулся на него с твоей стороны, а я пойду на него со своей стороны. Мы нападём на него сразу и выгоним его из края. Я отдаю тебе (все) мусульманские земли, находящиеся в руках его» [42, с. 189].

Вероятно, два посольских письма Берке сходного содержания были составлены на разных языках – тюркском и арабском. Судя по их содержанию, это было первое

⁸ j ç r»А – «1) ‘похвала’; 2) ‘выражение благодарности’, ‘благодарность’, ‘признательность’» [5, с. 413 л., ст. 3–4].

⁹ K¼· – ‘искать’; ‘просить’; ‘требовать’; ‘хотеть’, ‘желать’ [5, с. 477 л., ст. 13–8 сн.].

¹⁰ eB· ÛA – ‘оказание помощи’ [5, с. 785 л., ст. 8].

¹¹ ÈÛ¼§ÛÇ – мн. ÈA--- «2) ‘нарушение’ (закона); ‘проступок’; ‘правонарушение’; ‘провинность’...» [5, с. 235 л., ст. 4–2 сн.].

¹² çÍ j j l мн. çÍ eB· à ÈA eB· à – «2) ист. ‘начальник войска’» [5, с. 75 п., ст. 15–14 сн.]. Ср.: çÍ eB· à

çÍ à – «1) ‘быть недовольным’...» [5, с. 75 п., ст. 11].

¹³ Артикль ¼Aв функции относительного местоимения в именном придаточном предложении при сказуемом – причастии страдательного залога см.: [8, с. 385, § 212]. AÈ fã»А – «1) ‘враждебность’; 2) ‘злоба’; 3) ‘агрессия’...» [5, с. 504 п., ст. 12 сн.].

¹⁴ Частица-предлог AÈ см.: [8, с. 406–407, § 220, 7].

¹⁵ 11 раджаба 661 г. х. = 10 мая 1263 г. Название месяцев В. Г. Тизенгаузен транскрибирует как тюркские.

послание Берке султану эль-Малик аз-Захиру Бейбарсу с предложением заключить с ним военный союз для борьбы с общим врагом – Хулагу.

Сообщение эль-Муфаддаля о письме и посольстве Берке вклинивается вставку в текст перед перечислением подарков, которые были отправляемы султаном с четвертым посольством, отбывшим летом 1263 г.: «В числе подарков находились звери, чуждые этому краю, как-то: слон, жираф, обезьяны, дикие полосатые ослы (зебры?), верблюды и ослы египетские...» [42, с. 189]. Приводимый эль-Муфаддалем список животных отчасти совпадает со списком Абд аз-Захира [42, с. 59]. Рознится и сокращенный перечень вещевых дарений, но очевидно, что описание признаков щедрости султана относится к сообщению о посольстве 1263 г. Вставка эль-Муфаддаля о посольстве завершается следующими словами: «Поблагодарил его султан за это и отправил к нему великолепный подарок да посла, сейида почтенного Имадеддина Абдеррахима Эльхашеми Эльаббаси и (вместе с ним) эмира Фариседина Акуша Эльмасуди Эльсаади в сообществе послов Берке» [42, с. 189]. Это сообщение не относится к данному посольству и заимствовано с сокращением и редакцией из сведений Абд аз-Захира о другом.

Еще одна вставка находится после перечня дарений. Она непосредственно перекликается с содержанием письма Берке, но перевод ее нуждается в корректировке.

ÆĒĒÛĬ Ç ÓŸ§ ÑfyvB·•ÆĒ \¼Ÿ»А К¼•Ē ÒŠBĭ »Ó- ¼Ĭ af»А Ò»Bmj»АĀАу

[52, с. 178, стт. 16–17]

Содержало в себе (ĀĀу)¹⁶ послание (Ò»Bmj»А)¹⁷ вступление (¼Ĭ af»А)¹⁸ в повиновение (ÒŠBĭ »А Ÿ)¹⁹ и желалось (К¼•Ē)²⁰ соглашение (\¼Ÿ»А)²¹ и совместность (B·•ÆĒ)²² одержания побед (Ñfy)²³ над Хулаввуном (ÆĒĒÛĬ Ç ÓŸ§).

В перевод этого фрагмента В. Г. Тизенгаузен вставляет конъюктуру, рассматривая его как продолжение предшествующего текста: «Послание (султана) содержало заявление готовности (на продолжение), да просьбу жить в мире и оказать помощь против Хулавуна» [42, с. 189–190]. Но это заимствованное эль-Муфаддалем у Шаддада сообщение Абд аз-Захира о содержании письма Берке, а не султана. Тюркское ÒŠBĭ »А обозначает религиозные 'повиновение', 'послушание', 'смирение'. Таким образом, Берке выражает желание вступления в военный союз с Бейбарсом для совместной борьбы с Хулагу и свою готовность к принятию ислама.

¹⁶ ĀĀу – 2) 'содержать в себе' (что-л.) [5, с. 462 п., стт. 6 сн.].

¹⁷ Ò»Bmj»А – 2) 'послание', 'письмо' [5, с. 296 п., ст. 18 сн.].

¹⁸ ¼Ĭ af»А – 'вход'; 'вступление' [5, с. 248 л., стт. 5–6].

¹⁹ ÒŠBĭ »А – тюркск. 'повиновение', 'послушание', 'смирение'; 'совершение богоугодных поступков'.

²⁰ К¼•Ē – 'искать'; 'просить'; 'требовать'; 'хотеть', 'желать' [5, с. 477 л., ст. 13-8 сн.].

²¹ \¼Ÿ»А – 'соглашение' [5, с. 443 п., ст. 5-6]. Ср.: \¼Ÿ – 'мир'; 'примирение' [5, с. 443 п., ст. 3].

²² B·•ÆĒ – 'вместе', 'в совокупности', 'одновременно' [5, с. 759 п., ст. 5 сн.].

²³ Ñfy – 'побеждать', 'одолевать' [5, с. 456 л., ст. 15].

Сведения о посольстве Берке под тем же 661 г. х. (вм. 660) передает эль-Бирзали, извлечение из «Летописи» которого включает в свой труд «Начало и конец» Кесир [42, с. 273]: (Cod. № 61, fol. 437, r)

ОАѠС F³ Ё» ¼ĭ ĩ j ÇB⊘»А • А АЕВ³ 0· jĭ ½mi Oĭ F³ (6610Ām 0̄) ВЕĬ⁻
 0ĬYBĀ ĀĭOĀM K· iB⁻ , ĀĬĀM·BI ĩ· ŪĬÇ ½⁻ Bĭ OĀVSE ĀYmŪA ĀĬf» 0NĚS
 ©ĬĀU 1 NĬj; SA АЕВ· Bĭ BĀĒ ĒeYĬ Āĭ ÉU j ŽĒA ÉA¼j; √Ā 0NŸ 0ĬY BĀ Āĭ BĀA ÉĬMĒ
 , ĀĒj· A Ē É¼mi • S ©¼aĒ Ēj , qĒ 0Cj» ĀhÇ j ÇB⊘»А LĬ √Nm B⁻ eYJ» Āĭ ĒfĬ 0̄ Bĭ

‘В этом (ВЕĬ⁻) (то есть в 661 году) (6610Ām 0̄ 0ĀĬ) я предпосылаю (Oĭ F³)²⁴ по-слов (½mi), Берке каан (АЕВ³ 0· jĭ), к аз-Захиру (j ÇB⊘»А • А) говорящий ему (Ё» ¼ĭ ĩ): ты наверно знаешь (OĀVSE F³) о моей любви (0NĚS) к вере ислама (ĀYmŪA ĀĬf»), и ты знаешь (OĀVSE) то, что есть действия (½⁻ Bĭ) Хулаку (ĩ· ŪĬÇ) против мусульман (ĀĬĀM·BI).

Далее – перевод В. Г. Тизенгаузена: «Двинься ты с (одной) стороны, а я пойду на него с (другой) стороны, так что дотла уничтожим его или выгоним его из земли его. И что бы ни случилось, я отдам тебе все страны, которые находятся в руках его. (Эльмелик-) Эззахыр одобрил это намерение, поблагодарил его, одарил послов его халатами и оказал им почет» [42, с. 275].

Прямая речь предполагает пропуск предшествовавшей ей вводной фразы, которую не может заместить помещенное здесь ‘В этом году’. Перевод В. Г. Тизенгаузена для первой половины фрагмента близок к его содержанию, но не является дословным: «Прибыли к (Эльмелик-) Эззахыру послы Беркехана, чтобы сказать ему (от имени Берке): ты уже узнал о моей любви к религии мусульманской и узнал, что сделал Хулаку с мусульманами» [42, с. 275]. Причиной затруднений с переводом является то, что I порода глагола ĀF³ не вписывается в классическую форму предложения. Можно предполагать, что глагол ĀF³ ‘прибывать’, ‘приезжать’, с суффиксом совершенного времени 1-го или 2-го лица ед. ч. имеет не отражаемую в лишенном гласных написании каузативную II породу (Āfā), что связывает выраженное им сказуемое ‘предпосылаю’ с подлежащим ‘я... Берке каан’. О различиях глаголов II и IV пород в тех случаях, когда их каузативные значения близки, но не схожи, пишет Б. М. Гранде, ссылаясь на подсказку Х. К. Баранова: «Проф. Х. К. Баранов обратил мое внимание на следующее: в тех случаях, когда II и IV породы обе обозначают каузативность, разница между ними заключается в том, что II порода имеет значение длительного воздействия, а IV порода – более кратковременного, например: ĀVŠ ‘научить’, т.е. воздействовать длительно, и ĀVŠā ‘сообщить’, т.е. воздействовать кратковременно» [8, с. 125, пр. 1].

Глаголу со значениями ‘сказать’, ‘говорить’ с префиксом Ā прилагательного (¼ĭ ĩ)²⁵ [8, с. 94] беспредложно подчинены управляемые им внешние объекты – два переходных глагола суждения ĀVŠ ‘знать’ с суффиксами совершенного времени 1-го

²⁴ I (ĀF³) Āfā (a) ĀĒfā 1) ‘прибывать’, ‘приезжать’ (куда 0̄M)... II Āfā 1) ‘предпосылать’ [5, с. 625 п., стт. 11–12, 14].

²⁵ (¼ĭ ĩ)³ ¼Bā (y) ¼Bā «1) сказать; говорить; рассказывать (о чем Ȳ, со слов кого ĀS) [5, с. 665 л., стт. 18–17 сн.].

или 2-го лица, ед. ч. обоих родов (OÄWS) [8, § 240, 6, с. 434]. Перед первым – находится частица-предлог fä , который с прошедшим временем имеет значение ‘уже’, а настоящее-будущим – ‘наверно’, ‘вероятно’, ‘может быть’²⁶. В соответствии с I породой глагола дается перевод В. Г. Тизенгаузеном – ‘ты уже узнал’, ‘ты узнал’, но относя его ко II породе, мы переводим в соответствии настоящее-будущему времени – ‘ты наверно знаешь’ и ‘ты знаешь’. Глаголы суждения управляют тремя объектами в винительном падеже [8, § 244, с. 442]. Отношение Берке к мусульманству выражено его *любовью к вере ислама* (ÄYmÜA Älf) ÖNŠ)²⁷, что не свидетельствует о приверженности к нему.

Предельно краткое сообщение об этом посольстве современника Абд аз-Захира, Васыля, значится под 668 г. х., не совпадающим даже с годами жизни Берке: «В 668 (=31 августа 1269 – 19 августа 1270 г.) году прибыли (в Египет) послы Берке для соглашения (относительно совокупных действий) против войска Хулавуна». Другое упоминание им о прибытии послов Берке и состоявшемся «соглашении между Эльмелик-Эззахыром и Берке на счет дел, которые предрешил Аллах всевышний» отмечено 671 г. х. (29 июля 1272 – 17 июля 1273 г.) [42, с. 75]. Приводимые им даты нет необходимости принимать во внимание. Но можно отметить, что из посольств Берке он выделяет наиболее важные и конкретизированные по своим задачам: то, целью которого было заключение военного союза с султаном, и другое – посвященное обсуждению вопросов принятия мусульманства Берке и достижению «соглашения». Очевидно, что с трудом Абд аз-Захира он не был знаком.

Судя по содержанию привезенного послами письма, выясняемому из изложения его Абд аз-Захиром, инициатива заключения военного союза с эль-Малик аз-Захиром Бейбарсом исходила от Берке, первым отправившим свое посольство к султану. Как можно понять из этого сообщения, прибывшие послы Берке вместе с другими ждали возвращения султана из окрестности Газы в Александрию, где собрались послы и представители государств. Здесь же оказались и послы бывшего султана Рума Изз ад-Дина Кейкавуса, находившегося в это время вместе с семьей в заключении у Михаила VIII Палеолога. О его освобождении ходатайствовал в своих письмах Берке, у которого, очевидно, до этого побывали послы пленного султана. Присутствовавшие при зачитывании писем Берке Бейбарсом послы Михаила VIII Палеолога, безусловно, не были уполномочены решать вопрос освобождения Изз ад-Дина, но должны были передать императору мнение обращавшегося к султану Берке. Об этом, проводимом султаном аз-Захиром Бейбарсом консилиуме с послами пишет М. Фаверо: «Конфигурация прямого маршрута между Александрией и Нижней Волгой через Константинополь и Крым – путешествие на два – два с половиной месяца – была главным итогом переговоров, проходивших в Каире меж-

²⁶ fä – «1) (перед прош. вр.) тж. ~) или ~) уже; 2) (перед наст.-буд. вр.) ‘иногда’, ‘наверно’, ‘вероятно’, ‘может быть’, ‘несколько’, ‘немного’» [5, с. 623 л., ст. 16–14 сл.].

²⁷ özfä – ‘любовь’, ‘привязанность’ [5, с. 153 л., ст. 19]. öNŠ – со слитным местоимением 1-го л., ед. ч.

ду Байбарсом, Берке, Михаилом VIII, султаном Изз ад-Дином и генуэзцами» [68, с. 100]. Но султана Бейбарса и послов, а особенно – находящегося в заточении бывшего султана Рума Изз ад-Дина, едва ли мог интересовать вопрос маршрута через Константинополь и Крым, который уже существовал, проложенный по морю, о чем говорит прибытие посланцев Берке в приморскую Александрию. При называемом ею «переговорами» общении султана с послами не могло подниматься вопросов антимонгольского союза, представителей которого среди послов не находилось. Договора заключались между султаном и правителями путем обмена письмами через посольства, причем военных союзнических отношений султана с христианскими государствами, в том числе и Михаилом VIII Палеологом, не существовало, что позволило последнему принимать послов Хулагу и заключать договора с ним «за спиной» эль-Малик аз-Захира Бейбарса. Как сообщается хронистом, с целью скрыть от султана свое общение с послами Хулагу он задержал на год у себя четвертое посольство султана.

Сообщаемая эль-Муфаддалем дата прибытия послов 11 раджаба 661 г. х. (10 мая 1263 г.) не соответствует содержанию письма. В нем Берке не пишет ничего о своем намерении принять ислам, уведомляя султана: «знай, что я друг правоверия». Далее он демонстрирует свою лояльность к исламу, отчетливо отделяя себя от мусульманского мира, выражает свое отношение к нему в лестных для мусульманина словах. Не соответствует приводимой эль-Муфаддалем дате предложение Берке о совместных военных действиях против Хулагу, осуществление которых началось уже в сентябре 1262 г. с согласованной с султаном отправки к нему отряда воинов Берке, покинувших войско Хулагу накануне Ширванской битвы по приказу Берке. В своем послании с вестью о победе над Хулагу, одержанной 13 января 1263 г. при Тереке, Берке выражал свою оценку военной кампании султана, осуществлявшейся в согласовании с военными действиями войска Берке.

Как видно, эль-Муфаддаль соединил сведения о разных посольствах. Приводимый им 661 г. х. не может быть принят для датировки прибытия первого посольства Берке к султану эль-Малик аз-Захиру Бейбарсу. Но очевидно, что дата 11 раджаба не выдумана эль-Муфаддалем, а заимствована из несохранившейся в Лондонской рукописи Абд аз-Захира части с описанием прибытия посольства. Если под «этим годом» подразумевать 660, то соответствующую 11-му раджаба этого года дату 21 мая 1262 г. можно считать достаточно достоверной.

О первом посольстве Берке, положившим начало его дипломатическим отношениям с султаном Бейбарсом сообщат ас-Сафади в своем «Полном сборнике биографий умерших личностей». Он пишет (перевод и конъектуры Д. Р. Зайнуддинова): «Этот самый Берке является кузеном Хулагу (по отцовской линии). (В свое время) он принял ислам и вел переписку с (мамлюкским султаном) аз-Захиром Бейбарсом. Он отправил своего гонца морем, последний появился (на территории Египта) из Александрии» [13, с. 209].

Письмо ал-Мелик аз-Захира Бейбарса правителю Золотой Орды Берке

Перевод В. Г. Тизенгаузена сообщения Абд аз-Захира о содержании послания султана следующий: «В 660-м г. (=26 ноября 1261 – 14 ноября 1262 г.) он (Эльмелик-Эззахыр) написал к Берке, великому царю татарскому письмо, которое я писал со слов его (и в котором) он подстрекал его против Хулавуна, возбуждал между ними вражду и ненависть да разбирал довод тому, что для него обязательна священная война с татарами, так как получают одно за другим известия о принятии им ислама, и что этим вменяется ему в обязанность воевать с неверными, хотя бы они были его родичи...» [42, с. 55].

Из перевода В. Г. Тизенгаузена действительно можно понять, что ко времени написания письма Берке уже был мусульманином. Но в письме эль-Малик аз-Захира Бейбарса «вступление в мусульманство» выражено изъявительным наклонением, а «постоянно получаемые известия» представляют незавершившийся, повторяющийся процесс в настоящем и будущем времени. Вводное именное предложение (ĖĵŸmBI iBJaŸA PjMŸM MĖĀŸ) начинается с частицы ¼ и предлога Ąĵ ‘что, чтобы’, где ¼ (с гласным i) могло бы выражать приказание при глаголе в усеченном наклонении [8, с. 399, § 219.7.7] и переводиться ‘*пусть чтобы ему...*’ или ‘*обязательно, чтобы ему (султану) постоянно поступали известия о вступлении в его ислам!*’. Но глагол, отражающий повторяющееся действие, побуждает рассматривать частицу ¼ как восклицание ‘О!’. По той же причине заключающее предложение слитное местоимение Ĥ(3-го л. ед. ч., косвенных падежей) не может относиться к Берке: принятие ислама и сопутствующая тому инициация не могут быть повторяющимися (особенно – второе) по отношению к одному лицу. Очевидно, речь идет о религии эль-Малик аз-Захира Бейбарса, высказывающим пожелание ее распространению в Золотой Орде, а не только принятию правителем.

Текст сообщения Абд аз-Захира по Лондонской рукописи (MS Add. 23331. Fol. 22v):

ĖĪ j-Ī ĖĀS ĖNUN- BBN- iBNNA 0 ĪĵĪĪ- Ō- jĪ • A (jĴBBA 1 ¼A) KN- 660 ŌĀm Ō-
 eBĖU ĖĪŸS KVI ĖĀ • S½ĪfM 28An ĪĖ ŌfZ -JME NEAF- Ą ĄĖĀĪĪ ©3Ī Ī ĄĖŸĖĪ
 ŌĪĄĄ ĄĖ- ĖŸĄĀ ĪĪĀB- ĪĖ ĪB° ¼ eBĖU 1 ¼g • S KĵNĪĖ ĖĵŸmBI iBJaŸA PjMŸM MĖĖŸiBNNA
 ŌNY pBA ¼MB ĪĖĀ ĄĄ BĵĪĵ 3 fĴBU Ė " Īj 3PA ĖMĪTrS ¼NB 3 ĄmĖ ĖĪŸS ĖĄĀ Ō¼Ą
 29[Pj]MĀĪM f3Ė ĄB- iŸA Ąĵ Ėĵĵ fŸA eBĖĪĖ ĄBn¼BIŸĪ 3 ĄŸmŸA ŌĪĖ ĖĄĀ ŸA ĖĄĀŸĪ Ī Ī
 • S ĖNUĖK ĄĖ ĪBSĄĵ ĄĖ 3Ė KĪĪĄ Ą ĄĖ ĄB3A ŌĖĄĵ vĄ BĖĪĪ- Ė ĄĵĵĖ k ¼ŸŸ ĄĖŸŸĴ ĄBI iBJaŸA
 ŌĄĵ «A LBN ¼ ĄĤ ĖĤ ŌĖ Ī 1 ĪŸS ĖNUĖ Ī» ĄĴBRĪĀ ŌB¼Ą Ą ĄĄĪ ĵ j-B ¼ Ą ĄĪŸBĪĄ Ą ĄmĖ 1 ĄĖ
 , ĄĖ Ą ĪBĴ Ąĵ ĖĪ ĄRĪ Ąĵ ŌJZU LBN ¼ S ĪĖ eBĖĪĄ Ąĵ ĖĪŸS ĄBn¼m ¼ Bĵ ± ŸĖ Ė jĪR-

Там, где у Абд аз-Захира находится отсылка ‘*со времени этого*’ (1 ¼g • S) [5, с. 537 л., ст. 27], у эль-Фората присутствует, возможно, находившееся в рукописи Абд аз-Захира условное предложение: ‘*когда вступит в религию ислама*’ (ĄŸmŸA ĄĖ Ō ¼ae gA)³⁰, которое восстанавливаем в тексте Абд аз-Захира.

²⁸ В. Г. Тизенгаузен – со знаком вопроса «(?)»; И. Х. Измирли: ĄĪ Ī [80, s. 112].

²⁹ В. Г. Тизенгаузен: «(чит. PjMŸM KMAĪM)».

³⁰ ĄĄĄ – ‘входить’; ‘проникать’; ‘вступить’ (куда вин. п. или Ō) [5, с. 247 л., ст. 14–13 сн.].

Корректированный перевод: 'В 660 году (26.11.1261 – 14.11.1262 гг.) он написал (КВ) к Берке (0·j1·A), великому (jTj·) царю (°i¼) татар (iBNN) письмо (BfB·), я писал его (ENUN·) с его слов (EAS)³¹, настраивает его (Ei j-Í) против Хулавуна (EÉYÉI), возбуждает (°3ÍÍ) между ними (AEATÍ) вражду (ÍEAF·) и ненависть (OFZ -JAE), и разделяет довод (½TÈ EJA AnÍE) с тем, чтобы ему (EM·S)³² следовало (KVI)³³ против него (ÉTIS)³⁴ вести священную войну (eBEU) с татарами (iBNN). О, чтобы ему (EÁÜ) (султану – В.С.) постоянно поступали (PjMTM) известия (iBjAU) о вступлении в его ислам! (EçYMBI). И будет вменяться в обязанность (KJNIE) со времени < этого > (°jg·S)³⁵ [вступления в религию ислама] (AYmUA AÍe Ó·½ae) – эль-Форат) вести священную войну с неверными (iB°, A eBEU), хотя бы они были его родичи (EYCA AÍB·ÍE). Ведь и пророк (OJA AEB·) – над ним благословение Аллаха и мир (AVmE ÉTIS EJA O¼) – сражался со своими соплеменниками-родичами и воевал против курейшитов (BçÍj³ FçBU È" Ij³BA EÍJ ÍrS ½MB³); ему было повелено (EÉ) (Аллахом – В.Тизенгаузен) биться с людьми до тех пор, пока они не скажут (ÍÍÍÍ ONY PBMAYMB ÍAE): нет божества, кроме Аллаха! (EJA OJA EJA). Ислам не состоит только в одних словах (EBN¼BIÜÍ³ AYmUA OÍE)³⁶, и священная война (eBEÍAE) есть одна из опор его (AE·iUA AçE¼FYA). И уже (F³E) непрерывно приходят известия (iBjAU [PjMTM], что Хулавун (EÉYÇ AEBI³⁷), ради своей жены и вследствие того, что она христианка, установил (у себя – В.Тизенгаузен) религию креста (KÍ¼A AÍe AB³A OBAJ VÁ BEAT·E EBUÉ k ½UÜ) и предпочел твоей религии почитание веры жены своей (°Íe·S ÉNUÉk AÍe NBSA¼ AE³E), да поселил католика неверного (j·B· A MÍ¼ BTA A·mAE) в жилище халифа (OB°¼^A A·AÍ j), ставя жену свою выше тебя (°ÍIS ÉNUÉ I AÇBRÍA). И в этом письме (LBN· A Ehc Ó·E) было много подстрекательств (jTR· OAJ A) и изложение того, как султан действует по части священной войны (eBEÍ· A EÉIS EB¼¼A B¼ ±UÉ E). Письмо это он отправил (OJZU LBN· A SÍE) с его доверенным лицом с купцом аланом (AE· A iBç Aç EÍ MÍ Aç)?

Заключительную фразу можно понимать скорее так, что султан снарядил посланника (доверенное лицо), который отправился вместе с аланским купцом, хорошо знающим дорогу к Берке. Поскольку он был один, без свиты (и без подарков), с точки зрения египетского хрониста это не являлось официальным посольством, он был всего лишь почтальоном, прокладывавшим дорогу для будущих посольств.

³¹ AS – 'со слов' [5, с. 543 л., ст. 8].

³² EA O¼S – 'с тем чтобы' [5, с. 537 л., стт. 15, 10 сн.]. Ср.: AE O¼S или EEC O¼S – 'однако', 'все же' [5, с. 537 л., ст. 10-9 сн.].

³³ EA ÉTIS KVI – 'он должен...'; 'ему следует...' [5, с. 872 п., ст. 13].

³⁴ ÉTIS – 'против него' [5, с. 537 л., стт. 4-5]. KÍ (a)Y (E) – 2) 'превосходить', 'побеждать' [5, с. 116 п., ст. 10-8 сн.].

³⁵ °jg O¼S – 'со времени этого...' [5, с. 537 л., стт. 15-13 сн.].

³⁶ Дословно: «И нет (OÍE) ислама (AYmUA) пусторечию (Í³), он не на словах (EBN¼BIÜ)».

³⁷ AEBI – 'о том, что...' [5, с. 52 п., стт. 4-3 сн.].

Сообщение эль-Фората (то же у Рукн ад-Дина Бейбарса и эль-Айни) является пересказом текста Абд аз-Захира с некоторыми сокращениями, редакциями и заменой прозвища Хулавуна на Хулагу.

Текст эль-Фората, Рукн ад-Дина Бейбарса и эль-Айни представлен по изданной В. Г. Тизенгаузенем и сверенной им с рукописями эль-Фората и эль-Айни выдержке из 10-го тома «Летописи» Рукн ад-Дина Бейбарса (Британский музей, fol. 51r) с некоторым сокращением.

0· j l • A (j ÇBα) AEBα¼α) KN· (659 0Am O´ OÄ´´Í) ...
 j Ml N» ETVS KUÉA eBÉU AEA E-j´´Í E Ì· ÜI EI EI j -hBFBN· AEB³ ÁIBU AI
 ¼BRjÇEiBē,» A FÇB• AEA ÁYmUA Ále O´ ½ae ga ÉjI WÉ E Éj YmBI iBjaUA
 iBfFYA ©j EÍ» EI S´´IE
 [33, с. 77], Éj· hAm B- f´´I BAÍ- ÉIAl U ei h´ AÉ´´»

Корректированный перевод текста эль-Фората, Рукн ад-Дина Бейбарса и эль-Айни:

‘...то есть в году 659 (659 0Am O´ OÄ´´Í) написал (KN·) султан (AEBα¼α) (аз-Захир) (j ÇBα) к Берке (0· j l • A), сыну Саин-каана³⁸ (AEB³ ÁIBU AI), письмо (BFBN·), наставлял его (EÍ j -h) против Хулагу (Ì· ÜI EI), и объяснял ему (E-j´´Í E) ³⁹, чтобы вести ему священную войну (E eBÉU AEA) сделалось обязательным (KUÉ A) ⁴⁰ для него (ETVS), пусть постоянно поступают (j Ml N») ⁴¹ известия (iBjaUA) ⁴² о принятии ислама ему (Éj YmBI) (султану – В.С.), и будет необходимым ему (ÉjI WÉ) ⁴³ (Берке – В.С.), когда (ga) вступит (½ae) ⁴⁴ в религию ислама (AYmUA Ale O´), чтобы велась священная война с неверными (iB° » A FÇB• AEA) и тому подобное (¼BRjÇE) ... И отправил ему он это (EÍ» EI S´´IE) (послание – В.Тизенгаузен) вместе с (©j) ⁴⁵ одним (FYA) купцом (iBf) аланом (AÉ´´»). Получен был впоследствии ответ его, о котором мы скажем ниже (Éj· hAm B- f´´I BAÍ- ÉIAl U ei h´).

Предложение Абд аз-Захира ‘О, чтобы ему постоянно поступали известия о вступлении в его ислам!’ (Éj YmBI iBjaUA Pj Ml N» EÍU) у эль-Фората теряет предлог A и местоименный суффикс (слитное местоимение) 3-го л., ед. ч., косвенных падежей

³⁸ Посмертное прозвище правителя Золотой Орды Бату: «Саин» – ‘хороший’, ‘прекрасный’. Здесь ошибка египетских хронистов, поскольку Берке приходился Бату братом. Подобным образом, следовавших за Берке ханов они считали его потомками.

³⁹ $\alpha j \theta$ – ‘давать знать’, ‘уведомлять’, ‘ознакомлять’, ‘объяснять’, ‘рассказывать’ [5, с. 509 п., ст. 11 сн.].

⁴⁰ В. Г. Тизенгаузен: $\kappa \nu \epsilon \alpha$ – исправлено на $\kappa \upsilon \beta \alpha$ – ‘делать обязательным’, ‘обязывать’, ‘вменять в обязанность’ [5, с. 872 п., ст. 4–3 сн.].

⁴¹ $j m l n$ – ‘непрерывно приходиться’, ‘последовательно поступать’, ‘прибывать подряд»; ‘следовать друг за другом»; ‘повторяться’ [5, с. 870 пр., ст. 6–8].

⁴² ϵj мн. $\epsilon j a$ – ‘известие’, ‘весть»; ‘сообщение’ [5, с. 209 пр., ст. 16 сн.]. Ср.: $\epsilon j a$ – ‘сообщение’, ‘извещение’, ‘информация’ [5, с. 209 пр., ст. 7].

⁴³ ϵj – ‘быть нужным, необходимым»; ‘надлежать’, ‘следовать’, ‘требоваться’ и др. [5, с. 719 л., ст. 3].

⁴⁴ $\epsilon j a$ – ‘входить»; ‘проникать»; ‘вступить’ (куда вин. п. или O´) [5, с. 247 л., ст. 14–13 сн.].

⁴⁵ ϵj – ‘с’, ‘вместе с’, ‘при’ [5, с. 759 пр., ст. 21].

в своем начале, что меняет значение открывающей его частицы ع на «приказание при глаголе» [8, с. 399]. Но с удалением предлога ع и слитного местоимения 3-го л., ед. ч. в начале предложения изменяется значение подобного слитного местоимения в конце, на которое переносятся функции опущенного первого: *'пусть постоянно поступают известия о принятии ислама ему'* ($\text{ع} \dot{\text{ج}} \text{م} \text{ب} \text{ل} \text{ا} \text{ج} \text{ا} \text{م} \text{ا} \text{ل} \text{ن}$).

Кроме ссылочного комментария и аргументации условного наклонения, можно отметить ошибочность сообщаемой эль-Форатом даты. У Абд аз-Захира – это 660 г. х. (26.11.1261–14.11.1262 гг.). Текст его, несомненно, послужил источником для сокращенного изложения эль-Фората, что подтверждают неоднократно встречающиеся у него ссылки на сочинение Абд аз-Захира.

О предшествовавшем посланию султана письме Берке можно судить по намеку на него в словах о том, что султан «разделял доводы», которые могли приводиться в нем. Вероятно, это письмо, которое привезли послы первого посольства Берке. Только из него султан мог узнать о расположенности Берке к исламу и готовности принять его для ведения религиозной войны-джахада в оправдание военных действий против татар.

Письмо Берке султану эль-Малик аз-Захиру Бейбарсу

В ответ на письмо султана пришло письмо от Берке, о котором пишет эль-Форат (то же у Рукн ад-Дина Бейбарса и эль-Айни): «Получен был впоследствии ответ его (Берке – В.С.)» [42, с. 98].

Можно предполагать, что в результате обмена письмами была достигнута договоренность о военном союзе. Только после получения вестей от Бейбарса с подтверждением его согласия на взаимодействие в войне с Хулагу Берке мог отправить письмо находившимся в войске Хулагу своим татарам с приказанием покинуть это войско, а в случае, если не окажется возможности вернуться назад, отправляться к султану эль-Малик аз-Захиру Бейбарсу.

Опасность для золотоордынской части войска оставаться с Хулагу стала явной после того, как он начал расправляться с людьми Берке, находившимися при войске, и убил его послов-племянников, что послужило началом открытой конфронтации. Развитие приведших к конфликту событий описывается Шаддадом и эль-Муфаддалем (со ссылкой на Шаддада): «Когда был 660-й год, то от Берке прибыли (к Хулагу – В.С.) два посла, из которых один назывался Балагия, а другой Татарша, с посланием, содержащим обычное между прочим требование, чтобы дому Батыеву была уплачена причитающаяся ему, согласно принятому обычаю, часть из того, что собрано с завоеванных земель... Когда Бату умер и на престол вступил Берке, то Хулавун удержал долю его. Тогда Берке послал к Хулавуну послов своих... Когда до Берке дошло (известие) об убиении послов и волшебников его, то в нем пробудилась вражда к Хулавуну, и он отправил послов своих к Эльмелик-Эззахыру, чтобы побудить его к совокупному действию против дома Хулавуна» [42, с. 188–189]. Как видим, здесь обрисованы причины обращения Берке к мамлюкскому султану и кон-

кретно сообщается о его инициативе в заключении военного союза с аз-Захиром Бейбарсом. Поскольку же Хулагу именуется Хулавуном, можно заключить, что это сообщение заимствовано Шаддадом у Абд аз-Захира.

Согласно версии, изложенной Рашид ад-Дином, еще при жизни Бату назначил для участия в походе Хулагу на Ближний Восток «Балакана⁴⁶, сына Шибана, и Тутара⁴⁷, сына Мингкадара, сына Бувала, 7-го сына Джучи-хана» [37, с. 67]. Рашид ад-Дин включает в свое повествование две различно освещающих события истории, которые И. Л. Измайлов считает фактом, «весьма показательным для начала распространения ислама в среду Джучидов» [21, с. 103], поскольку «в этом факте есть намек, что хан Берке, став первым мусульманским правителем в Золотой Орде, стремился жестко вводить нормы ислама и ограничить влияние шаманизма» [21, с. 104]. Отметим, что И. Л. Измайлов исходит из тех соображений, что Берке уже был мусульманином, и не принимает во внимание утвердившийся впоследствии в Золотой Орде симбиоз мусульманства и религии монголов «Вечного неба» Тенгри, на которую опиралась власть правителей всех рангов и яса Чингисхана. В первой истории рассказывается, что Балакан «задумал обман и коварство против Хулагу хана и прибегнул к волшебству», но после своего разоблачения был отправлен к Берке, который вернул Балакана обратно Хулагу, «(сказав) он – преступник, ты ведь его (как знаешь)» [37, с. 67]. Другая история такова, что «Царевич Балакан, сын Шибана, на пирушке внезапно скончался. После этого обвинили Тутар огула (оглана – В.С.) в волшебстве и заподозрили в измене. Хулагу хан, удостоверившись в проступке, отправил его (Тутара) Беркай-хану...» [37, с. 68]. Следует понимать, что обе истории предлагают сходные по обвинению в шаманстве мотивировки упоминаемого Шаддадом и эль-Муфаддалем под 660 г. х. (26.11.1261–14.11.1262 гг.) убийства послов Берке Балагии (Балакана) и Татарши (Тутара). Вероятно, направленные еще Бату для участия в завоевании Ирана, оба племянника Берке были отосланы Хулагу к нему под предлогом обвинения в заговоре или колдовстве. Когда же Берке отправил их обратно к Хулагу (для управления оставшимися без старших командиров золотоордынскими татарами и с требованием части добычи), то оба были убиты или отравлены. Разумеется, что никаких мусульманских мотивов и побуждений Берке к борьбе на их почве с шаманизмом в его действиях не проявляется.

Достоверность того, что Берке был инициатором установления дипломатических отношений с эль-Малик аз-Захиром Бейбарсом подтверждает содержащееся в Лондонской рукописи Абд аз-Захира описание первого посольства Берке, прибывшего в Египет, как предполагается, 21 мая 1262 г. В этом случае апогей конфликта между Берке и Хулагу, выражением которого явилось убийство племянников Берке огланов Балакана и Тутара, может датироваться мартом – апрелем 1262 г.

⁴⁶ Балакан, сын Шибана, сына Джучи [38, с. 46].

⁴⁷ Тутар, сын Бувала, сына Джучи [38, с. 169]. У Ибн Арабшаха и эль-Айни: «Ногай, сын Татара, сына Могола, сына Душихана» [42, с. 380, 508].

Обмену посольствами между Берке и султаном предшествовала переписка, несомненно, не ограничивавшаяся первым письмом султана и ответным – Берке. Доставка писем от Берке к султану и от султана к Берке занимала столько же времени, что и обмен посольствами – от 26 до 30 дней. Мы можем примерно рассчитать время посылки и получения писем, отталкиваясь в обратном отсчете от выдвижения 25 сентября 1262 г. из Эльбиры и Халев отбывшего из войска Халагу в сторону Египта отряда воинов Берке [42, с. 432]. Надо полагать, что полученный письмом приказ Берке был выполнен ими без отсрочек. Письмо Берке войску, вероятнее всего, отправлялось курьером, и доставка его могла занимать до 10 дней. Тогда второе письмо Бейбарса могло быть отправленным из Каира до 18 августа, а быть полученным Берке – около середины сентября 1262 г. Отправка первого письма султана эль-Малик аз-Захира с почтальоном и аланским купцом могла приходиться на вторую треть июня – середину августа 1262 г.

В изложении содержания письма эль-Малик аз-Захира Бейбарса нет ни намека на то, что Берке был мусульманином, и наоборот – прямо говорится о желательности его будущего приобщения к этой религии. В предшествующем послании Берке главное место, как видно из письма султана, занимала тема войны с Хулагу, для успешного ведения которой правителю Золотой Орды нужен был военный союз с Бейбарсом. Параллельно с налаживанием дипломатических отношений с мамлюкским султаном Берке вел переговоры с Михаилом VIII Палеологом. Посольство эль-Малик аз-Захира Бейбарса встретилось в последнюю декаду ноября 1262 г. в Константинополе с двумя посольствами Берке – первым, направлявшимся в Египет, и вторым, прибывшим к Михаилу VIII Палеологу. В обратный путь из Константинополя посольство Берке отправилось вместе с послами султана [42, с. 57] и послами Михаила VIII Палеолога [42, с. 56]. Тогда же дипломатические отношения завязывались у Берке и с Генуэзской республикой; включение ее в союзники отразилось в образовании в Крыму генуэзской колонии Каффы уже в 60-е годы XIII в.

Фразировка Абд аз-Захира «О, чтобы ему (султану – *В.С.*) постоянно поступали известия о вступлении в его ислам!», очевидно, отражает предъявляемое султаном условие вступления в антимонгольскую коалицию – необходимость принятия Золотой Ордой мусульманства. В редакции эль-Фората «пусть постоянно поступают известия» это заявление звучит более категорично. Едва ли отсылки султана к успешности священной войны-джахада были достаточно убедительными, и он расставлял акценты на моральной стороне ведения войны татар с татарами и практической выгоде мусульманского союза.

Прибытие ко двору султана эль-Малик аз-Захир Бейбарса отряда татар Берке

Отряд татар, ранее посланных Бату для участия в завоеваниях Ирана, но покинувших Хулагу по письменному распоряжению Берке, прибыл в Египет в октябре 1262 г. В дате, сообщаемой эль-Форатом, эль-Айни и Рукн ад-Дином Бейбар-

сом, следует читать не 661, а 660 г. х. Она, 6 дзульхидджа 660 г. х., соответствует 22 октября 1262 г.⁴⁸ Абд аз-Захир говорит об отряде татар, «впервые явившихся к султану» [42, с. 56], поскольку были и другие отряды. Принявшие мусульманство татары Берке присутствовали на священной присяге при провозглашении халифом имама эль-Хакима Биамриллаха: «Когда настал четверг 2 мухаррема 661 г. (=16 ноября 1262 г.), султан созвал общее собрание, на которое (собрались) весь народ, отряд татар, прибывших (из Ирана – эль-Форат), и послы султана, отправлявшиеся к царю Берке; присутствовал и имам Эльхахим... Кончилась эта священная присяга и он (султан) стал беседовать с ним (халифом) об отправке послов к царю Берке. Он (халиф) одобрил это и собрание разошлось. В пятницу, второй за тем день, (опять) собрался народ; присутствовали и послы, (назначенные) к царю Берке. Халиф произнес проповедь и молился с народом...» [42, с. 58].

Некоторыми исследователями высказывалось мнение, что к восстановлению в Египте халифа имел отношение Берке. Й. Хаммер-Пургштал считал, что после падения Багдада в 1258 г. Берке поставил нового халифа эль-Хакима в Халебе [62, S. 73–74], но уже Э. М. Катремер опровергал его мнение [75, p. 183].

Более подробно приезд отряда татар Берке описывает эль-Форат: «6 дзульхиддже (660 г. х. = 22 октября 1262 г. – В.С.)... прибыл (в Египет) большой отряд татар, искавших убежища и пожелавших принять ислам. То была толпа более чем в 1000 душ, в числе их старшины: Керемун, Амтагия, Нукия, Джабрак, Каян, Насагья, Табшур, Набату, Санджи, Джуджулан, Уджкурка, Уркук, Кирай, Сулагья, Менкадым и Сураган. Это были сторонники Берке, отправившего их на помощь к Хулаку; они находились при нем (Хулаку) некоторое время; когда же между ним и между Берке произошло столкновение и усилилась вражда, то Берке написал им, чтобы они покинули Хулаку и прибыли к нему (Берке), а если не могут направиться к нему, то присоединились бы к войскам Египетских владений. Прибыв (в Египет), они приняли ислам и подверглись обрезанию. Упомянутые старшины их выдвинулись вперед и были сделаны эмирами. Им были назначены наделы и хоры музыкантские, розданы деньги, одежды и подарки, да отведено помещение в Эльлуке» [42, с. 100]. Старшим среди прибывших татар был Сураган; Абд аз-Захир называет двух татар из этого отряда, помогавших султану в составлении письма и отправленных для сопровождения послов, «сподвижниками Сурагана» [42, с. 56].

Те же события в изложении эль-Макризи предстают как прибытие трех отрядов татар, и их также следует относить не к сообщаемому им 661, а к 660 г. х.: «7-го дзулькаада (660 г. х. = 25 сентября 1262 г. – В.С.) прибыл гонец из Эльбиры и Халеба (с известием), что толпа искавших убежища (состоявшая из) свыше 1300 монгольских всадников и *бехадырей* направляется (в Египет) к высочайшему двору. Султан приказал оказать им хороший прием... 6-го дзульхиддже (660 г. х. = 22 октября 1262 г. – В.С.) прибыли (к Каиру) татары, искавшие убежища, и старейшины их:

⁴⁸ 6 дзульхидджа – 331й день года; начало 660 г. х. – 26.11.1261 г. [61, p. 222] или 271й день мартовского года: 331+271–1–365=236й день 1262 г. или 22 октября [5, с. 941–942].

Керемун, Амагья, Нукия, Джарак, Каян, Насыгая, Тайшур, Бенту, Субхи, Джуджулан, Уджкурка, Адкерек, Кирай, Сулагия, Мункаддем и Дараган. Султан выехал к ним навстречу. При виде его они слезли с своих коней и поцеловали землю, он же (султан) оставался верхом, обласкал их и вернулся в замок. 8 числа (= 24 октября 1262 г. – В.С.) он пожаловал им халаты... Потом прибыли письма о приближении другого отряда (татар). Он (султан) позаботился и о них и выехал к ним верхом навстречу. Затем прибыл третий отряд (татар) и он (султан) обошелся с ними точно так же. Старейшин их он сделал эмирами и предложил им (принять) ислам. Они сделали мусульманами, и все подверглись обрезанию» [75, р. 221–222; 42, с. 432]. Список шестнадцати старшин сохраняет последовательность приводимых эль-Форатом имен, среди которых различия в написании имеют шесть: Джабрак – Джарак, Табшур – Тайшур, Набату – Бенту, Санджи – Субхи, Уркук – Адкерек, Сураган – Дараган. Можно отметить, что согласно этой версии приняли ислам только старшины (старейшины) татар, сделанные эмирами и поступившие на службу к султану. Вопрос о продвижении по службе этих татарских старшин рассматривается Д. Айэлоном. Ссылаясь на его наблюдения, М. Фаверо считает, что татары Берке прибыли в Египет двумя группами: «Первая состоит из 200 всадников во главе с Sauf al-Dīn Şiragān Aġā, приехавших в Каир в 660/1262. Вторая прибывает в 661/1263 и состоит из 1300 всадников под командованием некоего Garamūn Aġā al-Tatarī» [43, с. 47; 68, с. 97]. Но дело здесь в ошибочной дате, сообщаемой эль-Макризи. Оба из татарских старшин числятся, согласно сведений эль-Фората, в числе прибывших 22 октября 1262 г. татар: первый, Сураган, заключает список, а второй, Гарамун (или Керамун), его возглавляет. Воины Берке, очевидно, составляли два отряда, находившиеся в первоначальном составе армии Хулагу под командованием огланов Балакана и Тутара. После расправы Хулагу над ними отряды находились под командой старших эмиров Сурагана и Гарамуна. Отбыв из Эльбиры и Халеба, отряды могли соединиться, прибыв одновременно в Египет. О том, что Сураган и Гарамун были старшими в двух объединившихся по пути в Египет отрядах, можно судить по получению ими от султана должностей: удостоенный должности эмира Сураган продвинулся по службе после захвата Бейбарсом весной 1265 г. христианской крепости Кесарии и начал получать доходы от деревни возле нее, а Гарамун занял, правда, невысокую должность, но эмира (над сорока воинами) [43, с. 47; 68, с. 97].

Ширванское сражение

Путаницу сведений о миграции татар на территорию Сирии и прибытии от них четырех старшин из подданных Берке в Египет передает ан-Нувейри [42, с. 163–164]. То, что прибывшее в Египет воинство было разделено на три отряда, вероятно, домысел летописцев, присоединивших к ним и эмигрантов из разгромленного войска Хулагу, прибывших в Сирию (отсюда расхождение в сведениях о прибытии воинов Берке из Египта в Сирию, и сообщение ан-Нувейри о численности их в 200 человек вместо 1000, или примерно суммарное 1300). Эль-Муфаддаль пишет следующее:

«Шейх Шихабэддин Абушаме говорит в своей летописи: в этом (т.е. 660-м) году, 27 дзулькаада (= 13 октября 1262 г.)⁴⁹ прибыло в Дамаск из войска татарского 200 конных и пеших, с женами и детьми, бежавших к мусульманам. Они рассказали, что войско Хулавуна разбито сыном дяди его Берке, что полчища Хулавуна бежали и разбрелись в разные стороны, а эта толпа (в 200 человек) направилась в земли мусульманские...» [42, с. 187]. О победе Берке над Хулагу еще не было известно возглавляемому Сураганом и Гарамуном отряду татар Берке, а прибывшие в Сирию 200 воинов с семьями не только знали о ней, но, как сообщается, сами бежали с поля боя от войска Берке в числе рассеявшихся в бегстве воинов Хулагу.

По случаю принятия эль-Малик аз-Захиром Бейбарсом бывших врагов и поселения их на территории Мамлюкского султаната были написаны посвященные ему стихи Абд аз-Захира, цитируя которые эль-Форат (то же у эль-Айни и Рукн ад-Дина Бейбарса) ошибочно связывает их с прибывшим отрядом татар Берке. В них есть такие строки: «О владыка мира, который даровал народам мир, который правосудием освободил нас от зла, губившего нас, ты, к которому татары идут один за другим добычей как бараны; они боялись, что мечи твои будут гнаться за ними, как мщение, и пришли все ко двору твоему, чтобы укрыться в нем как в гареме...» [42, с. 101].

Сражение между войсками Берке и Хулагу произошло в окрестностях Ширвана. Войском Берке командовал Иису Ногай, сын Тутара. Войском Хулагу командовал Ширамун нойон. В конце сентября 1262 г. войска сошлись, и имевшее численный перевес ведомое в бой Иису Ногаем войско одержало сокрушительную победу.

Сообщаемая эль-Муфаддалем дата прибытия в Дамаск 200 татар-беженцев, прежде воевавших под командой Ширамуна, не согласуется с предполагаемой датой Ширванской битвы. Между азербайджанским Ширваном и сирийским Дамаском расстояние не менее чем между Крымом и Сараем Берке, преодолеваемом посольствами более чем за 20 дней пути. Отряду конных и пеших татар с семьями и своим имуществом должно было потребоваться на такое путешествие значительно больше времени. То, что битва при Ширване происходила в конце сентября 1262 г., согласуется с отбытием из войск Хулагу по приказу Берке его воинов около 20 сентября (гонцом доставлено известие об их отправке из Эльбиры и Халеба 25 сентября), то есть незадолго до Ширванской битвы. Можно заключить, что приводимая Шихаб ад-Дином Абу Шаме и эль-Муфаддалем дата прибытия части разбитого войска Хулагу в Дамаск не имеет отношения к их появлению в Сирии. Заметим, что представленное В. Г. Тизенгаузенем ее соответствие дню христианской эры грешит неточностью: 27 дзулькаада 660 г. х. = 27 сентября 1262 г.⁵⁰, а не 13 октября, как показывает он [42, с. 187].

Эль-Муфаддаль дословно цитирует Шихаб ад-Дина Абу Шаме, а то, что Хулагу назван Хулавуном, указывает на заимствование этого свидетельства у Абд аз-Захи-

⁴⁹ Пересчет даты на день христианской эры ошибочен.

⁵⁰ 27 дзулькаада – 306й день года; начало 660 г. х. – 26.11.1261 г. [61, р. 222] или 271й день мартовского года: 306+271–1–365=211й день 1262 г. или 27 сентября [5, с. 940–942].

ра. В Лондонской рукописи Абд аз-Захира эпизод с прибытием 200 беженцев пропущен, нет его и в Стамбульской, начинающейся с 663 г. х. Трудно допустить, что дата 27 дзулькаада 660 г. х. является припиской, не имеющей никакого отношения к событиям. Вероятно, она сообщала дату сражения при Ширване, ошибочно перенесенную летописцем на прибытие в Дамаск бежавших с поля боя участников битвы. В подобном случае мы имеем возможность установить дату Ширванского сражения – 27 сентября 1262 г.

Первое посольство мамлюкского султана к Берке

При содействии двух татар (сторонников Берке, сподвижников Сурагана) султан написал Берке письмо, в котором описывал мощь своей армии, побуждал его к войне с Хулагу, а также извещал «о прибытии отряда татар, пришедших (в Египет) и заявивших, что они подданные его (Берке), да о том, что им оказан почет и что все это (сделано) ради него (Берке)» [42, с. 57], а также «о положении дел ислама и об избрании халифа» [42, с. 189]. С письмами к нему султан «отправил в сообществе двух монголов (татар Сурагана – В.С.) эмира Кушарбека, тюрка, бывшего гардеробмейстера Харезмшаха и знакомого с странами и языками, да правоведа Меджеддина Рудзравери... В мухарреме 661 года (=15 ноября – 14 декабря 1262 г.) оба (посла) отправились, и (затем) прибыли в земли Ласкариса». Как сообщает Абд аз-Захир, «Прибытие их совпало с приездом послов от царя Берке к царю Ласкарису, и он отправил их (к Берке) в сообществе их (последних). Правовед же Меджеддин, по случаю приключившейся ему болезни, вернулся (в Египет) в сообществе (ехавших туда) послов царя Берке: эмира Джелаледдина и шейха Нуреддина Али. Эмир Сейфеддин Кушарбек отправился (далее) со своими товарищами. И прибыли (в Египет) письма царя Ласкариса о том, что послы султана невредимо отправились в путь и, может быть, (уже) прибыли к царю Берке в сообществе его послов» [42, с. 57–58].

Почти дословно это сообщение повторяется в Лондонской рукописи Абд аз-Захира, являясь дополнением переписчика, поместившим его в середину описания четвертого посольства Бейбарса: «В начале этого описания упомянуто было о том, что султан отправил послов к царю Берке, старался привлечь его на сторону ислама, возбуждал его против Хулагу и убеждал его напасть на него. Когда послы эти прибыли в земли Ласкариса, то правовед Меджеддин захворал и вернулся в сообществе отправившихся послов царя Берке, т. е. Джелаледдина, сына Элькади, и шейха Али Эльдимешики, а Сейфеддин Кушарбек и (упомянутых выше) два монгола поехали дальше» [42, с. 63].

Эта вставка в текст Абд аз-Захира, открывающая лист 91, v рукописи и озаглавленная «О прибытии послов царя Берке» (0· j| 1 ¼A ½mi ¾I UĖj· g), послужила ложному представлению об одном посольстве Бейбарса вместо четырех и сыграла свою роль в ошибках перевода следующего за ней текста. Если исключить ее из текста, то восстанавливается связь частей повествования о возобновлении четвертого посольства Бейбарса. Начинается оно с указания даты: «В рамазане 662-го года (=27

июня – 26 июля 1263 г.) дошло до султана, что Ласкарис задержал послов его...» [42, с. 62]. Затем следует описание мер по возобновлению посольства, упоминание писем, отправленных Михаилу Палеологу и Берке – с возвратившимся в Египет и вновь отправляемым послом Шерифом. В продолжении неуместной вставки говорится, что послы отправились «в двадцатый день» (Ḃēl Ālj r Ṣ Ī). Связь слитного со словом «день» субстативного «возвращающегося» местоимения Ḃā – ‘тот что’ [8, с. 384, § 209] с упоминавшимся в начале месяца рамаданом (тюрк. рамазан) 662 г. х. разрывалась этой выступающей как новая глава вставкой, и порядковое числительное переводилось переводчиками как количественное, несмотря на единственное число счисляемого. Возможно, их смущало отсутствие «артикля состояния» [8, с. 360, § 189] при порядковом числительном, которое, не имея единиц, подчинялось правилу «Определенный артикль прибавляется только к единицам» [8, с. 359, § 188, 2, 3]. В результате, «двадцать» понималось как число дней, потребовавшихся на дорогу послов от места их встречи до Константинополя [42, с. 63; 80, с. 134]. К тому же, не принималась во внимание каузативная VIII породе глагола ṢāḂ, указывающая на то, что встретились послы не с Ласкарисом (Михаилом VIII Палеологом), а друг с другом. Ту же ошибку допускают переводчики компиляторов Абд аз-Захира [75, р. 214; 59, р. 114; 71, р. 456] и корректировщики переводов В. Г. Тизенгаузена [80, с. 134]. Но очевидно, что речь идет о 20-м числе месяца рамадана (ḂāḂā Ḃā Ḃā) 662 г. х. (17 июля 1264 г.), когда было возобновлено злосчастное четвертое посольство султана.

Краткое изложение сведений о первом посольстве султана к Берке с датой его отправки в мухарреме 661 года передает Шафи, сын Али [42, с. 125–126], но из-за пропуска подробностей и сокращения описания у него получается, что вместе с послами султана к Берке был отправлен весь прибывший отряд его «сподвижников».

Второе посольство Берке к эль-Малик аз-Захир Бейбарсу представляли встретившиеся у Константина Палеолога с послами султана и составившие компанию возвращавшемуся по причине болезни в Египет правоведа Меджд ад-Дину Рудзравери – эмир Джелал ад-Дин (сын кади Дауката) и шейх Нур ад-Дин Али. Отправлялось это посольство из ставки Берке раньше отправки послов из Египта, следовательно, с учетом разницы в расстояниях до Константинополя от Каира и Сарая на Итиле (Волге), не позже конца октября 1262 г. Содержание письма Берке, привезенного вторым посольством, заключалось в подтверждении его намерений принять ислам. С задачами посольства, несомненно, связано участие в нем шейха, который, очевидно, должен был решить вопросы вступления в религию ислама, но о провозглашении халифом имама эль-Хакима 16 ноября 1262 г. он мог узнать только от встретившихся в Константинополе послов султана и их спутников из принявших мусульманство татар Сурагана. Отправка посольства Берке, путь которого должен был занимать около 26 дней, могла приходиться на вторую половину – конец октября, а возвращение послов могло состояться в январе 1263 г. В мае 1263 г. Джелал ад-Дин, сын кади Дауката, участвует в новом посольстве Берке уже с другим спутником.

Возвращавшиеся послы Берке эмир Джелал ад-Дин, сын кади Дауката, и шейх Нур ад-Дин Али могли отбыть из Египта в конце ноября 1262 г. и прибыть в ставку Берке в последней декаде декабря 1262 г.

Третье посольство Берке к султану

После новой победы, одержанной над Хулагу, Берке незамедлительно отправляет посольство к султану Бейбарсу, чтобы сообщить ему об этом. Прямых упоминаний об этом посольстве у хронистов не находится, но, возможно, сведения о нем минули канцелярию, поскольку оно не сопровождалось письмом, а у Абд аз-Захира после сообщения о посланном с аланским купцом письме султана находится пропуск, после которого сразу идет перечисление подарков, посылавшихся султаном со своими послами в ответ на четвертое посольство Берке. Об этом важном для восстановления всей картины дипломатических связей между мамлюкским султаном и правителем Золотой Орды посольстве сообщает сам Берке в отправленном вскоре (с четвертым посольством) письме, содержание которого передают эль-Форат, эл-Айни и Рукн ад-Дин Бейбарс: «...я отправил в сообществе послов султана моих гонцов и послов, как-то: Арбугу, Уртимура и Унамаса, да послал вместе с ними Ибншихабеддина Гази, присутствовавшего при побоище, чтобы он рассказал султану те чудеса сражения, которые он видел своими глазами; затем, чтобы изложить султану, что он (султан) спешествует благодати и счастию, поставив в царстве правверных имама из дома Аббасова, т.е. Эльхаким-биамриллаха» [42, с. 99]. Картина представляется следующей: после победы над Хулагу, одержанной войском под командованием Иису Ногая, в ставку Берке отправляется с этой вестью участвовавший в битве Шихаб ад-Дин Гази, заставший там готовившегося к возвращению в Египет посла султана эмира Сейф ад-Дина Кушарбека эт-Тюрки, с которыми Берке посылает его, чтобы как очевидец рассказал султану о победе над Хулагу. Вместе с ними отправляются Арбуга, Уртимур и Унамас, находившиеся при Берке. Как видно, отправленное к султану посольство с вестью о победе, одержанной над Хулагу, было представительным, состоявшим из огланов и нойонов. Поскольку по упоминанию в письме Берке в задачи этого посольства входило также поздравление султана с провозглашением нового халифа, привезенная послом султана Кушарбеком весть достигла Берке незадолго до вести о его собственной победе над Хулагу. Не вызывает сомнения, что сражением, о котором спешил сообщить Бейбарсу Берке, была битва при Тереке 13 января 1263 г. Получив известие об этой победе от доставившего его Шихаб ад-Дина Гази, Берке, не тратя времени на составления письма султану, отправляет к нему послов, что могло происходить 17–20 января 1263 г. Прибытие этого посольства в Каир могло состояться в феврале 1263 г.

Второе посольство эль-Малик аз-Захира Бейбарса к Берке должно было иметь место, хотя о нем не сообщают хронисты. Возможно, оно сопровождалось возвращением послов Берке Арбуги, Уртимура и Унамаса вместе с Шихаб ад-Дином Гази. Сопровождение возвращающихся посольств послами второй стороны не было

обязательным, но по времени их возвращение близко отправке посольства султана. В составе посольства могли быть эмир Сейф ад-Дин Кушарбек, недавно побывавший у Берке, и выбывший из состава первого посольства по причине своей болезни правовед Меджд ад-Дин ар-Рудзравери. О возвращении их обоих в Египет вместе с четвертым посольством Берке упоминает Абд аз-Захир: «Вместе с ними (послами Берке) вернулись послы султана: эмир Сейфеддин Кушарбек Эттюрки, (бывший) гардеробмейстер Харезмшаха, и правовед Меджэддин Эррудзравери...» [42, с. 98–99].

Четвертое посольство Берке, прибывшее с сообщением о принятии ислама им, членами его семьи и военной аристократией Золотой Орды. Упоминания этого посольства нет в Стамбульской рукописи Абд аз-Захира по причине отсутствия в ней начальных листов. В Лондонской – описание его пропущено, а после сообщения о первом посольстве Берке сразу следует пересказ Абд аз-Захиром содержания письма, писавшегося им для послания ал-Мелик аз-Захира Бейбарса «на 70-ти листах багдадских половинного формата» [42, с. 59], ответного на письмо, доставленное четвертым посольством. С этим посольством Берке связаны недоразумения в его освещении компилятивными источниками – эль-Муфаддалем и другими авторами. Но в достаточно подробном изложении его описание обнаруживается у эль-Фората и повторяющих его Рукн ад-Дина Бейбарса и эль-Айни.

Рукн ад-Дин Бейбарс пишет: «В 661 г.⁵¹ (=15 ноября 1262 – 3 ноября 1263 г.) прибыли в Египет послы Берке, царя татарского, а именно эмир Джелалэддин, сын Элькади, и шейх Нуреддин Али, с известием, что он принял ислам. При них было письмо от него (Берке), которое содержало поименование тех, кто из татарских домов принял ислам и вышел из толпы неверных, с подробным перечислением их по племенам и родам, (с указанием) отдельных лиц и ратей, младших и старших. Вступили, говорил он (в письме), в религию ислама наши старшие братья и наши младшие братья со своими детьми, сыновья Будакура со своими чадами и домочадцами, Пулад-Кукаджасу⁵², Яншунука⁵³ и находящиеся на землях их Кудугу, Каранджар, Танушбуга⁵⁴, Ширамун, Бузбаку, Мёнгкадар со своими ратями и слугами, Беккадак-Байнал, Тукузогул, Кутлугтимур, Аджи со своими детьми, Дурбай и десяти тысячный отряд, который двинулся для набега на Хорасан, да все те, которые отправились вместе с Байджу, как напр. Байнал-Нойон и Айкаку. Все они приняли ислам, без исключения, ввели у себя уставы и правила (ислама), плату зеката, обязанности участвовать в газавате и джихаде, по пути Аллахову, и произнесли (слова): хвала Аллаху, который наставил нас на этот (путь)» [42, с. 98–99]. Уже как мусульманин, Берке приводит цитату из Корана (сура II, 285). Далее следует цитировавшееся нами ранее сообщение о победе Берке над Хулагу, одержанной 13 января 1263 г. в битве

⁵¹ В Венской рукописи Рукн ад-Дина Бейбарса с названием «Царский дар по части тюркского владычества» иная, явно ошибочная дата принятия Берке ислама – 662 г. х. (4.11.1263–23.10.1264 гг.) [42, с. 121].

⁵² Эль-Айни: Кукаджур.

⁵³ Эль-Айни: Яншанука.

⁵⁴ Эль-Айни: Танушукбуга.

при Тереке, и перечисление послов Берке, посылавшихся к султану с устным сообщением о ней и поздравлениями его с провозглашением халифа и освобождения Багдада «из рук неверных».

Письмо Берке, которое привезли послы, было помечено датой своего написания «в местности Итиль» – 1-м числом реджеба 661 года (=11 мая 1263 г.), следовательно, принятие ислама Берке, членами его семьи и перечисляемыми в письме нойонами с войсковыми подразделениями произошло в первой декаде мая 1263 г. С посольством Берке возвратились в Египет послы султана эмир Сейф ад-Дин Кушарбек эт-тюрки и правовед Меджд ад-Дин ар-Рудзравери [42, с. 99].

После пропуска в тексте, где должно было сообщаться о прибытии послов и цели посольства, у Абд аз-Захира идет перечисление подарков султана, а далее он пишет: «Для них (послов) была изготовлена большая галера, в которой помещены были разные животные, посылавшиеся в подарок, и прочие драгоценные вещи... Он (султан) послал с ними провизию на год и приказал, чтобы с ними (послами) было совершено паломничество к святым местам. Султан написал, чтобы за него (Берке) молились в Мекке – да возвеличит ее Аллах – в городе пророка (т.е. Медине) – да будут над ним лучшие из молитв в мире – и в Иерусалиме, и чтобы в эктеньи поминали его (Берке) после него (султана). Он послал в Мекку – да возвеличит ее Аллах – написанное мною предписание относительно совершения за него (Берке) священного обхода (вокруг мекского храма). Они (послы) отправились 17-го рамазана 661-го года (=25-го июля 1263 года), лично убедившись в поразившем ум их величии султана» [42, с. 61–62].

Отношение к этому же посольству и мусульманскому обряду, исполняемому олицетворяющими Берке послами, имеет фрагмент текста Абд аз-Захира, не связанный с предыдущим повествованием и, по наблюдению Э. М. Катрмера, находящийся после значительного пропуска [42, с. 58, пр. 2]. В предшествующей ему части речь идет о присяге имаму эль-Хаким Биамриляху Абуль-Аббасу Ахмеду 2 мухаррама 661 г. х. (16 ноября 1262 г.), на которой присутствовал отряд татар, прибывших из Ирана. Этот рассказ обрывается на проповеди халифа и молитии с народом, и следует сообщение о встрече султана с послами Берке, датируемое временем, наступившим по истечении семи месяцев после провозглашения проповеди халифа в ноябре 1262 г. Фрагмент текста с этим сообщением представляет собой вставку, имеющую прямое отношение к четвертому посольству Берке, доставившему султану весть о принятии ислама правителем Золотой Орды и ее военной аристократией: «Во вторую ночь он (султан) пригласил послов царя Берке (к себе) в крепость; владыка наш, халиф, занялся облачением их, поручив исполнение (этой) обязанности атабеку; принесены были им такие одежды, какие приличествуют подобным им лицам. В пятницу, 28-го шаббана (=7 июля 1263 г.) владыка наш, халиф, также произнес проповедь, в присутствии послов царя Берке, прочел молитву за султана и за царя Берке, молился с народом и совещался с султаном и с послами о делах ислама»

[42, с. 58]. Чтение молитвы халифа за Берке могло состояться только после принятия им мусульманства.

Сокращенный пересказ о посольстве с указанием дат содержится у эль-Макризи, причем он включает в себя и эпизод с облачением послов в достойные их одежды, которое не султан, а халиф поручает атабеку [42, с. 431].

Очевидно, облачение послов в пышные по-царски одежды предусматривалось мусульманским обрядом, в котором они должны были олицетворять самого Берке. Г. А. Федоров-Давыдов полагал, что это был обряд клятвы Берке, а сама клятва служила рычагом «мощного религиозного влияния» Египта на Золотую Орду. По его мнению, «Берке через своих послов в Каире присягнул основанному Бейбарсом халифату. ...халиф сам провозгласил благословение Аллаха на хана Берке и приказал сделать то же самое с мимбаров Каира, Мекки, Медины и Иерусалима» [47, с. 39]. Послы присягали халифу при вторичном чтении письма султана вместе со всеми присутствующими, но это были послы не Берке, а султана, отправлявшиеся в мухарреме 661 г. х. (15 ноября – 14 декабря 1262 г.) [42, с. 57]. Присягать за Берке не имело смысла, так как присяга не бывает заочной, тем более невозможна заочная клятва. По приказу не халифа, а султана, за Берке молились в Мекке, Медине и Иерусалиме, а в эктеньи поминали имя Берке после имени султана эль-Малик аз-Захира Бейбарса [42, с. 61–62], что было высочайшей честью для правителя-мусульманина. Неточность допускает и Амин аль-Холи, когда приписывает халифу приказ о моленьи за Берке, добавляя «и во всем Египте» [3, с. 19].

Судя по дате написания письма Берке – 1-е число месяца раджаба 661 г. х. (11 мая 1263 г.), проезд посольства Берке в Египет приходился на июнь 1263 г. Мероприятия, организованные султаном для торжественного приема послов и подготовки ответного посольства, заняли достаточно много времени. О продолжительности подготовки к отправке посольства к Берке говорит и то, что письмо султана размещалось «на 70-ти листах багдадских половинного формата» [42, с. 59], а специально для подарков Берке изготавливались изделия. Составитель этого письма Абд аз-Захир сообщает: «Я прочел письмо султану в присутствии всех эмиров, и он сделал к нему прибавление; также и атабек, диктовавший его. Когда письмо это было окончено, то изготовили высочайшие подарки, как-то: священное писание, написанное, как говорят, Османом, сыном Аффана, – да ниспошлет ему Аллах свое благоволение, – в обложке из красного, шитого золотом, атласа, и в футляре из кожи, подбитой шелком; налой для него из слоновой кости и черного дерева, выложенный частями серебра, с серебряным замком...» [42, с. 60]. Не меньше времени заняло корабельное строительство: «Для них (послов) была изготовлена большая галера, в которой помещены были разные животные, посылавшиеся в подарок и прочие драгоценные вещи» [42, с. 61]. В обратный путь послы Берке, а с ними и султанское посольство отправились 17 рамадана 661 г. х. (25 июля 1263 г.), «лично убедившись в поразившем ум их величии султана» [42, с. 62]. Обрядом, для которого была подобрана соответствующая ему экипировка послов Берке, было посещение мусульманских

святынь. Совершая хадж, они должны были олицетворять Берке своим внешним видом, а отправка посольства султана с послами Берке могла состояться только после хаджа.

Письмо Иису Ногаю эль-Малик аз-Захиру Бейбарсу о принятии мусульманства

Эль-Форат, Рукн ад-Дин Бейбарс и эль-Айни сообщают: «В 66(<9> – В.С.) году прибыло (в Египет) послание от Ису-Ногаю, родственника царя Берке и главного предводителя войск его. Вот копия с него: «Отправлено это письмо Ису-Ногаю к Эльмелик-Эззахыру. Хвалю Аллаха всевышнего за то, что он включил меня в число правоверных и сделал меня (одним) из тех, которые следуют вере очевидной». Затем (следует): «это послание наше включает в себе две цели: одна из них – привет и поздравление от нас тебе⁵⁵, другая та, что от Арбуги услышали мы, что для скрепления союза своего с отцом нашим, Беркеханом, он (султан) пожелал иметь сведения о сыновьях и родственниках его (Берке) и о том, кто из них принял ислам. Когда это было (нам) сообщено, то мы искренно полюбили Эльмелика-Эззахыра, который верен своему слову, и сказали: осведомление его о нас (происходит) только от усердия его к исламу и искренности стремления его к укреплению союзов. Мы написали это послание, при содействии Уртимура и Тукбуги, для оповещения (тебя), что мы вступили в ислам и уверовали в Аллаха, в то, что пришло от Аллаха, да в ниспосланного Аллахом. То, что мы сказали, заслуживает доверия; мы идем по пути отца нашего Беркехана, следуем за истиной и уклоняемся от лжи. Да не прекратится пересылка писем (между нами). Мы с тобою, как кончики пальцев на руке: действуем заодно с тем, кто с тобою в согласии, и противимся тому, кто тебе противится» [42, с. 101–102]. Далее приводится содержание ответного письма султана с извещением о получении послания, приветственными словами Иису Ногаю и похвалой в адрес Берке. В начале сообщения стоит дата 669 г. х., которая не соответствует времени Берке и, очевидно, появилась из-за ошибки переписчика.

Корректируя перевод на турецкий язык И. Х. Измирли перевода В. Г. Тизенгаузена, Д. Р. Зайнуддинов пишет: «В данном случае перевод Исмаила Хакки Измирли не точен. Из турецкого перевода исходит, что Ису-Ногаю отправил свое письмо к эль-Малику аз-Захиру с помощью Уртимура и Тукбуги, хотя в арабском оригинале речь не идет об отправке вышеупомянутых лиц с письмом. Родственник царя Берке и главный предводитель войск его информирует лишь о содействии Уртимура и Тукбуги в написании послания. Возможно, что они были переводчиками с тюркского (монгольского?) на арабский язык, или Ису-Ногаю был неграмотным и пользовался услугами вышеупомянутых писарей, или они работали у него секретарями. Проблема в турецком переводе упирается в арабский фразеологизм *fī ʾal-yad*, что дословно переводится как «на руке», а в переносном смысле: «при содействии».

⁵⁵ У Ибн эль-Фората вместо этой фразы пространная молитва «за печать посланничества, за удостоверение доказательств, за главу ниспосланных и за предстоятеля благочестивых, Мухаммеда...» [42, с. 101, пр. 1].

Измирли же перевел его как «отправил», что коренным образом меняет значение текста. Ведь Уртимур и Тукбуга были не международными послами-дипломатами, а всего лишь государственными чиновниками (переводчиками или секретарями)⁵⁶. В итоге незначительная ошибка Исмаила Хакки Измерли меняет оценку читателя в отношении Уртимура и Тукбуги» [9, с. 112].

Несмотря на незначительные расхождения с переводом В. Г. Тизенгаузена, перевод И. Х. Измерли незаслуженно подвергается критике Д. Р. Зайнуддинова, обращающегося не к русскому переводу, а к арабскому тексту. Произвольное объяснение им фразы $\text{f}\dot{\text{I}} \text{O}\% \text{S}$ обнаруживает неполное использование словаря, на который даются ссылки. Для перевода особо важны идиоматические выражения, которые могут значительно отличаться от смысла имени действия (масдара). Эти фразеологизмы составляют неоспоримое преимущество и ценность словаря И. Х. Баранова. Его стереотипные 5-е (1976) – 7-е (1989) издания расширяют до 42 000 слов словарную базу, ограничивавшуюся 33 000 в предшествующих изданиях (1940–1946, 1958, 1962, 1970). Но и обходиться только словарем И. Х. Баранова при переводе текстов арабских хронистов нельзя без опоры на классические словари во избежание использования не применявшихся в их эпоху значений слов. Этой разницы словарь не отмечает, но изначальные значения слов выдвигаются им на первые места. Можно найти в нем и идиоматическую фразу $\text{f}\dot{\text{I}} \text{O}\% \text{S}$ с ее значением ‘заодно’⁵⁷.

В письме Иису Ногаю, Тукбуги и Уртимура повсеместно встречается употребляемое только в косвенных падежах арабской грамматики слитное местоимение 1-го лица множественного числа: ‘от нас тебе’ ($\text{'} \text{I} \text{A} \text{B}\dot{\text{E}}$), ‘услышано нами’ ($\text{B}\dot{\text{A}} \text{'} \text{A} \text{m}$), ‘отцом нашим’ ($\text{B}\dot{\text{A}} \text{I} \text{A}$), ‘нашей искренней дружбой’ ($\text{B}\dot{\text{A}} \text{z}\dot{\text{E}} \text{v}\dot{\text{A}} \text{d}$), ‘нами сказано’ ($\text{B}\dot{\text{A}} \text{v}\dot{\text{A}}$), ‘нами написано это письмо заодно с Уртимуром и Тукбугой’ ($\text{B-} \text{I} \text{ } \text{q}\dot{\text{I}} \text{M}\dot{\text{E}} \text{ } \text{i} \text{ } \text{l}\dot{\text{A}} \text{I} \text{M}\dot{\text{A}} \text{ } \text{f}\dot{\text{I}} \text{O}\% \text{S} \text{ } \text{L} \text{B} \text{N} \text{ } \text{A} \text{A} \text{h}\dot{\text{C}} \text{ } \text{B}\dot{\text{A}} \text{J} \text{N} \text{ } \text{.}$), ‘нашем вступлении в ислам’ ($\text{A}\dot{\text{Y}} \text{m}\dot{\text{U}} \text{A} \text{ } \text{Y} \text{ } \text{B}\dot{\text{A}} \text{v}\dot{\text{A}} \text{e}$) [33, с. 79–80]. В большинстве случаев (кроме «отца нашего», «от нас тебе» и некоторых других) В. Г. Тизенгаузен переводит эти местоимения именительным падежом «мы», не стремясь к дословности перевода. Тем не менее, на множественное число, указывающее на трех и более лиц, трудно не обратить внимания.

Часто авторы не замечают несоответствия сообщаемой даты письма годам правления Берке, называемого здесь ханом. Р. Хаутала в своей статье «Сравнение восточных и миссионерских источников по истории Золотой Орды» пишет: «Согласно рассказу мамлюкского автора Байбарса аль-Мансури, в 1270/71 г. Ногай известил египетского султана о своем обращении в ислам» [63, с. 210]. Сообщать о вступлении в ислам через шесть лет после принятия его Золотой Ордой было бы поздно.

О прибытии письма от Ногаю сообщает кратко эль-Макризи, по сведениям которого оно состоялось «в мухарреме 669 года» [42, с. 434]. Годовое число, совпа-

⁵⁶ Сноска Д. Р. Зайнуддинова: «У Ю. В. Селезнева Уртимур и Тукбуга представлены как золотоордынские чиновники. См. Селезнев Ю.В. Элита Золотой Орды. – Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2009. – С. 190, 203».

⁵⁷ $\text{f}\dot{\text{I}} \text{O}\% \text{S} \text{ } \text{f}\dot{\text{I}} \text{F}\dot{\text{Y}} \text{A}\dot{\text{E}}$ – ‘действовать заодно’ [5, с. 917 л., ст. 12–11 сн.].

дающее с сообщаемым эль-Форатом, Рукн ад-Дином Бейбарсом и эль-Айни, явно ошибочно, поскольку выпадает на правление Менгу Тимура. Но наличие указания на первый месяц года показывает, что источником для эль-Макризи мог послужить Абд аз-Захир, единственный из авторов, фиксировавший, как секретарь канцелярии султана, даты поступления писем. Время прибытия письма ко двору султана могло приходиться на первый месяц 662 г. х. (4 ноября – 2 декабря 1263 г.). Принятие мусульманства Иису Ногаем, Тукбугой и Уртимуром раньше, чем его принял сам Берке (в первой декаде мая 1263 г.), можно исключить, исходя из участия Уртимура во второй половине января 1263 г. в посольстве, отправленном Берке к султану с вестью о поражении войска Хулагу в битве при Тереке (13 января 1263 г.) [42, с. 99]. Послы Арбуга, Уртимур, Унамас и Шихаб ад-Дин Гази в середине января 1263 г. еще не приняли мусульманства, иначе не было бы необходимости сообщать о вступлении его в религию ислама в письме Иису Ногаю, но возвратившись из Египта до мая 1263 г. стали приверженцами этой религии вместе с остальной элитой войска Берке. Прибытие письма Иису Ногаю, Уртимура и Тукбуги в мухарреме (4 ноября – 2 декабря 1263 г.), то есть примерно через 6 месяцев после принятия мусульманства Золотой Ордой, возможно, но с полным доверием относиться к сообщаемому только эль-Макризи месяцу даты нельзя.

Из письма Иису Ногаю мы узнаем, что приняли мусульманство вместе с ним еще два родственника Берке – Тукбуга и Уртимур, которых никак не отнесешь к разряду «государственных чиновников» (Ю. В. Селезнев), тем более «переводчиков или секретарей» (Д. Р. Зайнуддинов). Письмо султану отправлено в связи с тем, что в послании Берке с сообщением о принятии ислама им и военной элитой Золотой Орды он не перечисляет своих родственников, только упоминая их, а султан, обратившись, очевидно, к Арбуге, «пожелал иметь сведения о сыновьях и родственниках его (Берке) и о том, кто из них принял ислам». Судя по всему, часть Джучидов отказалась принимать ислам, и Берке вуалирует это сообщением о вступлении в религию ислама его «старших и младших братьев и членов их семей» (но не всех Джучидов). Жалая знать подробности, султан мог обратиться с запросом к Арбуге, знакомство с которым произошло во время пребывания в Египте руководимого им третьего посольства Берке. Не вступившими в мусульманство Джучидами могли быть оппозиционно настроенные к Берке потомки Бату, что позволило Берке говорить, не прибегая к обману, о принявших ислам старших и младших своих братьях и членов их семей, не включая Батуидов в понятие своей семьи.

Вступивший на престол внук Бату Тудаменгу обращался к султану с письмом (на монгольском языке), в котором писал о принятии им мусульманства и в связи с этим просил определить ему лакаб [42, с. 68, 105, 122, 165, 362]. У эль-Макризи подобное сообщение сопровождается именем Менгу Тимура, правившего до Тудаменгу, но с той же датой 682 г. х.: «В рамазане 682 года (=23 ноября – 23 декабря 1283 г.) прибыли послы царя Кипчакского Менгутемира, сына Тогана, сына Бату, сына Души, сына Чингисхана, с письмом, писанным по монгольски и содержащим (известие) о

том, что он принял ислам и желает, чтобы ему дано было одно из прозвищ, которые даются мусульманам, и чтобы ему было послано знамя халифское да знамя султанское для сражения под ними с врагами религии. Послы были отправлены в Мекку и, возвратившись (оттуда), уехали в свои земли» [42, с. 435]. В. Г. Тизенгаузен, обратив внимание на несоответствие сообщаемой эль-Макризи даты (682 г. х.) правлению Менгу Тимура, справедливо считает, что его имя поставлено здесь вместо Тудаменгу. Получается, что в правление Менгу Тимура его брат, будущий хан Тудаменгу не был мусульманином, вступив в религию ислама только после своего восшествия на престол. Несомненно, что возникшее на почве разногласий с Берке отношение к мусульманству потомков Бату менялось, когда они занимали престол по праву Джучидов.

Уртимур или Ортимур (𐰽𐰺𐰍𐰏), упоминавшийся ранее в письме Берке как участник третьего посольства, оперативно доставившего султану весть о победе над Хулагу в битве при Тереке 13 января 1263 г., это Уран или Оран Тимур. Сокращение образовано опущением в сложных личных именах арабского языка конечной «солнечной» согласной первой части имени, сочетающееся с возможностью передачи окончания ее танвином фатхи: 𐰽𐰺𐰍𐰏 Уран Тимур – племянник Берке, сын Тука Тимура.

Тукбуга (𐰽𐰺𐰍𐰏) – это отец Уран Тимура Тука Тимур, владетель Мангишлакского и Крымского улусов, брат Бату и Берке [2, с. 56; 38, с. 190]. О принятии ислама вместе с Берке Тука Тимуром сообщает Абу-ль-Гази [1, с. 99]. С Тукбугой (𐰽𐰺𐰍𐰏), то есть Тука Тимуром, встречается посольство султана, путь которого пролегал через Крым летом 1264 г. О нем пишет Абд аз-Захир и пользовавшиеся его сведениями хронисты как о правителе (• 𐰽𐰺𐰍𐰏)⁵⁸ тех сторон (𐰽𐰺𐰍𐰏), командующим десятью тысячами всадников [17, с. 50; 52, с. 192; 59, р. 458]. Ему же принадлежит монетная чеканка Крыма «домусульманского» времени, на первых выпусках серебряных монет которой и медных он именуется «Ата Тука сёгун» [39, с. 105–109]. Связанные с первыми серебряными монетами общим штемпелем выпуски Тука Тимура [4, с. 46, № 17, рис. 12,13] меняют написание имени на Темир Тука. Крымская мусульманская чеканка Тука Тимура представлена медными и серебряными монетами с изображением «стремливидной» тамги [40, с. 179–189].

Утвердившееся мнение, что впервые изображение джучидской тамги появляется на монетах Менгу-Тимура (1268–1280 гг.), не находит подтверждения в монетной чеканке Крыма, где чеканились медные «домусульманские» монеты Берке с изображением всадника и джучидской тамгой, особенностью которой являлись равновеликие верхняя (круг) и нижняя П-образная части [35, с. 325, № 571], и «мусульманские» – с подобной тамгой и лозунгом 𐰽𐰺𐰍𐰏 (Царство – Аллаху).

Принятие мусульманства Берке и Тука Тимуром отражают монетные чеканки Крыма и Сарая. Выпуски крымских монет с изображением «стремливидной» тамги несут на себе атрибуты мусульманского правителя в надписях: на серебряных –

⁵⁸ 𐰽𐰺𐰍𐰏 = перс. 𐰽𐰺𐰍𐰏 – ‘губернатор’. О замене в Египте при мамлюках арабских названий должностей персидскими константирует без объяснений В. В. Бартольд.

«Падишах ислама, Нусрат ад-Дунья в-ад-Дин» (*Падишах ислама, помощь миру и вере*), медных – «Нусрат ад-Дунья в-ад-Дин». Часть этих монет перечеканена из домусульманских выпусков Тука Тимура как серебряных, так и медных, что предполагает их преемственность, а появление мусульманского лакаба – связь смены монетного типа с принятием правителем и военной аристократией Золотой Оды мусульманства. Монеты со «стремявидной» тамгой не относятся к числу анонимных, поскольку изображаемая на них надпись включает в себя почетное мусульманское прозвище правителя (лакаб) и «стремявидную» тамгу Тука Тимура. Сходство составляющих лакаб Тука Тимура слов «Нусрат ад-Дунья в-ад-Дин» (*Помощь мира и вере*) с подобными – в лакабе правителя Золотой Орды Берке, помещенными на его чеканенных в Сарае серебряных монетах [30, с. 148–149, № 14], «Нусрат ад-Дин в-ад-Дунья» (*Помощь вере и мира*) подкрепляет отнесение монет с изображением «стремявидной» тамги к Тука Тимуру. Можно отметить и частичное совпадение их лакабов с почетным мусульманским титулом султана Бейбарса – «аз-Захир ад-Дунья в-ад-Дин» (*Явность мира и вере*), хотя составная часть его «мир и вера» не редкость для лакабов мусульманских правителей [61, р. 75].

Начало чеканки «мусульманских» монет Тука Тимура с его «стремявидной» тамгой может датироваться временем не раньше осени 1263 г., когда Берке и Тука Тимур смогли узнать от возвратившихся из Египта послов – эмира Джелал ад-Дина, сына эль-Кади Димишки, и шейха Нур ад-Дина Али – присвоенные им султаном лакабы. Очевидно, выпуск их начался одновременно с «мусульманской» серебряной чеканкой Берке в Сарае. Одна из сарайских монет Берке несет на обеих сторонах дату – 663 г. х. (24.10.1264–12.10.1265 гг.) [30, с. 148–149, № 14], но можно предполагать, что какие-то из недатированных – чеканились уже в 662 г. х. (4.11.1263–23.10.1264 гг.). Для отнесения «стремявидной» тамги Тука Тимуру наиболее существенным аргументом является продолжение чеканки в Крыму монетных типов серебра и меди с изображением этой тамги в первые годы правления Менгу Тимура, отмеченного в крымской чеканке выпуском серебряных монет с инициальной датой 665 г. х. (2.10.1266–21.09.1267 гг.) [35, с. 270, № 491, табл. X, рис. 144]. Подобное обстоятельство подтверждается тем, что его монеты как перечеканиваются в монеты Менгу Тимура с датой 665 г. х., но также встречаются перечеканенными из них. Можно заключить, что параллельные чеканки после 665 г. х. производились на разных монетных дворах: первом – вблизи Ак-Каи в Ордубазаре (кочевой ставке) Тука Тимура, втором – в Солхате. Перечеканка нового типа крымских (ордубазарских) монет с датой 673 г. х. штемпелями ярмаков Менгу Тимура с датой 665 г. х. [49, с. 21, № 068] свидетельствует о продолжении чеканки солхатских монет Менгу Тимура до конца правления этого хана.

Значение принятия мусульманства для Золотой Орды

А. Н. Поляк утверждает, что «султан Бейбарс I (1260–1277 гг.) уведомил Золотую Орду в 1263 г. о принятии подданства и подчинении», ссылаясь на хайдерабадское издание ал-Йунини 1954 г. и объясняя термин «илийя» как признак принадлежности к опре-

деленному улусу монголов, считая его входящим в титул «ильхан» [31, с. 29, пр. 1]. По его мнению, при Берке «Каир стал вассалом Золотой Орды» [31, с. 38]. Но повлекший за собой принятие мусульманства военный союз Берке с аз-Захиром Бейбарсом был равноправным, а принятие новой государственной религии не влекло за собой конверсий религий.

Обряд символического хаджа Берке, совершавшийся в июле 1263 г. после принятия им мусульманства, закреплял его авторитет мусульманского правителя. Как и мамлюкский сунан, он был заинтересован в признании легитимности своей мусульманской власти. Если султан эль-Малик аз-Захир провозгласил своего халифа из Аббасидов, то Берке вызволил из плена опального султана Изз ад-Дина Кейкавуса с его семьей, который до своей смерти содержался при дворе в Сарае, получая выделенную ему на содержание часть доходов от Судака. Через женитьбу Изз ад-Дина на представительнице рода Чингизидов, Берке породнился с потомками пророка. Менее успешной была попытка Менгу Тимура после смерти Изз ад-Дина выдать его сына Мас'уда за овдовевшую мачеху, окончившаяся бегством несостоявшегося жениха [42, с. 103].

Принятие мусульманства как государственной религии в Золотой Орде подвело черту под распадом Великой Монгольской империи. Преимущество, которое получали правитель и военная аристократия Золотой Орды при обращении в мусульманство, заключалось в сохранении сословно-религиозного военного ордена при отделении его от военной элиты верховного коана с сохранением клановости военной элиты и действия ясы Чингизхана в государственной законодательной системе. В Золотоордынском улусе мусульманство получает ту форму, которая была распространена у бахритских мамлюков, воспринявшую, с одной стороны, бахритское совмещение шафитской и ханифидской школ, с другой – симбиоз мусульманской и монгольской религий. К новым, связанным с принятием мусульманства институтам в Золотой Орде относятся законодательная система шариата и вакуф. Если Берке после принятия мусульманства стал именоваться ханом (как видно из письма Ииису Ногая, Тукбуги и Уртимура, отправленного мамлюкскому султану), еще не употребляя его в монетной чеканке, то это следствие распада Монгольской империи и оформления Золотой Орды в самостоятельное в политическом отношении государство, которому способствовало не само по себе приобщение к мусульманству, а военная поддержка союзника.

Конверсии религий и какого-то ущемления монгольской – со стороны государственной политики Золотой Орды после принятия мусульманства не наблюдается. Они сосуществуют в симбиозе: ислам – во внешней политике Золотой Орды как мусульманского государства, приобщенного к мировому мусульманскому сообществу, и традиционная монгольская вера в Тенгри, на которой основывается легитимность данной Вечным Небом власти правителя.

Единобожие Тенгри и единобожие Аллаха не создавали препятствий для симбиоза религий, из которых вера во всемогущество «Горнего Неба» продолжала бытовать в среде народонаселения Золотой Орды и поддерживалось ханами как обоснование верховной власти правителя. Упоминание сакральной формулы «möngke

tāngri-yin küčün-dur», как символа власти Вечного Неба, традиционно связываемой с монгольской письменностью, прослеживается до конца XIV в., но не отменяется и затем. Показательными в отношении этой стойкости монгольской традиций являются пайцзы – таблички с отверстием для ношения и монгольской надписью, исполненной уйгурским алфавитом. Пайцза удостоверяла власть, данную ее владельцу ханом, и хану – Тенгри. Монгольская надпись на одной из пайцз (рис. 1,1–2) сообщает имя каана Токтамыша (1380–1395 гг.).

Известна и двуязычная пайцза из отдела археологии Азовского музея-заповедника (рис. 1,3–4). В средней части по сторонам рельефного окаймления отверстия находится арабская надпись квадратичного письма ‘Власть – Аллаху’ — $\text{E}^{\text{B}}\text{A}^{\text{A}} \text{ }^{\text{1}} \text{ }^{\text{A}}\text{A}$. Верхнюю часть поля лицевой стороны занимает трехстрочная арабская надпись:

$\text{A}^{\text{1}}\text{E}^{\text{1}}\text{J} \text{ }^{\text{A}}\text{A}^{\text{A}}\text{g} \text{ }^{\text{E}}\text{B} \text{ }^{\text{A}}\text{A}^{\text{A}}$
 $\text{E}^{\text{B}} \text{ }^{\text{A}}\text{A}^{\text{A}} \text{ }^{\text{A}}\text{A}^{\text{A}}\text{Z}^{\text{g}} \text{ }^{\text{E}}\text{B} \text{ }^{\text{E}}\text{E} \text{ }^{\text{E}}\text{E} \text{ }^{\text{A}}$
 $\text{A}^{\text{1}}\text{E}^{\text{1}}\text{E}^{\text{A}} \text{ (?) } \text{O}^{\text{1}}\text{H}^{\text{A}} \text{ }^{\text{A}}\text{A} \text{ }^{\text{A}}\text{A} \text{ }^{\text{E}}\text{B} \text{ }^{\text{A}}\text{A} \text{ }^{\text{A}}\text{E} \text{ }^{\text{A}}\text{A}^{\text{A}}$

Первая строка представляет бисмиллях, фразу, с которой начинаются все суры Корана (кроме девятой): «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!». Вторая строка заключает исходную формулировку символа веры (акиды): «Нет Бога кроме Аллаха, Мухаммед посланник Аллаха». В третьей строке написано: «Помощь от Аллаха и победа приходят правоверным». Эта строка представляет собой перефразировку начала 110-й мединской суры «Помощь»: «Когда придет помощь Аллаха и победа, и ты увидишь, как люди толпами обращаются в веру Аллаха...». Важное значение этой суры в мусульманстве отражает один из хадисов, согласно которому Мухаммад сказал о ней: «Эта сура равна четверти Корана». Представленная в третьей строке фраза перекликается также с 46 (47) аятом 30-й суры Римляне: «защищать правоверных...» $\text{A}^{\text{1}}\text{E}^{\text{1}}\text{E}^{\text{A}} \text{ }^{\text{A}}\text{A}^{\text{A}} \text{ }^{\text{A}}\text{E}^{\text{A}}$

Монгольская надпись на двуязычной пайцзе обычна для надписей лицевых сторон золотоордынских пайцз. Две начальные строки ее заключают сакральную формулу силы и святости Горнего Неба «mōngke tāngri-yin küčün-dur» (рис. 1,5). В нижней части поля под этими строками сохранились отчетливые следы аналогичной первоначальной надписи, заполнявшей все поле, впоследствии заглаженной и перегравированной в трехстрочную (рис. 1,6). Третья строка содержит имя выдавшего пайцзу правителя, помещенное здесь без его титула. Отсутствие титула при именах ханов на пайцзах явление довольно обычное; сравнить, например, с пайцзой Абдуллаха (рис. 1,8). Имя же на двуязычной пайцзе – Татар (рис. 1,7). Если это отец Иису Ногая, сын Бувала, сына Джучи, то, как известно, он не был ханом. Возможно, мы сталкиваемся с примером того, что пайцза могла выдаваться не только ханом, но и правителем улуса, действуя в пределах его владений. Мы не ставим перед собой задачи выяснять принадлежность выдавшего пайцзу Татара, поскольку она привлекается нами для подтверждения симбиоза двух религий, обе из которых равноправно выступали на территории Золотой Орды в качестве государственных.

Менгу Тимур на крымских мусульманских монетах [69, р. 227; 35, с. 270, № 491] именуется *каан* – ‘Каан правосудный’ или ‘Каан законный’. Обратную сторону его монет занимает мусульманский лозунг «Нет Бога кроме Аллаха, нет ему помощника. 665 (2.10.1266–21.09.1267 гг.)». После Берке все ханы – мусульмане по определению, и поднимать вопрос, к какой из религий они себя причисляли – мусульманской или монгольской – лишено всякого смысла. Начиная с Узбека, за правителями Золотой Орды утверждается двойной титул – хана и султана, причем мусульманский – занимает главное место. Это, возможно, отражает широкое распространение в среде населения улуса мусульманства [70, с. 89–95], первоначально предназначавшегося служить внешнеполитическим интересам Золотой Орды. Двойное титулование становится традиционным для всех правителей Золотой Орды.

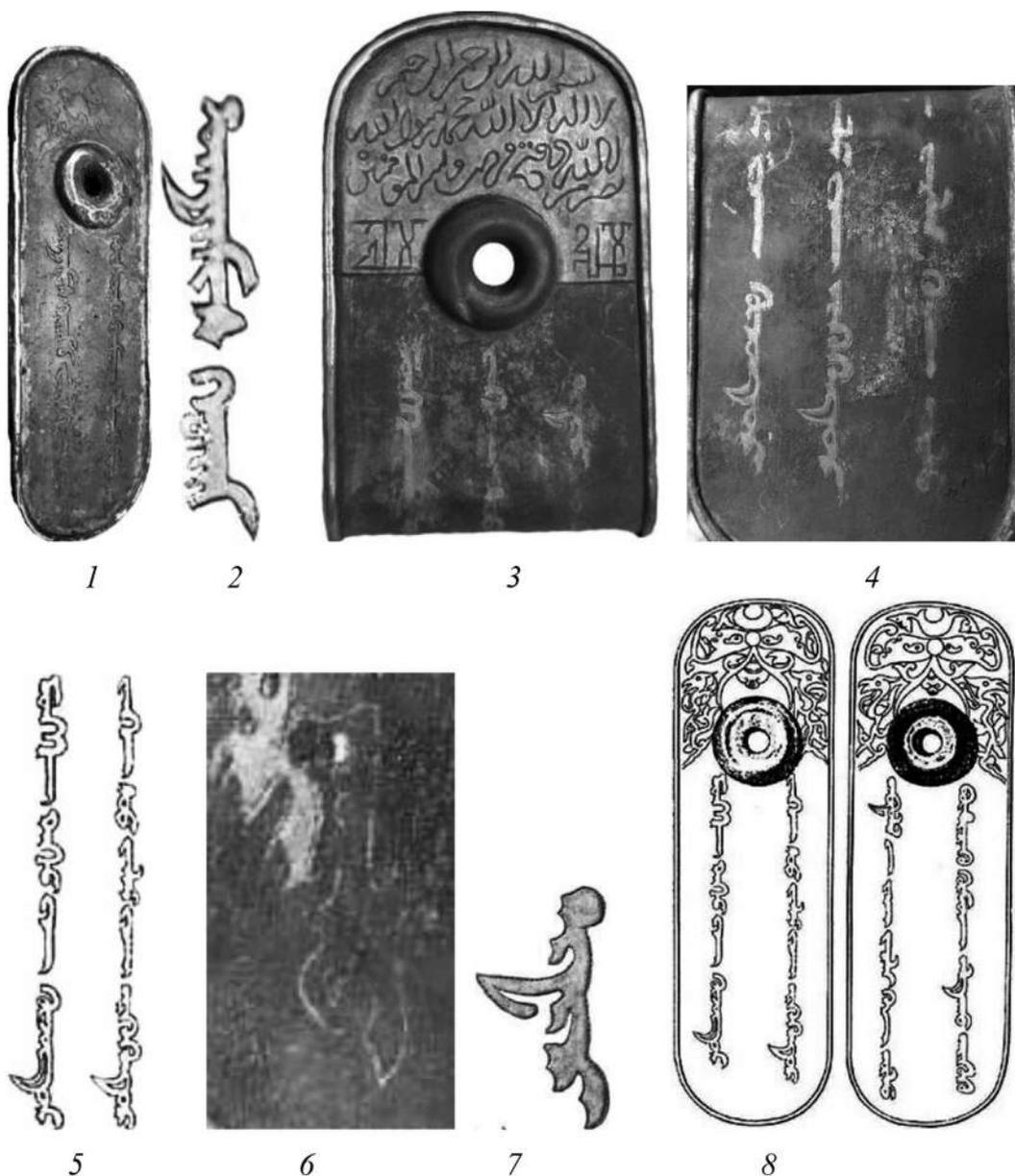

Рис. 1. 1 – Пайцза с именем хана Токтамышша (оборотная сторона, фото из интернета); 2 – написание имени ‘Токтамыш каан’ на пайцзе; 3–4 – двуязычная пайцза (лицевая сторона, фото из интернета); 5 – обычная для пайцз монгольская надпись на лицевой стороне двуязычной пайцзы, отражающая формулу силы и святости Горнего Неба «*möngke tängri-yin kücün-dur*»; 6 – следы первоначальной надписи, заполнявшей поле лицевой стороны двуязычной пайцзы, впоследствии заглаженной и перегравированной в трехстрочную; 7 – имя Татар, изображенное на двуязычной пайцзе; 8 – пайцза Абдуллаха (1367–1370 гг.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абуль-Гази. Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, Хивинского хана. Перевод и предисловие Г.С. Саблукова, с послесловием и примечаниями Н.Ф. Катанова // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском Университете. 1906. Т. XXI, вып. 5–6. XII+240 с.
2. Алексеев А.К. Политическая история Тукай-Тимуридов: по материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-Асрар. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 229 с.
3. Аль-Холи А. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. Сокращенный перевод с арабского. М., 1962. 40 с.
4. Байпаков К.М., Настич В.М. Клад серебряных вещей и монет XIII в. из Отрара // Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата, 1981. С. 20–62.
5. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. 6-е изд., стереотипн. М.: Русский язык, 1985. 944 с.
6. Брун Ф.О. О дипломатических сношениях египетского султана Бибарса с золотоордынским ханом Берке // ЗООИД. 1867. Т. 6. С. 612–622.
7. Вернадский Г. Золотая Орда, Египет и Византия в царствование Михаила Палеолога // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. I. Прага: Seminarium Kondakovianum, 1927. С. 73–84.
8. Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. 2-е изд. М.: Восточная литература РАН, 2001. 592 с.
9. Зайнуллинов Д.Р. Арабоязычные источники по истории Золотой Орды: анализ переводов В.Г. Тизенгаузена // Золотоордынская цивилизация / Ред. И.М. Миргалеев. Вып. 3. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2010. С. 110–120.
10. Зайнуллинов Д.Р. Сведения Изз ад-Дина Ибн Шаддада (613 г.х./1217 – 684 г.х./1285) о Золотой Орде // Золотоордынская цивилизация / Ред. И.М. Миргалеев. Вып. 5. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 13–20.
11. Зайнуллинов Д.Р. Обстоятельства, в которых проходили дипломатические отношения между мамлюкскими султанами и золотоордынскими ханами (к вопросу анализа переводов арабских источников В.Г. Тизенгаузена) // Золотоордынская цивилизация / Ред. И.М. Миргалеев. Вып. 5. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 21–30.
12. Зайнуллинов Д.Р. Проблемы перевода заимствований в арабской историко-географической литературе на рубеже XIII–XIV веков // Minbar. Islamic Studies. 2012. Т. 5. № 2. С. 123–126.
13. Зайнуллинов Д.Р. Сведения о Чингиз-хане и некоторых золотоордынских ханах в биографическом словаре ас-Сафади Салах ад-Дина Халила (ум. 764 г.х. / 1363) // Тюрко-мусульманский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения. Сборник статей участников Международной конференции «Тюрко-мусульманский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения» (Казань, 27–28 мая 2014 г.). Казань, 2014. С. 198–213.
14. Зайнуллинов Д.Р. Альянс между Менгу Тимуром и Абагой: проблема интерпретации источника и перевода персидских и тюркских терминов в арабских текстах (на примере «Сборника материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. Том I», составленного В.Г. Тизенгаузеном) // Золотоордынское обозрение. 2015. № 1. С. 95–105.
15. Зайнуллинов Д.Р. Сведения о Чингиз-хане, Берке и Узбек-хане в библиографическом сборнике ас-Сафади Салах ад-Дина Халила (ум. 764 г.х.). Ал-Вафиби ал-Вафият (Ḍf°∇» Cī vMEC LBT̄ ḷ »Bīī Ḍ) (Полный сборник биографий умерших личностей или История ас-Сафади) // Золотоордынское обозрение. 2015. № 4. С. 71–91.
16. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом: XIII–XIV вв. М.: Наука, 1966. 162 с.
17. Ибн Абд аз-Захир. Al-Rawḍ al-zāhir fī sīrat al-Malik al-Zāhir (Сад видимого в жизнеописании эль-Мелик аз-Захири) // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 46–55. (арабск. текст)

18. Ибн Василь. *Mufarri' al-kur'b fī aḥbār banī Ауу'б* (Гонитель забот по части истории Аюбидских царей) // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 70–75. (арабск. текст)
19. Ибн эль-Форат. *Ta'riḥ al-duwal w-al-mulūk* (Летопись царств и царей) // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 351–357. (арабск. текст)
20. Иванов А.Н. К вопросу о причинах принятия ислама золотоордынским ханом Берке // Золотоордынская цивилизация. 2009. № 2. С. 103–107.
21. Измайлов И.Л. Принятие ислама в улусе Джучи: причины и этапы исламизации // Ислам и власть в Золотой Орде / Ред. И.М. Миргалеев, Э.Г. Сайфетдинова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 98–116.
22. История Казахстана в арабских источниках. Подгот. Б.Е. Кумекоев, А.К. Муминов. Т. 1. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 713 с.
23. Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв.: текст, перевод, комментарий. М.: Восточная литература РАН, 2009. 224 с.
24. Коран. Перевод с арабского языка Г.С. Саблукова. 3-е изд. Казань: Центральная типография, 1907. 1169+VIII с.
25. Коран. Перевод смыслов и комментарии И.В. Пороховой. 2004. 799 с.
26. Коран. Перевод смыслов и комментарии Э.Р. Кулиев. 9-е изд., стереотип. М.: Эжаев ЭКСМО, 2012. 688 с.
27. Коран. Перевод с арабского и комментарий Н.О. Османова. М.: Изд-во Диля, 2019. 576 с.
28. Крамаровский М.Г. Джучиды и Крым: XIII–XV вв. // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 506–532.
29. Миргалеев И.М. «Джами ад-Дувель» Мунеджимбаши Ахмеда Деде: к вопросу изучения турецких источников по истории Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 31–36.
30. Петров П.Н., Кравцов К.В., Гумаюнов С.В. Монеты Сарая первой половины 660-х гг.х. / 1260-х гг. // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 145–158.
31. Поляк А.Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. 1. М.: Наука, 1964. С. 29–66.
32. Рукн ад-Дин Бейбарс эль-Мансури эль-Мисри. *Zubdat al-fikr fī ta'riḥ al-hijrat* (Сливки размышлений по истории хиджры) // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 77–96.
33. Рукн ад-Дин Бейбарс эль-Мансури эль-Мисри. *Al-Tuḥfat al-mulūkīya fī al-dawlat al-turkīya* (Царский дар по части тюркского владычества) // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 96–98. (арабск. текст)
34. Сабитов Ж.М. Берке и его правление в Золотой Орде // Вопросы Истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды. Сборник научных статей памяти В.П. Костюкова. Астрахань: Астраханский университет, 2011. С. 164–169.
35. Савельев П.С. Монеты Джучидские, Джагатайские, Джелаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. Выпуск второй. СПб., 1858. 326 с., X табл.
36. Сайфетдинова Э.Г. Личность султана Бейбарса и его роль в развитии взаимоотношений мамлюкского Египта с Золотой Ордой по арабским источникам // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 4. С. 726–735.
37. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды Т. II: Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
38. Селезнев Ю.В. Элита Золотой Орды. Научно-справочное издание. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. 232 с.

39. Сидоренко В.А. Первые монеты золотоордынского Крыма: сёгун Тука Тимур // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма. Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию А.И. Айбабина. Симферополь, 10–11 января 2019 г. Симферополь: Антиква, 2019. С. 105–110.
40. Сидоренко В.А. Крымская «мусульманская» чеканка Тука Тимура // ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка. VII Международный Нумизматический Симпозиум (Судак, 21–25.09.2020 г.) / Ред. Н.А. Алексеев. Симферополь: Колорит, 2020. С. 179–196.
41. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты: в 2-х т. М.: Рубежи ХХ (ОАО Тип. Новости), 2005. Т. 1: До начала XVIII века. 540 с.
42. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Тип. Имп. АН, 1884. XVI+566 с.
43. Фаверо М. К вопросу об альянсе между Золотой Ордой и Мамлюкским султанатом по арабским источникам // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Вып. 1. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. С. 46–54.
44. Фаверо М. Золотая Орда и мамлюки // Золотая Орда в мировой истории: Коллективная монография / Хакимов Р.С., Фаверо М., Трепавлов В.В., Миргалеев И.М., Хаутала Р. (ред.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 334–352.
45. Фаверо М. Как султан мамлюков обращался к хану Золотой Орды. Формуляр писем и правила их составления // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 41–84.
46. Фаверо-Думенджу М. Первое письмо хана Берке султану Бейбарсу по мамлюкским источникам (661/1263) // Золотоордынская цивилизация. Вып 4. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 101–114.
47. Федоров-Давыдов Г.А. Религия и верования в городах Золотой Орды // Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М.: Изд-во «Памятники исторической мысли», 1998. С. 28–39.
48. Храпачевский Р.П. Золотая Орда в источниках. Т. I. Арабские и персидские источники. М., 2003.
49. Хромов К.К. Монеты западной части Улуса Джучи. Часть I. Йармаки Крыма. Раздел I. Серебряные монеты, чеканенные до правления хана Токту // Восточная нумизматика в Украине. Монеты Джучидов и сопредельных государств в XIII–XV вв. Часть II. Киев: Купола, 2007. С. 4–54.
50. Шафи б. 'Али. *Hisab al-manaqib al-sir'iyu al-muntazaya min al-sirat al-Zāhiriya* (Краса благородных подвигов, извлеченных из жизнеописания эз-Захырова) // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 124–125. (арабск. текст)
51. Эль-Айни, Бадр ад-Дин. *'Iqud al-jumān fī tawārīḥ ahl al-zamān* (Связи жемчужин в истории для жадущего) // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 475–538. (арабск. текст)
52. Эль-Муфаддаль. *Al-Nahj al-sadīd wa-l-durr' al-farīd fīmā ba'd Ta'rīḥ Ibn al-'Amīd* (Прямой путь и единственная жемчужина в том, что случилось после летописи Амида) // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 176–187. (арабск. текст)
53. *Abū Shāmah. 'Abd al-Raḥmān ibn Ismā'īl. Tarājim rijāl al-qarnayn al-sādis wa-al-sābi': al-ma'rūf bi-al-dhayl 'ala al-rawḍatayn. al-Qāhira, 1947. 285 s.*
54. *Al-'Aynī. Al-Rawḍ al-zāhir fī sīrat al-Malik al-Zāhir Ṭaṭar. al-Qāhira, 1962. (in Arabic)*
55. *Al-'Aynī. 'Iqud al-jumān fī tawārīḥ ahl al-zamān. T. I. al-Qāhira, 1987. (in Arabic)*
56. *Al-Nuwayrī. Nihāyat al-Arab fī funūn al-adab. Vol. 30. al-Qāhira, 1990. 270 p. (in Arabic)*
57. *Al-Yūnīnī. Ḍayl Mir'āt al-Zamān. Vol. 1–2. Ḥaydar'ābād, 1954–1955. (in Arabic)*
58. *Baybars, Rukn al-Dīn al-Dawadar al-Manṣūrī al-Khaṭā'i. Zubdat al-fikra fī ta'rīkh al-hijra. Beirut, 1998. 488 p. (in Arabic)*

59. Blochet E. Moufazzal ibn Abil-Fazaïl. Histoire des Sultans Mamluks // *Patrologie Orientalis*. 1919. 12. P. 345–350; 1920. 14. P. 375–672; 1929. 20. P. 3–27.
60. Broadbridge A. Diplomatic Conventions in the Mamluk Sultanate // *Annales Islamologiques*. Caire, 2007. Vol. 41. P. 97–118.
61. Codrington O. A manual of musulman numismatics. London: Royal Asiatic Society, 1904. 242 p. (Asiatic Societe Monographs. Vol. VII).
62. Hammer-Purgstall J. Geschichte der Chane der Krim unter osmanischer Herrschaft. Aus turkischen Quellen zusammengetragen, mit der Zugabe einen Gasels Schahingeraï's. Als Anhang zur Geschichte des Osmanischen Reichs. Wien, 1856. 278 S.
63. Hautala R. Comparing Eastern and Missionary Sources on the Golden Horde's History // *Золотоордынское обозрение*. 2019. № 7(2). С. 208–224.
64. Ibn 'Abd al-Zāhir – Muḥyī al-Dīn ibn 'Abd al-Zāhir. Al-Rawḍ al-zāhir fī sīrat al-Malik al-Zāhir. Al-Riyāḍ, 1976. 519 p.
65. Ibn Shaddād, Muḥammad ibn 'Alī . Tā'rīḥ al-Malik al-Zāhir. Vīsbādin, 1983. 447 p. (in Arabic)
66. Ibn Wāṣil Jamal ad-Din Muḥammad. Mufarri' al-kur'b fī aḥbār banī Ayy'b. T. V. al-Qāhira, 1977. 446 p. (in Arabic)
67. Favereau M. Comment le sultan mamlouk s'adressait au khan de la Horde d'Or. Formulaire des lettres et règles d'usage d'après trois manuels de chancellerie (1262–v.1430) // *Annales Islamologiques*. 2008. 41. P. 59–95.
68. Favereau M. The Golden Horde and the Mamluks // *Золотоордынское обозрение*. 2017. Vol. 5, № 1. С. 93–115.
69. Fraehn Ch.M. Ueber einige bemerkenswerthe Stücke des Orientalischen Münzkabinettes der Kaiserl. Universität zu Kiew // *Bulletin scientifique publié par l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Pétersbourg*. Saint-Pétersbourg, Leipzig, 1838. T. IV. № 87. Notes 20. Col. 225–228.
70. Mirgaleev I. The islamization of the Golden Horde: new data // *Золотоордынское обозрение*. 2016. № 1. С. 89–101.
71. Moufazzal ibn Abil-Fazaïl. Histoire des Sultans Mamluks / Texte arabe publié et traduit en français par E. Bloshet. Turnhout, 1982. 208 p. (*Patrologie Orientalis*. T. XII, fasc. 3, № 59). (in Arabic)
72. Muḥyī al-Dīn ibn 'Abd al-Zāhir. Al-Rawḍ al-zāhir fī sīrat al-Malik al-Zāhir. Al-Riyāḍ, 1976. 519 p. (in Arabic)
73. Pelliot P. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or // *Oeuvres posthumes*. Paris, 1949. Vol. II. 292 p.
74. Rukn al-Dīn Baibars al-Dawadari al-Mansuri. Zubdat al-fikra fī ta'rīḥ al-'ī'ra. Beyrut, 1998. 488 p. (in Arabic)
75. Quatremère M. Histoire des Sultans Mameloucks, de l'Égypte. T. 1. Paris, 1837. 278 p.
76. Richard J. La conversion de Berke et les débuts de l'islamisation de la Horde d'Or // *Revue des études islamiques*. 1967. Vol. 35. P. 173–184.
77. Sadeque S.F. Baybars I of Egypt. Dacca, Oxford University Press, 1956. 379 p.
78. Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland 1223–1502. 2nd ed. Wiesbaden, 1965. 638 S.
79. Šāfi' b.'Alī. Ḥusn al-manāqib al-sirriyya al-Muntaza'a mīn al-sīrat al-Zāhiriyya. 2nd ed. Al-Riyāḍ, 1989. (in Arabic)
80. Tiesenhausen W. Altınorda Devleti Tarihine Ait Metinler. Türk tarihi kaynakları No. 2. İstanbul, 1941. XXVIII, 428 p. (in Turkish)
81. Vásáry I. «History and Legend» in Berke Khan's Conversion to Islam // *Aspects of Altaic Civilization* / Ed. D. Sinor. 1990. Vol. 145. P. 230–252.
82. de Weese D. Islamization and native religion in the Golden Horde: Baba Tükles and conversion to islam in historical and epic tradition. Pennsylvania: University press, 1994. 638 p.

REFERENCES

1. Abul'-Gazi. Rodoslovnoe drevo tiurkov. Sochinenie Abul'-Gazi, Khivinskogo khana. *Izvestiia Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom Universitete*, 1906, T. XXI, Vol. 5–6, 240 p.
2. Alekseev A.K. *Politicheskaiia istoriia Tukai-Timuridov: po materialam persidskogo istoricheskogo sochineniia Bakhr al-Asrar*. St-Petersburg, SPbGU Publ., 2006, 229 p.
3. Al'-Kholi A. *Sviasi mezhdur Nilom i Volgoi v XIII–XIV vv.* Moscow, 1962, 40 p.
4. Baipakov K.M., Nastich V.M. Klad serebrianykh veshchei i monet XIII v. iz Otrara. *Kazakhstan v epokhu feodalizma*, Alma-Ata, 1981, pp. 20–62.
5. Baranov Kh.K. *Arabsko-russkii slovar'*. 6th ed. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1985, 944 p.
6. Brun F.O. O diplomaticheskikh snosheniakh egipetskogo sultana Bibarsa s zolotoordynskim khanom Berke. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnosti*, 1867, T. 6, pp. 612–622.
7. Vernadskii G. Zolotaia Orda, Egipet i Vizantiia v tsarstvovanie Mikhaила Paleologa. *Sbornik statei po arkhologii i vizantinovedeniiu, izdavaemyi Seminariem imeni N.P. Kondakova*, Vol. I, Praga, 1927, pp. 73–84.
8. Grande B.M. *Kurs arabskoi grammatiki v sravnitel'no-istoricheskoi osveshchenii*. 2nd ed. Moscow, Vostochnaia literatura RAN Publ., 2001, 592 p.
9. Zainuddinov D.R. Araboiazychnye istochniki po istorii Zolotoi Ordy: analiz perevodov V.G. Tizengauzena. Mirgaleev I.M. (Ed.), *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia*, Vol. 3, Kazan, 2010, pp. 110–120.
10. Zainuddinov D.R. Svedeniia Izz ad-Dina Ibn Shaddada (613 g.kh./1217 – 684 g.kh./1285) o Zolotoi Orde. Mirgaleev I.M. (Ed.), *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia*, Vol. 5, Kazan, 2012, pp. 13–20.
11. Zainuddinov D.R. Obstoiatel'stva, v kotorykh prokhodili diplomaticheskie otnosheniia mezhdur mamliukskimi sultanami i zolotoordynskimi khanami (k voprosu analiza perevodov arabskikh istochnikov V.G. Tizengauzena). Mirgaleev I.M. (Ed.), *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia*, Vol. 5, Kazan, 2012, pp. 21–30.
12. Zainuddinov D.R. Problemy perevoda zaimstvovaniia v arabskoi istoriko-geograficheskoi literature na rubzhe XIII–XIV vekov. *Minbar. Islamic Studies*, 2012, T. 5, No. 2, pp. 123–126.
13. Zainuddinov D.R. Svedeniia o Chingiz-khane i nekotorykh zolotoordynskikh khanakh v biograficheskom slovare as-Safadi Salakh ad-Dina Khalila (um. 764 g.kh. / 1363). *Tiurko-musul'manskii mir: identichnost', nasledie i perspektivy izucheniiia. Sbornik statei uchastnikov Mezhdunarodnoi konferentsii «Tiurko-musul'manskii mir: identichnost', nasledie i perspektivy izucheniiia» (Kazan, 27–28 maia 2014 g.)*, Kazan, 2014, pp. 198–213.
14. Zainuddinov D.R. Al'ians mezhdur Mengu Timurom i Abagoi: problema interpretatsii istochnika i perevoda persidskikh i tiurkskikh terminov v arabskikh tekstakh (na primere «Sbornika materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy. Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh. Tom I», sostavlennogo V.G. Tizengauzenom). *Zolotoordynskoe obozrenie*, 2015, No. 1, pp. 95–105.
15. Zainuddinov D.R. Svedeniia o Chingiz-khane, Berke i Uzbek-khane v bibliograficheskom sbornike as-Safadi Salakh ad-Dina Khalila (um. 764 g.kh.). Al-Vafibi al-Vafiat (Polnyi sbornik biografii umerskikh lichnosti ili Istorii as-Safadi). *Zolotoordynskoe obozrenie*, 2015, No. 4, pp. 71–91.
16. Zakirov S. *Diplomaticheskie otnosheniia Zolotoi Ordy s Egiptom: XIII–XIV vv.* Moscow, Nauka Publ., 1966, 162 p.
17. Ibn Abd az-Zakhir. Al-Rawd al-zāhir fī sīrat al-Malik al-Zāhir (Sad vidimogo v zhizneopisanii el'-Melik az-Zakhir). Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy. T. 1: Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh*. St-Petersburg, 1884, pp. 46–55. (in Arabic)
18. Ibn Vasyf. Mufarri' al-kur'b fī aḥbār banī Ayy'ib (Gonitel' zabot po chasti istorii Aiubidskikh tsarei). Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy. T. 1: Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh*. St-Petersburg, 1884, pp. 70–75. (in Arabic)
19. Ibn el'-Forat. Ta'rīḥ al-duwal w-al-mulūk (Letopis' tsarstv i tsarei). Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy. T. 1: Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh*. St-Petersburg, 1884, pp. 351–357. (in Arabic)

20. Ivanov A.N. K voprosu o prichinakh priniatii islama zolotoordynskim khanom Berke. *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia*, 2009, No. 2, pp. 103–107.
21. Izmailov I.L. Priniatie islama v uluse Dzhuchi: prichiny i etapy islamizatsii. Mirgaleev I.M., Saifetdinova E.G. (Eds.), *Islam i vlast' v Zolotoi Orde*, Kazan, 2012, pp. 98–116.
22. Kumekov B.E., Muminov A.K. (Eds.), *Istoriia Kazakhstana v arabskikh istochnikakh. T. I. Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy: izvlecheniia iz arabskikh sochinenii, sobrannye V.G. Tizengauzenom*. Almaty, Daik-Press, 2005, 713 p.
23. Konovalova I.G. *Vostochnaia Evropa v sochineniiakh arabskikh geografov XIII–XIV vv.: tekst, perevod, kommentarii*. Moscow, Vostochnaia literatura RAN Publ., 2009, 224 p.
24. *Koran*. Translated by G.S. Sablukov. 3rd ed. Kazan, Tsentral'naia tipografiia Publ., 1907, 1169 p.
25. *Koran*. Translation and comments by I.V. Porokhova. 2004, 799 p.
26. *Koran*. Translation and comments by E.R. Kuliev. 9th ed. Moscow, EKSMO Publ., 2012, 688 p.
27. *Koran*. Translation and comments by N.O. Osmanov. Moscow, Dilia Publ., 2019, 576 p.
28. Kramarovskii M.G. Dzhuchidy i Krym: XIII–XV vv. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2003, Vol. X, pp. 506–532.
29. Mirgaleev I.M. «Dzhami ad-Duvel'» Munedzhimbashi Akhmeda Dede: k voprosu izuchenii turetskikh istochnikov po istorii Zolotoi Ordy. Mirgaleev I.M. (Ed.), *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia*, Vol. 3, Kazan, 2010, pp. 31–36.
30. Petrov P.N., Kravtsov K.V., Gumaiunov S.V. Monety Saraia pervoi poloviny 660-kh gg.kh. / 1260-kh gg. *Zolotoordynskoe obozrenie*, 2018, T. 6, No. 1, pp. 145–158.
31. Poliak A.N. Novye arabskie materialy pozdnego srednevekov'ia o Vostochnoi i Tsentral'noi Evrope. *Vostochnye istochniki po istorii narodov Iugo-Vostochnoi i Tsentral'noi Evropy*. T. I. Moscow, Nauka Publ., 1964, pp. 29–66.
32. Rukn ad-Din Beibars el'-Mansuri el'-Misri. Zubdat al-fikr fi tā'rīh al-hijrat (Slivki razmyshlenii po istorii khidzhry). Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy. T. I: Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh*. St-Petersburg, 1884, pp. 77–96.
33. Rukn ad-Din Beibars el'-Mansuri el'-Misri. Al-Tuḥfat al-mulūkiya fi al-dawlat al-turkiya (Tsarskii dar po chasti tiurkskogo vladychestva). Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy. T. I: Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh*. St-Petersburg, 1884, pp. 96–98. (in Arabic)
34. Sabitov Zh.M. Berke i ego pravlenie v Zolotoi Orde. *Voprosy Istorii i arkheologii srednevekovykh kochevnikov i Zolotoi Ordy. Sbornik nauchnykh statei pamiati V.P. Kostiukova*. Astrakhan, Universitet Publ., 2011, pp. 164–169.
35. Savel'ev P.S. *Monety Dzhuchidskie, Dzhagataiskie, Dzhelairidskie i drugie, obrashchavshiesia v Zolotoi Orde v epokhu Tokhtamysha*. Vol. 2. St-Petersburg, 1858, 326 p.
36. Saifetdinova E.G. Lichnost' sultana Beibarsa i ego rol' v razvitiu vzaimootnoshenii mamliuskogo Egipta s Zolotoi Ordoi po arabskim istochnikam. *Zolotoordynskoe obozrenie*, 2017, T. 5, No. 4, pp. 726–735.
37. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy T. II: Izvlecheniia iz persidskikh sochinenii, sobrannye V. G. Tizengauzenom i obrabotannye A.A. Romaskevichem i S.L. Volinym*. Moscow, Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1941, 308 p.
38. Seleznev Iu.V. *Elita Zolotoi Ordy. Nauchno-spravochnoe izdanie*. Kazan, Akadimiia nauk Respubliki Tatarstan Publ., 2009, 232 p.
39. Sidorenko V.A. Pervye monety zolotoordynskogo Kryma: segun Tuka Timura. *Problemy istorii i arkheologii srednevekovogo Kryma. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 70-letiiu A.I. Aibabina*, Simferopol, Antikva Publ., 2019, pp. 105–110.
40. Sidorenko V.A. Krymskaia «musul'manskaia» chekanka Tuka Timura. Alekseenko N.A. (Ed.), *PriPONTiiskii meniala: den'gi mestnogo rynka. VII Mezhdunarodnyi Numizmaticheskii Simpozium (Sudak, 21–25.09.2020 g.)*, Simferopol, Kolorit Publ., 2020, pp. 179–196.
41. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovnstvom Otomanskoi Porty. T. I: Do nachala XVIII veka*. Moscow, Rubezhi XX Publ., 2005, 540 p.

42. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordyy. T. I. Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh.* St-Petersburg, Akademiia nauk Publ., 1884. 566 p.
43. Favero M. K voprosu ob al'ianse mezhdz Zolotoi Ordoy i Mamliuiskim sultanatom po arabskim istochnikam. *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Politicheskaia i sotsial'no-ekonomicheskaia istoriia Zolotoi Ordyy (XIII–XV vv.)»*, Vol. 1, Kazan, Akademiia nauk Respubliki Tatarstan Publ., 2009, pp. 46–54.
44. Favero M. Zolotaia Orda i mamliuki. Khakimov R.S., Favero M., Trepavlov V.V., Mirgaleev I.M., Khautala R. (Eds.), *Zolotaia Orda v mirovoi istorii*, Kazan, 2016, pp. 334–352.
45. Favero M. Kak sultan mamliukov obrashchalsia k khanu Zolotoi Ordyy. Formuliar pisem i pravila ikh sostavleniia. *Zolotoordynskoe obozrenie*, 2018, T. 6, No. 1, pp. 41–84.
46. Favero-Dumendzhu M. Pervoe pis'mo khana Berke sultanu Beibarsu po mamliuiskim istochnikam (661/1263). Mirgaleev I.M. (Ed.), *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia*, Vol. 4, Kazan, 2011, pp. 101–114.
47. Fedorov-Davydov G.A. Religii i verovaniia v gorodakh Zolotoi Ordyy. *Istoricheskaia arkhologiiia. Traditsii i perspektivy. K 80-letiiu so dnia rozhdeniia D.A. Avdusina.* Moscow, Pamiatniki istoricheskoi mysli Publ., 1998, pp. 28–39.
48. Khrapachevskii R.P. Zolotaia Orda v istochnikakh. T. I. Arabskie i persidskie istochniki. Moscow, 2003.
49. Khromov K.K. Monety zapadnoi chasti Ulusa Dzhuchi. Chast' I. Iarmaki Kryma. Razdel I. Serebrianye monety, chekanennye do pravleniia khana Toktu. *Vostochnaia numizmatika v Ukraine. Monety Dzhuchidov i sopredel'nykh gosudarstv v XIII–XV vv.* Part II. Kiev, Kupola Publ., 2007, pp. 4–54.
50. Shafi b. 'Ali. Hisab al-manaqib al-sir'iyya al-muntazaya min al-sirat al-Zāhiriya (Krasa blagorodnykh podvigov, izvlechennykh iz zhizneopisaniia ez-Zakhyrova). Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordyy. T. I: Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh.* St-Petersburg, 1884, pp. 124–125. (in Arabic)
51. El-'Aini, Badr ad-Din. 'Iqud al-jumān fī tawārīḥ ahl al-zamān (Sviazi zhemchuzhin v istorii dlia zhazhdushchego). Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordyy. T. I: Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh.* St-Petersburg, 1884, pp. 475–538. (in Arabic)
52. El-'Muf' ad-Dal'. Al-Nahj al-sadīd wa-l-durr' al-farīd fīmā ba'd Ta'rīḥ Ibn al-'Amīd (Priamoi put' i edinstvennaia zhemchuzhina v tom, chto sluchilos' posle letopisi Amida). Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordyy. T. I: Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh.* St-Petersburg, 1884, pp. 176–187. (in Arabic)
53. Abū Shāmah. *'Abd al-Raḥmān ibn Ismā'īl. Tarājim rijāl al-qarnayn al-sādis wa-al-sābi': al-ma'rūf bi-al-dhayl 'ala al-rawḍatayn.* al-Qāhira, 1947, 285 p.
54. Al-'Aynī. *Al-Rawḍ al-zāhir fī sirat al-Malik al-Zāhir Ṭaṭar.* 'Isā al-Bābī al-Ḥalabī (ed.). al-Qāhira, 1962. (in Arabic)
55. Al-'Aynī. *'Iqud al-jumān fī tawārīḥ ahl al-zamān.* T. I. al-Qāhira, 1987. (in Arabic)
56. Al-Nuwayrī. *Nihāyat al-Arab fī funūn al-adab.* Vol. 30. al-Qāhira, 1990, 270 p. (in Arabic)
57. Al-Yūnīnī. *Ḍayl Mir'āt al-Zamān.* Vol. 1–2. Ḥaydar'ābād, 1954–1955. (in Arabic)
58. Baybars, Rukn al-Dīn al-Dawadar al-Manšūrī al-Khaṭā'ī. *Zubdat al-fikra fi ta'rīkh al-hijra.* Beirut, 1998, 488 p. (in Arabic)
59. Blochet E. Moufazzal ibn Abil-Faza'il. Histoire des Sultans Mamluks. *Patrologie Orientalis*, 1919, No. 12, pp. 345–350; 1920, No. 14, pp. 375–672; 1929, No. 20, pp. 3–27.
60. Broadbridge A. Diplomatic Conventions in the Mamluk Sultanate. *Annales Islamologiques*, Caire, 2007, Vol. 41, pp. 97–118.
61. Codrington O. *A manual of musulman numismatics.* London, Royal Asiatic Society Publ., 1904, 242 p.
62. Hammer-Purgstall J. *Geschichte der Chane der Krim unter osmanischer Herrschaft. Aus turkishen Quellen zusammengetragen, mit der Zugabe einen Gasels Schahingerai's. Als Anhang zur Geschichte des Osmanischen Reichs.* Wien, 1856, 278 p.
63. Hautala R. Comparing Eastern and Missionary Sources on the Golden Horde's History. *Zolotoordynskoe obozrenie*, 2019, No. 7(2), pp. 208–224.
64. Ibn 'Abd al-Zāhir. *Al-Rawḍ al-zāhir fī sirat al-Malik al-Zāhir.* Al-Riyāḍ, 1976, 519 p.

65. Ibn Shaddād, Muḥammad ibn ‘Alī. Tā’rīḥ al-Malik al-Zāhir. Vīsbādin, 1983, 447 p. (in Arabic)
66. Ibn Wāsil Jamal ad-Din Muḥammad. *Mufarri’ al-kur’b fī aḥbār banī Ayy’b*. T. V. al-Qāhira, 1977, 446 p. (in Arabic)
67. Favereau M. Comment le sultan mamlouk s’adressait au khan de la Horde d’Or. Formulaire des lettres et règles d’usage d’après trois manuels de chancellerie (1262–v.1430). *Annales Islamologiques*, 2008, No. 41, pp. 59–95.
68. Favereau M. The Golden Horde and the Mamluks. *Zolotoordynskoe obozrenie*, 2017, Vol. 5, No. 1, pp. 93–115.
69. Fraehn Ch.M. Ueber einige bemerkenswerthe Stücke des Orientalischen Münzkabinettes der Kaiserl. Universität zu Kiew. *Bulletin scientifique publié par l’Académie Impériale des Sciences de Saint-Petersbourg, Saint-Petersburg*, Leipzig, 1838, T. IV, No. 87, Notes 20, Col. 225–228.
70. Mirgaleev I. The islamization of the Golden Horde: new data. *Zolotoordynskoe obozrenie*, 2016, No. 1, pp. 89–101.
71. Moufazzal ibn Abil-Fazaïl. *Histoire des Sultans Mamluks*. Texte arabe publié et traduit en français par E. Bloshet. Turnhout, 1982, 208 p. (Patrologie Orientalis. T. XII, fasc. 3, No. 59). (in Arabic)
72. Muḥyī al-Dīn ibn ‘Abd al-Zāhir. *Al-Rawḍ al-zāhir fī sīrat al-Malik al-Zāhir*. Al-Riyāḍ, 1976, 519 p. (in Arabic)
73. Pelliot P. *Notes sur l’histoire de la Horde d’Or. Oeuvres posthumes*, Paris, 1949, Vol. II, 292 p.
74. Rukn al-Din Baibars al-Dawadari al-Mansuri. *Zubdat al-fikra fī ta’rīḥ al-’i’ra*. Beyrut, 1998, 488 p. (in Arabic)
75. Quatremère M. *Histoire des Sultans Mameloucks, de l’Égypte*. T. 1. Paris, 1837, 278 p.
76. Richard J. La conversion de Berke et les débuts de l’islamisation de la Horde d’Or. *Revue des études islamiques*, 1967, Vol. 35, pp. 173–184.
77. Sadeque S.F. *Baybars I of Egypt*. Dacca: Oxford University Press, 1956. 379 p.
78. Spuler B. *Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland 1223–1502*. 2nd ed. Wiesbaden, 1965. 638 S.
79. Šāfi’ b.‘Alī. *Ḥusn al-manāqib al-sirriyya al-Muntaza’a min al-sīrat al-Zāhiriyya*. 2nd ed. Al-Riyāḍ, 1989. (in Arabic)
80. Tiesenhausen W. *Altınorda Devleti Tarihine Ait Metinler. Türk tarihi kaynakları No. 2*. İstanbul, 1941. 428 p. (in Turkish)
81. Vásáry I. «History and Legend» in Berke Khan’s Conversion to Islam. Sinor D. (Ed.), *Aspects of Altaic Civilization*, 1990, Vol. 145, pp. 230–252.
82. de Weese D. *Islamization and native religion in the Golden Horde: Baba Tükles and conversion to islam in historical and epic tradition*. Pennsylvania, University press, 1994, 638 p.

Информация об авторе

Сидоренко В. А. – кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: AAH-7227-2019.

Information about the author

Sidorenko V. A. – Candidate of Science (History), Deputy Director at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: AAH-7227-2019.

УИЛЬЯМ ИТОН И ЕГО ОПИСАНИЕ КРЫМА НАКАНУНЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ

Никита Игоревич Храпунов

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия,
khrapunovn@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6141-9487>*

Аннотация. В статье рассматривается малоизвестный источник по истории Крымского ханства на последнем ее этапе. Автор, английский авантюрист Уильям Итон, включил в состав трактата об Османской империи подробное описание Крымского ханства. Итон несколько раз побывал в Крыму по делам торговли, а также собирал информацию во время службы в британском посольстве в Петербурге. Его сочинение о Турции широко используется в зарубежной историографии, но «крымская» часть не пользуется особым вниманием исследователей. Итону удалось собрать массу информации о государственном устройстве Крымского ханства, его взаимоотношениях с Османской империей, социальной структуре и статусе отдельных групп населения, военном деле, населении и городах, экономике и принципах налогообложения, неудачных реформах последнего хана Шагин-Гирея, сокращении населения в последние годы его правления и о присоединении Крыма к России. Англичанин считал своим долгом опровергнуть некоторые данные, изложенные в популярных у современников и нынешних исследователей книгах французских дипломатов Ш. де Пейссоннеля и Ф. де Тотта. Итон выступал за изгнание турок из Европы и считал присоединение Крыма к России явлением прогрессивным и оправданным. Публикуется русский перевод «крымских отрывков» из сочинения Итона.

Ключевые слова: Уильям Итон, травелог, записки путешественников, Крым, Крымское ханство, Российская империя

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 18-09-00053 «Крым в восприятии англичан конца XVIII – начала XIX в.».

WILLIAM ETON AND HIS ACCOUNT OF THE CRIMEA ON THE EVE OF ITS UNIFICATION WITH RUSSIA

Nikita I. Khrapunov

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia, khrapunovn@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-6141-9487>*

Abstract. This article discusses a poorly known source on the Crimean khanate on the last stage of its history. Its author is the British adventurer William Eton, who published a treatise on the Ottoman empire with a detailed description of the Crimean khanate. Eton visited the Crimea several times for commercial affairs, and collected information when serving at the British embassy in St. Petersburg. Although his book on Turkey has been widely used in foreign scholarship, its “Crimean” part misses the researchers’ attention. Nevertheless, Eton’s work supplies varied information on the government of the

Crimean khanate, its relations to the Ottoman empire, social structure and status of different population groups, warfare and population, towns and settlements, economy and taxation, failed reforms by the last khan Shagin Girei, depopulation throughout the last years of the khanate, and its joining to Russia. The English traveller considered it necessary to disprove some data provided in popular books by French diplomatists Charles de Peyssonnel and François de Tott. Eton supported the plans for the expulsion of Turks from Europe and considered the Russian annexation of the Crimea the progressive and righteous action. The Russian translation of Eton's "Crimean fragments" is published.

Keywords: William Eton, travelogue, travel writing, Crimea, Crimean khanate, Russian empire

Acknowledgments: The work was carried out within the framework of project No. 18-09-00053 supported by Russian Foundation for Basic Research.

Уильям Итон – автор одного из самых ярких описаний Османской империи в конце XVIII в. Опыт, полученный во время богатой приключениями жизни в османских провинциях, позволил ему создать книгу, в которой информативность сочеталась с живым языком и оригинальностью суждений [31]. Не случайно Байрон читал Итона, когда работал над «Паломничеством Чайльд-Гарольда», и обсуждал его трактат в комментариях к своей поэме [26, р. 191–194; о влиянии Итона на Байрона см.: 36, р. 68–71; 27, р. 152–153]. Некоторые современники не были согласны с Итоном и резко его критиковали в печати [47; 24], так что британец был вынужден отвечать [34]. Итон был последовательным филэллином, то есть выступал за изгнание османов из Европы и создание греческого государства. Он рассматривал турок как «варваров», противоположность европейской цивилизации и христианству. Его книга внесла вклад в характерный для XVIII в. спор западных интеллектуалов – османофилов и османофобов. В конечном итоге, победила точка зрения последних, и Турция стала рассматриваться как европейский «Другой» [подробнее: 9, с. 86 слл.].

Об интересе публики свидетельствует тот факт, что за 11 лет трактат Итона выдержал четыре издания [31; 32; 33; 35]. Во второе автор добавил новое предисловие, а в четвертое – специальную главу о греках, чтобы тем самым отразить стремительные перемены в средиземноморской политике, произошедшие в результате французской Революции, египетского похода Бонапарта и сложением вследствие этого англо-русско-турецкого союза, направленного против Франции.

Довольно большой отрывок в книге Итона посвящен Крымскому ханству накануне его поглощения Россией. Критиком взглядов Итона был Эдвард-Даньел Кларк – один из самых известных путешественников по Крыму. Кларка возмутили слова его соотечественника о том, что Россия имела «священное право» на завоевание полуострова, и что с последним крымским ханом поступили гуманно, ведь он просто «удалился на покой» и уехал из Крыма [28, р. 178, n. 1; 179, n. 2]. Сам Кларк был одним из создателей мифа о «золотом веке» Крымского ханства, безжалостно уничтоженном русскими завоевателями [подробнее: 23]. В отечественной историографии трактат Итона практически не используется [редкие исключения: 13, с. 151; 3, с. 99–100]. Настоящая публикация включает перевод крымского отрывка из трактата Итона, снабженный краткой вводной статьей и необходимыми комментариями.

О самом Итоне известно немного [подробнее: 20, с библиографией]. Англичанин по происхождению, он был торговцем, жил на Ближнем Востоке и выполнял функции английского [35, р. iii] и голландского [25, р. 180, п. 15; 38, р. 282] консула в разных городах Османской империи. Затем он в течении пяти лет служил секретарем британского посольства в Петербурге и, по его собственным словам, пользовался доверием фаворита Екатерины II Г. А. Потемкина [35, р. iii–iv]. Очевидно, в России Итон женился на театральной актрисе [44, р. 54–55]. Он несколько раз побывал в Крыму.

По словам самого Итона, в октябре 1777 г. он прибыл в Еникале (на севере нынешней Керчи) – крепость, переданную России по Кючук-кайнарджийскому мирному договору, завершившему войну с Османской империей 1768–1774 гг. Оттуда он собирался отправиться в Бахчисарай, но начавшееся в Крыму восстание против ставленника России – хана Шагин-Гирея, нарушило планы. В декабре он на небольшом судне отправился в Каффу (ныне Феодосия), но корабль был отнесен штормом далее на запад и, в конце концов, достиг устья Дуная, откуда по суше выехал в Россию [35, р. 312–315]. В сентябре 1778 г., находясь в карантине на российской границе, он стал свидетелем переселения крымских христиан на северный берег Азовского моря [35, р. 317]. Итон упомянул, что бывал в окрестностях Бахчисарая и, в частности, осматривал «пещерные города» [35, р. 320] – очевидно, это была другая поездка. Англичанин утверждал, что в 1781 г. общался с неким Сеид эффенди, визирем хана Шагин-Гирея, и использовал в книге полученные от того сведения [35, р. 296]. Возможно, это произошло в ходе его второй поездки на Крымский полуостров. В письмах знаменитого английского инженера Самьюэля Бентама, поступившего на русскую службу и в 1780 г. совершившего поездку на юг России до Херсона, говорится, что из Петербурга он выехал в обществе Итона [25, р. 160]. Впрочем, он вскоре разочаровался в товарище по путешествию и расстался с ним еще в Полтаве [44, р. 54–55].

Новые сведения об Итоне относятся ко времени, когда приход к власти Наполеона и его активная политика в Европе и Средиземноморье привела к многочисленным международным конфликтам. Дальнейшая история показывает характер этого человека, которого можно назвать авантюристом эпохи Просвещения [об этом феномене: 16, с. 7–31]. В 1801 г. Итону удалось получить должность суперинтенданта лазарета (начальника карантина) на Мальте, отбитой англичанами у французов, под предлогом того, что Потемкин (который в действительности умер в 1791 г.) поручил ему разведывательную миссию на острове в 1797 г. Кроме того, он поставлял в британский флот древесину. В 1803 г. Итон предложил организовать снабжение расквартированных в Средиземноморье английских войск и флота хлебом и солониной, используя свои русские связи. Из проекта по поставкам для королевского флота мало что получилось. Сухари и горох флотские начальники приняли, а вот от солонины и других мясных продуктов отказались по причине их низкого качества. В конце концов, британская Провиантская комиссия (*Victualling Board*) от-

казалась оплачивать счета Итона (1806 г.). Для засолки и упаковки свинины Итон приобрел заброшенные бани в Феодосии [42, р. 30–33; 39, р. 69, 194]. После провала его проекта этот объект мусульманской архитектуры был взят в английскую казну [15, с. 51]. Для российских властей разрушающаяся постройка в центре города, принадлежавшая иностранному правительству, еще долго была «головной болью». В конце концов, в 30-х гг. XIX в. градоначальник Александр Иванович Казначеев распорядился бани снести [29, р. 292–294].

Через три года после окончания «провиантской аферы», в 1809 г., вышло четвертое издание «Обозрения Турецкой империи». Очевидно, тогда Итон был еще жив, но это – последние о нем известия.

Значительная часть трактата Итона посвящена Крымскому ханству. Хотя он работал над книгой, когда это государство уже прекратило свое существование, Итон посчитал необходимым рассказать о нем и опровергнуть распространенные, по его мнению, ошибки, созданные западными путешественниками. Итон оправдывал присоединение Крыма к России, поскольку считал ханство государством варварским и хищническим, тогда как русские могли принести в эти места цивилизацию, торговлю и гуманность. Такая позиция отражает особенности общественной мысли Запада второй половины XVIII в. Османскую империю тогда рассматривали как экзистенциальную угрозу, полную противоположность собственной цивилизации, одновременно восхищаясь ее культурой, причем мода на «ориентальный» стиль имела самые разные проявления – от посуды и курительных трубок до литературы и оперы [9, с. 83–89; 8, с. 240–263; 48]. Одновременно на Западе даже шире, чем в России обсуждались возможности присоединения Крыма к царской империи [подробнее: 21]. Но, конечно, были и другие авторы, рассматривающие как угрозу саму Россию [9, с. 111–125] и считавшие необходимым «защитить» от нее турок и татар [40, р. 893 ff.].

Итон работал над трактатом через два десятка лет после событий. Неясно, имел ли он привычку вести дневник в поездках, или же полагался на память. Судя по всему, Итон мог объясняться по-турецки – отсюда его постоянные уточнения филологического характера, разбросанные по тексту. Впрочем, в сложной ситуации, оказавшись в городе Галац у дельты Дуная, когда его жизни угрожала опасность, он предпочел общаться с османскими чиновниками через переводчика [35, р. 316]. В другой раз он привел прекрасно переведенную цитату из русско-турецкого Кючук-кайнарджийского мирного договора 1774 г. [35, р. 309–310; ср.: 6, с. 350–351]. Неясно только, выполнил ли он сам этот перевод, и если да – то с русского или турецкого оригинала? В предисловии ко второму изданию книги автор иронизировал над принятыми тогда в Англии правилами передачи русских имен и объяснял, почему заменил их другими версиями, более соответствующими русскому произношению [35, р. xx–xxiii]. Это показывает, что какими-то познаниями в русском языке он обладал.

Наблюдательность Итона, оригинальность его суждений и влияние его книги на общественную мысль делают его труд очень интересным источником. Особо-го внимания заслуживают отрывки, посвященные Крыму. Внешние наблюдатели нередко могут увидеть то, что укрылось от взгляда постоянных жителей страны. Потому записки Итона можно использовать для изучения последнего этапа жизни Крымского ханства, ставшего независимым в 1774 г., но продержавшегося в этом состоянии очень недолго. Попытки элиты крымского государства лавировать между Россией и Турцией привели к бесконечному внутреннему кризису, в результате чего «покоренье Крыма» в 1783 г. прошло относительно безболезненно. Записки Итона позволяют увидеть в этом логичный результат развития исторической ситуации, а не козней российского правительства, как считал Кларк [28, р. 173–180] и многие после него.

Существует русский перевод «крымских отрывков» из книги Итона, но он, к сожалению, очень низкого качества. Автор, В. М. Калашников, по-видимому, работал с первым изданием трактата, но допустил ряд неточностей в описании источника: так, книга вышла в 1798, а не 1788 г.; Итон рассказал о своих поездках в Крым не в российскую, а в ханскую эпоху; о населении Османской империи говорится не в III, а в VII главе [7, с. 108, 109, 112]. Местами публикация В. М. Калашникова напоминает пересказ – кажется, переводчик иногда пытался не понять английский текст, но угадать его смысл [7, с. 109–126; ср.: 31, р. 253, 303–333]. Приведем лишь несколько примеров: крымские татары почему-то именуется «крымчаками» [7, с. 112; ср.: 31, р. 303]; исчез намек на гомосексуализм османского султана Селима III [7, с. 116; ср.: 31, р. 309]; пропущена мысль о том, что все мужчины из рода Гиреев носили титул «султана» [7, с. 117; ср.: 31, р. 310]; рассуждение о том, что крымским мурзам и беям было запрещено воевать друг с другом, превратилось в рассказ о конфликтах из-за воинской добычи [7, с. 120; ср.: 31, р. 314]; и так далее. Как уже сказано, в последнее прижизненное издание трактата Итон внес в текст ряд важных прибавлений. Наряду с отмеченными недостатками издания В. М. Калашникова, это делает актуальным новый перевод отрывков из источников, связанных с Крымом, по последней версии книги [35].

Страницы оригинального издания указаны в квадратных скобках [] перед началом соответствующей части текста и выделены жирным. В таких же скобках отмечены дополнения переводчика, а также даны использованные Итоном варианты написания имен, топонимов и других терминов латиницей – если они не соответствуют современным вариантам. Троеточие в квадратных скобках [...] указывает, что здесь был пропущен фрагмент, к Крыму и Крымскому ханству не имеющий отношения. Имена и названия в русском тексте приведены к современным формам написания. Выделения курсивом в основном тексте следуют авторскому варианту. Примечания, кроме особо оговоренных, выполнены переводчиком.

Уильям Итон
Обозрение Турецкой империи,
в котором рассматриваются:

I

Ее образ правления, финансы, вооруженные силы и флот, религия, история, искусство, науки, нравы, торговля и население;

II

Состояние провинций, включая древний образ правления у крымских татар, подчиненность греков, их усилия во имя освобождения и интересы других наций, в частности Великобритании, к их успеху;

III

Причины упадка Турции и те, что помогают продлить ее существование, с развитием политической системы покойной российской императрицы;

IV

**Британская торговля с Турцией, необходимость ликвидации Левантийской компании и опасность наших карантинных правил;
Со многими другими существенными подробностями**

[...]

Вводная глава к четвертому изданию

[...]

[xxvi] Черное море сильно отличается. Здесь у русских [*Russians*]¹ есть *нумники*, формирующие моряков. [xxvii] Не все крестьяне приграничных провинций – крепостные². Свободные казаки весьма привержены мореплаванию. Можно вспомнить, что однажды они вошли в Константинопольский пролив [*channel of Constantinople*]³ и наложили на этот город контрибуцию⁴. Для мореплавания в Азовском море и поддержание торговли между Доном и Каффой⁵ на маленьких судах потребовалось бы 12 000 человек, а из Днепра в Одессу, по куда более короткому пути, несколько тысяч. Пятьдесят кораблей береговой охраны [*guarda-costas*] на службе

¹ В зарубежных источниках конца XVIII – начала XIX в. термин «Russians» обозначал как этнос («русские»), так и политическую нацию (дворянство и чиновничество Российской империи разного этнического происхождения, «россияне»).

² В оригинале – *vassals*, вассалы. Это более мягкий термин, чем «рабы» (*slaves*), которым многие путешественники именовали российских крепостных [напр.: 37, р. 199]. Западные интеллектуалы полагали, что «рабский» статус русских крестьян, даже если хозяева к ним относились мягко, не оставлял возможности для развития («достижения цивилизованности») ни им самим, ни государству в целом [2, с. 113–116]. В свою очередь, российские идеологи всячески подчеркивали разницу между крепостничеством и рабством, указывая на счастливую жизнь русских крестьян [1, с. 42–43].

³ Нынешний Босфор. Столица Османской империи официально называлась «Константинополем», тогда как «Стамбул» был неофициальным термином до 1930 г.

⁴ Известно несколько таких набегов запорожцев – во главе с Петром Сагайдачным в 1615 г. и с Михаилом Дорошенко в 1624 г.

⁵ Ныне г. Феодосия в восточном Крыму.

у карантинного департамента будут иметь в штате от 3 000 до 5 000 человек, постоянно находящихся в море. Помимо всех этих питомников, корабли для [Эгейского] архипелага и Средиземноморья строились очень быстро, а у русских есть свои превосходные судостроители.

Навигация на Черном море продолжается круглый год: Днепр и Керченский пролив замерзают зимой, но Каффу и Севастополь [*Sebastopolis*]⁶ льды не беспокоят никогда.

Существует заимствованное у турок представление об опасности Черного моря. Для них оно и в самом деле черное, и стало бы таковым даже для британских моряков, если бы те плавали на кораблях, как у турок, которые характерны для этого моря, – они не могут лежать в дрейфе и потому постоянно должны идти по ветру, а если пропускают порт, то их вытаскивают на берег. Здесь не больше штормов, чем в других морях. Мне доводилось плавать по нему во всякий месяц года.

Между Константинополем и Синопом нет ни рифов, ни отмелей, за исключением рифов острова [xxviii] Кефкен [*Kefkani*]⁷, мимо которых корабль вряд ли пройдет, и небольшой песчаной банки близ Синопа, скрытой очень высоким мысом. На берегу множество высоких, разнообразной формы ориентиров, видимых с большого расстояния, а вода так глубока, что военный корабль сможет идти совсем рядом с берегом. И на этом, и на европейском берегу имеются порты – их можно увидеть на карте г-на Эрроусмита⁸, изучение которой даст общее представление об этом море. Не знаю ни одного моря такого размера, которое было бы настолько безопасно. От Константинополя до Лимана [*Liman*]⁹ берег во многих местах низок, но не опасен, поскольку глубина уменьшается постепенно. Если корабли держатся слишком близко к берегу, можно встретить отмели к востоку от устья Лимана, небольшую отмель близ Севастополя, которая не опасна, и еще две у берега между Каффой и Керчью. Берег Крыма очень глубок и обрывист. При таких свойствах, где может быть опасность для мореплавания? Единственная опасность – это в бури с сильным северным ветром, когда сложно отыскать вход в Константинопольский пролив, а если корабль слишком сместится вправо, то может попасть к берегу у Домуздере [*Domusderé*], который мелководен на некотором расстоянии. Если до того, как погода развиднеется, корабль окажется не слишком близко к берегу, то нечего бояться даже в бурю, если сначала подойти к Анатолийскому берегу¹⁰.

Впадающие в Черное море большие реки [xxix] протекают по провинциям, где производят все, что необходимо для мореплавания – эти товары доставляют в Ригу и С.-Петербург длинным сухопутным путем и по рекам против течения.

⁶ Хотя речь идет о базе Черноморского флота на юго-западной оконечности Крыма, Итон записал его название на античный лад. Очевидно, он понимал, что название крымского города происходит от античного Севастополя, находившегося на месте нынешнего Сухума в Абхазии.

⁷ Остров у северо-западного побережья Малой Азии, близ Босфорского пролива.

⁸ Имеется в виду карта Черного моря знаменитого английского картографа Аарона Эрроусмита (1750–1823).

⁹ Как и многие его современники, Итон воспринял греческое по происхождению слово *лиман* («мелководный залив») как имя собственное, название Днепробугского лимана.

¹⁰ Анатолия – историческое название Малой Азии.

Мачтовый лес везут в Ригу два года – в Херсон его доставляют в первую же весну. Железо поступает из Сибири в Таганрог за одно лето, а [его доставка] в С.-Петербург [занимает] два года и зачастую даже дольше, и требует больших расходов.

Колоссальные суммы потрачены на улучшение портов, рек, дорог и пр., и на строительство новых городов на берегу Эвксинского [морья].

Эти сведения говорят сами за себя – комментарии тут не нужны.

[...]

Глава VI

Об искусствах и науках, торговле и нравах в целом

[...]

[195] Это приводит меня к умозаключению относительно турецкого языка, по поводу чего я приведу несколько наблюдений, тем более длинных, что до сих пор его изучали без всякой точности. Турецкий язык происходит от чагатайского [Ziagutai], диалекта того татарского языка, который так широко распространился благодаря агрессивным нашествиям различных варваров.

Предположения [де] Тотта¹¹ по этому предмету справедливо исправил [де] Пейссоннель¹², наблюдения которого о разном происхождении этих языков заслуживают внимания. Среди варварских орд, которые в разное время разливались по Европе и Азии с севера и запада, он выделяет три великие и различные нации, отличающиеся по происхождению и языку – кельтов или тевтонов, финнов [Fens] или славян, и гуннов или татар. [...]

[196] Последними из всех были гунны или татары, которые, выйдя из местности, называемой «Платформой Татарии» [Platform of Tataru]¹³, распространились от Японского моря до границ Польши, и в разное время установили власть над Китайской, Индийской, Персидской и Турецкой империями¹⁴.

Чагатайский язык, как и должно быть с языком, на котором говорят подобные варвары, был беден и ограничен, а его недостатки возникли благодаря заимствованию терминов из арабского и персидского.

¹¹ Франсуа де Тотт (1733–1793) – французский инженер и дипломат, служивший посланником в Крымском ханстве в 1767–1769 гг., автор популярной книги воспоминаний о своих приключениях в землях османов и татар [43, р. 568–571].

¹² Клод-Шарль де Пейссоннель (1727–1790) – французский дипломат, служивший посланником в Крымском ханстве в 1754–1758 гг., автор нескольких популярных книг об истории и современности Причерноморья [43, р. 490–492].

¹³ Очевидно, Итон имел в виду распространенное в Европе представление о том, что обширные пространства внутренней части Азии занимал огромный горный массив – «Высокое плато Та(р)тарии» [см.: 5, с. 19–20].

¹⁴ Судя по всему, Итон считал, что «гунны» и «татары» были разными названиями совокупности тюркских народов.

[...]

Глава VII

О состоянии населения Турецкой империи

[...]

[245] При таком чахлам состоянии внутреннего сельского хозяйства, Константинополь ищет внешние каналы поставки зерна, в особенности [246] Египет, Молдавию, Валахию, Крым и Польшу.

Учитывая состояние Египта¹⁵, кажется, на постоянные поставки оттуда полагаться не стоит. Мудрое правительство будет еще меньше смотреть на рынки, которые, подобно прочим мною перечисленным, находятся или прямо под управлением враждебного государства, или же постоянно испытывают угрозу его нападения. К тому же русские достаточно мудры, чтобы в мирное время развивать собственное сельское хозяйство, поставляя в Константинополь зерно из своих провинций. Крым, от которого прежде сильно зависела Порта [porte]¹⁶, покинула большая часть его татарских жителей, когда он попал под власть [Российской] империи. Но русские и другие искатели приключений, ныне им владеющие, предпринимают большие усилия для возобновления его торговли и сельского хозяйства...

[...]

Глава VIII

Состояние турецких провинций

[...]

[278] Я [...] добавлю к этим наблюдениям¹⁷ обзор состояния Крыма с некоторыми замечаниями относительно тех татарских орд, чья свирепость была либо укрощена, либо подчинена благодаря присоединению к России. [...]

[291] Если и была нехватка доказательств, подтверждающих жалкую деградацию турецкого правления в отношении их отделенных провинций и того ужасного опустошения, которому подверглись эти провинции, мы найдем их у автора панегирика Турции, г-на Пейссонеля [Peyssonel]. Он был французским консулом в Крыму в 1758 г., когда вспыхнул мятеж, вызванный требованиями со стороны османских чиновников, связанных с *ichetirah*, или перевозкой зерна. Мятежные татары, числом в восемьдесят тысяч, разграбили и опустошили за семь дней провинцию Молдавия, увезли сорок тысяч рабов, со всех сторон сеяли ужас и разорение, а у Порты не было других средств, чтобы укротить эти беспорядки, кроме смещения

¹⁵ Итон имеет в виду французскую экспедицию в Египет (1798–1801), организованную Наполеоном Бонапартом, опустошившую страну и обострившую международные отношения в Средиземноморье.

¹⁶ Западное название Османской империи – Высокая, Блистательная, Оттоманская или просто Порты – происходит от французского слова «porte» («ворота»), которые вели в стамбульскую резиденцию великого визиря. Итон же, вопреки традиции, систематически пишет это слово со строчной буквы – то ли в знак презрения, то ли имея в виду его буквальное значение.

¹⁷ О других османских провинциях в Европе и Азии – речь о них шла в выпущенном отрывке.

правлящего хана Алим-Гирея [*Alim Guerrai*] и возведения на его место Крым-Гирея [*Krim Guerrai*] – предводителя восстания. В это время, говорит г-н Пейссоннель, мы видим равнины Килии [*Kichela*]¹⁸, покрытые, насколько хватает глаз, рабами – мужчинами и женщинами [292] всех возрастов, скотом, верблюдами, лошадьми, овцами и всеми видами добычи, сваленными вместе. Все это добро взято было из христианской провинции, подчиненной Порте. Крым-Гирей, в обмен на то, что получил трон, попытался сделать так, чтобы имущество вернулось к своим владельцам, а пленники получили свободу. Но, несмотря на предпринятые этим князем [*prince*] энергичные и решительные меры, он смог вырвать лишь малую долю награбленного у алчных бандитов, находившихся под его командой. Из рабов многие были спрятаны или проданы, и многие умерли от жестокого обращения, так что лишь половина пленников вернулась в свою страну. Это свидетельство Пейссоннеля, друга Крым-Гирея – но хорошо известно, что он сам получил часть награбленного, и что назад отправили лишь тех, чей возраст сделал их непригодными для [назначенной] цели. В Молдавии те, кто передаривали подарки, сообщили мне, что около тридцати тысяч душ, в самом расцвете молодости, так и не вернулись [домой]. Конечно же, эта картина опустошающего варварства достаточно показывает характер татарских орд. А если мы прибавим, что они постоянно совершали набеги на Россию, Польшу, Черкессию [*Circassia*] и пр. [страны], где хватали их жителей, грабили и сжигали селения, то это будет достаточным оправданием российскому двору, установившему власть над этим гнездом грабителей и убийц, и приведшему [293] их в состояние, напоминающее общественный порядок и подчинение. Вместо того, чтобы быть осужденными, подобно императрице [Екатерине II], теми христианами, кто всегда симпатизирует туркам, и теми политиками, которые считают желательным сохранение захваченной ими империи, она заслуживает благодарности от всех людей, принадлежащих к любой нации, которые не опозорены предрассудками и не испорчены практикой подобных гнусностей. Все правление татар было оскорблением человечества и унижением человеческой природы, не меньшим, чем [правление] османских султанов. Следовало ли ожидать, что подобная России держава будет терпеть удары от орды дикарей, когда она могла отплатить за обиды? И разве у нее не было права как у независимого правителя [*sovereign*], как у христианина и друга человечности на защиту своих слабых соседей, которым неоткуда было больше искать защиты, а разграбление и сокращение их населения укрепляло и ее, и их врагов? У нее было священное право, и порочны уста, которые попытаются ее обвинить.

Связь между татарскими ордами и турками по происхождению и религии побуждает меня дать обзор состояния их самой прославленной местности – Крыма [*Crimea, or Krim*]¹⁹, пусть он сейчас и перешел под власть России, и был оставлен

¹⁸ Килия (иногда встречается вариант Кичела) – город на одном из устьев Дуная, ныне на территории Одесской области Украины.

¹⁹ Использование двух вариантов написания топонима показывает, что Итон знал: современное английское название полуострова («Crimea») довольно сильно отличается и написанием, и произноше-

большей частью своих прежних жителей. [294] Помимо этого, меня дополнительно стимулируют ошибочные представления, которые распространяют в Европе в отношении этой меры, [этой] страны в целом и природы ее прежней системы правления, до сих пор столь мало известной. Более всего удивляет меня то, что г-н де Пейссоннель, имевший настолько удачную возможность для сбора самой точной информации об этом предмете, полностью проигнорировал его, и говорит о татарской системе правления в соответствии с общепринятыми о ней представлениями. Часто бывает, что самые внимательные путешественники приезжают в страну с ложными понятиями о вещах и, если не случается ничего такого, что бы вывело их из заблуждения, остаются при своих ошибках. Чтобы прояснить все это, может оказаться нужным дать краткий очерк татарского военного дела и их незначительной цивилизованности, и отметить улучшение состояния нравов и торговли, появившейся при благотворной заботе России.

Имя «татар» [*Tatar*], а не «тартар» [*Tartar*]²⁰, общее для большого количества бродячих и нецивилизованных племен, что населяют обширные области страны от северного пограничья Китая до границ Венгрии, среди которых в темные времена появились завоеватели и основатели многих могучих империй. Племена к северу от Эвксинского [моря] были, подобно многим другим странам, граничащим с Турецкой империей, подчинены, попав в определенную зависимость – они давали [295] немногие доходы в мирное время, а во время войны поставляли лишь грабителей-бандитов, немногим менее пугавших соседей, бывших с ними в дружбе, чем враждебное государство.

В давние времена Крымская империя [*empire of the Crimea*] (древний Херсонес Таврический) возникла на руинах еще более древнего и обширного государства кипчакских ханов [*khans of Kapchak*]. Свое название она получила от города Крыма [*Krim*], от которого ныне мало что сохранилось. Сейчас он называется «Эски-Крым» («Старый Крым») [*Eski-Krym, Old-Krym*], и был местом обширной торговли в 1237 г., когда монголо-татары [*Mongul Tatars*] установили свою власть над этим полуостровом. Эти князья были полностью независимы до тех пор, пока генуэзцы, утвердившись там в XV веке ради торговли, не сделались так влиятельны, что стали свергать и приводить к власти местных ханов по собственному желанию. Над главными воротами Каффы до сих пор существует генуэзская надпись на плохой латыни и

нием от тюркского оригинала. Это произошло потому, что посредником между тюркским и английским выступил новогреческий либо итальянский язык.

²⁰ В результате шока, испытанного европейцами во время нашествия монголов в XIII в., в завоевателях увидели предсказанных христианскими пророчествами предвестников конца света [17, с. 13, 39, прим. 16]. Потому они прибавили букву «р» в название страны и ее жителей – *Tartaria* («Tartaria»), *тартары* («Tartars»), подчеркнув их связь с Тартаром, преисподней древнегреческих мифов. Итон знал, что эта традиция не верна. В предисловии ко второму изданию он оговорил этот вопрос: «Я писал “татары” [*Tatar*], потому что в первом слоге нет буквы р ни в написании, ни в произношении жителей Востока [*Orientalis*]. Русские всегда писали и произносили “татары” [*Tatar*], а немцы недавно приняли эту орфографию» [35, р. xxiii].

герб этой республики. Турки, изгнав генуэзцев, начали с того, что уважали независимость ханов, особенно когда те приняли магометанскую религию, но вскоре они получили право утверждать их избрание и, в конце концов, предлагать кандидатов на эту должность. Попав в руки Турции, Черное море, которое прежде было ареной самой активной торговли, было закрыто благодаря непредусмотрительной политике Дивана [*divan*]²¹, и крымские порты [296] постепенно утратили былое богатство и значение, о которых ныне свидетельствуют лишь развалины. Ни один друг человечества не сможет испытать ничего кроме радости от того, что такие властители были изгнаны путем войны из этой важной страны, и что она перешла под контроль державы, чьи более свободные и просвещенные взгляды должны возродить пришедшую в упадок торговлю, облагородить варварскую свирепость и сделать эту часть земного шара, почти превратившуюся в пустыню, вновь плодородной и производительной.

Как только императрица [Екатерина II] взяла власть над Крымом, она создала проект по возвращению торговли и производства в место, столь удачно для них приспособленное – она немедленно, с большими затратами, предприняла меры для этой цели, прислала войска для защиты своих новых владений и позволила правившему хану отойти от дел, за что он получил щедрую пенсию.

Нижеследующее свидетельство о прежнем образе правления в этой стране, полученное мною в 1781 г. от Сеид эффенди [*Seid-Effendi*], визиря [*vizir*] при правившем хане Шагин-Гирее [*Shaheen Guerrai*], показалось мне совершенно точным [при сравнении с] другими сведениями, [так что] я представляю его здесь как заслуживающее большего доверия, чем неточные рассказы об этом государстве, изданные до сей поры. Сравнение его с древними феодальными государствами и выдвижение ряда предположений, которые могут возникнуть при исследовании этой темы, [297] не соответствует моим нынешним целям, являясь задачей, для которой у меня недостает знаний, но это может стать предметом для размышлений других [людей].

Ханом всегда становился старший мужчина в семье *Гиреев*, происходившей от *Чингисхана*, если только некая природная недееспособность не исключала его из наследования, или если [его] страна, что иногда случалось, не вмешивалась и не избирала другого, но всегда одного из рода Гиреев, и всегда старейшего и ближайшего к прямой линии наследования. Впоследствии эта семья стала очень многочисленной, так что было трудно определить лучшего кандидата, и под конец ханы стали полностью выборными. Более всего вовлечены в выборы были беи [*beys*] и мурзы [*mursas*] – но общее мнение нации [*nation*] также учитывалось, поскольку кандидатура невоинственного или непопулярного хана вызвала бы протест части народа [*people*]²².

²¹ Как и в случае с Портой (см. прим. 16), Итон писал название турецкого правительства со строчной буквы, возможно, выражая так негативное к нему отношение.

²² Всех крымских татар, а не только знать, Итон именует «нацией» (*nation*), очевидно потому, что мнение свободного рядового населения играло роль при выборе хана. Немусульманское население Итон частью крымской нации не считал [подробнее см.: 20, с. 153]. «Народ» (*people*) в этом отрывке, видимо, синоним «нации».

После того, как турки стали угрозой для крымских татар, Порты присвоила себе право утверждать этот выбор, а впоследствии и самостоятельно назначать хана. Иногда беи и главные мурзы (или мирзы) [*myrsas*] писали в Константинополь, ходатайствуя о передаче власти предпочтительному для них князю, а иногда кандидаты подкупали Порту.

Хан сохранял свою власть лишь по прихоти османского султана, так что [298] ежегодно из Константинополя присылали капуджи-баши²³ [*capugee-bashi*] с фирманом²⁴, подтверждающим его [власть] на следующий год. По [Кючук]-кайнарджийскому миру в 1774 г. Крым провозгласили независимым, а татары вернули себе право на выбор собственного государя.

Если хана смещали, это делалось по султанскому фирману (или хатт-и шарифу)²⁵ [*hatti-sherif*], который привозил из Константинополя капуджи-баши. Его смещение часто было следствием жалоб самых влиятельных людей Крыма, или неудовольствия со стороны Порты его поведением во время войны или задержками в поставке хлеба в столицу – но его никогда не придавали смерти.

Последний несчастливый хан, правивший в то время, когда я получил эти сведения, стал исключением. Он покинул Россию и удалился на покой в Константинополь, где его поначалу приняли с большим почетом, затем отправили в ссылку и, в конце концов, предали смерти.

Смещенных ханов иногда отправляли в ссылку в отдаленную часть империи или на один из греческих островов, но обычно Порты давала им *чифтлык* [*chiftlik*], или род поместья, включавшего сельский дом и обрабатываемую землю, между Константинополем и Адрианополем, куда они брали с собой своих домашних и там предавались воле судьбы. В настоящее время в тех краях живет около [299] трехсот князей из этой семьи, что иногда делает дороги небезопасными, ведь ни они, ни их люди не могут полностью отказаться от своей древней привычки к грабежу. Они являются ближайшими наследниками османского трона, ведь правящая семья часто бывала близка к пресечению²⁶. В настоящее время, если не считать султана, в живых остаются лишь двое сыновей, еще очень молодых, его покойного дяди Абдул-Хамида [*Abd-ul-hamid*]²⁷. У самого Селима²⁸ нет детей – он весьма привержен греху, который обычно приносит такую кару.

Когда султан назначал хана, он писал четырем беям, сообщая о назначении этого князя им в государи. Хан был настолько же деспотичен, как и османский сул-

²³ Капуджи-баши – один из начальников привратников во дворце османского султана.

²⁴ Фирман – указ османского правителя.

²⁵ Хатт-и шариф – официальный письменный документ, написанный лично султаном.

²⁶ Среди крымских татар бытовала легенда, согласно которой Гирей получают власть над Оттоманской империей в случае пресечения правившей там династии [11, с. 12; 22, с. 418]. Несмотря на то, что не существует никаких материальных подтверждений подобного договора [14, с. 237–238], память о нем сохранялась десятки лет спустя после присоединения Крыма к России [18, с. 386].

²⁷ Абдул-Хамид I (1725–1789) – правитель Османской империи с 1774 г.

²⁸ Селим III (1761–1808) – правитель Османской империи с 1789 г.

тан, в исполнении закона, которым в обычных случаях был закон Корана [*koran*]²⁹. В чрезвычайных случаях или там, где он решал не обращаться к закону, его власть была не ограничена ничем, за исключением того, что касалось родов беев, о чем речь пойдет дальше, и дел, затрагивающих всю нацию целиком.

У ханов не было собственной земли, за исключением небольшого участка близ Бахчисарая [*Bagshiserrai*].

Все сыновья из рода Гиреев именуется султанами.

Существовал совет, или точнее сословие [*état*]³⁰, состоявшее из четырех старших особ четырех родов, носивших титул «бей» (то же самое, [300] что арабский «бек» [*beg*]), или князя. Имена этих родов – Ширин [*Sherin*], Барин (или Барон) [*Barin, Baron*], Мансур [*Mansur*] и Сиджеут [*Sigevut*].

Первый род очень многочислен. Из второго в 1781 г. оставалось в живых лишь два человека. Мансуры также многочисленны, а Сиджеуты – нет. Ширины, которые считаются знатнейшими и к которым должна перейти царская власть, если пресеется род Гиреев, часто женятся на дочерях Гиреев, а иногда, пусть и не часто, на дамах из самых значительных родов мурз.

Согласно принципу устройства государства, хан должен был советоваться с бейями по вопросам войны и мира, и во всех делах, касавшихся нации в целом. Они же подтверждали своими подписями все письма о важных делах, которые хан писал в Константинополь или к другим [монаршим] дворам.

Хан не мог предать смерти никого из членов бейских родов без разрешения из Константинополя, но мог лишь заключить их в тюрьму. Прежде их судили другие бейи и сам хан, а если другие бейи были замешаны в преступлении, то мурзы, или совет помещиков.

Ни бейи, ни прочие члены их рода никогда не могли занимать должностей на ханской службе.

Бей не мог продать или иным образом передать [301] семейные земли и владения, которые переходили по наследству, но не к его детям, а к преемнику по должности или рангу. Деньги и движимое имущество бейи могли оставить кому захотят, так что подобным образом они обеспечивали своих детей. Все члены бейского рода назывались мурзами, исключая лицо, получившее звание бейи.

В уголовных делах бейи, так же как и мурзы, на земле которых произошло преступление, ловили преступника и отправляли его к хану или другому судейскому чиновнику. Это происходило в делах, где применялась смертная казнь; в менее важных случаях они могли наказывать поркой.

²⁹ Как и в случае Порты и Дивана (см. прим. 16, 21), Итон писал название священной книги мусульман со строчной буквы, очевидно, выказывая так свое отношение.

³⁰ Описывая деление крымско-татарского общества («нации») – см. прим. 22), Итон пытался подобрать наиболее подходящий термин, используя как синонимы английские «class» и «estate», а также французское «état» – наиболее адекватным русским вариантом для всех будет «сословие».

Существовало и другое сословие [*estate*], состоявшее из мурз или земельных собственников, которые считали себя классом [*class*], отдельным от народа, – их представления о различии по этому пункту точно соответствует бытовавшим в Европе о джентльменах, или знати. Слово «мурза» (в Персии мирза) обозначало лорда или синьора, так что нужно переводить его как сквайр, помещик или малый барон, тогда как беи были большими баронами и пэрами³¹.

Земли мурз переходили по наследству к их старшим сыновьям, а не старшим мужчинам в роду, как это было у беев. Они могли по собственной воле выделить часть своих денег или другого имущества для младших детей. На своей земле они обладали той же властью, что и беи, [302] в отношении совершенных здесь преступлений, то есть могли наказывать поркой или заключением под стражу, отправляя преступников к хану или в иные суды.

Хан мог предать мурзу смерти, но он всякий раз, если природа преступления позволяла сделать отсрочку, судил обвиняемого в присутствии беев, или совета мурз, или его друзей, желавших убедиться в том, что правосудие совершается по закону Корана.

В делах, касавшихся всей нации, или которые могли породить всеобщую смуту, хан собирал мурз, а также четырех беев – последние всегда контролировали великую власть хана и, с другой стороны, ограничивали власть союза мурз, которой тот иногда распорядился слишком беспечливо. В прежние времена беи и мурзы смещали своего монарха, если его поведение приводило к всеобщей смуте, – но это считалось настолько опасным шагом, что к нему никогда не прибегали, за исключением самых крайних случаев.

Крестьяне, или сельские жители, составлявшие основу нации, были свободными. Крестьянин, обрабатывавший кусок земли как поле или пастбище, отдавал бею или мурзе, бывшему ее владельцем, двадцать процентов продукции в качестве ренты.

Если же земля была его собственной, он отдавал лишь десять процентов бею или мурзе, в районе которого находилась земля.

[303] Крестьянин мог распоряжаться своей собственностью как пожелает – если же он умирал, не оставив завещания, наследника определял закон Корана.

Когда хан собирал армию на войну, то посылал вызов к бейам и мурзам, дабы те прислали свою часть [войска], которая фиксировалась в соответствии с количеством людей, живших в их владениях. Каждый бей или мурза командовал тем отрядом, который выводил на поле боя. Хан не давал воинам ни денег, ни провианта – пока они не пересекли границу, всем необходимым их снабжали офицеры или они сами, после чего они кормилось грабежом, вне зависимости от того, принадлежала ли эта страна дружественной или враждебной державе. Почти каждый татарин имел лошадь и вооружался за собственный счет.

³¹ Как и в предыдущем случае, Итон попытался найти европейские (точнее, английские) аналоги крымско-татарским социальным рангам, предположив, что разница между бейами и мурзами примерно соответствует разнице между титулованной и нетитулованной английской знатью.

Часть от трофеев, которые они захватывали всякий раз, когда пересекали границу, принадлежала хану, часть – их бею или мурзе, а остаток – им самим, причем обычно это была наиболее существенная [часть].

Ни беям, ни мурзам не позволялось воевать друг с другом – а народу запрещалось принимать участие в их личных спорах.

Было еще одно сословие [class] людей, живших в городах и поселках, не плативших ренты беям и мурзам за землю, занятую их домами, садами и полями, которые принадлежали [304] им самим или были арендованы ими у других собственников, поскольку эти земли и участки принадлежали городу или поселку. Их также не могли призвать на войну – но зачастую они, из желания пограбить, добровольно присоединялись к отряду одного из беев или мурз.

В Крыму были и другие люди, имевшие титула бея, но они не принадлежали к этому *сословию* [*estate* или *état*], а потому были простыми мурзами.

Было и сословие людей, также называвшихся придворными, *капу-халки* [*kapu-khalki*], «людей у *порты*, или ворот», то есть при дворе, поскольку в старые времена правосудие исполнял судья, сидевший у своих ворот, – оно включало визиря, кознадар-баши [*khuznadar-bashi*], дефтердара [*defterdar*], ахтаджи-бея [*akhtagibey*], капиджи-баши [*kapigi-bashi*] и пр.³² На эти должности хан назначал по собственному желанию мурз или их сыновей, купцов, турок и пр., а когда они получали должность, если они происходили из незначительной семьи, то их называли «ага», а их сыновья получали титул мурзы*. Хотя беи и большие мурзы иногда выдавали своих дочерей замуж за придворных, если те становились значительными лицами, это случалось редко и обычно по желанию хана.

[305] Виднейшими государственными чиновниками были:

1. Калга-султан [*Galga-Sultan*]. Он был наместником города Акмечети [Akmedschit]³³ и его округа, где постоянно проживал. Он всегда принадлежал к роду Гиреев и обладал властью распоряжаться жизнью и смертью в своем округе, подобно самому хану. На эту должность не могли назначить человека, старшего по возрасту, чем правящий хан. У него был двор и чиновники с теми же названиями, что у хана, например, визирь, казнадар и пр. Обычно те, кто описывал Крым, полагали, что калгой-султаном становился старший сын хана – но так никогда не бывало.

2. Нуреддин-султан [*Nuruddin-Sultan*]. Он также должен был принадлежать к роду Гиреев. Он имел те же привилегии, что и калга-султан, но не мог карать смертью. Он всегда жил при хане, но его полномочия в исполнении правосудия и других ведомствах были не большими, чем возможность давать советы или вести дела от

³² Капу-халки (капикули) – служилое сословие, «второй класс» крымского дворянства; визирь – глава правительства; кознадар-баши (казнадар-баи) – ханский казначей, дефтердар – финансовый контролер, ахтаджи-бей – ханский конюший, капиджи-баши – церемониймейстер [см. напр.: 11, с. 24–25, 28–29].

³³ Ныне Симферополь.

* Ситуация, когда сын становился дворянином [*gentleman*] из-за того, что его отец, человек небогатого происхождения, занимал почетный пост, сильно напоминает древнюю феодальную систему правления и нынешний обычай большинства европейских наций (*прим. автора*).

имени хана в делах, которые тот ему поручил. Кажется, эта должность была чем-то вроде эпизодического помощника хана, который всегда находился под рукой.

3. Ор-бей [*Or-Bey*] (или, как произносится, *ore-bay*³⁴) жил в Перекопе, который назывался «Ор»³⁵. Его привилегии были такими же, как у калги-султана, – за исключением того, что он не мог карать смертью; он не всегда принадлежал к роду Гиреев, но иногда – к Ширинам, и в этом случае не имел визиря, но все [306] остальные чиновники его двора были такими же, как у султана.

4. Аккерманский сераскир [*Ak-kirman-Seraskir*] всегда был султаном и имел власть распоряжаться жизнью и смертью. Он жил в Аккермане [*Akkirman*]³⁶, пока турки не завладели *Бессарабией* [*Besarabi*]. Он был также наместником над *ногайскими татарами* [*Nogai-Tatars*], пока они не перебрались с равнин к северу от Перекопа на Кубань. У него были те же чиновники, что у калги-султана.

5. Кубанский сераскир [*Kuban-Seraskir*], имевший такую же власть и привилегии, что и калга-султан, всегда был султаном из рода Гиреев. Кроме того, каждое племя кубанских татар [*Kuban-Tatars*] имело [особого] сераскира, который отправлял правосудие в этом племени, но подчинялся *кубанскому сераскиру* и не мог карать смертью.

Кроме того, были:

1. Муфтий [*Mufti*] Крыма, назначавшийся ханом, который жил при нем в Бахчисарае, но там не было совета улемов [*body of ulema*], регулировавшего полномочия правительства, как в Константинополе. Когда турки владели Каффой, у них был там собственный муфтий, но он никогда не давал советы татарам и не пытался вмешиваться в их дела.

2. Кадиаскер [*kadilaskir*] (или казиаскер) [*kaziaskir*], назначавшийся подобным образом и живший при хане.

3. Двадцать четыре кадия [*kadis*] (или казия) [*kazis*], по одному в каждом большом округе, не считая кадиев на Кубани, [307] где у каждого кадия было по округу, состоявшему из нескольких селений или стойбищ с шатрами.

Таким образом, эта оригинальная система правления, как кажется, первоначально была феодальной, но впоследствии, когда татары стали магометанами, изменилась после принятия законов Корана. Татары признают константинопольского султана халифом [*kalif*] и своим религиозным главой. Их никогда не пытались заставить отказаться от поедания конины, что мусульманам запрещает магометанский закон. Турецкие муфтии благоразумно решили, что конину нельзя есть всем остальным мусульманам, исключая татар, поскольку те к ней привыкли, а потому это не считается грехом.

³⁴ Автор пытался показать, что в этом титуле звук *r* произносится звонче и выразительнее, чем в английском.

³⁵ Селение Перекоп находилось на севере одноименного перешейка, соединяющего Крымский полуостров с материком; ныне не существует.

³⁶ Аккерман – город у места впадения Днестра в северо-западную часть Черного моря, ныне Белгород-Днестровский Одесской области Украины.

Доходы правящего хана составляли:

1-е. Десять процентов от зерна, которое выращивали ногаи.

2. Продукция соленых озер – лишь очень небольшое количество соли принадлежало отдельным лицам – она давала ему около ста тысяч талеров [*dollars*]³⁷ в год, то есть около двенадцати тысяч пятисот фунтов стерлингов.

3. Пошлина с импорта и экспорта, которая обычно достигала той же суммы в сто тысяч талеров в год, то есть около двенадцати тысяч пятисот фунтов стерлингов. [308]

4. Субсидии, которые Оттоманская Порта выплачивала хану в военное время, и зачастую другие суммы, шедшие на вооружение и поддержание у татар бодрого духа.

5. Суммы, которые ежегодно присылал османский султан на покрытие расходов двора калги-султана и оплату чиновников ханского двора, таких как визирь, казнадар и пр., с целью сделать их более зависимыми.

6. Жалование *сейманов* [*seimans*], нескольких отрядов численностью около 1600 человек, служащих ханской гвардией, всегда присылали из Константинополя.

В свою очередь, турки всегда могли рассчитывать на корпус вспомогательной кавалерии из Крыма и с Кубани.

Христиане и иудеи, как и в Турции, платили подушную подать беям или мурзам – но их притесняли несравнимо меньше, чем в Турции, они пользовались большей защитой, и к ним относились с меньшим высокомерием и пренебрежением.

Доходы хана Шагин-Гирея в 1781 г. составляли 900 000 талеров, не считая тех сумм, которые обычно присылали из Константинополя – эта сумма составляет около 112 500 фунтов стерлингов.

С тех пор численность жителей сократилась приблизительно до 100 000 душ в Крыму и 600 000 душ на Кубани; две трети [309] жителей выехали в Турцию с тех пор, как началось правление этого хана, оказавшегося последним. Осенью 1777 г. крымские татары сами встретили русскую армию князя Прозоровского [*Prozorofsky*]³⁸ на равнинах у Салгира [*plains of Salguir*], имея сорок тысяч человек, причем все они были конными и хорошо вооруженными. В 1782 г. в большом городе Каффе оставалось лишь 450 жилых домов.

Кажется, не будет неуместным сказать несколько слов о правлении последнего татарского хана и о том, как окончательно прекратилась татарская власть над Крымом.

В [Кючук]-кайнарджийском мирном договоре, заключенном в июле 1774 г., независимость Крыма определена следующими словами. Артикул III³⁹. «*Все татарские народы: крымские, буджатские, кубанские, едисанцы, жамбуйлуки и едичку-*

³⁷ Денежные расчеты в трактате Итона приведены в талерах, крупной высокопробной монете германских государств Нового времени, широко использовавшихся в разных странах. В частности, талер австрийской императрицы Марии-Терезии (1740–1780) свободно обращался в Османской империи [10, с. 114].

³⁸ Князь Александр Александрович Прозоровский (1733–1809) – российский военачальник, командовавший войсками, вмешавшимися в гражданский конфликт в Крыму.

³⁹ Перевод отрывков из договора на английский язык очень точный. Цитата приведена по русскому изданию документа [6, с. 350–351]. Пропуски и неточности отмечены особо.

лы, без изъятия от обеих империй имеют быть признаны вольными и совершенно независимыми от всякой посторонней власти, но пребывающими под самодержавной властью собственного их хана Чингисского поколения, всем татарским обществом избранного и возведенного, который да управляет ими по древним их законам и обычаям, не отдавая отчета ни в чем никакой посторонней державе; и для того ни российский двор, ни Оттоманская Порта не имеют вступать как в избрание и возведение помянутого хана, так и в домашние, политические, [310] гражданские и внутренние их дела ни под каким видом, но⁴⁰ признавать и почитать оную татарскую нацию в политическом и гражданском состоянии, по примеру других держав, под собственным правлением своим состоящих, ни от кого, кроме единого Бога, не зависящих. В духовных же обрядах⁴¹, как единоверные с мусульманами, в рассуждении его султанского величества, яко верховного калифа магометанского закона, имеют сообразоваться правилам, законом их предписанным, без малейшего предосуждения однако ж утверждаемой для них политической и гражданской вольности)... «Российская империя [...] обещается [...] все свои войска вывесть и пр.⁴², а Блистательная Порта взаимно обязывается, равномерно отрешись от всякого права, какое бы оное быть ни могло, на крепости, города, жилища и пр.⁴³ в Крыму, на Кубани и⁴⁴ на острове Тамани лежащие, в них гарнизонов и военных людей своих никаких не иметь, и пр., и пр.»⁴⁵

Вследствие этой клаузулы, Шагин-Гирей был избран ханом беями и мурзами с одобрения народа, ведь, казалось, между ними не случилось разногласий.

Однако новый хан недолго сохранял свою популярность. Он пожелал цивилизовать свой народ и ввести европейскую дисциплину в своих отрядах. Он преуспел бы, если бы с большим уважением отнесся к предрассудкам, глубоко укоренившимся у нации. Он начал с того, что полностью [311] отменил прежнюю систему правления – он нанял новых солдат, получавших жалованье, и назначил офицерами мурз. Прежде у них не было постоянной армии, но всякий мужчина был солдатом. Он уменьшил ренту, которую народ платил мурзам за землю, и направил ее на собственные нужды, назначив тем мурзам, кто станет служить в армии, большее жалование. Он слишком уж копировал нравы христиан или русских, пусть и пунктуально соблюдал все церемонии собственной религии. Таким образом, его расходы превысили доход, но он не мог, подобно своим предшественникам, просить Оттоманскую Парту о денежных субсидиях, ведь та прекратила платить жалование чиновникам его двора. Он чеканил новую монету, что потребовало огромных расходов – и послал за немцем, [чтобы тот стал] заведовать монетным двором. Он

⁴⁰ У Итона добавлено: «наоборот».

⁴¹ У Итона добавлено: «Татары»

⁴² В эту фразу из девяти слов Итон ужал десять печатных строк трактата, опустив фрагменты о разделе занятых российскими войсками пунктов между двумя империями и ханством.

⁴³ В оригинале трактата: «и на все прочее».

⁴⁴ У Итона: «или».

⁴⁵ Итон опустил последние девять строк документа.

передал сбор различных видов государственных доходов людям, собиравшим деньги с ранее неведомой строгостью. Он создал артиллерийский корпус и попытался учредить флот – но недостаток средств не позволил ему успешно завершить ни одно из своих предприятий.

Турки с ревностью наблюдали за независимостью татар и жаловались на то, что, по всей вероятности, не смогут рассчитывать на их помощь в будущей войне, ведь хан провозгласил намерение придерживаться нейтралитета в качестве единственного способа сделать свой народ сильным и сохранить свою независимость. [312] Турки через своих эмиссаров, в основном бывших религиозными фанатиками, непрерывно работали над тем, чтобы подбить этот народ к бунту. Им удалось настолько возбудить дух неповиновения, что хан, опасавшийся за свою безопасность, призвал русское войско и разместил небольшие его отряды в разных уголках страны. Перед тем турки послали войско на Тамань и обезглавили одного из ханских командиров.

Я прибыл в русскую крепость Еникале⁴⁶ в октябре 1777 г., направляясь в Бахчисарай, когда появились новости о том, что татары неожиданно и одновременно напали на русских, рассеянных по разным районам Крыма и Кубани, и перебили их всех – но самому хану удалось спастись бегством в ставку русских. Оттоманская Порта в то же самое время назначила нового хана, отправив его в порт, который ныне называется Севастополем, с пятью линейными кораблями. Вскоре в Крым вошла русская армия, татары были побеждены и в течение зимы вновь приведены к покорности своему хану. Русских обвиняли в том, что при этом они совершили некоторые жестокости. Если их нельзя оправдать как христиан, следовавших закону воздаяния⁴⁷, то можно отчасти извинить как людей.

Татар, пусть и приведенных к покорности, [313] не могли удерживать в этом состоянии немногочисленные отряды, на которые мог полагаться хан. Потому он вынужден был сохранить вспомогательную русскую армию, а Порта несколько раз пыталась возбудить новый мятеж. Императрица, в конце концов утомленная постоянно вызывавшимся ими беспокойством и решившая более не подвергать своих подданных бедствиям, которые несли набегии этих варваров, захватила Крым и Кубань в 1783 г. Хан удалился на покой в Калугу, что в Малороссии [*Russia Minor*]⁴⁸, где получал очень большую пенсию от императрицы, а относились к нему совершенно как к монарху. Но, непривычный к спокойной и бездеятельной жизни, он покинул Россию и отправился в Константинополь, где его поначалу приняли с великими почестями, но вскоре отправили в ссылку на один из греческих островов, и однажды, когда он был в бане, схватили и удушили, а голову его отослали в Константинополь.

⁴⁶ Крепость Еникале была передана России по Кючук-кайнарджийскому мирному договору 1774 г.; находится на севере современного г. Керчи на восточной оконечности полуострова.

⁴⁷ Отсылка к Священному писанию [Вт. 19: 14–21].

⁴⁸ Несмотря на опыт жизни в России, Итон запутался в географии, поместив подмосковный г. Калугу на территории нынешней центральной Украины.

Надеюсь, читатель простит меня за краткое отступление, [повествующее] обо мне самом, ведь оно может пролить немного света на характер и нравы народа, среди которого я побывал. 10/21⁴⁹ декабря 1777 г. я отплыл на небольшом судне из Еникале в Каффу (дорога по суше была небезопасна), которую только что штурмом взяли русские во главе с генералом Бальменом [Balmaine]⁵⁰, а множество находившихся в Каффе турок были преданы мечу греческим корпусом из Еникале⁵¹, [314] каковые [греки] также отняли у моего слуги весь мой багаж, стоивший весьма немало, что я так и не смог возместить. Вместо того, чтобы войти в порт Каффы, мы были отнесены штормом вдоль берега и, потеряв бушприт и все якоря, очень нуждались в воде, ведь на борту находилось восемьдесят человек, все военные. Мы несколько раз высаживались на берег, чтобы набрать воды, но всякий раз были отбиты татарами. В конце концов, мы миновали Балаклаву [Belaklava] и легли в дрейф в заливе Кезлева [Gioslévé]⁵², что против Севастопольского порта, где увидели стоявший на якорях турецкий флот. К нам прибыл хозяин одного турецкого торгового судна, с которым мы заключили сделку, уплатив около пятидесяти фунтов стерлингов за бочонок воды, который он обещал доставить ночью. Но, когда он высадился на берег, мы заметили, что один из турецких фрегатов ставит марсели и готовится отплыть. Спускалась ночь, когда мы вышли в море и направились к Дунаю, единственному порту⁵³, который можно было достичь при имевшемся ветре, предпочтя смерть от жажды турецкому милосердию. Я был единственным человеком на корабле, который мог управлять им, не видя земли. Капитан, которым был грек, двинулся рассудком. Я нашел две турецких лоции Черного моря, в которых широта Дуная отличалась на градус. Я изучил [карту] берега Анатолии, который [315] тем летом осмотрел от Константинополя до Китроса [Kitros]⁵⁴, и таким образом принял решение.

Мы благополучно прибыли к устью [называющемуся] Сулина [Sulina-mouth]⁵⁵, но ветер не давал нам войти в него, и к нам направились турецкая лодка. И здесь я не

⁴⁹ Итон записал даты по-новому (григорианскому, западному) и старому (юлианскому, использовавшемуся в России) стилю.

⁵⁰ Антон Богданович де Бальмен (1741–1790) – российский государственный и военный деятель, выходец из шотландского рода, участник русско-турецкой войны 1768–1774 гг.

⁵¹ Речь идет о средиземноморских греках, участниках антитурецкого восстания в ходе русско-османской войны 1768–1774 гг., которые по ее окончании при поддержке российского правительства переселились в крымские города Керчь и Еникале (см. прим. 46). Из них формировали нерегулярные подразделения (в описываемое время – «Албанское войско»), участвовавшие, в частности, в подавлении мятежей крымских татар в 1777–1778 гг. После присоединения Крыма к России большую их часть перевели в Балаклаву на юго-западе полуострова [12, с. 5–41].

⁵² Ныне г. Евпатория, на западе Крыма.

⁵³ Так в тексте. Ясно, что Итон собирался добраться до одного из портов в дельте р. Дунай – например, Килии или Галаца.

⁵⁴ Неясное место. Маловероятно, что автор имел в виду Китрос – местечко на северо-востоке современной Греции, близ Салоник.

⁵⁵ Это было главное устье Дуная. Вот что писал Андре-Жозеф Лафитт-Клаве, французский офицер, в 1784 г. составивший описание Черного моря: Дунай «впадает в Черное море множеством устьев или рукавов, которые называются “Богаз”. Устье Сунне или Сулина – самое удобное для плавания и

смогу должным образом описать человечность, с которой к нам отнеслись команды нескольких турецких торговых судов. Удерживать корабль мы могли лишь перлинем да шлюпочным якорем. Вода была очень спокойна. Была уже ночь. Они прислали к нам пять больших лодок с людьми, чтобы отбуксировать нас в случае опасности, которые остались при нас на всю ночь. Утром мы благополучно вошли в реку.

На следующий день я отправился в Галац [*Galatz*]⁵⁶, намереваясь отправиться в Россию по суше. На реке увидел две новых турецких 50-ти-пушечных корабля, без орудий и команд. Я был знаком с капитанами по Константинополю, а потому был принят ими со всей любезностью.

1-го января 1778 г. я отправился к греческому губернатору с визитом вежливости, но встретил у него очень холодный прием. Он сидел на диване вместе с турком, по виду – важным лицом, который сразу же потребовал от имени пашы Эбрахила [*pasha of Ebrahim*]⁵⁷ отрубить головы мне и тем 26 людям, которые вместе со мной высадились с корабля. Палач стоял здесь же в комнате, вместе с сумкой, куда должны были сложить наши [316] головы, а во дворе перед зданием навалили кучу опилок, чтобы впитать кровь. Мой переводчик-грек был так напуган, что не смог вымолвить ни единого слова, кроме «*quel sacco*»⁵⁸, указывая на сумку, предназначенную для его головы. К счастью, им не удалось меня запугать – но мне пришлось говорить в свою защиту как можно убедительнее, с большим трудом убеждая офицера-силиктара [*siliktar*] (меченосца) при паше в том, что я англичанин, явившийся с добрыми намерениями; что даже будь я врагом, при обстоятельствах, в которых мы оказались на Дунае, в обычае всех наций было бы предоставить нам убежище. Тогда он сказал мне, что нас обвиняют в том, что мы прибыли на Дунай с целью сжечь два турецких военных корабля. Короче говоря, мои доводы и несколько тысяч талеров в русских банкнотах убедили его отправиться к паше за новыми инструкциями и послать к капитанам турецких военных кораблей, которые поклялись головой в том, что я англичанин и друг капитан-пашы⁵⁹. Счастливым оказалось то обстоятельство, что они видели меня с капитан-пашой и знали, что я на самом деле был англичанином.

Потом я узнал, что оклеветал нас губернатор-грек, поначалу принявший меня с большой любезностью.

Три месяца мы оставались пленниками, но могли ходить по городу, пока не пришел приказ от капитан-пашы [317] отпустить на свободу, и «*чтобы нам досаждали как можно меньше, так что, если бы птичка уселась бы на клотик мачты, ее следовало прогнать*».

Пока я находился в карантине на русской границе, в сентябре 1778 г., ее пересекли 75 000 христиан, которых русские заставили выехать из Крыма (35 769 душ

самое часто посещаемое...» [41, р. 16].

⁵⁶ Город и порт в устье Дуная, на востоке нынешней Румынии.

⁵⁷ Неясное место. Речь идет о коменданте какого-то города или местности – может быть, это сильно искаженное название османской крепости Измаил на нижнем Дунае (ныне город Одесской области Украины).

⁵⁸ Этот мешок (итал.).

⁵⁹ То есть османского адмирала – командира флотилии.

мужского пола). Прибывшие из Каффы армянки были красивее и, полагаю, ближе подошли к совершенным формам греческих статуй, чем женщины из Тиноса [Tino]⁶⁰. Этих людей расселили в стране, оставленной ногайскими татарами, близ западного⁶¹ берега Азовского моря (Palus Mæotis⁶²), но зимой, до наступления которой они не успели построить дома, значительной их части пришлось спасаться от холода в вырытых в земле норах, накрытых всем, что удалось достать. Эти люди бросили удобные дома, и потому большая их часть погибла – несколько лет назад в живых оставалось лишь семь тысяч [человек]. Судьба колонии [выходцев] из Италии на берегах Борисфена [Borysthenes]⁶³, [основанной] в 1783 г., была не лучшей, но не из-за климата, а из-за плохой работы тех, кому поручили их снабжение. Не более счастлива оказалась судьба колоний немцев в России – но это лишь отступление.

Здесь я воспользуюсь возможностью исправить [318] несколько ошибок, допущенных некоторыми знаменитыми писателями.

В отношении титула «султан», который носил род Чингисхана, и титула хан (французы, которые не отличают звук *м* от *н*, если за ним не следует гласная, обычно пишут его как *кам* [kam] или *хам* [cham], вроде того, как они пишут Эдимбург [Edimbourg] и пр.⁶⁴), некоторые из сделанных бароном де Тоттом наблюдений должны быть исправлены. Его ошибки, не полностью исправленные [де] Пейссоннелем, происходят от непонимания того, что эти слова имеют разное значение в тех странах, где их употребляют. Эти слова используются как в приказах, так и (вопреки утверждению де Тотта) турецкими императорами для выражения власти монарха, что следует из арабской надписи на турецких деньгах: «*Султан, эбн уль султан, Абдулхамид хан, даме мулху. – Султан, сын султана, хан Абдул-Хамид, да будет его царствование вечным*». Однако в Персии эти слова используют совсем по-другому: шах, который у татар равнозначен хану или королю, это единственный титул, который носит персидский монарх, – в этой стране хан соответствует турецкому паша, и потому его носят наместники провинций, тогда как султан, который там означает просто командира, это титул кавалерийского капитана. В мое время одного человека назначили *ханом*, то есть губернатором [319] Бендер-Рика [Benderrik]⁶⁵, а

⁶⁰ Тинос – остров в архипелаге Киклады в Эгейском море. Жительницы греческих островов в XVIII–XIX вв. считались красавицами, превосходившими своих соплеменниц с материка [напр.: 45, р. 188].

⁶¹ Снова познания в географии подвели Итона (ср. прим. 48). Выселенные из Крыма христиане были поселены на северном берегу Азовского моря, в районе современных г. Мариуполь и г. Ростов-на-Дону.

⁶² Меотийское болото (лат.) – античное название Азовского моря. Здесь, как и в некоторых других случаях (см. прим. 6, 63), Итон предпочитал классические топонимы современным ему тюркским.

⁶³ Античное название реки Днепр.

⁶⁴ Пример неточного написания можно отыскать в знаменитой «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера, в статье «Крым»: «Его жители – магометане; ими управляет хан, которого мы называем *кат*, назначаемый Оттоманской Портой, которого смещают, по словам г-на Вольтера, если татары на него жалуются, а еще скорее, если он слишком непопулярен» [30, р. 470].

⁶⁵ Вероятно, речь идет о городе на берегу Персидского залива, на территории нынешнего Ирана [см.: 46, р. 150–151].

его сына, который командовал отрядом конницы, называли *султаном*. Я говорю о современном использовании этих слов, а не об их прежнем значении.

Тотт ошибается, когда утверждает, что бей [рода] Ширинов постоянно представляет пятерых других беев. В *kingеше* [*kingeshés*], или чрезвычайных собраниях, а также во всех общественных советах бей [рода] Ширинов, будучи первым по рангу, представляют лишь собственную семью – [там] также присутствуют беи других домов, каждый из которых представляет свой собственный род.

Исторический дневник событий в Крыму, который вели в *Бахчисарае*, вероятно, является ценным документом – кажется, Пейссоннель сомневается в его существовании, или, по крайней мере, полагает, что это не многим больше чем компиляция общей традиции, составленная каким-то образованным татаринном. Однако ясно, что такой дневник там регулярно вела одна семья, передававшая его от отца к сыну с такой же регулярностью, как вели дневник в Константинопольской Порте. Ханы часто на него ссылались.

Каверны, имеющиеся в разных районах Крыма, в частности на Тепе-Кермене⁶⁶ [*Terekirman*], что в полулиге⁶⁷ от Бахчисарая, породили много любопытнейших рассуждений – поскольку они находятся на краю отвесных, часто перпендикулярных [обрывов] [320] скалистых гор и имеют правильную форму, очевидно, они созданы искусством человека, но в качестве погребальных памятников ли, крепостей ли, или же мест, где укрывали скот во время [вражеского] вторжения, или для какой-то другой цели, на сегодняшний день неясно. Возражение г-на Пейссоннеля, который полагает, что скот не может взобраться на такую высоту, несомненно, опровергается практикой, ведь и ныне татары на самом деле каждую ночь загоняют стада коз в некоторые из них по высеченным в скале ступеням, чему он сам мог бы быть свидетелем, если бы, подобно мне, провел ночь в этой прекрасной и романтической долине. Однако другие [пещеры] не имели таких подходов, так что они могли служить убежищем для самих хозяев отар⁶⁸.

Сказанное достаточно освещает политическое состояние татар. Немногое в их образовании снабжает ум знаниями, а все обнаруживающиеся у них признаки смысленности следует объяснять природным талантом и следствием активного образа жизни, который даже у дикарей вырабатывает остроту и точность мысли. Приобретенная ими информация очень ограничена – высшие виды образования у них составляют чтение и письмо, а в науках в целом они смыслят еще меньше, чем даже турки. Как у большинства [321] варваров, их собственная страна кажется им одновременно образ-

⁶⁶ Тепе-Кермен – «пещерный город» византийского времени на вершине горы в 5 км к юго-востоку от Бахчисарая. Интересно, что, в отличие от других подобных памятников, западные путешественники посещали его редко.

⁶⁷ Лига – старинная английская мера длины. Морская лига равна 5556 м, сухопутная – 4828 м.

⁶⁸ Необычные «города» на вершинах или склонах крымских гор с многочисленными искусственными пещерами, к тому времени давно заброшенные, весьма интересовали путешественников, тем более что местные жители рассказывали по этому поводу самые фантастические вещи [см.: 4, с. 434–439; 19, с. 415–422].

цом совершенства и пределом познания – и даже главные государственные служащие не знают географии или взаимного расположения всех остальных стран.

Татарский способ ведения войны совсем не похож на европейскую тактику – это сплошная неразбериха и суета, но он дает возможность проявить большое проворство и немалую долю варварского мастерства. Попеременно убегая и нападая отдельными отрядами, они одновременно сражаются разными способами – пуская в дело сабли, копья и огнестрельное оружие, они бьются одинаково как верхом, так и спешившись, хотя первое – это самое привычное для них дело. Правильность и дисциплина современных европейских сражений сильно повлияла на относительно мягкое отношение к побежденным – но эта беспорядочная борьба дает волю страстям каждого индивидуума, личная ярость усиливает дикий ужас этой сцены, и врага никогда не щадят, если только он не изранен и потому представляет ценность в качестве раба⁶⁹.

Не удивительно, что, когда императрица [Екатерина II] получила власть над Крымом, значительной части его жителей-татар пришлось покинуть свою страну. Помимо религиозных предрассудков этих людей, их беспокойные и буйные [322] нравы сделали их мало приспособленными к трудолюбию и цивилизованности, которые она попыталась ввести в своих вновь приобретенных владениях. Те, кто предпочел покинуть эту страну, должны были продать свои земли и другое имущество, которое находилось под защитой русских. Она не поступила с ними так, как всегда поступали турки и татары с жителями завоеванных стран – те, кто решил остаться, сохранили в неприкосновенности свое имущество и свою веру, пользуясь той же защитой и теми же привилегиями, что и российские подданные-христиане.

Ныне татарские орды больше не пополняют турецкую армию и не отмечают свой путь лежащими в прахе сожженными селениями и убитыми жителями. Те орды, что проникали даже в Пруссию и Силезию, грабили Польшу, Венгрию и Россию, предавая огню и мечу каждое жилище, всякое живое существо, которое они не могли увести с собой, привязывая пленников к хвостам своих коней, а пленники эти были цветом молодежи европейских наций, уведенные, чтобы никогда больше не вернуться из рабства и скверны к своим друзьям и в свою страну, – ныне эти орды или рассеяны среди своих собратьев-дикарей в Азии, или цивилизованы своими завоевателями.

⁶⁹ Иначе говоря, татары представлены в виде архетипичных кочевников, а описание их военного дела следует традиции, начало которой положили еще античные авторы применительно к причерноморским конным варварам. Это не удивительно, ведь Итон считал татар потомками гуннов (см. прим. 14).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданов К.А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 348 с.
2. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И.И. Федюкин. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 548 с.
3. Герardini О.Н. Армяне в произведениях английских авторов конца XVIII – начала XX столетия // Исследования по арменистике в Украине. Вып. 3. Симферополь, 2011. С. 99–103.
4. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Херсон и его округа в конце X–XI вв. «Пещерные города» // Русский исторический сборник. Средневековый Херсон X–XI вв. М.: Киммерийский центр, 2015. С. 433–481.
5. Горшенина С.М. Изобретение концепта Средней / Центральной Азии: между наукой и геополитикой / пер. с франц. М.Р. Майзульс. Вашингтон, 2019. 119 с.
6. Дружинина Е.И. Кючук-кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М.: Изд-во АН СССР, 1955. 366 с.
7. Калашников В.М. Британский взгляд на Крым (хроники, мемуары, дневники XVII – первой четверти XIX столетия). Днепрпетровск, 2013. 349 с.
8. Кардини Ф. Европа и ислам: история непонимания / пер. с ит. Е. Смагина, А. Карлова, А. Митрофанов. СПб.: Alexandria, 2016. 326 с.
9. Нойманн И.Б. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. с англ. В.Б. Литвинов, И.А. Пирльщикова. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
10. Ориентализм. Турецкий стиль в России. 1760–1840-е / сост. О.А. Соснина, А.М. Валькович. М.: Кучково поле, 2017. 256 с.
11. Пейссонель Ш. де. Записка о Малой Татарии / пер. с фр. В. Лотошникова. Днепрпетровск: Герда, 2009. 80 с.
12. Пряжин Ю.Д. Греки в истории России XVIII–XIX веков. Исторические очерки. СПб.: Алетейя, 2008. 272 с.
13. Сироткин В.Г. Рец. на книгу: А.М. Станиславская. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807 гг.) // Вопросы истории. 1963. № 10. С. 149–151.
14. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. М.: Рубежи XXI, 2005. 540 с.
15. Стевен А.Х. Дела архива Таврического губернского правления, относящиеся до разыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии // ИТУАК. 1891. № 13. С. 33–54.
16. Строев А. «Те, кто поправляет Фортуны». Авантюристы Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 400 с.
17. Филюшкин А. Как Россия стала для Европы Азией? // Изобретение империи: языки и практики. М.: Новое издательство, 2011. С. 10–48.
18. Храпунов Н.И. Путешествие в Крым Джеймса Уэбстера и его товарищей (1827 г.) // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 379–426.
19. Храпунов Н.И. Мангупское городище в трудах путешественников конца XVIII – начала XIX в.: исследования и иллюзии // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 412–433.
20. Храпунов Н.И. Крым глазами британского авантюриста Уильяма Итона // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8. № 1. С. 147–166.
21. Храпунов Н.И. Размышления о необходимости присоединения Крыма к России в трудах отечественных и зарубежных авторов XVI–XVIII вв. // Оазисы шелкового пути: ислам в России и Евразии. Сборник научных статей памяти Дмитрия Юрьевича Арапова. СПб.: Марджани, 2020. (в печати)
22. Храпунов Н.И., Гинькут Н.В. Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 395–430.
23. Храпунов Н.И., Храпунова С.Н. «Золотой век» Крымского ханства: к истории формирования стереотипа // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы IV Международной научной конференции. Т. II. М.: ИВ РАН, 2020. С. 266–273.

24. A Letter to Mr. Eton, from a Merchant in Turkey, In Answer to a Chapter in His Survey of the Turkish Empire, to Prove the Necessity of Abolishing the Levant Company; And also, on Quarantine Regulations. London: J. Mathews, 1799. 32 p.
25. Anderson M.S. Samuel Bentham in Russia, 1779–1791 // *The American Slavic and East European Review*. 1956. Vol. 15. No. 2. P. 157–172.
26. [Byron G.G.] *The Works of Lord Byron. A New, Revised and Enlarged Edition. Vol. II: Poetry* / ed. E.H. Coleridge. London: John Murray; New York: Charles Scribner's Sons, 1899. 525 p.
27. Cardwell R.A. Byron and the Orient: Appropriation or Speculation? // *Byron and Orientalism* / ed. P. Cochran. Newcastle: Cambridge Scholars Press, 2006. P. 152–172.
28. Clarke E.D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey*. 4th ed. Vol. 2. London: T. Cadell and W. Davies, 1817. 524 p.
29. Dubois de Montpéroux F. *Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée*. Vol. V. Paris: Librairie de Gide, 1843. 464 p.
30. *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers* / éd. D. Diderot, J. d'Alembert. T. 4. Paris: Briasson; David; Le Breton; Durand, [1751]. 1098 p.
31. Eton W. *A Survey of the Turkish Empire*. London: T. Cadell, jun. and W. Davies, 1798. 516 p.
32. Eton W. *A Survey of the Turkish Empire*. 2nd ed. London: T. Cadell, jun. and W. Davies, 1799. 526 p.
33. Eton W. *A Survey of the Turkish Empire*. 3rd ed. London: T. Cadell, jun. and W. Davies, 1801. 500 p.
34. Eton W. *A Letter to the Right Honourable the Earl of D***, on the Political Relations of Russia, in Regard to Turkey, Greece, and France*. London: T. Cadell and W. Davies, 1807. 135 p.
35. Eton W. *A Survey of the Turkish Empire*. 4th ed. London: T. Cadell and W. Davies, 1809. 500 p.
36. Gephardt K. *The Idea of Europe in British Travel Narratives, 1789–1914*. Farnham; Burlington: Ashgate, 2014. 238 p.
37. Holderness M. *Journey from Riga to the Crimea, with Some Account of the Manners and Customs of the Colonists of New Russia*. 2nd ed. London: Sherwood, Gilbert, and Piper, 1827. 316 p.
38. Ingram E. *From Trade to Empire in the near East – III: The Uses of the Residency at Baghdad, 1794–1804* // *Middle Eastern Studies*. 1978. Vol. 14. No. 3. P. 278–306.
39. Kapetanakis P. *New Approaches of British and Ionian Presence in Ports and Grain-Markets of the Russian Black Sea and the Danube (Mid-18th – Mid-19th Century)*. Athens: General Secretariat for Research and Technology, 2015. 212 p.
40. Khrapunov N.I. The image of Crimea among British travelers Edward Clarke and Reginald Heber at the turn of the 18th–19th centuries // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2019. Вып. 18. № 4. С. 883–903.
41. Lafitte-Clavé [A.-J.]. *Journal d'un voyage sur les côtes de la mer Noire du 28 avril au 18 septembre 1784* / publ. D. Anoyatis-Pelé. Istanbul: Isis, 1998. 180 p.
42. Macdonald J. *From Boiled Beef to Chicken Tikka: 500 Years of Feeding the British Army*. London: Frontline Books, 2014. 246 p.
43. Mézin A. *Les consuls de France au siècle des lumières (1715–1792)*. [Paris]: Ministère des affaires étrangères. Direction des archives et de la documentation, [1998]. 980 p.
44. Morriss R. *Science, Utility and Maritime Power: Samuel Bentham in Russia, 1779–91*. London; New York: Routledge, 2015. 273 p.
45. *The Penny Magazine of the Society for the Diffusion of Useful Knowledge*. May 14, 1836. P. 185–192.
46. Thevenot [J.] de. *Travels into the Levant. Pt. 2*. London, 1687. 200 p.
47. Thornton Th. *The Present State of Turkey; Or a Description of the Political, Civil, and Religious Constitution, Government, and Laws, of the Ottoman Empire*. London: Joseph Mawman, 1807. 436 p.
48. Wolff L. *The Singing Turk. Ottoman Power and Operatic Emotions on the European Stage from the Siege of Vienna to the Age of Napoleon*. Stanford (Calif.): Stanford University Press, 2016. 490 p.

REFERENCES

1. Bogdanov K.A. *O krokodilah v Rossii. Ocherki iz istorii zaimstvovaniy i jekzotizmov*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2006, 348 p.

2. Wolff L. *Izobretaja Vostochnuju Evropu: karta civilizacii v soznanii jepohi Prosveshhenija*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2003, 548 p.
3. Gerardini O.N. Armjane v proizvedenijah anglijskih avtorov konca XVIII – nachala XX stoletija. *Issledovanija po armenistike v Ukraine*, vol. 3, Simferopol, Feniks Publ., 2011, pp. 99–103.
4. Gertsen A.G., Mogarichev Ju.M. Herson i ego okrug v konce X–XI vv. «Peshhernye goroda». *Russkij istoricheskij sbornik. Srednevekovyj Herson X–XI vv.* Moscow, Kimmeriskij centr Publ., 2015, pp. 433–481.
5. Gorshenina S.M. *Izobrenenie kontsepta Srednei / Tsentral'noi Azii: mezhdru naukoj i geopolitikoj*. Washington (DC), Central Asia Program, George Washington University, 2019, 119 p.
6. Druzhinina E.I. *Kjuchuk-kajnardzhiskij mir 1774 goda (ego podgotovka i zaključenje)*. Moscow, AN SSSR Publ., 1955, 366 p.
7. Kalashnikov V.M. *Britanskij vzgljad na Krym (hroniki, memuary, dnevniki XVII – pervoj chetverti XIX stoletija)*. Dnepropetrovsk, 2013, 349 p.
8. Kardini F. *Evropa i islam: istorija neponimanija*. St. Petersburg, Alexandria Publ., 2016, 326 p.
9. Neumann I.B. *Ispol'zovanie «Drugogo». Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskih identichnostej*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2004, 336 p.
10. Orientalizm. *Tureckij stil' v Rossii. 1760–1840-e.* Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2017, 256 p.
11. Peyssonnel Ch. de. *Zapiska o Maloj Tatarii*. Dnepropetrovsk, Gerda Publ., 2009, 80 p.
12. Prjahin Ju.D. *Greki v istorii Rossii XVIII–XIX vekov. Istoricheskie ocherki*. St. Petersburg, Aletejja Publ., 2008, 272 p.
13. Sirotkin V.G. Rec. na knigu: A.M. Stanislavskaja. *Russko-anglijskie otnoshenija i problemy Sredizemnomor'ja (1798–1807 gg.). Voprosy istorii, 1963*, No. 10, pp. 149–151.
14. Smirnov V.D. *Krymskoe hanstvo pod verhovenstvom Ottomanskoj Porty do nachala XVIII v.* Moscow, Rubezhi XXI Publ., 2005, 540 p.
15. Steven A.H. Dela arhiva Tavricheskogo gubernskogo pravlenija, odnosjashiesja do razyskanija, opisanija i sohranenija pamjatnikov stariny v predelah Tavricheskoj gubernii. *Izvestia Tavricheskoj uchenoi arkhivnoi komissii*, 1891, No. 13, pp. 33–54.
16. Stroev A. «Te, kto popravljaet Fortunu». *Avantjursty Prosveshhenija*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998, 400 p.
17. Filjushkin A. *Kak Rossija stala dlja Evropy Aziej? Izobrenenie imperii: jazyki i praktiki*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2011, pp. 10–48.
18. Khrapunov N.I. Puteshestvie v Krym Dzhejmса Ujebstera i ego tovarishhej (1827 g.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2014, Vol. 19, pp. 379–426.
19. Khrapunov N.I. Mangupskoe gorodishhe v trudah puteshestvennikov konca XVIII – nachala XIX v.: issledovanija i illjuzii. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2017, Vol. 22, pp. 412–433.
20. Khrapunov N.I. Krym glazami britanskogo avantjurista Uil'jama Itona. *Zolotoordynskoe obozrenie*, 2020, Vol. 8, No. 1, pp. 147–166.
21. Khrapunov N.I. Razmyshlenija o neobhodimosti prisoedinenija Kryma k Rossii v trudah otechestvennyh i zarubezhnyh avtorov XVI–XVIII vv. *Oazisy shelkovogo puti: islam v Rossii i Evrazii. Sbornik nauchnyh statej pamjati Dmitrija Jur'evicha Arapova*, St. Petersburg, Mardzhani publ., 2020. (in print)
22. Khrapunov N.I., Ginkut N.V. Krym v 1784 g. po svidetel'stvu francuzskogo puteshestvennika barona de Bara. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2015, Vol. 20, pp. 395–430.
23. Khrapunov N.I., Khrapunova S.N. «Zolotoj vek» Krymskogo hanstva: k istorii formirovanija stereotipa. *Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Istoricheskie, kul'turnye, mezhnacional'nye, religioznye i politicheskie svjazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka"*, vol. 2, Moscow, IV RAN Publ., 2020, pp. 266–273.
24. *A Letter to Mr. Eton, from a Merchant in Turkey, In Answer to a Chapter in His Survey of the Turkish Empire, to Prove the Necessity of Abolishing the Levant Company; And also, on Quarantine Regulations*. London, J. Mathews, 1799, 32 p.
25. Anderson M.S. Samuel Bentham in Russia, 1779–1791. *The American Slavic and East European Review*, 1956, Vol. 15, No. 2, pp. 157–172.

26. *The Works of Lord Byron*. A New, Revised and Enlarged Edition, vol. 2. London, New York, 1899, 525 p.
27. Cardwell R.A. Byron and the Orient: Appropriation or Speculation? *Byron and Orientalism*, Newcastle, Cambridge Scholars Press, 2006, pp. 152–172.
28. Clarke E.D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey*. Vol. 2. 4th ed. London, T. Cadell and W. Davies, 1817, 524 p.
29. Dubois de Montpéreux F. *Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée*. Vol. 5. Paris, Librairie de Gide, 1843, 464 p.
30. Diderot D., d'Alembert J. (Eds.). *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*. T. 4. Paris: Briasson; David; Le Breton; Durand, [1751], 1098 p.
31. Eton W. *A Survey of the Turkish Empire*. London, T. Cadell, jun. and W. Davies, 1798, 516 p.
32. Eton W. *A Survey of the Turkish Empire*. 2nd ed. London, T. Cadell, jun. and W. Davies, 1799, 526 p.
33. Eton W. *A Survey of the Turkish Empire*. 3rd ed. London, T. Cadell, jun. and W. Davies, 1801, 500 p.
34. Eton W. *A Letter to the Right Honourable the Earl of D***, on the Political Relations of Russia, in Regard to Turkey, Greece, and France*. London, T. Cadell and W. Davies, 1807, 135 p.
35. Eton W. *A Survey of the Turkish Empire*. 4th ed. London, T. Cadell and W. Davies, 1809, 500 p.
36. Gephardt K. *The Idea of Europe in British Travel Narratives, 1789–1914*. Farnham, Burlington, Ashgate, 2014, 238 p.
37. Holderness M. *Journey from Riga to the Crimea, with Some Account of the Manners and Customs of the Colonists of New Russia*. 2nd ed. London, Sherwood, Gilbert, and Piper, 1827, 316 p.
38. Ingram E. From Trade to Empire in the near East – III: The Uses of the Residency at Baghdad, 1794–1804. *Middle Eastern Studies*, 1978, vol. 14, no. 3, pp. 278–306.
39. Kapetanakis P. *New Approaches of British and Ionian Presence in Ports and Grain-Markets of the Russian Black Sea and the Danube (Mid-18th – Mid-19th Century)*. Athens, General Secretariat for Research and Technology, 2015, 212 p.
40. Khrapunov N.I. The image of Crimea among British travelers Edward Clarke and Reginald Heber at the turn of the 18th–19th centuries. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriiia Rossii*, 2019, Vol. 18, No. 4, pp. 883–903.
41. Lafitte-Clavé [A.-J.]. *Journal d'un voyage sur les côtes de la mer Noire du 28 avril au 18 septembre 1784*. Istanbul, Isis, 1998, 180 p.
42. Macdonald J. *From Boiled Beef to Chicken Tikka: 500 Years of Feeding the British Army*. London, Frontline Books, 2014, 246 p.
43. Mézin A. *Les consuls de France au siècle des lumières (1715–1792)*. Paris, Ministère des affaires étrangères. Direction des archives et de la documentation, 1998, 980 p.
44. Morriss R. *Science, Utility and Maritime Power: Samuel Bentham in Russia, 1779–91*. London, New York, Routledge, 2015, 273 p.
45. *The Penny Magazine of the Society for the Diffusion of Useful Knowledge*, May 14, 1836, pp. 185–192.
46. Thevenot [J.] de. *Travels into the Levant*, pt. 2. London, 1687, 200 p.
47. Thornton Th. *The Present State of Turkey; Or a Description of the Political, Civil, and Religious Constitution, Government, and Laws, of the Ottoman Empire*. London, Joseph Mawman, 1807, 436 p.
48. Wolff L. *The Singing Turk. Ottoman Power and Operatic Emotions on the European Stage from the Siege of Vienna to the Age of Napoleon*. Stanford (Calif.), Stanford University Press, 2016, 490 p.

Информация об авторе

Храпунов Н. И. – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: Q-8101-2017.

Information about the author

Khrapunov N. I. – Candidate of Science (History), Leading Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: Q-8101-2017.

КРЫМСКО-ОСМАНСКИЕ КОНТАКТЫ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИМ РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1806–1812 ГГ.

Денис Валериевич Конкин

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского; Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия, denis_konkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6966-9963>

Аннотация. В настоящей статье на основе опубликованных источников, а также впервые вводимых в научный оборот документов рассмотрены отдельные аспекты крымско-османских контактов. В частности, таких, которые со стороны Турции были направлены на дестабилизацию положения внутри Крыма накануне и во время русско-турецкого конфликта 1806–1812 гг., проанализированы ответные действия российских властей на возникшие вызовы внутренней и внешней политики. Продемонстрировано, что комплекс предпринятых российскими властями мероприятий показал позитивный результат, и обстановка внутри полуострова оставалась стабильной в период всего русско-турецкого конфликта и во время вторжения Наполеона в Россию.

Ключевые слова: Российская империя, Крым, крымские татары, Турция, янычары, внутренняя политика, Александр I, И. В. Лопухин, Д. Б. Мертваго

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в средние века и новое время».

THE CRIMEAN-OTTOMAN CONTACTS AND THE RUSSIAN AUTHORITIES' REACTION ON THE EVE AND DURING THE RUSSIAN-TURKISH WAR OF 1806-1812

Denis V. Konkin

V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Institute of Archaeology of the Crimea of Russian Academy of Science, Simferopol, Russia, denis_konkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6966-9963>

Abstract. This article uses already published sources and the documents introduced into the scholarship for the first time to analyse some specific aspects of the Crimean-Ottoman contacts. Particularly, the research addresses the contacts used by Turkey to destabilise the situation in the Crimea on the eve and during the Russian-Turkish conflict of 1806-1812 and analyses the response from the Russian authorities on the emerging challenges of home and foreign policies. It has been uncovered that the complex of the measures undertaken by the Russian government brought up positive results, and the situation on the Crimean peninsula continued to be stable throughout the period of the Russian-Turkish conflict and later, during Napoleon's Russian campaign.

Keywords: Russian empire, Crimea, Crimean Tatars, Turkey, janissaries, home policy, Alexandre I, I. V. Lopukhin, D. B. Mertvago

Acknowledgments: The work was carried out within the framework of project No. 20-18-00076 supported by Russian Science Foundation.

Присоединение Крыма к России в 1783 г. стало важнейшим внешнеполитическим событием, радикальным образом изменившим баланс сил в регионе¹. Статус полуострова, как внутренней территории государства, предоставил Российской империи возможность безопасно и успешно развивать свои причерноморские владения. Грамотно проведенная Г. А. Потемкиным процедура мирного присоединения позволила России в краткосрочной перспективе добиться признания и поддержки российского статуса Крыма, как среди «главных игроков» европейской политики – Австрии, Англии и Франции [48; 44, с. 52–54, 72–73; 29, с. 620–621; 6, с. 402–403], так и со стороны османской Турции [27, т. 21, № 15901, с. 1082–1083; 48, с. 58–60]. Но, как оказалось, данное обстоятельство вовсе не гарантировало от попыток иностранных государств изменить ситуацию и отобрать полуостров у России. Уже в 1787 г. началась русско-турецкая война, одной из целей которой со стороны османской Порты являлось возвращение Крыма под свой контроль [12, с. 247–248; 13, с. 225]. В 1788 г. Швеция предъявила России ультиматум, где одним из пунктов числился возврат Крыма Турции [49, с. 385]. Резко поменяла свою позицию и Англия, которая всецело поддержала Турцию в войне с Россией 1787–1791 гг. [44, с. 73–74]. Сами османы в период конфликта 1787–1791 гг. неоднократно предпринимали попытки дестабилизировать ситуацию внутри полуострова, поднять антироссийский бунт среди местных мусульман [26, с. 60–67], в том числе апеллируя к авторитету кавказского проповедника шейха Мансура [17, с. 248; 27, с. 89–90].

Новые дипломатические интриги возникли после прихода к власти Наполеона во Франции. Геополитические устремления французского лидера в «восточном вопросе» в зависимости от внешнеполитических обстоятельств варьировались от раздела Османской империи до союзничества с султаном. В период «дружбы» с Турцией против России наполеоновские дипломаты ловко подыгрывали османской элите, обещая всевозможную помощь в вопросе возвращения полуострова [23, с. 546–550; 45, с. 72; 7, с. 5–6]. Серьезным аргументом в успехе задуманной стратегии по-прежнему являлся расчет на поддержку мусульманским населением Крыма своих турецких единоверцев в случае османо-российского конфликта.

К этому времени в самой Турции сформировалась крупная община крымских татар-эмигрантов, которая была стабильно враждебно настроена против Российской империи. По характеристике драгомана русской миссии в Константинополе П. Н. Пизани, крымские татары, переселившиеся в Турцию, питали «непримиримую ненависть» к русским, постоянно настраивали Порту против России, «в надежде возвратить свои старые очаги» [41, т. 82, с. 119; см. также: 48, с. 55]. Отдельные представители общины продолжали поддерживать связи с покинутой родиной и оставшимися в Крыму родственниками, и через них турецкому правительству

¹ Статья является расширенной и переработанной версией доклада, представленного автором в 2019 г. на III Международной научной конференции «Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока» (6–8 июня 2019 г., г. Севастополь).

было достаточно просто получать необходимые сведения о Крыме, равно как и осуществлять подрывную деятельность, распространять провокационные слухи среди мусульманского населения полуострова. Известия о тайных агентах и пойманных провокаторах можно найти, как в архивных делах рассматриваемого периода, так и в воспоминаниях современников [18, с. 339; 31, с. 136–137, 143–145].

Необходимо отметить, что проблема крымско-османских контактов в период нахождения Крыма в составе Российской империи не так часто рассматривалась в обширной крымоведческой историографии. Отдельные аспекты проблемы затрагивались в работах исследователей еще дореволюционного времени. Крымско-турецкие связи конца XVIII в. были рассмотрены в публикациях Ф. Ф. Лашкова [25–27]. Специальная работа по истории Крыма в период русско-турецкой войны 1806–1812 гг. была подготовлена А. И. Маркевичем [30]. Важные факторы внешнеполитической обстановки, мобилизационных, военных мероприятий в регионе были освещены в обобщающих работах по истории русско-турецких войн изучаемого периода [32; 35]. Значимые документы эпохи были опубликованы в известных периодических изданиях [41, т. 82; 17; 18]. В советский период русско-турецкие приграничные контакты рассматривались отечественными историками-марксистами в большей степени в привязке с Кавказским регионом и с обязательным осуждением проводимой турками подрывной политики среди горских народов [см.: 42; 43, с.135–170; 1; 4; 11]. В современных условиях можно отметить возрождение интереса к крымской тематике, в том числе в контексте локальных крымско-османских связей [55; 14; 9].

В настоящей работе на основе опубликованных источников, а также впервые вводимых в научный оборот документов рассмотрены отдельные аспекты крымско-турецких контактов. В частности, таких, которые со стороны Турции были направлены на дестабилизацию отношений внутри Крыма накануне и во время русско-турецкого конфликта 1806–1812 гг., проанализированы ответные действия российских властей на возникшие вызовы внутренней и внешней политики.

Весной 1803 г. николаевский военный губернатор, управляющий гражданской частью в Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерниях (т. н. «главный начальник» Новороссии) генерал-лейтенант Сергей Андреевич Беклешов направил министру внутренних дел Российской империи Виктору Павловичу Кочубею секретную депешу, в которой содержался доклад известного деятеля русского масонства, председателя учрежденной в Крыму землеустроительной комиссии, тайного советника и сенатора Ивана Владимировича Лопухина. Лопухин сообщал, что на Южном берегу Крыма проживает много бывших турецкоподданных, которые «ныне называются татарами»², и что среди них много осталось военных-ветеранов, служивших ранее в янычарских полках в гарнизонах крымских крепостей, принадлежавших османам (Кафа, Керчь, Еникале, Арабат, Перекоп и т. д.). Все они имели

² Следует напомнить, что южнобережная полоса полуострова в период Крымского ханства (до 1774 г.) являлась владением османов.

определенные татуировки («знаки клейменные на руках»), означавшие принадлежность к тому или иному янычарскому полку³. И вот, с недавних пор, докладывал Лопухин, такие знаки стали обнаруживать у многих новорожденных, причиной чему являлся слух, распространившийся за год до смерти императора Павла I, о том, что Оттоманская Порта объявит войну России. Той же зимой (т. е. 1800 г.) «на полуденные берега приехал один турецкий дервиш, тайным образом шатался по деревням и делал на руках клеймы янычарские, как то рыба 25-й орды или полку турецкого, жезл турецкий значит 64-й орды...»⁴ [РГИА, ф. 1286, оп. 1, д. 219, л. 56в]. Далее Лопухин описывал, что двое жителей деревни Кучук-Узень (совр. Малореченское на Южном берегу Крыма) Тумбулак Мегмет и пятидесятник Ибриш, у которых имелись такие знаки, были опрошены. Специально отмечалось, что опрос проводился «без устрашения», «под видом любопытства» на татарском языке, так как русского они не знали. Оба подтвердили, что знаки эти точно янычарские. Ибриш рассказал, что татуировку сделал ему сослуживец по бешлейскому полку⁵ «без всякого противного присяге намерения». Происхождение янычарской символики на теле у Тумбулак Мегмета было иное. «Лет 8 или 10 назад» татуировку ему сделали, правда не до конца, находившиеся в Крыму плененные в Анапе янычары⁶, и вот они «подлинно склоняли перейти его с собою», но он отказался только потому, что воспротивилась его мать, «ныне же не имеет больше желания оставить здешний край». Тем не менее, «года два тому назад» Тумбулак Мегмет с помощью некоего Муллы Али (сына дервиша из д. Туак (совр. с. Рыбачье)) попытался закончить свою татуировку, а Мулла Али захотел и себе сделать такую же, «но за болью ни того ни другого окончить не могли». По завершении опроса Тумбулак Мегмет и Ибриш заявили, что «всё же сие сделали без всякого злого умысла, а как бы по удалству молодых лет...» [Там же, л. 56г (об.)].

³ Татуировки, как известно, были распространены и делались в янычарских полках [см.: 52, р. 40, 73; 54, р. 16].

⁴ Эти изображения (рыба, жезл) действительно являлись знаками отличия определенных янычарских подразделений (джемаатов (орта), бёлюков), которых насчитывалось более сотни, каждый со своими символами [36, с. 86]. Любопытно, что упомянутый 64-й орта принадлежал к числу наиболее известных. Янычары, состоявшие в нем, обязаны были следить за борзыми собаками (загар) султана и сами принимали участие в султанской охоте [36, с. 88–89]. Также являлись одним из двух подразделений, вооруженных кавалерийскими копьями [54, р. 16]. Следует отметить возможную неточность в докладе Лопухина в определении янычарских подразделений. В известной работе Луиджи Фердинандо Марсилли по военной истории Османской империи приведена таблица, где каждый знак янычарского отряда сопровождался оригинальным номером орта [53, р. 62, pl. 20–22]. И в этой таблице под номером 64 помещен закрашенный круг (нора?), который никак нельзя принять за жезл. В то же время под номером 25 изображен шатер, на котором прорисована рыба, то есть именно тот символ, о котором говорилось в докладе Лопухина.

⁵ Воинские конные подразделения, сформированные из крымских татар, после присоединения Крыма к Российской империи состоявшие на службе в российской армии [см.: 40, с. 7–28].

⁶ В Крыму действительно в 1791 г. были размещены турецкие военнопленные вместе с трехбунчукным Батал-пашой [см.: 20, с. 28–29; 24, с. 137].

В конце донесения Лопухин с опаской отмечал, что многие жители Южного берега Крыма беспрепятственно получали от российской администрации паспорта для выезда в Константинополь. Но там они поступали на военную службу, при этом имели возможность приезжать к родственникам в Крым и уезжать обратно [Там же, л. 56в (об.)]. Все это в условиях назревавшего русско-турецкого военного конфликта не могло не вызывать беспокойства. Получивший данное секретное донесение Кочубей посчитал необходимым доложить обстоятельства дела императору Александру I.

Но еще ранее, 5 февраля 1803 г., Лопухин подготовил и отправил императору отдельный доклад «О подозрительных сношениях с Оттоманской Портою крымских жителей-магометан...», в котором сообщал об открытых им «небезосновательных подозрениях на предательные сношения с Оттоманскою Портою старинных здешних жителей всякого состояния магометан...» [РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 165, л. 1]. Отдельно оговаривал, что сведения он собирал «со всевозможной тайною, без спешности и строгости» и «самых подозрительных людей допрашивал ... без всякого стеснения их свободы» в соответствии с «политикой мудрого человеколюбия Вашего Императорского Величества» [Там же, л. 1–1 об.].

Императору Лопухин также сообщил об обнаруженных «янычарских знаках» у нескольких местных татар, сделанных уже после присоединения Крыма к России, которые, по мнению крымского чиновника, свидетельствовали о «приверженности их к Порте». Сами крымские татары, по словам чиновника, «ездя по паспортам в Турцию записываются в тамошнюю военную службу» [Там же, л. 2]. В качестве еще одного доказательства их неблагонадежности был представлен рапорт таврического губернского предводителя Е. И. Нотары, подлинник которого Лопухин приложил к императорскому докладу. В секретном документе Нотара сообщал о неоднократных нелегальных депутациях крымских татар и ногайцев в Константинополь с целью получить согласие османского правительства для переселения в Турцию. Нотара утверждал, что некоторым из них удалось даже найти протекцию в этом вопросе «у султанши матери правительствующего султана» (т. е. матери Селима III Михришах Султан). Благодаря ее участию и «посредством министерства турецкого» были подготовлены рекомендательные письма к новороссийскому военному губернатору И. И. Михельсону «о выпуске семейств их из Крыма», и в конечном итоге такое разрешение в 1801 г. «с Высочайшего Соизволения» Александра I было получено. Но так везло далеко не всем, и в большинстве своем депутаты от крымских татар не находили содействия в Турции («худой конец имели»). Нотара описывал, как осенью 1801 г. четверо крымских татар, заручившись поддержкой жителей ряда деревень Аккозской и Кадыкелечинской волостей Феодосийского уезда и собрав с них «знатную сумму денег», отправились в Константинополь «искать у турецкого правительства посредства на их переселение» в Турцию. Но возвратились оттуда без всякого успеха, чем вызвали недовольство снарядивших их крымских жителей. В свое оправдание потребовавшим отчета за потраченные деньги землякам делегаты

заявили, что «Порта ... совершенный сделала отказ», и что помимо них там были представители «из Козловской [Евпаторийской] округи, да и от ногайцев на Молочных водах кочующих, подобные поверенные старались о переселении же, и так же ни с чем возвратились». Перечисленные примеры позволили Нотаре сделать вывод о причастности крымскотатарских мурз к попыткам организовать эмиграционное движение из Крыма и, в целом, о высокой степени неблагонадежности местного мусульманского населения, «склонности к вероломству» и врожденной «ненависти к христианам» [Там же, л. 7–8].

Лопухин в своем докладе императору отдельно отмечал, что многочисленные свидетельства и подозрения в «неблагонадежности» крымских мусульман ему удалось получить «посредством усердия, верноподданства и любви к Отечеству» местного жителя подполковника Таранова [РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 165, л. 2 об.]. Заметим, что крымский помещик Александр Таранов, равно как и высокопоставленный губернский чиновник греческого происхождения Евстафий Нотара, были напрямую заинтересованы в негативной оценке крымских татар из-за экономических причин. В этот период в Таврической губернии остро стояла проблема землевладения, связанная с неурегулированными правами на землю старожильского населения и российских помещиков, переселившихся в Крым после 1783 г. Получившие от имперской власти законодательные гарантии на свои участки крымские татары стали в массовом порядке заявлять свои права на земли, которые ранее были заняты новоприбывшими владельцами. В этой связи звучавшая со стороны российских помещиков татарофобская риторика, общие фразы об опасности, исходящей от местного мусульманского населения, следует рассматривать в контексте их борьбы за спорное имущество [22, с. 759–763].

Нужно отметить, что император Александр I, равно как и высшие администраторы империи, не были готовы разделить с крымскими чиновниками и помещиками мрачные оценки и прогнозы в отношении политической благонадежности и экономической состоятельности крымских татар. Именно в этот период в поддержку крымских мусульман стали высказываться влиятельные государственные деятели Российской империи, принимаются позитивные резолюции высших органов власти. Так, на состоявшемся 17 апреля 1802 г. в Санкт-Петербурге заседании Непременного совета крымскотатарские жители были признаны «важнейшей частью населения» полуострова, теми, кто уберет «сей край от совершенного его опустения», а причиной экономического упадка Крыма объявлено «стеснение прежних ея жителей, понудившее их к переселению из отечества, и настоящее положение оставшихся», в связи с чем, именно им было решено отдавать предпочтение при возникновении земельных споров с новоприбывшими российскими помещиками [3, т. 3, ч. 1, стлб. 843–854]. Известно, что содействие в решении земельных проблем крымским татарам оказывали новороссийский губернатор Михельсон и министр внутренних дел Кочубей [19, с. 377–380]. Причем Михельсон лично сумел проинформировать императора о подробностях проблемы, а Кочубей обсуждал вопросы крымского землевладения на засе-

дании влиятельнейшего «негласного комитета» [19, с. 379]. Сам Лопухин в статусе председателя землеустроительной комиссии в течение 1803–1804 гг. неоднократно встречался с императором и подробно рассказывал об обстоятельствах дел в сфере крымского землеустройства [28, с. 118–127], кроме того, в это же время подготовил проект по устройству духовной организации мусульман Крыма [2, с. 60–63].

Примечательна в этой связи реакция императора на сомнения в преданности крымских татар российскому государству, высказанные в докладах Беклешова и Лопухина. Александр I посчитал необходимым лично ответить новороссийскому губернатору, для чего направил ему 13 марта 1803 г. письмо с разъяснениями. «Я нахожу, – писал император, – что подозрения ... производимые ничего существенного в себе не содержат. Не только татары, но и прочие европейцы часто записываются по введенному обычаю в орды янычарские: сие не более значит, как записаться у них в какое-нибудь купечество или мещанство. С сим никак не сопрягается обязанность действительной службы, ни подданство; а еще менее приобретается право быть независимым в той земле, где таковые записанные янычары пребывают: ибо по принятому во всех европейских государствах правилу, все иностранцы подвергаются действию законов той страны, где они жительство имеют...» [РГИА, ф. 1286, оп. 1, д. 219, л. 57–57 об.].

В данном случае представляется необходимым прокомментировать отклик российского монарха и акцентировать внимание на некоторых аспектах. Во-первых, как видно, присутствовала некоторая наивность в представлениях императора об османском янычарском ордене и традициях, согласно которым, по версии Александра I, крымско-татарские мусульмане-янычары должны были смириться с новыми геополитическими реалиями и беспрекословно подчиняться законам христианского правителя. Такая покорность присутствовала далеко не всегда даже среди мирных жителей полуострова (здесь можно вспомнить предотвращенные российскими властями попытки возмущения крымских татар под призывы шейха Мансура в 1791 г., в результате которых пришлось выслать из Крыма несколько наиболее фанатичных последователей духовного лидера [17, с. 289–293]), тем более сложно было ожидать ее в рядах элитных османских бойцов, неоднократно участвовавших в войнах против христиан, в том числе и в Крыму. Под европейскими «ордами янычарскими» Александр I, скорее всего, подразумевал т. н. «хоругви янычар» в армии Речи Посполитой, которые среди прочих подразделений были сформированы еще в 1717 г. на «Немом» сейме, как результат соглашения между королем Августом II и магнатами и шляхтой Польского королевства и Великого княжества Литовского [см.: 57, s. 19; 58, s. 194, 197–201; 46]. Эти отряды в разных сочетаниях сохранялись в армии Великого княжества Литовского вплоть до раздела Польши [58, s. 403; 47, с. 53] и только по внешнему «восточному» облику напоминали турецких янычар [см.: 10], а по сути своего функционирования, принципам формирования, конечно, ничего общего не имели с янычарами Османской империи, профессиональными воинами ислама, с детства обучавшихся боевому искусству и составлявших влиятельное военное сословие.

Во-вторых, обращает на себя внимание, что «татары» в письме Александра I перечислены среди «прочих европейцев». Такая формулировка показывает, насколько молодой император был чужд расхожему противопоставлению «цивилизованной» Европы «варварскому» Востоку, популярному среди западных государственных деятелей рассматриваемого времени и проявлявшемуся, в частности, в антиисламской и, прежде всего, антиосманской риторике [34, с. 71–73, 83–89; 39, с. 115–119, 126–138]. Стандартный ориентальный дискурс был широко распространен среди западноевропейских философов и литераторов эпохи Просвещения («восточный маскарад», по меткой характеристике М. Батунского [5, с. 216, прим. 37]) и, конечно, оказывал определенное воздействие на монархов и политиков. В необходимости проведения агрессивной внешней политики в отношении Турции, например, в свое время Вольтер настойчиво пытался убедить Екатерину II [16, с. 33–45]. Обратим внимание, что и в дальнейшем, в постнаполеоновскую эпоху, Александр I хотя и стал выразителем консервативного христианского легитимизма во внешней политике [34, с. 90] и «универсального» христианства во внутренней [8, с. 420, 425–426], однако не оставил своей благосклонности по отношению к крымским мусульманам и предпринимал попытки справедливо решить их проблемы, связанные, например, со сферой земельных отношений в Крыму [38, с. 135–144].

Следует особо отметить, что данное послание Александра I с комментариями и рекомендациями в отношении подсудности османских подданных не осталось частным мнением монарха, а получило значение одного из источников права Российской империи, регламентировавшего порядок осуществления конкретных юридических действий для определенной категории лиц – мусульман-иностранцев, проживавших на территории России. И спустя почти 30 лет, при подготовке к изданию первого Полного собрания законов Российской империи, письмо императора было включено составителями в 27-й том данного сборника, как разъяснительная часть к соответствующему указу [37, т. 27, № 20663, с. 498–499].

Между тем, обеспокоенность чиновников южных провинций потенциальной дестабилизацией региона имела под собой определенные основания, поскольку внешнеполитические риски в рассматриваемый период были высоки не только на внутриевропейской политической арене, в связи с наступательной политикой Наполеона, но и во всем Большом Средиземноморье и, в частности, в Причерноморском регионе, где ожидался новый русско-османский конфликт. В мае 1803 г. константинопольский посол А. Я. Италинский предупреждал Беклешова, что французские дипломаты ведут в Турции подрывную работу в отношении России, одновременно губернатор стал получать сведения о распространении слухов среди кавказских горцев о предстоящей войне Оттоманской Порты с Российской империей [23, с. 547]. Аналогичные сведения поступали и к командующему черноморским флотом адмиралу И. И. Траверсе [50, с. 93]. Российские дипломаты в это время регулярно информировали имперское правительство о враждебных действиях французов в Константинополе, направленных на подстрекательство к вооруженному конфликту

с Россией [41, т. 77, с. 350–351, 438–439, 490, 679; т. 82, с. 10–11, 182, 200, 222, 237, 315–316, 391]. Как говорилось выше, одним из весомых аргументов в пользу развязывания войны традиционно являлся крымский фактор и потенциальная возможность вернуть полуостров в орбиту влияния Турции [45, с. 76–77].

В данном контексте большой интерес представляют сведения, изложенные в мемуарах таврического губернатора Дмитрия Борисовича Мертваго [31]. Чиновник вспоминал, как в 1806 г. накануне русско-турецкой войны Бендерский и Хотинский паши велели отыскать в подчиненных им гарнизонах офицеров – крымских татар, у которых оставалась многочисленная родня в Крыму, и, пользуясь действовавшим еще миром, отправили их на полуостров для ведения подрывной пропаганды среди местных мусульман. Когда Мертваго получил информацию о пропуске этих татар через Дубоссарский карантин, то велел установить за ними наблюдение. Далее губернатору были доставлены провезенные визитерами через границу письма-прокламации, спрятанные в мешке с ячменем и потому не найденные во время карантинной проверки, но изъяты позднее. В прокламациях описывались привлекательность и благоденствие для мусульман жизни в Турции, из чего Мертваго сделал вывод, что османские воины прибыли в Крым возмущать татар накануне войны. Дождавшись приезда новороссийского губернатора Э. О. Ришелье, он предложил ему арестовать этих военнослужащих. Но славящийся лояльным отношением к крымским татарам француз [см.: 56, р. 639–640] распорядился отпустить их, и провокаторы благополучно покинули Крым и Россию [31, с. 136].

В том же 1806 г., но уже после начала военного конфликта, Мертваго был доставлен рапорт от евпаторийского земского исправника «о заговоре к бунту». Из донесения следовало, что двое крымских татар, бывших уроженцев евпаторийского уезда, прибыли из Константинополя на полуостров в гости к родственникам и начали распространять среди местных жителей слухи о том, что в скором времени к крымским берегам должны подойти турецкие корабли и высадить десант, в связи с чем татары-мусульмане обязаны будут оказывать им помощь в уничтожении российской власти в Крыму. Когда же заморским гостям было заявлено, что местный народ «любит губернатора» и предложенный бунт невозможен, османские диверсанты поменяли свою тактику. Теперь их план, по словам губернатора, состоял в том, чтобы арестовать или даже убить «сумнительного» местного волостного голову, а затем ехать в ближайшую к Симферополю татарскую деревню, где нашлось бы достаточное количество единомышленников, и с ними вместе незаметно проникнуть в губернский город и схватить самого Мертваго, отрубить ему голову и водрузить на пику, таким образом окончательно склонив сомневающихся татар к повсеместному бунту. Получив эти сведения, Мертваго велел волостному голове доставить провокаторов в Симферополь, но они оказали сопротивление, укрылись в каменном строении в одной из деревень и угрожали открыть стрельбу. После угрозы Мертваго выслать всех жителей округа из Крыма, как соучастников, если провокаторы не сдадутся, быстро были отысканы мать одного из них и родственники,

которые уговорили мятежников сложить оружие. В Симферополе «бунтовщики» были допрошены порознь и выяснилось, что еще год назад (т. е. в 1805 г.) они выехали из Константинополя с целью «волновать крымцев». А один из них, служа у высокопоставленного османского чиновника, был даже представлен султану. И султан якобы ему велел: «Ступай в Крым, узнай, много ли там войска, и узнай, хотят ли татары служить мне или хотят быть верны государю русскому?». Диверсанты-возмутители в итоге были закованы в кандалы и отосланы в Николаев в распоряжение командующего Черноморским флотом адмирала Траверсе [31, с. 143–145], который, в отличие от Ришелье, был сторонником «жесткой линии» по отношению к крымским татарам в период военного времени [см.: 50, с. 225; 32, ч. 1, с. 272]. Заметим, что в изложенных Мертваго случаях в качестве провокаторов и диверсантов османской властью были использованы исключительно крымские татары-эмигранты, имевшие многочисленных родственников в Крыму. Именно на опасность таких связей указывали в своих докладах Лопухин и Беклешов.

Выше было показано, что реакция императора на тревожные донесения чиновников оказалась весьма сдержанной. Насколько оправданы были такой уровень доверия власти к мусульманскому населению Крыма и сохранение высокой степени проницаемости границ в преддверии русско-турецкой войны, продемонстрировали последующие события. Как известно, в период военного конфликта с Турцией, начавшегося в ноябре 1806 г. и закончившегося в 1812 г., в Крыму не было зафиксировано сколько-нибудь значимого открытого выступления мусульманского населения против российской власти в поддержку Турции. Данному обстоятельству в немалой степени способствовали квалифицированные действия регионального руководства, грамотно выстраивавшего отношения с местной мусульманской общиной [23, с. 550–554; 31, с. 138–140]. Превентивные меры на случай возможного сообщения крымских татар с турецким флотом, курсировавшим вдоль побережья, включали, в том числе, и временное отселение жителей приморских деревень вглубь полуострова. Эти мероприятия были выполнены российскими властями с помощью крымскотатарских мурз и при поддержке таврического муфтия, что минимизировало риски неповиновения и проявления открытого недовольства среди населения [30, с. 19–26]. Важным элементом контроля над ситуацией внутри Крыма являлась отлаженная система наблюдения за настроениями в обществе и получения информации из отдаленных районов. Кроме губернских органов власти, которые в уездах в значительной степени оставались укомплектованными хорошо осведомленными о ситуации внутри уммы крымскотатарскими кадрами [см.: 30, с. 21–22], для отслеживания настроений общества использовались и, на первый взгляд, не предназначенные для этого государственные структуры. Например, задействована была учрежденная в 1802 г. в Симферополе землеустроительная комиссия, первым руководителем которой являлся Лопухин. Сменивший его на этом посту таврический губернатор Мертваго сообщал в письме Траверсе от 1 марта 1807 г., что «не объявляя никому причины» распределял специально назначенных сотрудников комиссии

таким образом, чтобы они находились «во всех местах, наиболее примечания заслуживающих». Кроме того, в Симферопольском, Феодосийском и Евпаторийском уездах штаты нижних земских судов были усилены двумя офицерами «из греков», под предлогом, что заседатели слишком заняты делами комиссии. «Сии люди по препоручениям земских исправников всегда находятся в посылках по уезду. Зная язык татарский, они удобнее примечают расположение людей» [30, с. 20].

Комплекс предпринятых властями действий показал позитивный результат, и обстановка внутри Крыма оставалась спокойной в период всего русско-турецкого конфликта и во время вторжения Наполеона в Россию [см. незначительные эпизоды: 30, с. 61–63]. Только в 1813 г. документально зафиксированы заметные случаи недовольства крымскотатарского населения (главным образом находящегося в горах жителей Байдарской долины) действиями российской администрации. Но связаны эти факты были не с внешним влиянием, а с сопротивлением экстраординарному воинскому набору, предназначенному для доукомплектования сформированных ранее крымскотатарских конных полков, понесших значительные потери в результате войны с Наполеоном. Все конфликты удалось оперативно погасить. Было арестовано 14 главных зачинщиков, остальные подозреваемые оказались вскоре прощены в силу манифеста от 30 августа 1814 г., который среди прочего предусматривал освобождение от суда и следствия по всем делам, кроме убийств, разбоя и грабежа [30, с. 69–82; см. также: 37, т. 32, № 25671, с. 906–910]⁷. Что касается турецкого влияния, то, как было показано выше, все зафиксированные попытки османских властей каким-либо образом повлиять на умонастроения мусульман Крыма, поднять антироссийский бунт не имели успеха. В связи с чем можно сделать вывод, что выстроенная российской властью система доверительных отношений с мусульманами Крыма, отказ от радикальных мер себя вполне оправдали. Такие действия в Крыму не были беспечностью или результатом случайного стечения обстоятельств со стороны российской власти, а являлись вполне осознанной консенсусной политикой высших должностных лиц Российской империи и лично императора Александра I, которой он не изменял на протяжении всего своего правления. Данный вывод подтверждается как вышеупомянутыми фактами, так и более поздними мероприятиями по поддержке старожильческого населения Крыма в сфере землевладения и налогообложения, инициированными лично императором [см.: 38, с. 135–144; 21, с. 96–100], а также позитивными откликами Александра I о крымских татарах, высказанными, например, во время путешествия царственной особы по полуострову в 1818 г. [33, с. 91, 101; 51, с. 102–103].

⁷ Имеется, правда, сообщение врача морской службы Н. Закревского, который в своем описании Севастополя в 1831 г., опубликованном в «Морском сборнике», передавал рассказ местного старожилы Лейбы Ашуровича Фронштейна о возмущении татар Байдарской долины в июле 1810 г., накануне появления на внешнем рейде Севастополя турецкой эскадры [15, с. 56–61]. Но, вполне возможно, упомянутое происшествие хронологически относилось как раз к описанным событиям 1813 г., упомянутым в работе А. И. Маркевича, и за давностью событий были «удревнены» рассказчиком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамов Е., Кутаков Л. Из истории происков иностранной агентуры во время кавказских войн // Вопросы истории. 1950. № 11. С. 101–125.
2. Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). М.: МПГУ, 2004.
3. Архив Государственного совета: в 5 т. Т. 3. Царствование императора Александра I. (1801–1810 гг.). Ч. 1. СПб.: Тип. Второго Отделения Е.И.В. Канцелярии, 1878.
4. Багиров М.Д. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля. М.: Госполитиздат, 1950.
5. Батунский М. Ислам и русская культура XVIII века. Опыт историко-эпистемологического исследования // Мир ислама. 1999. № 1/2. С. 191–224.
6. Брикнер А.Г. История Екатерины Второй: в 3 т. Т. 2. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1885.
7. Виноградов В.Н. Русско-турецкая война 1806–1812 годов. Необъявленная и предгрозовая // Славяноведение. 2012. № 3. С. 3–19.
8. Вишленкова Е.А. Религиозная политика в России (первая четверть XIX века): дисс. ... докт. ист. наук: 07.00.02. Казань, 1998.
9. Гребенщикова Г.А. Россия и Турция при Екатерине II: борьба за Крым и военно-политическое противостояние // Вопросы истории. 2020. № 2. С. 4–21.
10. Грицкевич А.П. Янычары в Белоруссии [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://wars175x.narod.ru/unf_jns.html (дата обращения 18.09.2020).
11. Даниялов А.Д. Об извращениях в освещении мюридизма и движения Шамиля. Махачкала: Даггиз, 1950.
12. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1886.
13. Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791. М.: Наука, 1997.
14. Зайцев И.В., Крол А.А. «Вражьи рифмы»: первый египетский кризис, хадж из Крыма и египетская пропаганда среди крымских татар в 1832 г. // Восток (Oriens). 2016. № 5. С. 91–104.
15. Закревский Н. Севастополь, 1831 год. (Записки врача морской службы) // Морской сборник. 1862. Т. 58. № 3. Март. Ч. III. С. 44–85.
16. Зорин А.Л. «Кормя двуглавого орла...». Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
17. [Каховский В.В.] Письмы правителя Таврической области В. В. Коховского правителю канцелярии В. С. Попову для доклада Е.С. князю Г. А. Потемкину-Таврическому // ЗООИД. 1877. № 10. С. 235–360.
18. [Каховский В.В.] Письма Екатеринославского губернатора Василия Васильевича Коховского состоящему при делах Ея Величества Екатерины II, тайному советнику В. С. Попову, для доклада князю Платону Александровичу Zubову (с 20 января 1782 по 24 июня 1794 года) // ЗООИД. 1881. № 12. С. 330–426.
19. Конкин Д.В. Земельные конфликты в Крыму (конец XVIII – начало XIX вв.): «мнения» и «проекты» // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 375–390.
20. Конкин Д.В. Екатерина II во главе Новороссии (1791–1793 гг.): особенности управления Таврической областью // Сборник материалов научно-практической конференции «Романовы и Крым. Научные чтения в Ливадии». Севастополь: Рибест, 2017. С. 25–34.
21. Конкин Д.В. Особенности налогообложения крымских татар в первые десятилетия после присоединения Крыма к Российской империи // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. С. 94–102.
22. Конкин Д.В. Российские помещики в Крыму (конец XVIII – начало XIX вв.): новые люди со старыми взглядами // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 756–768.
23. Конкин Д.В. Крым в наполеоновскую эпоху: «французский след» в региональной политике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 3. С. 540–559.
24. Конкин Д.В. Шейх Мансур и его последователи в Крыму (конец XVIII в.) // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом

- ном и странами Востока: материалы IV междунар. науч. конф. (Севастополь, 6–10 октября 2020 г.). Т. 2 / Отв. ред. А. Д. Васильев. М., 2020. С. 134–139.
25. [Лашков Ф.Ф.] Крымско-турецкие дела 80-х годов XVIII столетия // ЗООИД. 1894. № 17. Ч. 3. С. 155–162.
 26. Лашков Ф.Ф. Охрана Крыма во вторую турецкую войну 1787–1791 года // ИТУАК. 1889. № 8. С. 52–87.
 27. Лашков Ф.Ф. Материалы для истории второй турецкой войны 1787–1791 г. // ИТУАК. 1890. № 9. С. 71–98.
 28. Лопухин И.В. Записки некоторых обстоятельств жизни и службы Действительного Тайного Советника, Сенатора И.В. Лопухина, сочиненные им самим. Часть 2-я и последняя // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при московском университете. Повременное издание. 1860. Кн. 3 (июль-сентябрь). Отд. II. Материалы отечественные. С. 83–172.
 29. Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
 30. Маркевич А.И. К столетию Отечественной войны. Таврическая губерния в связи с эпохой 1806–1814 годов. Исторический очерк // ИТУАК. 1913. № 49. С. 1–100.
 31. Мертваго Д.Б. Записки (1760–1824). СПб.: Русская симфония, 2006.
 32. Михайловский-Данилевский А.И. Описание турецкой войны в царствование императора Александра, с 1806 до 1812 г. Ч. 1, 2. СПб.: Тип. штаба отдельного корпуса внутренней стражи, 1843.
 33. [Михайловский-Данилевский А.И.] Из воспоминаний Михайловского-Данилевского. 1818 г. Гл. I–III // Русская старина. 1897. Т. 91. Вып. 7–9 (Июль). С. 69–102.
 34. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер с англ. В. Б. Литвинова и И. А. Пильщикова, предисл. А. И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004.
 35. Петров А. Война России с Турцией 1806–1812 гг. Т. 1. 1806 и 1807 гг. Михельсон и Мейендорф. СПб.: Военная типография, 1885.
 36. Петросян И.Е. Янычары в Османской империи. Государство и войны (XV – начало XVII в.). СПб.: Наука, 2019.
 37. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. СЕИВ Канцелярии, 1830.
 38. Российская империя и Крым / под ред. Д. В. Конкина, Н. И. Храпунова. Симферополь: Издательский дом КФУ, 2020.
 39. Саид Э. Ориентализм. СПб.: Русский мир, 2005.
 40. Сакович А.В. Крымские татары на военной службе Российской империи. М.: Фонд «Русские Витязи», 2016.
 41. Сборник императорского русского исторического общества. 1891. Т. 77; 1892. Т. 82
 42. Смирнов Н.А. Шейх Мансур и его турецкие вдохновители // Вопросы истории. 1950. № 10. С. 19–39.
 43. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М.: Изд-во соц.-экон. литературы, 1958.
 44. Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы средиземноморья (1798–1807). М.: Изд-во АН СССР, 1962.
 45. Храпунов Н.И. Крым в контексте франко-русских отношений эпохи Наполеона // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2019. Т. 21. № 2 (187). С. 69–86.
 46. Чаропка С.А. Войска ВКЛ у святле важнай рэформы 1717 г. // Научные труды Республиканского института высшей школы: сб. науч. статей: в 2 ч. / ред. В. Ф. Берков. Минск: РИВШ, 2012. Ч. 1. С. 336–343.
 47. Черепко С.А. Эволюция системы воинских знаков отличия в армии Великого княжества Литовского в XVIII – начале XIX вв. // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2019. № 4 (115). С. 50–54.
 48. Черкасов П.П. Франция и присоединение Крыма к России (1779–1783) // Россия и Франция: XVIII–XX века. Вып. 3. М., 2000. С. 37–61.

49. Черкасов П.П. Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения. 1774–1792. М.: Наука, 2004.
50. Шатне М. дю Жан Батист де Траверсе, министр флота Российского / пер. с фр. М. Л. Андреева; отв. ред. Г. Б. Удинцев. М.: Наука, 2003.
51. Шильдер Н.К. Александр I. Его жизнь и царствование: в 4 т. Т. 4. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1898.
52. Goodwin G. The Janissaries. London: Saqi, 2006.
53. Marsigli L.F. L'Etat Militaire de l'Empire Ottoman. P. II. Haye: P. Gosse & J. Neaulme, P. de Hondt, A. Moetjens; Amsterdam: H. Uytwerf, F. Changuion, 1732.
54. Nicolle D. The Janissaries. London: Osprey Publishing, 1995. 64 p.
55. O'Neill K.A. Claiming Crimea: A History of Catherine the Great's Southern Empire. Yale: University Press, 2017.
56. Rambaud A. Le duc de Richelieu en Russie et en France // Revue des deux mondes. 1887. Vol. 84. P. 618–662.
57. Twardowski B. Wojsko Polskie Kosciuszki w roku 1794. Poznan: Nakladem Księgarni Katolickiej, 1894.
58. Volumina Legum. Przedruk zbioru praw staraniem XX pijarów w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782, wydanego. T. VI. Petersburg: Nakladem i drukiem Josafata Ohryzki, 1860.

REFERENCES

1. Adamov E., Kutakov L. Iz istorii proiskov inostrannoy agentury vo vremya kavkazskikh voyn. *Voprosy istorii*, 1950, No. 11, pp. 101–125.
2. Arapov D.Yu. *Sistema gosudarstvennogo regulirovaniya islama v Rossiyskoy imperii (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XX vv.)*. Moscow, MPGU Publ., 2004.
3. *Arkhiv Gosudarstvennogo soveta. Vol. 3. Tsarstvovaniye imperatora Aleksandra I. (1801–1810 gg.)*. Part 1. St-Petersburg, Tip. Vtorogo Otdeleniya E.I.V. Kantselyarii, 1878.
4. Bagirov M.D. *K voprosu o kharaktere dvizheniya myuridizma i Shamilya*. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1950.
5. Batunskiy M. Islam i russkaya kul'tura XVIII veka. Opyt istoriko-epistemologicheskogo issledovaniya. *Mir islama*, 1999, No. 1/2, pp. 191–224.
6. Brikner A.G. *Istoriya Ekateriny Vtoroy*. Vol. 2. St-Petersburg, Tip. A.S. Suvorina, 1885.
7. Vinogradov V.N. Russko-turetskaya voyna 1806–1812 godov. Neob'yavennaya i predgrozovaya. *Slavyanovedeniye*, 2012, No. 3, pp. 3–19.
8. Vishlenkova E.A. *Religioznaya politika v Rossii (pervaya chetvert' XIX veka)*. Text of doctorat. diss. Kazan, 1998.
9. Grebenshchikova G.A. Rossiya i Turtsiya pri Ekaterine II: bor'ba za Krym i voyenno-politicheskoye protivostoyaniye. *Voprosy istorii*, 2020, No. 2, pp. 4–21.
10. Gritskevich A.P. *Yanychary v Belorussii*. URL: http://wars175x.narod.ru/unf_jns.html (accessed: 18.09.2020)
11. Daniyalov A.D. *Ob izvrashcheniyakh v osveshchenii myuridizma i dvizheniya Shamilya*. Makhachkala, Daggiz Publ., 1950.
12. Dubrovin N.F. *Istoriya voyny i vladychestva russkikh na Kavkaze*. Vol. 2. St-Petersburg, Tip. I.N. Skorokhodova, 1886.
13. *Ekaterina II i G. A. Potemkin. Lichnaya perepiska 1769–1791*. Moscow, Nauka Publ., 1997.
14. Zaytsev I.V., Krol A.A. "Vrazh'i rifmy": pervyy egipetskiy krizis, khadz iz Kryma i egipetskaya propaganda sredi krymskikh tatar v 1832 g. *Vostok (Orients)*, 2016, No. 5, pp. 91–104.
15. Zakrevskiy N. Sevastopol', 1831 god. (Zapiski vracha morskoy sluzhby). *Morskoy sbornik*, 1862, Vol. 58, No. 3, part 3, pp. 44–85.
16. Zorin A.L. "Kormya dvuglavogo orla...". *Literatura i gosudarstvennaya ideologiya v Rossii v posledney tret'i XVIII – pervoy tret'i XIX veka*. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2004.

17. [Kakhovskiy V.V.] Pis'my pravitelya Tavricheskoy oblasti V. V. Kokhovskogo pravitelyu kantselyarii V. S. Popovu dlya doklada E.S. knyazyu G. A. Potemkinu-Tavricheskomu. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey*, 1877, No. 10, pp. 235–360.
18. [Kakhovskiy V.V.] Pis'ma Ekaterinoslavskogo gubernatora Vasiliya Vasil'yevicha Kokhovskogo sostoyashchemu pri delakh Eya Velichestva Ekateriny II, taynomu sovetniku V. S. Popovu, dlya doklada knyazyu Platonu Aleksandrovichu Zubovu (s 20 yanvarya 1782 po 24 iyunya 1794 goda). *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey*, 1881, No. 12, pp. 330–426.
19. Konkin D.V. Zemel'nyye konflikty v Krymu (konets XVIII – nachalo XIX vv.): «mneniya» i «proyekty». *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2016, Vol. XXI, pp. 375–390.
20. Konkin D.V. Ekaterina II vo glave Novorossii (1791–1793 gg.): osobennosti upravleniya Tavricheskoy oblast'yu. *Sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferentsii «Romanovy i Krym. Nauchnyye chteniya v Livadii»*, Sevastopol, 2017, pp. 25–34.
21. Konkin D.V. Osobennosti nalogooblozheniya krymskikh tatar v pervyye desyatletiya posle prisoyedineniya Kryma k Rossiyskoy imperii. *Srednevekovyye tyurko-tatarskiye gosudarstva*, 2017, No. 9, pp. 94–102.
22. Konkin D.V. Rossiyskiye pomeshchiki v Krymu (konets XVIII – nachalo XIX vv.): novyye lyudi so starymi vzglyadami. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2018, Vol. XXIII, pp. 756–768.
23. Konkin D.V. Krym v napoleonovskuyu epokhu: «frantsuzskiy sled» v regional'noy politike. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*, 2019, vol. 18, No. 3, pp. 540–559.
24. Konkin D.V. Sheykh Mansur i ego nasledovately v Krymu (konets XVIII v.). *Materialy IV mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii “Istoricheskiye, kul'turnyye, mezhnatsional'nyye, religioznyye i politicheskiye svyazi Kryma so Sredizemnomorstkim regionom i stranami Vostoka” (Sevastopol', 6–10 oktyabrya 2020 g.)*. Vol. 2, Moscow, 2020, pp. 134–139.
25. Lashkov F.F. Krymsko-turetskiye dela 80-kh godov XVIII stoletiya. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey*, 1894, No. 17, part 3, pp. 155–162.
26. Lashkov F.F. Okhrana Kryma vo vtoruyu turetskuyu voynu 1787–1791 goda. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, 1889, № 8, pp. 52–87.
27. Lashkov F.F. Materialy dlya istorii vtoroy turetskoy voyny 1787–1791 g. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, 1890, No. 9, pp. 71–98.
28. *Zapiski nekotorykh obstoyatel'stv zhizni i sluzhby Deystvitel'nogo Taynogo Sovetnika, Senatora I.V. Lopukhina, sochinennyye im samim. Chteniya v Imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostey Rossiyskikh pri moskovskom universitete*, 1860, book 3, part II (Materialy otechestvennyye), pp. 83–172.
29. Madariaga I. *Rossiya v epokhu Ekateriny Velikoy*. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2002.
30. Markevich A.I. K stoletiyu Otechestvennoy voyny. Tavricheskaya guberniya v svyazi s epokhoy 1806–1814 godov. Istoricheskiy ocherk. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, 1913, No. 49, pp. 1–100.
31. *Zapiski D.B. Mertvago (1760–1824)*. St-Petersburg, Russkaya simfoniya Publ., 2006.
32. Mikhaylovskiy-Danilevskiy A.I. *Opisaniye turetskoy voyny v tsarstvovaniye imperatora Aleksandra, s 1806 do 1812 g.* Part 1, 2. St-Petersburg, Tip. shtaba otdel'nogo korpusa vnutrenney strazhi, 1843.
33. Mikhaylovskiy-Danilevskiy A.I. Iz vospominaniy Mikhaylovskogo-Danilevskogo. 1818 g. Gl. I–III. *Russkaya starina*, 1897, vol. 91, part 7–9, pp. 69–102.
34. Noymann I. *Ispol'zovaniye «Drugogo»: Obrazy Vostoka v formirovaniy evropeyskikh identichnostey*. Moscow, Novoye izdatel'stvo Publ., 2004.
35. Petrov A. *Voyna Rossii s Turtsiyey 1806–1812 gg. Vol. 1. 1806 i 1807 gg. Mikhel'son i Meyyendorf*. St-Petersburg, Voyennaya tipografiya Publ., 1885.
36. Petrosyan I.E. *Yanychary v Osmanskoy imperii. Gosudarstvo i voyny (XV – nachalo XVII v.)*. St-Petersburg, Nauka Publ., 2019.
37. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye pervoye*. St-Petersburg, Tip. SEIV Kantselyarii, 1830.

38. Konkin D.V., Khrapunov N.I. (Ed.), *Rossiyskaya imperiya i Krym*. Simferopol, Izdatel'skiy dom KFU Publ., 2020.
39. Said E. *Orientalizm*. St-Petersburg, Russkiy mir Publ., 2005.
40. Sakovich A.V. *Krymskiye tatory na voyennoy sluzhbe Rossiyskoy imperii*. Moscow, Fond "Russkiye Vityazi" Publ., 2016.
41. *Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva*. 1891, Vol. 77; 1892, Vol. 82.
42. Smirnov N.A. Sheykh Mansur i ego turetskiye vdokhnoviteli. *Voprosy istorii*, 1950, No. 10, pp. 19–39.
43. Smirnov N.A. *Politika Rossii na Kavkaze v XVI–XIX vv.* Moscow, 1958.
44. Stanislavskaya A.M. *Russko-angliyskiye otnosheniya i problemy sredizemnomor'ya (1798–1807)*. Moscow, Akademia Nauk SSSR Publ., 1962.
45. Khrapunov N.I. Krym v kontekste franko-russkikh otnosheniy epokhi Napoleona. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 2019, vol. 21, No. 2 (187), pp. 69–86.
46. Charopka S.A. Voyska VKL u svyatle vayennay r-eformy 1717 g. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly*. Part 1, Minsk, 2012, pp. 336–343.
47. Cherepko S.A. Evolyutsiya sistemy voinskikh znakov otlichiya v armii Velikogo knyazhestva Litovskogo v XVIII – nachale XIX vv. *Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny*, 2019, No. 4 (115), pp. 50–54.
48. Cherkasov P.P. Frantsiya i prisoyedineniye Kryma k Rossii (1779–1783). *Rossiya i Frantsiya: XVIII–XX veka*, Vol. 3, Moscow, 2000, pp. 37–61.
49. Cherkasov P.P. *Ekaterina II i Lyudovik XVI. Russko-frantsuzskiy otnosheniya. 1774–1792*. Moscow, Nauka Publ., 2004.
50. Shatne M. du. *Zhan Batist de Traverse, ministr flota*. Moscow, Nauka Publ., 2003.
51. Shilder N.K. *Aleksandr I. Ego zhizn' i tsarstvovaniye*. Vol. 4. St-Petersburg, Izdaniye A. S. Suvorina, 1898.
52. Goodwin G. *The Janissaries*. London: Saqi Publ., 2006.
53. Marsigli L.F. *L'Etat Militaire de l'Empire Ottoman*. P. II. Haye: P. Gosse & J. Neaulme, P. de Hondt, A. Moetjens; Amsterdam: H. Uytwerf, F. Changuion, 1732.
54. Nicolle D. *The Janissaries*. London, Osprey Publ., 1995, 64 p.
55. O'Neill K. A. *Claiming Crimea: A History of Catherine the Great's Southern Empire*. Yale, University Press, 2017.
56. Rambaud A. Le duc de Richelieu en Russie et en France. *Revue des deux mondes*, 1887, Vol. 84, pp. 618–662.
57. Twardowski B. *Wojsko Polskie Kosciuszki w roku 1794*. Poznan, Nakladem Ksiegarni Katolickiej, 1894.
58. *Volumina Legum. Przedruk zbioru praw staraniem XX-pijarow w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782, wydane*. T. VI. Petersburg, Nakladem I drukiem Josafata Ohryzki, 1860.

Информация об авторе

Конкин Д. В. – кандидат исторических наук, заведующий отделом новой истории Крыма Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского; старший научный сотрудник отдела реализации грантов Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: AAC-3468-2019.

Information about the author

Konkin D. V. – Candidate of Science (History), Head of the Modern History Department at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Senior Researcher of the Grants Implementation Department of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: AAC-3468-2019.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ О МЕЖЕВАНИИ КРЫМА В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Лилия Геннадьевна Степанова

*Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, liliya_stepanova@list.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3902-1389>*

Аннотация. После присоединения Крыма к Российской империи и раздачи земель на его территории началось Генеральное межевание земель. Дошедшие до нашего времени экономические примечания по крымским уездам отражают два этапа межевания. В камеральных экономических примечаниях Перекопского уезда конца XVIII – начала XIX в. содержатся сведения о Генеральном межевании бывшей территории Крымского ханства в условиях первоначального освоения края переселенцами и российскими помещиками. Экономические примечания Феодосийского уезда 30-х гг. XIX в. зафиксировали сложившуюся структуру землепользования и землевладения, состояние природной среды и демографические ресурсы спустя полвека после присоединения Крыма к России. В отличие от ранее проведенных описаний Крыма сведения экономических примечаний к планам Генерального межевания содержат более конкретные сведения по отдельным территориям. Они позволяют определить не только количество, но и качество размежеванных земель, их виды и потенциальные возможности для развития различных видов хозяйств. Однако экономические примечания по крымским уездам отражают не только трудности процесса межевания, но и проблемы землеустройства, связанные с особенностями территории.

Ключевые слова: Российская империя, Генеральное межевание, экономические примечания, Крым, Новороссийская губерния, Таврическая губерния

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 19-09-00236 «Генеральное межевание и освоение южных территорий Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX века».

THE ECONOMIC COMMENTARIES ON THE LAND DIVISION IN THE CRIMEA IN THE LATE EIGHTEENTH AND THE FIRST HALF OF THE NINETEENTH CENTURIES

Liliya G. Stepanova

*Kuban State University, Krasnodar, Russia, liliya_stepanova@list.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3902-1389>*

Abstract. Following the Crimea's joining Russia and the distribution of lands in the peninsula, the general land division started. There are economic commentaries (*ekonomicheskie primechaniia*) by Crimean *uezds* (counties) which survived to reflect two stages of the land division and surveys. The cameral economic commentaries for the Perekop *uezd* from the late eighteenth and early nineteenth century provide information on the general land division of the former Crimean khanate's territory

during the initial stage of the country's development by the migrants and Russian land-owners. The economic commentaries on the Feodosiia *uezd* in the 1830s documented the already developed structure of land-use and land-ownership, the environmental conditions, and the demographic resources fifty years after the Crimea's unification with Russia. In contrast to the early descriptions of the Crimea, the economic commentaries to the general land division plans supply detailed accounts of specific areas. These sources allow the one to determine both the size and quality of the surveyed lands, their types and potential opportunities for the development of various kinds of farms. However, the economic commentaries related to the Crimea's *uezds* reveal both the problems of the land division processes and the issues of land surveying connected to the specificities of the given area.

Keywords: Russian empire, general land division, economic commentaries, Crimea, New Russia governorate, Taurida governorate

Acknowledgments: The work was carried out within the framework of project No. 19-09-00236 supported by Russian Foundation for Basic Research.

Земли Крыма после присоединения в 1783 г. его территории к Российской империи оказались малонаселенными. Заброшенными были земли поселений, пашенные угодья, фруктовые сады, виноградники. К этому привели военные действия, массовая эмиграция крымских татар в Османскую империю, более раннее переселение крымских христиан, в основном греков, в Приазовье, а также эпидемия чумы 1783–1784 гг. [20, с. 278–295]. Географические условия, климат, растительный и животный мир, почвы Крыма высоко оценивались учеными и путешественниками, побывавшими на этой территории в разное время. В научном описании Крыма К. И. Габлица были описаны природные богатства Тавриды, в том числе полезные ископаемые, ее богатая флора и фауна, создающие все условия для хозяйственной деятельности [4]. П. С. Паллас считал Крым единственной областью России, где «можно ввести и одомашнить все произведения Греции и Италии, чего лишены более северные области этой империи» [15, с. 155]. Частичкой рая называл Крым П. И. Сумароков, который восхищался его природой, предоставлявшей все условия для изобилия, выгоды и обогащения [5, с. 158]. Однако он отмечал царившую повсюду разруху, превращение бывшей пашни в степь, недостаток населения, а также неосмотрительную раздачу земель, приводившую к тяжбам и раздорам [5, с. 161, 165].

Неосвоенные и запустевшие земли после присоединения Крыма раздавались российским помещикам и проявившим верность российскому престолу татарским мурзам и беям, осваивались колонистами и переселенцами из других регионов России. Новые владельцы получали земли на основании указов Екатерины II и ордеров Екатеринославского и Таврического генерал-губернатора Г. А. Потемкина. При раздачах земель оценивались их потенциальные возможности для хозяйствования. По инициативе Г. А. Потемкина в 1784 г. было проведено камеральное описание Крыма [3, с. 27]. Однако нередко земельная собственность накладывалась на старую, свои права на землю предъявляли объявившиеся владельцы, возникали неразбериха и путаница, приводившие к злоупотреблениям [14, с. 36]. Вместе с тем, Екатерина II пообещала охранять имущество старожильческого населения и подтвердила его право на владение землей, которая находилась в их собственности ранее [18, т. 21, № 15708, с. 897–898].

В конце XVIII в. Генеральное межевание, охватившее многие губернии Российской империи, для наведения порядка в землевладении было решено провести и на Крымском полуострове. Оно началось в 1798 г., однако вскоре было признано преждевременным и приостановлено. К этому привели многие причины, в том числе незнание землемерами местных традиций землепользования, отсутствие у старожильского населения документов, подтверждающих куплю-продажу земли, нехватка переводчиков. Разработка проекта правил межевания Крыма затянулась на долгие годы не только из-за возникших трудностей, связанных со спецификой региона, но в силу объективных обстоятельств, возникших с связи с усложнившейся внешнеполитической ситуацией в первой четверти XIX в. Генеральное межевание на Крымском полуострове возобновилось только в 1830 г., после того, как были утверждены правила межевания Таврической губернии и проведена большая организационная работа [23, с. 377–380].

В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) сохранились экономические примечания по ряду уездов Таврической губернии, охватывающие как первый этап межевания Крыма конца XVIII – начала XIX в., так и второй этап, начавшийся в 30-х гг. XIX в. после выработки специальных правил межевания. Однако до нынешнего времени эти источники в исследованиях, посвященных освоению территории Крымского полуострова, фактически не использовались. Само Генеральное межевание, проводившееся на территории Крыма в конце XVIII – первой половине XIX в., оказывалось в центре внимания лишь некоторых исследователей. Причем одной из первых работ можно назвать небольшую статью «Землевладение в Крыму со времени присоединения его к России и Генеральная межевая комиссия», вышедшую в 1863 г. [6, с. 142–145]. Среди современных работ стоит выделить работы И. В. Петровой, посвященные изучению деятельности Симферопольской межевой конторы и анализу основных нормативно-правовых документов, которые сформировали юридическую основу Генерального межевания на этой территории [16, с. 162–166; 17, с. 90–101]. Особое внимание проектам предстоящего межевания земли полуострова Крым в рамках изучения его интеграции в состав Российской империи в конце XVIII – начале XIX века, а также возникавшим впоследствии земельным спорам уделил в своих работах Д. В. Конкин [9, с. 43–54; 10, с. 756–768]. Создание фонда государственных земель и частных земельных владений дворянства в Крыму, его источники и ход начавшегося процесса межевания земель в конце XVIII в. рассмотрела Л. Л. Кузьмина [11, с. 27–33].

Между тем, экономические примечания к планам Генерального межевания являются уникальным источником, позволяющим получить самые разнообразные сведения. Они оказываются в центре внимания как специалистов по социально-экономической истории России, так и по истории отдельных регионов [1, с. 334–338]. Современный цифровой анализ этих источников позволяет выявить особенности и упорядочить важнейшие факторы дифференциации структуры землепользования в различных регионах России [8, с. 26–33]. Проводятся работы по ГИС-картографированию данных Генерального межевания, помогающие изучить процессы освоения территории [24, с. 44–55]. Материалы Генерального межевания предоставляют

возможность уточнить сведения об имевшихся почвенных ресурсах [2, с. 1302]. На основе данных экономических примечаний проводятся исследования, позволяющие оценить плодородие почв и урожайность культур [22, с. 369–380], хозяйственное развитие отдельных регионов [13, с. 99–106].

В межевом отделе РГАДА имеются экономические примечания по трем крымским уездам – Перекопскому, Феодосийскому и Ялтинскому. Они дошли в разной степени сохранности и готовности, что вызывает определенные трудности в их использовании. Комплекс документов содержит как беловые, так и черновые записи, составлявшиеся нередко в нескольких вариантах, со множеством исправлений. Большим преимуществом экономических примечаний по Крыму является то, что они относятся к камеральным и полным экономическим примечаниям и отличаются от кратких экономических примечаний тем, что предоставляют расширенные сведения об окружающей среде, количестве населения, качестве земельных угодий. При работе с экономическими примечаниями необходимо учитывать менявшееся на протяжении конца XVIII – первой половины XIX в. административное деление территории. В созданную в 1784 г. Екатериной II Таврическую область входили семь уездов: Днепровский, Мелитопольский, Евпаторийский, Левкопольский, Перекопский, Симферопольский и Фанагорийский (Тмутараканский) [18, т. 22, № 15925, с. 21]. Левкопольский уезд в 1787 г. был преобразован в Феодосийский [7, с. 29]. В 1796 г. Таврическая область была упразднена Павлом I и ее территория включена в Новороссийскую губернию. Земли области вошли в два ее уезда – Акмечетский и Перекопский [18, т. 24, № 17634, с. 229–230]. В 1802 г. была образована Таврическая губерния, состоявшая из 7 уездов: Симферопольского, Перекопского, Тмутараканского, Феодосийского, Евпаторийского, Мелитопольского и Днепровского [18, т. 27, № 20449, с. 288–291]. В 1838 г. на территории Крымского полуострова был образован Ялтинский уезд [19, т. 13, № 11080, с. 196–197].

К началу межевания Крымского полуострова относятся камеральные экономические примечания Перекопского уезда, составлявшиеся межевщиками с 1798 г. За 1798–1804 гг. в Перекопском уезде кроме самого города Перекопа и его предместий было обмежевано 102 дачи. Однако межевание территории шло очень неравномерно. В 1798 г. землемеры описали в экономических примечаниях только 8 дач, в 1799 г. – 3, в 1800 г. – 5, в 1801 г. – 5, в 1802 г. – 24, в 1803 г. – 30, в 1804 г. – 30 [РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 1559. Л. 1–142]. Экономические примечания Феодосийского и Ялтинского уездов составлялись уже на втором этапе межевания, который проходил с 1830 г. Экономические примечания Феодосийского уезда содержат расширенную информацию о размежеванных дачах, в том числе о почвенных ресурсах и природной среде, что позволяет отнести их к полным экономическим примечаниям. Экономические примечания 1830 г. предоставляют данные о 8 размежеванных дачах [РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 1560. Л. 7; Ед. хр. 1564. Л. 7–12 об.], 1831 г. – 40 [РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 1560. Л. 12 об.–27; Ед. хр. 1561. Л. 2–8 об.; Ед. хр. 1564. Л. 13–27 об.], 1832 г. – 9 [Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 1562. Л. 8–10; Ед. хр. 1564. Л. 28–29], 1833 г. – 9 [РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 1563. Л. 1–5 об.]. Экономические

примечания по Ялтинскому уезду представлены небольшим отрывком. Они содержат только сокращенные сведения о расположении дач и не предоставляют другой информации [РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 1566. Л. 1–50 об.].

В рамках исследования на основании сведений экономических примечаний были составлены электронные базы данных по Перекопскому и Феодосийскому уездам. Они позволили оптимально организовать весь массив информации экономических примечаний. Для извлечения первоначальных сведений из источника использовался метод сплошной выборки. В базу данных о земельных угодьях включались сведения о количестве различных видов земель на конкретной даче, в том числе пашне и сенокосных угодьях, степи, способной к земледелию и скотоводству, лесе, кустарнике, земле под поселениями и фруктовыми садами, проселочными дорогами и неудобными местами. Отдельная база данных была составлена на основании демографических показателей с выделением количества дворов, мужских и женских душ, числившихся по ревизии и имевшихся налицо при межевании. В базу данных о плодородии земли были включены сведения о составе грунта, его плодородии и произрастающих культурах. В базу данных о природной среде вносились сведения об имевшихся деревьях и кустарниках, видах животных, птиц и рыб. В выборке были представлены дачи, в описании которых перечислялись конкретные виды деревьев и кустарников, зверей и птиц, а также дачи, в описании которых ввиду схожести имелась отсылка к составу леса, животного и растительного мира соседней дачи. Для создания баз данных использовался Интерфейс Access 2016, который позволил проводить сортировку сведений, вести поиск записей, отбирать данные при помощи фильтров. Полученные сведения были обработаны статистически с использованием современных цифровых методов обработки информации.

Генеральное межевание Перекопского уезда началось в 1798 г., когда он еще входил в Новороссийскую губернию и представлял собой достаточно крупное территориальное образование, охватывавшее северную часть Крымского полуострова и примыкавшую к нему часть материка до течения реки Днепр и Днепровского лимана. Большая часть уезда лежала под степью. На его территории располагалось озеро Сиваш (Гнилое море), на берегах которого часто отсутствовала растительность. Побывавший в 1793–1794 гг. на юге ученый-энциклопедист П. С. Паллас подчеркивал малонаселенность Ногайской (Крымской) степи, а также то, что она ранее служила пастбищем многочисленным стадам состоятельных татар и была местожительством ногайских орд. Земледелие на этой территории было мало распространено [15, с. 20]. Степь продолжалась и после Перекопа, представляя собой волнистую равнину, занимавшую три четверти Крымского полуострова. Описал П. С. Паллас и почвы на этой территории: между Перекопом и Козловым – песчаные и песчаные с глиной, от Перекопа до соляных озер – глинистые, пропитанные солью и бесплодные [15, с. 23]. Важным стратегическим пунктом уезда был город Перекоп, расположенный на перешейке между материком и Крымским полуостровом. По описаниям путешественников, местность на пути к нему в июле представляла выжженную

солнцем пустыню, в которой полностью отсутствовала хорошая вода. На ней лишь изредка можно было увидеть зелень фруктовых садов [21, с. 101].

В результате Генерального межевания, начавшегося в конце XVIII в. и охватившего первые годы XIX в., были обмежеваны дачи как на материковой части Перекопского уезда, так и на части Крымского полуострова. Межевание 1798 г. охватило город Перекоп с его предместьями и еще 8 дач в уезде. Общее количество размежеванной земли составило 54550 дес. 1825 саж. К городу Перекопу и его предместьям было отнесено 1923 дес. 881 саж. земли, из которых под самим городом и крепостью находилось 16 дес. 900 саж., под предместьем Армейский базар – 26 дес. 1300 саж. Землемеры выделили также неудобную землю – 97 дес. Остальная большая часть земли была отнесена к степи, которая признавалась способной к пашне и сенокосу. В отдельную крепостную дачу была выделена земля около Соленого озера (87 дес. 1815 саж), где был построен двор для караула соли. Еще 427 дес. 1201 саж. на суходоле с обеих сторон от большой дороги от самого Черного моря, земляного вала и рва выделались Перекопскому дворцу [РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 1559. Л. 32–33]. Численность населения города и его предместья была невелика. По ревизии здесь числилось 795 мужских душ, в том числе в Перекопе – 30 купцов, 10 мещан и 5 разночинцев, в предместье – 102 купца, 476 мещан, 22 разночинца и 150 казенных поселян.

Размежеванные в 1798 г. дачи принадлежали разным владельцам. Здесь числились две деревни государственных малороссийских поселян, имелась деревня казенного ведомства татар, три деревни российских помещиков, хутор перекопского мельника, имелась также дача, отведенная к соленому промыслу. Земельные владения дач располагались вдоль берега Черного моря, по сторонам больших дорог, лежащих в город Херсон и Бериславль, а также дороги из Кинбурнской крепости в город Херсон. Под поселениями находилось 223 дес. 293 саж. земли, под пашней – 6739 дес. 1521 саж., под способной к пашне степью – 36908 дес. 2301 саж., под сенокосом – 1439 дес., под неудобной землей – 6801 дес. 1013 саж. В поселениях проживало 1444 души (882 мужские и 562 женских).

Почвенные условия местности зависели от рельефа и близости к морю и озеру Сиваш. В половине случаев грунт был глинистый, на большинстве дач солонцеватый, на двух дачах – серопесчаный и солонцеватый, причем в описании одной из дач подчеркивалась его неспособность к плодородию. На земле этой дачи располагалась деревня Кулы владения казенного ведомства татар. Упоминаний о посеянных зерновых культурах на этой земле не имелось. На трех дачах с глинистым грунтом плодородие земли признавалось средним, на одной даче – способной к плодородию лишь в некоторых местах. Из посеянных зерновых культур на всех дачах лучшие урожаи давало просо, лишь в одном случае упоминалась пшеница. Урожаи других культур считались худыми. Сенные покосы на половине дач признавались худыми, на другой половине – средними. Описание природной среды в камеральных экономических примечаниях 1798 г. оказалось достаточно скудным. На четырех дачах были зафиксированы волки, лисицы и зайцы. При описании земельных угодий де-

ревни Кулы землемеры указали, что зверей на них не имеется. Среди птиц на пяти дачах назывались дрофы, степные кулики и утки. На одной даче упоминались мелкие птицы в лимане и мелкая рыба в речке.

В камеральных экономических примечаниях Перекопского уезда 1799 г. имеется описание только трех дач, в состав которых вошли три села (два села – великороссийских и одно малороссийских поселян) и одно местечко. Территория дач находилась в крайней материковой части уезда, причем села были основаны переселенцами после присоединения Крыма [12, с. 55]. Общее количество размежеванной земли достигало 70748 дес. 1130 саж., в том числе 8333 дес. 2231 саж. неудобной. Под поселениями находилось 468 дес., под пашней – 22932 дес. 1642 саж., под сенокосом – 1368 дес., под степью – 37405 дес. 2057 саж., под мелким лесом – 270 дес. В четырех селениях насчитывалось 1257 дворов, в которых по ревизии числилось 5616 душ (3007 мужских и 2609 женских), а проживало 6489 душ (3539 мужских и 2950 женских).

Два села – Большая и Малая Знаменка располагались по обе стороны большой дороги, лежащей из города Новороссийска в город Перекоп. Грунт их земельных угодий был иловатый песчанистый, местами солонцеватый. Землемеры отмечали, что чернозема здесь не имеется. На двух других дачах, где жили малороссийские поселяне и государственные казенные поселяне, в селе Водяном и местечке Никополь грунт оценивался как песчаный и иловатый солонцеватый, здесь местами был чернозем. Однако отмечалось, что никаких минералов в почве не имеется. Сенных покосов в степи зафиксировано не было, они были только в плавнях, где местами признавались хорошими. Из посеянных зерновых культур на всех видах грунта «лучше родится просо, а прочего семена худо, так что и посеянных семян вряд ли почти можно собрать» [РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 1559. Л. 55].

Вместе с тем, протекавшая рядом река Днепр, мелкие реки и озера создавали благоприятные природные условия для хозяйственной деятельности. В реке и речках наблюдалось изобилие различных видов рыб. Среди основных видов землемеры называли лещей, судаков, окуней, белизну, голавля, густеров, палтусов, щук, чехоней, марин, ершей. В Днепре водились осетры, севрюги, стерляди, сомы. В озерах вылавливались лещи, судаки, сомы, сазаны, окуни, щуки, в заливах – щуки, лини, судаки, окуни и карпы. На водоемах обитали кулики, дикие утки, цапли, бакланы, чайки. На одной из дач упоминались лебеди и бабы (пеликаны). Большого леса в этой местности не имелось, только в плавнях изредка рос мелкий лозник, верба и осокорь (черный тополь) [РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 1559. Л. 71]. Набегом в лесу и степях бывали волки, лисицы и зайцы. В степной местности можно было также встретить хорьков и овражков (сусликов). Среди птиц на всех дачах упоминались дрофы, стрепеты, тетерева и куропатки, встречались также полевые кулики, журавли, жаворонки, ястребы, орлы, коршуны и другие мелкие птицы.

В камеральных экономических примечаниях Перекопского уезда 1800 г. содержится описание только 5 дач, три из которых расположены по берегу Сиваша (Гнилого моря), одна – вдоль протоки из Сиваша и еще одна – по берегу Черного моря. Меже-

ванием на этот раз было охвачено 10252 дес. 633 саж. земли, из которых 1082 дес. 1539 саж. было отнесено к неудобной. Под поселениями располагалось 40 дес. 2080 саж., под пашней – 755 дес. 1052 саж., под сенокосом – 7704 дес. 601 саж., к степи, способной к скотоводству, было отнесено 667 дес. 1200 саж. Грунт дач был причислен землемерами к сероглинистому. Среди зерновых культур на нем наилучшие урожаи давали ячмень, просо и пшеница, остальные признавались средними по урожайности. Сенные покосы также считались средними. Природная среда дач в камеральных экономических примечаниях 1800 г. фактически не описана. Землемеры отметили только солонцеватую воду и пересыхающие летом речки и озера: «В летнее жаркое время воды не бывает, кроме от нанесенной с Азовского моря погодой» [РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 1559. Л. 8].

В камеральных экономических примечаниях Перекопского уезда 1801 г. имеются сведения о межевание еще 5 дач. Среди них значились Кинбурнская крепость и состоящая при ней слобода владения казенного ведомства поселян, Збурьевский ретраншемент (земляная крепость) со слободой владения казенного ведомства поселян, а также владения российских помещиков. Земля этих дач располагалась в материковой части уезда при Черном море и на берегу Днепровского лимана. Количество обмежеванной земли достигало 50167 дес. 141 саж., в том числе 21274 дес. 977 саж. неудобной. Под поселениями находилось 70 дес. 1784 саж., под пашней 2093 дес. 1500 саж., под сенным покосом – 14782 дес. 855 саж., под степью, способной к пашне и скотоводству – 8670 дес. 1839 саж. земли. На обмежеванных дачах землемеры насчитали 95 дес. 2300 саж. мелкого леса, 1937 дес. 1932 саж. леса дровяного. Под фруктовыми садами значились 4 дес. 1464 саж. земли.

Землемеры не указали число дворов и имеющееся количество населения, записав в камеральные экономические примечания население по ревизии. Согласно этим сведениям на территории проживало 1074 человека (709 мужских и 365 женских душ). Грунт земли значился песчаным, только в одном случае он признавался не способным к плодородию. Наилучшие урожаи на всех дачах давало просо, на трех дачах среди лучших были урожаи ячменя, на двух дачах – ржи и на одной даче – пшеницы. Расположение земельных угодий по берегу Черного моря и Днепровского лимана влияло на состав растительного и животного мира. Достаточно богатым был состав ихтиофауны. В лимане водились осетры, белуга, стерлядь, сомы, сазаны, шуки, лещи, судаки, сельди, окуни, таранки, лини, караси, плотва. На водах налетом бывали лебеди, дикие гуси, утки, пеликаны, кулики. На четырех дачах описывался мелкий лес и кустарник. В составе леса назывались дубовые, березовые, ивовые и терновые деревья. На одной даче лес был причислен к дровяному, в нем росли дуб, береза и осина. На всех дачах водились волки, лисицы, зайцы, на одной даче встречались дикие кабаны. Среди птиц в этой местности описывались орлы, ястребы, куропатки, тетерева, чижи, щеглы, сойки, вороны, скворцы, галки. В полях имелись жаворонки, перепелки, на одной из дач были отмечены дрофы, стрепеты, куропатки и кулики.

В 1802 г. огромная территория Перекопского уезда была разделена на три части, которые были отнесены к Днепровскому, Мелитопольскому и собственно Пере-

копскому уездам Таврической губернии. Перекопский уезд в этих границах теперь начинался от Перекопского перешейка на севере и озера Сиваш на северо-востоке. В камеральных экономических примечаниях Перекопского уезда 1802 г. содержатся сведения о 24 размежеванных дачах и обновленные данные о городе Перекопе. Землемерами в этом году было обмежевано 1260210 дес. 923 саж. земли. Это была территория в окрестностях уездного города и на материковой части уезда. Однако категории земель при описании каждой дачи указывались не всегда. Тем не менее, к землям поселений было причислено 30 дес. 1853 саж. земли, к пашне – 18389 дес. 2284 саж., сенокосу – 958296 дес. 565 саж., степи – 98774 дес. 1104 саж., дровяному лесу – 182 дес., мелкому лесу – 461 дес. 1468 саж., мелкому кустарнику – 112 дес. 379 саж., неудобным землям – 122299 дес. 1343 саж.

Спустя четыре года к городу Перекопу и его предместьям было отнесено, как и прежде, 1923 дес. 881 саж. земли. Количество неудобной земли не изменилось. Однако под поселением уже значилось 42 дес. 2200 саж. В то же время из промеренных ранее земель от города и его предместья были отрезаны 309 дес. казенной земли для государственных надобностей (300 дес. степи и 9 дес. неудобных мест), а также 1887 дес. 1125 саж. было намерено на число душ татар, относящихся к казенному ведомству, которые жили в городе и его предместье.

На размежеванных дачах насчитывалось 24 поселения и 1165 дворов, в которых числилось по ревизии 7452 души (5032 мужских и 2420 женских) и проживало на время межевания 7437 душ (4660 мужских и 2777 женских). Сведения о грунте были даны по 18 дачам. На 12 дачах (66,7%) он был серопесчаным, на 6 (33,3%) – песчаным. Неспособной к плодородию признавалась земля на 8 дачах (44,4%), в том числе на всех дачах с песчаным грунтом. Среди лучших культур по урожайности назывались пшеница и просо. На 7 дачах с серопесчаным грунтом (58,3%) отмечалась способность степи к пашне и скотоводству. Среди лучших урожаев на этом грунте, кроме пшеницы и проса, назывался также ячмень. В целом, высеваемые культуры были указаны на 16 дачах. На всех дачах высевалось просо, на 13 дачах (81,3%) – пшеница и на 9 (56,3%) – ячмень. Качество сенных покосов было указано только у 5 дач, в четырех случаях они считались средними и только в одном – хорошими.

Описание природной среды имеется у 13 размежеванных дач (54,2% от общего их количества). На 5 дачах имелся дровяной лес. В составе деревьев везде назывались береза и осина, дуб имелся на 4 дачах. На одной из дач росли также ольха, лоза и терн. На четырех дачах вместо леса указывался мелкий кустарник, в составе которого были лоза и терн, а также бузина и небольшие деревца дуба, осины и березы. Звери и птицы были зафиксированы землемерами на 12 дачах. Повсеместно на них водились лисицы, зайцы и волки, на двух дачах имелись хорьки и ежи. Среди птиц на всех дачах были отмечены перепелки, часто встречались также упоминания скворцов, ворон, сорок, галок, чижей и щеглов, на 7 дачах были зафиксированы орлы, ястребы, куропатки и жаворонки, на 4 дачах упоминались дрофы, стрепеты и синицы, на двух – соловьи. Виды рыб в камеральных экономических примечаниях 1802 г. назывались на 7 дачах

(29%), имевших выход к морю, озеру или речке на своей территории. Повсеместно встречались сомы, лини, окуни и плотва, на 6 дачах – лещи, судаки, на 4 – осетры, севрюги, стерляди, щуки, на трех – налимы, ерши, на двух – сазаны, караси, тарань, язи и голавли. На дачах, расположенных по берегу Днепра, среди рыбы назывались сомы, осетры, севрюги, щуки, сазаны, окуни, стерляди, лини, караси, тарань и плотва.

В камеральных экономических примечаниях Перекопского уезда 1803 г. имеются сведения о 30 дачах, размежеванных уже непосредственно на Крымском полуострове, на территории которых располагались поселения казенного ведомства татар. Сами дачи находились во владении татарских мурз либо принадлежали казенному ведомству. На этот раз в уезде было размежевано 63574 дес. 2324 саж. земли. По категориям они были выделены землемерами в следующие виды: земли под поселениями – 362 дес. 2069 саж., пашня – 9462 дес. 266 саж., сенокос – 136 дес. 1330 саж., степь – 48253 дес. 1900 саж., неудобные земли – 5362 дес. 382 саж. На территории дач находились 33 поселения. Землемеры насчитали в них 489 дворов, в которых по ревизии числилось 2940 душ (1576 мужских и 1364 женских) и во время межевания было зафиксировано 3208 душ (1685 мужских и 1523 женских).

Как выяснилось, почвенные условия на дачах были почти одинаковыми. На 29 дачах (96,7%) грунт характеризовался как сероглинистый, только на одной даче он был причислен к серопесчаному. На сероглинистом грунте лучшие урожаи приносили рожь и просо. Ячмень указывался среди лучших по урожайности только на двух дачах, пшеница – на одной даче. На серопесчаном грунте лучшие урожаи давала рожь. При описании природной среды отсутствовал лес и кустарник. Звери отмечались только в двух случаях: на одной даче имелись зайцы, на другой – волки и лисицы. Птицы упоминались на половине дач. На 15 дачах упоминались дрофы и куропатки, на 14 дачах – стрепеты, на 5 дачах – дикие утки, гуси, на 4 дачах – перепелки, кулики. Встречались также скворцы, вороны, сороки, жаворонки. Однако, несмотря на наличие водоплавающих птиц, из-за пересыхающих летом водоемов рыбы на этой территории не имелось.

В камеральных экономических примечаниях Перекопского уезда 1804 г. сохранились сведения о размежевании еще 30 дач на Крымском полуострове. Землемерам в этот год удалось обмежевать 59497 дес. 1251 саж. земли, в том числе 3140 дес. 335 саж. неудобной, 224 дес. 1283 саж. – под поселениями, 9894 дес. 1629 саж. – под пашней, 1241 дес. 1260 саж. – под сенокосами, 44978 дес. 1275 саж. – степи, способной к пашне и скотоводству. На размежеванных дачах в 25 поселениях казенных татар и их духовенства землемеры насчитали 396 дворов, в которых по ревизии числились 2327 душ (1254 мужских и 1073 женских), в наличии оказалось 1908 душ (1028 мужских и 880 женских).

Качество земли при межевании 1804 г. было указано на всех дачах. На 26 из них (86,7%) грунт относился к сероглинистому, на трех – к серопесчаному и на одной – к песчаному. В одном случае отмечалась солонцеватость сероглинистого грунта и неспособность его к хлебопашеству. На двух дачах с сероглинистым грунтом земля без внесения удобрения не давала урожая. Неспособность земли к плодородию указывалась на двух дачах с серопесчаным грунтом и на одной даче с песчаным. Зер-

новые культуры были зафиксированы на 28 дачах (93,3%). На всех дачах наилучшие урожаи давало просо, на 26 дачах – рожь, на 24 дачах – ячмень, на 23 дачах – пшеница. Качество сенных покосов было указано на 23 дачах. Только на одной даче они признавались худыми, во всех остальных считались средними.

Землемеры не предоставили никаких сведений о лесе и кустарнике на этой территории. Среди зверей на одной даче были названы лисицы, зайцы и волки. Более подробные данные имеются о птицах: на 26 дачах встречались жаворонки, на 25 – перепелки и дрофы, на 22 – куропатки и стрепеты, на 18 – орлы, на 6 – журавли, на 4 – чижи и щеглы, на 3 – ястребы и синицы, на 2 – тетерева, галки, скворцы, вороны, сороки, на одной даче – дрозды. Только на одной даче среди водоплавающих птиц были описаны дикие гуси, утки, кулики и рыболовы. Видовой состав рыбы в этой местности не зафиксирован, но нередко при описании пересыхающих водоемов делалась запись, что рыбы не имеется.

В 1809 г. было проведено межевание пустоши Николаевской, относящейся уже к Днепровскому уезду, но ранее принадлежавшей Перекопскому уезду. Пустошь располагалась на берегу Днепровского лимана. Общая ее площадь составила 4621 дес. 2000 саж. В 1816 г. землемеры обмежевали две дачи, земля которых также уже была отнесена к Днепровскому уезду. Одна из них располагалась по берегу Сиваша, а вторая – на острове Черного моря. На первой даче количество обмежеванной земли составило 15926 дес. 1612 саж, в том числе 600 саж. – под хуторами с четырьмя дворами. В основном вся земля была отнесена к сенному покосу – 15257 дес. 2081 саж. На второй даче общей площадью 2200 дес. 100 саж. располагался рыбный завод, под которым значилось 5 дес. земли и имелись сенные покосы – 195 дес. 100 саж. К неудобным местам относилось 2000 дес.

В целом в камеральных экономических примечаниях по Перекопскому уезду за несколько лет межевания землемеры зафиксировали данные о 1589311 дес. 842 саж. земли. Количество обмежеванной земли значительно превышает количество земли в уезде в последующие годы, поскольку Перекопский уезд 1796–1802 гг. имел гораздо большую территорию за счет включения в него земель от Перекопского перешейка и озера Сиваш до течения Днепра и границы с Херсонской губернией. В результате межевания землемеры выделили различные категории земель: под поселениями находилось 1435 дес. 362 саж. (0,09%), под пашней – 70368 дес. 294 саж. (4,4%), под сенокосами – 1003559 дес. 1992 саж. (63,1%), под степью, пригодной для скотоводства и хлебопашества, находилось 275659 дес. 2076 саж. земли (17,3%). Местность уезда фактически была безлесной. Лес и кустарник занимали только 3059 дес. 1281 саж. земли (0,19%), в том числе дровяной лес произрастал на 2119 дес. 1937 саж., мелкий лес – на 827 дес. 1365 саж., мелкий кустарник – на 112 дес. 379 саж. Достаточно много было неудобных земель – 209358 дес. 1890 саж. (13,2%). Отдельно были выделены земли под болотами – 282 дес., протоками и прудами – 4 дес. 2000 саж., проселочными дорогами – 16 дес. и фруктовыми садами – 4 дес. 1464 саж.

На территории Перекопского уезда, расположенной на Крымском полуострове, отмечалось достаточно низкое качество земли, во многих местах подчеркивалась ее солонцеватость, глинистость и неспособность к плодородию. Для повышения обще-

го плодородия земли на сероглинистых и серопесчаных грунтах в экономических примечаниях фиксировалась необходимость внесения удобрений. Землемеры обращали внимание на дефицит воды, особенно ощущающийся в летнее время, и преобладание «средней» или «худой» урожайности. Они подчеркивали, что наилучшие урожаи на этих землях давало просо, а прочие хлеба родили худо.

В Феодосийском уезде Таврической губернии Генеральное межевание проводилось уже после выработки специальных правил межевания Крыма. В состав Феодосийского уезда входили земли восточной части Крымского полуострова от озера Сиваш и Азовского моря на севере до Черного моря на юге. На западе он граничил с Ялтинским и Симферопольскими уездами, на его востоке лежал Керченский полуостров. Начиная от Феодосии в юго-западной части уезда располагалась гористая местность, изрезанная долинами с плодородной землей, разработанной пашней, богатыми пастбищами, посаженными виноградниками [15, с. 109–110]. Остальную территорию уезда занимали степные просторы. Генеральное межевание Феодосийского уезда началось в 1830 г. с местечка Судак, расположенного рядом с берегом Черного моря в горной долине с виноградниками. Во время межевания в нем числилось 8 дворов и проживало 26 душ (16 мужских и 10 женских). К местечку было отведено 25 дес. 1379 саж. земли, из которых 2 дес. 2256 саж. находилось под поселением, 1614 дес. – под церковью и кладбищем, 20 дес. 319 саж. было отнесено к выгону и 1 дес. 1990 саж. – к неудобной земле [РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 1560. Л. 7–7 об.].

Поскольку развитию виноградарства на Крымском полуострове придавалось большое значение, особенно ценились земли под виноградниками. В 1830–1832 гг. землемерам удалось размежевать в Феодосийском уезде территорию, находящуюся под виноградниками, принадлежащими различным хозяевам, а также земли колонистов и новых помещиков. Межевание земель под виноградниками продолжилось и в 1833 г. В 1832 г. были обмежеваны земли, находящиеся во владении Таврической казенной экспедиции. На них рос ценный лес – дубовый, большей частью грабовый, буковый, изредка также ольховый, по краям которого нередко располагался орешник. Он был отнесен к строевому и дровяному, признавался довольно хорошим и годным для поташного строения [РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 1564. Л. 28]. Общее количество строевого и дровяного леса на 6 обмежеванных дачах составило 3350 дес. 1491 саж., мелкого кустарника – 45 дес. 847 саж. К неудобным местам было отнесено 12 дес. 1224 саж.

В целом в экономических примечаниях по Феодосийскому уезду имеются сведения о 66 размежеванных дачах общей площадью 27695 дес. 995 саж. Землемеры отнесли размежеванную территорию к разным категориям земли, в том числе 227 дес. 2378 саж. (0,8%) – к землям поселений, 224 дес. 816 саж. (0,8%) – к виноградным садам, 2012 дес. 333 саж. – пашни (7,3%), 1031 дес. 1067 саж. (3,7%) – к выгонной земле, 402 дес. 2219 саж. (1,5%) – пастбищам, 5730 дес. 1552 саж. (20,7%) – сенокосам, 10388 дес. 1870 саж. (37,5%) – степи, 1350 дес. 4003 саж. (4,9%) – неудобным местам, 18 дес. 1527 саж. – к горам, 24 дес. 1237 саж. – оврагам, 6 дес. 2007 саж. – к фруктовым садам. Кроме этого, отдельно были выделены земли под большой и проселочными дорогами, строениями и крепост-

ной стеной, тарапанами (давилньями винограда) и мельницами, пустопоросшей землей, строевым и дровяным лесом, кустарниками, каменистыми и солонцеватыми местами.

Под виноградниками в основном располагался хрящеватый грунт, который был приспособлен к разведению различных виноградных сортов. Нередко он сочетался с черноземом, по берегу – с песчаным или каменистым грунтом. В целом землемеры указали качество грунта на 39 дачах (59%). Чернозем фиксировался на 33 дачах (84,6%), но только на 6 дачах (15,4%) он признавался чистым. На 7 дачах чернозем был красноватым, но более солонцеватым, на одной – нераспаханным, на 9 дачах сочетался с хрящеватым грунтом. На одной из дач чернозем был в сочетании с сероглинистым грунтом. Земля этой дачи признавалась способной к фруктовым садам и не способной к виноградным. Солонцеватая земля признавалась годной только для пастбища скота, причем в уезде имелись и вовсе бесплодные солонцы. На черноземе лучшие урожаи давала пшеница Арнаутка. Среди выращиваемых зерновых культур назывались также ячмень, овес, просо и горох, среди овощных – капуста и огурцы. Условия местности накладывали свой отпечаток на занятия местного населения. Землемеры подчеркивали, что на этой территории «татары промышленляют хлебопашеством и частью скотоводством, греки-анадольцы промышленляют частью скотоводством, а более так называемыми баштанами или огородами» [РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 1561. Л. 6]. В экономических примечаниях землемеры очень подробно перечисляли белые и черные сорта винограда, которые произрастали в уезде: какур, мускатный, лосьма, осман, каузен, бургонский, венгерский, зейтинский. Среди деревьев в фруктовых садах росли черешня, грецкие орехи, абрикосы, дули, яблоки, сливы, вишни, айва, миндаль, персики, груша, мушмула, апельсины, фундук, шелковица.

Территория Феодосийского уезда была неоднородна по своим природным условиям. В степной части уезда ощущался недостаток воды, отмечалось частое пересыхание рек. Поэтому в записях землемеров часто встречаются сведения о том, что на дачах не имеется зверей, а в пересыхающих речках нет рыбы. Среди вылавливаемой в Черном море рыбы упоминалась кефаль и «мелкая рыба разных родов», в речках – сазаны, карпы, пещари. Среди птиц в большинстве встречались дрофы, вороны и мелкие разных родов, в отдельных местностях – куропатки, перепелки, дикие голуби, жаворонки, скворцы, при водоемах – дикие гуси, утки. Среди зверей даже в лесной местности упоминались только зайцы, лисицы, волки, зато в строевом лесу водились дикие козы (косули).

Таким образом, экономические примечания к планам Генерального межевания Крымского полуострова отражают два этапа межевания. К первому этапу относятся камеральные экономические примечания по Перекопскому уезду, состоявшему в Новороссийской губернии. В них зафиксированы сведения о начавшемся в конце XVIII в. Генеральном межевании бывшей территории Крымского ханства в условиях освоения края переселенцами и российскими помещиками. В первые годы были составлены камеральные экономические примечания на дачи материковой части уезда, что было связано с трудностями его проведения на самом Крымском полуострове и освоением местности, более пригодной для хлебопашества. Материковая часть выгодно отличалась своей природной средой, в том числе почвенными условиями, от остальной территории уезда.

После образования в 1802 г. Таврической губернии территория Перекопского уезда значительно сократилась. В камеральных экономических примечаниях по уезду теперь фиксировались сведения о земельных дачах в степной части Крымского полуострова, где в большей степени имелись поселения старожильского населения. Природная среда этой территории более способствовала развитию скотоводства. Местность была фактически безлесной и нередко безводной. Однако с продвижением на юг природные условия улучшались, позволяя заниматься земледелием. Среди высеваемых культур бесспорным лидером было просо. Остальные зерновые культуры давали средние или худые урожаи. На лучших по плодородию землях высевались пшеница, ячмень и рожь. Однако камеральные экономические примечания предоставляют сведения о небольшом количестве пашни и большом количестве земельных угодий, причисленных к сенокосам и степи, потенциально способной к хлебопашеству.

Экономические примечания Феодосийского уезда относятся ко второму этапу межевания Крымского полуострова, проходившему в 30-е гг. XIX в. Они зафиксировали структуру землепользования и землевладения, состояние природной среды и имевшиеся демографические ресурсы спустя почти 50 лет после присоединения Крыма к Российской империи. В экономических примечаниях отразились значительные изменения, произошедшие как в землевладении, так и в хозяйственной освоенности территории. В первую очередь в уезде были обмежеваны особо ценные земли, находящиеся под виноградниками, а также земли колонистов и новых помещиков. Однако в это время в уезде имелись в достаточно большом количестве и невозделанные земли.

Данные экономических примечаний к Генеральному межеванию предоставляют возможность скорректировать сведения первоначальных описаний Крыма и сделать вывод о переоцененности его экономического потенциала для хлебопашества. Природные условия региона, особенно в его степной зоне, характеризующиеся наличием низко плодородных или вовсе неподходящих для земледелия почв и отсутствием воды, несмотря на имевшиеся территориальные просторы, не благоприятствовали развитию хлебопашества. Однако восторженные оценки первых естествоиспытателей и путешественников, побывавших в Крыму, во многом обусловили ошибочную оценку имевшихся ресурсов. Это во многом объясняет первоначальные неудачи, связанные с хозяйственным освоением полуострова.

В отличие от ранее проведенных описаний Крыма, в том числе сочинений П. С. Палласа, К. Н. Габлица и камерального описания Крыма 1784 г., экономические примечания к планам Генерального межевания предоставляют конкретные данные по земельным угодьям и делают возможным получить более реальную картину хозяйственной жизни региона. Они позволяют определить не только количество, но и качество размежеванных земель, их виды и потенциальные возможности для развития различных видов хозяйствования. Экономические примечания по крымским уездам демонстрируют и проблемы землеустройства, наблюдавшиеся во время проведения Генерального межевания, связанные с особенностями территории, и сложности хозяйственной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акманов А.И., Зайтунов Р.Б. Документы Российского государственного архива древних актов о проведении Генерального межевания земель Бирского уезда Оренбургской губернии // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 1. С. 334–338.
2. Алябина И.О., Голубинский А.А., Кириллова В.А., Хитров Д.А. Почвенные ресурсы и сельское хозяйство центра Европейской России в конце XVIII века // Почвоведение. 2015. № 11. С. 1302. doi:10.7868/S0032180X15110039
3. Борщик Н.Д. Проблемы и перспективы изучения описаний Таврической губернии конца XVIII – начала XX в. // Вестник архивиста. 2017. № 4. С. 23–36. doi: 10.28995/2073-0101-2017-4-23-36
4. Габлиц К.И. Физическое описание Таврической области, по ее местоположению, и по всем трем царствам природы. СПб.: Тип. И. Вейтбрехта, 1785. 199 с.
5. Досуги крымского судьи или Второе путешествие в Крым Павла Сумарокова. Ч. 1. СПб.: Императорская типография, 1803. 226 с.
6. Землевладение в Крыму со времени присоединения его к России и генеральная межевая комиссия // Морской сборник. 1863. № 2. С. 142–145.
7. Кириенко Г.К. Ордера князя Потемкина, 1787 г. (продолжение) // ИТУАК. 1888. № 6. С. 1–35.
8. Козлов Д.Н., Глухов А.В., Голубинский А.А., Хитров Д.А. Роль природно-позиционных условий в дифференциации землепользования Европейской России конца XVIII в. – методика цифрового анализа материалов Генерального межевания // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. 2013. № 3. С. 26–33.
9. Конкин Д.В. Российские помещики в Крыму (конец XVIII – начало XIX вв.): новые люди со старыми взглядами // МАИЭТ. 2017. Вып. XXIII. С. 756–768.
10. Конкин Д.В. Проблема землевладения крымских татар в проекте К.И. Габлица «О разделе Новороссийской губернии и организации управления и хозяйства в Крыму» (1802 г.) // Материалы к истории Причерноморья в Новое время: Сб. науч. ст. / Ред.-сост. Д.В. Конкин, Н.И. Храпунов. Симферополь, 2016. С. 43–54.
11. Кузьмина Л.Л. О земельных отношениях в Крыму в конце XVIII в. // Таврический научный обозреватель. 2015. № 3 (ноябрь). С. 27–33.
12. Лашков Ф.Ф. Исторический очерк Крымско-татарского землевладения (Продолжение) // ИТУАК. 1896. № 24. С. 35–71.
13. Менщиков И.С., Федоров С.Г., Павлуцких Т.Г. Хозяйственное и переселенческое освоение региона, Генеральное межевание и «картофельные бунты» // История Курганской области (с древнейших времен до 1991 года). Курган, 2017. С. 99–106.
14. Никифоров М.А. Деятельность Г.А. Потемкина в Крыму в контексте интеграции полуострова в состав Российской империи // Материалы к истории Причерноморья в Новое время: Сб. науч. ст. / Ред.-сост. Д.В. Конкин, Н.И. Храпунов. Симферополь, 2016. С. 32–42.
15. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 гг. М.: Наука, 1999. 246 с.
16. Петрова И.В. Деятельность Симферопольской межевой конторы (1829–1843 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12–3 (38). С. 162–166.
17. Петрова И. Генеральное межевание Южной Украины (историко-правовой аспект) // Схід. 2014. № 6 (132). С. 90–101.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Типография СЕИВ Канцелярии, 1830.
19. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Типография СЕИВ Канцелярии, 1830–1885.
20. Прохоров Д.А. Крымские татары в органах управления Таврической области после присоединения Крыма к России (1783–1787 гг.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 1. С. 278–295.
21. Сеницкий А. Поездка в Перекоп и его окрестности // ИТУАК. 1893. № 19. С. 101–104.

22. Степанова Л.Г. Боровичский уезд Новгородской губернии в исследованиях первых русских почвоведов и материалах Генерального межевания // Научный диалог. 2017. № 12. С. 369–380. doi: 10.24224/2227-1295-2017-12-369-380
23. Степанова Л.Г. Особенности Генерального межевания Таврической губернии в первой половине XIX в. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2019. № 6. С. 377–380.
24. Черненко Д.А. Суздальский уезд в конце XVIII в.: опыт ГИС-картографирования процессов заселения и хозяйственного освоения территории // Историческая информатика. 2017. № 4 (22). С. 44–55.

REFERENCES

1. Akmanov A.I., Zaitunov R.B. Dokumenty Rossiiskogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov o provedenii General'nogo mezhevaniia zemel' Birskogo uyezda Orenburgskoi gubernii. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2015, Vol. 20, No. 1, pp. 334–338.
2. Aliabina I.O., Golubinskii A.A., Kirillova V.A., Khitrov D.A. Pochvennye resursy i sel'skoe khoziaistvo tsentra Evropeiskoi Rossii v kontse XVIII veka. *Pochvovedenie*, 2015, Vol. 1, p. 1302. doi:10.7868/S0032180X15110039
3. Borshchik N.D. Problemy i perspektivy izucheniiia opisaniia Tavrisheskoi gubernii kontsa XVIII – nachala XX v. *Vestnik arkhivista*, 2017, Vol. 4, pp. 23–36. doi: 10.28995/2073-0101-2017-4-23-36
4. Gablits K.I. *Fizicheskoe opisanie Tavrisheskoi oblasti, po ee mestopolozheniiu, i po vsem trem tsarstvam prirody*. St-Petersburg, I. Veitbrekhta Publ., 1785, 199 p.
5. *Dosugi krymskogo sud'i ili Vtoroe puteshestvie v Krym Pavla Sumarokova*. Part 1. St-Petersburg, Imperatorskaia tipografiia Publ., 1803, 226 p.
6. Zemlevladienie v Krymu so vremeni prisoedineniia ego k Rossii i general'naia mezhevaia komissiia. *Morskoi sbornik*, 1863, Vol. 2, pp. 142–145.
7. Kirienko G.K. Ordera kniazia Potemkina, 1787 g. (prodolzhenie). *Izvestiia Tavrisheskoi arkhivnoi komissii*, Simferopol, 1888, Vol. 6, pp. 1–35.
8. Kozlov D.N., Glukhov A.V., Golubinskii A.A., Khitrov D.A. Rol' prirodno-pozitsionnykh uslovii v differentsiatsii zemlepol'zovaniia Evropeiskoi Rossii kontsa XVIII v. – metodika tsifrovogo analiza materialov General'nogo mezhevaniia. *Rus', Rossiia: Srednevekov'e i Novoe vremia*, 2013, Vol. 3, pp. 26–33.
9. Konkin D.V. Rossiiskie pomeshchiki v Krymu (konets XVIII – nachalo XIX vv.): novye liudi so starymi vzgliadami. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2017, Vol. 23, pp. 756–768.
10. Konkin D.V. Problema zemlevladieniia krymskikh tatar v proekte K.I. Gablitsa «O razdele Novorossiiskoi gubernii i organizatsii upravleniia i khoziaistva v Krymu» (1802 g.). Konkin D.V., Khrapunov N.I. (Eds.), *Materialy k istorii Prichernomor'ya v Novoye vremia*, Simferopol, 2016, pp. 43–54.
11. Kuz'mina L.L. O zemel'nykh otноsheniiakh v Krymu v kontse XVIII v. Tavrisheskii nauchnyi obozrevatel', 2015, Vol. 3, pp. 27–33
12. Lashkov F.F. Istoricheskii ocherk Krymsko-tatarskogo zemlevladieniia (Prodolzhenie). *Izvestiia Tavrisheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, Simferopol, 1896, No. 24, pp. 35–71.
13. Menshchikov I.S., Fedorov S.G., Pavlitskikh T.G. Khoziaistvennoe i pereselencheskoe osvoenie regiona, General'noe mezhevanie i «kartofel'nye buntы». *Istoriia Kurganskoi oblasti (s drevneishikh vremen do 1991 goda)*, Kurgan, 2017, pp. 99–106.
14. Nikiforov M.A. Deiatel'nost' G.A. Potemkina v Krymu v kontekste integratsii poluostrova v sostav Rossiiskoi imperii. Konkin D.V., Khrapunov N.I. (Eds.), *Materialy k istorii Prichernomor'ya v Novoye vremia*, Simferopol, 2016, pp. 32–42.
15. Pallas P.S. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnyim namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 gg.* Moscow, Nauka Publ., 1999, 246 p
16. Petrova I.V. Deiatel'nost' Simferopol'skoi mezhevoi kontory (1829–1843 gg.). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2013, Vol. 12–3 (38), pp. 162–166.

17. Petrova I. General'noe mezhevanie Iuzhnoi Ukrainy (istoriko-pravovoi aspekt). *Skhid*, 2014, Vol. 6 (132), pp. 90–101.
18. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe*. St-Petersburg, Tipografiia SEIV Kantseliarii Publ., 1830.
19. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe*. St-Petersburg, Tipografiia SEIV Kantseliarii Publ., 1830–1885.
20. Prokhorov D.A. Krymskie tatory v organakh upravleniia Tavricheskoi oblasti posle prisoedineniia Kryma k Rossii (1783–1787 gg.). *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2016, Vol. 1, pp. 278–295.
21. Senitskii A. Poezdka v Perekop i ego okrestnosti. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Simferopol, 1893, No. 19, pp. 101–104.
22. Stepanova L.G. Borovichskii uезд Novgorodskoi gubernii v issledovaniakh pervykh russkikh pochvovedov i materialakh General'nogo mezhevaniia. *Nauchnyi dialog*, 2017, Vol. 12, pp. 369–380. doi: 10.24224/2227-1295-2017-12-369-380
23. Stepanova L.G. Osobennosti General'nogo mezhevaniia Tavricheskoi gubernii v pervoi polovine XIX v. *Rus', Rossiia. Srednevekov'e i Novoe vremia*, 2019, Vol. 6, pp. 377–380.
24. Chernenko D.A. Suzdal'skii uезд v kontse XVIII v.: opyt GIS-kartografirovaniia protsessov zaseleniia i khoziaistvennogo osvoeniia territorii. *Istoricheskaia informatika*, 2017, Vol. 4 (22), pp. 44–55.

Информация об авторе

Степанова Л. Г. – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Кубанского государственного университета, Researcher ID: P-3706-2019.

Information about the author

Stepanova L. G. – Candidate of Science (History), Associate professor at the Department of Russian history of Kuban State University, Researcher ID: P-3706-2019.

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЭСКИ-ЮРТА В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Дмитрий Анатольевич Ломакин

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского; Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия, LomakinDA@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8832-4867>

Аннотация. Рассмотрена история исследования в 20-е гг. XX в. средневекового поселения Эски-Юрт, расположенного на территории современного г. Бахчисарая. Представлен начальный опыт археологического освоения памятника (экспедиция под руководством А. С. Башкирова и У. А. Боданинского в 1924 г.). Охарактеризованы первые попытки сохранения и охраны архитектурно-археологических объектов, связанные с деятельностью сотрудников Центральных государственных реставрационных мастерских и Бахчисарайского государственного дворца-музея тюрко-татарской культуры.

Ключевые слова: Бахчисарай, Эски-Юрт, памятник архитектуры, объект культурного наследия, история изучения

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время».

ON THE HISTORY OF RESEARCHES ON ESKI-YURT IN THE 1920s

Dmitry A. Lomakin

V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Institute of Archaeology of the Crimea of Russian Academy of Science, Simferopol, Russia, LomakinDA@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8832-4867>

Abstract. This article addresses the history of researches conducted in the 1920s at the mediaeval settlement of Eski-Yurt located within the borders of the present-day town of Bakhchisarai. The initial experience of the archaeological researches at the site in question (the expeditions supervised by A. S. Bashkirov and U. A. Bodaninskii in 1924) has been analysed. The given article characterizes the first attempts for the preservation and protection of architectural and archaeological sites related to the works of the team of the Central State Restoration Workshops and the Bakhchisarai State Palace Museum of the Turkish and Tatar culture.

Keywords: Bakhchisarai, Eski-Yurt, architectural site, cultural heritage site, history of researches

Acknowledgments: The work was carried out within the framework of project No. 20-18-00076 supported by Russian Science Foundation.

Эски-Юрт (с крымскотатарского – «старое селение», «старая ставка») – средневековое поселение в юго-западном Крыму, в настоящее время – исторический район в западной части г. Бахчисарая. В эпоху Золотой Орды имел характер крупного, возможно, городского поселения, расположенного на торговом пути от портов Херсона и Каламиты к внутренним областям Крымского полуострова. О его значитель-

ном размере свидетельствуют масштабы мусульманского кладбища Кырк-Азизлер в 1 км к северо-западу от города. Поселение сохраняло свое значение и в ранний период истории Крымского ханства (вторая половина XV в.). Возможно, наряду с расположенной неподалеку крепостью Кырк-Ер, оно использовалось как ставка первых крымских ханов после перенесения столицы из восточной части полуострова (г. Солхат, ныне – Старый Крым) в западную. Впоследствии, после основания Бахчисарая, селение утратило свой прежний экономический и административный статус.

Вплоть до начала XX в. Эски-Юрт сохранял значение одного из важных центров мусульманского культа в Крыму благодаря наличию в его центральной части святыни – азиза Малик-Аштера¹. При нем была сооружена мечеть, служившая одновременно в качестве текие общины суфиев (перестроена в 1914 г., разрушена в 1955 г.). На территории кладбища до настоящего времени сохранилось четыре дюрбе². Вероятно, Азиз являлся местом захоронения представителей ханской династии и их родственников. Культурный центр на Азизе просуществовал до 20-х гг. XX в. К настоящему моменту большая часть надгробных памятников утрачена.

К северо-западу от Эски-Юрта располагалось кладбище Кырк-Азизлер. Наиболее ранний из выявленных здесь надгробных памятников датирован 1316 г. Скорее всего, одновременно с упадком поселения в конце XV в. данную территорию перестали использовать для захоронений (в отличие от Азиза, где были зафиксированы погребения вплоть до XIX в.). Практически весь культурный слой уничтожен в результате сельскохозяйственных и строительных работ. Сохранены лишь 23 надгробия, перевезенные У. А. Боданинским в бахчисарайский музей.

¹ Малик Аштер (Малик Аждер, Мелек Гайдер, Адждидер-мелек-султан) – по одной из версий – воин (знаменосец) в войске Пророка Мухаммеда. Был отправлен проповедовать ислам на территорию Крымского полуострова, где погиб в сражении с неверными. Герой многочисленных мусульманских преданий. Согласно им, впервые прославился победив дракона в Йемене. Затем с большим войском отправился проповедовать ислам на Волгу и в Крым. Добившись там немалых успехов, продолжил путь к Днестру, где ему довелось сразиться с великаном по имени Салсал. Победив его, сам был поражен вражеской стрелой. Смертельно раненный, он добрался до Крыма и умер, его могила была сокрыта от глаз непосвященных. По свидетельству В. Д. Смирнова, погребение было обнаружено во время правления Мухаммед-Гирея: «Во время копания земли для фундамента могилы всех крымских ханов была найдена мраморная квадратная доска с надписью на джагатайском языке, указывающая, что это была могила Малик Аштера. <...> Мухаммед-Гирей, найдя эту могилу, оставил мысль устроить усыпальницу для себя, а воздвиг купол над ней с надписью длинными буквами и основал монастырь с тюрбе и бюсти-телем монумента при нем» [33, с. 29–30].

² Дюрбе Мухаммед-Шах-бея-Бен-Юде-Султан – ул. Фрунзе, д. 10-а, литера «А». Дюрбе Мухаммед-бея (Малый восьмигранник) – пер. Первомайский, д. 1-а, литера «А». Дюрбе Ахмед-бея (Кубовидное) – ул. Буденного, д. 16-а, литера «А». Имеют статус памятников федерального значения согласно распоряжению Правительства Российской Федерации № 2073-р от 17 октября 2015 г. Дюрбе Мухаммед-Гирея II (Большой восьмигранник) – на пересечении ул. Нахимова и Буденного. Усыпальницы поставлены на учет постановлением Совета Министров УССР от 24.08.1963 г. № 970. Решением Крымского областного исполнительного комитета от 22.05.1979 г. № 284 установлена граница охранной зоны, которая ограничена окружностью радиусом 50 м вокруг каждого памятника [34, с. 407–408].

В 1948 г. с. Эски-Юрт переименовано в Подгородное, Азиз – в Задорожное. Последнее в период с 1954 по 1968 гг. включено в состав Подгородного, которое впоследствии вошло в городскую черту Бахчисарая. Земли, скрывавшие руины средневекового поселения, были в большинстве использованы под одноэтажную застройку и промышленные зоны, на территории Азиза в 1980-х гг. возник стихийный рынок (прекратил функционировать в 2006 г.). В 2004 г. Бахчисарайским государственным историко-культурным заповедником разработан проект создания государственного музея на базе сохранившихся историко-архитектурных памятников, который до настоящего момента не реализован.

Письменные источники о поселении Эски-Юрт малочисленны и крайне фрагментарны. Первые зафиксированные упоминания о нем относятся к концу XVI в. Посол польского короля Стефана Батория Мартин Броневский, посетивший полуостров в 1578 г., повествуя о столице Крымского ханства, отметил, что «возле города [Бахчисарая – Д. Л.] построены каменная мечеть и гробницы ханов из развалин христианских» [8, с. 68; 27, с. 345]. Отдельную информацию о селении и расположенных на его территории памятниках содержат путевые записи С. И. Тарбеева [31, с. 70], И. Лызлова [32, с. 691], Эвлия Челеби [21, с. 60–66; 38, с. 122–124], Х. Г. Манштейна [25, с. 75], П. С. Палласа [28, с. 34], Ф. Дюбуа де Монпере [13, с. 276–277]. Благодаря подвижничеству членов Одесского общества истории и древностей во втором томе ЗООИД в 1848 г. впервые были опубликованы два эпиграфических памятника из Эски-Юрта. Их перевод был выполнен вице-президентом общества А. Ф. Негри [1, с. 527–528]³.

Важнейшим периодом в исследовании поселения стали 20-е гг. XX в., когда наряду с первыми археологическими изысканиями были предприняты попытки организации эффективной системы сбережения и охраны объектов культурного наследия. Качественно новый этап памятникоохранной работы на полуострове связан с деятельностью Крымского отдела по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, природы и народного быта (КрымОХРИС). 21 ноября 1920 г. первый руководитель отдела, петроградский ученый, антрополог и этнограф Г. А. Бонч-Осмоловский в своем докладе на заседании отдела народного образования сформулировал основную задачу начального этапа деятельности КрымОХРИС – «изъятие предметов культурно-исторической ценности, брошенных на произвол судьбы или находящихся в ненадежных руках частного владельца путем реквизиции» [37, с. 7]. Был составлен первый план Отдела по охране памятников старины. Он включал в себя пункты о необходимости учета всех археологических памятников, налаживанию их технической охраны (обмеры, зарисовки, фотографирование, нанесение на план, ремонт и реставрация), о подготовке материалов для издания археологической карты Крыма, изыскания средств для наружной охраны памятников. 21 августа 1921 г. приказом КрымРевкома № 450 в ведение КрымОХРИС был передан ряд археологических объектов полуострова, среди которых «Бахчисарайский дворец и все

³ Более детально о начальном этапе исследований поселения Эски-Юрт см: [23].

дюрбе» [29, с. 116]. Запрещалось «занятие, использование, переделки, перестройки, раскопки всех вообще памятников и исторических мест в Крыму без разрешения КрымОХРИСа» [29, с. 117]. В 1922 г. был произведен первый учет археологических памятников – список содержал 130 наименований. Ключевую роль в этой работе сыграл председатель ТУАК А. И. Маркевич [30, с. 176].

В 1923–1926 гг. остро стал вопрос наружной охраны памятников. Местные власти и коммунальные хозяйства неоднократно инициировали перестройки в непосредственной близости от исторических объектов, случалось санкционированное использование архитектурных памятников для нового строительства, активизировались кладоискатели. Невозможность полноценной охраны памятников привела к необходимости их срочной графической фиксации, что было поручено феодосийскому художнику К. Ф. Богаевскому [29, с. 118]. Первыми были зарисованы памятники Феодосии, Судака, Старого Крыма. В собраниях Бахчисарайского историко-культурного археологического музея-заповедника и Феодосийского музея древностей выявлено 12 акварелей с видами памятников Эски-Юрта, выполненные художником в 1925 г. Объекты изображены с нескольких ракурсов, что позволяет восстановить полную картину их состояния в середине 20-х гг. XX в.: дюрбе Мухаммед-Шах-бея – 3 акварели [БИКАМЗ. Инв. №№ Г-1, Г-28, Г-29], дюрбе Ахмед-бея – 4 [БИКАМЗ. Инв. №№ Г-4, Г-19, Г-32; ФМД. Инв. № Г-1], Малый восьмигранник – 3 [БИКАМЗ. Инв. №№ Г-22, Г-23, Г-44], Большой восьмигранник – 5 [БИКАМЗ. Инв. №№ Г-6, Г-20, Г-32, Г-44; ФМД. Инв. № Г-1]. Высокий уровень профессионализма и доскональный подход к работе обеспечили ряд достоинств собрания: точность рисунков и передачи архитектоники памятников, детализация изображений. Учитывая отсутствие единовременных цветных фотоснимков, работы К. Ф. Богаевского являются важным источником при проведении реконструкций и реставраций объектов, восстановлении их первоначального облика. «Охрисовская» серия работ художника наиболее полно и качественно опубликована М. А. Ломакиной [24].

Одним из ключевых центров в сфере изучения и охраны древностей полуострова с момента его организации в 1917 г. стал Бахчисарайский дворец-музей тюрко-татарской культуры. Руководитель музея У. А. Боданинский на протяжении десятилетия в 20-х гг. XX в. находился в центре организационной работы по спасению от разрушения, изучению и реставрации мусульманских памятников. Информативным источником о деятельности музея по изучению древностей Крыма является личный дневник его директора, выявленный в фондах БИКАМЗ [КП. 9521. Инв. № 380; КП. 9522; Инв. № 381; КП. 9569. Инв. № 386], задуманный первоначально как ежедневный отчет о работе организации. Дневники выполнены на страницах трех стандартных тетрадей, нумерация сквозная, всего 307 листов. Охватывают хронологический промежуток с 5 декабря 1923 г. по 31 января 1926 г. У. А. Боданинским представлены детальные сведения об экспедиции по изучению могильника Кырк-Азизлер в октябре 1924 г., подробно изложен организационный этап, присутствует смета [БИКАМЗ. КП. 9569. Инв. № 386. Л. 78–79] и план изысканий [БИКАМЗ.

КП. 9569. Инв. № 386. Л. 80–81]. Детально освещен ход работ, приведены описания выявленных надгробных памятников, тексты эпитафий, часть из них сопровождается схематичными рисунками [БИКАМЗ. КП. 9569. Инв. № 386. Л. 94–121]. Исходя из дневниковых записей, сотрудниками Бахчисарайского музея осуществлялся регулярный контроль за состоянием памятников древности города. На страницах присутствуют неоднократные сведения о проводимых осмотрах памятников, хлопотах об их ремонте, зарисовках и фотофиксации. Значительное внимание уделялось объектам Эски-Юрта [БИКАМЗ. КП. 9569. Инв. № 386. Л. 36–38; 52–54; 62–63]. Дневниковые записи У. А. Боданинского опубликованы в 2018 г. [35].

28 марта 1924 г. на заседании Ученого совещания при заведующем КрымОХРИ-Сом был рассмотрен план археологических работ на текущий год, озвученный в докладе А. И. Полканова. Предполагалось осуществить работы на Гераклеяском полуострове, в Старом Крыму и Бахчисарае, где планировалось исследовать погребения в районе Азиза и Эски-Юрта. Помимо крымских специалистов было предложено привлечь к работам сотрудников Всесоюзной научной ассоциации востоковедения при ЦИК СССР [ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 107. Л. 2–3]. Работы 1924 г. были профинансированы ЦИК Крымской АССР, СНК Крымской АССР и Научной ассоциацией востоковедения [7, с. 23]. Начальником экспедиции был назначен член Президиума, заведующий историко-этнологическим отделом ВНАВ, профессор И. Н. Бороздин. Открытый лист на право проведения археологических раскопок в пределах Северного Кавказа и Крыма был выдан Отделом по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Главнауки Наркомпроса РСФСР 20 июня 1924 г. А. С. Башкирову [ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 111. Л. 20]. В экспедиции принимали участие О.-Н. А. Акчокраклы, У. А. Боданинский, Н. Л. Эрнст.

Детальный ход работ позволили восстановить дневниковые записи А. С. Башкирова [ГИМ ОПИ. Ф. 598. Оп.1. Д. 25. Л. 95–111] и У. А. Боданинского [35]. 24 сентября в Бахчисарай прибыли И. Н. Бороздин и Н. Л. Эрнст для предварительного осмотра места предполагаемых раскопок. Была представлена смета работ, составившая 437 р. 60 к. [35, с. 94]. 25 сентября на научном совещании в Бахчисарае было решено, что «памятники Эски-Юрта должны быть подвергнуты детальному археологическому исследованию с применением всех новейших методов археологической науки» [35, с. 94]. Был выработан предварительный план работ, включивший в себя: топографическую съемку, составление краткого описания памятников, фотофиксацию объектов, их обмеры и зарисовку. Лишь после этого предполагалось начать археологические разведки. Исследования проводились всего 10 дней, с 5 по 15 октября. После тщательного осмотра территории и выработки дальнейшего плана предстоящего исследования, его выполнение было возложено на А. С. Башкирова и У. А. Боданинского. После топографической фиксации территории городища работа была сосредоточена в западной части, на мусульманском могильнике Кырк-Азизлер.

4 ноября 1924 г. на страницах газеты «Красный Крым» А. С. Башкиров и У. А. Боданинский опубликовали краткий предварительный отчет об исследовании

поселения Эски-Юрт [2]. Был «составлен детальный топографический план <...> с нанесением на него сохранившихся на поверхности и открытых в земле памятников древности, произведен ряд архитектурных съемок с древних сооружений, произведены первые зондажные раскопки. Работы сопровождались детальнейшими зарисовками и фотографированием» [2]. Авторы публикации отметили, что «в результате археологических работ был изучен тип монументальных дюрбе, тип купольных гробниц с их погребениями, погребения в грунтовых могилах и огромное количество разнотипных надгробных памятников, покрытых богатой орнаментацией, нередко снабженных надписями на татарском, арабском и персидском языках, часто с точным указанием года смерти умершего, а, следовательно, и времени изготовления того или иного памятника» [2]. Большинство надгробий исследователями было датировано второй половиной XIV – началом XV вв.

Учитывая разведывательный характер работ, отсутствие времени на обработку материала, отмечено, что «пока еще не пришло время говорить о деталях научного значения открытых памятников. Предстоит кропотливая лабораторная их обработка. Нужны еще длительные дальнейшие изыскания <...>, но и то, что сделано во время первой рекогносцировочной работы <...> является весьма ценным показателем того, что дальнейшие исследования могут дать богатый материал к пониманию прошлого» [2]. Авторы публикации подчеркнули значительный интерес к работам в научной среде и общественности: «Потянулись к месту работ не только экскурсионные учащиеся, работники просвещения, но и представители профсоюзов, члены местного исполкома и просто граждане массами перебивали на месте открытий» [2]. 11 октября Эски-Юрт посетили председатель СНК СССР А. И. Рыков и член президиума ВЦИК и ЦИК СССР П. Г. Сидович.

Более детальный, но отнюдь не обстоятельный отчет об исследовании поселения был опубликован в журнале «Новый Восток» в 1925 г. [3]. По результатам работ участниками экспедиции была предложена классификация выявленных надгробных памятников, выделены их следующие группы:

1. Горизонтальные надгробия:

1. «Каменная плита или одиноко лежащая над могилой, или огороженная камнями, мелкими плитами, поставленными на ребро» [3, с. 296]. Не имели надписей и резьбы.

2. «Надгробия длинные, низкие и широкие гробовидной формы с отлогой двускатной вершиной-крышей, высеченные с продолговато-квадратной плитой-цоколем. Последняя иногда двухступенчатая» [3, с. 297]. Сосредоточены в южной части могильника, без надписей.

3. Надгробия широкой формы с двускатной вершиной на высоком цоколе, узкие стороны которых выполнены в форме т. н. «рогов». Зачастую украшены резьбой, имели надписи. Исследователями была предпринята попытка проследить эволюцию оформления подобного типа памятников «от простейших форм к архитектурной миниатюрности. <...> Основной корпус их и двурогие части постепенно при-

нимают формы архитектурных деталей и не каких-либо фантастических, а вполне реальных образцов монументальных сооружений» [3, с. 300]. Был сделан вывод о сельджукском влиянии на становление подобных надгробных форм⁴.

4. Отдельно выделено надгробие Хасене-Хатун, дочери имама, погребенной в 1369/1397? г. Памятник состоял из четырех блоков: на массивный известняковый постамент с поясом меандрового орнамента установлен мраморный фрагмент сундукообразной формы с двускатным верхом, где размещалась надпись: «Пророк сказал: смерть есть чаша, которую должен каждый испить; смерть есть дверь, которую должен каждый пройти». По концам надгробия были установлены мраморные плиты, специальными вырезами закрепленные в постаменте. На них – имя и дата смерти покойной. Здесь же была расположена надпись на фарси, вероятно – стихотворной формы.

II. Вертикальные надгробия: «имеют форму круглой или гранной колонки, увенчанной часто в богатой резьбе головным убором, который у поздних надгробий обычно чалмовидный, <...> под чалмой обычно на шейке надпись. <...> Укрепляются прямо в землю между крупными камнями, но часто для них сооружаются особые плиты, в выдолбленные отверстия которых вставляются эти памятники; иногда эти плиты покрываются орнаментом; например, в виде круга с вырезанной в его поле шестиконечной звездой» [3, с. 307]. После окончания работ часть выявленных надгробий была перевезена в бахчисарайский музей (всего 25 номеров по инвентарной описи)⁵.

⁴ С подобным утверждением не согласился М. М. Чореф, отметивший, что «попытка объяснить местное своеобразие надгробных памятников XIV–XV вв. исключительно влиянием культуры сельджуков, на наш взгляд, кажется необоснованной. Конечно, переселенцы из Малой Азии могли привнести элементы своей культуры, свои обычаи жителям Северного Причерноморья. Однако теория о проникновении сельджуков в Юго-Западный Крым в тот период все еще требует доказательств. Кроме того, обычай устанавливать на могилах макеты культовых сооружений был распространен и у христиан. Следовательно, мы можем предположить, что своеобразие надгробных памятников Эски-Юрта объясняется возникшим симбиозом культур кочевников-пришельцев и местного, аборигенного населения» [39, с. 148].

⁵ Исследование эпиграфических памятников Эски-Юрта было продолжено лишь по прошествии 65 лет с момента первых археологических изысканий. В 1989 г. А. А. Ивановым осуществлена идентификация и классификация надгробных памятников, выполнено повторное прочтение эпитафий, произведен их научный анализ. Из внесенных в 1924 г. в инвентарную книгу 25 могильных камней (№№ 2449–2473) в бахчисарайском музее было выявлено 23 шт. (не обнаружены надгробия, изображенные на рисунках № 4 и 8а в публикации А. С. Башкирова, У. А. Боданинского [3, с. 298, 307]). Большинство (20 из 23) представляли собой вырубленные из монолитного известняка сундукообразные саркофаги на платформе с двускатным верхом и т. н. «рогатыми» выступами, надписей не имели лишь 3 памятника из 23, 12 из них датированы. Наиболее ранний имел две надписи: «Это гробница покойной, прощенной, счастливой мученицы за веру Шах-хатун, дочери Махмуда ал-Кирими, милость Аллаха всевышнего [да будет над нею]...» и «Сказал Пророк, мир над ним: “Верующие не умирают, но переходят из мира тленного в мир вечный”». В конце стоит дата: месяц джумази-уль-ахыр 716 – т. е. 1316 г. [17, с. 26]. Надгробие выполнено из мрамора, установлено на известняковой плите, впервые перевод опубликован во втором томе ЗООИД. А. А. Иванов отметил, что «нет твердой уверенности в происхождении этого камня с городища Эски-Юрта» [17, с. 27]. Наиболее поздний памятник датирован 1419 г. В 2006 г. опубликован каталог памятников Ханского кладбища Бахчисарайского дворца [11]. В него были включены надгробия,

Авторы публикации указали на наличие на территории кладбища т. н. «аллеи купольных гробниц»: «“Аллея” эта занимает место в западной части могильника и выделяется видом небольших груд архитектурных фрагментов, среди которых видны остатки стен, огораживающих небольшие квадратные площадки. Иногда площадки зияют темными провалами от обвалившихся куполов, находящимися под площадками» [3, с. 309]. Участниками экспедиции были обследованы руинированные остатки дюрбе, составлен общий план памятников, выявлен ряд закономерностей: «из осмотра руин мы вывели следующие данные: разрушившиеся сооружения кубовидной формы, обычно впущенные в почву и скалу, перекрыты куполами на сферических парусах, перевернутая вершина которых на уровне пола. В восточной стенке камеры посередине выкладывается с арочным верхом замурованный ход, через который только и возможно проникнуть в камеру. Поверх купола камеры выложен пол верхнего помещения, которое или было открытое, только огороженное тонкой стенкой <...> или же поверх было другое наружное купольное сооружение» [3, с. 309]. Склеп одного из подобных памятников был детально исследован, обнаружено пять костяков. Подвергнут изучению ряд грунтовых захоронений [3, с. 311].

Фрагментарную информацию об «аллее» содержит «заметка» непосредственного участника археологических исследований В. Н. Чепелева. По его сведениям, всего было выявлено около 30 дюрбе, расположенных в северо-западном углу кладбища. Сооружения представляли собой в плане правильные прямоугольники, возвышающиеся над поверхностью на 0,7–1 м [БИКАМЗ. Архив отдела охраны памятников. Фонд Е. В. Веймарна. Папка № 42. Д. 15/42. Л. 40 об.–41]. 9 октября 1924 г. участниками экспедиции была предпринята фотографическая съемка мавзолеев и их зарисовка, выполненная художницей Бонч-Осмоловской. На основании осмотра строений В. Н. Чепелев высказал мысль о том, что данные строения являются современниками древнейших памятников Кырк-Азизлера [20, с. 450], при этом отметив, что «древность этих дюрбе Азиза очень гадательная, близка к “Эски-Дюрбе” (Старый дюрбе)⁶ в Бахчисарае; они еще, по-видимому, несут все следы восточного зодчества, в то время, как более поздние дюрбе во дворце, уже совершенно другого стиля» [БИКАМЗ. Архив отдела охраны памятников. Фонд Е. В. Веймарна. Папка № 42. Д. 15/42. Л. 42 об.].

В фондах Отдела письменных источников ГИМ (Москва) выявлен «План окрестностей Бахчисарая» [ГИМ ОПИ. Ф. 598. Оп. 1. Д. 26. Л. 51], составленный в 1924 г., вероятно, накануне или во время археологических работ. На чертеже, кроме могильника Кырк-Азизлер, обозначен Азиз, где арабскими цифрами отмечены

перевезенные сюда экспедицией У. А. Боданинского осенью 1924 г. с территории могильника Кырк-Азизлер (кроме хранившихся в тот момент в лапидарии музея). Приведены датировка памятников, имена погребенных (если эти данные было возможно установить), указано их схематическое расположение на общей карте Ханского кладбища, каждому объекту присвоен отдельный номер [11, с. 39–40].

⁶ Автор имеет в виду памятник федерального значения гробницу «Эски Дюрбе», расположенный на улице Зои Космодемьянской, д. 12А, литера «А».

сохранившиеся дюрбе. В Архиве отдела охраны памятников БИКАМЗ хранятся планы, выполненные В. Н. Чепелевым в 1979 г. Документы подготовлены в разном масштабе: 1. План окрестностей Бахчисарая с указанием расположения Кырк-Азизлера, Азиза и Эски-Юрта (условными обозначениями и арабскими цифрами отмечено расположение дюрбе на территории Азиза) [БИКАМЗ. Архив отдела охраны памятников. Фонд Е. В. Веймарна. Папка № 42. Д. 15/42. Л. 35], 2. План кладбища Кырк-Азизлер (красным карандашом отмечены различные комплексы памятников с указанием арабскими цифрами их количества, условными обозначениями указано расположение склепов) [Там же, Л. 22], 3. План юго-восточной части Кырк-Азизлер, наиболее насыщенной памятниками [Там же, Л. 37]. Чертежи В. Н. Чепелева зафиксировали состояние могильника в конце 70-х гг. XX в., сравнительный анализ их с более ранними документами позволяет проследить изменения, произошедшие с территорией поселения на протяжении более чем полувека.

В августе 1926 г. по заданию Центральных государственных реставрационных мастерских (ЦГРМ) из Москвы в Крым был направлен архитектор, член правления РОПИК Б. Н. Засыпкин. В его задачу входило ознакомление с архитектурными памятниками крымских городов, анализ их состояния и выработка предложений по их защите и изучению [36, с. 13]. 9–10 августа 1926 г. Б. Н. Засыпкин совместно с У. А. Боданинским провели осмотр памятников древности Бахчисарая. Результаты отражены в отдельном акте, отложившемся в фондах Центрального государственного архива города Москвы [ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 512. Л. 31–32]. Участники комиссии не оставили без внимания памятники Азиза, был озвучен ряд предложений: Большой восьмигранник – произвести облицовку купола камнем с последующей промазкой швов и флюатированием⁷, выполнить укрепление сохранившегося пилона портала путем промазки швов и добавления одного ряда, очистить внутреннее пространство. По дюрбе Мухаммед-бея (Малый восьмигранник) – осуществить снятие поздней штукатурки купола и восстановить его облицовку камнем, «произвести очистку покрытий от зарослей, исправление и дополнение карнизов и выстилку покрытий плитами. Произвести открытие заделанных окон со вставкой сетчатых решеток. Произвести укрепление мраморных наличников путем промазки швов. Вставить в цоколь недостающие камни. По дюрбе № 3 [дюрбе Ахмед-бея (Кубовидное) – Д. Л.] произвести капитальный ремонт черепичной крыши и очистку кругом от позднейших наслоений земли. По дюрбе № 4 [дюрбе Мухаммед-Шах-бея – Д. Л.] произвести капитальный ремонт каменной части купола. Открыть заделанные окна и вставить решетки. Произвести мелкие исправления каменных деталей» [ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 512. Л. 31–32].

По окончании экспедиции в ЦГРМ был отправлен отчет Б. Н. Засыпкина о проделанной работе [ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 509. Л. 18]. В нем архитектор

⁷ Флюатирование – процесс химического воздействия растворимых фторосиликатов на негашеную известь, выделяющуюся при твердении цемента. Реакция впервые применена профессором Хауэншильдом (патент № 27083 от 05.06.1883 г.), тем самым создавшим эффективный способ защиты бетона.

констатировал бедственное и аварийное состояние ряда памятников полуострова, предметы старины расхищались местным населением. Всего было обследовано 69 памятников, сделано 289 фотографий. Были составлены технические акты и описания, произведено 53 обмера (из них семь – древности Азиза: по одному чертежу – дюрбе Малый и Большой восьмигранники, Ахмед-бея, четыре – Мухаммед-Шах-бея: план, два фасада, архитектурный фрагмент) [ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 509. Л. 24]. Обобщенный материал проделанной работы в Крыму составил более 51 страницы печатного текста. Б. Н. Засыпкин вел его обработку в двух направлениях: «по линии научно-исследовательской выяснялся характер и значение памятников, разрабатывались практические мероприятия по их консервации, и по линии составления общего для Крыма плана ремонтных работ» [ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 509. Л. 24]. Сотрудниками ЦГРМ планировалась подготовка более десятка докладов по наиболее острым вопросам охраны памятников в Крыму.

В фондах Государственного научно-исследовательского музея архитектуры имени А. В. Щусева выявлен альбом Б. Н. Засыпкина [ГНИМА. Инв. № Арх. 1235], в который вошли чертежи и рисунки, выполненные архитектором во время его командировки в Крым в 1926 г. Среди них обмерные кроки мавзолеев, расположенных на территории Азиза (Малый восьмигранник [ГНИМА. Инв. № Арх. 1235/4] и Большой восьмигранник [ГНИМА. Инв. №№ Арх. 1235/5, Арх. 1235/8, Арх. 1235/9]). В фондах музея также хранятся разрозненные листы с чертежами Б. Н. Засыпкина, в т. ч. планы мавзолеев Эски-Юрта (1926 г.) [ГНИМА. Инв. №№ PV 3801, Арх. 1767]. В фондах отложились и более ранние планы памятников (по одному чертежу дюрбе Мухаммед-Шах-бея [ГНИМА. Инв. № Арх. 1689], Ахмед-бея [ГНИМА. Инв. № Арх. 1690], Большого [ГНИМА. Инв. № Арх. 1692-1] и Малого [ГНИМА. Инв. № Арх. 1692-2] восьмигранников). Их точное авторство не установлено, вероятно, выполнены одним из участников археологической экспедиции 1924 г. по изучению древностей могильника Кырк-Азизлер (А. С. Башкиров, У. А. Боданинский, Н. Л. Эрнст). Данную группу источников дополняют документы 1924 г., выявленные в ОПИ ГИМ: план дюрбе Мухаммед-Шах-бея (авторство не установлено) [ГИМ ОПИ. Ф. 598. Оп. 1. Д. 26. Л. 45], рисунок мимбара Ахмед-бея [ГИМ ОПИ. Ф. 598. Оп. 1. Д. 26. Л. 52], рисунки отдельных надгробных памятников с указанием размеров (5 шт.) [ГИМ ОПИ. Ф. 598. Оп. 1. Д. 26. Л. 43, 45–47, 49].

Архитектурный анализ четырех сохранившихся дюрбе на Азизе был представлен Б. Н. Засыпкиным в 1927 г. На страницах журнала «Крым» опубликованы чертежи усыпальниц, подчеркнуто влияние сельджукской архитектуры, памятники датированы XIV–XVI вв. [14]. У. А. Боданинский, рассматривая общую архитектуру мавзолеев Крыма, предположил наличие тесных взаимосвязей между Чуфут-Кале (Кырк-Ером) и Эски-Юртом, по сути, объединив их в единое поселение, превратив горную крепость в его цитадель. По мнению автора, Эски-Юрт имел название «Кырк», а «его верхняя крепость – Кырк-Ер» [6, с. 197]. Детальные чертежи усыпальниц, расположенных на территории поселения, включившие данные обмеров,

а также ряд предложений по консервации памятников, были выполнены П. И. Голландским. В настоящий момент документы являются частью фондов Научного архива Института археологии Крыма РАН (Симферополь), впервые опубликованы В. П. Кирилко [20, с. 443–450].

Очередной попыткой крымских краеведов привлечь внимание властей и общественности к проблемам изучения, сохранения и охраны памятников стала Керченская археологическая конференция, проходившая с 5 по 10 сентября 1926 г., созванная в честь столетнего юбилея Керченского археологического музея [12; 16; 22; 26]. Конференция стала первым археологическим съездом с момента установления советской власти. На нем присутствовало 135 делегатов от 73 учреждений и организаций из семи республик СССР.

Работа конференции была устроена по четырем секциям: доисторической, ирано-эллинской, средневековой и тюрко-татарской археологии. В плане изучения древностей Эски-Юрта особый интерес вызывает работа последней. Ее председателем являлся И. Н. Бороздин, заместителем – У. А. Боданинский, функции секретаря выполнял О.-Н. А. Акчокраклы [9, с. 1]. На второй день работы конференции, 6 сентября, с докладом «Некоторые малоазийские художественные традиции в искусстве крымских татар по изысканиям в Крыму 1924, 1925 и 1926 годов», значительное внимание в котором было уделено исследованию Эски-Юрта в 1924 г., выступил А. С. Башкиров [4]. Б. Н. Засыпкин представил делегатам археологического форума доклад «Состояние татарских памятников в Крыму» [15], где в очередной раз заострил внимание на угрожающем положении древностей на территории полуострова и на необходимости принятия срочных мер для их охраны и реставрации.

Итоги обсуждения проблемы охраны памятников проявились в ряде резолюций конференции. Ее участники признали необходимым начать «скорейшую разработку единого производственного плана в области крымской археологии, <...> продолжить научно-техническое обследование, фиксацию и поддержание памятников с отпуском госкредитов, издание неопубликованного материала раскопок, <...> приступить к составлению археологической карты Крыма» [10, с. 7]. Участники секции тюрко-татарской археологии признали необходимым продолжить археологические работы в Эски-Юрте и Старом Крыму, опубликовать результаты экспедиций на русском и татарском языках. Принимая во внимание доклад Б. Н. Засыпкина, секция постановила «обратиться через Пленум Конференции в Главнауку и КрымЦИК с ходатайством о принятии срочных мер охраны и мер по приостановлению катастрофического разрушения памятников крымскотатарской архитектуры» [10, с. 10]. Участниками Керченского археологического съезда была сделана попытка привлечь внимание ученых, научных организаций, а также общественности к проблемам крымской археологии. Благодаря докладам А. С. Башкирова и Б. Н. Засыпкина удалось обратить внимание на катастрофическое состояние мусульманских древностей в Крыму, подчеркнуть их важность для изучения средневековой истории

полуострова, отметить практическую полную неизученность поселения Эски-Юрт, сыгравшего значительную роль в формировании столицы Крымского ханства.

20-е гг. XX в. являются значимым этапом в исследовании поселения Эски-Юрт. Были предприняты первые попытки сохранения и охраны памятников, силами крымских и столичных ученых производилась фотофиксация, выполнялись обмеры. По заказу КрымОХРИС осуществлена зарисовка памятников К. Ф. Богаевским. В октябре 1924 г. произведены первые археологические работы. Несмотря на то, что полные результаты изысканий до настоящего момента не введены в научный оборот, руководителями экспедиции представлены лишь краткие предварительные отчеты, можно утверждать, что десятидневные работы дали значительный материал для дальнейшей исследовательской деятельности по истории поселения. Археологическое изучение Эски-Юрта было продолжено лишь по прошествии более чем полувека – в 90-х гг. XX в. [5; 18–20]. К этому моменту территория поселения уже была либо застроена жилыми постройками, либо попала в границу промышленной зоны. Часть городища подвергалась интенсивной распашке в результате использования в качестве сельскохозяйственных угодий. Данные факторы привели к существенному повреждению, участками – к полному уничтожению культурного слоя. Это не только подчеркивает значимость полученных ранее результатов, но и настоятельно требует продолжения археологических изысканий на территории поселения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахчисарайские арабские и турецкие надписи // ЗООИД. 1848. Т. 2. С. 480–528.
2. [Башкиров А.С., Боданинский У.А.] Изучение материальной культуры крымских татар // Красный Крым. Симферополь, 1924. № 155(1174). 4 ноября. С. 2. Изд. под псевд.: Б. Б.
3. Башкиров А.[С.], Боданинский У.[А.] Памятники Крымско-Татарской старины. Эски-Юрт // Новый Восток. 1925. № 8–9. С. 295–311.
4. Башкиров А.С. Некоторые малоазийские художественные традиции в искусстве крымских татар по изысканиям в Крыму 1924, 1925 и 1926 годов // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. Керчь, 1926. № 2. 6 сентября. С. 3.
5. Белый А.В., Волошинов А.А., Карлов С.В. Поливная керамика золотоордынского времени из Эски-Юрта // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыш. Киев: Стило, 2005. Т. 1. С. 183–190.
6. Боданинский У.[А.] Татарские «Дурбе»-мавзолеи в Крыму: из истории искусства крымских татар // ИТОИАЭ. 1927. № 1(58). С. 195–201.
7. Бочаров С.Г., Ситдигов А.Г. Экспедиция по изучению татарской культуры в Крыму // Мирас-Наследие. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3-х т. / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдигов. Т. 1. Казань: Астер Плюс, 2016. С. 22–54.
8. Броневский Мартин. Описание Крыма // Историческое наследие Крыма. 2005. № 10. С. 156–200.
9. Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. Керчь, 1926. № 1. 5 сентября. 6 с.
10. Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. Керчь, 1926. № 3. 7 сентября. 11 с.
11. Гайворонский О. Ханское кладбище в Бахчисарайском дворце: схема и каталог памятников. Симферополь: Доля, 2006. 64 с.
12. Гелах Т. Керченская археологическая конференция // Историк-марксист. 1927. № 3. С. 248–251.
13. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и Крым: в 6 т. Париж, 1843. Т. 5–6 / Под ред. Т.М. Фадеевой. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 328 с.
14. Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2. С. 113–168.
15. Засыпкин Б.Н. Состояние татарских памятников в Крыму // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. Керчь, 1926. № 3. 7 сентября. С. 6.
16. Захаров Н. Керченская археологическая конференция 1926 года // Труды Северо-Кавказской научной ассоциации. 1927. № 26. С. 119–124.
17. Иванов А.А. Надписи из Эски-Юрта // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII – XVI веках / Ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1989. С. 24–31.
18. Карлов С.В. Археологические исследования средневекового поселения Эски-Юрт в г. Бахчисарае // Археологічні дослідження в Україні 2004–2005 рр. / Ред. Н.О. Гаврилюк. Вип. 8. Київ, Запоріжжя, 2006. С. 182–184.
19. Карлов С.В. Новые данные о средневековом поселении Эски-Юрт в Бахчисарае // Откровения древнего Солхата: материалы Международной научно-практической конференции «Сохранение культурного и исторического наследия Крыма. Солхат – центр золотоордынской культуры Крыма: итоги и перспективы исследования, проблемы сохранения памятников» / Ред. А.Г. Герцен. Харьков, 2010. С. 35–76
20. Кирилко В.П. Археологическое исследование мусульманских мавзолеев-дюрбе Бахчисарая // Stratum Plus. 2009. № 6. С. 439–466.
21. Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме: 1666–1667 гг. / Пер. и комм. Е.В. Бахревского. Симферополь: Дар, 1999. 144 с.
22. Ломакин Д.А. Всесоюзная конференция археологов СРСР у Керчі та мусульманські пам'ятки Старого Криму: невідомі сторінки історії вивчення // Праці Центру пам'яткознавства: зб. наук. праць. Київ, 2011. Вип. 20. С. 234–238.

23. Ломакин Д.А. «Старая ставка» крымских ханов: отечественная историография об Эски-Юрте // Золотоордынское обозрение, 2018. Т. 6, № 4. С. 741–765.
24. Ломакина М.А. Крымские древности в акварелях К.Ф. Богаевского: к 150-летию со дня рождения художника. Симферополь: Н. Орианда, 2020. 448 с. (Серия «Биобиблиография крымоведения»; вып. 30).
25. [Манштейн Х.Г.] Описание дворца Хана Крымского и столичного его города Бахчисарая, учиненное по приказу графа Миниха капитаном Манштейном // Отечественные записки. М., 1824. Ч. 19, № 51. С. 75–100.
26. Маркевич А.И. Керченская конференция археологов // Непомнящий А.А. Арсений Маркевич: Страницы истории крымского краеведения. Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. С. 324–326. (Серия «Биобиблиография крымоведения»; вып. 3).
27. Описание Крыма (Tartariqе descriptio) Мартина Броневского // ЗООИД. 1867. Т. 6. С. 333–367.
28. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М.: Наука, 1999. 246 с. (Серия «Научное наследие»; вып. 27).
29. Полканов А.И. История музейного дела и охраны памятников культуры за десять лет Советской власти в Крыму // ИТОИАЭ. 1930. № 4. С. 93–123.
30. Полканов А.И. Охрана памятников старины в Крыму за советский период // ИТОИАЭ. 1928. № 2 (59). С. 173–180.
31. Савёлов Л.М. Из истории сношений Москвы с Крымом при Михаиле Федоровиче. Посольство С.И. Тарбеева в Крым 1626–1628 гг. // ИТУАК. 1905. № 39. С. 1–105.
32. Сказание священника Иакова // ЗООИД. 1850. Т. 2. С. 685–692.
33. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII в. СПб.: Университетская тип-я в Казани, 1887. 772 с.
34. Список памятников местного и национального значения, расположенных на территории Автономной Республики Крым: по состоянию на 01.01.2004 г. Симферополь: Форма, 2004. С. 407–408.
35. Усейн Боданинский. Собрание сочинений. Т. 2: Дневники 1923–1926 гг. / Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; отв. ред. И.В. Зайцев. Казань, Симферополь: Константа, 2018. 264 с.
36. Хливнюк А.В. Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: исследования и документы. Симферополь: СГТ, 2008. 240 с. (Серия «Биобиблиография крымоведения»; вып. 11).
37. Хливнюк А.В. Памятники Крыма. Из истории охраны культурных ценностей в Крыму в 20-е годы XX века: По материалам Центрального муниципального архива Москвы // Историческое наследие Крыма. 2007. № 20. С. 7–18.
38. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.) / Пер. и комм. Е.В. Бахревского. Симферополь: Доля, 2008. 272 с.
39. Чореф М.М. К истории Эски-Юрта // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2008. Вып. I. С. 145–153.

REFERENCES

1. Bakhchisaraiskie arabskie i turetskie nadpisi. *Zapiski Odesskogo obshhestva istorii i drevnostej*, 1848, T. 2, pp. 480–528.
2. Bashkirov A.S., Bodaninskii U.A. Izuchenie material'noy kul'tury krymskikh tatar. *Krasnyi Krym*, Simferopol, 1924, No. 155(1174), 4 noyabrya, p. 2.
3. Bashkirov A.S., Bodaninskii U.A. Pamyatniki Krymsko-Tatarskoy stariny. *Eski-Yurt. Novyi Vostok*, 1925, No. 8–9, pp. 295–311.
4. Bashkirov A.S. Nekotorye maloaziiskie khudozhestvennye traditsii v iskusstve krymskikh tatar po izyskaniyam v Krymu 1924, 1925 i 1926 godov. *Bulleten' Konferentsii arkheologov SSSR v Kerchi № 2*, Kerch, 1926, p. 3.
5. Belyi A.V., Voloshinov A.A., Karlov S.V. Polivnaya keramika zolotoordynskogo vremeni iz Eski-Yurta. Bocharov S.G., Myts V.L. (Eds.), *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII vv.*, Kiev, Stilos Publ., 2005, T. 1, pp. 183–190.

6. Bodaninskii U.A. Tatarskie «Durbe»-mavzolei v Krymu: iz istorii iskusstva krymskikh tatar. *Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arheologii i etnografii*, 1927, No. 1(58), pp. 195–201.
7. Bocharov S.G., Sitdikov A.G. Ekspeditsiya po izucheniyu tatarskoy kul'tury v Krymu. Bocharov S.G., Sitdikov A.G. (Eds.), *Miras-Nasledie. Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoy kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 godakh*, T. 1, Kazan, Aster Plus Publ., 2016, pp. 22–54.
8. Bronevskii Martin. Opisanie Kryma. *Istoricheskoe nasledie Kryma*, Simferopol, 2005, No. 10, pp. 156–200.
9. *Bulleten' Konferentsii arheologov SSSR v Kerchi № 1*, Kerch, 1926, 6 p.
10. *Bulleten' Konferentsii arheologov SSSR v Kerchi № 3*, Kerch, 1926, 11 p.
11. Gaivoronskii O. *Khanskoe kladbishche v Bakhchisaraiskom dvortse: skhema i katalog pamyatnikov*. Simferopol, Dolya Publ., 2006, 64 p.
12. Gelakh T. Kerchenskaya arheologicheskaya konferentsiya. *Istoriik-marksist*, 1927, No. 3, pp. 248–251.
13. Dubua de Monpere F. *Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziiyu, Armeniyu i Krym: v 6 t. Parizh, 1843. T. 5–6*. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2009, 328 p.
14. Zasyupkin B.N. Pamyatniki arkhitektury krymskikh tatar. *Krym*, 1927, No. 2, pp. 113–168.
15. Zasyupkin B.N. Sostoyanie tatarskikh pamyatnikov v Krymu. *Bulleten' Konferentsii arheologov SSSR v Kerchi № 3*, Kerch, 1926, p. 6.
16. Zakharov N. Kerchenskaya arheologicheskaya konferentsiya 1926 goda. *Trudy Severo-Kavkazskoy nauchnoy assotsiatsii*, 1927, No. 26, pp. 119–124.
17. Ivanov A.A. Nadpisi iz Eski-Yurta. Fedorov-Davydov G.A. (Ed.), *Severnoe Prichernomor'e i Povolzh'e vo vzaimootnosheniyakh Vostoka i Zapada v XII–XVI vekakh*, Rostov-na-Donu, Rostovski universitet Publ., 1989, pp. 24–31.
18. Karlov S.V. Arkheologicheskie issledovaniya srednevekovogo poseleniya Eski-Yurt v g. Bakhchisarae. Gavriliuk N.O. (Ed.), *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni 2004–2005 rr.*, Kiiiv, Zaporizhzhza, Dike pole Publ., 2006, pp. 182–184.
19. Karlov S.V. Noveye dannye o srednevekovom poselenii Eski-Yurt v Bakhchisarae. Gertsen A.G. (Ed.), *Otkroveniye drevnego Solkhata: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Sokhraneniye kul'turnogo i istoricheskogo naslediya Kryma. Solkhat – tsentr zolotoordynskoy kul'tury Kryma: itogi i perspektivy issledovaniya, problemy sokhraneniya pamyatnikov»*, Khar'kov, 2010, pp. 35–76
20. Kirilko V.P. Arkheologicheskoe issledovanie musul'manskikh mavzoleev-durbe Bakhchisaraya. *Stratum Plus*, 2009, No. 6, pp. 439–466.
21. *Kniga puteshestviya. Turetskii avtor Evliya Chelebi o Kryme: 1666–1667 gg.* Simferopol, Dar Publ., 1999, 144 p.
22. Lomakin D.A. Vsesoyuzna konferentsiya arheologiv SRSR u Kerchi ta musul'mans'ki pam'yatki Starogo Krimu: nevidomi storinki istoriiivchennya. *Pratsi Tsentru pam'yatkoznavstva*, Kiev, 2011, Vol. 20, pp. 234–238.
23. Lomakin D.A. «Staraya stavka» krymskikh khanov: otechestvennaia istoriografiya ob Eski-Yurte. *Zolotoordynskoe obozrenie*, 2018, T. 6, No. 4, pp. 741–765y
24. Lomakina M.A. *Krymskie drevnosti v akvarelyakh K.F. Bogaevskogo: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya khudozhnika*. Simferopol, Novaya Orianda Publ., 2020, 448 p.
25. Opisanie dvortsa Khana Krymskogo i stolichnogo ego goroda Bakhchisaraya, uchinennoe po prikazu grafa Minikha kapitanom Manshteinom. *Otechestvennyye zapiski*, 1824, Part 19, No. 51, pp. 75–100.
26. Markevich A.I. Kerchenskaya konferentsiya arheologov. Nepomniashchiiy A.A. *Arsenii Markevich: Stranitsy istorii krymskogo kraevedeniya*, Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2005, pp. 324–326.
27. Opisanie Kryma (Tartariqe descriptio) Martina Bronevskogo. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostej*, 1867, T. 6, pp. 333–367.
28. Pallas P.S. *Nabludeniya, sdelannye vo vremya puteshestviya po yuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh*. Moscow, Nauka Publ., 1999, 246 p.

29. Polkanov A.I. Istorija muzeinogo dela i okhrany pamyatnikov kul'tury za desyat' let Sovetskoy vlasti v Krymu. *Izvestija Tavricheskogo obshhestva istorii, arheologii i etnografii*, Simferopol, 1930, No. 4, pp. 93–123.
30. Polkanov A.I. Okhrana pamyatnikov stariny v Krymu za sovetskii period. *Izvestija Tavricheskogo obshhestva istorii, arheologii i etnografii*, Simferopol, 1928, No. 2, pp. 173–180.
31. Saviolov L.M. Iz istorii snoshenii Moskvy s Krymom pri Mikhaile Fedoroviche. Posol'stvo S.I. Tarbeeve v Krym 1626–1628 gg. *Izvestija Tavricheskoy uchenoj arheologicheskoy komissii*, Simferopol, 1905, No. 39, pp. 1–105.
32. Skazanie svyashchennika Iakova. *Zapiski Odesskogo obshhestva istorii i drevnostej*, 1850, T. 2, pp. 685–692.
33. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhoventvom Ottomanskoj porty do nachala XVIII v.* St-Petersburg, Universitetskaya tipografiya v Kazani, 1887, 772 p.
34. *Spisok pamyatnikov mestnogo i natsional'nogo znacheniya, raspolozhennykh na territorii Avtonomnoy Respubliki Krym: po sostoyaniyu na 01.01.2004 g.* Simferopol, Forma Publ., 2004, pp. 407–408.
35. *Sobranie sochinenii Useina Bodaninskogo. T. 2: Dnevniky 1923–1926 gg.* Kazan, Simferopol, Konstanta Publ., 2018, 264 p.
36. Khlivnuk A.V. *Okhrana i izuchenie pamyatnikov istorii i kul'tury v Krymskoy ASSR: issledovaniya i dokumenty.* Simferopol, SGT Publ., 2008, 240 p.
37. Khlivnuk A.V. Pamyatniki Kryma. Iz istorii okhrany kul'turnykh tsennostei v Krymu v 20-e gody XX veka: Po materialam Tsentral'nogo munitsipal'nogo arkhiva Moskvy. *Istoricheskoe nasledie Kryma*, Simferopol, 2007, No. 20, pp. 7–18.
38. Evliya Chelebi. *Kniga puteshestviya. Krym i sopredel'nye oblasti (izvlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII v.)*. Simferopol, Dolya Publ., 2008, 272 p.
39. Choref M.M. K Istorii Eski-Yurta. *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma*, 2008, Vol. I, pp. 145–153.

Информация об авторе

Ломакин Д. А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма, старший научный сотрудник Музея истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: Q-4428-2017.

Information about the author

Lomakin D. A. – Candidate of Science (History), Senior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre and Senior Researcher at the University History Museum of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: Q-4428-2017.

ПАМЯТНИКИ ЭСКИ-ЮРТА В АКВАРЕЛЯХ К. Ф. БОГАЕВСКОГО

Мария Александровна Ломакина

Крымский этнографический музей, Симферополь, Россия, Aibabina87@mail.ru

Аннотация. Представлены акварели К. Ф. Богаевского, выявленные в фондах Бахчисарайского историко-культурного археологического музея-заповедника и Феодосийского музея древностей (всего 12 работ), с видами средневековых культовых памятников Эски-Юрта. Выполнен искусствоведческий анализ работ, рассмотрена их история создания. Подчеркнута значимость рисунков при научном исследовании объектов культурного наследия Бахчисарая, воссоздании их идентичного вида, локализации и идентификации, изучении памятникоохранной деятельности в Крыму в 20-е годы XX века.

Ключевые слова: К. Ф. Богаевский, акварель, КрымОХРИС, Эски-Юрт, Азиз, дюрбе, историко-архитектурный памятник

THE MONUMENTS OF ESKI-YURT ON K. F. BOGAEVSKII'S WATERCOLOURS

Maria A. Lomakina

Crimean Ethnographic Museum, Simferopol, Russia, Aibabina87@mail.ru

Abstract. This paper presents K. F. Bogaevskii's watercolours residing in the collection of the Bakhchisarai Historical, Cultural, and Archaeological Museum Preserve and the Feodosia Museum of Antiquities (12 pieces total), featuring the views of mediaeval religious monuments in Eski-Yurt. The art historic analysis of the watercolours in question has been made, and the history of their making has been studied. The paper underlines the importance of the drawings in question for the academic researches of the cultural heritage monuments in Bakhchisarai, for the reconstruction of their identical appearance, their positioning and identification, as well as for the researches in the monument-protection works in the Crimea in the 1920s.

Keywords: K. F. Bogaevskii, watercolour, КрымОКHRIS, Eski-Yurt, Aziz, türbe, monument of history and archaeology

В собрании «охрисовских» работ феодосийского художника Константина Федоровича Богаевского (1872–1943) особым подходом к изображению старинных построек, ярким охристо-изумрудным колоритом, с применением разных оттенков лилово-коричневого цвета выделяется серия акварелей с видами средневековых памятников Бахчисарая. Среди них выявлено двенадцать с изображениями культовых построек Эски-Юрта. 11 работ хранятся в фондах Бахчисарайского историко-культурного археологического музея-заповедника (БИКАМЗ) и 1 акварель – в Феодосийском музее древностей (ФМД).

Селение Эски-Юрт («старое становище», «старая ставка»), находящееся в западной части обширной Бахчисарайской долины, получило свое название после основания ханского дворца в Бахчисарае. Жизнь на городище Эски-Юрта шла активно с 70-х гг. XIV в. до 20-х гг. XV в. [6, с. 27–30], т. е. в золотоордынский период. Исследователями отмечается большое сходство в месторасположении и топографии, ряд общих черт в развитии Солхата и Эски-Юрта, двух важнейших ордынских центров в восточном и западном Крыму, находившихся во взаимодействии: в Эски-Юрте были обнаружены надгробия выходцев из этого города. Это было немалое по площади поселение, возникшее на древнем торговом пути [2, с. 90]. К этому времени относится его некрополь Кырк-Азизлер. Площадь кладбища была обширной, она составляла более 5,5 га [8, с. 748]. Исследование погребений и надгробий некрополя, проведенное в 1924 г. экспедицией И. Н. Бороздина, позволило датировать их второй половиной XIV – началом XV в. Было выявлено более пяти типов надгробий и надгробных сооружений, купольных гробниц, составивших т. н. «аллею» склепов [8, с. 749–751]. В пределах Эски-Юрта находился азиз Малик Аштера – почитаемое место, связанное с легендарным захоронением сподвижника халифа Али.

Селение Азиз входило в территорию крупного поселения Эски-Юрт. Махалле Азиз получило название по старому квартальному кладбищу. На некрополе Азиза сохранились мавзолеи хана Мехмеда II Гирея и его сына Сафа Гирея (вторая половина XVI – первая треть XVII вв.), а также дюрбе знатных особ: Бей-Юде-Султан (начало XV в.), Ахмед-бея (XIV–XV вв.), Мехмед-бея (XVI в.), каменный минарет (XVI в.). Кладбище Эски-Юрта в XVII в. считалось основным местом погребения ханской семьи [3, с. 13, 47; 13, с. 148].

1. **Дюрбе Мухаммед-Бея.** 1925. Бумага, акварель. 37,1x47,2. БИКАМЗ, инв. № Г-1 (№ по КП – 1598). Из довоенных поступлений. В нижнем левом углу авторская подпись: К.Б. 25 [9, с. 298] (рис. 1–2).

Мавзолей (дюрбе) – четырехгранное со скошенными углами строение, имеющее монументальный вид, изображено с юга. К арочному входу пристроен портал, от которого сохранился левый пилон со стрельчатой нишей. На стене из тесаного камня серо-лиловым цветом выделены следы примыкания правого пилона и перекрытия. Купол, выложенный камнем, стоит на восьмигранном невысоком барабане. Портальную стену и нишу украшают рельефные розетки, над входом – плоская плита с надписью, выделяющаяся на поверхности стены. Дюрбе полностью сохранилось, но имеет утраты: разрушены портал¹ и покрытие купола, открыт вход. Вокруг мавзолея широкое пустое пространство, вдали виднеются окруженные садами дома поселения Эски-Юрт и закрывающие его с севера плоские горы. Утреннее солнце заливает светом всю долину. Легкие лилово-серые тени ложатся на гладкие грани стен, подчеркивают строгие геометрические формы.

Дюрбе Мухаммед-Шах-бея (дюрбе Бей-Юде-Султан, «Старинное Дюрбе») расположено на некрополе поселения Эски-Юрт на некотором удалении от сохранив-

¹ К моменту визита Ф. Дюбуа де Монпере в Бахчисарай в 1833 году портал мавзолея был цел [4, с. 277].

шихся трех мавзолеев Азиза. В плане – правильный квадрат со стороной 5,45 м [7, с. 452–463]. Стены небольшого приземистого здания снаружи и портал облицованы гладкотесаным камнем, внутри кладка грубая, из необработанного камня. Небольшие оконные проемы расположены в западной и восточной стенах. Внутри помещение двухъярусное: поминальный зал, под ним – склеп. Купол – на парусных сводах. Постройка к 20-м годам прошлого века сохранялась не полностью: был разрушен восточный пилон портала. Применение в архитектонике мавзолея приема перехода кубического нижнего яруса к восьмиграннику барабана с помощью скоса углов (составляет почти половину высоты ребра) характерно для ряда малоазийских купольных мечетей Кони и Каира [5, с. 117]. Сельджукские малоазийские элементы и формы в архитектуре и декоре мусульманских сооружений и надгробий прослеживаются на территории полуострова в массовом количестве, с начала XIV в. можно говорить о преимущественном распространении малоазийской стилистики в архитектуре, строительстве и пластике Крыма [1, с. 174–177].

Дата постройки спорна, вероятной является начало XV в. [3, с. 47]. Наиболее поздняя дата возведения мавзолея – последняя четверть XVIII в. – предложена В. П. Кирилко. Им же выполнены детальные обмеры, проведены археологические исследования памятника [7, с. 463]. На плите, находящейся над входным проемом в южной стене, размещена арабская надпись: «Эту гробницу приказал построить Мухаммед-шах-Бей, сын Мухаммед-Бея, для своей матери Бей-Юде-Султан, дочери Аджаган-Бея» [13, с. 149]. Одна из розеток, расположенных над входом, украшена семиконечной звездой. В этой части некрополя дюрбе, по-видимому, было не единственным, поблизости находились руины еще двух подобных мавзолеев [4, с. 277].

В 1927 г. пол дюрбе был провален в склеп и засыпан строительным мусором. В 1991 г. в рамках программы по реставрации памятников мусульманской архитектуры региона сотрудниками Крымской комплексной архитектурно-реставрационной мастерской института «Укрпроектреставрация» совместно с Научно-производственным предприятием «Къысмет» выполнены обмеры мавзолеев Салачика и Эски-Юрта. На двух из них – Мухаммед-Шах-бея и Хаджи-Гирея – силами Горно-Крымской археологической экспедиции Института археологии АН Украины под руководством В. Л. Мыца проведены археологические исследования. На основании выполненных работ осуществлена реконструкция портала сооружения. В начале XXI в. были проведены первоочередные работы по укреплению стен и купола памятника.

2. **Дюрбе Мухаммед Шах-Бея.** 1925. Бумага, акварель. 34,5х46,5. БИКАМЗ, инв. № Г-28 (№ по КП – 1625). Из довоенных поступлений. В нижнем правом углу авторская подпись: К.Б. 25 [9, с. 302] (рис. 3–4).

Мавзолей Бей-Юде-Султан, вид с юго-востока. Видна форма ниши портала со сталактитовой конхой (два ряда). На восточной стене – небольшое прямоугольное окно.

3. **Дюрбе Мухаммед Шах-Бея.** 1925. Бумага, акварель. 34,5х46,5. БИКАМЗ, инв. № Г-29 (№ по КП – 1626). Из довоенных поступлений. В нижнем правом углу авторская подпись: К.Б. 25 [9, с. 304] (рис. 5–6).

Мавзолей Бей-Юде-Султан, вид с северо-востока. Стены постройки сложены из крупных прямоугольных блоков тесаного светлого известняка, купол – из плоского мелкого камня. Облицовка купола отсутствует. На гладкой поверхности стен видны округлые выбоины.

На трех видах мавзолея (№№ 1–3), сделанных с разных позиций, постройка изображена детально, отражены все особенности ее архитектоники. Дюрбе – единственный сохранившийся памятник некрополя в северо-восточной части Эски-Юрта. Вокруг дюрбе пустынная площадь. В настоящее время мавзолей находится на незастроенном участке, территория средневекового поселения занята одноэтажной застройкой.

4. **Дюрбе Ахмет-Бей.** 1925. Бумага, акварель. 42,4x47,3. БИКАМЗ, инв. № Г-4 (№ по КП – 1601). Из довоенных поступлений. В нижнем правом углу авторская подпись: К.Б. 25 [9, с. 306] (рис. 7–8).

Участок некрополя Азиза с мавзолеем и надгробиями в виде лежащих прямоугольных плит со стелами, обнесенный с двух сторон каменной стеной, вид с запада. Дюрбе Ахмед-бей – кубовидное сооружение с восьмигранным барабаном и граненым куполом, покрытым черепицей. Нижний ярус переходит в барабан с помощью угловых скосов под прямым углом. Стены сложены из прямоугольных и квадратных блоков тесаного известняка. Профилированный карниз на скосах углов и верхней линии барабана украшает гладкую монолитную поверхность кладки, которую нарушают только небольшие узкие окошки-бойницы в нижней части стен. Окна были частично заложены большими плитами (вероятно, надгробными). Они выделяются светлыми пятнами на лиловато-серой поверхности стен². Кусты травы на крыше и куполе здания, приставленные к стенам стелы разрушенных надгробий с навершиями в виде чалмы или шапочки передают вид памятника в состоянии запустения.

Вместе с тем, мавзолей, обнесенный каменной стеной, выглядит презентабельно. Мавзолей – квадратное сооружение со стороной 7,15 м, выполнен в строгих, лаконичных геометрических формах, лишен декоративных деталей. Купол внутри поддерживается парусным сводом. Дюрбе освещалось пятью оконными проемами: по два окна на южной и западной сторонах, одно – на северной. На южном и западном фасадах установлены две эпиграфические мраморные плиты, вероятно, являющиеся надгробиями, содержание надписей – строки из корана. В западный фасад вмонтирована плита с пышной розеткой и цветочным орнаментом. В августе 1921 г. близ дюрбе была обнаружена мраморная надгробная стела с именем «счастливого мученика Ахмед-бей, сына Ибрагим-бей», датированная 965 г. хиджры (1557 г.). Время постройки дюрбе: XIV–XV вв. [3, с. 47] или XVI в. Подобный тип архитектуры, вероятно, был распространенным среди мавзолеев полуострова [5, с. 120]. Некрополь с мавзолеем находился в непосредственной близости от мечети-текие (не сохранилась) и отдельно стоящим на постаменте минаретом. Весь комплекс построек был обнесен стеной. В послевоенное время огражденная территория с мавзолеем Ахмед-бей была поделена

² Закладку оконных проемов дюрбе надгробными плитами отметил в своих записках Ф. Дюбуа де Монпере [4, с. 277].

между гаражом автошколы и будущим рынком. В 1987 г. территория средневекового мусульманского кладбища заасфальтирована и огорожена для открывшегося здесь колхозного рынка (просуществовал до 2006 г.). Сохранившиеся дюрбе Ахмед-бея и минарет (мимбар) находятся в окружении хозяйственной и жилой застройки.

5. Дюрбе Ахмет-Бея на Азизе. 1925. Бумага, акварель. 38x47,2. БИКАМЗ, инв. № Г-19 (№ по КП – 1616). Из довоенных поступлений. В нижнем правом углу авторская подпись: К.Б. 25 [9, с. 308] (рис. 9–10).

Мавзолей Ахмед-бея, вид с юга. В северной стене находится прямоугольный вход, в южной – два узких окна, в восточной – одно. Слева на заднем плане виден минарет на высоком постаменте с входом и лестницей с восточной стороны. Надгробия некрополя, окружающего дюрбе, нескольких форм: столбовидные с навершием в виде чалмы, плоские низкие вертикальные плиты со стрелчатый верхом, прямоугольные надгробные плиты со вставленными в них стелами. Некрополь зарос высокой травой, часть надгробий покосилась. На крыше здания буйно разрослась трава. Детали архитектуры и пейзажа прописаны тщательно. Колорит далеких гор, строений и надгробий некрополя охристо-лиловый, легкая синева прозрачного неба, послеполуденные сиреневые тени передают состояние покоя. Отдельно стоящий минарет сооружен на высоком постаменте. Лестница в двенадцать ступеней, ведущая к входу в южной стене, стоит на узком пандусе. Минареты в виде граненой башенки с граненой шатровой крышей известны в культовых постройках Бахчисарая [10, с. 520–521, рис. 518–519; 11, с. 92, рис. 654; 13, с. 54, 57, 69]. Минарет на Азизе отличается более изящными пропорциями. Подобные минареты с восьмигранным и четырехгранным телом, встроенные или пристроенные к зданию мечети, составляют один из типов подобных элементов в культовой мусульманской архитектуре полуострова.

6. Минарет и две гробницы. 1925. Бумага, акварель. 36,4x44,2. БИКАМЗ, инв. № Г-32 (№ по КП – 1629). Из довоенных поступлений. В нижнем правом углу авторская подпись: К.Б. 25 [9, с. 310] (рис. 11–12).

Комплекс мавзолеев Азиза, изображен с западной стороны: минарет, дюрбе Ахмед-бея, обнесенные оградой. За ними, в отдалении – дюрбе Мухаммеда Гирея II. В начале прошлого века рядом с мавзолеями сформировался жилой квартал. Верхняя часть минарета с арочными окошками украшена профилированным карнизом, повторяющимся в основании остроконечной шатровой крыши, завершенной аломом. Высокий забор сложен из бутового камня с углами из тесаных блоков, верхняя часть ограды покрыта черепицей. Была выбрана точка, с которой видны все три сохранившиеся расположенные рядом культовые строения. Свет яркого солнца заливает все пространство, легкие лиловые тени выделяют грани архитектуры. Сохранившийся минарет относится к культовому комплексу Азиза, возникшему в XVII в., куда входила мечеть, служившая одновременно в качестве текие общины суфиев. В 1914 г. в результате проведенной реконструкции была возведена новая мечеть-текие (разрушена в 1955 г.) [13, с. 157–158]. Культовый комплекс с мечетью возник в непосредственной близости от ранее существовавшего некрополя, о чем свидетель-

ствует постройка мавзолея Ахмед-бея. По сведениям Э. Челеби, азиз Малик-Аштера в виде площадки, отмеченной двумя столбами (имитация надгробия?), был создан рядом с мечетью [15, с. 150]. Таким образом, на акварели в ограде запечатлены сохранившиеся постройки центральной части мусульманской святыни Азиза.

7. Мавзолей на Азизе. 1925. Бумага, акварель. 33,5x44. БИКАМЗ, инв. № Г-44 (№ по КП – 1641). Из довоенных поступлений. В нижнем правом углу авторская подпись: К.Б. 25 [9, с. 312] (рис. 13–14).

На переднем плане на пустынной площади – мавзолей Мухаммед-бея («Малый восьмигранник»), вид с запада. Правее в отдалении – мавзолей Мухаммед Гирея II. Свободная от застройки территория Азиза окружена городскими жилыми домами. Дюрбе Мухаммед-бея – высокое восьмигранное строение с граненым куполом. Ребра граней выделены полуколонками, верхняя часть – профилированным карнизом. Купол покрыт черепицей, зарос травой, алем не сохранился. Стены мавзолея сложены из гладко тесаного камня, на двух гранях видны небольшие прямоугольные замурованные окна (всего три окна, расположенные на гранях, чередующихся с глухими). Дюрбе стоит на невысоком цоколе, заплывшем землей, он виден с одной стороны постройки. Мавзолей Мухаммед-бея – монолитное центрическое сооружение, диаметр 7 м. Купол внутри поддерживается полуциркульными арками боковых граней. Точная дата строительства не установлена. Предположительно, усыпальница возведена для Мухаммед-бея, умершего в 1577 г. [3, с. 47; 13, с. 154]. Гладкие стены лишены декора. Дюрбе хана Мухаммед Гирея II находится в таком же состоянии: стены и купол поросли травой. Светлая свежая зелень, синее небо, охристые тона передают картину яркого дня. Пустынное пространство, где расположены мавзолей, территория ныне несуществующего некрополя, находится в окружении частных усадеб. В послевоенное время здание мавзолея использовалось в качестве склада.

8. Древнее дюрбе на Азизе. 1925. Бумага, акварель. 32,5x46,5. БИКАМЗ, инв. № Г-22 (№ по КП – 1619). Из довоенных поступлений. В нижнем правом углу авторская подпись: К.Б. 25 [9, с. 314] (рис. 15–16).

Мавзолей Мухаммед-бея в окружении жилых домов, вид с юга. Возле дюрбе видны отдельно лежащие плиты разрушенных надгробий некрополя, с правой стороны – стоящая стела с чалмообразным навершием. Дома городских усадеб под черепичными крышами – застройка территории, которая появилась здесь в позднейший период.

9. Древнее дюрбе на Азизе. 1925. Бумага, акварель. 39x47,5. БИКАМЗ, инв. № Г-23 (№ по КП – 1620). Из довоенных поступлений. В нижнем правом углу авторская подпись: К.Б. 25 [9, с. 316] (рис. 17–18).

Мавзолей Мухаммед-бея, вид с юго-востока. На акварели мавзолей приближен к переднему плану. Это позволяет рассмотреть детали: обрамление окон тесаными блоками светлого камня. Кладка стен из гладко обработанных блоков прорисована тонкой кистью. Вокруг дюрбе – в беспорядке лежащие плиты разрушенных надгробий некрополя. Одно из них уцелевшее, с чалмообразным навершием, находится возле стены мавзолея. Мавзолей изображен в окружении жилой застройки на фоне синееющих вдали гор.

Светлые прозрачные тона колористического решения трех изображений мавзолеев Азиза (№№ 7–9), общая манера изображения с четким выделением объемов, тонкой прорисовкой деталей свидетельствует о том, что акварели, вероятно, были выполнены серией, в один прием.

10. **Дюрбе Азиз и мечеть в Бахчисарае.** 1920-е. Бумага, акварель. 31,5х47,5. ФМД, инв. № Г-1 (КП 59/1 – 24.12.1953). Государственный каталог, № 7973924. Дар К. Ф. Богаевского до 1941 г. [9, с. 318; 12, с. 89] (рис. 19–20).

Панорама некрополя Азиза с мавзолеем хана Мухаммед Гирея II, справа – мавзолей Ахмед-бея за высоким забором. Расположен на небольшой возвышенности, окружен надгробиями средневекового некрополя. С южной стороны к некрополю примыкает жилая застройка городского района. Вид с северо-запада.

Мавзолей хана Мухаммед Гирея II («Большой восьмигранник») – величественное центрическое сооружение из плотно пригнанных блоков тесаного известняка (высота 17 м, диаметр 9 м). Нижняя часть – двухъярусный восьмигранник с четко выраженными плоскостями стен. Купол сферический на шестнадцатигранном барабане. Внутри мавзолея восемь стрельчатых арок, на которых покоится высокий купол. Оконные проемы расположены в два яруса, нижние прямоугольные, верхние – стрельчатого контура. Ребра граней выполнены в виде полуколонн с полукруглыми пилястрами. Окна и каждая сторона имеют профилировку, по верху здания и барабана проходит выступающий профилированный карниз. Постройка мавзолея отнесена к концу XVI – первой трети XVII вв. [3, с. 47]. Сооружен до 1584 г. (992 г. хиджры), времени погребения в нем хана Мухаммед Гирея II и его сына Сафа Гирея. Согласно одному из местных преданий, мавзолей возведен на средства погребенной в нем дочери персидского шаха, бывшей замужем за крымским ханом [13, с. 151–153]. Ф. Дюбуа де Монпере оставил следующую запись: «Около этих древних дюрбе группируются три мавзолея, более современные и богатые. Самый красивый, вне всякого сомнения, тот, что находится ближе к мечети Эски-Юрта. Он построен в самом изящном мавританском стиле. <...> Нижние окна были обрамлены прекрасным белым мрамором, лучшие куски которого похищены. Саркофаги из белого мрамора прекрасной работы, покрытые рельефно высеченным узором из цветов и розеток, были ограблены. Железная крыша сильно пострадала» [4, с. 277]. А. Х. Стевен в 1891 г. отметил, что «свинцовая крышка и часть карнизов, а также пол, окна и еще некоторые части в главном из <...> мавзолеев, равно как и те же почти части в двух других, требуют починки. Находится в ведении градской полиции» [14, с. 51–52]. В 1946–1948 гг. в мавзолее была устроена весовая мастерская, впоследствии вокруг дюрбе находилась автомобильная стоянка. В 1962–1963 гг. по проекту научно-исследовательского и проектного секторов Украинских специальных научно-реставрационных мастерских произведены фрагментарные реставрационные работы. В 2004 г. Бахчисарайским заповедником осуществлен ремонт стен мавзолея. В 2007 г. частной фирмой «РиА» выполнены инженерно-геодезические изыскания [13, с. 151–153].

11. **Дюрбе Мухаммед-Гирея.** 1925. Бумага, акварель. 37,5x45. БИКАМЗ, инв. № Г-6 (№ по КП – 1603). Из довоенных поступлений. В нижнем правом углу авторская подпись: К.Б. 25 [9, с. 322] (рис. 21–22).

Дюрбе хана Мухаммед-Гирея II и участок некрополя с разбросанными в беспорядке надгробиями, вид с северо-запада. Окна нижнего яруса дюрбе заложены, верхние – заложены частично. Здание величественно возвышается на фоне находящихся в отдалении жилых зданий современного вида. Детали архитектуры четко выделены. Полуколонны ребер и профилировка граней подчеркивают стройность пропорций, выделяют дюрбе среди построек Азиза. Светлые тона архитектуры передают натуральный цвет постройки из известняка. Над входом была вставлена плита с надписью. Мавзолей стоит на невысоком узком цоколе.

12. **Гробница Мохаммед-Гирея.** 1925. Бумага, акварель. 36,5 x 41,5. БИКАМЗ, инв. № Г-20 (№ по КП – 1617). Из довоенных поступлений. В нижнем правом углу авторская подпись: К.Б. 25 [9, с. 324] (рис. 23–24).

Восточный фасад дюрбе с прямоугольным входным проемом. Акварели мавзолея Мухаммед-Гирея II (№№ 11–12) написаны в одно время: светлый колорит с лилово-охристыми тонами архитектуры, нежной зеленью травы, подход к изображению архитектуры являются общими для этих работ.

Скопление мавзолеев в одном районе долины обусловлено местонахождением здесь ордынского некрополя, крупнейшего и, вероятно, наиболее раннего в предгорном районе. Статус поселения обеспечил возникновение могильника с погребениями знатных персон, архитектурно выделяющихся и, очевидно, занимающих определенную территорию: мавзолеи, кроме дюрбе Мухаммед Шах-бея, расположены вблизи друг от друга. В настоящее время район Азиза является практически центром города Бахчисарая, где располагаются значимые для современного города объекты: железнодорожный вокзал, шоссе, пересекающее этот район с северо-запада на юг, административные здания, торговые объекты. Азиз – один из нескольких культурных центров в градостроительной структуре Бахчисарая, вместе с ханским дворцом, районом Салачик, Свято-Успенским монастырем и городищем Чуфут-кале. Органы охраны памятников начала XX века привлекали не только сами культурные объекты, но и их полная неизученность, что послужило поводом для создания акварельного цикла архитектурных памятников Эски-Юрта. К. Ф. Богаевский не только показал их внешний вид, пропорции, архитектонику, но и, как всегда, «перевыполнил» задачу, отразив окружающий ландшафт, далекую перспективу Бахчисарайской долины, предосенние краски природы, растительность – родные крымские тополя, пышные деревья Азиза, луговые травы вокруг дюрбе и погребений. Линию горизонта на акварелях художник расположил низко, это делает постройки архитектурно более значительными, выделяя их на фоне высокого голубого облачного неба, протяженных низких домов, горизонтальных линий далеких гор. Мавзолеи выступают доминантой в окружающем их пространстве, напоминая о далеких степных просторах.

Рис. 1. Богаевский К. Ф. Дюрбе Мухаммед-Бея. 1925. Бумага, акварель. 37,1x47,2. БИКАМЗ, инв. № Г-1

Рис. 2. Эски-Юрт. Азиз. Дюрбе Мухаммед-Шах-бея. Вид с юго-запада. Фото 1924 г. [по: 10, с. 24, рис. 17]

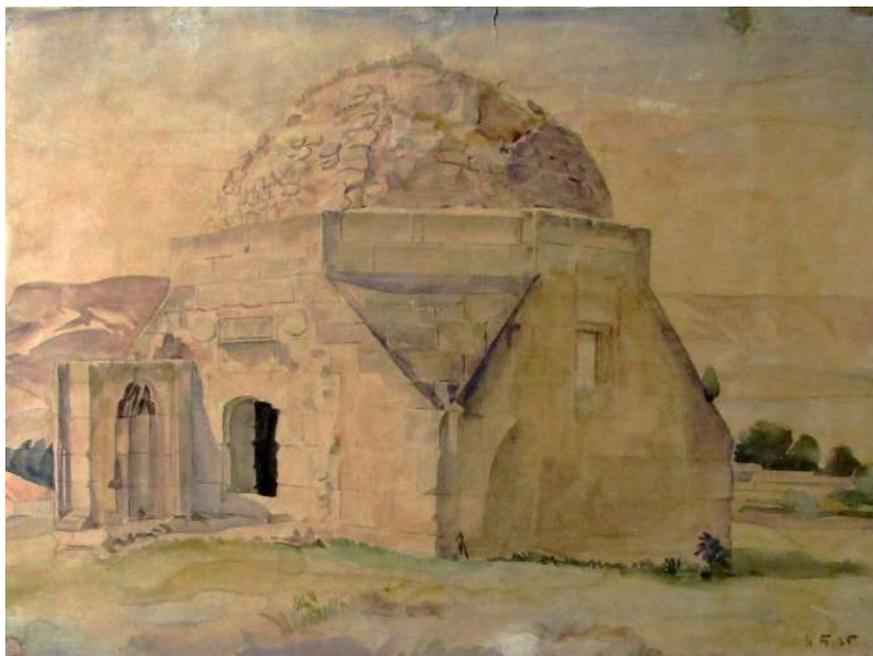

Рис. 3. Богаевский К. Ф. Дюрбе Мухаммед Шах-Бей. 1925. Бумага, акварель. 34,5x46,5. БИКАМЗ, инв. № Г-28

Рис. 4. Эски-Юрт. Азиз. Дюрбе Мухаммед-Шах-бей. Вид с юго-востока. Фото 1924 г. [по: 10, с. 22, рис. 15]

Рис. 5. Богаевский К. Ф. Дюрбе Мухаммед Шах-Бей. 1925. Бумага, акварель. 34,5x46,5. БИКАМЗ, инв. № Г-29

Рис. 6. Дюрбе Мухаммед-Шах-бей. Портал. Вид с северо-запада. 2018 г. Фото автора

Рис. 7. Богаевский К. Ф. Дюрбе Ахмет-Бея. 1925. Бумага, акварель. 42,4х47,3. БИКАМЗ, инв. № Г-4

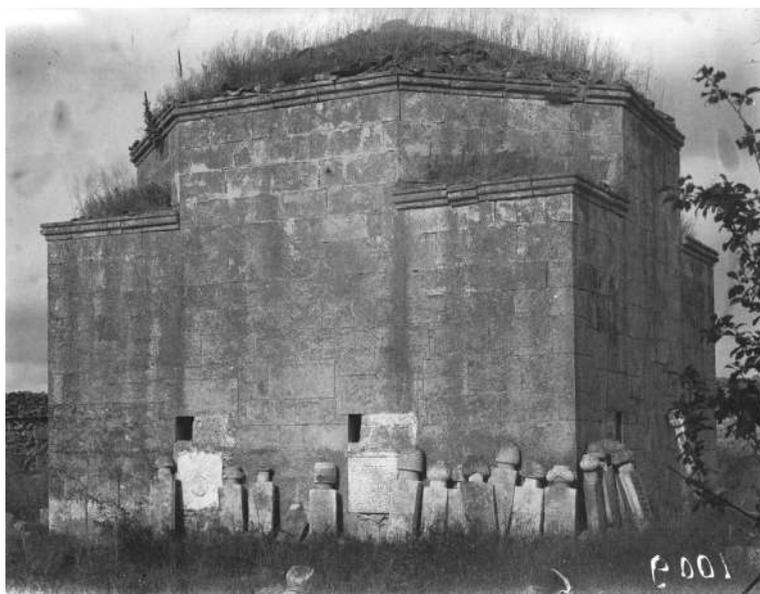

Рис. 8. Эски-Юрт. Азиз. Дюрбе Ахмед-бея. Вид с запада. Фото 1924 г. [по: 10, с. 32, рис. 25]

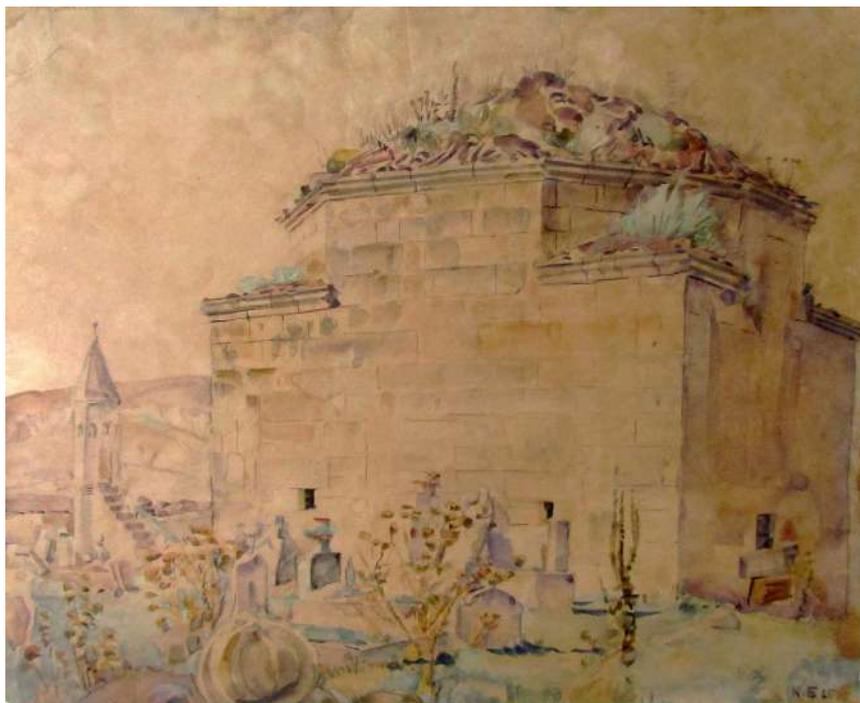

Рис. 9. Богаевский К. Ф. Дюрбе Ахмет-Бея на Азизе. 1925. Бумага, акварель. 38x47,2. БИКАМЗ, инв. № Г-19

Рис. 10. Эски-Юрт. Азиз. Дюрбе Ахмед-бея. На заднем плане слева – мимбар Ахмед-бея. Фото 1924 г. [по: 10, с. 31, рис. 24]

Рис. 11. Богаевский К. Ф. Минарет и две гробницы. 1925. Бумага, акварель. 36,4x44,2. БИКАМЗ, инв. № Г-32

Рис. 12. Мимбар на территории Азиза. 2017 г.
Фото автора

Рис. 13. Богаевский К. Ф. Мавзолеи на Азизе. 1925. Бумага, акварель. 33,5х44. БИКАМЗ, инв. № Г-44

Рис. 14. Эски-Юрт. Азиз. Дюрбе «Малый восьмигранник», на заднем плане – «Большой восьмигранник». Фото 1924 г. [по: 10, с. 30, рис. 23]

Рис. 15. Богаевский К. Ф. Древнее дюрбе на Азизе. 1925. Бумага, акварель. 32,5х46,5. БИКАМЗ, инв. № Г-22

Рис. 16. Дюрбе Мухаммед-бея. Вид с севера. 2018 г. Фото автора

Рис. 17. Богаевский К. Ф. Древнее дюрбе на Азизе. 1925. Бумага, акварель. 39x47,5. БИКАМЗ, инв. № Г-23

Рис. 18. Эски-Юрт. Азиз. Дюрбе Мухаммед-бея. Фото 1924 г.
[рис. по: 10, с. 29, рис. 22]

Рис. 19. Богаевский К. Ф. Дюрбе Азиз и мечеть в Бахчисарае. 1920-е. Бумага, акварель. 31,5x47,5. ФМД, инв. № Г-1

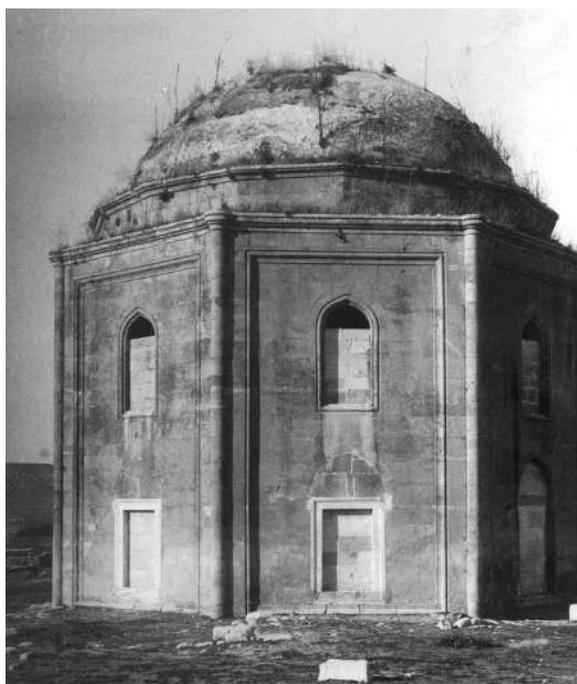

Рис. 20. Эски-Юрт. Азиз. Дюрбе «Большой восьмигранник». Фото 1924 г. [по: 10, с. 15, рис. 8]

Рис. 21. Богаевский К. Ф. Дюрбе Мухаммед-Гирея. 1925. Бумага, акварель. 37,5х45. БИКАМЗ, инв. № Г-6

Рис. 22. Эски-Юрт. Азиз. Дюрбе «Большой восьмигранник». Вид с северо-запада. Фото 1924 г.
[по: 10, с. 19, рис. 12]

Рис. 23. Богаевский К. Ф. Гробница Мохаммед-Гирея. 1925. Бумага, акварель. 36,5x41,5. БИКАМЗ, инв. № Г-20

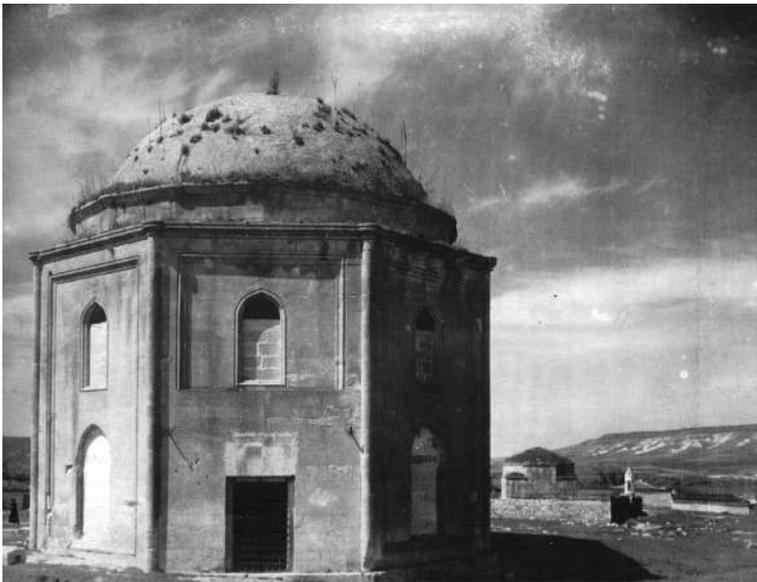

Рис. 24. Эски-Юрт. Азиз. Дюрбе «Большой восьмигранник». Вид с востока. На дальнем плане в центре – дюрбе Ахмет-бея, справа – мимбар Ахмет-бея. Фото 1924 г. [по: 10, с. 17, рис. 10]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабина Е.А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII вв. Симферополь: Сонат, 2001. 279 с.
2. Гайворонский О. Мысли об Эски-Юрте // Восточная нумизматика на Украине. Ч. 2: Монеты Джучидов XIII–XV веков и сопредельных государств / Ред. К.К. Хромов. Киев: Купола, 2007. С. 85–98.
3. Гайворонский О. Ханское кладбище в бахчисарайском дворце. Симферополь: Доля, 2006. 64 с.
4. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и Крым: в 6 т. Т. 5–6 / Ред. Т.М. Фадеева. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 328 с.
5. Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2(4). С. 113–168.
6. Иванов А.А. Надписи из Эски-Юрта // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках / Ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1989. С. 24–31.
7. Кирилло В.П. Археологическое исследование мусульманских мавзолеев-дюрбе Бахчисарая // *Stratum plus*. 2009. № 6. С. 439–466.
8. Ломакин Д.А. «Старая ставка» крымских ханов: отечественная историография об Эски-Юрте // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 4. С. 741–765.
9. Ломакина М.А. Крымские древности в акварелях К.Ф. Богаевского: к 150-летию со дня рождения художника. Симферополь: Н. Орианда, 2020. 448 с. (Серия «Биобиблиография крымоведения»; вып. 30).
10. Мирас–Наследие. Татарстан–Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3-х т. Т. 2 / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдилов. Казань: Издат-Принт, 2016. 572 с.
11. Мирас–Наследие. Татарстан–Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3-х т. Т. 3 / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдилов. Казань: Астер-Плюс, 2017. 720 с.
12. Памятники крымской старины в графике К.Ф. Богаевского. Альбом иллюстраций / авт.-сост. И. Баранов. Киев: Энергия плюс, 2006. 95 с.
13. Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Т. 1: Бахчисарай / Ред. Р.С. Хакимов. Симферополь: Форма, 2016. 168 с.
14. Стевен А.Х. Дела архива Таврического губернаторского правления, относящиеся до разыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии // ИТУАК. 1891. № 13. С. 33–54.
15. Челеби Эвлия. Книга путешествия. Крым и сопредельные области: извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века / пер. Е.В. Бахревского. Симферополь: Медиацентр им. И. Гаспринского, 2017. 312 с.

REFERENCES

1. Aibabina E.A. *Dekorativnaia kamennaia rez'ba Kafy XIV–XVIII vv.* Simferopol, Sonat Publ., 2001, 279 p.
2. Gaivoronskii O. Mysli ob Eski-Iurte. Khromov K.K. (Ed.), *Vostochnaia numizmatika na Ukraine. Part 2: Monety Dzhuchidov XIII–XV vekov i sopredel'nykh gosudarstv*, Kiev, Kupola Publ., 2007, pp. 85–98.
3. Gaivoronskii O. *Khanskoe kladbishche v bakhchisaraiskom dvortse*. Simferopol, Dolia Publ., 2006, 64 p.
4. Diubua de Monpere F. *Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziiu, Armeniiu i Krym*. T. 5–6, Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2009, 328 p.
5. Zasyppkin B.N. *Pamiatniki arkhitektury krymskikh tatar. Krym*, 1927, No. 2(4), pp. 113–168.
6. Ivanov A.A. *Nadpisi iz Eski-Iurta*. Fedorov-Davydov G.A. (Ed.), *Severnoe Prichernomor'e i Povolzh'e vo vzaimootnosheniakh Vostoka i Zapada v XII–XVI vekakh*, Rostov-na-Donu, Rostovski universitet Publ., 1989, pp. 24–31.
7. Kirilko V.P. *Arkheologicheskoe issledovanie musul'manskikh mavzoleev-diurbe Bakhchisaraia*. *Stratum plus*, 2009, No. 6, pp. 439–466.

8. Lomakin D.A. «Staraia stavka» krymskikh khanov: otechestvennaia istoriografiia ob Eski-Iurte. *Zolotoordynskoe obozrenie*, 2018, T. 6, No. 4, pp. 741–765.
9. Lomakina M.A. *Krymskie drevnosti v akvareliakh K. F. Bogaevskogo: k 150-letiiu so dnia rozhdeniia khudozhnika*. Simferopol, Novaia Orianda Publ., 2020, 448 p.
10. Bocharov S.G., Sitdikov A.G. (Eds.), *Miras–Nasledie. Tatarstan–Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoi kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 godakh. T. 2*. Kazan, Izdat-Print Publ., 2016, 572 p.
11. Bocharov S.G., Sitdikov A.G. (Eds.), *Miras–Nasledie. Tatarstan–Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoi kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 godakh. T. 3*. Kazan, Aster-Plus Publ., 2017, 720 p.
12. Baranov I. (Ed.), *Pamiatniki krymskoi stariny v grafike K. F. Bogaevskogo. Al'bom illiustratsii*. Kiev, Energiia plus Publ., 2006, 95 p.
13. Khakimov R.S. (Ed.), *Svod pamiatnikov istorii, arkhitektury i kul'tury krymskikh tatar. T. 1: Bakhchisarai*. Simferopol, Forma Publ., 2016, 168 p.
14. Steven A.Kh. Dela arkhiva Tavricheskogo gubernatorskogo pravleniia, otnosiashchiesia do razyskaniia, opisaniia i sokhraneniia pamiatnikov stariny v predelakh Tavricheskoi gubernii. *Izvestia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1891, No. 13, pp. 33–54.
15. Chelebi Evliia. *Kniga puteshestviia. Krym i sopredel'nye oblasti: izvlecheniia iz sochineniia turetskogo puteshestvennika XVII veka*. Simferopol, Mediatsentr imeni Gasprinskogo Publ., 2017, 312 p.

Информация об авторе

Ломакина М. А. – младший научный сотрудник Крымского этнографического музея, Researcher ID: Y-9364-2019.

Information about the author

Lomakina M. A. – Junior Researcher at the Crimean Ethnography Museum, Researcher ID: Y-9364-2019.

ОБЪЕКТЫ КУЛЬТОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ ИУДЕЙСКИХ ОБЩИН КРЫМА В УСЛОВИЯХ БОРЬБЫ С РЕЛИГИЕЙ В 1920–1930-х ГОДАХ

Дмитрий Анатольевич Прохоров¹, Елена Владимировна Латышева²

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия

¹ *prohorov1da@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9162-4705>*

² *elenaipad2@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0142-2876>*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы существования и функционирования объектов религиозного культа представителей иудейских общин Крыма – евреев, караимов и крымчаков – в условиях борьбы с религией в СССР в 1920–1930-х гг. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1921 по 1936 гг. и обусловлены окончанием Гражданской войны и окончательным установлением советской власти в Крыму, созданием Крымской АССР в составе РСФСР. В середине 1930-х гг. антирелигиозная кампания достигла своего апогея, полностью ограничив деятельность религиозных общин, многие из которых были ликвидированы, а культовые здания – переданы новым хозяевам и перепрофилированы. Дана характеристика мероприятиям, проводившимся местными органами власти по отношению к религиозным общинам в зависимости от их конфессиональной принадлежности, изучены связанные с этим фактором особенности договорных отношений на передачу богослужебного имущества и культовых сооружений.

Ключевые слова: Крым, религиозная политика, евреи, караимы, крымчаки, синагоги, кенасы

THE SACRAL ARCHITECTURE MONUMENTS OF CRIMEAN JUDAIC COMMUNITIES UNDER THE CONDITION OF ANTI- RELIGIOUS CAMPAIGN IN THE 1920s–1930s

Dmitry A. Prokhorov, Elena V. Latysheva

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

¹ *prohorov1da@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9162-4705>*

² *elenaipad2@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0142-2876>*

Abstract. This article addresses the aspects of the existence and functioning of the sites of religious cult of Crimean Judaic communities, Jews, Karaites, and Krymchaks, during the anti-religion campaign in the USSR in the 1920s and 1930s. Chronological frames of this research comprise the period from 1921 to 1936, from the end of the Civil War, the final establishment of the Soviet power in the Crimea, and the foundation of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic as a part of the Russian Soviet Federative Socialist Republic. The anti-religious campaign reached its summit in the mid-1930s with the total restriction of the works of religious communities; many of the latter were abolished, and their religious buildings were delivered to new masters, and changed their function. We have given characteristics to the local bodies of power's activities concerning the religious communities according to their confessions, and have studied the related specificities of contractual arrangements for the transition of liturgical properties and religious buildings to new masters.

Keywords: Crimea, religious policy, Jews, Karaites, Krymchaks, synagogues, kenassas

© Прохоров Д. А., Латышева Е. А., 2020

Как известно, культовая архитектура является одним из важнейших показателей развития духовной культуры того или иного народа. Крымский полуостров с его поликонфессиональным и многоэтническим составом населения на протяжении всей своей истории играл роль духовного центра для многих народов. Их представители были и являются носителями разных религий, придерживающихся различных традиций.

Предметом данного исследования является история функционирования объектов культовой архитектуры иудейских общин на территории Крымского полуострова в 1920–1930-х гг. в условиях проведения советскими властями антирелигиозной политики. Проблемы взаимоотношений христианских, иудейских и мусульманской конфессий и советской власти в 1920–1930-е гг. в Крыму ранее рассматривались в работах Ю. А. Катунина [32–34], Р. Н. Белоглазова [2–10], В. Ю. Ганкевича [15], О. Б. Белого [11; 12], Е. Е. Бойцовой [13–15; 30], Б. В. Змерзлого [28; 29], В. А. Ельяшевича [23–27], Э. С. Муратовой [15], Э. М. Хайруддиновой [57], З. З. Хайрединовой [15], Г. Р. Ахмедовой (Г. Р. Дедковой) [1; 20], Ю. Н. Гусевой [17], Н. А. Давыдовой [18; 19], Н. В. Павленковой [36], С. А. Дубинчук [22], протоиерея Н. Н. Доненко [21], И. В. Рыбак [39; 40], Н. М. Терещук [48–51], В. Н. Гурковича [16], А. А. Фесенко [53–55], С. Б. Филимонова [56], Г. Н. Кондратюка [31]. Тем не менее, история существования культовых объектов евреев, караимов и крымчаков в указанный период проанализирована недостаточно полно, что обуславливает актуальность настоящей публикации. Выявление и анализ особенностей антирелигиозной работы по отношению к еврейским, караимским и крымчакским общинам, а также к сооружениям их религиозного культа являются целью предлагаемого исследования. В статье использовались различные статистические материалы, документы Государственного архива Республики Крым (г. Симферополь), при этом некоторые из них вводятся в научный оборот впервые.

Крымская Автономная Социалистическая Советская Республика (КрымАССР) была образована 18 октября 1921 г. в составе РСФСР. На территории Крымского полуострова вступил в силу декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 г., в соответствии с которым церковь была отделена от школы, а государство – от церкви. В данном документе присутствовал пункт, согласно которому «здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются, по особым постановлениям местной или центральной государственной власти, в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ», при этом все культовые сооружения передавались в ведение церковных отделов, а верующие должны были подавать в церковный отдел заявление с просьбой о передаче им богослужебного имущества [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 11. Л. 58; 41, с. 861]. Это постановление позволило советским органам вести учёт всех культовых сооружений на территории Крымского полуострова. 20 апреля 1921 г. Крымревком издал приказ № 349 о претворении в жизнь декрета об отделении церкви от государства [34, с. 249].

В декабре 1921 г. СНК Крымской АССР принял постановление о регистрации всех церквей и молитвенных домов, которая должна была пройти в 30-дневный срок.

Для исполнения и наблюдения за процессом регистрации создавался ряд межведомственных структур, отвечавших за реализацию декрета СНК РСФСР от 23 января 1918 г. Одновременно возникла и потребность в конкретизации полномочий для определения степени участия других административных органов, занимавшихся тем же вопросом. После необходимого уточнения стало очевидно, что курирование одного и того же направления несколькими межведомственными организациями одновременно не принесёт положительных результатов. Поэтому 21 марта 1922 г. принимается постановление о роспуске Межведомственной комиссии по отделению церкви от государства и её территориальных аналогов, а также ликвидации недавно созданного со схожими полномочиями VIII отдела Народного комиссариата юстиции Крыма (НКЮ) [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 11. Л. 11–15; Д. 12. Л. 15].

Для повышения эффективности работы с религиозными группами и в целях усиления контроля за работой того или иного религиозного сооружения в декабре 1923 г. вышло постановление СНК Крымской АССР, в котором говорилось: «Утверждение и регистрацию религиозных обществ в порядке декрета ВЦИК и СНК от 3/ VIII 22 г. <...> изъять из ведения органов милиции и сосредоточить соответственно в НКВД и Райисполкомах» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 383. Л. 12]. В январе 1923 г. при НКВД и окрисполкомах создаются ликвидационные комиссии, в задачу которых входила ликвидация культовых сооружений различных конфессий, находившихся в непосредственной близости от государственных учреждений, либо храмов и молитвенных домов, не соответствующих, по мнению правительства, установленным нормам архитектурной застройки. Центральная ликвидационная комиссия занималась контролем за выполнением распоряжений на местах, а в её состав входили сотрудники Наркомата юстиции, Центрального совета народного хозяйства, Крымского коммунального хозяйства, Народного комиссариата просвещения и НКВД.

С 27 апреля 1923 г. всеми вопросами, связанными с регистрацией религиозных общин, с предоставлением верующим объектов культового назначения, занимался «Церковный Отдел НКВД Крыма и церковных столов райисполкомов», в обязанности которого входило руководство проведением церковной реформы, контроль над искоренением религиозных предрассудков, учёт всех храмов и культовых зданий, а также разработка правил сдачи их в аренду. Указанный подраздел должен был контролировать соблюдение советских законов и следить за исполнением всех указанных нормативов [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 383. Л. 13]. Это учреждение занималось проведением в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви; им рассматривались договоры и дела по расторжению договоров, а также дела по ликвидации храмов [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 845. Л. 11].

Для того, чтобы получить одобрение и взять церковное здание и имущество в аренду, группа верующих обязана была насчитывать не менее 20 человек (каждый из которых должен был достигнуть 18-летнего возраста), составлявших так называемую «двадцатку» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 154. Л. 9]. Договор заключался обязательно в присутствии нотариуса, который должен был засвидетельствовать, что

верующие собственноручно подписали договор. Представителям всех конфессий в недельный срок после опубликования приказа Крымревкома № 349 вменялось в обязанность предоставить в окрисполкомы следующие документы: 1. Опись движимого и недвижимого имущества и капиталов в 3-х экземплярах; 2. Отдельную инвентарную опись имущества, предназначенного для богослужебных целей, в 3-х экземплярах; 3. Печати, штампы и бланки религиозной организации или культового объекта [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 222. Л. 20]. При этом сами печати и бланки заказывать разрешалось, однако исключительно для религиозных целей, поскольку метрические справки и прочие документы актов гражданского состояния после 1918 г. потеряли юридическую силу, а все функции по регистрации браков, рождений и смертей уже были переданы органам ЗАГСа [43].

В этой связи особый интерес представляет порядок разделения по секциям движимого и недвижимого имущества, и прежде всего по его оценочной стоимости. Выдавая разрешение функционировать тому или иному культовому сооружению, местные органы власти производили тщательную опись всего церковного имущества. Вещи из драгоценных металлов сразу же изымались и передавались в Гохран СССР, созданный в 1920 г. на основании декрета СНК РСФСР для «централизации, хранения и учёта всех принадлежащих РСФСР ценностей» как Государственное хранилище ценностей Наркомфина. Имущество, которое не представляло особой материальной ценности, передавалось верующим [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 386. Л. 5]. При этом полученное церковью «в бесплатное пользование» имущество подлежало налогообложению. В случае же, если культовое сооружение изымалось у верующих, религиозная организация могла перенести движимое богослужебное имущество в другое помещение. Однако это касалось только предметов, необходимых для мероприятий культовой обрядности. Мебель, ковры или же иное имущество после закрытия культового сооружения передавались в Госфонд, где распределялись на общих основаниях [Там же].

19 июля 1923 г. Народный комиссариат юстиции принял инструкцию «По вопросам, связанным с проведением декрета “Об отделении церкви от государства”», которая запрещала пропаганду религиозного учения [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 386. Л. 1–8]. В принятой в мае 1925 г. Конституции РСФСР подтверждалось лишение избирательных прав духовенства и членов их семей: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести, церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами». Не избирались и не могли быть избранными «монахи и духовные служители религиозных культов всех исповеданий и толков, для которых это занятие является профессией» [46, с. 13].

В первые годы своего существования Советское государство столкнулось со многими сложностями в отношении проведения антирелигиозной политики. Церковные столы не справлялись с возложенными на них функциям по осуществлению мероприятий в рамках антирелигиозного курса. Прежде всего это было связано с

отсутствием компетентных сотрудников, имеющих представление о религиозных особенностях как христианских, так и ряда нехристианских (в том числе, авраамических) конфессий. Одной из причин являлось отсутствие отчётности о проведённой работе, а также учёта самих культовых объектов [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 154. Л. 7]. Просчёты в осуществлении подобных мероприятий были особенно заметны в первой половине 1920-х гг., поскольку религиозность в обществе не только не уменьшалась, а напротив, даже возросла, особенно в сельской местности. Данные за 1923 г. красноречиво демонстрировали неэффективность такой политики – за год было расторгнуто всего 3 договора на передачу церковного имущества, при том, что заключено было 56 договоров. Церковные столы проявляли обеспокоенность ситуацией: «...цифра расторгнутых договоров не удовлетворительна и свидетельствует о том, что Райисполкомы не ведут должного наблюдения за гражданами» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 845. Л. 7].

Реализацией положения декрета об отделении церкви от государства на территории Крыма должен был заниматься Отдел управления, во главе которого стоял революционер, советский государственный и партийный деятель Ю. П. Гавен. В подчинении у Отдела управления находился подотдел записей актов гражданского состояния. В ведении этой структуры были вопросы фиксации актов гражданского состояния: рождения, смерти, браков и т. п. В информационном листке управления Крымревкома от 27 ноября 1920 г. сообщалось, что в Симферополе появились два самостоятельных подотдела ЗАГС [42, с. 28].

12 января 1924 г. Президиум КрымЦИК, в соответствии с постановлением пленума Крымского СНК от 11 января 1924 г., принял решение об упразднении НКВД и утвердил положение о создании Центрального Административного Управления (ЦАУ) Крымской АССР. Эта структура состояла при СНК на правах Центрального управления с одновременным подчинением ЦАУ НКВД РСФСР. У вновь созданной организации имелись свои функции, в число которых входили: «...охрана общественного порядка, контроль за исполнением административного законодательства, возбуждение административного и судебного преследования в случае нарушения, регистрации опекуинства и актов гражданского состояния, пресечение уголовной преступности, содействие всем органам власти в их деятельности, решение вопросов беженцев и иностранцев, проведение церковной политики» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 165. Л. 5; Д. 14. Л. 5].

При Райисполкомах и администрациях городов и сёл начали функционировать такие учреждения, как церковные столы. Их компетенцию составляло: «...проведение в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви»; кроме того, им вменялось в обязанность «руководить работой церковных столов при Исполкомах по всей территории Кр.[ымской] АССР и инструктировать их». Помимо вышеперечисленных функций, церковные столы также занимались «заключением договоров с группами верующих, делами по расторжению договоров и делами по ликвидации храмов» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 845. Л. 11]. Для предотвращения возможных хищений в отношении сохранности переданного церковного имущества

вёлся строгий контроль, особенно это касалось ценных предметов культа. Специфической чертой деятельности церковных столов стало активное содействие карательным органам в осуществлении контроля над церковными организациями. Религиозный вопрос курировался 6-м отделением секретного отдела, находившимся в составе секретно-оперативного управления Государственного политического управления (ГПУ) при НКВД РСФСР. Данное ведомство занималось делами, связанными с контрреволюционными заявлениями, шпионажем и бандитизмом. 15 ноября 1923 г. Президиум ЦИК СССР постановил преобразовать ГПУ НКВД в Объединённое государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР (НКВД РСФСР освобождался от функции обеспечения государственной безопасности). ОГПУ осуществляло наблюдение за церковными столами, а также активно вмешивалось в деятельность религиозных организаций с целью контроля внутренней жизни той или иной общины. Помимо этого, ГПУ занималось активной дискредитацией религиозных общин, что выражалось в фальсификации документов по оформлению арендных договоров, административных притеснениях оппозиционно настроенных прихожан и духовенства, и т. п. Как полагает Р. Н. Белоглазов, кампания по изъятию церковных ценностей ознаменовала собой начало глобального конфликта церковных структур различных конфессий и государства. И хотя крымские религиозные организации оказывали пассивное сопротивление конфискациям имущества, тем не менее, этого оказалось достаточно, чтобы начать судебное преследование духовенства и верующих [3, с. 31–34].

Прежде чем созданные организации приступили к практической работе, местные административные органы провели встречу с представителями наиболее многочисленных религиозных групп, среди которых находились и еврейские священнослужители. Так, например, керченская окружная комиссия по изъятию церковных ценностей уже на первое своё заседание 10 марта 1922 г. пригласила представителей религиозных общин всех вероисповеданий. Местные административные органы давали разъяснения о характере предстоящей кампании. В ходе этой встречи был определён круг вопросов, требовавших первоочередного исполнения: «...порядок предоставления описей имущества, указание точного адреса руководящих органов, предъявление списка прихожан, владевших церковной собственностью, подача в необходимые сроки заявлений о заключении договоров» [3, с. 32].

Несколько ранее, 17 февраля 1921 г., отдел управления Крымревкома запросил от местных управлений ревкомов сведения о наличии на их территориях монастырей и религиозных обществ, а также о числе монашествующих [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 153. Л. 8]. Например, в 1925 г. во время регистрации священнослужителей религиозных культов, проводившейся Севастопольским райисполкомом в соответствии с распоряжением ЦАУ Крымской АССР, число храмов и молитвенных домов (за исключением православных) в Севастополе составило: лютеранская кирха – 1; иудейских синагог – 3; армяно-григорианская церковь – 1; мусульманских мечетей – 28; караимская кенаса – 1; молитвенных домов евангелистов – 1, адвентистов – 1,

меннонитов – 1 [50, с. 217]. В ходе передачи группе верующих в бесплатное пользование здания Главной еврейской синагоги в Севастополе был заключён договор, зарегистрированный полномочным представителем Отдела управления Севастопольского окружного исполкома Ф. Ф. Боландиным. В документе указано, что подписи были сделаны собственноручно в присутствии севастопольского народного нотариуса Я. Е. Рубинова, который заверил 20 подписей членов общины (при этом они оплачивали услуги нотариуса самостоятельно). В 1925 г. в акте осмотра Главной еврейской синагоги сообщалось, что члены комиссии во главе с руководителем стола религиозных культов Быковым осмотрели наружную и внутреннюю часть здания и пришли к выводу, что «храм содержится в чистоте, а ремонт производится по мере надобности, здание охраняется. Инвентарь имеющийся в описи весь налично» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 19. Л. 10, 11]. Всего же в соответствии с архивными данными на 1 июля 1924 г. на территории Крыма числилось 34 синагоги (1 декабря 1923 г. две из них были закрыты) [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 845. Л. 9].

Вместе с тем, в архивных документах отмечается, что наибольшее число зданий, переданных в пользование религиозным общинам, составляли объекты культового назначения христиан и мусульман: «...30–50% застрахованных культовых зданий падает на мусульманские храмы». По состоянию на 1 июля 1924 г. из 154 православных храмов 17 храмов было ликвидировано [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 845. Л. 7]. В целом же ситуация в православии осложнялась расколом, который привёл к распространению в Русской православной церкви (РПЦ) движения «обновленцев»; в мусульманской и караимской общинах тоже наметилось разделение на традиционалистов и сторонников прогрессивных изменений [50, с. 217]. Однако для всех без исключения религиозных групп, независимо от их религиозной принадлежности, действовало единое обозначение, которое характеризовало направленность в работе организации в виде «религиозной общины», без учёта конфессиональной принадлежности [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1587. Л. 77].

Помимо прочих мероприятий властей по ограничению свободы вероисповедания, при всех культовых сооружениях закрывались учебные учреждения, что позволило оградить молодёжь от изучения религии. Был установлен полный запрет на возможность религиозного образования для детей. 28 декабря 1920 г. появился циркуляр, изданный еврейским отделом Народного комиссариата просвещения о ликвидации традиционных еврейских образовательных учреждений – «хедеров» и «иешив». Немаловажным аспектом борьбы с церковью стала активная антирелигиозная пропаганда, хотя на начальном этапе ей уделялось недостаточно внимания, что приводило к её неэффективности. И поскольку число заключённых договоров на аренду зданий культового назначения, как уже отмечалось выше, не только не уменьшалось, а напротив, постоянно росло, власти приняли решение уделять данному вопросу большее внимание. Райисполком потребовал от местных органов власти «подробно и ясно указывать, что сделано вами в области проведения вышеуказанного декрета, и, кроме того, необходимо сообщать план работ на следующий

месяц» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 843. Л. 19]. Было также сделано распоряжение о том, что «здания учебных заведений всех видов и ступеней, так и в зданиях при них состоящих, занятые церквями, часовнями, молитвенными домами всех вероисповеданий подлежат освобождению и использованию исключительно в учебно-воспитательных целях» [Там же. Л. 20]. Для более успешной реализации мероприятий в рамках антирелигиозной кампании закрытие учебных заведений конфессиональной направленности должно было завершиться в кратчайшие сроки.

Итогом проводившейся кампании по борьбе с религией должно было стать уменьшение числа верующих, а это, в свою очередь, по замыслу инициаторов таких мероприятий, могло способствовать закрытию культовых сооружений. При этом власти делали акцент на особенно осторожной пропаганде атеизма среди мусульманского населения, поскольку, по мнению руководящих советских органов, она требовала «большой продуманности и осторожности». Предлагалось «вести пропагандистские кружки национальной ячейки по специальной национальной программе, согласно инструкции, опубликованной в № 5 журнала «Антирелигиозник» за 1926 г.»¹ [ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 693. Л. 16].

Для того, чтобы атеистическая пропаганда приобретала массовый характер, в этот период предпринимается тиражирование периодических печатных изданий идеологической направленности. В частности, в одной из заметок севастопольской газеты «Маяк коммуны», издававшейся в 1920-х гг., декларировалось, что «попоедство явилось главным лозунгом и основной задачей безбожников Крыма» [44, с. 45, 46]. Однако атеистическая пропаганда должна была вестись с учётом сложной конфессиональной ситуации на полуострове. Для предотвращения возникновения конфликтов между верующими и безбожниками принимались различные меры: например, запрещалось «бросание камней, зажигание пороха <...> в оградах церквей и внутри храмов и других местах общественного пользования, зачастую направленных против обществ верующих и служителей культов» [47]. Проведение антирелигиозной политики поручалось отделу национальностей, который в 1926 г. реорганизовали в «Методический отдел Центрального совета безбожников» [ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 693. Л. 14]. Для осуществления планомерной работы среди верующих на постоянной основе осуществлялся контроль за численностью религиозных организаций. В соответствии с отчётами «Союза воинствующих безбожников», на сентябрь 1926 г. в Крыму числилось 87 групп верующих [Там же. Л. 35].

Однако ни широкая атеистическая пропаганда, ни даже прямое давление на верующих со стороны партийного аппарата и органов администрации не смогли существенно повлиять на роль и значение религии в обществе. Верующие на свой страх и риск пытались брать в аренду богослужбное имущество. В 1928 г. в статье «Крым в сетях церквей и мечетей» всесоюзная газета «Комсомольская правда» сообщала,

¹ «Антирелигиозник» – ежемесячный журнал атеистической направленности на русском языке, печатное издание Центрального совета Союза воинствующих безбожников СССР. Издавался в Москве с января 1926 г. по июнь 1941 г.

что на территории полуострова продолжали действовать 867 храмов и только 155 изб-читален, а за три года возникли 33 «новые секты» [ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 807. Л. 16]. По мнению крымского корреспондента газеты, подобная ситуация демонстрировала неспособность советской власти изменить привычный уклад жизни местного населения, и для решения данного вопроса требовались более решительные меры. В деле пропаганды атеизма и просветительской деятельности активную роль играли такие региональные и центральные газеты и журналы, как «Антирелигиозник», «Безбожник», «Красный Крым», «Революция и культура» и др. Особое внимание партийным руководством уделялось работе с этническими группами, с учётом их религиозных особенностей: «...в зависимости от достижений Советского строительства классовую борьбу можно развернуть глубже, при обязательном условии ведения её безбожниками этой же национальности» [ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 693. Л. 16].

К разным конфессиональным группам применялись и различные меры по сдерживанию и нивелированию значения духовной жизни. Прежде всего, это происходило из-за разницы в сопротивлении советской власти. 16 сентября 1927 г. появился секретный циркуляр «О запрещении отвода постоянных мест для граждан в культовых зданиях». Так, например, севастопольская еврейская община в преддверии подготовки празднования иудейского осеннего религиозного праздника по сложившейся традиции производила отвод определённых мест для молящихся, за определённую плату в размере и в зависимости от близости данного места к трибуне кантора. Однако власти сделали всем еврейским организациями предостережение и обязали вывесить объявление о том, что «все места общие и любой гражданин может занять любое место», а председатели двадцаток в обязательном порядке давали расписку в том, что поставлены в известность о данном распоряжении [50, с. 219].

Для того, чтобы обезопасить собрания верующих, религиозные общины даже шли на определённые хитрости. Например, стремясь расположить к себе местные органы власти, в Севастополе общее собрание евреев – прихожан солдатской синагоги 31 августа 1924 г. при открытии собрания, по предложению его председателя, почтило вставанием «память незабвенного вождя мирового пролетариата В. И. Ленина», а затем присутствующие заслушали его доклады [50, с. 219]. Конечно, подобное заигрывание могло носить только временный характер и никак не влияло на антирелигиозный курс, проводимый государством.

Что касается политики советской власти в отношении ислама, следует отметить, что она носила не столь жёсткий атеистический характер, а деятельность агитационных групп была больше направлена на проведение мероприятий просветительского характера. На осторожность, с которой властные структуры действовали в отношении мусульман, указывают и архивные документы: для более эффективно проведения атеистической пропаганды внимание акцентировалось на необходимости «выделить способного и энергичного сотрудника, на которого возложить исполнение работы, к которой необходимо подойти с осторожностью и надлежащим тактом» [30, с. 273].

Что касается еврейского населения Крыма, то в первые годы после установления советской власти среди евреев активная антирелигиозная работа не велась. В первой половине 1920-х гг. советские власти стремились продемонстрировать мировой общественности, что ситуация в стране стабилизировалась. Еврейская газета «Дер Эмес» в марте 1922 г. сообщала: «Отдел агитации и пропаганды ЦК не будет оскорблять религиозные чувства» [45].

Как уже говорилось выше, наиболее сложной задачей при организации церковных отделов являлась нехватка профессиональных кадров. Недостаток образования и необходимых для работы в конфессиональной сфере знаний зачастую приводил к злоупотреблениям на местах и к конфликтам с верующими. Из-за фрагментарности сведений о наличии в том или ином районе Крыма синагоги, кенасы или молитвенного дома также возникали недоразумения. Данный факт подтверждает письмо, отправленное начокрумилиции г. Симферополя во время проведения переписи объектов религиозного культа в 1923–1924 гг.: «...сведения о числе церквей, синагог и мечетей оказались неточными, и пропущено несколько синагог, как например, одна из них на ул. Фонтанной, другая на ул. М. Фонтанной, а третья на Петропавловской ул. при жел. дор. Больнице <...> с этим можно предполагать, что в сведения не вошли ещё и другие богослужебные дома» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 843. Л. 1].

Несмотря на в целом сдержанную политику в отношении к нехристианским конфессиям (заметим, что эта терпимость не распространялась на православие, к которому власти относились как к одному из главных врагов советского строя) [45], осуществлялся жёсткий учёт зданий, священнослужителей и имущества, которым располагала та или иная религиозная община. С верующими заключали договора, позволявшие использовать то или иное культовое сооружение по их прямому назначению. Для этого было необходимо: «...произвести фактическую проверку капиталов и имущества, а затем заключить договора с группами верующих и передать им в бесплатное пользование молитвенные дома и богослужебное имущество» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 11. Л. 58].

Но даже после получения разрешения использовать религиозное имущество и проводить службы в определённых местах каждый шаг членов религиозных общин строго контролировался. Общие собрания разрешались только в том случае, если религиозная община за две недели до этого подавала заявку с подробным указанием повестки дня и докладчиков. На таких собраниях всегда присутствовали и должностные лица, на которых возлагались обязанность следить за ходом их проведения. В конце каждого собрания составлялся подробный доклад, который затем передавался в ОГПУ.

За религиозными группами был установлен надзор, осуществлявшийся Церковным отделом НКВД Крыма и церковными столами райисполкомов. Именно с последними религиозная община заключала договор об аренде того или иного здания для культовых нужд. Сам договор представлял из себя документ, состоявший из нескольких пунктов, в которых закреплялись права и обязанности общин. Например,

с Феодосийской еврейской религиозной общиной был заключён договор о порядке использования здания еврейской Хоральной синагоги. В данном документе перечислялись пункты, которые религиозная община обязывалась исполнять: «Мы нижеподписавшиеся граждане, обязуемся беречь переданное нам народное достояние и пользоваться им исключительно соответственно его назначения, принимая на себя всю ответственность за целостность и сохранность вручённого нам имущества, а также за соблюдение лежащих на нас по этому соглашению и иных обязанностей <...> Храмами и находящимися в них богослужебными предметами мы обязуемся пользоваться и представлять всем нашим единоверцам исключительно для удовлетворения религиозных потребностей» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 20. Л. 10]. Договор строго определял функции, необходимые и для отправления самих религиозных обрядов. При этом община обязывалась предоставлять здание для собраний рабочих и крестьянских депутатов. Группа верующих должна была следить за сохранностью имущества и не вести деятельность, которая могла быть истолкована как антисоветская.

Положение верующих постоянно усложнялось, и это было связано не только с бюрократической волокитой при оформлении необходимых документов для регистрации общины. В частности, это серьёзно отражалось и на финансовом положении верующих. Например, «договор со стороны исполкома подписывал специальный уполномоченный, подписи верующих заверялись в городах нотариусом, а в сельской местности – сельсоветом. Группа оплачивала гербовый сбор в размере 1 рубля 65 копеек» [4, с. 47].

Помимо всего прочего, заявление об использовании религиозной общиной культового здания, поданное в соответствующие органы, должно было быть засвидетельствовано нотариально. Данная процедура была платной, и за каждое подписание нотариус взымал 300 руб., как по заявлению верующих, так и по факту заключения самого договора [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 843. Л. 21]. По этой причине оформление договоров происходило очень медленно, и не каждая община могла довести дело до конца. Например, в Бахчисарае местная администрация докладывала в Бахчисарайскую районную комиссию, что регистрировать общину с большим количеством людей крайне неудобно. Поэтому для этих целей они «брали с собой трёх уполномоченных от граждан и шли с ними к нотариусу и заключали договор». В итоге из райисполкома Бахчисарае направили письмо, в котором, в частности, было сделано распоряжение: «...договора должны заключаться согласно инструкции, в городах нотариусом, а в сёлах и деревнях райисполкомом с группой верующих не менее 20 человек, а не с уполномоченными лицами» [Там же]. При этом следует подчеркнуть, что подобные ситуации отнюдь не являлись редкостью.

Религиозная община, взявшая в аренду здание, обязалась «допускать беспрепятственно во внебогослужебное время уполномоченных Отделом Управления лиц» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 214. Л. 8 об.]. При обнаружении контролирующими органами факта хищения имущества религиозной общине предъявлялся гражданский иск, по которому община обязана была возместить ущерб. В ряде случаев даже

возбуждалось уголовное дело. Так, например, произошло в Феодосии в отношении членов еврейской общины, обвинённых в хищении предметов из молитвенного дома М. С. Розенталя в связи с его закрытием. Среди прочих пунктов выдвинутого обвинения значилось и несоблюдение договора, ранее подписанного группой верующих. Выяснилось, что согласно описи переданного в 1921 г. общине имущества и в соответствии с актом о приёме и передаче имущества (1923 г.) комиссия установила недостачу 7 предметов. В соответствии с вынесенным приговором членов общины Сендера Гербильского, Лейбу Плискина, Израиля Беленького, Айзека Кричевского, Арно Осипова, Израиля Верчика, Соломона Беленского, Герша Будницкого, Абрама Мацова, Якова Штайнгольца, Лейба Равилина, Зиновия Родина суд признал виновными в нарушении декрета 23 января 1918 г. и постановил: «...объявить им общественное порицание, обязать всех обвиняемых с круговой друг за друга поручкой возвратить Феодосийскому Окрисполкому весь инвентарь молитвенного дома в 3-хдневный срок, а при невозвращении их уплатить стоимость их по рыночным ценам» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 14. Л. 15]. Сам же молитвенный дом М. С. Розенталя подлежал закрытию.

Местные власти продолжали осуществлять постоянный контроль за взятыми верующими в аренду зданиями. Этим на местах занимались пожарно-санитарные и технические комиссии, которые осматривали культовые объекты, обязывая религиозные общины перестраивать входы в здание или менять входные двери, заставляли приобретать различную противопожарную технику (вплоть до гидрантов).

Закрытие синагог по сведениям, заключённым в нормативных документах, происходило по разным причинам. Наиболее часто встречающимися являются указания на ветхость самого здания или же на отсутствие прихожан у того или иного культового сооружения. Например, в конце января 1923 г. президиумом Севастопольского окрисполкома была создана ликвидационная комиссия. Уже на одном из её первых заседаний был поставлен вопрос о ликвидации, в числе прочих, солдатской и крымчакской синагог, а также молитвенного дома Ю. М. Файнберга (последний располагался по ул. Гоголевской): «...в силу того, что еврейский молитвенный дом является домашним храмом и был построен на собственные средства жертвователя Ю. М. Файнберга – таковой ликвидировать» [51, с. 201]. Соответственно, договор об его аренде с верующими не заключался. Приказом президиума КрымЦИКа от 13 марта 1923 г. молитвенный дом Ю. М. Файнберга был ликвидирован и снят с учёта [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1140. Л. 9 об.; Д. 1300. Л. 76 об., 77].

Солдатской синагоге Севастополя удалось избежать ликвидации, поскольку выяснилось, что она была сооружена после окончания Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. солдатами в память о первой обороне Севастополя. До 1917 г. эта синагога являлась приходской, и поэтому ликвидации не подлежала [51, с. 201]. После принятия 23 февраля 1922 г. декрета ВЦИК РСФСР «Об изъятии церковных ценностей для нужд голодающих» еврейская солдатская синагога представила сведения о имевшихся среди её имущества ценностях. В их числе были изделия из серебра: Ке-

тер Тора («корона Торы»), венчающая стержни, к которым прикреплен свиток Торы; использовалась для украшения свитка Торы), «щит» с 10 заповедями (пластины, на которых на иврите двумя первыми словами обозначались Десять Заповедей; обычно располагались над ковчегом), два ритуальных подсвечника (канделябра), бокал и поднос. Впоследствии еврейская община обратилась в церковный стол с просьбой оставить им два серебряных канделябра, а взамен предложила комиссии серебряный лом такого же веса. Это предложение было принято, и указанные предметы были оставлены комиссией под личную ответственность казначея синагоги [51, с. 201].

Однако на подобные уступки власти шли далеко не всегда. Например, при изъятии комиссией серебряных Кетер Тора и щита в Главной еврейской синагоге Севастополя верующие (её посещало около 450 человек), изъявившие желание сохранить эти предметы культа, предложили на замену другие предметы, причём даже превышающие по стоимости культовые артефакты, и по этому случаю составили соответствующий акт. Тем не менее, документы всё же передали в ревтрибунал «для привлечения к ответственности духовное управление указанной синагоги за расхищение народного имущества» [51, с. 201]. Договор на аренду Главной еврейской синагоги община заключила 15 ноября 1922 г., а впоследствии она смогла пройти и перерегистрацию (протокол № 45), которая была отнюдь не формальным актом, регулировалась постановлением ВЦИК СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» и ограничивалась сроком с 1 декабря 1929 г. по 1 мая 1930 г. [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1300. Л. 26, 27; 41, с. 862–870]. Чего нельзя сказать о молитвенном доме «крымской еврейской общины» (крымчаков) – за месяц до начала объявленной перерегистрации постановлением бюро Севастопольского райкома ВКП(б) от 26 октября 1929 г., а затем и постановлением президиума КрымЦИКа от 25 февраля 1930 г. крымчакский молитвенный дом (в крымчакской традиции – кьаал, или кьа'ал) был закрыт. Члены двадцатки под давлением вынуждены были подписать заявление, что «дом этот построен на трудовые деньги трудящихся крымчаков гор.[ода] Севастополя и все время использовался нашими раввинами для одурманивания нас. Ныне под руководством Коммунистической партии и Советской власти мы поняли вред этого дурмана и просим удовлетворить нашу просьбу. Мы устроим культурный очаг для наших детей там, где до сего времени был беспросветный мрак» [51, с. 204].

Все расходы, связанные с эксплуатацией культовых сооружений, после декрета 23 января 1918 г. возлагались на религиозные организации. Например, в уставе еврейского религиозного общества солдатской синагоги Севастополя зафиксировано, что организация могла управлять «имуществом, полученным по договору от местных органов советской власти» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 980. Л. 8]. И до тех пор, пока у самой общины действовал договор с церковным столом, она была обязана следить за сохранностью всего доверенного ей имущества и заботиться о том, чтобы синагога была безопасна для посещения. С этой целью в синагоге предварительно провели инвентаризацию всего движимого и недвижимого имущества, а в документах зафиксировали, в каком состоянии это имущество было передано рели-

гиозной организации. Если же религиозная организация прекращала свою работу, то «все имущество, находящееся в пользовании общества, возвращается местному совету по инвентарной описи» [Там же].

В 1928 г. солдатская синагога в Севастополе всё же была снята с учёта – как следует из документов, это было сделано по просьбе членов самой религиозной организации [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 980. Л. 18]. С аналогичной формулировкой закрывались и другие молитвенные здания. Так, на заседании членов правления Главной еврейской синагоги в Севастополе в августе 1928 г. комиссия во главе с М. З. Лейкиным при секретаре И. Я. Полонским постановила: «...ликвидировать Главную еврейскую синагогу в связи с безжизненностью» [Там же. Л. 20]. При этом её ликвидация проходила в летнее время, и из 50 заявленных в протоколе членов организации на заседании комиссии присутствовало лишь 20 человек, которые в итоге и решили судьбу данного культового сооружения.

Что касается караимской кенасы Севастополя (построенной в 1896–1908 гг. по проекту архитектора А. М. Вейзена на ул. Большой Морской), то в описи её имущества в начале 1920-х гг. фигурировали такие предметы, как: свитки Торы в футлярах, покрытые бархатом и серебром, с таппухим² на ручках, а также молитвенники, Тегилим (Псалтырь), несколько Танахов. Кроме того, в богослужениях использовались меноры³, серебряные, бронзовые, металлические и хрустальные подсвечники и канделябры на одну и несколько свечей; серебряная Кетер Тора, духаны (аналои), парохеты (алтарные завесы), таллеты (облачение караимского священнослужителя), чичиты (нашивки на молитвенный шарф газзана). В числе прочего имущества числились ковры, скамьи, кресла, ореховый стол [25, с. 26]. Севастопольская кенаса функционировала как богослужбное учреждение на основании договора аренды, заключённого 16 ноября 1922 г. (договор несколько раз продлевался) вплоть до начала 1930-х гг., когда она закрылась по решению КрымЦИКа (была снята с учёта 5 февраля 1930 г.) [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1300. Л. 4]. При этом севастопольского газзана Т. С. Леви-Бабовича лишили избирательных прав и выслали из города [49, с. 205–213; 19, с. 184–192; 24, с. 18–23]. Во время Великой Отечественной войны крыша и торцовый фасад здания севастопольской кенасы были разрушены.

В Симферополе по состоянию на 8 февраля 1924 г. действовали еврейские синагоги: «Нер-Томид» («Неугасимая свеча», построена в 1894 г.), «Егия-Капай» («Труд рук моих», ул. Фонтанная, 17), «Эц-Хаим» («Дерево жизни», ул. Малобазарная, 46), «Бейт-Яков» («Дом Иакова», ул. Мечетная, 32) [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1300. Л. 27 об., 28, 90 об., 91]. Молитвенный дом, существовавший при Еврейской больнице

² Таппухим (яблоки) – традиционные стилизованные декоративные серебряные навершия, венчавшие в караимской религиозной традиции эч хаим («дерево жизни» – стержни, на которые наматывался свиток Торы).

³ Менора – семиствольный светильник (семисвечник), который, согласно Библии, находился в Скинии Собрания во время скитания евреев по пустыне, а затем и в Иерусалимском храме, вплоть до разрушения Второго Храма.

(пер. Больничный), ликвидировали в соответствии с постановлением ликвидационной комиссии № 3 и приказом окрисполкома № 62 от 30 мая 1923 г. Договор на его аренду с членами симферопольской общины заключён не был. Аналогичное решение о ликвидации, датированное 20 апреля 1923 г., последовало и в отношении симферопольской синагоги «Бейт га-Мидраш» («Дом учения», ул. Салгирная, 8), а её здание было затем передано Коммунхозу [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1140. Л. 2].

Что касается крымчакских кьаалов, то исходя из архивных данных, в Симферополе в 1920-х гг. их существовало два – так называемые «крымчакские синагоги I и II приходов». Возведение зданий для них датируется 1865 г. и 1896 г. (единственное ныне сохранившееся здание кьаала в Симферополе находится на ул. Краснознаменная, 35). Договоры на их аренду заключались общиной, соответственно, 6 ноября 1922 г. (II приход, всего посещало 20–25 человек) и 8 ноября 1922 г. (I приход, 10–12 человек). Снятие с учёта этих культовых объектов произошло одновременно, 5 марта 1930 г. [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1300. Л. 26]. В начале 1930-х гг. здание кьаала на ул. Краснознаменной, 35, было переоборудовано и передано в жилой фонд Симферополя.

Одной из архитектурных доминант центра города стала возведённая в 1881 г. на ул. Салгирной Хоральная синагога, с большим двусветным залом с балконом для женщин («вейбершул») [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1118. Л. 2, 3]. Хоральная синагога использовалась верующими в соответствии с договором аренды, заключённым 11 октября 1922 г. (он продлевался в 1924 г.). По приблизительным оценкам, здание синагоги могло вмещать до 800 человек. Она была снята с учёта в соответствии с постановлением президиума КрымЦИК от 21 августа 1929 г. [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1300. Л. 27 об., 28].

Договор между еврейской организацией и местными органами власти на аренду синагоги «Нер-Томид» был подписан в декабре 1922 г. На момент регистрации договора в распоряжение верующих передали следующие предметы: свитки Торы в количестве 16 единиц, 300 «рубашек» (чехлов для свитков Торы) из шёлка или сукна, два алтарных занавеса (парохета) из сукна, «шкаф для свитков» (арон гакодеш, где хранились свитки Торы), «шкаф для чтения свитков» (бима – возвышение, на которое кладут свиток Торы для чтения) и прочее богослужбное имущество. Среди книг, хранившихся в синагоге, числились: 38 экземпляров «Талмуда», 20 «Пятикнижий», 20 «Книг комментариев» («Эц-Хаим» и «Шульхан-Арух»), а также 12 экземпляров «Мишнаес», «Хае-Одом» – 8, «Библия» – 7, «Слихос» – 7, «Махзор» – 8, «Кинос» – 5, «Мозней-Эрэц» – 2 и «Ховас-Альвоес» – 1 экземпляр. В общей сложности синагогу «Нер-Томид», как следовало из документов, могло посещать 342 человека [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 214. Л. 5; Д. 1300. Л. 28; 16, с. 60].

В описи предметов из синагоги «Нер-Томид» также числились 6 подсвечников фраже⁴, 2 канделябра фраже на 5 свечей, 2 малых и 2 больших медных подсвечника на 5 свечей, 2 медные свечные люстры, а также 4 медных электрических люстры

⁴ «Фраже» – популярное в Европе предприятие по выпуску недорогих посеребренных (плакированных) изделий (посуды, домашней утвари, подсвечников и кадил, а также столовых приборов).

[ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 214. Л. 2–5]. Относительно изделий из драгоценных металлов или же артефактов, представлявших определённую ценность и хранившихся в синагоге «Нер-Томид», то в 1922 г. было принято решение об их изъятии (как следует из документов, в рамках оказания помощи голодающим Поволжья). В протоколе указывалось: «1. Корона серебряная. 2. Указательный палец серебряный⁵. 3. Две серебряные вещи, поддерживающие корону. 4. Два нагрудника» [Там же. Л. 7]. Все перечисленные предметы ранее принадлежали покойному старосте синагоги Сендеру Бухштабу, и в марте 1922 г. их передали в финотдел.

12 октября 1922 г. симферопольская караимская община заключила с Админоргуправлением НКВД договор о бесплатном пользовании кенасой (её здание, выполненное в мавританском стиле, было построено на ул. Караимской в 1896 г.). Документ был подписан двадцатью уполномоченными общиной караимами [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 7-а. Л. 1, 7]. Но имевшиеся в кенасе ценности вскоре были реквизированы. Так, в 1922 г. изъятию подлежали 6 серебряных поясов со звёздочками со свитков Торы, 2 серебряных тапшухим и серебряная лампада с цепью [Там же. Л. 6]. В 1930-х гг. караимская община была ликвидирована как юридическая единица, а затем, 5 марта 1930 г., в связи с отказом двадцатки от содержания, закрыта и сама симферопольская кенаса (с формулировкой «ввиду требования трудящихся масс караимов и отказа верующих от пользования кенасой использовать её под клуб») [Там же. Л. 10, 12, 15, 16]. Снятие её с учёта датировано 5 марта 1930 г. [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1300. Л. 4]. Для полного соответствия целям «культурного обслуживания трудящихся караимов» здание кенасы частично перестроили и лишили культового декора – на аттике разместили пятиконечную звезду, под которой до начала предпринятой в 2016 г. реставрации кенасы ещё проступали следы «Маген Давид» – «звезды Давида», знака единобожия [37, с. 253].

В Керчи до революции действовало 6 еврейских синагог и молитвенных домов, а также крымчакский кьаал. Старая, или Главная еврейская синагога располагалась по адресу: переулок Митридатский, 1. Её одноэтажное здание в классическом стиле построили в 1837 г. Старая еврейская синагога считалась небольшой, и, судя по протоколам ликвидационной комиссии, её здание могло вместить лишь 50 человек. Эта синагога была снята с учёта в августе 1931 г. Синагогу (или молитвенный дом) ремесленников, построенную в 1869 г. на ул. Николаевской (ныне ул. Циолковского), общине удалось перерегистрировать в 1931 г. (протокол № 81). Каменное, крытое черепицей здание Новой синагоги в Керчи вместимостью до 500 человек возвели в 1875 г. Рядом с ней находилось здание религиозной школы – хедера. В соответствии с выпиской из протокола заседания президиума ЦИК Крыма от 25 мая 1923 г., с общиной был заключён договор на пользование еврейской синагогой, а расторгнут – 22 августа 1928 г. (снятие с учёта произошло 12 октября 1928 г.). Так называемая «синагога нижних чинов» (Солдатская синагога, построена тоже в 1869 г.) решени-

⁵ К свитку Торы нельзя прикасаться голой рукой, поэтому при её чтении пользуются специальной указкой – эцба (палец) или яд (рука).

ем ликвидационной комиссии от 17 марта 1923 г. и приказом окрисполкома от 26 марта 1923 г. была закрыта (снята с учёта 17 апреля 1924 г.), а её здание – передано Наробразу. Тогда же, в марте 1923 г., ликвидировали и временный молитвенный дом крымчаков (двадцатка заключила договор об аренде здания 31 октября 1923 г., затем он несколько раз перезаключался, но в итоге всё же был расторгнут, а в феврале 1930 г. здание сняли с учёта). В соответствии со страховочной оценочной ведомостью, стоимость здания крымчаковского кьаала в 1929 г. составила 15 548 руб. В общей сложности молитвенные дома крымчаков Керчи в 1920-х гг. посещали около 100 человек [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1140. Л. 15 об., 19 об.; Д. 1300. Л. 25 об., 26, 27, 27 об., 28, 28 об., 29, 93 об., 94; Д. 1729. Л. 27, 39]. Сведения о существовании в Керчи молитвенного дома караимов относятся к середине XIX в.: по некоторым данным, он располагался в наёмном помещении и был открыт в соответствии с разрешением керченского градоначальника 1 августа 1850 г. [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 13. Л. 6]. Однако керченская караимская община была весьма небольшой по численности, и никаких сведений о наличии в городе караимской кенасы в 1920-х гг. нам пока обнаружить не удалось.

В Феодосии в 1926 г. проживало 3807 евреев (включая крымчаков) [52]. Самая древняя из еврейских синагог Феодосии (по некоторым сведениям, она была возведена в 1309 г.) называлась Старой, или Главной, и была рассчитана на 200 человек. Договор на её аренду был заключён двадцаткой общины в ноябре 1922 г., а затем был продлён в феврале 1924 г. и в феврале 1929 г.; страховочная стоимость здания в 1928 г. составила 13 353 руб. [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1300. Л. 26 об., 27; Д. 1729. Л. 39]. Община прошла перерегистрацию синагоги в 1931 г., однако затем она всё же была закрыта. В синагоге после работы комиссии по изъятию ценностей были конфискованы 27 свитков Торы, различные изделия из серебра и золота: Кетер Тора – 1 фунт серебра, четыре скрижали – 4 фунта серебра, бокал – 1 фунт серебра, две указки – 2 фунта серебра [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 210. Л. 12]. Здание Старой еврейской синагоги было разрушено в годы Великой Отечественной войны.

Поскольку число членов феодосийской еврейской общины в начале XX в. увеличилось, то было решено начать строительство Новой, хоральной синагоги, двухэтажное здание которой с просторным двором располагалось недалеко от Сенного базара на ул. Лазаретной. Строительство закончилось в 1904 г. Рядом с синагогой возвели двухэтажное здание Талмуд-Торы – еврейского духовного училища для мальчиков. После закрытия в 1929 г. в здании синагоги располагался Феодосийский городской дом физкультурника, а во время немецко-фашистской оккупации Феодосии – конюшня. В 1952 г. здание передали под нужды Дома офицеров, а здание училища приспособили под среднюю школу [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 20. Л. 2–80].

В Феодосии власти закрыли уже упоминавшийся молитвенный дом М. С. Розенталя, который находился на ул. Католической (снят с учёта в апреле 1923 г.) [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1140. Л. 19 об.; Д. 726. Л. 2; Д. 1300. Л. 78 об., 79]. А 19 сентября 1929 г. был расторгнут договор и с верующими-крымчаками об аренде кьаала

(как следует из документов, его посещали около 50 человек), а само здание – снято с учёта 5 ноября 1930 г. В Карасубазаре крымчакскую синагогу (местная религиозная община в количестве 20 человек заключила договор о её аренде 27 августа 1923 г.) сняли с учёта 5 января 1930 г. [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1300. Л. 26]. Так называемая карасубазарская «польско-еврейская» синагога официально функционировала на основании договора, заключённого с общиной 25 апреля 1923 г., затем она прошла перерегистрацию, однако договор вновь заключён не был [Там же. Л. 28 об., 29]. Еникальская синагога (в 1920-х гг. располагалась в предместьи г. Керчь – Еникале), как следует из отчётной ведомости о ликвидированных храмах и монастырях по Крымской АССР за 1923–1924 гг., была разрушена (снята с учёта 5 апреля 1923 г.) [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1140. Л. 15 об.; Д. 1300. Л. 80 об., 81].

Караимская кенаса Феодосии являлась одним из древнейших культовых зданий на территории Крымского полуострова: по разным оценкам, её возведение датируется 1292 г. (построена в Карантинной слободе). Из акта осмотра, составленного в марте 1921 г., известно, что кенаса представляла собой одноэтажное каменное здание с небольшим двором, где среди хозяйственных построек располагались одноэтажная каменная кладовая, беседка и «мертвецкая». В собственности общины также находилось несколько жилых и вспомогательных построек (в том числе, здания мужского и женского училищ, пять сараев и двенадцать торговых лавок, несколько квартир, подвалов, а также небольших помещений общей площадью более 900 кв. м [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 15. Л. 2, 13]. Арендный договор феодосийская караимская община подписала 19 февраля 1924 г. [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1587. Л. 219 об., 220]. В 1930-х гг. в ходе антирелигиозной кампании, проводившейся советскими органами власти, были ликвидированы практически все кенасы на территории Крымского полуострова, за исключением феодосийской, так как члены двадцатки отказались проходить перерегистрацию [24, с. 21].

В перечне движимого имущества кенасы числились: предметы богослужения, одеяния священнослужителей и церковная утварь (13 свитков Торы с покрывалами для них, 56 масахов для покрытия духанов, 12 парохетов, 30 чичитов, 4 таллета, 37 подсвечников, 11 люстр, 9 лампад, 5 аналоев, 5 серебряных табличек с изречениями из Танаха), предметы внутреннего убранства (44 стеклянных розетки, 2 настенных часов, 29 ковров), мебель (один деревянный стол, два кресла, 12 скамей и 15 маленьких скамеек, 20 стульев), а также религиозные канонические тексты (90 экземпляров Пятикнижия, 79 – Псалтыря, 75 Танахов, 80 комплектов молитвенников) [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 15. Л. 2, 15]. Кроме этого, в состав имущества кенасы входили различные серебряные и золотые ювелирные изделия, впоследствии реквизированные Комиссией по изъятию церковных ценностей (в их числе: восемь серебряных тапшухим, лампы, чаши, монеты, кольца, серьги, браслеты, броши, бляхи, три так называемых «кавказских» серебряных пояса, пожертвованные прихожанами) [Там же. Л. 7]. Караимскую кенасу Феодосии посещало в 1920-х гг. около 20–30 человек. Она была снята с учёта 5 февраля 1930 г. [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1300. Л. 4].

В 1939 г. свитки Торы из феодосийской кенасы конфисковали вместе с остальным движимым имуществом. Общий вес изъятых таппухим составил 8 фунтов 92 золотника (более 4 кг) [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 15. Л. 2, 7, 15]. Тем не менее, часть завершений представителям караимской общины, по-видимому, всё же удалось сохранить. В 1970 г., во время проведения строительных работ на территории частного домовладения, на месте которого ранее находилось здание кенасы, были обнаружены 22 серебряных таппухим, которые затем передали в Феодосийский краеведческий музей [27, с. 18; 35, с. 175].

В Евпатории крымчакская община использовала для отправления молитвенных обрядов кьаал, открытый в сентябре 1908 г. (для этих целей евпаторийские крымчаки арендовали домовладение Э. Шишман – ныне жилой дом по переулку Степовой, 8). 5 марта 1923 г. община подписала договор об аренде уже с советскими властями. Впоследствии, после расторжения договора аренды в марте 1930 г., в этом здании открылся крымчакский клуб и мастерские [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1140. Л. 15 об., 19 об.; Д. 1300. Л. 25 об., 26, 27]. В Евпатории также действовали две еврейские синагоги – так называемая Торговая синагога и синагога ремесленников «Егия-Капай», расположенные вдоль ул. Караимской. 12 декабря 1922 г. был заключён договор об аренде синагоги «Егия-Капай» с двадцаткой общины, однако уже 6 августа 1923 г. – расторгнут, несмотря на то, что эту синагогу посещало не менее 200 верующих. Торговая синагога была снята с регистрации 29 мая 1929 г. [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1300. Л. 27 об., 28]. Большая (Соборная) караимская кенаса (прихожанами которой, как свидетельствовали документы, являлись представители 300 караимских семей Евпатории) была взята в аренду двадцаткой 18 июля 1924 г. В 1927 г. обе кенасы, Большая и Малая, были закрыты, а 5 сентября 1931 г. – сняты с учёта [Там же. Л. 80 об., 81]. В последующие годы в зданиях комплекса кенас располагались различные советские учреждения: антирелигиозный музей, курсы медсестёр, спортивные секции, детский сад, бюро технической инвентаризации, краеведческий музей.

Ялтинский молитвенный дом караимов, занимавший одну комнату в наёмном здании (площадью чуть более 56 кв. м), находился на ул. Коммунальной, 16 (ныне – ул. Игнатенко). Его передали местному управлению муниципального хозяйства в июле 1924 г., и в апреле 1925 г. караимской двадцаткой были заключены договора на аренду (позднее из членов двадцатки, подписавших договор, часть верующих выбыла по различным причинам). Здание было снято с учёта по решению КрымЦИКа в феврале 1931 г. [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1587. Л. 198; Д. 1300. Л. 76 об., 77]. Ялтинскую еврейскую синагогу (на ул. Свердлова, 14) верующие смогли получить в аренду 16 октября 1922 г.; её каменное здание было застраховано на 19 180 руб. [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1729. Л. 46 об., 47]. Каменное здание еврейского молитвенного дома в Алуште (ул. Иудейская), построенное в августе 1913 г., община взяла в аренду 7 декабря 1922 г. Максимальная вместимость здания (застрахованного в апреле 1924 г. на 23 668 руб.) составляла 100–250 человек (хотя обычная её посещаемость, судя по составленному комиссией отчёту, не превышала 25 человек) [ГАРК. Ф. Р-663. Оп.

10. Д. 1587. Л. 198; Д. 1729. Л. 47 об., 48]. В Армянском Базаре караимская кенаса существовала, по некоторым сведениям, с 1817 г.; договор об аренде здания двадцатка заключила 4 апреля 1921 г. Но уже спустя три года договор расторгли, а кенасу сняли с учёта постановлением КрымЦИКа от 14 августа 1924 г. [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1300. Л. 82 об., 83, 84].

Что касается бахчисарайской караимской кенасы, то местная двадцатка заключила арендный договор 20 декабря 1923 г. [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1300. Л. 110 об., 111]. Движимое её имущество было изъято и вывезено на склады административного управления; изделия из драгметаллов переданы народному комиссариату финансов, а остальное имущество поступило в фонды музеев Крыма [11, с. 378]. Многие предметы религиозного культа, утварь, книги, мебель из караимских кенас Чуфут-Кале, Симферополя, Ялты, Бахчисарая и Евпатории направили в коллекцию Бахчисарайского музея, о чём были сделаны соответствующие записи в инвентарных книгах середины 1920-х гг. [38, с. 94]. Из акта осмотра здания Бахчисарайской кенасы, произведённого специально созданной в январе 1930 г. комиссией с целью определения ущерба, нанесённого в результате крымского землетрясения 1927 г., известно, что здание было сильно повреждено: в нескольких местах кенасы были видны глубокие сквозные трещины во всю высоту стен; особенно они были заметны на западной стене здания, посередине оконных проёмов. Были также повреждены каменные перемычки под окнами, черепичная кровля; некоторые камни просели. Воспользовавшись тем обстоятельством, что здание признали аварийным, а караимская религиозная община Бахчисарая была не в состоянии произвести необходимый ремонт, договор об аренде был расторгнут, и здание кенасы передали новым владельцам. Лишившись помещения, сама община официально была упразднена, а со временем прекратила своё существование [11, с. 391, 395, 396]. Что касается здания еврейской синагоги Бахчисарая (договор об аренде заключён двадцаткой 19 марта 1923 г.), то её сняли с регистрации 25 октября 1929 г. [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1300. Л. 110 об., 111].

Помимо вышеперечисленных объектов религиозного культа, в Крыму в середине 1920-х гг. функционировали синагоги и молитвенные дома евреев и крымчаков в Джанкое, в д. Бозор (Тав-Бузар), д. Курман-Кемельчи, д. Нейлибенталь, д. Фрайфельд, д. Фрайдорф Джанкойского района, а также в других населённых пунктах. Такое число культовых сооружений евреев в этой части Крымского полуострова объясняется осуществлявшейся в 1920–1930-х гг. аграризацией и еврейской колонизацией северного и северо-восточного Крыма – наименее благоприятного для сельского хозяйства района полуострова [31, с. 92–152]. В конце 1920-х гг. большинство этих синагог и молитвенных домов были сняты с регистрации и закрыты [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1300. Л. 27 об., 28, 84 об., 85, 111 об., 112, 112 об., 113].

К концу 1928 г. в Крыму закрылись или не функционировали 8 синагог, 4 костёла и 40 мечетей [ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 807. Л. 17]. К 1929 г. Советское правительство развернуло широкомасштабную борьбу с религией, а к январю 1930 г.

было закрыто 250 молитвенных домов, что составляло 27% всех молитвенных домов, существовавших в Крыму до революции [ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1041. Л. 4]. По сведениям, собранным церковными столами и ЦАУ Крымской АССР, по состоянию на 15 сентября 1930 г. на территории Крымского полуострова состояло на учёте 1100 культовых зданий; число функционирующих – 764; было закрыто или разрушено – 336 (из них в 1929 г. – 69, а в 1930 г. – 46). При этом на учёте всего состояло 42 еврейских и крымчакских культовых объекта: из них к 15 сентября 1930 г. функционировали – 14, а закрыты – 28 (из них в 1929 г. – 10, а в 1930 г. – 6). По состоянию на 24 марта 1930 г. в 5 из 15 закрытых синагогах и молитвенных домах размещались национальные и спортивные клубы, а также «красные уголки»; в качестве лечебницы использовалось 1 здание; 8 было отдано под жильё (под прочие нужды – 1 здание). Было снесено два здания, а 7 – не использовалось. Что касается объектов караимского культа, то осенью 1930 г. из 7 действовавших в Крыму караимских кенас функционировало лишь 5, а 2 были закрыты (1 – в 1930 г.). В Симферопольском районе из двух кенас по своему прямому назначению использовалась лишь одна (в Симферополе здание кенасы отдали под караимский национальный клуб); в Севастопольском, Ялтинском, Феодосийском, Джанкойском районах и Евпатории – по 1 (севастопольская кенаса была отдана под нужды детского сада) [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1662. Л. 28, 29, 33, 36, 40].

В начале 1930 г. общая ситуация в Крыму характеризовалась как неблагоприятная для всех конфессий. Власти инициировали обращение самих членов религиозных общин об их якобы добровольном отказе от ранее взятых в аренду культовых зданий. Так, в Симферополе 17 февраля 1930 г. трудящиеся фабрики им. Ильича обратились к властям с просьбой закрыть синагогу «Нер-Томид» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 214. Л. 17, 18]. С представителями общины проводились беседы для того, чтобы они аннулировали свои обязательства по аренде культового имущества. В марте 1930 г. большинство членов общины отказались от прав на использование в религиозных целях этой синагоги. Президиум Симферопольского горсовета постановил: «Ввиду отказа группы верующих от пользования синагогой и учитывая требования трудящихся о закрытии, возбудить ходатайство перед КрымЦИКом о ликвидации синагоги “Нер-Томид”» [Там же. Л. 22]. Решение по данному вопросу было принято уже 5 ноября 1930 г. Власти распорядились закрыть культовый объект «ввиду требования трудящихся ликвидировать синагогу и использовать её под столовую Симферопольского ЦРК» [Там же]. Таким образом, синагога «Нер-Томид», построенная в Симферополе в 1894 г., на долгие годы перестала использоваться по своему прямому назначению.

Со сложностями иного характера столкнулась двадцатка синагоги «Бейт-Яков» в Симферополе, закрытой ещё в 1922 г. 6 сентября 1923 г. в КрымЦИК поступило заявление от группы верующих с просьбой: «...передать нам в бесплатное пользование для удовлетворения наших религиозных обязанностей синагогу Бет-Яков <...> с богослужебными предметами, имеющимися в ней» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 986.

Л. 1]. В акте, составленном 4 сентября 1923 г., сообщалось: «Мы, нижеподписавшиеся, Заведующий церковным столом Окрисполкома тов. Григоров в присутствии Габы Любич Исаака Самойловича, кантора Шевтеля Яршевеля Каца составили настоящий акт на приём и вскрытие синагоги Бет-Яков, каковая была опечатана в 1922 году, всё оказавшееся в синагоге имущество не было переписано и не составлено описи» [Там же. Л. 8]. В описи недвижимого имущества значилось, что молитвенный дом находится по улице Мечетной, 32, постройка каменная, крыша крытая, черепичная, других построек и дополнительной земли при синагоге нет [Там же. Л. 10]. Нарушило отработанный процесс по передаче верующим богослужебного имущества заявление некоего гражданина Иоселя Абелевича Шура, отправленное им в Симферопольский райисполком [Там же. Л. 18]. В этом обращении заявитель сообщал, что «ещё до прихода Советской власти я сдавал часть своего дома по Мечетной улице, 32, в аренду еврейскому обществу под молитвенный дом. С приходом Советской власти мой дом первоначально муниципализировали, а молитвенный дом по распространению властей закрыли» [Там же]. После того, как дом был освобождён от муниципализации, его вернули владельцу, но синагогу при этом не открыли. Обращение группы верующих по открытию синагоги вызвало возмущение хозяина дома, поскольку двадцатка не обращалась к нему за разрешением. В связи с этим И. А. Шур просил «о расторжении договора с еврейским обществом на аренду, находящегося в моём доме молитвенного дома» [Там же. Л. 19].

Городской райисполком решил выяснить, кому всё же принадлежала часть дома, на которую претендовала еврейская община. Обе стороны должны были предоставить доказательства, подтверждающие право на владение домом. Если это здание ранее принадлежало религиозной организации, то «дом должен считаться народным достоянием и подлежит оставлению в пользовании группы верующих, коей он передан». Однако если будет доказано, что община домом не владела, а лишь арендовала его, то «договор подлежит расторжению как основанный на заблуждении» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 986. Л. 20]. В итоге разбирательств Управление коммунального хозяйства удостоверило, что недвижимое имущество, находящееся в Симферополе по адресу ул. Мечетная, 32, по налоговым книгам Симферопольской Городской Управы за 1913 г. значилось принадлежавшим И. А. Шуру. Подтверждающие документы были выданы владельцу 8 мая 1922 г. [Там же. Л. 27].

В свою очередь, еврейская община не смогла предоставить документального подтверждения своих прав, и лишь утверждала, «что помещение под синагогу принадлежало 13 лет тому назад обществу верующих и по ныне. Т. е. Синагога была специально построена на общественные средства». Обращая внимание властей на имущественное положение И. А. Шура, верующие в заявлении указывали: «Шур, домовладелец имеет кроме этого дома ещё другие дома» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 986. Л. 29]. Однако данное заявление оставили без последствий. Об этом свидетельствует выписка из протокола «Заседания комиссии по ликвидации подворий, домовых церквей и проч. при Симферопольском Гор. Райисполкоме» от 8 февра-

ля 1924 г. Комиссия постановила: «...договор в части помещения занимаемого синагогой “Бет-Яков” и принадлежащего, как видно из документов, частному лицу считать подлежащим расторжению, а в части имущества синагоги считать в силе». Двдцатка должна была покинуть здание, но, тем не менее, всё богослужбное движимое имущество оставалось в религиозной общине [Там же. Л. 30].

В 1920-х гг. группа верующих еврейской общины Симферополя обратилась к местным органам власти за разрешением пользоваться синагогой «Эц-Хаим» (каменное здание на ул. Малобазарной около 7 метров в высоту, 15 м в длину, 21,5 м в ширину), как говорилось в прошении, для «удовлетворения наших религиозных потребностей». В счёт гербового сбора с общины было взыскано 206 рублей [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 213. Л. 1–3]. Список движимого имущества состоял из традиционных предметов и артефактов для отправления религиозных обрядов. Капиталов или же ценных предметов синагога не имела. До 1929 г. синагога функционировала как объект религиозного культа. Конец 1920-х гг. ознаменовался появлением на предприятиях и в организациях лиц, открыто выступающих за закрытие молитвенных домов всех конфессий. Здание синагоги «Эц-Хаим» привлекло внимание кустарей: «...они потребовали передать Божий храм под физкультурный зал. Артель «Крымтрикотаж» поддержал кустарей» [Там же. Л. 16–20]. Такой всесторонний натиск буквально заставлял верующих отказаться от здания синагоги. Кроме этого, проводились и профилактические «беседы» с самими верующими, поскольку здание могли взять в аренду не менее 20 человек, поэтому выход людей из общины лишал организацию её участников. Если двадцатка не досчитывалась своих членов (которых фактически заставляли отказываться от участия в религиозной организации), здание синагоги у группы верующих изымалось. Так произошло и в случае с синагогой «Эц-Хаим». 20 марта 1930 г. президиум Симферопольского горсовета постановил: «Ввиду отказа группы верующих от пользования синагогой и учитывая требования трудящихся о закрытии, возбудить ходатайство перед КрымЦИКом о ликвидации синагоги». Само здание синагоги должно было быть передано Отделу Народного образования для использования под нужды школы [Там же. Л. 21].

Советские органы власти пытались оправдать закрытие двух синагог, «Эц-Хаим» и «Нер-Томид», сложной экономической ситуацией на полуострове и нехваткой зданий для магазинов, молочных ферм, птичников, свинарников, а также под иные цели [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 213. Л. 25]. Поскольку строительство новых зданий требовало значительных средств, то было принято решение под эти цели освободить другие, уже построенные здания не торгового характера. По мнению представителей местных органов власти, обе синагоги находились в районе, где не было ни одного магазина. И принимая во внимание, что группа верующих сама отказалась от пользования синагогами (а фактически они пошли на этот шаг под принуждением), было принято решение: «...настоятельно просим Президиум Горсовета передать в распоряжение ЦРК это помещение с тем, что в нём в кратчайший срок будет оборудован специальный показательный магазин» [Там же]. Синагога «Нер-Томид» должна была быть передана

для нужд открываемого крымско-татарского клуба, и в здании синагоги планировали разместить общественную столовую. В свою очередь, заявку на использование здания синагоги «Эц-Хаим» в своих целях подал «Крымкредпромсоюз», изъявивший желание разместить в здании синагоги спортивный зал [Там же. Л. 26]. Такая политика местных органов власти, оставивших еврейское население города без их культовых сооружений, не могла не вызвать возмущение групп верующих. Ими в КрымЦИК было направлено письмо, в котором указывалось, по каким причинам группы верующих отказывались от дальнейшего участия в религиозных организациях: «...добровольность представителей двадцаток диктовалась теми репрессиями, которые грезилась им в будущем» [Там же. Л. 28]. Они просили КрымЦИК об открытии хотя бы одной синагоги, «Эц-Хаим» или же «Нер-Томид», и уверяли, что необходимая двадцатка для взятия богослужебного имущества соберётся. Однако ответ на запрос верующих постоянно затягивался, решение по данному вопросу откладывалось. Прихожане высказывали недовольство, поскольку в преддверии пасхальных праздников лишь одна действующая синагога не могла вместить в себя всех верующих. Религиозные организации требовали от властей «прекратить практику закрытия храмов в административном порядке, фиктивно прикрываясь добровольными желаниями населения» [Там же. Л. 32]. Тем не менее, все старания верующих оказались напрасными, и по решению местных органов власти здание синагоги «Нер-Томид» всё же передали под общественную столовую, а помещение синагоги «Эц-Хаим» – под школу ГорОНО [Там же. Л. 25].

Хоральная синагога Симферополя продолжала свою работу и после установления в Крыму советской власти. Однако сложность существования любого культового сооружения заключалась не только и не столько в сохранности имущества и соблюдении технической безопасности объекта. Для нормального функционирования синагоги требовалось, чтобы участников религиозной общины всегда было не менее 20-ти человек. 20 мая 1929 г. в ЦАУ НКВД Крыма поступило письмо, в котором сообщалось, что община Хоральной синагоги больше не насчитывает 20 человек, и если группа верующих вновь не восстановится в полном составе, то синагогу передадут кустарям. Подобная ситуация была не исключением, а скорее закономерностью того времени. Уже в августе того же года Горсовет, опираясь на мнение трудящихся, внёс предложение: «...передать помещение синагоги под клуб кустарей» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1610. Л. 1]. Желание перепрофилировать здание синагоги было отмечено даже в местной прессе. «Мы категорически требуем от горсовета выполнения постановлений и наказов еврейского трудящегося населения по этому поводу, – заявили кустари. – Даёшь синагогу под клуб!» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1610. Л. 3]. Синагогу на время рассмотрения вопроса о её дальнейшей судьбе решено было опечатать. Верующим же было объявлено, что они, при наличии полного состава двадцатки, тоже смогут пользоваться культовым имуществом. Однако рассмотрение дела затянулось до зимы, и кустари не желали больше ждать. Члены артели «Солидарность Крыма» обратились в Райисполком с требованием «немедленно обратиться к соответствующим высшим органам с ходатайством о пе-

редаче помещения Хоральной синагоги под дом культурного обслуживания кустарей» [ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1610. Л. 8]. 19 декабря 1928 г. по данному вопросу высказались и члены артели «Американский швейник», которые тоже потребовали передать здание синагоги под клуб кустарей, поскольку имеющееся в их распоряжении здание не удовлетворяло потребности трудовых коллективов [Там же. Л. 9]. В дальнейшем с аналогичными требованиями о передаче культовых зданий выступили и другие артели города Симферополя.

И хотя деятельность многих культовых сооружений иудейских общин Крыма в 1920-х гг. продолжалась, их функционирование было существенно ограничено различными постановлениями органов советской власти и вновь утверждёнными правилами. Вместе с тем, церковные столы не стремились обострять отношения с нехристианскими группами верующих, к которым были отнесены еврейские, караимские и крымчакские общины. Это даже привело к всплеску антисемитизма среди православного населения. Например, на одном из заводов в Феодосии рабочие так оценивали религиозную политику местных органов власти: «...почему коммунисты не смеются над жидовскими раввинами и татарскими муллами, а все посмеиваются над русскими?» [ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1041. Л. 1]. Причём в соответствии с данными статистики райисполкомов, в Крыму среди всех религиозных организаций только 4% составляли евреи [ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 807. Л. 2].

Идеологическое воздействие со стороны властных структур сказалось не только на функционировании, но и на самом существовании объектов культовой архитектуры всех конфессий. Проводившаяся советскими партийными и государственными органами политика, в идеологических установках которой религия была признана не только не нужной, но даже опасной для построения нового советского общества, подразумевала борьбу с любым проявлением религиозности. Противодействие официальных органов власти, с которым столкнулись религиозные общины в вопросах использования объектов культового назначения, в итоге привело сначала к существенному ограничению возможностей их функционирования, а затем – к закрытию и ликвидации религиозных объединений граждан. Следует отметить, что ограничение конфессиональной активности осуществлялось в зависимости от многих факторов: религиозности той или иной группы верующих, уровня социально-экономического развития, отношения советской власти к той или иной конфессии. Власть наглядно демонстрировала, что духовные ценности являлись ложными в вопросе формирования новой социалистической доктрины, и не имеют никакого значения для молодого Советского государства и его граждан. Многие объекты культовой архитектуры иудейских общин исчезли с карты Крыма, а большинство из сохранившихся использовались не по назначению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахмедова Г.Р. Проблема функционирования иудейских, католических и мусульманских культовых сооружений в первые годы установления Советской власти в Крыму в нормативных документах советских органов // Причерноморье. История, политика, культура: избранные материалы XIII Всероссийской научной конференции «Лазаревские чтения» / ред. С.Ю. Сапрыкин. М.: Изд-во МГУ, 2016. Вып. XVIII (VIII). Серия Б-В. С. 27–31.
2. Белоглазов Р.Н. Идеологическое воздействие органов государственной власти на религиозные конфессии Крыма в 1920-е годы // Крымский архив. 2000. № 6. С. 258–264.
3. Белоглазов Р.Н. Изъятие церковных ценностей в Крыму в 1922 г. // Арсений Иванович Маркевич. Первые Таврические международные научные чтения. Симферополь: Телекс, 2000. С. 31–34.
4. Белоглазов Р.Н. Административно-правовое регулирование деятельности религиозных организаций в Крымской АССР в середине 1920-х гг. // Проблемы науки. 2015. № 1. С. 46–50.
5. Белоглазов Р.Н. Восстановление правового статуса религиозного управления (муфтиата) мусульман в Крымской АССР в начале 1920-х гг. // Проблемы науки. 2015. № 1. С. 51–57.
6. Белоглазов Р.Н. Административно-правовое регулирование деятельности сектантских общин в середине 1920-х годов (по материалам Крымской АССР) // Достижения науки и образования. 2016. № 6. С. 32–37.
7. Белоглазов Р.Н. Реализация законодательства о религиозных организациях в Крымской АССР в начале 1920-х годов // Отечественная юриспруденция. 2016. № 5. С. 5–9.
8. Белоглазов Р.Н. Отношение органов власти Крымской АССР к мусульманскому населению в период новой экономической политики (1923–1927 гг.) // Историческое наследие Крыма: сборник статей. Симферополь, 2017. С. 226–230.
9. Белоглазов Р.Н., Осиповский С.Н. Административное и идеологическое воздействие органов власти на религиозные общины Севастополя (середина 1920-х – 1930-е гг.) // Манускрипт. 2020. Т. 13, Вып. 4. С. 16–23.
10. Белоглазов Р.М. Політика радянської влади щодо релігійних конфесій у 1920-і роки (за матеріалами Кримської АСРР): дис. ... канд. іст. наук. Симферополь, 2001. 234 с.
11. Белый О.Б. Документы из истории караимской общины г. Бахчисарая начала XX в. // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 2. С. 376–397.
12. Белый О.Б. К вопросу о взаимоотношениях советского государства и караимской конфессии в 1920–1930-х гг. (по материалам ГААРК) // Этнография Крыма XIX–XX вв. и современные этнокультурные процессы: материалы и исследования. Симферополь: КЭМ, 2002. С. 272–278.
13. Бойцова Е.Е. Деятельность мусульманских общин Севастопольского района в 1920-х годах // Культура народов Причерноморья. 2004. № 48. С. 42–49.
14. Бойцова Е.Е. Ідейне протистояння органів радянської влади і мусульманських громад Севастопольського району в 20-х роках XX ст. // Вісник Національного університету Львівська політехніка. 2004. № 498. С. 109–114.
15. Бойцова Е.Е., Ганкевич В.Ю., Муратова Э.С., Хайрединова З.З. Ислам в Крыму: очерки истории функционирования мусульманских институтов. Симферополь: Элиньо, 2009. 432 с.
16. Гуркович В.Н. Синагога «Нер-Томид» в Симферополе // Евреи Крыма. Очерки истории. Симферополь; Иерусалим, 1997. С. 55–66.
17. Гусева Ю.Н. Мусульмане Крыма и советская власть: взгляд из Москвы 1920-х гг. // Ислам в современном мире. 2016. № 12 (1). С. 137–144.
18. Давыдова Н.А. Отношение советской власти к служителям культа в Севастополе в 1920–1930 годы // В поисках утраченного единства / ред.-сост. Е.А. Попова. Симферополь: Крымский Архив, 2005. С. 184–192.
19. Давыдова Н.А. Отношение органов Советской власти к служителям религиозных культов в Севастополе в 1920–1930 годы // Севастополь: взгляд в прошлое: сб. науч. статей сотрудников Государственного архива г. Севастополя / сост. В.В. Крестьянников. Севастополь: Максим, 2006. С. 238–246.

20. Дедкова Г.Р. Особенности функционирования мечетей в Крыму в 20-х гг. XX в. // Причерноморье. История, политика, культура: избранные материалы XIV международной научной конференции «Лазаревские чтения» / ред. С.Б. Филимонов. М.: Изд-во МГУ, 2013. Вып. XX (IX). Сер. Б. 2017. С. 36–39.
21. Доненко Н.Н., протоиерей. Претерпевшие до конца: священники Крымской епархии 30-х годов. Симферополь: Таврида, 1997. 62 с.
22. Дубинчук С.А. Гонения на православную церковь в Крыму (1920–30 гг.): постановка проблемы и перспективы исследования // Таврические духовные чтения: материалы международной науч.-практ. конференции, посвященной 140-летию открытия Таврической духовной семинарии (г. Симферополь, 12–13 февраля 2013 г.). Симферополь, 2013. С. 195–199.
23. Ельяшевич В.А. Краткая история караимского молитвенного дома (кенасы) Севастополя // Известия Духовного Управления караимов Республики Крым. Евпатория, 2016. № 20(29). С. 19–21.
24. Ельяшевич В.А. Краткая история караимского молитвенного дома (кенасы) Севастополя (окончание) // Известия Духовного Управления караимов Республики Крым. Евпатория, 2016. № 21(30). С. 18–23.
25. Ельяшевич В.А. Из ответа газзана Исаака Султанского на предписание Таврического и Одесского караимского гахама. Имущество Севастопольской караимской общины и утварь кенасы // Известия Духовного Управления караимов Республики Крым. Евпатория, 2016. № 21(30). С. 23–27.
26. Ельяшевич В.А. История караимского молитвенного дома (кенасы) Карасубазара // Известия Духовного Управления караимов Республики Крым. Евпатория, 2017. № 22(31). С. 19–25.
27. Ельяшевич В.А. Коллекция свитков Торы в караимской кенасе Феодосии // Известия Духовного Управления караимов Республики Крым. Евпатория. 2018. № 27, апрель. С. 13–18.
28. Змерзлий Б.В. Політика радянської держави щодо Російської Православної Церкви у Криму в 1921–1929 роках: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2001. 18 с.
29. Змерзлий Б.В. Политические документы РКП (б) (ВКП (б)), ставшие идеологической основой законодательной базы в деле регулирования деятельности религиозных общин в СССР (1920-1930-е гг.) // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Юридические науки». 2009. Т. 22(61). № 2. С. 23–30.
30. Кирющко М.І., Бойцова О.С. Ислам в Криму: релігійно-національна самоідентифікація кримськотатарського народу. Київ: Світогляд, 2005. 300 с.
31. Кондратюк Г.М. Національна політика в Кримській АРСР у 20–30 роках ХХ століття. Вінниця: Нілан, 2014. 251 с.
32. Катунин Ю.А. Политика государственных органов власти Крыма в отношении церкви в 1927–1928 гг. // Культура народов Причерноморья. 1999. № 7. С. 218–222.
33. Катунин Ю.А. Православие Крыма в 1917–1939 годах: проблема взаимоотношений с государством. Симферополь: Ната, 2001. 416 с.
34. Катунин Ю.А. Православная церковь и государство: проблема взаимоотношений в 1917–1939 гг. (на материалах Крыма): дисс. ... докт. ист. наук. Симферополь, 2003. 508 с.
35. Кизилев М.Б. Караимские таппухим: уникальная коллекция наверхий на свитки Торы из фондов феодосийского музея древностей // Караимы Феодосии: история – религия – культура. Симферополь: Таврида, 2018. С. 173–180.
36. Павленкова Н.В. «Двадцатки» караимов Евпатории. Архивные свидетельства 1920–30-х годов // Известия Духовного управления караимских религиозных организаций Украины. Евпатория, 2012, ноябрь. № 5(14) С. 7–9.
37. Прохоров Д.А. Историко-архитектурные объекты и особенности застройки городов Крымского полуострова в контексте истории караимов // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2015. Вып. 7. С. 237–278.
38. Прохоров Д.А. Музейные коллекции по истории и культуре крымских караимов. Симферополь: Бизнес-информ, 2016. 320 с.
39. Рибак І.В. Особливості радянської релігійної політики в Криму у другій половині 20-х років // Культура народов Причерноморья. 2002. № 36. С. 106–109.

40. Рибак І.В. Політика радянської влади щодо Російської православної церкви в Криму (1917–1941 рр.): автореф. дис. ... канд. іст. наук. Черкаси, 2008. 20 с.
41. РСФСР. Законы и постановления. Свод законов РСФСР. М.: Сов. Россия, 1984. Т. 1. 904 с.
42. Ревкомы Крыма: Сборник документов и материалов / ред. Л.Д. Солодовник. Симферополь: Крым, 1968. 243 с.
43. Скряля К.Ю., Прохоров Д.А. К вопросу о правовом регулировании актов гражданского состояния // Научный вестник Крыма. 2018. № 4 (18). [Электронный ресурс]. URL: <http://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/297/pdf> (дата обращения: 05.05.2020)
44. Смирнов Н. Классовая база ислама в Крыму // Воинствующий атеист. 1931. № 8–9. С. 31–49.
45. Советский Союз. Евреи в Советском Союзе в 1922–41 гг. // Электронная еврейская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eleven.co.il/article/15416#07> (дата обращения: 12.07.2020).
46. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства РСФСР. 1925. № 30. Ст. 218. С. 1–20.
47. Теперь за работу // Маяк коммуны. 1925. № 41. 6 мая.
48. Терещук Н.М. История караимской общины Севастополя в условиях поликультурного общества (вторая половина XIX в. – 1920-е гг.) по данным Государственного архива г. Севастополя // Материалы XVI ежегодной Международной междисциплинарной конференции по иудаике / ред. В. Мочалова. М., 2009. С. 287–298.
49. Терещук Н.М. К вопросу о лишении избирательных прав севастопольских караимов (на материалах Государственного архива г. Севастополя) // Научные труды по иудаике. Материалы XVIII Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2011. Т. II. С. 205–213. (Академическая серия, Вып. 35).
50. Терещук Н.М. Взаимоотношение религиозных общин нехристианских конфессий с органами Советской власти в 20-е годы // В поисках утраченного единства: сб. статей. Симферополь, 2005. С. 217–226.
51. Терещук Н.М. Отношения органов советской власти с еврейскими религиозными организациями г. Севастополя в 1920-е – начале 1930-х гг. // Память о прошлом: Сборник научных статей сотрудников Государственного архива г. Севастополя / сост. В.В. Крестьянников. Севастополь: ЧП Арэфьев, 2007. С. 200–205.
52. Феодосия // Еврейская электронная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://eleven.co.il/diaspora/communities/14263/> (дата обращения: 12.07.2020).
53. Фесенко А.А. Лишение избирательных прав крымских татар в 20–30-е гг. XX столетия в Севастополе // Севастополь: взгляд в прошлое: сб. научных статей сотрудников Государственного архива г. Севастополя / сост. В.В. Крестьянников. Севастополь: Максим, 2006. С. 257–262.
54. Фесенко А.А. Мулла Юсуф Рахимов в контексте деятельности севастопольской мечети (1914–1938 гг.) // VIII Таврические научные чтения: сб. материалов: в 2-х ч. / ред. Е.Б. Вишневская, И.Ф. Стельмах, А.В. Зубарев. Симферополь: Центральный музей Тавриды, 2007. Ч. 2. С. 146–156.
55. Фесенко А.А. Политика органов государственной власти в отношении мусульманских общин г. Севастополя в 20–30-е годы XX столетия // Севастополь: взгляд в прошлое: сб. науч. статей сотрудников Государственного архива г. Севастополя / сост. В.В. Крестьянников. Севастополь: Максим, 2006. С. 235–237.
56. Филимонов С.Б. По следам православных святынь и реликвий, утраченных в послереволюционном Крыму // II Таврические научные чтения, посвященные 80-летию Центрального музея Тавриды (г. Симферополь, 25 мая 2001 г.): сб. материалов / ред. Е.Б. Вишневская. Симферополь, 2002. С. 60–63.
57. Хайрулдинова Э.М. Особенности взаимоотношений Советской власти и мусульман в Крымской АССР (начало 20-х – конец 30-х гг. XX века) // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2011. Т. 24(63). № 2. С. 134–139.

REFERENCES

1. Ahmedova G.R. Problema funkcionirovanija iudejskih, katolicheskikh i musul'manskih kul'tovyh sooruzhenij v pervye gody ustanovlenija Sovetskoj vlasti v Krymu v normativnyh dokumentah sovetskih organov. Saprykin S.Ju. (Ed.), *Prichernomor'e. Istorija, politika, kul'tura: izbrannye materialy XIII Vserossijskoj nauchnoj konferencii «Lazarevskie chtenija»*, Moscow, MGU M.V. Lomonosov's Publ., 2016, Vol. XVIII (VIII), Serija B-V, pp. 27–31.
2. Beloglazov R.N. Ideologicheskoe vozdejstvie organov gosudarstvennoj vlasti na religioznye konfessii Kryma v 1920-e gody. *Krymskij arhiv*, 2000, No. 6, pp. 258–264.
3. Beloglazov R.N. Iz'jatije cerkovnyh cennostej v Krymu v 1922 g. *Arsenij Ivanovich Markevich. Pervye Tavricheskie mezhdunarodnye nauchnye chtenija*, Simferopol, 2000, pp. 31–34.
4. Beloglazov R.N. Administrativno-pravovoe regulirovanie dejatel'nosti religioznyh organizacij v Krymskoj ASSR v seredine 1920-h gg. *Problemy nauki*, 2015, No. 1, pp. 46–50.
5. Beloglazov R.N. Vosstanovlenie pravovogo statusa religioznogo upravlenija (muftiata) musul'man v Krymskoj ASSR v nachale 1920-h gg. *Problemy nauki*, 2015, No. 1, pp. 51–57.
6. Beloglazov R.N. Administrativno-pravovoe regulirovanie dejatel'nosti sektantskih obshhin v seredine 1920-h godov (po materialam Krymskoj ASSR). *Dostizhenija nauki i obrazovanija*, 2016, No. 6, pp. 32–37.
7. Beloglazov R.N. Realizacija zakonodatel'stva o religioznyh organizacijah v Krymskoj ASSR v nachale 1920-h godov. *Otechestvennaja jurisprudencija*, 2016, No. 5, pp. 5–9.
8. Beloglazov R.N. Otnoshenie organov vlasti Krymskoj ASSR k musul'manskomu naseleniju v period novoj jekonomicheskoi politiki (1923–1927 gg.). *Istoricheskoe nasledie Kryma*, Simferopol, 2017, pp. 226–230.
9. Beloglazov R.N. Osipovskij S.N. Administrativnoe i ideologicheskoe vozdejstvie organov vlasti na religioznye obshhiny Sevastopolja (seredina 1920-h – 1930-e gg.). *Manuskript*, 2020, T. 13, Vol. 4, pp. 16–23.
10. Beloglazov R.M. *Politika radjans'koj vladi shhodo religijnih konfesij u 1920-i roki (za materialami Krims'koj ASSR)*. Text of kandidat. diss. Simferopol, 2001, 234 p.
11. Belyj O.B. Dokumenty iz istorii karaimskoj obshhiny g. Bahchisaraja nachala XX v. *Bahchisarajskij istoriko-arheologicheskij sbornik*, Simferopol, 2001, Vol. 2, pp. 376–397.
12. Belyj O.B. K voprosu o vzaimootnoshenijah sovetskogo gosudarstva i karaimskoj konfessii v 1920–1930-h gg. (po materialam GAARK). *Jetnografija Kryma XIX–XX vv. i sovremennye jetnokul'turnye processy: materialy i issledovanija*, Simferopol, KEM Publ., 2002, pp. 272–278.
13. Bojcova E.E. Dejatel'nost' musul'manskih obshhin Sevastopol'skogo rajona v 1920-h godah. *Kul'tura narodov Prichernomor'ja*, 2004, No. 48, pp. 42–49.
14. Bojcova E.E. Idejne protistojannja organiv radjans'koj vladi i musul'mans'kih gromad Sevastopol'skogo rajonu v 20-h rokah XX st. *Visnik Nacional'nogo universitetu L'vivs'ka politehnika*, 2004, No. 498, pp. 109–114.
15. Bojcova E.E., Gankevich V.Ju., Muratova Je.S., Hajreddinova Z.Z. *Islam v Krymu: ocherki istorii funkcionirovanija musul'manskih institutov*. Simferopol, Jelin'o Publ., 2009, 432 p.
16. Gurkovich V.N. Sinagoga «Ner-Tomid» v Simferopole. *Evrei Kryma. Ocherki istorii*. Simferopol, Jerusalem, 1997, pp. 55–66.
17. Guseva Ju.N. Musul'mane Kryma i sovetskaja vlast': vzgljad iz Moskvy 1920-h gg. *Islam v sovremennom mire*, 2016, No. 12(1), pp. 137–144.
18. Davydova N.A. Otnoshenie sovetskoj vlasti k sluzhiteljam kul'ta v Sevastopole v 1920–1930 gody. Popov E.A. (Ed.), *V poiskah utrachenogo edinstva*, Simferopol, Krymskij Arhiv Publ., 2005, pp. 184–192.
19. Davydova N.A. Otnoshenie organov Sovetskoj vlasti k sluzhiteljam religioznyh kul'tov v Sevastopole v 1920–1930 gody. Krest'jannikov V.V. (Ed.), *Sevastopol': vzgljad v proshloe: sb. nauch. statej sotrudnikov Gosudarstvennogo arhiva g. Sevastopolja*, Sevastopol, Maksim Publ., 2006, pp. 238–246.
20. Dedkova G.R. Osobennosti funkcionirovanija mechetej v Krymu v 20-h gg. XX v. Filimonov S.B. (Ed.), *Prichernomor'e. Istorija, politika, kul'tura: izbrannye materialy XIV mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Lazarevskie chtenija»*, Moscow, MGU M.V. Lomonosov's Publ., 2013., Vol. XX (IX), Ser. B, 2017, pp. 36–39.
21. Donenko N.N. *Preterpevschie do konca: svjashhenniki Krymskoj eparhii 30-h godov*. Simferopol, Tavrida Publ., 1997, 62 p.

22. Dubinchuk S.A. Gonenija na pravoslavnuju cerkov' v Krymu (1920–30 gg.): postanovka problemy i perspektivy issledovanija. *Tavrisheskie duhovnye chtenija: materialy mezhdunarodnoj konferencii, posvjashhennoj 140-letijuotkrytija Tavrisheskoj duhovnoj seminarii (g. Simferopol', 12–13 fevralja 2013 g.)*. Simferopol, 2013, pp. 195–199.
23. El'jashevich V.A. Kratkaja istorija karaimskogo molitvennogo doma (kenasy) Sevastopolja. *Izvestija Duhovnogo Upravljenija karaimov Respubliki Krym*, Evpatorija, 2016, No. 20(29), pp. 19–21.
24. El'jashevich V.A. Kratkaja istorija karaimskogo molitvennogo doma (kenasy) Sevastopolja (okonchanie). *Izvestija Duhovnogo Upravljenija karaimov Respubliki Krym*, Evpatorija, 2016, No. 21(30), pp. 18–23.
25. El'jashevich V.A. Iz otveta gazzana Isaaka Sultanskogo na predpisanie Tavrisheskogo i Odesskogo karaimskogo gahama. Imushhestvo Sevastopol'skoj karaimskoj obshhiny i utvar' kenasy. *Izvestija Duhovnogo Upravljenija karaimov Respubliki Krym*, Evpatorija, 2016, No. 21(30), pp. 23–27.
26. El'jashevich V.A. Istorija karaimskogo molitvennogo doma (kenasy) Karasubazara. *Izvestija Duhovnogo Upravljenija karaimov Respubliki Krym*, Evpatorija, 2017, No. 22(31), pp. 19–25.
27. El'jashevich V.A. Kollekcija svitkov Tory v karaimskoj kenase Feodosii. *Izvestija Duhovnogo Upravljenija karaimov Respubliki Krym*, Evpatorija, 2018, No. 27, pp. 13–18.
28. Zmerzlyj B.V. *Politika radjans'koj derzhavi shhodo Rosijs'koj Pravoslavnoj Cerkvi u Krimu v 1921–1929 rokah*. Abstract of kandidat. diss. Kyiv, 2001, 18 p.
29. Zmerzlyj B.V. Politicheskie dokumenty RKP (b) (VKP (b)), stavshie ideologicheskoy osnovoj zakonodatel'noj bazy v dele regulirovanija dejatel'nosti religioznych obshhin v SSSR (1920–1930-e g.g.). *Uchenye zapiski Tavrisheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Ser.: «Juridicheskie nauki»*, 2009, Vol. 22(61), No. 2, pp. 23–30.
30. Kirjushko M.I., Bojcov O.E. *Islam v Krimu: religijno-nacional'na samoidentifikacija krimsk'kotatars'kogo narodu*. Kyiv, Svitogljad Publ., 2005, 300 p.
31. Kondratjuk G.M. *Nacional'na politika v Krimsk'kij ARSR u 20–30 rokah XX stolittja*. Vinnicja, Nilan Publ., 2014, 251 p.
32. Katunin Ju.A. Politika gosudarstvennyh organov vlasti Kryma v otnoshenii cerkvi v 1927–1928 gg. *Kul'tura narodov Prichernomor'ja*, 1999, No. 7, pp. 218–222.
33. Katunin Ju.A. *Pravoslavie Kryma v 1917–1939 godah: problema vzaimootnoshenij s gosudarstvom*. Simferopol, Nata Publ., 2001, 416 p.
34. Katunin Ju.A. *Pravoslavnaja cerkov' i gosudarstvo: problema vzaimootnoshenij v 1917–1939 gg. (na materialah Kryma)*. Text of doctorat. diss. Simferopol, 2003, 508 p.
35. Kizilov M.B. Karaimskie tappuhim: unikal'naja kollekcija naversnij na svitki Tory iz fondov feodosijskogo muzeja drevnostej. *Karaimy Feodosii: istorija – religija – kul'tura*, Simferopol, Tavrida Publ., 2018, pp. 173–180.
36. Pavlenkova N.V. «Dvadcatki» karaimov Evpatorii. Arhivnye svidetel'stva 1920–30-h godov. *Izvestija Duhovnogo upravljenija karaimskih religioznych organizacij Ukrainy*, Evpatorija, 2012, № 5(14), pp. 7–9.
37. Prohorov D.A. Istoriko-arhitekturnye ob'ekty i osobennosti zastrojki gorodov Krymskogo poluoostrova v kontekste istorii karaimov. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma*, 2015, Vol. 7, pp. 237–278.
38. Prohorov D.A. *Muzejnye kollekcii po istorii i kul'ture krymskikh karaimov*. Simferopol, Biznes-inform Publ., 2016, 320 p.
39. Ribak I.V. Osoblivosti radjans'koj religijnoj politiki v Krimu u drugij polovini 20-h rokov. *Kul'tura narodov Prichernomor'ja*, 2002, No. 36, pp. 106–109.
40. Ribak I.V. *Politika radjans'koj vladi shhodo Rosijs'koj pravoslavnoj cerkvi v Krimu (1917–1941 rr.)*. Abstract of kandidat. diss. Cherkasi, 2008, 20 p.
41. *RSFSR. Zakony i postanovlenija. Svod zakonov RSFSR*. Moscow, Sov. Rossija Publ., 1984, T. 1, 904 p.
42. *Revkomy Kryma: Sbornik dokumentov i materialov*. Simferopol, Krym Publ., 1968, 243 p.
43. Skrelja K.Ju., Prohorov D.A. K voprosu o pravovom regulirovanii aktov grazhdanskogo sostojanija. *Nauchnyj vestnik Kryma*, 2018, No. 4(18). URL: <http://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/297/pdf>.
44. Smirnov N. Klassovaja baza islama v Krymu. *Voinstvujushhij ateist*, 1931, No. 8–9, pp. 31–49.

45. Sovetskij Sojuz. Evrei v Sovetskom Sojuze v 1922–41 gg. *Jelektronnaja evrejskaja jenciklopedija*. URL: <http://www.eleven.co.il/article/15416#07>.
46. Sobranie uzakonenij i rasporjazhenij Raboche-krest'janskogo Pravitel'stva RSFSR. 1925, No. 30, St. 218, pp. 1–20.
47. Teper' za rabotu. *Majak kommuny*, 1925, may 6.
48. Tereshhuk N.M. Istorija karaimskoj obshhiny Sevastopolja v uslovijah polikul'turnogo obshhestva (vtoraja polovina XIX v. – 1920-e gg.) po dannym Gosudarstvennogo arhiva g. Sevastopolja. Mochalov V. (Ed.), *Materialy XVI ezhegodnoj Mezhdunarodnoj mezhdisciplinarnoj konferencii po iudaike*, Moscow, 2009, pp. 287–298.
49. Tereshhuk N.M. K voprosu o lishenii izbiratel'nyh prav sevastopol'skih karaimov (na materialah Gosudarstvennogo arhiva g. Sevastopolja). *Nauchnye trudy po iudaike. Materialy XVIII Ezhegodnoj Mezhdunarodnoj Mezhdisciplinarnoj konferencii po iudaike*, Moscow, 2011, T. II, pp. 205–213.
50. Tereshhuk N.M. Vzaimootnoshenie religioznyh obshhin nehristsianskih konfessij s organami Sovetskoj vlasti v 20-e gody. *V poiskah utrachennogo edinstva*, Simferopol, 2005, pp. 217–226.
51. Tereshhuk N.M. Otnoshenija organov sovetskoj vlasti s evrejskimi religioznymi organizacijami g. Sevastopolja v 1920-e – nachale 1930-h gg. Krest'jannikov V.V. (Ed.), *Pamjat' o proshlom: Sbornik nauchnyh statej sotrudnikov Gosudarstvennogo arhiva g. Sevastopolja*, Sevastopol, Aref'ev Publ., 2007, pp. 200–205.
52. Feodosija. *Evrejskaja jelektronnaja jenciklopedija*. URL: <https://eleven.co.il/diaspora/communities/14263/>.
53. Fesenko A.A. Lishenie izbiratel'nyh prav krymskih tatar v 20–30-e gg. XX stoletija v Sevastopole. Krest'jannikov V.V. (Ed.), *Sevastopol: vzgljad v proshloe: sbornik nauchnyh statej sotrudnikov Gosudarstvennogo arhiva g. Sevastopolja*, Sevastopol, Maksim Publ., 2006, pp. 257–262.
54. Fesenko A.A. Mulla Jusuf Rahimov v kontekste dejatel'nosti sevastopol'skoj mecheti (1914–1938 gg.). Vishnevskaja E.V., Stel'mah I.F., Zubarev A.V. (Eds.), *VIII Tavricheskie nauchnye chtenija: sbornik materialov*, Simferopol, Central'nyj muzej Tavridy Publ., 2007, Vol. 2, pp. 146–156.
55. Fesenko A.A. Politika organov gosudarstvennoj vlasti v otnoshenii musul'manskih obshhin g. Sevastopolja v 20–30-e gody XX stoletija. Krest'jannikov V.V. (Ed.), *Sevastopol: vzgljad v proshloe: sbornik nauchnyh statej sotrudnikov Gosudarstvennogo arhiva g. Sevastopolja*, Sevastopol, Maksim Publ., 2006, pp. 235–237.
56. Filimonov S.B. Po sledam pravoslavnyh svjatyh i relikvij, utrachennyh v poslerevoljucionnom Krymu. Vishnevskaja E.V. (Ed.), *II Tavricheskie nauchnye chtenija, posvjashhennye 80-letiju Central'nogo muzeja Tavridy (g. Simferopol', 25 maja 2001 g.): sbornik materialov*, Simferopol, 2002, pp. 60–63.
57. Hajruddinova Je.M. Osobennosti vzaimootnoshenij Sovetskoj vlasti i musul'man v Krymskoj ASSR (nachalo 20-h – konec 30-h gg. XX veka). *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Serija «Istoricheskie nauki»*, 2011, T. 24(63), No. 2, pp. 134–139.

Информация об авторах

Прохоров Д. А. – доктор исторических наук, доцент кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Таврической академии, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Researcher ID: AAC-6172-2019.

Латышева Е. В. – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой документоведения и архивоведения исторического факультета Таврической академии, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского.

Information about the authors

Prokhorov D. A. – Doctor of Science (History), Associate Professor at the Department chair of document science and archive science at the Taurida Academy and Senior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: AAC-6172-2019.

Latysheva E. V. – Doctor of Science (History), Professor at the Department chair of document science and archive science at the Taurida Academy of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University.

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ КРЫМСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА ИМ. М. В. ФРУНЗЕ: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ВУЗА

Андрей Анатольевич Непомнящий

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия,
dr.aan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4031-232X>*

Аннотация. На основе обширного корпуса документов Государственного архива Российской Федерации, которые впервые вводятся в научный оборот, раскрыта интересная страница истории крымской интеллигенции в условиях смены политической власти. Показана трансформация историко-филологического факультета Таврического университета, признанного большевиками рассадником буржуазной культуры, в восточное отделение (1921 г.), восточный факультет (1922 г.), благодаря чему удалось сохранить уникальный профессорско-преподавательский состав и студентов. Идеи о необходимости создания научного востоковедного (татароведческого) центра при Таврическом университете витали еще до открытия первого крымского вуза. Реализовать этот проект удалось уже в рамках Крымского государственного университета им. М. В. Фрунзе после окончательного установления советской власти. Инициаторами и организаторами создания отделения (факультета) стали профессора М. О. Гредингер и А. Н. Деревицкий. Составленные ими учебные планы и штатные расписания факультета, выявленные в архиве, позволили установить, что обучение шло по двум отделениям – лингвистическому (подготовка преподавателей крымско-татарского, персидского языков) и административному (подготовка госуправленцев для учреждений Крымской АССР). Трехгодичное обучение планировали заменить на четырехлетнее. Обратное преобразование восточного факультета в отделение педагогического факультета связывается с отсутствием серьезной научной базы и заявок на подготовку номенклатурных кадров. Интересной практикой организации учебного процесса на отделении востоковедения перед его трансформацией в отделение крымско-татарского языка и литературы стало приглашение для чтения курсов ведущих советских ученых, в частности академика И. Ю. Крачковского в 1924 году. Несмотря на все предпосылки для дальнейшей продуктивной работы ориентальный центр в Крыму был ликвидирован. Одной из причин этого стало преобразование классического университета в педагогический вуз.

Ключевые слова: ориенталистика, Крымский университет им. М. В. Фрунзе, восточный факультет, М. О. Гредингер, А. Н. Деревицкий, высшее образование

THE EASTERN FACULTY OF THE M. V. FRUNZE CRIMEAN STATE UNIVERSITY: THE UNKNOWN PAGES IN THE UNIVERSITY HISTORY

Andrei A. Nepomniashchy

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia,
dr.aan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4031-232X>*

Abstract. A large corpus of the documents residing in the State Archive of the Russian Federation, which have been introduced into the scholarly circulation for the first time, makes the background for

the uncovering of an interesting page in the history of Crimean intellectuals under the circumstances of the changing political powers. This paper reveals the transformation of the Historical-Philological Faculty of the Taurida University, considered the “nursery of bourgeois culture” by the Bolsheviks, into the Department of Oriental Studies (1921) and the Faculty of Oriental Studies (1922), thus preserving the unique teaching staff and the students. The ideas of the necessity of the creation of the centre of oriental (Tatar) studies at the Taurida University were in the air even before the launching of the first Crimean institution of higher learning. This project was successfully realized in the framework of the M. V. Frunze Crimean State University after the establishment of the Soviet power. The creators of the department (faculty) were Professors M. O. Gredinger and A. N. Derevitskii. They created curricula and manning tables for the faculty which were discovered in the archive. These documents show that the education comprised two branches, linguistic (training of the teachers of Crimean Tatar and Persian languages) and administrative (training of administrators for the offices of the Crimean Autonomous Soviet Social republic). It was planned to replace the three-year-long teaching with four-year courses. The reverse transformation of the Faculty of Oriental Studies back into a branch at the Pedagogic Faculty was related to the lack of considerable academic basis and the applications for the training of administrative staff. An interesting practice in the organization of teaching process at the Department of Oriental Studies on the eve of its transformation into the Branch of Crimean Tatar Language and Literature was the invitation of leading Soviet scholars, Academician I. Yu. Krachkovskii in 1924 among others, to deliver educative courses. Despite all the background of further perspective works, the oriental studies centre in the Crimea was liquidated. Among the reasons was the transformation of the classical university into the pedagogical institution of higher learning.

Keywords: Oriental Studies, M. V. Frunze Crimean University, Eastern Faculty, M. O. Gredinger, A. N. Derevitskii, high education

Задумка создать в Таврическом университете, официально открытом в октябре 1918 года, востоковедный научный и учебный центр восходит ко времени существования филиального отделения Университета Святого Владимира, когда только обговаривались перспективы самостоятельного университета в Симферополе и Ялте. Тогда в Симферополе под председательством общественного деятеля С. С. Крыма образовался Попечительный совет университета, который лоббировал идею самостоятельного высшего учебного заведения на полуострове. Для нас интересно собрание Попечительного совета, прошедшее 2 июля 1918 г. Из Киева на него приехал профессор историко-филологического факультета Университета Святого Владимира П. Н. Ардашев. Вместе с профессорами Д. А. Граве и М. В. Довнар-Запольским он входил в специально образованную в Киеве комиссию, которая занималась вопросом открытия и работы филиального отделения киевского вуза, а затем создания автономного Таврического университета [1, с. 177–178].

П. А. Ардашев прокомментировал тогда позицию руководства вуза «по вопросу об открытии восточного факультета». Киевский профессор пояснил, что Совет историко-филологического факультета Университета Святого Владимира заявил об отсутствии у них достаточного количества профессоров «для открытия этого факультета, но признал желательным ввести на историко-филологическом факультете [в Симферополе – А. Н.] преподавание истории мусульманского Востока, татарского

и новогреческого языков, местной археологии и других предметов, связанных с прошлым края» [ИРНБУВ, ф. 1, оп. 1, д. 9376, л. 3].

Председатель Таврической ученой архивной комиссии А. И. Маркевич заметил в обсуждении, что сама задумка существования Таврического университета предусматривала определенную специфику вуза, в частности, в организации гуманитарного образования. Это требовало разыскания для университета преподавателей по археологии и востоковедению, а также организации кафедр археологии и востоковедения в новообразованном университете [2, с. 75–90]. Руководитель крымских краеведов полагал, что «за преподавателями-ориенталистами нужно обратиться в Петроградский университет. Учреждение отделения восточного факультета в Севастополе или в Бахчисарае» будет проблематичным «так как необходимо иметь лекторов восточных языков в полном составе с самого начала» [ИРНБУВ, ф. 1, оп. 1, д. 9376, л. 3 об.]. П. Н. Ардашев ответил крымскому коллеге, что согласно проекту организации филиального отделения Университета Святого Владимира в Крыму предусматривается открытие специальной «кафедры по восточным языкам». Специалистов он предложил пригласить из Одессы (Новороссийский университет) «и даже из Донского университета, если не будут торопиться с открытием в сентябре, то можно быть уверенным в успехе и полноте преподавания». (Речь шла о высококвалифицированных профессорско-преподавательских кадрах Варшавского университета. Этот вуз в сентябре 1915 года был эвакуирован в Ростов-на-Дону, а с 1 июля 1917 г. именовался «Донской университет») [3, с. 83–84].

Решение «организовать восточное отделение, посвященное научному изучению Ближнего Востока» ученый совет историко-филологического факультета Таврического университета принял в мае 1919 года. Студентов предполагалось обучать по трем разрядам: тюрко-татарской, армяно-грузинской и арабо-сирийской филологии. Для этого на факультете предполагалось учреждение пяти новых кафедр: арабской филологии, сирийской филологии, тюрко-татарской филологии, мусульманского законовещения, этнографии. Ученый совет Таврического университета поддержал такое решение факультета и «признал желательным открытие восточного отделения с 1 сентября 1919 г.» [4, с. 7–8]. Интересно, что в европейской научной периодике уже в 1918 году появились информационные заметки о том, что в основанном в Крыму Таврическом университете открывается «факультет востоковедения». Берлинский журнал «Der Neue Orient» дважды размещал информацию об этом с указанием фамилии как основателя факультета хорошо известного в Европе ученого – классического филолога А. Н. Деревницкого, действительно стоявшего у истоков идеи создания восточного отделения в вузе [5, с. 53–54].

В сложное время поисков способов выживания ученых в тяжелейших условиях гражданской войны и массовых миграций населения, как вариант сохранения штатов профессорско-преподавательского состава и увеличения контингента студентов, в Таврическом университете рассматривались различные идеи открытия новых специальностей и кафедр [6, с. 73–75, 84–85, 90, 122]. Профессор А. Н. Деревницкий,

служивший тогда деканом историко-филологического факультета Таврического университета, активно разрабатывавший сюжеты, связанные с изучением восточного искусства, способствовал открытию в составе факультета восточного отделения. Не случайно, в это время он являлся научным куратором создаваемого и позже открытого в Ялте уникального Восточного музея [7, с. 84–85].

Об идее организации восточного отделения в крымском вузе А. И. Маркевич, служивший доцентом на историко-филологическом факультете, летом 1919 года сообщал ученым-крымоведам из академических центров В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковскому, А. Н. Самойловичу [8, с. 44]. Однако в то время бурной реорганизации кафедр столичных вузов, когда открывались новые специальности в вузах Средней Азии и Закавказья, ученые из Москвы и Петрограда не смогли принять участие в организации учебного процесса в Симферополе. Так, В. В. Бартольд отвечал А. И. Маркевичу: «О проекте восточного отделения при Таврическом университете я сообщил Самойловичу, сообщу и другим, но едва ли удастся найти свободные силы, тем более что, как Вы видите, организуется целый ряд других университетов и кафедр восточных языков [Центральный музей Тавриды, фонды, кп. 24601, л. 4].

Несмотря на принятое Ученым советом Таврического университета решение, финансовое состояние и кадровый потенциал Таврического университета не позволили организовать полноценного восточного отделения, хотя на историко-филологическом факультете по инициативе А. Н. Деревницкого уже тогда в рамках программы специализации историков-востоковедов начали читать ряд связанных с ориенталистикой дисциплин.

Сразу после окончательного установления советской власти в Крыму в ноябре 1920 года Таврический университет накрыла волна вынужденных структурных преобразований. Уже 22 ноября 1920 г. распоряжением № 52 комиссара народного просвещения Крымревкома юридический факультет стал именоваться факультетом общественных наук, а историко-филологический – факультетом философии и словесности. Последний просуществовал совсем недолго и превратился в педагогическое отделение факультета общественных наук. В. И. Вернадский по этому поводу отметил в дневнике: «Резко меняются два факультета: философско-словесный (ист[ория], фил[ософия] без истории) и социальных и эконом[ических] наук (юрид[ический] с истор[ическими] науками). Мне кажется, идея ясна: взять под свой контроль этот последний. Вводятся курсы истории социализма, советского законодательства, обязательные для всех. <...> Обязательная для всех теория познания» [9, с. 112–113].

В вузе новая власть видела исключительно рассадник буржуазной идеологии. Поэтому было принято решение «распустить весь университет, за исключением медицинского факультета, за которым учинить наблюдение. После роспуска и реорганизации приступить к набору студентов» [ГАРК, ф. 1188, оп. 1, д. 23, л. 34]. Сохранить первый крымский вуз помогло лишь прямое вмешательство командующего вооруженными силами Украины и Крыма М. В. Фрунзе, к которому обратилась симферопольская профессура. Университет не закрыли, а реорганизовали и переи-

меновали. С января 1921 года – Крымский университет. В феврале по решению Главпрофобра Наркомата просвещения РСФСР университету присвоено имя командарма М. В. Фрунзе. Факультет общественных наук оставался в вузе и продолжал готовить уже набранных студентов. Он вобрал в себя преподавательские кадры и оставшихся после чисток студентов историко-филологического и юридического факультетов Таврического университета. В составе факультета общественных наук в 1921 году работали отделения: правовое, экономическое, общественно-педагогическое и востоковедения. Занятия проводились в помещении бывшей Таврической духовной семинарии, часть которой также занимал госпиталь [ГАРК, ф. 538, оп. 1, д. 33, л. 5].

Профессора пытались объяснить новым властям необходимость «продлить жизнь» факультету. В этой связи интересна объяснительная записка о необходимости функционирования в университете факультета общественных наук, направленная деканом факультета М. О. Гредингером в Наркомпрос РСФСР 19 июня 1921 г., где вместе с объяснением необходимости работы других отделений говорилось: «Находясь близко к мусульманскому миру, Крымский Университет не может не заключать факультет, который своею ученой и преподавательскою работою служил бы делу ознакомления с мусульманскою культурою и мусульманским правом» [10, с. 40].

Факультет общественных наук Крымского государственного университета им. М. В. Фрунзе в итоге не был «разрешен» Наркомпросом РСФСР и существовал только благодаря поддержке местных властей. Соответственно и финансирования из центра не поступало. Занятия там официально начались с 1 сентября 1921 г. на всех отделениях. В связи с планами новых властей полностью закрыть факультет общественных наук, «впитавший в себя многочисленные буржуазные элементы», в вузе остро встала необходимость перепрофилирования преподавателей, которые оставались без работы и лишались во время свирепствовавшего на полуострове голода продовольственных пайков [11].

Замечания о ходе подготовки к открытию отделения востоковедения оставил в дневниковых записях «Хроника событий» профессор педагогического отделения факультета общественных наук И. А. Линниченко, перебравшийся в годы гражданской войны в Крым из Одессы [12]. 16 (29) августа 1921 г. он записал: «Изменения части нашего факультета – педагогического отделения, т. е. бывший историко-филологический факультет. Вместо учреждения двух гуманитарных факультетов удалось добиться педагогический факультет из четырех отделений. Восточное отделение – оно-то и спасло якобы наши факультеты юридический и историко-филологический. Положение наше оказалось очень трудным. Среди нас ни одного [ориенталиста], а нужно собрать целое вост[очное] отд[еление] ученых с турецким и персидским, арабским, татарским etc. языками и словесностью [ГАРК, ф. 538, оп. 1, д. 33, л. 2]. Это свидетельство подтверждает факт отсутствия такого отделения в Таврическом университете. Из записки профессора явствует, что только на данном этапе – летом 1921-го – стали подыскивать кадры преподавателей. Как свидетельствует письмо, отправленное в феврале 1921 года в Наркомпрос РСФСР, руководство университета определилось

с кандидатурами преподавателей в связи с «необходимостью обеспечения кадрами специфики местных условий», что предполагало введения «цикла местных предметов». Для работы на отделении востоковедения изначально предлагались Б. В. Чобан-заде (крымско-татарский язык, тюркская история) и В. И. Филоненко (персидский язык), У. А. Боданинский (мусульманское право, искусство Востока), И. Н. Леманов и И. Фегми (арабский язык) [ГАРФ, ф. Р-1318, оп. 13, д. 14, л. 5, 11].

И. А. Линниченко записал по поводу некоторых претендентов на преподавательские должности в дневнике в августе 1921 года: «Предоставляют нам на восточном отделении для чтения иск[лючительно] Ислама и вообще Вост[ока] какого-то художника Боданинского, оконч[ившего] Строгановск[ое] училище. Его вынуждены принять по тактич[еским] сообр[ажениям] – он б[ывший] секретарь Тат[арского] национа[льного] сб[р]ания (а нам заявили, что через месяц здесь буд[ет] объявлена Автономия Крыма с преоблад[анием] татар. В Латвии – латыши, в Литве – литовцы, на Украине – украинцы, в Крыму – татары, в Центральной России – «испанцы». Где же 150 тыс[яч] русских? Его единственный научный труд – фотогр[афические] снимки с каких-то предметов» [ГАРК, ф. 538, оп. 1, д. 33, л. 1]. Назначение У. А. Боданинского на преподавательскую работу не состоялось.

Значительную организационную работу по открытию нового отделения вместе с профессором А. Н. Деревицким проводил декан факультета общественных наук, в структуре которого формировалось восточное отделение, профессор Михаил Осипович Гредингер. В осеннем семестре 1921 года на отделении востоковедения общественно-педагогического разряда работали Б. В. Чобан-заде («Тюрко-татарский язык, История тюрко-татарского племени»), В. И. Филоненко («Персидский язык, история Персии»), А. А. Одабаш («Крымское наречие татарского языка»). Читалась также «Русская история» (И. А. Линниченко) и обязательные курсы по общественным наукам и праву (М. О. Гредингер, А. А. Раевский). На отделении востоковедения разряда административного кроме названных курсов преподавалась часть предметов правового и экономического отделений [ГАРФ, ф. А-1565, оп. 3, д. 192, л. 38, 41]. На 1 января 1922 г. на отделении востоковедения «по спискам» значилось 62 студента, «действительно занимающихся» было 56 [ГАРФ, ф. А-1565, оп. 3, д. 192, л. 37].

Из четырех отделений факультета общественных наук в течение года «выжило» лишь одно – отделение востоковедения с двумя разрядами – общественно-педагогическим и административным. На остальных просто не осталось студентов. В 1921–1922 учебном году (осенний семестр) на отделении востоковедения учебный процесс строился следующим образом: предметы «Тюрко-татарские языки» и «История тюрко-татарского племени» вел доцент Б. В. Чобан-заде; персидский язык и «Историю Персии» – старший преподаватель В. И. Филоненко; «Крымско-татарское наречие татарского языка» – преподаватель А. А. Одабаш [ГАРФ, ф. А-1565, оп. 3, д. 192, л. 33]. Русскую историю читал профессор И. А. Линниченко. На восточном отделении работали в это время профессора П. Н. Ардашев («Всеобщая история»)

и С. Н. Бугославский («История древнерусской литературы»), оказавшиеся волею судеб в Крыму и много сделавшие для организации будущего факультета.

10 февраля 1922 г. Ученый совет Крымского университета им. М. В. Фрунзе при поддержке Наркомата просвещения Крымской АССР принял предварительное постановление о создании отдельного восточного факультета [ГАРФ, ф. А-1565, оп. 3, д. 192, л. 6]. 27 марта 1922 г. заведующий отделом социально-экономического образования В. П. Волгин сообщал в Правление Крымского университета: «Отдел социально-экономического образования Главпрофобра сообщал, что научно-политическая секция Г. У. С. (Государственного ученого совета – А. Н.) в заседании своем от 16 сего февраля постановила считать разрешенным учреждение при нем в соответствии с вышеуказанным постановлением Восточного факультета» [ГАРФ, ф. А-1565, оп. 3, д. 192, л. 6; д. 193, л. 3].

Задачей образованного восточного факультета была организация кузницы административных кадров для госучреждений Крымской АССР и подготовка педагогов для работы в крымско-татарских национальных школах второй ступени. Первый выпуск специалистов факультет должен был осуществить в 1924 году [ГАРФ, ф. А-1565, оп. 3, д. 195, л. 1].

Среди преподавателей факультета выделялся выпускник историко-филологического факультета Будапештского университета, работавший до этого в Будапештской Восточной академии преподавателем турецкого языка, Бекир Вагапович Чобан-заде (1893–1937), который пополнил преподавательский состав Таврического университета в 1920 году. В Будапеште в том же 1920-м он защитил диссертацию «Кажущиеся сингармонические несоответствия в «Кодексе Куманикусе» и проблема артикуляционной базы в тюркских языках», получив степень доктора филологии по тюркологии. Причиной переезда Б. В. Чобан-заде в Симферополь стало его назначение руководителем национально-патриотической организации «Милли Фирка» («Народная партия») крымских татар, существовавшей с июля 1917 года, ставившей целью создание на полуострове татарской национально-демографической республики. В Таврическом университете он получил должность доцента по кафедре языкознания, а вскоре после установления советской власти стал начальником Татарского управления Наркомпроса Крымской ССР. Преподавание в университете он не прекращал, получив с 1922 года звание профессора [5, с. 43–51]. После отъезда Б. В. Чобан-заде в Баку в 1925 году его курсы читал О. А. Акчокраклы [ГАРФ, ф. А-1565, оп. 3, д. 192, л. 26–27].

Известный крымовед-оренталист Виктор Иосифович Филоненко (1884–1977) был избран (после прочтения двух пробных лекций) 19 июля 1921 г. старшим преподавателем восточного отделения факультета общественных наук Крымского университета, где вел курсы персидского языка и литературы. Для воссоздания картины повседневной жизни нового структурного образования вуза значительный интерес представляют регулярно посылаемые им письма в Петроград к своему другу академику И. Ю. Крачковскому, с которым он учился в Санкт-Петербургском универси-

тете. Игнатий Юлианович интересовался судьбой зарождавшегося ориенталистического центра на юге страны. Так, 1 ноября 1921 г. В. И. Филоненко сообщал ему про новое структурное образование университета:

«Отделение устроено плохо. На первом курсе сразу 3 языка (араб[ский], перс[идский], османск[ий]) и наречия турецкие, главным образом – крымское, конечно. Затем идет целый ряд и филологических, и юридических предметов.

Такая многопредметность совершенно не для слушателей. В слушатели Восточного отделения приглашаются лица с пониженными требованиями, не получившие даже теперешнего среднего образования. Большинство татар, еле говорящих по-русски. Бывшие мои ученики Татарской школы куда были более подготовлены, чем теперешние студенты! Вообразите, как с ними трудно заниматься. Кафедры арабского и османского языков пока пусты. Есть, конечно, кандидаты, татары, окончившие медресе бахчисарайское «Зенджирлы», но даже и при теперешней легкости устроиться при Университете Совет факультета не решался их выбрать ввиду слишком низкого образовательного ценза. Вот если прикажут, тогда другое дело! Турецкие наречия читает некто Чопан-Заде, венский приват-доцент из местных уроженцев» [СПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 26–27].

Мы имеем достаточно полное представление об учебном плане подготовки востоковедов благодаря составленному еще М. О. Гредингером «Распределению учебного материала по Восточному факультету Крымского государственного университета имени М. В. Фрунзе» [ГАРФ, ф. А-1565, оп. 6, д. 293, л. 95]. В 1922 году декан факультета М. О. Гредингер покинул Крым, спасаясь от охватившего регион голода [13, с. 262–263]. После проведения занятий в первый академический год по трехлетнему плану подготовки специалистов новое руководство факультета – ставший после отъезда М. О. Гредингера деканом А. А. Раевский и секретарь факультета преподаватель В. И. Филоненко – подготовили новый вариант учебного плана, рассчитанный на четырехлетний курс обучения [ГАРФ, ф. А-1565, оп. 6, д. 293, л. 99–99 об.].

В связи с сокращением финансирования летом 1923 года в университете все громче обсуждалась идея вернуть восточный факультет в ранг отделения в составе педагогического факультета «с полным сохранением учебных программ» [Там же, л. 94]. Б. В. Чобан-заде, А. С. Айвазов и О. А. Акчокраклы пытались защитить свой факультет путем писем в Наркомпрос РСФСР [Там же, л. 96–96 об.]. Это не дало никакого результата. Между тем, решение о реорганизации факультета в отделение было принято в Москве еще в апреле [Там же, л. 136].

10 ноября 1923 г. восточный факультет Крымского государственного университета им. М. В. Фрунзе был реорганизован в отделение востоковедения в составе педагогического факультета. Количество принимаемых на педагогический факультет студентов было увеличено на 50 человек [Там же, л. 92]. Список читаемых дисциплин был сокращен и включал турецко-татарские наречия, османский, персидский и арабский языки и историю Востока [Там же, л. 62]. Основной задачей теперь стала подготовка учителей для общеобразовательных школ. В Крымской АССР все школьники учили крымско-татарский язык.

Понимая необходимость привлечения к учебному процессу специалистов высокой квалификации, в крымском вузе делались попытки привлечь к чтению курсов ведущих советских ученых. 28 марта 1924 г. В. И. Филоненко сообщал И. Ю. Крачковскому: «Вы приглашаетесь читать лекции по свободной кафедре арабского языка» [СПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 94]. При этом Крымский университет выделял ленинградскому академику деньги на дорогу и вознаграждение за двухмесячное чтение лекций (май–июнь) в размере 11 червонцев.

В мае 1924 года И. Ю. Крачковский прочел в Симферополе два спецкурса «Арабский язык в прошлом и настоящем» (8 часов) и «Арабская литература XIX – XX века» (18 часов). В отчете о поездке он отметил: «Немногочисленная, но внимательная и аккуратная аудитория, помимо студентов университета, состояла из некоторых профессоров и преподавателей, а также представителей местного населения, преимущественно из среды татарского учительства» [14, с. 662; 15, с. 132–133]. 7 мая 1924 г. И. Ю. Крачковский записал в дневнике: «Читал первую лекцию по литературе. Народу было порядочно: профессора педагогического факультета и <...> 50 студентов. Познакомился с Деревницким, «арабистами» Лемановым и Йефетовым. Первый – татарин, обычного типа, достаточно самоуверенный, второй – караим, довольно скромный, кончил наш факультет вместе с Шапшалом» [СПФАРАН, ф. 1026, оп. 2, д. 6, л. 41 об.–42]. Заранее предубежденно настроенный письмами В. И. Филоненко И. Ю. Крачковский теперь имел возможность лично оценить научный уровень местных ориенталистов. В первый день сложившийся заранее негатив преобладал. Это видно по тому, что слово «арабисты» Игнатий Юлианович написал в кавычках. Созданные В. И. Филоненко стереотипы таки были сломаны в ходе поездки. Прежде всего, это проявилось на примере Б. В. Чобан-заде: «9 мая, пятница. Было сегодня заседание Восточной предметной комиссии, на котором познакомился, между прочим, и с Чобан-заде, который оказался значительно симпатичнее, чем я думал» [Там же, л. 42–42 об.]. Подводя итог своей научной командировки в Крым летом 1924 года, И. Ю. Крачковский отметил, что «Крымский университет должен подготовить переводчиков, работников» в области ориентального книговедения, «арабистов для крымоведной работы». При этом академик справедливо указал на неразработанность корпуса арабских источников и «громадный объем работы, предстоящей будущему поколению» в области крымской ориенталистики [10, с. 670].

О ситуации на восточном отделении педагогического института в Симферополе, кадровых переменах, внутренних коммуникациях среди крымоведов В. И. Филоненко продолжал регулярно информировать коллегу. 8 ноября 1925 г. он сообщал академику И. Ю. Крачковскому: «Вместо Чобан-Заде пытались пригласить из Москвы Дмитриева, молодого тюрколога, но в виду того, что вопрос о штатах выяснится только к первому января, попытка эта оставлена» [СПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 144 об.]. Эпизод приглашения на работу в Крымский государственный педагогический институт имени М. В. Фрунзе – неизвестная страница биографии выдающегося советского тюрколога Николая Константиновича Дмитриева

(1898–1954). По окончании с золотой медалью гимназии в Москве, он в 1916–1920 годах обучался на классическом отделении историко-филологического факультета Московского университета. В 1918–1922 гг. Н. К. Дмитриев одновременно обучался и в Лазаревском институте восточных языков. Ученый в совершенстве владел более чем 30 иностранными языками. В 1921 году Николай Константинович был избран на должность младшего научного сотрудника Научно-исследовательского института языка и истории литературы Российской АН. В 1923–1925 гг. он работал старшим научным сотрудником Фундаментальной научной библиотеки Лазаревского института восточных языков. В 1925 году молодой ученый защитил кандидатскую диссертацию «Элементы турецкого языка в сербском фольклоре». Именно этот факт подтолкнул руководителей института в Симферополе привлечь молодого специалиста в Крым. Трудно сказать, как сложилась бы дальнейшая судьба Н. К. Дмитриева, если бы в ноябре 1925 года в Симферополе нашлась для него штатная единица преподавателя... Оставшись в Москве, Н. К. Дмитриев вскоре стал преподавать в Московском, а со временем и в Ленинградском университетах. По приглашению А. Н. Самойловича московский ориенталист также преподавал в Ленинградском институте живых восточных языков. Предметом постоянного научного интереса Н. К. Дмитриева были современные тюркские языки Кавказа, Крыма, Поволжья и Приуралья, фольклор тюркских народов, проблемы взаимовлияния славянских и тюркских языков (Turco-Slavia). В 1934–1937 гг. Н. К. Дмитриев руководил крымско-татарским отделением ленинградских (позднее перенесены в Москву) курсов редакторов-переводчиков трудов марксизма-ленинизма. В 1938–1954 гг. он – заведующий тюркским сектором НИИ языка и письменности АН СССР. Возглавлял кафедры тюркской филологии в ЛГУ и МГУ [16, с. 117–121].

В 1925 году после реорганизации университета в Крымский государственный педагогический институт имени М. В. Фрунзе восточное отделение преобразовали в отделение (факультет) татарского языка и литературы, где готовили учителей для школ.

Таким образом, структурные трансформации, проведенные после официального закрытия Крымревкомом Таврического университета и создания Крымского государственного университета им. М. В. Фрунзе, привели к созданию на базе историко-филологического факультета восточного отделения, преобразованного в 1922 году в восточный факультет. В составе факультета продуктивно работали крупные ученые историки и филологи – профессора П. Н. Ардашев, С. Н. Бугославский, М. О. Гредингер, А. Н. Деревницкий, И. А. Линниченко, Б. В. Чобан-заде и др., целая плеяда преподавателей, внесших значительный вклад в развитие крымской эпиграфики, источниковедения, историографии, дело охраны культурного наследия региона (прежде всего восточных памятников) – О. А. Акчокраклы, П. И. Голландский, С. Б. Ефетов, В. И. Филоненко и др. Обучение на восточном факультете шло по двум направлениям – лингвистическому (подготовка преподавателей крымско-татарского, персидского языков) и административному (подготовка госуправленцев для учреждений Крымской АССР). Восточный факультет был не только центром для

подготовки специалистов – знатоков крымско-татарского языка и литературы. Продуктивная научная работа О. А. Акчокраклы, В. И. Филоненко, выразившаяся в появлении содержательных статей, до настоящего времени не утративших актуальности, участие преподавателей в экспедициях по изучению и реставрации памятников крымско-татарской культуры, способствовали формированию в крымской историографии ориентального научного направления [17]. Установились научные контакты с Всеукраинской академией наук, в частности с академиком А. Е. Крымским. Преподаватели отделения участвовали в подготовке крымоведческого сборника «Студії з Криму». Научные контакты развивались в рамках Всесоюзной и Всеукраинской ассоциаций востоковедов. Официально просуществовав полтора года, восточный факультет из-за интриг декана педагогического факультета П. И. Новицкого был вновь преобразован в отделение в составе этого факультета. Во многом причиной ликвидации факультета стал «отток» профессоров из Симферополя, искавших работу в крупных городах СССР. Существование в симферопольском вузе восточного факультета (отделения) стало яркой страницей истории науки и культуры Крыма, истории крымской интеллигенции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Непомнящий А.А. Профессор Митрофан Довнар-Запольский: крымские страницы биографии // Вопросы истории. 2019. № 11. С. 175–185.
2. Непомнящий А.А. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения. Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. 432 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 3).
3. Данилов А.Г. Варшавский университет до и после переезда в Ростов-на-Дону: общее и отличия (1915–1917 гг.) // Университеты Юга России: история и современность: матер. Междунар. научно-практ. конф. (г. Ростов-на-Дону, 15 февр. 2011 г.). Ростов-на-Дону, 2011. С. 81–86.
4. Урсу Д.П. Востоковедение и востоковеды Крыма (1918–1941) // Востоковедный сборник. Симферополь, 1997. Вып. 1. С. 4–27.
5. Урсу Д.П. Бекир Чобан-заде: Жизнь. Судьба. Эпоха. Симферополь: Крымучпедгиз, 2004. 276 с.
6. Еремеева А.Н. «Находясь по условиям времени в провинции...»: практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны. Краснодар, 2017. 208 с.
7. Непомнящий А.А. К истории профессорской корпорации Таврического университета: А.Н. Деревицкий // Вестник Томского государственного университета. Серия: «История». 2018. № 52. С. 82–88.
8. Непомнящий А.А. Арсений Иванович Маркевич // Вопросы истории. 2018. № 11. С. 29–48.
9. Вернадский В.И. Дневники, 1917–1921: январь 1920 – март 1921 / сост. С.Н. Киржаев, А.В. Мемелов, В.С. Неаполитанская и др. Киев: Наукова думка, 1997. 322 с.
10. Лавров В.В., Бобков В.В. Юридическое образование в Крымском университете имени М.В. Фрунзе: факультет общественных наук // Ученые записки Таврического национального ун-та им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2006. Т. 19(58), № 2. С. 36–52.
11. Серова Е.Д. Пайки служащих и учащихся Крымского университета в 1921–1923 гг. // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Исторические науки. 2020. Т. 6(72), № 2. С. 139–165.
12. Непомнящий А.А. И.А. Линниченко: от прославленного в Новороссии профессора до нищеты Таврического университета // Пространство и время. 2014. № 2. С. 216–224.
13. Профессора Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского / ред.-сост. А.А. Непомнящий, Д.А. Ломакин, В.А. Грушецкая, Э.М. Ислямов, А.С. Кравчук; Крымский федерал. ун-т им. В. И. Вернадского: в 3-х т. Белгород: Константа, 2018. Т. 1. 404 с.
14. Крачковский И. Отчет о командировке в Крым летом 1924 года // Известия Российской академии наук. Сер. 6. 1924. Т. 18, № 12/18, ч. 2. С. 662–670.
15. Непомнящий А.А. Академик Крачковский и крымоведение 20-х гг. XX в.: две малоизвестные командировки // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2015. № 2(06). С. 130–140.
16. Автобиография проф. Н.К. Дмитриева / Публ. Ф.Д. Ашнина // Николай Константинович Дмитриев: к 100-летию со дня рождения / Ред. колл. Г.Ф. Благова и др. М.: Наука, 2001. С. 112–123.
17. Непомнящий А.А. Становление и развитие историографии истории Крыма: основные вехи (вторая половина XVIII – первая половина XX века) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Исторические науки. 2019. Т. 5(71), № 2. С. 21–55.

REFERENCES

1. Nepomniashchy A.A. Professor Mitrofan Dovnar-Zapol'skii: krymskie stranitsy biografii. *Voprosy istorii*, 2019, Vol. 11, pp. 175–185.
2. Nepomniashchy A.A. *Arsenii Markevich: stranitsy istorii krymskogo kraevedeniia*. Simferopol, *Biznes-Inform Publ.*, 2005, 432 p.
3. Danilov A.G. *Varshavskii universitet do i posle perezda v Rostov-na-Donu: obshchee i otlichiiia (1915–1917 gg.)*. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Universitety Iuga Rossii: istoriia i sovremennost"*, Rostov-na-Donu, 2011, pp. 81–86.

4. Ursu D.P. Vostokovedenie i vostokovedy Kryma (1918–1941). *Vostokovednyi sbornik*, Simferopol, 1997, Vol. 1, pp. 4–27.
5. Ursu D.P. *Bekir Choban-zade: Zhizn'. Sud'ba. Epokha*. Simferopol, Krymchpedgiz Publ., 2004, 276 p.
6. Eremeeva A.N. «Nakhodias' po usloviyam vremeni v provintsii...»: *praktiki vyzhivaniia rossiiskikh uchenykh v gody Grazhdanskoi voiny*. Krasnodar, 2017, 208 p.
7. Nepomniashchy A.A. K istorii professorskoi korporatsii Tavricheskogo universiteta: A.N. Derevitskii. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: «Istorii»*, 2018, Vol. 52, pp. 82–88.
8. Nepomniashchy A.A. Arsenii Ivanovich Markevich. *Voprosy istorii*, 2018, Vol. 11, pp. 29–48.
9. *Vernadsky V.I. Dnevnik, 1917–1921: ianvar' 1920 – mart 1921*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1997, 322 p.
10. Lavrov V.V., Bobkov V.V. Iuridicheskoe obrazovanie v Krymskom universitete imeni M.V. Frunze: fakul'tet obshchestvennykh nauk. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo un-ta im. V.I. Vernadskogo. Iuridicheskie nauki*, 2006, Vol. 19(58), No. 2, pp. 36–52.
11. Serova E.D. Paiki sluzhashchikh i uchashchikhsia Krymskogo universiteta v 1921–1923 gg. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki*, 2020, Vol. 6(72), No. 2, pp. 139–165.
12. Nepomniashchy A.A. I.A. Linnichenko: ot proslavlenogo v Novorossii professora do nishchety Tavricheskogo universiteta. *Prostranstvo i vremia*, 2014, Vol. 2, pp. 216–224.
13. Nepomniashchii A.A., Lomakin D.A., Grushetskaia V.A., Isliamov E.M., Kravchuk A.S. (Eds.), *Professora Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo*. Belgorod, Konstanta Publ., 2018, Band 1, 404 p.
14. Krachkovsky I. Otchet o komandirovke v Krym letom 1924 goda. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk*. Ser. 6, 1924, Vol. 18, No. 12/18, pp. 662–670.
15. Nepomniashchy A.A. Akademik Krachkovskii i krymovedenie 20-kh gg. XX v.: dve maloizvestnye komandirovki. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal: issledovaniia po rossiiskoi i vseobshchei istorii*, 2015, Vol. 2(06), pp. 130–140.
16. Avtobiografiia prof. N.K. Dmitrieva. Blagova G.F. (Ed.), *Nikolai Konstantinovich Dmitriev: k 100-letiiu so dnia rozhdeniia*. Moscow, Nauka Publ., 2001, pp. 112–123.
17. Nepomniashchy A.A. Stanovlenie i razvitie istoriografii istorii Kryma: osnovnye vekhi (vtoraia polovina XVIII – pervaiia polovina XX veka). *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki*, 2019, Vol. 5(71), No. 2, pp. 21–55.

Информация об авторе

Непомнящий А. А. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского; ведущий научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, Researcher ID: A-4928-2019.

Information about the author

Nepomniashchy A. A. – Doctor of Science (History), Professor of the Ancient and Mediaeval History Department at the Taurida Academy of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Leading Researcher at the Crimean Research Centre, Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Researcher ID: A-4928-2019.

ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ М. Ф. СЛИНКИНА (К 95-ЛЕТИЮ УЧЕНОГО)

Петр Игоревич Пашковский¹, Евгений Владимирович Крыжко²,
Сергей Стефанович Щевелев³

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия

¹ *petr.pash@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5403-3797>*

² *jeyson1030@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-9943-819X>*

³ *shevelevss57@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-4098-8792>*

Аннотация. В статье рассмотрены особенности научного наследия М. Ф. Слинкина (05.12.1925–10.08.2007) – выдающегося крымского востоковеда, доктора исторических наук, профессора Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Представлен наиболее полный библиографический список опубликованных работ ученого, исследований его жизненного пути и научных изысканий. Показано, что его вклад в отечественное востоковедение включает два взаимодополняющих направления: филологическое и историческое. Он стал автором первого в мире «Русско-дари военного и технического словаря», а также ряда пособий и практикумов для высших учебных заведений, в которых была усовершенствована методика преподавания и изучения персидского языка и дари. На протяжении многих лет эти издания используются в учебном процессе при подготовке востоковедов в России, Украине, некоторых государствах Европы, Центральной Азии и в США. В исторических исследованиях М. Ф. Слинкина был осуществлен комплексный анализ истории Афганистана второй половины XX – начала XXI века. Помимо изучения общественно-политического, военного, экономического, этнополитического, культурного и религиозного аспектов, в его статьях и монографиях рассматривается трансформация афганского государства и общества в конкретный период, учитывая влияние внутренних и внешних факторов.

Ключевые слова: М. Ф. Слинкин, востоковедение, афганистика, историческая наука, точная филология, лексикография, международные отношения

M. F. SLINKIN'S ORIENTAL STUDIES (TO THE 95TH ANNIVERSARY OF THE RESEARCHER)

Petr I. Pashkovsky¹, Evgeniy V. Kryzhko², Sergey S. Shchevlev³

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

¹ *petr.pash@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5403-3797>*

² *jeyson1030@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-9943-819X>*

³ *shevelevss57@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-4098-8792>*

Abstract. This paper examines the features of the academic heritage of M. F. Slinkin (05.12.1925–10.08.2007), an outstanding Crimean orientalist, DSc in history, a professor at the V. I. Vernadsky

© Пашковский П. И., Крыжко Е. В., Щевелев С. С., 2020

Taurida National University. The most complete bibliographic list of the scholar's published works has been compiled along with the study of his course of life and academic researches. It has been uncovered that his contribution to the Russian Oriental Studies includes two complementary directions, philological and historical. He was the author of the world's first *Russian-Dari Military and Technical Dictionary* and a number of manuals and readers for the institutes of higher learning, presenting advanced methodology of teaching and learning for Persian and Dari languages. For many years, these publications were used in the educational processes for the preparing of orientalists in Russia, Ukraine, and some other states of Europe, Central Asia, and in the USA. M. F. Slinkin's historical researches provide a comprehensive analysis of the history of Afghanistan in the second half of the twentieth and the early twenty-first centuries. In addition to his studies in the social-political, military, economic, ethno-political, cultural, and religious aspects, his papers and monographs addressed the transformation of the Afghanistan state and society throughout the specific period, with account to the influence of internal and external factors.

Keywords: M. F. Slinkin, Oriental studies, Afghan studies, history, Oriental philology, lexicography, international relations

Исследования истории, политики, культуры и языков народов Востока традиционно привлекали ученых, в разные эпохи живших и работавших в Крыму [86, с. 121–122]. Со временем центром крымского востоковедения становится основанный в 1918 г. Таврический университет (переживший за более чем столетие своего существования ряд трансформаций, изменений названия и статуса), правопреемником которого сегодня считается Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского [84, с. 116–117].

Одним из выдающихся представителей отечественного востоковедения заслуженно признается Михаил Филантьевич Слинкин (05.12.1925–10.08.2007) – доктор исторических наук, профессор, специалист мирового уровня в области истории Афганистана второй половины XX – начала XXI века и восточной филологии [1, с. 45; 9, с. 36–37; 14, с. 3–5], с 1973 по 2007 г. (с перерывами на служебные командировки) проработавший в старейшем университете Крыма [6, с. 221; 15, с. 136; 16, с. 131]. Коллеги, характеризуя научный вклад Михаила Филантьевича, отмечали, что он воссоздал объективную картину исторического развития Афганистана и всего Среднего Востока в системе международных отношений, являясь участником многих событий, которые излагает и анализирует в своих трудах [86, с. 122]. Известный африканист Ю. И. Горбунов, работавший с ним в Крымском учебном центре и на кафедре новой и новейшей истории в университете, вспоминал: «...для меня профессор М. Ф. Слинкин был идеалом военного переводчика, преподавателя, ученого; патриота, преданного Родине, России, исторической науке и востоковедению. В нем сочетались доброта с умом, тактичность с уважением к человеку, трудолюбие с научной добросовестностью. Он смотрел на мир глазами никогда не унывающего великого персидского поэта Омара Хайяма, рубаи которого любил цитировать» [3, с. 69; 4].

Публикации, связанные с изучением деятельности М. Ф. Слинкина, зачастую были посвящены характеристике его биографии [8, с. 207; 10, с. 132–137; 12, с. 98–101; 17, с. 67–122; 84, с. 253–256; 85, с. 312–328] и обзорному рассмотрению отдель-

ных направлений научных исследований [11, с. 143–146]. Однако подробный анализ особенностей востоковедческого наследия М. Ф. Слинкина отсутствует.

Поскольку филологические изыскания М. Ф. Слинкина предваряли (а впоследствии – гармонично дополняли) его исторические труды [4], начать следует именно с них. Окончив в 1956 г. Военный институт иностранных языков (Москва) и получив квалификацию старшего инструктора-референта по персидскому языку и инструктора-переводчика по английскому языку, он свободно овладел, помимо отмеченных языков, также дари (фарси-кабули) [86, с. 314]. В результате своих командировок в Афганистан (в 1957, 1960–1965, 1968–1971 гг.) – в роли старшего переводчика, старшего референта, политического советника при высших государственных и партийных деятелях, а также советника советского посольства в Кабуле – М. Ф. Слинкин задумывает и начинает реализацию комплексного исследования в области военного и военно-технического направления лексикографии языка дари, учитывая отсутствие в тот период русско-дари словарей, которые требовались военным переводчикам [10, с. 133; 82]. В течение многих лет вдали от Родины Михаил Филантьевич «собирал и заносил на карточки военно-технические термины на языке дари. Карточек набрался целый чемодан. Он возил его с собой повсюду», скрупулезно аккумулируя информацию [3, с. 69].

В 1972 г. издается «Персидско-русский и русско-персидский военный словарь» Г. Г. Алиева [13], в рамках которого М. Ф. Слинкиным (вместе с А. И. Арсланбековым и А. В. Перегудовым) был осуществлен перевод терминов на фарси и фарси-кабули. Это уникальное издание состояло из двух частей – персидско-русской и русско-персидской – собрав воедино около 20 тыс. терминов по вооружению, организации, боевой технике, подготовке и использованию всех видов вооруженных сил. При этом особое внимание в словаре уделялось новейшей военной и военно-технической терминологии, а в его русско-персидской части, наряду с переводом русских терминов на персидский язык, был дан перевод на фарси-кабули, распространенный в Афганистане.

Многoletние исследования М. Ф. Слинкина в области лексикографии воплотились в издании (тиражом 16 тыс. экземпляров) в 1981 г. его «Русско-дари военного и технического словаря» [74], в котором было собрано более 40 тыс. терминов и терминологических сочетаний по организации, боевой технике и вооружению, комплектованию и прохождению службы, тактике и оперативному искусству, управлению войсками и деятельности служб тыла современной армии. Значительное место в издании занимала общетехническая и научная терминология. Давая развернутую характеристику данному словарю, М. Ф. Слинкин отмечал: «Он охватывает наиболее употребительную и устоявшуюся терминологию на языке дари по всем видам вооруженных сил, родам войск и служб, устройству и эксплуатации различной военной техники и вооружения, управлению войсками и их боевому применению, комплектованию, прохождению службы, быту и жизни армии, вопросам организации и проведения боевой подготовки личного состава, а также термины, относя-

щиеся к истории боевой техники, вооружения и тактики вооруженной борьбы. В словаре достаточно широко представлена также терминология по физике, химии, математике, радиоэлектронике, электротехнике и другим областям науки и техники» [74, с. 5].

Этот словарь, являясь первым подобного рода изданием в истории мирового востоковедения [3; 69], пользовался популярностью и вскоре был переиздан тиражом 33 тыс. экземпляров [75]. И в наши дни он продолжает сохранять востребованность, оставаясь для востоковедов всего мира уникальной и классической работой [87, с. 321].

С целью усовершенствования методики преподавания и техники изучения персидского языка в высших учебных заведениях в конце XX – начале XXI века М. Ф. Слинкин издал ряд специальных трудов [50; 54; 68; 69; 72; 73; 80], которые также получают широкое признание. В это время в Симферополе отсутствовала научно-методическая база для комплексной подготовки молодых специалистов в области восточных языков. Знавший данную ситуацию изнутри, его сын, М. М. Слинкин, вспоминал: «Для подготовки востоковедов требовались учебники. А их-то как раз и не было: прежние издания, разобранные на отдельные листочки, отскропированные и сброшюрованные, проблему не решали. Нужны были свои пособия, тиражированные в достаточном количестве экземпляров. И отец засел за работу. Первые три были подготовлены уже в 1997 году. Всего же до 2001 года было выпущено шесть учебных пособий по различным аспектам изучения персидского языка. Потом появились и другие рецензированные известными российскими востоковедами Г. А. Восканяном и К. Н. Хитриком» [17, с. 113]. Исследователи отмечали, что его учебники, словари и практикумы по персидскому языку и дари активно используются в учебном процессе при подготовке востоковедов в России, Украине, государствах Европы, Центральной Азии, а также в США [14, с. 4].

В этом отношении показательно, что во многом благодаря стараниям М. Ф. Слинкина – при содействии коллег по факультету восточной филологии – на рубеже веков было налажено конструктивное взаимодействие Симферопольского государственного университета имени М. В. Фрунзе (впоследствии – Таврического национального университета имени В. И. Вернадского) с Посольством Исламской Республики Иран. Это способствовало тому, что группы студентов-иранистов из Крыма получили возможность на постоянной основе проходить языковые и страноведческие стажировки в научно-образовательных центрах Ирана [85, с. 8].

Блестящая филологическая подготовка, проявившаяся в профессиональном владении несколькими восточными языками и английским, стала фактором плодотворных исследований М. Ф. Слинкина в сфере исторической науки. Учитывая опыт военной и дипломатической службы, понимание сущности требующих изучения проблем отечественной армии и внешнеполитической стратегии на афганском направлении, после выхода в запас по выслуге лет свою научную деятельность он начинает с рассмотрения именно этих аспектов. В 1970–1980-е гг. им публикуется

ряд историко-аналитических работ, в которых исследовались актуальные вопросы формирования афганской армии, ее функционирования в новых условиях и идеологической подготовки, а также политической деятельности консервативно-клерикальных кругов в Афганистане [21; 35; 37; 38; 41; 44; 63; 65; 66].

Михаил Филантьевич подчеркивал, что при встрече афганское руководство не скрывало тот факт, что потенциальные угрозы независимости, суверенитета и территориальной целостности государства исходят от его западного и восточного соседей в лице Ирана и Пакистана по причине исторически обусловленных межгосударственных споров. По его мнению, М. Дауд имел представление о формировании армии современного образца. Для осуществления реформы необходимо было найти финансирование, переобучить личный состав армии для использования новейших образцов военной техники и оружия, поставляемых из СССР. М. Ф. Слинкин в составе группы афганских и советских офицеров посетил приграничные районы Афганистана с целью ознакомления с физико-географическими условиями местности, чтобы оценить состав и вооружение армейских формирований в приграничной полосе [33, с. 60–62].

Реформы в армии имели и внутригосударственные причины, заключавшиеся в позиции клерикалов, которые «напуганные ростом популярности левых идей среди определенной части афганского общества и перспективой дальнейшей утраты монополии на идейное влияние среди населения страны, развернули в 1960-х годах кампанию по дискредитации и опровержению материалистических взглядов. <...> Они выступали с двоякой позицией: одно крыло за немедленную подготовку вооруженного восстания против «безбожного» правительства М. Дауда, изгнание «коммунистов» из государственных органов и образование «подлинно исламской республики»; другое – считало восстание авантюрой, обреченной на поражение, и предлагало вести тщательную подготовку к совершению военного переворота. При этом основная ставка делалась на сторонников организации в армии» [49, с. 222–225].

Указанные вопросы затрагивались в кандидатской диссертации М. Ф. Слинкина, ставшей первым в советской науке комплексным исследованием истории развития вооруженных сил Афганистана в период 1955–1971 гг. [39].

С 1982 по 1986 г., с 1987 по 1988 г. и в 1990 г. Михаил Филантьевич находился в служебных командировках в Афганистане, где, по мере возможности, продолжал заниматься научной деятельностью [87, с. 319]. В этот период были опубликованы его работы, посвященные изучению внутренней и внешней политики этой страны, истории ее партийной системы и вооруженных сил. В них решались актуальные и малоисследованные проблемы: вопросы политизации афганской армии и механизмы защиты революции; аргументация противников афганского национального единения; генезис и эволюция леводемократического движения в Афганистане; международные связи Демократической Республики Афганистан; зарождение и этапы деятельности Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) [2; 7; 18; 30; 52; 62; 67; 88].

М. Ф. Слинкин отмечал, что правительственные войска контролируют только 17% территории государства, выделяя недостатки в армейской сфере, связанные с отсутствием контакта офицеров и солдат, слабым знанием техники, неумением обучать, пренебрежением координацией в действиях с местными властями, значительным дезертирством – более 30 тыс. (1982 г.). Отдельно он подчеркивал наличие бандитских группировок (по данным на июнь 1982 г. – 1943 банды в составе 197 тыс. чел., на июль 1982 г. – 700 банд численностью около 45 тыс. чел.), получающих поддержку через афгано-китайскую, пакистанскую границу, а также участие воинского контингента СССР на границе ДРА и КНР. Неоднократно останавливается на наличии влияния и инструкций извне по дестабилизации политической и социальной обстановки в стране [5, с. 20, 36, 39–40, 42, 52–53, 55].

Вернувшись к работе в университете, М. Ф. Слинкин в 1990-е гг. занимался углубленным изучением истории НДПА [60;61], что требовало анализа причинно-следственных связей и рассмотрения факторов, оказывавших прямое и косвенное воздействие на данную проблему. В связи с этим значительное внимание в его работах уделялось исследованию роли афганских политических элит, влиявших на внутреннюю и внешнюю политику в системе управления государством, и особенностей взаимоотношений группировок и партий в процессе борьбы за власть [20; 22; 28; 36; 42;43; 47–49; 51; 56; 58;59; 78].

Показательными в вопросе элитарного раскола в стране являлись наблюдения Михаила Филантьевича (с последующим осмыслением) на одном из мероприятий в Кабуле: «...примечательно, что гости рассаживались за столом по признаку принадлежности к бывшим крыльям партии (НДПА – Авт.) – хальк и парчам. Хальковцы демонстративно говорили на пушту, не скрывали своей неприязни к парчам. Они никогда не примирятся с положением, при котором им отведены вторые роли. И чем дальше будет продолжаться такое положение, тем глубже раскол в партии. <...> Можно с уверенностью сказать, что без нашей помощи и нашего присутствия здесь руководство давно бы все погубило, принеся в жертву своим социальным слабостям, своей политической неготовности к управлению» [5, с. 58–59].

Несомненным достижением стали труды, в которых содержится глубинный анализ вопросов консолидации разобщенных этнических групп и в целом отношений афганского государства и общества [27; 45; 64]. Михаил Филантьевич неоднократно констатировал безграмотность и отсутствие аналитики в аппарате управления ДРА. «Вот уж парадокс: иностранец “правит” язык его носителей!!!» [5, с. 56]. Если проблема с умением вычленять информацию и «правильно» ее трактовать была исправима, то «язык – яркий пример того, как далеко стоят от народа, от их нужд и образа жизни интеллигенты. И даже язык народа не знают. <...> Если раньше продукция была такой же, то можно понять, почему она не доходила и не доходит до сердца и ума простого крестьянина. Грешны, если говорить откровенно, и мы сами – советники. Здесь и незнание языка, и профессиональная некомпетентность. А как можно без этих условий научить других?!» [5, с. 61].

Отмеченные аспекты нашли отражение в его докторской диссертации «Приход к власти и кризис левого режима Тараки-Амина в Афганистане» [70; 83].

В начале XXI века, учитывая влияние событий в США 11 сентября 2001 г. на ситуацию в Афганистане и международно-политическую обстановку в мировом масштабе, М. Ф. Слинкин предпринимал усилия для разработки проекта урегулирования «афганского кризиса» и связанных с ним проблем. Он негативно воспринял политику «горбачевско-ельцинской камариллы» в отношении Афганистана. Прекращение военной и гуманитарной помощи Кабулу ему представлялось предательством режима М. Наджибуллы, а также изменой боевым товарищам в афганской армии, что человек, прошедший через Великую Отечественную войну [81], не мог принять как должное. По этому поводу Михаил Филантьевич с огорчением подчеркивал, что «даже циничные по натуре американские политики, к примеру, не позволяют себе ничего подобного в аналогичных ситуациях» [71, с. 128].

Таким образом, в его понимании, «афганский кризис» стал не только внутренней трагедией, но и способствовал активизации деятельности религиозных экстремистов в направлении центрально-азиатских государств. Его работы этого периода подробно характеризуют различные рекомендации по антикризисным мерам, вопросы безопасности и положение беженцев, этнополитические реалии и роль отдельных личностей в контексте государственных процессов в Афганистане [25; 26; 34; 71; 76; 79].

В частности, по мнению исследователя, «с разгромом движения “Талибан” и приведением к власти в Кабуле правительства Хамида Карзая» возвращается в общемировую повестку дня проблема внутриафганского урегулирования. Самым прогрессивным и жизнеспособным в решении данной проблемы, как полагал М. Ф. Слинкин, может стать «не реализованный в свое время по ряду причин план ООН, который предусматривал участие всех национально-патриотических, консервативно-клерикальных, либеральных и демократических сил, а также влиятельных этнонациональных лидеров и религиозных авторитетов в процессе умиротворения Афганистана и создания его по-настоящему демократических государственных и общественно-политических институтов» [71, с. 129]. Михаил Филантьевич считал, что мир на афганской земле возможен, а его оформление нивелирует роль этой страны в качестве дестабилизирующего фактора в регионе и мире.

Стремясь создать фундаментальный труд по истории Афганистана второй половины XX века, М. Ф. Слинкин опубликовал цикл статей, освещающих различные аспекты данной темы: деятельность афганской клерикальной, левозкстремистской и либеральной оппозиции; причины, особенности и последствия советского присутствия в этом государстве; специфика информационной войны в Афганистане; внутриафганская обстановка в стране в начале 1990-х гг. [19; 29; 40; 49; 53; 57–59].

Следует отметить, что Михаил Филантьевич с некоторой разочарованностью характеризует проявившуюся в качестве тенденции прямую зависимость государственного суверенитета от информационной безопасности в XXI веке: «... удивительное благодушное отношение определенных общественно-политических и правящих

кругов на просторах СНГ, называющих себя демократическими и либеральными, к проблемам информационной безопасности своих государств чревато огромными и непоправимыми последствиями. Значение этого фактора еще больше возрастает в современную эпоху, при новом раскладе сил на мировой арене, в условиях дальнейшего ужесточения противоборства в международных отношениях» [29, с. 95].

В 2007 г. ему частично удалось достигнуть поставленной цели – подготовить к изданию три книги под общим названием «Афганистан во второй половине XX в.». Помимо ранее опубликованных материалов, в них вошли новые исследования, которые отражали актуальные вопросы истории Афганистана и международных отношений. Аргументируя значимость подобного исследования, в одном из более ранних трудов он писал: «Именно здесь, в Афганистане, была в значительной мере развенчана в глазах мировой общественности коммунистическая идея, а Советский Союз утратил, особенно в «третьем мире», имидж защитника и друга обездоленных и угнетаемых стран и народов и былую привлекательность среди них как наиболее справедливой по сравнению с капитализмом социально-экономической системы» [29, с. 94]. Две книги из серии «Афганистан во второй половине XX в.» вышли при жизни и одна после кончины автора [23; 24; 33].

Отдельно следует отметить значение мемуарных очерков М. Ф. Слинкина из серии «Афганские встречи и беседы», опубликованных в последние годы его жизни на страницах журнала «Культура народов Причерноморья» [31; 32; 46; 55; 77]. Эти сочинения могут служить ценным источником в процессе изучения истории, политики и культуры Афганистана второй половины XX века, красноречиво раскрывая особенности обычаев, традиций, жизненного уклада и менталитета различных слоев и групп местного общества, биографии известных афганских государственных и политических деятелей.

Михаил Филантьевич Слинкин внес значительный вклад в отечественное востоковедение. К безусловным достижениям в области востоковедческой лексикографии относится опубликование им первого в мире «Русско-дари военного и технического словаря», а также ряда пособий и практикумов для высших учебных заведений, в которых была усовершенствована методика преподавания и изучения персидского языка и дари. Эти издания и сегодня сохраняют востребованность при подготовке специалистов не только в России, но и в государствах ближнего и дальнего зарубежья.

В трудах М. Ф. Слинкина исторической направленности был осуществлен комплексный анализ истории Афганистана второй половины XX – начала XXI века. Наряду с детальным изучением общественно-политического, военного, экономического, этнополитического, культурного и религиозного аспектов, в его исследованиях рассматриваются этапы трансформации афганского государства и общества в контексте внешних факторов – геополитической конкуренции глобальных и региональных держав и особенностей международных отношений в конкретный период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бойко В.С. Мировая Афганистика между наукой и политикой: проблемы истории и модернизации Афганистана в XX – начале XXI вв.: учебное пособие. Барнаул: АлтГПУ, 2016. 138 с.
2. Внешняя политика и международные связи Демократической Республики Афганистан / сост. Рустам. Кабул: Госиздат, 1984. 53 с.
3. Горбунов Ю.И. Крым и Африка // Азия и Африка сегодня. 2013. № 11 (676). С. 65–70.
4. Горбунов Ю.И. Крым: партизаны для Африки [Электронный ресурс]. URL: <http://topwar.ru/37349-krum-partizanydlya-afriki-chast-1.html> (дата обращения: 19.08.2020).
5. Дневниковые записи М.Ф. Слинкина – советника заведующего Международным отделом ЦК НДПА (1982 г.) / Сост. М.М. Слинкин. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. 124 с.
6. История Таврического университета / Н.В. Багров, В.В. Лавров, В.Ф. Шарапа и др.; Ред. Н.В. Багров. Киев: Либідь, 2003. 243 с.
7. Краткая история Народно-демократической партии Афганистана / Сост. М.Ф. Слинкин, Б.А. Ширяев, М. Гульдзонов. Кабул, 1988. Ч. 1. До победы Апрельской революции. 128 с.
8. Непомнящий А.А. Слінкін Михайло Філантіївич // Сходознавство і візантологія в Україні в іменах: Біобібліографічний словник / Упор. Е.Г. Циганкова, Ю.М. Кочубей, О.Д. Василюк. Київ, 2011. С. 207.
9. Пашковский Л.А., Щевелев С.С., Юрченко С.В. и др. Памяти Михаила Филантьевича Слинкина // Интеллектуал. 2008. № 8. С. 36–37.
10. Пашковский П.И., Крыжко Е.В. Михаил Филантьевич Слинкин: вехи биографии выдающегося отечественного востоковеда // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 9 (59). Ч. 1. С. 132–137.
11. Пашковский П.И., Крыжко Е.В. Профессор М.Ф. Слинкин: основные направления исследований // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11 (61). Ч. 1. С. 143–146.
12. Пашковский П.И., Крыжко Е.В. Слинкин Михаил Филантьевич (1925–2007): историк, лингвист, переводчик, дипломат // Профессора Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского: В 3-х т. Т. 3 / Ред.-сост. А.А. Непомнящий, Д.А. Ломакин, В.А. Грушецкая и др. Белгород: Константа, 2018. С. 98–101.
13. Персидско-русский и русско-персидский военный словарь / Сост. Г.Г. Алиев, А.И. Арсланбеков, А.В. Перегудов, М.Ф. Слинкин. М.: Воениздат, 1972. 656 с.
14. Пластун В.Н., Князев А.А., Поляков Г.А., Шкедя О.П. Михаил Филантьевич Слинкин // Афганистан и безопасность Центральной Азии / Ред. А.А. Князев. Бишкек, 2010. Вып. 4. С. 3–5.
15. Профессора Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (1918–2000) / Ред. Н.В. Багров. Киев: Либідь, 2000. 152 с.
16. Профессора Таврического национального университета им. В.И. Вернадского / Сост. В.Г. Ена, В.В. Бобков, В.К. Федоров. Киев: Либідь, 2007. 173 с.
17. Слинкин М.М. Об отце и немного о времени, в котором он жил // Дневниковые записи М.Ф. Слинкина – советника заведующего Международным отделом ЦК НДПА (1982 г.) / Сост. М.М. Слинкин. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. С. 67–122.
18. Слинкин М.Ф. «Аргументы» противников национального примирения // Афганистан: пути национального примирения: бюллетень. Кабул: Институт общественных наук ЦК НДАП, 1988. С. 41–46.
19. Слинкин М.Ф. 1957 год. Первый афганский «десант» // Солдат удачи. М., 2004. № 2 (113). С. 10–14.
20. Слинкин М.Ф. Абдуллахид Дустум и Национальное исламское движение Афганистана: вчера и сегодня // Труды международной научной конференции. Симферополь, 1998. С. 118–119.
21. Слинкин М.Ф. Аппарат и основные направления идеологической подготовки афганской армии // Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1973. С. 79–82.
22. Слинкин М.Ф. Афганистан, год 1980: становление режима Б. Кармала // Востокведческий сборник. Симферополь: ТЭИ, 1997. Вып. II. С. 17–60.

23. Слинкин М.Ф. Афганистан. Страницы истории (80–90-е гг. XX в.) // Культура народов Причерноморья. 2003. № 41. С. 3–279.
24. Слинкин М.Ф. Афганистан: оппозиция и власть (60–70-е гг. XX в.) // Культура народов Причерноморья. 2005. № 57. С. 3–249.
25. Слинкин М.Ф. Афганистан: проблема беженцев // Культура народов Причерноморья. 2001. № 24. С. 229–243.
26. Слинкин М.Ф. Афганистан: проблемы войны, мира и безопасности в стране и регионе // Культура народов Причерноморья. 2002. № 31. С. 124–128.
27. Слинкин М.Ф. Афганистан: страна, люди, общество. Симферополь: Изд-во Междунар. Таврического эколого-политологического ун-та, 1995. 120 с.
28. Слинкин М.Ф. Афганистан: тревожное лето и осень 1979 г. // Культура народов Причерноморья. 1999. № 4. С. 138–152.
29. Слинкин М.Ф. Афганистан: уроки информационной войны // Культура народов Причерноморья. 2000. № 15. С. 82–95.
30. Слинкин М.Ф. Афганская революция защищается // Вестник МГУ. Сер. 13. Востоковедение. 1983. № 4. С. 19–31.
31. Слинкин М.Ф. Афганские встречи и беседы // Культура народов Причерноморья. 2007. № 98. С. 7–67.
32. Слинкин М.Ф. Афганские встречи и беседы // Культура народов Причерноморья. 2007. № 113. С. 7–60.
33. Слинкин М.Ф. Афганские встречи и беседы. М.: ООО «Издательство МБА», 2019. 228 с.
34. Слинкин М.Ф. Ахмад Шах Масуд. Штрихи к политическому портрету // Востоковедный сборник. Симферополь, 2001. Вып. V. С. 29–33.
35. Слинкин М.Ф., Баронин А.И. Создание современной армии в Афганистане // Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. 1978. № 11 (196). С. 71–126.
36. Слинкин М.Ф. Борьба в высших эшелонах власти Афганистана в 1978 – начале 1979 г. и ее последствия // Ученые записки Таврического экологического института. Симферополь, 1999. С. 161–173.
37. Слинкин М.Ф. Вооруженные силы Афганистана // Демократическая Республика Афганистан: справочник. М.: Наука, 1981. С. 52–59.
38. Слинкин М.Ф. Вооруженные силы Афганистана // Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. 1974. № 1 (152). С. 214–219.
39. Слинкин М.Ф. Вооруженные силы Афганистана в 1955–1971 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1973. 26 с.
40. Слинкин М.Ф. Восток – Запад: солидарность с левым афганским режимом. Забытая история // Культура народов Причерноморья. 2004. Т. 1. № 50. С. 34–45.
41. Слинкин М.Ф., Ганковский Ю.В., Полищук А.И. История вооруженных сил Афганистана. 1747–1977. М.: Наука, 1985. 206 с.
42. Слинкин М.Ф. Государственный переворот 1973 г. в Афганистане // Культура народов Причерноморья. 1999. № 10. С. 94–100.
43. Слинкин М.Ф. Государственный переворот 1973 г. в Афганистане и утверждение авторитарной власти М. Дауда // Востоковедный сборник. Симферополь, 2000. Вып. IV. С. 66–95.
44. Слинкин М.Ф., Ежов Г.П. Идеологическая работа в афганской армии // Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. 1973. № 12 (151–1). С. 104–122.
45. Слинкин М.Ф. Земельная реформа 1979 г. в Афганистане и причины ее провала // Культура народов Причерноморья. 2001. № 24. С. 132–140.
46. Слинкин М.Ф. Кабульский базар и его обитатели (Афганские встречи и беседы) // Культура народов Причерноморья. 2006. № 85. С. 164–171.
47. Слинкин М.Ф. Как снимали Бабрака Кармаля: глазами очевидца // Культура народов Причерноморья. 1999. № 7. С. 118–123.

48. Слинкин М.Ф. Как снимали Бабрака Кармаля: свидетельство очевидца // Азия и Африка сегодня. 2000. № 7. С. 44–49.
49. Слинкин М.Ф. Клерикальная оппозиция в Афганистане в 60–70-х гг. XX в. // Культура народов Причерноморья. 2001. № 22. С. 221–228.
50. Слинкин М.Ф. Книга для чтения. Персидский язык. 1–5-й курсы. Симферополь: РИО ТЭИ, 2001. 517 с.
51. Слинкин М.Ф. Кто был и есть кто в Афганистане // Востоковедный сборник. Симферополь, 1997. Вып. I. С. 27–89.
52. Слинкин М.Ф. Леводемократические организации в Афганистане: зарождение и деятельность // Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. 1990. № 2 (266). С. 83–157.
53. Слинкин М.Ф. Либеральная и левозкстремистская оппозиция в Афганистане в 60-х – начале 70-х гг. XX в. // Культура народов Причерноморья. 2001. № 22. С. 125–134.
54. Слинкин М.Ф., Минин В.А., Павленко Н.В. Практический курс персидского языка. Общий перевод. Симферополь: Сонат, 2007. 276 с.
55. Слинкин М.Ф. Мое открытие Афганистана. Год 1957 // Культура народов Причерноморья. 2006. № 82. С. 100–110.
56. Слинкин М.Ф. Мухамад Дауд. Политический портрет // Культура народов Причерноморья. 2001. № 24. С. 245–251.
57. Слинкин М.Ф. Мы в Афганистане. 1957 год // Ученые записки ТНУ. Сер. История. 2003. Т. 16 (55). № 1. С. 65–81.
58. Слинкин М.Ф. Мятаж генерала Ш.Н. Таная // Азия и Африка сегодня. 2001. № 8. С. 38–42.
59. Слинкин М.Ф. Мятаж генерала Ш.Н. Таная в Афганистане в марте 1990 г. // Культура народов Причерноморья. 1999. № 8. С. 94–100.
60. Слинкин М.Ф. Народно-демократическая партия Афганистана у власти. Время Тараки-Амина (1978–1979 гг.). Симферополь: Изд-во Симферопольского гос. ун-та, 1996. 395 с.
61. Слинкин М.Ф. Народно-демократическая партия Афганистана у власти. Время Тараки-Амина (1978–1979 гг.). Изд-е 2-е. Симферополь: Изд-во Симферопольского гос. ун-та, 1999. 395 с.
62. Слинкин М.Ф. Народно-демократическая партия Афганистана: путь к власти. Симферополь: Симферопольский гос. ун-т, 1993. 744 с.
63. Слинкин М.Ф. О политической деятельности консервативно-клерикальных кругов Афганистана в 60–70-х годах // Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. 1980. № 2 (209). С. 115–133.
64. Слинкин М.Ф. Организация моджахедов иранского народа // Востоковедный сборник. Симферополь, 1999. Вып. III. С. 53–76.
65. Слинкин М.Ф. Отражение буржуазных политико-идеологических концепций и взглядов в афганской военной пропаганде // Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1975. С. 152–162.
66. Слинкин М.Ф. Перепевы антикоммунизма и антисоветизма в идеологической обработке личного состава королевской афганской армии // Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. 1974. № 1 (152). С. 72–81.
67. Слинкин М.Ф. Политизация афганской армии в предреволюционные годы // Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. 1987. № 6. С. 168–208.
68. Слинкин М.Ф. Практический курс персидского языка. 5-й курс. Симферополь: Сонат, 2005. 256 с.
69. Слинкин М.Ф. Практический курс персидского языка. Общий перевод. 4-й курс. Симферополь: РИО ТЭИ, 2001. 255 с.
70. Слинкин М.Ф. Приход к власти и кризис левого режима Тараки-Амина в Афганистане: дис. ... докт. ист. наук. Симферополь: ТНУ, 2000. 411 с.
71. Слинкин М.Ф. Проблема урегулирования положения вокруг Афганистана (историко-политический аспект) // Культура народов Причерноморья. 2002. № 33. С. 111–131.
72. Слинкин М.Ф. Речевая практика персидского языка. 3-й курс. Симферополь: ТЭИ, 1998. 346 с.

73. Слинкин М.Ф. Речевая практика персидского языка. 3-й курс. Изд-е 2-е, испр. и доп. Симферополь: Сонат, 2003. 313 с.
74. Слинкин М.Ф. Русско-дари военный и технический словарь. М.: Воениздат, 1981. 847 с.
75. Слинкин М.Ф. Русско-дари военный и технический словарь. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Воениздат, 1987. 847 с.
76. Слинкин М.Ф. Сулейман Лайек – поэт, гражданин, политик // Культура народов Причерноморья. 2005. № 62. С. 94–98.
77. Слинкин М.Ф. Хаджи (Афганские встречи и беседы) // Культура народов Причерноморья. 2006. № 85. С. 163–164.
78. Слинкин М.Ф. Хальк и Парчам: истоки межфракционных противоречий и расколов // Культура народов Причерноморья. 1999. № 9. С. 98–107.
79. Слинкин М.Ф. Этническая проблема в Афганистане (историко-политический анализ) // Культура народов Причерноморья. 2005. № 66. С. 46–60.
80. Слинкин М.Ф. Языковые штампы официально-деловых документов, переписки и устного общения. Персидский язык. 5-й курс. Симферополь: ТЭИ, 1997. 50 с.
81. Слинкин Михаил Филантьевич / Память народа 1941–1945 [Электронный ресурс]. URL: https://ramuat-naroda.ru/heroes/sm-person_doroga2785884/ (дата обращения: 19.08.2020).
82. Слинкин Михаил Филантьевич [Электронный ресурс]. URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/74658/01–Author.pdf?sequence=1> (дата обращения: 19.08.2020).
83. Слинкин М.Ф. Прихід до влади і криза лівого режиму Тараки-Аміна в Афганістані: автореф. дисс. ... докт. іст. наук. Київ, 2000. 36 с.
84. Сто лет служения науке и просвещению: исторический факультет Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского / Под ред. Э.Б. Петровой. Симферополь: Ариал, 2018. 356 с.
85. Сухоруков А.Н. Сотрудничество Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского с научно-образовательными центрами Ирана // Научный вестник Крыма. 2019. № 5 (23). С. 8.
86. Таврический университет: времена и люди: 90 лет служения науки / Сост. Н.В. Бержанский, В.Ф. Шарапа, Г.Ю. Богданович; ред. С.В. Головки. Киев: Либідь, 2008. 294 с.
87. Щевелев С.С., Пашковский П.И., Крыжко Е.В. Востоковед М.Ф. Слинкин: жизнь и труды // Диалог со временем. 2018. Вып. 62. С. 312–328.
88. The Foreign Policy and International Relations of the DRA / Ed. Rustam. Kabul: Government Printing Press, 1984. 74 p.

REFERENCES

1. Boiko V.S. *Mirovaia Afganistika mezhdu nauko i politikoi: problemy istorii i modernizatsii Afganistana v XX – nachale XXI vv.: uchebnoe posobie*. Barnaul, 2016, 138 p.
2. Rustam (Ed.). *Vneshniaia politika i mezhdunarodnye sviazi Demokraticeskoi Respubliki Afganistan*. Kabul, Gosizdat Publ., 1984, 53 p.
3. Gorbunov Iu.I. *Krym i Afrika segodnia*, 2013, No. 11 (676), pp. 65–70.
4. Gorbunov Iu.I. *Krym: partizany dlia Afriki*. Available at: <http://topwar.ru/37349-krym-partizanydlya-afriki-chast-1.html> (accessed: 19.08.2020).
5. Slinkin M.M. (Ed.). *Dnevnikovye zapisi M.F. Slinkina – sovetnika zaveduiushchego Mezhdunarodnym otdelom TsK NDPA (1982 g.)*. Moscow, Institut Vostokovedeniia RAN Publ., 2016, 124 p.
6. Bagrov N.V. (Ed.). *Istoriia Tavricheskogo universiteta*. Kiev, Libid Publ., 2003, 243 p.
7. Slinkin M.F., Shiriaev B.A., Gul'dzhonov M. (Ed.). *Kratkaia istoriia Narodno-democraticeskoi partii Afganistana. Part I. Do pobedy Aprel'skoi revoliutsii*. Kabul, 1988, 128 p.
8. Nepomniashchii A.A. Slinkin Mikhailo Filantiiovich. Tsigankova E.G., Kochubei Iu.M., Vasiliuk O.D. (Eds.), *Skhodoznavstvo i vizantologiiia v Ukraïni v imenakh: Biobibliografichnii slovník*, Київ, 2011, pp. 207.
9. Pashkovskii L.A., Shechelev S.S., Iurchenko S.V. et al. *Pamiaty Mikhaïla Filant'evicha Slinkina. Intellectual*, 2008, No. 8, pp. 36–37.

10. Pashkovskii P.I., Kryzhko E.V. Mikhail Filant'evich Slinkin: vekhi biografii vydaiushchegosia otechestvennogo vostokoveda. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. *Voprosy teorii i praktiki*, 2015, No. 9 (59), Is. I, pp. 132–137.
11. Pashkovskii P.I., Kryzhko E.V. Professor M.F. Slinkin: osnovnye napravleniia issledovaniia. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. *Voprosy teorii i praktiki*, 2015, No. 11 (61), Is. I, pp. 143–146.
12. Pashkovskii P.I., Kryzhko E.V. Slinkin Mikhail Filant'evich (1925–2007): istorik, lingvist, perevodchik, diplomat. Nepomniashchii A.A., Lomakin D.A., Grushetskaia V.A. et al. (Eds.), *Professora Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo*, T. 3, Belgorod, Konstanta Publ., 2018, pp. 98–101.
13. Aliev G.G., Arslanbekov A.I., Peregudov A.V., Slinkin M.F. (Eds.). *Persidsko-russkii i russko-persidskii voennyi slovar'*. Moscow, Voenizdat Publ., 1972, 656 p.
14. Plastun V.N., Kniazev A.A., Poliakov G.A., Shkedia O.P. Mikhail Filant'evich Slinkin. Kniazev A.A. (Ed.), *Afganistan i bezopasnost' Tsentral'noi Azii*, Bishkek, 2010, Vol. 4, pp. 3–5.
15. Bagrov N.V. (Ed.). *Professora Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo (1918–2000)*. Kiev, Libid Publ., 2000, 152 p.
16. Ena V.G., Bobkov V.V., Fedorov V.K. (Eds.). *Professora Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo*. Kiev, Libid Publ., 2007, 173 p.
17. Slinkin M.M. Ob ottse i nemnogo o vremeni, v kotorom on zhil. Slinkin M.M. (Ed.), *Dnevnikovye zapisi M.F. Slinkina – sovetnika zaveduiushchego Mezhdunarodnym otdelom TsK NDPA (1982 g.)*, Moscow, Institut Vostokovedeniia RAN Publ., 2016, pp. 67–122.
18. Slinkin M.F. «Argumenty» protivnikov natsional'nogo primireniia. *Afganistan: puti natsional'nogo primireniia: biulleten*, Kabul, Institut obshchestvennykh nauk TsK NDAP, 1988, pp. 41–46.
19. Slinkin M.F. 1957 god. Pervyi afganskii «desant». *Soldat udachi*, Moscow, 2004, No. 2 (113), pp. 10–14.
20. Slinkin M.F. Abdurrashid Dustum i Natsional'noe islamskoe dvizhenie Afganistana: vchera i segodnia. *Trudy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Simferopol, 1998, pp. 118–119.
21. Slinkin M.F. Apparat i osnovnye napravleniia ideologicheskoi podgotovki afganskoi armii. *Spetsial'nyi biulleten' Instituta vostokovedeniia AN SSSR*, Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 79–82.
22. Slinkin M.F. Afganistan, god 1980: stanovlenie rezhima B. Karmalia. *Vostokovednyi sbornik*, Simferopol, 1997, Vol. II, pp. 17–60.
23. Slinkin M.F. Afganistan. Stranitsy istorii (80–90-e gg. XX v.). *Kul'tura narodov Prichernomor'ia*, 2003, No. 41, pp. 3–279.
24. Slinkin M.F. Afganistan: oppozitsiia i vlast' (60–70-e gg. XX v.). *Kul'tura narodov Prichernomor'ia*, 2005, No. 57, pp. 3–249.
25. Slinkin M.F. Afganistan: problema bezhentsev. *Kul'tura narodov Prichernomor'ia*, 2001, No. 24, pp. 229–243.
26. Slinkin M.F. Afganistan: problemy voiny, mira i bezopasnosti v strane i regione. *Kul'tura narodov Prichernomor'ia*, 2002, No. 31, pp. 124–128.
27. Slinkin M.F. *Afganistan: strana, liudi, obshchestvo*. Simferopol, Tavricheskii ekologopolitologicheskii universitet Publ., 1995, 120 p.
28. Slinkin M.F. Afganistan: trevozhnoe leto i osen' 1979 g. *Kul'tura narodov Prichernomor'ia*, 1999, No. 4, pp. 138–152.
29. Slinkin M.F. Afganistan: uroki informatsionnoi voiny. *Kul'tura narodov Prichernomor'ia*, 2000, No. 15, pp. 82–95.
30. Slinkin M.F. Afganskaia revoliutsiia zashchishchaetsia. *Vestnik MGU, Seria 13. Vostokovedenie*, 1983, No. 4, pp. 19–31.
31. Slinkin M.F. Afganskie vstrechi i besedy. *Kul'tura narodov Prichernomor'ia*, 2007, No. 98, pp. 7–67.
32. Slinkin M.F. Afganskie vstrechi i besedy. *Kul'tura narodov Prichernomor'ia*, 2007, No. 113, pp. 7–60.
33. Slinkin M.F. *Afganskie vstrechi i besedy*. Moscow, 2019, 228 p.
34. Slinkin M.F. Akhmad Shakh Masud. Shtrikhi k politicheskomu portretu. *Vostokovednyi sbornik*. Simferopol, 2001, Vol. V, pp. 29–33.

35. Slinkin M.F., Baronin A.I. Sozdanie sovremennoi armii v Afganistane. *Spetsial'nyi biulleten' Instituta vostokovedeniia AN SSSR*, 1978, No. 11 (196), pp. 71–126.
36. Slinkin M.F. Bor'ba v vysshihkh eshelonakh vlasti Afganistana v 1978 – nachale 1979 g. i ee posledstviia. *Uchenye zapiski Tavricheskogo ekologicheskogo instituta*, Simferopol, 1999, pp. 161–173.
37. Slinkin M.F. Vooruzhennnye sily Afganistana. *Demokraticheskaiia Respublika Afganistan: spravochnik*. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 52–59.
38. Slinkin M.F. Vooruzhennnye sily Afganistana. *Spetsial'nyi biulleten' Instituta vostokovedeniia AN SSSR*, 1974, No. 1 (152), pp. 214–219.
39. Slinkin M.F. *Vooruzhennnye sily Afganistana v 1955–1971 gg.* Abstract of kandidat. diss. Moscow, 1973, 26 p.
40. Slinkin M.F. Vostok – Zapad: solidarnost' s levym afganskim rezhimom. Zabytaia istoriia. *Kul'tura narodov Prichernomor'ia*, 2004, T. 1, No. 50, pp. 34–45.
41. Slinkin M.F., Gankovskii Iu.V., Polishchuk A.I. *Istoriia vooruzhennykh sil Afganistana. 1747–1977.* Moscow, Nauka Publ., 1985, 206 p.
42. Slinkin M.F. Gosudarstvennyi perevorot 1973 g. v Afganistane. *Kul'tura narodov Prichernomor'ia*, 1999, No. 10, pp. 94–100.
43. Slinkin M.F. Gosudarstvennyi perevorot 1973 g. v Afganistane i utverzhdenie avtoritarnoi vlasti M. Dauda. *Vostokovednyi sbornik*. Simferopol, 2000, Vol. IV, pp. 66–95.
44. Slinkin M.F., Ezhov G.P. Ideologicheskaiia rabota v afganskoii armii. *Spetsial'nyi biulleten' Instituta vostokovedeniia AN SSSR*, 1973, No. 12 (151–1), pp. 104–122.
45. Slinkin M.F. Zemel'naia reforma 1979 g. v Afganistane i prichiny ee provala. *Kul'tura narodov Prichernomor'ia*, 2001, No. 24, pp. 132–140.
46. Slinkin M.F. Kabul'skii bazar i ego obitateli (Afganskie vstrechi i besedy). *Kul'tura narodov Prichernomor'ia*, 2006, No. 85, pp. 164–171.
47. Slinkin M.F. Kak snimali Babraka Karmalia: glazami ochevidtsa. *Kul'tura narodov Prichernomor'ia*, 1999, No. 7, pp. 118–123.
48. Slinkin M.F. Kak snimali Babraka Karmalia: svidetel'stvo ochevidtsa. *Aziia i Afrika segodnia*, 2000, No. 7, pp. 44–49.
49. Slinkin M.F. Klerikal'naia oppozitsiia v Afganistane v 60–70-kh gg. XX v. *Kul'tura narodov Prichernomor'ia*, 2001, No. 22, pp. 221–228.
50. Slinkin M.F. *Kniga dlia chteniia. Persidskii iazyk. 1–5-i kursy.* Simferopol, TEI Publ., 2001, 517 p.
51. Slinkin M.F. Kto byl i est' kto v Afganistane. *Vostokovednyi sbornik, Simferopol, 1997, Vol. I, pp. 27–89.*
52. Slinkin M.F. Levodemokraticheskie organizatsii v Afganistane: zarozhdenie i deiatel'nost'. *Spetsial'nyi biulleten' Instituta vostokovedeniia AN SSSR*, 1990, No. 2 (266), pp. 83–157.
53. Slinkin M.F. Liberal'naia i levoekstremistskaia oppozitsiia v Afganistane v 60-kh – nachale 70-kh gg. XX v. *Kul'tura narodov Prichernomor'ia*, 2001, No. 22, pp. 125–134.
54. Slinkin M.F., Minin V.A., Pavlenko N.V. *Prakticheskij kurs persidskogo jazyka. Obshhij perevod.* Simferopol, Sonat Publ., 2007, 276 p.
55. Slinkin M.F. Moe otkrytie Afganistana. God 1957. *Kul'tura narodov Prichernomor'ia*, 2006, No. 82, pp. 100–110.
56. Slinkin M.F. Mukhamad Daud. Politicheskii portret. *Kul'tura narodov Prichernomor'ia*, 2001, No. 24, pp. 245–251.
57. Slinkin M.F. My v Afganistane. 1957 god. *Uchenye zapiski TNU. Seria Istoriia*, 2003, T. 16 (55), No. 1, pp. 65–81.
58. Slinkin M.F. Miatezh generala Sh.N. Tanaia. *Aziia i Afrika segodnia*, 2001, No. 8, pp. 38–42.
59. Slinkin M.F. Miatezh generala Sh.N. Tanaia v Afganistane v marte 1990 g. *Kul'tura narodov Prichernomor'ia*, 1999, No. 8, pp. 94–100.
60. Slinkin M.F. *Narodno-demokraticheskaiia partiia Afganistana u vlasti. Vremia Taraki-Amina (1978–1979 gg.)*. Simferopol, Simferopol'skii universitet Publ., 1996, 395 p.

61. Slinkin M.F. *Narodno-demokraticheskaia partiia Afganistana u vlasti. Vremia Taraki-Amina (1978–1979 gg.)*. 2th ed. Simferopol, Simferopol'skii universitet Publ., 1999, 395 p.
62. Slinkin M.F. *Narodno-demokraticheskaia partiia Afganistana: put' k vlasti*. Simferopol, Simferopol'skii universitet Publ., 1993, 744 p.
63. Slinkin M.F. O politicheskoi deiatel'nosti konservativno-klerikal'nykh krugov Afganistana v 60–70-kh godakh. *Spetsial'nyi biulleten' Instituta vostokovedeniia AN SSSR*, 1980, No. 2 (209), pp. 115–133.
64. Slinkin M.F. Organizatsiia modzhahedov iranskogo naroda. *Vostokovednyi sbornik*. Simferopol, 1999, Vol. III, pp. 53–76.
65. Slinkin M.F. Otrazhenie burzhuaznykh politico-ideologicheskikh kontseptsii i vzgliadov v afganskoii voennoi propaganda. *Spetsial'nyi biulleten' Instituta vostokovedeniia AN SSSR*, Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 152–162.
66. Slinkin M.F. Perepevy antikommunizma i antisovetizma v ideologicheskoi obrabotke lichnogo sostava korolevskoi afganskoii armii. *Spetsial'nyi biulleten' Instituta vostokovedeniia AN SSSR*, 1974, No. 1 (152), pp. 72–81.
67. Slinkin M.F. Politizatsiia afganskoii armii v predrevoliutsionnye gody. *Spetsial'nyi biulleten' Instituta vostokovedeniia AN SSSR*, 1987, No. 6, pp. 168–208.
68. Slinkin M.F. *Prakticheskii kurs persidskogo iazyka. 5-i kurp*. Simferopol, Sonat Publ., 2005, 256 p.
69. Slinkin M.F. *Prakticheskii kurs persidskogo iazyka. Obshchii perevod. 4-i kurp*. Simferopol, TEI Publ., 2001, 255 p.
70. Slinkin M.F. *Prihod k vlasti i krizis levogo rezhima Taraki-Amina v Afganistane*. Text of doctor. dis. Simferopol, 2000, 411 p.
71. Slinkin M.F. Problema uregulirovaniia polozheniia vokrug Afganistana (istoriko-politicheskii aspekt). *Kul'tura narodov Prichernomor'ia*, 2002, No. 33, pp. 111–131.
72. Slinkin M.F. *Rechevaia praktika persidskogo iazyka. 3-i kurp*. Simferopol, TEI Publ., 1998, 346 p.
73. Slinkin M.F. *Rechevaia praktika persidskogo iazyka. 3-i kurp*. Izd-e 2-e, ispr. i dop. Simferopol, Sonat Publ., 2003, 313 p.
74. Slinkin M.F. *Russko-dari voennyi i tekhnicheskii slovar'*. Moscow, Voenizdat Publ., 1981, 847 p.
75. Slinkin M.F. *Russko-dari voennyi i tekhnicheskii slovar'*. 2th ed. Moscow, Voenizdat Publ., 1987, 847 p.
76. Slinkin M.F. Suleiman Laiek – poet, grazhdanin, politik. *Kul'tura narodov Prichernomor'ia*, 2005, No. 62, pp. 94–98.
77. Slinkin M.F. Khadzhi (afganskii vstrechi i besedy). *Kul'tura narodov Prichernomor'ia*, 2006, No. 85, pp. 163–164.
78. Slinkin M.F. Khal'k i Parcham: istoki mezhfraktsionnykh protivorechii i raskolov. *Kul'tura narodov Prichernomor'ia*, 1999, No. 9, pp. 98–107.
79. Slinkin M.F. Etnicheskaia problema v Afganistane (istoriko-politicheskii analiz). *Kul'tura narodov Prichernomor'ia*, 2005, No. 66, pp. 46–60.
80. Slinkin M.F. *Iazykovye shtampy ofitsial'no-delovykh dokumentov, perepiski i ustnogo obshcheniia. Persidskii iazyk. 5-i kurs*. Simferopol, TEI Publ., 1997, 50 p.
81. Slinkin Mikhail Filant'evich. *Pamiat' naroda 1941–1945*. Available at: https://pamyat-naroda.ru/heroes/sm-person_doroga2785884/ (accessed: 19.08.2020).
82. Slinkin Mikhail Filant'evich. Available at: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/74658/01-Author.pdf?sequence=1> (accessed: 19.08.2020).
83. Slinkin M.F. *Prihid do vladi i kriza livogo rezhimu Taraki-Amina v Afganistani*. Abstract of doctor. diss. Kiev, 2000, 36 p.
84. Petrova E.B. (Ed.). *Sto let sluzheniia nauke i prosveshcheniiu: istoricheskii fakul'tet Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo*. Simferopol, Arial Publ., 2018, 356 p.
85. Sukhorukov A.N. Sotrudnichestvo Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo s nauchno-obrazovatel'nymi tsentrami Irana. *Nauchnyi vestnik Kryma*, 2019, No. 5 (23), P. 8.
86. Bagrov N.V. (Ed.). *Tavricheskii universitet: vremena i liudi: 90 let sluzheniia nauki*. Kiev, Libid Publ., 2008, 294 p.

87. Shchevelev S.S., Pashkovskii P.I., Kryzhko E.V. Vostokoved M.F. Slinkin: zhizn' i Trudy. *Dialog so vremenem*, 2018, Vol. 62, pp. 312–328.
88. Rustam (Ed.). *The Foreign Policy and International Relations of the DRA*. Kabul, Government Printing Press, 1984, 74 p.

Информация об авторах

Пашковский П. И. – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Researcher ID: AAJ-9474-2020.

Крыжко Е. В. – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Researcher ID: Y-8613-2018.

Щевелев С. С. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Researcher ID: Z-1551-2018.

Information about the authors

Pashkovsky P. I. – Candidate of Political Science, Assistant Professor of the Political Science and International Relations Department at the Taurida Academy of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: AAJ-9474-2020.

Kryzhko E. V. – Candidate of Science (History), Assistant Professor of the Modern and Contemporary History Department at the Taurida Academy of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: Y-8613-2018.

Schevelev S. S. – Doctor of Science (History), Professor of the Head of the Modern and Contemporary History Department at the Taurida Academy of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: Z-1551-2018.

РЕЦЕНЗИИ

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЭТИКЕ (Рецензия на: Клейн Л. С. Первый век: Сокровища сарматских курганов. – СПб.: Евразия, 2016. – 224 с.)

Ирина Петровна Засецкая

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия, krokochka@mail.ru

TO THE QUESTION ABOUT RESEARCH ETHICS (Review: Klein L. S. Pervyi vek: Sokrovishcha sarmatskikh kurganov. Saint Petersburg, Evrazia Publ., 2016, 224 p.)

Irina P. Zasetskaya

State Hermitage, Saint Petersburg, Russia, krokochka@mail.ru

Я искренне сожалею, что эту статью не увидит Лев Самуилович Клейн, которому, как автору книги «Первый век», она была предназначена в первую очередь. Статью-рецензию я начала писать еще в 2017–2018 гг. и только в апреле 2019 г. передала ее в редакцию. Однако после ухода из жизни Льва Самуиловича моим первым желанием было отказаться от публикации статьи. Но со временем, рассудив, что статья в целом рассчитана на более широкую аудиторию читателей, я решила опубликовать ее. Одной из причин этого было также мое желание защитить честь научных сотрудников археологического отдела, несправедливо обвиняемых Л. С. Клейном.

В 2016 г. вышла из печати монография Л. С. Клейна, которую он назвал «Первый век: сокровища сарматских курганов» [36]. Но содержание этой книги, посвященной двум знаменитым курганам сарматской культуры – Хохлачу и Садовому, некогда расположенным на окраине г. Новочеркаска, не покрывает столь много значимый исторический период в жизни народов и государств Европы и Азии. В книге Л. С. Клейна этому периоду посвящена часть 11 «Первый век» (с. 57–60), в которой отмечено такое глобальное событие, как появление и распространение по всему миру христианства, ознаменовавшего начало новой эры, подчеркнута главенствующая роль в истории первого века трех могущественных государств – Римской империи, Парфии и Китая. Все это изложено весьма кратко и, вероятно, представляет отрывки из лекций, которые Л. С. Клейн, будучи преподавателем на кафедре археологии исторического факультета ЛГУ, читал студентам. Однако, принимая во

внимание, что в основе работы лежат сарматские памятники I в. н. э. Нижнего Дона, было бы логично показать, что же происходило в это время в Северном Причерноморье, в жизни населения степей и Боспорского царства, тесно связанных между собой. А также хотелось бы узнать – какую роль в этом процессе играли памятники типа Хохлача и Садового. Но не будем вдаваться в подробности сложных событий первого века, а обратимся к содержанию остальных частей монографии.

Книга делится на две части: первая (I) посвящена кургану Хохлач, открытому еще в 1864 г., а вторая (II) – кургану Садовому, раскопанному уже в наши дни в 1962 г. (почти 100 лет спустя) при непосредственном участии автора – Л. С. Клейна. Каждая часть состоит из нескольких малых частей, пронумерованных арабскими цифрами (Часть I содержит 16 частей, Часть II – 25).

Монография, как указано в аннотации на титульном листе, принадлежит к серии научно-популярных сочинений. В то же время на последней странице книги работа характеризуется как научное издание. Однако, на мой взгляд, она не соответствует в полной мере ни тому, ни другому жанру.

Еще до выхода в свет этого сочинения, по предложению Л. С. Клейна, я ознакомилась с рукописью первой части книги. После прочтения я спросила автора, на какую читательскую аудиторию рассчитано данное произведение – если на широкого читателя, то, по-моему, *сложновато*, а если на специалистов, то, пожалуй, *маловато*. Лев Самуилович, согласившись с моим мнением, ответил, что книга предназначена для *избранного* читателя.

Вероятно, я не доросла до этой группы «особенных» людей, поэтому на меня рукопись, а затем и монография 2016 г., в целом произвели весьма неоднозначное впечатление. Поскольку мне ближе та часть книги, которая посвящена истории кургана Хохлач, под заголовком «Лось и Купидон: загадки Новочеркасского клада. *Археологическая баллада в шестнадцати частях с тремя отступлениями – лирическим, этическим и философским*» (с. 8–66), то я позволю высказать свое мнение по некоторым затронутым автором вопросам как общего, так и частного характера.

Но, прежде всего, мне, вероятно, следует объяснить мой повышенный интерес к данной работе... А дело в том, что я являюсь автором первой самой полной публикации погребального комплекса кургана Хохлач, изданной в 2011 г. [27], в которой на основе архивных данных подробно излагается история открытия и научного исследования памятника, дается детальная характеристика каждой вещи, рассматривается семантика изображений декоративного оформления таких изделий, как диадема, и исполненные в полихромном сарматском зверином стиле гривна, браслеты, флаконы и золотой кубок. Кроме того, поднимаются, а в некоторых случаях и решаются, вопросы, связанные с поисками истоков происхождения и центров производства предметов, определением датировки и этнокультурной принадлежности как отдельных находок, так и комплекса в целом. Особое внимание уделено доказательствам царственного статуса похороненной здесь знатной особы. Монография содержит 327 страниц, из них 270 с., включая каталог [27, с. 258–270], – авторский текст,

41 с. [27, с. 271–312] – архивные данные, отчеты непосредственных участников открытий на кургане Хохлач (Приложения 1–3), далее, 14 с. [27, с. 313–327] включают список литературы, географический указатель памятников и краткое английское резюме¹. Книга иллюстрирована цветными фотографиями – 136 илл. и 37 рисунков, многие из которых содержат по несколько изображений. Кроме того, в 2015 г. вышла из печати научно-популярная публикация «Магия золотой диадемы из кургана Хохлач» [31].

Естественно у меня возник вопрос: так ли уж было необходимо в данной ситуации опубликовать «балладу» о замечательном открытии 1864 года в городе Новочеркасске? Ведь в ней, по сути дела, кратко, на 58-ми страницах, изложены те же события и сведения, что и представленные в моей монографии. Я уже не говорю об иллюстрациях, касающихся предметов из Хохлача и дополнительного материала, которые целиком взяты из моей работы 2011 г. (21 иллюстрация, содержащая 33 изображения)². При этом самим находкам в книге отведено незначительное место, а содержание некоторых частей (6, 11, 14) имеет лишь косвенное отношение к новочеркасскому комплексу.

В литературном же отношении, в «красочности» и «загадочности» названий частей, в пафосной, а подчас скандальной манере изложения сочинение Л. С. Клейна существенно отличается от моего простого традиционного повествования, которое, однако, вполне доступно широкому читателю, а не только специалистам.

Желание написать рецензию на первую часть книги Л. С. Клейна вызвано у меня отнюдь не тем, что в ней повторены события и сведения, представленные в моей публикации, а тем, как автор это делает.

В книге Л. С. Клейна мне и моей монографии посвящены две части: 12 (с. 61–63) и 13 (с. 64–66). В первой предлагается моя биография (о чем я скажу позже), а во второй под названием «Публикация Хохлача» дается оценка моей работе, как «в лучшем смысле слова вещеведческой». В какой-то мере это так, поскольку моей главной задачей было предоставить читателю полноценную публикацию каждой вещи комплекса. Но, как я показала выше, исследование не ограничивается только описанием конструктивных, технических и стилистических особенностей, в работе предметы рассматриваются на фоне широких аналогий разновременных и разноэтнических культур, что позволило сделать целый ряд интересных наблюдений, свя-

¹ В книге Л. С. Клейна (с. 64) постраничное перечисление текста моей монографии не совсем корректно и не совсем верно.

² Рисунок на с. 8 и далее рис. 13–18, 21, 22, 25–27, 29, 30, 34, 35, 37, 41, 42, 44. Собственные иллюстрации составляют 16 портретов ученых, министров, членов Археологической Комиссии и царя Александра II (рис. 1–12, 19, 20, 23, 28) и 8 рисунков дополнительного материала (рис. 24, 31–33, 36, 38, 39, 43). При этом, фотография К. М. Скалон (рис. 28), скорее всего, также была позаимствована из моей книжки 2015 г. [31, илл. 40].

занных как с частными, так и с общими вопросами сарматской археологии. Отчасти об этом же пишет и Л. С. Клейн, хотя и в своей «своеобразной» манере³.

Не прав Л. С. Клейн, когда говорит, что вещи рассматриваются мной в *условном порядке экспозиционной значимости и по материалу* (с. 64). На самом деле я рассматриваю их в порядке художественной и исторической ценности, с учетом моих научных интересов и знаний, а к принципам экспозиции это не имеет никакого отношения.

Далее, подчеркивая мою осторожность в оценках того или иного явления, Л. С. Клейн полагает, что для оправдания этого «недостатка» мной был выбран к монографии эпиграф соответствующего содержания. На самом же деле, цитатой из произведения Эрика-Эмануила Шмидта «Оскар и Розовая дама» я хотела предостеречь будущих исследователей от неоправданных, бездоказательных и претенциозных выводов, которые, к сожалению, переполняют нашу науку⁴.

Однако Л. С. Клейн, говоря о моей осторожности, одновременно упрекает меня в безапелляционности некоторых определений, в частности, касающихся «ладьевидных» предметов, которые я, по его мнению, неправильно называю флаконами. Напомню, что в археологической литературе этот термин используется по отношению к сосудикам с округлым туловом, цилиндрическим горлом, плотно закрытым крышкой, которые, по словам исследователей, служили для хранения ароматических веществ, лекарственных трав и разных ядов. Они подвешивались на цепочках или шнурках, которые продевались сквозь петельки, расположенные на крышке и тулове. Подобный флакон происходит и из кургана Хохлач, где он был найден с тремя сосудиками того же назначения, но отличающимися по форме. Один из них был полусферический, два других – ладьевидные. В моей монографии изделиям этого типа посвящен специальный раздел [27, с. 122–139, 146–149, 156–160]. Упрек Л. С. Клейна о моем, якобы безапелляционном суждении – непонятен. Если речь идет об определении ладьевидных предметов как туалетных *флаконов*, то ведь я подробно объясняю, почему отношу их к данной категории вещей, а если автор не согласен с моей точкой зрения – это его право, но тогда следует опровергать мои доказательства, а не обвинять меня в безапелляционности.

Сам Л. С. Клейн, вслед за И. И. Толстым и Н. П. Кондаковым, называет их *коробочками*, М. И. Ростовцев ладьевидный флакон с фигурами зверей – *футляром*, а, например, полусферический флакон М. Ю. Трейстер определил как *пиксиду*⁵. Дело

³ Указав, что исследование не ограничивается только описанием и технологическим анализом находок, Л. С. Клейн отмечает, что в работе приведены *«все доступные автору аналогии, анализируется стиль, типология, датировка, место в развитии и связанные с этим исторические соображения»*. Но при этом он подчеркивает излишнюю скромность поставленных задач (? – И. З.): *«Все-таки вещьведческая ограниченность – это ограниченность»*, а метод, которым проанализированы вещи, придает книге *«справочный характер»* (с. 64).

⁴ «Самые интересные вопросы остаются вопросами. В них содержится тайна. К каждому ответу следует всегда добавлять «возможно». Только малозначительные вопросы имеют окончательные ответы» (Журнал «Театр». 2004. № 3. С. 16).

⁵ И. И. Толстой и Н. П. Кондаков называют полусферический флакон складной коробочкой. Один из

не в названии, которое часто бывает условным, а в одинаковом назначении этих предметов как хранилищ каких-то веществ, значимых для их владельца. Различаясь по форме, все три типа «флаконов» из Хохлача идентичны по своему устройству, технике, малым размерам, а также наличию цепочки для подвешивания. Так, ладьевидные «флаконы» состоят из небольшого удлиненной формы тулова-вместилища (дл. 10–12 см, шир. 1,5 см) и крышки, которые, имея одинаковые размеры (дл. 13,5 см, шир. 2,1 см), различаются по технике декоративного оформления, что отразилось на весе изделий [27, с. 261, Кат. 6 – вес 135,41 г, Кат. 7 – вес 57,36 г]. Более тяжелая крышка флакона с зооморфными изображениями изготовлена из массивного золотого листа в технике басмы с вторичной обработкой рельефа чеканом и резцом с лицевой стороны. Однако Л. С. Клейн, игнорируя мои описания, почему-то полагает, что «откидные крышки» на ладьевидных сосудиках «как бы дутые». Даже более легкая крышка на флаконе с перегородчатой инкрустацией, будучи сделанной из плотной золотой пластины в технике выколотки иковки, никак не может считаться «дутой» (рис. 1).

Что касается оригинальных предположений А. Попы и Ф. Р. Балонова о назначении этих предметов как футляров для вееров [64, S. 337–343] или как давящих инструментов [5, с. 9–10], то они опровергаются устройством и малыми размерами изделий. Попробуйте, например, вложить веер в футляр длиной 10 см, с диаметром устья 1,5 см. Но, почему-то, без всяких объяснений, Л. С. Клейн считает версию немецкого исследователя наиболее убедительной, может быть, потому, что это *немецкий* ученый?

Одно из замечаний по поводу моей работы относится к вопросу датировки комплекса из кургана Хохлач, которую я, якобы, «не сумела предложить». Это не совсем так. Прежде всего, я предложила рассматривать отдельно время погребения, которое, судя по бронзовым сосудам поминальной тризны, могло произойти в период конца I – начала II в. н. э., тогда как дата золотых изделий полихромного звериного стиля, принесенных на Нижний Дон своими владельцами в готовом виде, ограничивается I в. н. э. [27, с. 254]. Вообще следует заметить, что Л. С. Клейн, когда отмечает какие-либо представленные мной в работе наблюдения или новые факты (помещая их между строк), как правило, почему-то исключает мои объяснения о роли и значении их в исследовании истории сарматских племен.

Но, вернемся к началу работы Л. С. Клейна – части 1 «Место, время и действующие лица» (с. 9). На этой странице указано место расположения кургана, а далее идет длинный перечень фамилий крестьян и солдат, производивших земляные работы при рытье котлована на кургане Хохлач. Затем перечислены имена подрядчиков, руководителей стройки, ученых, принявших участие в исследованиях, аптекаря, пробирера, производивших взвешивание и оценку золотых предметов,

ладьевидных флаконов (с зооморфными изображениями) они определяют как *маленький футлярчик*, другой (с перегородчатой инкрустацией) – как *продолговатая пластинка неизвестного назначения* [59, с. 132, 137–139; 66, р. 50; 67, р. 25].

Рис. 1. Ладьевидные флаконы из кургана Хохлач

чиновников, занимавшихся отправкой материала в Санкт-Петербург, министров двора, членов Императорской Археологической Комиссии. В конце списка упомянут и сам император Александр II. Портреты некоторых из перечисленных лиц помещены в части 3 «Сокровища на вес» (с. 13–18, рис. 2–8). В этой части рассказывается о процессе передачи вещей из Археологической Комиссии в Императорский Эрмитаж на «высочайшее воззрение». Здесь же представлены данные химического анализа, взвешивания и оценка золотых изделий⁶. Далее речь идет о длительных хлопотах по вознаграждению рабочих, которое было осуществлено в 1869 году по высочайшему повелению императора.

Нужны ли эти подробности? Для научно-популярного издания, пожалуй, да. Они как бы подчеркивают грандиозность события и могут быть интересны для широкого круга читателей.

В моей монографии нет такого подробного перечня имен и описания событий, изложенных в части 3, хотя действия главных лиц – бывшего инженера, есаула Р. И. Авилова, члена Комитета строительных работ Черкаева, а также профессора Харьковского университета Н. Д. Борисяка и археолога, члена Императорской Археологической Комиссии В. Г. Тизенгаузена, сыгравших существенную роль в обнаружении находок, мной представлены достаточно полно [27, с. 9–13]. К тому же, приведенные в моей книге копии архивных документов – отчеты участников строительных работ и археологических раскопок – значительно дополняют сведения об истории открытия памятника.

⁶ Может быть, было бы уместно сравнить старые данные ювелирной экспертизы с результатами, полученными в наши дни [27, с. 258–267, Кат. 1–25]

В части 2 «Шкаф о четырех замках» (с. 10–12)⁷ кратко изложена история открытия находок, первые из которых – бронзовые сосуды – появились 12 июня, а затем 14, 17 и 18 июня были обнаружены остальные вещи, представленные, главным образом, золотыми художественными изделиями, которые, по словам Л. С. Клейна, якобы *«лежали на одной и той же глубине неподалеку от первой находки»*. На самом деле они, как следует из архивных данных, помещались глубже первых на 1,27 м. При этом, в отличие от бронзовых сосудов, расположенных в черноземном слое насыпи кургана (на глубине 2,14 м), другие группы вещей находились значительно ниже (на глубине 3,57 м) в слое *«насыпной глины»*. Это различие не случайно. Находки в насыпи мной отождествляются с остатками погребальной или поминальной тризны, а предметы из «глинистого слоя» рассматриваются как жертвоприношения, но отнюдь не просто *скопление вещей в «грудах глины»*, как пишет Л. С. Клейн (с. 11–12). Мои наблюдения, касающиеся особенностей погребального обряда, вероятно, могли бы быть интересны широкому читателю.

После того, как В. Г. Тизенгаузенем была обнаружена и раскопана могила, стало ясно, что так называемый «глинистый слой» или «груды глины» являются *«могильным выкидом»*, обычно располагавшимся вокруг ямы. Размещение в нем золотых вещей и серебряной импортной посуды не раз было отмечено в погребениях знати у кочевников евразийских степей, в том числе и у сарматов. При этом подобное явление нередко сочетается с другим загадочным фактом – отсутствием останков умерших и разорением могилы, что мы и наблюдаем в кургане Хохлач. Л. С. Клейн, отмечая эти особенности, назвал их *сплошными загадками*, предложив читателю четыре вопроса: **куда** девались останки покойной и вещи из могилы, **почему** грабители не взяли вещи, которые располагались выше, **почему** угодили прямо в центр могилы, **зачем** вытащили тело наверх? (с. 20, часть 4 «Уравнение с двумя неизвестными»). Однако, как сказано выше, Хохлач – не единственный погребальный комплекс с такими загадками, что наводит на мысль, а нет ли здесь какой-то закономерности. В связи с этим определенным интерес представляют доклады на конференции 2016 г. под названием «Древние некрополи и поселения, постпогребальные ритуалы, символические захоронения, ограбления». У меня наибольший интерес вызвала статья М. А. Очир-Горяевой [47, с. 113–128]. Опираясь на этнографические данные о существовании у некоторых народов особого ритуала – выноса тела погребенного из могилы и возврата драгоценностей, она предположила, что подобное явление имело место и среди кочевников южнорусских степей, в частности, у савроматов Нижнего Поволжья. Если принять во внимание, что такой обряд существовал и у других племен, например, у сарматских, то мы, возможно, получим ответы на загадочные вопросы Л. С. Клейна.

В связи с этим следует заметить, что группы находок в материковом выкиде не просто *скопление вещей*, а в каждом случае содержат комплекты однородных

⁷ Причиной такого названия части 4 послужили архивные сведения о том, что находки будут перевозить в Петербург в специально заказанном «шкафу», закрывающемся на четыре замка.

предметов. Например, группа I (по плану В. Г. Авилова) состоит из вещей царского достоинства и культово-магического назначения. В нее вошли: диадема-корона с фигуркой Эрота на ветке дерева, гривна и пара браслетов, ритуальные флаконы, украшенные зооморфными изображениями полихромного сарматского звериного стиля, отражающими мировоззренческие представления носителей и создателей этих изделий. Неслучайно, рядом с ними были найдены и декоративные детали трона. Группа II представлена сотнями золотых нашивных бляшек разнообразных форм, бусин и золотых нитей от парчи, а также бесчисленным количеством стеклянного бисера и жемчуга, которые свидетельствуют, что здесь были спрятаны богатые расшитые золотом одежды и покрывала. В группе IV лежали золотые кружка и кубок с ручкой в виде фигуры лося, а также серебряные импортные сосуды. Таким образом, очевидно, что каждая группа содержала наборы вещей определенного назначения, что для устроителей погребения имело, вероятно, свой особый смысл [27, с. 10–13].

Специально хочу остановиться на указанных в заголовке первой части книги отступлениях, которые Л. С. Клейн определяет как *лирическое, этическое и философское*. Первое – посвящено золоту, в котором автор пишет о своей нелюбви к нему (с. 11). Данная автором характеристика этого благородного металла слишком уж жестока. На мой взгляд, виновато не золото, а люди, которые к нему прикасаются⁸.

Еще жестче выглядит *этическое* отступление, представленное в части 4 (с. 21), которое, на мой взгляд, не только не этично, но фактически неверно и оскорбительно. Речь идет о *музейных хранителях*, которые, по словам Л. С. Клейна, представляют «*особый мирок*», и которых он противопоставляет каким-то мифическим добрым, по сравнению с хранителями, «*сотрудникам*», «*широко известным своим радушием и щедростью*», готовым «*прийти на помощь зрителям и ученым*»⁹. Далее он пишет: «*У них (хранителей – И. З.) сложилась традиция: числить за собой исключительное право на публикацию доверенных им сокровищ. К сожалению, большинству из них не под силу реализовать честолюбивые мечты... Они всю жизнь изучают свои вещицы, корпят над ними, делают подробные описания, картотеки, каталоги, а потом придет кто-то другой на готовенькое и снимет сливки?*». Для публикации, замечает Л. С. Клейн, нужны «*другие способности*», чем для ухода за древностями. Далее, он упрекает хранителей, что они якобы не показывают музейные коллекции другим исследователям из боязни, что те «*не дай бог, опубликуют!*» (с. 21). И вот эти унижительные, несправедливые слова автор называет *этическим* отступлением. Хотелось бы спросить, а что вообще Лев Самуилович знал о музейной работе и музейных сотрудниках? Чтобы восстановить справедливость, вернемся назад в 1945–

⁸ Однако в Части II книги автор, напротив, признаваясь в любви к золоту, восхваляет его достоинства (с. 195).

⁹ В штатном расписании Эрмитажа нет такой должности как хранитель. Есть только научные сотрудники, в обязанность которых входит хранительская работа. Поэтому совершенно не понятно, кого имеет в виду Л. С. Клейн, противопоставляя *сотрудников – хранителям*.

Рис. 2. Фотография открытия выставки алтайских древностей 1954 г.

1950 годы, когда в отделе, который тогда назывался Отделом истории первобытной культуры (ОИПК), ныне – Отдел археологии Восточной Европы и Сибири (ОАВЕС), работало сначала 9, а затем 12 человек – научных сотрудников (хранителей) и научно-технических (лаборантов)¹⁰. В течение этого времени все сотрудники музея должны были заниматься исключительно хранительской работой – распаковкой вернувшихся из эвакуации ящиков, проверкой сохранности вещей, размещением коллекций по шкафам, приведением в порядок документации. И в первую очередь это касалось учета изделий из драгоценных металлов, в частности, проведения ювелирной экспертизы тысяч и тысяч предметов из золота и серебра. Серебро, наряду с предметами из других материалов, размещалось в хранилищах отдела, а золото – в специальном закрытом помещении, известном как «Особая кладовая». Понятно, что на научную работу времени не хватало.

В 50-е годы произошло существенное увеличение штата хранителей за счет прихода в Эрмитаж молодых специалистов: искусствоведов, археологов, историков,

¹⁰ Зав. отделом А. А. Иессен, главный хранитель отдела и хранитель древностей «сармато-готской» секции К. М. Скалон, хранители: А. П. Манцевич, М. З. Паничкина, Г. П. Гроздилов, О. И. Давидан, В. П. Мизинова, М. Д. Белицкая, Н. И. Эсипова, В. Н. Полторацкая, М. П. Завитухина, лаборанты З. В. Кроткова и Е. И. Оятева.

востоковедов, окончивших Ленинградский государственный университет или Академию художеств. Изменился и значительно увеличился состав хранителей – научных сотрудников и в нашем «первобытном» отделе¹¹. Тогда же, в 1953 г., меня приняли на работу в археологический отдел на должность научно-технического сотрудника (лаборанта), с тех пор Эрмитаж стал для меня родным домом.

В это время хранительская работа по-прежнему была на первом месте. Не случайно я говорю моим молодым коллегам, что, когда меня не будет в Эрмитаже, обо мне вам будут напоминать инвентари, написанные мной, топографические по-предметные ключи, шифровка вещей, подписи на коробках, протоколы ювелирных экспертиз предметов из «драг. металлов», реставрационные списки и т. д.

И все-таки, несмотря на продолжающуюся занятость хранительскими делами, сотрудниками отдела одновременно велась большая экспозиционная работа. Так, в 1952–1955 гг. были открыты для посетителей выставки: в Особой кладовой – золотых изделий, представленных скифо-сарматскими древностями и предметами из Сибирской коллекции Петра I; на Салтыковском подъезде – уникальных находок из погребальных комплексов Пазырыкских курганов на Алтае (рис. 2); в Кутузовском коридоре – памятников кочевников и Боспорского царства сармато-гуннской эпохи (в последней я принимала непосредственное участие).

Начало 60-х годов, когда большая часть хранительских дел подходила к завершению, ознаменовалось двумя важными для нашего отдела событиями – появлением периодического издания «Археологический сборник Государственного Эрмитажа» (АСГЭ) и коренной переделкой старого академического стиля выставки на более популярную, приближенную к посетителю экспозицию, в которой наряду с подлинными предметами предлагалось использовать дополнительный материал: карты с расположением памятников и передвижением племен, графические рисунки планов кургана и погребального обряда, а также гальваноконии золотых вещей и украшений в реконструкции одежды знатных женщин и воинов.

Первым опытом нового метода экспозиции стала выставка скифских древностей, которая, будучи открытой еще в 1962 г., существует и по сей день. Затем, в 1963–1965 годах были заново переделаны и другие выставки отдела, в том числе и памятников сармато-гуннской эпохи.

В связи с этим, хочется заметить, что никакая экспозиция невозможна без предварительного научного изучения археологических памятников, из которых происходят представленные на выставке предметы. Устроители выставок (хранители) обязаны не только знать «в лицо» свои экспонаты, но и показать их на историческом фоне, связав с определенными этническими и культурными обществами. Далее в обязанности хранителя входит подготовка к публикации путеводителя по выставке,

¹¹ В 50-е годы в отдел пришли: И. П. Засецкая, Л. К. Галанина, Л. Л. Баркова, Г. И. Смирнова, Н. К. Качалова, А. Д. Столяр, Я. В. Доманский, Н. Г. Кершнер-Горбунова, А. М. Микляев. Все они в будущем стали известными учеными.

в котором следует популярно рассказать читателю – посетителю музея историю племен и народов, материальная культура которых представлена в экспозиции.

Кроме того, на долю хранителей падает большая просветительская работа: проведение экскурсий и занятий, в том числе и со студентами-археологами ЛГУ, чтение публичных лекций как в Эрмитаже, так и на других площадках.

Что же касается научно-исследовательских публикаций, требующих, по словам Л. С. Клейна, «*других способностей*», которыми, якобы, большинство хранителей не обладают, то и на этот раз он ошибается. Кто же тогда, как не хранители – научные сотрудники писали и пишут статьи в Археологический Сборник, регулярно издаваемый с 1960 года до наших дней, и в Труды и Сообщения Эрмитажа, в которых наряду с публикациями вещей и погребальных комплексов, немалое место занимают работы исторического плана.

Прав Лев Самуилович, говоря, что публикация – «*трудоемкое дело*». Вот почему, чтобы она стала полноценным источником, необходимо прежде всего провести всестороннее исследование памятника. Благодаря не прекращающемуся изучению коллекций, сотрудники отдела (хранители) в период 1970–1990 гг. наряду с многочисленными статьями, издаваемыми в эрмитажных и научных журналах регионального и государственного значения, опубликовали целый ряд монографий, посвященных наиболее значимым памятникам и коллекциям, большинство из которых поступили в Эрмитаж еще в XIX веке. В том числе были изданы и те комплексы, которые перечислены Л. С. Клейном как неопубликованные. В этой связи следует заметить, что ко времени выхода его книги в 2016 г. известные скифские курганы были уже давно опубликованы¹². Публикация музейных материалов в статьях, альбомах, монографиях продолжается и по сей день, при участии как старейших сотрудников отдела, так и более молодых, поступивших в Эрмитаж в 1970–1980 годы [37; 48; 49; 27; 1; 43 и др.].

И последний упрек в адрес хранителей, которые, по словам Л. С. Клейна, якобы не показывают посетителям музейные материалы, что, однако, входит в их обязанность. Это – неправда. Исходя из своего опыта, я могу сказать, что именно благодаря данной работе у меня сложились дружеские отношения, как со старшим поколением, например, с К. Ф. Смирновым, так и с моими сверстниками – М. Г. Мошковой, И. И. Гущиной, А. М. Хазановым и более молодыми коллегами – Б. А. Раевым, бывшем аспирантом ЛГУ, А. И. Айбабиным из Симферополя, И. И. Марченко и Н. Ю. Лимберис из Краснодара, А. В. Симоненко из Киева, А. В. Богачевым из Самары, Э. Иштванович и В. Кульчар из Будапешта, М. М. Казанским из Франции и др. При этом мои посетители не только знако-

¹² 1977 г. – Л. К. Галанина «Скифские древности Поднепровья (коллекция Бранденбурга)» [9]; 1980 г. – Л. К. Галанина «Курджипский курган» [10]; 1983 г. – М. П. Завитухина «Древнее искусство на Енисее», коллекция минусинских бронз [14]; 1987 г. – А. П. Манцевич «Курган Солоха» [42]; 1991 г. – А. Ю. Алексеев и др. «Чертомлыкский курган» [2]; 1993 г. – И. П. Засецкая «Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V в.» [21]; 1994 г. – И. И. Гущина, И. П. Засецкая «"Золотое кладбище" римской эпохи в Прикубанье» [13], 1997 г. – Л. К. Галанина «Келермесские курганы» [11] и др.

мились с вещами, но и фотографировали и рисовали их. Как я знаю, также доброжелательно относились к посетителям и другие сотрудники нашего отдела.

Так что, несомненно, прав Лев Самуилович, когда пишет, что музейные хранители «*особый мирок*», хотя я бы сказала «*особый интеллектуальный мир*», которые кроме исследовательской работы обязаны заниматься хранением, просветительской деятельностью, выставками, в том числе и многочисленными временными экспозициями как в Эрмитаже, так и за его пределами. А благодаря тому, что хранители «*корпят над своими вещицами*», хотя я бы сказала – «*заботятся о музейных сокровищах*», они сохраняют их не только для посетителей сегодняшнего дня, но и для будущих поколений. Поэтому скажем им – **Спасибо!!!**

А теперь вновь вернемся к кургану Хохлач, о судьбе которого так сокрушается Л. С. Клейн, отмечая, что сокровища Хохлача не были введены в научный оборот, «*хуже того – недоступны для исследования. Лишь кое-что из сокровищ Хохлача можно было найти на хороших цветных фото в советских изданиях, но порядочно – в японских и английских*» (с. 21). Чтобы не вводить в заблуждение читателя, нам придется вновь вернуться к истории находок из кургана Хохлач. Все замечания Л. С. Клейна, как я понимаю, адресованы сотрудникам нашего отдела, где в настоящее время хранятся новочеркасские древности, но он, вероятно, не знал, что Отдел истории первобытной культуры возник только в 1931 году. Именно тогда в числе поступивших в отдел музейных коллекций были переданы из Отдела Древностей и Византийского отделения широко известные упомянутые выше памятники скифо-сарматской культуры и, в том числе, древности из Хохлача, которым к этому времени, с начала их открытия 1864 г., исполнилось 68 лет. Почему же Л. С. Клейн не упрекает тех, кто был в течение этих долгих лет хранителями сокровищ? В 30-е годы работа сотрудников отдела, естественно, была посвящена приемке материалов. Однако уже в 1932 г., а затем в 1937 г. состоялись открытия первых экспозиций, в которых среди памятников сарматской культуры свое место заняли и древности из Хохлача (рис. 3). А в 1941 году вышел первый том Трудов Отдела истории первобытной культуры.

Рис. 3. Фотография витрины с находками из кургана Хохлач в экспозиции 1937 г.

К сожалению, дальше была война... 1941–1945 годы: в 1942 г. – эвакуация коллекций в г. Свердловск (ныне Екатеринбург), в 1945 г. – возвращение их домой и последующая за этим огромная хранительская работа, о чем я писала выше.

В послевоенный период хранителем древностей из Хохлача была К. М. Скалон, в ее планы входила публикация этой коллекции. Например, в 60-е годы в качестве подготовительной работы под ее наблюдением была осуществлена реставрация диадемы, что позднее позволило мне по сохранившимся в фотоархиве нашего отдела реставрационным снимкам более точно восстановить конструкцию и технику изготовления уникального украшения [27, с. 28–47]. Кроме того, К. М. Скалон принадлежит отождествление так называемых серебряных «фигурных трубочек» с декоративными накладками ножек деревянного трона, что было зафиксировано в контурном рисунке на выставке культуры сарматских племен (рис. 4,а). Что же касается текста в книге Л. С. Клейна, посвященного Кире Михайловне, то допущенные автором фактические неточности и путаница со «стульями» требует некоторого разъяснения (с. 43, часть 8). Во-первых, К. М. Скалон не была кандидатом исторических наук, как и столбовой дворянкой, хотя род ее и восходит к дворянскому сословию; во-вторых, она никогда не публиковала свое открытие об «оковках ножек трона», также как никогда не предлагала какой-либо реконструкции трона, а, в-третьих, представленный в экспозиции восстановленный ею походный «стул» римского воина происходит из богатого погребения готского (а не «сарматского», как пишет Л. С. Клейн) вождя конца IV в. н. э., периода нашествия гуннов в Европу, и не имеет никакого отношения к сарматской культуре [57]¹³. Впервые декоративные детали трона из Хохлача были опубликованы мной [27, илл. 127]. Эта же иллюстрация воспроизведена в книге Л. С. Клейна на рис. 29.

К. М. Скалон умерла в октябре 1977 г. и все ее хранение, в том числе и новочеркасские древности, целиком перешло ко мне. В это время и далее (80–90-е гг.) мои научные интересы были целиком обращены к памятникам гуннской эпохи, о чем свидетельствуют публикации разного рода статей и монографий. Вместе с тем, сарматские древности всегда оставались в моем поле зрения, в том числе и находки из кургана Хохлач¹⁴. Кроме того, в каталоге сарматской выставки 1995 г. в аббатстве Даулас во

¹³ У К. М. Скалон публикаций немного, но все они не потеряли своей актуальности. Ряд статей посвящены исследованию отдельных предметов из комплексов IV–V вв. н. э.: о складном стуле (СГЭ. 1966. Вып. 27); о ранневизантийском кувшине (Сборник «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья», 1968); о серебряном шлеме (Spatromische Gardehelme. Munchen, 1973); о боспорских стеклянных сосудах (СГЭ. 1973 и 1974. Вып. 37 и 38). К сарматской эпохе относятся статьи: о сосудах с зооморфными ручками (Труды ОИПК. 1941. Том 1): о находке у озера Батырь в Казахстане (АСГЭ. 1961. Вып. 2), а также – аннотация к диадеме из Хохлача (Альбом «Эрмитаж», 1964) и об импортной посуде из Хохлача (Тезисы научной конференции Гос. Эрмитажа, 1973).

¹⁴ Л. С. Клейн несколько поскромничал, назвав только две мои работы 1980 и 1989 гг., посвященные памятникам сарматской эпохи (с. 63). На самом деле их значительно больше, не считая многочисленных аннотаций и вступительных статей в каталогах экспозиций, где выставлялись сарматские древности. Наиболее значимые работы см. [15–19; 22; 24; 29; 30; 70].

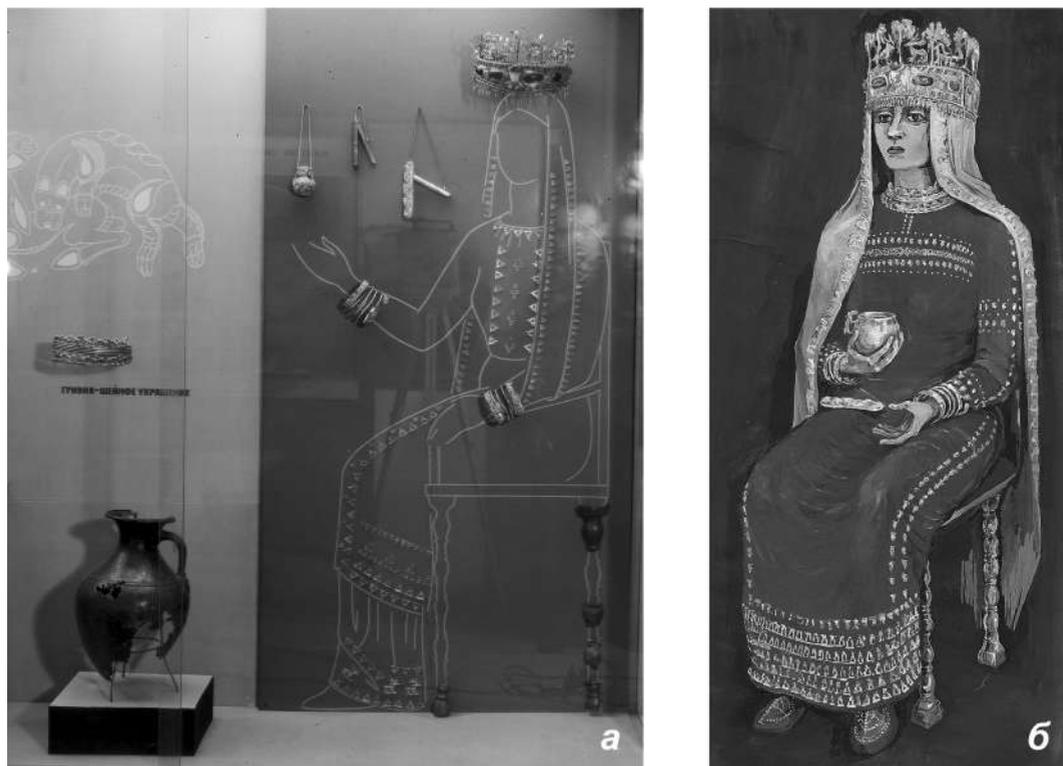

Рис. 4. а – рисунок сидящей на «троне» знатной дамы (по проекту К. М. Скалон) в витрине в экспозиции 1964 г.; б – образ царицы и верховной жрицы в парадном облачении с ритуальным сосудом в руке (по проекту И. П. Засецкой, художник Е. М. Миронова).

Франции были напечатаны две мои статьи. Одна посвящена исследованию декоративного оформления новочерасских находок, исполненного в сарматском зверином стиле, другая – истории открытия кургана Хохлач и описанию вещей: гривны, браслета, флаконов, кубка с ручкой в виде фигуры лося [68, р. 50–55; 69, р. 55–60].

После завершения в 2007 г. монографии «Морской Чулек» – моей последней работы, посвященной памятникам эпохи Великого переселения народов, я сосредоточила все свое внимание на сарматской археологии и, главным образом, на искусстве звериного стиля. Тогда же, в 2008 г. в Эрмитаже была открыта экспозиция «Сокровища сарматов» на базе эрмитажных коллекций и Азовского музея-заповедника (как указано в каталоге, автор концепции и куратор выставки – И. П. Засецкая). Одна из витрин экспозиции была посвящена золотым украшениям из Хохлача, представленным в каталоге цветными фотографиями [25]¹⁵.

Таким образом, вряд ли будет справедливо говорить, что новочеркасские находки после публикации И. И. Толстого, Н. П. Кондакова и М. И. Ростовцева ни-

¹⁵ Цветные иллюстрации целых предметов и их деталей [25, кат. 27–36] исполнены фотографиями Эрмитажа – В. С. Теребениным, И. Е. Кисляковым, Ю. Б. Бессмертным.

когда не публиковались и не исследовались. Просто Лев Самуилович либо не знал, либо не хотел знать о других публикациях знаменитого памятника сарматской эпохи, появившихся задолго до выхода в свет в 2016 году его книги.

Теперь позвольте мне ответить Л. С. Клейну на упрек, что вещи из этого комплекса не показывались посетителям. Например, вышедшая в 1978 г. статья Б. А. Раева о бронзовой и серебряной посуде из кургана Хохлач [51], не могла бы появиться на свет, если бы ему не показали эти материалы¹⁶. А в 2004 г., когда хранителем этих древностей уже была я, вышла публикация М. Ю. Трейстера о серебряных сосудах из Хохлача [67, р. 452–455], с которыми он знакомился не «через стекло витрины», а непосредственно держа их в руках¹⁷.

По правде говоря, я не могу назвать кого-либо из посетителей, кто бы интересовался другими новочеркасскими находками как объектом исследования. Вероятно, это объясняется спецификой данного материала, большая часть которого представлена вещами сарматского звериного стиля, а эта тема, как я писала в статье 1989 г. по историографии [20], долгие годы оставалась невостребованной. Только один раз в 1997 г. ко мне обратилась студентка Волгоградского государственного университета Н. В. Лавыгина, которая, занимаясь сарматским искусством, хотела посмотреть золотые вещи из Хохлача, и она их получила. В результате, в 1999 г. вышла ее статья о фантастических существах в искусстве полихромного звериного стиля I в. н. э., основу которой составили изображения на новочеркасских изделиях [40, с. 157–161].

В книге Л. С. Клейна непосредственно находкам из кургана Хохлач фактически посвящены две части: 5 «Лось и Купидон» (с. 23–28) и 7 «Сарматы в скрещении культур» (с. 36–42). Название части 5 выбрано автором не случайно, оно указывает на смешанный греко-варварский характер погребального комплекса: лось – символ сарматской культуры, купидон – эллинской. Эта особенность новочеркасского комплекса была замечена сразу же после его открытия. Так, еще Н. И. Борисяк в 1864 г. писал, что изделия из Хохлача отличаются «поразительной двойственностью», причем одни из них тяготеют к восточным древностям, а другие – к греко-боспорским [8]. После него, все последующие авторы, которые в своих работах так или иначе касались проблем новочеркасского памятника, всегда отмечали эту черту. Данному вопросу посвящены разделы и моей монографии, в которых показаны истоки этого явления, как в художественном, так и в историческом отношении. Наиболее ярко смешение культур выступает в декоративном оформлении диадемы, в котором прослеживаются черты

¹⁶ К. М. Скалон, будучи хранителем сармато-готской секции, одновременно являлась главным хранителем отдела, а, кроме того, вела огромную общественную работу, будучи заместителем председателя местного комитета профсоюза. Конечно, для работы с посетителями у нее не всегда хватало времени. Часто в таких случаях она просила меня заняться гостями.

¹⁷ Непонятно, откуда Л. С. Клейн берет сведения, когда пишет, что серебряные и бронзовые сосуды из кургана Хохлач были, якобы, впервые выставлены на всеобщее обозрение только в 1970 г. (с. 39). На самом деле, все эти предметы экспонировались постоянно, начиная с 1932 по 2009 гг. (год закрытия сарматской выставки в Кутузовском коридоре).

Рис. 5. Бюст богини на диадеме из кургана Хохлач

греческого, римского и варварского искусства. Например, мной впервые отмечен тот факт, что мастер, используя халцедоновую женскую головку эллинистической эпохи¹⁸, чтобы создать **новый образ**, прежде всего постарался не только спрятать под золотым венком со вставкой граната эллинскую прическу, но и наделил ее косами или локонами, что, вероятно, было сделано по желанию заказчика (рис. 5). Проведя подробное исследование на тему, какие персоны в древнем искусстве изображались с локонами или косами, я пришла к выводу, что эту деталь, наряду с декоративным венком, следует рассматривать как символ **божественности и власти**. Эта новая прическа имеет прямое отношение к решению происхождения и статуса знатной персоны, погребенной в кургане Хохлач. Далее, соединив головку со своеобразным золотым «гнездом» в виде верхней части греческого хитона, мастер создал женский образ, который я рассматриваю как олицетворение богини любви и плодородия Афродиты, что подтверждает фигурка Эрота, обнаруженного на одном из деревьев фриза. Образ богини близок и отождествляется с богинями плодородия восточного происхождения: с финикийской Астартой, вавилоно-ассирийской Иштар, иранской Анахитой. Была ли на диадеме изображена Афродита или один из ее восточных аналогов, ответить трудно. Нельзя исключить ни тот, ни другой вариант [27, с. 78]. В этой же работе мной рассматривается вопрос о соотношении ритуальной сцены с деревом жизни на фризе и женским бюстом в центре диадемы. Все эти наблюдения, а также исследование изображений с персонажами, сидящими на тронах [27, с. 235–242], позволили мне сделать вывод, что в кургане Хохлач была похоронена особа царского рода, возмож-

¹⁸ В декоре диадемы использована женская головка, а не «женский бюстик из двухцветного камня» (с. 11, 19, 27). Эта же ошибка у И. И. Толстого и Н. П. Кондакова [59, с. 133].

Рис. 6. Технические особенности прикрепления декоративных деталей на диадемах из кургана Хохлач и захоронения царицы на некрополе Тилля-тепе

это его право, именно так и делает Л. С. Клейн с моими картинками, включенными в его книгу. Однако, в данном случае, используя авторский экземпляр, он должен был указать автора реконструкции, а не писать просто – «из книги Засецкой», т. к. это создает впечатление, будто здесь использован якобы уже существующий в публикации портрет «знатной дамы». Подобная некорректная подпись вызывает, мягко говоря, недоумение. Но, может быть, ему не хотелось озвучивать тот факт, что впервые статус **царицы**, совмещенный с функциями **жрицы**, похороненной «дамы» в кургане Хохлач был подробно исследован и оформлен И. П. Засецкой. Однако, пренебрегая моими выводами, Л. С. Клейн пишет об этом явлении так, как будто до него и не было никакого исследования на эту тему. И хотя цитата из его сочинения, которую мы приводим ниже, в отличие от моих формулировок, изложена другими словами, смысл ее тот же: «*трон и диадема с деревьями и животными Хохлача показывают, что образы богини и земной властительницы близко совпадали у сарматов, что царица являлась живым воплощением богини на земле и возможно первой жрицей богини*» (с. 54, часть 9 «Дама в кресле»)²⁰. И далее Лев Самуилович справедливо отмечает, что «*это новый*

¹⁹ Данный рисунок использован Л. С. Клейном (рис. 37) без согласования со мной, что является прямым нарушением авторских прав; вина ли это Л. С. Клейна или его издателя, мне не известно, хотя такая бесцеремонность удивляет. Впрочем, это не могло быть сделано без участия автора, так как только он мог изменить подпись к рисунку.

²⁰ В этой части – 9 и в части 8 Л. С. Клейн рассматривает изображения богинь, сидящих на тронах, и, в частности, в сценах росписи из склепа Амфестерия. В своей монографии я также уделила внимание этому сюжету, опираясь на работу М. И. Ростовцева о монархической власти (ИАК. 1913. Вып. 49), но при этом указав на особое мнение М. И. Артамонова (АСГЭ. 1961. Вып. 2). Изучая устройство

но, царица одного из сарматских племен Придонья, выполняющая также жреческие функции [27, с. 62–65, 241, 257]. Образ царицы, по моей реконструкции, запечатлен на акварельном рисунке – Ил. 112 в монографии 2011 г. (рис. 4,б). Подпись к рисунку звучит так: «*Образ царицы и верховной жрицы в парадном облачении с ритуальным сосудом в руках. Реконструкция И. П. Засецкой, рисунок Е. М. Мироновой*». В публикации Л. С. Клейна, который использовал эту иллюстрацию в своей книге, подпись к рисунку звучит иначе: «*Реконструкция погребенной в Хохлаче дамы на троне из книги Засецкой по материалам Новочеркасского клада (2011, рис. Е. М. Мироновой)*»¹⁹. Дело не в том, что автор, беря чужие иллюстрации, дает свои подписи,

аспект сарматских представлений о царской власти», только вот подмечен он был не им, а И. П. Засецкой, но почему-то для него это прошло незамеченным.

Возвращаясь к диадеме из Хохлача, хотелось бы вновь отметить некоторые технические особенности в ее изготовлении, которые, как я полагаю, могут указывать на ее восточные корни. Это – наличие смолистого вещества и способ крепления декоративных деталей, аналогии которому мы находим в погребальном венце из некрополя Тилля-тепе, расположенного на территории бывшего Бактрийского царства (рис. 6). Здесь же представлен небольшой экскурс по истории появления и распространения диадем – налобных повязок, венцов и корон на Западе и на Востоке, а также о семантике этого рода украшений и их социальной значимости. Диадема-корона из кургана Хохлач является уникальным образцом древнего ювелирного искусства, в котором смешались художественные традиции эллинской, римской и сарматской культур I в. н. э. Вот почему в моей монографии ей отведено первое и самое большое место [27, с. 20–81]. Однако Л. С. Клейн, игнорируя мои рассуждения, высказался по этому поводу весьма однозначно, в свойственной ему пренебрежительно-покровительственной манере, указав лишь на то, что, «*дескать*», И. П. Засецкая, из всех «*доступных*» ей аналогий диадем – скифских, гуннских, римских, сарматских – «*отыскала*» наиболее близкую аналогию в золотой диадеме из погребения царицы на некрополе Тилля-тепе. А где же мои выводы по этому поводу? Разве они не были бы интересны читателю? Зато он отмечает, что «*сарматские диадемы изучил С. А. Яценко*», однако в чем состоит это *изучение* – для читателя остается неизвестным²¹. Далее, Л. С. Клейн вновь обращается к публикации И. И. Толстого и Н. П. Кондакова 1890 г. [59], которые, по словам автора, специально отмечают, что погребение в кургане Хохлач было женским. В действительности, об этом у них нет и речи²². О том, что данное захоронение

тронов, я обратила внимание на сходство конструкции изделий, изображенных на росписи I в. н. э. и на пластине из Мерджан III в. до н. э. Подобное совпадение, на мой взгляд, требует специального исследования. Л. С. Клейн это мое наблюдение, конечно, не заметил.

²¹ Речь идет о статье 1986 г. [62]. В дальнейшем эта тема подробнее разработана им в фундаментальном труде «Костюм древней Евразии» [63, с. 148].

²² После публикации в 1864 г. Н. И. Борисяком отчета о раскопках и описания находок (без иллюстраций) из Хохлача, в котором он отмечал, что погребение принадлежало скифской царице, вновь к материалам этого памятника в 1890 г. (спустя 26 лет) обратились И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. В работе представлено краткое описание золотых изделий, проиллюстрированных черно-белыми фотографиями [59, с. 132–140, рис. 152–165]. Серебряные и бронзовые сосуды, как и мелкие находки, были только упомянуты. При этом авторы ошибочно отнесли новочеркасский комплекс к III в. н. э., к эпохе переселения народов, на основании даты эллинистической головки, которую они назвали *женским императорским бюстом из халцедона* и определили как изделие III–IV вв. н. э. К сожалению, это не одна ошибка авторов. Например, неверно как топаз указан материал вставок в глазах зверей на гривне – в действительности, это «золотистое» стекло; не отмечено, что хищные птицы на диадеме инкрустированы не только бирюзой, но и кораллом, в то же время ложные вставки на бляшках в виде фигурок оленя названы гнездами грубой работы; неправильно указано, что на рисунке 157 изображена крышка «коробочки», в то время как это – дно этой же вещи (полусферического флакона). Также неверно определены: ладьевидный флакончик с перегородчатой инкрустацией на крышке (рис. 162), названный продолговатой пластинкой неизвестного назначения, и составная фигурка хищника се-

было женским, писали все авторы, начиная с Н. Д. Борисяка в 1864 г. [8] и заканчивая мной в 2011 г. [27]. В этой работе я отметила в качестве дополнительного аргумента в пользу женского захоронения отсутствие в погребальном комплексе находок, характерных для мужских погребений – оружия и конского снаряжения [27, с. 13 и 245]. Л. С. Клейн, указав на этот факт (с. 23), то ли от своего лица, то ли от лица И. И. Толстого и Н. П. Кондакова, предпочел, однако, не заметить, моего высказывания. Конечно, читателю все равно – кто, когда и что сказал. Но автор любого сочинения научного или научно-популярного жанра не должен искажать факты.

Далее в части 5 рассматривается образ лося на золотом кубке как символ варварской культуры, которого, однако, И. И. Толстой и Н. П. Кондаков [59, с. 138] и М. И. Ростовцев [66, р. 50] отождествляют с оленем. Поэтому «восклицание» Л. С. Клейна, «что это он (Ростовцев – И. З.) распознал лося», как бы повисает в воздухе²³. Однако в дальнейшем в советской и российской литературе (в альбомах, путеводителях, каталогах) это животное фигурирует как образ лося. В моей монографии я рассматриваю фигуру на кубке как изображение взрослого лося, недавно сбросившего рога (рис. 7). Известно, что лоси, как и другие виды семейства оленьих, в какое-то время сбрасывают разросшиеся тяжелые рога, которые восстанавливаются в течении не-

мейства кошачьих (рис. 160), которую авторы считают флаконом, полагая, что агатовая часть фигуры выдолблена внутри (чего нет на самом деле), а горлышко находится под передними ногами животного. Не все верно и с определением вида зооморфных персонажей. Так, фантастические птицы в сценах терзания на гривне и флаконах названы орлами, а лось на кубке – оленем, фигурки безрогих лосей определены как зайцы. Своими замечаниями я совсем не хочу умалить значение данной работы известных исследователей И. И. Толстого и Н. П. Кондакова, которая долгое время была единственной публикацией сокровищ из кургана Хохлач. Как справедливо заметил Л. С. Клейн, авторы правильно отметили восточное влияние, в частности, изображений на изделиях из Сибирской коллекции Петра I в передаче зооморфных образов, в том числе и китайского искусства, указав на ладьевидный флакон. Несомненно, эти наблюдения, а также их высказывание о греко-варварском характере декоративного оформления диадемы, ценны и значимы. Однако публикация на 9-ти страницах при наличии 14-ти иллюстраций, из которых диадема занимает 2 страницы, носит скорее информационный, чем исследовательский характер. Это лишь тезисы, требующие более конкретного исследования.

Что же касается высказываний одного из выдающихся русских ученых начала XX века М. И. Ростовцева о находках из кургана Хохлач, где, как он считал, была похоронена женщина, то он также отмечал греко-варварский облик диадемы, предполагая, что она могла быть изготовлена на Боспоре, и в то же время указывал, что вещи с зооморфными образами восточного иранского происхождения. Отметив одну из стилистических особенностей – наличие цветных вставок, что отличало эти изображения от скифского монохромного искусства, выделил новочеркасские находки в самостоятельный сарматский звериный стиль [65, Pl. XXVI,1,3,5; 66, Pl. XIV,1,2,4]. Однако у него нет полной публикации комплекса. Подробный анализ исследования М. И. Ростовцева по сарматскому полихромному звериному стилю, в том числе и по изделиям из кургана Хохлач, представлен мной в историографическом очерке 1989 г. [20] и в монографии 2011 г. [27, с. 15–16, 252–253].

²³ Фигуру на золотом кубке М. И. Ростовцев назвал «северным оленем», также с северным оленем он отождествил животное, изображенное на золотых флаконах в сценах терзания. В то время как принадлежность последнего к семейству лосей, судя по специфической форме рогов, кажется несомненной. Лишь по фигурке в позе свернувшегося животного на крышке золотого флакона М. И. Ростовцев высказал предположение, что здесь изображен либо олень, либо лось.

скольких лет [27, с. 160–161]. Л. С. Клейн определил фигуру на золотом кубке как лосиху с коротким выростом вместо рогов. Однако у лосих не бывает никаких «выростов», и древние люди это хорошо знали. В этом отношении интересна золотая пластина из кургана «Мехзавод» в Ростовской области, на которой изображена сцена нападения какого-то фантастического существа на «стадо» лосей, символически представленного в виде одной погибшей особи и трех животных – рогатого лося и расположенных по сторонам фигур безрогих лосих (рис. 8) [23, с. 127, рис. 21]

Рис. 7. Голова лося – деталь ручки в виде фигуры лося на золотом кубке из кургана Хохлач

В части 7 «Сарматы и скрещение культур» автор продолжает тему смешения элементов разного происхождения в материалах, обнаруженных в кургане Хохлач. Отмечая несомненное присутствие в них влияния культуры и искусства восточных стран и, прежде всего, Ирана, Л. С. Клейн ставит вопрос о проникновении в сарматское общество влияния Запада. Подтверждение этому он находит в работе Д. Б. Шелова [60], утверждая, что *«Вот он сумел четко разделить вещи Новочеркасского клада»*, с одной стороны – золотые изделия, *«большой частью восточные, сарматского стиля»*, с другой – *«серебряные и бронзовые – западные, происходят из пределов Римского государства»* (с. 39). Но ведь это высказывание не имеет никакого отношения к обсуждаемому в научной литературе вопросу об эклектичном характере находок из Хохлача, под которыми ученые подразумевали исключительно ювелирные изделия. Что же касается импортной металлической посуды, которая нередко составляет часть погребального инвентаря в захоронениях кочевой знати, то вопросы ее происхождения и попадания в мир кочевников южнорусских степей исследователи рассматривают как явление иного порядка, связанного с историческими контактами [60; 39; 58; 61; 51; 67; 27, с. 234]. Из дальнейшего текста Л. С. Клейна становится понятным, с какой целью он привлекает внимание к этому виду находок. Оказывается, речь идет о сходстве между атташем на серебряном аске и золотыми бляшками из Хохлача, которые в литературе фигурировали как якоревидные и которые я, опираясь на данные этнографии, определила как схематичные изображения головы быка²⁴. Более того, Л. С. Клейн полагает, что именно данный атташ явился

²⁴ В подписи к рис. 27 в книге Л. С. Клейна он, со ссылкой на мою иллюстрацию 1026, пишет: *«стилизованная голова быка, по Засецкой, хотя тут, если видеть в бляшке голову животного, скорее баран, чем бык»*. Лев Самуилович совершенно прав, только ошиблась не я, а он, так как бляшки, показанные в моей монографии 2011 г. на Ил. 1026, названы именно головами барана. Кстати, этот вид бляшек Л. С. Клейн рассматривает как, якобы, переоформление первого варианта (списанного с атташа на

Рис. 8. Пластина из сарматского кургана «Мехзавод» в Ростове-на-Дону

прямым прототипом сарматских бляшек – «Один из самых массовых типов золотых нашивных бляшек – якорек с копьём и волютами (рис. 25) ... в точности повторяет форму серебряного украшения ручки импортного римского аска – та же перекладина, та же копьёцо, те же волюты (рис. 26)». Так ли уж идентична фигура на аске бляшкам из Хохлача? М. Ю. Трейстер описывает атташ на аске как изображение листа с волютами [46, с. 41–42]. На мой взгляд, атташ на серебряном сосуде представляет собой стилизованную фигуру трилистника – элемент растительного орнамента. В то время как бляшки являются типичным примером геометрического стиля (рис. 9). Но, даже если и признать наличие некоторого формального сходства между ними, вряд ли это позволяет предполагать, что именно атташ на данном итальянском сосуде явился образцом для новочеркасских бляшек. Вот почему дальнейшие рассуждения Л. С. Клейна о месте изготовления бляшек представляются мне просто фантастическим недоразумением – «А ведь бляшки штамповались не на западе, а здесь, скорее всего, близко от стана сарматской царицы, по ее прямому заказу. Их задумали, глядя на полученный ею с далекого запада серебряный сосудик – аск». Но еще более неправдоподобно звучат слова автора, якобы вытекающие из этого факта: «значит, сарматы охотно впитывали чуждые мотивы, легко осваивали их и быстро развивали дальше». Такого рода заключения с полным основанием можно было бы отнести, например, к изделиям сарматского полихромного звериного стиля, в котором исследователи находят и выделяют изобразительные черты искусства племен и народов Сибири, Средней и Центральной Азии скифской эпохи. Именно отталкиваясь от этих наблюдений можно сказать: «Маленькая деталь может послужить моделью для познания крупных процессов развития сарматской культуры, критерием для оценки роли культурных контактов, ключом к психологии этого народа» (с. 42). Но эти слова не имеют никакого отношения к происхождению бляшек из кургана Хохлач, которые якобы копируют форму атташа на серебряном аске.

аске), у которого волюты завернуты в противоположные стороны. Но именно этот признак, на мой взгляд, свидетельствует о разной символике изображений.

Одна из частей в книге Л. С. Клейна называется «Звериный стиль» (часть 14, с. 67–70). Если автор рассматривает свое сочинение как научно-популярное, пусть даже и для избранной публики, то вряд ли содержание части 14 можно назвать таковым, и вряд ли оно будет понятно читателям. Текст этой части в основном посвящен рассмотрению методики типологического исследования изображений звериного стиля по разработкам Л. С. Клейна. Однако сложность и неоднозначность произведений древнего искусства, отличающихся индивидуальным характером, требует особого подхода к их изучению. И не всегда метод типологии, который используется в систематизации массового археологического материала, такого, как керамические сосуды, предметы вооружения – мечи, наконечники стрел и др., оказывается пригодным для своеобразных предметов звериного стиля.

На мой взгляд, прежде чем посвящать читателя в теоретические изыскания по звериному стилю, было бы не лишним объяснить популярно, что же это за особое явление в культуре древних народов. Рассказать о его тотемистических истоках, о семантике этого искусства, в котором главными мотивами были образы хищников, травоядных животных и фантастических существ, изображенных в виде отдельных фигур и в ритуальных сценах – борьбы зверей, терзаний и жертвоприношений, отражающих мировоззренческие взгляды носителей и создателей этих картин, об их магическом свойстве. Все эти явления мы наблюдаем в зооморфных мотивах на золотых изделиях из курганов Хохлач и Садовый, которые являются яркими образцами *сарматского полихромного звериного стиля*.

Что же касается непосредственно находок из кургана Хохлач, то ему в части 14 посвящены два верхних абзаца (с. 67). Здесь вновь в качестве исследователей сарматского звериного стиля и его связи с искусством скифо-сибирского круга упомянуты только работы И. И. Толстого и Н. П. Кондакова 1890 г. [59] и М. И. Ростовцева 1922 и 1929 гг. [65; 66]. А где же монографии и статьи 1950–70-х гг. российских ученых М. И. Артамонова [3; 4], М. П. Грязнова [12], С. И. Руденко [53; 54], Е. В. Переводчиковой 1994 г. [50], Д. С. Раевского 1985 г. [52], В. А. Киселя 2003 г. [35], Е. Ф. Корольковой 2006 г. [37], Е. С. Богданова 2006 г. [7], статьи концептуального характера А. Р. Канторовича 2002 и 2010 гг. [33; 34] и т. д., и т. д. Я не имею в виду, что эти труды необходимо

Рис. 8. а – атгаш на серебряном сосуде-аске; б, в – золотые бляшки из кургана Хохлач (б – голова быка; в – голова барана по И. П. Засецкой)

разбирать подробно, но, на мой взгляд, следовало бы отметить, что тема искусства звериного стиля являлась и является одной из главных в исследовании советских и российских ученых, которые, по сравнению с авторами XIX – начала XX века, в значительной степени углубили и расширили рамки изучения данной проблемы.

Дискутируя на тему об искусстве звериного стиля, Л. С. Клейн не смог обойти «вниманием» научных сотрудников Эрмитажа. Обвиняя их в исследовательской несостоятельности, он пишет, что *«основным специалистам по сарматским древностям, работавшим в Эрмитаже на обобщающую работу о сарматском зверином стиле руки как-то не поднимались»*, поскольку они придерживаются устаревших *«традиционных методов» – «вещеведческого и искусствоведческого анализа»* (с. 68).

Хотелось бы знать, кого конкретно имеет в виду автор, говоря об эрмитажных специалистах по сарматским древностям? Если речь идет о нашем отделе, то формально таким специалистом являюсь я – И. П. Засецкая. Однако далее мы читаем, что оказывается – пока эти *таинственные специалисты* копили факты, обрабатывали детали, подыскивали аналогии – вышла в 2003 г. монография «Полихромный звериный стиль» *«провинциального археолога из Крыма»* В. И. Мордвинцевой [44]. И все те же неизвестные эрмитажные специалисты восприняли этот, по словам Л. С. Клейна, *«демарш»* как *«претенциозный»* и *«нахальный»*. Откуда Лев Самуилович взял подобные факты, и кто конкретно так называл работу В. И. Мордвинцевой, остается неясным. То, что ее труд оказался недобросовестным и плохим исследованием, я показала в своей рецензии, которая, как правильно заметил Л. С. Клейн, была написана *«безукоризненно вежливо»* [23, с. 97–130]²⁵. Однако, моя критика для Валентины Ивановны – «что с гуся вода», не взирая на мои замечания, она переиздает свою работу в совместном с М. Ю. Трейстером трехтомном труде, изданном на русском языке в Симферополе и на немецком в Бонне [46, с. 195–244].

К сожалению, Л. С. Клейн не узнал, что руки «эрмитажных специалистов» дошли-таки до обобщающего исследования по сарматскому искусству. Это моя монография «Искусство звериного стиля сарматской эпохи (II в. до н. э. – начало II в. н. э.)» [32]. «Тише едешь, дальше будешь»²⁶.

²⁵ Что же касается *провинциального* автора В. И. Мордвинцевой, жертвы сарматских специалистов Эрмитажа, то она, напротив, достаточно уверенный в себе человек, целенаправленно делающий свою карьеру. В Эрмитаже (в сарматской секции) она появилась в 1983 г., будучи аспиранткой Волгоградского госуниверситета, и в первую очередь обратилась ко мне. Я не только радушно встретила ее, но и со временем приняла участие в ее первых публикациях и даже в работе над диссертацией, в качестве консультанта и редактора. В течение нескольких лет В. И. Мордвинцева регулярно приезжала в Санкт-Петербург (где она защитила свою диссертацию в ИИМК) и фактически «жила» в нашем отделе. Поэтому более чем странным кажется использование в тайне от эрмитажных хранителей материалов Сибирской коллекции и сарматских находок в упомянутой выше монографии 2003 г. Более того, предложив М. Б. Шукину стать редактором ее книги, она попросила его «не показывать рукопись Ирине Петровне» (об этом мне рассказал сам Марк Борисович).

²⁶ А почему Лев Самуилович не задал себе вопрос, что мешало ему провести исследование и опубликовать материалы второго знаменитого новочеркасского кургана «Садовый», раскопанного при его

Проблемы искусства звериного стиля скифо-сарматской эпохи являются одной из широко обсуждаемых тем в археологической литературе. В указанной работе мной сформулированы главные вопросы по исследованию звериного стиля сарматской культуры – происхождение и формирование художественного стиля и его роль как исторического источника. Но чтобы ответить на эти вопросы, необходимо иметь глубокое всестороннее исследование самого объекта, нужна научная систематизация материала. И, на мой взгляд, в первую очередь следует проработать стилистические особенности зооморфных изображений, что позволит выделить среди них близкие по изобразительным признакам группы и варианты сарматского звериного стиля, а аналогии в более ранних памятниках скифо-сибирского круга укажут на сохранение художественных традиций и их общие корни. Затем, учитывая время и территорию распространения выделенных групп и вариантов, можно определить этнокультурную принадлежность находок и связать их с определенными историческими событиями. Именно в таком плане я старалась осуществлять свое исследование.

В 2008 г. вышла статья В. И. Мордвинцевой в ответ на мою рецензию, но кроме несправедливых упреков в мой адрес, все сделанные мной замечания и доказательства остались без внимания [45, с. 129–140]. Отвечать на столь некорректные обвинения я, конечно, не стала. А вот Е. Ф. Королькова решила не только поддержать меня, но и показать профессиональную недобросовестность работы В. И. Мордвинцевой по исследованию предметов из Сибирской коллекции Петра I [38, с. 101–109]. В частности, Е. Ф. Королькова отмечает, что указанные ею недостатки в методике исследования изделий древнего искусства у В. И. Мордвинцевой складываются в тенденцию, которая *«требует принципиальной оценки»*. Точка зрения В. И. Мордвинцевой (со ссылкой на высказывания Л. С. Клейна), что *«археологическое»* понятие стиля отличается от *«искусствоведческого»* тем, что оно *«освобождено от феноменов художественности и стиль от цельности»*, носит субъективный характер. В своей статье Е. Ф. Королькова справедливо указывает, что *«искусство, пусть даже и архаическое, никак по определению не может быть освобождено от художественности и стиль от цельности»*. Следовательно, автор, изучающий древнее искусство, должен видеть в нем не только предмет археологии, но и объект искусствоведческого анализа. Поскольку В. И. Мордвинцева ссылается на Л. С. Клейна, то, естественно, замечание Е. Ф. Корольковой также касается и его высказывания. А это Льву Самуиловичу не понравилось: как он, Клейн, может быть причастен к явлениям, «которые требуют принципиальной оценки» и от кого – всего лишь от *«ученицы Засецкой и хранительницы Сибирской коллекции»*. А ведь упрек состоял в недопустимости исключения стадии изучения главного источника археологии – материальных остатков древних культур. В то время, как то, насколько подробно исследован вещевой материал и его археологический контекст, как раз и составляют надёжную основу

участия в 1962 г., т. е. 55 лет тому назад? Нынешнюю публикацию, составившую Часть II «Терзания Тарандра: страсти и коллизии Садового кургана» в научно-популярной книге Л. С. Клейна 2016 г., на мой взгляд, вряд ли можно назвать полноценным научным исследованием.

для выводов. Вся информация скрыта в самих вещах, и задача исследователя состоит в её извлечении и правильной интерпретации. Л. С. Клейн, принимая сторону, по его выражению, «нахальной провинциалки», смело перешагнувшей через привычные нормы исследования, по существу подписался и под её методическим подходом, допускающим пренебрежение фактическим материалом. А когда-то русская дореволюционная археологическая школа как раз и славилась своей приверженностью к факту: и М. И. Ростовцев, и С. И. Жебелёв, и Я. И. Смирнов были членами университетского кружка «фактопоклонников», воспитанными Н. П. Кондаковым. Во главу угла они ставили изучение материала.

Что до «ученицы Засецкой», то Е. Ф. Королькова действительно была моей ученицей в студенческие годы, почти полвека назад. Она давно уже признанный специалист в области изучения скифо-сибирского звериного стиля, автор около двухсот статей и монографии, на которые ссылаются все, кто занимается звериным стилем, но, возможно, Л. С. Клейну эти работы были неизвестны. В любом случае, вряд ли этично представлять читателю зрелого специалиста исключительно как «ученицу Засецкой» и хранительницу сибирских древностей²⁷.

Искусство древних народов, с одной стороны, символично, так как отражает мировоззрение своих носителей, но с другой, будучи декоративным оформлением вещей, создаваемых руками ювелирных мастеров, является художественным, а метод *вещеведческого* и *искусствоведческого* анализа этих произведений, на мой взгляд, по-прежнему остается актуальным. Характер искусства звериного стиля и методы его изучения являются постоянным предметом обсуждения ученых. Но эта глобальная тема далеко выходит за рамки нашей дискуссии. В связи с этим хотелось бы понять: какому читателю адресована часть 14 «Звериный стиль» и зачем она была нужна в этой книге? Разве только для того, чтобы еще раз подчеркнуть «убогость» эрмитажных специалистов и свое превосходство над ними.

И, последнее, на чем я хочу остановиться, это на части 12 под загадочным названием «Дама с монографией» (с. 61–63), посвященной моей биографии.

Должна сказать, мне стыдно, что я согласилась на эту авантюру. Я не могу сказать, что Лев Самуилович написал неправду, тем более, что описанные здесь факты из моей биографии были предоставлены ему непосредственно мной. Не-

²⁷ Елена Федоровна в 1973 г., будучи студенткой кафедры истории искусства ЛГУ, поступила в качестве лаборантки в наш отдел. Для курсовых, а затем и для диплома ей нужна была тема, которая соединяла бы археологию и искусствоведение. Я предложила ей исследовать зооморфные образы савроматской эпохи Нижнего Поволжья и Южного Приуралья на предмет их сходства и различия. Эта тема была тогда актуальна, являясь частью проблемы этнокультурной принадлежности памятников этих областей. Одни ученые полагали, что они относятся к единой савроматской культуре, другие, что нижневолжские комплексы принадлежат савроматам, а южно-приуральские другой этнокультурной группе. Е. Ф. Королькова не только успешно защитила диплом, но и в дальнейшем – диссертацию на эту тему, которая составила основу ее монографии [37]. Последняя по своей глубине и фундаментальности исследования могла бы быть докторской диссертацией.

смотря на то, что он высоко оценивает мою научную деятельность в области сармато-гуннской археологии, читая эти строки, я не могу избавиться от ощущения покровительственного похлопывания по плечу старшего товарища. Впрочем, это проходит красной нитью во всех сочинениях Л. С. Клейна, в которых он описывает своих коллег, друзей, учеников. Часто эти характеристики носят уничижительный, сугубо субъективный, а иногда и просто злобный характер. Например, именно в таком духе представлен «портрет» Валентина Павловича Шилова. *«Фронтовик, с протезом вместо ноги (два ранения и контузия), он был видным партийцем, археологом не самым проникновенным, не самым начитанным, но активным, властным и честолюбивым, с большим самолюбием»* (с. 62). Как же надо не любить человека, чтобы о нем так писать? За исключением того, что В. П. Шилов был ранен, все остальное – неправда. Валентин Павлович был не просто фронтовик, он воевал 4 года, дошел до Польши, где и получил свое ранение в ногу. Он никогда не был *«видным партийцем»*. В партию он вступил во время войны вместе со всеми бойцами своего подразделения, что называется «оптом». Работая в ЛОИА с 1950-х г., он лишь однажды в 1970 г. был выбран секретарем партийной ячейки института, пробыв на этом посту один год. Что же касается его деятельности в области археологии, то прежде всего следует отметить масштабы полевых работ, которые он проводил в Нижнем Поволжье, Подонье и Северном Причерноморье в течение многих лет. Материалы его экспедиций, в том числе и уникальные вещи скифо-сарматской эпохи, в настоящее время составляют бесценные коллекции краеведческих музеев-заповедников городов Ростова, Волгограда, Астрахани, а также Государственного Эрмитажа. Однако наряду с полевой работой Валентин Павлович, несомненно, был настоящим разносторонним исследователем, изучая и решая проблемы, связанные как с культурой племен эпохи бронзы, так и кочевников – скифов, савроматов, сарматов. Он очень любил свою работу и был ей бескорыстно предан. Непонятно, что имел в виду Л. С. Клейн, называя В. П. Шилова не *«самым начитанным»*. Но, простите, что Л. С. Клейн мог знать об этом, впрочем, как и о *«честолюбии»*, *«властности»* и *«большом самолюбии»* В. П. Шилова, с которым его отношения ограничивались лишь словами «здравствуйте» и «до свидания». На самом деле, Валентин Павлович был порядочным и очень щедрым человеком. Однако, обладая силой воли, он был в то же время и очень ранимым, что, вероятно, обернулось против него, когда он стал директором ЛОИА²⁸. Вообще, непонятно, какое отношение к истории кургана Хохлач имеют биографические характеристики В. П. Шилова, рассказы о его дружбе и ссоре с А. Д. Грачем и о его неудавшейся карьере на высоком посту. Все это из разряда сплетен и пересудов, которые так любит пересказывать в своих сочинениях Л. С. Клейн. Нечаянно или нарочно, но публикуемые им описания знакомых и незнакомых ему людей

²⁸ Будучи женой Валентина Павловича, я прожила с ним 13 лет и никогда не слышала от него ни грубого слова, ни властного окрика. Наш развод был совершен по обоюдному согласию, и после него между нами сохранялись хорошие отношения. К сожалению, я ничего не могу рассказать о его

почти всегда имеют негативный «привкус». Это касается и участников новочеркасских открытий из курганов Хохлач и Садовый. Например, геолог, профессор Харьковского университета Н. Д. Борисьяк, оставивший нам подробный отчет о раскопках кургана Хохлач, который до сих пор является важнейшим документом, назван в одном случае *«заезжим харьковским геологом»*, в другом – *«вездесущим Борисьякой»* (с. 11, 19). Или другой пример, связанный с прорабом, бывшим инженером Р. И. Авилловым, который после появления первой группы золотых изделий предложил провести копку земли до материка за свой счет [27, с. 11]. Л. С. Клейн этот поступок охарактеризовал как *«подрядчик Авиллов тряхнул мошной»* (с. 12). Может быть, я не права и напрасно придираюсь, но такие эпитеты как *«заезжий»*, *«вездесущий»* по отношению к заслуженному человеку, или выражения *«тряхнул мошной»*, на мой взгляд, не только не уважительны, но просто вульгарны.

Читая историю раскопок кургана Садовый, в части II.9 «Руководство экспедиции и кадры» я натолкнулась на характеристику Бориса Ароновича Раева, бывшего студента, потом аспиранта ЛГУ, а теперь солидных лет известного специалиста, ученого, исследователя. Однако в книге Л. С. Клейна мы читаем, что карьере Бориса в Ленинграде препятствовали два обстоятельства – первое, что он был *полуеврей*, и второе – *слишком любвеобилен*. А далее идет подробное изложение как, на ком, когда, сколько раз женился и разводился Борис, не упуская и эпизоды скандального характера (с. 128). Невольно приходит на память поговорка: *«Ради красного словца не пожалею и отца»*. Именно так можно сказать и по поводу характеристики Джеймса Фрезера – автора знаменитого произведения *«Золотая ветвь»*, данной Л. С. Клейном. *«Трогательно стеснительный, в конце жизни ослепший маленький человек с верной женой, создавший «Золотую ветвь» в жанре мистического романа на основе разных источников и в основе используя чужие идеи, – вот портрет Фрезера»* [6, с. 244]. Да, эта характеристика вполне в духе Л. С. Клейна, который на удивление подмечает, прежде всего, принижающие человека черточки, оставляя в стороне его главные заслуги и достоинства. Зато на первое место выступает сам Л. С. Клейн. И здесь я вновь процитирую Ю. Е. Березкина: *«Как и все книги Клейна, «История антропологических учений» в полной мере отражает личность автора. Сказать, что книга вообще не про антропологию, а про Клейна, было бы сильным преувеличением, но некоторые основания для подобного мнения есть. «Это моя история антропологии», – написано в авторском предисловии»* [6, с. 243]. Во всех сочинениях Льва Самуиловича, какой бы теме они не были посвящены, главная роль отводится автору. Достаточно вспомнить название его произведения *«Трудно быть Клейном»* – звучит более чем претенциозно, и я бы сказала даже кощунственно, если вспомнить, что источником для этого послужило название романа братьев Стругацких *«Трудно быть Богом»*. Не всякий бы автор рискнул на такое... Поэтому, мой совет

деятельности и настроения на посту директора института, т. к. именно в год его назначения на эту должность мы и расстались.

последователям Л. С. Клейна – прежде, чем «рисовать» неблагоприятные портреты своих коллег, загляните в себя поглубже.

Но вернемся к новочеркасскому погребальному комплексу. И прежде всего у меня возникает вопрос – зачем Л. С. Клейну нужна была эта «баллада» о Хохлаче? Что нового он внес в исследование этого памятника, и что нового и интересного о своеобразных и уникальных находках из Хохлача сможет найти в нем читатель?

В качестве **новых** данных, которые отсутствуют в моей книге, можно считать публикацию архивных данных, интерпретацию бляшек, якобы имитирующих атташ импортного сосуда – аска, и последующие после этого «глобальные» фантастические выводы.

Новым является и предположение Л. С. Клейна (с. 22), что Хохлач был не открыт полностью, и там, под землей, могли сохраниться еще какие-то находки. Но вряд ли мы узнаем об этом в ближайшем будущем.

Затронутый Л. С. Клейном далеко не новый вопрос о принадлежности новочеркасского погребального комплекса аланам или аорсам, на мой взгляд, все еще остается дискуссионным. Несомненно, Хохлач относится к группе памятников второй половины I – начала II в. н. э., таких как курганы: Садовый, Дачи, Кобяково – на Дону, Жутовский – в междуречье Волги и Дона, Кичкас – на Днепре, Пороги – на Днестре, с которыми его прежде всего связывает наличие предметов сарматского полихромного звериного стиля, а в некоторых случаях и черты погребального обряда. Наряду с подобными рода памятниками, в тех же регионах присутствуют богатые захоронения знати, но в которых изделия звериного стиля отсутствуют. Это различие я рассматриваю как свидетельство о совместном проживании двух разных этнокультурных групп. На основании вышесказанного мы можем констатировать, что в первом веке нашей эры произошла миграция каких-то племен восточного происхождения (возможно аланов), которые, дойдя до Нижнего Дона, обосновались здесь. Но при этом завоеватели не уничтожили и не изгнали с родной земли местное население, как это случилось во время нашествия гуннов в Восточную Европу, а, напротив, внедрились в их среду, постепенно ассимилируя друг друга. Исчезновение предметов искусства полихромного звериного стиля в памятниках позднесарматской культуры II–III вв. н. э. свидетельствует о том, что пришельцы, окончательно растворившись среди коренного населения, распространили, однако, на них свое имя [27, с. 256–257]. Не случайно, первым народом, с кем столкнулись гунны в южнорусских степях в IV веке, по словам римского писателя Аммиана Марцеллина, были аланы [41, с. 339].

В 2018 г. в издательстве «Евразия» вышла очередная книга Л. С. Клейна «Диалоги. Теоретическая археология и не только». В ней автор подытожил свою научную деятельность и оценил собственное значение в науке. И здесь Л. С. Клейн чрезвычайно скрупулезен: ни одна работа не была упущена из списка изданного им. Он дает оценку и своей книге 2016 года «Первый век: сокровища сарматских курганов». Лев Самуилович, отмечая принадлежность этого сочинения к научно-популярным изданиям типа книги «Времени Кентавров», подчеркивает, что «Первый век...» **роскошнее** и дороже. Если говорить о первой части этой книги, то «роскошь»

в ней составили цветные иллюстрации (33 изображения), взятые из моей монографии. Уберите эти картинки – и «роскошь» исчезнет²⁹. Далее Л. С. Клейн, как бы между прочим, упоминает, что «полная публикация Хохлача издана Эрмитажем (Засецкая 2011)». А, может быть, сначала следовало бы назвать автора «полной публикации» И. П. Засецкую, а затем указать где она издана. И все-таки Л. С. Клейну пришлось сказать, что он «использовал» эту публикацию, но при этом указал, что добавил свои соображения о древностях Хохлача.

Такое впечатление, что отсутствие всестороннего исследования вещевого материала привело автора к наполнению текста всяческими «лирическими» и другого вида отступлениями. Отсюда и ошибки в описании вещей и их техники, в определении вида звериных образов, в искажении фактических данных. Это связано не только с тем, что автор не работал с материалом, но и с незнанием новейшей литературы, посвященной сарматской археологии, в том числе и находкам из кургана Хохлач. Не случайно единственными литературными источниками, на которые постоянно ссылается Л. С. Клейн, являются сочинения И. И. Тостого и Н. П. Кондакова 1890 г. и М. И. Ростовцева 20-х годов. А ведь даже в аннотации 1964 г. К. М. Скалон о новочеркасской диадеме сказано больше, чем у предшествующих авторов. Например, ею отмечены новые черты в изобразительных особенностях и конструктивных деталях диадемы, а также подчеркнут социальный статус владелицы этого головного убора как жрицы [56]. Также незамеченными остаются выделенные мной новые факты – появление кос в прическе женского образа, изображенного на диадеме, и фиксация фигурки Эроса (Купидона) на ветке одного из деревьев верхнего фриза [26]. А ведь об этом было бы интересно рассказать читателю. Рассуждая о фаларах из кургана Садовый, Л. С. Клейн мог бы ознакомиться с моей статьей, посвященной большим фаларам сарматской эпохи, в которой я отмечаю сходство донских и сибирских находок, указывая, в частности, на своеобразный прием в образовании бордюров вокруг центральных медальонов, а также высказываю предположение о сомнительном происхождении фаларов, хранящихся в Нью-Йорке и Израиле [28, с. 114, 119–121]. Этот факт, как свое наблюдение, без ссылки на мою работу, отмечает Л. С. Клейн (с. 172).

Таким образом, желание Л. С. Клейна высказать некоторые свои соображения по поводу чрезвычайно интересного археологического памятника, при отсутствии того самого «вещеведческого» подхода, вероятно, еще не достаточный повод для издания отдельной книги, претендующей на концептуальность.

Я совсем не хочу сказать, что моя книга безупречна, и что в ней решены все проблемы сарматской археологии. Напротив, мое исследование показало, сколько еще неразрешенных вопросов разного характера и значимости ждут своего ответа.

²⁹ Не могу не отметить еще одну бестактность по отношению ко мне. Так, внизу на странице 204 Л. С. Клейн публикует список коллег, которых благодарит за помощь, среди них – и моя фамилия. Далее он благодарит некоторых сотрудников за особые услуги. Например, В. И. Мордвинцеву «за любезно предоставленные три карты»; только автору цветных иллюстраций находок из Хохлача (И. П. Засецкой), украсивших первую часть его книги, отдельной благодарности нет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А.Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. 269 с.
2. Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV века до н. э. Киев: Наукова думка, 1991. 416 с.
3. Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага: Артия; Л.: Советский художник, 1966. 120 с., 321 табл.
4. Артамонов М.И. Сокровища саков. М.: Искусство, 1973. 280 с.
5. Балонов Ф.О. О некоторых предметах из курганов Чертомлык и Хохлач // Ювелирное искусство и материальная культура: тезисы докладов участников восемнадцатого colloquium (19-23 апреля 2010 г.). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010. С. 8–10.
6. Березкин Ю.Е. Рецензия на книгу: Клейн Л.С. История антропологических учений // Антропологический форум. 2014. № 24. С. 242–252.
7. Богданов Е.И. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 240 с.
8. Борисяк Н.Д. Об археологическом открытии в Новочеркасске // Воскресное прибавление к «Московским ведомостям». 1864. № 27. Июль.
9. Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга). М.: Наука, 1977. 68 с. (САИ. Вып. Д1–33).
10. Галанина Л.К. Курджипский курган. Памятник культуры прикубанских племен IV века до н. э. Л.: Искусство, 1980. 128 с.
11. Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М.: Палеограф, 1997. 316 с.
12. Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. 92 с.
13. Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн, 1994. 172 с.
14. Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Л.: Искусство, 1983. 192 с.
15. Засецкая И.П. Назначение вещей Федуловского клада // АСГЭ. 1965. Вып. 7. С. 28–36.
16. Засецкая И.П. Диагональные погребения Нижнего Поволжья и проблема определения их этнической принадлежности // АСГЭ. 1974. Вып. 16. С. 105–121.
17. Засецкая И.П. Савроматские и сарматские погребения Никольского могильника в Нижнем Поволжье // ТГЭ. 1979. Вып. XX. С. 87–113.
18. Засецкая И.П. Изображение пантеры в сарматском искусстве // СА. 1980. № 1. С. 46–55.
19. Засецкая И.П. Зооморфные мотивы в сарматских геометрических бляшках // Античная торевтика / Ред. Н.Л. Грач. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1986. С. 128–134.
20. Засецкая И.П. Проблемы сарматского звериного стиля (историографический обзор) // СА. 1989. № 3. С. 35–46.
21. Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V в. н. э. // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 23–104.
22. Засецкая И.П. Золотые браслеты из сарматского погребения Кобяковского могильника (происхождение сюжета и место изготовления) // РА. 2003. № 4. С. 46–52.
23. Засецкая И.П. О новом исследовании по проблемам полихромного звериного стиля // ВДИ. 2006. № 2. С. 97–130.
24. Засецкая И.П. Два мотива в сарматском зверином стиле – свернувшийся по кругу хищник кошачьей породы и вписанная в круг фигура козла (I в. до н. э. – II в. н. э.) // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2006. Вып. 8. С. 74–109.
25. Засецкая И.П. Золотые украшения из кургана Хохлач – классический образец сарматского полихромного звериного стиля I – начала II в. н. э. // Сокровища сарматов: Каталог выставки. СПб., Азов: Изд-во Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника, 2008. С. 29–43.

26. Засецкая И.П. Новые детали декора диадемы из кургана Хохлач // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2009. Вып. 10. С. 212–224.
27. Засецкая И.П. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. 328 с.
28. Засецкая И.П. Украшения конской сбруи из сарматских погребений I в. н. э. // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. М., 2012. Вып. 2. С. 96–126.
29. Засецкая И.П. Изображение грифонов и «грифов» в сарматском зверином стиле // Золото, конь и человек. Сборник статей к 60-летию А.В. Симоненко. Киев: ИД «Скиф», 2012. С. 353–383.
30. Засецкая И.П. Образ волка в сарматском искусстве I в. н. э. // Вояджер: мир и человек. Самара, 2012. № 3. С. 63–73.
31. Засецкая И.П. Магия золотой диадемы из кургана Хохлач. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. 64 с.
32. Засецкая И.П. Искусство звериного стиля сарматской эпохи (II в. до н. э. – начало II в. н. э.). Симферополь: Антиква, 2019. 184 с.
33. Канторович А.Р. К вопросу о стилистических истоках, причинах популярности и назначении приема «зооморфных превращений» в искусстве скифского звериного стиля // Историко-археологический альманах. Армавир, М., 2002. Вып. 8. С. 20–32.
34. Канторович А.Р. Истоки и вариации образов грифона и грифоподобных существ в раннескифском зверином стиле VII–VI вв. до н. э. // Археологический альманах. Донецк, 2010. № 21. С. 189–224.
35. Кисель В.А. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 192 с.
36. Клейн Л.С. Первый век: сокровища сарматских курганов. СПб.: Евразия, 2016. 224 с.
37. Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 272 с.
38. Королькова Е.Ф. О путях исследования звериного стиля (к проблеме метода и этики в новейших работах по искусству сарматской эпохи) // РА. 2010. № 4. С. 101–109.
39. Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе II в. до н. э. – V в. н. э. М., Л.: Наука, 1970. 280 с. (САИ. Вып. Д1–27).
40. Лавыгина Н.В. Образы фантастических существ в полихромном зверином стиле раннесарматского времени // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья / Ред. А. С. Скрипкин. Волгоград, 1999. С. 157–161.
41. Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. II. Латинские писатели. Вып. 2. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1906. 187 с.
42. Манцевич А.П. Курган Солоха. Л.: Искусство, 1987. 143 с.
43. Минасян Р.С. Металлообработка в древности и в средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. 472 с.
44. Мордвинцева В.И. Полихромный звериный стиль. Симферополь: Универсум, 2003. 216 с.
45. Мордвинцева В.И. Сарматский звериный стиль и современные проблемы его изучения // ВДИ. 2008. № 1. С. 129–140.
46. Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье 2 в. до н. э. – 2 в. н. э.: в 3-х т. Симферополь, Бонн: Тарпан, 2007. Т. 1. 308 с.
47. Очир-Горяева М. А. Следы постпогребальных обрядов в курганах скифской эпохи степей Евразии // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления / Ред. Е.Н. Носов. СПб., 2016. С. 113–128. (Труды ИИМК РАН. Т. 46).
48. Оятева Е.И. Искусство Прикамья по материалам художественной металлической пластики. Пермь: Изд-во ПГПУ, 2003. 128 с.
49. Оятева Е.И., Игнатьева О.В., Белавин А.М. Пермский звериный стиль в сокровищнице Государственного Эрмитажа. Пермь: Изд-во ПГПУ, 2009. 160 с.

50. Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Восточная литература, 1994. 206 с.
51. Раев Б.А. Металлические сосуды кургана Хохлач // Проблемы археологии. Вып. 2. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. С. 89–94.
52. Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М., 1985. 256 с.
53. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 383 с., 120 табл.
54. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 346 с., 128 табл.
55. Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I // САИ. М., Л.: Наука, 1962. Вып. ДЗ–9. С. 5–55.
56. Скалон К.М. Диадема из кургана «Хохлач» у г. Новочеркаска // Эрмитаж: Альбом / Ред. М. И. Артамонов. Л.: Сов. художник, 1964. Кат. № 30.
57. Скалон К.М. Складной стул из погребения у села Концешты в Молдавии // СГЭ. 1966. Вып. XXVII. С. 55–59.
58. Скалон К.М. О некоторых формах стеклянной посуды позднеантичного и раннесредневекового Боспора // СГЭ. 1973. Вып. XXXVII. С. 50–53.
59. Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. Выпуск третий. Древности времен переселения народов. СПб., 1890. 158 с.
60. Шелов Д.Б. Античный мир в Северном Причерноморье. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 195 с.
61. Шилов В.П. К проблеме взаимоотношений кочевых племен и античных городов Северного Причерноморья в сарматскую эпоху // КСИА. 1973. Вып. 138. С.60–65.
62. Яценко С.А. Диадемы степных кочевников Восточной Европы в сарматскую эпоху // КСИА. 1986. Вып. 186. С. 14–20.
63. Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Восточная литература, 2006. 664 с.
64. Popa A. Flabella im Barnaricum. Überlegungen zu einer Fundgruppe bronzener Gegenstände aus dem Gebiet jenseits der Provize Dacia und Moesia Inferior // Germania. Mainz, 2007. Bd. 85-2. S. 329–347.
65. Rostovtzeff M.I. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford: Clarendon Press, 1922. XV+260 p.
66. Rostovtzeff M.I. The Animal Style in South Russia and China. Princeton: University Press, 1929. 112 p.
67. Treister M.Yu. Silver vessels from the Khokhlach barrow // The Antique Bronzes: Typology, Chronology, Authenticity. The Acta of the XVIth International Congress on Antique Bronzes. Bucharest, 26–31 May, 2003 / Ed. C. Mușățeanu. Bucharest, 2004. P. 451–467.
68. Zassetskaya I.P. Le style animalier dans l'art des tribus sarmates // L'Or des Sarmates. Entre Asie et Europe. Nomades des steppes dans l'Antiquité. Abbaye de Daoulas, 1995. P. 50–54.
69. Zassetskaya I.P. Le kourgane “Khokhlatch” ou Tresor de Novotcherkassk // L'Or des Sarmates. Entre Asie et Europe. Nomades des steppes dans l'Antiquité. Abbaye de Daoulas, 1995. P. 55–60.
70. Zassetskaja I.P. New research on the polychrome animal style // Eurasia Antiqua. 2010. Bd. 16. P. 283–300.

REFERENCES

1. Alekseev A.Iu. *Zoloto skifskikh tsarei v sobranii Ermitazha*. St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2012, 269 p.
2. Alekseev A.Iu., Murzin V.Iu., Rolle R. *Chertomlyk. Skifskii tsarskii kurgan IV veka do n. e.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1991, 416 p.
3. Artamonov M.I. *Sokrovishcha skifskikh kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha*. Praga, Leningrad, Artia Publ, Sovetskii khudozhnik Publ., 1966, 120 p.
4. Artamonov M.I. *Sokrovishcha sakov*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1973, 280 p.
5. Balonov F.O. O nekotorykh predmetakh iz kurganov Chertomlyk i Khokhlach. *Iuvelirnoe iskusstvo i material'naia kul'tura: tezisy dokladov uchastnikov vosemnadsatsatogo kollokviuma (19–23 apreliia 2010 g.)*, St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2010, pp. 8–10.
6. Berezkin Iu.E. Retsenziia na knigu: Klein L.S. Istoriiia antropologicheskikh uchenii. *Antropologicheskii forum*, 2014, No. 24, pp. 242–252.

7. Bogdanov E.I. *Obraz khishchnika v plasticheskom iskusstve kochevykh narodov Tsentral'noi Azii (skifosibirskaiia khudozhestvennaia traditsiia)*. Novosibirsk, 2006, 240 p.
8. Borisiak N.D. Ob arkheologicheskom otkrytii v Novocherkasske. *Moskovskie vedomosti*, Voskresnoe pribavlenie, 1864, No. 27, July.
9. Galanina L.K. *Skifskie drevnosti Podneprov'ia (Ermitazhnaia kolleksiia N.E. Brandenbura)*. Moscow, Nauka Publ., 1977, 68 p.
10. Galanina L.K. *Kurdzhipskii kurgan. Pamiatnik kul'tury prikubanskikh plemen IV veka do n. e.* Leningrad, Iskusstvo Publ., 1980, 128 p.
11. Galanina L.K. *Kelermesskie kurgany. «Tsarskie» pogrebeniia ranneskifskoi epokhi*. Moscow, Paleograf Publ., 1997, 316 p.
12. Griaznov M.P. *Pervyi pazryrskii kurgan*. Leningrad, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 1950, 92 p.
13. Gushchina I.I., Zasetskaia I.P. "Zolotoe kladbishche" rimskoi epokhi v Prikuban'e. St-Petersburg, Farn Publ., 1994, 172 p.
14. Zavitukhina M.P. *Drevnee iskusstvo na Enisee. Skifskoe vremia*. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1983, 192 p.
15. Zasetskaia I.P. Naznachenie veshchei Fedulovskogo klada. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 1965, Vol. 7, pp. 28–36.
16. Zasetskaia I.P. Diagonal'nye pogrebeniia Nizhnego Povolzh'ia i problema opredeleniia ikh etnicheskoi prinadlezhnosti. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 1974, Vol. 16, pp. 105–121.
17. Zasetskaia I.P. Savromatskie i sarmatskie pogrebeniia Nikol'skogo mogil'nika v Nizhnem Povolzh'e. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 1979, Vol. XX, pp. 87–113.
18. Zasetskaia I.P. Izobrazhenie pantery v sarmatskom iskusstve. *Sovetskaia arkheologiya*, 1980, No. 1, pp. 46–55.
19. Zasetskaia I.P. Zoomorfnye motivy v sarmatskikh geometricheskikh bliashkakh. Grach N.L. (Ed.), *Antichnaia torevtika*, Leningrad, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 1986, pp. 128–134.
20. Zasetskaia I.P. Problemy sarmatskogo zverinogo stilia (istoriograficheskii obzor). *Sovetskaia arkheologiya*, 1989, No. 3, pp. 35–46.
21. Zasetskaia I.P. Materialy Bosporskogo nekropolia vtoroi poloviny IV – pervoi poloviny V v. n. e. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 1993, Vol. III, pp. 23–104.
22. Zasetskaia I.P. Zolotyie braslety iz sarmatskogo pogrebeniia Kobiakovskogo mogil'nika (proiskhozhdenie siuzheta i mesto izgotovleniia). *Rossiiskaia arkheologiya*, 2003, No. 4, pp. 46–52.
23. Zasetskaia I.P. O novom issledovanii po problemam polikhromnogo zverinogo stilia. *Vestnik drevnei istorii*, 2006, No. 2, pp. 97–130.
24. Zasetskaia I.P. Dva motiva v sarmatskom zverinom stile – svernuvshiisia po krugu khishchnik koshashch'ei porody i vpisannaia v krug figura kozla (I v. do n. e. – II v. n. e.). *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik*, Volgograd, 2006, Vol. 8, pp. 74–109.
25. Zasetskaia I.P. Zolotyie ukrasheniia iz kurgana Khokhlach – klassicheskii obrazets sarmatskogo polikhromnogo zverinogo stilia I – nachala II v. n. e. *Sokrovishcha sarmatov: Katalog vystavki*, St-Petersburg, Azov, Azovskii istoriko-arkheologicheskii muzei-zapovednik Publ., 2008, pp. 29–43.
26. Zasetskaia I.P. Novye detali dekora diademy iz kurgana Khokhlach. *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik*, Volgograd, 2009, Vol. 10, pp. 212–224.
27. Zasetskaia I.P. *Sokrovishcha kurgana Khokhlach. Novocherkasskii klad*. St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2011, 328 p.
28. Zasetskaia I.P. Ukrasheniia konskoi sbrui iz sarmatskikh pogrebenii I v. n. e. *Scripta Antiqua. Voprosy drevnei istorii, filologii, iskusstva i material'noi kul'tury*, Moscow, 2012, Vol. 2, pp. 96–126.
29. Zasetskaia I.P. Izobrazhenie grifonov i «grifov» v sarmatskom zverinom stile. *Zoloto, kon' i chelovek. Sbornik statei k 60-letiiu A.V. Simonenko*, Kiev, Skif Publ., 2012, pp. 353–383.
30. Zasetskaia I.P. Obraz volka v sarmatskom iskusstve I v. n. e. *Voiazher: mir i chelovek*, Samara, 2012, No. 3, pp. 63–73.
31. Zasetskaia I.P. *Magiia zolotoi diademy iz kurgana Khokhlach*. St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2015, 64 p.

32. Zasetskaia I.P. *Iskusstvo zverinogo stilia sarmatskoi epokhi (II v. do n. e. – nachalo II v. n. e.)*. Simferopol, Antikva Publ., 2019, 184 p.
33. Kantorovich A.R. K voprosu o stilisticheskikh istokakh, prichinakh populiarnosti i naznachenii priema «zoomorfnykh prevrashchenii» v iskusstve skifskogo zverinogo stilia. *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh*, Armavir, Moscow, 2002, Vol. 8, pp. 20–32.
34. Kantorovich A.R. Istoki i variatsii obrazov grifona i grifopodobnykh sushchestv v ranneskifskom zverinom stile VII–VI vv. do n. e. *Arkheologicheskii al'manakh*, Donetsk, 2010, No. 21, pp. 189–224.
35. Kisel' V.A. *Shedevry iuvelirov Drevnego Vostoka iz skifskikh kurganov*. St-Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2003, 192 p.
36. Klein L.S. *Pervyi vek: Sokrovishcha sarmatskikh kurganov*. St-Petersburg, Evraziia Publ., 2016, 224 p.
37. Korol'kova E.F. *Zverinyi stil' Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzh'ia i Iuzhnogo Priural'ia v skifskuiu epokhu (VII–IV vv. do n. e.)*. St-Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2006, 272 p.
38. Korol'kova E.F. O putiakh issledovaniia zverinogo stilia (k probleme metoda i etiki v noveishikh rabotakh po iskusstvu sarmatskoi epokhi). *Rossiiskaia arkheologiya*, 2010, No. 4, pp. 101–109.
39. Kropotkin V.V. *Rimskie importnye izdeliia v Vostochnoi Evrope II v. do n. e. – V v. n. e.* Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1970, 280 p.
40. Lavygina N.V. Obrazy fantasticheskikh sushchestv v polikhromnom zverinom stile rannesarmatskogo vremeni. Skripkin A. S. (Ed.), *Arkheologiya Volgo-Ural'skogo regiona v epokhu rannego zhelezного века i srednevekov'ia*, Volgograd, 1999, pp. 157–161.
41. Latyshev V.V. *Izvestiia drevnikh pisatelei grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze. T. II. Latinskie pisateli*. Vol. 2. St-Petersburg, Akademiia nauk Publ., 1906, 187 p.
42. Mantsevich A.P. *Kurgan Solokha*. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1987, 143 p.
43. Minasian R.S. *Metalloobrabotka v drevnosti i v srednevekov'e*. St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2014, 472 p.
44. Mordvintseva V.I. *Polikhromnyi zverinyi stil'*. Simferopol, Universum Publ., 2003, 216 p.
45. Mordvintseva V.I. Sarmatskii zverinyi stil' i sovremennye problemy ego izucheniia. *Vestnik drevnei istorii*, 2008, No. 1, pp. 129–140.
46. Mordvintseva V.I., Treister M.Iu. *Proizvedeniia torevtiki i iuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e 2 v. do n. e. – 2 v. n. e.* T. 1, Simferopol, Bonn, Tarpan Publ., 2007, 308 p.
47. Ochir-Goriaeva M. A. Sledy postpogrebal'nykh obriadov v kurganakh skifskoi epokhi stepei Evrazii. Nosov E.N. (Ed.), *Drevnie nekropoli i poseleniia: postpogrebal'nye ritualy, simvolicheskie zakhoroneniia i ogrableniia*. St-Petersburg, 2016, pp. 113–128.
48. Oiateva E.I. *Iskusstvo Prikam'ia po materialam khudozhestvennoi metallicheskoj plastiki*. Perm', 2003, 128 p.
49. Oiateva E.I., Ignat'eva O.V., Belavin A.M. *Permskii zverinyi stil' v sokrovishchnitse Gosudarstvennogo Ermitazha*. Perm', 2009, 160 p.
50. Perevodchikova E.V. *Iazyk zverinykh obrazov. Ocherki iskusstva evraziiskikh stepei skifskoi epokhi*. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 1994, 206 p.
51. Raev B.A. Metallicheskie sosudy kurgana Khokhlach. *Problemy arkheologii*, Vol. 2, Leningrad, 1978, pp. 89–94.
52. Raevskii D.S. *Model' mira skifskoi kul'tury*. Moscow, 1985, 256 p.
53. Rudenko S.I. *Kul'tura naselenie Gornogo Altaia*. Moscow, Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1953, 383 p.
54. Rudenko S.I. *Kul'tura naseleniia Tsentral'nogo Altaia v skifskoe vremia*. Moscow, Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1960, 346 p.
55. Rudenko S.I. Sibirskaiia kolleksiia Petra I. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*, Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1962, Vol. D3–9, pp. 5–55.
56. Skalon K.M. Diadema iz kurgana «Khokhlach» u g. Novocherkasska. Artamonov M. I. (Ed.), *Ermitazh: Al'bom*, Leningrad, Sovetskii khudozhnik Publ., 1964, Cat. No. 30.

57. Skalon K.M. Skladnoi stul iz pogrebeniia u sela Kontseshty v Moldavii. *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha*, 1966, Vol. XXVII, pp. 55–59.
58. Skalon K.M. O nekotorykh formakh steklianoi posudy pozdneantichnogo i rannesrednevekovogo Bospora. *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha*, 1973, Vol. XXXVII, pp. 50–53.
59. Tolstoi I.I., Kondakov N.P. *Russkie drevnosti v pamiatnikakh iskusstva. Vypusk tretii. Drevnosti vremen pereseleniia narodov*. St-Petersburg, 1890, 158 p.
60. Shelov D.B. *Antichnyi mir v Severnom Prichernomor'e*. Moscow, Akademiia nauk SSSR Publ., 1956, 195 p.
61. Shilov V.P. K probleme vzaimootnoshenii kochevykh plemen i antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ia v sarmatskuiu epokhu. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, 1973, Vol. 138, pp. 60–65.
62. Iatsenko S.A. Diademy stepnykh kochevnikov Vostochnoi Evropy v sarmatskuiu epokhu. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, 1986, Vol. 186, pp. 14–20.
63. Iatsenko S.A. *Kostium drevnei Evrazii (iranoiazychnye narody)*. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2006, 664 p.
64. Popa A. Flabella im Barnaricum. Uberlegungen zu einer Fundgruppe bronzener Gegenstände aus dem Gebiet jenseits der Provize Dacia und Moesia Inferior. *Germania*, Mainz, 2007, Bd. 85-2, pp. 329–347.
65. Rostovtzeff M.I. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford, Clarendon Press, 1922, 260 p.
66. Rostovtzeff M.I. *The Animal Style in South Russia and China*. Princeton, University Press, 1929, 112 p.
67. Treister M.Yu. Silver vessels from the Khokhlach barrow. Mușețeanu C. (Ed.), *The Antique Bronzes: Typology, Chronology, Authenticity. The Acta of the XVth International Congress on Antique Bronzes. Bucharest, 26–31 May, 2003*, Bucharest, 2004, pp. 451–467.
68. Zassetskaya I.P. Le style animalier dans l'art des tribus sarmates. *L'Or des Sarmates. Entre Asie et Europe. Nomades des steppes dans l'Antiquité*, Abbaye de Daoulas, 1995, pp. 50–54.
69. Zassetskaya I.P. Le kourgane “Khokhlatch” ou Tresor de Novotcherkassk. *L'Or des Sarmates. Entre Asie et Europe. Nomades des steppes dans l'Antiquité*, Abbaye de Daoulas, 1995, pp. 55–60.
70. Zassetskaja I.P. New research on the polychrome animal style. *Eurasia Antiqua*, 2010, Bd. 16, pp. 283–300.

Информация об авторе

Засецкая И. П. – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа.

Information about the author

Zassetskaya I. P. – Doctor of Science (History), Chief Researcher of the Department of Archeology of Eastern Europe and Siberia of the State Hermitage

Рецензия на: Митрофанов А. Ю. Император Алексей I Комнин и его стратегия. – СПб.: Изд-во СПбДА, 2020. – 280 с.

Валерий Павлович Степаненко

*Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия, v.stepanenko49@mail.ru,
https://orcid.org/0000-0001-8399-5530*

**Review: Mitrofanov A.Yu. Imperator Aleksei I Komnin i ego strategiiia.
Saint Petersburg, Dukhovnaia Akademiia Publ., 2020, 280 p.**

Valery P. Stepanenko

*Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia, v.stepanenko49@mail.ru,
https://orcid.org/0000-0001-8399-5530*

При скудности исследований по эпохе Комнинов в истории Византии появление каждой работы, претендующей на монографическое исследование данной эпохи или ее наиболее существенных моментов, можно только приветствовать. Как ни печально, до сих пор наиболее значимым в этой связи оставался монументальный двухтомник Ф. Шаландона, вышедший из печати в 1900–1912 гг. [37]. И неудивительно, что известный петербургский византинист М. А. Морозов предварил своим предисловием его монографию, посвященную правлению императора Алексея Комнина, в переводе М. Ю. Некрасова [30]. На этом фоне появление работы А. Ю. Митрофанова «Император Алексей I Комнин и его стратегия», вышедшей в издательстве Санкт-Петербургской Духовной Академии [17], можно только приветствовать. Автор, чьи труды по данной проблематике ранее не были замечены¹, определил свою работу как монографию по избранной теме. В данном качестве мы и будем ее рассматривать.

Целью данной работы является «попытка анализа внешней политики императора Алексея Комнина с точки зрения исследования его стратегии» (с. 7). При этом автор «воздерживается от пересказа общеизвестных сторон внутренней политики Алексея Комнина, освещенных Я. Н. Любарским, отношений Алексея Комнина с крестоносцами, исследованных Ф. Шаландоном и С. Рэнсименом, обходя по возможности стороной законотворческую деятельность Алексея и пресловутую проблему византийского феодализма, изучавшуюся А. А. Васильевым, А. П. Кажданом

¹ Митрофанов А. Ю. История церковных соборов в Италии (IV–V вв.). М.: Изд-во Крутицкого Патриаршего подворья; Общество любителей церковной истории, 2006. 626 с. Митрофанов А. Ю. Церковное право и его кодификация в период раннего средневековья (IV–XI вв.). М.: Изд-во Крутицкого Патриаршего подворья; Общество любителей церковной истории, 2010. 425 с.

и Г. Г. Литавриным. Мы намерены на страницах данной книги остановиться на анализе военной деятельности Алексея Комнина и осветить его стратегию, обозначив в ней как сильные, так и слабые стороны» (с. 7–8). Основным источником монографии объявлена «Алексиада» Анны Комниной. На наш взгляд, характеристика писательницы с ее предполагаемым портретом несколько однобока – панегирик. Напомним, что сам труд появился после того, как дама неудачно попыталась посадить на престол своего супруга Никифора Вриенния, не очень-то этого желавшего, и, потерпев поражение, была сослана в монастырь, получив массу свободного времени для написания панегирика отцу, коим и является «Алексиада». Внешнюю политику Алексея этот источник освещает несколько однобоко уже в силу самого жанра. И если для западного направления этой политики Византии материала здесь относительно много, то для основного, восточного, его явно недостаточно, что ранее отмечалось всеми исследователями. Для анализа последнего необходимо было бы привлечение как минимум «Хронографии» Маттэоса Урхайеци, если не в оригинале, то в современном английском переводе [35], и «Хроники» Михаила Сирийца, не говоря уже об арабских авторах хотя бы на уровне *Requiel des Historiens des Croisades*.

Источниковая база работы предельно фрагментарна и несколько случайна. Ряд основных источников (кроме вышеназванных) отсутствует. В их отборе присутствует «европоцентризм», в частности, присутствуют источники по истории крестовых походов и взаимоотношениям Алексея Комнина с предводителями Первого крестового похода. То же касается и историографии. Так, для не существенного для данной темы вопроса об этническом происхождении огузов привлекается вышедшая в 1927 г. работа Бартольда, тогда как последняя по времени появления и лучшая по уровню подачи и осмысления материала монография С. Г. Агаджанова «Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв.» [2] отсутствует, как и многочисленные работы Р. А. Гусейнова [8–10], а также работы крупнейшего специалиста по проблемам сельджукского завоевания Ближнего Востока в целом и Византии в частности, а также истории Румского султаната К. Казна [33; 34]. Данный перечень может быть продолжен. Для анализа восточной политики Византии данные работы и масса других обязательны.

Текст монографии состоит из двадцати отдельных очерков, разнообразных по тематике.

До сих пор лучшей русскоязычной работой по внешней политике Византии, данной по объективным причинам крайне конспективно, являются написанные А. П. Кажданом главы 11–13 во 2 томе «Истории Византии» [13, с. 278–330]. Труд А. Ю. Митрофанова посвящен внешней политике Византии при Алексее Комнине (1081–1118). Возникает вопрос о том, что же нового внес автор в разработку данной проблематики, хотя бы по сравнению с Ф. Шаландоном? Очерки 1–10 посвящены истории Византии в 60–80-х гг. XI в., в том числе быстро менявшейся ситуации на границах империи после Манцикерта в связи с образованием Румского султаната

(1081) и норманнской экспансией на Балканах. Начинается она панегириком Анне Комниной как писательнице и женщине (с. 8–12)².

Констатированное автором отрицание исследователями социально-экономического кризиса в XI в. отнюдь не общепринято. Усиление позиций провинциальных магнатов имело явные экономические корни – разорение крестьянства, тех же стратиотов, и рост частной власти в ущерб государственной на местах. (Напомню здесь аграрную политику Василия II). Еще А. П. Кажданом в статье «Загадка Комнинов. Опыт историографии» [14] были поставлены вопросы кардинальных изменений в социально-экономической структуре империи второй половины XI в., на которые до сих пор нет внятного ответа, как, например, относительно государственного аппарата и армии³. Но без ответа на них структура и первого, и второй все еще смутны и малопонятны. Например, какая-либо информация о фемах исчезает к 90-м гг. XI в. Какова была структура провинциальной администрации до 1204 г.? На крымском материале данный вопрос был поставлен К. Цукерманом, положив начало дискуссии относительно характера власти Византии в Крыму и вне его в постфемный период [3; 25; 31; 50]. Утверждение автора о том, что столичная гражданская знать в борьбе с провинциальной военной опиралась на наемные дружины, не совсем корректно. Наемников, в том числе и сельджукских, после 50-х гг. использовали все, что признает и сам автор (с. 16)⁴. Используя наемников, Алексей лишь продолжил уже существующую традицию. Но оставались еще и контингенты регулярной армии, быстро сокращавшиеся численно в связи с кризисом фемного строя. Из кого состояли контингенты восточных фем, «преданные императору Роману Диогену» (с. 18) и позже Филарету Врахамию?⁵

² Мелкие замечания здесь: даты правления Мануила Комнина указаны как 1118–1180 (с. 11). Открытым противником подписания т.н. Константинопольского соглашения крестоносцев с Алексеем был не Танкред (его роль тогда была незначительна), но Раймунд Сен Жилль, что общеизвестно (с. 12). Сельджуки = персы, как русские = тавроскифы. Дело не в персидской культуре, которую сельджукская элита усвоила при Мелик шахе (отсюда и имя султана), но шаханшахами в рамках «Сасанидского Ренессанса» были уже Буиды. Этническая принадлежность Григория Бакуриани (в Византии – Пакуриана) довольно смутна. Для Анны Комниной он – армянин (с. 97), для А. П. Каждана он – грузинский феодал [13, с. 298]. Автор пришел к компромиссному варианту – армяно-грузинский аристократ! (с. 167). Алексей не «передавал на долгие годы матушке бразды гражданского управления правления Византийской империей» (с. 18). Это было явлением временным и экстраординарным. Сохранились ее печати как монахини и матери василевса [6].

³ Например, все занимавшиеся византийской армией данного периода крайне осторожно формулировали ее структуру после 1071 г. или обходили данный вопрос стороной.

⁴ Но Мелиссен не передавал Вифинию Сулейману ибн Кутлумишу. Он ввел наемные сельджукские отряды в качестве своих гарнизонов в города региона. До него это практиковал и Вотаниат. В 80-е гг. в обстановке мятежей они были предоставлены собственной участи и перешли под контроль Сельджукидов (1081).

⁵ Процесс деградации стратиотского ополчения фиксируется в 50-е гг. Но расформирование стратиотских контингентов фемы Иверия провел Константин Мономах, но не Константин Дука, как полагает автор (с. 28, 165). См.: [42, 476.51–54].

Параграф, посвященный этнической принадлежности огузов – сельджуков (с. 19–29), на наш взгляд, к собственно постулируемой теме прямого отношения не имеет.

Ранее мы едва ли не в первой нашей работе по проблематике византийско-армянских отношений также исходили из общепринятого в армянской историографии тезиса о роли Армении как буфера между Византией и мусульманскими эмиратами Закавказья и Диар Бакра [26]. Но он давно уже пересмотрен, так как царство Багратидов начало распадаться уже с момента достижения независимости в 886 г. К началу XI в. не без участия Византии оно распалось на два удела, последнее и самое сильное из них – Ширак-Анийское царство. Напомню, то номинальный шаханшах Иовханнэс Смбат, не имея наследников, завещал свой удел Византии. Постоянные междоусобицы и внутренние конфликты вряд ли способствовали сохранению Армянской статуса буфера. Так, автор знаком со статьей С. Г. Агаджанова и К. Н. Юзбашьяна о первых сельджукских набегах на Армению, вынудивших царя Васпуракана Иовханнеса Сенакерима обменять территорию государства на владения в Византии, не без давления последней, и перебраться в Севастию в 1021 г. За ним последовали другие, вплоть до царя Вананда Гагика в 1064 г.

К сожалению, автору не известны этапы сельджукского завоевания Малой Азии, выделенные К. Каэном. Так, вопреки его мнению, Диоген не завоевывал или отвоевывал Севастию во время первого похода против сельджуков. Здесь сказывается незнание информации сидевшего в Урхе-Эдессе армянского хрониста Маттэоса, как и внешне- и внутривосточной ситуации в регионе в целом. Так, кульминацией сельджукской экспансии здесь были 50-е гг. [см.: 34, р. 3–67], что и вызвало необходимость ее отражения, а не 70-е гг. (с. 30)⁶. Севастия входила в состав империи, будучи центром владений Арцруни, известных в Византии как Сенахеримы [41]. Будучи все более автономными в своих владениях по мере ослабления здесь позиций центральных властей и будучи приверженцами армянской апостольской церкви, считавшейся в империи еретической, чем дальше, тем больше они игнорировали центральные власти. Более того, приютили на своей территории католикосов Петра Гетаардза и Хачика Анеци, изгнанных из Ширака – фемы Иверия и Великая Армения. Грабеж Севастии армией императора во время похода против сельджуков был реакцией на все более растущий сепаратизм армянских владетелей Малой Азии, лидером которых до своей гибели оставался экс-шаханшах Ани Гагик II [35, р. 111].

Следующая глава посвящена «потере Малой Азии». Здесь также было бы желательно дать хронологию экспансии по К. Каэну. Другой пока нет. Ошибки и здесь присутствуют. Алп Арслан пал не от руки наемного убийцы, но погиб в поединке с комендантом осажденной им крепости в Средней Азии [21, с. 62–63]. Повторим, что Сулейман ибн Кутлумиш не захватывал Никею, но введенный в нее от име-

⁶ Здесь мелкие недочеты. Алиат, но не Аллиат. Хачатур был стратигом Антиохии, что важно. Не Адан, но Адана (с. 32).

ни Вотаниата гарнизон после свержения императора признал сюзеренитет первого султана Рума. Факта завоевания не было. Княжества Филарета Врахамия юридически не существовало. После Манцикерта как сторонник Диогена он стал автономен в восточных фемах империи, изгнав византийских стратигов Мелитены, Эдессы и Антиохии. Статус его до 1071 г. неизвестен⁷. Все его византийские титулы были получены между 1071–1091 гг. В Константинополе его рассматривали как мятежного византийского подданного при Михаиле VII и как автономного архонта при Вотаниате и Алексее Комнине⁸.

Покорение сельджуками Ферганы, поэт Гургани и иранская культура сельджукской элиты (с. 33–36) вряд ли имеют отношение к теме, а вот договор, подписанный Алексеем с Сулейманом ибн Кутлумишем в 1081 г. на р. Дракон, по которому Византия признала существование нового государства ар-Рум (Рим!) имеет. Его в тексте нет (см. ниже). Каков был статус Алексея в 1078 г.? По автору, «молодой стратиг византийской армии» (с. 40) и позже «великий domestik схол». Это было бы желательно уточнить. Есть печати.

Детально, насколько это возможно (с. 40–43), описываются битвы с мятежными Вриеннием при Каловарии и Василаки при р. Вардар (1078). Но был и мятеж Никифора Мелиссина, родственника Алексея, в Малой Азии, объявившего себя вассалом ромеев⁹.

После описания деяний Алексея на Балканах автор переходит к описанию же норманнской экспансии в Южной Италии и на Балканах (с. 46–61), благо ему в этом предшествовал все тот же Ф. Шаландон, хотя для ситуации в регионе накануне этих событий отсутствуют упоминания трудов В. фон Фалькенхаузен [43, р. 3–136]. Автор близок в изложении событий к Ф. Шаландону, ссылаясь на его труд [37]¹⁰. События здесь изложены дробно и подробно.

Очерки «Варяжская гвардия», «Харальд Гардрада», «Боевой путь варяжской гвардии после Харальда», «Армии немецких рыцарей и французских норманнов» (с. 61–73) имеют весьма косвенное отношение к внешней политике Алексея Комнина и даже к ее предпосылкам. К тому же здесь рассматривается лишь собственно вооружение, но не тактика боя и не состав армии как таковой. А главное – не удельный вес этих подразделений в византийской армии. Что касается самой армии (с. 73–111), то упрек автора в адрес Дж. Битнкермайера безоснователен, так как до сих пор нет сколь-нибудь внятной информации о ее структуре в конце XI – XII вв. Это предельно ясно демонстрирует сам автор, собрав информацию о западных наемниках в византийской армии, рассуждая о вооружении греков и франков, но ни слова не говоря о структуре армии Комнинов, так как данных об этом практически нет. Судя

⁷ Информации Анны Комниной о том, что Диоген возвел Филарета в сан domestika (с. 190) нельзя доверять. О его статусе в 1071 г. см.: [39, р. 68].

⁸ *Cursus honorum* Филарета после 1071 г. [40, р. 424–425].

⁹ Но стратигом Вифинии (с. 133) он не был.

¹⁰ Но вряд ли Амальфи был вассалом лично Михаила VII Дуки, но не Византийской империи (с. 53).

по контексту работы, основой византийской армии в данный период автор считает варяжскую гвардию, тогда как рядом имели место быть «прочие подразделения византийской армии» (с. 94–111). При этом рассказ о норманнской гвардии никак не связан с основной темой работы, в частности, описание походов на Каспий. Здесь также присутствует незнание ситуации. Так, цитирую: «В 1034 г. варяги участвовали в подавлении в Армении мятежа Адама Севастийского, сына последнего царя Васпуракана» (с. 77). Не было такого! Если он сын Сенекерима, то царь переселился в Каппадокию с сыновьями Давидом, Атомом, Абусахлом и Константином в 1021 г., получив в удел Севастию и пост стратига Каппадокии. Старший сын Давид позже участвовал в заговоре Ксифия, выдал его Василию II, получил владения в Малой Азии, которые после его смерти унаследовал экс-царь Ани Гагик II, женившись на его дочери [20, с. 85; 27]. Брак противоречил всем церковным канонам, но был заключен по воле императора. Судьбы и статус остальных братьев более или менее известны по «Хронографии» Матэоса Урхайеци и по моливдовулам [41]. Таким образом, если мятеж имел место, то не в Армении. А Адам Севастийский – сугубо изобретение автора, как и роль в битве при Абидосе против мятежного Варды Фоки «русско-варяжской армии императора во главе с Киевским князем Владимиром»!!! (с. 77). При подобных «открытиях» были бы желательны ссылки на источники сей информации.

Биография Харальда Гардрода и судьбы варяжской дружины после него вряд ли имеют отношение к стратегии Алексея Комнина, даже в качестве одной из ее предпосылок (с. 79). При этом подробно описанный поход варягов в Прикаспии вряд ли имеет хоть какое-то отношение к истории Византии. Утверждение автора о том, что на обратном пути они приняли участие в борьбе ставленника Византии Липарита Багваши против царя Грузии Баграта IV (с. 88) не подтверждается источником [16, с. 156]¹¹. Красота матери Баграта царицы Мариам Арцруни, дочери экс-царя Васпуракана Сенекерима, восхитившая автора, вероятна. Хотя к этому времени она явно приближалась к пенсионному возрасту (с. 88).

Обширный экскурс в X в., в частности, о походе Оттона II на Калабрию, вновь никак не связан с заявленной проблематикой работы (с. 96–98). Из всего вышеизложенного автором ясно, что «варанги» в составе армии Алексея Комнина были и что этнический состав дружины несколько изменился. Скандинавов все более вытесняли англосаксы, особенно после Босворта. Были и немцы, но как наемники, что общеизвестно. Но являлись ли основой византийской армии в данный период? Рыцари приезжали самостоятельно или были присланы, как, например, графом Фландрии Робертом в 1089/90 г.

¹¹ «Прибыли три тысячи варангов». При этом вопрос о том, откуда они прибыли и на чьей стороне сражались все еще дискусионен [16, с. 176, прим. 223].

Информация о «прочих подразделениях византийской армии»¹², исключая западных наемников, все еще смутна и неопределенна. Собственно византийские контингенты явно имели место быть. Существование фемы Диррахий подразумевало и наличие фемных контингентов в 80-е гг. XI в. По мнению автора, то могла быть тяжелая конница – катафракты, появление которой он возводит к временам Антиоха Великого, Траяна и понтийских скифов (с. 99). Упоминается и знаменитая армянская азатская конница, дожившая до XI в. Известно, что Сенекерим Арцруни увел ее в свои новые владения в Малой Азии¹³, но стала ли она частью византийской армии – неизвестно и маловероятно, так как княжество Арцруни погибает под ударами сельджуков в 70–80-х гг. XI в.

Рецензент с радостью присоединился бы к постулируемым автором «профессиональным дружинам знатных сеньеров», точнее этериям представителей клана Комнинов как части армии Алексея Комнина, если бы о них была бы внятная информация. А ее нет¹³¹⁴. Далее «при наличии отсутствия» все той же информации о «прочих подразделениях» автор, упоминая военную реформу Никифора Фоки, вновь обращается к эволюции византийского доспеха (с. 101–111)¹⁴¹⁵.

В это время после долгого перерыва в византийской армии начинают появляться контингенты вассалов. Так, в Девольском договоре 1108 г. Алексей называет Рубенидов Киликии – Льва и Феодора Рупениев – «рабами нашей царственности» [4, с. 369]. Участвовали ли их военные отряды в походах императора в данный период – неизвестно. Хотя упоминаются контингенты их соседей и противников Ошанидов – Хетумидов Ламбрана в Киликии, о чем ниже.

Собственно, после долгого введения, сама тема начинается на с. 111 «Война с норманнами». Вряд ли Алексей был «выбран солдатами в императоры». За его спиной стояли совершенно иные силы – часть расколотой византийской элиты, те же Дуки, Далассины, Палеологи и пр. Расколотой, так как часть ее поддержала стоявшего на азиатском берегу Босфора с армией мятежного Никифора Мелиссина, уже провозгласившего себя императором и готовившегося к штурму столицы. Известны его печати в этом качестве [28]. Алексей его опередил. К тому же, Никифор был женат на сестре Алексея Евдокии. Это осложняло положение. Родственники были вынуждены договариваться. Речь шла даже о разделе империи, о чем они договорились лишь частично – Мелиссин получил Фессалонику.

¹² Здесь желательна унификация написания имен. Найкл – Николль, Николь. Сасун, но не Сассун. Торник, но не Торниг (с. 95–96).

¹³ Это имело место и позже, после аннексии Ширак-Анийского царства. См.: [20, с. 83].

¹⁴ Косвенно в пользу их существования, казалось бы, свидетельствует Анна Комнина. После победы при Хировакхах над печенегами Алексей вернулся в столицу. Накануне «из Константинополя вслед за Палеологом (опоздавшим к сражению – В.С.) устремилось множество родственников и близких императора. Они торопились, как им казалось, выполнить договор и явиться к самодержцу» [4, с. 230].

¹⁵ Илл. на с. 110 – иконка со св. Георгием в рост из Ватопеда сделана не из кости, но из традиционного для мелкой пластики стеатита [См.: 44, с. 101–102].

Авторский панегирик Марии Аланской-Грузинской как жене двух императоров, матери наследника престола Константина Багрянородного и просто красавице имеет право на существование (с. 112–113), но опять же к стратегии Алексея имеет весьма косвенное отношение. Эрудицию автора можно только приветствовать, читая развернутое сравнение Марии с Амагой и Тигратао, с соответствующей библиографией на пол-листа и греческим фрагментом из «Алексиады» (с. 113–115). На второй план уходит главное – императрица поддержала переворот при гарантии передачи власти сыну, обрученному с Анной Комниной. Сыновей у Алексея тогда еще не было.

Повод для норманнской экспансии на Балканах был известен и современникам. Не располагая достаточными военными силами, Алексей заключил союз с Венецией, никогда не желавшей видеть оба берега Адриатики в составе одного государства. Сведения о численности его армии традиционно предельно преувеличены. Здесь наибольший интерес представляет текст хрисовула Алексея 1088 г. Перечисленные здесь этносы и контингенты – остатки фемных ополчений, наемники и вассалы, если считать таковыми князья Рашки Бодина и Ламброна в Киликии Ошина¹⁶. Битва при Диррахии завершилась победой норманнов. При описании хода сражения автор традиционно воспел Гаиту, как он полагает, жену Роберта Гвискара, сравнивая ее с эпическими дамами средневековья от Брюнхильды до Максимо из «Дигениса Акрита» (с. 120–121).

Если, по мнению автора, источником Анны Комниной при описании битвы при Диррахии был кто-то из ее участников (с. 120)¹⁶, то вряд ли стоит оспаривать ее информацию о варягах, сражавшихся в пешем строю (с. 122–125). Дама ближе к описываемым событиям, нежели современный автор [Анализ сражения: 22, с. 169–175]. Отсутствие силы отчасти компенсировала дипломатия. Византийские послы были отправлены в Германию «к князьям и всем знатным людям кельтских стран» [4, с. 134].

Описывая продолжение компании, причины отъезда Гвискара в Италию, взятие Боэмундом Янины¹⁷, два поражения императора, автор полагает, что они были следствием превосходства норманнской конницы и катастрофических потерь личного состава византийской армии в предшествующий период (с. 132). Конечно же, это так. Но существенно большее значение имел развал старой фемной армии, страитотского ополчения, на смену которому шло нечто новое, пока еще не оформившееся. Как следствие, Алексей был вынужден опираться на наемников, немногих вассалов (Бодин, Ошин) и родственников. Описание военных действий на Балканах

¹⁶ В роду чередовались два имени – Хетум и Ошин. Поэтому определение статуса Ошина сомнительно, но сохранились печати антипата Хетума, севаста Хетума, сына Ошина [36, No. 114, 132, 133].

¹⁷ Кстати, один из них, вассал Гвискара Петр Алифа, стал основателем известного византийского рода Петралифов.

¹⁸ По-видимому, норманны оставались в городе достаточное время, чтобы восстановить стены и башни цитадели, одна из которых все еще называется башней Боэмунда [46, р. 20].

в 1081–1084 гг. на основании информации Анны Комниной прерывается рассказом о походе германского императора Генриха IV в Апулию, направленную против Гвискара. Предположение автора о контактах двух императоров и о синхронности их действий вероятно, но не доказуемо, как и вероятность перенесения военных действий Алексея против норманнов на территорию Италии (с. 135–142). Вернувшись в Константинополь, где-то в это время Алексей был вынужден подписать соглашение с Сельджукидом Сулейманом ибн Кутлумишем¹⁹. Автор приводит информацию Анны Комниной о 7000 всадников, посланных султаном василевсу. Но это отнюдь не главное. Далее она, несколько искажая реальную ситуацию, пишет «После того, как Алексей ... изгнал турок из Дамалиса и из соседних прибрежных земель, он, за добрив врагов дарами, принудил их заключить мир и установил для них границу по р. Дракон. Он убедил турок не переходить эту реку и не вступать в пределы Вифинии» [4, с. 138]. За добрил и принудил! Соглашение это имело колоссальное значение, так как фактически означало признание утраты Византией Малой Азии, образования Румского султаната и устанавливало границу между ними по р. Дракон (июнь 1081 г.). Вряд ли, вопреки мнению автора, император и султан были союзниками (с. 133). Первый нуждался в безопасности восточных границ для борьбы с норманнами на Балканах, второй, соответственно, – западных границ для экспансии на востоке (последующий захват Антиохии в 1085 г.) [Об этом пишет и сама Анна: 4, с. 189]. Сельджукские контингенты отныне императору поставлял султан...

Вряд ли можно согласиться с авторской трактовкой восточной политики Византии после 1081 г. Массового использования сельджукских контингентов на Балканах не было, как не было и сельджукских ханов (с. 134). Тюрки привлекались эпизодически и роль их сокращалась по мере формирования армии Рума, занятой по преимуществу на востоке, как минимум вплоть до гибели Сулеймана при Алеппо в 1086 г. Временные союзы с сельджукскими эмирами в период распада Рума (1085–1093) и позже не были чем-то экстраординарным. Союзники были временными, а отвоевание Малой Азии и возвращение ее в состав империи – неизменной целью всей восточной политики Византии вплоть до Мириокефала (1178). Анна пишет, что целью василевса было сделать западной границей империи Адриатическое море, а восточной – Евфрат и Тигр [4, с. 196]. Идеология данной политики – ойкуменическая доктрина – наиболее ярко проявилась в Девольском договоре Алексея с Бозмундом в 1108 г. Василевс распоряжается судьбами давно утраченных территорий Сирии и Месопотамии так, как будто бы они в данный момент все еще принадлежат империи [24, с. 53–63]

Приписываемое Сулейману стремление завоевать Константинополь маловероятно. Султанат расширялся на юг за счет Сирии и Месопотамии. Показательно, что преемник Сулеймана Килич Арслан I в 1107 г. погиб в Джазире в битве при р. Хабур, а ранее появление крестоносцев у стен его столицы Никеи застало его

¹⁹ Но не Сулейманом Кутлумишем, как у автора. Кутлумиш был двоюродным братом Мелик шаха и отцом Сулеймана.

далеко на юге, осаждающим Мелитену. Как следствие, предположение автора о том, что, если бы Алексей Комнин мог не опасаться за северные и восточные границы империи, он смог бы отвоевать у норманнов бывшие византийские владения в Италии, невероятно, так как претензии на Италию имела и Германская империя (с. 142). Так что угрозы с востока не было, как не было и «смертельной угрозы нападения сельджуков на Константинополь в 1085 г.» (с. 143)²⁰. Более того, сама Византия дважды использовала распад Рума в 1085–1093 гг. и после 1107 г. для возвращения малоазийских территорий, не говоря уже об использовании с этой целью ополчений крестоносцев в 1097–1099 гг., о чем и пишет Анна Комнина [4, с. 191–201]²¹.

Что касается сельджукской армии, то относительно ее вооружения и тактики существуют зачастую противоположные мнения [9, с. 131–147]. Судя по описанию современника и участника событий Абу-л-Фазла Бейхаки, в 1040 г. у сельджуков преобладала легкая кавалерия. Была ли у них тогда «профессиональная тяжеловооруженная конная дружина», вопрос предельно спорный. В данный период это – племенной союз с соответствующими атрибутами. В частности, вместе с воинами перемещались и их семьи [1, с. 713]. Эволюция военной структуры и тактики имела место в 30–50-х гг. XI в. Так, Абу-л-Фазл пишет, что уже перед Данданаканом (1040) сельджукская армия приготовилась к бою «по обычаю царей» [1, с. 700], тогда как защитное вооружение было еще достаточно редким. Он отмечает, что 500 гулямов из охраны султана Масуда Газневи были «все в кольчугах» [1, с. 700–701]. Были гулямы и у Сельджуков [1, с. 715].

В целом, к 1071 г. в процессе завоевания Передней Азии сельджукское кочевое ополчение конечно же претерпело существенные изменения под влиянием иранской традиции. При Манцикерте это была уже новая армия, хотя иррегулярное кочевое ополчение продолжало существовать (та же армия Рума). Автор рассматривает вооружение печенегов и половцев как варианты сельджукского, иллюстрируя это погребальными комплексами знати (с. 143–149). Но был ли весь набор этого вооружения у рядовых кочевников?

«Война с сельджуками» (с. 149–157) сводится к пересказу информации Анны Комниной о событиях в Малой Азии (история эмира Смирны Чахи²²). Затем автор

²⁰ Оставленный султаном накануне начала военных действий в Сирии в качестве регента в Никее Абул Касим после гибели султана, т.е. после 1086 г., стал независимым. Рум распался на враждующие эмираты. Тогда-то его отряды и «попустошали всю Вифинию и доходили до самой Пропонтиды» (с. 192). Об осаде Константинополя речи не шло. Тем более, что в Малую Азию вторглись войска Великого Сельджукида Мелик шаха, что еще более усугубило ситуацию в регионе в 1086–1092 гг. [4, с. 192–201].

²¹ Алексей продолжил традиционную политику «воевать с варварами руками варваров» – «Когда два врага Ромейской державы боролись друг с другом, нужно было оказать помощь более слабому, но не с целью увеличить его силы, а чтобы дать ему возможность отразить врага... Ведь в свое время границами Ромейской державы были столбы, которые обозначали наши границы на востоке и западе. Западные назывались Геракловыми, а восточные, находясь где-то у индийской границы, Дионисовыми» и далее [4, с. 195–196].

²² Который, вопреки мнению автора, не был атабеком (с. 178). Об атабеках см.: [8, с. 181–196].

кратко рассказывает о распаде султаната Великих Сельджукидов, последующих междоусобицах наследников Мелик шаха (с. 154–155) и предельно конспективно сообщает о борьбе империи с султанатом вплоть до 1116 г. (с. 156–157), вновь возвращаясь на Балканы, где начались печенежские вторжения. Далее следует рассказ о том, кто же такие печенеги, со ссылкой на Константина VII (а не VIII) Багрянородного и пр. (с. 159–161).

Не может не вызвать удивления утверждение автора о том, что «после 1018 г. (падение Охриды, тогда – столицы Болгарии – *В.С.*) печенеги были отделены от Константинополя лишь выжженной пустыней и грудями развалин, в которые Василий II превратил болгарские фемы» (с. 158). Здесь ошибочно всё. После завоевания Болгарии император создал на ее территории византийские фемы. Болгарских фем здесь не было и быть не могло! От Константинополя печенегов отделяли вновь созданные фемы, в частности фема Паристрион – Парадунавис с ее контингентами²³. Сами же печенежские и половецкие набеги на Подунавье были предельно детально исследованы И. Божиловым [7, с. 174–189]. При оценке последствий поражения византийских фемных контингентов от печенегов в 1086 г. было бы желательно все же следовать мнению специалиста, в данном случае А. С. Мохова, но не писать о «настоящей катастрофе для византийской западной армии».

Далее на с. 161–171, преимущественно на основании информации Анны Комниной, идет рассказ о печенежских вторжениях на Балканы, плавно переходящий в рассказ о том, кто же такие половцы, и вновь возвращающийся к хронологии печенежских набегов²⁴, а затем к событиям в Малой Азии (с. 177) («Кольцо вокруг Константинополя неуклонно сжималось») и вновь теперь уже к половецким набегам на Балканы (с. 179–183). Уничтожение византийцами «без ведома императора» печенежской орды вызывает у автора ассоциации с НКВД – КГБ и айнзацкомандами Третьего Рейха, хотя существеннее здесь утверждение Анны Комниной о том, что Алексей был якобы не причастен к этому, что крайне сомнительно (с. 182).

Относительная нормализация ситуации на Балканах столкнула Византию с формирующимся сербским государством Константина Бодина. Византия победила, что лишь на время приостановило объединение сербских земель. Вновь по «Алексиаде» подробно рассказывается о появлении Лже-Константина Диогена I, ставшего поводом для возобновления половецких набегов на Балканы (с. 185–187), затем Лже-Константина Диогена II, опиравшегося на контингенты киевского князя Владимира Мономаха (с. 187–190), выдавшего за самозванца дочь [Попытка разобраться: 29, с. 169–175]. Далее автор обращается к Тмутараканской проблеме, предельно второстепенной в данный период (с. 188–190). Автор оперирует историографией

²³ [15, с. 250–288]. В плане административного устройства завоеванных территорий работа несколько устарела. Но см. [7, с. 81–190; 12].

²⁴ С неизбежными отступлениями и этюдами, коим место в примечаниях, но не в основном тексте («отроки» и их происхождение – с. 176)

конца XIX в., хотя есть и недавние работы²⁵. Но в целом можно согласиться с ним в том, что Анна Комнина «не уделила серьезного внимания отношениям с Русью по причине затухания этих отношений в период правления ее отца» (с. 191).

Вопреки тому, что автор ранее решил воздержаться «от пересказа ... отношений Алексея Комнина с крестоносцами, исследованных Ф. Шаландоном и С. Рэнсименом» (с. 8), данной проблеме все же посвящен очерк в 20 страниц (с. 193–213). Речь идет о предпосылках похода, ситуации на западе и на востоке, отношениях императора и папы (с. 193–199), прибытии участников похода к стенам Константинополя (с. 199–201) с обширным экскурсом о доспехах рыцарей и греков (с. 201–203). Сообщая, что «Алексей сумел заставить всех предводителей крестоносцев принести оммаж» (с. 203), автор не совсем точен. Раймунд Сен Жилль категорически отказался сделать это и не подписал т.н. Константинопольское соглашение с императором²⁶. Текст его известен нам фрагментарно. Гийом Тирский пишет: «Среди прочих статей стояло следующее условие: если удастся с Божьей помощью овладеть одним из городов, принадлежавших прежде империи по всей их дороге до Сирии, то такой город с прилегающей областью должен быть возвращен императору, а вся добыча и прочее имущество жителей отданы без всяких препятствий войску в виде награды за труды и как уплата за издержки». Это подтверждают и Анна Комнина [4, с. 287, 317] и Маттэос Урхайеци [35, с. 165]. Византийцы смогли опередить рыцарей при взятии Никеи, позже получили ряд городов Киликии, на чем их сотрудничество и закончилось, в чем обе стороны обвиняли друг друга. Но параллельно византийские армии Иоанна Дуки и самого императора по следам крестоносцев смогли вернуть города побережья Эгейды и появились у границ Киликии. Завершив поход взятием Антиохии, автор переходит к описанию войны императора со ставшим фактически князем города Боэмундом (с. 214–215). В 1100 г. князь попал в плен под Мелитеной²⁷, отчасти спровоцировав крестовый поход 1101 г. [48]. Был выкуплен. При Харране

²⁵ [5, с. 28–31; 50, р. 311–336]. Что до истории Феофано Музалон, то русско-византийские матримониальные связи этого периода в известной степени есть плоды трудов российских историков XIX в. и часто не находят подтверждения в византийских источниках. Так, П. П. Толочко писал, что во время пребывания византийского посольства в Киеве «произошли помолвка мономаховой внучки Доброеи с сыном императора Алексея» (1116). А при Иоанне II «русско-византийские отношения еще более улучшились. В 1122 г. они скрепились браком дочери Мстислава с самим императором» [19, с. 105]. Это один из немногих случаев, когда ПВЛ нельзя доверять. О существовании Пирошки – Ирины Венгерской автор не знал... Все эти воззрения позже радикально пересмотрел А. П. Каздан, показав недостоверность значительной их части [45, р. 129–141].

²⁶ Автор вспомнил об этом на с. 210, рассказывая кто такие амальфитяне и пизанцы (с. 211–213).

²⁷ Описание пленения Боэмунда всецело ошибочно и несколько фольклорно. Мелитеной в это время владел армянин Гавриил, ранее связанный с Филаретом Врахамием. В отличие от последнего, он получил инвеституру на город от Мелик шаха, но, будучи осажден в стенах города Меликом Гази Данышмендом, призвал Боэмунда и предложил ему Мелитену. У стен города князь попал в плен и был заключен в Неокесарии (1100). К Мелитене был направлен отряд Бодуэна Фландрского, тогда еще графа Эдессы, преемник которого женился немногим позже на дочери Гавриила Морфии. Но удержать город не удалось. О статусе Гавриила см.: [47, Nos. 107, 108].

(1104) войска крестоносцев потерпели поражение от атабека Мосуда (не эмира!) и Артукида Джазиры. Далее подробно рассказывается о войне Боэмунда с Алексеем Комнином на Балканах с неизбежным экскурсом о происхождении одного из полководцев – Аспиета (с. 220–223). К сожалению, рассуждения автора об Аршакидах и прочих как его предках – сплошь недоразумение, т.к. существует статья В. Зайбта, ему неизвестная [49, S. 349–359].

Описание балканской кампании Алексея детально, вплоть до его взаимоотношений с супругой Ириной (с. 224), Девольского договора 1108 г., смерти Боэмунда, событий на востоке, в частности, борьбы потомков Сен Жилля за не завоеванный еще Триполи²⁸. Раздел «Был ли Алексей Комнин унитом?» интересен уже тем, что показывает как заинтересованность Византии в военной помощи Запада вынуждала ее вновь и вновь возвращаться к проблеме схизмы 1054 г., обещая папству новую унию церквей, реализованную лишь отчасти в XIII в. (с. 230–235). Совершенно изолирована от основной проблематики работы глава «Анна Комнина и Иоанн I Цимисхий» (с. 235–247), пожалуй, лучшая часть работы, хотя и не лишенная ошибок²⁹. Послание Цимисхия царю Армении Ашоту III не могло быть вывезено вместе с «царским архивом Багратидов ... из Ани в Константинополь после аннексии царства Багратидов Византийской империей в 1045 г.» (с. 244). Здесь все и проще, и сложнее. В армянской историографии после смерти автора той или иной хроники ее продолжали его последователи. В 1975 г. Л. С. Хачикян издал крайне интересные летописные фрагменты, текстуально совпадающие с соответствующими страницами «Хронографии» Маттэоса Урхайеци. Оказалось, что это фрагменты не дошедшей до нас или, точнее, дошедшей в составе «Хронографии» Урхайеци хроники ранее известного только по упоминаниям Акопа Санаинеци – настоятеля Санаина, умершего в эмиграции в Эдессе в 1085 г., о чем пишет и сам Маттэос. Как следствие, Урхайеци лишь продолжил работу Акопа Санаинеци, как позже его работу продолжил Григор Ереци. Документы из архива Багратидов включены в состав хроники Санаинеци, в том числе и послание Цимисхия [32, с. 17–19]. Обширный пассаж о манихеях, как кажется, вновь не имеет отношения к теме повествования. Последние годы правления Алексея Комнина оказались за пределами работы, причины чего нам неизвестны.

Изложенное в книге позволило Ю. А. Митрофанову прийти к выводу, что стратегия Алексея – это «доведенный до совершенства опыт сочетания традиционного мастерства византийской дипломатии и формирований армии нового типа» (с. 251). Относительно первого возражений быть не может. Что до второго, то чем автор аргументирует создание армии нового типа? 1) «Заимствование некоторых обобщенных принципов западноевропейского военного искусства». 2) Ставка на развитие

²⁸ При этом Бертран не «начал завоевание Триполи». Начал его Сен Жилль, умерший в Мон Пелерине у стен осажденного города.

²⁹ При перечислении городов, захваченных императором во время сирийского похода 971 г., остался не расшифрованным Мемпеце. Это – Мембидж.

наемных дружин. «С этой точки зрения армия Алексея Комнина в большей степени напоминала по своей структуре и организации профессиональные структуры буккелариев, бывших основой византийской армии при Юстиниане I [Но см.: 11], чем массовые армии из стратиотов и акритов ... VIII–X вв.». 3) Фока и Цимисхий «попытались создать отдельные профессиональные подразделения постоянной готовности – тяжеловооруженную конницу катафрактосов и корпус «бессмертных», ориентируясь на опыт хорасанской тяжелой конницы и гулямов Аббасидского халифата». 4) «Василий II не сумел или не успел повести структурные реформы в армии, которые позволили бы полностью отказаться от стратиотского ополчения, которое в действительности было серьезным тормозом на пути развития византийской военной организации и полностью перевести армию на профессиональную основу» (с. 253). Все это постулируется, но не доказывается, как, например, что есть «русско-скандинавский вариант византийской военной культуры». Не любит автор стратиотское ополчение, полагая, что причиной «военной деградации Византии явился низкий профессионализм стратиотов, солдатской массы вчерашних крестьян, в которой тонули небольшие профессиональные части, такие как варяжская гвардия, этерия (это что? – В.С.), «маниакаты» или личные дружины тех или иных знатных землевладельцев» (с. 254). Возникает вопрос, а с кем же побеждали Фока и Цимисхий? С наемниками? Они, в известной степени, стали заметны в византийской армии при Василии II, но не они завоевывали Болгарию, а стратиотские ополчения преимущественно восточных фем. По мнению А. С. Мохова, «с самого начала истории фем Харсианон, Колония, Каппадокия, Ликанд, Халдия основой их военного потенциала являлись регулярные войска» [18]. Как следствие, первый вывод автора – «массовое привлечение англосаксонских наемников в варяжскую гвардию, в меньшей степени – привлечение франкских рыцарей, печенегов, сельджуков и отчасти половцев, также привлечение участников Первого крестового похода дало кратковременный позитивный эффект» (с. 256). Далее – отказ от сотрудничества «с Русью не позволил ему возродить варяго-русскую дружину Василия II на базе варяжской гвардии после потерь, понесенных ею под Диррахием... не позволили императору организовать вооруженные силы Византийской империи на основе русско-скандинавской воинской корпорации, спаянной общим территориально-политическим происхождением и общей дружинной культурой...» (с. 256). Здесь возникает вопрос – а собирался ли император все это делать? На что опирается эта гипотеза? И вывод – «разношерстная воинская структура, сотканная усилиями Алексея Комнина, могла принести империи ситуационную пользу, но она была не в состоянии обеспечить ей стратегическую безопасность». «Император Алексей видел место Византии в сообществе дружественных латинских государств, которые, исходя из византийской политической теории, должны были признать себя федератами империи». Вывод о том, что «попытки в полной мере реализовать эту стратегию подорвали экономический потенциал и военную мощь византийской империи в царствование Мануила I» общепризнан. Второй вывод полностью повторяет первый – «Алексей Комнин ...

понимал, что реставрация Византийской империи как великой державы ... возможны только при наличии прочных союзнических отношений с латинянами, с Западной Европой» (с. 257). И это все.

Эрудиция автора несомненна. Мысль его охватывает все историческое пространство от Антиоха Великого до Кретьена де Труа. Но в данном случае он явно не в теме. Отсюда и нелогичная композиция работы, фактические ошибки, многочисленные отступления в частные вопросы и отсутствие внятного вывода относительно стратегии Алексея Комнина как императора и полководца. В принципе, здесь явно не стоило повторять пройденное, хотя бы после Ф. Шаландона, так как идея реставрации власти империи от Италии до Месопотамии оставалась актуальной вплоть до 1204 г., что общеизвестно³⁰. Иное дело, что для этого не было ни малейших оснований – ни социально-экономических, ни политических. Структура византийской армии так и осталась не раскрытой, и понятно почему. Социально-экономические процессы проигнорированы, переформатирование элиты – тоже.

Возможно, автору удалось бы избежать многих ошибок, если бы его труд подвергся тщательному научному редактированию. Имело ли это место быть и читали ли его оба редактора, то нам неизвестно. По-видимому, все же нет. Можно согласиться с А. Ю. Митрофановым в том, что в «последние десятилетия в состоянии полной деградации пребывает в современной России культура научной полемики» (с. 190). Как ни печально, это относится и к качеству последних работ по истории Византии, византийско-русских и русско-византийских отношений, рождаемых из ничего и издаваемых в последнее время во все большем количестве. В заключение остается привести афоризм Козьмы Пруткова – «Никто не обнимет необъятного» [23, с. 159]. Это как раз тот случай. Как следствие, это не научная монография. Причислять данный труд к научно-популярной литературе также вряд ли возможно. Повторим еще раз – автор не в теме.

³⁰ Ярчайший пример тому – послание Иоанна II в Рим. Основываясь на теории двух мечей – светском и духовном, император мечтал омыть меч в водах Евфрата и восстановить единство империи и церкви [38, Vol. II, p. 163].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абу-л-Фазл Бейхаки. История Масуда (1030–1041) / Пер. с персидского, введ., комм. и прил. А.К. Арендса. М.: Наука, 1969.
2. Агаджанов С.Г. Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв. М.: Наука, 1991.
3. Алексеенко Н.А. Печать паниперсестава Алексея Враны-Комнина из византийского Херсонеса // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 537–546.
4. Анна Комнина. Алексиада / Вступ. ст., пер. и комм. Я.Н. Любарского. СПб.: Алетейя, 1996.
5. Алфьоров О. Печатка Михаїла, архонта і дуки Матрахи і всієї Хазарії з колекції О. Шереметьєва // Sphragistic Meridian. Київ – Корсунь – Константинополь. Міжнародний коллоквиум по руско-византийській сфрагистикі. Київ, 13–16 вересня 2013 г. Київ, Севастополь, 2013. С. 28–31.
6. Антокольская Н. Печати Анны Далассиной в собрании Эрмитажа // ПС. 1971. Вып. 23. С. 58–62.
7. Божилев И. Добруджа – византийская провинция // История на Добруджа. Т. 2: Средневековие. Велико Тырново, 2004. С. 81–190.
8. Гусейнов Р.А. Институт атабеков // ПС. 1966. Вып. 15. С. 181–196.
9. Гусейнов Р.А. Сельджукская военная организация // ПС. 1970. Вып. 17. С. 131–147.
10. Гусейнов Р.А. Из истории отношений Византии с сельджуками (по сирийским источникам) // ПС. 1971. Вып. 23. С. 156–167.
11. Глушанин Е.П. Военная знать ранней Византии. Барнаул: Алтайское книжное изд-во, 1991.
12. Йорданов И. Печати на византийската администрация в България (971–1118). Шумен, 2019.
13. История Византии: в 3-х т. / Отв. ред. С.Д. Сказкин. М.: Наука, 1967. Т. 2.
14. Каждан А.П. Загадка Комнинов // ВВ. 1964. XXV. С. 53–98.
15. Литаврин Г.Г. Византия и Болгария в XI–XII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
16. Матиане Картелиса / Пер. и комм. М.Д. Лордкипанидзе // Картелис Цховреба (История Грузии) / Ред. Р. Метревели. Тбилиси: Артануджи, 2008.
17. Митрофанов А.Ю. Император Алексей I Комнин и его стратегия. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской Духовной Академии, 2020.
18. Мохов А.С. Византийская армия в середине VIII – середине IX вв.: развитие военно-административных структур. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2013.
19. Толочко П.П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев: Наукова думка, 1987.
20. Повествование вардапета Аристакеса Ластивертци / Пер. с древнеармянского, вступ. ст., комм. и прил. К.Н. Юзбашьяна. М.: Наука, 1968.
21. Садр ад-Дин Али ал-Хусайни. Ахбар ад-Даулат ас-Сульджукийя / Издание текста, пер., введ., прим. и прил. З.М. Буниатова. М.: Наука, 1980.
22. Серен Е.А. Битва при Диррахии – ключ к балканской операции норманнов против Византии // АДСВ. 1999. Вып. 30. С. 169–175.
23. Сочинения Козьмы Прутков. М.: Правда, 1986.
24. Степаненко В.П. Мараш и графство Эдесское в Девольском договоре 1108 г. // ВВ. 1987. Вып. 48. С. 53–63.
25. Степаненко В.П. Византия и Крым в постфемный период (конец XI–XII вв.). К постановке проблемы // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 713–720.
26. Степаненко В.П. Политическая обстановка в Закавказье в первой половине XI в. // АДСВ. 1975. Вып. 11. С. 124–132.
27. Степаненко В.П. Еще раз о грузинском посольстве 1045 г. в Ани (К генеалогии и грузинских и армянских Багратидов и Арцрунидов Васпуракана) // АДСВ. 2003. Вып. 32. С. 265–274.
28. Степаненко В.П. Никифор Мелиссен, деспот и автократор Ромеев // Сфрагистика и история культуры. Сборник научных трудов, посвященный юбилею В.С. Шандровской. СПб., 2004. С. 78–91.
29. Степаненко В.П. «Города на Дунае» в контексте русско-византийских отношений X–XII вв. // Пътуванията в средновековна България. Велико Тырново, 2009. С. 169–175.
30. Шаландон Ф. Алексей Комнин. История правления. 1081–1118. СПб.: Евразия, 2017.

31. Чхайдзе В.Н. Византийская власть на Боспоре (последняя четверть XI – начало XIII вв.) // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 721–730.
32. Хачикян Л.С. Об одной уникальной рукописи Матенадарана // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974 г. М., 1975. С. 17–19.
33. Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. A general Survey of the Material and Spiritual Culture and History. London, 1968.
34. Cahen Cl. La premiere penetration turque en Asie Mineure // Byzantion. 1946–1948. XVIII. P. 5–67.
35. Armenia and the Crusades. Tenth and Twelfth Centuries. The Chronicle of Matthew of Edessa / Translated from Original Armenian with a Commentary and Introduction by A.E. Dostourian. Lanham, New York, London: University Press of America, 1993.
36. Spink auction 132. Byzantine seals from the collection of George Zacos. Part II. London, 25 may 1999.
37. Chalandon F. Histoire de la Domination normande in Italie et en Sicilie. T. 1. Paris, 1907.
38. Chalandon F. Les Comnene. Etudes sur l'Empire Byzantin au XI et au XII siecles. T. 1–2. Paris, 1900–1912.
39. Cheynet J.-Cl., Vannier J.-Fr. Etudes prosopographiques. Paris: Sorbonne, 1986.
40. Cheynet J.-Cl. Sceaux byzantins des musees d'Antioche et de Tarse // Travaux et Memoires. 1994. Vol. 12. P. 424–425.
41. Cheynet J.-Cl. De Tziliapert à Sébastè // Studies in Byzantine sigillography. 2006. Vol. 9. P. 213–226.
42. Ioannis Scylitzae. Synopsis historiarum / Rez. I. Thurm. Berolini, Novi Eboraci, 1973.
43. fon Falkenhausen V.I. Bizantini in Italia // Bizantini in Italia / A cura di G.P. Carratelli. Milano, 1982. С. 3–136.
44. Kalavrezou-Maxeiner I. Byzantine Icons in Steatite. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1985.
45. Kazdan A.P. Rus'-Byzantine Princely Marriages in the Eleventh and Twelfth Centuries // Harvard Ukrainian Studies. Cambridge, 1990. P. 129–141.
46. Konstantios D. The Castro of Ioannina. Athens, 2000.
47. Oikonomides N. Dated byzantine lead seals. Washington, 1986.
48. Runciman S. The Crusade of 1101 // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 1951. Bd. 1. S. 3–12.
49. Seibt W. Ἀρσακίδες / Arsakuni – Armenische Aristokraten in Byzantinischen Diensten // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 1994. T. 44. S. 349–359.
50. Zuckerman C. The End of Byzantine Rule in North-Eastern Pontus // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 311–336.

REFERENCES

1. Abu-l-Fazl Beikhaki. *Istoriia Masuda (1030–1041)*. Moscow, Nauka Publ., 1969.
2. Agadzhanov S.G. *Gosudarstvo Sel'dzhukidov i Sredniaia Aziia v XI–XII vv.* Moscow, Nauka Publ., 1991.
3. Alekseenko N.A. Pechat' panipersevasta Alekseia Vransy-Komnina iz vizantiiskogo Khersonesa. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2018, Vol. XXIII, pp. 537–546.
4. Anna Komnina. *Aleksyiada*. St-Petersburg, Aleteiia Publ., 1996.
5. Alf'orov O. Pechatka Mikhaïla, arkhonta i duki Matrakhi i vsiei Khazarii z kolektsii O. Sheremet'eva. *Sphragictic Meridian. Kiev – Korsun' – Konstantinopol'. Mezhdunarodnyi kollokvium po russko-vizantiiskoi sfragistike*, Kiev, Sevastopol, 2013, pp. 28–31.
6. Antokol'skaia N. Pechati Anny Dalassinói v sobranii Ermitazha. *Palestinskii sbornik*, 1971, Vol. 23, pp. 58–62.
7. Bozhilov I. Dobrudzha – vizantiiskaia provintsiiia. *Istoriia na Dobrudzha. T. 2: Srednovekovie*, Veliko Tyrnovo, 2004, pp. 81–190.
8. Guseinov R.A. Institut atabekov. *Palestinskii sbornik*, 1966, Vol. 15, pp. 181–196.
9. Guseinov R.A. Sel'dzhukskaia voennaia organizatsiia. *Palestinskii sbornik*, 1970, Vol. 17, pp. 131–147.
10. Guseinov R.A. Iz istorii otnoshenii Vizantii s sel'dzhukami (po siriiskim istochnikam). *Palestinskii sbornik*, 1971, Vol. 23, pp. 156–167.

11. Glushanin E.P. *Voennaia znat' rannei Vizantii*. Barnaul, Altaiskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1991.
12. Iordanov I. *Pechati na vizantiiskata administratsiia v B"lgariia (971–1118)*. Shumen, 2019.
13. Skazkin S.D. (Ed.), *Istoriia Vizantii*. T. 2. Moscow, Nauka Publ., 1967.
14. Kazhdan A.P. Zagadka Komninov. *Vizantiiskii vremennik*, 1964, XXV, pp. 53–98.
15. Litavrin G.G. *Vizantiia i Bolgariia v XI–XII vv.* Moscow, Akademiia nauk SSSR Publ., 1960.
16. Matiane Kartlisa. Metreveli R. (Ed.), *Kartlis Tskhovreba*, Tbilisi, Artanudji Publ., 2018.
17. Mitrofanov A.Iu. *Imperator Aleksei I Komnin i ego strategiia*. St-Petersburg, Sankt-Peterburgskaia Dukhovnaia Akademiia Publ., 2020.
18. Mokhov A.S. *Vizantiiskaia armiiia v seredine VIII – seredine IX vv.: razvitie voenno-administrativnykh struktur*. Ekaterinburg, Ural'skii universitet Publ., 2013.
19. Tolocho P.P. *Drevnaia Rus' Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1987.
20. *Povestvovanie vardapeta Aristakesa Lastivertsi*. Moscow, Nauka Publ., 1968.
21. Sadr ad-Din Ali al-Khusaini. *Akhbar ad-Daulat as-Sul'dzhukiiia*. Moscow, Nauka Publ., 1980.
22. Seren E.A. Bitva pri Dirrakhii – kluch k balkanskoj operatsii normannov protiv Vizantii. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 1999, Vol. 30, pp. 169–175.
23. *Sochineniia Koz'my Prutkova*. Moscow, Pravda Publ., 1986.
24. Stepanenko V.P. Marash i grafstvo Edesskoe v Devol'skom dogovore 1108 g. *Vizantiiskii vremennik*, 1987, Vol. 48, pp. 53–63.
25. Stepanenko V.P. Vizantiia i Krym v postfemnyi period (konets XI–XII vv.). K postanovke problemy. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2018, Vol. XXIII, pp. 713–720.
26. Stepanenko V.P. Politicheskaiia obstanovka v Zakavkaz'e v pervoi polovine XI v. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 1975, Vol. 11, pp. 124–132.
27. Stepanenko V.P. Eshche raz o gruzinskom posol'stve 1045 g. v Ani (K genealogii i gruzinskikh i armianskikh Bagratidov i Artsrunidov Vaspurakana). *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 2003, Vol. 32, pp. 265–274.
28. Stepanenko V.P. Nikifor Melissen, despot i avtokrator Romeev. *Sfragistika i istoriia kul'tury. Sbornik nauchnykh trudov, posviashchennyi iubileiu V.S. Shandrovskoi*, St-Petersburg, 2004, pp. 78–91.
29. Stepanenko V.P. «Goroda na Dunae» v kontekste russko-vizantiiskikh otnoshenii X–XII vv. *P"tuvaniata v srednoviekovna B"lgariia, Veliko T"rnovo*, 2009, pp. 169–175.
30. Shalandon F. *Aleksei Komnin. Istoriia pravleniia. 1081–1118*. St-Petersburg, Evraziia Publ., 2017.
31. Chkhaidze V.N. Vizantiiskaia vlast' na Bospore (posledniaia chetvert' XI – nachalo XIII vv.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2018, Vol. XXIII, pp. 721–730.
32. Khachikian L.S. Ob odnoi unikal'noi rukopisi Matenadarana. *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia. Ezhegodnik 1974 g.* Moscow, 1975, pp. 17–19.
33. Cahen Cl. *Pre-Ottoman Turkey. A general Survey of the Material and Spiritual Culture and History*. London, 1968.
34. Cahen Cl. La premiere penetration turque en Asie Mineure. *Byzantion*, 1946–1948, XVIII, pp. 5–67.
35. *Armenia and the Crusades. Tenth and Twelfth Centuries. The Chronicle of Matthew of Edessa*. Lanham, New York, London, University Press of America, 1993.
36. *Spink auction 132. Byzantine seals from the collection of George Zacos*. Part II. London, 25 may 1999.
37. Chalandon F. *Histoire de la Domination normande in Italie et en Sicilie*. T. 1. Paris, 1907.
38. Shalandon F. *Les Comnene. Etudes sur l'Empire Byzantin au XI et au XII siecles*. T. 1–2. Paris, 1900–1912.
39. Cheynet J.-Cl., Vannier J.-Fr. *Etudes prosopographiques*. Paris, Sorbonne Publ., 1986.
40. Cheynet J.-Cl. Sceaugh byzantins des musees d'Antioche et de Tarse. *Travaux et Memoires*, 1994, Vol. 12, pp. 424–425.
41. Cheynet J.-Cl. De Tziliapert à Sébastè. *Studies in Byzantine sigillography*, 2006, Vol. 9, pp. 213–226.
42. Ioannis Scylitzae. *Synopsis historiarum*. Berolini, Novi Eboraci, 1973.
43. fon Falkenhause V.I. Bizantini in Italia. *Bizantini in Italia*, Milano, 1982, pp. 3–136.

44. Kalavrezou-Maxeiner I. *Byzantine Icons in Steatite*. Wien, Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1985.
45. Kazdan A.P. Rus'-Byzantine Princely Marriages in the Eleventh and Twelfth Centuries. *Harvard Ukrainian Studies*, Cambridge, 1990, pp. 129–141.
46. Konstantios D. *The Castro of Ioannina*. Athens, 2000.
47. Oikonomides N. *Dated byzantine lead seals*. Washington, 1986.
48. Runciman S. The Crusade of 1101. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, 1951, Bd. 1, pp. 3–12.
49. Seibt W. Ἀρσακίδες / Arsakuni – Armenische Aristokraten in Byzantinischen Diensten. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, 1994, Bd. 44, pp. 349–359.
50. Zuckerman C. The End of Byzantine Rule in North-Eastern Pontus. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2017, Vol. XXII, pp. 311–336.

Информация об авторе

Степаненко В. П. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков департамента «Исторический факультет» Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета.

Information about the author

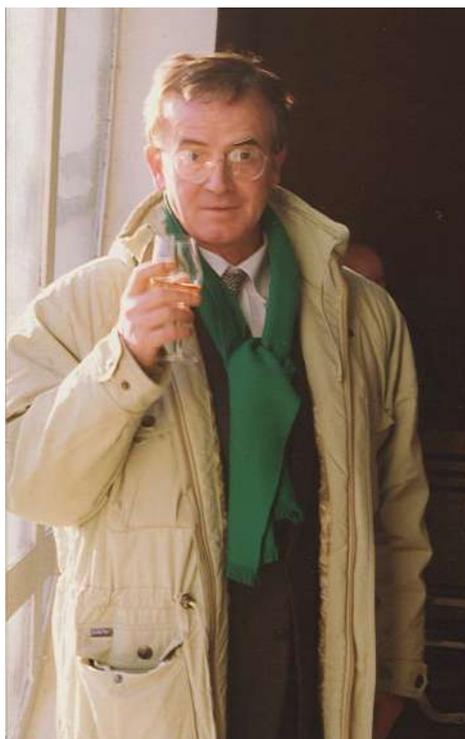
Stepanenko V. P. – Doctor of Science (History), Professor of Ancient and Mediaeval History Department of Ural Federal University.

MEMORIA

Кристиан Пиле (1942–2020). Памяти друга...

Christian Pilet (1942–2020). In memory of a friend...

Кристиан Пиле покинул нас 4 мая 2020 года. Ушел из жизни коллега и настоящий друг. Известный французский археолог всю жизнь работал в столице Нижней Нормандии (La Basse-Normandie) городе Кан (Caen). Он закончил местный университет. С 1979 г. был куратором в управлении исторических древностей Нижней Нормандии (Министерство культуры). В 1980 г. защитил докторскую диссертацию, посвященную галло-римскому и меровингскому некрополю Френувиль (Frénouville) и опубликовал ее в серии BAR (British Archaeological Reports). По конкурсу был зачислен научным сотрудником в CNRS в Центр средневековых археологических исследований Университета Кана (Centre de recherches archéologiques médiévales de l'université de Caen – CRAM), которым руководил в 1993–1998 гг. В 1994 г. в приложении к журналу «Галлия» (Gallia) он издал монографию о меровингском могильнике Сен-Мартен-де-Фонтене (Saint-Martin-de-Fontenay).

Кристиан Пиле всегда уделял большое внимание сохранению и популяризации найденных в результате раскопок вещей. Музей Нормандии обязан ему созданием своей первой крупной археологической экспозиции раннесредневекового периода, и с его помощью были спроектированы первые залы, посвященные этому времени. Он был организатором нескольких выдающихся международных выставок в Музее Нормандии: посвященной некрополю Жибервиль (1981 г.), «Аттила: дунайское влияние на западе Европы в V в.» (1990 г.), «Варвары и море» (1992 г.) и «Археология Черного моря» (1997 г.).

Кристиан Пиле инициировал подготовку первого крупного международного проекта с только что организованным Крымским отделением Института востоковедения (КОИВ). С ним меня познакомил в мае 1992 г. на конференции в Музее национальной археологии Сен-Жермэн-ан-Лэ (Saint-Germain-en-Laye)

Первые визиты в Крым.

1 – Железнодорожный вокзал г. Симферополя. Кристиан выходит из вагона поезда Киев–Симферополь, февраль 1993 г. (фото А. И. Айбабина); 2, 3 – участники конференции «Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее Средневековье» во время поездок в Херсонес (2) и на Мангуп (3), сентябрь 1994 г. (2 – слева направо: И. А. Баранов, К. Цукерман и К. Пиле; 3 – Кристиан и Жаклин; фото А. Г. Герцена)

Так за круглым столом рождаются научные проекты. Кан, Нижняя Нормандия, 1995 г. Слева направо: А. И. Айбабин, К. Пиле и М. Казанский (фото Ж. Пиле-Лемьер)

близ Парижа Михаил Казанский. В тот период Кристиан подготовил к экспонированию в Музее Нормандии находок из разрушенного в 1876 г. в коммуне Эран в Нижней Нормандии богатого женского захоронения эпохи Великого переселения народов. Он заинтересовался сходством вещей первой половины V в. из Эрана и Крыма и предложил мне подготовить международный проект СРАМ и КОИВ «Варвары на границах Империи». Уже в начале февраля 1993 г. Кристиан впервые приехал в Крым, а в марте того же года я посетил СРАМ для подписания договора. В 1994–1997 гг. совместная археологическая экспедиция проводила разведки с целью выяснения местонахождения некрополя эпохи Великого переселения народов в Нижней Нормандии близ села Эран (коммуна Мульт) и исследовала в Крыму могильник конца IV – XIII вв. у села Лучистое (Алуштинского горсовета). В Нормандии мы открыли первое поселение эпохи бронзы и римское сооружение. Настоящая сенсация нас порадовала в Лучистом. В присутствии Кристиана зачистили женское захоронение с украшениями, идентичными найденным в Эране. В 1997 г. по материалам этих раскопок была проведена выставка «Археология Черного моря. Крым в эпоху Великого переселения народов в IV–VIII вв.», вызвавшая большой интерес у зрителей.

Для крымчан, не менее научных результатов, были важны возникшая в лихолетье возможность оказаться, хоть и проездом, но в Париже, и погрузиться во французскую культуру и кухню, в дружелюбный менталитет провинции, почувствовать гостеприимство Кристиана и Жаклин, его жены и коллеги, в уютном средневековом доме на Rue Froide (улице Холода). Кристиан, будучи внуком французского художника, был знатоком живописи, сам собрал коллекцию

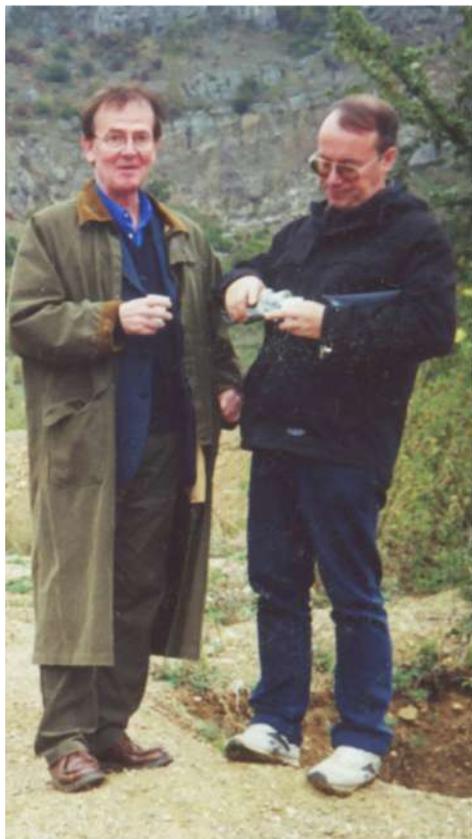
Париж, декабрь 2003 г. Дружеские посиделки «у турка».
Слева направо: Г. Ю. Ивакин, К. Пиле, А. И. Айбабин, К. Цукерман

картин, любил музыку. Мы с восторгом посещали нормандские музеи Байо-Татиссерри (Musée de la Tapisserie de Bayeux) и аббатство Мон-Сен-Мишель (Mont Saint-Michel), отметили юбилей высадки союзников в 1944 г. в Нормандии в посвященном этому событию музее.

В 1993 году зародилась наша дружба. В 1995 г. в Кан, когда я по глупости дождался перитонита и клинической смерти, Кристиан помог мне. Они с Жаклин после выписки из госпиталя забрали меня на Rue Froide и окружили заботой. Позже, в каждый мой визит в Париж, Кристиан обязательно приезжал из Кан, чтобы увидеться. Такие встречи всегда проходили по высшему разряду: Кристиан считал, что надо обязательно отобедать в дорогом ресторане с большими окнами с видом на Лувр (где, кстати, он читал лекции для экскурсоводов) или отметить «у турка» – небольшом ресторанчике, находившемся недалеко от Византийского центра, на улице Кардинала Лемуаня, в котором была великолепная турецкая кухня, полюбившаяся неугомонному французу во время его поездок в Крым через Стамбул.

Кристиан Пиле полюбил Крым и Россию. После завершения проекта продолжались взаимные поездки на конференции в Крым и Нормандию. Кристиан всегда живо интересовался тем, что происходит у нас. В 2014 г. постоянно звонил нам, пытался понять не из СМИ, а от очевидцев, что происходит и очень радовался вместе с нами возвращению Крыма в Россию.

А. И. Айбабин

По местам бывших открытий. Лучистое, октябрь 2000 г.
К. Пиле, А. И. Айбабин и Э. А. Хайрединова (фото А. Е. Катюшина)

В Крыму Кристиан стал героем фольклора. Его появление в Лучистом породило у местного населения удивительную легенду, которую поведал мне сельский пастух в 2002 г. Привожу дословно: «Это было еще при Советии. Приезжал к нам француз, в синем пиджаке. Ходил тут, ходил и зашел на Фуну. Подошел к стене и сказал «Отворите-ка мне этот камень!», а за этим камнем лежал портсигар. Золотой. С огромными камнями». И, сделав паузу, чтобы я оценила эффект сказанного, добавил: «И откуда этот француз знал о портсигаре?». Удивительно, что в памяти местных жителей так хорошо отпечатался образ французского археолога – действительно, во время работы совместной экспедиции в 1995–1997 гг. Кристиан появлялся на раскопе в своем синем джинсовом пиджаке. Все остальное – конечно же вымысел.

Кристиан был очень разносторонним человеком. Интересовался и хорошо разбирался в живописи. Стены их с Жаклин дома были увешаны картинами современных художников, которые Кристиан привозил из многочисленных поездок. Особое место занимали картины деда Кристиана, довольно известного в середине прошлого века в Нормандии художника. Показывая свою коллекцию, Кристиан выделял небольшой портрет обнаженной женщины, гордо говоря: «А это картина моего деда...», но изображена здесь не моя бабушка». Кристиан был меломаном и большим знатоком джаза. Вспоминаются их шуточные перепалки с Жаклин, большой любительницы оперы. Кристиан с усмешкой вспоминал их единственный совместный поход в оперу, после которого зарекся посещать мероприятия подобного рода, потому что на сцене в роли юной героини выступала типичная по тем временам оперная певица – совсем не молодая и с пышными формами.

Часто приезжая к нам, Кристиан начал изучать русский язык. Он уже хорошо, практически без акцента произносил «Спасибо», «Большое спасибо» и «На посошок», а однажды вообще поразил нас своими лингвистическими способностями. Проезжая мимо села Левадки, Кристиан, довольно легко читавший вывески и указатели на кирлице, задался вопросом: «Левадки – это от Ле водка?», соединив в географическом названии русское слово «водка» и французский артикль мужского рода «Le».

В Кристиане удивительным образом сочетались черты истинного аристократа и эдакого «высокого блондина в разных ботинках» (милого рассеянного человека, воплощенного в фильмах французским актером Пьером Ришаром). Так, в один из визитов к нам, Кристиан по-рассеяности (или недоумению – в его сознании Россия и Украина всегда были одной страной), взял одноразовую визу, хотя намеревался съездить из Крыма на Северный Кавказ, а для такого визита требовалась мультивиза, поскольку граница Украины пересекалась дважды. Конечно же, по возвращении в Крым Кристиан был задержан пограничной службой и оставлен в «накопителе» для дальнейшей отправки назад в Россию, где он должен был обратиться в посольство и получить положенную визу. Никогда не забуду этот растерянный и несколько удивленный вид Кристиана, прокомментировавшего ситуацию: «Александр, келль авантюр!» (дословно: «Александр, какое приключение!») и моментальную реакцию

Айбабина: «Какая авантюра!!! Тебя сейчас так заавантюрят!!!». Конечно, для такого человека как Кристиан, не существовало никаких границ.

Кристиан открыл нам Францию, ту Францию, которую мы с детства любили и знали по книгам французских классиков. Да и сам он был олицетворением героев Дюма – всех трех мушкетеров и д'Артаньяна – человек большой души, благородный и щедрый, неутомимо деятельный, со здоровой долей авантюризма. Таким он и останется в нашей памяти.

Э. А. Хайрединова

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / LIST OF ABBREVIATIONS

АДСВ	— Античная древность и средние века
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БИКАМЗ	— Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник
ВВ	— Византийский временник
ВДИ	— Вестник древней истории
ГАРК	— Государственный архив Республики Крым (Симферополь)
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ГИМ	— Государственный исторический музей (Москва)
ГИМ ОПИ	— Государственный исторический музей, отдел письменных источников (Москва)
ГНИМА	— Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева (Москва)
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной академии наук Украины (Киев)
ИА РАН	— Институт археологии Российской академии наук (Москва)
ИАК	— Известия Императорской Археологической комиссии
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской академии наук (Санкт-Петербург)
ИРНБУВ	— Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского НАН Украины (Киев)
ИТОИАЭ	— Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР (РАН)
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
НАГИАМЗХТ	— Научный архив Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь) Советская археология
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика
ОАК	— Отчет Императорской Археологической комиссии
ПИФК	— Проблемы истории, филологии, культуры
ПС	— Палестинский сборник
РА	— Российская археология
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГВИА	— Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
РО НА ИИМК	
РАН	— Рукописное отделение Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук (Санкт-Петербург)
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа
СПФРАН	— Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа

ФМД	—	Феодосийский музей древностей
ХСб	—	Херсонесский сборник
ЦГА Москвы	—	Центральный государственный архив города Москвы
BAR IS	—	British Archaeological Reports, International Series
DOP	—	Dumbarton Oaks Papers
JGS	—	Journal of Glass Studies
JRA	—	Journal of Roman Archaeology
NARA	—	National Archives and Records (Национальный архив США, отделение в г. Колледж Парк)
RCRF	Acta	
RGZM	—	Rei Cretariae Romanae Fautorum Acta

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Храпунов И.Н., Кульчар В., Иштванович Э., Стоянова А.А. Оружие сарматского времени в Крыму и в Альфёльде.....	5
Антипенко А.В., Лобода А.Ю. Исследование элементного состава металлических украшений из могильника Совхоз-10.....	25
Строков А.А. Фанагория в эпоху Великого переселения народов: первые радиоуглеродные даты, верификация и обсуждение.....	43
Суханов Е.В. Лепная керамика могильника римского времени Фронтное 3 (предварительная публикация).....	66
Казанский М.М. Древности степных кочевников постгуннского времени (середина V – середина VI в.) в Восточной Европе.....	90
Зинько В.Н., Зинько А.В. Основы планировочной структуры боспорского города Тиритакка в ранневизантийское время.....	168
Домжалский К., Смокотина А.В. Позднеримская и ранневизантийская краснолаковая керамика Тиритакки.....	188
Радочин В.Ю. Анализ антропологического материала из могильника у с. Лучистое (по результатам раскопок 2015, 2018 гг.).....	224
Голофаст Л.А., Мастыкова А.В. Стекланные браслеты из средневековых погребений в Горзувитах (Южный берег Крыма).....	244
Душенко А.А. Хозяйственная деятельность населения Мангупа: обзор источников.....	267
Завадская И.А., Кулькова М.А., Смекалова Т.Н. Опыт петрографического исследования средневековой черепицы Горного Крыма	283
Хайрединова Э.А. Деревянные гребни из Эски-Кермена.....	295
Пожидаев В.М., Лобода А.Ю., Камаев А.В., Яцишина Е.Б. Исследование древесины гребня для волос из раскопок городища на плато Эски-Кермен.....	313
Зиливинская Э.Д. Однокупольные мечети в Крымском ханстве.....	322
Сейдалиева Д.Э. Импортная глазуванная керамика золотоордынского периода из раскопок Солхатского городища и памятников его ближайшей округи (по материалам исследований 1978–2019 гг.).....	359
Сейдалиев Э.И. Предварительные итоги археологических исследований на золотоордынском поселении Тобен-Сарай в Центральном Крыму.....	391
Тесленко И.Б., Майко В.В. Итальянская майолика османского Судака.....	401

НУМИЗМАТИКА И СФРАГИСТИКА

Шонов И.В. Серебряные монетные выпуски Херсонеса Таврического 246–189 гг. до н. э.....	427
Алексеенко Н.А., Антипенко А.В. Находка субэратного гданьского орта Сигизмунда III в Юго-Западном Крыму.....	438

ИСТОРИЯ

Смекалова Т.Н. Обзор междисциплинарных исследований античной межевой системы хоры Херсонеса Таврического.....	449
Айбабин А.И. О дате подчинения Готии татаро-монголам.....	493
Сидоренко В.А. Принятие религии ислама Золотой Ордой и начальный этап дипломатических отношений между Берке и Бейбарсом по документальным сведениям Абд аз-Захира.....	513

Храпунов Н.И. Уильям Итон и его описание Крыма накануне присоединения к России	560
Конкин Д.В. Крымско-османские контакты и противодействие им российских властей накануне и во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг.	589
Степанова Л.Г. Экономические примечания о межевании Крыма в конце XVIII – первой половине XIX в.	605
Ломакин Д.А. К истории изучения Эски-Юрта в 20-е годы XX века	622
Ломакина М.А. Памятники Эски-Юрта в акварелях К. Ф. Богаевского.....	638
Прохоров Д.А., Латышева Е.В. Объекты культовой архитектуры иудейских общин Крыма в условиях борьбы с религией в 1920–1930-х годах.....	660
Непомнящий А.А. Восточный факультет Крымского госуниверситета им. М. В. Фрунзе: неизвестные страницы истории ВУЗа.....	691
Пашковский П.И., Крыжко Е.В., Щевелев С.С. Востоковедческие исследования М. Ф. Слинкина (к 95-летию учёного).....	704

РЕЦЕНЗИИ

Засецкая И.П. К вопросу об исследовательской этике (Рец. на: Клейн Л.С. Первый век: Сокровища сарматских курганов. – СПб.: Евразия, 2016. – 224 с.).....	720
Степаненко В.П. Рец. на: Митрофанов А.Ю. Император Алексей I Комнин и его стратегия. – СПб., 2020. – 276 с.	755

MEMORIA

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Кристиан Пиле (1942–2020). Памяти друга... ..	774
Список сокращений.....	781
Содержание.....	783

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

Khrapunov I.N., Istvánovits E., Kulcsár V., Stoianova A.A. The Weaponry from the Sarmatian Period in the Crimea and Alföld.....	5
Antipenko A.V., Loboda A.Yu. The Study of the Elemental Composition of Metal Jewelry from Sovkhoz-10 Cemetery.....	25
Strokov A.A. Phanagoria in the Great Migration Period: The First Radiocarbon Dates, Their Verification and Discussion.....	43
Sukhanov E.V. Handmade Pottery in the Roman Period Cemetery of Frontovoe 3 (A Preliminary Publication).....	66
Kazanski M.M. The Antiquities of the Steppe Nomads of the Post-Hunnic Period (Mid-Fifth to Mid-Sixth century) in Eastern Europe.....	90
Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. The Principles of the Planning Structure of the Bosporan City of Tyritake in the Early Byzantine Period.....	168
Domžalski K., Smokotina A.V. Late Roman and Early Byzantine Red Slip Ware from Tyritake.....	188
Radochin V.Yu. The Analysis of the Anthropological Material from the Cemetery near the Village of Luchistoe (According to the Results of 2015, 2018 Excavations).....	224
Golofast L.A., Mastykova A.V. The Glass Bangles from the Mediaeval Burials in Gorzubitai (the Southern Coast of the Crimea).....	244
Dushenko A.A. The Economic Activities of the Population of Mangup: A Review of Sources.....	267
Zavadskaya I.A., Kulkova M.A., Smekalova T.N. An Essay in Petrographic Analysis of the Mediaeval Roof Tiles from the Mountainous Crimea.....	283
Khairedinova E.A. Wooden Combs from Eski-Kermen.....	295
Pojidaev V.M., Loboda A.Yu., Kamaev A.V., Yatsishina E.B. A Study of the Wood of a Hair Comb Excavated at the Ancient Town atop Eski-Kermen Plateau.....	313
Zilivinskaya E.D. The Single-Domed Mosques in the Crimean Khanate.....	322
Seidalieva D.E. The Imported Glazed Ceramic Ware from the Golden Horde Period Excavated at Ancient Solkhat and the Sites in Its Vicinity (According to the Materials of 1978–2019 Researches).....	359
Seidaliyev E.I. Preliminary Results of the Archaeological Investigations at the Golden Horde Settlement of Toben-Sarai in the Central Crimea.....	391
Teslenko I.B., Mayko V.V. Italian Majolica Ware in Ottoman Sudak.....	401

NUMISMATIC AND SIGILLOGRAPHY

Shonov I.V. Silver Coin Issues of Tauric Chersonese in 246–189 BC.....	427
Alekseienko N.A., Antipenko A.V. The Find of a Suberate Gdansk Ort of Sigismund III in the South-Western Crimea.....	438

HISTORY

Smekalova T.N. A Review of Interdisciplinary Researches of the Ancient Land Division system at the Chora of Tauric Chersonese.....	449
Aibabin A.I. On the Date when the Mongol Tatars Subjugated Gothia.....	493
Sidorenko V.A. The Golden Horde's Conversion to Islam and the Initial Stage of the Diplomatic Relation between Berke and Baibars according to Abd az-Zahir's Documentary Account.....	513
Khrapunov N.I. William Eton and His Account of the Crimea on the Eve of Its Unification with Russia.....	560

Konkin D.V. The Crimean-Ottoman Contacts and the Russian Authorities' Reaction on the Eve and during the Russian-Turkish War of 1806–1812.....	589
Stepanova L.G. The economic commentaries on the land division in the Crimea in the late eighteenth and the first half of the nineteenth centuries.....	605
Lomakin D.A. On the History of Researches on Eski-Yurt in the 1920s.....	622
Lomakina M.A. The Monuments of Eski-Yurt on K. F. Bogaevskii's Watercolours.....	638
Prokhorov D.A., Latysheva E.V. The Sacral Architecture Monuments of Crimean Judaic Communities under the Condition of Anti-Religious Campaign in the 1920s–1930s.....	660
Nepomniashchy A.A. The Eastern Faculty of the M. V. Frunze Crimean State University: The Unknown Pages in the University History.....	691
Pashkovsky P.I., Kryzhko E.V., Shchevelev S.S. M.F. Slinkin's Oriental Studies (To the 95th Anniversary of the Researcher).....	704

REVIEW

Zasetskaya I.P. To the Question of the Researcher's Ethics (Review of: Klein L.S. <i>Pervyi vek: Sokrovishcha sarmatskikh kurganov</i> . Saint Petersburg, Evrazia Publ., 2016, 224 p.).....	720
Stepanenko V.P. Review of: Mitrofanov A.Yu. <i>Imperator Aleksei I Komnin i ego strategii</i> . Saint Petersburg, Dukhovnaia Akademiia Publ., 2020, 280 p.....	755

MEMORIA

Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Christian Pilet (1942–2020). In Memory of Our Friend... ..	774
List of Abbreviations.....	781
Content.....	783

Научное издание

Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

Вып. XXV

Перевод на английский: *Н.И. Храпунов*

Корректор: *С.И. Власова*

Компьютерная верстка: *В.С. Смирнова*

Издательство:

ООО «Соло-Рич»

295000, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Пушкина, 9, оф. 89

тел.: +7 (978) 817 39 39, +7 (978) 817 05 50, +7 (978) 722 63 66

e-mail: solo-88888@yandex.ru

www.design-solo.ru

Отпечатано в ООО «Прондо»

109316, Москва, ул. Волгоградский пр-т, д.45, офис 542

тел.: +7 (977) 805-63-95

Подписано в печать: 1.12.2020 г.

Выход в свет: 17.12.2020 г.

Формат 70x100 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 64.03

Тираж 200 экз. Заказ № 33

Распространяется бесплатно

Представитель типографии ООО «Прондо»

в Республике Крым:

ООО «Соло-Рич»

295000, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Пушкина, 9, оф. 89

тел.: +7 (978) 817 39 39, +7 (978) 817 05 50, +7 (978) 722 63 66

e-mail: solo-88888@yandex.ru

www.design-solo.ru